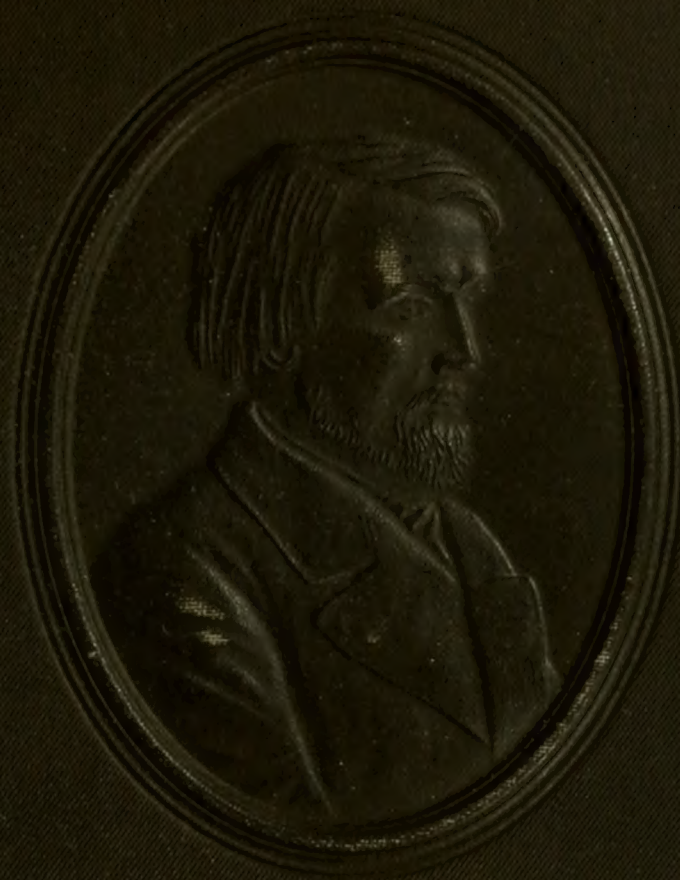

3 1761 08821268 3

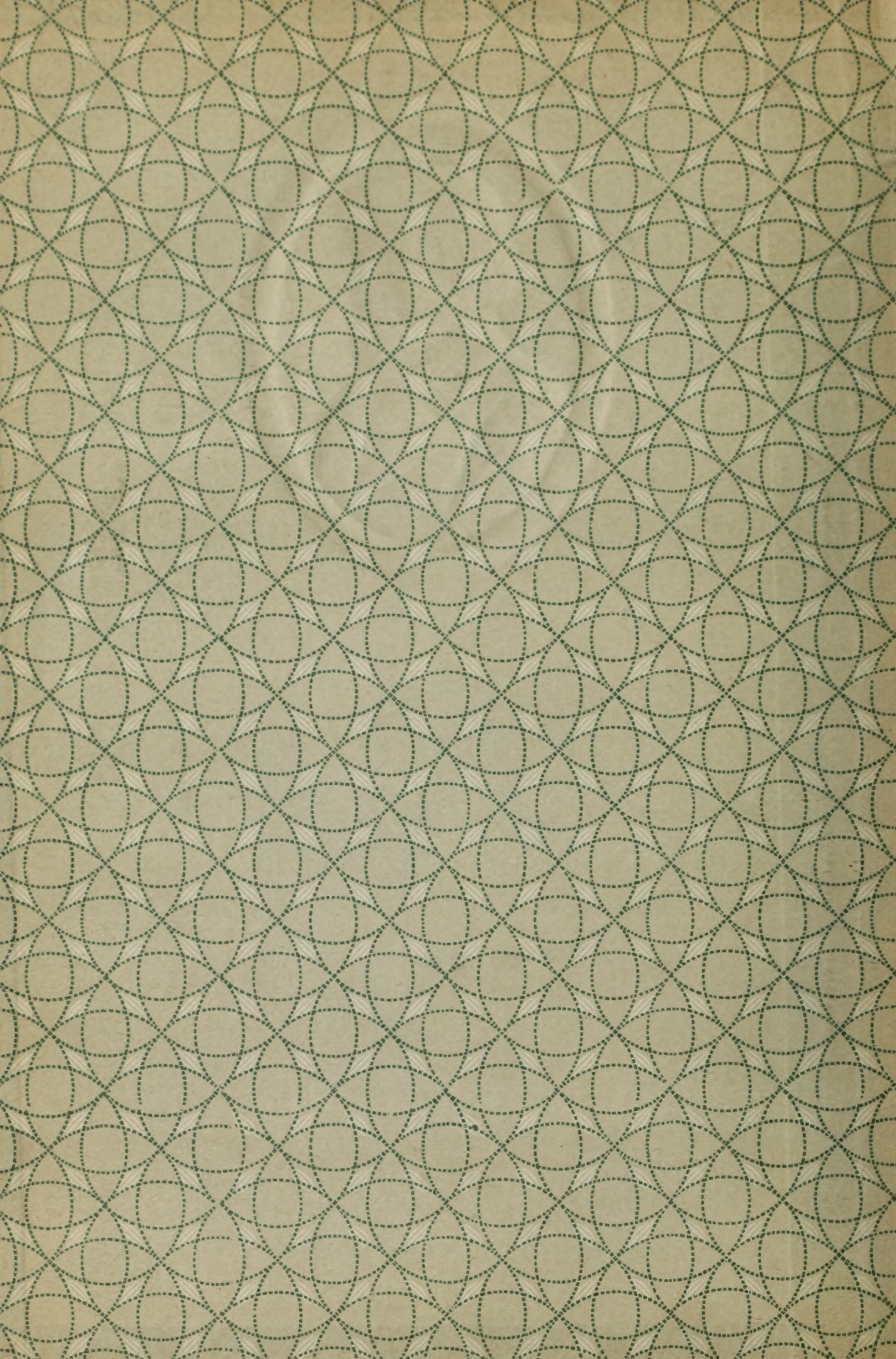

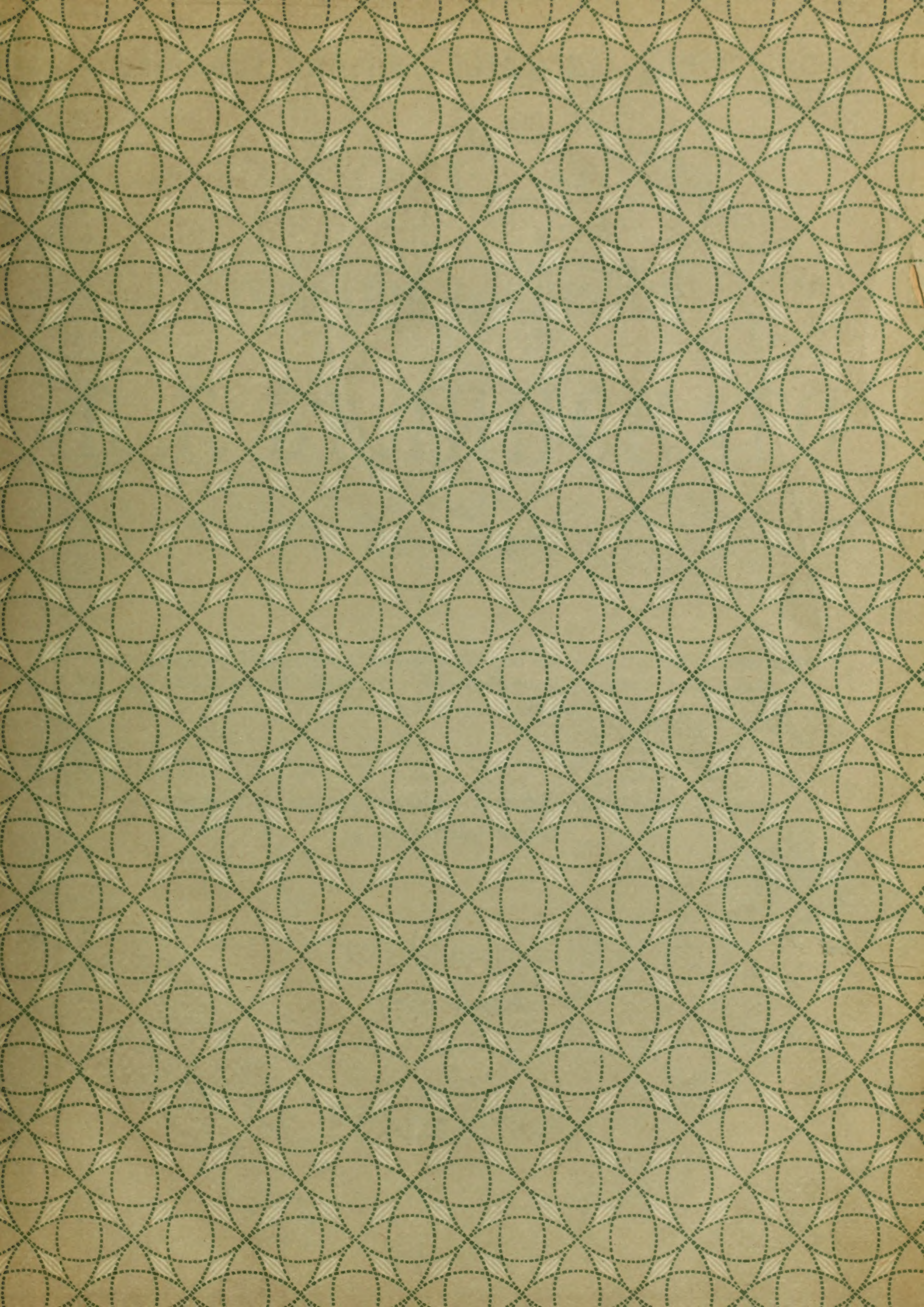
СОЧИНЕНІЯ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

(БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ КРИТИКОВЪ.

I)

Sobranie sochineny
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей **Иванова-Разумника**, съ его вступительными замѣтками
къ каждой статьѣ Бѣлинскаго, примѣчаніями и историко-критическимъ
и біографическимъ очеркомъ.

Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго и именного алфавитнаго указателя
ко всѣмъ тремъ томамъ.

v. 3
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1846—1848.

(Ed. 2.)
Изданіе второе.

Спб.—1913.

462772
6.6.47

БИБЛИОТЕКА РАССКИХЪ КНИЖНОВЪ

I.

СОБРАНИЕ СОПОВЕЩАНИИ

В. Л. БРДННСКАТО

4394

ОПИСАНИЕ ПОДРОБНОЕ ПЛАНИРОВАНИЯ И КАРТЫ КРАСНОГО РАЙОНА

ТОМЪ ТРЕТИЙ

1846—1848.

Наставление второе.

Спб. 1848.

56. Сочиненія Александра Пушкина.

Одиннадцать томовъ. Спб. 1838—1841.

Когда Бѣлинскій, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, вступалъ на литературно-критическое поприще—Пушкинъ подходилъ уже къ концу своего жизненнаго пути. Это время—начало тридцатыхъ годовъ—было періодомъ охлажденія „толпы“ къ Пушкину, и Бѣлинскій, какъ мы это видѣли изъ его первыхъ статей (т. I, ст. №№ 1, 3, 6, 7 и др.), не избѣгъ этой общей участи и раздѣлялъ мнѣніе большинства о „паденіи таланта“ Пушкина.

Уже въ это время Бѣлинскій собирался писать о Пушкинѣ статью или рядъ статей; первое указаніе на это мы встрѣчаемъ еще въ 1835 году (см. т. I, стр. 205). Но вскорѣ послѣ этого погибъ журналъ „Телескопъ“, въ которомъ работалъ тогда Бѣлинскій и его литературная дѣятельность прервалась на полтора года—съ осени 1836-го до весны 1838 года, когда вышелъ первый номеръ „Московского Наблюдателя“ редакціи Бѣлинскаго и его друзей. Впрочемъ и въ этомъ промежуткѣ вынужденнаго перерыва Бѣлинскій не оставлялъ мысли писать о Пушкинѣ; въ письмѣ къ М. Бакунину отъ 1 ноября 1837 года онъ сообщаетъ между прочимъ: „скоро примусь за статью о Пушкинѣ; это должно быть лучшею моею критическою статьею“. Хотя и это намѣреніе осталось невыполненнымъ, но все же въ первомъ же номерѣ „Московского Наблюдателя“ за 1838 г. Бѣлинскій дѣйствительно помѣстилъ статейку о посмертныхъ произведеніяхъ Пушкина; въ настоящемъ изданіи она помѣщена подъ № 11 (т. I). Какъ ни незначительна эта статейка, но въ ней уже ясно сказанъ переломъ и философскихъ воззрѣній Бѣлинскаго и его взглядовъ на Пушкина. Ревностный неопытъ гегеліанства, поклонникъ „разумной дѣйствительности“, объективной разумности міра и жизни—Бѣлинскій увидѣлъ въ Пушкинѣ величайшаго поэта „дѣйствительности“ въ этомъ

смыслѣ; кромѣ того Бѣлинскій сумѣлъ оцѣнить теперь „художественную“ сторону значенія Пушкина. Первая изъ этихъ мыслей при дальнѣйшей эволюціи Бѣлинскаго подверглась значительному измѣненію, а вторая—о „художественномъ“ значеніи Пушкина—стала лейтъ-мотивомъ настоящихъ „пушкинскихъ статей“. Въ письмѣ къ Станкевичу (отъ сент.—окт. 1839 года) Бѣлинскій, какъ бы резюмируя отдѣльныя мѣста своихъ статей 1838—1839 гг., особенно подчеркнул и эту „художественность“ Пушкина и его „міровое“ значеніе: „...Шиллеру до Пушкина—далеко кулику до Петрова дня. Какая полная *художественная* натура!.. Нѣтъ, пріятель, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами—тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра!“

Здѣсь достигается апогея преклоненіе Бѣлинскаго предъ Пушкинымъ. Если въ указанной выше статейкѣ 1838 года Бѣлинскій еще находилъ, что „какъ поэтъ Пушкинъ принадлежитъ къ міровымъ, *хотя и не высшимъ* степеннымъ геніямъ“ (т. I, стр. 414), то въ статьяхъ 1839—1841 годовъ мы уже не находимъ подобной оговорки. Наоборотъ, въ одной изъ статей начала 1839 года („Русскіе журналы“, „Моск. Набл.“ 1839 г., № 4) Бѣлинскій восторженно повторяетъ слова Каткова: „какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ“... Эти строки—прибавляетъ Бѣлинскій—...составляютъ одну изъ самыхъ основныхъ опоръ нашей внутренней жизни, одно изъ самыхъ пламеннѣйшихъ вѣрованій, которыми живетъ духъ нашъ“... И это восторженное отношеніе къ Пушкину продолжало быть „основной опорой внутренней жизни“ Бѣлинскаго вплоть до періода его духовнаго кризиса 1840—1841 гг., когда всѣ опоры рушились, когда твердая почва вѣры въ объективную

разумность міра ушла изъ-подъ ногъ Бѣлинскаго. Именно къ этому времени относится начало охлаждения Бѣлинскаго къ Пушкину: поэзія его перестала „консонировать“ душѣ Бѣлинскаго, впервые глубоко пораженной и измученной нестерпимыми диссонансами бытія; „пафосъ“ поэзіи Пушкина — ясное, солнечное художественное „пріятіе міра“ — пересталъ быть родственнымъ и понятнымъ Бѣлинскому, которому теперь стала ближе, роднѣе непримиримая и мучительная поэзія Лермонтова (см. ст. №№ 23—24).

Мы знаемъ, чѣмъ и какъ разрѣшился этотъ духовный кризисъ: Бѣлинскій нашелъ спасеніе на почвѣ вѣры въ прогрессъ, на почвѣ „соціальности“, общественности. На этой почвѣ укрѣпилось то пониманіе Бѣлинскимъ поэзіи Пушкина, которое мы найдемъ въ настоящихъ „пушкинскихъ статьяхъ“. Мы не увидимъ въ нихъ прежняго пылкаго обожанія Пушкина, превознесенія его выше всѣхъ поэтовъ, наименованія его „Шекспиромъ новаго міра“; наоборотъ, начиная съ 1841—1842 года Бѣлинскій отказывается отъ прежней своей мысли, что Пушкинъ — „мировой“ поэтъ: впервые это выражено Бѣлинскимъ въ обзорѣ русской литературы за 1841 г. (ст. № 33). „Пушкинъ обладалъ міровою творческою силою, — говоритъ тамъ Бѣлинскій: — по формѣ, онъ соперникъ всякому поэту въ мірѣ, но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ“... Причину этого Бѣлинскій видитъ въ неразвитости историческаго и общественнаго уклада русской жизни, ибо „поэту принадлежитъ форма, а содержаніе — исторіи и дѣйствительности его народа“. И въ статьѣ 1842 г. о „Рѣчи“ Никитенко (№ 40) Бѣлинскій снова повторяетъ эти свои мысли; онъ подчеркиваетъ великое художественное значеніе Пушкина, заслонившее собою отъ самого поэта общественное содержаніе его поэзіи. „Пушкинъ — говоритъ онъ — художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство, и, быть можетъ, его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество“... Пушкинъ, — повторяетъ Бѣлинскій нѣсколькими строками ниже, — „былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ“...

Насколько въ настоящее время можно согласиться съ такими мнѣніями Бѣлинскаго — объ этомъ мы скажемъ ниже; теперь достаточно только указать на нихъ ¹⁾. Съ такими

взглядами вплотную подошелъ, наконецъ, Бѣлинскій къ давно задуманнымъ и давно обѣщаннымъ статьямъ о Пушкинѣ. Преклоняясь предъ художественной мощью этого поэта, Бѣлинскій именно эту *художественность* поставилъ во главу угла настоящихъ своихъ статей, онъ сдѣлалъ Пушкина главнымъ выразителемъ теоріи „искусства для искусства“ и назвалъ эту теорію уже миновавшимъ фазисомъ развитія русской литературы, русскаго сознанія; онъ связалъ этотъ миновавшій фазисъ съ условіями соціальнаго развитія Россіи и увидѣлъ въ Пушкинѣ „идеолога дворянства“, выражаясь современными терминами. И все это — на фонѣ восторженнаго восхищенія красотой и художественной мощью поэзіи Пушкина; восхищеніе это оставалось неизмѣннымъ съ начала и до конца этихъ „пушкинскихъ статей“, съ 1843-го до 1846 года, хотя въ другихъ отношеніяхъ Бѣлинскій за это время все болѣе и болѣе охлаждѣвалъ къ Пушкину. Два-три примѣра: въ началѣ 1841 года, въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова (№ 24) Бѣлинскій говорилъ о Пушкинѣ, что „во всѣхъ томахъ его произведеній едва-ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово“; а три года спустя, въ обзорѣ русской литературы за 1844 годъ (№ 49), одновременномъ съ восьмой-девятой изъ настоящихъ „пушкинскихъ статей“, Бѣлинскій подвергаетъ придирчивому и несправедливому анализу со стороны слога прелестное посланіе Пушкина къ Языкову, находя неточными, слабыми и непонятными такія выраженія, какъ „удалое посланіе“, „молодое буйство“, „разымчивая, хмельная брага“, свободная жажда“. Другой примѣръ: прежде Бѣлинскій видѣлъ въ Пушкинѣ не только колоссальный творческій даръ, но и великую умственную силу, а подъ конецъ своихъ „пушкинскихъ статей“, въ 1846 г., онъ указываетъ на Пушкина и на Гоголя какъ на примѣръ „художественныхъ натуръ“, у которыхъ „умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію; и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди — ограничены и чуть не глупы“... (письмо къ Герцену отъ 6 апрѣля 1846 года). Какъ ни несправедливо подобное отношеніе къ Пушкину — въ которомъ даже мало компетентный въ этомъ Николай I видѣлъ „самаго умнаго человѣка въ Россіи“, — однако характерно здѣсь прежнее преклоне-

терій“ творчества Пушкина былъ по существу повтореніемъ аналогичныхъ мыслей Полевого, высказанныхъ еще въ началѣ 30-хъ годовъ и вызывавшихъ ранѣе рѣзкій отпоръ со стороны Бѣлинскаго (см. т. I, стр. 678—682). Особенно ясно сказалось вліяніе мыслей Полевого на пониманіе Бѣлинскимъ „Бориса Годунова“, какъ мы это еще отмѣтимъ ниже.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что этотъ „общественный кри-

ние Бѣлинскаго передъ „художественностью“ натуры Пушкина; въ этомъ, повторяемъ, заключается лейтъ-мотивъ его настоящихъ „пушкинскихъ статей“. Мы подробно остановимся на этихъ статьяхъ, которыми Бѣлинскій навсегда, неразрывно связалъ свое имя съ именемъ Пушкина.

Непосредственнымъ введеніемъ къ этимъ статьямъ явилась статья о Державинѣ (№ 44), какъ это мы уже указывали во вступительной замѣткѣ къ ней. Но это введеніе было, такъ сказать, введеніемъ „отъ-противнаго“: Бѣлинскій доказывалъ, что Державинъ не былъ „поэтомъ-художникомъ“; въ Пушкинѣ же, наоборотъ, Бѣлинскій видѣлъ по преимуществу поэта-художника. Какимъ образомъ сталъ возможенъ въ русской литературѣ поэтъ-художникъ?—вотъ вопросъ, который Бѣлинскій рѣшаетъ въ первой, второй и третьей изъ настоящихъ статей. Рѣшеніе это — историко-литературное: Бѣлинскій перебрасываетъ мостъ отъ Державина къ Пушкину, характеризуя сперва писателей XVIII вѣка, одновременныхъ Державину, а затѣмъ Карамзину, Жуковского и Батюшкова, какъ непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина въ томъ или иномъ отношеніи. Все это вмѣстѣ должно было составить, по мысли Бѣлинскаго, обширную „критическую исторію русской поэзіи“ (см. конецъ статьи четвертой)—т.-е. главнѣйшую часть той „Критической исторіи русской литературы“, надъ которой Бѣлинскій работалъ, начиная съ 1841 года и которую онъ такъ и не написалъ въ видѣ цѣльной книги. Но это и не существенно: въ рядѣ разрозненныхъ статей Бѣлинскаго мы имѣемъ цѣльную и единственную въ своемъ родѣ исторію русской литературы; въ статьяхъ этихъ (№№ 33, 40, 44, 52 и 56) впервые была вскрыта внутренняя связь, внутреннее развитіе русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Пушкина включительно. Изучая это развитіе, Бѣлинскій окончательно отказался отъ своего ошибочнаго и не-историческаго взгляда на безсвязность явленій русской литературы; еще въ 1840 году Бѣлинскій настаивалъ на прежнемъ своемъ тезисѣ—„у насъ нѣтъ литературы“ — и спрашивалъ: „гдѣ ея историческое развитіе? Скажите, въ какомъ отношеніи находятся между собою эти поэты — Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ? Докажите, что Жуковский непременно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде, Озеровъ и Батюшковъ—не прежде ихъ обоихъ! Нѣтъ, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ самъ по себѣ и отъ себя, независимо отъ прошедшаго, не спрашиваясь у настоящаго“... (т. I, ст. № 26). Мы знаемъ, что къ 1842—1843 году Бѣлинскій отказался отъ этой ошибочной точки зрѣнія (см. т. II, ст. № 29);

онъ призналъ, что въ русской литературѣ есть исторія, есть внутреннее развитіе — и подробно остановился на изученіи этого развитія въ настоящихъ „пушкинскихъ статьяхъ“. Во второй изъ настоящихъ статей, какъ бы отвѣчая самому себѣ на приведенное выше мнѣніе 1840 года, Бѣлинскій доказываетъ, что „явленіе Жуковского вскорѣ послѣ Карамзина очень понятно и вполне согласно съ законами постепеннаго развитія литературы, а черезъ нее и общества“. Еще подробнѣе и общнѣе говоритъ объ этомъ Бѣлинскій во введеніи къ настоящимъ статьямъ: „наблюдая за ходомъ отечественной литературы, мы, естественно, часто должны были въ прошедшемъ отыскивать причины настоящаго и прозрѣвать въ историческую связь явленій. Чѣмъ болѣе думали мы о Пушкинѣ, тѣмъ глубже прозрѣвали въ живую связь его съ прошедшимъ и настоящимъ русской литературы и убѣждались, что писать о Пушкинѣ—значитъ писать о цѣлой русской литературѣ: ибо какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утѣшительна: она показываетъ, что, несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдственно у нея есть исторія“... Основныя вѣхи этой исторіи Бѣлинскій и намѣчаетъ въ настоящихъ статьяхъ, задавая цѣлью „проложить другимъ дорогу тамъ, гдѣ еще не протоптано и тропинки“. И несмотря на частичныя ошибки и заблужденія (которые мы отмѣчаемъ въ примѣчаніяхъ къ тексту статей), дорога, проложенная Бѣлинскимъ, до сихъ поръ остается и навсегда останется не минуемой для всякаго историка русской литературы.

Обратимся къ этимъ главнымъ вѣхамъ нашего литературнаго развитія, намѣчаемымъ въ настоящихъ статьяхъ Бѣлинскимъ — къ Карамзину и Жуковскому, т.-е. сентиментализму и романтизму, которые пришли на смѣну ложно-классицизму XVIII-го вѣка. О Карамзинѣ и отношеніи къ нему Бѣлинскаго намъ уже приходилось говорить въ предыдущихъ замѣткахъ (см. т. II, ст. № 33) и еще придется ниже, когда мы будемъ говорить о пониманіи Бѣлинскимъ „Бориса Годунова“; во второй изъ настоящихъ статей Бѣлинскій подробно развиваетъ тѣ мысли о Карамзинѣ, которыя онъ высказалъ еще въ 1834 и 1841 гг. въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ и въ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ (см. т. I, стр. 47—54 и т. II, стр. 260—265). Но теперь Бѣлинскій вноситъ и много новаго въ свое пониманіе значенія Карамзина: прежде онъ обращалъ главное вниманіе на его стилистическую реформу, теперь же онъ показываетъ зависимость этой внѣшней перемѣны отъ

болѣе глубокихъ, внутреннихъ причинъ; по великолѣпному слову Бѣлинскаго „галлицизмъ выраженій“ Карамзина былъ только слѣдствіемъ „галлицизма мыслей“ его, ибо „новыя идеи — естественно требовали и новаго языка“. Эти новыя идеи — человѣчность, „жизнь сердца“, вообще все то, что объединяется терминомъ „сентиментализмъ“; сущность этого теченія впервые была такъ подробно изслѣдована Бѣлинскимъ.

Еще подробнѣе остановился онъ на Жуковскомъ. Хотя Бѣлинскій и считалъ его первымъ представителемъ русскаго романтизма и даже заявлялъ, въ полемикѣ съ Шевыревымъ, свой приоритетъ въ выраженіи и развитіи этой мысли (см. ст. № 46), однако еще настойчивѣе указывалъ Бѣлинскій на *сентиментальныя черты романтизма Жуковского*. Мысль эта только недавно стала безусловно признанной (послѣ появленія въ 1904 году монографіи А. Н. Веселовскаго „В. А. Жуковскій“); а между тѣмъ эту мысль Бѣлинскій не уставалъ твердить съ самаго начала своей критической дѣятельности. Еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій указывалъ на „одностороннюю мечтательность“ Жуковского и на то, что „у него часто подъ самыми роскошными формами скрываются какъ будто *карамзинскія идеи*“ (т. I, стр. 56). Полугодомъ позже, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ Бѣлинскій еще опредѣленнѣе подчеркнул, что „Жуковскій ввелъ литературный *мистицизмъ*, который состоялъ въ *мечтательности*, соединенной съ ложнымъ *фантастическимъ*, но который въ самомъ-то дѣлѣ былъ не что иное, какъ нѣсколько возвышенный, улучшенный и подновленный *сентиментализмъ*“ (т. I, стр. 115). Эта блестящая характеристика остается и до сихъ поръ справедливой, хотя самъ Бѣлинскій иногда противорѣчилъ ей, заявляя, напримѣръ, что Карамзинъ никогда не былъ поэтомъ „и, слѣдственно, на Жуковского, какъ поэта, никакого вліянія имѣть не могъ“ (статья „Литературное объясненіе“, въ „Моск. Набл.“ 1838 г.). Однако такое утвержденіе оказалось случайнымъ, высказаннымъ въ пылу полемики — и Бѣлинскій болѣе къ нему не возвращался. Онъ пришелъ къ мысли видѣть въ Жуковскомъ представителя русскаго романтизма и впервые развили эту мысль въ началѣ 1840 года (см. т. I, стр. 673—678); но при этомъ онъ продолжалъ повторять свою мысль о карамзинскихъ вліяніяхъ въ поэзіи Жуковского. Въ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ Бѣлинскій подробно остановился на Жуковскомъ; снова подчеркивая тамъ введеніе имъ романтизма въ русскую литературу, Бѣлинскій по-прежнему указываетъ на „однообразно-унылое чувство“ его поэзіи, которое „нерѣдко похо-

дитъ на чувствительность“ (т. II, стр. 268—274). Наконецъ, въ статьѣ о Баратынскомъ, написанной уже въ концѣ 1842 года, Бѣлинскій опять и опять повторяетъ эти два своихъ мнѣнія — о введеніи Жуковскимъ романтизма и въ то же время о сентиментализмѣ его: „Жуковскій былъ не больше, какъ даровитый ученикъ Карамзина, шагнувшій дальше своего учителя“, говоритъ тамъ Бѣлинскій (т. II, ст. № 41). Всѣ эти мысли Бѣлинскій сконцентрировалъ и окончательно развили во второй изъ настоящихъ „пушкинскихъ статей“. Онъ указываетъ здѣсь, что Жуковскій является „однимъ изъ знаменитѣйшихъ“ дѣятелей *карамзинскаго періода* русской литературы, что въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Жуковскій „является писателемъ, совершенно подчиненнымъ вліянію Карамзина“, что его складъ ума, взглядъ на предметы, характеръ слога и языка — чисто карамзинскіе. Эта глубоко вѣрная мысль Бѣлинскаго о *сентиментализмѣ Жуковского* почему-то осталась незамѣченной послѣдующими историками русской литературы; во всякомъ случаѣ на нее до послѣдняго времени не обращали серьезнаго вниманія, усиленно подчеркивая другую указанную Бѣлинскимъ сторону — *романтизмъ поэзіи Жуковского*.

Начиная съ двадцатыхъ годовъ, не прекращались въ русской литературѣ споры о „романтизмѣ“, и Бѣлинскій не одинъ разъ возвращался къ характеристикѣ этого спора и къ выясненію встрѣчающихся въ немъ понятій и терминовъ (см., напр., статьи №№ 18, 30 и мн. др.). Но только во второй изъ настоящихъ статей, разбирая подробно поэзію Жуковского, Бѣлинскій вплотную подошелъ къ вопросу о томъ, *что такое романтизмъ* и далъ рѣшеніе этого вопроса. Впервые романтизмъ былъ опредѣленъ такъ глубоко: не какъ литературное теченіе, а какъ психологическая категорія и система міровоззрѣнія. Романтизмъ, по Бѣлинскому, есть „внутренній міръ души человѣка“, въ глубинѣ и основѣ котораго неизбѣжно лежитъ *мистицизмъ*. При такомъ широкомъ опредѣленіи ¹⁾ Бѣлинскій неизбѣжно долженъ былъ найти *романтизмъ* даже въ *древне-греческомъ мірѣ*, что нѣкоторымъ казалось страннымъ по причинамъ чисто терминологическимъ; а между тѣмъ только именно такое обобщенное опредѣленіе проникаетъ въ самую глубь вопроса о романтизмѣ. Опредѣленіе это не было достаточно

¹⁾ См. подробное развитіе его въ книгѣ пишущаго эти строки — „Ист. русск. общ. мысли“, т. I, гл. II. О романтизмѣ см. еще указанную выше монографію А. Н. Веселовскаго, а также статьи С. Аскольдова „О романтизмѣ“ („Вопросы жизни“, 1905 г.) и С. Адриана „Что такое романтизмъ“ („Вѣстникъ самообразованія“, 1904 г.).

оцѣнено въ свое время, и только сравнительно недавно были сдѣланы попытки вернуться къ точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго.

Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій приступилъ къ характеристикѣ „романтической“ поэзіи Жуковскаго. Онъ не замѣтилъ, что у Жуковскаго нѣтъ главнаго, основнаго, имъ же, Бѣлинскимъ, указаннаго признака романтическаго міропониманія—мистицизма, что его романтизмъ есть псевдо-романтизмъ, что мистицизмъ замѣненъ у него разсудочнымъ пие-тизмомъ; Бѣлинскій недостаточно оцѣнилъ вѣсь имъ же самымъ указанныхъ сентименталистическихъ вѣяній въ якобы „романтическомъ“ творествѣ Жуковскаго. Но тѣмъ характернѣе рѣзкая отрицательная критика Бѣлинскимъ „фантастическихъ“ балладъ этого поэта: Бѣлинскій ясно вскрылъ всю неубѣдительность, всю реалистичность этой надуманной фантастики. Однако цѣль этой критики у него была другая: не псевдо-романтизмъ Жуковскаго хотѣлъ обрисовать Бѣлинскій, но нападалъ на всякій романтизмъ вообще, во имя и во славу реалистическаго міропониманія. Мы уже не одинъ разъ указывали въ предыдущихъ вступительныхъ замѣткахъ, что послѣ кризиса 1840—1841 года Бѣлинскій сталъ въ рѣзкую оппозицію былымъ своимъ романтическимъ настроеніямъ (см. т. I, стр. 735); во второй изъ настоящихъ статей мы находимъ окончательное сведеніе счетовъ Бѣлинскаго съ отнынѣ ненавистнымъ ему „романтизмомъ“, подъ которымъ Бѣлинскій будетъ теперь понимать мистицизмъ, фантастику, всякую „мечтательность“ и всякаго рода попытку уйти чувствомъ или мыслью изъ окружающаго насъ міра дѣйствительности. Теперь Бѣлинскій считаетъ такой романтизмъ отжившимъ свое время: „XVIII вѣкъ — говоритъ онъ — дорѣзалъ его радикально. Этотъ умнѣйшій и величайшій изъ всѣхъ вѣковъ былъ особенно страшенъ для среднихъ вѣковъ“... Это восхищеніе вѣкомъ раціонализма очень характерно для Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ; въ тридцатыхъ годахъ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ изъ его статей 1838—1840 гг., ненавидѣлъ этотъ наиболѣе позитивный изъ всѣхъ вѣковъ. Теперь Бѣлинскій, восторгаясь Шиллеромъ, отрицательно относится къ „романтическимъ“ сторонамъ его творчества; повторяя свое прежнее сравненіе Гёте съ Шиллеромъ, высказанное еще въ статьѣ о стихотвореніяхъ Баратынскаго (т. II, ст. № 41), Бѣлинскій провозглашаетъ, что „геній Шиллера ничѣмъ не ниже генія Гёте“, что „мысль считать Шиллера ниже Гёте—и нелѣпа, и устарѣла“; но тутъ же онъ высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ „романтическимъ“ балладамъ Шиллера, сожалѣетъ, что столько пушечныхъ зарядовъ таланта потрачено по во-

робьямъ, и объясняетъ эту сторону творчества Шиллера—„невольной данью своей національности“, „которой умственную жизнь составляетъ теорія, созерцаніе, мистицизмъ и фантазерство“. Это отношеніе къ нѣмцамъ, къ Шиллеру, къ романтизму—опять-таки крайне характерно для Бѣлинскаго начала сороковыхъ годовъ, какъ мы это уже не одинъ разъ отмѣчали въ двухъ предыдущихъ томахъ (см., напр., т. I, стр. 735 и др.). И чѣмъ дальше, тѣмъ это отношеніе Бѣлинскаго къ романтизму становилось все отрицательнѣе и рѣзче, такъ что въ седьмой изъ настоящихъ статей, написанной въ 1844 году, Бѣлинскій уже опредѣляетъ романтическое, какъ „все неточное, неопредѣленное, сбивчивое, неясное, бѣдное положительнымъ смысломъ при богатствѣ кажущагося смысла“. Мы увидимъ еще, какъ беспощадно расправился Бѣлинскій съ такимъ „романтизмомъ“ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1847 годъ. Теперь, въ 1843 году, во второй изъ „пушкинскихъ статей“, онъ еще не порываетъ всѣхъ связей съ „романтизмомъ“, и хотя рѣзко возстаетъ, во имя реалистическаго міропониманія, противъ „мистицизма и фантазерства“, однако признаетъ все-таки желательность синтеза между *личнымъ* и *общимъ*, т.-е. между „романтикой“, внутренней, душевной стороной сердца, и реалистическимъ міровоздѣйствіемъ, „выходящимъ изъ сферы индивидуальности и личности“. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій подчеркиваетъ и значеніе Жуковскаго, въ поэзіи котораго впервые зазвучали мотивы „романтики сердца“, индивидуальнаго преломленія жизни; это было неизбежной ступенью къ поэзіи Пушкина. „Жуковский былъ первымъ поэтомъ на Руси, котораго поэзія вышла изъ жизни“, — ~~замечаетъ~~ ^{замечаетъ} Бѣлинскій и переходитъ къ Батюш-кову.

Почти вся третья статья посвящена этому поэту, подробному анализу его творчества, и статью эту и въ слѣдующія въ переработанномъ видѣ вошла значительная часть изъ статьи о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте, какъ мы это указывали въ своемъ мѣстѣ (т. II, стр. 197 и сл.; о Батюшковѣ см. также т. I, стр. 103—104). Мы не будемъ поэтому останавливаться подробно на характеристикѣ Бѣлинскимъ Батюшкова; достаточно указать, что въ этомъ поэтѣ онъ справедливо видитъ дальнѣйшую ступень развитія русской поэзіи, непосредственно ведущую къ поэзіи Пушкина. „Что Жуковский сдѣлалъ для содержаній русской поэзіи, то Батюшковъ сдѣлалъ для ея формы: первый вдохнулъ въ нее душу живую, второй далъ ей красоту идеальной формы“, — говоритъ Бѣлинскій и видитъ въ Батюшковѣ непосредственнаго предшественника Пушкина въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ под-

ходить Вѣлинскій къ Пушкину и обращается къ нему въ четвертой изъ настоящихъ статей.

Съ тѣхъ поръ — съ 1843 года — о Пушкинѣ создавалась цѣлая литература, стало извѣстнымъ неизвѣстное Вѣлинскому, а потому неудивительно, что цѣлый рядъ фактическихъ указаний Вѣлинскаго о стихотвореніяхъ Пушкина является ошибочнымъ. Но, разумѣется, дѣло не въ этихъ неизбежныхъ въ то время ошибкахъ, которыя мы будемъ отмѣчать въ примѣчаніяхъ къ тексту, а въ общемъ взглядѣ Вѣлинскаго на всю сумму поэтического творчества Пушкина. Прошло почти три четверти вѣка послѣ этого критическаго анализа стихотвореній Пушкина въ четвертой и пятой изъ настоящихъ статей Вѣлинскаго — и до сихъ поръ этотъ анализъ остался *единственнымъ*, оцѣнивающимъ и группирующимъ лирическія произведенія нашего великаго поэта. Съ тѣмъ болѣе вниманіемъ должны мы отнестись къ этимъ критическимъ взглядамъ Вѣлинскаго и къ его пониманію и освѣщенію пушкинскаго творчества.

Въ четвертой статьѣ Вѣлинскій нѣскольکو группируетъ и оцѣниваетъ лицейскія стихотворенія Пушкина и послѣдующія его стихотворенія 1818—1825 гг., болѣшая часть которыхъ отнесена Вѣлинскимъ къ числу „переходныхъ“; цѣль этой четвертой статьи — показать связь поэзіи Пушкина съ поэзіей его предшественниковъ. Только съ пятой статьи, появившейся уже въ 1844 году, Вѣлинскій начинаетъ критическій анализъ творчества Пушкина во всемъ его расцвѣтѣ; а потому статья эта и начинается обширнымъ введеніемъ о критикѣ и объ ея задачахъ. Мысли эти давно занимали Вѣлинскаго и иногда онъ посвящалъ ихъ развитію обширныя статьи (см., напр., т. I, ст. № 13; т. II, ст. № 40); здѣсь онъ съ особенной яркостью формулируетъ эти свои мысли въ нѣсколько ~~цѣлыхъ~~ формахъ. Онъ подробно развиваетъ теорію критическаго *вчувствованія* — такъ слѣдуетъ назвать его теорію современными терминами, — теорію необходимости перечувствовать, пережить, перестрадать горести и радости поэта, чтобы понять и оцѣнить его произведенія, чтобы уразумѣть *паѳосъ* его поэзіи, его творчества. *Паѳосъ*, это — живой нервъ творчества поэта, его преобладающая страсть, его любовь и ненависть, его сознательная или безсознательная святость, его міропониманіе, міровоспріятіе; главная задача всякой критики — опредѣленіе этого *паѳоса* того или иного писателя, того или другого произведенія или суммы ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Вѣлинскій не употреблялъ этого термина, а просто говорилъ о *содержаніи* творчества: „содержаніе — писалъ онъ въ обзорѣ литературы за 1841 годъ — есть міросозерцаніе поэта, его личное

ощущеніе собственнаго пребыванія въ лонѣ міра и присутствіе міра во внутреннемъ свѣтилищѣ его духа“ (т. II, стр. 276). Но слово „содержаніе“ имѣетъ уже слишкомъ установившееся значеніе, такъ что Вѣлинскій замѣнилъ его и ранѣе употреблявшимся имъ словомъ „*паѳосъ*“, употребленнымъ въ этомъ смыслѣ еще Гегелемъ въ его эстетикѣ (Hegels Werke, B. X, T. I, S. 252 sqq.). Однако дѣло не въ терминахъ: какъ бы ни называть сущность творчества поэта, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что именно выясненіе этой сущности — основная, главная задача критики. Въ процессѣ критики необходимъ и психологическій анализъ, и изученіе окружающей поэта среды, социальныхъ и классовыхъ вліяній и т. п. — но все это только подготовительный матеріалъ для окончательной эстетической и философской оцѣнки поэта, *паѳоса* его творчества.

Что же считаетъ Вѣлинскій такимъ *паѳосомъ* пушкинскаго творчества? Мы уже говорили объ этомъ въ началѣ настоящей замѣтки; Вѣлинскій даетъ на это отвѣтъ на первыхъ же страницахъ пятой статьи: „Пушкинъ былъ призванъ — говоритъ онъ — быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество“... Вотъ центральная, основная мысль, которая проходитъ красной нитью черезъ всѣ эти „пушкинскія статьи“ Вѣлинскаго и объединяетъ ихъ въ одно цѣлое; мыслью этой Вѣлинскій начинаетъ первую изъ этихъ статей и кончаетъ послѣднюю изъ нихъ, но особенно подробно эта мысль развивается въ пятой статьѣ — мысль „о художественности, какъ преобладающемъ *паѳосѣ* поэзіи Пушкина“. *Паѳосъ* Пушкина, говоритъ Вѣлинскій — поэзія-художество, искусство, какъ искусство. Мы знаемъ, какъ относился Вѣлинскій въ сороковыхъ годахъ къ такому взгляду на искусство: еще въ статьѣ 1842 года о „Рѣчи“ Никитенко онъ во всеуслышаніе отказался отъ прежнихъ своихъ эстетическихъ взглядовъ и теоріи „искусства для искусства“; онъ указалъ, что „нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства“; что искусство должно быть „осуществленіемъ въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ челоѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія“... Такого искусства Вѣлинскій не находилъ, не видѣлъ въ Пушкинѣ. Но тутъ же Вѣлинскій указывалъ, что теорія самоцѣльности искусства неизбежна и необходима, какъ „первый моментъ“ процесса постиженія искусства: „миновать этотъ моментъ — значитъ никогда не понять искусства; остаться при этомъ моментѣ — значитъ односторонне понять искусство“ (см. т. II, ст. № 40 и нашу вступительную замѣтку къ этой статьѣ).

Эти же мысли Бѣлинскій повторяетъ и теперь, въ статьяхъ о Пушкинѣ 1843—1846 гг. Въ началѣ третьей статьи онъ указываетъ, что „искусство, не будучи прежде всего искусствомъ, не можетъ имѣть никакого дѣйствія на людей, каково бы ни было его содержание“; но тутъ же онъ повторяетъ, что этимъ не исчерпываются требованія, предъявляемыя къ искусству. Искусство самоцѣль есть только „первый моментъ“; въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи искусство должно встать въ тѣсныя соотношенія „съ жизнью, которая всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни“,—говоритъ Бѣлинскій въ началѣ пятой изъ настоящихъ статей. Итакъ, съ одной стороны, „поэзія прежде всего должна быть поэзіей“, искусство „составляетъ собою одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа человѣческаго“, а съ другой—такое пониманіе есть только первая ступень въ эволюціи поэзіи: все это объясняетъ отношеніе Бѣлинскаго къ поэзіи Пушкина. Въ поэзіи его Бѣлинскій видѣлъ только „первый моментъ“ развитія поэзіи въ Россіи; онъ видѣлъ въ ней то самое „искусство для искусства“, которое нельзя миновать, но на которомъ нельзя и остановиться. Вотъ почему, разбирая въ концѣ пятой статьи знаменитый пушкинскій „Ямбъ“ („Чернь“), Бѣлинскій съ полнымъ сочувствіемъ относится къ заключающейся тамъ проповѣди эстетическаго индивидуализма, которая, казалось бы, была совершенно неприемлема для Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, съ его девизомъ — „соціальность“: онъ принимаетъ этотъ эстетическій индивидуализмъ только какъ „первый моментъ“, только какъ тезисъ, невѣрный безъ антитезиса и синтеза. Такимъ тезисомъ, такимъ „первымъ моментомъ“ была для Бѣлинскаго поэзія Пушкина — и вотъ причина, по которой Бѣлинскій считалъ поэзію Пушкина уже прошедшимъ моментомъ развитія русской литературы: это свое убѣжденіе Бѣлинскій высказалъ на первыхъ же страницахъ введенія къ настоящимъ статьямъ. Правда, этотъ прошедшій моментъ развитія Бѣлинскій признаетъ великимъ, онъ „съ любовью, но безъ ослѣпленія“ преклоняется передъ Пушкинымъ, передъ всеобъемлемостью его генія (мысль, впоследствии подробно развитая Достоевскимъ въ знаменитой пушкинской рѣчи), передъ удивительной простотой, пластичностью, мощью и художественностью его стиха; все это такъ, но несмотря на это Пушкинъ не современный поэтъ, — думаетъ Бѣлинскій. — ибо паѳосомъ его поэзіи является только художественность, только искусство, только красота. А современный поэтъ долженъ, кромѣ всего этого, быть еще и провозвѣстникомъ „современнаго сознанія, со-

временной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія“...

Такъ опредѣляетъ, такъ понимаетъ Бѣлинскій творчество Пушкина, такъ оцѣниваетъ великій критикъ великаго поэта. Насколько оцѣнка эта остается въ силѣ до настоящаго времени? Или, иными словами: дѣйствительно ли Бѣлинскому удалось опредѣлить паѳосъ пушкинскаго творчества? Теперь, на разстояніи трехъ четвертей вѣка намъ, разумѣется, многое должно представляться въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ свое время Бѣлинскому, но все-таки и до сихъ поръ основная мысль „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго остается въ силѣ, хотя и съ очень значительнымъ дополненіемъ. Бѣлинскій пронищательно отмѣтилъ эстетическій индивидуализмъ Пушкина, указавъ на художественность, какъ на паѳосъ его творчества, но онъ не обратилъ достаточно вниманія на внутренній паѳосъ поэзіи Пушкина, онъ не замѣтилъ, что у Пушкина есть свои глубокія и затаенныя думы „о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія“. Этимъ внутреннимъ паѳосомъ поэзіи Пушкина является сама жизнь, идея „пріятія міра и жизни“, какова бы ни была эта жизнь — и мы знаемъ, что именно это было особенно дорого Бѣлинскому въ Пушкинѣ въ эпоху принятія Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“ (см., напр., т. I, стр. 404—405). И въ настоящихъ статьяхъ Бѣлинскій не одинъ разъ указываетъ мимоходомъ на эту сторону пушкинскаго міропониманія, но не замѣчаетъ, что въ ней-то и скрытъ внутренний паѳосъ поэзіи Пушкина, дѣлающій эту поэзію великой и „міровой“ не только по формѣ, но, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, и по содержанию.

Еще въ четвертой изъ настоящихъ статей, разбирая одно изъ „переходныхъ“ стихотвореній Пушкина („Друзьямъ“), Бѣлинскій указываетъ, что грусть Пушкина была грустью души мощной и крѣпкой и что она всегда смѣнялась „бодрымъ и широкимъ размахомъ прояснѣвшей души“. И эту вполне вѣрную мысль Бѣлинскій не устаетъ повторять и подчеркивать. Разбирая въ пятой статьѣ стихотвореніе „19 октября 1825 года“, Бѣлинскій снова замѣчаетъ: „не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ... Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою, онъ вырываетъ у нея хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на „здѣсь“ указывалъ ему какъ на источникъ и горя, и утѣшенія и заставлялъ его искать цѣленіе въ той же существенности, гдѣ постигла его болѣзнь“... Нельзя

лучше вскрыть внутренній паѳосъ поэзіи Пушкина, чѣмъ это сдѣлано въ приведенныхъ словахъ БѢлинскаго, а также и въ слѣдующихъ, десяткомъ страницъ ниже: „онъ — говоритъ БѢлинскій о Пушкинѣ — ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умиряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца“... Приводя послѣднее четверостишіе изъ „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, БѢлинскій замѣчаетъ: „изъ этого, какъ изъ многихъ, особенно большихъ, пьесъ Пушкина, видно, что онъ поставлялъ выходъ изъ диссонансовъ жизни и примиреніе съ трагическими законами судьбы не въ заоблачныхъ мечтаніяхъ, а въ опирающейся на самоѣ себя силѣ духа“... Наконецъ, говори о тѣхъ стихотвореніяхъ Пушкина, въ которыхъ слышны муки сомнѣнія или вопль отчаянія, напр. въ „Демонѣ“ или въ „26 мая 1828 года“ („Даръ напрасный, даръ случайный“), — БѢлинскій замѣчаетъ по поводу послѣдней пьески: она „есть не что иное, какъ порожденіе одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія, которыя неизбѣжны, — какъ минуты, — для всякой живой и сильной натуры; *но она отнюдь не есть выраженіе паѳоса пушкинской поэзіи, а скорѣе — случайное противорѣчіе паѳосу его поэзіи* (курс. нашъ). И въ слѣдующихъ строкахъ БѢлинскій отождествляетъ этотъ паѳосъ Пушкина съ признаніемъ „разумной дѣйствительности“.

Послѣднее тождество ошибочно, такъ какъ пушкинское „пріятіе міра“ далеко не тождественно былому преклоненію БѢлинскаго предъ „разумной дѣйствительностью“. Однако дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что БѢлинскій съ удивительной проницательностью опредѣлилъ истинный паѳосъ пушкинской поэзіи — его „пріятіе міра“; повторяемъ, невозможно лучше и вѣрнѣе опредѣлить „паѳосъ“ пушкинскаго творчества, чѣмъ это сдѣлалъ БѢлинскій въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ. Но — удивительное дѣло — опредѣливъ такъ отчетливо паѳосъ, содержаніе, сущность пушкинской поэзіи, БѢлинскій тутъ же, на тѣхъ же страницахъ отказывается видѣть въ этой сущности хоть что либо, заслуживающее серьезнаго вниманія, а потому продолжаетъ считать сущностью поэзіи Пушкина только художественность, только эстетическій индивидуализмъ поэта. Онъ указываетъ, что публика не была въ состояніи оцѣнить все совершенство этой художественности пушкинскаго творчества, но что, съ другой стороны, публика эта „въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько нахо-

дила ихъ — и это, конечно, была не ея вина“... И такъ, вотъ въ чемъ дѣло: глубочайшій паѳосъ поэзіи Пушкина, его „пріятіе міра“ и разрѣшеніе въ этомъ смыслѣ всѣхъ нравственныхъ и философскихъ вопросовъ — все это не удовлетворяло БѢлинскаго, всецѣло отдавагося въ это время идеѣ „соціальности“ и общечеловѣческаго прогресса; и это помѣшало БѢлинскому оцѣнить всю силу и глубину пушкинскаго міропониманія. БѢлинскій не могъ замѣтить поэтому, что „художественность“ является только эстетическимъ эквивалентомъ пушкинскаго „пріятія міра“, точно такъ же какъ „пріятіе міра“ является только философскимъ эквивалентомъ „художественности“ Пушкина. Эти два „паѳоса“ пушкинскаго творчества настолько же нераздѣльно едины, какъ форма и содержаніе: они проникаютъ другъ друга, они являются тѣломъ и душой пушкинской поэзіи.

Отчего же однако БѢлинскій, съ такой удивительной ясностью вскрывшій оба эти „паѳоса“ поэзіи Пушкина, не увидѣлъ ихъ нераздѣльности и, настойчиво подчеркивая внѣшній паѳосъ пушкинскаго творчества, не воздалъ должнаго его внутреннему паѳосу? Причина очевидна и мы на нее указали выше: БѢлинскаго не удовлетворяло пушкинское „пріятіе міра“, строгое и подчасъ тяжелое міропониманіе, оправдывающее жизнь имманентно, ею же самою; БѢлинскій въ это время (1844—1846 гг.) былъ уже вѣрующимъ „соціалистомъ“, убѣжденнымъ проповѣдникомъ теоріи прогресса, теоріи, оправдывающей жизнь не ею самою, а безконечно отдаленными послѣдствіями ея. Обратите вниманіе на обширные комментаріи БѢлинскаго къ „Теону и Эсхину“ Жуковскаго, во второй изъ настоящихъ статей: вѣдь это громкій, восторженный гимнъ трансцендентному оправданію жизни идей прогресса, идей „человѣчества“... Непостижимое *тамъ* Жуковскаго БѢлинскій видитъ *здѣсь*, на землѣ; для него „два противоположные берега — *здѣсь* и *тамъ* — сливаются въ одно реальное небо историческаго прогресса, историческаго безсмертія“... И съ восторженной вѣрой предсказываетъ БѢлинскій „радостные дни новаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ“; съ восторженной вѣрой слышитъ онъ голосъ свыше: „борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои наслаждаются имъ и восхваляютъ вѣчнаго Бога силъ и правды!“ И онъ готовъ повиноваться этому голосу: „благо тому, — восклицаетъ онъ въ экстазѣ, — кто, падая въ борьбѣ за свѣтлое дѣло совершенствованія, съ упоеніемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: все тебѣ и для тебя, а моя высшая награда —

да святится имя твое и да придетъ царствіе твое“...

Это восторженное исповѣданіе вѣры проходитъ черезъ всѣ настоящія статьи; мы привели только наиболѣе яркое мѣсто, читатель самъ найдетъ подобныя во второй, пятой, шестой и послѣдней изъ этихъ статей, т.-е. на всемъ протяженіи отъ 1843 до 1846 года. Понятно теперь, почему Бѣлинскій не могъ оцѣнить пушкинское міропониманіе, столь далекое отъ этой горячей вѣры въ прогрессъ: въ этомъ случаѣ Бѣлинскій лишенъ былъ возможности *критическаго вчувствованія* въ кругъ пушкинскаго переживанія, а между тѣмъ самъ же онъ объявилъ такое вчувствованіе необходимымъ для пониманія и оцѣнки поэта. Это не помѣшало ему съ глубокой проницательностью вскрыть и освѣтить внутренний пафосъ пушкинской поэзии, но помѣшало поставить его на должное мѣсто и освѣтить имъ — а не одной только „художественностью“ — все творчество Пушкина, помѣшало увидѣть въ Пушкинѣ великаго „мірового“ поэта съ вѣчно неумирающимъ содержаніемъ поэзии. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что въ послѣднихъ изъ настоящихъ статей (начиная со статьи восьмой) Бѣлинскій прибавилъ еще нѣсколько очень существенныхъ штриховъ къ своей характеристикѣ Пушкина, но эти новые штрихи только еще сильнѣе подчеркнули „соціальную“ точку зрѣнія Бѣлинскаго и еще болѣе затушевали значеніе пушкинскаго міропониманія и міровосчувствованія.

Отлагая общіе выводы до конца настоящей замѣтки, обращаемся къ дальнѣйшему теченію „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго; остановившись такъ долго на главномъ вопросѣ объ основной точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго на поэзію Пушкина, мы не будемъ подробно разбирать отдѣльные взгляды Бѣлинскаго на тѣ или иные произведенія великаго поэта, а ограничимся только наиболѣе существеннымъ. Шестая статья посвящена разбору юношескихъ поэмъ Пушкина. Къ „Руслану и Людмилѣ“ Бѣлинскій отнесся чрезмѣрно строго, подчеркивая художественную „незначительность“ этой юношеской поэмы; но тутъ же Бѣлинскій указалъ на громадное значеніе этой поэмы для своего времени, а также на элементъ отрицательнаго отношенія молодого Пушкина къ псевдо-романтизму (пародія на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковскаго въ четвертой пѣснѣ „Руслана и Людмилы“). Переходя къ „Кавказскому Плѣннику“, Бѣлинскій замѣчаетъ, что герой этой поэмы начнетъ являться и въ слѣдующихъ пушкинскихъ поэмахъ: „слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаёте его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что онъ движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и

интереснѣе для васъ“; мысль эта стала вскорѣ ходячей — и теперь въ каждомъ учебникѣ можно найти указаніе на внутреннюю связь Плѣнника, Алеко, Онѣгина. Кстати сказать, большинство современныхъ Бѣлинскому критиковъ считало автора „Кавказскаго Плѣнника“ и „Цыганъ“ — *байронистомъ*; Бѣлинскій тоже признавалъ несомнѣнное вліяніе Байрона на Пушкина, но въ то же время впервые указалъ (въ десятой статьѣ), что „невозможно предположить болѣе анти-байронической... натуры, какъ натура Пушкина“ — опять-таки мысль безусловно вѣрная и вполнѣ сдѣлавшаяся общепризнанной.

Седьмую статью Бѣлинскій начинаетъ съ подробнаго разбора „Цыганъ“. Свое отношеніе къ этой поэмѣ онъ вполнѣ выразилъ еще въ 1839 году въ письмѣ къ Станкевичу; восхищаясь художественностью Пушкина, Бѣлинскій писалъ: „его натура *художественная* была такъ полна, что въ произведеніяхъ искусства казнила безпощадно его же рефлексію: въ лицѣ Алеко..... Пушкинъ безсознательно бичевалъ самого себя, свой образъ мыслей и, какъ поэтъ, чрезъ это *художественное* объективизированіе освободился отъ него навсегда“... (Объ Алеко и „Цыганахъ“ см. еще т. I, стр. 170, 181—2 и 622). Въ настоящей же статьѣ Бѣлинскій говоритъ не столько о „Цыганахъ“, сколько по поводу „Цыганъ“: пользуясь случаемъ, Бѣлинскій высказываетъ свои завѣтные взгляды на женщину, на любовь, на ревность, на бракъ. Мы знаемъ, каковы были эти взгляды Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, — знаемъ по его перепискѣ, знаемъ по его статьямъ (см., напр., т. II, ст. №№ 33, 45 и др.): это были взгляды „сенсимонистскіе“. Животная чувственность безъ любви бываетъ только въ бракахъ, — говорятъ Бѣлинскій и прибавляетъ: „бракъ есть обязательство — и можетъ быть оно такъ тамъ и нужно“... Это презрительное замѣчаніе сразу характеризуетъ „сенсимонистскій“ взглядъ Бѣлинскаго. Такимъ же „сенсимонизмомъ“ проникнуто и обширное разсужденіе Бѣлинскаго о ревности Алеко; впрочемъ трудно назвать „разсужденіемъ“ пылкую атаку противъ этого ненавистнаго, „унижающаго человѣческое достоинство“ чувства. Рѣшеніе этого вопроса Бѣлинскій даетъ чисто раціоналистическое, обычное для всякой системы утопическаго социализма: пока есть любовь — не должно быть ревности, когда есть ревность — не должно быть любви; слѣдовательно ревность есть логическая и нравственная бессмыслица...

Въ восьмой статьѣ (1844 г.) Бѣлинскій подходит, наконецъ, къ „Евгенію Онѣгину“ и продолжаетъ разборъ этого романа въ девятой статьѣ (1845 г.), посвященной Татьянѣ. Въ этой послѣдней статьѣ мы имѣемъ даль-

нѣйшее развитіе „сенсимонистскихъ“ воззрѣній Бѣлинскаго на женщину, на любовь, на бракъ: все это повліяло на обвинительный приговоръ, вынесенный въ концѣ концовъ Бѣлинскимъ Татьянѣ. Бѣлинскій былъ несправедливъ въ своей оцѣнкѣ этой лучшей „русской женщины“ своего времени, потому что не хотѣлъ судить ее съ единственно возможной исторической точки зрѣнія; онъ былъ настолько несправедливъ въ своей оцѣнкѣ этого величайшаго изъ пушкинскихъ созданій, что ставилъ выше Татьяны Марію изъ „Полтавы“. „Творческая кисть Пушкина — говоритъ Бѣлинскій въ концѣ седьмой изъ настоящихъ статей — нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи. Чтѣ передъ нею эта препрославленная и столько восхищавшая всѣхъ и теперь еще многихъ восхищающая Татьяна — это смѣшеніе деревенской мечтательности съ городскимъ благоразуміемъ?..“ Причины такого крайне невѣрнаго и пристрастнаго отзыва очевидны: Марія пожертвовала всѣмъ для любимаго человека, она пренебрегла пересудами молвы, она отдалась безъ условій: а Татьяна любитъ Онѣгина, но остается вѣрна своему мужу, старому и чванному генералу... Это давно уже заставило Бѣлинскаго признать Татьяну виновной въ профанаціи чувства любви, въ профанаціи всего того, чтѣ должно для женщины быть дороже жизни. Когда невѣста Бѣлинскаго не хотѣла ѣхать вѣнчаться къ нему въ Петербургъ изъ боязни „общественнаго мнѣнія“, то онъ, возмущенный, писалъ ей: „о, я понимаю теперь, почему вы такъ заступаетесь за Татьяну Пушкина и почему меня это всегда такъ бѣсило и печаливало, что я не могъ говорить съ вами порядкомъ и толковать объ этомъ предметѣ!“ (письмо отъ 4 окт. 1843 г.). Еще полутора годами ранѣе Бѣлинскій обмѣнялся мнѣніями о Татьянѣ съ Боткинымъ: Боткинъ писалъ ему, что замужняя Татьяна, любящая Онѣгина и все-таки продолжающая жить съ мужемъ — омерзительное нравственное явленіе; при этомъ онъ характеризовалъ Татьяну рѣзкимъ терминомъ, который, говоря словами Бѣлинскаго, позволено употреблять въ однихъ словаряхъ, да и то только въ самыхъ обширныхъ... Этимъ терминомъ Бѣлинскій называлъ когда-то всякую „эмансипированную женщину“ (см. т. II, стр. 239); теперь Боткинъ, съ одобренія Бѣлинскаго, называетъ этимъ словомъ Татьяну... „О Татьянѣ... согласенъ, — отвѣчаетъ Боткину Бѣлинскій (4 апр. 1842 г.): — съ тѣхъ поръ, какъ она хочетъ вѣкъ быть вѣрною своему генералу.....—ея прекрасный образъ затемняется“. И въ своей девятой статьѣ Бѣлинскій всецѣло повторяетъ такое сужденіе о Татьянѣ, разбирая ея „отповѣдь“ Онѣгину: это не раз-

боръ, а несправедливый, пристрастный обвинительный актъ. Въ этихъ горькихъ и мѣткихъ словахъ Татьяны, окончательно вскрывающихъ сущность характера Онѣгина, Бѣлинскій видитъ только „мсть за оскорбленное самолюбіе“, „страхъ за свою добродѣтель“, „трепетъ за свое доброе имя въ большомъ свѣтѣ“... И эту свою ненависть Бѣлинскій переноситъ даже на Татьяну первыхъ главъ романа, обзывая ее „нравственнымъ эмбриономъ“...

Все это крайне характерно для „неистоваго“ и въ любви и въ ненависти великаго критика. „Сенсимонистскій“ взглядъ на женщину заставилъ Бѣлинскаго подойти къ Татьянѣ — русской дѣвушкѣ начала двадцатыхъ годовъ — съ абсолютнымъ критеріемъ, не обращающимъ вниманія на какую бы то ни было историческую почву. И это помѣшало Бѣлинскому оцѣнить всю глубину натуры „бѣдной Тани“, это заставило его вынести ей суровый обвинительный приговоръ — который почти полъ-вѣка держался въ русской критической литературѣ, но который долженъ быть признанъ несправедливымъ и ошибочнымъ¹⁾. Но все это не помѣшало Бѣлинскому оцѣнить поэтическую прелесть образа Татьяны: Бѣлинскій далъ увлечь себя предвзятому чувству только на нѣсколькихъ послѣднихъ, резюмирующихъ страницахъ девятой статьи, когда Татьяна предстала передъ нимъ въ роли великосвѣтской дамы. Наоборотъ, въ первой, бѣльшей части этой статьи Бѣлинскій говоритъ о Татьянѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ, превознося „великій подвигъ“ Пушкина, заключающійся въ томъ, „что онъ первый поэтически воспроизвелъ въ лицѣ Татьяны русскую женщину“; Бѣлинскій называетъ здѣсь Татьяну „геніальной натурой“, „истинно-колоссальнымъ исключеніемъ“, и вообще какъ бы перегибаетъ палку въ другую сторону. Это одна изъ самыхъ блестящихъ статей Бѣлинскаго и она никогда не утратитъ своей цѣнности; чего стоитъ хотя бы одна блестящая характеристика типа „уѣздныхъ барышень“ и „идеальныхъ дѣвъ“, служащая вступленіемъ къ знакомству съ Татьяной! И если рѣзкій заключительный выводъ Бѣлинскаго, какъ мы уже сказали, не можетъ быть принятъ въ настоящее время, то вся его статья въ цѣломъ до сихъ поръ является одной изъ наиболѣе цѣнныхъ среди многочисленныхъ позднѣйшихъ характеристикъ Татьяны.

Съ еще болѣшимъ основаніемъ можно повторить это о восьмой статьѣ Бѣлинскаго, объ его характеристикѣ Онѣгина и Ленскаго. Если

¹⁾ О Татьянѣ, Онѣгинѣ и вообще Пушкинѣ — см. статью пишущаго эти строки: „Евгеній Онѣгинъ“ въ т. III собр. соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, и въ соотвѣтственномъ выпускѣ „Историко-литературной библиотеки“.

въ характеристикѣ Ленскаго еще проглядываетъ слишкомъ явная антипатія Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ къ „романтизму“, о чемъ мы говорили выше, то характеристика Онѣгина является образцомъ тонкаго анализа и глубокаго пониманія намѣреній автора. Но мы не будемъ останавливаться здѣсь на этомъ анализѣ, а скажемъ только о той общей точкѣ зрѣнія, съ которой Бѣлинскій разсматриваетъ типъ Онѣгина и съ которой онъ приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ о самомъ Пушкинѣ. Подходя къ изученію типа Онѣгина, Бѣлинскій прежде всего характеризуетъ ту историческую почву, на которой могъ вырасти этотъ типъ—и это, несомнѣнно, единственный возможный путь для правильнаго пониманія Онѣгина, который былъ неизбѣжнымъ результатомъ строго-опредѣленныхъ социальныхъ условій. Вообще говоря, „соціологическій методъ“ въ критикѣ необходимъ, какъ одна изъ ступеней, ведущихъ къ обобщающему критическому синтезу; Бѣлинскій первый положилъ основаніе этому методу въ русской критикѣ. Но опредѣливъ Онѣгина, какъ неизбѣжный продуктъ *русскаго дворянства* начала XIX вѣка, Бѣлинскій вполне основательно не остановился на этомъ выводѣ, а перенесъ его на самого творца этого типа. Выражаясь современными терминами, можно сказать, что Бѣлинскій увидѣлъ въ Пушкинѣ „идеолога дворянства“: эту мысль Бѣлинскій настойчиво подчеркиваетъ, начиная съ восьмой изъ настоящихъ статей, и это было тѣмъ новымъ штрихомъ характеристики Пушкина, о которомъ у насъ была уже рѣчь выше. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“,—говоритъ Бѣлинскій,—особенно ясно отразилась личность поэта и его идеалы: „вездѣ видите вы въ немъ человека, душою и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него—вѣчная истина“... А въ десятой статьѣ Бѣлинскій даже прибавляетъ, что Пушкинъ „въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта“... Такъ это или не такъ, но во всякомъ случаѣ Бѣлинскій отмѣтилъ этимъ важный фактъ для пониманія Пушкина: дѣйствительно, Пушкинъ тридцатыхъ годовъ очень часто былъ или хотѣлъ быть „идеологомъ дворянства“; безъ этого штриха будетъ неполна его характеристика и будутъ непонятны многіе изъ его литературныхъ и общественныхъ взглядовъ.

Пушкинъ—дворянинъ, Пушкинъ—помѣщикъ: эти штрихи,—сказали мы,—еще сильнѣе подчеркнули „соціальную“ точку зрѣнія Бѣлинскаго, но въ то же время еще болѣе за-

тушевали безотносительную цѣнность пушкинскаго міропониманія. Повторилась та же исторія, какъ и при опредѣленіи вѣшняго и внутреннего пафоса пушкинскаго творчества: сосредоточивъ главное вниманіе на оцѣнкѣ эстетическаго значенія Пушкина, Бѣлинскій недостаточно оцѣнилъ философскую сущность его поэзіи; и теперь также, правильно отмѣтивъ соціологическую подпочву творчества Пушкина, Бѣлинскій попрежнему не обратилъ достаточнаго вниманія на тѣ вѣчныя цѣнности, которыя лежатъ въ основѣ пушкинскаго творчества, на его отношеніе къ міру, къ жизни, къ людямъ. А между тѣмъ именно въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ съ удивительной гармоничностью и полнотой выразилась безсознательная философія великаго поэта, которая для всѣхъ временъ сохранить свою вѣчную, неумирающую цѣнность. Бѣлинскій не замѣтилъ въ содержаніи поэзіи Пушкина этой вѣчной цѣнности; обративъ вниманіе на „классовые идеалы“ Пушкина, онъ еще болѣе укрѣпился въ мысли, что время поэзіи Пушкина уже прошло, что Пушкинъ уже устарѣлъ настолько же, насколько его „классовые идеалы“ оказались отжившими свой вѣкъ передъ лицомъ историческаго прогресса. Если бы Бѣлинскій былъ въ этомъ правъ, то Пушкинъ не былъ бы великимъ поэтомъ: великіе поэты не старѣютъ. Именно въ этомъ и была, какъ мы уже подчеркивали, основная ошибка Бѣлинскаго: онъ недостаточно оцѣнилъ вѣчные элементы пушкинскаго творчества.

Переходимъ къ десятой статьѣ Бѣлинскаго—къ его подробному разбору „Бориса Годунова“. Мы уже указали, что въ своемъ отношеніи къ этой трагедіи Пушкина Бѣлинскій повторялъ теперь—въ 1845 году—сказанное за пятнадцать лѣтъ до этого Полевымъ и вызвавшее позднѣе рѣзкую критику Бѣлинскаго. Въ статьѣ 1840 года объ „Очеркахъ“ Полеваго Бѣлинскій, говоря о „Борисѣ Годуновѣ“, спрашивалъ: „какъ же оцѣнилъ г. Полевой это великое созданіе Пушкина?—А вотъ посмотрите: „прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ *карамзинскаго* Годунова: *этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина*. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ“. Теперь ясно и понятно ли, что это за оцѣнка?“—съ негодованіемъ заключаетъ Бѣлинскій (т. I, стр. 681). А теперь посмотрите на оцѣнку „Бориса Годунова“ Бѣлинскимъ въ настоящей статьѣ: „Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину—и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму... Историкъ сыгралъ съ поэтомъ плохую шутку. И вольно же было поэту дѣлаться эхомъ историка, забывъ, что ихъ раздѣляетъ другъ отъ друга цѣлый вѣкъ!“... Вѣдь это та же самая мысль Полеваго, только вы-

раженная гораздо ярче и рѣзче. И неудивительно, что БѢлинскій въ этомъ случаѣ пришелъ въ концѣ концовъ къ Полевому: вѣдь точкой зрѣнія Полевого двадцатыхъ годовъ была та самая „общественность“, во имя которой ратовалъ теперь, въ сороковыхъ годахъ, БѢлинскій ¹⁾. Отсюда одинаково враждебное отношеніе ихъ къ консервативной философіи исторіи Карамзина: когда-то БѢлинскій ломалъ копы за Карамзина-историка (см. т. I, стр. 665 и ср. т. II, стр. 238), но уже въ концѣ 1841 года, т.-е. въ началѣ своей „соціальности“, онъ очень охладѣлъ къ его „Исторіи“, что и выразилъ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ, а нѣсколько позднѣе—во второй изъ настоящихъ статей (1843 г.). А отсюда и его отрицательное отношеніе къ „карамзинскимъ“ элементамъ пушкинскаго „Бориса Годунова“.

Въ настоящее время установлено, что БѢлинскій ошибался, считая Пушкина только перелагателемъ карамзинскаго Годунова въ формы трагедіи; изслѣдованіе Жданова „О драмѣ Пушкина *Борисъ Годуновъ*“ показало, что Пушкину матеріалами для драмы служили первоисточники, а не „Исторія“ Карамзина. Какъ бы то ни было, но БѢлинскаго не удовлетворило то психологическое объясненіе личности Бориса, какое далъ Пушкинъ въ своей трагедіи, и БѢлинскій далъ свою удивительную по проникательности характеристику Годунова, свое объясненіе причинъ возвышенія и паденія этой замѣчательной личности. Правда, многіе историческіе факты въ то время не могли быть извѣстными БѢлинскому: такъ напримѣръ, вслѣдъ за Карамзинымъ и Пушкинымъ онъ полагалъ, что крѣпостная неволя была установлена Годуновымъ,—мнѣніе, которое современная наука относитъ къ числу историческихъ сказокъ; опять-таки вслѣдъ за Пушкинымъ онъ не всегда вѣрно понималъ отдѣльные поступки Годунова—напримѣръ, его „комедію“ съ отказомъ отъ царскаго вѣнца, которая была вовсе не „комедіей“, а скрытой борьбой Бориса за самодержавіе противъ „конституціонныхъ“ замысловъ боярства и т. д. Но тѣмъ удивительнѣе та поистинѣ гевіальная проникательность, съ которой БѢлинскій яркими, почти художественными штрихами набросалъ характеристику Бориса Годунова, характеристику, которой удивляются теперь спеціалисты-историки; отсылаемъ читателя къ цѣнной статьѣ Павлова-Сильванскаго „Народъ и царь въ трагедіи Пушкина“ во второмъ томѣ „Пушкина“ изд. Брокгауза-Ефронъ.

Въ 1846 году появилась, наконецъ, одиннадцатая и послѣдняя изъ „пушкинскихъ

статей“ БѢлинскаго. Это была вообще послѣдняя статья БѢлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“; бросая этотъ журналъ, БѢлинскій все же хотѣлъ закончить въ немъ циклъ своихъ „пушкинскихъ статей“, продолжавшихся уже четвертый годъ. Поэтому онъ принужденъ былъ скомкать весь оставшійся громадный матеріалъ въ одну небольшую главу, поэтому и содержаніе этой главы является такимъ пестрымъ. Остается только удивляться—какъ сумѣлъ БѢлинскій на этихъ немногихъ торопливыхъ страницахъ сказать такъ много, что до сихъ поръ историки литературы только повторяютъ сказанное БѢлинскимъ о „Мѣдномъ Всадникѣ“, „Моцартѣ и Сальери“, „Каменномъ Гостѣ“.

Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ БѢлинскій увидѣлъ развитіе идеи о столкновеніи *личнаго* и *общаго*. Къ темѣ этой БѢлинскій неоднократно подходилъ въ своихъ „пушкинскихъ“ статьяхъ, и не трудно было бы уже а priori опредѣлить, къ какой постановкѣ этого вопроса прійдетъ БѢлинскій. Мы знаемъ, что въ періодъ своего примиренія съ „разумной дѣйствительностью“ БѢлинскій старался синтезировать личное съ общимъ, но въ этомъ „синтезѣ“ личность играла подчиненную роль (т. I, стр. 501). Мы знаемъ, что въ 1840—1841 г., поднявъ знамя мятежа противъ „Общаго“, БѢлинскій ставилъ человѣческую личность „выше общества, выше человечества“; но мы знаемъ также, что въ слѣдующіе годы БѢлинскій нашелъ точку опоры въ „соціальности“, а позднѣе—въ социализмѣ, и вмѣстѣ съ этимъ его горячею вѣрою стала вѣра въ прогрессъ, въ человечество. При этомъ онъ попрежнему продолжалъ горячо любить человѣческую личность; въ седьмой изъ настоящихъ статей, говоря объ Алеко, БѢлинскій замѣчаетъ, что „одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ. безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ — человѣкъ,... въ живомъ, симпатическомъ сознаніи своего *братства* со всѣми, кто называется *человѣкомъ*“. Такимъ образомъ идея социалистическаго братства строилась БѢлинскимъ на почвѣ этического индивидуализма; права „общаго“ онъ обуславливалъ правами „личнаго“. „Общее выше частнаго, безусловное выше индивидуальнаго, разумъ выше личности,—говоритъ БѢлинскій въ началѣ пятой изъ настоящихъ статей:—это истина несомнѣнная, противъ которой нечего сказать; но вѣдь общее выражается въ частномъ, безусловное—въ индивидуальномъ, а разумъ—въ личности, и безъ частнаго, индивидуальнаго и личнаго общее, безусловное и разумное есть только идеальная возможность, а не живая дѣйстви-

¹⁾ Подробнѣе о Полевомъ и БѢлинскомъ см. ниже въ нашей вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 61.

тельность". Все это, однако, только этическая и философская сторона вопроса; остается еще сторона социологическая; на чью же сторону стать при враждебномъ столкновении личного съ Общимъ? Къ кому и къ чему склонить слухъ — къ смятеннымъ жалобамъ бѣднаго безумца Евгенія или къ всеокрушающему тяжелому топоту Мѣднаго Всадника? „Смирненнымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго“, — отвѣчаетъ Бѣлинскій, и иначе онъ не могъ стѣснить, оставаясь вѣрнымъ своему идеалу будущаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ; еще во второй изъ настоящихъ статей (1843 г.) Бѣлинскій съ сочувствіемъ говорилъ о „греческомъ романтизмѣ“, что „несчастія и гибель индивидуальнаго не скрывали отъ его глубокаго и широкаго взгляда торжественнаго хода и блаженствующей полноты общаго“... Эта же мысль проведена теперь Бѣлинскимъ въ его разборъ „Мѣднаго Всадника“; смыслъ этой поэмы (точно также какъ и поэмы „Галубъ“) Бѣлинскій видѣлъ именно въ столкновении личного съ общимъ. О другихъ возможныхъ пониманіяхъ читатель можетъ узнать изъ интересной статьи Валерія Брюсова о „Мѣдномъ Всадникѣ“ въ третьемъ томѣ уже указаннаго нами выше изданія Пушкина.

Съ такою же провицательностью опредѣлилъ Бѣлинскій основную идею „Моцарта и Сальери“ — сущность и взаимоотношенія гения и таланта. Этотъ вопросъ всегда интересовалъ Бѣлинскаго; одна изъ самыхъ первыхъ его рецензій (1834 года) о повѣсти нѣкоего К. Баранова „Ночь на Рождество Христово“ начинается рѣшеніемъ именно этого вопроса: въ талантѣ Бѣлинскій видитъ эхо гения; эта же мысль подробнѣе развивается Бѣлинскимъ полугодомъ позднѣе въ рецензій на „Аббадонну“ Полевого. Еще годомъ позднѣе въ статьѣ о Ломоносовѣ (т. I, ст. № 8) Бѣлинскій снова останавливается на вопросѣ о значеніи гения — и вообще постоянно затрагиваетъ этотъ вопросъ вплоть до послѣдней изъ „пушкинскихъ статей“ (см., напр., начало ст. № 35). Все это тѣсно связано съ несомнѣнной переоцѣнкой Бѣлинскимъ „роли личности въ исторіи“; но при разборѣ „Моцарта и Сальери“ дѣло, разумѣется, не въ этомъ. Бѣлинскій только вскрываетъ сущность пушкинской драмы — психологію сознающаго себя таланта и несознающаго себя гения; вѣрнѣе было бы сказать, что это противопоставленіе непосредственнаго гения и трудолюбиваго ремесленничества. Какъ бы то ни было, но Бѣлинскій глубоко вѣрно оцѣнилъ мрачную трагичность лица Сальери; онъ увидѣлъ, что на нѣсколькихъ страничкахъ этого драматическаго шедевра передъ нами про-

ходить глубокая, законченная *трагедія* человѣческой души.

Это же самое видѣлъ Бѣлинскій и въ „Каменномъ Гостѣ“, въ этомъ „перлѣ созданій Пушкина“, быть можетъ даже чрезмѣрно высоко ставившемся Бѣлинскимъ по отношенію къ другимъ произведеніямъ Пушкина. Еще въ письмѣ къ Станкевичу отъ сент. — окт. 1839 г. Бѣлинскій называлъ эту драму „перломъ всемірно-человѣческой литературы“, а ея автора — „Шекспиромъ новаго міра“. Теперь, въ 1846 году, Бѣлинскій уже отказался видѣть въ Пушкинѣ „мірового“ поэта, вслѣдствіе отсутствія въ его творествѣ общественнаго и философскаго „пафоса“ — и мы знаемъ, что въ этомъ основная ошибка Бѣлинскаго; но это не помѣшало Бѣлинскому остаться при своей прежней, восторженной оцѣнкѣ „Каменнаго Гостя“. „Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, — говоритъ теперь Бѣлинскій, — для того *Каменный Гость* не можетъ не казаться, безъ всякаго сравненія, лучшимъ и высшимъ, въ художественномъ отношеніи, созданіемъ Пушкина“... И тутъ же самъ Бѣлинскій называетъ эту драму Пушкина „богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ его поэтическомъ вѣнцѣ“, перломъ созданій“ его; драма эта, говоритъ Бѣлинскій, „въ художественномъ отношеніи есть лучшее созданіе Пушкина“. Но такъ чувствовать, такъ понимать это произведеніе могъ только тотъ, для кого — какъ мы только что слышали отъ Бѣлинскаго — существуетъ *искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности*... И слѣдовательно, такое искусство существовало для Бѣлинскаго въ 1846 году.

Этотъ выводъ чрезвычайно важенъ и мы должны обратить на него особенное вниманіе. Обыкновенно предполагается — и мы въ слѣдующихъ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ еще увидимъ, на чемъ основывается такое предположеніе, — что Бѣлинскій послѣднихъ лѣтъ своей жизни былъ ожесточеннымъ и непримиримымъ противникомъ „искусства въ его отвлеченной сущности“, „искусства какъ искусства“. Общезвѣстенъ рассказъ Тургенева о яростномъ негодованіи Бѣлинскаго этой эпохи на мысли, выраженные Пушкинымъ въ его „Черни“, о рѣзкомъ отрицаніи Бѣлинскимъ самодовлѣющаго искусства: нѣкоторыя подобныя черты мы еще встрѣтимъ въ послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго. На этомъ основаніи сложилась легенда о томъ, что общественная точка зрѣнія Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ окончательно устранила собою его бывшее признаніе „искусства въ его отвлеченной сущности“. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ далеко не такъ: изъ предыдущихъ страницъ настоящей нашей за-

мѣтки ясно, что хотя БѢлинскій и сталъ признавать теперь теорію самодовлѣющаго искусства только „первымъ моментомъ“ пониманія искусства вообще, однако онъ постоянно подчеркивалъ невозможность миновать этотъ моментъ, пройти мимо него. Общественные и философскіе вопросы должны волновать поэтовъ нашего времени, — говорилъ БѢлинскій: — но это не отрицаетъ существованія искусства въ его идеалѣ, искусства какъ искусства. Въ началѣ пятой изъ настоящихъ статей БѢлинскій высказалъ эту мысль (встрѣчавшуюся у него и раньше — см., напр., т. II, ст. № 40) съ неоставляющей ничего желать опредѣленностью, повторяя свое любимое противопоставленіе искусства и беллетристики, за которымъ мы внимательно слѣдили въ двухъ предыдущихъ томахъ (ст. №№ 12, 26, 29 и мн. др.). „Всякая поэзія — говоритъ здѣсь БѢлинскій — должна быть выраженіемъ жизни, въ обширномъ значеніи этого слова, обнимающаго собою весь міръ, физическій и нравственный. До этого ее можетъ довести только мысль. Но чтобъ быть выраженіемъ жизни, поэзія прежде всего должна быть поэзіею. Для искусства нѣтъ никакого выигрыша отъ произведенія, о которомъ можно сказать: *умно, истинно, глубоко, но прозаично*... Произведенія непоэтическія безплодны во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ произведенія наполовину прозаическія бываютъ полезны для общества и для частныхъ людей; но они дѣйствуютъ и въ этомъ отношеніи только наполовину“... И далѣе БѢлинскій повторяетъ, что „поэзія прежде всего должна быть поэзіею, а потомъ уже выражать собою то и другое“, что искусство составляетъ собою „одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа человѣческаго“ — мы уже приводили выше эти слова. Такъ говорилъ БѢлинскій въ 1844 году; и теперь, въ 1846 году, для него, какъ мы видѣли, продолжаетъ существовать „искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности“... И что особенно характерно: указывая на чисто „художественную“ тему „Каменнаго Гостя“, БѢлинскій замѣчаетъ, что „такая тема не можетъ пользоваться популярностію. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для непонимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ“...¹⁾ Какъ видимъ, самъ БѢлинскій указывалъ, что „искусство въ его отвлеченной сущности“ существуетъ только „для немногихъ“ — и самъ причислялъ себя къ числу этихъ не-

¹⁾ Эта же мысль легла въ основу глубоко-вѣрной оцѣнки БѢлинскимъ пушкинскаго „Домика въ Коломнѣ“ въ началѣ одиннадцатой статьи.

многихъ. Всѣ эти взгляды БѢлинскаго 1846 года на искусство, повторяемъ, чрезвычайно важны, и мы еще вернемся къ нимъ во вступительной замѣткѣ къ послѣдней статьѣ БѢлинскаго — его обзорѣ литературы за 1847 годъ.

Послѣ краткаго разбора „Каменнаго Гостя“ БѢлинскій заключаетъ свою статью нѣсколькими словами о сказкахъ и о повѣстяхъ Пушкина. О сказкахъ БѢлинскій сказалъ буквально „нѣсколько словъ“, заявивъ, что за исключеніемъ „Сказки о Рыбакѣ и Рыбкѣ“ всѣ остальные пушкинскія сказки „были плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности“. Это мнѣніе БѢлинскаго не случайное: напротивъ, онъ постоянно проводилъ его съ начала и до конца своей критической дѣятельности. На первыхъ же строкахъ „Литературныхъ Мечтаній“ БѢлинскій отрицательно отзывался о Пушкинѣ, какъ авторѣ *Анджело* и другихъ мертвыхъ, безжизненныхъ сказокъ; а въ концѣ этой своей „элегіи въ прозѣ“ снова возвращается къ сказкамъ Пушкина: „странно видѣть, какъ этотъ необыкновенный человѣкъ, которому ничего не стоило быть народнымъ, когда онъ не старался быть народнымъ, теперь такъ мало народенъ, когда рѣшительно хочетъ быть народнымъ“... (т. I, стр. 10 и 88). Черезъ полтора года въ рецензіи на вышедшую четвертую часть „Стихотвореній Александра Пушкина“ (1836 г.), БѢлинскій называлъ пушкинскія сказки „поддѣльными цвѣтами“ и категорически заявлялъ: „онѣ, конечно, рѣшительно дурны, конечно поэзія и не касалась ихъ“; а нѣсколько раньше, рецензируя какую-то сказку неизвѣстнаго автора „Царь-Дѣвица“, БѢлинскій считалъ одинаковыми по достоинству и „плохенькое произведеніе“ Карамзина — его сказку „Илья Муромецъ“, — и сказки Пушкина и Жуковскаго: „въ самомъ дѣлѣ, развѣ *Илья Муромецъ* уступить въ достоинствѣ *Царю Салтану*, *Берендею*, *Коньку-Горбунку* и пр., и пр.“ Интересно отмѣтить, что „Конекъ-Горбункъ“ Ершова, ставшій въ скоромъ времени дѣйствительно общенароднымъ, вызвалъ тогда же очень суровую рецензію БѢлинскаго, замѣтившаго, что если сказки Пушкина, „не смотря на всю прелесть стиха“, не имѣли ни малѣйшаго успѣха, то о сказкѣ г. Ершова — нечего и говорить“... Мнѣніе это — самое неудачное изъ всѣхъ ошибочныхъ сужденій, когда-либо высказанныхъ БѢлинскимъ, и справедливость обязываетъ насъ указать на него.

Всѣ эти мнѣнія о сказкахъ Пушкина были высказаны БѢлинскимъ въ 1834—1836 гг., т.-е. въ то время, когда БѢлинскій, вмѣстѣ съ большинствомъ и критиковъ и читателей, былъ увѣренъ въ „упадкѣ“ пушкинскаго таланта. Но и послѣ 1838 года, въ періодъ

наибольшаго преклоненія Бѣлинскаго передъ Пушкинымъ, онъ не измѣнилъ своего мнѣнія о пушкинскихъ сказкахъ: укажемъ на его первую статью этого новаго періода, „Литературную хронику“ (1838 г.), въ которой Бѣлинскій замѣчаетъ, что „мнимый періодъ паденія таланта Пушкина начался для близорукаго прекраснодушія съ того времени, какъ онъ началъ писать свои сказки. Въ самомъ дѣлѣ, эти сказки были неудачными опытами поддѣлаться подъ русскую народность; но несмотря на то и въ нихъ былъ виденъ Пушкинъ“ (т. I, стр. 407). Черезъ полгода, рецензируя двѣ книжки „Русскихъ сказокъ“ Бронницына и Ваненко, Бѣлинскій писалъ: „Пушкинъ обладалъ гениальною объективностію въ высшей степени и потому ему легко было пѣть на всѣ голоса. Но его гений изнемогъ, когда захотѣлъ, на зло законамъ возможности, субъективно создавать русскія народныя сказки, беря для этого готовые рисунки и только вышивая ихъ своими шелками“... Въ настоящихъ своихъ „пушкинскихъ статьяхъ“ Бѣлинскій только повторяетъ эти свои постоянныя мнѣнія. Въ концѣ пятой изъ этихъ статей Бѣлинскій изумляется, съ какимъ „непостижимымъ искусствомъ“ умѣлъ Пушкинъ „спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ“; говоря такъ, Бѣлинскій имѣетъ въ виду „Бѣсовъ“, „Утопленника“, „Зимній вечеръ“ и „Жениха“ (о послѣднемъ онъ замѣчаетъ въ началѣ восьмой статьи, что „это—поэма, въ сравненіи съ которою ничтожны всѣ богатырскія народно-русскія поэмы, собранныя Киршею Даниловымъ“). „Эти пьесы—продолжаетъ Бѣлинскій—въ тысячу разъ лучше его же такъ называемыхъ сказокъ, этихъ уродливыхъ искаженій и безъ того уродливой поэзіи“... И нѣсколько ниже онъ снова повторяетъ свое мнѣніе о „бѣдномъ мірѣ русскихъ сказокъ“.

Таковъ былъ взглядъ Бѣлинскаго на русскія народныя сказки, пѣсни, былины и на сказки Пушкина. Что касается первыхъ, то мы уже дважды имѣли случай указать на ошибочность такого взгляда Бѣлинскаго—см. наши вступительныя замѣтки къ статьямъ №№ 21 и 30 (т. I, стр. 736 и т. II, стр. 140—141); поэтому здѣсь мы укажемъ только на несомнѣнную ошибочность отрицательнаго отношенія Бѣлинскаго и къ пушкинскимъ сказкамъ. Пріемъ „стилизаціи“—выражаясь современнымъ терминомъ—является въ настоящее время настолько общепризнаннымъ, что не можетъ возникнуть спора о его художественной законности. Когда Тургеневъ писалъ свою великолѣпную „Пѣснь торжествующей любви“, онъ не *поддѣлывалъ* этимъ средне-

вѣковыхъ хроникъ и новеллъ, а художественно возсоздавалъ ихъ стиль, духъ, пріемъ письма. Въ настоящее время литературные „стилизаторы“ бесконечно расплодился и опошлили этотъ художественный пріемъ, всегда законный въ рукахъ таланта; Пушкинъ же съ „гениальною объективностію“, отмѣчаемою самимъ Бѣлинскимъ, примѣнилъ этотъ пріемъ къ русской сказкѣ и создалъ образцы *намеренно лубочной* народной сказки. Это не „поддѣльные цвѣты“, а прелестные художественные лубки, аналогичные тому, что впоследствии дали въ живописи Е. Полѣнова, Малютинъ, Билибинъ, а въ музыкѣ—Глинка („Камаринская“), Римскій-Корсаковъ („Сказка о Царѣ Салтанѣ“). Пушкинъ въ своихъ сказкахъ далъ непревзойденный образецъ такой обработки народной поэзіи всею силою художественной техники; отрицательное мнѣніе Бѣлинскаго должно, въ силу всего этого, быть признаннымъ не имѣющимъ достаточныхъ оснований и ошибочнымъ.

Остается сказать объ оцѣнкѣ Бѣлинскимъ повѣстей Пушкина; Бѣлинскій имѣлъ возможность посвятить имъ только двѣ-три послѣднія страницы своей послѣдней статьи. Быть можетъ именно вслѣдствіе этого Бѣлинскій былъ лишенъ возможности оцѣнить должнымъ образомъ такое великое созданіе Пушкина, какъ „Капитанскую Дочку“. Къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ Бѣлинскій отнесся даже совершенно отрицательно, назвавъ ихъ „недостойными ни таланта, ни имени Пушкина“; нѣсколькими годами позднѣе Аполлонъ Григорьевъ перегнулъ палку въ противоположную сторону, безмѣрно восхищаясь этими повѣстями и видя въ нихъ ключъ для пониманія всего творчества Пушкина. Что же касается „Капитанской дочки“, то Бѣлинскій былъ несправедливъ къ этому лучшему русскому роману, только впоследствии превзойденному „Войною и миромъ“ Л. Толстого. Вообще Бѣлинскій недостаточно цѣнилъ прозаическія произведенія Пушкина. Еще въ 1840 году онъ писалъ Боткину (16 апр.), проводя свою любимую мысль о необходимости различенія беллетристики и художественности: „напримѣръ,—говорилъ онъ,—Капитанская Дочка Пушкина, по-моему, есть не больше, какъ беллетристическое произведеніе, въ которомъ много поэзіи и только мѣстами пробивается художественный элементъ. Прочія повѣсти его—рѣшительная беллетристика“... И въ своихъ статьяхъ Бѣлинскій не разъ высказывалъ такое же мнѣніе. Въ статьѣ о „Героѣ нашего времени“ Бѣлинскій мимоходомъ замѣтилъ, что „прозаическіе опыты (Пушкина) далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть, Капитанская Дочка, при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ

идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами“ (т. I, стр. 804). Въ обзорѣ русской литературы за 1843 годъ (т. II, ст. № 47) БѢлинскій поставилъ эту „лучшую повѣсть“ Пушкина далеко ниже повѣстей и рассказовъ изъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя. „Въ Капитанской Дочкѣ—говоритъ БѢлинскій—мало творчества и нѣтъ художественно очерченныхъ характеровъ, вмѣсто которыхъ есть мастерскіе очерки и силуэты“... И теперь, въ 1846 году, БѢлинскій хотя и видитъ въ этой повѣсти „одно изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы“, а въ многихъ ея частностяхъ—„чудо совершенства“, однако тутъ же находитъ онъ и „рѣзкіе недостатки“ повѣсти. Воплиѣ оцѣнена была эта вещь Пушкина только черезъ полѣтка послѣ БѢлинскаго, въ прекрасной работѣ Н. Черняева „Капитанская Дочка Пушкина, историко-критическій этюдъ“ (1897 г.). Изъ другихъ повѣстей БѢлинскій нѣсколько подробнѣе остановился на „Дубровскомъ“, сумѣвъ дать въ нѣсколькихъ строкахъ оригинальную характеристику героини этой повѣсти. Кромѣ того, и въ „Капитанской Дочкѣ“, и въ „Дубровскомъ“ БѢлинскій увидѣлъ преобладаніе „паѳоса помѣщичьяго принципа“, и такимъ образомъ въ концѣ своихъ статей еще разъ примѣнилъ къ Пушкину извѣстный уже намъ „соціальный“ критерій. Кстати замѣтить, въ началѣ одиннадцатой статьи БѢлинскій именно съ этой точки зрѣнія черезчуръ подробно остановился на разборѣ „Родословной моего героя“; въ сущности это не столько разборъ, не столько критика, сколько сердитая полемика БѢлинскаго, давно уже стоящаго на „соціальной“ почвѣ демократизма, съ аристократическими идеалами Пушкина.

Еще нѣсколько словъ объ историческихъ и журнальных статьяхъ Пушкина—и БѢлинскій заканчиваетъ этотъ свой громадный, затянувшійся на четыре года трудъ о Пушкинѣ, или, вѣрнѣе сказать, обширную критическую исторію русской поэзіи. Мы шагъ за шагомъ слѣдовали за БѢлинскимъ, особенно останавливаясь на тѣхъ вопросахъ, которые въ настоящее время должны или рѣшаться, или ставиться иначе, чѣмъ это дѣлалъ въ свое время БѢлинскій; но если бы мы, наоборотъ, указывали на тѣ сужденія, которыя до сихъ поръ сохранили всю свою силу, то наша замѣтка выросла бы до громадныхъ размѣровъ. Блестящій и глубокій анализъ поэзіи непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина и связи ихъ съ Пушкинымъ; критическая оцѣнка и классификація лирическихъ произведеній великаго поэта; опредѣленіе внѣшняго и внутренняго паѳоса его творчества; послѣдовательный разборъ

всѣхъ поэмъ Пушкина; рядъ блестящихъ и глубокихъ характеристикъ героевъ этихъ поэмъ и вообще общественныхъ типовъ Россіи первой четверти XIX вѣка,—все это навсегда и неразрывно связало имя БѢлинскаго съ именемъ Пушкина. Съ тѣхъ поръ прошло три четверти вѣка—и до сихъ поръ эта работа БѢлинскаго остается единственной во всей громадной пушкинской литературѣ.

Но именно поэтому необходимо было съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на ошибкахъ БѢлинскаго—не тѣхъ мелкихъ фактическихъ ошибкахъ, которыя мы будемъ исправлять въ примѣчаніяхъ, а на тѣхъ ошибкахъ основной точки зрѣнія, о которыхъ мы уже говорили выше. Главная ошибка—отношеніе къ поэзіи Пушкина, какъ поэзіи *прошлаго*, имѣющей отнынѣ только историческую цѣнность по содержанію, хотя и вѣчно великую по своему художественному значенію. Ошибка эта произошла отъ той общественной точки зрѣнія, на которой стоялъ БѢлинскій, увидѣвшій идейную сущность пушкинскаго творчества въ его аристократизмѣ, въ „паѳосѣ помѣщичьяго принципа“. Въ этомъ была часть истины, а еще большая часть ея была въ опредѣленіи другого паѳоса пушкинскаго творчества—„паѳоса художественности“; но именно эти двѣ истины, соціальная и эстетическая, помѣшали БѢлинскому поставить на первое мѣсто философскую истину творчества Пушкина и оцѣнить главный внутренній паѳосъ пушкинскаго творчества. БѢлинскій съ удивительной пронизательностью и глубиной вскрылъ эту сущность пушкинскаго отношенія къ міру и жизни, его геніальную безсознательную философію „пріятія міра“, которой, какъ солнечными лучами, пронизано все его творчество; БѢлинскій ясно видѣлъ это, но не оцѣнилъ вѣчнаго, неумирающаго значенія этой стороны пушкинскаго творчества: въ этомъ его основная и единственная ошибка. Не оцѣнивъ вѣчнаго, типическаго значенія пушкинскаго міропониманія, БѢлинскій могъ считать поэзію Пушкина—поэзіей минувшей эпохи, а самого Пушкина—великимъ, но не „мировымъ“ поэтомъ; и въ этомъ была вторая, производная ошибка БѢлинскаго. Но вотъ прошло уже три четверти вѣка, скоро цѣлое столѣтіе—а Пушкинъ все такъ же вѣчно-современенъ, все такъ же близокъ людямъ одинаковаго съ нимъ психологическаго типа; его поэзія не можетъ стать минувшей—это живая, бессмертная, вѣчно-настоящая поэзія. Соціальный „паѳосъ помѣщичьяго принципа“ умеръ вмѣстѣ съ эпохой Пушкина, умеръ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что было въ Пушкинѣ смертнаго; но эстетическій паѳосъ „художественности“ и философскій паѳосъ „пріятія міра“, взаимно слитые какъ форма и содер-

жаніе, дѣлають пушкинское творчество великимъ и безсмертнымъ. Для раскрытія этой истины Бѣлинскій, не смотря на всѣ свои ошибки, сдѣлалъ больше, чѣмъ послѣ него

всѣ критики, вмѣстѣ взятые, и потому имя его останется навсегда неразрывно связаннымъ съ именемъ Пушкина.

Н. Р.

Статья первая.

Обозрѣніе русской литературы отъ Державина до Пушкина; начало русской литературы. Тредиаковский, придворный поэт. Ломоносовъ. Сумароковъ. Поповскій. Херасковъ. Петровъ. Костровъ. Майковъ. Державинъ. Кантемиръ. Фонвизинъ. Хемницеръ. Богдановичъ. Капнистъ. Карамзинъ. Дмитріевъ. Сантиментальность, какъ основной элементъ новаго періода русской литературы. Макаровъ. Подшиваловъ. Беницкій. Нелединскій-Мелецкій. Долорукій. Милоновъ. Воейковъ. Кокошкинъ. Хмѣльницкій. В. Пушкинъ. В. Измайловъ. Княжнинъ. Озеровъ. Крюковскій. Крыловъ.

Давно уже обѣщали мы полный разборъ сочиненій Пушкина: предлагаемая статья есть начало выполненія нашего обѣщанія, замедлившагося по причинамъ, изложеніе которыхъ не будетъ здѣсь излишнимъ. Всѣмъ извѣстно, что восемь томовъ сочиненій Пушкина изданы, послѣ смерти его, весьма небрежно во всѣхъ отношеніяхъ—и типографскомъ (плохая бумага, некрасивый шрифтъ, опечатки, а индѣ и искаженный смыслъ стиховъ), и редакціонномъ (пѣсы расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера автора, а по родамъ, изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чѣмъ досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ изданіи—это его неполнота: пропущены пѣсы, помѣщенные самимъ авторомъ въ четырехтомномъ собраніи его сочиненій, не говоря уже о пѣсахъ, напечатанныхъ въ „Современникѣ“ и при жизни и послѣ смерти Пушкина. Послѣдніе три тома сдѣланы компанією издателей-книгопродавцевъ, которые, что могли сдѣлать, какъ издатели, сдѣлали хорошо, т.-е. издали эти три тома красиво и опрятно, но такъ же неполно, какъ были изданы (не имъ, впрочемъ) первые восемь томовъ. Справедливый ропотъ публики, которая, заплатя за одиннадцать томовъ сочиненій Пушкина *шестьдесятъ пять* рублей асс.¹⁾ (сумму, довольно значительную и для книги, хорошо и полно изданной), все-таки не имѣла въ рукахъ полного собранія сочиненій Пушкина,—этотъ ропотъ, соединенный съ столь же дурнымъ расходомъ трехъ послѣднихъ, какъ и восьми первыхъ томовъ, и справедливое негодованіе нѣкоторыхъ журналистовъ на такое оскорбленіе тѣни великаго поэта: все это побудило издателей трехъ остальныхъ томовъ сочиненій Пушкина *обѣщать* отдѣльное дополненіе къ нимъ, въ которомъ публика могла бы найти рѣшительно

все, что написано Пушкинымъ и что не вошло въ одиннадцать томовъ *полнаго* собранія его сочиненій. А пропущено такъ много, что изъ дополненія вышелъ бы цѣлый томъ,—и тогда полное собраніе сочиненій Пушкина состояло бы *пока* изъ *двѣнадцати* томовъ. Говоримъ—*пока*: ибо въ рукописи остаются еще матеріалы къ исторіи Петра Великаго, принятой Пушкинымъ. Говорятъ, что этихъ матеріаловъ стало бы на добрый томъ, и только одному Богу извѣстно, когда русская публика дождется этого тома... Итакъ, *пока* хорошо было бы дожждаться хоть дополненія-то, обѣщаннаго издателями трехъ послѣднихъ томовъ. О немъ много толковали, и мы даже видѣли опыты приготовленія къ этому дѣлу, которое интересовало насъ еще и какъ удобный предлогъ къ началу обѣщанной нами статьи о Пушкинѣ. Но время шло, а вожделѣнное дополненіе не являлось, и мы, право, не знаемъ, явится ли оно когда-нибудь; если же и явится, то не потребуетъ ли еще другого дополненія?... Это рѣшило насъ, не дожидаясь исполненія чужихъ обѣщаній, приняться наконецъ за исполненіе своихъ собственныхъ.

Но, кромѣ того, была и еще другая, болѣе важная, такъ сказать, болѣе внутренняя причина нашей медленности. Година безвременной смерти Пушкина, съ теченіемъ дней, отодвигается отъ настоящаго все далѣе и далѣе, и нечувствительно привыкають смотрѣть на поэтическое поприще Пушкина не какъ на прерванное, но какъ на оковченное вполне. Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтический духъ;—но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своей апогеи, и потому обѣщало только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданій, но уже не обѣщало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники

¹⁾ Около 15 руб. серебр.

Пушкина, съ нимъ вмѣстѣ вышедшіе на попріище жизни и подъ его вліяніемъ образовавшіеся эстетически, уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею закоснѣlostію и своею тупостію въ дѣлѣ разумнаго смѣнѣнія Пушкина корифеевъ русской литературы. Съ другой стороны, новое поколѣніе, развившееся на почвѣ новой общественности, образовавшееся подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ поэзіи Гоголя и Лермонтова, высоко цѣня Пушкина, въ то же время судить о немъ безпристрастно и спокойно. Это значить, что общество движется, идетъ впередъ черезъ свой вѣчный процессъ обновленія поколѣній, и что для Пушкина настаетъ уже потомство. На Руси все растетъ не по годамъ, а по часамъ, и пять лѣтъ для нея—почти вѣкъ. Но новое мнѣніе о такомъ великомъ явленіи, какъ Пушкинъ, не могло образоваться вдругъ и явиться совсѣмъ готовое; но, какъ все живое, оно должно было развиваться изъ самой жизни общества;—каждый новый день, каждый новый фактъ въ жизни и въ литературѣ должны были измѣнять и образъ возрѣнія на Пушкина.

По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ и овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, порожденные совокупностію всѣхъ фактовъ его движущейся жизни,—всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ, безусловно великій и для настоящаго, и для будущаго, какимъ онъ былъ для прошедшаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, который имѣетъ значеніе артистическое и значеніе историческое, словомъ, поэтъ, только одною стороною принадлежащій настоящему и будущему, которая болѣе или менѣе удовлетворяется и будутъ удовлетворяться имъ, а другою, болѣею и значительнѣйшею стороною вполне удовлетворившій своему настоящему, которое онъ вполне выразилъ и которое для насъ—уже прошедшее. Правда, Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ творческихъ геніевъ, тѣхъ великихъ историческихъ натуръ, которыя, работая для настоящаго, приготавливаютъ будущее, и по тому самому уже не могутъ принадлежать только одному прошедшему; но въ томъ-то и состоитъ задача здоровой критики, что она должна опредѣлять зна-

ченіе поэта и для его настоящаго и для будущаго, его историческое и его безусловно художественное значеніе. Задача эта не можетъ быть рѣшена однажды навсегда, на основаніи чистаго разума, нѣтъ, рѣшеніе ея должно быть результатомъ историческаго движенія общества. Чѣмъ выше явленіе, тѣмъ оно жизненнѣе, а чѣмъ жизненнѣе явленіе, тѣмъ болѣе зависитъ его сознаніе отъ движенія и развитія самой жизни. Лучшее, что можно сказать въ похвалу Пушкину и въ доказательство его величія,—то, что при самомъ появленіи его на поэтическую арену онъ встрѣченъ былъ и безусловными похвалами необдуманнаго энтузіазма, и ожесточенною бранью людей, которые въ рожденіи его поэтической славы увидѣли смерть старыхъ литературныхъ понятій, а вмѣстѣ съ ними и свою нравственную смерть,—что запальчивые крики похвалъ и порицаній не умолкали ни на минуту ни въ продолженіе всей его жизни, ни послѣ самой его жизни, и что каждое новое произведеніе его было яблокомъ раздора и для публики, и для привилегированныхъ судей литературныхъ. Теперь утихаютъ эти крики: знакъ, что для Пушкина настало потомство, ибо запальчивая прѣмнѣніи существуетъ только для предметовъ столь близкихъ глазамъ современниковъ, что они не въ состояніи видѣть ихъ ясно и вполне, по причинѣ самой этой близости. Судъ современниковъ бываетъ пристрастенъ; однакожъ въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законная и основательная причинность, объясненіе которой есть тоже задача истинной критики.

Ни одно произведеніе Пушкина—ни даже самъ „Онѣгинъ“—не произвело столько шума и криковъ, какъ „Русланъ и Людмила“; одни видѣли въ ней величайшее созданіе творческаго генія, другіе—нарушеніе всѣхъ правилъ піитики, оскорбленіе здраваго эстетическаго вкуса. То и другое мнѣніе теперь могло бы показаться равно нелѣпнымъ, если не подвергнуть ихъ историческому разсмотрѣнію, которое покажетъ, что въ нихъ обоихъ былъ смыслъ и оба они до извѣстной степени были справедливы и основательны. Для насъ теперь „Русланъ и Людмила“—не больше, какъ сказка, лишенная колорита мѣстности, времени, народности, а потому и неправдоподобная; несмотря на прекрасные стихи, которыми она написана, и проблески поэзіи, которыми она поражаетъ мѣстами, она холодна, по признанію самого поэта, и въ наше время не у всякаго даже юноши станетъ охоты и терпѣнія прочесть ее всю, отъ начала до конца. Противъ этого едва ли кто станетъ теперь спорить. Но въ то время, когда явилась эта поэма въ свѣтъ, она дѣйствительно должна была показаться необык-

повешно великимъ созданіемъ искусства. Вспомните, что до нея пользовались еще безотчетнымъ уваженіемъ и „Душенька“ Богдановича, и „Дѣвѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ Жуковского: какимъ же удивленіемъ должна была поразить читателей того времени сказочная поэма Пушкина, въ которой все было такъ ново, такъ оригинально, такъ обольстительно—и стихъ, которому подобнаго дотоѣ ничего не бывало, стихъ легкій, звучный, мелодическій, гармоническій, живой, эластическій, и складъ рѣчи, и смѣлость кисти, и яркость красокъ, и граціозныя шалости юной фантазіи, и игривое остроуміе, и самая вольность нецѣломудренныхъ, но тѣмъ не менѣе поэтическихъ картинъ!... По всему этому „Русланъ и Людмила“—такая поэма, появленіе которой сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы. Если бы какой-нибудь даровитый поэтъ написалъ въ наше время такую же сказку и такими же прекрасными стихами, въ авторѣ этой сказки никто не увидѣлъ бы великаго таланта въ будущемъ, и сказки никто бы читать не сталъ; но „Русланъ и Людмила“, какъ сказка, *въ-время* написанная, и теперь можетъ служить доказательствомъ того, что не ошиблись предшественники наши, увидѣвъ въ ней живое пророчество появленія великаго поэта на Русь. У всякаго времени свои требованія, и теперь даже обыкновенному таланту, не только генію, нельзя дебютировать чѣмъ-нибудь въ родѣ „Руслана и Людмилы“ Пушкина, „Оберона“ Виланда, или—пожалуй, и „Orlando Furioso“ Аріоста; но всѣ эти поэмы, шуточныя, волшебныя, рыцарскія и сказочныя явились въ свое время и, подѣ этимъ условіемъ, прекрасны и достойны вниманія и даже удивленія. Итакъ, юноши двадцатыхъ годовъ (изъ которыхъ многимъ теперь уже далеко за сорокъ) были правы въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили „Руслана и Людмилу“.

Съ другой стороны, имѣла причину и враждебность, съ которою литературные старовѣры встрѣтили поэму Пушкина: въ ней не было ничего такого, что привыкли они почитать поэзіею; эта поэма была, въ ихъ глазахъ, буйнымъ отрицаніемъ ихъ литературнаго корана. Такъ называемая война классицизма (мертвой подражательности утвержденнымъ формамъ) съ романтизмомъ (стремленіемъ къ свободѣ и оригинальности формъ) была у насъ отголоскомъ такой же войны въ Европѣ, и первая поэма Пушкина послужила поводомъ къ началу этой войны, пережитой Пушкинымъ. Слѣдовавшія затѣмъ поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина были для него рядомъ поэтическихъ триумфовъ. Энтузіасты провозгласили его сѣвернымъ Байрономъ, представителемъ современнаго человечества. Причиною этого неудачнаго срав-

ненія было не одно то, что Байрона мало знали и еще меньше понимали, но и то, что Пушкинъ былъ на Руси полнымъ выразителемъ своей эпохи. Однакожъ, какъ скоро начало устанавливаться въ немъ броженіе кипучей молодости, а субъективное стремленіе начало исчезать въ чисто художественномъ направленіи, — къ нему стали охлаждать, толпа ожесточенныхъ противниковъ стала возрастать въ числѣ, даже самые поклонники или начали примыкаться къ толпѣ порицателей, или переходить къ нейтральной сторонѣ. Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекраснѣйшія созданія Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками оскорбительно. Нѣкоторые изъ этихъ критиковъ очень удачно воспользовались общимъ нерасположеніемъ въ отношеніи къ Пушкину, чтобы отомстить ему или за его къ нимъ презрѣніе, или за его славу, которая имъ почему-то не давала покоя, или, наконецъ, за тяжелые уроки, которые онъ проповѣдывалъ имъ иногда въ легкихъ стихахъ летучихъ эпиграммъ...

Съ другой стороны, люди, искренно и страстно любившіе искусство, въ холодности публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина видѣли только одно невѣжество толпы, увлекающейся юношескими и незрѣлыми произведеніями, но неумѣющей цѣнить обдуманыхъ твореній строгаго искусства. Смотря на искусство съ точки зрѣнія исключительной и односторонней, его жаркіе поборники не хотѣли понять, что если симпатіи и антипатіи большинства бываютъ часто безсознательны, зато рѣдко бываютъ безсмысленны и безосновательны, а, напротивъ, часто заключаютъ въ себѣ глубокий смыслъ. Странно же, въ самомъ дѣлѣ, было думать, чтобы то самое общество, которое такъ дружно, такъ радостно, словно потрясенное электрическимъ ударомъ, въ первый еще разъ въ жизни своей откликнулось на голосъ пѣвца и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ народнымъ поэтомъ, странно было думать, чтобы то же самое общество вдругъ охолодѣло къ своему поэту за то только, что онъ созрѣлъ и возмужалъ въ своемъ геніи, сдѣлался выше и глубже въ своей творческой дѣятельности! А между тѣмъ, это охлажденіе — фактъ, достовѣрность котораго можно доказать свидѣтельствомъ самого поэта: въ его запискахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Опѣгана“, въ стихотвореніи „Поэтъ“ слышится горькая жалоба оскорбленной народной славы. Изъ этого нельзя было не заключить, что если публика была не совсѣмъ права въ своей холодности къ поэту, то и поэтъ все же не былъ жертвою ея прихоти и, по винѣ или безъ вины съ своей стороны, но не случайно же, а по какой-нибудь причинѣ, испыталъ на себѣ ея охлажденіе. Но отвѣта на

эту загадку еще не было: отвѣтъ скрывался во времени, и только время могло дать его. Безвременная смерть Пушкина еще больше запутала вопросъ: какъ и должно было ожидать, она снова и съ большею силою обратила къ падшему поэту сочувствіе и любовь общества. Восторженные поклонники искусства, какъ искусства, тѣмъ болѣе были поражены смертью поэта, и тѣмъ болѣе скорбѣли о ней, что вскорѣ затѣмъ появившіяся въ „Современникѣ“ посмертныя сочиненія Пушкина изумили ихъ своимъ художественнымъ совершенствомъ, своею творческою глубиною. Образъ Пушкина, украшенный страдальческою кончиною, предстоялъ предъ ними во всемъ блескѣ поэтической апоплексіи: это былъ для нихъ не только великій русскій поэтъ своего времени, но и великій поэтъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, гений европейскій, слава всемірная... ¹⁾ Но не успѣло еще войти въ свои берега взволнованное утратою поэта чувство общества, какъ подняла свое жужжаніе и шипѣніе на страдальческую тѣнь великаго злопамятная посредственность, мучимая болью отъ глубокихъ царапинъ, еще пезажившихъ слѣдовъ львиныхъ когтей... Она начала, и прямо и косвенно, толковать о поэтическихъ заслугахъ Пушкина, стараясь унизить ихъ; невпопадъ и кстати начала сравнивать Пушкина и съ Миллнымъ, и съ Пожарскимъ, и съ Суворовымъ, вмѣсто того, чтобъ сравнивать его съ поэтами своей родины... ²⁾ Подобныя нелѣпости не заслуживали бы ничего, кромѣ презрѣнія, какъ выраженіе безсильной злобы; но веселое скаканіе водовозныхъ существъ на могилѣ павшаго въ бою льва возмущаетъ душу, какъ зрѣлище неприличное и отвратительное; а наглое безстыдство низости имѣетъ свойство выводить изъ терпѣнія достоинство, спящее одною истиною... Мудрено ли, что и такое ничтожное само по себѣ обстоятельство, раздражая людей, способныхъ понять и оцѣнить Пушкина какъ должно, только болѣе и болѣе увлекало ихъ въ благородномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безотчетномъ удивленіи къ великому поэту?...

Между тѣмъ, время шло впередъ, а съ нимъ шла впередъ и жизнь, порождая изъ себя новыя явленія, дающія сознанію новые факты и подвигающія его на пути развитія. Общество русское съ невольнымъ удивленіемъ, полнымъ ожиданіемъ и надеждою чего-то великаго, обратило взоры на новаго поэта, смѣло и гордо открывшаго ему новыя стороны жизни и искусства. Равенъ ли по силѣ та-

ланта или еще и выше Пушкина былъ Лермонтовъ — не въ томъ вопросъ: несомнѣнно только, что, даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтовъ призванъ былъ выразить собою и удовлетворить своей поэзіею несравненно высшее, по своимъ требованіямъ и своему характеру, время, чѣмъ то, котораго выраженіемъ была поэзія Пушкина. И менѣе, чѣмъ въ какія-нибудь пять лѣтъ, протекшія отъ смерти Пушкина, русское общество успѣло и радостно встрѣтить пышный восходъ, и горестно проводить безвременный закатъ новаго солнца своей поэзіи!... Другой поэтъ, вышедшій на литературное поприще при жизни Пушкина и привѣтствованный имъ, какъ великая надежда будущаго, послѣ долгаго и скорбнаго безмолвія, подарилъ наконецъ публику такимъ твореніемъ, которое должно составить эпоху и въ лѣтописяхъ литературы, и въ лѣтописяхъ развитія общественнаго сознанія... ¹⁾ Все это было безмолвною, фактической философіею самой жизни и самого времени для рѣшенія вопроса о Пушкинѣ. Толки о Пушкинѣ наконецъ прекратились, но не потому, чтобъ вопросъ о немъ переставалъ интересовать публику, а потому, что публика не хочетъ уже слышать повторенія старыхъ, одностороннихъ мнѣній, требуя мнѣнія новаго и независимаго отъ предубѣжденій, въ пользу или невыгоду поэта. Повторяемъ: мнѣніе это могло выработаться только временемъ и изъ времени, и — чуждые ложнаго стыда — не побоимся сказать, что одною изъ главныхъ причинъ, почему не могли мы ранѣе выполнить своего обѣщанія нашимъ читателямъ касательно разбора сочиненій Пушкина, было сознаніе неясности и неопредѣленности собственнаго нашего понятія о значеніи этого поэта. Знаемъ, что такое признаніе пробудитъ остроуміе нашихъ доброжелателей: въ добрый часъ — пусть себѣ острятся! Мы не завидуемъ *готовымъ натурамъ*, которыя все узнаютъ за одинъ присѣстъ и, узнавши разъ, одинаково думаютъ о предметѣ всю жизнь свою, хвалясь неизмѣнчивостію своихъ мнѣній и неспособностію ошибаться. Да, не завидуемъ: ибо глубоко убѣждены, что только тотъ не ошибался въ истинѣ, кто не искалъ истины, и только тотъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, въ комъ нѣтъ потребности и жажды убѣжденія; исторія, философія и искусство — не то, что математика съ ея вѣчными и неподвижными истинами: движеніе математики, какъ науки, состоитъ не въ движеніи ея истинъ, а въ открытіи новыхъ и кратчайшихъ путей къ достиженію неизмѣнныхъ результатовъ. Въ царствѣ математики нѣтъ случайности и произвола, зато нѣтъ и жизни; но исторія, философія и искусство

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ здѣсь о себѣ самомъ 1838—1841 гг.; см. т. I, статьи № 11, 19 и др.

²⁾ Грѣхъ идетъ о Булгаринѣ; въ послѣднихъ словахъ очевидный намекъ на Мицкевича и на польское происхожденіе Булгарина.

¹⁾ „Мертвыя души“ Гоголя.

живутъ какъ природа, какъ духъ человѣчскій, выражаемые ими, живутъ, вѣчно измѣняясь и обновляясь; ихъ единство скрыто въ многообразіи и разнообразіи, необходимость—въ свободѣ, разумность—въ случайности. Кто хочетъ уловлять своимъ сознаниемъ законы ихъ развитія, тотъ самъ, подобно имъ, долженъ развиваться и доходить до результатовъ истины не въ легкомъ наслажденіи апатическаго спокойствія, а въ болѣзняхъ и мукахъ рожденія: зерно истины въ благодатной душѣ то же, что младенецъ въ утробѣ матери — предметъ пламенной любви и трудныхъ попеченій, источникъ блаженства и скорбей... ¹⁾.

Кромѣ того, насъ останавливали еще предѣлы замышляемой нами статьи. Наблюдая за ходомъ отечественной литературы, мы, естественно, часто должны были въ прошедшемъ отыскивать причины настоящаго и прозрѣвать въ историческую связь явленій. Чѣмъ болѣе думали мы о Пушкинѣ, тѣмъ глубже прозрѣвали въ живую связь его съ прошедшимъ и настоящимъ русской литературы и убѣждались, что писать о Пушкинѣ—значитъ писать о цѣлой русской литературѣ: ибо какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утѣшительна: она показываетъ, что, несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдственно у нея есть исторія. Мы далеки отъ самолюбивой мысли удовлетворительно развитъ это воззрѣніе на русскую литературу, и желаемъ только одного—хоть намекнуть на это воззрѣніе и проложить другимъ дорогу тамъ, гдѣ еще не протоптано и тропинки. Пусть другіе сдѣлаютъ это лучше насъ: мы первые порадуемся ихъ успѣху, а сами для себя будемъ довольны и тѣмъ, если намъ, намекомъ на это воззрѣніе, удастся положить конецъ старымъ толкамъ о русской литературѣ и произвольнымъ личнымъ сужденіямъ о русскихъ писателяхъ...

Вотъ для чего, приступая къ критическому разсмотрѣнію сочиненій Пушкина, мы почли за необходимое сперва обозрѣть ходъ и развитіе русской поэзіи (ибо предметъ нашихъ статей будетъ не литература въ обширномъ смыслѣ, а только поэзія русская) съ самаго ея начала. Выходъ новаго изданія сочиненій Державина доставилъ намъ удобный случай взглянуть съ нашей точки зрѣнія на его творенія, и нашу статью о Державинѣ ²⁾ мы считаемъ началомъ статьи о Пушкинѣ, почему и намѣрены связать обѣ эти статьи обзоромъ

историческаго развитія русской поэзіи отъ Державина до Пушкина, черезъ что статья наша о Державинѣ будетъ еще пополнена и уяснена общою идеею, которая должна быть основою всего ряда этихъ статей, образующихъ собою *критическую исторію* „изящной литературы“ русской. Вслѣдъ за статьями о Пушкинѣ мы немедленно приступимъ къ разбору (тоже давно нами обѣщанному) сочиненій Гоголя и Лермонтова. И хотя въ нашемъ журналѣ не разъ и не мало было говорено объ этихъ писателяхъ, однакоже обобщаемыя статьи нисколько не будутъ повтореніемъ сказаннаго.

Русская литература есть не туземное, а пересаженное растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства или не обратиться на него всего вниманія—значитъ не понять ни русской литературы, ни ея исторіи. Мы начали ея характеристику сравненіемъ—и продолжимъ сравненіемъ же. Одни растенія, будучи перенесены въ новый климатъ и пересажены въ новую почву, сохраняютъ свой прежній видъ и свои прежнія качества; другія измѣняются въ томъ и другомъ, по вліянію на нихъ новаго климата и новой почвы. Русская литература можетъ быть сравниваема съ растеніями втораго рода. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи отрѣшиться отъ результатовъ искусственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Европы и явилась у насъ какъ заморское нововведеніе. Ее понимали, какъ искусство слагать вирши на разные торжественные случаи. Тредьяковскій былъ привилегированнымъ придворнымъ *пѣтой* и „воспѣвалъ“ даже балы и маскарады придворные, словно какъ государственныя событія. Ломоносовъ, *первый* русскій поэтъ, тоже понималъ поэзію, какъ „воспѣваніе“ торжественныхъ случаевъ, и первая ода его (и въ то же время первое русское стихотвореніе, написанное правильнымъ размѣромъ) была пѣснью на взятіе русскими войсками Хотина. Это было въ 1739 г.; стало быть, теперь этому *сто четыре* года. Впрочемъ, „пѣснопѣвческій“ и „воспѣвательный“ взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ. Всеобщою извѣстностію тогда пользовались только древнія литературы, изъ которыхъ греческая была или по наслышкѣ извѣстна, или искаженно и превратно понимаема, а латинская, лучше знаемая и болѣе доступная и любимая, считалась идеаломъ всякой изящной

¹⁾ Ср. все это со статьей № 40: тамъ впервые высказаны Бѣлинскимъ эти же мысли.

²⁾ См. т. II, ст. № 44.

литературы. Изъ новѣйшихъ литературъ пользовались всеобщею извѣстностію только французская и итальянская, особенно первая, ибо она наиболѣе находилась подъ вліяніемъ латинской, по крайней мѣрѣ, во вѣнскихъ формахъ. Нѣмецкой изящной литературы тогда еще не существовало; испанская и англійская не были извѣстны за предѣлами своихъ земель.

Итакъ, изъ новѣйшихъ литературъ французская царила надъ всѣми другими, гордо презирая англійскую и испанскую, какъ выраженіе крайняго безвкусія, почитая Данта уродливымъ поэтомъ, и восхищаясь по-своему Петраркою и Тассомъ. Вліяніе древнихъ литературъ на французскую (а слѣдственно и на всѣ другія въ Европѣ того времени) состояло въ условныхъ понятіяхъ о вѣнскихъ формахъ поэтическихъ произведеній и удобовѣреніяхъ кстати и некстати изъ языческой мифологіи. У древнихъ стихи не читались, а говорились речитативомъ съ аккомпаньементомъ музыкальнаго инструмента—лиры; оттого у древнихъ „пѣть“ значило въ переносномъ значеніи „сочинять стихи“. Въ новомъ мірѣ стихи не пѣлись, а читались, и лиры совсѣмъ не существовало; но приличіе требовало, чтобъ въ стихахъ не обходилось безъ „пою“ и „лиры“. Мифологія была выраженіемъ жизни древнихъ, и ихъ боги были не аллегоріями, не символами, не риторическими фигурами, а живыми понятіями въ живыхъ образахъ. Въ новомъ мірѣ царила религія Христа и, стало быть, боговъ не было; но, несмотря на то, нельзя было написать никакого стихотворенія, гдѣ бы не стрѣляли изъ лука Амуры и Купидоны, не были Бореи, Нептунъ не воздымалъ моря, Зефиры не дышали прохладою и т. д. А почему?—Потому что такъ было у грековъ и римлянъ! По возрѣнію грековъ, трагедія могла быть только апофеозомъ государственной жизни, и оттого у нихъ дѣйствовали въ ней только представители стихій государственности: цари, герои, военачальники, правители, жрецы (а по связи ихъ жизни съ религіею и боги); народъ же могъ присутствовать на сценѣ только въ видѣ хора, выражавшаго лирическими изліяніями свое участіе не въ происходящемъ передъ его глазами событіи, но свое участіе къ происходившему передъ его глазами событію. Единство основной идеи считалось у грековъ столько необходимымъ условіемъ для трагедіи, какъ и для всякаго другого произведенія поэзіи; единство же мѣста и времени отнюдь не считалось необходимостію, но часто соблюдалось какъ по простотѣ и немногосложности дѣйствія, такъ и по обширности сцены. Драматурги новѣйшаго міра поняли это по-своему. Набожно хранили они въ трагедіи правило тріединства; допускали

въ нее только царей и героев съ ихъ наперсниками, а изъ простого народа позволяли появляться на сценѣ однимъ „вѣстникамъ“. Вотъ что значитъ принять фактъ за идею! Созданія греческой поэзіи, вышедшія изъ жизни грековъ и выразившія ее собою, показались для новыхъ поэтовъ поормою и первообразомъ для поэзіи народовъ другой религіи, другого образованія, другого времени! Это особенно видно изъ понятія псевдоклассиковъ объ эпосѣ: греческій эпосъ „Иліаду“ и рабскій сколокъ съ нея—„Энеиду“ приняли они за эпосъ всеобщій и думали, что до скончанія міра всѣ эпические поэмы должны писаться по ихъ образцу, безъ малѣйшаго отступленія, даже начинаться не иначе, какъ „муза, воспой“, или „пою“. Поэтому, истинная „Иліада“ среднихъ вѣковъ—„Божественная Комедія“ Данта, выразившая собою всю глубинну духовной жизни своего времени въ свойственныхъ этой жизни и этому времени формахъ, казалась имъ не эпическою поэмою, а уродливымъ произведеніемъ. Да и какъ могло быть иначе: она начиналась не съ глагола „пою“ и называлась—о, ужасъ!—*комедіею*!!... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклассиковъ, должна была „воспѣвать“ какое-нибудь великое событіе въ жизни человѣчества, или въ жизни народа,—и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мѣстнаго колорита, приводиться въ движеніе сверхъестественными силами, выражаться напыщенно и безцвѣтно,—чего необходимо требуетъ всякая поддѣлка подъ чужую форму и тѣмъ болѣе подъ чужую жизнь. Вотъ происхождение *риторической* поэзіи. Основаніе ея—отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности; характеръ—ложь и общія мѣста. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.

Ломоносовъ былъ первымъ основателемъ русской поэзіи и первымъ поэтомъ Руси. Для насъ теперь непонятна такая поэзія: она не оживляетъ нашего воображенія, не шевелитъ сердца, а только производитъ въ насъ скуку и зѣвоту. Но если сравнивать Ломоносова съ Сумароковымъ и Херасковымъ—стихотворцами, вышедшими на поприще послѣ него,—то нельзя не признать въ Ломоносовѣ значительнаго дарованія, которое пробивается даже въ ложныхъ формахъ риторической поэзіи того времени. Только одинъ Державинъ былъ несравненно больше поэтъ, чѣмъ Ломоносовъ: до Державина же Ломоносову не было никакихъ соперниковъ, и хотя Сумароковъ и Херасковъ цѣнились современниками не ниже его, но имъ до него—

Какъ до звѣзды небесной далеко!

Сравнительно съ ними, языкъ его чистъ и

благороденъ, слогъ точенъ и силенъ, стихъ исполненъ блеска и паренія. Если же не всякій могъ такъ писать, какъ Ломоносовъ, — значитъ нужно имѣть талантъ, чтобъ писать такъ, какъ писалъ онъ. Поэзія Корнелия и Расина для насъ — ложная, риторическая поэзія, и намъ отъ нея спится такъ же сладко, какъ и отъ поэзіи Сумарокова; но, чтобъ и теперь писать такъ, какъ писали въ свое время Корнель и Расинъ, надо имѣть большой талантъ; писать же такъ, какъ писалъ Сумароковъ, не нужно было никакого таланта и въ его время, а нужна была только охота и страсть къ писанію. Въ одахъ Ломоносова: „Къ Юву“, „Утреннее“ и „Вечернее размышленіе о величествѣ Божіемъ“, кромѣ замѣчательнаго искусства версификаціи, видны еще одушевленіе и чувство, чего незамѣтно ни въ одномъ стихотвореніи Сумарокова или Хераскова. Поэзія Ломоносова — хвалебная и торжественная по преимуществу. Сумароковъ писалъ, по крайней мѣрѣ, комедіи, эклоги, сатиры, кромѣ трагедій и одъ: Ломоносовъ писалъ только оды, и кромѣ нихъ написалъ двѣ трагедіи, да неоконченную поэму „Петриаду“. Таковъ былъ духъ времени; такъ понимали тогда поэзію въ Европѣ, и разстояніе между „Петриадою“ Ломоносова и „Генриадою“ Вольтера, право, не велико. Въ „Петриадѣ“ Ломоносовъ описываетъ дворецъ Нептуна на днѣ Бѣлаго моря: нашъ поэтъ не подумалъ о томъ, что отвелъ слишкомъ холодную квартиру обитателю Средиземнаго моря и греческаго архипелага. Петръ Великій и Нептунъ, морской богъ древнихъ грековъ, какое сближеніе! Понятно, почему не кончилъ Ломоносовъ своей дикой, напыщенной поэмы: у него было отъ природы столько здраваго смысла и ума, что онъ не могъ кончить подобнаго *tour de force* воображенія, поднятаго на дыбы. Трагедіи Ломоносова похожи на его „Петриаду“. Сумароковъ писалъ во всѣхъ родахъ, чтобъ сравняться съ господиномъ Вольтеромъ, и во всѣхъ равно былъ безталантенъ. Но о поэзіи тогда думали иначе, нежели думаютъ теперь, и, при страсти къ писанію и раздражительномъ самолюбіи, трудно было не сдѣлаться великимъ гениемъ. Современники были безъ ума отъ Сумарокова. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей екатерининскихъ временъ, Новиковъ, въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“: „Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями приобрѣлъ онъ себѣ великую и бессмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. И хотя первый изъ россіянъ онъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искус-

ства, но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина. Его эклоги равняются знающими людьми съ Виргиліевыми и поднесъ еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнасса; и въ семь родѣ стихотвореній далеко превосходитъ онъ Федра и де-ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ семь родѣ. Впрочемъ, всѣ его сочиненія любителями россійскаго стихотворства весьма много почитаются“ (стр. 207 — 208). Такія похвалы Сумарокову теперь, конечно, очень смѣшны; но онѣ имѣютъ свой смыслъ и свое основаніе, доказывая, какъ важны, полезны и дороги для успѣховъ литературы тѣ смѣлыя и неутомимые труженники, которые, въ простотѣ сердца, принимаютъ свою страсть къ бумагомаранію за великій талантъ. При всей своей бездарности, Сумароковъ много способствовалъ къ распространенію на Руси охоты къ чтенію и къ театру. Современники дорожатъ такими людьми, добродушно удивляясь имъ, какъ гениямъ. Вотъ что говоритъ тотъ же Новиковъ о Василии Кирилловичѣ Тредьяковскомъ: „Сей мужъ былъ великаго разума, многого ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія; весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, итальянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ; также въ философіи, богословіи, краснорѣчіи и въ другихъ наукахъ. Полезными своими трудами приобрѣлъ себѣ бессмертную славу, и первый въ Россіи сочинилъ правила новаго россійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобъ одного человѣка достало къ тому столько силъ; ибо одну древнюю Ролленеву исторію перевелъ онъ два раза... Притомъ не обинуясь къ его чести сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству: при чемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ, и первый, положившій толико труда и прилежанія въ переводѣ на россійскій языкъ препозелныхъ книгъ“ (стр. 118—119). Мы не безъ намѣренія дѣлаемъ эти выписки: свидѣтельство современниковъ, какъ всегда пристрастное, не можетъ служить доказательствомъ истины и послѣднимъ отвѣтомъ на вопросъ; но оно всегда должно приниматься въ соображеніе при сужденіи о писателяхъ, ибо въ немъ всегда есть своя часть истины, часто невозможная для потомства. Посему, мы не разъ еще приобѣгнемъ къ подобнымъ выпискамъ въ продолженіе нашей статьи, чтобъ показать ими, какъ смотрѣли на того или другого писателя его современники, изъ чего, нѣкоторымъ образомъ, можно судить о степени его важности и въ исторіи литературы.

Громкою славою пользовались у знатоковъ и любителей литературы того времени четверо писателей изъ школы Ломоносова — Поповскій, Херасковъ, Петровъ и Костровъ. Поповскій обязанъ своею громкою извѣстностію въ то время лестнымъ отзывамъ Ломоносова о переведенномъ имъ стихами „Опытѣ о Человѣкѣ“ Попа. Вотъ что говоритъ о Поповскомъ Новиковъ: „Опытъ о человѣкѣ славнаго въ ученomъ свѣтѣ Попа перевелъ онъ съ французскаго языка на русскій съ такимъ искусствомъ, что, по мнѣнію знающихъ людей, гораздо ближе подошелъ къ подлиннику и не зная англійскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ французскаго, перевелъ въ стихи, и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ; напечатана сія книга въ Москвѣ 1757 года. Онъ переложилъ съ латинскаго языка въ латинскіе стихи Горациеву эпистолу о стихотворствѣ, и нѣсколько изъ его одъ; также перевелъ прозою книгу о воспитаніи дѣтей, состоящую въ двухъ частяхъ, славнаго Лока: *сей переводъ, по мнѣнію знающихъ людей, едва не превосходитъ ли и подлинникъ*. Онъ сочинилъ нѣсколько рѣчей, читанныхъ въ публичныхъ собраніяхъ, и также писалъ торжественныя оды. Вообще стихотворство его чисто и плавно, а изображенія просты, ясны, пріятны и превосходны“ (стр. 168—169). Поповскій умеръ 30-ти лѣтъ, и сжегъ свой переводъ Тита Ливія (котораго перевелъ больше половины) и переводъ многихъ одъ Анакреона, будучи недоволенъ своими переводами и боясь, чтобы послѣ его смерти они не были напечатаны. Стихи Поповскаго, по своему времени, дѣйствительно хороши, а недовольство его не совершенствомъ трудовъ своихъ еще болѣе обнаруживаетъ въ немъ человѣка съ дарованіемъ. Замѣчательно, что многія мѣста переведеннаго имъ „Опыта“ были не пропущены тогдашнею цензурою.

Херасковъ написалъ цѣлыя двѣнадцать томовъ. Онъ былъ и эпикъ, и лирикъ, и трагикъ, писалъ даже „слезныя драмы“ и комедіи, и во всемъ этомъ обнаружилъ большую страсть къ литературѣ, большое добродушіе, большое трудолюбіе и — большую безталантность. Но современники думали о немъ иначе, и смотрѣли на него съ какимъ-то робкимъ благоговѣніемъ, какого не возбуждали въ нихъ ни Ломоносовъ, ни Державинъ. Причиною этого было то, что Херасковъ подарилъ Россію двумя эпическими или героическими поэмами — „Россіадою“ и „Владиміромъ“. Эпическая поэма считалась тогда высшимъ родомъ поэзіи, и не имѣть хоть одной поэмы народу — значило тогда не имѣть поэзіи. Ка-

кова же должна быть гордость отцовъ нашихъ, которые знали, что у итальянцевъ была одна только поэма — „Освобожденный Іерусалимъ“, у англичанъ тоже одна — „Потерянный Рай“, у французовъ одна, и то недавно написанная — „Генріада“, у нѣмцевъ одна, почти въ одно время съ поэмами Хераскова написанная — „Мессіада“, даже у самихъ римлянъ только одна поэма; а у насъ, русскихъ, такъ же какъ и у грековъ, цѣлыя двѣ! Каковы эти поэмы — объ этомъ не разсуждали, тѣмъ болѣе, что никому въ голову не приходила мысль о возможности усомниться въ ихъ высокомъ достоинствѣ. Самъ Державинъ смотрѣлъ на Хераскова съ благоговѣніемъ и разъ, безъ умысла, написалъ на него злую эпиграмму, думая написать мадригалъ, въ стихотвореніи „Ключъ“, который оканчивается слѣдующими стихами:

Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключъ,
Поилъ водой ты стихотворства ¹⁾.

Дмитріевъ такъ выразилъ свое удивленіе къ Хераскову, въ этой надписи къ его портрету:

Пускай отъ зависти сердца злоловъ ноютъ,
Хераскову они вреда не принесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Мы увидимъ ниже, какъ долго еще продолжалось мистическое уваженіе къ творцу „Россіады“ и „Владиміра“, несмотря на сильныя возстанія противъ его авторитета нѣкоторыхъ дерзкихъ умовъ: оно совершенно окончилось только при появленіи Пушкина. Причина этого мистическаго уваженія къ Хераскову заключается въ риторическомъ направленіи, глубоко охватившемъ нашу литературу. Кромѣ этихъ двухъ стихотворныхъ поэмъ, Херасковъ написалъ еще три поэмы въ прозѣ: „Кадмъ и Гармонія“, „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ и „Нума Помпилій, или Процвѣтающій Римъ“. „Похожденія Телемака“ Фенелона, „Гонзальвъ Кордуанскій“ и „Нума Помпилій“ Флоріана были образцами прозаическихъ поэмъ Хераскова. Замѣчательно предисловіе автора къ первой изъ нихъ: „Мнѣ совѣтовали переложить сіе сочиненіе стихами, дабы видъ эпической поэмы оно пріяло. Надѣюсь, могутъ читатели повѣрить мнѣ, что я въ состояніи былъ издать сіе сочиненіе стихами; но я не поэму писалъ, а хотѣлъ сочинить простую токмо повѣсть, ко-

¹⁾ Бѣлинскій неоднократно приводилъ эту ненамѣренную эпиграмму Державина на Хераскова; интересно отмѣтить поэтому, что впервые на это указалъ кн. Вяземскій еще въ 1827 году. „Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державинимъ безъ умысла въ одѣ *Ключъ*. „Вода стихотворства“, говоря о поэзіи Хераскова — выраженіе удивительно вѣрное и забавное...“ („Сѣверные Цвѣты“ на 1827 годъ, стр. 157).

торая для стихословія не есть удобна. Кому извѣстны піитическія правила, тотъ при чтеніи сей книги почувствуетъ, для чего не стихами она написана“. Далѣе, Херасковъ возстаетъ противъ мнѣнія Тредьяковскаго, утверждавшаго, что поэмы должны писаться безъ рима и что „Телемакъ“ именно потому не ниже „Иліады“, „Одиссеи“ и „Энеиды“ и выше всѣхъ другихъ поэмъ, что писанъ безъ рима. Дѣтское простодушіе этихъ мнѣній и споровъ лучше всего показываетъ, какъ далеки были словесники того времени отъ истиннаго понятія о поэзіи, и до какой степени видѣли они въ ней одну риторику. Въ „Полидорѣ“ особенно замѣчательно внезапное обращеніе Хераскова къ русскимъ писателямъ. Имена ихъ означены только заглавными буквами — характеристическая черта того времени, чрезвычайно скрупулезнаго въ дѣлѣ печати. Но мы выпишемъ ихъ имена вполнѣ, кромѣ тѣхъ, которыя трудно угадать: „Такова есть сила пѣснословія, что боги сами восхищаются привлекательнымъ музъ пѣніемъ, музъ небесныхъ, пиршествъ ихъ на холмистомъ Олимпѣ сопровождающихъ; — и кто не восхитится стройностію лиръ пріятныхъ? чье сердце не тронется сладостнымъ гласомъ музъ вдохновенныхъ піитовъ? сердце суровое и нечувствительное, единый наружный токмо слухъ имѣющее, или пріятности стихотворства ощущать не сотворенное. Можетъ ли чувствительная душа, можетъ ли въ восторгъ не прийти, внимая громкому и важному *тннїю* напереника музъ, парящаго Ломоносова? Можетъ ли кто не плѣниться нѣжными и пріятными твореніями С.? ¹⁾ Я пою въ моемъ отечествѣ, и піитовъ россійскихъ нечисляю; мнѣ они путь къ горѣ парнасской проложили; свѣтомъ ихъ озаряемый, *воспѣлъ* я россійскихъ древнихъ царей и героев; *воспѣлъ* Кадма не стопосложнымъ, но простымъ слогомъ; нынѣ повѣствую Полидора, не внимая сужденію нелюбителей россійскаго слова, ни укоризнамъ завистливыхъ челоуѣковъ, въ уничиженіи другихъ славу свою поставляющихъ. Но пусть они гиппокренскаго источника прежде меня достигнутъ, тогда, уступивъ имъ лавры, спокойно за ними послѣдую; слабыя и недостойныя творенія забвенны будутъ. А вы, мои предшественники, вы, мои достославные современники, въ памяти нашихъ потомковъ впечатлѣнны и славимы вѣчно будете; — и ты, бардъ временъ нашихъ, превосходный пѣвецъ и тщательный писатель красотъ натуры! ²⁾.

¹⁾ Должно быть, дѣло идетъ о *Евстафїи Станевичѣ*, весьма плохомъ піитѣ того времени.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Здѣсь, вѣроятно, идетъ дѣло о *Бобровѣ*, авторѣ описательной поэмы: „Херсониды, или лѣтній день на полуостровѣ Херсонидѣ“ и разныхъ лирическихъ стихотвореній. Бобровъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ

И ты, Державинъ, вѣрнѣе не умрешь по твоему вдохновенному свыше изреченію. По не давай прохладяться священному пламени, въ духѣ твоёмъ музами восплавленному; музы не любятъ, кто, ими призываемъ будучи, рѣдко съ ними бесѣдуетъ. Тебѣ, любимецъ музъ, русскій путешественникъ Карамзинъ; тебѣ, чувствительный Нелединскій; тебѣ, пріятный пѣвецъ Дмитріевъ; тебѣ, Богдановичъ, творецъ Душеньки, и тебѣ, Петровъ, писатель одъ громогласныхъ, важностію преисполненныхъ, то же я вѣшаю. А вы, юные музъ питомцы, вы, россійскаго пѣснопѣнія любители! шествуйте ко храму ихъ медленно, осторожно и рачительно; онъ воздвигнутъ на горѣ высокой; стези къ нему пробираютъ сквозь скалы крутыя, извитыя, перепутанныя. Достигнувъ парнасскія вершины, изліянный потъ вашъ, раченіе, тщательность ваша, осѣняющими гору древесами прохлаждены будутъ; чело ваше пріосѣнится вѣнцемъ неувядаемымъ. Но помните, что ядовитость, самолюбіе и тщеславіе музамъ неприличны суть; онѣ — дѣвы, и любить непорочность нравовъ, любятъ нѣжное сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Неимѣющие правилъ добродѣтели главнымъ своимъ видомъ, вольнодумцы, горделивые стопослагатели, блага общаго нарушители друзьями ихъ наречья не могутъ. Буди цѣломудръ и кротокъ, кто безсмертныя пѣсни составлять хочетъ! Таковы строги суть уставы горы парнасской, на коей возсѣдаютъ безсмертныя піиты, витіи и прочіе други *Өпвовы*“. („*Тв. Хераск.*“ . Т. XI, стр. 1—3).

Бѣдный Херасковъ! думалъ ли онъ, пиша эти строки, что, всю жизнь свою строго исполняя нравственныя правила своей эстетики, онъ тѣмъ не менѣе самъ будетъ забытъ неблагодарнымъ потомствомъ?

Странно, однако, что отзывъ Новикова о Херасковѣ сдѣланъ въ довольно умѣренныхъ выраженіяхъ: „Вообще сочиненія его весьма много похваляются, а особливо трагедія Бориславъ, оды, пѣсни, обѣ поэмы, всѣ его сатирическія сочиненія и Нума Помпилій, приносятъ ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и пріятно, слогъ текущій и твердый, изображенія сильны и свободны: его оды наполнены стихотворческаго огня. сатирическія сочиненія остроты и пріятныхъ замысловъ, а Нума Помпилій философическихъ разсужденій: и онъ по справедливости почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, и заслуживаетъ великую похвалу“ (стр. 237).

Петровъ считался громкимъ лирикомъ и остроумнымъ сатирикомъ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь жестче, грубѣе и напыщеннѣе

знакомъ съ англійскою литературою и подражалъ ея писателямъ Поповской школы. — *Прим. Бѣлинскаго.*

дебелой лиры этого семинарскаго пѣвца. Въ одѣ его „на побѣду російскаго флота надъ турецкимъ“ много той напыщенной высокопарности, которая почиталась въ то время лирическимъ восторгомъ и пѣтическимъ па-реніемъ. И потому эта ода особенно восхищала современниковъ. И дѣйствительно, она лучше всего прочаго, написаннаго Петровымъ, потому что все прочее изъ рукъ вонъ плохо. Грубость вкуса и площадность выраженій составляютъ характеръ даже нѣжныхъ его стихотвореній, въ которыхъ онъ воспѣвалъ живую жену и умершаго сына своего. Но такова сила преданія. Каченовскій еще въ 1813 году, когда Петрова давно уже не было на свѣтѣ, восхвалялъ его въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“! Странно, что въ „Опытѣ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“ Новиковъ холодно и даже насмѣшливо, а потому и весьма справедливо, отзывался о Петровѣ: „Вообще о сочиненіяхъ его сказать можно, что онъ *напрягается* идти по слѣдамъ російскаго лирика; и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“ (стр. 163). Этотъ отзывъ взбѣсилъ Петрова, и онъ отвѣтилъ сатирою на „Словарь“, которая можетъ служить образцомъ его сатирическаго остроумія.

... Я шлюсь на Словаря,
Въ немъ имя ты мое найдешь безъ фонаря;
Смотришко, тамо я какъ солнышко блистаю,
На самой маковкѣ Парнасса превитаю!
То правда, косна желвь тамъ сдѣлана орломъ,
Кукушка лебедемъ, ворона соколомъ;
Тамъ монастырскіе запечны лежебоки
Пожалованы всѣ въ искусники глубоки;
Коль вѣрить Словарю, то сколько есть дворовъ,
Столь много на Руси великихъ авторовъ;
Тамъ подлой на ряду съ писцомъ стоитъ алыр-
щикъ,

...
Съ баклагой сбивенщикъ, и водолить съ бадбей;
А все то авторы, все мужи имениты,
Да были до сихъ поръ оплошностью забыты:
Теперь свѣтъ умному обяванъ молодцу,
Что полну ихъ именъ составилъ памятку;
Въ дни древни, въ старину жилъ, былъ де царь
Ватуто,
Онъ былъ, да жилъ, да былъ, и сказка-то вся тутю.
Такой-то въ эдакомъ писатель жилъ году;
Ни строчки на своемъ не издалъ онъ роду;
При всемъ томъ слогъ имѣлъ, повѣрьте, моло-
децкой;

Зналъ греческій языкъ, китайской и турецкой.
Тотъ умныхъ сколько-то наткалъ проповѣдей:
Да ихъ въ печати нѣтъ. О! былъ онъ грамотей;
Въ семь годъ цвѣлъ Ѳома, а въ эдакомъ Ерема;
Какая же по немъ осталася поэма?
Слогъ пылокъ у сего и разумъ такъ летучъ,
Какъ молнія въ зѣирь сверкающа изъ тучъ.

Сей первый издалъ въ свѣтъ шутиливую піесу,
По точнымъ правиламъ и хохоту по вѣсу.
Сей надписи начерталъ, а этотъ патерикъ;
Въ томъ разума былъ пудъ, а въ этомъ четверикъ.
Тотъ истину хранилъ, читль сердцемъ добродѣ-
тель,

Друзьямъ былъ вѣрный другъ и бѣднымъ благодѣ-
тель;

Въ великомъ тѣлѣ духъ великой же имѣлъ,
И видя смерть въ глазахъ, былъ мужественъ и
смѣлъ.

Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ
комъ мелокъ.

Кто съ нимъ ватажилъ, былъ другъ ему и братъ,
Во святцахъ тотъ его не меньше какъ Сократъ.

О, други, что своимъ дивитесь работамъ,
Сію вы памятку читайте по субботамъ!

Когда-жъ возлюбленный всероссій нашъ Сло-
варь

Плохъ разумомъ судья, плохъ нашихъ хвалъ зво-
наръ:

Кто-жъ будетъ цѣновщикъ сложеній стихотвор-
ныхъ,

Кто силенъ отличить хорошія отъ вздорныхъ?

Костровъ прославилъ себя переводомъ шести пѣсенъ „Иліады“ шестистопнымъ ямбомъ. Переводъ жестокъ и дебелъ, Гомера въ немъ нѣтъ и признаковъ; но онъ такъ хорошо соотвѣтствовалъ тогдашнимъ понятіямъ о поэзіи и Гомерѣ, что современники не могли не признавать въ Костровѣ огромнаго таланта.

Изъ старой до-державинской школы пользовался большой извѣстностью подражатель Сумарокова — Майковъ. Онъ написалъ двѣ трагедіи, сочинялъ оды, посланія, басни, въ особенности прославился двумя такъ называемыми „комическими“ поэмами: „Елисей, или раздраженный Вакхъ“ и „Игрокъ Ломбера“. Г. Гречъ, составитель послужныхъ и литературныхъ списковъ русскихъ литераторовъ, находитъ въ поэмахъ Майкова „необыкновенный пѣтическій даръ“, по мы, кромѣ площадныхъ красотъ и веселости дурного тона, ничего въ нихъ не могли найти ¹⁾.

Съ Державина начинается новый періодъ русской поэзіи, и какъ Ломоносовъ былъ первымъ ея именемъ, такъ Державинъ былъ вторымъ. Въ лицѣ Державина поэзія русская сдѣлала великій шагъ впередъ. Мы сказали, что въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ пьесахъ Ломоносова, кромѣ замѣчательнаго по тому времени совершенства версификаціи, есть еще и одушевленіе и чувство; но здѣсь должны прибавить, что характеръ этого одушевленія и этого чувства обнаруживаетъ въ Ломоносовѣ скорѣе оратора, чѣмъ поэта, и

¹⁾ Ошибочное отношеніе къ В. Майкову, въ поэмѣ котораго хотя и нѣтъ никакого „пѣтическаго дара“, но есть зато грубоватая пародія на „стопудовыя пѣимы“ того времени. „Елисей“ Майкова былъ такимъ же первымъ ударомъ ложно-классической поэмѣ, какъ впослѣдствіи „Тріумфъ“ Крылова — первымъ ударомъ ложно-классической трагедіи.

что элементовъ художественныхъ рѣшительно незамѣтно ни въ одномъ его стихотвореніи. Державинъ, напротивъ, чисто художническая натура, поэтъ по призванію; произведенія его преисполнены элементовъ поэзіи какъ искусства, и если, несмотря на то, общій и преобладающій характеръ его поэзіи — риторическій, въ этомъ виновать не онъ, а его время. Въ Ломоносовѣ боролись два призванія — поэта и ученаго, и послѣднее было сильнѣе перваго: Державинъ былъ только поэтъ, и больше ничего. Въ стихотвореніяхъ его уже нечего удивляться одушевленію и чувству — это не первое и не лучшее ихъ достоинство: они запечатлѣны уже высшимъ признакомъ искусства — проблесками художественности. Муза Державина сочувствовала музѣ эллинской, царицѣ всѣхъ музъ, и въ его анакреонтическихъ одахъ промелькиваютъ пластическіе и граціозные образы древней антилогической поэзіи; а Державинъ между тѣмъ не только не зналъ древнихъ языковъ, но и вообще лишенъ былъ всякаго образованія. Потомъ, въ его стихотвореніяхъ не рѣдко встрѣчаются образы и картины чисто русской природы, выраженные со всею оригинальностью русскаго ума и рѣчи. И если все это только промелькиваетъ и проблескиваетъ, какъ элементы и частности, а не является цѣлымъ и оконченнымъ, какъ созданіе выдержаннаго и полнаго, такъ что Державина должно читать всего, чтобы изъ разсѣянныхъ мѣстъ въ четырехъ томахъ его сочиненій составить понятіе о характерѣ его поэзіи, а ни на одно стихотвореніе нельзя указать, какъ на художественное произведеніе, — причина этому, повторяемъ, не въ недостаткѣ или слабости таланта этого богатыря нашей поэзіи, а въ историческомъ положеніи и литературы и общества того времени. Послѣднее Екатериною II возросло уже послѣ нея, а при ней вся жизнь русскаго общества была сосредоточена въ высшемъ сословіи, тогда какъ всѣ прочія были погружены во мракъ невѣжества и необразованности. Слѣдовательно, общественная жизнь (какъ совокупность извѣстныхъ правилъ и убѣжденій, составляющихъ душу всякаго общества человеческого) не могла дать творчеству Державина обильныхъ матеріаловъ. Хотя онъ и воспользовался всѣмъ, что только могло ему дать, однако этого было достаточно только для того, чтобы поэзія его, по объему ея содержанія, была глубже и разнообразнѣе поэзіи Ломоносова (поэта временъ Елисаветы), но не для того, чтобы онъ могъ сдѣлаться поэтомъ не одного своего времени. Сверхъ того, такъ какъ всякое развитіе совершается постепенно и послѣдующее всегда испытываетъ на себѣ неизбежное вліяніе предшествовавшаго, то Дер-

жавинъ не могъ, вопреки своей поэтической натурѣ, смотрѣть на поэзію иначе, какъ съ точки зрѣнія Ломоносова, и не могъ не видѣть выше себя не только этого учителя русской литературы и поэзіи, но даже Хераскова и Петрова. Однимъ словомъ: поэзія Державина была первымъ шагомъ къ переходу вообще русской поэзіи отъ риторики къ жизни, но не больше.

Мы здѣсь только повторяемъ, для связи настоящей статьи, *resumé* нашего воззрѣнія на Державина; кто хочетъ доказательствъ, тѣхъ отсылаемъ къ нашей статьѣ о Державинѣ во второй и третьей книжкахъ „Отеч. Записокъ“ нынѣшняго года.

Важное мѣсто долженъ занимать въ исторіи русской литературы еще другой писатель екатерининскаго вѣка: мы говоримъ о Фонвизинѣ. Но здѣсь мы должны на минуту воротиться къ началу русской литературы. Кромѣ того обстоятельства, что русская литература была, въ своемъ началѣ, нововведеніемъ и пересадкою, — начало ея было ознаменовано еще другимъ обстоятельствомъ, кс-торое тѣмъ важнѣе, что оно вышло изъ историческаго положенія русскаго общества и имѣло сильное и благотѣльное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе нашей литературы до сего времени, и доселѣ составляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ и оригинальныхъ чертъ ея. Мы разумѣемъ здѣсь ея сатирическое направленіе. Первый по времени поэтъ русскій, писавшій варварскимъ языкомъ и силлабическимъ стихосложеніемъ, Кантемиръ, былъ сатирикъ. Если взять въ соображеніе хаотическое состояніе, въ которомъ находилось тогда русское общество, эту борьбу умирающей старины съ возникающимъ новымъ, то нельзя не признать въ поэзіи Кантемира явленія жизненнаго и органическаго, и ничего нѣтъ естественнѣе, какъ явленіе сатирика въ такомъ обществѣ. Съ легкой руки Кантемира сатира вѣдрилась, такъ сказать, въ нравы русской литературы, и имѣла благотѣльное вліяніе на нравы русскаго общества. Сумароковъ велъ ожесточенную войну противъ „красиваго зелья“ лихонимцевъ; Фонвизинъ казнилъ въ своихъ комедіяхъ дикое невѣжество стараго поколѣнія и грубый доскъ поверхностнаго и внѣшняго европейскаго полуобразованія новыхъ поколѣній. Сынъ XVIII вѣка, умный и образованный, Фонвизинъ умѣлъ смѣяться вмѣстѣ и весело, и ядовито. Его „Посланіе къ Шумилу“ переживаетъ всѣ толстыя поэмы того времени. Его письма къ вельможѣ изъ-за границы по своему содержанію несравненно дѣльнѣе и важнѣе „Писемъ Русскаго Путешественника“: читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшной картинѣ француз-

скаго общества, такъ мастерски нарисованной нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами французы, далеку былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота. Его исповѣдь и юмористическія статейки, его вопросы Екатерины II,—все это исполнено для насъ величайшаго интереса, какъ живая лѣтопись прошедшаго. Языкъ его хотя еще не карамзинскій, однако уже близокъ къ карамзинскому. Но, по предмету нашей статьи, для насъ всего важнѣе двѣ комедіи Фонвизина — „Недоросль“ и „Бригадиръ“. Обѣ онѣ не могутъ называться комедіями въ художественномъ смыслѣ этого слова: это скорѣе плодъ усилія сатиры стать комедіею, но этимъ-то и важны онѣ: мы видимъ въ нихъ живой моментъ развитія разъ занесенной на Русь идеи поэзіи, видимъ ея постепенное стремленіе къ выраженію жизни, дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи самыя недостатки комедій Фонвизина дороги для насъ, какъ факты тогдашней общественности. Въ ихъ резонѣрахъ и добродѣтельныхъ людяхъ слышится для насъ голосъ умныхъ и благонамѣренныхъ людей того времени, — ихъ понятія и образъ мыслей, созданные и направленные съ высоты престола.

Хемницеръ, Богдановичъ и Капнистъ тоже принадлежатъ уже ко второму періоду русской литературы: ихъ языкъ чище, и книжный риторическій педантизмъ замѣтенъ у нихъ менѣе, чѣмъ у писателей ломоносовской школы. Хемницеръ важнѣе остальныхъ двухъ въ исторіи русской литературы: онъ былъ первымъ баснописцемъ русскимъ (ибо притчи Сумарокова едва ли заслуживаютъ упоминовенія), и между его баснями есть нѣсколько истинно прекрасныхъ и по языку, и по стиху, и по наивному остроумію. Богдановичъ произвелъ фуроръ своей „Душенькою“: современники были отъ нея безъ ума. Для этого достаточно привести, какъ свидѣтельство восторга современниковъ, три слѣдующія надгробія Дмитріева творцу „Душеньки“:

I.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о, граціи, вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ
пѣвецъ.

II.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ его текли всѣ лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ владычницей полевѣта,
И въ памяти его Россія сохранить.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь музъ любимецъ
спитъ.

III.

На руку преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ
И мыслить, отягченъ тоскою:
Кто „Душеньку“ теперь такъ мило воспоетъ?

Ко второму изданію сочиненій Богдановича, вышедшему уже въ 1818 году, при-

ложено множество эпитафій и элегій, написанныхъ во время оно по случаю смерти пѣвца „Душеньки“ (а онъ умеръ въ 1802 году). Между ними особенно замѣчательны три; первая принадлежитъ издателю Платону Бекетову, человѣку умному и не безъизвѣстному въ литературѣ; вотъ она:

Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ давалъ;
Амуръ водилъ рукой: онъ *Душеньку* писалъ.

Вторая написана близкимъ родственникомъ автора „Душеньки“, Иваномъ Богдановичемъ:

Не нужно надписями могилу ту пестрить,
Гдѣ *Душенька* одна все можетъ замѣнить.

Третья принадлежитъ анониму и написана по-французски:

Quoique bien tu sois l'auteur,
De ce poème enchanteur,
Tu seras un téméraire,
Si tu mets au bas ton nom.
Bogdanoviz! pour bien faire
Il faut signer Apollon.

Кстати: въ предисловіи ко второму изданію сочиненій Богдановича издатель говорить, что перваго изданія (1809 — 1810) не успѣло разойтись и 200 экземпляровъ, какъ въ Москву вступилъ непріятель; сочиненія Богдановича, разумѣется, подверглись общей участи всѣхъ книгъ въ это смутное время, и потому впослѣдствіи уцѣлѣвшіе экземпляры перваго изданія сочиненій Богдановича, вмѣсто *двѣнадцати* рублей, продавались въ книжныхъ лавкахъ по *шестидесяти* рублей!..

Восторженное удивленіе къ Богдановичу продолжалось долго. Самъ Пушкинъ съ любовью и увлеченіемъ не разъ дѣлалъ къ нему обращенія въ стихахъ своихъ ¹⁾. А между тѣмъ, для насъ теперь поэма эта лишена всякаго признака поэтической прелести. Стихи ея, необыкновенно гладкіе, легкіе для своего времени, теперь и тяжелы и неблагозвучны; наивность разсказа и нѣжность чувствъ приторны, а содержаніе ребячески ничтожно. И ни въ содержаніи, ни въ формѣ „Душеньки“ Богдановича нѣтъ и тѣни поэтического мѣла и пластической красоты эллинской. Что-жъ было причиной восторга современниковъ? — Не что другое, какъ необычайная для того времени легкость стиха, состоявшаго изъ не однообразнаго количества стопъ: отсутствіе тяжелаго и напыщенно восторженнаго тона, начинавшаго надоедать, и при этомъ: соблазнительная вольность содержанія картинъ, законно допущенная шутливымъ родомъ стихо-

¹⁾ Это не вѣрно; Бѣлинскій не зналъ, что еще въ письмѣ къ Бестужеву-Марлинскому отъ 21 марта 1825 года Пушкинъ иронизировалъ надъ тѣмъ, что „Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ“...

творения и льстившая фантазия и чувству читателей.

Капнист писал оды, между которыми иные отличались элегическим тоном. Стих его отличался необыкновенною легкостью и гладкостью для своего времени. Въ элегических одах его слышатся душа и сердце. Но эти и оканчиваются все достоинства его поэзии. Онъ часто злоупотреблялъ своею грустью и слезами, ибо грустил и плакалъ въ одной и той же одѣ на нѣсколькихъ страницахъ. Капнистъ знаменитъ еще, какъ авторъ комедіи „Ябеда“. Это произведение незначительно въ поэтическомъ отношеніи, но принадлежитъ къ исторически важнымъ явлениямъ русской литературы, какъ смѣлое и рѣшительное нападеніе сатиры на крючкотворство, ябеду и лихоимство, такъ страшно терзавшія общество прежняго времени.

Теперь мы приблизились къ одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской литературы. Посѣянное и насажденное Екатериною II начало возрастать и приносить плоды. По мѣрѣ того, какъ цивилизація и просвѣщеніе стали утверждаться на Руси, начала распространяться и литературная образованность. Вслѣдствіе этого появленіе преобразовательныхъ талантовъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ и направленіе литературы, стало чаще и обыкновеннѣе, чѣмъ прежде, а новые элементы стали скорѣе входить въ литературу. Въ то время, какъ Державинъ былъ уже въ апогеѣ своей поэтической славы, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ; въ то время, какъ были еще живы Херасковъ, Петровъ, Костровъ, Богдановичъ, Княжнинъ и Фонвизинъ; въ то время, когда еще Крыловъ былъ юношею по 21-му году, Жуковскому было только шесть лѣтъ отъ роду, Батюшкову только два года, а Пушкина еще не было на свѣтѣ, въ то время одинъ молодой человѣкъ 24 лѣтъ отправился за границу. Это было въ 1789-мъ году, а молодой человѣкъ этотъ былъ — Карамзинъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ издавалъ въ 1792 и 1793 годахъ „Московский Журналъ“, въ которомъ помѣщали свои сочиненія Державинъ и Херасковъ. Въ 1794 году онъ издалъ въ двухъ частяхъ альманахъ „Аглая“ и альманахъ „Мои Бездѣлки“ (въ двухъ частяхъ); въ 1797—1799 годахъ онъ напечаталъ три тома „Аонидъ“, а въ 1802 и 1803 годахъ издавалъ основанный имъ журналъ „Вѣстникъ Европы“, который въ 1808 г. издавалъ Жуковский. Въ 1804 г. въ первый разъ была представлена въ Петербургѣ трагедія Озерова — „Эдипъ въ Аѳинахъ“; а въ 1805, 1807 и 1809 годахъ были въ первый разъ представлены его трагедіи — „Фингалъ“, „Димитрій Донской“ и „Полуксена“. Съ 1793 по 1807 годъ начали по-

являться комедіи и другіе драматическіе опыты Крылова, а около 1810 года появились его басни ¹⁾. Съ 1815 года начали появляться въ журналахъ стихотворенія Жуковского и Батюшкова.

Карамзинъ имѣлъ огромное вліяніе на русскую литературу. Онъ преобразовалъ русскій языкъ, совлекая его съ ходуль латинской конструкціи и тяжелой славянщины и приблизивъ къ живой, естественной, разговорной русской рѣчи. Своимъ журналомъ, своими статьями о разныхъ предметахъ и повѣстями онъ распространялъ въ русскомъ обществѣ познаніе, образованность, вкусъ и охоту къ чтенію. При немъ и вслѣдствіе его вліянія тяжелый педантизмъ и школярство смѣнились сантиментальностію и свѣтскою легкостью, въ которыхъ много было страннаго, но которыя были важнымъ шагомъ впередъ для литературы и общества. Повѣсти его ложны въ поэтическомъ отношеніи, но важны по тому обстоятельству, что наклонили вкусъ публики къ роману, какъ изображенію чувствъ, страстей и событій частной и внутренней жизни людей. Карамзинъ писалъ и стихи. Въ нихъ нѣтъ поэзіи, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человѣка, выраженными въ стихотворной формѣ: но они простотою своего содержанія, естественностію и правильностію языка, легкостью (по тому времени) версификаціи, новыми и болѣе свободными формами расположенія, были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи.

Но для нея гораздо болѣе сдѣлалъ другъ и сподвижникъ Карамзина — Дмитріевъ, который былъ старше его только пятью годами. Дмитріевъ не былъ поэтомъ въ смыслѣ лирика: но его басни и сказки были превосходными и истинно-поэтическими произведеніями для того времени. Пѣсни Дмитріева нѣжны до приторности, — но таковы были тогда всеобщій вкусъ. Оды Дмитріева сильно отзываются риторикой: но, несмотря на то, онѣ были большимъ успѣхомъ со стороны русской поэзіи. Громозвучность и пареніе, составлявшія тогда необходимое условіе оды, въ нихъ довольно умѣренны, а выраженіе просто, не говоря уже о правильности языка и тщательной отдѣлкѣ стиха. Формы оды Дмитріева оригинальны, какъ, напримѣръ, въ „Ермакѣ“, гдѣ поэтъ рѣшился вывести двухъ сибирскихъ шамановъ, изъ которыхъ старый рассказываетъ молодому, при шумѣ волнъ Иртыша, о гибели своей отчизны. Стихи этой пьесы для нашего времени и грубы и шероховаты и непоэтичны: но для своего времени

¹⁾ Въ каталогѣ Смирдина не означено перваго изданія басенъ Крылова, а второе вышло въ 1815—1816 годахъ.

Прим. Бѣлинскаго.

Первая книжка басенъ Крылова вышла въ 1808 г.

они были превосходны, и отъ нихъ вѣяло духомъ новизны. Что же касается до манеры и тона пьесы,—это было рѣшительное нововведеніе, и Дмитріевъ потому только не былъ прозванъ *романтикомъ*, что тогда не существовало еще этого слова. Вообще, въ стихотвореніяхъ Дмитріева, по ихъ формѣ и направленію, русская поэзія сдѣлала значительный шагъ къ сближенію съ простотою и естественностію, словомъ—съ жизнію и дѣйствительностію: ибо въ нѣжно вздыхательной сентиментальности все же больше жизни и натуры, чѣмъ въ книжномъ педантизмѣ. Рѣчи, которыя поэтъ влагаетъ въ уста шамаповъ, исполнены декламаціею и стараются блистать высокимъ слогомъ—это правда; но мысль въ жалобахъ и разсказахъ шамана на берегу Иртыша выказать подвигъ Ермака—это уже не риторическая, а поэтическая мысль. Тутъ еще нѣтъ поэзіи, но есть уже стремленіе къ ней, и видно желаніе проложить для поэзіи новые пути.

Въ это время въ русской литературѣ замѣтно уже пробужденіе духа критицизма. Нѣкоторые старые авторитеты начали уже качиваться. Въ 1802 году Карамзинъ написалъ статью „Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ“. Въ ней ни слова не сказано о живыхъ писателяхъ—о Державинѣ и Херасковѣ, ибо это считалось тогда неприличнымъ; также ни слова не сказано о Петровѣ, хотя уже со дня смерти его прошло болѣе трехъ лѣтъ: можно догадываться, что Карамзинъ не хотѣлъ возстановлять противъ себя почитателей этого поэта, къ которымъ принадлежали всѣ грамотные люди, и въ то же время не хотѣлъ хвалить его противъ своего убѣжденія. Эта литературная уклончивость была въ характерѣ Карамзина. Въ „Пантеонѣ“ было въ первый еще разъ высказано справедливое сужденіе о Тредьяковскомъ. Вотъ что говоритъ о немъ Карамзинъ: „Если бы охота и прилежность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредьяковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчій? Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ-поэтовъ, и сыплетъ лучи свои единственно на тѣхъ, которые родились съ его печатью. *Не только дарованіе, но и самый вкусъ не пріобрѣтается; и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ автора.* Тредьяковскій учился во Франціи у славнаго Роллена; зналъ древніе и новые языки; читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ... не имѣлъ способности писать“. Сужденіе Карамзина о Сумароковѣ мягче и уклончивѣе, нежели о Тредьяковскомъ; но тѣмъ не менѣе оно было страшнымъ приговоромъ колоссальной славы этого пигмея. „Сумароковъ еще сильнѣе Ло-

моусова дѣйствовалъ на публику, избравъ для себя сферу обширѣйшую. Подобно Вольтеру, онъ хотѣлъ блистать во многихъ родахъ—и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. *Потомство не такъ думаетъ*: но, зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достигнуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находить многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и *не хочетъ быть строгимъ критикомъ его недостатковъ*. Уже *олимпіамъ не курится перстъ кумиромъ*: но не тронемъ мраморнаго подножія: оставимъ въ цѣлости и надпись: *Великій Сумароковъ!*... Соорудимъ новыя статуи, если надобно: не будемъ разрушать тѣхъ, которыя воздвигнуты благородною ревностію отцовъ нашихъ!“ Замѣчательно, что Карамзинъ ставилъ въ недостатокъ трагедій Сумарокова то, что „онъ старался болѣе описывать *чувства*, нежели представлять *характеры* въ ихъ эстетической и нравственной истинѣ“, и что, „называя героевъ своихъ именами древнихъ князей русскихъ, не думалъ соображать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ времени“. Нельзя не увидѣть въ такихъ замѣчаніяхъ сужденія необыкновенно умнаго человека—и великаго шага впередъ со стороны литературы и общества. Правда, Карамзинъ находилъ многіе стихи въ трагедіяхъ Сумарокова „нѣжными и милыми“, а иные даже „сильными и разительными“; но не забудемъ, что всякое сознаніе развивается постепенно, а не родится вдругъ, что Карамзинъ и такъ уже видѣлъ неизмѣримо дальше литераторовъ старой школы, и, сверхъ того, онъ, можетъ быть, боялся, что ему совсѣмъ не повѣрятъ, если онъ скажетъ истину вполне, или не смягчитъ ея незначительными въ сущности уступками.

Остроумная и ѣдкая сатира Дмитріева „Чужой Толкъ“ также служитъ свидѣтельствомъ возникшаго духа критицизма. Она устремлена противъ громогласнаго „одошнѣнія“, которое начинало уже досаждало слуху. Поэтъ заставляетъ, въ своей сатирѣ, говорить одного старика съ такою „любезною простотою дѣдовскихъ временъ“:

Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напярши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзаль никто надѣяться изъ насъ
Быть Флаккеу, Рамлеру и ихъ собратьи рав-
нымъ,

И столько-жъ, какъ они, во пѣснопѣвьи слав-
нымъ?

Какъ думаешь?.. Вчера случилось мнѣ слычать
И ихъ и нашу пѣнь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они

Писали ихъ рѣзвась, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастли-
вѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то все забавы
прочь!

Надъ нарою стиховъ просиживаетъ почь,
Потѣеть, думаетъ, чернить и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложить разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная—иная въ двѣсти строфы!
Судите-жь, сколько тутъ хорошихъ есть стих-
ковъ!

Къ тому-жь, и въ правилахъ: сперва прочтешь
вступленье,

Тутъ предложеніе, а тамъ и заключеніе—
Точь-вточь, какъ говорятъ учены по церквямъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ чигать охоты—вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гнали
шведы!

Всѣ тутъ подробности сраженія нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!.. а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего-бъ нехитрому уму
Не выдумать и вѣкъ: *зари баряны персты,*
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ берется объяснить
старика причину такого грустнаго явленія.
Эта причина, увы! и теперь еще не совсѣмъ
состарѣлась, и теперь еще не совсѣмъ ана-
хронизмъ! Слушайте:

Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожь здѣсь въ Москвѣ толкался я не мало
Межъ нашихъ Циндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣ-
чать:

Большая часть изъ нихъ — лейбъ-гвардіи ка-
праль,
Агессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунстъ-камеры антикъ въ пыли хо-
дячій,
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, долж-
ностной...

А вотъ и объясненіе причины дѣятельности
нашихъ поэтовъ:

Къ тому-жь у древнихъ цѣль была, у насъ дру-
гая:

Гораций, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О, онъ—онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣка
Изъ лавровъ, иль изъ миртъ, чтобъ Делія ска-
зала:

„Онъ славецъ—чрезъ него и я безсмертна
стала!“

А нашихъ многихъ цѣль ¹⁾: или дружество съ
князькомъ,

Который отъ роду не читывалъ другаго,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцеслова,
Иль похвала своихъ пріятелѣй, а имъ
Печатный каждый листъ быть кажется святымъ.

Приписывая неуспѣхи нашихъ поэтовъ убѣ-
жденію, что, если у кого есть природный даръ,
тотъ имѣетъ право ничему не учиться и быть
невѣждою,—злой аристархъ презабавно опи-
сываетъ, какъ писались въ старину громкія
оды:

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть на-
роду.

Что Римникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ воедъ. Костюшку, поло-чилъ,—
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *ода!*
Потомъ въ одинъ присѣсть: *такого дня и года!*
„Тутъ какъ?.. *Пою!*.. Иль нѣтъ, ужъ это старина.
„Не лучше-ль: *даждь мнѣ, Фебъ!*.. Иль такъ: *не*
ты одна

„Подпала подъ пяту, о, чалмоносна *Порта?*

„Но что же мнѣ прибрать къ ней въ рному.
кромѣ чорта?

„Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо: я лучше поброжу,
„И воздухомъ себя открытымъ освѣжу“.
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ рассу-
ждаетъ:

„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
„Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хва-
литъ

„Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
„Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ иль съ
Орловымъ?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ
новымъ—

„Неловко что-то все!—Да просто напishу:
„*Ликуй, герой! ликуй! герой ты! возглашу.*

„Изрядно! тутъ же что? Тутъ надобенъ вос-
торгъ.

„Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*

„*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*

„*И то, и то...* А тамъ? извѣстно: *много мѣта!*

„Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!

„Да здравствуетъ поэтъ! Осталось присѣсть!

„Да только написать, да и печатать смѣло!“
Бѣжить на свой чердакъ, чертить, и въ шляпѣ
дѣло!

И оду ужъ его тисненію предають,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають.
Вотъ такъ циндарилъ онъ, и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!

Право, не дурно было бы, если бъ какой-ни-
будь даровитый поэтъ нашего времени напи-
салъ современный „Чужой Толкъ“ и объяснилъ,
какъ пишутся теперь романы, повѣсти и „па-
тріотическія драмы“...

Дмитріевъ заставляетъ, въ своей сатирѣ,
говорить плохого стихотворца—

Пою!.. иль нѣтъ, ужъ это старина!

А между тѣмъ это „пою“ вмѣстѣ съ „лирою“
такъ часто попадаетъ и въ стихахъ самого
Дмитріева и въ стихахъ Карамзина. Это пе-
решло отъ писателей предшествовавшихъ
двухъ школъ—домоносовской и державинской,
которыя подъ „литературою“ разумѣли и
„пѣснопѣніе“: кто бы что бы ни писалъ—въ
стихахъ или въ прозѣ,—онъ пѣлъ, а не пи-
салъ. Державинъ, въ стихотвореніи своемъ
„Прогулка въ Царскомъ Селѣ“, дѣлаетъ та-
кое обращеніе къ Карамзину:

¹⁾ Здѣсь Бѣлинскимъ, вѣроятно, по ошибкѣ, про-
пущены полтора стиха.

И ты, сиди при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынь,
Пою, Карамзинъ!—и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьянъ.

Въ стихотвореніяхъ Дмитріева и Карамзина русская поэзія сдѣлала значительный шагъ впередъ, и со стороны направленія и со стороны формы; но изъ-подъ риторическаго вліянія далеко еще не освободилась. Фебы, лиры, гласы, устѣченія, пѣтическія вольности и болѣе или менѣе прозаическая фактура только ослабились въ ней, но не исчезли; они удержались въ ней по преданію, которое дошло даже и до Пушкина, какъ увидимъ это послѣ. Но важно то, что, если поэзія и удержала риторическій характеръ, зато какъ она, такъ и вообще беллетристика русская приобрѣли новый характеръ вслѣдствіе направленія, даннаго имъ Карамзинымъ и Дмитріевымъ: мы говоримъ о *сантиментальности*. Не Карамзинъ съ Дмитріевымъ изобрѣли ее; они только привили ее къ русской литературѣ. Она преобладала въ литературѣ и въ нравахъ всей Европы XVII и XVIII вѣка. Насчетъ сантиментальности много можно сказать смѣшного и забавнаго; но мы хотимъ судить о ней, не потѣшаться ею. Она—важное явленіе въ отношеніи къ историческому развитію человѣчества, котораго процессъ всегда совершается переходами изъ крайности въ крайность. Феодальная дикость и грубость нравовъ Европы среднихъ вѣковъ совершенно исчезли только при Людовикѣ XIV—представитель новаго, противоположнаго эпохѣ рыцарства времени; но, исчезнувъ, эта феодальная дикость, естественно, уступила мѣсто изнѣженности чувствъ. Мужчины и женщины исчезли: ихъ замѣнили пастушки и пастушки, поэты вздыхали, охали и ахали, красавицы стонали, какъ горлинки, madame Дезульеръ воспѣвала барашковъ и голубковъ, наивно завидуя ихъ праву любиться открыто, не стыдясь добрыхъ людей. Это вздыхательное и чувствительное направленіе существовало въ Европѣ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ страшныя бури и грозныя волненія политическія, разразившіяся надъ нею въ концѣ прошлаго вѣка, не измѣнили ея характера и нравовъ. Россія не знала возродившейся Европы до славной для себя эпохи 1814 года, и результаты этого новаго знакомства обнаружались въ ея литературѣ только со времени появленія Пушкина и начала войны романтизма съ классицизмомъ. До того же времени наши поэты и литераторы продолжали поклоняться старымъ авторитетамъ: Мерзляковъ критиковалъ съ голоса Лагарпа и переводилъ идилліи madame Дезульеръ; Озеровъ подражалъ Расину; въ Крыловѣ видѣли подражателя Лафонтена; Батюшковъ

низкопоклонничалъ передъ какимъ-нибудь Парни, котораго далеко превосходилъ талантомъ; Жуковскій вполнину шелъ особымъ путемъ, вполнину покорялся вліянію карамзинской школы. Итакъ, русская литература познакомилась и сошлась съ европейскою сантиментальностію почти въ ту минуту, какъ Европа навсегда разсталась съ своею сантиментальностію. Эта встрѣча была необходима и полезна для русской литературы и нравовъ ея общества. Въ Европѣ сантиментальность смѣнила феодальную грубость нравовъ; у насъ она должна была смѣнить остатки грубыхъ нравовъ до-петровской эпохи. Это понятно тамъ, гдѣ не только просвѣщеніе и литература, но и общительность и любовь были нововведеніемъ. Сантиментальность, какъ раздражительность грубыхъ нервовъ, разслабленныхъ и утонченныхъ образованіемъ, выразила собою моментъ *ощущенія* (sensation) въ русской литературѣ, которая до того времени носила на себѣ характеръ книжности. Смѣнины теперь намъ эти романическія имена: *Нина, Каллиста, Леонія, Эмилія, Лилетта, Леонъ, Милонъ, Модестъ, Эрастъ*; но въ свое время они имѣли глубокий смыслъ: въ нихъ выразилась человѣческая склонность къ романтической мечтательности, къ жизни сердцемъ. Въ лицѣ Карамзина русское общество обрадовалось, въ первый разъ узнавъ, что у него, этого общества, есть душа и сердце, способныя къ нѣжнымъ движеніямъ. Это называлось тогда „наслаждаться чувствительностію“. Кто могъ плакать въ умиленіи отъ пѣсни Дмитріева „Стонетъ сизый голубочекъ“, тотъ, конечно, понималъ поэзію лучше того, кто видѣлъ ее только въ торжественныхъ одахъ на разныя иллюминаціи. Поэзія предшествовавшей школы пугала женщинъ, а стихи Дмитріева, Карамзина и Нелединскаго-Мелецкаго женщины знали наизусть, и ими воспитывались цѣлыя поколѣнія. Карамзина читали всѣ грамотные люди, претендовавшіе на образованность; многихъ изъ нихъ только Карамзинъ и могъ заставить приняться за чтеніе книгъ и полюбить это занятіе, какъ пріятное и полезное.

Въ одинъ годъ съ Карамзинымъ (1765) родился *Макаровъ*, человѣкъ, которому суждено было играть въ русской литературѣ роль созвѣздія Карамзина, хотя они и не были знакомы другъ съ другомъ. Въ 1803 году Макаровъ издавалъ журналъ „Московскій Меркурій“, статьи котораго отличались такимъ же направленіемъ и такимъ же языкомъ, какъ и статьи Карамзина. Макаровъ былъ одаренъ вкусомъ, талантами, путешествовалъ по Европѣ и вообще принадлежалъ къ умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ людямъ своего времени. Сравните его разборъ сочиненій

Дмитріева и разборъ Карамзина „Душеньки“ Богдановича: оба эти разбора писаны какъ будто однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Макаровъ защищалъ Карамзина противъ извѣстнаго въ то время фанатическаго пуризма русскаго языка. Выступилъ Макаровъ на поприще литературы въ 1795 году съ прекраснымъ переводомъ, впрочемъ, посредственнаго романа „Графъ де Сентъ-Меранъ, или Новыя Заблужденія Ума и Сердца“. Онъ же перевелъ двѣ первыя части „Антеноровыхъ путешествій по Греціи и Азіи“ Лантье, издавныя имъ въ 1802 году. Къ сожалѣнію, этотъ примѣчательный человѣкъ не долго жилъ: онъ умеръ въ 1804 году.

Капнистъ, по вліянію на него Карамзина, долженъ быть причтенъ къ числу писателей карамзинской школы, въ которой замѣчательны также: *Подшиваловъ* и *Бенитскій*, хорошіе прозаики; *Нелединскій-Мелецкій*, прославившійся нѣжными пѣснями, въ которыхъ много непритворной чувствительности; *Долоррукій*, издававшій свои стихотворенія подъ сантиментальнымъ титуломъ „Бытіе Моего Сердца“, поэтъ чувствительный и сатирическій, нѣрѣдко отличавшійся неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ; *Милоновъ*, замѣчательный сатирикъ; *Воейковъ*, стихотворецъ, переводчикъ эклога Virgilія, описательныхъ поэмъ Делиля, обезсмертившій себя однимъ извѣстнымъ въ рукописи стихотвореніемъ ¹⁾, потомъ журналистъ, прославившійся полемикою; *Кокошкинъ* и *Хмѣльницкій*, переводчики и подражатели Мольера; *Василій Пушкинъ*, стихотворецъ, и *Владиміръ Измайловъ*, прозаикъ.

Озеровъ и *Крыловъ* являются, особенно послѣдній, самостоятельными дѣятелями въ карамзинскомъ періодѣ нашей литературы, хотя и принадлежатъ къ школѣ преобразователя русскаго языка. Послѣ Сумарокова, на поприщѣ драматической литературы со славою подвизался *Княжнинъ*. У него не было самостоятельнаго таланта, но какъ онъ былъ человѣкъ умный, образованный, знавшій иностранные языки и хорошо владѣвшій русскимъ, то и пользовался съ успѣхомъ богатой трапезой французскаго театра, лѣня свои трагедіи и комедіи изъ отрывковъ французскихъ драматурговъ, которые переводилъ почти слово въ слово. Сочиненія этого трудолюбиваго писателя представляютъ собою значительный успѣхъ русской драматической поэзіи, со стороны вкуса и языка онъ далеко оставилъ за собою предшественника своего, Сумарокова. Но еще дальше его самого оставилъ за собой *Озеровъ*. Это былъ

талантъ положительный, и появленіе его было эпохою въ русской литературѣ, которая имѣла въ немъ своего Расина. Неспособный рисовать страсти и характеры, онъ увлекалъ живымъ изображеніемъ чувствъ. Трагедія его—сколокъ съ французской, и потому не удивительно, что теперь онъ забытъ театромъ совершенно, и его не играютъ и не читаютъ; но въ исторіи русской литературы онъ никогда не будетъ забытъ. Языкъ русскій въ трагедіяхъ Озерова сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Въ одно время съ Озеровымъ явился *Крюковский*, котораго трагедія „Пожарскій“ имѣла необыкновенный успѣхъ, но не по литературному достоинству, а по похвальнымъ чувствамъ патріотизма, которыя не могли не пробудить сочувствія въ эпоху борьбы Россіи съ Наполеономъ.

Крыловъ писалъ комедіи весьма замѣчательныя по остроумію; но слава его, какъ баснописца, не могла не затмить его славы, какъ комика. Крыловъ далеко оставилъ за собою и Хемницера и Дмитріева и достигъ въ баснѣ возможнаго совершенства. Басни Крылова—сокровищница русскаго практическаго смысла, русскаго остроумія и юмора, русскаго разговорнаго языка; онѣ отличаются и простодушіемъ и народностію. Крыловъ исполнилъ народный писатель, и теперь уже воспитатель не менѣе тридцати поколѣній. Басня, какъ родъ поэзіи, довольно ложный родъ: ея явленіе возможно только у народа, находящагося еще въ младенчествѣ, и потому ея родина—Востокъ. У грековъ она въ-время явилась съ Эзопомъ. Французы, хотѣвшіе въ литературѣ во всемъ подражать древнимъ, рѣшили, что у нихъ должна быть басня, потому что она была у грековъ; а мы, русскіе, во всемъ подражавшіе французамъ, рѣшили, что и у насъ должна быть басня, потому что у французовъ есть басня. Впрочемъ, у насъ басня явилась съ Хемницеромъ болѣе кстати и болѣе въ-время, чѣмъ у французовъ явилась она съ Лафонтеномъ. Этотъ ложный родъ удивительно привился къ французской литературѣ и получилъ тамъ особенную народную форму; баснѣ посчастливилось и у насъ: во Франціи она имѣла Лафонтена, у насъ Крылова, а за это ей можно простить ея ложность, какъ рода поэзіи. Знатоки говорятъ, что архитектура во вкусѣ рококо—ложная архитектура; положимъ такъ, но Растрелли тѣмъ не менѣе великій художникъ. Чѣмъ бы ни была басня, но Лафонтенъ и Крыловъ по справедливости составляютъ славу и гордость своихъ отечественныхъ литературъ.

Мы выше сказали, что съ 1805 года начали появляться въ журналахъ стихотворенія Жуковскаго и Батюшкова. Каждый изъ этихъ поэтовъ и составлялъ собою школу въ русской

¹⁾ „Домъ сумасшедшихъ“; печатается теперь во всѣхъ хрестоматіяхъ.

литературѣ и вносилъ въ нее новые элементы жизни; но вліяніе обоихъ мало было чув- и вліяніе ихъ стало ощутительнѣе. Въ слѣ- ствуемо въ продолженіе карамзинскаго пе- дующей статьѣ мы поговоримъ о нихъ по- ріода; настоящая пора ихъ дѣятельности на- дробнѣе.

1843 г.

Статья вторая.

Карамзинъ и его заслуги;—карамзинскій періодъ русской литературы: Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Жуковскій и Батюшковъ.—Значеніе романтизма и его историческое развитіе.

Карамзинимъ началась новая эпоха русской литературы. Преобразование языка отнюдь не составляетъ исключительнаго характера этой эпохи, какъ думаютъ многіе. Какъ бы ни была велика реформа, произведенная кѣмъ-нибудь, или сама собой происшедшая въ языкѣ,—она никогда не можетъ быть фактомъ особенной важности. Языкъ, взятый самъ по себѣ, есть только посредствующій матеріалъ, и его движеніе можетъ быть только формальное. Но всегда важно движеніе языка вслѣдствіе движенія мысли: и вотъ гдѣ важность реформы, произведенной Карамзинимъ, и вотъ почему Карамзину принадлежитъ честь основанія новой эпохи русской литературы. Карамзинъ ввелъ русскую литературу въ сферу новыхъ идей,—и преобразование языка было уже необходимымъ слѣдствіемъ этого дѣла. Загляните въ журналы, въ романы, въ трагедіи и вообще стихотворенія эпохи, предшествовавшей Карамзину: вы увидите въ нихъ какую-то стоячесть мысли, книжность, педантизмъ и риторикъ, отсутствіе всякой живой связи съ жизнью. Карамзинъ первый на Руси замѣнилъ мертвый языкъ книги живымъ языкомъ общества. До Карамзина у насъ, на Руси, думали, что книги пишутся и печатаются для однихъ „ученыхъ“, и что неученому почти такъ же не пристало брать въ руки книгу, какъ профессору танцевать. Оттого содержаніе книгъ, по тогдашнему мнѣнію, должно было быть какъ можно болѣе важнымъ и дѣльнымъ, т. е. какъ можно болѣе тяжелымъ и скучнымъ, сухимъ и мертвымъ. Болѣе всѣхъ подходилъ тогда къ идеалу великаго поэта Херасковъ, потому что былъ тяжелъ и скученъ до невыносимости. Онъ воспѣлъ, въ двухъ огромныхъ поэмахъ, два важныя событія изъ русской исторіи, и воспѣлъ ихъ, не справляясь съ исторіею, не стараясь быть ей вѣрнымъ. Исторіи русской онъ даже и не зналъ фактически. Россія освободилась отъ татарскаго ига не какимъ-нибудь рѣшительнымъ ударомъ, который бы нанесенъ былъ татарамъ соединенными силами всей Руси, мгновенно и мощно возставшей противъ общаго

врага. Куликовская битва осталась безъ рѣшительныхъ послѣдствій: по крайней мѣрѣ, она не помѣшала татарамъ выжечь Москву; въ царствованіе же Іоанна III не было никакой великой военной битвы съ татарами, хотя и была битва, такъ сказать, дипломатическая. Татарское иго распалось само собою вслѣдствіе внутренняго ослабленія царства Батые. И потому русская исторія никого не можетъ назвать освободителемъ земли Русской отъ ига татарскаго. Іоаннъ Грозный взятіемъ Казани и Астрахани только добилъ остатки издыхающаго монгольскаго чудовища. Но Хераскову нуженъ былъ герой для его поэмы, потому что безъ героя не бываетъ поэмы. И онъ нашелъ его въ Іоаннѣ Грозномъ, простоудшно смѣшавъ его съ Іоанномъ III, въ царствованіе котораго была торжественно признана независимость Руси отъ татаръ. „Ученые“ того времени были безъ ума отъ поэмы Хераскова; они знали ее чуть не наизусть,—а теперь всякій счелъ бы за подвигъ, если бы ему удалось осилить чтеніемъ отъ начала до конца это тяжелое, стопудовое произведеніе. Не удовольствовавшись поэмою, Херасковъ не хотѣлъ лишиться своихъ читателей и романа: онъ написалъ романъ „Кадмъ и Гармонія“ и „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармонія“. Но, Боже мой, что-жъ это былъ за романъ? Аллегорическое олицетвореніе гонимой и подъя конецъ торжествующей добродѣтели, образы безъ лицъ, событія безъ пространства и времени! Но потому-то это и былъ романъ въ духѣ своего времени, романъ, который могли читать и „ученые“, не унижая своего достоинства,—и потому же романы эти названы были „поэмами“. Карамзинъ первый на Руси началъ писать повѣсти, которыя заинтересовали общество и казались пустыми и ничтожными для педантовъ,—повѣсти, въ которыхъ дѣйствовали люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновеннаго повседнежнаго быта. Конечно, въ такихъ повѣстяхъ, какъ „Вѣдная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“, „Островъ Борнгольмъ“, „Рыцарь нашего времени“, „Чувствительный

и Великодушный“ и проч., никто не будет теперь искать творческаго воспроизведенія дѣйствительности, никто не будетъ читать ихъ какъ художественныя произведенія, ради эстетическаго наслажденія, никто не будетъ ими восхищаться; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто изъ мыслящихъ людей не скажетъ, чтобъ въ повѣстяхъ Карамзина не было своего неотъемлемаго интереса и для нашего времени—интереса историческаго. Чуждыя творчества, онъ все-таки не чужды таланта, ума, одушевленія, чувства,—и въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражается *жизнь сердца*, какъ ее понимали, какъ она существовала для людей того времени. Что же касается до художественности,—требовать ея отъ повѣстей Карамзина было бы несправедливо и странно, сколько потому, что Карамзинъ не былъ поэтомъ и не обнаруживалъ особенныхъ притязаній на талантъ поэтический, столько и потому, что въ его время даже въ Европѣ не существовало романа и повѣсти какъ художественнаго произведенія. XVIII вѣкъ создалъ себѣ свой романъ, въ которомъ выразилъ себя въ особенной, только одному ему свойственной формѣ: философскія повѣсти Вольтера и юмористическіе рассказы Свифта и Стерна, — вотъ истинный романъ XVIII вѣка. „Новая Элоиза“ Руссо выразила собою другую сторону этого вѣка отрицанія и сомнѣнія—сторону сердца, и потому она казалась больше пророчествомъ будущаго, чѣмъ выраженіемъ настоящаго,—и многіе изъ людей того времени (въ томъ числѣ Карамзинъ) видѣли въ „Новой Элоизѣ“ только одну сантиментальность, которую одною и восхищались. Въ остроумныхъ романахъ французса Пиго-Лебрёна и пѣмца Крамера вѣтъ преобладающій духъ XVIII вѣка. Но въ особенномъ ходу и въ особенномъ уваженіи у толпы были въ прошломъ вѣкѣ романы Радклиффъ, Дюкре-дю-Мениля, мадамъ Жанли, мадамъ Коттэнъ, и т. п. Надо признаться, что, по таланту, Карамзинъ не былъ ниже этихъ людей, и если не дальше, то и не ближе ихъ видѣлъ. Переводомъ повѣстей Мармонтеля и нѣкоторыхъ повѣстей Жанли Карамзинъ оказалъ русскому обществу столь же важную услугу, какъ и своими собственными повѣстями. Это значило ни больше, ни меньше, какъ познакомить русское общество съ чувствами, образомъ мыслей, а слѣдовательно и съ образомъ *выраженія* образованнѣйшаго общества въ мірѣ. Новыя идеи, естественно, требовали и новаго языка. Карамзина обвиняли въ *галлицизмахъ выраженій*, не видя того, что если это была вина съ его стороны, то прежде всего его должно было обвинять въ *галлицизмахъ мыслей*,—но въ этомъ былъ виноватъ не онъ, а та всемірно-историческая роль, которая назначена міродержавнымъ Про-

мысломъ французскому народу, и которая даетъ ему такое нравственное вліяніе на всѣ другіе народы цивилизованнаго міра. Скорѣе должно поставить въ великую заслугу Карамзину его галломанство: черезъ него ожила наша литература. Если бы Карамзинъ былъ только преобразователемъ языка (не будучи прежде всего нововводителемъ идей), онъ ограничился бы только отрицаніемъ устарѣлыхъ словъ и выраженій, большею чистотою и отдѣлкою въ формѣ; но складъ рѣчи, словомъ—слогъ его остался бы ломоносовскимъ, и онъ не былъ бы создателемъ современнаго новаго языка. Въ этомъ отношеніи языкъ Фонвизина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ языку карамзинскому; но тѣмъ не менѣе Фонвизинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы и нисколько не можетъ считаться преобразователемъ русскаго языка. Вотъ почему мы думаемъ, что тотъ не понимаетъ Карамзина и не умѣетъ достойно оцѣнить его подвига, кто думаетъ въ немъ видѣть только преобразователя и обновителя русскаго языка. Это значить унижать Карамзина, а не хвалить его. Карамзинъ создалъ на Руси образованный литературный языкъ, и создалъ потому, что Карамзинъ былъ первый на Руси образованный литераторъ—а первымъ образованнымъ литераторомъ сдѣлался онъ потому, что научился у французовъ мыслить и чувствовать, какъ слѣдуетъ образованному человеку. „Письма Русскаго Путешественника“, въ которыхъ онъ такъ живо и увлекательно разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Европою, легко и пріятно познакомили съ этою Европою русское общество. Въ этомъ отношеніи „Письма Русскаго Путешественника“—произведеніе великое, несмотря на всю поверхность и всю мелкость ихъ содержанія: ибо великое не всегда только то, что само по себѣ дѣйствительно велико; но иногда и то, что достигаетъ великой цѣли, какимъ бы то ни было путемъ и средствомъ. Можно сказать съ увѣренностію, что именно своей легкости и поверхностности обязаны „Письма Русскаго Путешественника“ своимъ великимъ вліяніемъ на современную имъ публику: эта публика не была еще готова для интересовъ болѣе важныхъ и болѣе глубокихъ. Въ своемъ „Московскомъ Журналѣ“, а потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзинъ первый далъ русской публикѣ истинно журнальное чтеніе, гдѣ все соотвѣтствовало одно другому: выборъ пьесъ—ихъ слогу, оригинальныя пьесы—переводнымъ, современность и разнообразіе интересовъ—умѣнію передать ихъ занимательно и живо, и гдѣ были не только образцы легкаго свѣтскаго чтенія, но и образцы литературной критики, и образцы умѣнья слѣ-

дять за современными политическими событиями и передавать ихъ увлекательно. Вездѣ и во всемъ Карамзинъ является не только преобразователемъ, но и начинателемъ, творцомъ. Сама „Исторія Государства Россійскаго“—этотъ важнѣйшій трудъ его, есть не что иное, какъ начало, первый основной камень зданія историческаго изученія, историческихъ трудовъ въ Россіи. „Исторія Государства Россійскаго“ не есть исторія Россіи: это скорѣе исторія *московскаго государства*, ошибочно принятаго историкомъ за какой-то высшій идеалъ всякаго государства. Слогъ ея не историческій: это скорѣе слогъ поэмы, писанной мѣрною прозою, поэмы, типъ которой принадлежитъ XVIII вѣку. Тѣмъ не менѣе, безъ Карамзина русскіе не знали бы исторіи своего отечества, ибо не имѣли бы возможности смотрѣть на нее критически. Какъ первый опытъ, написанный даровитымъ литераторомъ, „Исторія Государства Россійскаго“—твореніе великое, котораго достоинство и важность никогда не уничтожатся: вытѣсненная историческою и философскою критикою изъ рода твореній, удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго общества, „Исторія“ Карамзина навсегда останется великимъ памятникомъ въ исторіи русской литературы вообще и въ исторіи литературы русской исторіи.

Есть два рода дѣятелей на всякомъ поприщѣ: одни своими дѣлами творятъ новую эпоху, дѣйствуютъ на будущее; другіе дѣйствуютъ въ настоящемъ и для настоящаго. Первые бывають не признаны, не поняты, не оцѣнены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; ихъ апофеоза создается въ будущемъ, когда уже самыя кости ихъ истлѣютъ въ могилѣ; вторые—всегда любимцы и властелины своего времени, но, уважаемые, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получаютъ уже совсѣмъ не то значеніе послѣ ихъ смерти, а иногда переживаютъ свою славу. Безъ сомнѣнія, первые выше вторыхъ, ибо это натуры великія и геніальныя, тогда какъ вторые—только сильно и ярко даровитыя натуры. Первые, если они дѣйствуютъ на литературномъ поприщѣ, завѣщаютъ потомству творенія вѣчныя, неумирающія; вторые—пишутъ для своихъ современниковъ, и ихъ произведенія для будущихъ поколѣній получаютъ уже не безусловное, но только историческое значеніе, какъ памятники извѣстной эпохи. Къ числу дѣятелей второго разряда принадлежитъ Карамзинъ... Это мнѣніе выговаривается не въ первый разъ, и не нами первыми оно выговорено; но оно возбуждало противъ себя живое противодѣйствіе; нельзя даже сказать, чтобы и теперь еще не было людей, которымъ оно крѣпко

не по душѣ¹⁾. Этихъ людей можно раздѣлить на два разряда. Къ первому принадлежать еще оставшіеся доселѣ въ живыхъ современники Карамзина, видѣвшіе или разсвѣтъ его славы, или помнящіе апогею его славы. Застигнутые потокомъ новаго, они, естественно, остались вѣрны тѣмъ первымъ, живымъ впечатлѣніямъ своего лучшаго возраста жизни, которыя обыкновенно рѣшаютъ участь человека, разъ навсегда заключая его въ извѣстную нравственную форму. Эти люди, живущіе памятью сердца, не могутъ выйти изъ убѣжденія, что Карамзинъ былъ великій геній, и что его творенія вѣчны и равно свѣжи для настоящаго и будущаго, какъ они были для прошедшаго. Это—заблужденіе, но—такое заблужденіе, которому нельзя отказать не только въ уваженіи, но и въ участіи, ибо оно выходитъ изъ памяти сердца, всегда святой и почтенной. Вполнѣ цѣня и уважая великій подвигъ Карамзина, мы тѣмъ не менѣе хотимъ видѣть дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и его истинныхъ границахъ, не умаляя и не преувеличивая; и потому, не можемъ читать этихъ стиховъ съ восторгомъ людей, проникнутыхъ сердечнымъ вѣрованіемъ въ непреложную истинность ихъ мысли:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россія вѣрный сынъ,
И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ²⁾.

Но въ то же время мы далеки и отъ всякаго непріязненнаго чувства, которое производится противоположностью убѣжденій и которое, естественно, могло-бъ быть вызвано въ насъ этими стихами: мы не только понимаемъ, но и уважаемъ источникъ этого восторга, не совсѣмъ согласнаго съ дѣйствительностью факта. Поэтъ выше говоритъ о лучшемъ времени своей жизни:

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ не земной,
Онъ, для меня живое провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.
О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ!

Эти стихи напоминаютъ намъ другіе, еще болѣе трогательные:

Сыны другого поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ;
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ въ нихъ сочувствій нѣтъ.

1) Нижеслѣдующее является отвѣтомъ Бѣлинскаго на тѣ злобныя нападки, которыя посыпались на него послѣ появленія статьи № 33, гдѣ высказаны подобныя же мысли о Карамзинѣ (т. II, стр. 260—265). См. замѣтку двѣнадцатую въ статьѣ № 42.

2) Стихотвореніе Жуковскаго.

Они, что любимъ, разлюбили,
Страстямъ ихъ насъ не волновать!
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный,
Для нихъ одна пѣмая пыль.

Такъ мы развалинамъ подобны,
И на распутии живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обитателей людскихъ ¹⁾.

Грустное положеніе! но таковъ законъ историческаго хода времени. Рано или поздно онъ постигаетъ, въ свою очередь, каждое поколѣнье!

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнія,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ..
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу праотцовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки, въ добрый часъ,
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

Въ этомъ болѣе, нежели въ чемъ-нибудь другомъ, открывается трагическая сторона жизни и ея пронія... Прежде физической старости и физической смерти постигаетъ человека нравственная старость и смерть. Исключеніе изъ этого правила остается слишкомъ за немногими... И благо тѣмъ, которые умѣютъ и въ зиму дней своихъ сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствіе ко всему великому и прекрасному бытію,—которые, съ умиленіемъ вспоминая о лучшемъ своемъ времени, не считаютъ себя среди кипучей, движущейся жизни современной дѣйствительности какими-то заклятыми тѣнями прошедшаго, но чувствуютъ себя въ живой и родственной связи съ настоящимъ и благословеніями приветствуютъ свѣтлую зарю будущаго... Благо имъ, этимъ вѣчно юнымъ старцамъ! не только свѣжее утро и знойный полдень блестятъ для нихъ на небѣ: Господь высылаетъ имъ и успокоительный вечеръ, да отдохнуть они и въ его кроткомъ величій... ²⁾.

Какъ бы то ни было, но свѣтлое торжество побѣды новаго надъ старымъ да не омрачится никогда жесткимъ словомъ или горькимъ чувствомъ враждебности противъ падшихъ. Побѣжденнымъ — состраданіе, за какую бы причину ни была проиграна ими битва! Падшій въ борьбѣ противъ духа времени заслуживаетъ больше сожалѣнія, не-

жели проигравшій всякую другую битву. Признавшій надъ собою побѣдителемъ духъ времени заслуживаетъ больше, чѣмъ сожалѣнія, заслуживаетъ уваженіе и участіе—и мы должны не только оставить его въ покоѣ оплакивать предшедшихъ героев его времени и не возмущать насмѣшливою улыбкою его священной скорби, но и благоговѣнно остановиться передъ нею...

Другое дѣло тѣ слѣпыя поклонники старыхъ авторитетовъ, которые видятъ одинъ фактъ, не понимая его идеи, стоятъ за имя, не зная, какое значеніе привязать къ нему, и для которыхъ дороги только старыя имена, какъ для нумизматовъ дороги только истертая монета. Это люди буквы, школяры и педанты. Вотъ они-то и составляютъ тотъ второй разрядъ безусловныхъ поклонниковъ старыхъ авторитетовъ. Для нихъ и Шекспиръ—титанъ творческой силы, и Ломоносовъ—также титанъ творческой силы; а почему?—Потому что оба эти имени—имена уже старыя, къ которымъ они, педанты и старовѣры литературные, давно уже прислушались и привыкли. По той же самой причинѣ для нихъ возмутительно видѣтъ имена Карамзина и Лермонтова, поставленные рядомъ: справясь съ литературнымъ адресъ-календаремъ, съ литературною табелью о рангахъ, они видятъ большую разницу—не въ характерѣ дѣятельности, не въ родѣ таланта Карамзина и Лермонтова, а въ лѣтахъ и титлахъ этихъ писателей, и говорятъ о послѣднемъ: „куда ему — молодъ больно!“ Равнымъ образомъ, они убѣждены, въ простотѣ ума и сердца, что творенія Карамзина не только по формѣ, но и по содержанію ихъ могутъ для нашего времени имѣть такой же интересъ, какой имѣли они для своего времени. Разумѣется, эти педанты и буквоѣды не стоятъ ни возраженій, ни споровъ, и можно оставлять безъ отвѣта ихъ зазорные крики. Чтò бы ни говорили они, для всѣхъ мыслящихъ людей ясно, какъ день Божій, что творенія Карамзина могутъ теперь составлять только болѣе или менѣе любопытный предметъ изученія въ исторіи русскаго языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имѣютъ, для настоящаго времени, того интереса, который заставляетъ читать и перечитывать великихъ и самобытныхъ писателей. Въ сочиненіяхъ Карамзина все чуждо нашему времени—и чувства, и мысли, и слогъ, и самый языкъ. Во всемъ этомъ ничего нѣтъ нашего, и все это навсегда умерло для насъ.

Дѣятельность Карамзина была по преимуществу дѣятельность литератора, а не поэта, не ученаго. Онъ создалъ русскую публику, которой до него не было:—подъ „публикою“ мы разумѣемъ извѣстный кругъ читателей.

¹⁾ Стихотворенія князя Вяземскаго.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Ср. съ нѣкоторыми цитатами статьи № 43.

До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что все немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошія стороны, было ужасно тяжело и *торжественно*, и годилось для однихъ „ученыхъ“, а не для общества. Карамзинъ умѣлъ заохотить русскую публику къ чтенію русскихъ книгъ. Какъ мы замѣтили выше, въ этомъ помогъ ему не новый, созданный имъ языкъ, а французское направленіе, которому подчинился Карамзинъ, и котораго необходимымъ слѣдствіемъ былъ его легкій и пріятный языкъ. Въ первой статьѣ мы уже упоминали о Дмитріевѣ, какъ о сподвижникѣ Карамзина. Дѣйствительно, Дмитріевъ для стихотворнаго языка сдѣлалъ почти то же, что Карамзинъ для прозаическаго, и сдѣлалъ это такимъ же точно образомъ, какъ Карамзинъ: поэзія Дмитріева, по ея духу и характеру, а слѣдовательно и по формѣ, есть чисто французская поэзія XVIII вѣка. Съ Карамзинымъ кончился *ломоносовскій* періодъ русской литературы, періодъ тяжелаго и высокопарнаго книжнаго направленія, и весь періодъ отъ Карамзина до Пушкина слѣдуетъ называть *карамзинскимъ*.

Но этотъ періодъ имѣетъ свои подраздѣленія, ибо въ продолженіе его литература обогащалась новыми элементами и двигалась впередъ. Къ этому періоду принадлежитъ Крыловъ, который одинъ могъ бы быть представителемъ цѣлаго періода литературы. Онъ создалъ національную русскую басню, и тѣмъ *первымъ* внесъ въ литературу русскую элементъ народности. Но какъ въ баснѣ великій русскій баснописецъ имѣлъ образцомъ великаго французскаго баснописца,—какъ въ ней онъ былъ какъ бы продолжателемъ дѣла, начатаго Хемницеромъ и продолженнаго Дмитріевымъ, и какъ, сверхъ того, родъ его поэзіи не былъ такимъ родомъ, черезъ который можно-бъ было стать во главѣ литературной эпохи,—то Крыловъ по справедливости можетъ считаться однимъ изъ блистательнѣйшихъ дѣятелей карамзинскаго періода, въ то же время оставаясь самобытнымъ творцомъ новаго элемента русской поэзіи—народности. Другое дѣло—Озеровъ: несмотря на дарованіе ярко замѣчательное, онъ былъ результатомъ направленія, даннаго русской литературѣ Карамзинымъ. Въ трагедіяхъ Озерова преобладающій элементъ—*сантиментальность*. По формѣ же онъ—сколокъ съ французской трагедіи. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь о Капнистѣ, Василии Пушкинѣ, Владимірѣ Измайловѣ, Крюковскомъ, Милоновѣ и другихъ людяхъ съ большимъ или меньшимъ талантомъ, игравшихъ большую или меньшую роль въ карамзинскій періодъ: всѣ они были созданы духомъ Карамзина и выразили направленіе, данное имъ русской литературѣ. Въ своемъ мѣстѣ

мы упомянемъ о болѣе самостоятельныхъ и болѣе замѣчательныхъ писателяхъ этой эпохи, каковы: Гнѣдичъ, Мерзляковъ и князь Вяземскій. Теперь же слѣдуетъ перейти къ двумъ знаменитостямъ не только этого періода, но и вообще русской литературы—Жуковскому и Батюшкову.

Нашу литературу вообще нельзя обвинить въ стоячести и косности. Въ ней всегда было движеніе впередъ, даже въ ломоносовскій періодъ. Если Херасковъ и Петровъ не только не подвинулись передъ Ломоносовымъ, но еще и отстали отъ него, хотя явились и послѣ, зато какая же чудовищная разниа между Ломоносовымъ и Державинымъ, между притчами Сумарокова и баснями Хемницера, между комедіями Сумарокова и комедіями Фонвизина, между прозою не только Сумарокова, но и самого Ломоносова, даже какая значительная разниа между драматургомъ Сумароковымъ и драматургомъ Княженинымъ! Карамзинскій періодъ ознаменовался несравненно сильнѣйшимъ движеніемъ впередъ. Мы уже упомянули о Крыловѣ, какъ о поэтѣ карамзинской эпохи, внесшемъ въ русскую поэзію совершенно новый для нея элементъ—*народность*, которая только проблескивала и промелькивала временами въ сочиненіяхъ Державина, но въ поэзіи Крылова явилась главнымъ и преобладающимъ элементомъ. Такого великаго и самобытнаго таланта, каковъ талантъ Крылова, было бы достаточно для того, чтобъ ему самому быть главою и представителемъ цѣлаго періода литературы; но (какъ мы уже замѣтили выше) ограниченность рода поэзіи, избраннаго Крыловымъ, не могла допустить его до подобной роли. Басни Крылова давно уже пережили творенія Карамзина; онѣ будутъ читаться до тѣхъ поръ, пока русское слово не перестанетъ быть живою рѣчью живого народа; но, несмотря на то, въ исторіи русской литературы Крыловъ всегда будетъ занимать свое мѣсто между замѣчательнѣйшими дѣятелями того періода русской литературы, главою и представителемъ котораго былъ Карамзинъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи такова же была въ исторіи русской литературы и роль Жуковскаго. Таланта Жуковскаго также стало бы, чтобъ явиться главою и представителемъ цѣлаго періода молодой, рождающейся литературы. Жуковскій внесъ новый, живой, можетъ быть, еще болѣе важный элементъ въ русскую поэзію, чѣмъ элементъ, внесенный Крыловымъ; Жуковскій проложилъ себѣ собственный путь, въ которомъ не было ему предшественниковъ; муза Жуковскаго возросла и воспиталась на почвѣ, въ то время никому изъ русскихъ неведомой и недоступной,—и несмотря на то, было бы дѣломъ чистаго произвола отмѣтить именемъ Жуков-

скаго какой-нибудь изъ періодовъ русской литературы, и не видѣть въ немъ опять-таки одного изъ знаменитѣйшихъ, или даже и самаго знаменитѣйшаго дѣятеля въ томъ періодѣ русской литературы, главою и представителемъ котораго былъ Карамзинъ. Вѣнецъ поэзіи Жуковского составляютъ его переводы и заимствованія изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ: въ этомъ онъ самобытенъ, какъ единственный глава и представитель своей собственной школы; въ этомъ выразился моментъ самаго сильнаго и плодотворнаго движенія впередъ русской литературы карамзинскаго періода. Но у Жуковского есть и оригинальныя произведенія, особенно патріотическія пьесы и посланія; сверхъ того, онъ былъ знаменитъ еще какъ отличный писатель и переводчикъ въ прозѣ. И вотъ съ этой-то стороны онъ является писателемъ, совершенно подчиненнымъ вліянію Карамзина, во многихъ отношеніяхъ даже ученикомъ его. Конечно, по языку, оригинальныя стихотворенія Жуковского (въ особенности патріотическія пьесы и посланія) гораздо выше стихотвореній Карамзина и Дмитріева; но ихъ духъ, направленіе, характеръ, содержаніе,—все это нисколько не отступаетъ отъ идеала поэзіи XVIII вѣка,—идеала поэзіи, который такъ присущъ и родственъ былъ карамзинскому взгляду на поэзію вообще. Что же касается до Жуковского,—онъ является въ ней совершенно ученикомъ Карамзина, и если, въ отношеніи къ стилистикѣ, ученикъ подвинулся дальше учителя, то взглядъ на предметы, складъ ума, характеръ слога и языка—все это чисто карамзинское. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть критическіе разборы Жуковского сатиръ Кантемира и басенъ Крылова; статьи его: „Марьяна Роща“, „Три Сестры“, „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“, „Писатель въ обществѣ“ и проч. Выборъ переводныхъ статей въ прозѣ у Жуковского тоже отличается совершенно карамзинскимъ духомъ, несмотря на то, что многія статьи переведены съ нѣмецкаго. Намъ, можетъ быть, возразятъ, что „Рафаэлева Мадонна“ есть тоже оригинальная статья въ прозѣ Жуковского, но что въ ней уже нѣтъ ничего карамзинскаго. Правда; но просимъ не забывать, что эта статья написана Жуковскимъ въ 1820 году—въ то время, когда вліяніе Карамзина на русскую литературу уже ослабѣло съ одной стороны, усилившись съ другой: тогда Карамзинъ былъ уже историкомъ Россіи, а собственно литературныя его произведенія уже забывались. Вообще въ то время Жуковский сталъ дѣйствовать какъ-то самостоятельное, освободившись отъ вліянія Карамзина. Надобно еще замѣтить, что въ это время вліяніе на литературу и слава Жуковского достигли своего

высшаго развитія, тогда какъ до сего времени Жуковский былъ какъ будто въ тѣни. Ему удивлялись, его хвалили; но онъ все-таки писалъ для „немногихъ“. И какъ тогда понимали его! Его называли „балладистомъ“, въ немъ видѣли пѣвца могилъ и привидѣній... Ему подражали, но въ чемъ?—въ формѣ, а не въ духѣ,—и рядъ бессмысленныхъ и нелѣпыхъ балладъ былъ плодомъ этого подражанія. Ему удивлялись, какъ русскому Тиртею, какъ пѣвцу *народной* славы,—и „Пѣвцы во станѣ“ и „На Кремлѣ“ доказали, какъ немудрено подражать подобной народности... Но передъ двадцатыми годами и въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, Жуковский получилъ именно то значеніе, какое онъ всегда имѣлъ. Тогдашняя молодежь, развившаяся подъ вліяніемъ великихъ событій 1814 года, съ жадностью бросилась на нѣмецкую литературу, съ которою Жуковский давно уже породнилъ русскій умъ и русскую музу. Всѣ заговорили о *романтизмѣ*, о новой теоріи поэзіи; всѣ возстали противъ владычества псевдо-классической французской поэзіи. Въ поэзіи русской явились *луна* и *туманы*, *уныніе* и *грусть*, *смерть* и *гробъ*. Но въ это время уже кончился карамзинскій періодъ русской литературы, и черезъ десять лѣтъ сама „Исторія“ Карамзина сдѣлалась предметомъ неумѣренныхъ и не всегда справедливыхъ нападокъ. Лучезарная звѣзда поэтической славы Жуковского вспыхнула и загорѣлась ярко уже въ новомъ періодѣ русской литературы: тогда уже явился Пушкинъ, и для Жуковского, еще во всей порѣ его дѣятельности, уже наставало потомство... Періода, означеннаго именемъ Жуковского, не было въ русской литературѣ...

И однакожь, необъятно велико значеніе этого поэта для русской поэзіи и литературы! Имя его давно славно и почтенно; похвалы ему никогда не умолкали. Но, къ сожалѣнію, эти похвалы уже лѣтъ тридцать пять поютъ какъ-то на одинъ голосъ и состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же словъ, изъ однихъ и тѣхъ же выраженій. А вѣдь дѣло критики совсѣмъ не въ томъ, чтобы провозгласить писателя великимъ талантомъ или гениемъ: это скорѣе дѣло общественнаго мнѣнія, чѣмъ критики. Дѣло критики—привести въ сознаніе, путемъ анализа, общественное мнѣніе, и показать значеніе, смыслъ таланта, или гения, опредѣлить тотъ жизненный элементъ, который составляетъ исключительное свойство его произведеній и которымъ онъ обогащаетъ родную литературу и жизнь своего общества. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ впервые было сказано, что заслуга Жуковского состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ въ русскую поэзію *романтизмъ* и что истиннымъ романтикомъ русскимъ былъ совсѣмъ

не Пушкинъ (какъ объ этомъ кричали дѣтъ двадцать), а Жуковский¹⁾. Слово истины не падаетъ даромъ, и наше мнѣніе подхватили нѣкоторые „именные“ (въ противоположность „безыменнымъ“) критики,—тѣ самые, которые право критики основываютъ не на талантъ и чувствъ изящнаго, а по-китайски—на экзаменахъ и числѣ и цвѣтѣ мандаринскихъ шариковъ. Но сказать даже и отъ себя (не только повторить чужое мнѣніе), что Жуковский ввелъ романтизмъ въ русскую поэзію, еще не значитъ все сказать: должно развить и доказать это положеніе. И мы теперь очень рады, что, назначивъ статью о Пушкинѣ столь широкія рамы, можемъ представить во введеніи къ ней картину историческаго развитія всей литературы русской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привести въ исполненіе давнишнее желаніе наше вполне развить и высказать нашъ взглядъ на поэта, которому мы такъ много обязаны въ дѣлѣ собственнаго нашего развитія, съ мыслью о которомъ сливается для насъ столько прекрасныхъ и живыхъ воспоминаній,—поэзія котораго давно срослась съ нашимъ сердцемъ, и къ которому теперь мы, въ то же время, чужды всякихъ восторженныхъ предубѣжденій... Мы надѣемся, что для публики подобная статья не можетъ не быть интересна, ибо ей дорогъ предметъ ея,—а отъ кого же услышитъ она о немъ живое, современное слово? Неужели отъ задорливыхъ педантовъ, которые кричатъ только объ *именности* и *безыменности*, какъ о правѣ критиковать, и всякое чужое мнѣніе считаютъ или дерзкимъ, или продажнымъ, потому только, что хотъ оно и не ихъ мнѣніе, однакожъ находятъ себѣ сочувствіе и отзывъ въ ущербъ ихъ педантическимъ возгласамъ, всегда подписаннымъ ихъ собственнымъ именемъ?... Дождитесь отъ нихъ!...

Батюшковъ также пользуется на Руси большимъ и заслуженнымъ вниманіемъ и также ждетъ себѣ критической оцѣнки. Имя его связано съ именемъ Жуковскаго: они дѣйствовали дружно въ лучшіе годы своей жизни; ихъ разлучила жизнь, но имена ихъ всегда какъ-то вмѣстѣ ложатся подъ перо критика и историка русской литературы. Батюшковъ имѣетъ важное значеніе въ русской литературѣ—конечно, не такое, какъ Жуковский, но тѣмъ не менѣе самобытное. Онъ явился на поприще нѣсколько позже

Жуковскаго и занимаетъ мѣсто въ литературѣ тотчасъ послѣ него. Поэтому, весьма удобно опредѣлить его значеніе (не теряясь въ подробностяхъ) въ одной статьѣ съ Жуковскимъ,—что и постараемся мы сдѣлать теперь.

Жуковский ввелъ въ русскую поэзію *романтизмъ*. Что же такое романтизмъ вообще и романтизмъ Жуковскаго въ особенности?—вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ опредѣленіе значенія, какое имѣетъ Жуковский въ русской литературѣ... У насъ много говорили, толковали и спорили о романтизмѣ. „Московский Телеграфъ“ былъ журналомъ, какъ бы издававшимся для романтизма,—а журналъ этотъ существовалъ съ 1825 по 1834 годъ. Но если толки о романтизмѣ кончились на Руси съ „Московскимъ Телеграфомъ“, то начались они гораздо раньше, именно въ исходѣ второго десятилѣтія текущаго столѣтія. Но отъ всего этого вопросъ не уяснился, и романтизмъ попрежнему остался таинственнымъ и загадочнымъ предметомъ. Его поняли, какъ противоположность французскому псевдоклассицизму. Отсюда, естественно, вышла ошибка: какъ подъ „классицизмомъ“ разумѣли извѣстную условную форму искусства, такъ подъ „романтизмомъ“ стали разумѣть нарушение правилъ этой условной формы. И потому, кто соблюдалъ въ трагедіи знаменитыя три единства, героями ея дѣлалъ только царей и ихъ наперсниковъ, заставляя ихъ говорить напыщенно и важно,—тотъ считался классикомъ; кто же, въ своей драмѣ, переносилъ дѣйствіе изъ одного мѣста въ другое, на нѣсколькихъ страницахъ сосредоточивалъ событіе, совершившееся въ промежутокъ не одного десятка лѣтъ, число актовъ своей драмы не хотѣлъ ограничивать завѣтною суммою пяти, а дѣйствующими лицами въ ней позволялъ быть людямъ всякаго званія,—тотъ считался ультра-романтикомъ. Взглядъ „Телеграфа“ на романтизмъ былъ именно таковъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ теперешнія драматическія издѣлія бывшаго издателя „Московскаго Телеграфа“: подобно классическимъ трагедіямъ добраго стараго времени, драмы г. Полевого такъ же точно сколки и рабскія копіи, только съ другихъ образцовъ, и въ нихъ не видно даже таланта подражательности, а видна одна способность передразниванья и смѣлаго заимствованія,—между тѣмъ какъ именно передразниванье и заимствованіе ставилъ г. Полевой въ непростительный грѣхъ псевдо-классическимъ поэтамъ. Очевидно, что онъ классицизмъ и романтизмъ полагалъ во внѣшней формѣ. Пушкина поэмы, мелкія стихотворенія, самая фактура стиха,—все было ново и нисколько не походило на

¹⁾ Это было сказано Бѣлинскимъ въ статьѣ объ „Очеркахъ“ Полевого, въ 1840 году (см. ст. № 19; т. I, стр. 673—678). Мысль эту вскорѣ повторилъ Шевыревъ, что и отмѣтилъ Бѣлинскій въ одной изъ своихъ журнальных замѣтокъ 1843 года (т. II, ст. № 46); такимъ образомъ „именной“ критикъ нижеслѣдующихъ строкъ—Шевыревъ. О нападкахъ на Бѣлинскаго, какъ на „безыменнаго критика“—см. т. II, ст. №№ 42, 46 и др.

образцы существовавшей до него русской поэзіи: и за это-то именно г. Полевой, вмѣстѣ съ другими, провозгласилъ Пушкина *романтикомъ*, нисколько не подозрѣвая романтика въ Жуковскомъ.

Дѣйствительно, у романтической поэзіи необходимо должна быть своя форма, не похожая на форму классической, но это потому, что всякая оригинальная идея имѣетъ свою, ей присущую, оригинальную форму, всякій самобытный духъ является въ свойственной ему самобытной личности. Однакожь, какъ форма есть твореніе явившагося въ ней духа, то, отправляясь отъ формы, никогда нельзя постичь заключеннаго въ ней духа; наоборотъ, только отправляясь отъ духа, можно постичь и самый духъ, и выразившую его форму. Поэтому, сущность романтизма заключается въ его идеѣ, а не въ произвольныхъ случайностяхъ внѣшней формы.

Романтизмъ — принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзіи; его источникъ въ томъ, въ чемъ источникъ и искусства и поэзіи — въ жизни. Жизнь тамъ, гдѣ человѣкъ, а гдѣ человѣкъ, тамъ и романтизмъ. Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца. Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма; чувство, любовь есть проявленіе или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ — романтикъ. Исключеніе остается только или за эгоистами, которые, кромѣ себя, никого любить не могутъ, или за людьми, въ которыхъ священное зерно симпатіи и антипатіи задавлено и заглушено или нравственною неразвитостію, или матеріальными нуждами бѣдной и грубой жизни. Вотъ самое первое, естественное понятіе о романтизмѣ.

Законы сердца, какъ и законы разума, всегда одни и тѣ же, и потому человѣкъ по натурѣ своей всегда былъ, есть и будетъ однимъ и тотъ же. Но какъ разумъ, такъ и сердце живутъ, а жить значитъ развиваться, двигаться впередъ: поэтому, человѣкъ не можетъ одинаково чувствовать и мыслить всю жизнь свою; но его образъ чувствованія и мышленія измѣняется сообразно возрастамъ его жизни: юноша иначе понимаетъ предметы и иначе чувствуетъ, нежели отрокъ; возмужалый человѣкъ много разнится въ этомъ отношеніи отъ юноши, старецъ — отъ мужа, хотя всѣ они чувствуютъ однимъ и тѣмъ же сердцемъ, мыслятъ однимъ и тѣмъ же разумомъ. Это различіе въ характерѣ чувства и мысли вытекаетъ изъ природы человѣка и существуетъ для каждаго: оно связано съ его неизбѣжнымъ свойствомъ расти, мужать и

старѣться физически. Но человѣкъ имѣетъ не одно только значеніе существа индивидуальнаго и личнаго. Кромѣ того, онъ еще членъ общества, гражданинъ своей земли, принадлежитъ къ великому семейству человеческого рода. Поэтому, онъ — сынъ времени и воспитанникъ исторіи: его образъ чувствованія и мышленія видоизмѣняется сообразно съ общественностію и національностію, къ которымъ онъ принадлежитъ, съ историческимъ состояніемъ его отечества и всего человеческого рода. Итакъ, чтобъ вѣрнѣе опредѣлить значеніе романтизма, мы должны указать на его историческое развитіе. Романтизмъ не принадлежитъ исключительно одной только сферѣ любви: любовь есть только одно изъ существенныхъ проявленій романтизма. Сфера его, какъ мы сказали, — вся внутренняя, душевная жизнь человѣка, та таинственная почва души и сердца, откуда поднимаются всѣ неопредѣленные стремленія къ лучшему и возвышенному, старающія находить себѣ удовлетвореніе въ идеалахъ, творимыхъ фантазією. Здѣсь, для примѣра, укажемъ только на то, какъ проявлялась любовь — по преимуществу романтическое чувство, — въ историческомъ движеніи человечества.

Востокъ — колыбель человечества и царство природы. Человѣкъ на востокѣ — сынъ природы: младенцемъ лежитъ онъ на груди ея и старцемъ умираетъ на ея же груди. Востокъ и теперь остался вѣренъ основному закону своей жизни — естественности, близкой къ животности. Любовь на востокѣ навсегда осталась въ первомъ моментѣ своего проявленія; тамъ она всегда выражала и теперь выражаетъ не болѣе, какъ чувственное, на природѣ основанное, стремленіе одного пола къ другому. Само собою разумѣется, что первый и основной смыслъ любви заключается въ заботливости природы о поддержаніи и размноженіи рода человеческого. Но если бы въ любви людей все ограничивалось только этимъ расчетомъ природы, — люди не были бы выше животныхъ. Слѣдственно, это чувственное стремленіе въ любви человѣка одного пола къ человѣку другого пола есть только одинъ изъ элементовъ чувства любви, его первый моментъ, за которымъ въ развитіи слѣдуютъ высшіе, болѣе духовные и нравственные моменты. Востоку суждено было остановиться на первомъ моментѣ любви, и въ немъ найти полное осуществленіе этого чувства. Отсюда вытекаетъ *семейственность*, какъ главный и основной элементъ жизни восточныхъ народовъ. Имѣть потомство — первая забота и высочайшее блаженство восточнаго жителя; не имѣть дѣтей — это для него знаменіе небеснаго проклятія, нравственнаго отверженія. По закону іудейскому

безплодные женщины были побиваемы каменьями, какъ преступницы. Отцы тамъ женили сыновей своихъ еще отроками; братъ долженъ былъ жениться на вдовѣ своего брата, чтобы *возстановить стѣмя своему брату*. Отсюда же выходитъ и восточная полигамія (многоженство). Гаремы существовали на востокѣ всегда, и ихъ нельзя считать исключительно принадлежащими исламу. Обитатель востока смотритъ на женщину, какъ на жену или какъ на рабыню, но не какъ на женщину: потому что отъ женщины мужчина всегда добывается взаимности, какъ необходимаго условія счастливой любви, — отъ жены или рабы онъ требуетъ только покорности. Для него это вещь, очень искусно припоровленная самою природою для его наслажденія; кто же станетъ церемониться съ вещью? Мнѣ — самое вѣрное свидѣтельство романтической жизни народовъ. Въ мѣстахъ востока мы не находимъ еще ни идеала красоты, ни идеала женщины. Всѣ мнѣя его по преимуществу выражаютъ одно неутолимое вожделѣніе, — одно чувство: сладострастіе — одну идею: вѣчную производительность природы.

Гораздо выше романтизмъ греческій. Въ Греціи любовь является уже въ высшемъ моментѣ своего развитія: тамъ она — чувственное стремленіе, просвѣтленное и одухотворенное идеею красоты. Тамъ уже въ самомъ началѣ мѣстическаго сознанія за явленіемъ Эроса (любви, какъ общей сущности міровой жизни) тотчасъ слѣдуетъ рожденіе Афродиты — красоты женской. Афродита собственно была не богинею любви, но богинею красоты. Когда родилась она изъ волвъ морскихъ и вышла на берегъ, къ ней сейчасъ присоединились *любовь и желаніе*. Этотъ граціозный мѣвъ достаточно объясняетъ собой сущность и характеръ эллинскаго понятія объ отношеніяхъ обоихъ половъ. Грекъ обожалъ въ женщинѣ красоту, а красота уже порождала любовь и желаніе; слѣдовательно, любовь и желаніе были уже результатомъ красоты. Отсюда понятно, какъ у такого нравственно-эстетическаго народа, какъ греки, могла существовать любовь между мужчинами, освященная мѣвомъ Ганимеда, — могла существовать не какъ крайній развратъ чувственности (единственное условіе, подъ которымъ она могла бы являться въ наше время), а какъ выраженіе жизни сердца. Примѣры такой любви были очень нерѣдки у грековъ. Вотъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ. Павзаній говоритъ, что онъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ статую юноши, названную *антэросъ* (взаимная любовь), и рассказываетъ услышанную имъ отъ жителей того мѣста легенду о происхожденіи этой статуи. Одинъ юноша, тронутый необычно-

венною красотою другого, почувствовалъ къ нему неодолимо страстное стремленіе. Встрѣтивъ въ отвѣтъ на свое чувство совершенную холодность и напрасно истощивъ мольбы и стоны къ ея побужденію, онъ бросился въ море и погибъ въ немъ. Тогда прекрасный юноша, вдругъ проникнутый и пораженный силою возбужденной имъ страсти, почувствовалъ къ погибшему такое сожалѣніе и такую любовь, что и самъ добровольно погибъ въ волнахъ того же моря. Въ честь обоихъ погибшихъ и была воздвигнута статуя — антэросъ.

У грековъ была не одна Венера, но три: *Уранія* (небесная), *Пандемосъ* (обыкновенная) и *Апострофія* (предохраняющая или отвращающая). Значеніе первой и второй понятно безъ объясненій; значеніе третьей было — предохранять и отвращать людей отъ губельныхъ злоупотребленій чувственности. Изъ этого видно, что нравственное чувство всегда лежало въ самой основѣ національнаго эллинскаго духа. Однакожъ, это нисколько не противорѣчитъ тому, что преобладающій элементъ ихъ любви было неукротимое, страстное стремленіе, требовавшее или удовлетворенія, или гибели. Поэтому, они смотрѣли на Эрота, какъ на бога страшнаго и жестокаго, для котораго было какъ бы забавою губить людей. Множество трагическихъ легендъ любви у грековъ вполне оправдываетъ такой взглядъ на Эрота — это маленькое крылатое божество съ коварною улыбкою на младенческомъ лицѣ, съ губельнымъ лукомъ въ рукѣ и страшнымъ колчаномъ за плечами. Кому не извѣстно преданіе о несчастной любви Сафо къ Фаону и о скалѣ Левкадской? А сколько легендъ о страстной любви между братьями и сестрами, любви, которая оканчивалась или смертію безъ удовлетворенія, или казнью раздраженныхъ боговъ въ случаѣ преступнаго удовлетворенія! Овидій передалъ потомству ужасную легенду о такой любви дочери къ отцу. Старая няня несчастной ввела ее въ темнотѣ на ложе отца, упоеннаго виномъ и неподозрѣвавшего истины, и сперва Эвмениды, а потомъ превращеніе было наказаніемъ боговъ, постигшимъ несчастную. Но сколько граціи и гуманности въ греческой любви, когда она увѣнчивалась законною взаимностію! Недаромъ въ прелестномъ мѣвѣ *Эрота и Психеи* греки выразили поэтическую мысль брачнаго сочетанія *любви съ душою*! Павзаній рассказываетъ о статуѣ *стыдливости* трогательную, исполненную души и граціи *романтическую* легенду. Статуя эта изображала дѣвушку, которой преклоненная голова была накрыта покрываломъ. Вотъ смыслъ этой статуи: когда Одиссей, женившись на Пенелопѣ, рѣшился возвратиться изъ Лакедемона въ Итаку, Икаръ, престарѣлый царь, тестъ его, не вынося мысли

о разлукѣ съ дочерью, со слезами умолялъ его остаться. Улиссъ уже готовъ былъ взойти на корабль, — старецъ палъ къ его ногамъ. Тогда Улиссъ сказалъ ему, чтобы онъ спросилъ свою дочь, кого она выберетъ между ними — отца или мужа. Пенелона, не говоря ни слова, накрылась покрываломъ, — и старецъ изъ этого безмолвнаго и граціозно-женственнаго отвѣта понялъ, что мужъ для нея дороже отца, хотя страхъ и нежеланіе оскорбить чувство родительской любви и сковали уста ея... Это — романтизмъ! Въ ученіи вдохновеннаго философа, божественнаго Платона, греческое созерцаніе любви возвышается до небснаго просвѣтленія, такъ что ничего не оставляетъ въ побѣду надъ собою среднимъ вѣкамъ, этой ультра-романтической эпохѣ... „Наслажденіе красотою (говоритъ этотъ величайшій романтикъ не только древней Греціи, но и всего міра) въ этомъ мірѣ возможно въ человѣкѣ только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаетъ себѣ въ первоначальной ея родинѣ. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, способствуетъ тому, чтобы окрылять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты... Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи; другіе же за другими богами; мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ; пріобщались ему всецѣлые, непричастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ постигли; погружались въ видѣнія совершенныя, простыя, не страшныя, по радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и незапятнаны тѣмъ, что мы, нынѣ влача съ собою, называемъ тѣломъ, мы, заключенные въ него какъ въ раковину... Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлею и достойною любви. Не виолнѣ посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а подобно четвероногому ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любовному“¹⁾... Нельзя не согласиться, что никогда романтизмъ не являлся въ такомъ лучезарномъ и чистомъ свѣтѣ своей духовной

сущности, какъ въ этихъ словахъ величайшаго изъ мудрецовъ классической древности...

Но все это показываетъ только глубину эллинскаго духа, часто въ созерцаніяхъ своихъ опережавшаго самого себя, и не только не противорѣчитъ, но еще подтверждаетъ истину, что пафосъ къ красотѣ составляетъ высшую сторону жизни грековъ. А богиня красоты, — какъ мы уже замѣтили выше, — сопровождалась у нихъ любовью и желаніемъ... Чувство красоты, какъ только красоты, а не красоты и души вмѣстѣ, не есть еще высшее проявленіе романтизма. Женщина существовала для грека въ той только мѣрѣ, въ какой она была прекрасна, и ея назначеніе было удовлетворять чувству изящнаго сладострастія. Самая стыдливость ея служила къ усиленію страстнаго упоенія мужчины. Елена „Иліады“ — представительница греческой женщины: и боги и смертные иногда называютъ ее безстыдною и презрѣнною, но ей покровительствуетъ сама Киприда и собственною рукою возводитъ ее на ложе Александра-боговиднаго, позорно бѣжавшаго съ поля битвы; за нее сражаются цари и народы, гибнетъ Троя и пылаетъ Иліонъ — священная обитель царственнаго старца Пріама... Въ пьесахъ, такъ превосходно переведенныхъ Батюшковымъ изъ греческой антологіи, можно видѣть характеръ отношеній любящихся, какъ, напримѣръ, въ этой эпиграммѣ:

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ,
За чашей вакховой Аглаю побѣдили...
О, радость! здѣсь они сей нощью разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсыпаны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты,
Покрѣпы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной,
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты:
Здѣсь все развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

Въ этой пьескѣ схвачена вся сущность романтизма по греческому воззрѣнію; это — изящное, пропитанное граціею наслажденіе. Здѣсь женщина — только красота, и больше ничего; здѣсь любовь — минута поэтическаго, страстнаго упоенія, и больше ничего. Страсть насытилась — и сердце летитъ къ новымъ предметамъ красоты. Грекъ обожалъ красоту, — и всякая прекрасная женщина имѣла право на его обожаніе. Грекъ былъ вѣренъ красотѣ и женщинѣ, но не *этой* красотѣ, или *этой* женщинѣ. Когда женщина лишалась блеска своей красоты, она теряла вмѣстѣ съ нимъ и сердце любившаго ее. И если грекъ цѣнилъ ее и въ осень дней ея, то все же оставаясь вѣрнымъ своему воззрѣнію на любовь, какъ на изящное наслажденіе:

Тебѣ-ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,

¹⁾ Эту цитату мы уже не одинъ разъ встрѣчали у Бѣлинскаго; см. наше примѣчаніе на стр. 212—213 второго тома.

И для любви моей
Отъ времени еще прелесть не явилась.
Твой другъ не дорожитъ нелицитой красой,
Незрѣлой въ тайнствахъ любовнаго искусства:
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и пѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови...

Сколько страсти и задушевной граціи въ этой
лиризмѣ!

Въ Лансѣ правится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ,
И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ...
И таялъ, и Ланса мѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей:
„Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ
тобою?“
— Спокойна, ничего, безсмертными клянусь!
Я мыслю была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я... тебя страшусь.—

Романтическая лира Эллады умѣла воспрѣвать
не одно только счастье любви, какъ страстное
и изящное наслажденіе, и не одну муку не-
раздѣленной страсти: она умѣла плакать еще
и надъ урною милого праха, и *элегія*—этотъ
ультра-романтический родъ поэзіи—была со-
здана ею же, свѣтлою музою Эллады. Когда
отъ страстно любящаго сердца смерть отни-
мала предметъ любви прежде, чѣмъ жизнь
отнимала любовь, — грекъ умѣлъ любить
скорбною памятью сердца:

Въ обители ничтожества унылой,
О, незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факель мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о, мать-земля! съ сей данью горькихъ
слезъ,
Прими почившую, поблѣвшій цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни!

Но примѣры романтизма греческаго не
въ одной только сферѣ любви. „Иліада“
усѣяна ими. Вспомните Ахиллеса,

Въ сердцѣ питаваго скорбь о красно-опоя-
санной дѣвѣ,
Силой Атрида отъятой.

Когда уводятъ отъ него Бризеиду, страшный
силою и могуществомъ герой—

Бросилъ друзей Ахиллесъ, и далеко отъ всѣхъ,
одинокій,

Сѣлъ у пучины сѣдой и, взирая на Понть
темноводный,
Руки въ слезахъ простиралъ, умоляя любезную
матерь...

Эта сила, эта мощь, которая скорбитъ и пла-
четъ о нанесенной сердцу ранѣ, вмѣсто того,
чтобъ страшно мстить за нее, — что же это
такое, если не *романтизмъ*? А тѣнь несчаст-
ливца Патрокла, явившаяся Ахиллу во снѣ?

Только Пелидъ на берегу неумолчно-шумящаго
моря
Тяжко стелющій лежалъ, окруженный толпой
Мирмидонянъ,
Нидъ на полянѣ, гдѣ волны лишь шумныя би-
лись въ берегъ;
Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тревогъ
укротитель,
Сладкій разлился: герой истомилъ благородные
члены,
Гектора быстро гоня предъ высокой стѣной
Иліова.
Тамъ Ахиллосу явилась душа несчастливца Па-
трокла,
Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрас-
ными сходный;
Та-жъ и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу
знакомый...

Тѣнь Патрокла умоляетъ Ахилла о погребе-
ніи и о томъ еще, когда придетъ часъ Ахилла,
то чтобъ кости ихъ покоились въ одной урнѣ...
Ахиллъ отвѣчаетъ возлюбленной тѣни радост-
ною готовностію совершить ея „завѣты крѣп-
кіе“ и молить ее приблизиться къ нему для
дружескаго объятія...

Рекъ, и жадныя руки любимца обнять распро-
стеръ онъ;
Тщетно: душа Мекетиды, какъ облако дыма,
сквозь землю
Съ воемъ ушла. И вскочилъ Ахиллъ, пораженный
видѣніемъ,
И руками всплеснулъ, и печальный такъ гово-
рилъ онъ:
„Боги! такъ подлинно есть и въ аидовомъ домѣ
подземномъ
„Духъ челоуѣка и образъ, но онъ совершенно
безплотный!
„Цѣлую почъ, я видѣлъ, душа несчастливца Па-
трокла
„Все надо мною стояла, стенающій, плачущій
призракъ;
„Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно по-
добясь!“

Это ли не романтизмъ??

А старецъ Пріамъ, лобызающій руки
убійцы дѣтей своихъ и умоляющій его о
выкупѣ Гекторова тѣла?

Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ въ
покой, и, Пелиду
Въ ноги упавъ, обымаетъ колѣна и руки цѣ-
луетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія мно-
гихъ...

„Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ
подобный,
„Старца такого-жъ, какъ я на порогѣ старости

„Можетъ быть въ самый же мигъ, и его окру-
живши, сосѣди
„Ратью тѣснить, и некому старца отъ горя из-
бавить...
„Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты, и зная,
и слыша,
„Сердце тобой веселить, и вседневно лѣстится
надеждой
„Милого сына узрѣть, возвратившагося въ домъ
изъ-подъ Трои,
„Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ воз-
растилъ браноносныхъ
„Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единого мнѣ
не осталось!
„Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати
ахейской:
„Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было
единой.
„Прочихъ родили другія любезныя жены въ чер-
тогахъ;
„Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ не-
счастливымъ колѣна,
„Сынъ остался одинъ, защищалъ онъ и градъ
нашъ и гражданъ;
„Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагося
храбро
„Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ
миридонскимъ;
„Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я
выкупъ.
„Храбрый, почти ты боговъ, надъ мной злопо-
лучіемъ сжался,
„Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жа-
локъ!
„Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смерт-
ный,
„Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ
прижимаю!“
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ пе-
чальныя думы;
За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ
его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ
простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга
Патрокла,
Плакалъ—и горестный стонъ ихъ кругомъ раз-
давался по дому.

Заклучимъ наши указанія на романтизмъ гре-
ческій прекрасною эпиграммою, переведен-
ною Батюшковымъ же изъ греческой анто-
логіи; она называется—„Яворъ къ Прохо-
жему“.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любить мой полунстлѣвшій пенъ!
Я нѣкогда ему давалъ отрадную тѣнь;
Завялъ: но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ, оставшись на землѣ.

Въ основѣ всякаго романтизма не премѣнно
лежитъ мистицизмъ, болѣе или менѣе мрач-
ный. Это объясняется тѣмъ, что преобла-
дающій элементъ романтизма есть вѣчное и
неопредѣленное стремленіе, не уничтожаемое
никакимъ удовлетвореніемъ. Источникъ ро-
мантизма,—какъ мы уже замѣтили выше,—
есть таинственная внутренность груди, ми-

стическая сущность бьющагося кровью сердца.
Поэтому, у грековъ всѣ божества любви и
ненависти, симпатіи и антипатіи были бо-
жества подземныя, титаническія, дѣти Урана
(неба) и Геи (земли), а Уранъ и Гея были
дѣти Хаоса. Титаны долго оспаривали мо-
гущество боговъ олимпійскихъ, и хотя гро-
мами Зевеса они были низринуты въ тартаръ,
но одинъ изъ нихъ—Прометей, предсказалъ
паденіе самого Зевеса. Этотъ мифъ о вѣчной
борьбѣ титаническихъ силъ съ небесными глу-
боко знаменателенъ: ибо онъ означаетъ борьбу
естественныхъ, сердечныхъ стремленій чело-
вѣка съ его разумнымъ сознаніемъ, и хотя
это разумное сознаніе наконецъ восторже-
ствовало въ образѣ олимпійскихъ боговъ надъ
титаническими силами естественныхъ и сер-
дечныхъ стремленій,—но оно не могло уни-
чтожить ихъ, ибо титаны были безсмертны
подобно олимпійцамъ;—Зевесъ только могъ
заключить ихъ въ подземное царство вѣчной
ночи, оковавъ цѣпями, но и оттуда они
успѣли же наконецъ потрясти его могуще-
ство. Глубоко знаменательная мысль лежитъ
въ основѣ Софокловой „Антигоны“. Героиня
этой трагедіи падаетъ жертвою любви своей
къ брату, враждебно столкнувшейся съ зако-
номъ гражданскимъ: ибо она хотѣла погребсти
съ честью тѣло своего брата, въ которомъ
представитель государства видѣлъ врага оте-
чества и общественного спокойствія. Эта
страшная борьба романтическаго элемента
съ элементами религіозными, государствен-
ными и мыслительными,—борьба, въ которой
заключается главный источникъ страданій
бѣднаго человечества, кончится тогда только,
когда свободно примирятся божества титани-
ческія съ божествами олимпійскими. Тогда
настанетъ новый золотой вѣкъ, который
столько же будетъ выше перваго, сколько
состояніе разумаго сознанія выше состоянія
естественной, животной непосредственности.
Самый мистическій, слѣдственно, самый ро-
мантический поэтъ Греціи былъ Гезіодъ—
одинъ изъ первоначальныхъ поэтовъ Эллады;
и потомъ, самый романтический поэтъ Греціи
былъ трагикъ Эврипидъ—одинъ изъ послѣд-
нихъ ея поэтовъ.

Впрочемъ, романтизмъ не былъ преобла-
дающимъ элементомъ въ жизни грековъ: онъ
даже подчинялся у нихъ другому, болѣе пре-
обладающему элементу—общественной и гра-
жданской жизни. Поэтому, романтизмъ гре-
ческій всегда ограничивался и уравнивши-
вался другими сторонами эллинскаго духа, и
не могъ доходить до крайностей нелѣпаго.
Изъ мифовъ Тантала и Сизифа видно, какъ
чуждо было духу греческому остановиться на
идеѣ неопредѣленнаго стремленія. Танталъ
мучится въ подземномъ мірѣ безконечно не-
насытимою жаждою; Сизифъ долженъ безпре-

станно падающій тяжкій камень поднимать снова; эти наказанія, такъ же какъ и самыя титаническія силы, имѣютъ въ себѣ что-то безмѣрное, тяжело-безконечное; въ нихъ выражается ненасытимостъ внутренне-личнаго естественнаго вождѣнія, которое въ своемъ непрерывномъ повтореніи не достигаетъ до спокойствія, удовлетворенія: ибо божественный смыслъ грековъ понималъ пребываніе въ неопредѣленномъ стремленіи не какъ высочайшее блаженство въ смыслѣ новѣйшей романтики, но какъ проклятіе, и заключилъ его въ тартаръ.

Не такимъ является романтизмъ въ средніе вѣка. Хотя романтизмъ есть общее духу человѣческому явленіе, во всѣ времена и для всѣхъ народовъ присущее, но онъ считается какою-то исключительною принадлежностію среднихъ вѣковъ и даже носитъ на себѣ имя народовъ *романскаго* происхожденія, игравшихъ главную роль въ эту великую и мрачную эпоху человѣчества. И это произошло не отъ ошибки, не отъ заблужденія: средніе вѣка дѣйствительно романтическіе по превосходству. Въ Греціи, какъ мы видѣли, романтизмъ былъ силою мрачною, всегда движущеюся, вѣчно борющеюся съ богами Олимпа и вѣчно держащею ихъ въ страхъ; но эта сила всегда была побѣждаема высшею силою олимпійскихъ божествъ: въ средніе вѣка, напротивъ, романтизмъ составлялъ безпримѣрную, самобытную силу, которая, не будучи ничѣмъ ограничиваема, дошла до послѣднихъ крайностей противорѣчія и безсмыслицы. Этимъ страннымъ міромъ среднихъ вѣковъ управлялъ не разумъ, а сердце и фантазія. Казалось, что міръ снова сдѣлался добычею разнузданныхъ элементарныхъ силъ природы; сорвавшіеся съ цѣпей титаны снова ринулись изъ тартара и овладѣли землею и небомъ,—и надъ всѣмъ этимъ снова распростерлось мрачное царство хаоса... Всего удивительнѣе, что это движеніе совершалось въ противорѣчія съ своимъ сознаніемъ. Олимпійскія силы у грековъ выражали *общее и безусловное*, а титаническія были представителями *индивидуальнаго, личнаго* начала. Въ средніе вѣка всѣ начала назывались чужими противоположными имъ именами. Движеніе ихъ было чисто сердечное и страстное, а совершалось оно не во имя сердца и страсти, а во имя духа; движеніе это развило до послѣдней крайности значеніе человѣческой личности; совершилось же оно не во имя личности, а во имя самой общей безусловной и отвлеченной идеи, для выраженія которой недоставало словъ—ихъ замѣняли символы и условныя формы. Въ этомъ странномъ мірѣ безуміе было высшею мудростію, а мудрость—безуміемъ; смерть была жизнію, а жизнь—смертію, и міръ распался на два міра—на

презираемое *здесь* и неопредѣленное, таинственное *тамъ*. Все жило и дышало чувствомъ безъ дѣйствительности, порываніемъ безъ достиженія, стремленіемъ безъ удовлетворенія, надеждою безъ совершенія, желаніемъ безъ выполненія, страстною, безпокойною дѣятельностію безъ цѣли и результата. Хотѣли чувствовать для того только, чтобы чувствовать, стремиться для того только, чтобы стремиться, желать—чтобы желать, а дѣйствовать—чтобы не быть въ покоѣ. На тѣло смотрѣли не какъ на проявленіе и орудіе духа, а какъ на вериги и темницу духа, не раздѣлили мнѣнія древнихъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать и здоровая душа, но, напротивъ, были убѣждены, что только изможденное и устарѣвшее до времени тѣло могло быть одарено ясновидѣніемъ истины... Чудовищныя противорѣчія во всемъ! Дикій фанатизмъ шелъ объ руку съ святотатствомъ; злодѣйство и преступленіе смѣнялись покаяніемъ, крайность котораго, казалось, превосходила силы духа человѣческаго; набожность и кощунство дружно жили въ одной и той же душѣ. Понятіе о чести сдѣлалось краугольнымъ камнемъ общественнаго зданія; но честь полагали въ формѣ, а не въ сущности: рыцарь, неявившійся на вызовъ смерти, видѣлъ честь свою погибшею; но, выходя на большія дороги грабить купеческіе обозы, онъ не боялся увидѣть опозореннымъ гербъ свой... Любовь къ женщинѣ была воздухомъ, которымъ люди дышали въ то время. Женщина была царицею этого романтическаго міра. За одинъ взглядъ ея, за одно ея слово умереть—казалось слишкомъ ничтожною жертвою, побѣдить одному тысячи—слишкомъ легкимъ дѣломъ. Проѣхать десятки верстъ, на дорогѣ помять бока и поломать свои кости въ поединкѣ, въ проливной дождь и бурю простоять подъ окномъ „обожанной дѣвы“, чтобы только увидѣть въ окнѣ промелькнувшую тѣнь ея—казалось высочайшимъ блаженствомъ. Доказать, что „дама его сердца“ прекраснѣе и добродѣтельнѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ, доказать это людямъ, которые никогда не видали его дамы, и доказать имъ это силою руки, гибкостью тѣла, лезвіемъ меча и остріемъ пика—казалось для рыцаря священнымъ дѣломъ. Онъ смотрѣлъ на свою даму, какъ на существо безплотное; чувственное стремленіе къ ней онъ почелъ бы профанаціею, грѣхомъ: она была для него идеаломъ, и мысль о ней давала ему и храбрость и силу. Онъ призывалъ ея имя въ битвахъ, онъ умиралъ съ ея именемъ на устахъ. Онъ былъ ей вѣренъ всю жизнь—и если бъ для этой вѣрности у него не хватило любви въ сердцѣ, онъ легко замѣнилъ бы ее аффектаціею. И это страстно-духовное, это трепетно-благоговѣйное обо-

жаніе избранной „дамы сердца“ нисколько не мѣшало жениться на другой или быть въ самой грѣховной связи съ десятками другихъ женщинъ,—не мѣшало самому грубому, циническому разврату. То идеаль, а то дѣйствительность: зачѣмъ же имъ было мѣшать другъ другу?.. Надо отдать въ одномъ справедливость среднимъ вѣкамъ: они обожали красоту, какъ и греки; но въ свое понятіе о красотѣ внесли духовный элементъ. Греки понимали красоту только какъ красоту, строго правильную, съ изящными формами, оживленными граціею; красота среднихъ вѣковъ была красотою не одной формы, но и какъ чувственное выраженіе нравственныхъ качествъ, красота болѣе *духовная*, чѣмъ тѣлесная, красота, для художественнаго воссозданія которой скульптура была уже слишкомъ бѣднымъ искусствомъ, и которую могла воспроизводить только живопись. Для грековъ красота существовала въ цѣломъ, и потому ихъ статуи были нагія или полунагія; красота среднихъ вѣковъ вся была сосредоточена въ выраженіи лица и глазъ. Нельзя не согласиться, что понятіе среднихъ вѣковъ о красотѣ—болѣе романтическое и болѣе глубокое, чѣмъ понятіе древнихъ. Но средніе вѣка и тутъ не умѣли не исказить дѣла крайностью и преувеличеніемъ: они слишкомъ любили туманную неопредѣленность выраженія въ лицѣ женщины, и въ ихъ картинахъ она является какъ будто совсѣмъ безъ формъ, совсѣмъ безъ тѣла, какъ будто тѣнью, призракомъ какимъ-то. Въ понятіи о блаженствѣ любви средніе вѣка были діаметрально противоположны грекамъ. Вступить въ любовную связь съ дамою сердца—значило бы тогда осквернить свои святѣйшія и задушевиѣйшія вѣрованія; вступить съ нею въ бракъ—унизить ее до простой женщины, увидѣть въ ней существо земное и тѣлесное... Да соединеніе съ любимою женщиною и не казалось тогда какою-то необходимостію. Любили для того, чтобъ любить, и мистика сердечныхъ движеній отъ мысли любить и быть любимымъ была самымъ полнымъ удовлетвореніемъ любви и наградою за любовь. Если бъ конюхъ влюбился въ дочь гордаго барона,—его ожидало бы неземное счастье, небесное блаженство; онъ даже не захотѣлъ бы и знать, любятъ ли его: для него достаточно было сознанія, что онъ любитъ. Вотъ уже подлинно счастье, котораго не могла лишиться судьба, сокровище, котораго никто не могъ похитить!.. И хорошо дѣлали тѣ, которые ограничивались платоническимъ обожаніемъ молча, съ фантазіями про себя: бракъ всегда бывалъ гробомъ любви и счастья. Бѣдная дѣвушка, сдѣлавшись женою, промѣнивала свою корону и свой скипетръ на оковы, изъ царицы становилась рабою, и въ своемъ

мужѣ, дотолѣ преданнѣйшемъ рабѣ ея притхотей, находила деспотическаго властелина и грознаго судью. Безусловная покорность его грубой и дикой волѣ дѣлалась ея долгомъ, безропотное рабство—ея добродѣтелью, а терпѣніе—единственною опорой въ жизни. Пьяный и бѣшенный, онъ мстилъ ей за дурное расположеніе своего духа, онъ могъ бить ее, равно какъ и свою собаку, въ сердцахъ на дурную погоду, мѣшавшую ему охотиться. При малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности онъ могъ ее зарѣзать, удавить, сжечь, зарыть живую въ землю,—и, увы!—такія исторіи не были въ средніе вѣка слишкомъ рѣдкими или исключительными событіями! И вотъ она—царица общества и повелительница храбрыхъ и сильныхъ! И вотъ онъ—чудовищный и нелѣпый романтизмъ среднихъ вѣковъ, столь поэтическій, какъ *стремленіе*, и столь отвратительный, какъ *осуществленіе на дѣлѣ*! Но довольно о немъ. Съ нимъ все болѣе или менѣе знакомы, ибо о немъ даже и по-русски писано много. Но мы еще возвратимся къ нему, говоря о поэзіи Жуковскаго.

Романтизмъ среднихъ вѣковъ не умиралъ и не исчезалъ: напротивъ, онъ царитъ еще надъ современнымъ намъ обществомъ, но уже измѣнившійся и выродившійся; а будущее готовитъ ему еще большее измѣненіе. Чтѣ же убило его въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ онъ въ средніе вѣка?—Свѣтъ просвѣщенія, разогнавшій въ Европѣ мракъ невѣжества,—успѣхи цивилизаціи, открытіе Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія и пороха, римское право и вообще изученіе классической древности. Странное дѣло! Въ Греціи романтизмъ разрушилъ свѣтлый міръ олимпійскихъ боговъ: ибо чтѣ же были ученія и таинства элевзинскія, какъ не романтизмъ глубокомысленный и мистическій? Туманныя, неопредѣленные предчувствія высшей духовной сущности, пробудившіяся въ душѣ грековъ, находились въ явной противоположности съ рѣзко опредѣленнымъ, яснымъ, но въ то же время и внѣшнимъ міромъ олимпійскихъ боговъ. А такъ какъ сами боги эти лишь по отцу исходили отъ духа, по матери же, исключая Аполлона и Артемиды, рождены были изъ нѣдръ земли, божества довременно-титаническаго, то и духъ эллиновъ, не удовлетворяясь олимпійцами, обратился къ подземнымъ титаническимъ силамъ, которыя такъ симпатически гармонировали съ міромъ его задушевной жизни, съ его сердцемъ. Нѣкогда поправное могущество древнихъ титаническихъ боговъ возставало теперь преображенное, пріившее въ себя всю жизнь души, неудовлетворявшейся видимымъ. Это была та же древняя элементарная природа, но уже пришедшая въ гармонію, про-

никнутая высшею духовностію, не гибельная и пожирающая, но дружественная человѣку, сосредоточенная въ кроткихъ мистическихъ образахъ Цереры и Вакха, которые въ элевзинскихъ мистеріяхъ являлись уже божествами подземнаго міра, таинственными и всеобъемлющими. Подъ вліяніемъ элевзинскихъ таинствъ развилась поэзія Эсхила, столь враждебная Зевсу—и поэзія Эврипида, развилась вся философія Греціи, и въ особенности философія величайшаго изъ романтиковъ—Платона. Слѣдовательно, въ Греціи романтизмъ, какъ выраженіе подземныхъ титаническихъ силъ, игралъ роль демона, подковавшаго царство Зевеса. Въ новомъ же мірѣ романтизмъ сталъ представителемъ царства титаническаго, мрачнаго, царства страданій и скорби, ничѣмъ неутолимымъ порывомъ сердца; а разрушителемъ этого романтизма, демономъ сомнѣнія и отрицанія явилось царство Зевеса, т.-е. царство свѣтлаго и свободнаго разума. Та же исторія, только совершенно наоборотъ! Всѣмъ извѣстно, какіе страшные удары нанесены были среднимъ вѣкамъ демономъ ироніи! Какое страшное, въ этомъ отношеніи, произведение „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса! Реформатское движеніе было явнымъ убійствомъ среднихъ вѣковъ. XVIII вѣкъ дорѣзалъ его радикально. Этотъ умнѣйшій и величайшій изъ всѣхъ вѣковъ былъ особенно страшенъ для среднихъ вѣковъ...

Вслѣдствіе страшныхъ потрясеній и ударовъ, нанесенныхъ романтизму XVIII-мъ вѣкомъ, романтизмъ явился въ наше время совершенно перерожденнымъ и преображеннымъ. Романтизмъ нашего времени есть сынъ романтизма среднихъ вѣковъ, но онъ же очень сродни и романтизму греческому. Говоря точнѣе, нашъ романтизмъ есть органическая полнота и всецѣлость романтизма всѣхъ вѣковъ и всѣхъ фазисовъ развитія человѣческаго рода: въ нашемъ романтизмѣ, какъ лучи солнца въ фокусѣ зажигательнаго стекла, сосредоточились всѣ моменты романтизма, развивавшагося въ исторіи человѣчества, и образовали совершенно новое цѣлое. Общество все еще держится принципами стараго средне-вѣковаго романтизма, обратившагося уже въ пустыя формы за отсутствіемъ умершаго содержанія; но люди, имѣющіе право называться *солнцемъ земли*, уже силятся осуществить идеалъ новаго романтизма. Наше время есть эпоха гармоническаго уравниванія всѣхъ сторонъ человѣческаго духа. Стороны духа человѣческаго неисчислимы въ ихъ разнообразіи; но главныхъ сторонъ только двѣ: сторона внутренняя, душевная, сторона сердца, словомъ, *романтика*,—и сторона сознающаго себя разума, сторона *общаго*, разумѣя подъ этимъ словомъ сочетаніе инте-

ресовъ, выходящихъ изъ сферы индивидуальности и личности. Въ гармоніи, т.-е. во взаимномъ соприкосновеніи одной съ другою этихъ двухъ сторонъ духа, заключается счастье современнаго человѣка. Романтизмъ есть вѣчная потребность духовной природы человѣка; ибо сердце составляетъ основу, коренную почву его существованія, а безъ любви и ненависти, безъ симпатіи и антипатіи человѣкъ есть призракъ. Любовь—поэзія и солнце жизни. Но горе тому, кто въ наше время зданіе счастья своего вздумаетъ построить на одной только любви, и въ жизни сердца вознамерится найти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ стремленіямъ! Въ наше время это значило бы отказаться отъ своего человѣческаго достоинства, изъ мужчины сдѣлаться — самцомъ. Міръ дѣйствительный имѣетъ равныя, если еще не большія права на человѣка, и въ этомъ мірѣ человѣкъ является прежде всего сыномъ своей страны, гражданиномъ своего отечества, горячо принимающимъ къ сердцу его интересы и ревностно поборачившимъ, по мѣрѣ силъ своихъ, его преуспѣванію на пути нравственнаго развитія. Любовь къ человѣчеству, понимаемому въ его историческомъ значеніи, должна быть живоносною мыслию, которая просвѣтляла бы собою любовь его къ родинѣ. Историческое созерцаніе должно лежать въ основѣ этой любви и служить указателемъ для дѣятельности, осуществляющей эту любовь. Знаніе, искусство, гражданская дѣятельность—все это составляетъ для современнаго человѣка ту сторону жизни, которая должна быть только въ живой органической связи съ стороною романтики, или внутренняго душевнаго міра человѣка,—но не замѣняться ею. Если человѣкъ захочетъ жить только сердцемъ, во имя одной любви, и въ женщинѣ найти цѣль и весь смыслъ жизни,—онъ непременно дойдетъ до результата самаго противоположнаго любви, т.-е. до самаго холоднаго эгоизма, который живетъ только для себя и все относитъ къ себѣ. Если, напри-
мѣръ, человѣкъ, презрѣвъ жизнью сердца, захотѣлъ бы весь отдаться интересамъ общимъ,—онъ или не избѣжалъ бы тайной тоски и чувства внутренней неполноты и пустоты, или, если не почувствовалъ бы ихъ, то внесъ бы въ міръ высокой дѣятельности сухое и холодное сердце, при которомъ не бываетъ у человѣка ни высокихъ помысловъ, ни плодотворной дѣятельности. Итакъ, эгоизмъ и ограниченность, или неполнота—въ обѣихъ этихъ крайностяхъ; очевидно, что только изъ гармоническаго ихъ соприкосновенія одной другою выходитъ возможность полнаго удовлетворенія, а слѣдственно и возможность свойственнаго и присущаго душѣ человѣка счастья, основаннаго не на песчаномъ берегу

случайности, а на прочномъ фундаментѣ сознанія. Въ этомъ отношеніи мы гораздо ближе къ жизни древнихъ, чѣмъ къ жизни среднихъ вѣковъ, и гораздо выше тѣхъ и другихъ. Ибо въ нашемъ идеалѣ общество не угнетаетъ человѣка на счетъ естественныхъ стремленій его сердца, а сердце не отрываетъ его отъ живой общественной дѣятельности. Это не значитъ, чтобъ общество позволяло теперь человѣку, между прочимъ, и любиться, но это значитъ, что уже нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе не должно быть борьбы между сердечными стремленіями и общественнымъ устройствомъ, примиренными разумно и свободно. И въ наше время жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но *точно такъ же* и для женщины: ибо наше время создало уже, что и женщина *такъ же точно* человѣкъ, какъ и мужчина, и создало это не въ одной теоріи (какъ это же сознавали и средніе вѣка), но и въ дѣйствительности. Если же мужчина позорно быть самцомъ на томъ основаніи, что онъ—человѣкъ, а не животное, то и женщина позорно быть самкою на томъ основаніи, что она—человѣкъ, а не животное. Ограничить же кругъ ея дѣятельности скромностію и невинностію въ состояніи дѣвическомъ, спальнею и кухнею въ состояніи замужества (какъ это было въ средніе вѣка)—не значитъ ли это лишить ее правъ человѣка, и изъ женщины сдѣлать самку? Но, скажутъ намъ: женщина—мать, а назначеніе матери свято и высоко: она—воспитательница дѣтей своихъ. Прекрасно! Но вѣдь воспитывать не значитъ только выкармливать и вынянчивать (первое можетъ сдѣлать корова, или коза, а второе нянька), но и дать направленіе сердцу и уму,—а для этого развѣ не нужно со стороны матери характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ?... Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ, міръ общаго долженъ быть столько же открытъ женщинамъ, какъ и мужчинамъ, на томъ основаніи, что и *она*, какъ и *онъ*, прежде всего человѣкъ, а потомъ уже любовница, жена, мать, хозяйка и проч. Вслѣдствіе этого отношенія обоехъ половъ къ любви и одного къ другому въ любви дѣлаются совсѣмъ другими, нежели какими они были прежде. Женщина, которая умѣетъ только любить мужа и дѣтей своихъ, а больше ни о чемъ не имѣетъ понятія и больше ни къ чему не стремится, — такъ же точно смѣшна, жалка и недостойна любви мужчины, какъ смѣшонъ, жалокъ и недостойнъ любви женщины мужчина, который только на то и способенъ, чтобъ влюбиться, да любить жену и дѣтей своихъ. Такъ какъ истинно человеческая любовь теперь можетъ быть

основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другъ *человѣческаго достоинства*, а не на одномъ капризѣ чувства и не на одной прихоти сердца, — то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой имѣла она прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другъ *человѣческаго достоинства* производитъ равенство, а равенство—свободу въ отношеніяхъ. Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина—рабою, и съ обѣихъ сторонъ устанавливаются одинаковыя права и одинаковыя обязанности: послѣднія, будучи нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не признаются болѣе и другою. Вѣрность перестаетъ быть долгомъ, ибо означаетъ только постоянное присутствіе любви въ сердцѣ: нѣтъ болѣе чувства — и вѣрность теряетъ свой смыслъ; чувство продолжается — вѣрность опять не имѣетъ смысла, ибо что за заслуга быть вѣрнымъ своему счастью? ¹⁾.

Мы сказали выше, что романтизмъ нашего времени есть органическое единство всѣхъ моментовъ романтизма, развивавшагося въ исторіи человѣчества. Приступая къ развитію этой мысли, замѣтимъ прежде, что теперь для всякаго возраста и для всякой ступени сознанія должна быть своя любовь, т.-е. одинъ изъ моментовъ развитія романтизма въ исторіи. Смѣшно было бы требовать, чтобъ сердце въ восемнадцать лѣтъ любило, какъ оно можетъ любить въ тридцать и сорокъ, или наоборотъ. Есть въ жизни человѣка пора восточнаго романтизма; есть пора греческаго романтизма; есть пора романтизма среднихъ вѣковъ. И во всякую пору человѣка сердце его само знаетъ, какъ надо любить ему и какой любви должно оно отозваться. И съ каждымъ возрастомъ, съ каждою ступенію сознанія въ человѣкѣ измѣняется его сердце. Измѣненіе это совершается съ болью и страданіемъ. Сердце вдругъ охлаждѣваетъ къ тому, что такъ горячо любило прежде, и это охлажденіе повергаетъ его во всѣ муки пустоты, которой нечѣмъ ему наполнить, — раскаянія, которое все-таки не обратитъ его къ оставленному предмету, — стремленія, котораго оно уже боится, и которому оно уже не вѣритъ. И не одинъ разъ повторяется въ жизни человѣка эта *романическая* исторія, прежде чѣмъ достигнетъ онъ до нравственной возможности найти своему успокоенному сердцу надежную пристань въ этомъ вѣчно волнующемся морѣ неопредѣленныхъ внутреннихъ стремленій. И тяжело дается человѣку эта нравственная возможность: дается она ему цѣною разрушенныхъ надеждъ, несбывшихся мечта-

¹⁾ См. во второмъ томѣ нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 45.

ній, побитыхъ фантазій, цѣною уничтоженія всего этого романтизма среднихъ вѣковъ, который истиненъ только какъ стремленіе, и всегда ложенъ какъ осуществленіе! И не каждый достигаетъ этой нравственной возможности; но большая часть падаетъ жертвою стремленія къ ней, падаетъ съ разбитымъ на всю жизнь сердцемъ,нося въ себѣ, какъ проклятіе, память о другомъ разбитомъ навсегда сердцѣ, о другомъ навѣки погубленномъ существованіи... И здѣсь-то заключается неисчерпаемый источникъ трагическихъ положеній, печальныхъ романтическихъ исторій, которыми такъ богата современная дѣйствительность, наша грустная эпоха, которой недостаетъ еще силъ ни оторваться совершенно отъ романтизма среднихъ вѣковъ, ни возвратиться вновь и вполнѣ въ обманчивыя объятія этого обаятельнаго призрака... Но иные спасаются отъ общей участи времени, находя въ самомъ же этомъ времени не всѣми видимыя и не всѣмъ доступныя средства къ спасенію. Это спасеніе возможно не иначе, какъ только черезъ совершенное отрицаніе неопредѣленнаго романтизма среднихъ вѣковъ; однакожь, это не есть отрицаніе отъ всякаго идеализма и погруженіе въ прозу и грязь жизни, какъ понимаетъ ее толпа, но просвѣтленіе идеею самыхъ простыхъ житейскихъ отношеній, очеловѣченіе естественныхъ стремленій. Для челоѣка нашего времени не можетъ не существовать прелесть изящныхъ формъ въ женщинѣ, ни обаятельная сила эстетическаго наслажденія. И, несмотря на то, это будетъ не одна чувственность, не одна страсть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое цѣломудренное чувство, привязанность нравственная, связь духовная, любовь души къ душѣ. Это будетъ растеніе, котораго прекрасный и роскошный цвѣтъ проливаетъ въ воздухъ ароматъ, а корень кроется во влажной и мрачной почвѣ земли. Восточная любовь основана на различіи половъ: основаніе это истинно, и недостатокъ восточной любви заключается не въ томъ, что она начинается чувственностью, но въ томъ, что она также и оканчивается чувственностью. Мужчинѣ можно влюбиться только въ женщину, женщинѣ — только въ мужчину: слѣдовательно, половое различіе есть корень всякой любви, первый моментъ этого чувства. Грекъ обожалъ въ женщинѣ красоту, какъ только красоту, придавая ей въ вѣчныя сопутницы грацію. Основа такого воззрѣнія на женщину истинна и въ наше время, и надо имѣть любовную натуру и заскоружное чувство, чтобы смотрѣть на красоту, не плѣняясь и не трогаясь ею; но одной красоты въ женщинѣ мало знае романтизма нашего времени. Романтизмъ среднихъ вѣковъ пошелъ далѣе древнихъ въ

понятія о красотѣ: онъ отказался отъ обожанія красоты, какъ только красоты, и хотѣлъ видѣть въ ней душевное выраженіе. Но это выраженіе понималъ онъ до того неопредѣленно и туманно, что древняя пластическая красота относилась къ идеалу его красоты, какъ прекрасная дѣйствительность къ прекрасной мечтѣ. Понятіе нашего времени о красотѣ выше созерцанія древняго и созерцанія среднихъ вѣковъ: оно не удовлетворяется красою, которая только что красота и больше ничего, какъ эти прекрасныя, но холодныя мраморныя статуи греческія съ безцвѣтными глазами; но оно также далеко и отъ безплотнаго идеала среднихъ вѣковъ. Оно хочетъ видѣть въ красотѣ одно изъ условій, возвышающихъ достоинство женщины, и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ въ лицѣ женщины опредѣленнаго выраженія, опредѣленнаго характера, опредѣленной идеи, отблеска опредѣленной стороны духа. Въ наше время умный челоѣкъ, уже вышедшій изъ пеленъ фантазій, не станетъ искать себѣ въ женщинѣ идеала всѣхъ совершенствъ, — не станетъ потому, во-первыхъ, что не можетъ видѣть въ самомъ себѣ идеала всѣхъ совершенствъ, и не захочетъ запросить больше, нежели сколько самъ въ состояніи дать, а во-вторыхъ, потому, что не можетъ, какъ умный челоѣкъ, вѣрить возможности осуществленнаго идеала всѣхъ совершенствъ, ибо онъ — опять-таки какъ умный, а не фантазирующій челоѣкъ — знаетъ, что всякая личность есть ограниченіе „всего“ и исключеніе „многаго“, какими бы достоинствами она ни обладала, и что самыя эти достоинства необходимо предполагаютъ недостатки. Найти одну или, пожалуй, нѣсколько нравственныхъ сторонъ, и умѣть ихъ понять и оцѣнить — вотъ идеаль разумной (а не фантастической) любви нашего времени. Красота возвышаетъ нравственные достоинства; но безъ нихъ красота въ наше время существуетъ только для глазъ, а не для сердца и души. Въ чемъ же должны заключаться нравственные качества женщины нашего времени? — Въ страстной натурѣ и возвышенно-простомъ умѣ. Страстная натура состоитъ въ живой симпатіи ко всему, что составляетъ нравственное существованіе челоѣка; возвышенно-простой умъ состоитъ въ простомъ пониманіи даже высокихъ предметовъ, въ тактѣ дѣйствительности, въ смѣлости не бояться истины, ненабѣленной и ненарумяненной фантазіею. Въ чемъ состоитъ блаженство любви по понятію нашего времени? — Въ наше время о полномъ безусловномъ счастіи въ любви могутъ мечтать только или отроки, или духовно-малолѣтнія натуры. Это, во-первыхъ, потому, что міръ романтизма не можетъ вполнѣ удо-

влетворить порядочнаго человѣка, а во-вторыхъ, потому, что наше время какъ-то вообще неудобно для всякаго счастья, а тѣмъ менѣе для полнаго. Возможное счастье любви въ наше время зависитъ отъ способности дорожить одареннымъ благородною душою существомъ, которое при сердечной симпатіи къ вамъ столько же можетъ понимать васъ такъ, какъ вы есть (ни лучше, ни хуже), сколько и вы можете понимать его, и понимать въ томъ, что составляетъ принадлежность нравственнаго существованія человѣка. Видѣть и уважать въ женицѣ человѣка—не только необходимое, но и главное условіе возможности любви для порядочнаго человѣка нашего времени. Наша любовь проще, естественнѣе, но и духовнѣе, нравственнѣе любви всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ въ развитіи человѣчества. Мы не преклонимъ колѣнъ передъ женщиною за то только, что она прекрасна собою, какъ это дѣлали греки; но мы и не бросимъ ея, какъ наскучившую намъ игрушку, лишь только чувство наше насытилось обладаніемъ. Это не значить, чтобъ наше сердце не могло иногда охладѣвать безъ причины, но для насъ нѣтъ большаго несчастія, какъ, взявъ на себя нравственную отвѣтственность въ счастіи женщины, растерзать ея сердце, хотя бы и невольно... Мы ни съ кѣмъ не станемъ драться, чтобъ заставить кого-нибудь признать любимую нами женщину за чудо красоты и добродѣтели, какъ это дѣлали рыцари; но мы уважимъ ея дѣйствительныя права и, не дѣлая ея своею царицею, не захотимъ видѣть въ ней не только свою рабу, но и низшее (почему-то) насъ существо... Мы не увидимъ въ ней, какъ въ средніе вѣка, какого-то безплотнаго существа высшей природы, но вполне признаемъ ее *человѣкомъ*... Мать нашихъ дѣтей, она не унижется, но возвысится въ глазахъ нашихъ, какъ существо, свято выполнившее свое святое назначеніе, и наше понятіе о ея нравственной чистотѣ и непорочности не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое придавалъ этому предмету экзальтированный романтизмъ среднихъ вѣковъ: для насъ нравственная чистота и невинность женщины—въ ея сердцѣ, полнотѣ любви, въ ея душѣ, полной возвышенныхъ мыслей... Идеалъ нашего времени—не *дѣва*, идеальная и неземная, гордая своею невинностію, какъ скупецъ своими сокровищами, отъ которыхъ ни ему, ни другимъ не лучше жить на свѣтѣ, нѣтъ, идеалъ нашего времени—*женщина*, живущая не въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности осуществляющая жизнь своего сердца,—не такая женщина, которая чувствуетъ одно, а дѣлаетъ другое. Въ наше время любовь есть идеальность и духовность

чувственнаго стремленія, которое только ею и можетъ быть законно, нравственно и чисто; безъ нея же оно и въ самомъ бракѣ есть униженіе человѣческаго достоинства, грѣховный позоръ и растлѣніе женщины... ¹⁾).

Много нужно было времени, битвъ, боре-ній, переворотовъ и страданій, чтобъ явилась человѣчеству заря новаго романтизма и настала для него эпоха освобожденія отъ романтизма среднихъ вѣковъ. Давно уже условія жизни и основы общества были другія, непохожія на тѣ, которыми крѣпки были средніе вѣка; но романтизмъ среднихъ вѣковъ все еще держалъ Европу въ своихъ душныхъ оковахъ, и—Боже мой! какъ еще для многихъ гибельны клещи этого искаженнаго и выродившагося призрака!... XVIII вѣкъ нанесъ ему ударъ страшный и рѣшительный; но дѣло тѣмъ не кончилось: какъ лампа вспыхиваетъ ярче передъ тѣмъ, когда ей надо угаснуть, такъ сильнѣе въ началѣ нынѣшняго вѣка возсталъ-было изъ своего гроба этотъ покойникъ. Всякое сильное историческое движеніе необходимо порождаетъ реакцію своей крайности: вотъ причина внезапнаго появленія романтизма среднихъ вѣковъ въ литературѣ XIX вѣка. Онъ воскресъ въ странѣ, которой умственную жизнь составляетъ теорія, созерцаніе, мистицизмъ и фантазерство, и которой дѣйствительную жизнь составляетъ пошлость бюргерства, гофратства и филистерства,—въ Германіи. Въ концѣ XVIII вѣка тамъ явился великій поэтъ, одною стороною своего необъятнаго генія принадлежавшій человѣчеству, а другою—нѣмецкой національности. Мы говоримъ о Шиллерѣ, поэзія котораго поражаетъ своею двойственностію при первомъ взглядѣ. Паюсъ ея составляетъ чувство любви къ человѣчеству, основанное на разумѣ и сознаніи; въ этомъ отношеніи Шиллера можно назвать *потомъ гуманности*. Въ поэзіи Шиллера сердце его вѣчно исходитъ самою живою, пламенною и благородною кровію любви къ *человѣку* и *человѣчеству*, ненависти къ фанатизму религіозному и національному, къ предрасудкамъ, къ кострамъ и бичамъ, которые раздѣляютъ людей и заставляютъ ихъ забывать, что они—братья другъ другу. Провозвѣстникъ высокихъ идей, жрецъ свободы духа, на разумной любви основанной, поборникъ чистаго разума, пламенный и восторженный поклонникъ просвѣщенной, пзщной и гуманной древности, Шиллеръ въ то же время—романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ! Странное противорѣчіе! А

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе. Все это обширное вводное разсужденіе тѣсно связано съ личными обстоятельствами Бѣлинскаго—съ его женитьбой въ концѣ 1843 г. Ср. его письма къ неѣтѣ отъ сентября—октября 1843-го года, т.-е. именно эпохи этой статьи.

между тѣмъ, это противорѣчіе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы думаемъ, что первою стороною своей поэзіи Шиллеръ принадлежитъ человѣчеству, а второю онъ заплатилъ невольную дань своей національности. Шиллеръ высокъ въ своемъ созерцаніи любви; но это—любовь мечтательная, фантастическая: она боится земли, чтобъ не замараться въ ея грязи, и держится подъ небомъ, именно въ той полосѣ атмосферы, гдѣ воздухъ рѣдокъ и неспособенъ для дыханія, а лучи солнца свѣтятъ не грѣя... Женщина Шиллера, это — не живое существо съ горячею кровью и прекраснымъ тѣломъ, а блѣдный призракъ; это—не страсть, а аффектація. Женщина Шиллера любитъ больше головою, чѣмъ сердцемъ, и она у него всегда на пьедесталѣ и подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобъ не пахнулъ на нее вѣтеръ и не коснулся ея прахъ земли. Въ балладахъ своихъ Шиллеръ воскресилъ весь піетизмъ среднихъ вѣковъ, со всей безотчетностью его содержанія, со всѣмъ простодушіемъ его невѣжества. Послѣ Шиллера образовалась въ Германіи цѣлая партія романтическая, представителями которой были братья Шлегели, Тикъ и Новалисъ. Это все были натуры болѣе или менѣе даровитыя, но безъ всякой искры генія, и они ухватились со всѣмъ жаромъ прозелитовъ за слабую сторону Шиллера, думая найти въ ней все и хлопоча, сколько хватило ихъ силъ, о возобновленіи въ новомъ мірѣ формъ жизни среднихъ вѣковъ. Самъ Гете—человѣкъ высшаго закала, поэтъ мысли и здраваго разсудка, въ легендѣ среднихъ вѣковъ высказалъ страданія современнаго человѣка („Фаустъ“), а въ своемъ „Вертерѣ“ явился онъ романтикомъ тоже въ духѣ среднихъ вѣковъ. Многія баллады его (какъ, наприм., „Лѣсной царь“, „Рыбакъ“ и проч.) дышатъ романтизмомъ того времени.—Это движеніе, возникшее въ Германіи, сообщилось всей Европѣ. Въ Англіи явился поэтъ всего менѣе романтическій и всего болѣе распространившій страсть къ феодальнымъ временамъ. Вальтеръ Скоттъ — самый положительный умъ; герои его романовъ всѣ влюблены, но какъ — этого онъ не раскрываетъ; его дѣло влюбить и женить, а до мистики и страсти, до ея развитія и характера онъ никогда не касается. А между тѣмъ, онъ почти безвыходный жилецъ среднихъ вѣковъ: онъ съ такою страстію и такою словоохотливостію описываетъ и кольчугу, и гербъ, и рыцарскую залу, и замокъ, и монастырь той эпохи... Былъ въ Англіи другой, еще болѣе великій поэтъ и романтикъ по преимуществу, но тотъ надѣлалъ много вреда, и нисколько не принесъ пользы среднимъ вѣкамъ. Образъ Прометея во всемъ колоссальномъ величіи, въ какомъ передала его

намъ фантазія грековъ, явился вновь въ типическомъ образѣ Байрона; но онъ былъ провозвѣстникомъ новаго романтизма, а старому нанесъ страшный ударъ. Во Франціи тоже явилась романтическая школа въ духѣ среднихъ вѣковъ; она состояла не изъ однихъ поэтовъ, но и мыслителей, и силилась воскресить не только романтизмъ, но и католицизмъ,—что было съ ея стороны очень послѣдовательно. Представителями романтической поэзіи во Франціи были въ особенности два поэта—Гюго и Ламартинъ. Оба они истощили воскресшій романтизмъ среднихъ вѣковъ, и оба пали, засыпанные мусоромъ безобразнаго зданія, которое тщетно усилялись выстроить наперекоръ современной дѣйствительности. Имъ недоставало цемента, такъ крѣпко связавшаго колоссальныя готическіе соборы среднихъ вѣковъ. Вообще неестественная попытка воскресить романтизмъ среднихъ вѣковъ давно уже сдѣлалась анахронизмомъ во всей Европѣ. Это была какая-то странная вспышка, на которой опалили себѣ крылья замѣчательные таланты, и которая много повредила самимъ геніямъ.

Но у насъ этотъ романтизмъ, искусственно воскрешенный на минуту въ Европѣ, имѣлъ совсѣмъ другое значеніе. Россія реформою Петра Великаго до того примкнулась къ жизни Европы, что не могла не ощущать на себѣ вліянія происходившихъ тамъ умственныхъ движеній. У Россіи не было своихъ среднихъ вѣковъ, и въ литературѣ ея не могло быть самобытнаго романтизма,—а безъ романтизма поэзія то же, что тѣло безъ души. Въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Державина проблескивалъ романтизмъ греческій, но не болѣе, какъ только проблескивалъ. Впрочемъ, если бы въ то время явился на Руси поэтъ, вполне проникнутый греческимъ созерцаніемъ и вполне владѣвшій пластицизмомъ греческой формы, — то и въ такомъ случаѣ русская литература выразила бы собою только одинъ моментъ романтизма, за которымъ оставалось бы ожидать другого. Карамзинъ, какъ мы не разъ уже замѣчали, внесъ въ русскую литературу элементъ *сентиментальности*, которая не что иное, какъ пробужденіе *ощущенія* (sensation), первый моментъ пробуждающейся духовной жизни. Въ сентиментальности Карамзина ощущеніе является какою-то отчасти болѣзненною раздражительностію нервовъ. Отсюда это обиліе слезъ и истинныхъ и ложныхъ. Какъ бы то ни было, эти слезы были великимъ шагомъ впередъ для общества; ибо кто можетъ плакать не только о чужихъ страданіяхъ, но и вообще о страданіяхъ вымышленныхъ, тотъ, конечно, больше человѣкъ, нежели тотъ, кто плачетъ тогда только, когда его больно бьютъ. И однакожъ, *ощущеніе* есть

только приготовленіе къ духовной жизни, только возможность романтизма, но еще не духовная жизнь, не романтизмъ: то и другое обнаруживается, какъ *чувство* (sentiment), имѣющее въ основѣ своей *мысль*. Одухотворить нашу литературу могъ только романтизмъ среднихъ вѣковъ, болѣе близкій и болѣе доступный обществу, нежели греческій романтизмъ, требующій для своего уразумѣнія особеннаго посвященія путемъ науки. Въ Жуковскомъ русская литература нашла своего почитателя въ таинства романтизма среднихъ вѣковъ. Назначеніе сантиментальности, введенной Карамзинымъ въ русскую литературу, было — расшевелить общество и приготовить его къ жизни сердца и чувства. Поэтому явленіе Жуковского вскорѣ послѣ Карамзина очень понятно и вполне согласно съ законами постепеннаго развитія литературы, а черезъ нее — общества. Равнымъ образомъ, понятенъ путь, которымъ Жуковский привелъ къ намъ романтизмъ. Это былъ путь подражанія и заимствованія — единственный возможный путь для литературы, не имѣвшей и не могшей имѣть корня въ общественной почвѣ и исторіи своей страны. Надобно было случиться такъ, чтобъ поэтическая натура Жуковского носила въ себѣ сильную родственную симпатію къ музѣ Шиллера, и, въ особенности, къ ея романтической сторонѣ. Жуковский познакомился съ своимъ любимымъ поэтомъ при его жизни, когда слава его была на своей высшей точкѣ, — и вышелъ на поприще русской литературы почти непосредственно за смертью Шиллера. Хотя Жуковский всегда дѣйствовалъ какъ необыкновенно даровитый переводчикъ, но на него не должно смотрѣть только какъ на превосходнаго переводчика. Онъ переводилъ особенно хорошо то, что гармонировало съ внутреннею настроенностью его духа, и въ этомъ отношеніи бралъ *свое* вездѣ, гдѣ только находилъ его — у Шиллера по преимуществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и у Гёте, у Матиссона, Уланда, Гебеля, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Грея и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Многие онъ даже не столько переводилъ, сколько передѣлывалъ, иное заимствовалъ мѣстами и вставлялъ въ свои оригинальныя пьесы. Однимъ словомъ, Жуковский былъ переводчикомъ на русскій языкъ не Шиллера или другихъ какихъ-нибудь поэтовъ Германіи и Англіи, нѣтъ, Жуковский былъ переводчикомъ на русскій языкъ романтизма среднихъ вѣковъ, воскрешеннаго въ началѣ XIX вѣка нѣмецкими и англійскими поэтами, преимущественно же Шиллеромъ. Вотъ значеніе Жуковского и его заслуга въ русской литературѣ.

Жуковский началъ свое поэтическое поприще *балладами*. Этотъ родъ поэзіи имъ начатъ, созданъ и утвержденъ на Руси: современники юности Жуковского смотрѣли на него преимущественно какъ на автора балладъ, и въ одномъ своемъ посланіи Батюшковъ называлъ его „балладинкомъ“. Подъ балладой тогда разумѣли краткій рассказъ о любви, большею частію несчастной; могилу, крестъ, привидѣніе, ночь, луну, а иногда домовыхъ и вѣдьмъ считали принадлежностью этого рода поэзіи, — больше же ничего не подозрѣвали. Но въ балладѣ Жуковского заключался болѣе глубокий смыслъ, нежели могли тогда думать. Баллада и романсъ — народная пѣсня среднихъ вѣковъ, прямое и наивное выраженіе романтизма феодальныхъ временъ, произведенія по преимуществу *романтическія*. Первою балладою, обратившею на Жуковского общее вниманіе, была „Людмила“, передѣланная имъ изъ Бюргеровой „Леноры“, которую онъ впоследствии перевелъ. „Ленора“ Бюргера доставила въ Германіи громкое имя своему творцу. Золотое то время, когда подобными вещами можно снискивать себѣ славу! Такое время миновалось даже для Россіи. Но „Людмила“ Жуковского явилась кстати: она имѣла успѣхъ въ родѣ того, какимъ воспользовались „Душенька“ Богдановича и „Вѣдная Лиза“ Карамзина. Для русской публики все было ново въ этой балладѣ. Стихи, которыми она писана, для нашего времени уже не кажутся особенно поэтическими; въ ней даже есть просто плохіе стихи, какихъ рѣшительно нѣтъ въ другихъ балладахъ Жуковского; но и „Людмила“ въ то время могла быть написана только Жуковскимъ, и стихи этой баллады не могли не удивить всѣхъ своею легкостію, звучностію, а главное — своимъ складомъ, совершенно небывалымъ, новымъ и оригинальнымъ. Содержаніе баллады — самое романтическое, во вкусѣ среднихъ вѣковъ; дѣвушка, узнавъ, что милый ея палъ на полѣ битвы, ропчетъ на судьбу, и за то ее постигаетъ страшное наказаніе: милый пріѣзжаетъ за нею на конѣ и увозитъ ее — въ могилу, и хоръ тѣней *воетъ* надъ нею эту моральную сентенцію:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ;
Часъ твой былъ, насталъ конецъ.

Было время (и оно давно-давно уже прошло для насъ), когда эта баллада доставляла намъ какое-то сладостно-страшное удовольствіе, и чѣмъ больше ужасала насъ, тѣмъ съ большею страстью мы читали ее. Дѣти нынѣшняго времени стали умнѣе, — и мы не думаемъ, чтобъ теперь даже и между ними могли найтись почитатели „Людмилы“. А

между тѣмъ — повторяемъ — она самое романтическое произведеніе въ духѣ среднихъ вѣковъ. И если бы мы не помнили, какъ она коротка казалась намъ во время оного, не смотря на свои *двести пятьдесятъ два* стиха, — то не могли бы теперь довольно удивиться тому, какъ достало у поэта терпѣнія и силы написать столь длинную балладу въ такомъ родѣ... Но у всякаго времени свои вкусы и привязанности. Мы теперь не станемъ восхищаться „Бѣдною Лизою“; однакожь эта повѣсть въ свое время исторгла много слезъ изъ прекрасныхъ глазъ, прославила *Лизинъ Прудъ* и испестрила кору растущихъ надъ нимъ березъ чувствительными надписями. Старожилы говорятъ, что вся читающая Москва ходила гулять на *Лизинъ Прудъ*, что тамъ были мѣста свиданія любовниковъ, и мѣста дуэлей. И много было написано потомъ повѣстей въ такомъ родѣ; но ихъ тотчасъ же забывали по прочтеніи, а до насъ не дошли даже и названія ихъ, — знакъ, что только талантъ умѣетъ угадывать общую потребность и тайную думу времени. Всѣ произведенія, которыми таланты угадывали и удовлетворяли потребности времени, должны сохраняться въ исторіи: это — курганы, указывающіе на путь народовъ и на мѣста ихъ роздыховъ... Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ „*Людмила*“ Жуковскаго. Сверхъ того, романтизмъ этой баллады состоитъ не въ одномъ нелѣпомъ содержаніи ея, на изобрѣтеніе котораго стало бы самаго дюжиннаго таланта, но въ фантастическомъ колоритѣ красокъ, которыми оживлена мѣстами эта дѣтски-простодушная легенда и которыя свидѣтельствуютъ о талантѣ автора. Такіе стихи, какъ, напримѣръ, слѣдующіе, были для своего времени откровеніемъ тайны романтизма:

Слышенъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой
Прахъ остави гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣль воздушную свились —
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики;
Будто въ листьяхъ павилки
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ.

Или вотъ эта фантастическая картина ночной природы:

Вотъ и мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зеркало зыбленъ водъ,
И небесъ далекій сводъ,
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спать пригорки отдаленны,

Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чуть... полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ...
Скачетъ по полю вѣдокъ...

Такіе стихи вполне оправдываютъ восторгъ и удивленіе, которыми была нѣкогда встрѣчена „*Людмила*“ Жуковскаго: тогдашнее общество безсознательно почувствовало въ этой балладѣ новый духъ творчества, новый міръ поэзіи — и общество не ошиблось.

„*Свѣтлана*“, оригинальная баллада Жуковскаго, была признана за его *chef-d'oeuvre*, такъ что критики и словесники того времени (она была напечатана въ 1813 году, стало быть, тридцать лѣтъ назадъ тому) титуловали Жуковскаго *пѣвцомъ Свѣтланы*. Въ этой балладѣ Жуковскій хотѣлъ быть народнымъ; но о его притязаніяхъ на народность мы скажемъ послѣ. Содержаніе „*Свѣтланы*“ извѣстно всѣмъ и каждому; оно самое романтическое, и вообще лучшая критика, какая когда-либо написана была о „*Свѣтланѣ*“, заключается въ посвятительномъ куплетѣ баллады:

Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.

„*Алина и Альсимъ*“, кажется, принадлежитъ къ числу оригинальныхъ балладъ Жуковскаго. Она отличается какимъ-то простодушіемъ въ тонѣ, несвойственнымъ нашему времени и вызывающимъ на уста не совсѣмъ добрую улыбку, но ея содержаніе, несмотря на романтизмъ, исполнено смысла и должно было имѣть самое разумное вліяніе на свое время. Вѣроятно, такіе стихи, какъ слѣдующіе, не одними прекрасными устами повторялись набожно:

Что пользы въ платьѣ дорогое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Картина свиданія Алины съ Альсимомъ, представшимъ предъ нее подъ видомъ продавца золотыхъ вещей, нарисована кистію грустною и меланхолическою; нѣкоторые стихи проникнуты самымъ обаятельнымъ романтизмомъ, какъ, напримѣръ, эти:

Блистала красота младая
Въ его чертахъ;
Но блѣденъ; борода густая;
Печаль въ глазахъ.
*Мила для взоровъ живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней,
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.*

Развязка баллады — дѣтская мелодрама: кинжалъ, убійство невинныхъ и терзаніе совѣсти убійцы. Мы думаемъ, что такимъ окончаніемъ испорчена баллада, имѣвшая для своего времени великое достоинство.

Не знаемъ, чтó подало поводъ Жуков-

скому написать „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“; но мысль „Вадима“, составляющаго вторую часть этой огромной баллады, заимствована имъ изъ романа Шинса „Старикъ вездѣ и нигдѣ“. Мѣсто дѣйствія этой баллады въ Кіевѣ и Новѣгородѣ; но мѣстныхъ и народныхъ красокъ—никакихъ. Это нисколько не русская, но чисто романтическая баллада въ духѣ среднихъ вѣковъ. Мы еще возвратимся къ ней.

Говорятъ, что „Эолова Арфа“ — оригинальное произведеніе Жуковского: не знаемъ; но по крайней мѣрѣ достоверно то, что она — прекрасное и поэтическое произведеніе, гдѣ сосредоточенъ весь смыслъ, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского. Эта любовь, несчастная по неравенству состояній, младенчески невинная, мечтательная и грустная, это свиданіе подъ дубомъ, полное тихаго блаженства и трепетнаго предчувствія близкаго горя, и арфа, повѣшенная „залогомъ прекрасныхъ минувшихъ дней“, и явленіе милой тѣни одинокой красавицы, сопровождаемое таинственными звуками и возвѣстившее утрату всего милого на землѣ; все это такъ и дышитъ музыкою сѣвернаго романтизма, неопредѣленнаго, туманнаго, унылаго, возникшаго на гранитной почвѣ Скандинавіи и туманныхъ берегахъ Альбіона... Надо живо помнить первыя лѣта своей юности, когда сердце уже полно тревоги, но страсти еще не охватили его своимъ порывистымъ пламенемъ, — надо живо помнить эти дни сладкой тоски, мечтательнаго раздумья и тревожнаго порыванія въ какой-то таинственный міръ, которому сердце вѣрить, но котораго уста не могутъ назвать, — надо живо помнить это время своей жизни, чтобъ понять, какое глубокое впечатлѣніе должны производить на юную душу эти прекрасные стихи послѣдняго куплета баллады:

И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымъ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучать.

Минвана — не гордая красавица юга, съ роскошными формами тѣла, огненными глазами, цвѣтущая здоровьемъ, пышущая страстью; нѣтъ, это — *блѣдная красота сѣвера*, тихая и кроткая, похожая на какое-то милое, воздушное видѣніе, красота, трогающая своею болѣзненностію, очаровывающая своею томностію, идеаль романтической красоты и въ особенности идеаль красоты Жуковского...

Малая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарю златимы надъ свѣжымъ холмомъ,

Такъ вудри густыя
Съ главы молодой
На перен малаы,
Віая, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіяетъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятеніе вливалъ:
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей;
Какъ роза — дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Со стороны художественной и въ этой балладѣ есть одинъ важный недостатокъ: если нельзя сказать, чтобы она была растянута, то и нельзя сказать, чтобы она была сжата столько, сколько бы это нужно было для полного и сильнаго впечатлѣнія.

„Рыцарь Тогенбургъ“ — прекрасный и вѣрный переводъ одной изъ лучшихъ балладъ Шиллера. Рыцарь любитъ дѣвушку, которая не понимаетъ чувства любви; тревоги военной жизни и жаркія схватки съ мусульманами не охладили въ рыцарѣ его несчастной страсти; возвратившись на родину, онъ узнаетъ, что *она* — монахиня; тогда онъ скрывается въ убогой кельѣ по сосѣдству монастыря, какъ гробъ схоронившаго въ себѣ всѣ надежды его на блаженство жизни, —

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дождаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

Въ одно прекрасное утро злополучный рыцарь умеръ, смотря на окно... Подлинно — „рыцарь печальнаго образа“!... Какъ жаль, что Шиллеръ воскресилъ его не совсѣмъ въ пору да въ-время! Сердца холодныя и разочарованныя, души жестокия и прозаическія, мы жалѣемъ объ этомъ рыцарѣ, но не какъ о человѣкѣ, постигнутомъ рокомъ и несущемъ на себѣ тяжкое бремя *дѣйствительнаго* несчастія, а какъ о сумасшедшемъ... Поистинѣ, бѣдняжка для насъ немного смѣшонъ и жалокъ... Что дѣлать? въ этомъ отношеніи мы совершенно классики и нисколько не романтики. Во-первыхъ, мы не вѣримъ, чтобъ все назначеніе мужчины заключалось только въ любви и чтобъ всѣ силы души его должны были сосредоточиться въ одномъ этомъ чувствѣ; во-вторыхъ, мы мало уважаемъ *вѣрность до гроба* и считаемъ ее натяжкою воли, аффектаціею, а не свободно горящимъ огнемъ чувства; въ третьихъ, мы не вѣримъ возможности любви нераздѣльной, — если можемъ допустить ее, то не иначе, какъ болѣзнь или помѣшательство. Любовь вспыхиваетъ отъ сближенія, взаимность раздражаетъ и поддерживаетъ ея

энергію, невниманіе и холодность вызываютъ чувство оскорбленнаго самолюбія, униженнаго достоинства — и уничтожаютъ возможность любви. Есть люди и въ наше время, которые готовы увѣрить себя въ какомъ угодно чувствѣ, и которые никогда не будутъ имѣть благородной смѣлости сознаться передъ самими собою, что ихъ чувство у нихъ не въ сердцѣ, не въ крови, а въ головѣ и фантазіи. Они думаютъ, что измѣнить разъ овладѣвшему ими чувству постыдно, и цѣлую жизнь натягиваются силою воли держать себя въ этомъ чувствѣ. *A force de forger...* — и ихъ вымышленное чувство въ самомъ дѣлѣ даетъ имъ призракъ радости и тоски, какъ будто бы и дѣйствительное чувство. Бѣдники рисуются передъ самими собою и не нарадуются своей глубокой и сильной натурѣ, которая если полюбитъ разъ, то ужъ навсегда, и скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить своему чувству. Они не знаютъ, что въ этой добродѣтели давно уже побѣдилъ ихъ знаменитый витязь Донъ-Кихоть, который до могилы остался вѣренъ своей прекрасной Дульцинеѣ, котораго одна мысль о сей очаровательной дамѣ его сердца укрѣпляла на великіе подвиги, на битвы съ мельницами и баранами, дѣлая его и несчастнымъ, и блаженнымъ... А что такое Донъ-Кихоть? — Человѣкъ вообще умный, благородный, съ живою и дѣятельною натурою, но который вообразилъ, что ничего не стоитъ въ XVI вѣкѣ сдѣлаться рыцаремъ XII-го — стоитъ только захотѣть...

Мы выше замѣтили, что романтизмъ не есть достояніе и принадлежность одной какой-нибудь страны или эпохи: онъ — вѣчная сторона натуры и духа человѣческаго; онъ не умеръ послѣ среднихъ вѣковъ, а только преобразился. Итакъ, нашъ новѣйшій романтизмъ не думаетъ отрицать любви, какъ естественнаго стремленія сердца, но только требуетъ, чтобъ это стремленіе не было подземною, темною, адскою силою, увлекающею человѣка, какъ пасть гремучей змѣи, въ бездну гибели. Не отнимая у чувства свободы, нашъ романтизмъ требуетъ, чтобъ и чувство, въ свою очередь, не отнимало у человѣка свободы, а свобода есть разумность. Гдѣ же разумность въ болѣзненномъ чувствѣ, приковавшемъ одного человѣка къ другому, когда этотъ другой свободенъ? Въ такомъ случаѣ, Богъ съ нею — съ любовью! Широка жизнь, и много дорогъ на ея безконечномъ пространствѣ, и любую изъ нихъ можетъ выбрать себѣ свободная дѣятельность мужчины. Грустно видѣть человѣка, который потерялъ все, что любилъ, и котораго сердце этою потерю навсегда сокрушено и разбито; но никто не осудитъ такого человѣка: его скорбь имѣетъ имя, она дѣйствительна, —

онъ оплакиваетъ то, что звалъ своимъ, чѣмъ былъ счастливъ. Но сдѣлаться жертвою призрака, мечты, прихоти больнаго воображенія, каприза неразумнаго сердца, сосредоточить все свои желанія на женщинѣ, которая о васъ не думаетъ, посвятить всю жизнь свою на то, чтобъ украдкою изрѣдка смотрѣть на нее въ почтительномъ разстояніи: какая унижительная, какая презрѣнная роль! Въ одной сказкѣ сумасброднаго романтика Гофмана человѣкъ влюбляется въ автомата и гибнетъ жертвою этой любви: не похожъ ли на него рыцарь Тогенбургъ?... Въ средніе вѣка понимали любовь какъ какое-нибудь неизбежное, роковое предназначеніе. Романтизмъ нашей эпохи понимаетъ дѣло проще, безъ всякаго мистицизма. Онъ не думаетъ, чтобъ для мужчины существовала только одна женщина въ мірѣ, а для женщины — только одинъ мужчина въ мірѣ. Выборъ предмета любви основанъ на капризѣ сердца: любовь зависитъ отъ сближенія, а сближеніе — отъ случайности. Не удалось здѣсь — удастся тамъ, не сошлись съ одною, сойдется съ другою. Это опять не значитъ, чтобъ можно было полюбить или не полюбить по волѣ своей: это значитъ только то, что если каждый можетъ любить только извѣстный идеалъ, то никогда никакой идеалъ не является въ мірѣ въ одномъ экземплярѣ, но существуетъ въ большемъ или меньшемъ числѣ видоизмѣненій и оттѣнковъ. Нашъ романтизмъ хлопочетъ не о томъ, однажды или дважды должно и можно любить въ жизни, но о томъ, чтобъ не разбить другого предавшагося вамъ сердца и не быть причиною несчастья его жизни. Вы любили только разъ въ жизни и были до гроба вѣрны одной только привязанности: прекрасно! Но не дѣлайте изъ этого общаго для всѣхъ правила! Одинъ такъ, другой иначе, тотъ — одинъ разъ въ жизни, а этотъ — десять разъ: оба равно правы, лишь бы только на совѣсти котораго нибудь изъ нихъ не легло ничье несчастье. Нѣтъ преступленія любить нѣсколько разъ въ жизни, и нѣтъ заслуги любить только одинъ разъ; упрекать себя за первое и хвастаться вторымъ — равно нелѣпо... ¹⁾).

Когда двѣ эпохи такъ противоположно расходятся во взглядѣ на одни и тѣ же предметы, то поэзія старой эпохи теряетъ свою силу для новой. Если какая-нибудь эпоха выразила собою одинъ изъ моментовъ всемірно-историческаго развитія, то ея поэзія всегда имѣетъ свою историческую

¹⁾ Все это, несомнѣнно, отклики *pro domo sua*: см. предыдущее примѣчаніе. Тутъ разсѣяны намеки на былую любовь Бѣлинскаго къ А. Бакуиной; многія мысли взяты изъ письма къ Боткину отъ 10—11 дек. 1840 г. См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 32, — т. II, стр. 199.

важность; но только *ея* собственная поэзія, а не поддѣльная подъ нее. И потому готическіе соборы среднихъ вѣковъ и въ наше время сильно дѣйствуютъ на душу, а баллады Шиллера, несмотря на всю поэтическую прелесть ихъ, ни для кого не занимательны. Скажемъ болѣе: чѣмъ выше по своему художественному достоинству такіа баллады, какъ „Рыцарь Тогенбургъ“, тѣмъ большее сожалѣніе возбуждаютъ онѣ въ читателѣ нашего времени, что столько душевныхъ зарядовъ потрачено по воробьямъ...

Разумѣется, это можно ставить въ упрекъ Шиллеру, но отнюдь не Жуковскому: ибо первый въ приведенныхъ нами стихотвореніяхъ старался воскресить давно умершіе интересы, когда современная жизнь кипѣла великими вопросами и историческій духъ, какъ подземный кротъ, подрывалъ старыя основы новой дѣйствительности; а второй усваивалъ юной, едва рождавшейся литературѣ плодотворные для нея элементы и юное, едва возрождавшееся общество знакомило съ новыми, необходимыми ему интересами. Итакъ, чтобъ еще полнѣе и опредѣленнѣе высказать сущность и характеръ романтизма среднихъ вѣковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и романтики Жуковского, — бросимъ бѣглый взглядъ на содержаніе еще нѣкоторыхъ балладъ его.

Одинъ добрый пустынный разъ завелъ къ себѣ въ лѣсную келью заблудившагося путника, — потомъ узналъ въ немъ свою любимую, послѣ чего, сорвавъ съ себя накладную бороду, Эдвинъ поклялся жить и умереть вмѣстѣ съ Эльвиною. Это, вѣроятно, случилось такъ давно, что теперь трудно и повѣрить, чтобъ когда-нибудь могло случиться. Эдвинъ любилъ Эльвину, но богатый отецъ его запретилъ ему видѣться съ бѣдною дѣвушкою. Чтѣ тутъ дѣлать? Не читавшіе этой баллады могутъ подумать, что Эдвинъ былъ школьникъ, котораго отецъ могъ высѣчь за непослушаніе. Ничего не бывало! Онъ былъ малый на возрастѣ, уже знакомый со страстями:

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить...

Какъ не признать отцовской власти?

Но какъ же не любить?

Такъ вотъ чтѣ затрудняло и заставляло его страдать! Его отецъ былъ отецъ по понятіямъ среднихъ вѣковъ, т.-е. человѣкъ, который за бѣдный даръ жизни считалъ себя въ правѣ лишать сына счастья по произволу своей прихоти, другими словами — считалъ сына своимъ рабомъ, своею вещью... Въ наше время отецъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе: его связываетъ съ дѣтьми не столько кровь, сколько духъ; онъ считаетъ своею заслугою не то, что далъ дѣтямъ

своимъ физическое существованіе, но то, что онъ далъ имъ, черезъ воспитаніе, основанное на любви, нравственную жизнь. Если бы отецъ нашего времени сталъ отнимать у сына счастье его жизни на основаніи собственныхъ корыстныхъ разсчетовъ, — всѣ бы увидѣли, что отецъ любить себя, а не сына, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ свои права надъ нимъ: ибо если нѣтъ любви, связывающей отца съ дѣтьми, то у дѣтей нѣтъ и отца. Но въ средніе вѣка думали объ этомъ иначе, и отецъ считалъ своимъ священнымъ правомъ быть деспотомъ, а сынъ — своею свящею обязанностію быть вещью дражайшаго родителя. Такъ думалъ и нашъ Эдвинъ, а потому и слегъ съ горя въ постель, рѣшившись смертію окончить жизнь свою¹⁾, но прежде ему хотѣлось взглянуть на Эльвину, которая, принявъ его послѣдній вздохъ, тоже не захотѣла больше жить, и едва успѣла добѣжать до своей матери, какъ и умерла. Вотъ какъ любили прежде и какъ тогда опасно было „дражайшимъ родителямъ“ разлучать вѣрные сердца! Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что въ то время, когда появились на русскомъ языкѣ обѣ эти баллады, онѣ были важны для воспитанія въ обществѣ человѣческихъ чувствъ и не могли не дѣйствовать на нравственное образованіе новыхъ поколѣній. — Варвикъ, похититель короны и убійца своего царственнаго воспитанника, законнаго наследника престола, наказанъ — наводненіемъ; спасаясь въ челнокѣ, онъ принужденъ протянуть руку утопающему младенцу — призраку погубленнаго имъ царевича, который и увлекаетъ его въ волны. Стихи этой баллады чудесные, описанія картинныя, цѣль нравственная — все хорошо, только нимало не правдоподобно... — Рыцарь Адельстанъ купилъ у сатаны счастье любви обѣщаніемъ расплатиться съ нимъ за это — своимъ первенцомъ; но лишь подалъ онъ ему младенца, какъ и очутился самъ въ его когтяхъ, а младенецъ спасся какимъ-то чудомъ. Стихи этой баллады звучные, живописные; содержаніе поучительно, но не для людей грамотныхъ и сколько-нибудь образованныхъ, а именно для того класса людей, который, по безграмотности, совсѣмъ не читаетъ балладъ... — Славный боецъ былъ Гаральдъ; но не въ добрый часъ захотѣлось ему напиться воды изъ ручья — выпилъ и окаменѣлъ: это была злая шутка со стороны фей, которыя обольстили и увлекли спутниковъ Гаральда... Какъ хорошо, что въ наше прозаическое время фей перевелись, и мы можемъ пить воду, не боясь окаменѣть!... — Слуга, убивъ своего паладина,

¹⁾ Слова Хлестакова.

надѣлъ на себя его доспѣхи, и, по причинѣ ихъ тяжести, утонулъ въ рѣкѣ, куда сбросилъ его конь убитого рыцаря: достойное наказаніе убійцы!—Одинъ жестокий епископъ сжегъ въ сараѣ, какъ мышей, бѣдный народъ, просившій у него хлѣба въ голодный годъ, и за это былъ наказанъ мышами же, которыя съѣли живьемъ самого его... Чудные вѣка были эти времена феодализма! Всякая добродѣтель въ нихъ немедленно награждалась, и всякій порокъ немедленно наказывался. Пострадать невинно тогда не было никакой возможности: въ чемъ бы ни обвиняли васъ — хотя бы въ отцеубійствѣ,—но, если вы были убѣждены въ своей невинности, вамъ стояло только опустить руку въ кипятокъ и быть увѣреннымъ, что рука ваша не обожжется, а этимъ чудомъ и другихъ убѣдить въ чистотѣ вашей совѣсти... Должно быть, теперь свойство горячей воды много измѣнилось: проклятая равно сварить и виновную и невинную руку. Вотъ и извольте жить въ такія времена, да читать баллады, въ чудесахъ которыхъ разувѣряетъ васъ эта положительная дѣйствительность! Хуже всего то обстоятельство, что въ наше прозаическое время чтеніе чудесныхъ балладъ не доставляетъ никакого удовольствія, но наводитъ апатію и скуку... Вотъ, напримеръ, какъ хороша „Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди“! Жуковскій превосходно перевелъ ее съ англійскаго (кажется, изъ Сутея); но вѣдь дочесть ее до конца, право, нѣтъ силъ. Старушка эта была—страшная колдунья, сколько можно судить по ея собственной исповѣди:

„Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла;
И кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла
И кости мертвыхъ похищала“.

Боясь дьявола, который долженъ, по уговору, прійти за ея тѣломъ (ужъ не знаемъ, зачѣмъ понадобилось лукавому тѣло старухи, когда душа ея была и безъ того въ его когтяхъ), старуха проситъ сына своего, чернеца, отстоять молитвами ея кости отъ покушеній нечистаго. Однакожъ тотъ взялъ свое, на черномъ конѣ похитивъ старую колдунью. И подѣломъ ей; но вотъ бѣда: мы рѣшительно не вѣримъ ни колдунамъ, ни колдуньямъ, и если ни за что въ свѣтѣ не позволимъ имъ проливать кровь нашихъ младенцевъ, то охотно позволимъ имъ жечь въ волшебномъ и какомъ угодно огнѣ остриженные волосы нашихъ невѣстъ (если имъ вздумается обрѣзать свои волосы) и похищать кости нашихъ мертвыхъ. Впрочемъ, колдуны нашего времени, колдуны *классические*, гораздо умнѣе колдуновъ романтическихъ: если кровь младенцевъ, волосы

(или, пожалуй, даже и *власы*) невѣстъ и кости мертвыхъ не даютъ имъ денегъ, они не станутъ и гнаться за ними. Что же касается до костей мертвыхъ собственно, то для ихъ спокойствія въ матери-сырой-землѣ гораздо опаснѣе всякихъ колдуновъ студенты медицинскихъ факультетовъ и вообще люди, занимающіеся врачебною наукою: ни одинъ изъ этихъ господъ не усомнится спрятать въ свой карманъ выглянувшій изъ земли черепъ, въ полной увѣренности (которой, по совѣсти и здравому разсудку, нельзя не оправдать и не одобрить), что покойный владѣлецъ черепа не будетъ въ претензіи на такое поруганіе, и что для него рѣшительно все равно—гнить ли въ землѣ или въ ученомъ кабинетѣ споспѣшествовать усиѣхамъ благотѣльнаго для человѣчества знанія. Итакъ, чтобъ восхититься балладою, въ которой описывается путешествіе старухи-колдуны въ адъ съ чортомъ и на чортѣ, надо имѣть способность съ поднявшимися на головѣ волосами и выпученными отъ ужаса глазами слушать всѣ глупыя бредни черни о колдунахъ и чертяхъ,—а способность эта можетъ быть только плодомъ самаго грубаго невѣжества, отъ котораго теперь освобождается мало-по-малу даже и чернь. Такія баллады могли бы пугать развѣ только нѣжное и впечатлительное (*impressionable*) воображеніе дѣтей, но кто же захочетъ нравственно губить дѣтей на всю жизнь, давая имъ въ руки такого рода баллады?... Это было бы далеко превзойти въ преступленіи старую колдунью, которая

... Кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла
И кости мертвыхъ похищала.

И однакожъ, Жуковскій такъ былъ вѣренъ своему романтическому направленію въ духѣ среднихъ вѣковъ, что баллады самаго страннаго содержанія переведены имъ уже послѣ 1820 года. Къ числу такихъ балладъ принадлежитъ и баллада о старухѣ колдунѣ, ѣхавшей въ адъ съ дьяволомъ на чортѣ. Переведенная имъ „Ленора“ напечатана была въ 1831 году!—Какъ на образецъ неумѣреннаго и несвоевременнаго романтизма, укажемъ на балладу „Изолина“. Пѣвецъ Алонзо возвратился изъ Палестины и началъ пѣть подъ окнами своей Изолины, но, узнавъ, что она умерла, онъ самъ сію же минуту умираетъ, а Изолина воскресаетъ отъ его пѣсни: вотъ и все!—Еще болѣе характеризуетъ романтизмъ среднихъ вѣковъ баллада „Доника“, которой содержаніе состоитъ въ томъ, что въ прекрасную невѣсту рыцаря ни съ того, ни съ сего вдругъ вселился бѣсъ и оставилъ ее при алтарѣ, куда пришла она вѣнчаться, но оставилъ

ее вмѣстѣ съ ея жизнью... Вотъ онъ, романтизмъ среднихъ вѣковъ, мрачное царство подземныхъ демонскихъ силъ, отъ которыхъ нѣтъ защиты самой невинности и добродѣтели! Греческій романтизмъ никогда не доходилъ до такихъ нелѣпостей, унижающихъ человѣческое достоинство. — Баллады: „Братоубійца“, „Королева Урака и пять Мучениковъ“ и „Покаяніе“ суть не что иное, какъ католическія легенды среднихъ вѣковъ. Послѣдняя—лучшая изъ нихъ и по стихамъ и по содержанію. „Замокъ Смалгольмъ“, прекрасная баллада Вальтера Скотта, прекрасными стихами переведенная Жуковскимъ, поэтически характеризуетъ мрачную и исполненную злодѣйствъ и преступленій жизнь феодальныхъ временъ. По языку это—одно изъ удивительнѣйшихъ произведеній Жуковского.

Въ собственно лирическихъ произведеніяхъ, переведенныхъ и передѣланныхъ Жуковскимъ съ нѣмецкаго языка, открывается еще болѣе, чѣмъ въ балладахъ, сущность и характеръ его романтизма. Что такое этотъ романтизмъ? Это—желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несвершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьи, которое Богъ знаетъ въ чемъ состояло; это—міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тѣмъ не менѣе неуловимыми, это—уныло, медленно текущее, никогда не оканчивающееся настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ передъ собою будущаго, наконецъ, это—любовь, которая питается грустью, и которая безъ грусти не имѣла бы чѣмъ поддержать свое существованіе. Поищемъ въ стихахъ Жуковского оправданія нашего *неопредѣленного и туманнаго* опредѣленія его поэзіи. Подробный разборъ каждаго стихотворенія далеко бы завлекъ насъ и потому мы выберемъ одно изъ самыхъ характеристическихъ, а потомъ, въ параллель ему, сдѣлаемъ указанія на основную мысль другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ его стихотвореній: черезъ это мы укажемъ на основной мотивъ всѣхъ мелодій его поэзіи, ибо всѣ стихотворенія Жуковского не что иное, какъ разныя варіаціи на одинъ и тотъ же мотивъ. Ко всѣмъ имъ идутъ, какъ эпиграфъ, два послѣдніе стиха, которыми оканчивается пьеса „Тоска по Миломъ“:

Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

„Таинственный Посѣтитель“ есть одно изъ самыхъ характеристическихъ стихотвореній Жуковского. Прочтемъ его.

Кто ты, призракъ, гость прекрасный?

Къ намъ откуда прилеталъ?

Безотвѣтно и безгласно,

Для чего отъ насъ пропалъ?

Гдѣ ты? Гдѣ твое селеніе?

Что съ тобой? Куда исчезъ?

И зачѣмъ твое явленіе

Въ поднебесную съ небесъ?

Не *Надежда* ль ты молодая,

Приходящая порой

Изъ невѣдомаго края

Подъ волшебной пеленой?

Какъ она, неумолимо

Радость милую на часъ

Показалъ ты, съ нею мимо

Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не *Любовь* ли намъ собою

Тайно ты изобразилъ?

Дни любви, когда одною

Міръ, одной прекрасенъ былъ.

Ахъ, тогда сквозь покрывало

Неземнымъ казался онъ...

Снять покровъ; любви не стало;

Жизнь пуста и счастье—сонъ.

Не волшебница ли *Дума*

Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?

Удаленная отъ шума

И мечтательно къ устамъ

Приложивши перстъ, приходитъ

Къ намъ, какъ ты, она порой

И въ минувшее уводитъ

Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая

Здѣсь *Поэзія* была?...

Къ намъ, какъ ты, она изъ рая

Два покова принесла:

Для небесъ лазурно ясный.

Чистый, бѣлый для земли;

Съ ней все близкое прекрасно,

Все знакомо, что вдали.

Иль *Предчувствіе* сходило

Къ намъ во образъ твоимъ

И повятно говорило

О небесномъ, о святомъ?

Часто въ жизни то бывало:

Кто-то свѣтлый подлетитъ

И подыметъ покрывало

И въ далекое манитъ.

Поняли-ль вы, кто такой этотъ „таинственный посѣтитель“? Самъ поэтъ не знаетъ, кто онъ, и думаетъ видѣть въ немъ то Надежду, то Любовь, то Думу, то Поэзію, то Предчувствіе... Но эта-то неопредѣленность, эта-то туманность и составляетъ главную прелесть, равно какъ и главный недостатокъ поэзіи Жуковского. Попытаемся объяснить ее.

Есть въ человѣкѣ чувство безконечнаго; оно составляетъ основу его духа, и стремленіе къ нему есть пружина всякой духовной дѣятельности. Безъ стремленія къ безконечному нѣтъ жизни, нѣтъ развитія, нѣтъ прогресса. Сущность развитія состоитъ въ *стремленіи и достиженіи*. Но, когда человѣкъ чего-нибудь достигаетъ, онъ не останавливается на этомъ, не удовлетворяется этимъ вполне; напротивъ, торжество дости-

женія бываетъ въ его душѣ непродолжительно и скоро побѣждается новымъ стремленіемъ. Отсюда чувство внутренняго недовольства, неудовлетворенія ничѣмъ въ жизни; отсюда тайная тоска. Можно сказать, что человѣкъ бываетъ счастливѣе, пока онъ борется съ препятствіями къ достиженію, нежели когда онъ наслаждается побѣдою борьбы, праздникомъ достиженія. Иначе и быть не можетъ. Чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе, и тѣмъ менѣе способенъ онъ къ удовлетворенію.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою втѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженъемъ—
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытый,
Сколь пыльнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито!
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ!

говорить Шиллеръ. Таково свойство безконечнаго: духъ человѣка въ состояніи охватить его только въ моментальномъ, конечномъ его проявленіи, въ условіяхъ временной послѣдовательности; и потому, достигая *чего-нибудь*, онъ тотчасъ же видитъ, что не достигнулъ *всего*. Тогда онъ отрицаетъ достигнутое имъ *нѣчто*, какъ не выражающее безконечнаго, и думаетъ достигнуть его въ другомъ. Въ этомъ состоитъ сущность жизни, какъ непрерывнаго развитія, непрерывнаго движенія впередъ. И когда это *стремленіе* осуществляется въ сферѣ практическаго міра, когда оно есть вѣчное *дѣланіе*, непрерывное *творчество*, тогда стремленіе это есть дѣйствительная сила человѣка, тогда для него есть цѣль, и если достиженіе не удовлетворяетъ такого человѣка, тѣмъ не менѣе оно для него — прогрессъ, и новое стремленіе его выше предшествовавшаго, новая цѣль выше достигнутой. Но есть натуры аскетическія, чуждыя историческаго смысла дѣйствительности, чуждыя практическаго міра дѣятельности, живущія въ отвлеченной идеѣ: такія натуры стремленіе къ безконечному принимаютъ за одно съ безконечнымъ и хотятъ, во что бы то ни стало, найти свое удовлетвореніе въ одномъ стремленіи. Въ этомъ есть своя сторона истины, и такіе люди, конечно, несравненно выше людей самыхъ практическихъ и дѣятельныхъ, незнакомыхъ со стремленіемъ, а удовлетворяющихся самыми простыми и положительными цѣлями житейскими. Но тѣмъ не менѣе, они — люди односторонніе, ибо пружину дѣйствія принимаютъ за само дѣйствіе и за цѣль дѣйствія: это такая же ошибка, какъ если бъ кто, желая узнать, который часъ, вмѣсто того, чтобъ посмотреть на циферблатъ, открылъ внутренность ча-

совъ и началъ смотрѣть на спиральную ленточку.

Итакъ, содержаніе поэзіи Жуковскаго, ея пафосъ составляетъ стремленіе къ безконечному, принимаемое за само безконечное, движущую силу — за цѣль движенія. Совершенно чуждая исторической почвы, лишенная всякаго пракческаго элемента, эта поэзія вѣчно стремится, никогда не достигая, вѣчно спрашиваетъ самоё себя, никогда не давая отвѣта:

Иль опять огъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины,
Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край *желаннаго* сокрытъ?..
Кто-жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется-ль, кто мнѣ скажетъ
Очарованное *Тамъ!*

Озарися, доль туманный;
Разступися, мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ..
Ахъ, зачѣмъ я не съ крылами!
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Вотъ два отрывка изъ двухъ разныхъ стихотвореній: не варіаціи ли это на мотивъ „Таинственнаго Посѣтителя“?... И въ доказательство этого можно бы привести по отрывку почти изъ каждаго стихотворенія Жуковскаго...

Есть въ жизни человѣка время, когда онъ бываетъ полонъ безотчетнаго стремленія, безотчетной тревоги. И если такой человѣкъ можетъ потомъ сдѣлаться способнымъ къ стремленію дѣйствительному, имѣющему цѣль и результатъ, онъ этимъ будетъ обязанъ тому, что у него было время безотчетнаго стремленія. Такая пора безотчетнаго стремленія и безсознательныхъ порывовъ была и у человѣчества: въ этомъ-то и состоитъ сущность романтизма среднихъ вѣковъ. Если въ романтизмъ современной Европы нѣтъ мрака и много свѣта, такъ это потому, что Европа пережила романтизмъ среднихъ вѣковъ. И если мы въ поэзіи Пушкина найдемъ больше глубокаго, разумнаго и опредѣленнаго содержанія, больше зрѣлости и мужественности мысли, чѣмъ въ поэзіи Жуковскаго, — это потому, что Пушкинъ имѣлъ своимъ предшественникомъ Жуковскаго. Жуковскій своею поэзіею пополнилъ въ русской жизни недостатокъ историческихъ среднихъ вѣковъ, и, благодаря ему, для русскаго общества стала не только доступна, но и родственна и романтическая поэзія среднихъ вѣковъ и роман-

тическая поэзія начала XIX вѣка. А это съ его стороны великій подвигъ, которому награда — не простое упоминовеніе въ исторіи отечественной литературы, но вѣчно славное имя изъ рода въ родъ...

Всякій предметъ имѣетъ двѣ стороны, и находить въ немъ не одно хорошее — всеѣмъ не значитъ осуждать его. Романтизмъ среднихъ вѣковъ, разумѣется, не годится для нашего времени; теперь онъ не истина, а ложь; но въ свое время онъ былъ истиною. Былъ и въ исторіи русской литературы и русскаго общества моментъ, когда для нихъ романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ необходимымъ элементомъ жизни, живымъ сѣменемъ, которымъ должна была оплодотвориться почва русской поэзіи. Великъ подвигъ того, кто удовлетворилъ этой потребности; но тѣмъ не менѣе, мы не должны оставаться при одномъ безотчетномъ удивленіи къ этому подвигу, — должны сознать его въ настоящемъ его значеніи, увидѣть все его стороны. Мало того, чтобъ сказать, что Жуковский ввелъ романтизмъ въ русскую поэзію, надо показать этотъ романтизмъ въ его настоящемъ видѣ.

Любовь играетъ главную роль въ поэзіи Жуковского. Какой же характеръ этой любви? въ чемъ ея сущность? — Сколько мы понимаемъ, это — не любовь, а скорѣе потребность, жажда любви, стремленіе къ любви, и потому любовь въ поэзіи Жуковского — какое-то неопредѣленное чувство. Это —

Унынія прелесть, волненіе надежды,
И радость, и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ — души восхищеніе,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія радость, томленіе разлуки.

Скажутъ: все это — несомнѣнные примѣты, общіе признаки любви. Согласны; но потому-то и видимъ мы въ этомъ неопредѣленность, что это слишкомъ общія примѣты. Любовь — обще-человѣческое чувство; но въ каждомъ человѣкѣ оно принимаетъ свой оригинальный оттѣнокъ, свою индивидуальную особенность, — въ произведеніяхъ поэта тѣмъ болѣе. Мы слышимъ въ поэзіи Жуковского стоны растерзаннаго сердца, видимъ слезы по несбывшимся сладостнымъ надеждамъ, — и сочувствуемъ этому горю безъ утѣшенія, этой скорби безъ выхода, этому страданію безъ исцѣленія; но не видимъ живого образа, не слышимъ живого голоса, столь дорогого сердцу поэта: для насъ, это — видѣніе, призракъ... Въ слѣдующихъ стихахъ мы встрѣчаемъ идеалъ и предмета любви и самой любви, — идеалъ, созданный нашимъ поэтомъ:

Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облачена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;

Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей,
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою лѣтся.
И мыслишь: ангелъ вьется
Незримый надъ тобой.
При ней — задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремись къ ней томный взоръ.
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣль твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей:
Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье —
Языкъ души твоей;
Забыты все желанья...

Все это очень вѣрно, но только до известной степени. Есть пора въ жизни человѣка, когда только въ этомъ заключены самыя страстныя желанія его сердца, самыя пламенные сны его фантазій; но эта пора скоро проходитъ, и сердце человѣка загорается новыми желаніями. Юноша не можетъ любить, какъ любить отрокъ на переходѣ въ юношество: его мечты — дѣйствительныя, и *стыдливое молчаніе* и *несмѣлый разговоръ* не долго въ состояніи удовлетворять его. Кромѣ того, сама любовь, какъ все живое, растетъ, движется, желанія влекутъ и стремятъ за собою другія желанія, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока любовь не приметъ опредѣленнаго характера и любящіеся не придутъ въ опредѣленные отношенія другъ къ другу. Вообразимъ себѣ чету любящихся, которые всю жизнь свою только и дѣлаютъ, что стыдливо потупляютъ свои взоры, какъ скоро встрѣтятся, и ведутъ другъ съ другомъ несмѣлый разговоръ; вѣдь это была бы довольно странная картина, хотя и обаятельная въ своемъ началѣ... Жуковский въ этомъ отношеніи ужъ слишкомъ романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ; ему довольно только носить чувство въ своемъ сердцѣ, и онъ бережетъ и лелѣетъ его такимъ, какимъ зашло оно въ его сердце; онъ испугался бы его измѣняемости и увидѣлъ бы въ ней непостоянство... Мы уже разъ замѣтили въ „Отечественныхъ Запискахъ“ ¹⁾, что есть натуры, которыхъ вся жизнь — выраженіе какого-нибудь возраста человѣческаго, и что Крыловъ въ своихъ басняхъ — вѣчно юный младенецъ, а Жуковский въ своихъ романтическихъ произведеніяхъ — никогда не старѣющійся юноша...

Мы сдѣлали бы большой недосмотръ,

¹⁾ Въ статьѣ 1840 года объ „Очеркахъ русской литературы“ Полевого; см. т. I, стр. 677.

если бѣ, говоря о поэзіи Жуковскаго, не обратили вниманія на *скорбь и страданіе*, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ всякой романтической поэзіи и поэзіи Жуковскаго въ особенности. Посмотрите, какіе мечты и образы вѣчно занимаютъ ее! Тамъ *онъ въ черной власняницѣ* молится на кладбищѣ передъ образомъ Богоматери и непремѣнно отходитъ въ другой міръ: тутъ... но мы лучше выйдемъ исполнѣ одну изъ самыхъ характеристическихъ пьесъ въ этомъ родѣ:

Дорогой пла дѣвица,
Съ ней другъ ея молодой:
Бодѣзненны ихъ лица,
Наполненъ взоръ тоской.
Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста—
И снова расцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.
Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ кельѣ,
Въ тюрьмѣ проснулся онъ.

Такое направленіе поэзіи Жуковскаго очень естественно и понятно: такъ какъ она чужда всякаго историческаго созерцанія, всякаго чувства прогресса, всякаго идеала высокой будущности человечества,—то міръ подлунный для нея есть міръ скорбей безъ исцѣленія, борьбы безъ надежды и страданія безъ выхода. Поэтому, въ поэзіи Жуковскаго вопли сердечныхъ мукъ являются не раздражающими душу диссонансами, но тихою сердечною музыкою, и его поэзія любить и голубить свое страданіе, какъ свою жизнь и свое вдохновеніе. Жуковскаго можно назвать пѣвцомъ *сердечныхъ утратъ*,—и кто не знаетъ его превосходной элегіи на „Кончину Королевы Виртембергской“—этого высокаго католическаго реквиема, этого скорбнаго гимна *житейскаго страданія и таинства утратъ*?.. Это—въ высшей степени *романтическое* произведеніе въ духѣ среднихъ вѣковъ. Оно всегда прекрасно; но, если вы хотите насладиться имъ исполнѣ и глубоко—прочтите его, когда сердце ваше постигнетъ скорбная утрата... О, тогда въ Жуковскомъ найдете вы себѣ друга, который раздѣлитъ съ вами ваше страданіе и дастъ ему языкъ и слово...

Всѣ сочиненія Жуковскаго можно раздѣлить на три разряда: къ первому относятся мелкія романтическія пьесы и оригинальныя, которыхъ немного, и не столько переведенныя, сколько усвоенныя его музою; потомъ собственно переводы; и наконецъ оригинальныя произведенія, которыя не могутъ быть названы романтическими.

Къ послѣднимъ принадлежатъ *посланія* и разныя патріотическія пьесы, писанныя на извѣстные случаи. Это—самая слабая сторона поэзіи Жуковскаго; въ ней онъ невѣ-

ренъ своему призванію, и потому холоденъ и исполненъ риторикой. Прочтите его „Пѣснь Барда падъ гробомъ Славянъ-Побѣдителей“, „На смерть Графа Каменскаго“, „Пѣснь во Станѣ Русскихъ Воиновъ“, „Пѣснь въ Кремлѣ“ и проч.—и вы не узнаете Жуковскаго. Несмотря на звучный и крѣпкій стихъ, вы почувствуете себя утомленными и скучающими, читая эти пьесы; вы удивитесь, какъ мало въ нихъ жизни, чувства, движенія, свободы. Причина этому, разумѣется, не отсутствіе въ сердцѣ поэта святой любви къ родинѣ. Но кто же могъ бы отрицать это чувство, напримѣръ, въ Крыловѣ? А между тѣмъ, Крыловъ не написалъ ни одной оды, ни одного патріотическаго стихотворенія въ лирическомъ родѣ. Онъ получилъ отъ природы талантъ для басни; въ такомъ случаѣ онъ хорошо сдѣлалъ, что не писалъ одъ и трагедій. Жуковский по натурѣ своей—романтикъ, и ничто такъ не виѣ его таланта и призванія, какъ стихотворенія общественныя, на исторической почвѣ основанныя. „Пѣснь во Станѣ Русскихъ Воиновъ“ Жуковский обязанъ своею славою: только черезъ эту пьесу узнала вся Россія своего великаго поэта, и это произведеніе было весьма полезно въ свое время. Но что же доказываетъ это?—только, что тогда понимали поэзію иначе, нежели какъ понимаютъ ее теперь (а понимали ее тогда, какъ риторику въ стихахъ). Въ „Пѣснѣ во Станѣ Русскихъ Воиновъ“ нѣтъ даже чувства современной дѣйствительности: въ этой пьесѣ вы не услышите ни одного выстрѣла изъ пушки или изъ ружья, въ ней нѣтъ и признаковъ порохового дыма—въ ней летаютъ и свистятъ не пули, а стрѣлы, генералы являются воинами, не въ киверахъ или фуражкахъ, а въ шлемахъ, не въ мундирахъ и шинеляхъ, а въ броняхъ, не со шпагами въ рукахъ, а съ мечами и копьями; къ довершенію этой пародіи на древность, всѣ они—съ щитами... Все это—признакъ риторикі; ибо поэзія проста: она не чуждается обыкновенныхъ предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозою, но поэтизируетъ самыя прозаическія вещи. И неужели жерла пушекъ, изрыгающія огонь и смерть тысячамъ, неужели дула ружей, посылающія издалика вѣрную смерть, неужели трехгранный штыкъ, стальною стѣною низлагающій сомкнутые ряды,—неужели все это имѣетъ въ себѣ менѣе поэзіи, чѣмъ кольчуги, щиты, стрѣлы и копья древности?.. Напротивъ, послѣдніе—дѣтскія игрушки въ сравненіи съ первыми, блѣдная проза въ сравненіи съ страшною и грандіозною поэзіею. И потомъ, къ чему эти *славяне* и эти *барды славянскіе*? Съ Наполеономъ дрались совсѣмъ не славяне, а русскіе! Скажутъ: но

развѣ русскіе — не славянскаго племени народъ?—Положимъ, что и такъ; но развѣ всѣ народы Западной Европы не тевтонскаго племени: а кто же скажетъ, что русскіе дрались подъ Бородинымъ съ тевтонами, на томъ основаніи, что Галлія нѣкогда была завоевана франками, а франки были народъ тевтонскаго племени? И потомъ, какіе *барды* были у славянъ? Да, сверхъ того, бардъ Жуковскаго очень похожъ на скандинавскаго скальда. Вообще, ничего не чужда до такой степени поэзія Жуковскаго, какъ русскихъ національных элементовъ. Можетъ быть, это—недостатокъ, но въ то же время и достоинство: если бѣ національность составляла основную стихію поэзіи Жуковскаго,—онъ не могъ бы быть романтикомъ, и русская поэзія не была бы оплодотворена романтическими элементами. Поэтому, всѣ усилія Жуковскаго быть народнымъ поэтомъ возбуждаютъ грустное чувство, какъ зрѣлище великаго таланта, который вопреки своему призванію стремится идти по чуждому ему пути.

Лучшія мѣста въ нѣкоторыхъ патристическихъ пьесахъ Жуковскаго — тѣ, въ которыхъ онъ является вѣрнымъ своему романтическому элементу. Таковы, напримѣръ, въ „Пѣвцѣ во Станѣ Русскихъ Воиновъ“:

И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взята могилой?..
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый..
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй.
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепеть сердца возвѣститъ
Ея близость дружной тѣни.

Или:

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Пому здѣсь жребіи удѣлены
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцу сердцемъ обреченъ,
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды?
Чего, чего не совершить
Для сладостной награды?
Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный:
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный:
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана и мечтахъ
Веселыхъ свидѣнья.
Отвѣдай врагъ исторгнуть щитъ,
Рукою данною милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

О, сладость тайныя мечты!

Тамъ, тамъ за синей далью,
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другъ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боишься вѣсти, вѣсти ждешь:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслить: „Скоро-ль, дружный гласъ,
Твои мнѣ слушать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки“.
Друзья! блаженнѣйшая часть—
Любезнымъ быть спасеньемъ,
Когда-жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пастъ —
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мирѣ семъ,
Съ той пѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой..
О, други, смерть не все возьметъ,
Есть жизнь и за могилой.

Слѣдующее мѣсто есть не что иное, какъ profession de foi рыцарства среднихъ вѣковъ, какъ будто выраженное огненнымъ словомъ Шиллера:

А мы?.. Довѣренность Творцу!
Что-бъ ни было—незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность—въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ—правота!
Въ могуществѣ—смиренье;
Обѣтамъ—вѣрность; чести—честь:
Покорность—правой власти;
Для дружбы все, что въ мирѣ есть;
Любви—весь пламень страсти!
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань,
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозы правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

Посланія — странный родъ, бывшій въ большомъ употребленіи у русской поэзіи до Пушкина. Они всегда были длинны и скучны, и почти всегда писались шестистопными ямбами: вотъ главная характеристическая черта ихъ. Посланія Жуковскаго отличаются отъ другихъ хорошими стихами, и не чужды прекрасныхъ мѣстъ въ романтическомъ духѣ. Таковы, наприм., слѣдующіе стихи изъ посланія къ Филалету:

Скажу-ль? мнѣ ужасовъ могила не являетъ;
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мирѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало наслаждался,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!

Нѣтъ! счастье къ бытію меня не приучало,
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ моей для дружбы я созрѣлъ—
И что же! предо мной увидѣнаго могла;
Душа, не восплававъ, свой пламень угасила;
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженъе.

Эти прекрасные стихи вдвойнѣ замѣчательны: они исполнены глубокаго чувства; въ нихъ слышится вопль души, — и они доказываютъ *фактически*, что не Пушкинъ, а Жуковский первый на Руси выговорилъ элегическимъ языкомъ жалобы человѣка на жизнь. Иначе и быть не могло. Жуковский былъ первымъ поэтомъ на Руси, котораго поэзія вышла изъ жизни. Какая разница въ этомъ отношеніи между Державинымъ и Жуковскимъ! Поэзія Державина столько же безсердечна, сколько сердечна поэзія Жуковского. Оттого торжественность и высокопарность сдѣлались преобладающимъ характеромъ поэзіи Державина, тогда какъ скорбь и страданія составляютъ душу поэзіи Жуковского. До Жуковского на Руси никто и не подозрѣвалъ, чтобы жизнь человѣка могла быть въ тѣсной связи съ его поэзіею, и чтобы произведенія поэта могли быть вмѣстѣ и лучшею его біографіею. Тогда люди жили весело, потому что жили внѣшнею жизнью и въ себя не заглядывали глубоко:

Пой, пляши, кружись, Параша,
Руки въ боки подпирай!

восклидалъ Державинъ ¹⁾,

Прочь отъ насъ, Катонъ, Сенека!
Прочь, угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка,
Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ!

восклидалъ Дмитріевъ. Эти пѣвцы иногда умѣли плакать, но не умѣли скорбѣть. Жуковский, какъ поэтъ по преимуществу романтический, былъ на Руси первымъ пѣвцомъ скорби. Его поэзія была куплена имъ цѣною тяжкихъ утратъ и горькихъ страданій; онъ нашелъ ее не въ иллюминаціяхъ, не въ газетныхъ реляціяхъ, а на днѣ своего растерзаннаго сердца, во глубинѣ своей груди, истомленной тайными муками.

Въ посланіи къ *Тургеневу* мы встрѣчаемъ столь же поразительное мѣсто, какъ и то, которое сейчасъ выписали изъ посланія къ *Филалету*:

И мы въ сей край незримый
Летимъ душой за мылыми во вслѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда-жъ, когда?... Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,

¹⁾ Ошибка: стихотвореніе: „Пой, скажи, кружись, Параша“ написано Дмитріевымъ (появилось въ его книгѣ „И мои бездѣлки“, Москва, 1795 г., стр. 221).

На всемъ насъ свободы гений ждеть
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришеди, туча, о, другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на тучный свѣтъ,
Гдѣ милому одинъ минутии цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣ—надъ совѣстью адиститель,
Дай все, мой другъ, или жертвы, или губитель!...
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро-ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таятся—
Но дружба памъ звѣздой отрады будъ;
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Памъ счастья нѣтъ: зато и мы—не вѣчны.

Въ посланіяхъ Жуковского, вообще длинныхъ и прозаическихъ, встрѣчаются, кромѣ прекрасныхъ романтическихъ мѣстъ, и высокія мысли безъ всякаго отношенія къ романтизму. Такъ, напр., въ посланіи (121—139 стр. 2-го тома) встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтлозарную печать благотворенья!
Ниспосылаемый имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена,
И, обновленные, пышнѣе расцвѣтаютъ.
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ посланіи встрѣчаемъ эти высокіе пророческіе стихи, въ которыхъ слышится голосъ умиленной Россіи ¹⁾:

Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильной честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
Для блага *всѣхъ*—свое позабывать,
Лишь въ голосъ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.

Изъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковского особенно замѣчательны „Теонъ и Эсхинъ“ и баллада „Узникъ“, если только они — его оригинальныя стихотворенія (въ Смирдинскомъ изданіи „Сочиненій Жуковского“ только при немногихъ переводныхъ пьесахъ означены имена авторовъ) ²⁾. Это — самыя романтическія произведенія, какія только выходили изъ-подъ пера Жуковского. Эсхинъ долго бродилъ по свѣту за счастьемъ—оно убѣгло его.

¹⁾ На рожденіе Александра II.

²⁾ Какъ извѣстно теперь, это — оригинальныя стихотворенія Жуковского.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изжили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Возвращаясь на родину, Эсхинъ видитъ—

Всѣ тѣ-жъ берега и поля и холмы,—
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяніемъ Надежда?

И приходитъ онъ къ другу своему Теону —
тотъ сидѣлъ въ раздумьѣ на порогѣ своей
хижины, въ виду гроба изъ бѣлаго мрамора;
друзья обнялись; лицо Эскина скорбно и
мрачно, взоръ Теона скорбенъ, но ясенъ.
Эсхинъ говоритъ объ обманывающей сердце
мечтѣ, о счастьи, и спрашиваетъ друга — не
та же ли участь постигла и его?

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...

„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.
О, нѣтъ, не роищу на Зевесовъ законъ,—
И жизнь, и вселенна прекрасны;
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ
Я видѣлъ земное блаженство. |мечтахъ
Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнные блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья:
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.
Увы! Я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣкъ-ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
О, нѣтъ; никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно;
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ..
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же; все ея онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушить могла.
Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшій жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.
Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна.
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.
А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,

Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что *вѣрно* желанное будетъ;
Сей гробъ—затворенная къ счастью дверь:
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ спутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
О, другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.
Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примиришь,
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;
Все въ жизни къ великому средство;
И горестъ и радость—все къ цѣли одной:
Хвала Жизнодавцу-Зевесу“.

На это стихотвореніе можно смотрѣть, какъ на программу всей поэзіи Жуковского, какъ на изложеніе основныхъ принциповъ ея содержанія. Всѣ блага жизни невѣрны: стало быть, благо внутри насъ; здѣсь все проходить и измѣняетъ намъ: стало быть, неизмѣнное впереди насъ. Прекрасно! Но неужели же изъ этого слѣдуетъ, чтобъ мы *здѣсь* сидѣли сложа руки, ничего не дѣлая, питаемся высокими мыслями и благородными чувствованіями?... Это—односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма... Какимъ образомъ человѣкъ можетъ идти „къ прекрасной, возвышенной цѣли“, стоя на одномъ мѣстѣ и бесѣдуя съ самимъ собою о лучшей жизни, на порогѣ своей хижины, въ виду мраморнаго гроба?... И неужели эта „прекрасная, возвышенная цѣль“ есть только лучшее счастье человѣка, а личное счастье человѣка только въ любви къ женщинѣ?... О, если такъ, то, по закону совпаденія крайностей, эта любовь есть величайшій эгоизмъ!... Смерть — дѣло слѣпого случая — похитила у насъ ту, которой обязаны были нашимъ земнымъ счастьемъ: не будемъ приходить въ отчаяніе—да и для чего?—вѣдь это только временная разлука, вѣдь скоро мы опять женимся на ней — *тамъ*; сядемъ же на порогѣ нашей хижины, сложимъ руки и, не сводя глазъ съ ея гроба, будемъ восхищаться „полнымъ славы твореніемъ“, красотой вселенной и будемъ утѣшать себя мыслью, что „все дано намъ небомъ съ бытіемъ, и все въ жизни—средство къ великому, и что горе и радость—все къ одной цѣли!“ Нѣтъ, и еще разъ — нѣтъ! Только вполосину истинна такая аскетическая философія! Законно и праведно требованіе человѣка на личное счастье; разумно и естественно его стремленіе къ личному счастью; но въ одномъ ли сердцѣ долженъ заключаться весь міръ его счастья? Вотъ вопросъ, на который не даетъ намъ рѣшенія поэзія Жуковского. Если бъ вся цѣль нашей жизни состояла только въ нашемъ личномъ счастьи, а наше личное счастье

заклучалось бы только въ одной любви, тогда жизнь была бы дѣйствительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адомъ, передъ страшною существенностію котораго поблѣднѣли бы поэтическіе образы земного ада, начертанные гениемъ суроваго Данте... Но — хвала вѣчному Разуму, хвала попечительному Промыслу! есть для человѣка и еще великій міръ жизни, кромѣ внутренняго міра сердца — міръ историческаго созерцанія и общественной дѣятельности, — тотъ великій міръ, гдѣ мысль становится дѣломъ, а высокое чувствованіе — подвигомъ, и гдѣ два противоположные берега жизни — *здесь* и *тамъ* — сливаются въ одно реальное небо историческаго прогресса, историческаго безсмертія. Это міръ непрерывной работы, нескончаемаго дѣланія и становленія, міръ вѣчной борьбы будущаго съ прошедшимъ, — и надъ этимъ міромъ носится Духъ Божій, оглашающій хаосъ и мракъ своимъ творческимъ и мощнымъ глаголомъ: „да будетъ!“ и вызывающій имъ свѣтлое торжество настоящаго — радостные дни новаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ... И благо тому, кто не празднымъ зрителемъ смотрѣлъ на этотъ океанъ шумно несущейся жизни, кто видѣлъ въ немъ не одни обломки кораблей, яростно вздымающіяся волны, да мрачную, лишь молніями освѣщенную ночь, кто слышалъ въ немъ не одни вопли отчаянія и крики гибели, но кто не терялъ при этомъ изъ вида и путеводной звѣзды, указывающей на цѣль борьбы и стремленія, кто не былъ глухъ къ голосу свыше „борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои насладятся имъ и восхвалятъ вѣчнаго Бога силъ и правды!“ Благо тому, кто, не довольствуясь настоящею дѣйствительностію, носилъ въ душѣ своей идеаль лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одною мыслию — споспѣшествовать по мѣрѣ данныхъ ему природою средствъ, осуществленію на землѣ идеала, — рано поутру выходилъ на общую работу и съ мечомъ, и съ словомъ, и съ заступомъ, и съ метлою, смотря по тому, что было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братіямъ не на одни пиры веселія, но и на плачъ и сѣтованія... Благо тому, кто, падая въ борьбѣ за свѣтлое дѣло совершенствованія, съ упованіемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызывавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: „все тебѣ и для тебя, а моя высшая награда — да святится имя твое и да придетъ царствіе твое!...“

Обаятельна жизнь сердца; но безъ практической дѣятельности, источникъ которой заключался бы въ паѳосѣ къ идеѣ, самый богато-надѣленный дарами природы человѣкъ

рискуетъ скоро изжить всю жизнь и остаться при одной пустотѣ мечтательныхъ ожиданій и дѣйствительнаго отвращенія къ чувству бытія. Романтизмъ, безъ живой связи и живого отношенія къ другимъ сторонамъ жизни, есть величайшая односторонность!

„Узникъ“ — одно изъ самыхъ благоуханныхъ романтическихъ произведеній Жуковскаго. Заключенный въ тюрьмѣ юноша слышитъ за стѣною голосъ такой же, какъ онъ самъ, узницы:

„Итакъ, всѣ блага замѣнить
Могилей;
И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
Такъ мило;
Ахъ, дайте въ свѣтѣ дышать:
Еще мнѣ равно умирать.
„Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ
Жила я;
Лишь мигъ на праздникъ земномъ
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!“

Юноша сжился душою съ узницей, которой онъ никогда не видалъ. Въ ней вся жизнь его, и онъ не проситъ самой воли. И что пужды, что онъ никогда не видалъ ея, что она для него — не болѣе, какъ мечта? Сердце человѣка умѣетъ обманывать и себя и разсудокъ, особенно если съ нимъ вступить въ союзъ фантазія. Нашъ узникъ не хочетъ и знать, что-бъ заговорило сердце его тогда, когда глаза его увидѣли бы таинственную узницу.

„Не ты-ль — онъ мнитъ — давно была
Любима?
И не тебя-ль душа звала,
Томила
Желаньемъ смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?
„Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ“.

Молодая узница умерла въ своей тюрьмѣ; узникъ былъ освобожденъ; —

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ.
Дни, годы
Напрасно будутъ проходить...
Погибшаго не возвратитъ...
И тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть...
О миломъ вѣсть и въ мірѣ иной
Призванье...
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;

Ея краса оживлева:
Ему въ ней свѣтитя *она*.

Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ...
И мнилось,
Что вдругъ въ передпоследній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала —
И жизнь въ улыбкѣ отошла...

„Сказка о царѣ Берендеѣ, о снѣѣ его Иванѣ-Царевичѣ, о хитростяхъ Кащея-Бессмертнаго и о премудростяхъ Марьи-Царевны, Кащеевой дочери“ и „Сказка о спящей Царевнѣ“ были весьма неудачными попытками Жуковского на русскую народность. О нихъ никакимъ образомъ нельзя сказать:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Вообще — быть народнымъ значило бы для Жуковского отказаться отъ романтизма, — а это для него было бы все равно, что отказаться отъ своей натуры, отъ своего духа, словомъ — отъ самого себя. Въ „Громобоѣ“ Жуковский тоже хотѣлъ быть народнымъ, но, наперекоръ его волѣ, эта русская сказка у него обратилась какъ-то въ нѣмецкую — что-то въ родѣ католической легенды среднихъ вѣковъ. Лучшія мѣста въ ней — романтическія, какъ, напр., это:

Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ украситъ Божій свѣтъ,
Вамъ милого покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленны душой,
Влекомы ожидаьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ дугъ душнѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь
И птичка голоснѣй.

„Вадимъ“ весь преисполненъ самымъ неопредѣленнымъ романтизмомъ. Этотъ *новгородскій рыцарь* ѣдетъ самъ не зная куда, руководимый таинственнымъ звонкомъ... Онъ долженъ стремиться къ *небесной* красотѣ, не обольщаясь *земною*. И вотъ для обольщенія его предстала ему земная красота въ образѣ кievской княжны...

Лазурны очи опусти,
Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима,
И что съ невинною душой
Сбылось — не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся взыхнувъ, трепегала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламененныхъ.
А витязь?... Что съ его душой?...
Увы! снхъ взоровъ сладость,
Снхъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлитыхъ,

И свѣжій блескъ ланитъ молодыхъ,
И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихій гласъ,
И милое смятеніе,
И ночи таинственный часъ,
И вокругъ уединеніе —
Все чувство разжигало въ немъ...
О, власть очарованья!
Уже, исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все... но вдругъ смутился онъ
И въ радостномъ волненіи
Затренился... знакомый звонъ
Раздался въ отдаленіи,
И долго жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, по извѣстнымъ:
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло...
Вадимъ взглянулъ — *призракъ* исчезъ;
А въ вышинѣ... звенѣло.
И велѣлъ за милою *мечтой*
Душа его стремится...

Колокольчикъ, какъ видите, зазвенѣлъ очень кстати... Вадимъ отказался отъ кievской княжны, а вмѣстѣ съ нею и отъ кievской короны, освободилъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ и на одной изъ нихъ женился. Но что было потомъ, и кто эти дѣвы, и что съ ними стало — все это осталось для насъ такою же тайною, какъ и для самого поэта... Право, намъ кажется, что напрасно отказался Вадимъ отъ кievской княжны. Это напоминаетъ намъ фантастическую сказку Гофмана — „Золотой Горшокъ“: тамъ студентъ Ансельмъ, цѣпою многихъ лишеній и сумасбродствъ, добивается до неизреченнаго блаженства обнять, вмѣсто женщины — змѣю, которая, какъ ловкая, увертливая змѣя, и ускользаетъ изъ его рукъ... Вадимъ, кажется, обнялъ еще меньше, чѣмъ змѣю, обнялъ — *мечту, призракъ*. Но зато онъ былъ вѣренъ до гроба своей мечтѣ... И то не малое утѣшеніе!...

Содержаніе „Ундины“ взято Жуковскимъ изъ сказки Ламота Фуке; но въ стихахъ Жуковского обыкновенная сказка явилась прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ. „Ундина“ — одно изъ самыхъ романтическихъ его произведеній. Основная мысль ея — олицетвореніе стихійной силы природы. Ундина — дочь воды, внучка стараго Потока. Нельзя довольно удивиться, какъ искусно нашъ поэтъ умѣетъ слить фантастическій міръ съ дѣйствительнымъ міромъ, и сколько заповѣдныхъ тайнъ сердца умѣлъ онъ разоблачить и высказать въ такомъ сказочномъ произведеніи. По красотамъ поэтическимъ „Ундина“ есть такое созданіе, которое требовало

бы подробнаго разбора, и потому мы ограничимся указаніемъ на одно изъ самыхъ романтическихъ мѣстъ этой поэмы:

Какъ намъ,
Добрый читатель, сказать: къ сожалѣнію, или къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе Сердца глубокое, нашу всю жизнь губящее горе, Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ сливается
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть — вдвоемъ бытіе, а жизнь — порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра Прежде насъ перешло. Есть, правда, много изобранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ печаль, какъ свѣча предъ иконою,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ, Полная, чистая; много, много иного. чужого
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣнимость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... итакъ, скажу къ сожалѣнію,
Наше горе земное не надолго...

Эта поэма принадлежитъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Жуковского, а оттого ея романтизмъ какъ-то сговорчивѣе и дѣлаетъ болѣе уступокъ разсудку и дѣйствительности...

Не будемъ распространяться о достоинствѣ перевода „Орлеанской Дѣвы“ Шиллера: это достоинство давно и всѣми единодушно признано. Жуковский своимъ превосходнымъ переводомъ усвоилъ русской литературѣ это прекрасное произведеніе. И никто, кромѣ Жуковского, не могъ бы такъ передать этого по преимуществу романтическаго созданія Шиллера, и никакой другой драмы Шиллера Жуковский не былъ бы въ состояніи такъ превосходно передать на русскій языкъ, какъ превосходно передалъ онъ „Орлеанскую Дѣву“. — Въ особенную заслугу Жуковскому здравый эстетическій вкусъ долженъ поставить переводъ балладъ Шиллера: „Рыцарь Тогенбургъ“, „Ивиковы Журавли“, „Кассандра“, „Графъ Габсбургскій“, „Поликратовъ Перстень“, „Кубокъ“, и пьесы Шиллера же — „Горная дорога“, все это переведено превосходно. — Но если что составляетъ истинный ореолъ Жуковского, какъ переводчика, — это его переводъ слѣдующихъ трехъ пьесъ Шиллера: „Торжество Побѣдителей“, „Калоба Цереры“, и „Элевзинскій Праздникъ“. Если бъ кромѣ этихъ пьесъ Жуковский ничего не перевелъ, ничего не написалъ, — и тогда имя его не было бы забыто въ исторіи русской литературы.

„Торжество Побѣдителей“ есть одно изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ созданій Шиллера. Въ немъ геній этого поэта является съ лучшей своей стороны. Великая душа Шиллера горячо сочувствовала всему ве-

ликому и возвышенному, и это сочувствіе ея было воспитано и развито на исторической почвѣ. Глубоко проникъ этотъ великій духъ въ тайну жизни древней Эллады, и много высокихъ вдохновеній пробудила въ немъ эта дивная страна. Онъ такъ краснорѣчиво оплакалъ паденіе ея боговъ, онъ съ такою страстію говорилъ объ ея искусствѣ, ея гражданской доблести, ея мудрости. И нигдѣ съ такою полнотою и такою силою не выразилъ онъ, не воспроизвелъ онъ поэтического образа Эллады, какъ въ „Торжествѣ Побѣдителей“. Эта пьеса есть апофеозъ всей жизни, всего духа Греціи; эта пьеса — вмѣстѣ и поэтическая тризна и побѣдная пѣснь въ честь отечества, боговъ и героевъ. Она написана въ греческомъ духѣ, облита свѣтомъ мірообъемлющаго созерцанія греческаго. Шиллеръ говоритъ не отъ себя: онъ воскресилъ Элладу и заставилъ ее говорить отъ самой себя и за самое себя. Величіе и важность греческой трагедіи слиты въ этой пьесѣ Шиллера съ возвышенною и кроткою скорбію греческой элегіи. Въ ней видится и свѣтлый Олимпъ съ его блаженными обитателями, и подземное царство Аида, и земля, съ ея добромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтожностью, — и царящая надъ всѣми ими мрачная Судьба, верховная владычица и боговъ и смертныхъ... Нельзя шире, глубже и вѣрнѣе воспроизвести нравственной физіономіи народа, уже не существующаго столько тысячелѣтій!

Побѣдоносные Греки готовятся отплыть отъ враждебныхъ береговъ Трои въ свое отечество и собрались къ острогрудымъ кораблямъ праздновать тризну въ честь минувшаго. Калхасъ приноситъ жертву богамъ.

Судъ оконченъ; споръ рѣшился,
Прекратилась борьба;
Все исполнила судьба —
Градъ великій сокрушился.

Каждый изъ героевъ, участвовавшихъ въ великомъ событіи паденія „священнаго Пріамова града“, высказывается какимъ-нибудь сужденіемъ, примѣненнымъ къ обстоятельству. Хитроумный Одиссей замѣчаетъ, что не всякій насладится миромъ, возвратившись въ свой домъ, и, пощаженный богомъ войны, часто падаетъ жертвою вѣроломства жены. Менелай говоритъ о неизбѣжномъ судѣ всевидящаго Кронида, карающаго преступленія. Особенно замѣчательны слова Аякса Оилида:

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зрять въ богахъ боговъ правдивыхъ,
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ;
Сколькихъ добрыхъ жизнь поблѣкла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадить!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Но эта горестная и мрачная мысль сейчас же, по свойству всеобщаго и многосторонняго духа греческаго, разрѣшается въ веселое и свѣтлое созерцаніе:

Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своей правдой предалъ насъ;
Уловилъ же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ.

Вообще, эти четверостишія, слѣдующія за каждымъ куплетомъ, напоминаютъ собою хоръ изъ греческой трагедіи. Оилидъ продолжаетъ:

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во мглѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

Воспоминаніе объ Ахиллѣ дышитъ всею полнотою греческаго созерцанія героизма:

О, Ахилл! о, мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтителъ,
Жребій лучший взялъ ты въ немъ.
*Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли:
Будемъ славны именами
И сокрытые въ пыли!*
Слава двей твоихъ нетлѣнна:
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она.
*Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!*

Великодушная похвала Гектору, вложенная Шиллеромъ въ уста Діомеда, есть истинный образецъ высокаго (du sublime) въ чувствованіи и выраженіи:

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ;
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь.
*Побѣдившимъ — честь побѣды!
Охранявшему — любовь!*
Кто, на судъ являсь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ, —
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но что можетъ сравниться съ этою трогательною, этою умиляющею душу картиною *убѣленнаго жизнью* Нестора, со словами кроткаго утѣшенія подающаго кубокъ страждущей Гекубѣ! Здѣсь, въ рѣзкой характеристической чертѣ схвачена вся *гуманность* греческаго народа:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.

Пей страданій утѣшенье,
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвеніе
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалница! печали
Утоляются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленіе сердцу дали.

Вспомни мать Нюбею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ;
Онъ струею виноградной
Въ мигъ тоску въ ней усыпалъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ —
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Эта высокая ораторія заключается мрачнымъ финаломъ: пророчество Кассандры намекаетъ на переменчивость участи всего подлуннаго и на горе, ожидающее самихъ побѣдителей Трои:

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшему ей богамъ,
На пустынный берегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
*Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынь жребій выпалъ Трою,
Завтра выпадетъ дружимъ.*

Но съ греческимъ міросозерцаніемъ несообразно оканчивать высокую пѣснь раздирающимъ душу диссонансомъ: богатая и полная жизнь сыновъ Эллады въ самой себѣ, даже въ собственныхъ диссонансахъ, находила выходъ въ гармонію и примиреніе съ жизнью, — и потому пьеса Шиллера достойно заключается утѣшительнымъ обращеніемъ отъ смерти къ жизни, словно музыкальнымъ аккордомъ:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
*Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!*

Такой былъ греческій романтизмъ: на гробахъ и могилахъ загоралась для него вѣчная заря жизни, несчастія и гибель индивидуальнаго не скрывали отъ его глубокаго и широкаго взгляда торжественнаго хода и блаженствующей полноты общаго; на веселыхъ пиршествахъ ставилъ онъ урны съ пепломъ почившихъ, статуи смерти, и, глядя на нихъ, восклицалъ:

Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

Смерть для Грека являлась не мрачнымъ, отвратительнымъ остономъ, но прекраснымъ, тихимъ, успокоительнымъ гениемъ сна, кротко и любовно смежавшимъ навѣки утомлен-

ныи страданіемъ и блаженствомъ жизни очисти...¹).

Переводъ Жуковского „Торжества Побѣдителей“ есть образецъ превосходныхъ переводовъ — такъ что, если при тщательномъ сравненіи иныя мѣста окажутся не вполне вѣрно или не вполне сильно переданными, — зато еще болѣе найдется мѣстъ, которыя въ переводѣ сильнѣе и лучше выражены. Такъ, напримѣръ, у Шиллера сказано просто: „И въ дикое празднество радующихся примѣшивали онѣ (плѣнныя жены и дѣвы троянскія) плачевное пѣніе, оплакивая собственныя страданія и паденіе царства“. У Жуковского это выражено такъ:

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стопъ
*По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Пѣлонъ.*

„Жалоба Цереры“ — тоже одно изъ величайшихъ созданій Шиллера — передана по-русски Жуковскимъ съ такимъ же изумительнымъ совершенствомъ, какъ и „Торжество побѣдителей“. Въ этой пьесѣ Шиллеръ воспроизвелъ романтическій образъ элевзинской Цереры — вѣжной и скорбящей матери, оплакивающей утрату дочери своей, Прозерпины, похищенной мрачнымъ владыкою подземнаго царства, суровымъ Аидомъ:

Сколь завидна мнѣ печальной
Участъ смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ негнѣнныхъ,
Что уладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
*Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.*

Въ поэтическомъ образѣ брошеннаго въ землю зерна, котораго корень ищетъ ночной тьмы и питается Стиксовой струей, а листъ выходитъ въ область неба и живетъ лучами Аполлона, — въ этомъ дивно поэтическомъ образѣ Шиллеръ выразилъ глубокую идею связи романтическаго міра сердца и чувства съ міромъ сознанія и разума, и сдѣлалъ самый поэтический намекъ на скорбь и утѣшеніе божественной матери: этотъ корень, ищущій ночной тьмы и питающийся Стиксовой водою, и этотъ листъ, радостно рвущійся на свѣтъ и подымающійся къ небу —

Имн таинственно слита
Область тьмы съ страной дня,
И приходятъ отъ Коцита
Милой вѣстью для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,

Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку улаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

Сколько скорбной и умиленной любви въ этомъ обращеніи *романтической* богини къ любимымъ чадамъ ея материнскаго сердца — въ цвѣтамъ:

О привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей улада,
Образъ дочери моей!
Васъ палю благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сияньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаетъ радость,
И печаль души моей!

Въ „Элевзинскомъ Праздникѣ“ Шиллера есть опять поэтическая апопоеза Цереры; но здѣсь эта богиня представлена уже съ другой ея стороны. Въ „Жалобѣ Цереры“ эта богиня является представительницею греческаго романтизма: въ „Элевзинскомъ Праздникѣ“ она является божествомъ благотворно дѣятельнымъ, очеловѣчиваетъ и одухотворяетъ подобныхъ троглодитамъ людей, научая ихъ земледѣлію, соединяетъ ихъ въ общества, даетъ имъ боговъ и храмы, низводитъ къ нимъ ремесла и искусства и посѣваетъ между ними сѣмена гражданственности. Эта превосходная поэма Шиллера превосходно переведена Жуковскимъ.

Вѣроятно, увлеченный Шиллеровскимъ созерцаніемъ великаго міра греческой жизни, Жуковский и самъ написалъ пьесу въ этомъ же родѣ — „Ахиллъ“. Въ ней есть прекрасныя мѣста, но вообще въ греческое созерцаніе Жуковский внесъ слишкомъ много своего, — и тонъ ея выраженія сдѣлался оттого гораздо болѣе унылымъ и расплывающимся, нежели сколько слѣдовало бы для пьесы, которой содержаніе взято изъ греческой жизни и которая написана въ греческомъ духѣ. Равнымъ образомъ, къ недостаткамъ этой пьесы принадлежитъ еще и то, что она больше растянута, чѣмъ сжата, а потому утомляетъ въ чтеніи. Но, несмотря на то, въ ней есть красоты, иногда напоминающія пьесы Шиллера въ этомъ родѣ, и вообще „Ахиллъ“ Жуковского — одно изъ замѣчательныхъ его произведеній.

Какъ романтикъ по натурѣ, Шиллеръ созерцалъ греческую жизнь съ ея романтической стороны, — и вотъ причина, почему многіе недалновидные критики не хотѣли въ его произведеніяхъ греческаго содержанія видѣть вѣрное воспроизведеніе духа Эллады; но это уже была вина ихъ, недалновидныхъ критиковъ, а не вина Шиллера. Вольно же

¹ Ср. все предыдущее съ нѣсколькими страницами статьи № 34 (т. II, стр. 331—335).

было имъ и не подозрѣвать, что въ Греціи былъ свой романтизмъ! Жуковский — тоже, какъ романтикъ по натурѣ, былъ въ состояніи превосходно передать пьесы Шиллера греко-романтическаго содержанія. По этой же причинѣ его переводы такихъ пьесъ Гёте болѣе неудачны, чѣмъ удачны; ссылаемся на „Мою Богиню“. Это понятно: Гёте смотрѣлъ на Грецію совсѣмъ съ другой стороны, нежели Шиллеръ: послѣдній болѣе видѣлъ ея внутреннюю, романтическую сторону; Гёте видѣлъ больше ея опредѣленную, свѣтлую олимпійскую сторону. Оба великіе поэта вѣрно смотрѣли на Грецію, каждый видя разныя, но ея же собственные стороны. Когда же Гёте сходилъ съ Шиллеромъ въ созерцаніи греческой жизни (какъ, напримѣръ, въ „Прометѣѣ“ и „Кориносской Невѣстѣ“), — онъ отыскивалъ въ немъ и выражалъ болѣе философскую его сторону. И въ этомъ отношеніи Гёте былъ вѣренъ своему духу. Романтическое направленіе Жуковскаго совершенно внѣ сферы Гётева созерцанія, и потому Жуковский мало переводилъ изъ Гёте, и все переведенное или заимствованное изъ него перемѣнялъ по своему, за исключеніемъ только чисто-романтическихъ въ духѣ среднихъ вѣковъ пьесъ Гёте, каковы, напримѣръ, баллады: „Лѣсной Царь“ и „Рыбакъ“. И если талантъ Жуковскаго, какъ переводчика, совершенно внѣ сферы поэзіи Гёте, — отсюда нисколько еще не слѣдуетъ, чтобъ причиною этого была высота генія Гёте. Жуковский переводилъ же превосходно Шиллера, а геній Шиллера ничѣмъ не ниже генія Гёте. Вообще, мысль считать Шиллера ниже Гёте — и нелѣпа, и устарѣла. Жуковский — необыкновенный переводчикъ, и потому именно способенъ вѣрно и глубоко воспроизводить только такихъ поэтовъ и такія произведенія, съ которыми натура его связана родственною симпатіею.

„Идеалы“ Шиллера переведены не совсѣмъ удачно. Переводъ этотъ относится къ первой порѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго. Ужъ одно то, что, переводя эту пьесу, онъ перемѣнилъ названіе ея „Идеалы“ на „Мечты“, — одно ужъ это показываетъ, какъ не глубоко вникъ онъ въ мысль ея. Многіе стихи въ этой пьесѣ просто нехороши; многія выраженія лишены точности и опредѣленности. Вотъ для доказательства цѣлый куплетъ:

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ,
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть;
И въ нѣжномъ стѣнни сокрытой,
Сколь пыльнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито!
И малое — сколь бѣдный цвѣтъ!

Какъ-то чувствуется само собою, что

вмѣсто *выраженіемъ*, надо было поставить *словомъ*; послѣдніе четыре стиха такъ неловки, что едва-едва можно догадываться о мысли Шиллера.

Другимъ образомъ, но также неудачно переведена пьеса Байрона, начинающаяся въ переводѣ стихомъ: „Отымаешь наши радости“. Жуковский далъ ей совсѣмъ другой смыслъ и другой колоритъ, такъ что Байроновскаго въ ней ничего не осталось, а замѣненнаго переводчикомъ, послѣ даже прозаическаго, но вѣрнаго перевода, нельзя читать съ удовольствіемъ. Вотъ самый близкій прозаическій переводъ пьесы Байрона:

„Нѣтъ радостей, какія можетъ дать намъ міръ, въ замѣну тѣхъ, которыя онъ отнимаетъ у насъ въ то время, когда ужъ жаръ первыхъ мыслей остываетъ въ печальномъ увяданіи чувствъ. Не одна только свѣжесть жизни вянетъ скоро, — нѣтъ, свѣжій румянецъ сердца исчезаетъ прежде самой юности.“

И эти немногія души, которымъ удастся уцѣлѣть послѣ ихъ разрушеннаго счастья, наплачуютъ на мели преступленій, или уносятся въ океанъ буйныхъ страстей. Ихъ путеводный компасъ изломанъ, или стрѣлка его напрасно указываетъ на берегъ, къ которому ихъ разбитая ладья никогда не причалитъ.

Тогда-то сходить на душу тотъ мертвенный холодъ, подобный самой смерти; сердце не можетъ сочувствовать страданіямъ другихъ, не смѣетъ думать о своихъ собственныхъ страданіяхъ; ручей слезъ покрывается тяжелою ледяною корою; а если и блестятъ еще очи, то это блескъ льда.

Хотя остроуміе порою ярко сверкаетъ еще въ устахъ, и смѣхъ развлекаетъ сердце въ часы полудни, которые не даютъ уже прежней надежды на успокоеніе, но все это, какъ листы плюща, обвивающіеся вокругъ развалившейся башни: зеленые и дико свѣжіе сверху, сѣрые и землистые снизу.

О, если бѣ могъ я чувствовать, какъ чувствовалъ прежде, быть тѣмъ, чѣмъ былъ... или плакать объ исчезнувшемъ, какъ бывало плакалъ... Какъ бы ни былъ мутенъ и нечистъ ручей, найденный нечаянно въ пустынѣ, онъ кажется сладостнымъ и отраднымъ: такъ отрадны были бы мнѣ мои слезы среди опустошенной степи моей жизни“.

Сличите хоть второй куплетъ нашего буквального прозаическаго перевода съ стихотворнымъ переводомъ Жуковскаго:

Наше счастье разбитое
Видимъ мы игрушкой воли;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный чолнъ.
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Нѣтъ вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Чолнъ безпарусный мавитъ...

То ли это?... Въ послѣднихъ двухъ куплетахъ еще болѣе искажена мысль Байрона.

Но — странное дѣло! — нашъ русскій пѣвецъ тихой скорби и унылаго страданія обрѣлъ въ душѣ своей крѣпкое и могучее

слово для выраженія страшныхъ подземныхъ мукъ отчаянія, начертанныхъ молниеносною кистью титаническаго поэта Англіи! „Шильонскій Узникъ“ Байрона переданъ Жуковскимъ на русскій языкъ стихами, отзывающимися въ сердцѣ, какъ ударъ топора, отдѣляющій отъ туловища невинно-осужденную голову... Здѣсь въ первый разъ крѣпость и мощь русскаго языка явилась въ колоссальномъ видѣ, и до Лермонтова болѣе не являлась. Каждый стихъ въ переводѣ „Шильонскаго Узника“ дышитъ страшною энергіею, и надо совершенно потеряться, чтобъ выписать *лучшее* изъ этого перевода, гдѣ каждая страница есть равно *лучшая*. Но мы напомнимъ здѣсь нашимъ читателямъ только эту ужасную картину душевнаго ада, въ сравненіи съ которымъ адъ самого Данте кажется какимъ-то раемъ:

Но что потомъ случилось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тьмой;
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ.
Безъ памяти, безъ бытія
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ смутную слилось тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженія и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То странный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизни, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

Много было расточено похвалъ переводу отрывка изъ поэмы Томаса Мура „Дивъ и Пери“; но переводъ этотъ далеко ниже похвалъ: онъ тяжелъ и прозаиченъ, и только мѣстами проблескиваетъ въ немъ поэзія. Впрочемъ, можетъ быть, причиною этого и самъ оригиналъ, какъ не совсѣмъ естественная поддѣлка подъ восточный романтизмъ. Несравненно выше, по достоинству перевода, почти никѣмъ незамѣченная поэма „Судъ въ Подземельѣ“.

Мрачное содержаніе этой поэмы взято изъ мрачной жизни невѣжественныхъ и дико фанатическихъ среднихъ вѣковъ. Молодую монахиню, увлеченную страстію сердца, осуждаютъ быть заживо схороненною въ подземномъ склепѣ...

Три свершителя суда
Сидѣли рядомъ за столомъ.
Предъ ними разложенъ на немъ
Уставъ Бенедиктинцевъ былъ;
И чуть, во мглѣ сіяя, лилъ

Мерцанье блѣдное починикъ
На ихъ со милой сліянный ликъ.
Товарищъ двумъ другимъ судьамъ,
Игуменья изъ Витби тамъ
Являлась, и была сперва
Ея открыта голова;
Но скоро скорбь втѣснилась ей
Во грудь, и слезы изъ очей
Невольно жалость пзвлекла,
И покрываломъ облекла
Тогда лицо свое она.
Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ блѣдна.
Съ суровой строгостью въ чертахъ,
Обрѣтшая въ постѣ, въ молябахъ
Безстрастнаго хладное одно
(Въ душѣ святошествомъ давно
Прямую святость уморя)—
Тильмутскаго монастыря
Пріорша гордая была;
И ряса черная, какъ мгла,
Лежала на ея плечахъ;
И жизни не было въ очахъ,
Чернѣвшихъ мутно безъ лучей
Изъ-подъ сѣдыхъ ея бровей.
Аббатъ Кутбертовой святой
Обители, монахъ сѣдой,
Изсохнувшій полумертвецъ
И ужъ съ давнишнихъ поръ слѣпецъ,
Межъ ними сгорбившись сидѣлъ;
Потухшій взоръ его глядѣлъ
Впередъ, ничѣмъ не привлеченъ,
И грозной думой омраченъ,
Ужасенъ блѣдный былъ старикъ,
Какъ каменный надгробный ликъ
Во храмѣ зримый въ часъ ночной,
Нѣмого праха стражъ нѣмой.
Предъ ними жертва ихъ стоитъ;
На головѣ ея лежить
Лицо скрывающій покровъ;
Видна на бѣлой рясѣ кровь;
И на столѣ положены
Свидѣтели ея вины:
Лампада, четки и кинжалъ.
По знаку данному сорвалъ
Монахъ съ лица ея покровъ;
И кудри черныхъ волосовъ
Упали тучей по плечамъ;
Пріорши строгія очамъ
Былъ узницы противень видъ;
Съ насмѣшкой злобною глядитъ
Въ лицо преступницы она,
И казнь ея ужъ рѣшена.

Передъ судилищемъ она
Стоитъ, почти умерщвлена
Терзаньемъ близкаго конца;
И блѣдность мертваго лица
Была виднѣй, была страшнѣй
Отъ черноты ея кудрей,
Двойною пышною волной
Облившихъ ликъ ея молодой.
Оцѣпенѣвъ, стоитъ она;
Глава на грудь наклонена
И если бѣ мутный лучъ въ глазахъ,
И содроганіе въ грудяхъ
Не измѣняли ей порой,
За ликъ бездушный, восковой
Могла-бъ быть принята она:
Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
Она ждала судьбы своей
Отъ непрощающихъ судей.
И казни страхъ ей весь открытъ:
Въ стѣнѣ, какъ темный гробъ, прорытъ

Глубокій, низкій, тѣсный входъ;
 Тому, кто разъ въ тотъ гробъ войдетъ,
 Назадъ не выйти никогда;
 Коренья, въ черепкѣ вода,
 Краюшка хлѣба съ починкомъ
 Уже готовы въ гробѣ томъ;
 И съ дымнымъ факеломъ въ рукахъ,
 На заступѣ опершись, монахъ,
 Палачъ подземный, передъ нимъ,
 Безгласенъ, мраченъ, недвижимъ,
 Съ покровомъ на лицѣ стоитъ;
 И грудой на полу лежитъ
 Гробокопательный снарядъ:
 Кирпичъ, кирка, известка, млатъ.
 Слѣпой игуменъ съ мѣста всталъ,
 И руку тощую поднялъ,
 И узницу благословилъ...
 И въ землю факелъ свой вонзиль,
 И къ жертвѣ подошелъ монахъ;
 И ужъ она въ его рукахъ
 Трещеть, борется, кричитъ,
 И, сладивъ съ ней, уже тащитъ,
 Безчувственный на крикъ и плачъ.
 Ее, живую, въ гробъ палачъ...

Сто ступеней на верхъ вели;
 Изъ тайника судьи пошли,
 И видъ ихъ былъ свирѣпо-дикъ:
 И глухо жалкій, томный крикъ
 Изъ глубины ихъ провожалъ;
 И страхъ шаги ихъ ускорялъ;
 И глуше становился стонъ,
 И наконецъ умоленулъ онъ;
 И скоро вольный воздухъ имъ
 Своимъ дыханіемъ живымъ
 Стѣсненны груди оживилъ.
 Ужъ часъ ночного бдѣнья былъ;
 И въ храмѣ пѣли. И во храмѣ
 Они пошли; но имъ и тамъ
 Свѣозъ набожный поющихъ ликъ,
 Все слышался подземный крикъ.
 Когда-жъ во храмѣ хоръ отиѣлъ,
 Ударить въ колоколъ велѣлъ
 Аббатъ души на упокой...
 Протяжный гласъ въ тиши ночной
 Раздался; изъ глубокой мглы
 Ему Нортумбріи скалы
 Откликнулись; услыша звонъ,
 Въ Брамбургѣ селянинъ сквозь сонъ
 Съ подушки голову поднялъ,
 Молиться объ умершемъ сталъ,
 Не домолился и заснулъ;
 Имъ возбужденный, помянулъ
 Усоншаго святой чернецъ,
 Варквортской пустыни житецъ;
 Въ Шевьотскую залегши сѣнь,
 Вскочилъ испуганный олень,
 По вѣтру поздри распустилъ,
 И чутко ухомъ шевелилъ,
 И поглядѣлъ по сторонамъ,
 И снова легъ... и снова тамъ
 Все, что смутилъ минутный звонъ,
 Въ глубокой погрузилось сонъ.

„Овсяный кисель“, „Красный Карбункулъ“, „Деревенскій Сторожъ въ Полночь“, „Сраженіе со Змѣемъ“, „Неожиданное Свиданіе“, „Путешественникъ и поселянка“ (изъ *Гёте*), „Нормандскій обычай“, „Тлѣнность“, „Война Мышей съ Лягушками“, „Цейксъ и Гальціона“ и отрывки изъ „Энеиды“ и „Иліады“ принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ переводовъ Жуковского. Въ отрывкахъ изъ „Иліады“ стихъ легче, чѣмъ

стихъ Гнѣдича; но въ послѣднемъ, по нашему мнѣнію, болѣе жизни, болѣе греческаго духа и колорита. Впрочемъ, Жуковский эти отрывки изъ „Иліады“ перевелъ съ латинскаго.

Сдѣлаемъ перечень всѣмъ пьесамъ Жуковского и переводнымъ, и подражательнымъ, и оригинальнымъ, которыя мы считаемъ или лучшими, или самыми характеристическими его произведеніями. Изъ балладъ: *Рыцарь Тоненбургъ*, *Ивиковы Журавли*, *Льсеной Царь*, *Кассандра*, *Три Пѣсни*, *Графъ Габсбургскій*, *Узникъ*, *Золота Арфа*, *Ахиллъ*, *Поликратовъ Перстень*, *Старый Рыцарь*, *Роландъ Оруженосецъ*, *Плаваніе Карла Великаго*, *Кубокъ*, *Замокъ Смальгольмъ*, *Перчатка*, *Покаяніе*, *Отрывки изъ испанскихъ романсовъ о Сидѣ*. Изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ: *Тоска по миломъ*, *Цвѣтокъ*, *Пѣснь Араба надъ могилою коня*, *Пловецъ*, „Счастливъ тотъ, кому забавы“, „О, милый другъ, теперь съ тобою радость“, „Минувшихъ дней очарованье“, *Жалоба*, *Вѣрность до гроба*, *Голосъ съ тою свѣта*, *Ночь*, *Утѣшеніе въ слезахъ*, *Къ мѣсяцу*, *Пѣсня Бѣдняка*, *Весеннее Чувство*, *Утѣшеніе*, *Таинственный посетитель*, *Мотылекъ и Цвѣтъ*, *Къ мимо-пролетѣвшему знакомому гению*, *Желаніе*, *Младенецъ*, *Сонъ*, *Счастіе во снѣ*, „Къ востоку, все къ востоку“, „Розы расцвѣтаютъ“, *Замокъ на берегу моря*, *Горная дорога*, *Пѣвецъ*, *Жизнь*, *Узникъ къ мотыльку*, *влетѣвшему въ его темницу*, *Элизіумъ*, *Путешественникъ*, *Славянка*, *Вечеръ*, *На кончину Королевы Виртембергской*, *Сельское Кладбище*, *Море*, *Праматерь Внука*, *Къ Филону*, *Двѣ Пѣсни*, *Привидѣніе*, *Мечта*, *Побѣдитель*, *Три путника*, *Видѣніе*, *Теонъ и Эсхинъ*, *Счастіе*, *Ночной Смотръ*, *Утренняя Звѣзда*, *Лѣтній Вечеръ*.

Многія изъ этихъ пьесъ уже не могутъ имѣть такого интереса, какой имѣли прежде, и не могутъ читаться съ такимъ восторгомъ и упоеніемъ, съ какимъ читались прежде; но причина этого заключается совсѣмъ не въ талантѣ Жуковского, а въ содержаніи и духѣ этихъ пьесъ. У всякаго времени есть своя задушевная дума, то радостная, то тяжелая; есть свои потребности и свои интересы, а потому и своя поэзія. Неувядаемость поэзіи каждой эпохи зависитъ отъ идеальной значительности этой эпохи, отъ глубины и общности идеи, выраженной ея историческою жизнію. Долѣе всѣхъ живутъ такія произведенія искусства, которыя во всей полнотѣ и во всей силѣ передаютъ то, что было самаго истиннаго, самаго существеннаго и самаго характеристическаго въ эпохѣ. Все же, что не выполняетъ этихъ условій, или выполняетъ ихъ неудовлетворительно,— все такое теряетъ свой интересъ въ другую эпоху, и мало-по-малу навѣки смывается волнами шумно несущейся жизни. И не-

многое, слишкомъ немногое выносятся на-
верхъ волнами этого глубокаго и безбреж-
наго океана, и какъ много тонетъ въ его
бездонной глубинѣ!...

Многія пьесы Жуковского, совершенно
отжившія для нашего времени, все-таки
имѣютъ свой историческій интересъ, и безъ
нихъ полное изданіе сочиненій Жуковского
не имѣло бы общаго характера поэзіи Жу-
ковского. Таковы: *Людмила*, *Алина и Аль-
симъ*, *Двадцать Спящихъ Днѣвъ*, *Пивецъ
со Станъ Русскихъ Воиновъ*, и проч. — По-
сланія Жуковского заключаютъ въ себѣ,
мѣстами и отрывками, характеристическія
черты времени, въ которое они писаны:
сверхъ того, въ нихъ, какъ замѣтили мы
выше, встрѣчаются поэтическія проблески и
замѣчательныя мысли. Особенно слабыми
пьесами (иными по формѣ, иными по содер-
жанію, иными по тому и другому) считаемъ
мы слѣдующія: *Пѣснь барда надъ гробомъ
Славянъ-побѣдителей*, *Пивецъ въ Кремль*,
Пиршество Александра или сила armonii
(изъ Драйдена), *Гимнъ* (подражаніе Томсену),
Библия, *Сонъ Молодца*, *Эпименидъ*, *Орелъ и
Голубка*, *Добрая Мать*, *Сиротка*, *Подробный
Отчетъ о Лунѣ* (какое-то странное resumé
всего говореннаго поэтомъ о лунѣ въ раз-
ныхъ стихотвореніяхъ его), *Алонзо*, *Доника*,
Ленора, *Королева Урака*, „*Баллада, въ кото-
рой описывается, какъ одна старушка ѣхала
на черномъ конѣ вдовомъ, и кто сидѣлъ впе-
реди*“, *Дѣвъ были и еще одна*, *Фридолинъ* (пре-
красный переводъ странной по содержанію
пьесы Шиллера), *Сказка о Царѣ Берендѣ*
и „*Сказка о Спящей Царевнѣ*“. Что касается
до „*Аббадонны*“—это мастерской, превосход-
ный переводъ изъ самой натянутой, какая
только была въ свѣтѣ, и совершенно забы-
той теперь поэмы.

Мы бы опустили одну изъ самыхъ харак-
теристическихъ чертъ поэзіи Жуковского,
если бъ не упомянули о дивномъ искусствѣ
этого поэта живописать картины природы и
влагать въ нихъ *романтическую* жизнь.
Утро ли, полдень ли, вечеръ ли, ночь ли,
вѣдро ли, буря ли, или пейзажъ,—все это
дышитъ, въ яркихъ картинахъ Жуковского,
какою-то таинственною, исполненною чуд-
ныхъ силъ жизнью... Примѣры лучше всего
объясняютъ нашу мысль касательно этого
предмета:

Стоялъ среди пѣвущія равнины
Старинный Ирлингфордъ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.
Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій берегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.
Тамъ пламенѣлъ береговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;

И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами своѣхъ небесъ.
Вдали, вблизи разсыпанныя села
Дымились по утрамъ;
Отъ рѣзвяхъ стадъ долина вся шумѣла,
И вторилъ дѣсь рогамъ.
Слѣпиль съ пути проходимой совратися
На Ирлингфордъ взглянуть,
И, красотою его пѣния,
Онъ забывалъ свой путь.
(„Барвика“).

Небо въ Рениѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала темный лучъ.
И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны,
Парусъ вздулся и шумитъ.
И на берегѣ молчанье;
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьи,
Въ смутной думѣ Адельстанъ.
(„Адельстанъ“).

Владыка Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатая замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стался кудрявый
Кустарникъ по значнымъ окрестнымъ
холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ
нарушалъ

Рогатыхъ оленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатила луна;
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

Прохладою дышитъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ
шумитъ,

И вѣтки колышетъ,
И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ.
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блестали въ звѣздахъ;
Сравнились воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листьяхъ.
(„Эолова Арфа“).

И вотъ... насталъ послѣдній день;
 Ужъ солнце за горою;
 И стелется вечерня тѣнь
 Прозрачной пеленою;
 Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
 Блеснула изъ-за тучи;
 Легла на горы тишина,
 Утихъ и лѣсъ дремучій;
 Рѣка сравнялась въ берегахъ;
 Зажглась свѣтила ночи;
 И сонъ глубокий на поляхъ;
 И близокъ часъ полночи...

И все въ ужасной тишинѣ;
 Окрестность, какъ могила;
 Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
 Вотъ... стоя псова завыва;
 И вдругъ... протяжно полночь бѣть;
 Нашли на небо тучи;
 Рѣка надулась; боръ реветъ;
 И мчится прахъ летучій...
 Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
 Съ душистыя долины;
 И свѣтъ луны сребритъ потокъ
 Сквозь темныя лѣтъ вершины;
 И ласточка зари восходъ
 Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
 И роща въ тѣнь свою зоветъ
 Листочковъ трепетаньемъ;
 И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
 Съ пастушьими рогами
 Вечерній мракъ живогорятъ,
 Теряясь за холмами...

Увы! ужъ и послѣдній день
 Край неба озлащаетъ;
 Сквозь темную дубравы сѣнь
 Блистанье проникаетъ;
 Все тихо, весело, свѣтло;
 Все нѣгой сладкой дышитъ;
 Рѣка прозрачна, какъ стекло;
 Едва-едва колышетъ
 Листами легкій вѣтерокъ;
 Въ поляхъ благоуханье;
 Къ цвѣтку прилипнулъ мотылекъ
 И цѣтъ его дыханье...
 („Громобой“).

Окрестъ сторона та прекрасна была;
 Рѣка наравнѣ съ берегами,
 По зелени яркой лазурно текла
 И зелень пошла струями;
 Живыя дороги вились по полямъ;
 Межъ нивами села блистали;
 Пестрѣли стада; отвѣчая рогами,
 Долины и холмы звучали;
 Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
 За темною кленовъ оградой;
 Межъ ними--въ то время, какъ вечеръ
 сиялъ—
 Багряной горѣлъ онъ громадой.

Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
 На горныхъ вершинахъ сіяло;
 Сводъ неба глубокий былъ темень и чистъ;
 Торжественно все утихало.

Попрежнему грустенъ, попрежнему дикъ,
 (Ужъ годы прошли въ покаяньѣ)
 На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
 Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.
 Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
 Своей миротворной красою,
 И тихой земли усиленьемъ святымъ,
 И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
 И пилъ аромат онъ цѣлебный,
 И въ слухъ долеталъ издалѣка порой
 Отшельниковъ голосъ хвалебный.
 („Покаяніе“).

И воцарилась всюду тишина;
 Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой мглѣ про-
 мчитъ
 Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
 Иль сочный листъ зашевелится.
 Я на берегу одинъ... окрестность вся молчитъ...
 Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
 Семья молодыхъ березъ недвижимо стоитъ
 Надъ усиленною водою.
 Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
 Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ
 слышитъ:
*Какъ бы жарно тамъ вѣетъ межъ листовъ,
 Какъ бы невидимое омытъ;
 Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
 Съ сей очарованной мѣшавшей тишиною,
 Душа незримая поднимаетъ голосъ свой
 Съ моею бесѣдовать душою.*
 И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
 И, мнитъ, на меня вперилъ онъ томны очи;
 Безъ образа лицо, и зракъ туманный слить
 Съ туманнымъ мракомъ полуночи.
 Смотрю... и, мнитъ, все, что было жертвой лѣтъ,
 Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
 И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
 Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ...
 („Славянка“).

Такихъ примѣровъ мы могли бы выни-
 сать и еще больше, но думаемъ, что и этихъ
 слишкомъ достаточно, чтобъ показать, что
 изображаемая Жуковскимъ природа—*роман-
 тическая природа*, дышащая таинственною
 жизнью души и сердца, исполненная выс-
 шаго смысла и значенія.

Стихъ Жуковского неизмѣримо выше
 стиха всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ:
 онъ исполненъ мелодіи и вмѣстѣ съ тѣмъ
 какой-то сжатой крѣпости и энергіи. Такого
 стиха требовали содержаніе и духъ поэзіи
 Жуковского. И, несмотря на то, еще мно-
 гаго недоставало этому стиху: онъ еще да-
 леко не совсѣмъ свободенъ, не совсѣмъ глу-
 бокъ. Содержаніе поэзіи Жуковского было
 такъ односторонне, что стихъ его не могъ
 отразить въ себѣ всѣ свойства и все бо-
 гатство русскаго языка. Батюшковъ тоже не
 мало сдѣлалъ для русскаго стиха; но, не-
 смотря на соединенныя заслуги этихъ двухъ
 поэтовъ, созданіе вполне поэтическаго и
 вполне художественнаго стиха принадлежало
 Пушкину. Кромѣ односторонности содержа-
 нія поэзіи Жуковского, не должно забывать,
 что поэтическая дѣятельность его двойствен-
 на: въ одной онъ является, какъ романтикъ,
 самобытенъ и оригиналенъ; въ другой—подъ
 вліяніемъ предшествовавшихъ ему поэтовъ
 и, особенно, подъ вліяніемъ идей Карамзина.
 Правда, онъ и въ патріотическія стихотво-
 ренія и въ посланія внесъ что-то свое, ему
 собственно, какъ романтику, принадлежащее;

но стихъ въ этихъ пьесахъ все-таки отзывается болѣе или менѣе фактурою старыхъ мастеровъ нашей поэзіи. Попадаются въ стихотвореніяхъ Жуковскаго стихи тяжелые и темные, какъ, напримѣръ, эти:

Ихъ одобреніе намъ награда,
А порицаніе—ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.

Иногда разстановка словъ напоминаетъ Ломоносова, какъ, напримѣръ:

А Ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтъ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью!

Есть, наконецъ, стихи (правда, ихъ поискать да поискать), въ которыхъ вѣтъ духъ Хераскова, какъ напримѣръ:

Бѣгутъ во прахъ и громъ, и шлемъ, и щитъ,
Впереди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ (?) страхъ
бѣжитъ.

Жуковскій не могъ не имѣть сильнаго вліянія на Пушкина, но, въ свою очередь, и Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на Жуковскаго: всѣ стихотворенія, написанныя имъ уже по истеченіи второго десятилѣтія текущаго вѣка, отличаются несравненно лучшимъ языкомъ и стихомъ. Къ общимъ недостаткамъ поэзіи Жуковскаго принадлежитъ, часто, невыдержанность въ цѣломъ: рѣдкая пьеса его не теряетъ многого изъ своего достоинства отсутствіемъ сжатости и всего лишняго. Превосходная элегія „На смерть Королевы Виртембергской“ можетъ служить образцомъ этого недостатка: въ ней есть лишніе куплеты, замедляющіе безъ нужды развитіе главной мысли и своею растянутою прозаичностію ослабляющіе впечатлѣніе цѣлаго.

Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго и велико значеніе его въ русской литературѣ. Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богиней Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія „въ оный таинственный свѣтъ“, которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону. Есть пора въ жизни человѣка, когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротою смѣняются одно другое, и сердце, *желая многого, не хочетъ ничего*; когда опредѣленность убиваетъ мечту, удовлетвореніе подсаживаетъ крылья желанію, когда человѣкъ любить весь міръ, стремится ко всему и не въ состояніи остановиться ни на чемъ; когда сердце человѣка порывисто бьется любовію къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣй-

ствительности, и юная душа, расправляя мощныя крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха. Въ эту пору жизни человѣка любовь робка и стыдлива, жаждетъ одного только сочувствія и удовлетворяется долгимъ взглядомъ, таинствомъ присутствія милаго существа, и за тихое пожатіе руки не пожелаетъ полнаго обладанія. Правда, въ этой порѣ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чѣмъ сердца, и за нею непременно должна слѣдовать пора горячаго и тяжелаго разочарованія, для того, чтобы человѣкъ пришелъ въ состояніе понять истину, какъ она есть, простую и прекрасную собственною красотою, а не радужнымъ рядомъ фантазіи; чтобы онъ могъ понять, что вѣчное и безконечное является въ переходящемъ и конечномъ, что идея въ фактахъ, душа въ тѣлѣ... Но эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка,—и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію—не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкою душою по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма. Пора безотчетнаго романтизма въ духѣ среднихъ вѣковъ есть необходимый моментъ не только въ развитіи человѣка, но и въ развитіи каждаго народа и цѣлаго человечества. Средніе вѣка были этимъ великимъ моментомъ развитія народовъ Западной Европы, а слѣдовательно всего человечества; и этотъ моментъ всемірно-историческаго развитія выразился въ искусствѣ среднихъ вѣковъ. Мы, Русскіе, позже другихъ вышедшіе на поприще нравственно-духовнаго развитія, не имѣли своихъ среднихъ вѣковъ: Жуковскій далъ намъ ихъ въ своей поэзіи, которая воспитала столько поколѣній и всегда будетъ такъ краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка въ извѣстную эпоху его жизни. Жуковскій — это поэтъ *стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу*. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрастъ: они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный возрастъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть. Но Жуковскій, кромѣ того, имѣетъ великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще, одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее доступною для общества, далъ ей возможность развитія, и безъ Жуковскаго мы не имѣли бы Пушкина. Сверхъ того, есть еще

другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковского: благодаря ему, нѣмецкая поэзія — намъ родная, и мы умѣемъ понимать ее безъ того усилія, которое условливается чуждою національнію. Еще въ

дѣтствѣ мы черезъ Жуковского пріучаемся понимать и любить Шиллера, какъ бы своего національнаго поэта, говорящаго намъ русскими звуками, русскою рѣчью.

1843 г.

Статья третья.

Обзоръ поэтической дѣятельности Батюшкова; характеръ его поэзіи.—*Гнѣдичъ*; его переводы и оригинальныя сочиненія.—*Мерзляковъ*.—Князь *Вяземскій*.—Журналы конца карамзинскаго періода.

Батюшковъ далеко не имѣетъ такого значенія въ русской литературѣ, какъ Жуковский. Послѣдній дѣйствовалъ на нравственную сторону общества посредствомъ искусства; искусство было для него какъ бы средствомъ къ воспитанію общества. Заслуга Жуковского собственно передъ искусствомъ состояла въ томъ, что онъ далъ возможность содержанія для русской поэзіи. Батюшковъ не имѣлъ почти никакого вліянія на общество, пользуясь великимъ уваженіемъ только со стороны записныхъ словесниковъ своего времени, и хотя заслуги его передъ русскою поэзіею велики, однакожъ, онъ оказалъ ихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Жуковский. Онъ успѣлъ написать только небольшую книжку стихотвореній, и въ этой небольшой книжкѣ не всѣ стихотворенія хороши, и даже хорошія далеко не всѣ равнаго достоинства. Онъ не могъ имѣть особенно сильнаго вліянія на современное ему общество и современную ему русскую литературу и поэзію: вліяніе его обнаружилось на поэзію Пушкина, которая приняла въ себя, или, лучше сказать, поглотила въ себя всѣ элементы, составившіе жизнь твореній предшествовавшихъ поэтовъ. Державинъ, Жуковский и Батюшковъ имѣли особенно сильное вліяніе на Пушкина: они были его учителями въ поэзіи, какъ это видно изъ его лицейскихъ стихотвореній. Все, что было существеннаго и жизненнаго въ поэзіи Державина, Жуковского и Батюшкова, — все это присуществовало поэзіи Пушкина, переработанное ея самобытнымъ элементомъ. Пушкинъ былъ прямымъ наслѣдникомъ поэтическаго богатства этихъ трехъ маэстро русской поэзіи, — наслѣдникомъ, который собственною дѣятельностію до того увеличилъ полученные имъ капиталы, что масса пріобрѣтеннаго имъ самимъ подавила собой полученную и пущенную имъ въ оборотъ сумму. Какъ умѣли и могли, мы старались показать и открыть существенное и жизненное въ поэзіи Державина и Жуковского; теперь остается намъ сдѣлать это въ отношеніи къ поэзіи Батюшкова.

Направленіе поэзіи Батюшкова совсѣмъ противоположно направленію поэзіи Жуковского. Если *неопределенность* и *туманность* составляютъ отличительный характеръ романтизма въ духѣ среднихъ вѣковъ, — то Батюшковъ столько же *классикъ*, сколько Жуковский *романтикъ*; ибо *определенность* и *ясность* — первыя и главныя свойства его поэзіи. И если бъ поэзія его, при этихъ свойствахъ, обладала хотя бы столь же богатымъ содержаніемъ, какъ поэзія Жуковского, — Батюшковъ, какъ поэтъ, былъ бы гораздо выше Жуковского. Нельзя сказать, чтобъ поэзія его была лишена всякаго содержанія, не говори уже о томъ, что она имѣетъ свой совершенно самобытный характеръ; но Батюшковъ какъ будто не сознавалъ своего призванія и не старался быть ему вѣрнымъ, тогда какъ Жуковский, руководимый непосредственнымъ влеченіемъ своего духа, былъ вѣренъ своему романтизму и вполне исчерпалъ его въ своихъ произведеніяхъ. Свѣтлый и опредѣленный міръ изящной, эстетической древности — вотъ что было призваніемъ Батюшкова. Въ немъ первомъ изъ русскихъ поэтовъ художественный элементъ явился преобладающимъ элементомъ. Въ стихахъ его много пластики, много *скульптурности*, если можно такъ выразиться. Стихъ его часто не только слышимъ уху, но видимъ глазу: хочется осязнуть извивы и складки его мраморной драпировки. Жуковский только черезъ Шиллера познакомился съ древней Элладой. Шиллеръ, какъ мы замѣтили въ предшествовавшей статьѣ, смотрѣлъ на Грецію преимущественно съ романтической стороны ея, — и русская поэзія не знала еще Греціи съ ея чисто художественной стороны, не знала Греціи, какъ всемірной мастерской, черезъ которую должна пройти всякая поэзія въ мірѣ, чтобъ паучиться быть изящной поэзіей. Въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Державина проблескиваютъ черты художественнаго рѣзца древности, но только проблескиваютъ, сейчасъ же теряясь въ грубой и неуклюжей обработкѣ цѣлаго. И

эти проблески античности тѣмъ больше дѣлають чести Державину. что онъ, по своему образованію и по времени, въ которое жилъ, не могъ имѣть никакого понятія о характерѣ древняго искусства, и если приближался къ нему въ проблескахъ, то не иначе, какъ благодаря только своей поэтической натурѣ. Это показываетъ, между прочимъ, чѣмъ бы могъ быть этотъ поэтъ, и что бы могъ онъ сдѣлать, если бѣ явился на Руси въ другое, болѣе благоприятное для поэзіи время. Но Батюшковъ сблизился съ духомъ изящнаго искусства греческаго сколько по своей натурѣ, столько и по большому или меньшему знакомству съ нимъ черезъ образованіе. Онъ былъ первый изъ русскихъ поэтовъ, побывавшій въ этой міровой студіи мірового искусства; его перваго поразили эти изящныя головы, эти соразмѣрные торсы — произведенія волшебнаго рѣзца, исполненнаго благородной простоты и спокойной пластической крассты. Батюшковъ, кажется, зналъ латинскій языкъ, и, кажется, не зналъ греческаго; неизвѣстно, съ какого языка перевелъ онъ двѣнадцать пьесъ изъ греческой антологіи: этого не объяснено въ коротенькомъ предисловіи къ изданію его сочиненій, сдѣланному Смирдинымъ; но приложеніе къ статьѣ „О Греческой Антологіи“ французскіе переводы этихъ же самыхъ пьесъ позволяютъ думать, что Батюшковъ перевелъ ихъ съ французскаго. Это послѣднее обстоятельство разительно показываетъ, до какой степени натура и духъ этого поэта были родственны эллинской музѣ. Для тѣхъ, кто понимаетъ значеніе искусства какъ искусства, и кто понимаетъ, что искусство, не будучи прежде всего искусствомъ, не можетъ имѣть никакого дѣйствія на людей, каково бы ни было его содержаніе, — для тѣхъ должно быть понятно, почему мы приписываемъ такую высокую цѣну переводамъ Батюшкова двѣнадцати маленькихъ пьесокъ изъ греческой антологіи. Въ предшествовавшей статьѣ мы выписали большую часть антологическихъ его пьесъ; здѣсь приведемъ, для примѣра, одну, самую короткую:

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любви наслажденіе!

Такого стиха, какъ въ этой пьескѣ, не было до Пушкина ни у одного поэта, кромѣ Батюшкова; мало того: можно сказать рѣшительно, что до Пушкина ни одинъ поэтъ, кромѣ Батюшкова, не въ состояніи былъ показать возможности такого русскаго стиха. Послѣ этого Пушкину стоило не слишкомъ большого шага впередъ начать писать такими антологическими стихами, какъ вотъ эти:

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой, и не злобною,
И первой младости красой женоподобной!

Или вотъ эти:

Я вѣрю: я люблю; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

Вообще, надо замѣтить, что антологическія стихотворенія Батюшкова уступаютъ антологическимъ пьесамъ Пушкина только развѣ въ чистотѣ языка, чуждаго произвольныхъ усѣченій и всякой неровности и шероховатости, столь изиипительныхъ и неизбѣжныхъ въ то время, когда явился Батюшковъ. Совершенство антологическаго стиха Пушкина — совершенство, которымъ онъ много обязанъ Батюшкову — отразилось вообще на стихѣ его. Приводимъ здѣсь снова два послѣдніе стиха выписанной нами антологической пьесы:

Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи почей,
Какъ сладко тайное любви наслажденіе!

Вспомните стихотвореніе Пушкина: „Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю“. Стихотвореніе это нисколько не антологическое, но посмотрите, какъ послѣдніе стихи его напоминаютъ, своею фактурой, антологическую пьесу Батюшкова:

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и выюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

Благодаря Пушкину, тайна антологическаго стиха сдѣлалась доступна даже обыкновеннымъ талантамъ; такъ, напримѣръ, многія антологическія стихотворенія г. Майкова не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, между тѣмъ какъ г. Майковъ не обнаружилъ никакого дарованія ни въ какомъ другомъ родѣ поэзіи, кромѣ антологическаго. Послѣ г. Майкова встрѣчаются превосходныя стихотворенія въ антологическомъ родѣ у г. Фета. Г. Майковъ нашелъ себѣ подражателя въ г. Крешевѣ, антологическія стихотворенія котораго не совсѣмъ чужды поэтическаго достоинства, — и, явись такія стихотворенія въ началѣ второго десятилѣтія настоящаго вѣка, они составили бы собою эпоху въ русской литературѣ; а теперь ихъ никто не хочетъ и замѣчать, — что не совсѣмъ неосновательно и несправедливо. Какого же удивленія заслуживаетъ Батюшковъ, который *первымъ* на Руси создалъ антологическій стихъ, только развѣ по языку, и то весьма не многимъ уступающій антологическому стиху

Пушкина? И не въ правѣ ли мы думать, что Батюшкову обязанъ Пушкинъ своимъ антологическимъ, а вслѣдствіе этого и вообще своимъ стихомъ? Жуковскій не могъ не имѣть большого вліянія на Пушкина; кому не извѣстно его обращеніе къ нему, какъ къ своему учителю, въ „Русланъ и Людмилъ“?

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могиль и рая вѣрный житель,
И музы вътрешной моей
Наперсникъ, пѣтухъ и хранитель!

Дальнѣйшіе стихи этого отрывка, несмотря на ихъ шуточный тонъ, показываютъ, какъ сильно дѣйствовали на дѣтское воображеніе Пушкина даже и „Двѣнадцать Сіящихъ Дѣвъ“. Но вліяніе Жуковского на Пушкина было больше нравственное, чѣмъ артистическое, и трудно было бы найти и указать въ сочиненіяхъ Пушкина слѣды этого вліянія, исключая развѣ лицейскія его стихотворенія. Пушкинъ рано и скоро пережилъ содержаніе поэзіи Жуковского, а его ясный, опредѣленный умъ, его артистическая натура гораздо болѣе гармонировали съ умомъ и натурою Батюшкова, чѣмъ Жуковского. Поэтому вліяніе Батюшкова на Пушкина виднѣе, чѣмъ вліяніе Жуковского. Это вліяніе особенно замѣтно въ стихѣ, столь артистическомъ и художественномъ: не имѣя Батюшкова своимъ предшественникомъ, Пушкинъ едва ли бы могъ выработать себѣ такой стихъ.

Батюшкову, по натурѣ его, было очень сродно созерцаніе благъ жизни въ греческомъ духѣ. Въ любви онъ совсѣмъ не романтикъ. Изящное сладострастіе—вотъ паеосъ его поэзіи. Правда, въ любви его, кромѣ страсти и граціи, много нѣжности, а иногда много грусти и страданія; но преобладающій элементъ ея всегда—страстное вожделѣніе, увѣнчаемое всею нѣгою, всѣмъ обаяніемъ исполненнаго поэзіи и граціи наслажденія. Есть у него пьеса, которую можно назвать апоѳеозомъ чувственной страсти, доходящей въ неукротимомъ стремленіи вожделѣнія до бѣшеннаго и, въ то же время, въ высшей степени поэтическаго и граціознаго безумія. Этимъ страстнымъ вдохновеніемъ обязанъ нашъ поэтъ самой древности, и содержаніе взято имъ изъ ея мифологической жизни: оно въ яркихъ краскахъ рисуетъ веселое празднество и обаятельно-буйныхъ, очаровательно-безстыдныхъ жрицъ Вакха:

Воѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала;

Я за ней—она бѣжала
Легче серпы молодой.
Звры волосы взвѣвали,
Перевитые плющомъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмеля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ—
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердцѣ льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... она бѣжала
Легче серпы молодой:—
Я настѣгъ: она упала!
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ вопіемъ мимо насъ;
И по рощѣ раздавались
„Эвое!“ и нѣги гласъ.

Такіе стихи и въ наше время превосходны; при первомъ же своемъ появленіи они должны были поразить общее вниманіе, какъ предвѣстіе скорого переворота въ русской поэзіи. Это еще не пушкинскіе стихи; но послѣ нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а пушкинскихъ... Такъ все готово было къ явленію Пушкина,—и, конечно, Батюшковъ много и много способствовалъ тому, что Пушкинъ явился такимъ, какимъ явился дѣйствительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобъ имя его произносилось въ исторіи русской литературы съ любовію и уваженіемъ.

Судя по родственности натуры Батюшкова съ древнею музою и по его превосходному поэтическому таланту, можно было бы подумать, что онъ обогатилъ нашу литературу множествомъ художественныхъ произведеній, написанныхъ въ древнемъ духѣ, и множествомъ мастерскихъ переводовъ съ греческаго и латинскаго:—ничуть не бывало! Кромѣ двѣнадцати пьесъ изъ греческой антологіи, Батюшковъ ничего не перевелъ изъ греческихъ поэтовъ; а съ латинскаго перевелъ только три элегіи изъ Тибулла—и то *вольнымъ переводомъ*. Переводъ Батюшкова мѣстами слабъ, вялъ, растянутъ и прозаиченъ, такъ что тяжело прочесть цѣлую элегію вдругъ; но мѣстами этотъ же переводъ такъ хорошъ, что заставляетъ сожалѣть, зачѣмъ Батюшковъ не перевелъ всего Тибулла, этого латинскаго романтика. Каковъ бы ни былъ переводъ этотъ въ цѣломъ, но мѣста, подобныя слѣдующимъ, выкупили бы его недостатки:

Нѣтъ друга моего, нѣтъ Делія со мной.
Она и въ самый часъ разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И жребій счастливый намъ отрокъ вынимала.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ—
И снова Делія печальна и увяла,

Слезамъ полный взоръ невольно обратила
На дальній путь. И самъ, лишенный скорбью
силъ,
„Утѣшься!“ Делія сквозь слезы говорила,
„Утѣшься!“ и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзала печальнымъ лобзаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня останавливалъ,
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ, Сатурну посвященный,
И слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О, вы, которые умѣете любить,
Страшнѣе любви разлукой прогнѣвать!
Но, Делія, къ чему Пизитъ приношенія,
Син въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнія,
И волхвованье жрицъ и мѣди звучный стонъ?
Къ чему, о, Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ
И очищенія священною водою?
Все тщетно, милая, Тибулла нѣтъ съ тобою!
Богиня грозная! спаси его отъ бѣдъ,
И снова Делія мастики принесетъ,
Украститъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
И съ распущенными по вѣтру волосами,
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помость: и звѣзды и луна,
До восхожденія румяныя Авроры,
Услышать гласъ ея и жрицъ фарійскихъ хоры.

Единственный мой богъ и сердца властелинъ,
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безматежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный май межъ рощей и полей;
Гдѣ расцвѣтаетъ нарцъ и киппамона лозы,
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ бѣошнихъ водъ;
Тамъ дѣвы юныя, сплетаясь въ хороводъ,
Мелькаютъ межъ деревьевъ, какъ легки
привидѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ
вѣнокъ.

Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милый и безцѣнный,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей,
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей.
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью

безопасной,
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ
ясной

И, тихо вретено кружа въ рукѣ своей,
Разскажетъ повѣсти и были старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ; и томныя эфницы
Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Надеть... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
Власы разсыпаны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнажены...
Когда-жъ Аврора намъ, когда сей день

блаженный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибулла въ восторгъ обойметъ?

Элегія, изъ которой сдѣлали мы эти выписки, не означена никакою цифрою. Она вся переведена превосходно, и если въ ней много незаконныхъ усѣченій и есть хотя одинъ та- кой стихъ, какъ:

Богамъ свержены во области бездонны,—

то не должно забывать, что все это принад- лежитъ болѣе къ недостаткамъ языка, чѣмъ къ недостаткамъ поэзіи; а во время Батюш- кова нѣто и не думалъ видѣть въ этомъ какіе бы то ни было недостатки. Если пе- реводъ III-ей элегіи Тибулла и уступить въ достоинствѣ переводу первой, тѣмъ не ме- нѣе онъ читается съ наслажденіемъ; но XI элегія переведена Батюшковымъ болѣе не- удачно, чѣмъ удачно: немногіе хорошіе стихи затоплены въ ней потокомъ вялой и растя- нутой прозы въ стихахъ. Она довольно ве- лика, но въ ней можно указать на одно только мѣсто:

Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
Ты плачешь, Ливія? но побѣдитель твой—
Смотри! у ногъ твоихъ, колѣна преклоняетъ.
Любовь коварная украдкой подступаетъ,
И вотъ ужъ среди васъ размолвившихъ сидитъ!
Пусть молнія боговъ безщадно поразитъ
Того, кто красоту обидѣлъ на сраженіи,
Но счастливъ, если могъ въ минутномъ

изступленіи
Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измѣть,
И поясъ невзначай у дѣвы развязать!
Счастливъ, трикратно счастливъ, когда твои

угрозы
Исторгли изъ очей любви безцѣннымъ слезы!

Кромѣ двѣнадцати пьесъ изъ греческой антологіи и трехъ элегій изъ Тибулла, па- мятникомъ сочувствія и уваженія Батюш- кова къ древней поэзіи остается только пе- реведенная имъ изъ Мильвуа поэма „Ге- зіодъ и Омиръ, соперники“. Не имѣя подъ руками французскаго подлинника, мы не можемъ сравнить съ нимъ русскаго пере- вода; но немного нужно проникательности, чтобъ понять, что подъ перомъ Батюшкова эта поэма явилась болѣе греческою, чѣмъ въ оригиналѣ. Вообще, эта поэма не безъ до- стоинствъ, хотя въ то же время и не отли- чается слишкомъ большими достоинствами, какъ бы этого можно было ожидать отъ ея сюжета.

Что мѣшало Батюшкову обогатить рус- скую литературу превосходными произведе- ніями въ духѣ древней поэзіи и превосход- ными переводами, мы скажемъ объ этомъ ниже.

Страстная, артистическая натура Батюш- кова стремилась родственно не къ одной Элладѣ: ей, какъ южному растенію, еще привольнѣе было подъ благодатнымъ небомъ роскошной Авзоніи. Отечество Петрарки и Тасса было отечествомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріостъ и Тассо, особливо послѣд- ній, были любимѣйшими поэтами Батюш- кова. Смерти Тассо посвятилъ онъ прекрас- ную элегію, которую можно принять за апо- ѳеозу жизни и смерти пѣвца „Іерусалима“;

стихотвореніе „Къ Тассу“ — родъ посланія, довольно большого, хотя и довольно слабаго, также свидѣтельствуесть о любви и благоговѣннѣи нашего поэта къ пѣвцу Годфреда; сверхъ того, Батюшковъ перевелъ, впрочемъ довольно неудачно, небольшой отрывокъ изъ „Освобожденнаго Іерусалима“. Изъ Петрарки онъ перевелъ только одно стихотвореніе—„На смерть Лауры“, да написалъ подражаніе его IX кандонъ — „Вечеръ“. Всѣмъ тремъ поэтамъ Италіи онъ посвятилъ по одной прозаической статьѣ, гдѣ излилъ свой восторгъ къ нимъ, какъ критикъ. Особенно замѣчательно, что онъ какъ будто гордится, словно заслугою, открытіемъ, которое удалось ему при многократномъ чтеніи Тассо: онъ нашелъ многія мѣста и цѣлыя стихи Петрарки въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, что, по его мнѣнію, доказываетъ любовь и уваженіе Тассо къ Петраркѣ.

И при всемъ томъ Батюшковъ такъ же слишкомъ мало оправдалъ на дѣлѣ свою любовь къ итальянской поэзіи, какъ и къ древней. Почему это—увидимъ ниже

Страстность составляетъ душу поэзіи Батюшкова, а страстное упоеніе любви — ея паоосъ. Онъ и переводилъ Парни, и подражалъ ему, но въ томъ и другомъ случаѣ оставался самимъ собою. Слѣдующее подражаніе Парни — „Ложный Стыдъ“ — даетъ полное и вѣрное понятіе о паоосѣ его поэзіи:

Помнишь ли, мой другъ безпѣнный
Какъ съ Амурами, тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о, другъ мой нѣжный,
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась—но слегка?
Слышнень шумъ—ты испугалась;
Свѣтъ блеснулъ и въ мигъ погасъ;
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный часъ!
Ты пугалась; я смѣлся:
„Намъ ли вѣлать, Хлоя, страхъ?
„Именей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубокомъ,
„Все почилъ сладкимъ сномъ!
„Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
„Подъ морфеевымъ крыломъ!“
Рано утреннія розы
Запылали въ небесахъ...
Но любви безцѣнны слезы,
Но улыбка на устахъ,
Томно персей вознованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча новое свиданье
Обѣщали вечеркомъ.
Еслибъ зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день;
Поздно-бъ юная девица
Прогоняла черну тѣнь!
Поздно-бъ солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло-бъ, и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо;
Долго-бъ тѣни пролежали

Влажной ночи на поляхъ;
Долго-бъ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ.
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Остальною-жъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

Въ прелестномъ посланіи къ Ж*** и В***¹⁾ „Мои Пенаты“ съ такою же яркостью высказывается преобладающая страсть поэзіи Батюшкова:

И ты, моя Лилета,
Въ смиренный уголокъ,
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ, переодѣта!
Подъ шляпою мужской
И кудри золотыя
И очи голубыя,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащъ широкій,
Мечемъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла—нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ
И кудри распущены
Взвѣвають по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня;
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣтеръ межъ листьями,
Мнѣ шепчетъ: „Я твоя,
„Твоя, мой другъ сердечный!..
Блаженъ, въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастья
На ложѣ сладострастья
До утреннихъ лучей
Спокойно обладаетъ,
Спокойно засынаетъ
Близъ друга сладкимъ сномъ!..

Уже потухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И штатки теплы гнѣзды,
Что свиты подъ окномъ,
Щебеча покидаютъ
И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ
И все любовью дышетъ
Среди полей монхъ;
Все съ утромъ оживаетъ
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ..
И вѣтеръ тиховѣйный
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатый покровъ..
И въ локоны златыя
Двѣ розы молодыя
Съ нарцисами вплелись;
Сквозь тонкія преграды
Нога ища проклады,
Скользить по ложу внизъ!..

¹⁾ Къ Жуковскому и Воейкову.

И Дили пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на прахъ!

Окончательные стихи этой прелестной пьесы представляютъ изящный эпикуреизмъ Батюшкова во всей его поэтической обаятельности:

Пока бѣжить за нами
Богъ времени сѣдой
И губить дугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ;
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвиемъ косы,
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прагѣдамъ свесутъ—
Товарищи любезны!
Не сѣтуйте о насъ!
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сѣи куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?.. но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листьями павиликъ:
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливецъ молодыхъ!

Нельзя не согласиться, что въ этомъ эпикуреизмѣ много человѣчнаго, гуманнаго, хотя, можетъ быть, въ то же время много и одно-сторонняго. Какъ бы то ни было, но здравый эстетическій вкусъ всегда поставитъ въ большое достоинство поэзіи Батюшкова ея опредѣленность. Вамъ можетъ не понравиться ея содержаніе, такъ же, какъ другого можетъ оно вселять, но оба вы по крайней мѣрѣ будете знать—одинъ, что онъ не любить, другой—что онъ любить. И ужъ конечно, такой поэтъ, — какъ Батюшковъ, больше поэтъ, чѣмъ, напри-мѣръ, Ламартинъ съ его *медитациями* и *гармоніями*, сотканными изъ вздоховъ, оховъ, облаковъ, тумановъ, паровъ, тѣней и призраковъ... Чувство, одушевляющее Батюшкова, всегда органически жизненно, и потому оно не распространяется въ словахъ, не кружится на одной ногѣ вокругъ самого себя, но движется, растетъ само изъ себя, подобно растенію, которое, проглянувъ изъ земли стебелькомъ, является пышнымъ цвѣткомъ, дающимъ

плодъ. Можетъ быть, немного найдется у Батюшкова стихотвореній, которыя могли бы подтвердить нашу мысль; но мы не достигли бы до нашей цѣли—познакомить читателей съ Батюшковымъ, еслибъ не указали на это прелестное его стихотвореніе—„Источникъ“:

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ;
Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ!
Зафна! приблизься: для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня источникъ пустынный
Съ ревомъ и пѣной сквозъ дебри течетъ!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ,
Пѣсни любви ты мнѣ повторила—
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ!
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ;
Тише, источникъ, прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался:
Вижу улыбку и радость въ очахъ!..
Дѣва любви! я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ нилъ розы на влажныхъ устахъ!
Зафна краснѣетъ?.. О, другъ мой невинный
Тихо прижмися устами къ устамъ!..
Будь же ты скромнѣе источникъ пустынный,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца бѣненіе и слезы въ очахъ;
Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!
Зафна! о, Зафна! смотри, тамъ, въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались,—цвѣточка ужъ нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
Съ ревомъ который свозъ дебри течетъ.

Время погубить и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о, дѣва любви!
Чувствуешь въ сердцѣ томленіе и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!..
Зафна! о, Зафна!—тамъ голубъ невинный
Съ страстной подругой завидуютъ намъ...
Вздохи любви—источникъ пустынный
Съ ревомъ и шумомъ умчитъ по полямъ!

Нужно ли объяснять, что лежащее въ основѣ этого стихотворенія чувство въ началѣ тихое и какъ бы случайное, въ каждой новой строфѣ все идетъ *crescendo*, разрѣшаясь гармоническимъ аккордомъ вздоховъ любви, унесенныхъ пустыннымъ источникомъ... И сколько жизни, сколько граціи въ этомъ чувствѣ!..

Но не однѣ радости любви и наслажденія страсти умѣлъ воспринимать Батюшковъ: какъ поэтъ новаго времени, онъ не могъ, въ свою очередь, не заплатить дани романтизму. И какъ хорошъ романтизмъ Батюшкова: въ немъ столько опредѣленности и ясности! Элегія его — это ясный вечеръ, а не темная ночь, вечеръ, въ прозрачныхъ сумеркахъ котораго всѣ предметы только

принимаютъ на себя какой-то грустный оттѣнокъ, а не теряютъ своей формы и не превращаются въ призраки... Сколько души и сердца въ стихотвореніи „Послѣдняя Весна“, и какіе стихи!

Въ поляхъ блистаетъ май веселый!
Ручей свободно зажурчалъ
И яркій голосъ филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ:
Все новой жизни пьетъ дыхавье!
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заключилъ;
Ты бродишь слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣсами
Пустынной родины твоей.
„Простите, рощи и долины,
„Родныя рѣки и поля!
„Весна пришла, и часъ кончины
„Неотразимой вижу я.
„Такъ! Эпидавра прорицанье
„Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
„Услышишь горлицъ воркованье
„И галльціоны тихій гласъ;
„Зазеленѣютъ гибки лозы,
„Поля одѣнутся въ цвѣты,
„Тамъ первыя увидишь розы
„И съ ними вдругъ увянешь ты.
„Ужъ близокъ часъ... цвѣточки милы,
„Къ чему такъ рано увядать?
„Закройте памятникъ унылый,
„Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣвать;
„Закройте путь къ нему собою
„Отъ взоровъ дружбы навсегда,
„Но если Делія съ тоскою
„Къ нему приблизится: тогда
„Исполните благоуханьемъ
„Вокругъ пустынный небосклонъ
„И томнымъ листьевъ трепетаньемъ
„Мой сладко очаруйте сонъ!“
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И галльціоны въ тихій часъ
Стенанья рощи повторяли,
А бѣдный юноша... погасъ!
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего;
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его:
Лишь пастырь въ тихій часъ денницы,
Какъ въ поле стадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

Грація—неотступный спутникъ музы Батюшкова, что бы она ни пѣла — буйную ли радость вакханалии, страстное ли упоеніе въ любви, или грустное раздумье о прошедшемъ, скорбь сердца, оторванного отъ милыхъ ему предметовъ. Что можетъ быть граціознѣе этихъ двухъ маленькихъ элегій:

О, память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златыя
Небрежно вьющихся власовъ.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,

И образъ милой, незабвенной
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель гений мой—любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Засну-ль?—приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами:
Но я—не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива,
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви холодными словами.

Замѣчательно, что у Батюшкова есть прекрасная небольшая элегія, которая не что иное, какъ очень близкій и очень удачный переводъ одной строфы изъ четвертой пѣсни Байронова „Чайльдъ-Гарольда“. Вотъ по возможности близкая передача въ прозѣ этой строфы (CLXXVIII): „Есть удовольствіе въ непроходимыхъ лѣсахъ, есть прелесть на пустынномъ берегу, есть общество вдали отъ докучныхъ, въ сосѣдствѣ глубокаго моря, и въ ропотѣ волнъ его есть своя мелодія. И тѣмъ не менѣе люблю человека, но я тѣмъ болѣе люблю природу вслѣдствіе этихъ свиданій съ нею, на которыя я спѣшу, забывая все, чѣмъ бы я могъ быть, или чѣмъ былъ прежде, для того, чтобы сливаться со вселенною и чувствовать то, что я никогда не буду въ состояніи выразить, но о чемъ однакожъ не могу и молчать“.—Вотъ переводъ Батюшкова:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семь говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я близкаго люблю—но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Козловъ перевелъ и слѣдующія пять строфъ, и выдалъ это за собственное произведеніе: по крайней мѣрѣ, въ *третьемъ* изданіи его сочиненій не означено, откуда взято первое стихотвореніе во второй части „Къ Морю“, посвященное Пушкину. Къ довершенію всего, переводъ такъ водянь, что въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ Байрона. Сравните три послѣдніе стиха перваго куплета съ переводомъ Батюшкова:

Природу я душою обнимаю,
Она мнѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что тайно нельзя.

То ли это?.. ¹⁾.

Безпечный поэтъ-мечтатель, философъ-эпикурецъ, жрецъ любви, нѣги и наслажденія, Батюшковъ не только умѣлъ задумываться и грустить, но зналъ и диссонансы сомнѣнія, и муки отчаянія. Не находя удовольствіе въ наслажденіяхъ жизни и нося въ душѣ страшную пустоту, онъ восклицалъ въ тоскѣ своего разочарованія:

Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ;
Всѣ дни утратами считаемъ;
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ
друзьямъ,
И что-жъ?—ихъ урны обнимаемъ!

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ!
Пріязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ
свѣтъ?

Что вѣчно чисто, непорочно?
Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И климъ мрачныя скрижали;
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвны пребывали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и
тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ.
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ:
Такъ умъ мой посреди волненій погибалъ.
Всѣ жизни прелести затмилась;
Мой геній въ горести свѣтильникъ погасалъ,
И музы свѣтлая сокрылись.

Бросая общій взглядъ на поэтическую дѣятельность Батюшкова, мы видимъ, что его талантъ былъ гораздо выше того, что сдѣлано имъ, и что во всѣхъ его произведеніяхъ есть какая-то недоконченность, неровность, незрѣлость. Съ превосходнѣйшими стихами мѣшаются у него иногда стихи старинной фактуры, лучшія пьесы не всегда выдержаны и не всегда чужды прозаическихъ и растянутыхъ мѣстъ. Въ его поэтическомъ призваніи Греція борется съ Италіею, а югъ съ сѣверомъ, ясная радость съ унылою думою, легкомысленная жажда наслажденія вдругъ смѣняется мрачнымъ, тяжелымъ сомнѣніемъ, и тирская багряница эпикурейца робко прячется подъ власяницу суроваго аскетика. Отсюда происходитъ, что поэзія Батюшкова лишена общаго характера, и если можно указать на ея паѳосъ, то нельзя не согласиться, что этотъ паѳосъ лишенъ всякой увѣренности въ самомъ себѣ, и часто походитъ на контрабанду, съ опасеніемъ и боязнію провозимую черезъ таможню піэтизма и морали. Батюшковъ былъ учителемъ Пушкина въ поэзіи, онъ имѣлъ

на него такое сильное вліяніе, онъ передалъ ему почти готовый стихъ, — а между тѣмъ, что представляютъ намъ творенія самого этого Батюшкова? Кто теперь читаетъ ихъ, кто восхищается ими? Въ нихъ все принадлежитъ своему времени и почти ничего нѣтъ для нашего. Артистъ, художникъ по призванію, по натурѣ и по таланту, Батюшковъ неудовлетворителенъ для насъ и съ эстетической точки зрѣнія. Откуда же эти противорѣчія? Гдѣ причина ихъ? — Не трудно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Творенія Жуковскаго—это цѣлый періодъ нашей литературы, цѣлый періодъ нравственнаго развитія нашего общества. Ихъ можно находить односторонними, но въ этой-то односторонности и заключается необходимость, оправданіе и достоинство ихъ. Съ произведеніями музыки Жуковскаго связано нравственное развитіе каждаго изъ насъ въ извѣстную эпоху нашей жизни, и потому мы любимъ эти произведенія, даже и будучи отдѣлены отъ нихъ неизмѣримымъ пространствомъ новыхъ потребностей и стремленій: такъ возмужалый человѣкъ любитъ волненія и надежды своей юности, надъ которыми самъ же уже смѣется. Жуковскій весь отдался своему направленію, своему призванію. Онъ—романтикъ во всемъ, что есть лучшаго въ его поэзіи, и не романтикъ только въ неудачныхъ своихъ опытахъ, число которыхъ, впрочемъ, уступаетъ числу лучшихъ, т.-е. романтическихъ его произведеній. Батюшковъ написалъ по нѣскольку пьесъ на нѣсколько мотивовъ — и вотъ все. Мы въ этой статьѣ выписали почти все лучшее изъ произведеній Батюшкова: такъ немного у него лучшаго! Направленіе и духъ поэзіи его гораздо опредѣленнѣе и дѣйствительнѣе направленія духа поэзіи Жуковскаго; а между тѣмъ, кто изъ Русскихъ не знаетъ Жуковскаго, и многіе ли изъ нихъ знаютъ Батюшкова не по одному только имени?

Главная причина всѣхъ этихъ противорѣчій заключается, разумѣется, въ самомъ талантѣ Батюшкова. Это былъ талантъ замѣчательный, но болѣе яркій, чѣмъ глубокій, болѣе гибкій, чѣмъ самостоятельный, болѣе граціозный, чѣмъ энергическій. Батюшкову немногаго недоставало, чтобъ онъ могъ переступить за черту, раздѣляющую большой талантъ отъ гениальности. И вотъ почему онъ всегда находился подъ вліяніемъ своего времени. А его время было странное время,— время, въ которое новое являлось, не смѣняя стараго, и старое и новое дружно жили другъ подлѣ друга, не мѣшая одно другому. Старое не сердилось на новое, потому что новое низко кланялось старому и на вѣру, по преданію, благоговѣло передъ его богами. Посмотрите, какъ безсознательно вос-

¹⁾ См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 31 (т. II, стр. 186—187).

хищался Батюшковъ представителями русскаго Парнаса:

Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ,
Нль области эоирны,
Воздушною толпой
Слетать на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!..
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ!..
Что вижу? ты предъ мной
Парнаскій исполнилъ,
Пѣвецъ героевъ, славы,
Велѣлъ вихрамъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,
Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и музъ и грацій,
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацийъ,
Сливаетъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вѣснній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ (?),
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ,
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владимира времятъ,
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За нимъ *сильфъ прекрасный*,
Воспитанникъ Харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчить;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!..
Съ эротами играя,
Философъ и пѣтъ,
Близъ Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями
Какъ счастливый дитя,
Парнаскими цвѣтами
Скрылъ истину пути.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди цвѣтовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ,
Наставники пѣты,
О, фобовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ хариты
Безсмертныя вѣщи!
Я вамъ здѣсь вкушаю
Восторги піэриды,
И въ радости взываю:
О, музы! я пѣтъ!

Что такое эти стихи, если не крикъ безотчетнаго восторга? Для Батюшкова всѣ писатели, которыми привыкъ онъ восхищаться съ дѣтства, равно велики и бессмертны. Державинъ у него — *нашъ Пиндаръ*, *нашъ Горацийъ*, какъ будто бы для него мало чести быть только нашимъ Пиндаромъ, или только

нашимъ Горациемъ. Если Батюшковъ тутъ же не называлъ Державина еще и *нашимъ Анакреономъ*, — это вѣроятно потому, что Анакреонъ, какъ длинное имя, не пришлось въ мѣру стиха. Батюшковъ съ Горациемъ былъ знакомъ не по слуху, и не видѣлъ, что между Горациемъ — поэтомъ умиравшаго, развратнаго языческаго общества, и между Державинымъ, поэтомъ, для котораго еще не было никакого общества, нѣтъ рѣшитель о ничего общаго! Если Батюшковъ и не зналъ по-гречески, — онъ могъ имѣть понятіе о Пиндарѣ по латинскимъ и нѣмецкимъ переводамъ; но это, видно, не помогло ему понять, что еще менѣе какого бы то ни было сходства между Державинымъ и Пиндаромъ, — Пиндаромъ, котораго вдохновенная, возвышенная поэзія была голосомъ цѣлаго народа — и какого еще народа!.. Если Батюшковъ не упомянулъ въ этихъ стихахъ о Херасковѣ и Сумароковѣ, это, вѣроятно, потому, что первому изъ нихъ были уже нанесены страшные удары Мерзляковымъ и Строевымъ (П. М.), а второй мало-по-малу какъ-то самъ истерся въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ, это не мѣшаетъ Батюшкову титуловать Хераскова громкимъ именемъ пѣвца „Россіады“ и приписывать ему какую-то „славу писателя“. Разсуждая о такъ называемой „легкой поэзіи“, Батюшковъ такъ рассказываетъ ея исторію на Руси:

„Такъ называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзіи воспріалъ у насъ начало со временъ Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всѣхъ видовъ, раздѣленій и измѣненій легкой поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ; но замѣтимъ, что на поприщѣ изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірѣ, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносить современемъ пользу и дѣйствуетъ непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и *великимъ* (!) талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева, въ которыхъ поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ философія (?) оживилась неувыдаемыми цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумныя, счастливыя стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ виденъ и тонкій умъ наблюдателя свѣта, и рѣдкій талантъ; стихотворенія Карамзина, исполненныя чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; гораціанскія оды Капвиста, вдохновенныя страстью пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковскаго, сіяющія воображеніемъ, часто *своеправными* (?), но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; стихотворенія Востокова, въ которыхъ видно отличное дарованіе поэта, напитавшаго чтеніемъ древнихъ и германскихъ писателей; наконецъ, стихотворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; посланія князя Дол-

горукова, исполненныя живости; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ стихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ; всѣ сін блестящія произведенія дарованія и остроумія менѣе или болѣе приближались къ желанному совершенству, и всѣ—нѣтъ сомнѣнія—привнесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили“.

Такъ! скажемъ мы отъ себя, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: сочиненія всѣхъ этихъ поэтовъ принесли свою пользу въ дѣлѣ образованія стихотворнаго языка; но нѣтъ и въ томъ сомнѣнія, что между ихъ стихомъ и стихомъ Жуковского и Батюшкова легло цѣлое море разстоянія, и что „Душенька“ Богдановича, сказки Дмитріева, гораціанскія оды Капниста, подражанія древнимъ Мерзлякова, стихотворенія Востокова, Муравьева, Долгорукова, Воейкова и Пушкина (Василія) только до появленія Жуковского и Батюшкова могли считаться образцами легкой поэзіи и образцами стихотворнаго языка. Батюшковъ ни однимъ словомъ не даетъ чувствовать, что прославляемые имъ сочиненія любимыхъ имъ писателей принадлежатъ извѣстному времени и посвяты на себѣ, какъ необходимый отпечатокъ, его недостатки. И потомъ, что за взглядъ на относительную важность каждаго изъ нихъ: Дмитріевъ у него выше Крылова, *народнаго* русскаго баснописца, котораго многіе стихи обратились въ пословицы, какъ и многіе стихи изъ „Горя отъ ума“, тогда какъ басни Дмитріева, несмотря на ихъ неотъемлемое достоинство, теперь совершенно забыты. И немудрено: въ нихъ Дмитріевъ является не болѣе, какъ счастливымъ подражателемъ и переводчикомъ Лафонтена; но онъ чуждъ всякой оригинальности, самобытности и народности. Стихотворенія Карамзина, которыя гораздо ниже стихотвореній Дмитріева, и которыя, послѣ стихотвореній Жуковского, тотчасъ же сдѣлались невозможными для чтенія, Батюшковъ находитъ исполненными чувства и образцами ясности и стройности мыслей. Кто теперь знаетъ стихотворенія Муравьева? — Батюшковъ въ восторгѣ отъ нихъ. Ломоносовъ для него былъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ міра. Опыты въ легкой поэзіи предшественниковъ Ломоносова и Сумарокова были маловажны, по словамъ Батюшкова: стало быть, опыты Ломоносова и Сумарокова были уже не маловажны. Но что же *легкаго* написалъ Ломоносовъ и что же порядочнаго сочинилъ Сумароковъ?.. И такъ смотрѣлъ на русскую литературу человѣкъ, знакомый съ французскою, нѣмецкою, итальянскою, англійскою (?) и латинскою литературами, въ подлинникъ читавшій Руссо, Шенье, Шиллера, Петрарку, Тасса, Аріоста, Байрона (?), Тибулла и Овидія!.. Но всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи „Письмо“ Батюшкова „къ И. М.

М. А. о сочиненіяхъ г. Муравьева“. Дѣло идетъ о сочиненіяхъ Михаила Никитича Муравьева, бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, попечителя московскаго университета; онъ родился въ 1757, а умеръ въ 1807 году, и оставилъ послѣ себя память благороднаго человѣка и страстнаго любителя словесности. Какъ писатель, М. Н. Муравьевъ принадлежалъ къ Ломоносовской школѣ. Слогъ и языкъ его не карамзинскій, хотя и казался для своего времени образцовымъ. Въ сочиненіяхъ его, дѣйствительно, видно много любви къ просвѣщенію, душа добрая и честная, характеръ благородный; но особенно литературнаго или эстетическаго достоинства они не имѣютъ. Когда вышли въ свѣтъ сочиненія Муравьева, изданныя послѣ смерти его, въ 1810 году, подъ титуломъ: „Опыты исторіи, словесности и нравоученія“, — Батюшковъ написалъ письмо, о которомъ мы упомянули выше. Въ этомъ письмѣ онъ горько упрекаетъ тогдашнихъ журналистовъ за ихъ молчаніе о такой превосходной книгѣ, каковы сочиненія Муравьева. Въ числѣ этихъ сочиненій, состоящихъ изъ отдѣльныхъ статей, есть нѣсколько такъ называемыхъ „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“, въ которыхъ авторъ пренаивно сводитъ Ромула съ Кіемъ, Карла Великаго съ Владиміромъ, Горація съ Кантемиромъ и заставляетъ ихъ спорить, а къ концу спора согласиться, что Россія не уступаетъ въ силѣ и просвѣщеніи ни одному народу въ мірѣ... Батюшковъ въ восторгѣ отъ этихъ мертвыхъ разговоровъ: онъ отдаетъ имъ преимущество даже передъ разговорами Фонтенеля. „Французскій писатель (говоритъ онъ) гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую-нибудь истину блестящими словами; они, кажется намъ, любятъ сами тѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фонтенеля нерѣдко древніе герои преображаются въ придворныхъ Лудовикова времени, и напоминаютъ намъ живо учтивыхъ пастуховъ того же автора, которымъ недостаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблучковъ, чтобъ шаркать въ королевской передней, какъ замѣчаетъ Вольтеръ—не помню въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно тому противное: всякое лицо говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и авторъ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ Рурикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Кантемиромъ, съ Гораціемъ и проч.“.—Но, увы! — именно этого-то и нѣтъ въ разговорахъ Муравьева. Историческіе собесѣдники Фонтенеля похожи по крайней мѣрѣ хоть на придворныхъ Лудовика XIV, а герои Муравьева рѣшительно ни на кого не похожи, даже просто на людей. Вообще, Батюшковъ прославляетъ Муравьева какъ-то

риторически: иначе чѣмъ объяснить эту схоластическую фразу: „онъ любилъ отечество и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ“? Есть еще у Муравьева рядъ стиховъ правдивнаго содержанія, названныхъ у него общимъ именемъ „Обитатель Предмѣстія“. Языкъ этихъ статей довольно чистъ и ближе подходитъ къ карамзинскому, чѣмъ къ Ломоносовскому; содержаніе много говоритъ въ пользу автора, какъ человѣка съ самыми добрыми расположеніями души и сердца; но и все тутъ: ни идей, ни воззрѣній, ни картинъ, ни слога. Батюшковъ говоритъ: „Сіи разговоры (мертвыхъ) и Письма Обитателя Предмѣстія могутъ замѣнить въ рукахъ наставниковъ лучшія произведенія иностранныхъ писателей“. Вотъ какъ!.. Вообще, давно уже замѣчено, что у насъ на святой Руси не умѣютъ въ мѣру ни похвалить, ни похулить: если превозносить начнутъ, такъ уже выше лѣса стоячаго, а если бранить, такъ уже прямо втопчутъ въ грязь... „Другіе отрывки (продолжаетъ Батюшковъ) принадлежатъ къ вышнему роду словесности. Между ними повѣсть „Оскольдъ“, въ которой авторъ изображаетъ походъ сѣверныхъ народовъ на Царьградъ, блистаетъ красотою“. Какими же?—Красотою самой натянутой и надутой риторики. Къ числу такихъ повѣстей-поэмъ принадлежатъ: „Кадмъ и Гармонія“, „Поллоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ Хераскова, „Марѳа Посадница“ Карамзина. Самъ Батюшковъ написалъ пренелѣпую вещь въ такомъ же духѣ: она называется „Предславъ и Добрыня, старинная повѣсть“. Въ заключеніе статьи своей о сочиненіяхъ Муравьева, Батюшковъ выписываетъ эти стихи разбрасываемаго имъ автора:

Ты (муза) утро дней моихъ прилежно посѣщала;
Почто-жъ печальная распространилась мгла,
И ясный полдень мой покрыла черной тѣнью!
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу
И въ пѣсняхъ не приду къ другому поколѣнью,
Или я весь умру?

„Пѣтъ (воскликаетъ Батюшковъ), мы надѣемся, что сердце человѣческое бессмертно. Всѣ пламенные отпечатки его, въ счастливыхъ стихахъ поэта, побѣждаютъ самое время. Музы сохраняютъ въ своей памяти пѣсни своего любимца, и имя его перейдетъ къ другому поколѣнію съ именами, съ священными именами мужей добродѣтельныхъ“. Увы! предсказаніе критика не сбылось: восхваляемый имъ авторъ былъ уже забытъ еще въ то время, какъ онъ сулилъ ему бессмертіе... Что это означаетъ: односторонность ума, недостатокъ вкуса? — Нисколько! Немного людей, столь богатыхъ счастливыми дарами духовной природы, какъ Батюшковъ. Онъ былъ сынъ своего времени — вотъ гдѣ причина его недостатковъ. Средствами своей

натуры онъ былъ уже далѣе своего времени; но мыслию, сознаніемъ онъ шелъ за нимъ, а не впереди его. Онъ зналъ много языковъ и много читалъ на нихъ, но смотрѣлъ на вещи глазами „Вѣстника Европы“ блаженной памяти, и даже современной исторіи учился по газетнымъ реляціямъ, а потому Наполеонъ, въ глазахъ его, былъ не болѣе, какъ новый Атилла, Омаръ, всесвѣтлый зажигатель и разбойникъ... Еще странно его взгляды на Руссо: этотъ взглядъ до наивности близорукъ и подслѣпovitъ. Батюшковъ видѣлъ въ Руссо только мечтателя и софиста. Странное дѣло! Наши русскіе поэты, даже не обдѣленные образованіемъ, знакомые съ Европою черезъ ея языки, почти всегда отличались какою-то ограниченностію взгляда и понятій, при замѣчательномъ, а иногда великомъ талантѣ... Это мы еще будемъ имѣть случай замѣтить...

Но едва ли ни жесточе всѣхъ постигла эта участь Батюшкова. Онъ весь заключенъ во мнѣніяхъ и понятіяхъ своего времени, а его время было переходомъ отъ карамзинскаго классицизма къ пушкинскому романтизму (Пушкина вѣдь считали первымъ русскимъ романтикомъ!). Батюшковъ съ уваженіемъ говоритъ даже о меценатствѣ, и замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что одинъ вельможа удостаиваетъ музъ своимъ покровительствомъ, вмѣсто того, чтобъ сказать, что онъ удостаивается чести быть полезнымъ музамъ.

Какъ на самую рѣзкую, на самую характеристическую черту эстетическаго и критическаго образованія Батюшкова, укажемъ на статью его „Аріостъ и Тассъ“. Это нѣчто въ родѣ критическихъ статей нашихъ старинныхъ аристарховъ о „Россіадѣ“ Хераскова. Какъ хорошо это мѣсто! какой чудесный этотъ стихъ! какое живое описаніе представляетъ собою эта глава — вотъ характеръ критики Батюшкова. Объ идеяхъ, о цѣломъ, о вѣкѣ, въ которомъ написана поэма, о ея недостаткахъ—ни слова, какъ будто бы ничего этого въ ней и не бывало! Больше всего восхищается Батюшковъ описаніемъ одной битвы, которое, судя по его же прозаическому переводу, довольно надуту. Эта картина напоминаетъ ему стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены тѣла:
Иный съ размаха мечъ занесъ на сопостата,
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
Иный, забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иный, отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и ^{конемъ;} ~~стонетъ~~ подъ
Иный, пронзенъ, ^{упасъ,} ~~упасъ~~ противника сражая,
Иный врага повергъ и ~~умеръ~~ ^{умеръ} самъ на немъ.

Кромѣ того, что Батюшковъ эти дебелые и безобразные стихи находитъ прекрасными,

онъ еще видитъ въ разстановкѣ словъ *стоитъ, уиасъ и умеръ* какую-то особенную силу. „Замѣтимъ мимоходомъ для стихотворцевъ (говоритъ онъ), какую силу получаютъ самыя обыкновенныя слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ“.

Таковы были литературныя и эстетическія понятія и убѣжденія Батюшкова. Они достаточно объясняютъ, почему такъ нерѣшительно было направленіе его поэзіи и почему написанное имъ такъ далеко ниже его чудеснаго таланта. Превосходный талантъ этотъ былъ задушенъ временемъ. При этомъ не должно забывать, что Батюшковъ слишкомъ рано умеръ для литературы и поэзіи. Кажется, его литературная дѣятельность совершенно прекратилась съ 1819-мъ годомъ ¹⁾, когда онъ былъ въ самой цвѣтущей порѣ умственныхъ силъ—ему тогда было только 32 года отъ роду (онъ родился въ 1787 году). Мы не знаемъ даже прочелъ ли Батюшковъ хотя одно стихотвореніе Пушкина ²⁾. „Русланъ и Людмила“ появилась въ 1820 году. Такъ Пушкинъ, въ свою очередь, не прочелъ ни одного стихотворенія Лермонтова... И, можетъ быть, для Батюшкова настала бы новая пора лучшей и высшей дѣятельности, еслибъ враждебная русскимъ музамъ судьба не отняла его такъ рано отъ ихъ служенія. Появленіе Пушкина имѣло сильное вліяніе на Жуковского: можетъ быть, еще сильнѣйшее вліяніе имѣло бы оно на Батюшкова. Выходъ въ свѣтъ „Руслана и Людмилы“ и возбужденные этою поэмою толки и споры о классицизмѣ и романтизмѣ были эпохою обновленія русской литературы, ея окончательнаго освобожденія изъ-подъ вліянія Ломоносова и началомъ эмансипаціи изъ-подъ вліянія Карамзина... Несмотря на всю свою поверхностность, эта эпоха развязала крылья гению русской литературы и поэзіи. И вѣроятно, талантъ Батюшкова въ эту эпоху явился бы во всей своей силѣ, во всемъ своемъ блескѣ.

Но не такъ угодно было судьбѣ. И потому намъ лучше говорить о томъ, что было, нежели о томъ, что бы могло быть. Написанное Батюшковымъ, какъ мы уже сказали, далеко ниже обнаруженнаго имъ таланта, далеко не выполняетъ возбужденныхъ имъ же самымъ ожиданій и требованій. Неопредѣленность, нерѣшительность, неоконченность и невыдержанность борются въ его поэзіи съ опредѣленностію, рѣшительностію, оконченностію и выдержанностію. Прочтите

его превосходную элегію „На развалинахъ замка въ Швеціи“: какъ все въ ней выдержано, полно, окончено! Какой роскошный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упругій, крѣпкій стихъ!

Тамъ воинъ иѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣль,
Готовилъ сына въ брань, и стрѣль пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручалъ парашенной рукой,
И громко восклицалъ, подиавъ дрожащи длани:
„Тебѣ онъ обреченъ, о, богъ, властитель брани,
Всегда и всюду твой!“

„А ты, мой сынъ, клянись мечомъ твоихъ отцовъ,
И Геллы клятвою кровавой,
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!“
И пылкій юноша мечъ прадедовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ!

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро восшумѣли,
Запылились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстрии раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ
И Гелла день и ночь въ Валгаллу провожаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной;
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
Герой, побѣдою избранный.
Ужъ скальды пиршества готовятъ на холмахъ,
Ужъ дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани съ денницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о, юноша, слезами и мольбой,
Боговъ на милость преклоняетъ...
Но вотъ, въ туманѣ тамъ, какъ сталъ лебедей,
Блѣкнутъ корабли, несомые волнами;
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ, на нихъ уже герой
Съ добычей жень иноплемennыхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою *младой* ¹⁾
И лжи скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Погуя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ.

Не такова другая элегія Батюшкова — „Тѣнь Друга“; начало ея превосходно:

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася галліона.
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепеть парусовъ,

¹⁾ Последнее стихотвореніе было написано Батюшковымъ въ 1822 году; съ этого года начинается его душевная болѣзнь, продолжавшаяся до смерти (1855 г.).

²⁾ Теперь извѣстно, что Батюшковъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ и очень слѣдилъ за его поэтическимъ развитіемъ.

¹⁾ Поэтъ нашего времени вмѣсто „съ невѣстою *младой*“, сказалъ бы: „съ невѣстой *молодой*“,—и оно, разумѣется, было бы лучше, но во время Батюшкова большую полагали красоту въ славянизмъ словъ, считая его особенно приличнымъ для такъ называемаго „высокаго слога“.

Прим. Бѣлинскаго.

И кормчаго на палубѣ вызванье
 Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ:
 Все сладкую задумчивость питаю.
 Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
 И сквозь туманъ и ночи покрывало
 Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.

Повторимъ уже сказанное нами разъ:
 послѣ такихъ стиховъ нашей поэзіи надобно
 было или остановиться на одномъ мѣстѣ,
 или, развиваясь далѣе, выражаться въ пуш-
 кинскихъ стихахъ; такъ естественъ пере-
 ходъ отъ стиха Батюшкова къ стиху Пуш-
 кина. Но окончаніе элегіи "Тѣнь Друга" не
 соотвѣтствуетъ началу: отъ стиха—

И вдругъ... то былъ ли сонъ? предсталъ това-
 рищъ мнѣ,

начинается громкая декламація, гдѣ неза-
 мѣтно ни одного истиннаго, свѣжаго чувства
 и ничто не потрясаетъ сердца, внезапно
 охлажденнаго и постепенно утомляемаго чи-
 тателя, особенно, если онъ читаетъ эту эле-
 гію вслухъ.

Этимъ же недостаткомъ невыдержанности
 отличается и знаменитая его элегія „Уми-
 рающій Тассъ“. Начало ея отъ стиха: „Ка-
 кое торжество готовитъ древній Римъ?“ до
 стиха: „Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусали-
 ма!“—превосходно; слѣдующіе затѣмъ двѣ-
 надцать стиховъ тоже прекрасны; но отъ
 стиха: „Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на
 пышный Римъ“ начинается риторика и де-
 кламация, хотя мѣстами и съ проблесками
 глубокаго чувства и истинной поэзіи. Чу-
 десны эти стихи:

И ты, о, вѣчный Тибръ, понтея всѣхъ окрестъ,
 Засѣянный ¹⁾ костью гражданъ вседневной:
 Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ мѣстъ
 Бездвременной кончины обреченный!
 Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
 И не вступаю при плескахъ въ Капитолій;
 И лавры славныя надъ дряхлой головой
 Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.

Но что такое, если не пустое разглаголь-
 ствіе, не надутая риторика и не трескучая
 декламація, вотъ эти стихи:

Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
 Всѣ горести узнавъ, всю бѣдность бытія,
 Фортинною изрытыя пучины
 Разверзлись предо мной и громъ не умолкалъ!
 Изъ веси въ весь, изъ странъ (?) въ страну
 Гонимый,
 Я тщетно на землѣ пристанища искалъ:
 Повсюду персть ея неотразимый!
 Повсюду молча карающей (?) пѣвца!

Такая же риторическая шумиха и отъ
 стиха: „Друзья, но что мою стѣсняетъ страшно
 грудь?“ до стиха: „Рукою музъ и славы со-

¹⁾ Эпитетъ „засѣяннаго костью“ не точенъ въ
 отношеніи къ Тибру: это можно было сказать только
 о холмахъ, на которыхъ построены Римъ или о землѣ
 Італіи вообще. Прим. Бѣлинскаго.

плетенный“. Слѣдующіе затѣмъ шестнадцать
 стиховъ очень недурны, а отъ стиха: „Смо-
 трите! онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ“
 до стиха: „Средь ангеловъ Елеонора встрѣ-
 тить“ опять звучная и пустая декламація.
 Заключение превосходно, подобно началу:

И съ именемъ любви божественной погасъ;
 Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
 День тихо догоралъ... и колокола гласъ
 Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
 „Погибъ Торквато нашъ!“ воскликнулъ съ пла-
 чемъ Римъ,
 „Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!..“
 На утро факеловъ уярмили мрачный дымъ
 И трауромъ покрылся Капитолій.

Въ отношеніи къ выдержанности, какая
 разница между „Умирающимъ Тассомъ“ Ба-
 тюшкова и „Андреемъ Шенье“ Пушкина,
 хотя обѣ эти элегіи въ одномъ родѣ!

Послѣ Жуковскаго Батюшковъ первый
 заговорилъ о разочарованіи, о несбывшихся
 надеждахъ, о печальномъ опытѣ, о потухаю-
 щемъ пламенникѣ своего таланта...

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
 И муза пламенникъ небесный потушила;
 Печально опытность открыла
 Пустыню новую для глазъ;
 Туда влечетъ меня осиротѣлый гений,
 Въ поля безплодныхъ, въ непроходимы сѣни,
 Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,
 Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
 Любимцамъ фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
 Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней музъ прелест-
 ныхъ,
 Которыя всегда душевну скорбь мою,
 Какъ лотосъ, силою волшебной врачевали.
 Нѣтъ, нѣтъ! себя не узнаю
 Подъ новымъ бременемъ печали!

Что Жуковский сдѣлалъ для содержанія
 русской поэзіи, то Батюшковъ сдѣлалъ для
 ея формы: первый вдохнулъ въ нее душу
 живу, второй далъ ей красоту идеальной
 формы. Жуковский сдѣлалъ несравненно
 больше для своей сферы чѣмъ Батюшковъ
 для своей,—это правда; но не должно за-
 бывать, что Жуковский, раньше Батюшкова
 начавъ дѣйствовать, и теперь еще не со-
 шелъ съ поприща поэтической дѣятельности;
 а Батюшковъ умолкъ навсегда съ 1819 года,
 тридцати двухъ лѣтъ отъ роду... ¹⁾). Заслуги
 Жуковскаго и теперь передъ глазами всѣхъ
 и cadaго; имя его громко и славно и для
 новѣйшихъ поколѣній; о Батюшковѣ боль-
 шинство знаетъ теперь по наслышкѣ и по
 воспоминанію; но если немногія прекрасныя
 стихотворенія его уже не читаются и не
 перечитываются теперь, то имени учителя
 Пушкина въ поэзіи достаточно для его сла-
 вы: а если въ двухъ томахъ его сочиненій
 еще нѣтъ его безсмертія,—оно тѣмъ не ме-
 нѣе сіяетъ въ исторіи русской поэзіи...

¹⁾ См. предыдущія наши примѣчанія.

Замѣчательнѣйшими стихотвореніями Батюшкова считаемъ мы слѣдующія: *Умирающій Тассъ*, *На развалинахъ замка въ Швеціи*, *три Элегии изъ Тибулла*, *Воспоминанія* (отрывокъ), *Выздоровленіе*, *Мой Геній*, *Тѣнь Друга*, *Веселый Часъ*, *Пробужденіе*, *Таврида*, *Послѣдняя Весна*, *Къ Г—чу*, *Источникъ*, *Есть наслажденіе и въ дикости мѣсовъ*, *О, пока безцѣнна младость*, *Гезіодъ и Омиръ—соперники*, *Къ Другу*, *Мечта*, *Бесѣда Музъ*, *Карамзину*, *Мои Пенаты*, *Отвѣтъ Г—чу*, *Къ П—ну*, *Посланіе И. М. М. А.*, *Къ Н. Н.*, *Пѣснь Гарамбда Смѣлаго*, *Вакханка*, *Дождный Страхъ*, *Радость* (подражаніе Касті), *Къ Н.*, *Подражаніе Аріосту*, *Изъ Антологіи* двѣнадцать пѣсень изъ греческой антологіи.

Мы означили здѣсь всѣ пѣсы, почему-либо и сколько-нибудь замѣчательныя и характеризующія поэзію Батюшкова, но не упомянули о двухъ, которыя въ свое время производили, какъ говорится, фуроръ,—это: „Плѣнный“ (*Въ мѣстахъ, идѣ Рона протекаетъ*) и „Разлука“ (*Гусаръ, на саблю опираясь*). Обѣ онѣ теперь какъ-то странно опошлелись, особенно послѣдняя—безъ улыбки нельзя читать ихъ. И между тѣмъ, обѣ онѣ написаны хорошими стихами, какъ бы для того, чтобъ служить доказательствомъ, что не можетъ быть прекрасна форма, которой содержаніе пошло, не могутъ долго нравиться стихи, которыхъ чувства ложны и приторны. Прекрасными стихами также написана моральная пѣса „Счастливецъ“ (подражаніе Касті); но мораль сгубила въ ней поэзію. Сверхъ того, въ ней есть куплетъ, который разсмѣшилъ даже современниковъ этой пѣсы, столь снисходительныхъ въ дѣлѣ поэзіи:

Сердце наше кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ;
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Какъ прозаикъ, Батюшковъ занимаетъ въ русской литературѣ одно мѣсто съ Жуковскимъ. Это превосходнѣйшій стилистъ. Лучшія его прозаическія статьи, по нашему мнѣнію, слѣдующія: *О характеръ Ломоносова*, *Вечеръ у Кантемира*, *Нѣчто о Поэтѣ и Поэзіи*, *Прогулка въ Академію Художествъ*, *Путешествіе въ Замокъ Сирей*. Также очень интересны всѣ его статьи, названныя во второмъ изданіи общимъ именемъ *Писемъ и Отрывковъ*: онѣ знакомятъ съ личностію Батюшкова, какъ человѣка. Статья „Двѣ Аллегоріи“ характеризуетъ время, въ которое она написана: авторъ начинаетъ ее признаніемъ, что всѣ аллегоріи вообще холодны, но что его аллегоріи говорятъ разсудку, а потому и хороши. Онъ забылъ, что всѣ аллегоріи потому-то и нелѣпы и холодны, что говорятъ одному разсудку, претендуя говорить сердцу и фантазіи... „Отрывокъ изъ

писемъ русскаго офицера о Финляндіи“ показываетъ, что фантазія Батюшкова была поражена двумя крайностями—югомъ и сѣверомъ, свѣтлою, роскошною Италіею и мрачною, однообразною Скандинавіею. Эта статья написана какъ будто бы въ соотвѣтствіе съ элегіею „На развалинахъ замка въ Швеціи“. Языкъ и слогъ этой статьи слыли за образцовые, и вообще она считалась лучшимъ произведеніемъ Батюшкова въ прозѣ. А между тѣмъ, она есть не что иное, какъ переводъ изъ „*Harmonies de la Nature*“ Ласенеда; отрывокъ, переведенный Батюшковымъ, можно найти въ любой французской хрестоматіи, подъ названіемъ: „*Les forêts et les habitants des régions glaciales*“. Сказанное Ласенедомъ о Сѣверной Америкѣ, Батюшковъ храбро приложилъ къ Финляндіи—и дѣло съ концомъ! Удивляться этому нечего: въ тѣ блаженные времена подобныя заимствованія считались завоеваніями; ихъ не стыдились, но ими хвалились... Въ статьяхъ своихъ „Прогулка въ Академію Художествъ“ и „Двѣ Аллегоріи“ Батюшковъ является страстнымъ любителемъ искусства, человѣкомъ, одареннымъ истинно артистическою душою.

Имя Батюшкова невольно напоминаетъ намъ другое любезное русскимъ музамъ имя, имя друга его—Гнѣдича, талантъ и заслуги котораго столько же важны и знамениты, сколько—увы! и не оцѣнены доселѣ. Не беремъ за трудъ, можетъ быть, превосходящій наши силы; но посвятимъ нѣсколько словъ памяти человѣка даровитаго и незабвеннаго. Съ именемъ Гнѣдича соединяется мысль объ одномъ изъ тѣхъ великихъ подвиговъ, которые составляютъ вѣчное пріобрѣтеніе и вѣчную славу литературъ. Переводъ „Иліады“ Гомера на русскій языкъ есть заслуга, для которой нѣтъ достойной награды. Знаемъ, что наши похвалы покажутся многимъ преувеличенными, но „многіе“ много ли понимаютъ и умѣютъ ли вникать, углубляться и изучать? Невѣжество и легкомысліе поспѣшны на приговоры, и для нихъ все то мало и ничтожно, чего не разумѣютъ они. А чтобъ быть въ состояніи оцѣнить подвигъ Гнѣдича, потребно много и много разумѣнія. Чтобъ быть въ состояніи оцѣнить переводъ „Иліады“, прежде всего надо быть въ состояніи понять „Иліаду“, какъ художественное произведеніе,—а это не такъ-то легко. Теперь уже и Шекспиръ требуетъ комментаріевъ, какъ поэтъ чуждой намъ эпохи и чуждыхъ намъ нравовъ,—тѣмъ болѣе Гомеръ, отдѣленный отъ насъ тремя тысячами лѣтъ. Міръ древности, міръ, греческій недоступенъ намъ непосредственно, безъ изученія. „Иліада“ есть картина не только греческой, но и религіозной жизни Греціи; а у насъ, на русскомъ языкѣ, нѣтъ

не только порядочной, но и сколько-нибудь сносной греческой мифологіи, безъ которой чтеніе „Иліады“ непонятно. Сверхъ того, нѣкоторые ученые люди, знающіе много фактовъ, но чуждые идеи и лишенные эстетическаго чувства, за какое-то удовольствіе считаютъ распространять нелѣпныя понятія о поэмахъ божественнаго Омира, переводя ихъ съ подлинника слогомъ русской сказки объ Емелѣ-Дурачкѣ ¹⁾. Съ подлинника—говорятъ они гордо! Дѣйствительно, для разумѣнія „Иліады“ знаніе греческаго языка—великое дѣло; но оно не дастъ человѣку ни ума, ни эстетическаго чувства, если въ нихъ отказала ему природа. Тредьяковскій зналъ много языковъ, но оттого не былъ ни умище, ни разборчивѣе въ дѣлѣ изящнаго; а Шекспиръ, не зная по-гречески, написалъ поэму „Венера и Адонисъ“. Такого рода ученые, увѣряющіе, что Греки раскрашивали статуи боговъ (что дѣйствительно дѣлали древніе—только не Греки, а жители Помпеи, не задолго передъ Р. Х., когда вкусъ къ изящному былъ во всеобщемъ упадкѣ), — такого рода ученые, знающіе по-гречески и по-латыни, напоминаютъ собою переведенную съ нѣмецкаго Жуковскимъ сказку: „Кабудъ-Путешественникъ“ („Переводы въ прозѣ В. Жуковскаго“ ч. III, стр. 92). Вотъ эти и подобные имъ господа изволятъ увѣрять, что Гнѣдичъ перевелъ „Иліаду“ напыщенно, надуту, изысканно, тяжелымъ языкомъ, смѣсю русскаго съ славянищиною. А другіе и рады такимъ сужденіямъ: не смѣя напасть на тысячекратнее имя Гомера, они восторгались „Иліадою“ вслухъ, зѣвая отъ нея про себя: и вотъ имъ даютъ возможность свалить свое невѣжество, свою ограниченность и свое безвкусіе на дурной будто бы переводъ. Нѣтъ, что ни говори эти господа, а русскіе владѣютъ едва ли не лучшимъ въ мірѣ переводомъ „Иліады“. Этотъ переводъ, рано или поздно, сдѣлается книгою классическою и настольною, и станетъ краеугольнымъ камнемъ эстетическаго воспитанія. Не понимая древняго искусства, нельзя глубоко и вполнѣ понимать вообще искусство. Переводъ Гнѣдича имѣетъ свои недостатки: стихъ его не всегда легокъ, не всегда исполненъ гармоніи, выраженіе не всегда кратко и сильно; но всѣ эти недостатки вполнѣ выкупаются вѣяніемъ живого эллинскаго духа, разлитаго въ гекзаметрахъ Гнѣдича. Слѣдующее двустипіе Пушкина на переводъ „Иліады“—не пустой комплиментъ, но глубоко-поэтическая и глубоко-

истинная передача производимаго этимъ переводомъ впечатлѣнія:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;

Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Глубоко-артистическая натура Пушкина умѣла сочувствовать древнему міру и понимать его: это доказывается многими его произведеніями на древній ладъ: стало быть, авторитетъ Пушкина въ дѣлѣ суда надъ переводомъ Гнѣдича не можетъ не имѣть вѣса и значенія, — и Пушкинъ высоко цѣнилъ переводъ Гнѣдича. Вотъ еще стихотвореніе Пушкина, свидѣтельствующее о его уваженіи къ труду и имени переводчика „Иліады“:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;

Тебя мы долго ожидали;

И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,

И вынесъ намъ свои скривали.

И что-жъ? ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,

Въ безумствѣ суетнаго пира,

Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.

Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.

Въ порывѣ гнѣва и печали,

Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,

Разбилъ листы своей скривали.

Нѣтъ! ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты

Скрываться въ тѣнь долины малой;

Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой ¹⁾.

Нѣтъ, не настало еще время для славы Гнѣдича; оцѣнка подвига его еще впереди; ее приведетъ распространяющееся просвѣщеніе, плодъ основательнаго ученія...

Гнѣдичъ какъ бы считалъ себя призваннымъ на переводъ Гомера; мы увѣрены, что только время не позволило ему перевести и „Одиссею“. Гомеръ былъ его любимѣйшимъ пѣвцомъ, и Гнѣдичъ силился создать апоэозу своему герою въ поэмѣ „Рожденіе Гомера“. Поэма эта написана въ древнемъ духѣ, очень хорошими стихами, но длинна и растянута; совсѣмъ не кстати приплетены къ ней судьбы Гомера въ новомъ мірѣ. Переводъ идилліи Теоокрита „Сиракузянки, или праздникъ Адониса“, съ присовокупленнымъ къ нему, въ видѣ предисловія, разсужденіемъ объ идилліи, есть двойная заслуга Гнѣдича: переводъ превосходенъ, а разсужденіе глубокомысленно и истинно. Но кто оцѣнитъ этотъ подвигъ, кто пойметъ глубокий смыслъ и художественное достоинство идилліи Теоокрита, не имѣя понятія о значе-

¹⁾ Это направлено противъ Сенковского; объясненіе всѣхъ этихъ и нижеслѣдующихъ намековъ читатель найдетъ въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ (т. II, ст. № 33). Противодѣйствіемъ Сенковскому объясняется преувеличенная оцѣнка Гнѣдича Бѣлинскимъ.

¹⁾ Это стихотвореніе Пушкина относится не къ Гнѣдичу, а къ Николаю I, какъ объ этомъ вкратчѣ печатно заявилъ Гоголь въ 1846 году. Впрочемъ до сихъ поръ это еще не установлено окончательно.

нѣи, какое имѣлъ для древнихъ Адонисъ, и о праздникахъ въ честь его?... „Рыбаки“, оригинальная идиллія Гнѣдича, есть мастерское произведеніе; но оно лишено истины въ основаніи: изъ-подъ рублища петербургскихъ рыбаковъ виднѣются складки греческаго хитона, и русскими словами, русскою рѣчью прикриты понятія и созерцанія чисто древнія... При всемъ этомъ въ „Рыбакахъ“ Гнѣдича столько поэзіи, жизни, прелести, такая роскошь красокъ, такая наивность выраженія! Замѣчательно, что эта идиллія написана въ 1821 году, а въ 1820 году были уже изданы идилліи г. Панаева! ¹⁾ Не знаемъ, въ которомъ году переведена Гнѣдичемъ идиллія Феокрита и написано предисловіе къ ней: если въ одно время съ появленіемъ идиллій г. Панаева, то поневолѣ удивишься противорѣчіямъ, изъ которыхъ состоитъ русская литература... Посмотрите—что за стихи!

Уже надъ Невой сіяетъ беззнойное солнце;
Уже вечерѣтъ, а рыбака нѣтъ молодого.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ слѣясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залили рощи и доли.

Шипитъ тверди петровой, возвышенный, вспыхнулъ
надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя,
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не
гаснетъ;

Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на
землю;

Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ золотомъ востока;
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро.—Была то година золотая.

Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плывасть
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
То ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алая щеки
Едва отбѣгаются русыми локонами волнами;
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ

видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни.
Какъ-будто бы новое видать беззвѣздное небо,
На коемъ поконится незаходимый свѣтъ солнца;
Тогда Филомела полночными пѣснями лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, приветствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть; на нескія тундры
Роса опустилась; а рыбака нѣтъ молодого.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячею веселъ
Нева не колыхнется; свѣтла и спокойна, какъ небо.
Разбѣхались всѣ городскіе веселые гости.

Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водою раз-

дается,
Да изрѣдка гулъ изъ деревни, протяжный, про-
мчитъ,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.

Кромѣ „Рыбаковъ“, у Гнѣдича мало оригинальныхъ произведеній; нѣкоторыя изъ

нихъ не безъ достоинствъ; но нѣтъ превос-
ходныхъ, и всѣ они доказываютъ, что онъ
владѣлъ несравненно бѣльшими силами быть
переводчикомъ, чѣмъ оригинальнымъ по-
этомъ. Замѣчательно, что стихи Гнѣдича
часто бывалъ хорошъ не по времени. Слѣ-
дующее стихотвореніе „Къ К. Н. Батюш-
кову“, написанное въ 1807 г., вдвойнѣ инте-
ресно: и какъ образецъ стиха Гнѣдича, и
какъ фактъ его отношеній къ Батюшкову:

Когда придешь въ мою ты хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живетъ?
Когда поклонись певату,
Который дни мои блюдетъ?
Приди, раздѣлимъ свѣтъ убогу,
Сердца виномъ воспламенимъ,
И вмѣстѣ—пѣснопѣнья богу
Часы досуга посвятимъ.
А вечеръ, скучный долготой,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ;
Надъ всей подлунной стороною
Мечты промчимся на крылахъ.
Туда, туда, въ тотъ край счастливый,
Въ тѣ земли солнца полетимъ,
Гдѣ Рима прахъ краснорѣчивый
Иль градъ святой Ерусалимъ.
Узримъ среди дикой Палестины
За божій гробъ святую рать,
Гдѣ цвѣтъ Европы, паладины
Летѣли въ битвахъ умирать.
Пѣвецъ ихъ, Тассъ, тебѣ любезный,
Съ кѣмъ твой давно сроднился духъ,
Сладкорѣчивый, гордый, нѣжный,
Нашъ очаруетъ взоръ и слухъ.
Иль мой пѣвецъ—царь пѣснопѣний,
Не умирающій Омиръ,
Среди безчисленныхъ видѣній
Откроетъ намъ весь древній міръ;
О, пѣснь волшебная Омира
Насъ въ мигъ перенесетъ, пѣвцовъ,
Въ край героическаго міра
И поэтическихъ боговъ:
Зевеса, мечущаго грома,
И всѣхъ безсмертныхъ вкругъ отца,
Пиръ ихъ свѣтлы, и дома
Увидимъ въ пѣсняхъ мы слѣдца.
Иль постѣтимъ Морвенъ фингаловъ,
Ту Сельму, домъ его отца,
Гдѣ на пирахъ сто арфъ звучало,
И пламенѣло сто дубовъ;
Но гдѣ давно лишь вѣтеръ ночи
Съ пустынной шепчется травой,
И только звѣздъ безсмертныхъ очи
Тамъ свѣтятъ съ блѣдною луной.
Тамъ Оссіанъ теперь мечтаетъ,
О битвахъ, о дѣлахъ былыхъ;
И лирой—тѣни вызываетъ
Могучихъ праотцовъ своихъ.
И вотъ Тренморъ, отецъ героевъ,
Чертогъ воздушный разворонивъ,
Летитъ на тучахъ, съ сонмомъ воевъ,
Къ пѣвцу и взоръ и слухъ склонивъ.
За нимъ тѣнь легкая Мальвины,
Съ златою арфою въ рукахъ,
Обнявшись съ тѣнью Манны,
Плывутъ на легкихъ облакахъ.
Но вдругъ, возможно ли словами
Пересказать, иль описать,
О чемъ случается съ друзьями
Подъ часъ веселый пометать?
Счастливъ, счастливъ еще несчастный,
Съ которымъ хотѣ мечта живетъ;

¹⁾ Слащавый авторъ многочисленныхъ идиллій,
Влад. Панаевъ (1792—1859).

Въ дняхъ сумрачныхъ день сердцу ясный
Онъ хотъ въ мечтаніяхъ найдеть.
Жизнь наша есть мечтанье тѣни;
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ.
Приди-жь подъ кровомъ дружной сѣни
Повеселиться хотъ въ мечтахъ.

Въ то время такіе стихи были довольно рѣдки, хотя Жуковский и Батюшковъ писали несравненно лучшими. „На гробѣ Матери“ (1805), „Скоротечность Юности“ (1806), „Дружба“ замѣчательны, какъ и приведенная выше пьеса Гнѣдича. Знаменито въ свое время было стихотвореніе его „Перуанецъ къ Испанцу“ (1805): теперь, когда отъ поэзіи требуется прежде всего вѣрность дѣйствительности и естественности, теперь оно отзывается риторикою и декламаціею на манеръ блѣдной Мельпомены XVIII вѣка; но нѣкоторые стихи въ немъ замѣчательны энергіею чувства и выраженія, несмотря на прозаичность.

Гнѣдичъ перевелъ изъ Байрона (1824) еврейскую мелодію, переведенную впослѣдствіи Лермонтовымъ („Душа моя мрачна, какъ мой вѣнецъ“); переводъ Гнѣдича слабъ: видно, что онъ не понялъ подлинника. Гнѣдичъ принадлежитъ, по своему образованію, къ старому, до пушкинскому поколѣнію нашихъ писателей. Оттого всѣ оригинальныя пьесы его длинны и растянуты, а многія прозаичны до послѣдней степени, какъ на-примѣръ „Къ И. А. Крылову“. Оттого же онъ перевелъ прозою дюсисовскаго „Леара“ или передѣлалъ шекспировскаго „Лира“—не помнимъ хорошенько; оттого же онъ перевелъ стихами вольтеровскаго „Танкреда“. Но переводъ его „Простонародныхъ пѣсенъ нынѣшнихъ грековъ“, изданный въ 1825 году, есть еще прекрасная заслуга русской литературы.

Жаль, что нѣтъ полного изданія сочиненій Гнѣдича. Сдѣланное имъ самимъ въ 1834 году очень не полно: въ немъ нѣтъ „Леара“, нѣтъ „Иліады“, нѣтъ *введенія* къ простонароднымъ пѣснямъ нынѣшнихъ Грековъ и *сравненія* ихъ съ русскими пѣснями, нѣтъ статьи его о древнемъ стихосложеніи, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“; нѣтъ переведенныхъ шестистопнымъ ямбомъ 7, 8, 9, 10 и 11-й пѣсенъ „Иліады“; нѣтъ „Разсужденія о причинахъ, замедляющихъ просвѣщеніе въ Россіи“. Такой писатель, какъ Гнѣдичъ, стоилъ бы изданія полного собранія литературныхъ трудовъ его.

Къ знаменитѣйшимъ дѣятелямъ литературы карамзинскаго періода принадлежитъ Мерзляковъ. Онъ извѣстенъ, какъ поэтъ (оды), какъ переводчикъ (переводы изъ древнихъ стихами), какъ пѣсенникъ (русскія пѣсни) и какъ теоретикъ словесности и критикъ. Оды его—образецъ надутости, про-

заичности выраженія, длинноты и скуки. Переводы его изъ древнихъ заслуживаютъ вниманія. Мерзляковъ не перевелъ ничего большого вполне, но изъ большихъ произведеній только отрывки, какъ-то изъ „Иліады“, „Одиссеи“, изъ трагиковъ—Эсхила, Софокла и Еврипида. Всѣ эти опыты, конечно, не безполезны; но они не даютъ понятія о своихъ оригиналахъ. Мерзляковъ не владѣлъ стихомъ: языкъ его жестокъ и прозаиченъ. Сверхъ того, на древнихъ онъ смотрѣлъ сквозь очки французскихъ критиковъ и теоретиковъ, отъ Буало до Лагарпа, и потому видѣлъ ихъ не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, хотя и читалъ ихъ въ подлинникѣ. Къ первой части изданныхъ имъ, въ 1825 году, въ двухъ частяхъ „Подражаній и переводовъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“ приложено разсужденіе „О началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерахъ трехъ греческихъ трагиковъ“; изъ этого разсужденія очень ясно видно, какъ мало понималъ Мерзляковъ начало и духъ древней трагедіи и характеръ трехъ греческихъ трагиковъ...

О, жертвы общаго отчизны заключенья.

Въ дни славы вѣрныя и вѣрны въ дни плѣвенья,
Подруги юныя, не отрекитесь вы,

Еще подиорой быть сей рабственной главы,
Которая досель гордилася вѣнцами:

Царицы болѣ нѣтъ; невольница предъ вами!—

Но я, какъ прежде, вамъ и нынѣ мать и другъ...
И бѣдствія мои, и старости недугъ,

Единый жребій нашъ: вотъ право для зло-
счастныхъ

На помощь и любовь душъ злобѣ непричастныхъ!

Прострите руки мнѣ, приподнимите... Ахъ!

Нѣтъ силъ, болѣзнь и хладъ во всѣхъ моихъ
костяхъ!—

Вѣшайте, чѣмъ совѣтъ вождей опредѣляетъ:

Куда насъ грозный судъ судьбины посылаетъ?

Куда еще влечить срамъ, скорбь свою и плѣнь?

Цѣль островъ сей для насъ могилой обреченъ?

Кто бы—думали вы—говорить такими дѣбелыми, жесткими и безтолковыми стихами?—*Гекуба*, въ трагедіи Еврипида!!.. Хорошій же былъ поэтъ этотъ Еврипидъ, если онъ по-гречески такъ же выражался, какъ заставляетъ его выражаться по-русски переводчикъ!.. Впрочемъ, нѣкоторые переводы изъ древнихъ, Мерзлякова, не безъ достоинства. Онъ перевелъ вполне „Освобожденный Иерусалимъ“ Тасса, и перевелъ его привилегированнымъ въ старину размѣромъ для эпическихъ поэмъ—шестистопнымъ ямбомъ. Переводъ этотъ тяжелъ и дубоватъ, безъ всякихъ достоинствъ. Причина этому опять двоякая: Мерзляковъ не владѣлъ стихомъ и на эпическія поэмы смотрѣлъ съ херасковской точки зрѣнія, какъ на что-то натянуто-высокое, надутно-великолѣпное и дубовато-тяжелое. Насмѣшники увѣряютъ, будто въ его переводѣ „Освобожденнаго Иерусалима“ есть стихи:

Векниѣль Бузѣионъ, течеть во храмъ.

Не ручаемся за достовѣрность такого указанія: мы не имѣли силы одолѣть чтеніемъ весь переводъ...

Въ русскихъ пѣсняхъ Мерзлякова больше чувствительности, чѣмъ чувства. Лучшія изъ нихъ написаны имъ уже послѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Вообще, онѣ не безъ достоинствъ и выше пѣсенъ Дельвига, хотя и далеко ниже пѣсенъ Кольцова.

Какъ эстетикъ и критикъ, Мерзляковъ заслуживаетъ особенное вниманіе и уваженіе¹⁾. Ученикъ Буало, Баттѣ и Лагарпа, онъ слѣдовалъ теоріи, которая теперь уже внѣ спора и даже насмѣшекъ, но онъ слѣдовалъ ей и проповѣдывалъ ее, какъ умный и краснорѣчивый человѣкъ. Ложны были его основанія, но онъ былъ имъ вездѣ вѣренъ и развивалъ ихъ послѣдовательно и живо. Словомъ, въ этомъ отношеніи на Мерзлякова можно смотрѣть, какъ на умнаго представителя литературныхъ понятій цѣлой эпохи. Въ ошибкахъ его виновато его время; достоинства его принадлежатъ ему самому. Вотъ почему его теоретическія и критическія статьи и теперь пріятно читать, хоть и нисколько не соглашаешься съ ними. Въ 1812 году Мерзляковъ читалъ публично въ Москвѣ теорію изящнаго, въ домѣ князя Б. В. Голицына. Чтенія эти были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 года. Не знаемъ, были ли возобновлены когда эти чтенія, но въ издававшемся имъ, въ 1815 году, журналѣ „Амфіонъ“ напечатано только чтеніе, въ которомъ онъ опредѣляетъ изящное, понимая его такъ: *При надлежащей стройности, правильности и точности подражанія, занимательность предмета, основанная на отношеніи его къ намъ самимъ.*

Первыми нашими критиками были Карамзинъ и Макаровъ. Особенно славились въ свое время—разборъ Карамзина „Душеньки“ Богдановича, а Макарова—сочиненій Дмитріева. Критика эта состояла въ восхищеніи отдѣльными мѣстами и въ порицаніи отдѣльных же мѣстъ, и то больше въ стилистическомъ отношеніи. Обыкновенно восхищались удачнымъ стихомъ, удачнымъ звукоподражаніемъ, и порицали какофонію или грамматическія неправильности. Не такова уже критика Мерзлякова. Ложная въ основаніяхъ, она уже толкуетъ объ идеѣ, о цѣломъ, о характерахъ; она строга сколько можетъ быть строгою. Для критики Мерзлякова писатели русскіе уже не всѣ равно велики, но одинъ выше, другой ниже, и всѣ

не безъ недостатковъ. Она благоговѣтъ передъ Сумароковымъ, и тѣмъ съ меньшею суровостію выставляетъ его недостатки. Она видитъ въ Херасковѣ знаменитаго поэта, и отъ нея плохо пришлось его „Россіадѣ“. Огромный разборъ „Россіады“, написанный Мерзляковымъ, возбудилъ общій ропотъ, хотя этотъ разборъ написанъ не только съ уваженіемъ, но и съ любовію къ Хераскову. Критика Мерзлякова была смѣла не по времени, и притомъ перѣшительна, а потому однихъ оскорбила, другихъ ужаснула, третьихъ не удовлетворила, и немногимъ понравилась. Во всякомъ случаѣ, эта критика принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы. Она напечатана въ цѣлыхъ семи книжкахъ „Амфіона“.

Но еще любопытнѣйшій фактъ исторіи русской литературы представляетъ собою журналъ, издававшійся, въ 1815 году, молодымъ человѣкомъ, студентомъ Московскаго университета—Павломъ Строевымъ. Журналъ этотъ назывался „Современный Наблюдатель Россійской Словесности“ и заключалъ въ себѣ статьи преимущественно критическаго содержанія. Изъ такихъ статей самой умною, живою, юношески смѣлою и благородною, самою интересною была „О „Россіадѣ“, поэмѣ г. Хераскова (Письмо къ двинцу Д.)“. Не можемъ не выписать здѣсь начала перваго письма:

„Что скажете теперь поборники славы Хераскова,—пишите вы, милостивая государыня,—г-нъ Мерзляковъ покажетъ истинныя достоинства его поэмы“. Эти слова сильны въ устахъ вашихъ. Хотя я не пишу славы быть поборникомъ Хераскова; однакожъ мнѣніе мое объ его поэмѣ мнѣ кажется не совсѣмъ несправедливо. Охотно бы желалъ согласиться съ вами; но нѣкоторыя обстоятельства увѣряютъ меня въ противномъ. Я говорю не съ тѣми изъ вашего пола, кои, выслушавъ лекцію какого-нибудь профессора, все восхваляютъ, все превозносятъ. Вы, милостивая государыня, сами занимаетесь словесностію; вы читали древнихъ и новыхъ писателей; имѣете отличный вкусъ и рѣдкія познанія. Какія пріятныя воспоминанія производить во мнѣ тѣ зимніе вечера, когда мы предъ пылающимъ каминомъ разсуждали о русскихъ сочиненіяхъ. Споры наши бывали иногда жарки, я съ вами не соглашался, представлялъ доказательства, и вы, съ нѣжною улыбкою, называли меня Катонъ въ словесности. Кто подумаетъ, чтобы дѣвушка въ цвѣтущихъ лѣтахъ своего возраста и въ наше время занималась словесностію; чтобы дѣвушка, говорю я, знала языкъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Я вижу румянецъ стыдливости на щекахъ вашихъ, но похвалы мои не лестны; онѣ невольно вырываются изъ устъ моихъ. Въ какой восторгъ приведенъ я былъ вашими желаніемъ возобновить наши сужденія,—но увы! они останутся только на бумагѣ; ничто не можетъ замѣнить вашего присутствія. Разговоры въ письмахъ будутъ сухи: сладостное краснорѣчіе дѣвушки, пріятная улыбка лучше всякихъ логическихъ доказательствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Мерзляковъ предпринималъ полезный трудъ, разобравъ Россіаду; жаль только, что она не можетъ стоять на ряду съ произведе-

¹⁾ Далѣе идетъ рядъ страницъ, связывающихъ настоящую статью со статьей Бѣлинскаго о „Рѣчи“ Никитенко; см. вашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 40. Ср. ниже начало пятой статьи.

ніями, обезсмертившими имена своихъ сочинителей. Я думаю, даже немногіе имѣли терпѣніе прочитать ее. Отчего же ее такъ хвалятъ? Оттого, что вкусъ публики у насъ еще не установился. Дамонъ прославляетъ *Попаго Стерна*, десять чело-вѣкъ, не читавшихъ даже сей комедіи, съ нимъ соглашаются; Клитъ называетъ его сочиненіемъ глупымъ—и сотни готовы повторить его ругательства. Безспорно Сумароковъ былъ единственнымъ стихотворцемъ своего времени; но кто станетъ нынѣ восхищаться его сочиненіями? Между тѣмъ Сумарокова считаютъ стихотворцемъ образцовымъ, достойнымъ нашего подражанія. Закоренѣлыя мнѣнія опровергать трудно; это то же, что силиться вырвать огромный дубъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ пускавшій въ нѣдра земли свои корни. Конечно сіи мнѣнія ослабѣютъ и совершенно лишатся своего достоинства, но это требуетъ времени. Между тѣмъ истинныя дарованія остаются иногда въ неизвѣстности. Тысячи рукоплещутъ при представленіи *Недоросли*; но многіе ли понимаютъ истинныя достоинства сей комедіи? Многіе ли знаютъ, что она достойна стоять на ряду съ *Мизантропами* и *Тартюфами*? Не стыдно ли даже намъ, что мы не имѣемъ полнаго собранія сочиненій г. Фонвизина, сего безсмертнаго писателя, коимъ по всей справедливости мы можемъ гордиться. То, что я сказалъ о Сумароковѣ, можно отнести къ Хераскову и къ нѣкоторымъ другимъ стихотворцамъ. Они приобрѣли похвалы отъ своихъ современниковъ, коихъ вкусъ былъ еще необразованъ. Сии похвалы безпрестанно повторялись, и стихотворцы приобрѣли великую славу.

Г. Павелъ Строевъ доказалъ ясно и неопровержимо, что „Россіада“ и по содержанію, и по формѣ—сущій вздоръ; что историческое событіе въ ней искажено, характеры перевертаны, чудесное нелѣпо, поэтическія краски сухи и холодны, выраженіе дико. Въ заключеніе, онъ находитъ во всей „Россіадѣ“ только десять *сряду* хорошихъ стиховъ.

Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ:

Великіе моря, лѣса и грады скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава римская исчезла яко дымъ,
И небо никому блаженства не вручалъ,
Котораго-бъ лучей ничто не помрачало.
Не можетъ счастья не меркнуть красота;
И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста.

И это дѣйствительно лучшіе и единственно хорошіе стихи во всей „Россіадѣ“. Какой страшный урокъ былъ преподанъ этимъ юношею разнымъ ученымъ колпакамъ!..

При именахъ Жуковского и Батюшкова нельзя не вспомнить имени князя Вяземскаго. Онъ дѣйствовалъ какъ поэтъ и какъ критикъ, и въ обоихъ случаяхъ дѣятельность его всегда вызывалась какимъ-нибудь обстоятельствомъ. Всѣ стихотворенія его—то, что французы называютъ *pièces de circonstance*. Общій характеръ ихъ—свѣтскій, са-

лонный; но между ними нѣкоторые показы-ваютъ въ поэтѣ живого свидѣтеля вечера жизни Державина, воспитанника Карамзина, друга Жуковского и Батюшкова. Какъ авторъ двухъ статей критическаго содержанія—„О характерѣ Державина“ и „О жизни и сочиненіяхъ Озерова“, князь Вяземскій болѣе замѣчателенъ, нежели какъ поэтъ. Въ этихъ статьяхъ онъ является критикомъ, въ духѣ своего времени, но безъ всякаго педантизма судить свободно, не какъ ученый, а какъ простой чело-вѣкъ съ умомъ, вкусомъ и образованіемъ, и излагаетъ свои мысли съ увлекательнымъ жаромъ и краснорѣчіемъ, изящнымъ языкомъ. Съ появленія Пушкина для князя Вяземскаго настала новая эпоха дѣятельности: стихотворенія его, не измѣнившись въ духѣ, измѣнились къ лучшему въ формѣ; а прозаическія статьи его (какъ на-примѣръ разговоръ классика съ романтикомъ вмѣсто предисловія къ „Бахчисарайскому Фонтану“) много способствовали къ освобожденію русской литературы отъ предразсудковъ французскаго псевдо-классицизма.

Съ 1813 года начали проникать въ русскіе журналы темныя слухи о какомъ-то *романтизмѣ*. Въ „Духѣ Журналовъ“ даже переведена была грозная статья противъ Августа Шлегеля, въ защиту классическаго французскаго театра. Вмѣстѣ съ *романтизмомъ* стали вкрадываться въ наши журналы слухи о какомъ-то великомъ англійскомъ поэтѣ г-нѣ *Биронѣ*, *Бейронѣ* или *Байронѣ*¹⁾. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 года было напечатано маленькое стихотвореніице Пушкина „На смерть Кутузова“²⁾. Въ „Россійскомъ Музеумѣ, или Журналѣ Европейскихъ Новостей“ на 1815 годъ, издававшемся В. Измайловымъ, то и дѣло печатались ли-цейскія стихотворенія Пушкина. Но въ учениѣ и подражателѣ Державина, Жуковского и Батюшкова, никто еще не предугадывалъ будущаго великаго поэта Россіи... Въ 1820 году появилась въ свѣтъ первая поэма Пушкина „Русланъ и Людмила“, а въ журналѣ „Сынъ Отечества“ съ этого времени стали появляться мелкія его стихотворенія... Тогда-то возгорѣлась ожесточенная война на перьяхъ между классицизмомъ и романтизмомъ и начался крутой переворотъ въ литературныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ... Карамзинскій періодъ русской литературы кончился...

1843 г.

¹⁾ Ср. съ аналогичнымъ мѣстомъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“—т. I, стр. 60—61.

²⁾ См. это стихотвореніе въ началѣ слѣдующей четвертой статьи и тамъ же наше примѣчаніе къ нему.

Статья четвертая.

Имѣлъ онъ иъсенъ дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобный

Великія рѣки состояются изъ множества другихъ, которыя, какъ обычную дань, несутъ имъ обиліе водъ своихъ. И кто можетъ разложить химически воду, напримеръ, Волги, чтобъ узнать въ ней воды Оки или Камы? Принявъ въ себя столько рѣкъ, и большихъ и малыхъ, Волга пышно катитъ свои собственные волны, и всѣ, зная о ея безчисленныхъ похищеніяхъ, не могутъ указать ни на одно изъ нихъ, плывя по ея широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ, преображенномъ видѣ. Можно сказать и доказать, что безъ Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что онъ ихъ ученикъ; но нельзя сказать, и еще менѣе доказать, чтобъ онъ что-нибудь заимствовалъ отъ своихъ учителей и образцовъ, или чтобъ гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь онъ не былъ неизмѣримо выше ихъ. Поэзія Державина была преждевременною, а потому и неудавшеюся попыткою на народную поэзію. Могучій геній Державина явился слишкомъ не въ-время и не могъ найти въ народной жизни своего отечества какіе-нибудь элементы, какое-нибудь содержаніе для поэзіи. Общество его времени хорошо понимало поэзію патронажства, лести и угодничества, но о всякой другой поэзіи не имѣло рѣшительно никакого понятія, и, слѣдовательно, не имѣло въ ней никакой потребности, никакой нужды. Слава Державина была основана не на общественномъ мнѣніи, котораго тогда не было ни признака, ни тѣни, особенно въ дѣлѣ литературы; нѣтъ, слава Державина была основана на просвѣщенномъ вниманіи немногихъ къ его таланту. И если во всей Россіи того времени было человѣкъ десять, или двадцать, болѣе или менѣе умѣвшихъ цѣнить этотъ высокій талантъ, то остальные, человѣкъ сто или двѣсти, изъ которыхъ состояла тогдашняя читающая публика, кричали о немъ съ голоса первыхъ, сами хорошенько не понимая собственнаго крика. Гдѣ-жъ тутъ было явиться истинной поэзіи и великому поэту? Правда, природа производитъ таланты, не спрашиваясь времени, и не справляясь нужны они или нѣтъ; но вѣдь великіе поэты творятся не одною природою; они творятся и обществомъ, т.-е. историче-

скимъ положеніемъ общества. Думать, что поэта составляетъ одинъ талантъ—значить грубо ошибаться. Разумѣется, прежде всего поэтомъ дѣлаетъ человѣка талантъ; но къ этому *также* необходимы еще и характеръ, и образованіе, и направленіе, которые зависятъ отъ общества, среди котораго является поэтъ. Чтобъ поэтически воспроизводить дѣйствительность, мало одного природнаго таланта; — нужно еще, чтобъ подъ рукою поэта была поэтическая дѣйствительность. Хорошо было грекамъ творить ихъ изящныя, исполненныя идеальной красоты статуи, когда греческіе художники и на площадяхъ, и на улицахъ, и на рынкахъ безпрестанно встрѣчали то мужчинъ съ головою Зевеса, съ станомъ Аполлона, то женщинъ съ выраженіемъ величаво-строгой красоты Паллады, съ роскошными формами Афродиты, или обаятельною прелестью Харитъ. Только итальянскимъ живописцамъ среднихъ вѣковъ былъ доступенъ идеалъ Мадонны, ибо типъ ея они видѣли безпрестанно въ прекрасныхъ женщинахъ свсего богатаго красотою отечества. Странное дѣло! Всѣ понимаютъ, что нельзя сдѣлаться великимъ живописцемъ, имѣя какой бы то ни было великій талантъ, если въ годы изученія искусства нѣтъ хорошихъ натурщиковъ; всѣ понимаютъ, что великій живописецъ, творя идеальную красоту, все-таки нуждается, во время своей работы, въ образцѣ дѣйствительности; а никто не хочетъ понять, что точно такъ же и для великихъ поэтовъ образцомъ ихъ идеальныхъ созданій служить тоже окружающая ихъ дѣйствительность. Природа творитъ великихъ полководцевъ, когда ей угодно, а не только на случай войны; но безъ войны и великій полководецъ проживетъ весь свой вѣкъ, даже и не подозрѣвая, что онъ—великій полководецъ; только во времена сильныхъ движеній общественныхъ люди, одаренные отъ природы большими военными способностями, дѣлаются великими полководцами. Чопорный, натянутый Расинъ въ древней Греціи былъ бы страстнымъ и глубокомысленнымъ Эврипидомъ; а во Франціи, въ царствованіе Людовика XIV, и самъ страстный, глубокомысленный Эврипидъ былъ бы чопорнымъ и натянутымъ Расиномъ. Таково вліяніе исторіи и общества на талантъ! У насъ этого не хотятъ и знать. Кричатъ о Державинѣ, что онъ геній; стиховъ его давно уже совсѣмъ не читаютъ, а считаютъ чуть не безбожниками тѣхъ, кто осмѣливается

говорить, что *теперь* поэзія Державина—слишкомъ непитательная и невкусная пища для эстетическаго вкуса ¹⁾). Повторяемъ не разъ уже сказанное и, смѣемъ надѣяться, доказанное нами, что, при всей огромности таланта, который мы и не думаемъ отрицать, и предъ которымъ мы умѣемъ благоговѣть больше, нежели всѣ крикуны и лицемеры, вопіющіе противъ насъ—Державинъ не принадлежитъ къ тѣмъ вѣчно-юнымъ геніямъ, которыхъ созданія никогда не старѣются, всегда новы и интересны. Поэзія Державина была блестящею и интересною попыткою, для успѣха которой не были готовы ни русское общество, ни русскій языкъ, ни образованіе самого поэта. Эта поэзія, носящая на себѣ всѣ родовые признаки своего времени, а потому, для насъ русскихъ имѣющая свой историческій интересъ; но какъ время этой поэзіи, такъ и сама эта поэзія чужды всякаго дѣйствительнаго и опредѣленнаго идеальнаго содержанія, которое дается только сильно развитою народною жизнію. Лучшее, что есть въ поэзіи Державина,—это намеки на поэзію, часто недостигающіе цѣли по ихъ неопредѣленности и темнотѣ; проблески поэзіи, часто погасающіе въ водяной массѣ риториче-скихъ словъ, это несвязный дѣтскій поэтический лепетъ, но еще не поэзія. Въ поэзіи Державина есть и полетистая возвышенность, и могучая крѣпость, и яркость великолѣпныхъ картинъ, и, несмотря на ея подражательность, есть что-то отзывающееся стихіями сѣверной природы; но все это является въ ней не въ стройныхъ созданіяхъ, вѣрныхъ и выдержанныхъ по концепціи и отличающихся художественною полнотою и оконченностію, но отрывочно, мѣстами, проблесками. Словомъ, это еще не поэзія, а только стремленіе къ поэзіи.

Задумчивая и мечтательная поэзія Жуковскаго совершенно чужда главнаго недостатка поэзіи Державина: она исполнена содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишена разнообразія и многосторонности. Ни одному поэту такъ много не обязана русская поэзія въ ея историческомъ развитіи, какъ Жуковскому; и между тѣмъ, въ созданіяхъ Жуковскаго поэзія является не столько искусствомъ, сколько служительницею и провозвѣстницею тайнъ внутренней жизни. Жуковский—романтикъ въ духѣ среднихъ вѣковъ, а не художникъ. По своей натурѣ онъ чуждъ этой способности, совершенно поэтической и артистической, свободно переноситься во всѣ сферы жизни и воспроизводить ея явленія въ ихъ разнообразіи и свойственной каждому изъ нихъ особенности.

Ему чуждо это свойство Протея, принимать всѣ виды и формы и оставаться въ то же время самимъ собою,—это свойство, въ которомъ заключается сущность поэзіи, какъ искусства. Поэзія Жуковскаго была отголо-скомъ его жизни, вздохомъ по утраченнымъ радостямъ, разрушеннымъ надеждамъ, поэтической тризною надъ умершимъ для очарованія сердцемъ. Поэзія души и сердца, она чужда всѣхъ другихъ интересовъ и рѣдко выходитъ изъ-за магическаго круга неопредѣленныхъ стремленій и туманныхъ мечтаній. Это ея величайшій недостатокъ, но это же и ея величайшее достоинство. Она была необходима не для самой себя, а какъ средство къ развитію русской поэзіи; она явилась не какъ готовая уже поэзія, подобно Палладѣ, родившейся во всеоружіи, а какъ моментъ возникавшей русской поэзіи. Она обогатила русскую поэзію содержаніемъ, котораго ей не доставало: указала ей на богатые и неисчерпаемые источники европейской поэзіи, которой явленія умѣла съ непостижимымъ искусствомъ усваивать русскому языку. Сверхъ того, Жуковский далеко подвинулъ впередъ и русскій языкъ, придавъ ему много гибкости и поэтическаго выраженія.

Въ поэзіи Батюшкова преобладаетъ элементъ чисто художественный. Это видно и въ фактурѣ его стиха, и вообще въ пластическомъ характерѣ формъ его произведеній; это же видно и въ артистическомъ, полномъ страсти стремленіи его къ наслажденію, къ вѣчному пиру жизни; это же видно и въ разнообразіи предметовъ его поэтическихъ пѣсенъ. Это преимущества поэзіи Батюшкова передъ поэзіею Жуковскаго; но поэзія Жуковскаго несравненно богаче поэзіи Батюшкова содержаніемъ. Поэзія Батюшкова скользитъ по жизни, едва зацѣпляясь за нее; содержаніе ея весьма скудно и бѣдно. Самая художественность стиха его не достигла полнаго своего развитія. Батюшковъ любилъ произвольныя усѣченія прилагательныхъ; между превосходнѣйшими стихами у него встрѣчаются негладкіе и даже не-поэтическіе; сверхъ того, вѣрный преданіямъ русской поэзіи и примѣру отца ея—Ломоносова, Батюшковъ очень и очень не чуждъ риториче-скихъ словъ.

Вотъ въ короткихъ словахъ все, что было сказано нами въ предшествовавшихъ трехъ статьяхъ. Приступая, наконецъ, къ критическому обзорѣ поэтической дѣятельности Пушкина, мы почли за нужное повторить сказанное нами въ прежнихъ статьяхъ, чтобъ яснѣе показать читателямъ историческую связь Пушкина съ предшествовавшими ему поэтами.

Мы видѣли, что эти поэты, оказавшіе

¹⁾ См. во второмъ томѣ статью № 46.

такія великія услуги рождающейся русской поэзіи, только способствовали ея рожденію, но не родили ея, болѣе были предтечами поэта, чѣмъ поэтами. Безъ сравненія съ Пушкинымъ, каждый изъ нихъ—поэтъ; но если сравнивать ихъ съ нимъ, нельзя не согласиться, что между ними и Пушкинымъ такое же отношеніе, какъ между большими рѣками и еще несравненно большею, которая составляется изъ ихъ соединенныхъ водъ, поглощаемыхъ ею.

Пушкинъ явился именно въ то время, когда только - что сдѣлалось возможнымъ явленіе на Руси поэзіи, какъ искусства. Двѣнадцатый годъ былъ великою эпохою въ жизни Россіи. По своимъ слѣдствіямъ онъ былъ величайшимъ событіемъ въ исторіи Россіи послѣ царствованія Петра Великаго. Напряженная борьба на смерть съ Наполеономъ пробудила дремавшія силы Россіи и заставила ее увидѣть въ себѣ силы и средства, которыхъ она дотолѣ сама въ себѣ не подозрѣвала. Чувство общей опасности сблизило между собою сословія, пробудило духъ общности и положило начало гласности и публичности, столь чуждыхъ прежней патріархальности, впервые столь жестоко поколебанной. Чтобъ видѣть, какое огромное вліяніе имѣли на Россію великія событія 1812—1814 годовъ, достаточно прислушаться къ толкамъ старожиловъ, которые съ горестію говорятъ, что съ двѣнадцатаго года и климатъ въ Россіи измѣнился къ худшему и все стало дороже: добряки не понимаютъ, что дороговизна эта была необходимымъ слѣдствіемъ увеличивавшихся нуждъ образованной жизни, слѣдовательно, признакомъ сильно двинувшейся впередъ цивилизации. Въ это время, вслѣдствіе ея же вызванныхъ событий, Франція, столько времени боровшаяся со всею Европою и ознакомившаяся въ этой борьбѣ со всѣми сосѣдями, уже начала отрекаться отъ своихъ литературныхъ предразсудковъ. Она увидѣла, что у сосѣдей ея есть не только умъ и талантъ, но и богатая литература; она поняла, что Корнель и Расинъ еще не исключительные представители творческаго изящества, а Шекспиръ, Гёте и Шиллеръ—совсѣмъ не представители замѣчательныхъ дарованій, искаженныхъ дурнымъ вкусомъ и незнаніемъ истинныхъ правилъ искусства; она догадалась даже, что ни классическая „Ars Poetica“ Горация, ни подражательная ей „L'Art Poétique“ Буало, ни теорія Баттё, ни критика Лагарпа уже не могутъ быть эстетическимъ Кораномъ, и что въ туманныхъ умозрѣніяхъ Нѣмцевъ вообще и романтическихъ созерцаніяхъ Шлегелей въ частности есть много истиннаго и вѣрнаго касательно искусства. Словомъ, романтизмъ вторгся и во Францію,

тѣсни и изгоняя ея псевдо-классическій китаизмъ, основанный на гордой мысли, что только однимъ Французамъ Богъ далъ и умъ, и вкусъ, отказавъ въ этихъ дарахъ всѣмъ другимъ націямъ. Франція жадно прислушивалась къ мрачнымъ и громовымъ звукамъ лиры Байрона, предчувствуя въ нихъ свое собственное возрожденіе къ новой жизни, и поэтическіе рассказы Вальтеръ Скотта о среднихъ вѣкахъ появлялись уже на французскомъ языкѣ почти въ то же время, какъ появлялись въ Лондонѣ на англійскомъ. Паденіе военного терроризма Наполеона развязало Франціи руки не только въ политическомъ отношеніи, но и въ отношеніи къ наукѣ и литературѣ: ненавидимые и гонимые имъ „идеологи“ свободно и ревностно принялись за свое дѣло; литература и поэзія ожили. Это имѣло прямое и сильное вліяніе на нашу литературу. Когда увѣнчанная славою Россія начала отдыхать отъ своихъ побѣдъ и торжествъ, и процвѣтать миромъ въ „гордомъ и полномъ довѣрія покоѣ“¹⁾, наши обветшалые и заплѣсневѣлые журналы того времени и патріархъ ихъ, „Вѣстникъ Европы“, начали терять свое вліяніе и перестали, со своими запоздалыми идеями, быть оракулами читающей публики. Явилась новая публика, съ новыми потребностями, публика, которая изъ самыхъ источниковъ иностранныхъ, а не изъ заплѣсневѣлыхъ русскихъ журналовъ начала почерпать понятія и сужденія о литературѣ и искусствахъ, и которая начала слѣдить за успѣхами ума человѣческаго, наблюдая ихъ собственными глазами, а не черезъ тусклые очки устарѣвшихъ педантовъ. Около двадцатыхъ годовъ въ „Сынѣ Отечества“ начались споры за романтизмъ; вскорѣ послѣ того появились альманахи, какъ прибѣжище новыхъ литературныхъ потребностей и новаго литературнаго вкуса, которые съ 1825 года нашли своего представителя и выразителя въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, да не подумаютъ читатели, чтобъ въ этомъ поверхностномъ quasi-романтизмѣ мы видѣли какую-то великую истину, дѣйствительность которой и теперь не подвержена сомнѣнію. Нѣтъ, такъ называемый романтизмъ двадцатыхъ годовъ, этотъ недоразумѣвшійся юноша съ немного-растрепанными волосами и чувствами, *теперь* смѣшонъ со своими старыми претензіями; его *высшіе взгляды* теперь сдѣлались косыми, близорукими, а сбивчивыя и неопредѣленные теоріи превратились въ пустыя фразы и обветшалыя слова. Но всякому свое! Справедливость требуетъ согласиться, что въ свое время тотъ псевдо-

¹⁾ Стихъ Лермонтова.

романтизмъ принесъ великую пользу литературѣ, освободивъ ее отъ болотной стоячести и заплѣсневѣлости и указавъ ей столько широкихъ и свободныхъ путей. Доводительствомъ этого можетъ служить, что лучшіе поэтическіе труды Жуковскаго совершены имъ или около, или послѣ двадцатыхъ годовъ, какъ-то: переводъ „Торжества Побѣдителей“, „Жалобы Цереры“, „Элевзинскаго Праздника“, „Орлеанской Дѣвы“, „Ундины“ и проч. Даже самый стихъ Жуковскаго сдѣлалъ съ того времени большой шагъ впередъ. Батюшковъ умеръ для русской литературы въ самое время этого перелома, и потому новое литературное направление не имѣло на него вліянія. Тѣмъ не менѣе можно предполагать съ достовѣрностію, что безъ этого несчастнаго случая въ жизни Батюшкова его ожидала бы эпоха обильнѣйшей и высшей дѣятельности, нежели та, какую онъ успѣлъ обнаружить, и что только тогда узнали бы русскіе, какой великій талантъ имѣли они въ немъ. При всей художественности, при всей пластичности стиха Батюшкова, ему все еще чего-то недостаетъ: видно, что оставалось ему сдѣлать только небольшой шагъ, и въ то же время видно, что этотъ шагъ суждено было сдѣлать человѣку новому и свѣжему, незатвердѣвшему въ литературныхъ преданіяхъ. Этимъ человѣкомъ былъ Пушкинъ...

Приступая къ критическому обозрѣнію твореній Пушкина, мы будемъ строго держаться хронологическаго порядка, въ какомъ являлись они. Пушкинъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ отличается именно тѣмъ, что по его произведеніямъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его не только какъ поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка и характера. Стихотворенія, написанныя имъ въ одномъ году, уже рѣзко отличаются, и по содержанію и по формѣ, отъ стихотвореній, написанныхъ въ слѣдующемъ. И потому его сочиненій никакъ нельзя издавать по родамъ, какъ издаются сочиненія Державина, Жуковскаго и Батюшкова, особенно перваго и послѣдняго. Это обстоятельство чрезвычайно важно: оно говоритъ сколько о великости творческаго гения Пушкина, столько и объ органической жизненности его поэзіи,—органической жизненности, которой источникъ заключался уже не въ одномъ безотчетномъ стремленіи къ поэзіи, но въ томъ, что почвою поэзіи Пушкина была живая дѣйствительность и всегда плодотворная идея. Между тѣмъ, въ безобразномъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина 1838 года (восьмъ томовъ), стихотворенія расположены по родамъ, раздѣленіе которыхъ основывалось на произволѣ лица, которому была поручена

редакція. Вотъ почему въ нашей статьѣ, несмотря на то, что въ заглавіи ея выставлено изданіе 1838 года, мы будемъ руководствоваться изданными при жизни самого поэта изданіями 1826, 1829, 1832 и 1835 годовъ. Но прежде всего мы остановимся на его „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ IX-мъ томѣ 1841 года. Нѣкоторые господа сильно нападали на издателей трехъ послѣднихъ томовъ сочиненій Пушкина за помѣщеніе его „лицейскихъ“ стихотвореній, говоря, что это сдѣлано для наполненія книжекъ хоть какимъ-нибудь матеріаломъ за недостаткомъ хорошаго, и что печатать произведенія поэта, которыхъ онъ самъ не считалъ достойными печати, значитъ оскорблять его память. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе такой мысли. Мы очень уважаемъ дарованія и таланты такихъ поэтовъ, какъ Веневитиновъ, Полежаевъ, Баратынскій, Козловъ, Давыдовъ и другіе, но все-таки думаемъ, что изъ уваженія къ нимъ же не слѣдуетъ печатать ихъ слабыя произведенія, тѣмъ болѣе, что они никому и ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть интересны, а между тѣмъ могутъ повредить извѣстности этихъ авторовъ. Но когда дѣло идетъ о такихъ поэтахъ и писателяхъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Грибоедовъ и въ особенности Пушкинъ и Лермонтовъ.—то каждая строка, написанная ихъ рукою, принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него, ибо она напоминаетъ собою или черту ихъ времени, или фактъ о ихъ образѣ мыслей и характерѣ.

„Лицейскія“ стихотворенія Пушкина, кромѣ того, что показываютъ, при сравненіи съ послѣдующими его стихотвореніями, какъ скоро выросъ и возмужалъ его поэтический гений,—особенно важны еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ видна историческая связь Пушкина съ предшествовавшими ему поэтами; изъ нихъ видно, что онъ былъ сперва счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова, прежде чѣмъ явился самостоятельнымъ мастеромъ. Впервые, — сколько помнимъ мы,—появилось стихотвореніе Пушкина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 г. Онъ написалъ его (когда ему не было и *четырнадцати* лѣтъ отъ роду) при полученіи извѣстія о смерти Кутузова.

Стихотвореніе это не попало въ собраніе сочиненій Пушкина, а потому, для рѣдкости, мы и выписываемъ его здѣсь:

Отечество въ слезахъ—познало вѣсть ужасну!
Кутузовъ кончилъ вѣкъъ средѣ славы и побѣдъ,
Надежду нашъ злодѣй нитаетъ пусть напрасну,
Что будто бы ему преграды болѣ вѣтъ;
Кутузова парить духъ будетъ надъ рядами!
Народъ, средѣ коего сей мужъ родиться могъ,

Не преклонить главы предъ хищными врагами,
Возникнетъ новый вождь, и будетъ съ нами Богъ! ¹⁾

Часто стали появляться въ печати стихотворенія Пушкина въ 1815 г., въ „Россійскомъ Музеумѣ“, журналѣ, издававшемся Владиміромъ Измайловымъ. Всѣ они являлись тамъ съ подписью только начальныхъ буквъ имени и фамиліи Пушкина, и всѣ они, по подлиннымъ рукописямъ покойнаго поэта, помѣщены въ IX-мъ томѣ его сочиненій, между „лицейскими“ стихотвореніями. Потомъ стихотворенія Пушкина стали появляться въ „Сынѣ Отечества“, и большая часть ихъ вошла уже въ сдѣланныя имъ самимъ изданія его сочиненій.

„Лицейскія“ стихотворенія не богаты поэзіею но часто удивляютъ красотою и изяществомъ стиха. Фактура этого стиха совсѣмъ не пушкинская: она принадлежитъ Жуковскому и Батюшкову. Далеко уступая этимъ поэтамъ въ поэзіи, Пушкинъ—едва шестнадцатилѣтній юноша—иногда не только не уступалъ имъ въ стихѣ, но еще едва ли не смѣлѣе и не бойчѣе владѣлъ имъ. Изъ нихъ только три пьесы уже слишкомъ плохи, а именно: „Бова“ (*отрывокъ изъ поэмы*), „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ и „Безвѣріе“. Первая пьеса написана Пушкинымъ явно въ подражаніе „Ильѣ Муромцу“ Карамзина, которому она, впрочемъ, нисколько не уступаетъ въ достоинствѣ стиха и вымысла. Подобно „Ильѣ Муромцу“ Карамзина, „Бова“ не конченъ, вѣроятно, по одной и той же причинѣ: мысль обѣихъ этихъ пьесъ такъ дѣтски ложна и поддѣльна, что изъ нея ничего не могло выйти цѣлаго, и оба поэта сами соскучились ею, не доведя ея до конца. По самому началу „Бовы“ видно, что „Илья Муромецъ“ Карамзина, слишкомъ восхищавшій юный вкусъ Пушкина, разманилъ его затѣять эту поэму:

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шопеленомъ и съ Рифматовымъ
Воспѣвать героевъ сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ пѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ—
Я хочу, чтобъ меня поняли
Всѣ отъ мала до великаго.

¹⁾ Подъ этимъ стихотвореніемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 года дѣйствительно стоитъ подпись А. Пушкинъ; но принадлежитъ оно не А. С. Пушкину, какъ полагалъ БѢлинскій, а Алексѣю Михайловичу Пушкину (1769—1825), дальнему родственнику великаго поэта, переводчику Мольера и Расина и крайне слабому стихотворцу, что видно и изъ приведеннаго восьмистишія. Такими дубовыми виршами не писалъ даже четырнадцатилѣтній Пушкинъ.

За Мильтономъ и Камозисомъ
Опасался я безъ крылъ парить ¹⁾.
Но вчера, въ архивахъ рояся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Не правда ли, что это очень напоминаетъ столь знакомое и презнакомое всѣмъ начало „Ильи Муромца“? ²⁾ Пьеса „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ отличается сатирическимъ и сантиментальнымъ характеромъ, столь свойственнымъ нашей старинной поэзіи. Она написана до того плохими стихами, что намъ, привыкшимъ подъ пушкинскимъ стихомъ разумѣть высшее изящество стиха, странно думать, что эти стихи писаны Пушкинымъ, хотя бы и тринадцатилѣтнимъ:

Возможно-ль, милая Кламена!
Какая странная во вкусѣ перемѣна:
Ты любишь обовать не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву *зелену*
Искусствомъ *превращенну*
Въ пушистый порошокъ?

Въ заключеніи онъ желаетъ быть табакѣмъ:

... Но если ужъ табакъ
Столь нравится тебѣ... о, пылъ воображенія!
Ахъ! еслибъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ заточеньи,
Я въ *персты* пѣжины твои попасться могъ,
Тогда-бъ, въ сердечномъ восхищеніи,
Разсыпался на грудь
Но что! мечта, мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
О, доля человека злая!
Ахъ!.. отчего я не.. табакъ!

„Безвѣріе“—дидактическая пьеса, которая сотнями писалась въ блаженное старое время, риторическое распространеніе какой-нибудь темы плохими стихами.

Въ дѣтскихъ и юношескихъ опытахъ Пушкина замѣтно вліяніе даже Капниста и Василя Пушкина. Больше всего видно на нихъ вліяніе Жуковского и, особенно, Батюшкова; но вліяніе Державина почти совсѣмъ незамѣтно. Это не значитъ, чтобъ въ натурѣ Пушкина, какъ художника, не было ничего родственнаго съ поэтическою натурою Державина, или чтобъ Пушкинъ не любилъ Державина и не восхищался его произведеніями. Напротивъ, Пушкинъ благоговѣлъ передъ Державинымъ. Въ запискахъ

¹⁾ Далѣе недостаетъ шести стиховъ, не пропущенныхъ въ то время цензурой, а потому и неизвѣстныхъ БѢлинскому:

Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаной обитать въ раю,
Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитой:
Не бывалъ я грѣховодникомъ!

²⁾ См. наст. изд. т. I, стр. 52.

своихъ онъ съ такою любовію рассказываетъ, какъ на лицейскомъ публичномъ экзаменѣ читалъ онъ, въ двухъ шагахъ отъ Державина, свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ и восхитилъ ими маститаго поэта. Это было въ 1815 году; Пушкину было тогда шестнадцать лѣтъ. Этотъ случай Пушкинъ всегда считалъ великимъ событіемъ въ своей жизни. Онъ упоминаетъ о немъ въ одномъ изъ своихъ „лицейскихъ“ стихотвореній— „Къ Жуковскому“; тутъ же, съ юношескимъ восторгомъ, упоминаетъ и объ одобреніи Карамзина, Дмитріева и того поэта, къ которому обращено было это посланіе,—одобреніе, которымъ они привѣтствовали его дѣтскіе опыты:

Благослови, поэтъ, въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и муза мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паденья,
Но пылкаго смръсть не въ страхъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣбахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ

музъ любимый,
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливомъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ гениемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукою
И счастье мнѣ предрекъ незнаемое мною,
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты-ль мнѣ руку далъ, въ завѣтъ любви свя-
щенной?
Могу-ль забыть я васъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молніею струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно соединясь, въ восторгахъ пламенѣла? ¹⁾

Въ другое, позднѣйшее время, въ эпоху мужественной зрѣлости своего гения, Пушкинъ, говоря о своей музѣ, сдѣлалъ поэтический намекъ на лучшее воспоминаніе своей юности:

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Но при всемъ этомъ громогласный одовоспѣвательный характеръ державинской поэзіи былъ столько не въ натурѣ и не въ духѣ Пушкина, что на его „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ ея вліянія. Только одна *кантата* „Леда“ изъ всѣхъ „лицейскихъ“ стихотвореній отзывается языкомъ Державина, но, вмѣстѣ, и Батюшкова; а самый родъ пьесы (кантата) напоминаетъ одного Державина. Этимъ почти и оканчивается все сближеніе.

¹⁾ Нами исправлены мелкія ошибки какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ цитатахъ изъ Пушкина, приведенныхъ Бѣлинскимъ.

Но если сравнить, въ „Онѣгинѣ“ и другихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина, картины русской природы—именно осени и зимы, то нельзя не увидѣть, что онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то родственности съ державинскими картинами въ томъ же родѣ. Этого нельзя доказать сравнительными выписками изъ того и другого поэта; но это очевидно для людей, которые способны проникать далѣе буквы и отыскивать аналогію въ духѣ поэтическихъ произведеній. Проблескивающіе по временамъ и мѣстами элементы державинской поэзіи суть живопись сѣверно-русской природы, народность, сатира и художественность; все это составляетъ полноту и богатство поэзіи Пушкина, и все это достигло въ ней своего совершеннаго развитія и опредѣленія. Державинская поэзія, въ сравненіи съ пушкинской, это—заря предразсвѣтная, когда бываетъ ни ночь, ни день, ни полночь, ни утро, но едва начинается борьба тьмы со свѣтомъ; брежетъ невѣрный полумракъ, обманчивый полусвѣтъ; вдали на небѣ какъ будто бѣлѣетъ полоса свѣта и въ то же время догораютъ готовые погаснуть ночныя звѣзды, а всѣ предметы являются въ неестественной величинѣ и ложномъ видѣ. Пушкинская поэзія, въ сравненіи съ державинскою, это—роскошный, полный сіянія и блеска полдень лѣтняго дня: всѣ предметы земли озарены свѣтомъ неба и являются въ своемъ собственномъ, опредѣленномъ, ясномъ видѣ, и самая даль только дѣлаетъ ихъ болѣе поэтическими и прекрасными, а не ложными и безобразными... Словомъ, поэзія Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзія пушкинская, а поэзія пушкинская есть во-время явившаяся и вполне достигшая своей опредѣленности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзія державинская...

Пьесы: *Къ Наташѣ, Разсудокъ и Любовь, Къ Машѣ, Слеза, Погребъ, Истина, Застольная Пѣсня, Демія, Стансы* (изъ Вольтера), *Къ Деліи, Къ ней, Мѣсяцъ, Я Лилу слушалъ у клавира, Къ Жуковскому, Пирующіе Друзья, Къ Дельвигу, Фіаль Анакреона, Къ Дельвигу, Фавнъ и Пастушка, Къ Животисцу, Сновидѣніе, Романсъ*,—всѣ эти пьесы по изобрѣтенію, по формѣ и по именамъ Лилы, Нины, Маши, Наташи и т. п., напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы, или, по крайней мѣрѣ, ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ. Такъ, напри- мѣръ, пьеса „Къ Живописцу“ написана какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены или Плѣниры; а пьесы: *Слеза, Погребъ, Истина* написаны какъ будто на мотивъ извѣстной

прелестной пѣсенки Дениса Давыдова „Мудрость“, которая начинается куплетомъ:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонтъ,
По бокалу осушали,
Да просили мудрость вонъ.

Чтобъ дать понятіе о духѣ этой школы, представителями которой были Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, В. Пушкинъ, Давыдовъ, мы выпишемъ коротенькое стихотвореніе Пушкина „Сновидѣніе“:

Недавно обольщенъ прелестнымъ сновидѣніемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя—
И сердце билось наслажденіемъ
Я страсть свою у ногъ въ восторгахъ изъяснялъ.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

Въ посланіи „Къ Жуковскому“ Пушкинъ разсуждаетъ, въ довольно прозаическихъ стихахъ, о литературныхъ вопросахъ, особенно занимавшихъ дядю его, Василия Пушкина, и ту эпоху, которой В. Пушкинъ былъ однимъ изъ представителей. В. Пушкинъ въ прозаическихъ, но иногда очень острыхъ сатирахъ нападалъ на плохихъ стихотворцевъ и славянофиловъ — враговъ Карамзина — того времени. Въ посланіи своемъ „Къ Жуковскому“ молодой Пушкинъ подъ влияніемъ дяди своего также нападаетъ на риѣмачей и славянофиловъ и судить о русской литературѣ. Риѣмачей называетъ онъ „варягами“:

Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжатъ Варяговъ строй.

Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ;
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ

журналомъ;
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Оэпису ими свить.
Вѣ, руку наложивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, встаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной

душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

Читая эти стихи, невольно переносишься въ то блаженное время нашей литературы, о которой теперь, за исключеніемъ пожилыхъ и записныхъ литераторовъ, немногіе имѣютъ понятіе. Въ этомъ посланіи слогъ,

фактура стиха, понятія, взглядъ на вещи — все принадлежитъ времени, которое предшествовало Жуковскому и Батюшкову и проглядѣло ихъ явленіе. Но тутъ есть нѣчто и самостоятельное, принадлежащее Пушкину, какъ представителю уже новаго поколѣнія: это жестокая нападка на Тредьяковскаго и, въ особенности, на Сумарокова:

Ты-ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіемъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Ра-

синомъ?

Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему-ль оспаривать лавровый тотъ вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ

пѣвецъ,

Веселье Россіянъ, полуночное диво?
Нѣтъ! въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лиръ костенѣли.

Замѣчательнъ еще въ этомъ посланіи юношескій жаръ и рьяность, съ какими Пушкинъ призываетъ талантливыхъ пѣвцовъ на брань съ писателями. Онъ указываетъ имъ на Феба, сражающаго Пиеона, и требуетъ мщенія за погибшаго жертвою зависти Озерова:

Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиеона:
Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижимыми

крылами,

Къ вамъ Озерова духъ вызываетъ, други, мечь!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ званья дали

вѣсть.

Летите на враговъ — и Фебъ и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный вздоръ,
Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...

Въ заключеніе, молодой поэтъ рѣшается, не боясь гоненій и зависти невѣждъ и риѣмачей, „ученью руку давъ“, смѣло идти прямою дорогою... Это значило возвѣстить о себѣ довольно громко: послѣдствія показали, что этотъ юноша имѣлъ полное на то право...

Въ пьесахъ: *Наслажденіе*, *Къ принцу Оранскому*, *Сраженный Рымаръ*, *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* и *Наполеонъ на Эльбѣ*, замѣтно влияніе Жуковскаго: въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музыки Жуковскаго, стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго, въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученика отъ учителя.

„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ написаны звучными и сильными стихами, хотя вся пьеса эта не болѣе, какъ декламация и риторика. Такими же стихами написана и пьеса „Наполеонъ на Эльбѣ“, содержаніе которой теперь кажется забавно-дѣтскимъ. Пушкинъ заставлятъ Наполеона „свирѣпо

прошептать" разныя ругательства на самого себя, превозносить своихъ враговъ, а о себѣ самомъ отзываться какъ объ ужасномъ mauvais sujet. Между прочимъ, Наполеонъ у него *свирѣпо прошептыиваетъ*:

„Полночи царь молодой! ты двинулъ ополченія,
И гибель вѣдѣ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могучаго паденье—
И миръ землѣ и радость небесамъ,
А мнѣ—позоръ и поношеніе!“

Чему удивляться, что шестнадцатилѣтній мальчикъ такъ смотрѣлъ на Наполеона въ то время, какъ на него такъ же точно смотрѣли и престарѣлые и возмужавшіе поэты! Гораздо удивительнѣе, что этотъ мальчикъ черезъ *пять* лѣтъ послѣ того сказалъ о Наполеонѣ:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ
И лучъ безсмертія горитъ!

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей депъ
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Эти стихи и особенно этотъ взглядъ на Наполеона, какъ освѣжительная гроза, раздались, въ 1821 году ¹⁾, надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общихъ мѣстъ, и многіе поэты, престарѣлые и возмужалые, прислушивались къ нему съ удивленіемъ, поднимавъ встревоженные головы вверхъ, словно гуси на громъ...

Но между „лицейскими“ стихотвореніями гораздо болѣе ознаменованныхъ сильнымъ вліяніемъ Батюшкова. Таковы пьесы: *Къ Натальѣ, Къ молодой Актрисѣ, Князю А. М. Горчакову, Осгаръ, Эвлага, Воспоминаніе (Пушину), Сонъ (отрывокъ), Къ молодой Вдовѣ, Мосъ Завѣщанье Друзьямъ, Наполеонъ, Къ Г...ву, Мечтатель, Къ П...у, Къ Б...ву, Городокъ*. Даже въ пьесахъ, написанныхъ подъ вліяніемъ другихъ поэтовъ, замѣтно въ то же время и вліяніе Батюшкова: такъ гармонировала артистическая натура молодого Пушкина съ артистическою натурою Батюшкова! Художникъ инстинктивно узналъ художника, и избралъ его преимущественнымъ образцомъ своимъ. Это показываетъ, до какой степени силенъ былъ въ Пушкинѣ художническій инстинктъ. Какъ ни много любилъ онъ поэзію Жуковскаго, какъ ни сильно увлекался обаятельностью ея романтическаго содержанія, столь могущественною надъ юною душою, но онъ нисколько

не колебался въ выборѣ образца между Жуковскимъ и Батюшковымъ, и тотчасъ же безсознательно подчинился исключительно вліянію послѣдняго. Вліяніе Батюшкова обнаруживается въ „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ Пушкина не только въ фактурѣ стиха, но и въ складѣ выраженія, и особенно во взглядѣ на жизнь и ея наслажденія. Во всѣхъ ихъ видна нѣга и упоеніе чувствъ, столь свойственныя музѣ Батюшкова; и въ нихъ проглядываетъ мѣстами унылость и веселая шутливость Батюшкова. Пушкинъ занялъ у него даже любимыя имена, и въ особенности *Хлою* и *Делію*, и манеру пересыпать свои стихотворенія мифологическими именами Купидона, Амура, Марса, Аполлона и проч., и любимыя его выраженія *питерская сторона, дѣвственная лилея* и тому подобныя. Вспомните стихотворенія Батюшкова, заимствованныя имъ изъ Парни, и потомъ посланіе „Къ П—ну“, и сравните съ нимъ пьесы Пушкина „Къ Натальѣ“ и „Къ Молодой Вдовѣ“: вы увидите въ нихъ Пушкина ученикомъ Батюшкова:

Ночь придетъ—и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньи;
Вижу въ легкомъ одѣяньи
Будто милая со мной:
Робко сладостно дыханье,
Бѣлой груди колыханье,
Свѣтъ затмившей бѣлизной—
И полуоткрыты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи—
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!..
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, молюсь, нѣмѣю...

Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой пѣжный Селадонъ?
Ты еще не повидаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться?—Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владѣлецъ я серала,
Не Арапъ, не Турокъ я;
За учтиваго Китайца,
Грубаго Американца
Почитать меня нельзя.
Не представь и нѣмчурю
Съ копакомъ на волосахъ,
Съ кружкой пивомъ налитомъ
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не представь кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ—
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки...

По отдѣлкѣ и стиху это стихотвореніе слишкомъ отзывается дѣтскою незрѣлостію; но слѣдующее и по стихамъ напоминаетъ Батюшкова:

Лила! другъ мой неизмѣнный
Почему сквозь легкій сонъ,
Часто нѣгой утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему въ любви счастливой

¹⁾ Это стихотвореніе Пушкина, написанное въ 1821 году, было впервые напечатано только въ 1826-мъ году.

Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый,
Устремляешь въ темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои—
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей?
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно-ль слезы проливать?
Вѣчно-ль мертвого супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ,
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбевъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Откровенной дружбы слезы
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И блаженствомъ упоенный,
На груди твоей уснулъ.
Спитъ увѣнчанный счастливцемъ!
Вѣрь любви—невинны мы—
Нѣтъ! разгнѣванный ревнивецъ,
Не придетъ изъ вѣчной тьмы;
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовника не станетъ,
Вызывая спящій день!

Пьесы „Осгаръ“ и „Эвлега“ навѣяны скандинавскими стихотвореніями Батюшкова. Въ то время пользовалось большою извѣстностію дѣйствительно прекрасное посланіе Батюшкова къ Жуковскому—„Мои Пенаты“. Оно родило множество подражаній. Пушкинъ написалъ, въ родѣ и духѣ этого стихотворенія, довольно большую пьесу „Городокъ“.

Философомъ лѣнливымъ,
Отъ шума вдаль,
Живу я въ городкѣ
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнаты простыя—
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И твани выпесныя
Не кроютъ ихъ пакеты;
Окошки въ садѣ веселы,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу снѣгъ даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлеснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучный;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрыпитъ по мостовой,

Иль путникъ въ домикъ мой
Пришелъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится..

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленький Эротъ;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!

Подобно Батюшкову, Пушкинъ, въ этомъ стихотвореніи, говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ, которые заняли мѣсто на полкахъ его избранной библіотеки. Только онъ говоритъ не объ однихъ русскихъ писателяхъ, но и объ иностранныхъ.

друзья мнѣ—мертвецы,
Парнасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ;
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозанки шутивы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Овъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ пинтъ;
Всѣхъ больше перечитанъ.
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста. Тасса внукъ—
Скажу-ль?.. Отецъ Кандида—
Онъ все; вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргирій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ,
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ грацій—
Съ Державиннымъ потомъ
Чувствительный Гораций
Являются вдвоемъ,
И ты, пѣвецъ любезный,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Вавюша Лафонтенъ!
Ты здѣсь—и Дмитревъ рѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперстникъ милый
Психей легкокрылой!
О, добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться.
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ! ¹⁾
Воспитаннымъ Амуромъ,

¹⁾ Богдановичъ.

Прим. Бѣлинскаго.

Вержье, Парни съ Грекуромъ
 Укрылись въ уголокъ,
 (Не разъ они выходятъ
 И сонъ отъ глазъ отводятъ
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ,
 Съ Мольеромъ-исполиномъ
 Фонвизинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный аристархъ
 Является отважно
 Въ шестнадцати томахъ,
 Хоть страшно стихоткачу
 Лагарпа видѣть вкусъ,
 Но часто, признаюсь,
 Надъ нимъ я время трачу.
 Кладбище обрѣли
 На самой нижней полкѣ
 Всѣ школьнически толки,
 Лежащія въ пыли.
 Визгова сочиненья,
 Глупона пѣснонѣны,
 Извѣстныя творенья,
 Увы! однѣмъ мышамъ!
 Миръ вѣчный и забвенье
 И прозѣ и стихамъ!
 Но ими огражденну
 (Ты долженъ это знать)
 Я спряталъ потаенну
 Сафьянную тетрадь.
 Сей свитокъ драгоценный,
 Вѣками береженный
 Отъ члена русскихъ силъ,
 Двоюроднаго брата,
 Драгунскаго солдата
 Я даромъ получилъ,
 Ты, кажется, въ сомнѣньи?
 Не трудно отгадать,
 Такъ, это сочиненья,
 Презрѣвшія печать.
 Хвала вамъ, чада славы,
 Враги парнасскихъ узъ!
 О, князь, наперсникъ музъ,
 Люблю твои забавы;
 Люблю твой колкій стихъ
 Въ посланіяхъ твоихъ;
 Въ сатирѣ—знанье свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣзвости куплета
 Игриву остроту—
 И ты,

¹⁾
 Какъ, въ юношески лѣты,
 Въ волнахъ туманной Леты,
 Ихъ гуртомъ потопилъ;
 И ты замысловатый
 „Буянова“ пѣвецъ,
 Въ картинахъ столь богатый
 И вкуса образецъ;
 И ты, путникъ безцѣнный,
 Который Мельпомены

Котурны и книжалъ
 Игривой Талы далъ!
 Чья кисть мнѣ парисуетъ,
 Чья кисть скомпонируетъ
 Такой оригиналъ?
 Тутъ вижу я: съ Чернавкой
 Подщица слезы льетъ.

Но назову-ль дѣтину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнилъ лишь собой!
 О, ты, высотъ Парнаса
 Бояринъ небольшой,
 Но пылаго Пегаса
 Наѣздникъ удалой!
 Намаранныя оды
 Убранство чердаковъ,
 Гласящія изъ роды въ роды:
 Великъ, великъ—Свистовъ!
 Твой даръ цѣнить умѣю,
 Хоть, право, незнаюкъ;
 Но здѣсь тебѣ не смѣю
 Хвалы сплетать вѣнокъ:
 Свистовскимъ должно слогомъ
 Свистова воспѣвать;
 Но убирайся съ Богомъ!
 Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
 Не стану я писать.

Несмотря на явную подражательность Батюшкову, которою запечатлѣна эта пьеса, въ ней есть нѣчто и свое, пушкинское: это не стихъ, который довольно плохъ, но шаловливая вольность, чуждая того, что французы называютъ *pruderie* и столь свойственная Пушкину. Онъ нисколько не думаетъ скрывать отъ свѣта того, что всѣ дѣлаютъ съ наслажденіемъ наединѣ, но о чемъ всѣ при другихъ говорятъ тономъ строгой морали; онъ называетъ всѣхъ своихъ любимыхъ писателей... Юношеская заносчивость, безпрестанно придирающаяся сатирою къ бездарнымъ писакамъ и, особенно, главѣ ихъ, извѣстному Свистову, также характеризуютъ Пушкина ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ изъ „лицейскихъ“ стихотвореній сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто пушкинскій элементъ поэзіи. Такими пьесами считаемъ мы слѣдующія: *Окно*, „элегія“ (числомъ восемь), *Гораций*, *Усы*, *Желаніе*, *Заздравный Кубокъ*, *Къ товарищамъ передъ выпускомъ*. Онѣ не всѣ равнаго достоинства, но нѣкоторыя, по тогдашнему времени, просто прекрасны. А тогдашнее время было очень невзыскательно и неразборчиво. Оно издало (1815—1817) *двѣнадцать* томовъ „Образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ“ и потомъ (1822—1824) ихъ же переиздало съ исправленіями, дополненіями и умноженіемъ, и наконецъ, не удовольствуясь этимъ,

¹⁾ И ты, насмѣшникъ смѣлый,
 Въ ней мѣсто получилъ,
 Чей въ адѣ стихъ веселый
 Поэтовъ раздражилъ,—

намекъ на Батюшкова и его ненапечатанную сатиру „Видѣніе на берегахъ Леты“. Въ предыдущихъ и послѣдующихъ стихахъ идетъ рѣчь послѣдовательно о Богдановичѣ, Висковатовѣ („Визговъ“), князѣ Горчаковѣ, Батюшковѣ, В. Пушкинѣ, Крыловѣ и Барковѣ („Свистовъ“).

¹⁾ Обыкновенно „Свистовымъ“ называли извѣстнаго графомана той эпохи, гр. Хвостова, на что и намекаетъ Бѣлинскій; но теперь доказано, что въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ говорилъ о Барковѣ, см. статью Б. Никольскаго въ „Истор. Вѣстникъ“ 1899 г., т. 77.

напечатало (1821—1822) „Собрание новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ“, и „Собрание новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1822 по 1825 годъ“. Большая часть этихъ „образцовыхъ“ сочиненій весьма легко могли бы почтяться образчиками бездарности и безвкусицы. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ Пушкина были дѣйствительно одною изъ лучшихъ пьесъ этого сборника, а Пушкинъ никогда не помѣщалъ этой пьесы въ собраніи своихъ сочиненій, какъ будто не признавая ее своею, хотя она и напоминала ему одну изъ лучшихъ минутъ его юности! И потому стихотворенія Пушкина, о которыхъ мы начали говорить, имѣли бы полное право, особенно *тогда*, смѣло идти за образцовыя и не въ такомъ сборникѣ; — только черезъ мѣру строгій художнической вкусъ Пушкина могъ исключить изъ собранія его сочиненій такую пьесу, какъ, напримѣръ, „Гораціи“¹⁾. Переводъ изъ Горація, или оригинальное произведеніе Пушкина въ гораціанскомъ духѣ, — что бы ни была она, только никто ни изъ старыхъ, ни изъ новыхъ русскихъ переводчиковъ и подражателей Горація не говорилъ такимъ гораціанскимъ языкомъ и складомъ и такъ вѣрно не передавалъ индивидуальнаго характера гораціанской поэзіи, какъ Пушкинъ въ этой пьесѣ, къ тому же и написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать въ нихъ живого Горація?—

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлалъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашой забывалъ,
И кудри, плющемъ увигыя
Сирійскимъ мирромъ умащалъ?
Ты помнишь часть ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирить,
Бѣжалъ, нечестно броса щить,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапно тучей
Меня покрылъ и въ даль умчалъ
И спасъ отъ смерти неминуей.
А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ тѣнь моихъ пенатов!
Давайте чаши! не жалѣй
Ни вина моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши; мальчишь! лей;
Теперь нестати воздержанье;
Какъ дикій Скиѣ, хочу я пить

¹⁾ Бѣлипскій ошибочно считалъ это стихотвореніе „лицейскимъ“; наоборотъ, оно написано Пушкинымъ незадолго передъ смертію (въ 1835 году). Оно является близкимъ переводомъ оды Горація „Ad Pompejum“ (Оды, кн. II, ода VII).

И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

Въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина свободно переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны, виденъ тотъ Пушкинъ, который, при концѣ своего поприща, нѣсколькими терцинами въ духѣ дантовой „Божественной комедіи“ познакомилъ Русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всевозможные переводчики, какъ можно познакомиться съ Дантомъ, только читая его въ подлинникѣ... Въ слѣдующей маленькой элегіи уже виденъ будущій Пушкинъ — не ученикъ, не подражатель, а самостоятельный поэтъ:

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множить
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожить.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя дума, объята тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тѣмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру—любя

Въ пьесѣ „Къ товарищамъ передъ выпускномъ“ вѣетъ духъ, уже совершенно чуждый прежней поэзіи. И стихъ, и понятіе, и способъ выраженія — все ново въ ней, все имѣетъ корнемъ своимъ простой и вѣрный взглядъ на дѣйствительность, а не мечты и фантазіи, облеченныя въ прекрасныя фразы. Поэтъ, готовый съ товарищами своими выйти на большую дорогу жизни, мечтаетъ не о томъ, что всѣ они достигнутъ и богатства, и славы, и почестей, и счастья, а предвидитъ то, что всего чаще и всего естественнѣе бываетъ съ людьми.

Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветь насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ:
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не чести, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зрѣть себя.

Несмотря на всю незрѣлость и дѣтскій характеръ первыхъ опытовъ Пушкина, изъ нихъ видно, что онъ глубоко и сильно сознавалъ свое призваніе, какъ поэта, и смотрѣлъ на него, какъ на жречество. Его восхищала мысль объ этомъ призваніи, и онъ говоритъ въ посланіи къ Дельвигу:

Мой другъ! и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліали пламень вдохновенья!

Жажда славы сильно волновала эту молодую и пылкую душу, и заря поэтического бессмертія казалась ей лучшею цѣлью бытія:

Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Бессмертію души моей
Бессмертіе своихъ твореній.

Такихъ и подобныхъ этимъ стиховъ, доказывающихъ, сколь много занимало Пушкина его поэтическое призваніе, очень много въ его „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ. Между ними замѣчательно стихотвореніе „Къ моей Чернильницѣ“:¹⁾

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразный
Тобой украсилъ я.
*Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмелья
И праздничный бокалъ!*
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенія
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И музу призывалъ
На пиръ воображенія.

Сокровища мои
На дѣ твою таятся.
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣвѣю примирилъ:
Она твоя подруга;
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный..
Завѣтный твой кристаллъ
Хранить огонь небесный;
И подъ-вечеръ, когда
*Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженія.
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То подлой шутки соль,
То странность рѣчмы новой,
Неслыханной дотолъ.*

Вотъ уже какъ рано проснулся въ Пушкинѣ артистическій элементъ: еще отрокомъ, безъ всякаго труда находя въ чернильницѣ концы своихъ стиховъ, думалъ онъ о вѣрности выраженія и задумывался надъ неожиданнымъ стеченіемъ звуковъ или словъ и странною дотолѣ неслыханной новой рѣчмы! Къ какимъ же чертамъ принадлежитъ вольность и смѣлость въ понятіяхъ и словахъ. Въ одномъ посланіи онъ говоритъ:

Устрой гостямъ пирушку;
На столикъ вощаной
Поставь *пивную кружку*
И кубокъ пуншевой.

¹⁾ И это стихотвореніе Бѣлинскій, вслѣдъ за издателями Пушкина, ошибочно причислялъ къ „лицейскимъ“: оно написано въ 1821 году.

За исключеніемъ Державина, поэтической натурѣ котораго никакой предметъ не казался низкимъ, изъ поэтовъ прежняго времени никто не рѣшился бы говорить въ стихахъ о *пивной кружкѣ*, и самый *пуншевый кубокъ* каждому изъ нихъ показался бы прозаическимъ: въ стихахъ тогда говорилось не о *кружкахъ*, а о *фѣалахъ*, не о *пивѣ*, а объ амброзіи и другихъ благородныхъ, но не существующихъ на бѣломъ свѣтѣ напиткахъ. Затѣявъ писать какую-то новгородскую повѣсть „Вадимъ“, Пушкинъ въ отрывкѣ изъ нея употребилъ стихъ: „Но *тынь* обросъ крапивою дикой“ Слово *тынь*, взятое прямо изъ міра славянской и новгородской жизни, поражаетъ сколько своею смѣлостію, столько и поэтическимъ инстинктомъ поэта. Изъ прежнихъ поэтовъ едва ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности этого слова. Мы нарочно приводимъ эти, повидимому, мелкія черты изъ „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина, чтобы ими указать на будущаго преобразователя русской поэзіи и будущаго національнаго поэта. Теперь странно видѣть какую-то смѣлость въ употребленіи слова *тынь*; но мы говоримъ не о теперешнемъ, а о прошломъ времени: что легко теперь, то было трудно прежде. Теперь всякій рѣмачъ смѣло употребляетъ въ стихахъ всякое русское слово, но тогда слова, какъ и слогъ, раздѣлялись на высокія и низкія, и фальшивый вкусъ строго запрещалъ употребленіе послѣднихъ. Нуженъ былъ талантъ могучій и смѣлый, чтобы уничтожить эти австралійскія *табу* въ русской литературѣ. Теперь смѣшно читать нападки тогдашнихъ аристарховъ на Пушкина—такъ они мелки, ничтожны и жалки; но аристархи впрямъ считали себя хранителями чистоты русскаго языка и здраваго вкуса, а Пушкина—исказителемъ русскаго языка и вводителемъ всяческаго литературнаго и поэтического безвкусія...

Изъ тѣхъ „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина, которыя мы называли лучшими и наиболѣе самостоятельными его произведеніями, нѣкоторыя въ послѣдствіи онъ измѣнилъ и передѣлалъ, и внесъ въ собраніе своихъ сочиненій. Такова, напримѣръ, пьеса „Друзьямъ“:

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожитъ васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцать веселья на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златые ночи,
*И на любовь устремлены
Огнемъ исполненные очи!*
Играйте, пойте, о, друзья!

Утрагьте вечеръ скоротечный;
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнулся я.

Впоследствии Пушкинъ такъ передѣлалъ эту пьесу:

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златая ночь,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи
Играйте, пойте, о, друзья!
Утрагьте вечеръ скоротечный,
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнулся я.

Черезъ уничтоженіе первыхъ восьми стиховъ и перемѣну одиннадцатаго и двѣнадцатаго изъ безобразнаго куска мрамора вышла прелестная статуэтка... Мы не знаемъ, были ли переправлены Пушкинымъ другія изъ „лицейскихъ“ его стихотвореній, или они съ перваго раза удачно написались,— только значительное число ихъ вошло въ собраніе его сочиненій, изданныхъ въ 1826 и 1829 году ¹⁾. Такъ какъ собраніе 1826 года, вышедшее маленькою книжкою, потомъ все вошло въ слѣдующее четырехтомное изданіе (1829 — 1835), составивъ первую его часть, — то мы и будемъ ссылаться въ нашемъ разборѣ только на это послѣднее изданіе, тѣмъ болѣе, что оно выходило въ свѣтъ подъ редакціею самого Пушкина.

Итакъ, въ первый томъ и отчасти во второй „Сочиненій Александра Пушкина“ (1829) много вошло его „лицейскихъ“ стихотвореній 1815 — 1817 годовъ, и потомъ такихъ его стихотвореній, которыя писаны имъ вскорѣ по выходѣ изъ лицея и которыя, вмѣстѣ съ „лицейскими“, вошедшими въ первый томъ изданія, можно охарактеризовать именемъ *переходныхъ*. Въ нихъ виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей; поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный и — если можно такъ выразиться — общающій Пушкина, но еще не Пушкинъ. Въ этихъ *переходныхъ* стихотвореніяхъ видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшею ему литературою, и они перемѣшаны съ пьесами, въ которыхъ виденъ уже зрѣлый талантъ и въ которыхъ Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси.

Таковыми *переходными* пьесами считаемъ мы слѣдующія: *Къ Лицинію*, *Гробъ Анакреона*, *Пробужденіе*, *Друзьямъ*, *Пѣвецъ*, *Амуръ и Гименей*, *Ш***ву*, *Торжество Вакха*, *Разлука*, *П***ну*, *Дельвигу*, *Выздоровленіе*, *Прелестницъ*, *Жуковскому*, *„Увы, зачѣмъ она*

блистаетъ“, *Русалка*, *Стансы Т-му, В-му, Кривцову*, *Черная Паль*, *Дочери Карасорія*, *Война*, *„Я пережилъ мои мечтанья“*, *Гробъ юности*, *Къ Овидію*, *Пѣснь о Вѣщемъ Олѣ*, *Друзьямъ*, *Гречанкѣ*, *„Сводъ неба мракомъ обложился“*, *Телта Жизни*, *Прозерпина*, *Вакхическая Пѣсня*, *Козлову*, *Ты и Вы*, и нѣсколько эпиграммъ, которыми оканчивается вторая часть и которыми Пушкинъ заплатилъ невольную дань тому времени, когда онъ вышелъ на поэтическое поприще. Эпиграммы, мадригалы, надписи къ портретамъ были тогда въ большомъ ходу и составляли особенный родъ поэзіи, которому въ нѣмкахъ посвящалась особая глава. Только Державинъ и Жуковский не писали эпиграммъ ¹⁾, но Батюшковъ былъ до нихъ большой охотникъ, и, вѣроятно, его-то примѣръ особенно увлекъ Пушкина.

Замѣчательно, что во второй части собранія стихотвореній Пушкина уже меньше *переходныхъ* пьесъ, а въ третьей ихъ совсѣмъ нѣтъ: въ ней содержатся только пьесы, проникнутыя насквозь самобытнымъ духомъ Пушкина и отличающіяся всѣмъ совершенствомъ художественной формы его созрѣваго и возмужавшаго генія. Въ первой части всего болѣе *переходныхъ* пьесъ; но въ ней же между *переходными* пьесами есть довольно и такихъ, которыя, по содержанію и по формѣ, обличаютъ уже оригинальность и самостоятельность, составляющія характеръ пушкинской поэзіи. Чтобы яснѣе было нашимъ читателямъ, что мы разумѣемъ подъ „переходными“ стихотвореніями Пушкина, мы поименуемъ и противоположныя имъ чисто пушкинскія пьесы, находящіяся въ первой части; онѣ начинаются не прежде, какъ съ 1819 года, въ такомъ порядкѣ: *Мечтателю*, *Уединеніе* (которое впрочемъ только по содержанію, а не по формѣ, можно отнести къ числу чисто пушкинскихъ пьесъ), *Домовому*, *Н. Н.*, *Недоконченная Картина*, *Возрожденіе*, *„Погасло дневное свѣтило“*, и въ особенности начинающіяся съ 1820: *Виноградъ*, *О, дѣва-роза, я въ оковахъ*, *Доридъ*, *„Рѣднѣтъ облаковъ летучая гряда“*, *Переида*, *Доридъ*, *Ч***ву*, *„Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ“*, *„Умолю скоро я“*, *Муза*, *Діонея*, *Дѣва*, *Примѣты*, *Земля и Море*, *Красавица передъ зеркаломъ*, *Алексѣеву*, *Ч***ву*, *„Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“*, *„Простили ли мнѣ ревнивыя мечты“*, *„Ненастный день потухъ“*, *„Ты вянешь и молчишь“*, *Къ Морю*, *Коварность*, *„Ночной Зефиръ“* и *Подражаніе Корану*. Обо всѣхъ этихъ пьесахъ наша рѣчь впе-

¹⁾ Теперь извѣстно, что почти всѣ эти стихотворенія были значительно переработаны Пушкинымъ для изданія 1826 года.

¹⁾ Это не вѣрно: у Державина есть рядъ эпиграммъ, но онѣ не вошли въ то изданіе 1843 года, которое было въ рукахъ Бѣлинскаго, а впервые собраны въ академическомъ изданіи 60—70-хъ годовъ.

реди; скажемъ сперва нѣсколько словъ только о „переходныхъ“.

Въ переходныхъ пьесахъ Пушкинъ больше всего является счастливымъ ученикомъ прежнихъ мастеровъ, особенно Батюшкова,—ученикомъ, побѣдившимъ своихъ учителей. Стихъ его уже лучше, чѣмъ у нихъ, и пьесы, въ цѣломъ, отличаются большею выдержанностію. Собственно пушкинскій элементъ въ нихъ составляетъ элегическая грусть, преобладающая въ нихъ. Съ перваго раза замѣтно, что грусть болѣе къ лицу музѣ Пушкина, болѣе родственна ей, чѣмъ веселая и шаловливая шутливость. Часто иная пьеса начинается у него игриво и весело, а заключается унылымъ чувствомъ, которое, какъ финальный аккордъ въ музыкальномъ сочиненіи, одинъ остается на душѣ, изглаживая въ ней всѣ предшествовавшія впечатлѣнія. Маленькое стихотвореніе „Друзьямъ“ можетъ служить образцомъ такихъ пьесъ и доказательствомъ справедливости нашей мысли. Поэтъ говоритъ о шумномъ днѣ разлуки, о буйномъ пирѣ Вакха, о кликахъ безумной юности, при громѣ чашъ и звукѣ лиръ, и о той широкой чашѣ, которая, удовлетворяя скифскую жажду, вмѣщала въ свои широкіе края цѣлую бутылку,—и вдругъ эта веселая, шаловливая картина неожиданно заключается такою элегическою чертой.

Я пилъ, и думою сердечной
Во днѣ минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.

Но грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованіе нѣжной, но слабой души; нѣтъ, это всегда грусть души мощной и крѣпкой, и тѣмъ обаятельнѣе дѣйствуетъ она на читателя, тѣмъ глубже и сильнѣе отзывается въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца, и тѣмъ гармоничнѣе потрясаетъ его струны. Пушкинъ никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души и не допускающая его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхиваетъ головою, какъ левъ гривую, чтобы отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ. Такъ и въ приведенной нами сейчасъ пьесѣ внезапное чувство мгновенной грусти тотчасъ же смѣнилось у него бодрымъ и широкимъ размахомъ прояснѣвшей души:

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь псечезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ нѣма
Подъ закипѣвшею струей.

Изъ *переходныхъ* пьесъ Пушкина лучшія тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти, такъ что пьесы, вовсе лишенныя его, отзываются какою-то прозаичностію, а при немъ и незначительныя пьесы получаютъ значеніе. Такъ, напримѣръ, пьеска „Я пережилъ мои желанья“, какъ ни слаба она, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя своимъ послѣднимъ куплетомъ:

Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Сколько этой поэтической грусти, этого поэтического раздумья въ прелестномъ стихотвореніи „Гробъ Юноши“!

А онъ увялъ во цвѣтѣхъ лѣтъ:
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычною думою зоветъ...
Къ чему...?

Все окончаніе этой прекрасной пьесы, заключающее въ себѣ картину гроба юноши, дышитъ такою свѣтлою, ясною и отрадною грустію, какую знала и дала знать міру только поэтическая душа Пушкина... Пьеса „Къ Овидію“ въ цѣломъ сбивается нѣсколько на старинный дидактическій тонъ посланій, но въ немъ много прекраснаго и, особенно, начиная съ стиха: „Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ“, до стиха: „Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки“, и лучшую сторону этого стихотворенія составляетъ его элегическій тонъ.

Изъ „переходныхъ“ стихотвореній Пушкина слабѣйшими можно считать: *Русалку*, *Черную Шаль*, *Сводъ неба мракомъ обложился*. „Русалка“ прекрасна по идеѣ, но поэтъ не совладѣлъ съ этою идеею,—и кто хочетъ понять, до какой степени прекрасна и исполнена поэзіи эта идея, тотъ долженъ видѣть превосходное произведеніе нашего даровитаго живописца Моллера. Въ этой картинѣ художникъ воспользовался заимствованною имъ у поэта идеею несравненно лучше, чѣмъ самъ поэтъ. „Русалка“ Пушкина отзывается юношескою незрѣлостію; „Русалка“ Моллера есть богатое и роскошное созданіе зрѣлаго таланта.—„Черная Шаль“ при своемъ появленіи возбудила фуроръ въ русской читающей публикѣ, но, подобно „Гусару“ Батюшкова, теперь какъ-то опошлится и чрезвычайно нравится любителямъ „пѣсенниковъ“. Теперь очень не рѣдкость услышать, какъ поетъ эту пьесу какой-нибудь разгульный простолудинъ, вмѣстѣ съ пѣсней

О. Глинки: „Вотъ мчится тройка удалая“, или: „Ты не повѣришь, какъ ты мила“... „Сводъ неба мракомъ обложился“ есть не что иное, какъ отрывокъ изъ новгородской поэмы „Вадимъ“, которую затѣвалъ-было Пушкинъ въ своей юности, и которой суждено было остаться неоконченною. Одинъ отрывокъ помѣщенъ между „лицейскими“ стихотвореніями, въ IX томѣ, подъ названіемъ „Сонъ“, и Пушкинъ не хотѣлъ его печатать. Стихъ отрывка „Сводъ неба мракомъ обложился“ хорошъ, но прозаиченъ. Герои, выставленные Пушкинымъ въ этомъ отрывкѣ — *Славяне*; одинъ старикъ, другой прекрасный юноша съ кручиною въ глазахъ —

На немъ одежда Славянина
И на бедрѣ славянской мечъ;
Славявъ вотъ очи голубыя,
Вотъ ихъ и волосы златыя,
Волнами падшіе до плечъ.

Старикъ—человѣкъ бывалый: ¹⁾

Видалъ онъ дальнія страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, въ дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена.
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури, къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ скальдовъ изступленныхъ
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.

Очевидно, что это не тѣ Славяне, которые втихомолку отъ исторіи и украдкою отъ человѣчества жили да поживали себѣ въ степяхъ, болотахъ и дебряхъ нынѣшней Россіи; но Славяне карамзинскіе, которыхъ существованіе и образъ жизни не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію только въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Изъ такихъ Славянъ нельзя было сдѣлать поэмы, потому что для поэмы нужно дѣйствительное содержаніе, и ея героями могутъ быть только дѣйствительные люди, а не ученые фантазіи и не историческія гипотезы... Кто видалъ славянскіе мечи? Дреколя и теперь можно видѣть... Кто видалъ славянскую боевую одежду временъ баснословнаго Вадима, или баснословнаго Гостомысла?... Лапти и сермяги можно и теперь видѣть...

„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“—совсѣмъ другое дѣло: поэтъ умѣлъ набросить какую-то поэтическую туманность на эту болѣе лирическую, чѣмъ эпическую пьесу,—туманность, которая очень гармонируетъ съ историческою отдаленностію представленнаго въ ней героя и событія, и съ неопредѣленностію глухого

преданія о нихъ. Оттого пьеса эта исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышаетъ разлитый въ ней элегическій тонъ и какой-то чисто русскій складъ изложенія. Пушкинъ умѣлъ сдѣлать интереснымъ даже коня Олега, — и читатель раздѣляетъ съ Олегомъ желаніе взглянуть на кости его боевого товарища:

Вотъ вѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра.
Лежатъ благородныя кости;
*Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль...*

Вся пьеса эта удивительно выдержана въ тонѣ и въ содержаніи; послѣдній куплетъ удачно замыкаетъ собою поэтический смыслъ пѣлаго и оставляетъ на душѣ читателя полное впечатлѣніе:

Ковши круговые, запѣваясь, шипятъ
На тринѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина шируетъ у берега;
Бойцы поминуютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Нельзя того же сказать о всѣхъ „переходныхъ“ пьесахъ Пушкина въ отношеніи къ выдержанности и цѣлостности; во многихъ изъ нихъ не чувствуешь, чтобъ онѣ были кончены на мѣстѣ, или чтобъ въ нихъ не было сказано лишняго, или чтобъ въ нихъ было сказано, что бы можно и должно было сказать. Этого недостатка совершенно чужды пьесы чисто пушкинскія, и совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ этого недостатка Пушкинъ рѣзко отдѣляется отъ всѣхъ предшеествовавшихъ ему поэтовъ.

Исчисляя пьесы Пушкина въ первой части, мы не упомянули объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ — „Наполеонъ“. Это стихотвореніе двойственно: въ нѣкоторыхъ куплетахъ его видишь Пушкина самобытнаго, а въ нѣкоторыхъ чувствуешь что-то переходное. Такія мысли, высказанныя такими стихами, какъ эти, могли принадлежать только великому поэту:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Искушены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душевною изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полночный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынь,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ

¹⁾ Вѣлинскій ошибочно относитъ нижеслѣдующіе стихи къ „старикѣ“: они относятся, наоборотъ, къ „юношѣ“ Вадиму.

Въ изгнаньи горькомъ думалъ онъ.
 Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмутитъ уворомъ
 Его развѣчанную тѣнь!
 Хвала!.. онъ русскому народу
 Высокій жребій указалъ,
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Но все остальное въ этой пьесѣ какъ-то рѣзко отзывается тономъ декламации и нѣсколько напряженною восторженностію, подъ которою скрывается болѣе раздраженія, чѣмъ вдохновенія. Впрочемъ, и тутъ много оригинальнаго, что было до Пушкина не слыхано и не видано въ русской поэзіи, какъ, наприкладъ, выраженія: *осужденный властитель, могучій баловень побѣдъ, изгнанникъ вселенной, для котораго настаетъ потомство, обезславленная земля, своенравная воля, блистательный позоръ* и тому подобныя.

Отчасти то же можно сказать и о другомъ превосходномъ произведеніи Пушкина — „Андрей Шенье“, которое помѣщено во второй части и было написано уже въ 1825 году. Пять куплетовъ, которыми начинается эта элегія, сильно отзываются декламациею, которая совсѣмъ не въ натурѣ пушкинскаго духа и которая показываетъ, какъ долго удерживалось на немъ вліяніе воспитавшей его старой школы русской поэзіи. Конечъ этой пьесы тоже нѣсколько натянуть; но середина, отъ стиха: „Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства“ до стиха: „Ты, слава, звукъ пустой“ — исполнены всей очаровательности пушкинской поэзіи.

Есть еще стихотвореніе, котораго мы съ умысломъ не поименовали, чтобы поговорить о немъ особенно: это — „Демонъ“, пьеса, которая при своемъ появленіи поразила всѣхъ изумленіемъ по глубокости высказанной въ ней мысли и по совершенству художнической формы. — Сказать ли?.. Эта пьеса теперь пережила свою славу, и время изрекло надъ ней свой судъ. Есть что-то простодушно юношеское въ ея выраженіи, и теперь нельзя безъ улыбки читать этихъ нѣкогда столь дивныхъ стиховъ:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ впечатлѣнья бытія —
 И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
 И ночью пѣнье соловья —
 Когда возвышенныя чувства,
 Свобода, слава и любовь,
 И вдохновенныя искусства
 Такъ сильно волновали кровь,

и проч. Самъ этотъ демонъ, который прекрасное звалъ мечтою, презиралъ вдохновеніе, не вѣрилъ любви и свободѣ, насмѣшливо смотрѣлъ на жизнь, — самъ онъ теперь давно уже поступилъ въ разрядъ демоновъ средней руки, — и теперь совсѣмъ не нужно быть демономъ, чтобы отъ души смѣяться

надъ *тою* любовію, *тою* свободою, надъ которыми онъ смѣялся. Словомъ, этотъ страшный тогда демонъ, теперь страшенъ развѣ только для слишкомъ юнаго чувства и неопытнаго ума: сердца возмужалыя и умы опытные теперь уже не страшатся и другого демона, пострашнѣе пушкинскаго. Но о „демонѣ“ мы еще будемъ говорить.

Предлагаемая статья есть не что иное, какъ только введеніе въ статьи собственно о Пушкинѣ. Мы имѣли въ виду показать историческую связь пушкинской поэзіи съ поэзіею предшествовавшихъ ему мастеровъ; старались охарактеризовать Пушкина, какъ только еще ученика въ поэзіи. Предоставляемъ судить нашимъ читателямъ, до какой степени успѣли мы въ этомъ. Главный трудъ нашъ еще впереди, и статьи о Пушкинѣ будутъ продолжаться въ „Отеч. Запискахъ“ будущаго года; за ними послѣдуютъ, какъ было обѣщано, статьи о Гоголѣ и Лермонтовѣ. Многие, можетъ быть, недовольны, что эти статьи долго тянутся и безпрестанно прерываются статьями посторонними. Такой упрекъ былъ бы не совсѣмъ основателенъ. Задуманный и начатый нами рядъ статей нисколько не принадлежитъ къ разряду обыкновенныхъ и случайныхъ журнальныхъ критикъ: это скорѣе обширная критическая исторія русской поэзіи; а такой трудъ не можетъ быть совершенъ наскоро и какъ-нибудь, но требуетъ изученія, обдуманности и труда, и времени. Въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ иногда рядъ статей объ одномъ предметѣ тянется не одинъ годъ, и публика нисколько не въ претензіи за эту медленность. Оцѣнить критически такого поэта, какъ Пушкинъ — трудъ не маловажный, тѣмъ болѣе, что о немъ мало сказано, хотя и много писано. Обыкновенно восхищались отдѣльными мѣстами и частностями, или нападали на частныя недостатки, — и потому охарактеризовать особенность поэзіи Пушкина, опредѣлить его значеніе, какъ поэта русскаго, показать его вліяніе на современниковъ и потомство, его историческую связь съ предшествовавшими и послѣдовавшими его поэтами — значитъ предпринять трудъ совершенно новый. Какъ мы выполнимъ его — не наше дѣло судить о томъ; по крайней мѣрѣ, мы хотимъ дѣлать, что можемъ и что обязаны, взявшись за изданіе журнала. Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, происходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другого вмѣстѣ...

Статья пятая.

Взглядъ на русскую критику.—Понятіе о современной критикѣ.—Изслѣдованіе пафоса поэта, какъ первая задача критики.—Пафосъ поэзіи Пушкина вообще.—Разборъ лирическихъ произведеній Пушкина.

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, нль вихоръ буйный,
Нль иволги напѣвъ живой.
Нль ночью моря гуль глухой,
Нль шопоть рѣчки тихоструйной.

Прежде, нежели приступимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ сочиненій Пушкина, которыя запечатлѣны его самобытнымъ творчествомъ, почитаемъ нужнымъ изложить наше воззрѣніе на критику вообще. Доселѣ въ русской литературѣ существовало два способа критиковать. Первый состоялъ въ разборѣ частныхъ достоинствъ и недостатковъ сочиненія, изъ котораго обыкновенно выписывали лучшія или худшія мѣста, восхищались ими или осуждали ихъ, а на цѣлое сочиненіе, на его духъ и идею не обращали никакого вниманія. Съ этимъ способомъ критики русскую литературу познакомили Карамзинъ и Макаровъ: первый своимъ разборомъ сочиненій Богдановича, второй — сочиненій Дмитріева. Такой способъ критики, очевидно, поверхностенъ и мелоченъ, даже ложенъ, ибо если критикъ смотритъ на частности поэтическаго произведенія безъ отношенія ихъ къ цѣлому, то необходимо долженъ находить дурнымъ хорошее и хорошимъ дурное, смотря по произволу своего личнаго вкуса. Подобная критика могла существовать только въ эпоху стилистики, когда на сочиненія смотрѣли исключительно со стороны языка и слога, и восхищались удачною фразою, удачнымъ стихомъ, ловкимъ звукоподражаніемъ и т. п. Теперь такая критика была бы очень легка, ибо для того, чтобъ отличить хорошіе стихи отъ слабыхъ или обыкновенныхъ, теперь не нужно слишкомъ много вкуса, а довольно навыка и литературной смѣтливости. Но какъ все въ мірѣ начинается съ начала, то и такая критика для своего времени была необходима и хороша, и въ то время не всякій могъ съ успѣхомъ за нее браться, а успѣвали въ ней только люди съ умомъ, талантомъ и знаніемъ дѣла. Съ Мерзлякова начинается новый періодъ русской критики: онъ уже хлопоталъ не объ отдѣльныхъ стихахъ и мѣстахъ, но разсматривалъ завязку и изложеніе цѣлаго сочиненія, говорилъ о духѣ писателя, заключающемся въ общности его твореній. Это было значительнымъ шагомъ впередъ для русской критики, тѣмъ болѣе, что Мерзляковъ критиковалъ съ жаромъ, основательностію и

замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Но, несмотря на то, его критика была безплодна, потому что была несвоевременна: онъ критиковалъ на основаніяхъ Баттѣ, Влера, Лагарпа, Эшенбурга, — основаніяхъ, которыя не болѣе, какъ черезъ пять лѣтъ, и въ самой Россіи сдѣлались анахронизмомъ. Съ двадцатыхъ годовъ критика русская¹⁾ начала предъявлять претензіи на философію и высшіе взгляды. Она уже перестала восхищаться удачными звукоподражаніями, красивымъ стилемъ или ловкимъ выраженіемъ, но заговорила о народности, о требованіяхъ вѣка, о романтизмѣ, о творчествѣ и тому подобныхъ дотолѣ неслыханныхъ новостяхъ. И это было также важнымъ шагомъ впередъ для русской критики, ибо если она еще и сама темно и сбивчиво понимала свои требованія, повторяемая ею съ чужого голоса, тѣмъ не менѣе она произвела ими живую реакцію псевдо-классическому направленію литературы. Сверхъ того, она прорвала плотину авторитетства, которая держала литературу въ апатической неподвижности, и идеи замѣняла именами. Такъ, напримѣръ, при всемъ умѣ, дарованіяхъ, учености и образованности, которыми обладалъ Мерзляковъ, онъ отъ души считалъ Хераскова, Сумарокова и Петрова великими поэтами. Романтическая критика первая осмѣлилась сказать правду объ этихъ писателяхъ и столкнуть съ пьедестала ихъ глиняные кумиры, которые сейчасъ же и развалились отъ этого толчка; вѣдь глина — не мѣдъ и не мраморъ! Конечно, какъ псевдо-классическая критика Мерзлякова, въ своей старческой неподвижности, не умѣла видѣть такой же разницы между истиннымъ поэтомъ Державинымъ и риторомъ-поэтомъ Ломоносовымъ, между огромнымъ поэтомъ Державинымъ и прозаическими стихотворцами Сумароковымъ, Петровымъ и Херасковымъ, между самобытнымъ и даровитымъ Фонвизинимъ и между холоднымъ заимствователемъ чужеземныхъ вдохновеній — Княжнинимъ, между народнымъ и геніальнымъ баснописцемъ Крыловымъ и даровитымъ переводчикомъ и подражателемъ Лафонтена Дмитріевымъ, — такъ же точно и мнимо-романтическая критика не замѣчала,

¹⁾ Въ лицѣ Бестужева-Марлинскаго, о которомъ здѣсь и говорится какъ о представителѣ „романтической“ или „мнимо-романтической критики“.

въ запальчивости своего юношескаго одушевленія, неизмѣримой разницы между Пушкинымъ и вышедшими по слѣдамъ его блестящими и даже вовсе не блестящими талантами и талантиками, и, подобно первой, въ короткое время надѣлала, вмѣсто огромныхъ глиняныхъ кумировъ, множество фарфоровыхъ и фаянсовыхъ статуэтокъ. Но, несмотря на то, она дала просторъ уму и фантазій, освободивъ ихъ отъ прокрустова ложа авторитета и стѣснительныхъ условленныхъ правилъ. Жизненность романтической критики болѣе всего доказывается тѣмъ, что она продолжалась менѣе десяти лѣтъ и родила изъ себя другую, болѣе строгую, хотя и не болѣе твердую и опредѣленную критику. Передъ тридцатыми годами и особенно съ тридцатыхъ годовъ русская критика заговорила другимъ тономъ и другимъ языкомъ. Ея притязанія на философскія воззрѣнія сдѣлались настойчивѣе; она начала цитовать, кстати и некстати, не только Жанъ-Поля Рихтера, Шидлера, Канта и Шеллинга, но даже и Платона, заговорила объ эстетическихъ теоріяхъ и грозно возстала на Пушкина и его школу. Даже собственно-романтическая критика, та самая, которая нѣсколько лѣтъ сряду провозглашала Пушкина *сѣвернымъ Байрономъ* (какъ будто бы англійскій Байронъ родился на югѣ, а не на сѣверѣ Европы) и *представителемъ современнаго человечества*, даже и она отложила отъ Пушкина и объявила его чуждымъ *высшимъ взглядамъ и оставшимъ отъ вѣка* ¹⁾... Несмотря на смѣшную сторону этого факта, въ немъ нельзя не признать большого шага впередъ, и нельзя не одобрить этой строгости и требовательности. Смѣшная же сторона состоитъ въ неопредѣленности и шаткости требованій, которыя эта критика предъявляла съ такою суровостію и профессорскою важностію. Тогда ожидали отъ поэта не того, для чего былъ онъ призванъ своею природою и требованіями времени, а подтвержденія и оправданія теоріи, которую составилъ себѣ господинъ критикъ,—и если творенія поэта не улегались плотно на прокрустовомъ ложѣ теоріи критика, критикъ или вытягивалъ ихъ за ноги, или обрубалъ имъ ноги (даже и голову — смотря по обстоятельствамъ), или, наконецъ, объявлялъ, что поэтъ ничтоженъ, малъ, чуждъ высшихъ взглядовъ и отсталъ отъ вѣка. Такъ одинъ „ученый“ критикъ тридцатыхъ годовъ, сравнивая Пушкина съ Байрономъ, нашелъ, что герои поэмъ Пушкина относятся къ героямъ поэмъ Байрона, какъ мелкіе бѣсенята къ сатанѣ, и что, ergo, Пушкинъ никуда не

годится ¹⁾. Этому ученому критику и въ голову не входило, что Пушкинъ такъ же точно не былъ обязанъ быть Байрономъ, какъ Байронъ — Гомеромъ, и что Пушкина должно разсматривать, какъ Пушкина, а не какъ Байрона. Обманутому *вышнимъ* сходствомъ формы поэмъ Байрона, этому ученому критику еще менѣе входило въ голову, что между Пушкинымъ и Байрономъ не было ничего общаго въ направленіи и духѣ таланта, и что, слѣдовательно, тутъ неумѣстно было какое бы то ни было сравненіе. Другой критикъ, не ученый, но зато съ высшими взглядами ²⁾, объявилъ Пушкину опалу за то, что тотъ отсталъ отъ вѣка, т.-е. отъ туманно-неопредѣленныхъ теорій критика. Наконецъ, явился, вскорѣ послѣ того, третій критикъ, изъ ученыхъ ³⁾, который о какомъ бы русскомъ поэтѣ ни заговорилъ, безпрестанно обращался къ итальянскимъ поэтамъ, съ которыми у русскихъ поэтовъ ничего общаго не было и быть не могло. Такимъ образомъ, если псевдоклассическая критика была ложна оттого, что основывалась только на старыхъ авторитетахъ, ничего не зная о явленіи и существованіи новыхъ, а мнимо-романтическая критика была слаба оттого, что, за неимѣніемъ времени, слишкомъ поверхностно, больше по наслышкѣ, чѣмъ изученіемъ, познакомилась съ новыми авторитетами,—то критика тридцатыхъ годовъ была неосновательна отъ избытка эклектическаго знакомства со множествомъ теорій и образцовъ.

Гдѣ же безопасный проходъ между Сциллою безсистемности и Харибдою теорій? Судите поэта безъ всякихъ теорій—ваша критика будетъ отзываться произволомъ личнаго вкуса, личнаго мнѣнія, которое важно для однихъ васъ, а для другихъ — не законъ; судите поэта по какой-нибудь теоріи — вы разовьете, и, можетъ быть, очень хорошо, свою теорію, можетъ быть, очень хорошую, но не покажете намъ разбираемаго вами поэта въ его истинномъ свѣтѣ. Какой же путь должна избрать критика нашего времени?

Гѣте гдѣ-то сказалъ: „Какого читателя желаю я?—такого, который бы *меня, себя и цѣлый міръ забылъ*, и жилъ бы только въ книгѣ моей“. Нѣкоторые нѣмецкіе аристархи оперлись на это выраженіе великаго поэта, какъ на основной краеугольный камень эсте-

¹⁾ Все это — подлинныя выраженія Полевого, который здѣсь выводится подъ именемъ „критика тридцатыхъ годовъ“. (Ср. т. I, стр. 679—682).

¹⁾ Бѣлинскій имѣетъ въ виду Надеждина, который въ своей критической статьѣ о „Полтавѣ“ между прочимъ говорилъ: „ни отъ одной изъ его (Пушкина) поэмъ не пышетъ этою могильною сыростію, отъ которой кровь стынетъ въ жилахъ при чтеніи Байрона. Его герои, въ самыхъ мрачнѣйшихъ провазведеніяхъ его фантазій—каковы: *Братья разбойники* и *Цыгане*—суть не дьяволы, а бѣсенята“... („Вѣстн. Европы“ 1829 г., № 8).

²⁾ Полевой; ср. съ примѣчаніемъ выше.

³⁾ Шевыревъ; см. т. II, статьи №№ 36, 42, 46 и др.

тической критики. И, однакожъ, односторонность гётевой мысли очевидна. Подобное требованіе очень выгодно для всякаго поэта, не только великаго, но и маленькаго: принявъ его на вѣру и безусловно, критика только и дѣлала бы, что кланялась въ поясъ то тому, то другому поэту, ибо такъ какъ все имѣетъ свою причину и основаніе—даже эгоизмъ, дурное направленіе, самое невѣжество поэта, то если критикъ будетъ смотрѣть на произведеніе поэта безъ всякаго отношенія къ его личности, забывъ о самомъ себѣ и о цѣломъ мірѣ,—естественно, что творенія этого поэта,—будь они только ознаменованы большею или меньшею степенію таланта,—явятся непогрѣшительными и достойными безусловной похвалы. При нѣмецкой апатической терпимости ко всему, что бываетъ и дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, при нѣмецкой безличной универсальности, которая, признавая *все*, сама не можетъ сдѣлаться *ничѣмъ*,—мысль, высказанная Гёте, составляетъ искусство цѣлью самому себѣ, и черезъ это самое освобождаетъ его отъ всякаго соотношенія съ *жизнію*, которая всегда выше *искусства*, потому что искусство есть только одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни. Дѣйствительно, нѣмецкая критика при разсматриваніи произведеній искусства, всегда опирается на само искусство и на духъ художника, и потому исключительно возвращается въ тѣсной сферѣ эстетики, выходя изъ него только для того, чтобъ обращаться изрѣдка къ характеристикѣ личности поэта, а на исторію, общество, словомъ, на жизнь—не обращаетъ никакого вниманія. И оттого жизнь давно уже оставила тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые своими произведеніями угождаютъ такой критикѣ! Но, съ другой стороны, мысль Гёте имѣетъ глубокий смыслъ, если ее принимать не безусловно, но какъ первый, необходимый актъ въ процессѣ критики. Чтобъ разбирать критически писателя, прежде всего должно изучить его. Если вы съ кѣмъ-нибудь горячо спорите о важномъ предметѣ, для васъ ничего не можетъ быть больнѣе, какъ если противникъ вашъ, не давая себѣ труда вслушиваться въ ваши слова и взвѣшивать ваши доводы, будетъ придавать имъ другое значеніе, и, слѣдовательно, отвѣчать вамъ не на ваши, а на свои собственные мысли, справедливости которыхъ и не думали вы поддерживать. Если вы хотите, чтобъ съ вами спорили и понимали васъ, какъ должно, то и сами должны быть добросовѣстно внимательны къ своему противнику и принимать его слова и доказательства именно въ томъ значеніи, въ какомъ онъ обращаетъ ихъ къ вамъ. Но еще добросовѣстнѣе и строже должно прилагаться это правило къ критикѣ: разбираемый вами поэтъ, какъ лицо судимое,

часто безотвѣтное, не можетъ въ минуту вашего кривотолкованія остановить васъ и доказать вамъ, что вы не такъ его поняли. Сверхъ того, все имѣетъ свою причину и свое основаніе, а человѣкъ, по самолюбію или по пристрастію къ извѣстнымъ увлекшимъ его идеямъ, любитъ всему давать свои причины и основанія, которыя потому именно и покажутся истинными, что они—его, а не чьи-нибудь. Этой слабости подвержены не одни только ограниченные люди и невѣжды, но и умы сильные, широкіе, особенно, если они нетерпѣливы и не хладнокровно пытливы. Иногда человѣку мѣшаетъ видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ даже то, что составляетъ его истинное достоинство. Что, напримѣръ, выше и почтеннѣе въ человѣкѣ, какъ не способность глубокаго убѣжденія?—А между тѣмъ, она-то и заставляетъ человека враждебно смотрѣть на всякую мысль, противорѣчащую его убѣжденію,—и часто онъ тѣмъ упрямѣе отвергаетъ ея истинность, чѣмъ одностороннѣе его убѣжденіе, которое такъ тѣсно слилось со всѣмъ его существомъ, что онъ не въ состояніи отдѣлить его отъ себя. И, однакожъ, всякое изслѣдованіе непременно требуетъ такого хладнокровія и безпристрастія, которыя возможны человѣку только при условіи полного отрицанія своей личности на время изслѣдованія. Поэтому, чтобъ произнести сужденіе о какомъ-нибудь поэтѣ, тѣмъ болѣе о великомъ, должно сперва изучить его, а для этого должно войти въ міръ его творчества не иначе, какъ забывъ *его, себя и все на свѣтъ*. Въ этотъ міръ не должно вносить никакихъ требованій, никакихъ заранѣе приготовленныхъ понятій и вопросовъ, никакихъ страстей, а тѣмъ менѣе—пристрастій, никакихъ убѣжденій, а тѣмъ менѣе—предубѣжденій. Надо совершенно отказаться отъ роли судьи и актера, и ограничиться только ролью посторонняго любопытнаго свидѣтеля и зрителя. Такъ точно, если вы въѣзжаете въ чужую землю съ цѣлью изучить ея нравы и обычаи, вы должны забыть на время, что вы гражданинъ своей земли, и сдѣлаться совершеннымъ космополитомъ. Иначе, обычаи этой чуждой вамъ страны будете вы оцѣнять на курсъ обычаевъ вашего отечества и, естественно, найдете въ ней хорошимъ только то, что сходно съ обычаями вашего отечества, а все противоположное или не похожее на нихъ безусловно признаете дурнымъ. Всѣ народы потому только и образуютъ свою жизнью одинъ общій аккордъ всемірно-исторической жизни человѣчества, что каждый изъ нихъ представляетъ собою особенный звукъ въ этомъ аккордѣ, ибо изъ совершенно одинаковыхъ звуковъ не можетъ выйти аккордъ. Какъ самое худшее, такъ и самое

лучшее въ каждомъ народѣ есть то, что принадлежитъ только одному ему, и что противоположно худшему и лучшему, или, по крайней мѣрѣ, несходно съ худшимъ и лучшимъ всякаго другого народа. Общее выше частнаго, безусловное выше индивидуальнаго, разумъ выше личности: это истина несомнѣнная, противъ которой нечего сказать, но вѣдь общее выражается въ частномъ, безусловное—въ индивидуальномъ, а разумъ—въ личности, и безъ частнаго, индивидуальнаго и личнаго общее, безусловное и разумное есть только идеальная возможность, а не живая дѣйствительность. Творческая дѣятельность поэта представляетъ собою также особый, цѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, который держится на своихъ законахъ, имѣетъ свои причины и свои основы, требующія, чтобъ ихъ прежде всего приняли за то, что онѣ суть на самомъ дѣлѣ, а потомъ уже судили о нихъ. Всѣ произведенія поэта, какъ бы ни были разнообразны и по содержанію, и по формѣ, имѣютъ общую всѣмъ имъ фізіономію, запечатлѣны только имъ свойственною особностію, ибо всѣ они истекли изъ одной личности, изъ единого и нераздѣльнаго я. Такимъ образомъ, приступая къ изученію поэта, прежде всего должно уловить въ многообразіи и разнообразіи его произведеній тайну его личности, т.-е. тѣ особенности его духа, которыя принадлежатъ только ему одному. Это, впрочемъ, значитъ не то, чтобъ эти особенности были чѣмъ-то частнымъ, исключительнымъ, чуждымъ для остальныхъ людей: это значитъ, что все общее человѣчеству никогда не является въ одномъ чловѣкѣ; но каждый чловѣкъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, рождается для того, чтобъ своею личностію осуществить одну изъ безконечно разнообразныхъ сторонъ необъемлемаго, какъ міръ и вѣчность, духа человѣческаго. Въ этой миссіи вѣчной инкарнаціи заключается все достоинство, вся важность личности: ибо она есть осуществленіе, реализація, дѣйствительность духа. Личность одна не можетъ всего обнять, и потому, будучи *этимъ*, она уже не есть *то* или *это*: представляя собою *нѣчто*, она уже есть исключеніе изъ *всего*. Личности безчисленны и разнообразны, какъ стороны духа человѣческаго; каждая существуетъ потому, что необходима, слѣдовательно, каждая имѣетъ законное право на существованіе. Поэтому, ничего нѣтъ несправедливѣе, какъ мѣрять чью-либо личность аршиномъ другой личности, которая всегда или противоположна, или чѣмъ-нибудь разнится отъ нея. Есть въ мірѣ люди пылкіе и опрометчивые; есть люди хладнокровные и осторожные: пылкій скажетъ ложь, если скажетъ, что хладнокровные люди излишни

въ мірѣ и что лучше было бы, еслибъ ихъ не было; точно такъ же ложно будетъ подобное сужденіе и хладнокровнаго о пылкомъ.

Итакъ, источникъ творческой дѣятельности поэта есть его духъ, выражающійся въ его личности, и перваго объясненія духа и характера его произведеній должно искать въ его личности. А это возможно только при строгомъ соблюденіи требованія, которое дѣлаетъ Гёте отъ своего читателя. Всякая личность есть истина, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, а истина требуетъ изслѣдованія спокойнаго и безпристрастнаго, требуетъ, чтобъ къ ея изслѣдованію приступали съ уваженіемъ къ ней, по крайней мѣрѣ, безъ принятаго заранѣе рѣшенія найти ее ложью. Но, скажутъ, если всякая личность есть истина, то и всякій поэтъ, какъ бы ни былъ ничтоженъ, долженъ быть изучаемъ по мысли Гёте? Ничуть не бывало! Во-первыхъ, не всякій, кто пишетъ стихи, выражаетъ свою личность: выражаетъ ее тотъ, кто родился поэтомъ; во-вторыхъ, не всякая личность, но только замѣчательная стоитъ изученія; въ-третьихъ, не всякій чловѣкъ есть личность, но многіе люди, по своей безличности, походятъ на плохо оттиснутую гравюру, въ которой, какъ ни бейся, не отличишь дерева отъ конны сѣна, лошади отъ дома, а деревяннаго чурбана отъ чловѣка. Природа ли производитъ или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими—это не касается до предмета нашей статьи и далеко отвлекло бы насъ, еслибъ мы вздумали объ этомъ разсуждать; намъ довольно только сказать, что есть на свѣтѣ безличныя личности, что ихъ, къ несчастью, гораздо больше, чѣмъ личныхъ, и что чѣмъ личность поэта глубже и сильнѣе, тѣмъ онъ болѣе поэтъ. Приступить съ такими важными сборами къ суду надъ маленькимъ поэтомъ—все равно, что описать жизнь какого-нибудь столоначальника въ земскомъ судѣ слогомъ Плутарха, автора біографій Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ великихъ людей древности, или, сѣвъ въ лодку, чтобъ покататься по болоту, поставить передъ собою компасъ и разложить морскую карту¹⁾. Но тѣмъ болѣе должно остерегаться приступать безъ особеннаго вниманія къ изученію великаго поэта, въ твореніяхъ котораго отражается великая личность. Если вы изучили ее съ строгимъ безпристрастіемъ и поняли вѣрно, вы уже не носитесь, по волѣ вѣтра, въ воздушныхъ пространствахъ своей прихотливой фантазіи, но стоите твердою ногою на прочной почвѣ; вы уже не требуете отъ поэта того, чего

¹⁾ Выраженіе Надеждина; ср. подобное же мѣсто въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, т. I, стр. 18.

бы хотѣлось вамъ, но оцѣняете то, что онъ самъ вамъ далъ; вы не смѣшиваете съ нимъ себя или другія личности, но видите его самого такимъ, какимъ онъ есть; не навязываете ему своихъ убѣжденій или предубѣжденій, но взвѣшиваете его идеи, его понятія. Вы сроднились съ нимъ, потому что изучили его, полюбили его, потому что поняли. Вы знаете, почему онъ шелъ этимъ путемъ, а не другимъ; вы не объявите его ничтожнымъ, потому что въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Байрономъ, или другимъ любимымъ вами поэтомъ; вы не скажете о немъ, что онъ отсталъ отъ вѣка, потому что не читаетъ вашего журнала и не вѣритъ вашимъ заветнымъ, но и сбивчивымъ, туманнымъ и неопредѣленнымъ предчувствіямъ, которыя вы смѣло выдаете за идеи и высшіе взгляды ¹⁾. Нѣтъ, вы будете судить о немъ на основаніи его личности, будете отъ него требовать только того, что могъ бы онъ сдѣлать на основаніи уже сдѣланнаго имъ. Когда вы кончите его изученіе, проникните въ сокровенный духъ его поэзіи, уловите тайну его личности,—тогда правило Гёте, что читатель поэта долженъ забыть читаемаго имъ поэта, самого себя и весь міръ, вы имѣете право откинуть прочь, какъ уже лишнее и ненужное. Ваша личность снова вступаетъ въ свои права, и вы изъ ученика дѣлаетесь судьей. Вы требуете отъ поэта, чтобъ онъ былъ вѣренъ не вами предписанному ему направленію, но своему собственному, чтобъ онъ не противорѣчилъ себѣ самому, своей собственной натурѣ, не уклонялся отъ своего призванія (ибо вы поняли его призваніе изъ его же собственныхъ твореній, а не навязали ему его отъ себя), словомъ, вы требуете отъ него той внутренней послѣдовательности, которая составляетъ необходимое условіе всякой разумной дѣятельности. И если вы находите, что онъ сдѣлалъ меньше, чѣмъ бы могъ сдѣлать, меньше, нежели сколько самъ далъ право требовать отъ него, что онъ измѣнялъ стремленію собственнаго духа, вы смѣло изречете ему свой приговоръ, и это, однакожъ, не помѣшаетъ вамъ отдать ему полную справедливость въ томъ, что составляетъ его неотъемлемую заслугу. Вы отличите въ его твореніяхъ недостатки произвольные отъ недостатковъ, которые тѣсно соединены съ достоинствами его поэзіи и составляютъ ихъ оборотную сторону. При этомъ, вы строго вникните въ обстоятельства, которыя, независимо отъ его воли, не могли не имѣть большаго или меньшаго вліянія на его дѣятельность, и больше всего на духъ времени,

въ которое онъ явился, на нравственное состояніе, въ которомъ онъ засталъ общество, и покажете, шелъ ли онъ наравнѣ съ своимъ временемъ, былъ ли его хорегомъ. или только старался подпѣвать подъ его пѣсни. Обстоятельства его частной жизни только тогда войдутъ въ ваше разсмотрѣніе, когда они будутъ въ живой связи съ его твореніями. Есть поэты, чьихъ жизнь тѣсно связана съ ихъ поэзіею, и есть поэты, чьихъ важна только нравственная жизнь. Этого различія, вытекающаго изъ свойства личности, не должно терять изъ вида. Гёте также нельзя мѣрять на мѣрку Байрона, какъ и Байрона нельзя мѣрять на мѣрку Гёте: это были натуры діаметрально противоположныя одна другой, и кто бы осудилъ Гёте, что онъ жилъ и писалъ не въ такомъ духѣ, какъ Байронъ, или наоборотъ, тотъ сказалъ бы величайшую нелѣпость. Это все равно, что отъ могучаго слона требовать быстроты и ловкости тигра, или наоборотъ; и слонъ и тигръ, каждый по-своему хорошъ и необходимъ въ цѣпи природы. Натуры Гёте и Шиллера были діаметрально противоположны одна отъ другой, и однакожъ самая эта противоположность была причиною и основой взаимной дружбы и взаимнаго уваженія обоихъ великихъ поэтовъ: каждый изъ нихъ поклонялся въ другомъ тому, чего не находилъ въ себѣ. Задача критики состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобъ рѣшить, почему Гёте жилъ и писалъ не такъ, какъ жилъ и писалъ Шиллеръ; но въ томъ, почему Гёте жилъ и писалъ, какъ Гёте, а не какъ кто-нибудь другой...

Но какимъ же образомъ уловить тайну личности поэта въ его твореніяхъ? Что должно дѣлать для этого при изученіи произведеній его?

Изучить поэта—значитъ не только ознакомиться, черезъ усиленное и повторяемое чтеніе, съ его произведеніями, но и перечувствовать, пережить ихъ. Всякій истинный поэтъ, на какой бы ступени художественнаго достоинства ни стоялъ, а тѣмъ болѣе всякій великій поэтъ, никогда и ничего не выдумываетъ, но облакаетъ въ живыя формы обще-человѣческое. И потому, въ созданіяхъ поэта люди, восхищающіеся ими, всегда находятъ что-то давно знакомое имъ, что-то *свое* собственное, что они сами чувствовали, или только смутно и неопредѣленно предощущали, или о чемъ мыслили, но чему не могли дать яснаго образа, чему не могли найти слова, и что, слѣдовательно, поэтъ умѣлъ только выразить. Чѣмъ выше поэтъ, т.-е. чѣмъ обще-человѣчественнѣе содержаніе его поэзіи, тѣмъ проще его созданія, такъ что читатель удивляется, какъ ему самому не вошло въ голову создать что-

¹⁾ См. предыдущія примѣчанія о Надеждинѣ и Полевомъ.

нибудь подобное: вѣдь это такъ просто и легко! Сочиненія, въ которыхъ люди ничего не узнаютъ своего и въ которыхъ все принадлежитъ поэту, не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ пустыки. На этой-то общности, по которой созданіе поэта столько же принадлежитъ всему человѣчеству, сколько и ему самому,—на этой-то общности и основывается возможность всѣмъ и каждому, въ комъ есть *человѣческое* (т.-е. духовное, разумное), *переживать* произведенія художника, изучая ихъ. Пережить творенія поэта значитъ переносить, переживать въ душѣ своей все богатство, всю глубину ихъ содержанія, переболѣть ихъ болѣзнями, перестрадать ихъ скорбями, переблаженствовать ихъ радостію, ихъ торжествомъ, ихъ надеждами. Нельзя понять поэта, не будучи нѣкоторое время подъ его исключительнымъ вліяніемъ, не полюбивъ смотрѣть его глазами, слышать его слухомъ, говорить его языкомъ. Нельзя изучить Байрона, не бывъ нѣкоторое время байронистомъ въ душѣ, Гёте—гёттистомъ, Шиллера—шиллеристомъ, и т. д. Конечно, такое добровольное подчиненіе чуждому вліянію есть еще только экстатическое увлеченіе поэтомъ, а не спокойное, строгое и истинное его пониманіе,—и до этого пониманія можно дойти только черезъ переходъ изъ восторженнаго увлеченія къ хладнокровно спокойному созерцанію; но это увлеченіе поэтомъ есть первый и необходимый моментъ въ процессѣ его изученія. И потому, нельзя въ одно время изучить болѣе одного поэта, нельзя на это время не считать его выше всѣхъ другихъ поэтовъ, нельзя не утратить своей способности понимать произведенія другихъ поэтовъ и восхищаться ими. Когда одна великая мысль до такой степени обойметъ и наполнитъ собою человѣка, что сдѣлается костію отъ костей его, плотію отъ плоти его—въ душѣ человѣка уже нѣтъ мѣста для другой мысли!

Обще-человѣческое безгранично только въ своей идеѣ; но, осуществляясь, оно принимаетъ извѣстный характеръ, извѣстный колоритъ, такъ сказать. Оттого, хотя всѣ великіе поэты выражали въ своихъ созданіяхъ обще-человѣческое, однакожъ творенія каждаго изъ нихъ отличаются своимъ собственнымъ характеромъ. Великъ Шекспиръ и великъ Байронъ; но рѣзкая черта отличаетъ творенія одного отъ твореній другого. Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ оригинальнѣе міръ его творчества,—и не только великіе, даже просто замѣчательные поэты тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ, что ихъ поэтическая дѣятельность ознаменована печатью самобытнаго и оригинальнаго характера. Въ этой характерной особенностяхъ за-

ключается тайна ихъ личности и тайна ихъ поэзіи. Уловить и опредѣлить сущность этой особенности значитъ найти ключъ къ тайнѣ личности и поэзіи поэта.

Въ чемъ же должно искать этого ключа?

Каждое поэтическое произведеніе есть плодъ могучей мысли, овладѣвшей поэтомъ. Еслибъ мы допустили, что эта мысль есть только результатъ дѣятельности его разсудка, мы убили бы этимъ не только искусство, но и самую возможность искусства. Въ самомъ дѣлѣ, что мудренаго было бы сдѣлаться поэтомъ, и кто бы не въ состояніи былъ сдѣлаться поэтомъ по нуждѣ, по выгодѣ или по прихоти, еслибъ для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втиснуть ее въ придуманную же форму? Нѣтъ, не такъ это дѣлается поэтами по натурѣ и призванію! У того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная имъ мысль будетъ глубока, истинна, даже свята,—произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое,—и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ каждаго въ выраженной имъ мысли, не смотря на всю ея правдивость! Но между тѣмъ, такъ-то именно и понимаетъ толпа искусство, этого-то именно и требуетъ она отъ поэтовъ! Придумайте ей, на досугѣ, мысль получше, да потомъ и обдѣлывайте ее въ какой-нибудь вымыселъ, словно брильянтъ въ золото! Вотъ и дѣло съ концомъ! Нѣтъ, не *такія* мысли и не *такъ* овладѣваютъ поэтомъ и бываютъ живыми зародышами живыхъ созданій! Искусство не допускаетъ къ себѣ отвлеченныхъ философскихъ, а тѣмъ менѣе разсудочныхъ идей: оно допускаетъ только идеи поэтическія; а поэтическая идея—это не силлогизмъ, не догматъ, не правило, это—живая страсть, это—*паѳосъ*. Что такое паѳосъ?—Творчество—не забава, и художественное произведеніе—не плодъ досуга или прихоти; оно стоитъ художнику труда; онъ самъ не знаетъ, какъ западаетъ въ его душу зародышъ новаго произведенія; онъ носитъ и вынашиваетъ въ себѣ зерно поэтической мысли, какъ носитъ и вынашиваетъ мать младенца въ утробѣ своей; процессъ творчества имѣетъ аналогію съ процессомъ дѣторожденія и не чуждъ мукъ, разумѣется, духовныхъ, этого физическаго акта. И потому, если поэтъ рѣшится на трудъ и подвигъ творчества, значитъ, что его къ этому движетъ, стремитъ какая-то могучая сила, какая-то непобѣдимая страсть. Эта сила, эта страсть—*паѳосъ*. Въ паѳосѣ, поэтъ является влюбленнымъ въ идею, какъ въ прекрасное, живое существо, страстно проникнутымъ ею,—и онъ созерцаетъ ее не разумомъ, не разсудкомъ, не чувствомъ и не какою-либо одною способностію своей души,

но всею полнотою и цѣлостію своего нравственнаго бытія,—потому идея является въ его произведеніи не отвлеченною мыслію, не мертвою формою, а живымъ созданіемъ, въ которомъ живая красота формы свидѣтельствуешь о пребываніи въ ней божественной идеи, и въ которой нѣтъ черты, свидѣтельствующей о сшивкѣ или спайкѣ,—нѣтъ границы между идеею и формою, но та и другая является цѣлымъ и единымъ органическимъ созданіемъ. Идеи истекають изъ разума; но живое творить и рождаетъ не разумъ, а любовь. Отсюда ясно видна разница между идеею отвлеченною и поэтической: первая плодъ ума, вторая—плодъ любви, какъ страсти. Но отчего же, скажутъ, называть это *паѳосомъ*, а не *страстію*?—Оттого, что слово „страсть“ заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе чувственное, тогда какъ слово „паѳосъ“ заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе нравственное. Въ страсти много индивидуальнаго, личнаго, своекорыстнаго, темнаго; въ ней можетъ быть даже низкое и подлое, потому что можно питать страсть не только къ женщинѣ, но и къ женщинамъ, не только къ славѣ, но и къ почестямъ, можно питать страсть къ деньгамъ, къ вину, къ гастрономіи. Въ страсти много чисто чувственного, кроваваго, нервическаго, тѣлеснаго, земнаго. Подъ „паѳосомъ“ разумѣется тоже страсть, и притомъ соединенная съ волненіемъ крови, съ потрясеніемъ всей нервной системы, какъ и всякая другая страсть; но паѳосъ всегда есть страсть, возжигаемая въ душѣ человѣка *идеею* и всегда стремящаяся къ идеѣ, слѣдовательно, страсть чисто духовная, нравственная, небесная. Паѳосъ простое умственное постиженіе идеи превращаетъ въ любовь къ идеѣ, полную энергіи и страстнаго стремленія. Въ философіи идея является безплотною: черезъ паѳосъ она превращается въ дѣло, въ дѣйствительный фактъ, въ живое созданіе. Отъ слова *паѳосъ* или *патосъ* (pathos) происходитъ слово *патетическій*, наиболѣе употребляемое въ отношеніи къ драматической поэзіи, какъ къ наиболѣе исполненной паѳоса по своей сущности. Но мы лучше объяснимъ значеніе паѳоса указаніемъ на него въ великихъ произведеніяхъ искусства. Паѳосъ шекспировской драмы „Ромео и Джульета“ составляетъ идея любви,—и потому пламенными волнами, сверкающими яркимъ свѣтомъ звѣздъ, льются изъ устъ любовниковъ восторженные *патетическія рчи*... Это паѳосъ любви, потому что въ лирическихъ монологахъ Ромео и Джульеты видно не одно только любованіе другъ другомъ, но и торжественное, гордое, исполненное упоенія признаніе любви, какъ божественнаго чувства. Въ тѣхъ монологахъ Ромео и Джульеты, когда ихъ любви на-

чало угрожать несчастье, бурнымъ потокомъ изливается энергія раздраженнаго чувства, вдругъ встрѣтившаго препятствіе своему вольному и широкому разливу. Паѳосъ „Гамлета“ составляетъ борьба негодованія на порокъ и преступленіе съ безсиліемъ вступить съ ними въ открытый и отчаянный бой, какъ того требуетъ сознаніе долга. Гамлетъ въ покойномъ королѣ страстно любилъ отца и высоко уважалъ великаго человѣка;—этотъ король вѣроломно, измѣнически убилъ—и кѣмъ же?—шуткомъ и пьяницею, человекомъ бездушнымъ и подлымъ, который укралъ у своего родного брата и корону, и жизнь, и честь его жены, гамлетовой матери, которая, по ничтожеству своего характера, дѣлитъ съ убійцею своего царя и брата, а ея мужа, несправедливо добытую власть и оскверненное прелюбодѣніемъ ложе!.. Сколько причинъ для Гамлета метить неумолимо, страшно, за поруганное право, за грѣхъ цареубійства и братоубійства, за порокъ матери, за украденную под полю корону, за добродѣтель, за величіе, за себя самого!.. Онъ знаетъ, что ему должно дѣлать, на что его вызвала судьба,—и онъ робѣетъ предстоящаго подвига, блѣднѣетъ страшнаго вызова, колеблется и только *говоритъ*, вмѣсто того чтобы *дѣлать*, въ своей позорной нерѣшительности. Но если слаба его воля, то душа его столько же велика, сколько и чиста. Онъ это сознаетъ,—и съ какою горечію, съ какою страстію высказывается его презрѣніе къ самому себѣ въ этихъ большихъ монологахъ, которые тогда, какъ онъ остается одинъ и сдерживаемое имъ доселѣ чувство получаетъ свободу, вырываются изъ него, словно огромная рѣка, скинувшая съ себя вешній ледъ и затопляющая окрестныя поля... Въ этихъ *патетическихъ* монологахъ высказывается весь паѳосъ этой трагедіи, выступаетъ наружу та внутренняя эксцентрическая сила, которая заставила поэта взяться за перо, чтобы сложить съ души своей тяготившее ее бремя... Такихъ примѣровъ можно было бы привести много, но для объясненія нашей мысли довольно и этихъ двухъ.

Итакъ, каждое поэтическое произведеніе должно быть плодомъ паѳоса, должно быть проникнуто имъ. Безъ паѳоса, нельзя понять, что заставило поэта взяться за перо и дало ему силу и возможность начать и кончить иногда довольно большое сочиненіе. Поэтому, выраженія: *въ этомъ произведеніи есть идея, а въ этомъ нѣтъ идеи*, не совсѣмъ точны и опредѣленны. Вмѣсто этого должно говорить: *въ чемъ состоитъ паѳосъ этого произведенія?* или *въ этомъ произведеніи есть паѳосъ, а въ этомъ нѣтъ*. Это будетъ гораздо опредѣленнѣе и точнѣе: потому что многіе

ошибочно принимают за идею то, что может быть идеею вездѣ, кромѣ произведенія. гдѣ ее думаютъ видѣть, и гдѣ она въ самомъ — то дѣлѣ является просто резонерствомъ, кое-какъ прикрытымъ спивными лохмотьями бѣдной формы, изъ-подъ которой такъ и сквозитъ его нагота. Паэось — другое дѣло. Надо быть совершенно лишеннымъ всякаго эстетическаго такта, чтобы увидѣть паэось въ произведеніи холодномъ, мертвомъ, въ которомъ идея съ формою слиты какъ масло съ водою или сшиты на живую нитку бѣлыми стежками.

Какъ ни многочисленны, какъ ни разнообразны созданія великаго поэта, но каждое изъ нихъ живетъ своею жизнію, а потому и имѣетъ свой паэось. Тѣмъ не менѣе, весь міръ творчества поэта, вся полнота его поэтической дѣятельности тоже имѣетъ свой единый паэось, къ которому паэось каждаго отдѣльнаго произведенія относится какъ часть къ цѣлому, какъ отѣнокъ, видоизмѣненіе главной идеи, какъ одна изъ ея безчисленныхъ сторонъ. И это относится не къ однимъ одностороннимъ поэтамъ, каковъ былъ, напр., Байронъ, но также и къ такимъ, которыхъ произведенія удивляютъ своею многосторонностію и многоразличіемъ направленій, каковъ, напр., Шекспиръ. И это очень естественно: всякая личность единична; у ней можетъ быть много интересовъ и направленій, но всегда подъ преобладающимъ вліяніемъ одного главнаго; а такъ какъ личность есть живой и непосредственный источникъ творческой дѣятельности, то и всѣ произведенія поэта должны быть запечатлѣны единымъ духомъ, проникнуты единымъ паэосомъ. И вотъ этотъ-то паэось, разлитый въ полнотѣ творческой дѣятельности поэта, есть ключъ къ его личности и къ его поэзіи. Первымъ дѣломъ, первою задачею критика должна быть разгадка, въ чемъ состоитъ паэось произведеній поэта, котораго взялся онъ быть изъяснителемъ и оцѣнщикомъ. Безъ этого онъ можетъ раскрыть нѣкоторыя частныя красоты, или частныя недостатки въ произведеніяхъ поэта, наговорить много хорошаго а прогноръ къ нимъ; но значеніе поэта и сущность его поэзіи останутся для него такъ же тайною, какъ и для читателей, которые думали бы найти въ его критикѣ разрѣшеніе этой тайны. Сверхъ того, онъ рискуетъ быть или пристрастнымъ хвалителемъ, или, что одно и то же, пристрастнымъ порицателемъ поэта, приписать ему достоинства и недостатки, которыхъ въ немъ нѣтъ, или не замѣтить тѣхъ, которые въ немъ есть. Но главное — онъ всегда ошибется въ общемъ выводѣ своихъ изслѣдованій о поэтѣ. Именно такимъ образомъ грѣшила противъ поэтовъ русская критика тридцатыхъ годовъ. Такъ,

наприм., одинъ критикъ того времени поставилъ въ величайшую вину поэзіи Жуковскаго то, что она совершенно лишена народности¹⁾. Еслибъ онъ понялъ, что паэось поэзіи Жуковскаго есть романтизмъ — плодъ жизни западной Европы въ средніе вѣка и, слѣдовательно, элементъ, котораго совершенно чужда русская народность, — онъ не сталъ бы нападать на знаменитаго поэта за то, что составляетъ его величайшую заслугу.

Говоря о такомъ многостороннемъ и разнообразномъ поэтѣ, какъ Пушкинъ, нельзя не обращать вниманія на частности, нельзя не указывать въ особенности на то или другое даже изъ мелкихъ его стихотвореній, и тѣмъ менѣе можно не говорить отдѣльно о каждой изъ большихъ его пьесъ; нельзя также не дѣлать изъ него большихъ или меньшихъ выписокъ; но, ограничившись только этимъ, критикъ не далеко бы ушелъ. Прежде всего нуженъ взглядъ общій не на отдѣльныя пьесы, а на всю поэзію Пушкина, какъ на особый и цѣлый міръ творчества. Этотъ общій взглядъ будетъ, въ лабиринтѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ твореній поэта, ариадниною нитью и для критика и для его читателей; при помощи этого взгляда сдѣлаются понятными всѣ частности, и не будетъ нужды обращать вниманія на каждую изъ нихъ, а только на главнѣйшія. Разумѣется, этотъ общій взглядъ долженъ быть основанъ на вѣрномъ уразумѣніи паэоса поэта. Но какъ объяснить и опредѣлить паэось — предварительно ли это сдѣлать, такъ чтобы указаніями на отдѣльныя пьесы только подтверждать свою мысль, или начать аналитически и изъ разбора частныхъ дойти до опредѣленія паэоса? Мы думаемъ, что первое лучше, ибо творенія Пушкина такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что можно говорить объ общемъ значеніи его поэзіи, не боясь не быть понятымъ. Притомъ же, наше дѣло — раскрыть передъ читателями не процессъ нашего изученія Пушкина, а оправдать результатъ этого изученія.

Много и многими было писано о Пушкинѣ. Всѣ его сочиненія не составляютъ и сотой доли порожденныхъ ими печатныхъ толковъ. Одни споры классиковъ съ романтиками за „Руслана и Людмилу“ составили бы порядочную книгу, если бы ихъ извлечь изъ тогдашнихъ журналовъ и издать вмѣстѣ. Но это было бы интересно только какъ историческій фактъ литературной образованности и литературныхъ нравовъ того времени, — фактъ, узнавъ который, нельзя не воскликнуть:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

¹⁾ Рѣчь идетъ о Полевомъ; см. т. I, стр. 675

И таковы всѣ толки нашихъ аристарховъ о Пушкинѣ, хвалебныя и порицательныя; изъ нихъ ничего не извлечешь, ничѣмъ не воспользуешься. Исключеніе остается только за статью Гоголя „О Пушкинѣ“ въ „Арабескахъ“, изданныхъ въ 1835 году. Объ этой замѣчательной статьѣ мы еще не разъ вспомнимъ въ продолженіе нашего разбора.

Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства. Само собою разумѣется, что одинъ онъ этого сдѣлать не могъ. Въ первыхъ нашихъ статьяхъ мы изложили весь ходъ изящной словесности на Руси, показали начало и развитіе ея поэзіи, участіе, какое принимали въ этомъ предшествовавшіе Пушкину поэты, равно какъ и ихъ заслуги. Повторимъ здѣсь уже сказанное нами сравненіе, что всѣ эти поэты относятся къ Пушкину, какъ малыя и великія рѣки—къ морю, которое наполняется ихъ водами. Поэзія Пушкина была этимъ моремъ. По смыслу нашего сравненія, море больше и важнѣе рѣкъ; но безъ нихъ оно не могло бы образоваться. Такое сравненіе не можетъ быть оскорбительно для поэтовъ, предшествовавшихъ Пушкину, особенно, если мы напомнимъ при этомъ, что поэтическая дѣятельность Жуковского явилась на высшей степени своего развитія и принесла самые сочныя, зрѣлыя и прекрасныя плоды свои уже при Пушкинѣ, а Батюшковъ погасъ для литературы въ цвѣтѣ лѣтъ и силы. Чтобы изложить нашу мысль сколько возможно яснѣе и доказательнѣе, мы посвятили особую статью на разборъ не только ученическихъ стихотвореній ребенка-Пушкина, но и стихотвореній юноши-Пушкина, носящихъ на себѣ слѣды вліянія предшествовавшей школы. Эти послѣднія стихотворенія несравненно ниже тѣхъ, въ которыхъ онъ явился самобытнымъ творцомъ, но въ то же время они и далеко выше образцовъ, подъ вліяніемъ которыхъ были написаны. Тогда же мы замѣтили, что въ первой части „Стихотвореній Александра Пушкина“ (1829) пьесъ, писанныхъ подъ вліяніемъ прежней школы, больше, чѣмъ во второй, а въ третьей ихъ уже нѣтъ вовсе, но что и въ первой части почти наполовину находится самобытныхъ стихотвореній Пушкина. Эта первая часть заключаетъ въ себѣ стихотворенія, писанныя отъ 1815 до 1824 года; они расположены по годамъ, и потому можно видѣть, какъ съ каждымъ годомъ Пушкинъ являлся менѣе ученикомъ и подражателемъ, хотя и превзошедшимъ своихъ учителей и образцовъ, и болѣе самобытнымъ поэтомъ. Вторая часть заключаетъ въ себѣ пьесы, писанныя отъ 1825 до 1829 года, и только въ отдѣлѣ стихотвореній 1825 года замѣтно

еще нѣкоторое вліяніе старой школы, а въ пьесахъ слѣдующихъ лѣтъ оно уже исчезло совершенно. Читая стихотворенія Пушкина, отзывающіяся вліяніемъ прежней школы, чувствуешь и видишь, что была на Руси поэзія и прежде Пушкина; но, читая по выбору только самобытныя его стихотворенія, не то что не вѣришь, а совершенно забываешь, что была на Руси поэзія и до Пушкина: такъ оригиналенъ, новъ и свѣжъ міръ его поэзіи! Тутъ нельзя даже сказать: *то же, да не то!* напротивъ, тутъ невольно воскликнешь: *не то, совершенно не то!* Стихъ Державина, часто столь неуклюжій и прозаическій, нерѣдко бываетъ въ поэтическомъ отношеніи могучъ, ярокъ, но въ отношеніи къ просодіи, грамматикѣ, синтаксису, и особенно къ акустическимъ требованіямъ языка, онъ ниже стиха не только Дмитріева, но и Карамзина; стихъ Дмитріева и даже Озерова во всѣхъ этихъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже стиха Жуковского и Батюшкова,—и было время, когда нельзя было не вѣрить, что подъ перомъ этихъ двухъ поэтовъ стихъ русскій дошелъ до крайней и послѣдней степени совершенства,—и между тѣмъ, этотъ стихъ относится къ стиху Пушкина такъ же точно, какъ стихъ Дмитріева и Озерова относится къ стиху Жуковского и Батюшкова... Правда, впоследствии, т.-е. при Пушкинѣ, стихъ Жуковского много усовершенствовался, и въ переводѣ „Шильонскаго Узника“¹⁾ походилъ на крѣпкую дамасскую сталь, и у самого Пушкина нечего противопоставить этому стиху; но эту стальную крѣпость, эту необыкновенную сжатость и тяжело-упругую энергію ему сообщилъ тонъ поэмы Байрона и характеръ ея содержанія,—и Пушкинъ, если бы онъ написалъ поэму въ такомъ тонѣ и духѣ, конечно, умѣлъ бы придать этому стиху еще новыя качества, сохранивъ главныя свойства стиха Жуковского,—чему можетъ служить доказательствомъ его поэма „Мѣдный Всадникъ“. Обращаясь къ общей характеристикѣ стиха Жуковского и Пушкина, мы снова повторяемъ, что только при отсутствіи эстетическаго чутія и такта можно не видѣть между ними огромной разницы... Мы не безъ умысла такъ много распространяемся о стихѣ: ибо подъ стихомъ разумѣмъ первоначальную, непосредственную форму поэтической мысли,—форму, которая *одна*, прежде и больше всего другого, свидѣтельству о дѣйствительности и силѣ таланта поэта. Это стихъ, который дается талантомъ и вдохновеніемъ, а трудомъ только совершенствуется; стихъ, который, какъ тѣло

¹⁾ А также отчасти и въ переводѣ „Суда въ Подземельѣ“.

человѣка, есть откровеніе, осуществленіе души—идеи; стихъ, которому нельзя выучиться, нельзя подражать, подъ который всякая поддѣлка, какъ бы ни была она ловка и искусна, всегда будетъ мертва, относясь къ нему какъ искусно сдѣланная восковая статуя, или автоматъ, относится къ живому человѣку. И потому, стихъ Пушкина, въ самобытныхъ его пьесахъ, вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ, или рѣзкій разрывъ въ исторіи русской поэзіи, нарушившій преданіе, явившій собою что-то небывавшее, непохожее ни на что прежнее,—этотъ стихъ былъ представителемъ новой, дотолѣ небывалой поэзіи. И что же это за стихъ! Античная пластика и строгая простота сочеталась въ немъ съ обаятельною игрою романтической риѣмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря. Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и риѣма, въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія. Еслибъ мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству *поэтический, художественный, артистическій* стихъ,—и этимъ разгадали бы тайну паѣоса всей поэзіи Пушкина...

Читая Гомера, вы видите возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглощаетъ всего вашего вниманія; не ей исключительно удивляетесь вы: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне-эллинскій міръ. Вы на Олимпѣ среди боговъ, вы въ битвахъ среди героевъ, вы очарованы этою благородною простотою, этою изящною патріархальностію героическаго вѣка народа, нѣкогда представлявшаго въ лицѣ своемъ цѣлое челоѣчество; но поэтъ остается у васъ какъ бы въ сторонѣ, и его искусство вамъ кажется чѣмъ-то уже необходимо принадлежащимъ къ поэмѣ, и потому вамъ какъ будто не приходится въ голову остановиться на немъ и подивиться ему. Въ Шекспирѣ васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокій сердцевѣдецъ, мірообъемлющій созерцатель; искусство же въ немъ какъ будто признается вами безъ всякихъ словъ и объясненій. Такъ, разсуждая о великомъ математикѣ, указываютъ на его заслуги наукѣ, не говоря объ удивительной силѣ его способ-

ности соображать и комбинировать до безконечности предметы. Въ поэзіи Байрона прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей. Въ поэзіи Гѣте передъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель, могучій царь и властелинъ внутренняго міра души человѣка. Въ поэзіи Шиллера вы преклонитесь съ любовію и благоговѣніемъ передъ трибуномъ челоѣчества, провозвѣстникомъ гуманности, страстнымъ поклонникомъ всего высокаго и нравственно-прекраснаго. Въ Пушкинѣ, напротивъ, прежде всего увидите художника, вооруженнаго всеѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, какъ для искусства, исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему. Отсюда все достоинства, все недостатки его поэзіи,—и если вы будете разсматривать его съ этой точки, то съ удвоенною полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ необходимое слѣдствіе, какъ оборотную сторону его же достоинствъ...

Призваніе Пушкина объясняется исторіею нашей литературы. Русская поэзія—пересадокъ, а не туземный плодъ. Всякая поэзія должна быть выраженіемъ жизни, въ обширномъ значеніи этого слова, обнимающаго собою весь міръ, физическій и нравственный. До этого ее можетъ довести только мысль. Но чтобъ быть выраженіемъ жизни, поэзія прежде всего должна быть поэзіею. Для искусства нѣтъ никакого выигрыша отъ произведенія, о которомъ можно сказать: *умно, истинно, глубоко, но прозаично*. Такое произведеніе похоже на женщину съ великою душою, но съ безобразнымъ лицомъ: ей можно удивляться, но полюбить ее нельзя; а между тѣмъ немножко любви сдѣлало бы счастливѣе, чѣмъ много удивленія, не только ее, но и мужчину, въ которомъ она возбудила это удивленіе. Произведенія непоэтическія безплодны во всеѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ произведенія наполовину прозаическія бываютъ полезны для общества и для частныхъ людей; но они дѣйствуютъ и въ этомъ отношеніи только наполовину. Гдѣ помнятъ начало поэзіи, гдѣ поэзія явилась не какъ плодъ національной жизни, а какъ плодъ цивилизаціи, тамъ для полнаго развитія поэзіи нужно прежде всего выработать поэтическую форму, ибо, повторяемъ, поэзія прежде всего должна быть поэзіею, а потомъ уже выражать собою то и другое. Вотъ причина явленія Пушкина такимъ, какимъ онъ былъ, и вотъ почему онъ ничѣмъ другимъ быть не могъ. До него у насъ не было даже предчувствія того, что такое искусство, художество, которое составляетъ собою одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа че-

ловѣческаго. До него поэзія была только краснорѣчивымъ изложеніемъ прекрасныхъ чувствъ и высокихъ мыслей, которыя не составляли ея души, но къ которымъ она относилась какъ удобное средство для доброй цѣли, какъ бѣлила и румяна для блѣднаго лица старушки-истины. Это мертвое понятіе о пользѣ поэтической формы для выраженія моральныхъ и другихъ идей породило такъ называемую *дидактическую поэзію*, и было выражено Мерзляковымъ въ слѣдующихъ стихахъ, кажется, переведенныхъ имъ изъ Тассо:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сладкими упитанъ по краямъ:
Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье:
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Наша русская поэзія до Пушкина была именно позолоченною пилюлею, подслащеннымъ лѣкарствомъ. И потому въ ней истинная, вдохновенная и творческая поэзія только проблескивала временами въ частностяхъ, и эти проблески тонули въ массѣ риторической воды. Много было сдѣлано для языка, для стиха, кое-что было сдѣлано и для поэзіи; но поэзіи, какъ поэзіи, то-есть такой поэзіи, которая, выражая то или другое, развивая такое или иное міросозерцаніе, прежде всего была бы поэзіей—такой поэзіи еще не было! Пушкинъ былъ призванъ быть живымъ откровеніемъ ея тайны на Руси. И такъ какъ его назначеніе было завоевать, усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ, чтобъ русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь перестать быть поэзіею и перейти въ риёмованную прозу, то естественно, что Пушкинъ долженъ былъ явиться исключительно художникомъ.

Еще разъ: до Пушкина были у насъ поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому, даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, какковы: *Русланъ и Людмила*, *Братья-Разбойники*, *Кавказскій Пльнникъ*, и *Бахчисарайскій Фонтанъ*, отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ, не только образованные, даже многіе просто грамотные люди, увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотницами до стихшковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкою отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже

и въ уѣздныхъ захолустьяхъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ риёмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе¹⁾. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явился теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина, его появленіе уже не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, такой странный энтузіазмъ, — потому что послѣ Пушкина поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому же самому теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ получить поэтъ, который, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ.

Если въ поименованныхъ нами первыхъ поэмахъ Пушкина видно такъ много этого художества, которымъ такъ рѣзко отдѣлились онѣ отъ произведеній прежнихъ шеолъ, то еще болѣе художества въ самобытныхъ лирическихъ пьесахъ Пушкина. Поэмы, о которыхъ мы говорили, уже много потеряли для насъ своей прежней прелести; мы уже пережили и, слѣдовательно, обогнали ихъ; но мелкія пьесы Пушкина, ознаменованныя самобытностію его творчества, и теперь такъ же обаятельно прекрасны, какъ и были во время появленія ихъ въ свѣтъ. Это понятно: поэма требуетъ той зрѣлости таланта, которую даетъ опытъ жизни, — и этой зрѣлости нѣтъ нисколько въ *Русланъ и Людмила*, *Братья-Разбойники* и *Кавказскомъ Пльнникъ*, а въ *Бахчисарайскомъ Фонтанъ* замѣтенъ только успѣхъ въ искусствѣ; но юность — самое лучшее время для лирической поэзіи. Поэма требуетъ знанія жизни и людей, требуетъ созданія характеровъ, слѣдовательно, своего рода драматизировки; лирическая поэзія требуетъ богатства ощущеній,—а когда же грудь человѣка наиболѣе богата ощущеніями, какъ не въ лѣта юности?

Тайна пушкинскаго стиха была заключена не въ искусствѣ „сливать послушныя слова въ стройные размѣры и замыкать ихъ звонкой риёмой“, но въ тайнѣ поэзіи. Душѣ Пушкина присуща была прежде всего та поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природѣ, въ жизни, — присущно художество, печать котораго лежитъ на „полномъ твореніи славы“. Разумъ, это—духъ жизни, душа ея; поэзія, это—улыбка жизни, ея свѣтлый взглядъ, играющій всѣми переливами быстро смѣняющихся ощущеній. Бываютъ женщины, одаренныя отъ природы рѣдкою красотою, но

¹⁾ Ср. аналогичное мѣсто въ началѣ статьи „Русская литература въ 1842 году“ (№ 43).

которыхъ строго правильныя черты лица поражаютъ какою-то сухостію, а движенія лишены граціи: такія женщины могутъ быть по-своему ослѣпительно блестящи и возбуждать удивленіе; но ихъ появленіе не заставитъ ничье сердце забиться отъ невѣроятнаго волненія, ихъ красота не родитъ любви, а красота, не сопутствуемая харитою любви, лишена жизни, лишена поэзіи. Такъ точно и природа и жизнь возбуждали бы только холодное удивленіе, еслибъ онѣ не были насквозь проникнуты поэзіею; не любовію—небеснымъ огнемъ жизни, а холодною сыростію могилы вѣяло бы отъ нихъ. Пусть свѣтила небесныя образуютъ собою стройныя міры: не тѣмъ только возвышаютъ они душу созерцающаго ихъ человѣка, но поэзіею своего таинственного мерцанія, но дивною красотою живой игры своихъ блѣдно-огнистыхъ лучей: въ ихъ стройномъ ходѣ Пифагоръ видѣлъ не одну математику въ фактѣ, но и слышалъ гармонію міровъ... Еслибъ солнце только грѣло и свѣтило, оно было бы не болѣе, какъ огромный фонарь, огромная печка; но оно проливаетъ на землю яркій, весело дрожащій, радостно играющій лучъ—и земля встрѣчаетъ этотъ лучъ улыбкою, а въ этой улыбкѣ—невыразимое очарованіе, неуловимая поэзія... Природа полна не однихъ органическихъ силъ,—она полна и поэзіи, которая наиболѣе свидѣлствуетъ о ея жизни; въ ея вѣчномъ движеніи, въ колыбаніи ея лѣсовъ, въ трепетѣ серебристаго листа, на которомъ любовно играетъ лучъ солнца, въ ропотѣ ручья, въ вѣяніи вѣтра, волнующаго золотистую жатву, разлитъ для человѣка таинственный блескъ и слышатся ему живые голоса, то грустные и одинокіе, какъ звуки золотой арфы, то веселые, радостные, какъ пѣснь взвивающагося подъ небо жаворонка... Человѣкъ еще болѣе исполненъ поэзіи. Отчего вамъ такъ хочется расцѣловать этого ребенка, шумно играющаго на лугу, отчего такъ плѣняютъ васъ и его блестящіе чистою радостію глаза, его дышащая блаженствомъ улыбка, живость и рѣзвость его движеній?—Что общаго между вами, измученнымъ жизнію, опытомъ и житейскими заботами, вами человекомъ пожилымъ и мудрымъ, и между нимъ—ничего не понимающимъ, почти безсознательнымъ существомъ? Зачѣмъ же, торопливо бѣжа по важному дѣлу, съ озабоченнымъ видомъ, вы вдругъ остановились на лугу, забывъ ваши важныя дѣла и съ улыбкою умиленія смотрите на это дитя и чело ваше разгладилось и прояснѣло, забота на мигъ слетѣла съ него, и улыбка счастья на мгновеніе освѣтила ваше угрюмое лицо, какъ лучъ солнца, проникнувшій сквозь щель въ мрачное подземелье и трепетно заигравшій на сыромъ его полу?.. Оттого, что видъ этого

дитяти пахнулъ на васъ поэзіею жизни.. Вотъ прекрасная, молодая женщина: въ чертахъ лица ея вы не находите никакого опредѣленнаго выраженія—это не олицетвореніе чувства, души, доброты, любви, самоотверженія, возвышенности мысли и стремленій, словомъ, ничто не говоритъ вамъ въ этомъ лицѣ ни о какомъ рѣзко выпечатавшемся нравственномъ качествѣ: оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнію—и больше ничего; вы не влюблены въ эту женщину и чужды желанія быть любимымъ ею; вы спокойно любуетесь прелестію ея движеній, граціею ея манеръ,—и въ то же время, въ ея присутствіи, сердце ваше бьется какъ-то живѣе, и кроткая гармонія счастья мгновенно разливается въ душѣ вашей... Отчего это, если не оттого, что красота сама по себѣ есть качество и заслуга, и притомъ еще великая? Прекрасна и любезна истина и добродѣтель, но и красота также прекрасна и любезна, и одно другого стоитъ, одно другого замѣнить не можетъ, но то и другое въ одинаковой степени составляетъ потребность нашего духа. Вотъ почему древніе Греки въ своемъ поэтическомъ политеизмѣ обожествовали не только истину, знаніе, могущество, мудрость, доблесть, справедливость, цѣломудріе, но и красоту, сопровождаемую харитами любви и желанія... По ихъ религіозному созерцанію, исполненному поэзіи и жизни, богиня красоты обладала таинственнымъ поясомъ,—

..... всѣ обаянія въ немъ заключались;
Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и просьбы,
Льстивыя рѣчи, ве разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.

Чтобы выразить всю силу неотразимаго вліянія на душу и сердце человѣка поэзіи Гомера, Греки говорили, что онъ похитилъ поясъ Афродиты...

Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ овладѣлъ поясомъ Киприды. Не только стихъ, но каждое ощущеніе, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнены у него невыразимой поэзіи. Онъ созерцалъ природу и дѣйствительность подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, и этотъ уголъ былъ исключительно поэтическій. Муза Пушкина это—дѣвушка-аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородною простотою, и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты, и еще болѣе возвышены виртуозностію формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ей второю, природою.

Самобытныя мелкія стихотворенія Пушкина не восходятъ далѣе 1819 года, и съ каждымъ слѣдующимъ годомъ увеличиваются

въ числѣ. Изъ нихъ прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ маленькія пьесы, которыя и по содержанію и по формѣ отличаются характеромъ античности, и которыя съ перваго раза должны были показать въ Пушкинѣ художника по превосходству. Простота и обаяніе ихъ красоты выше всякаго выраженія: это музыка въ стихахъ и скульптура въ поэзіи. Пластическая рельефность выраженія, строгій классическій рисунокъ мысли, полнота и оконченность цѣлаго, нѣжность и мягкость отдѣлки въ этихъ пьесахъ обнаруживаютъ въ Пушкинѣ счастливаго ученика мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ, онъ не зналъ по-гречески, и вообще многосторонній, глубокий художническій инстинктъ замѣнялъ ему изученіе древности, въ школѣ которой воспитываются всѣ европейскіе поэты. Этой поэтической натурѣ ничего не стоило быть гражданиномъ всего міра и въ каждой сферѣ жизни быть какъ у себя дома; жизнь и природа, гдѣ бы ни встрѣтилъ онъ ихъ, свободно и охотно ложились на полотно подъ его кистью.

До Пушкина было довольно переводовъ изъ греческихъ поэтовъ, равно какъ и подражаній греческимъ поэтамъ; не говоря уже о попыткѣ Кострова перевести „Иліаду“ и о многочисленныхъ переводахъ и подражаніяхъ Мерзлякова, много было переведено изъ Анакреона Львовымъ; но несмотря на все это, за исключеніемъ отрывковъ изъ переводимой Гнѣдичемъ „Иліады“, на русскомъ языкѣ не было ни одной строки, ни одного стиха, который бы можно было принять за намекъ на древнюю поэзію. Такъ продолжалось до Батюшкова, муза котораго была въ родствѣ съ музою эллинскою, и который превосходно перевелъ нѣсколько пьесъ изъ антологіи. Пушкинъ почти ничего не переводилъ изъ греческой антологіи, но писалъ въ ея духѣ такъ, что его оригинальныя пьесы можно принять за образцовые переводы съ греческаго. Это большой шагъ впередъ передъ Батюшковымъ, не говоря уже о томъ, что на сторонѣ Пушкина большое преимущество и въ достоинствѣ стиха. Посмотрите, какъ эллински, или какъ артистически (это одно и то же) рассказалъ Пушкинъ о своемъ художественномъ призваніи, почувствованномъ имъ еще въ лѣта отрочества; эта пьеса называется „Муза“:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семейственную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важныя, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,

Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала;
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ
дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Да, несмотря на счастливые опыты Батюшкова въ антологическомъ родѣ, такихъ стиховъ еще не бывало на Руси до Пушкина! Нельзя не дивиться въ особенности тому, что онъ умѣлъ сдѣлать изъ шестистопнаго ямба—этого несчастнаго стиха, доведеннаго до пошлости русскими эпиками и трагиками добраго стараго времени. За него уже было отчаялись, какъ за стихъ неуклюжій и монотонный, а Пушкинъ воспользовался имъ, словно дорогимъ паросскимъ мраморомъ, для чудныхъ изваяній, *видимыхъ слухомъ...* *Прослушайте* къ этимъ звукамъ,—и вамъ покажется, что вы *видите* передъ собою превосходную античную статую:

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Неренду.
Сокрытый межъ деревьевъ, едва я смѣлъ дохнуть;
Надъ ясною влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣву изъ власовъ струею выжимала.

Акустическое богатство, мелодія и гармонія русскаго языка въ первый разъ явились во всемъ блескѣ въ стихахъ Пушкина. Мы не знаемъ ничего, что могло бы въ этомъ отношеніи сравниться съ этою пьескою:

Я вѣрю, я люблю; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая тѣжность.

Правда, послѣдній стихъ есть не болѣе, какъ вѣрный переводъ стиха André Шенье—*„Et des noms carressants la mollesse enfantine“*; но если гдѣ имѣетъ глубокий смыслъ выраженіе: „онъ беретъ свое, гдѣ ни увидитъ его“, то, конечно въ отношеніи къ этому стиху, который Пушкинъ умѣлъ сдѣлать своимъ.

Тѣмъ же античнымъ духомъ вѣетъ и въ антологическихъ пьесахъ Пушкина, писанныхъ гекзаметромъ. Между ними особенно превосходны пьесы *Трудъ* и *Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ* (первая оригинальная, вторая изъ Ксенофана Колофонскаго). Мы ограничимся выпискою тоже превосходной, но только маленькой пьесы, принадлежащей, впрочемъ, къ самому позднѣйшему времени поэтической дѣятельности Пушкина:

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ
задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій летѣлъ.
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Пушкинъ никогда не оставлялъ совершенно этого рода стихотвореній; но въ первую пору своей поэтической дѣятельности особенно много писалъ ихъ. Это понятно: созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ Древнихъ особенно соотвѣтствуетъ эпохѣ юности каждаго человѣка. Вотъ перечень всѣхъ антологическихъ стихотвореній Пушкина ¹⁾: *Виноградъ, О, два-роза, я въ оковахъ, Доридъ „Рыбъетъ облаковъ летучая грядъ“, Нереида, Дорида, Муза, Діоней, Дѣва, Примѣты, Красавица передъ зеркаломъ, Ночь, Сафо, Кобылица молодая, Царскосельская статуя, Отрокъ, Риома, Трудъ, „Чистый лоснится полъ“, Славная флейта, Θεонъ, „Юношу, горько рыдая“, LVIII ода Анакреона, „Богъ веселый винограда“, Юноша, скромно пируй, Мальчику (изъ Катулла), „Узнаемъ коней ретивыхъ“ (изъ Анакреона), *Леила*. Последнія семь, послѣ превосходной пьесы „Юношу, горько рыдая“, не отличаются особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ; но послѣдующія двѣ просто неудачны: *Кто на сныгахъ возрастилъ Теокрытовы нѣжныя розы* и *На переводъ Иліады*.*

Перечтите пьесы: *Домовому, Недоконченная картина, Возрожденіе, Умолкну скоро я, Земля и Море, Алексѣеву, Ч***ву, „Зачѣмъ безвременную скуку“, Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный*, и еще болѣе пьесы: „*Простили ли мнѣ ревнивыя мечты*“, „*Ненастный день потухъ*“, „*Ты вянешь и молчишь*“, *Къ морю*,—вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вы можете придраться къ мысли недостаточно глубокой, къ взгляду на вещи слишкомъ юному, или слишкомъ отзывающемуся эпохою; но со стороны поэзіи выраженія и поэзіи созерцанія вамъ нечего будетъ осудить. Сравните и эти пьесы съ произведеніями предшествовавшихъ Пушкину школъ русской поэзіи: между ними не будетъ никакой связи, вы увидите совершенный перерывъ, если не возьмете въ соображеніе тѣхъ пьесъ Пушкина, которыя мы означили именемъ *переходныхъ* и о которыхъ говорили подробно въ предшествовавшей статьѣ. Это не значитъ, чтобъ въ произведеніяхъ прежнихъ школъ не было ничего примѣчательнаго, или чтобъ они были вовсе лишены поэзіи: напротивъ, въ нихъ много примѣчательнаго, и они исполнены поэзіи, но есть безконечная разница въ характерѣ ихъ по-

эзіи и характерѣ поэзіи Пушкина. Произведенія прежнихъ школъ въ отношеніи къ произведеніямъ Пушкина—то же, что народная пѣсня, исполненная души и чувства, народнымъ напѣвомъ пропѣтая простолюдиномъ, въ отношеніи къ лирической пѣснѣ поэта художника, положенной на музыку великимъ композиторомъ и пропѣтой великимъ пѣвцомъ.

Сравнимъ, для доказательства, пьесу замѣчательнѣйшаго изъ прежнихъ поэтовъ „Пѣсня“ ¹⁾ съ пьесою Пушкина *Ненастный день потухъ*:

О, милый другъ, теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь...
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою.
Ты друга прежняго, увядага душою;
Веселье ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабуди.

О, милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлукъ;
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ;
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усадятъ;
Но и вдали съ тобой душа моя согласна,
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабуди.

О, милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучший міръ, тамъ мы любить свободны;
Туда душа моя ужъ все перенесла;
Туда всечасное стремить меня желанье;
Тамъ свидимся опять: тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабуди.

Чувство, составляющее пафосъ этого стихотворенія, лишено простоты и естественности, а слѣдовательно, и истины; оно можетъ быть *напущено* на человѣка мечтательностію и поддерживаемо долгое время упрямствомъ фантазіи; но и напущенное чувство, по странному противорѣчію человѣческой природы, такъ же можетъ быть источникомъ блаженства и страданія, какъ и чувство истинное. Подъ этимъ условіемъ мы охотно допускаемъ, что приведенное нами стихотвореніе, несмотря на его сантиментальность и отсутствіе всякой страстности, есть голосъ души, языкъ сердца, *краснорѣчіе чувства*; но оно—не поэзія. Его форма болѣе краснорѣчива, чѣмъ поэтична; въ его выраженіи, болѣзненно грустномъ и расплывающемся, есть что-то прозаическое, темное, лишенное мягкости и нѣжности художественной отдѣлки. А между тѣмъ, это одно изъ лучшихъ произведеній старой школы русской поэзіи, и въ свое время произвело фуроръ. Теперь сравните его съ пьесою Пушкина, въ которой выражена та же мысль разлуки съ любимымъ предметомъ:

¹⁾ См. объ этомъ въ нашей вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 32 (т. II, стр. 197—198).

¹⁾ Жуковского.

Монашій день потухъ; монашій ночи мгла
По небу стелется одеждою свиной;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ!

Далеко тамъ луна въ сіяніи восходитъ;

Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;

Тамъ море движется роскошной пеленой

Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она

Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣтными скалами

Теперь она сидитъ печальна и одна...

Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;

Никто ея колѣни въ забвеніи не цѣлуетъ;

Одна... ничѣмъ устами она не предастъ

Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣло-
снѣжныхъ,

Никто ея любви небесной не достоинъ.

Не правда-ль, ты одна?.. ты плачешь?.. я спо-
койно;

Но если...

Здѣсь не то: въ паосѣ стихотворенія столько жизни, страсти, истины... Луна, восходящая надъ сосновою рощею, напоминаетъ поэту другую луну, которая, въ это томительное для его души время, восходитъ далеко, тамъ, гдѣ природа такъ роскошно прекрасна,—и поэтъ предается невольно мечтѣ о ней, которая въ эту пору одна идетъ къ берегу моря и садится подъ его скалами... Не ревность, а страсть, трепещущая за свое блаженство, заставляетъ его успокаивать себя мыслию, что она — одна, и что ему должно быть спокойнымъ... И сколько жизни, какой энергическій порывъ страсти высказывается въ словѣ: „но если“, отрывисто заключающемъ пьесу!... Все это такъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ столько глубокой страсти, столько истины чувства... А форма?—какая легкость, какая прозрачность! На каждомъ стихѣ, даже отдѣльно взятомъ, такъ и виденъ слѣдъ художческаго рѣзца, оживлявшаго мраморъ!—Какая безкопечная разница!...

Чтобъ еще болѣе показать эту разницу (а это мы считаемъ особенно важнымъ и необходимымъ, по смыслу статьи нашей), сдѣлаемъ еще сравненіе. Вотъ два куплета изъ лучшихъ въ большой и прекрасной пьесѣ Жуковского, принадлежащей уже къ позднѣйшему времени его поэтической дѣятельности:

О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновеніе лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ на вѣкъ минувшее одно...
Почто-жъ мы здѣсь мечтаемъ такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Здѣсь радости—не наше обладанье;

Пролетные плѣнители земли,

Лишь по пути заноситъ къ намъ преданье

О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекая;
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ;
Земная жизнь—страданія питомецъ.

Это уже не „напущенное“ чувство; нѣтъ, это вопль страшно потрясенной души, это голосъ растерзаннаго, истекающаго кровью сердца, это чувство истинное и глубокое; но, несмотря на то, это опять-таки болѣе краснорѣчіе, чѣмъ поэзія. Стихъ тянется какъ-то тяжело и однообразно, во всей формѣ этого стихотворенія есть что-то темное и несвободное, и, несмотря на видимую простоту, въ немъ слишкомъ замѣтно преобладаніе метафоры. Разумѣется, мы говоримъ сравнительно, а не безусловно. Кто не знаетъ пьесы Пушкина „19 октября“? Послѣ обращеній къ каждому изъ отсутствующихъ друзей своихъ поэтъ говорить:

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы! нашъ кругъ часть отъ часу рѣдѣтъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣтъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лица
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Какая глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполне художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ—это не просто поэтическіе стихи, это—поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается пьеса этими полными бодрого чувства стихами:

Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою; онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на „здѣсь“ указывалъ ему какъ на источникъ и горя и утѣшенія, и заставлялъ его искать цѣленіе въ той же существенности, гдѣ постигла его болѣзнь. И, право, въ этой силѣ, опирающейся на внутреннемъ богатствѣ своей натуры, болѣе вѣры въ

Промыселъ и оправданія путей его, чѣмъ во всѣхъ заоблачныхъ порываніяхъ мечтательнаго романтизма.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что мы сравнили между собою только по нѣскольку куплетовъ, вырванныхъ изъ большихъ пьесъ, а не цѣлыя пьесы. Выписка вполнѣ такихъ огромныхъ пьесъ была бы неумѣстна въ журнальной статьѣ; при томъ же, пьесы эти должны быть слишкомъ извѣстны каждому образованному читателю. Кто хочетъ, пусть самъ сравнитъ ихъ въ цѣломъ: онъ тогда увидитъ еще яснѣе, что и въ цѣломъ огромное преимущество на сторонѣ пьесы Пушкина, потому что, несмотря на ея значительную величину, она вездѣ ровна, вездѣ выдержана и какъ будто въ одну минуту, легко и свободно излилась изъ взволнованной души поэта, — между тѣмъ какъ поэма Жуковского очень неровна, потому что не чужда мѣстъ растянутыхъ, холодныхъ и вялыхъ, почему ее трудно прочесть заразъ. Первая пьеса, — это арія, пропѣтая пѣвцомъ, который вполнѣ владѣетъ своимъ голосомъ, не даетъ пропасть ни одной ноткѣ, не ослабѣетъ ни на одно мгновеніе отъ начала до конца аріи... Вторая пьеса это — арія, пропѣтая мѣстами превосходно, а мѣстами холодно и даже фальшиво. Мы нарочно остановились на этомъ обстоятельствѣ, потому что особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ — полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная не отличается этимъ качествомъ; въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодовитости. Въ поэзіи художественной соразмѣрность, стройность, полнота и ровность бывають уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ — прочитавъ его пьесу, чувствуешь что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ.

Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи. Его „Онѣгинъ“, на примѣръ, есть поэма современной, дѣйствительной жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею ея прозою, несмотря на то, что она писана стихами. Тутъ и благодатная весна, и жаркое лѣто, и

гнилая дождливая осень, и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди, и жизнь мирныхъ помѣщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарѣ, о своей роднѣ;

тутъ и мечтательный поэтъ Ленскій, и тривiальный забіяка и сплетникъ Зарѣдкій; то передъ вами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирнаго слуги, отворяющаго, съ метлою въ рукѣ, дверь кофейной; — и всѣ они, каждый по-своему, прекрасны и исполнены поэзіи. Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно сѣрымъ небомъ, въ ея печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ. Чтѣ для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; чтѣ для нихъ была проза, то для него была поэзія. Осень для него лучше весны или лѣта, и читая эти стихи, вы не можете не согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, на то время, пока не увидите его же картины весны или лѣта

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной;
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Вѣднѣжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва;
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна;
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багредѣ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Русская зима лучше русскаго лѣта — этой *карикатуры южныхъ зимъ*, она похожа на самоѣ себя, тогда какъ наше лѣто столько же похоже на лѣто, сколько декорационныя деревья въ театрѣ похожи на настоящія деревья въ лѣсу. Пушкинъ первый понялъ это и первый выразилъ. Его зима облита блескомъ роскошной поэзіи:

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный —
Пора, красавица; проснись,
Открой сомкнуты нѣгой зоры,

Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты поминишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла посидась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами
Великодушными коврами,
Влестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь шпешъ зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната лютарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трепещитъ затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запрячь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые.
И берегъ милый для меня.

Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: на этомъ основаніи общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ... Намъ кажется это только наполовину вѣрнымъ. *Народный поэтъ*—тотъ, котораго весь народъ знаетъ, какъ, на примѣръ, знаетъ Франція своего Веранже; *национальный поэтъ*—тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько-нибудь образованные классы, какъ, на примѣръ, Нѣмцы знаютъ Гёте и Шиллера. Нашъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поетъ себѣ доселѣ „Не бѣлы то снѣжки“, не подозрѣвая даже того, что поетъ стихи, а не прозу... Слѣдовательно, съ этой стороны смѣшно было и говорить объ эпитетѣ „народный“ въ примѣненіи къ Пушкину, или къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово „национальный“ еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ „народный“. Подъ „народомъ“ всегда разумѣютъ массу народонаселенія, самый низшій и основной слой государства. Подъ „націею“ разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія, отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Национальный поэтъ выражаетъ, въ своихъ твореніяхъ, и основную, безразличную, неуловимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ масса народа, и опредѣленное значеніе этой субстанціальной стихіи, развившейся въ жизни образованнѣйшихъ сословій націи. Национальный поэтъ—великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не отразить въ

себѣ географически и фізіологически народной жизни, ибо былъ не только Русскій, но при томъ Русскій, надѣленный отъ природы геніальными силами; однакожъ въ томъ, что называютъ народностію и національнію его поэзію, мы больше видимъ его необыкновенно великій художническій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника. Прочтите его чудную драматическую поэму „Русалка“: она вся насквозь проникнута истинностію русской жизни; прочтите его тоже чудную драматическую поэму „Каменный Гость“; она и по природѣ страны и по нравамъ своихъ героевъ такъ и дышитъ воздухомъ Испаніи; прочтите его „Египетскія ночи“, вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни мы могли бы привести много, но довольно и этихъ трехъ. И что же это доказываетъ, если не его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истинною рисовалъ природу и нравы даже никогда невиданныхъ имъ странъ, какъ же бы его изображенія предметовъ русскихъ не отличались вѣрностію природы? Чтобы изслѣдовать основательнѣе этотъ вопросъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать довольно большую выписку изъ статьи Гоголя „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“.

„При имени Пушкина тотчасъ осязаетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное; и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла.

„Самая его жизнь—совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится Русскій и которое всегда правится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ.—Судьба какъ нарочно забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностію; гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подтолачными горами и обвѣвается югомъ. Исполнинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ среди знойныхъ долинъ поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣвила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ

кисть его приобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только что начинавшую читать Россію. Рисуешь ли онъ боевую схватку чеченца съ казакомъ—слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣ самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южными небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ быть оттого и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и оттого произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и почвами Крыма, имѣли чудную магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ встали и не встали считали обязанностію проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ мараблей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду.

„Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, какъ описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетливъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ видалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

„Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно возносящеюся изъ-за облакъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предаваясь глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполне національнымъ поэтомъ,—его поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, горы, Крымъ и Грузія.

„Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить: будучи пораженъ смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія являлись предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ; представь дѣла

нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это нимало не похоже на то, что было“. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій, но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ. Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ приобретаетъ яркую живость; до того характеръ народа большею частію былъ безвѣстенъ: разнообразіе страстей ему мало было извѣстно. Поэтъ не виноватъ, но и въ народѣ тоже весьма извинительно чувство придать болѣе разнѣ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, тогда толпа читателей, толпа народа на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги: или быть вѣрну одной истинѣ, быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ прощай, толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвести всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ потому, что хотѣлъ остаться поэтомъ и потому, что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святого призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ. Никто не станетъ спорить, что дивій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судья и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя, и несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельѣ, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ.—Но тотъ и другой—они оба явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣй поражаетъ наше воображеніе, и предпочтешь необыкновенному обыкновенное, есть не больше, какъ неразсчетъ поэта, неразсчетъ предъ его многочисленною публикою, а не передъ собою. Онъ ни чуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе приобретаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатокъ и судья мои былиокружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понимать тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять не блестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ, потому что,

чѣмъ предметъ обыкновеніе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное, и чтобы это необыкновенное было между прочимъ совершенная истина. По справедливости апофизены послѣднія его поэмы? Опредѣлилъ ли, полагалъ ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней непреступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?—по крайней мѣрѣ печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка и онѣ остались донинѣ не тронуты“.

Все это очень справедливо, особенно опредѣленіе національнаго поэта: „Поэтъ даже можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“. И, если хотите, съ этой точки зрѣнія. Пушкинъ болѣе національно-русскій поэтъ, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя опредѣлить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Да *какъ* же чувствуютъ и говорятъ они? чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй?.. Вотъ вопросы, на которые не можетъ дать отвѣта настоящее, ибо Россія по преимуществу—страна будущаго... ¹⁾.

Обращаясь снова къ нашей мысли о художественности, какъ преобладающемъ пафосѣ поэзіи Пушкина, замѣтимъ еще его удивительную способность дѣлать поэтическими самые прозаическіе предметы. Чтò, на примѣръ, можетъ быть прозаичнѣе выѣзда въ саняхъ моднаго франта въ сюртукѣ съ бобровымъ воротникомъ? Но у Пушкина это—поэтическая картина:

Ужъ темно; въ савей онъ садится:
„Поди! поди!“ раздался крикъ!
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

Или, чтò можетъ быть прозаичнѣе такой мысли, что-де въ городѣ не было мостовой и всѣ тонули въ грязи, но что уже въ немъ начали дѣлать мостовую? Страшно и подумать втиснуть такую мысль въ стихъ! Но Пушкинъ этого не побоялся, и у него вышла поэтическая картина, въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ:

Въ году недѣль пять-шесть Одесса
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена.
Въ густой грязи погружена.

Всѣ дома на аршипы загрязнута,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ вбродъ;
Кареты, люди тонуть, вязнутъ,
И въ дрожжахъ волѣ, рога склопя,
Смѣняетъ хилаго коня.
Но ужъ дробить каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.

Для Пушкина также не было такъ называемой *низкой природы*; поэтому, онъ не затруднялся никакимъ сравненіемъ, никакимъ предметомъ, бралъ первый попавшійся ему подъ-руку, и все у него являлось поэтическимъ, а потому прекраснымъ и благороднымъ. Какъ, хорошо, на примѣръ, это взятое изъ низкой природы сравненіе:

Стократ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ уgomинвъ,
Поконится въ сердечной вѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на почлегѣ.

Или какъ прекрасна у него вотъ эта „низкая природа“:

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеаль теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да шей горшокъ, да самъ большой...

Тотъ еще не художникъ, котораго поэзія трепещетъ и отвращается прозы жизни, кого могутъ вдохновлять только высокіе предметы. Для истиннаго художника—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія ¹⁾.

Талантъ Пушкина не былъ ограниченъ тѣсною сферою одного какого-нибудь рода поэзіи: превосходный лирикъ, онъ уже готовъ былъ сдѣлаться превосходнымъ драматургомъ, какъ внезапная смерть остановила его развитіе. Эпическая поэзія также была свойственнымъ его таланту родомъ поэзіи. Въ послѣднее время своей жизни онъ все болѣе и болѣе наклонялся къ драмѣ и роману и, по мѣрѣ того, отдалялся отъ лирической поэзіи. Равнымъ образомъ онъ тогда часто забывалъ стихи для прозы. Это самый естественный ходъ развитія великаго поэтическаго таланта въ наше время. Лирическая поэзія, обнимающая собою міръ ощущеній и чувствъ, съ особенною силою кипящихъ въ молодой груди, становится тѣсною для мы-

¹⁾ См. эти же мысли въ статьяхъ №№ 26, 44 и др.

¹⁾ Фраза изъ диссертации Надеждина—ubi vita, ibi poësis—проходитъ черезъ всѣ статьи БѢлинскаго, отъ первыхъ до послѣднихъ.

сли возмужалаго человѣка. Тогда она дѣлается его отдыхомъ, его забавою между дѣломъ. Дѣйствительность современнаго намъ міра полнѣе, глубже и шире въ романѣ и драмѣ.—О поэмахъ и драматическихъ опытахъ Пушкина мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ, а теперь остановимся на его лирическихъ произведеніяхъ.

Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Мы уже не разъ замѣчали, что это сравненіе болѣе чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ по своей натурѣ, а слѣдовательно, и по паѳосу своей поэзіи, какъ Байронъ и Пушкинъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Зная кипучую, разгульную, исполненную тревогъ и бѣдъ его юность, думали видѣть въ немъ духъ гордый, неукротимый, титаническій. Основываясь на какомъ-нибудь десяткѣ ходившихъ по рукамъ его стихотвореній, исполненныхъ громкихъ и смѣлыхъ, но тѣмъ не менѣе неосновательныхъ и поверхностныхъ фразъ, думали видѣть въ немъ поэтическаго трибуна. Нельзя было болѣе ошибаться во мнѣніи о человѣкѣ! Въ тридцать лѣтъ Пушкинъ распрощался съ тревогами своей кипучей юности не только въ стихахъ, но и на дѣлѣ. Надъ „рукописными“ своими стихами онъ потомъ самъ смѣялся. Но все это въ сторону; главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина (и въ этомъ случаѣ самое вѣрное свидѣтельство есть его поэзія) была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно дѣятельнаго (а не только созерцательнаго) увлеченія живою, могучею мыслию, въ жертву которой приносится и жизнь и талантъ. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ какой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи, такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій. Почему это было такъ, а не иначе, и къ достоинству или недостатку Пушкина должно это отнести? Еслибъ его натура была другая, и онъ шелъ по этому несвойственному ей пути, то, безъ сомнѣнія, это было бы въ немъ больше, чѣмъ недостаткомъ; но какъ онъ въ этомъ отношеніи былъ только вѣренъ своей натурѣ, то за это его такъ же нельзя хвалить или порицать, какъ одного нельзя хвалить или порицать за то, что у него черные, а не русые волосы, и другого за то, что у него русые, а не черные.

Лирическія произведенія Пушкина въ особенности подтверждаютъ нашу мысль о его

личности. Чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, несмотря на его глубину, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ человѣчно, гуманно! И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной! Чтѣ составляетъ содержаніе мелкихъ пьесъ Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастья и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умиряетъ муки души и дѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ *чувство изящное*. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоюго пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностію; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому, поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностію, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и бесплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувства! Нужны ли доказательства въ подтвержденіе нашей мысли?—Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ. Еслибъ мы за-

хотѣли прибѣгнуть къ выпискамъ, имъ не было бы конца. Намъ стоило бы только поименовать цѣлый рядъ стихотвореній; но, чтобъ мысль наша имѣла надъ читателемъ убѣждающую силу живого впечатлѣнія, напишемъ здѣсь нѣсколько пьесъ совершенно различнаго тона и содержанія.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ;
Давно твоей игрой узоры и цвѣты
Не оживлялись. Безмолвно любишь ты
Грустинѣ. О, я знатокъ въ дѣвической печали!
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утайшь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными? Красивѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродить
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты тайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникѣ блестящаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободной и смѣлой
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

Это сама прелесть, сама грація, полная души и нѣжности, страстная и „плѣнительная“, выражаясь любимымъ эпитетомъ Пушкина! Ни у какого другого русскаго поэта не найдете вы ни одного стихотворенія, въ которомъ бы такъ счастливо сочетались изящно-гуманное чувство съ пластически изящною формою.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой, колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли-ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клеветы, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я? гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ молніей постигнутый въ пустынь,
И все передо мной затмилось! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты
Окружена была; чтобъ громкою молвою [мною
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ,
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

Это чувство юноши; но вотъ оно же, уже чувство человѣка возмужалаго, и въ немъ та же трогающая душу гуманность, та же артистическая прелесть:

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Наконецъ, это изящно-гуманное чувство отзывается чѣмъ-то благоуханно-святимъ въ испытанномъ, но не побѣжденномъ жизнію поэтѣ:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе свое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить. Но почему-жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдетъ и скроется? Ужель не можно мнѣ
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей,—
Веселый миръ души, безпечные досуги,
Все—даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги?..

Кромѣ уже поименованныхъ и, частію, выписанныхъ нами самобытныхъ пьесъ изъ первой части, перечтите также слѣдующія, которыя поименуемъ мы теперь въ хронологическомъ порядкѣ: *Сожженное письмо*, *Я помню чудное минованье*, *Зимняя дорога*, *Отвѣтъ Ѳ. Т****, *Ангелъ*, *Соловей*, *„Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая“*, *Наперсникъ*, *Предчувствіе*, *Цвѣтокъ*, *„Не пой, красавица, при мнѣ“*, *„Городъ пышный, городъ бѣдный“*, *Птичка*, *Иностранецъ*, *„На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“*, *„Не плѣняйся бранной славой“*, *„Попдемъ, я ютовъ“*, *„Когда твои младыя мѣта“*, *„Зима, что дѣлать намъ въ деревнѣ?“*, *Калмычкъ*, *„Что въ имени тебѣ моемъ?“*, *„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“*, *Отвѣтъ Анониму*, *„Пью за здравіе Мери“*, *Цыганы*, *Мадонна*, *Зимній вечеръ*, *„Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я“*, *Анчаръ*, *„Подъѣзжая подъ Ижору“*, *Примѣты*, *Красавица* (въ альбомѣ Г***), *Признаніе* (къ Александрѣ Ивановичу О—й¹⁾), *Желаніе*, *Пажъ, или пятнадцатый годъ*, *Ея глаза*, *Разставаніе*, *Романсъ* („Передъ испанкой благородной“), *„Послѣдніе цвѣты“*, *„Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ“*. Здѣсь не названа только *Разлука*—„Для береговъ отчизны дальней“ не названа для того, чтобъ сказать, что едва ли граціозно-гуманная муза Пушкина создавала что-нибудь благоуханнѣе, чище, святѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

¹⁾ Это, равно какъ и выписанное нами стихотвореніе „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу“ не удостоились чести попасть въ томъ IX-й „полнаго“ собранія сочиненій Пушкина, по смерти его изданныхъ.

изыщѣ этого стихотворенія по чувству и по формѣ.

Какъ на послѣднее доказательство преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, какъ доказательство, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или поневолѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ, указываемъ на пьесы: *Баратынскому изъ Бессарабіи*, *Примите Невскій Альманахъ*, *Княгинѣ З. А. Волконской, Отвѣтъ Катенину, И. В. С***, Отвѣтъ А. И. Готовцевой, Е. Н. У***вой. Снытованіе, А. Д. Баратынскому, Д. В. Давыдову* (при посылкѣ исторіи Пугачевского бунта), *Къ женищину поэту, В. С. Ф**** (при полученіи поэмы его: *Дурацкій колпакъ*), *Въ Альбомъ („Доло сихъ листовъ заветныхъ“)*.

Мы сказали, что чтеніе Пушкина должно сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ человѣкѣ. Да; не во гнѣвъ будь сказано нашимъ литературнымъ старовѣрамъ, нашимъ сухимъ моралистамъ, нашимъ черствымъ, анти-эстетическимъ резонерамъ,—никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ (если въ нихъ было и еще не умерло зерно эстетическаго и человѣческаго чувства) читателей, какъ Пушкинъ, потому что мы не знаемъ на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поэта, какъ Пушкинъ. Старовѣры еще не могутъ забыть—кто Ломоносова, кто Сумарокова, кто того, кто другого и т. д. Что касается до моралистовъ и резонеровъ (между которыми много найдете людей ограниченныхъ, хотя и добрыхъ и даже благонамѣренныхъ, но еще болѣе фарисеевъ и тартюфовъ),—они, ратуя противъ Пушкина, какъ безнравственнаго поэта, обыкновенно любятъ ссылаться или на шаловливую въ еротическомъ родѣ произведенія его юности, и на поэму „Русланъ и Людмила“, не чуждую многихъ поэтическихъ вольностей; или на стихотворенія—„Демонъ“, „Даръ напрасный, даръ случайный“. Но перваго они не ставятъ же въ вину Державину—автору „Мельника“ и многихъ довольно вольныхъ анакреонтическихъ стихотвореній, ибо, несмотря на нихъ, считаютъ его въ высшей степени „нравственнымъ“ поэтомъ. Равнымъ образомъ, восхищаясь „Душенькою“ Богдановича, они тоже не думаютъ находить ее „безнравственною“. Чѣмъ же Пушкинъ виноватъ передъ ними?—Этого они сами не понимаютъ, и потому оставимъ ихъ въ покоѣ... Относительно же „Демона“ мы еще будемъ говорить о томъ, что пушкинскій демонъ не изъ са-

мыхъ опасныхъ, и что это—скорѣе чертенокъ, нежели чортъ. Прибавимъ къ этому только, что и не будучи демоническимъ поэтомъ, Пушкинъ имѣлъ право и не могъ не знать иногда муки сомнѣнія: ибо этой муки совершенно чужды только натуры мелкія, ничтожныя, сухія и мертвыя. Пьеса „Даръ напрасный, даръ случайный“ есть не что иное, какъ порожденіе одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія, которыя неизбѣжны,—какъ минуты,—для всякой живой и сильной натуры; но она отнюдь не есть выраженіе пафоса пушкинской поэзіи, а скорѣе—случайное противорѣчіе пафосу его поэзіи. Призваніе Пушкина, характеръ и направленіе его поэзіи гораздо болѣе выражается въ этомъ стихотвореніи:

Въ часы забавъ, или празднои скуки,
Бывало лирѣ я моей
Вѣрялъ приѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ,
И рапамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И пылъ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палама,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И вплететь арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Такъ какъ поэзія Пушкина вся заключается преимущественно въ поэтическомъ созерцаніи міра, и такъ какъ она безусловно признаетъ его настоящее положеніе если не всегда утѣшительнымъ, то всегда необходимо разумнымъ,—поэтому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ, нежели рефлектирующимъ, высказывается болѣе, какъ чувство, или какъ созерцаніе, нежели какъ мысль. Вся насквозь проникнутая гуманностию, муза Пушкина умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни, но она смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ (*resignatio*), какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія. Такой взглядъ на міръ вытекалъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящною елейностию, кротостию, глубиною и возвышенностию своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему

возрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго. Эту мысль мы полнѣе и яснѣе разовьемъ въ статьѣ о Лермонтовѣ, въ которой постоянно будемъ имѣть въ виду сравненіе обоихъ этихъ поэтовъ ¹⁾.

Въ стихотвореніи „Чернь“ заключается художническое profession de foi Пушкина. Онъ презираетъ чернь и, на ея приглашеніе исправлять ее звуками лиры, отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія:

Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣете смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
*Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.*

Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренные строчки съ рѣзкими разныя нравоучительныя мысли и требуютъ отъ поэта непременно, чтобъ онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и пр., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобъ соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобъ противорѣчить имъ,—а тѣмъ, чтобъ, забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты, съ ихъ „вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами“, но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, еслибъ набожная толпа

не соприисутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственный источникъ таинственной психеи народной жизни. Народъ (взятый какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи породить изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи—съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-малолѣтныхъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непременно гимны добродѣтели и карать сатирою пороки, но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобъ поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбію этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно, Пушкинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и рѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе „Поэтъ“, въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтоженъ въ всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ,—но мысль эта теперь совершенно ложна. Наша современность кишитъ поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляются; но тѣмъ не менѣе, всѣ видятъ въ нихъ теперь не болѣе, какъ *великихъ людей на малыя дѣла*: всѣ знаютъ, что эти господа скоро выписываются и, изъ денегъ, громкими фразами увѣряютъ другихъ въ томъ, чему нѣкогда сами вѣрили, но чему теперь уже сами первые не вѣрятъ. Наше время преклонитъ колѣни только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарий на его творенія, а творенія—лучшее оправданіе его жизни. Гѣте не принадлежалъ къ числу пошлыхъ торгашей идеями, чувствами и поэзіею; но практическій и историческій индифферентизмъ не далъ ему сдѣлаться властителемъ думъ нашего времени, несмотря на всю широту его мірообъемлющаго генія. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія (о чемъ мы еще будемъ говорить) тѣмъ не

¹⁾ Эту обѣщанную статью о Лермонтовѣ Бѣлинскій такъ и не написалъ; но указанный взглядъ на Лермонтова уже былъ проведенъ имъ въ его статьяхъ 1840—1841 гг. (№№ 23—24).

менѣе были причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя въ художественномъ отношеніи пьесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывается его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался еамимъ собою, но по несчастію въ такое время, которое было очень неблагоприятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство и мало пріобрѣтало общество. Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, что онъ не могъ выйти изъ заколдованнаго круга своей личности,—и со всею добросовѣстностію человѣка и художника написавъ свое превосходное стихотвореніе „Поэту“:

Поэтъ, не дорожи любовію народной,
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;

Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды высокихъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

И Пушкинъ навсегда затворился въ этомъ гордомъ величіи непонятаго и оскорбленнаго художника... И когда онъ писалъ свои лучшія творенія—*Скупого Рыцаря*, *Египетскія Ночи*, *Русалку*, *Меднаго Всадника*, *Галуба*, *Каменнаго Гостя*, онъ всего менѣе считывалъ на восторгъ публики, и потому не торопился издавать ихъ...

Изъ мелкихъ произведеній его болѣе другихъ отличаются присутствіемъ глубокой и яркой мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ національнаго чувства, въ истинномъ значеніи этого слова, стихотворенія, посвященныя памяти Петра Великаго. Имя Петра Великаго должно быть нравственною точкою, въ которой должны сосредоточиться всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ надежды, гордость, благоговѣніе и

обожаніе всѣхъ Русскихъ: Петръ Великій— не только творецъ бывшаго и настоящаго величія Россіи, но и всегда останется путеводною звѣздою русскаго народа, благодаря которой Россія будетъ всегда идти своею настоящею дорогою къ высокой цѣли нравственнаго, человѣческаго и политическаго совершенства. И Пушкинъ вѣдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько національнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи. Эти стихотворенія достойны своего высокаго предмета. Жаль только, что ихъ слишкомъ мало. Изъ поэмъ Петръ является въ „Полтавѣ“ и „Мѣдномъ Всадникѣ“: объ нихъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ. Изъ мелкихъ стихотвореній Петру посвящены только двѣ пьесы,—но это перлы поэзіи Пушкина. Кромѣ простоты и величія въ мысляхъ, въ чувствахъ и въ выраженіи, есть что-то русское, народное въ самомъ тонѣ и складѣ этихъ пьесъ. Кто изъ образованныхъ Русскихъ (если онъ только дѣйствительно Русскій) не знаетъ превосходной пьесы, носящей скромное и повидимому незначительное названіе „Стансовъ“? Эта пьеса драгоцѣнна русскому сердцу въ двухъ отношеніяхъ: въ ней, словно изваянный, является колоссальный образъ Петра; въ связи съ нимъ находимъ въ ней поэтическое пророчество, такъ чудно и вполне сбывавшееся, о блаженствѣ нашихъ дней¹⁾.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни;
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой.
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуръ подобенъ:
Какъ онъ неутомимъ и твердъ.
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

Какое величіе и какая простота выраженія! Какъ глубоко знаменательны, какъ возвышенно благородны эти простыя житейскія слова—*плотникъ и работникъ*!.. Кому неизвѣстна также превосходная пьеса Пушкина—*Пиръ Петра Великаго*? Это—высокое, художественное произведеніе и въ то же время—

¹⁾ Это прославленіе „ніколаевской эпохи“ слишкомъ противорѣчитъ негодованію Вѣлинскаго на „глухую расейскую дѣйствительность“, чтобы можно было хоть на минуту признать это прославленіе искреннимъ.

народная пѣсня. Вотъ передъ такою народностью въ поэзіи мы готовы преклоняться; вотъ это—патріотизмъ, передъ которымъ мы благоговѣемъ... А ужъ воля ваша, ни народности, ни патріотизма не видимъ мы ни искорки въ новѣйшихъ „драматическихъ представленіяхъ“ и романахъ съ хвастливыми фразами, съ квашеною капустою, кулаками и подбитыми лицами... ¹⁾).

Никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите *Жениха*, *Утопленника*, *Бѣсовъ* и *Зимній Вечеръ* — и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... Эти пьесы въ тысячу разъ лучше его же такъ называемыхъ сказокъ, этихъ уродливыхъ искаженій и безъ того уродливой поэзіи... но о нихъ рѣчь впереди. И если такихъ пьесъ, какъ *Женихъ*, *Утопленникъ*, *Бѣсы* и *Зимній Вечеръ*, у Пушкина немного, въ этомъ, конечно, виноваты ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи. Но Пушкинъ умѣлъ извлечь изъ нея дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную, и въ обоихъ случаяхъ удивительно вѣрную поэтически дѣйствительности русской жизни. Мы говоримъ о „Русалкѣ“, о которой, впрочемъ, рѣчь также впереди.

Къ особеннымъ чертамъ пушкинской поэзіи, рѣзко отдѣляющимъ ее отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность. Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не возводитъ на себя великолѣпныхъ, но неиспытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно. Такъ, напримѣръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стонотъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчаяніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки!.. Но сердце наше — вѣчная тайна для насъ самихъ... и вотъ какъ подѣйствовала на Пушкина роковая вѣсть:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увела, наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я;
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою вѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

Да, непостижимо сердце человѣческое, и, можетъ быть, тотъ же самый предметъ внушилъ впоследствии Пушкину его дивную „Разлуку“ — *Для береговъ отчизны далной...* ¹⁾. Въ отношеніи художнической добросовѣстности Пушкина такова же его превосходная пьеса „Воспоминаніе“: въ ней онъ не рисуется въ мантии сатанинскаго величія, какъ это дѣлаютъ часто мелкодушные талантики, но просто, какъ человѣкъ, оплакиваетъ свои заблужденія. И этимъ доказывається не то, чтобъ у него было больше другихъ заблужденій, но то, что, какъ душа мощная и благородная, онъ глубоко страдалъ отъ нихъ и свободно сознавался въ нихъ передъ судомъ своей совѣсти... Та же художническая добросовѣстность видна даже въ его картинахъ природы, которыми особенно любятъ щеголять мелкіе таланты, изукрашивая ихъ небывалыми красками и изъ русской природы смѣло дѣлая пародію на итальянскую. Въ доказательство приводимъ одну изъ самыхъ превосходнѣйшихъ и, вѣроятно, по этой причинѣ, наименѣе замѣченныхъ и оцѣненныхъ пьесъ Пушкина — „Капризъ“:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей темной музой,

Поди-ка ты сюда; присядь-ка ты со мной;
Попробуй, сладимъ ли съ проелятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить

И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,

За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.

Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка

И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ,
Скорѣй! ждать некогда! давно-бъ ужъ схоронилъ!

Кстати объ изображаемой Пушкинымъ природѣ. Онъ созерцалъ ее удивительно вѣрно и живо, но не углублялся въ ея тайный

¹⁾ Намекъ на „патріотическіе“ романы Загоскина и драмы Полевого.

¹⁾ Оба эти стихотворенія, дѣйствительно, относятся къ одному и тому же „предмету“ — къ Амалии Ризницъ.

языкъ. Оттого онъ рисуетъ ее, но не мыслить о ней. И это служитъ новымъ доказательствомъ того, что наосъ его поэзіи былъ чисто артистическій, художническій, и того, что его поэзія должна сильно дѣйствовать на воспитаніе и образованіе *чувства* въ человѣкѣ. Если съ кѣмъ изъ великихъ европейскихъ поэтовъ Пушкинъ имѣетъ нѣкоторое сходство, такъ болѣе всего съ Гёте, и онъ еще болѣе, нежели Гёте, можетъ дѣйствовать на развитіе и образованіе чувства. Это, съ одной стороны, его преимущество передъ Гёте и доказательство, что онъ больше, нежели Гёте, вѣренъ художническому своему элементу; а съ другой стороны, въ этомъ же самомъ неизмѣримое превосходство Гёте передъ Пушкинымъ: ибо Гёте весь мысль, и онъ не просто изображалъ природу, а заставлялъ ее раскрывать передъ нимъ ея заветныя и сокровенныя тайны. Отсюда явилось у Гёте его пантеистическое созерцаніе природы и—

Была ему звѣдная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Для Гёте природа была раскрытая книга идей; для Пушкина она была—полная невыразимаго, но безмолвнаго очарованія живая картина. Образцомъ пушкинскаго созерцанія природы могутъ служить пьесы: *Туча* и *Обвалъ*:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжплась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумять и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ уналь,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терекъ могущій валъ
Оставовилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ сѣгъ...
Ты затопилъ, осмирѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,

И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ.
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ.
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ выишь мнится лишь Эоль
Небесъ жилецъ.

Несмотря на всю разницу въ содержаніи этихъ пьесъ, обѣ онѣ—живопись въ поэзіи.

Мы уже говорили о разнообразіи поэзіи Пушкина, о его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни. Въ этомъ отношеніи, независимо отъ мыслительной глубины содержанія, Пушкинъ напоминаетъ Шекспира. Это доказываютъ даже мелкія его пьесы, какъ и поэмы, и драматическіе опыты. Взглянемъ, въ этомъ отношеніи, на первыя. Превосходнѣйшія пьесы въ антологическомъ родѣ, запечатлѣнныя духомъ древне-эллинской музыки, подражанія Корану, вполне передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіи—блестящій алмазъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина! Въ крови горитъ огонь желанья, *Вертоградъ моей сестры*, *Пророкъ* и большое стихотвореніе, родъ поэмы, исполненной глубокаго смысла и названной *Отрывкомъ*, — представляютъ красоты восточной поэзіи другого характера и высшаго рода и принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ Пушкинскаго генія-протей. Мы говорили уже о *Женихѣ*, *Утопленникѣ*, *Бѣсахъ* и *Зимнемъ вечерѣ*—пьесахъ, образующихъ собою отдѣльный міръ русско-народной поэзіи въ художественной формѣ. „Пѣсни Западныхъ Славянъ“ болѣе чѣмъ что-нибудь доказываютъ непостижимый поэтическій тактъ Пушкина и гибкость его таланта. Известно происхожденіе этихъ пѣсенъ и продолка даровитаго француза Мериме, вздумавшаго посмѣяться надъ колоритомъ мѣстности. Не знаемъ, каковы вышли на французскомъ языкѣ эти поддѣльныя пѣсни, обманувшія Пушкина, но у Пушкина онѣ дышатъ всею роскошію мѣстнаго колорита, и многія изъ нихъ превосходны, несмотря на однообразіе—неизбѣжное, впрочемъ, свойство всѣхъ народныхъ произведеній. *Подражанія Данту* можно счесть за отрывочные переводы изъ „Божественной Комедіи“, и они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по-русски переводы въ стихахъ и прозѣ. *Начало поэмы* („Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ“) какъ будто написано Туркомъ нашего времени... Какое разнообразіе! Какое богатство! Какъ виденъ въ этомъ талантъ по превосходству, артистическій, художественный! И то ли еще уви-

димъ, въ этомъ отношеніи, въ большихъ нѣсахъ Пушкина!

Сдѣлаемъ теперь общій взглядъ на всѣ мелкія стихотворенія и поговоримъ о нѣкоторыхъ въ частности. О стихотвореніяхъ, заключающихся въ первой части, мы говорили почти обо всѣхъ. При началѣ поэтического поприща Пушкина живо интересовала современная исторія—направление, которому онъ скоро совершенно измѣнилъ. Онъ воспѣлъ смерть Наполеона; въ превосходной пьесѣ своей „Къ морю“ онъ принесть достойную дань памяти Байрона, охарактеризовавъ его личность этими немногими, но сильными чертами:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Андре Шенье былъ отчасти учителемъ Пушкина въ древней классической поэзіи, и въ эллегіи, означенной именемъ французскаго поэта, Пушкинъ многими прекрасными стихами вѣрно воспроизвелъ его образъ. Въ превосходной пьесѣ „19 октября“, мы знакомимся съ самимъ Пушкинымъ, какъ съ человекомъ, для того, чтобъ любить его, какъ человека. Вся эта пьеса посвящена имъ воспоминанію объ отсутствующихъ друзьяхъ. Многія черты въ ней принадлежатъ уже къ прошедшему времени: такъ, наприимѣръ, теперь, когда уже вывелись восторженные юноши-поэты, въ родѣ Лепскаго (въ „Онѣгинѣ“), никто не говоритъ „о Шиллерѣ, о славі, о любви“; но пьеса отъ этого тѣмъ дороже для насъ, какъ живой памятникъ прошлаго. „Сцена изъ Фауста“ есть не переводъ изъ великой поэмы Гёте, а собственное сочиненіе Пушкина въ духѣ Гёте. Превосходная пьеса, но пафосъ ея не совсѣмъ Гётевскій. Прекрасная маленькая пьеска „Воронъ къ ворону летитъ“ есть передѣлка на русскій ладъ баллады Вальтера Скотта. Пьесы, составляющія третью часть, болѣе проникнуты грустію, но не элегическою: это даже не грусть, а скорѣе важная дума испытаннаго жизнію и глубоко всмотрѣвшагося въ нее таланта. Чувство гуманности во многихъ пьесахъ этой части доходитъ до какого-то внутренняго просвѣтленія. Таковы въ особенности пьесы: *Когда твои младыя мѣта и Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*. Заключеніе послѣдней превосходно: есть что-то похожее на пантеистическое міросозерцаніе Гёте въ послѣднемъ куплетѣ: томимый грустнымъ предчувствіемъ близкаго конца, поэтъ говоритъ, что ему хотѣлось бы заснуть навѣки въ родномъ краѣ, хотя для безчувственнаго тѣла вездѣ равно истлѣвать—

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,

И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Изъ этого, какъ изъ многихъ, особенно большихъ, пьесъ Пушкина видно, что онъ поставлялъ выходъ изъ диссонансовъ жизни и примиреніе съ трагическими законами судьбы не въ заоблачныхъ мечтаніяхъ, а въ опирающейся на самое себя силѣ духа...

Въ третьей же части находится превосходное стихотвореніе „Къ Вельможѣ“. Это полная, дивными красками написанная картина русскаго XVIII вѣка. Нѣкоторые крикливые глупцы, не понявъ этого стихотворенія, осмѣливались, въ своихъ полемическихъ выходкахъ, бросать тѣнь на характеръ великаго поэта, думая видѣть лесть тамъ, гдѣ должно видѣть только въ высшей степени художественное постиженіе и изображеніе цѣлой эпохи въ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ ея представителей ¹⁾. Стихи этой пьесы—само совершенство и вообще вся пьеса одно изъ лучшихъ созданій Пушкина. Поэтъ, съ дивною вѣрностію изобразивъ то время, еще болѣе отбѣняетъ его черезъ контрастъ съ нашимъ:

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы,
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судьбы разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донинѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище,
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептической причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касті,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забиты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывшее истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашнаго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокіхъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свестъ приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Вообще, третья часть заключаетъ въ себѣ лучшія мелкія пьесы Пушкина, не говоря уже о двухъ превосходнѣйшихъ драматическихъ очеркахъ—*Моцартъ и Сальери* и *Пиръ во время чумы*. Въ самомъ стихѣ виденъ большой успѣхъ. И между тѣмъ, аристархами того времени эта часть была принята очень дурно. *Кавказъ, Обвалъ, Монастырь на Казбекѣ, На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла, Не плѣняйся бранной славою, Когда твои младыя мѣта, Зима: Что дѣлать намъ въ деревнѣ, Зимнее утро, Калмычкѣ, Что въ имени тебѣ моемъ, Брожу ли я вдоль*

¹⁾ „Крикливые глупцы“—относится къ Полевому; см. объ этомъ подробно въ нашей вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 6 (т. I, стр. 200).

улицъ шумныхъ, Въ часы забавъ или праздной скуки, Къ Вельможъ, Поэту, Отвѣтъ Анониму, Пью за здравіе Мери, Бѣсы, Трудъ, Цыгане, Мадонна, Эхо, Клеветникамъ Россіи, Бородинская Годовщина, Узникъ, Зимній вечеръ, Даръ напрасный, даръ случайный, Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я, Анчаръ, Примѣты: во всѣхъ этихъ пьесахъ критиканы 1832 года увидѣли несомнѣнные признаки паденія Пушкина!.. То-то были люди со вкусомъ!..¹⁾

Четвертая часть преимущественно занята русскими сказками и „Пѣснями Западныхъ Славянъ“; мелкихъ пьесъ немного, но онѣ всѣ превосходны. *Гусаръ*, *Будрысъ и его Сынъ*, *Воевода*—мастерскіе переводы изъ Мицкевича; *Красавица*, двѣ пьесы *подражаній древнимъ* и *Элеія* („Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“) принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ Пушкина. Кромѣ того, въ четвертой части напечатанъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, явившійся въ первый разъ въ видѣ предисловія къ первой главѣ „Евгенія Онегина“. Этотъ „Разговоръ“ отзывается первою эпохою поэтической дѣятельности Пушкина и не совсѣмъ кстати попалъ въ четвертую часть его сочиненій.

Къ позднѣйшимъ сочиненіямъ Пушкина, которыя бы должны были составить пятую часть его мелкихъ стихотвореній, принадлежатъ: *Туча*, *Аквилонъ*, *Пиръ Петра Великаго*, *Полководецъ* (одно изъ превосходнѣйшихъ созданій Пушкина), *Покровъ*, *упитанный язвительною кровью* (изъ А. Шенье). Въ IX-й томъ изданныхъ по смерти его сочиненій вошли нѣкоторыя изъ старыхъ, непопавшихъ по недосмотру въ первые тома, и нѣкоторыя изъ новыхъ произведеній, которыхъ авторъ не хотѣлъ печатать, а нѣкоторыя и изъ дѣйствительно послѣднихъ его произведеній. Во всякомъ случаѣ, лучшія изъ нихъ: *Памятникъ*, *Разлука*, *Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума*, *Три ключа*, *Пажъ или пятнадцатилѣтній король*, *Подражаніе итальянскому*, *Подражаніе арабскому* („Отрокъ, нѣжный, отрокъ милый“), *М. А. Г.*, *Лицейская Годовщина*, *Къ Гнѣдичу* („Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“), *Разставаніе*, *Романсъ*, *Ночью во время безсонницы*, *Заклинаніе*, *Капризъ*, *Подражаніе Данту*, *Отрывокъ*, *Послѣдніе цвѣты*, „*Кто знаетъ край, идѣ небо блещетъ*“, *Осень*, *Начало поэмы*, *Герой*, *Молитва*, *Опять на родинѣ*, да еще пропущенныя вовсе: „*Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу*“ и *Признаніе* (Александръ Ивановичъ О—й)...

До какого состоянія внутренняго просвѣтленія возвысился духъ Пушкина въ

послѣднее время, могутъ служить фактомъ двѣ маленькія пьески—*Элеія* и *Три Ключа*:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье;
Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о, други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И, вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденія
Межъ горестей, заботъ и тревоженія:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенія
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Заклучимъ нашъ обзоръ мелкихъ лирическихъ пьесъ Пушкина мнѣніемъ о нихъ Гоголя,—мнѣніемъ, въ которомъ, конечно, сказано больше и лучше, нежели сколько и какъ сказали мы въ цѣлой статьѣ нашей:

„Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ—этой прелестной антологіи, Пушкинъ разностороненъ необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко ослѣпительны, что ихъ способны понимать всякій; но зато большая часть изъ нихъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобъ быть способну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе; нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не болѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности привыкшему глотать издѣлія крѣпостного повара. Это собраніе его мелкихъ стихотвореній—рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышитъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи, или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданная для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Здѣсь нѣтъ этого каскада краснорѣчія, увлекающаго только многословіемъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съ другими, и оглушаетъ паденіемъ всей массы, но если отдѣлнить ее, она становится слабою и безсильною. Здѣсь нѣтъ *краснорѣчія*, здѣсь одна *поэзія*; никакого варужнаго блеска, все просто, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое

¹⁾ Опять намекъ на Полевого; см. т. I, стр. 680—681.

слово необятно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что эти мелкія сочиненія перечитываешь нѣсколько разъ, тогда какъ достоинства этого не имѣетъ сочиненіе, въ которомъ слишкомъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

„Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нихъ многихъ, слывавшихъ знаками и литераторами, которымъ я болѣе доверялъ, пока мѣся еще не слышалъ ихъ толковъ объ этомъ предметѣ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которыхъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго его критика.

Непостижимое дѣло! казалось, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и въѣтъ такъ дѣтски-чисты. Какъ бы не понимать ихъ! Но, увы! это неотразимая истина: чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ обступившей его толпы и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечестъ по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ дѣятелей“.

1844 г.

Статья шестая.

Поэмы «Русланъ и Людмила», «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Братья-Разбойники».

Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первой поэмою Пушкина—„Русланъ и Людмила“. Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титуломъ *тѣнца Руслана и Людмилы*. Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ „Руслана и Людмилы“. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, то-есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи. Перелистуйте, отъ скуки, журналы 1820 года,—и вы съ трудомъ повѣрите, что все это писалось и читалось не болѣе, какъ какихъ нибудь 24 года назадъ... И это относится не къ однѣмъ порицательнымъ, но и къ хвалительнымъ статьямъ, которыми наводнились журналы того времени вслѣдствіе появленія „Руслана и Людмилы“. Впрочемъ, подобное явленіе столько же понятно, сколько естественно и обыкновенно. Люди, которымъ не дано способности углубляться въ сущность вещей, раздѣляются на старовѣровъ и на верхоглядовъ. Первые стоятъ за старое и слѣдуютъ мудрому правилу: *все старое хорошо, потому что оно—старое, а все новое дурно, потому что оно—новое*; вторые стоятъ за новое и слѣдуютъ мудрому правилу: *все новое хорошо, потому что оно—новое, а все старое дурно, потому что оно—старое*. Несмотря на всю противоположность этихъ двухъ партій, онѣ очень похожи одна на другую, потому что источникъ ихъ воззрѣнія, при всемъ своемъ различіи, одинъ и

тотъ же: это—нравственная слѣпота, препятствующая видѣть сущность предмета. Старовѣры, какъ люди всегда дряхлые, если не годами, то душою, управляются привычкою, которая замѣняетъ имъ размышленія и избавляетъ ихъ отъ всякой умственной работы. Привыкнувъ съ молодости слышать, что такой-то писатель великъ, они не заботятся узнать, почему онъ великъ и точно ли онъ великъ, и готовы считать безбожникомъ всякаго, кто осмѣлился бы усомниться въ величіи этого писателя. Такимъ-то образомъ, до появленія Пушкина у нашихъ словесниковъ слыли за великихъ писателей Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Петровъ, Херасковъ, Богдановичъ,—и въ ихъ глазахъ Державинъ по тому же самому былъ великъ, почему и Сумароковъ съ Херасковымъ, то-есть по неоспоримому праву давности, а совсѣмъ не потому, чтобы они умѣли чувствовать и постигать красоты его поэзіи. У кого есть эстетическій вкусъ и кто способенъ находить красоты въ Державинѣ, тотъ уже не можетъ восхищаться Сумароковымъ, Херасковымъ или Петровымъ,—а словесники, о которыхъ мы говоримъ, равно благоговѣли передъ Сумароковымъ и Херасковымъ, какъ и передъ Державинымъ; Ломоносова же считали одни наравнѣ съ Державинымъ, другіе ставили выше Державина, а третьи оставались въ недоумѣніи, кому изъ нихъ отдать пальму первенства. Ясный знакъ, что всѣми этими мнѣніями управляла привычка, одна привычка, и больше ничего... Каково же было дожить этимъ старымъ дѣтямъ привычки до такого страшнаго поруганія, когда общій голосъ публики нарекъ знаменитымъ поэтомъ какого-то *Александра Пушкина*, который, по метрическимъ книгамъ, жилъ на свѣтѣ не болѣе двадцати одного года! Къ вѣщшему соблазну, реченный Пушкинъ осмѣлился писать такъ, какъ

до него никто не писалъ на Руси, возымѣлъ неслыханную дерзость, или паче отъявленное буйство — идти своимъ собственнымъ путемъ, не взявъ себѣ за образецъ ни одного изъ законодателей парнасскихъ, великихъ поэтовъ иностранныхъ и россійскихъ, каковы: Гомеръ, Пиндаръ, Виргилій, Гораций, Овидій, Тассъ, Мильтонъ, Корнель, Расинъ, Буало, Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Петровъ, Херасковъ, Дмитріевъ и проч. А извѣстно и вѣдомо было въ тѣ времена каждому, даже и не учившемуся въ семинаріи, что талантъ безъ подражанія геніямъ, утвержденнымъ давностію, гибнетъ втунѣ жертвою собственнаго своевольтва. Самъ Жуковский, хотя онъ и крѣпко насолил словесникамъ своими балладами и своимъ романтизмомъ, самъ Жуковский держался Шиллера; а Батюшковъ именно потому и былъ отличнымъ поэтомъ, что подражалъ Парни и Мильвуа, которые, вмѣстѣ взятые, не годились ему и въ парнасскіе камердинеры... По всѣмъ этимъ резонамъ, долой Пушкина! Или *онъ*, или *мы*, а вмѣстѣ съ нимъ намъ тѣсно на землѣ... И это продолжалось не менѣе десяти лѣтъ сряду. Однакожъ Пушкинъ устоялъ, — и теперь развѣ только какія-нибудь литературныя аномаліи, которыхъ одно имя возбуждаетъ смѣхъ, вопіютъ еще нерѣдко противъ законности правъ Пушкина на титуло великаго поэта; но они противопоставляютъ ему уже не Сумарокова съ Херасковымъ, а своихъ собственныхъ, нарочно для этого случая испеченныхъ геніевъ, которые

. . . немножечко дерутъ
Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеніемъ¹⁾.

Такъ всегда время побѣждаетъ предрассудки людей, и на ихъ развалинахъ возстановляетъ побѣдоносное знамя истины; но тѣмъ не менѣе для будущаго времени всегда остается та же работа. Въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ всѣ *привыкли* къ имени Пушкина и къ его славѣ, а потому всѣ и *повѣрили* наконецъ, что Пушкинъ — великій поэтъ. Но отъ этого дѣло не исправилось для будущихъ поэтовъ, и ихъ всегда будутъ принимать не съ одними кликами восторга, но и съ свистками и съ камнями, до тѣхъ поръ, пока не *привыкнутъ* къ ихъ именамъ и ихъ славѣ. Развѣ теперь не то же самое сбывается на нашихъ глазахъ съ Гоголемъ и Лермонтовымъ, что было съ Пушкинымъ? Есть люди, которые, по какому-то внутреннему безсознательному побужденію, съ жадностію читаютъ каждое новое произведеніе Гоголя и чуть не наизусть знаютъ всѣ преж-

нія его сочиненія, а между тѣмъ приходятъ въ непритворное негодованіе, если при нихъ Гоголя называютъ великимъ поэтомъ... Подождите еще нѣсколько — *привыкнутъ*, и тогда — горе человѣку, который сдѣлаетъ хотя бы дѣльное замѣчаніе не въ пользу Гоголя... Такова ужъ натура этихъ людей! Они кланяются только побѣдителямъ и признаютъ власть только того, кого боятся...

Но не лучше старовѣровъ и верхогляды, которые рукоплещутъ только торжеству настоящей минуты и не хотятъ знать о заслугѣ, которую сами же прославляли за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Для нихъ хорошо только новое, и въ литературѣ они видятъ только моду. Новый водевиль пустой и ничтожный, какъ всѣ водевили, для нихъ важнѣе и „Бориса Годунова“ Пушкина, и „Горя отъ ума“ Грибоѣдова, и „Ревизора“ Гоголя. Они совсѣмъ не то, что люди движенія, которые въ своей крайности, восторгаясь новымъ литературнымъ явленіемъ, отрицаютъ всякую заслугу со стороны прежнихъ писателей. Нѣтъ, верхогляды совсѣмъ не фанатики; они не отрицаютъ важности старыхъ писателей и старыхъ сочиненій, а просто не хотятъ ихъ знать; старо же для нихъ все, что появилось хотя за день до какой-нибудь пошлости, занявшей ихъ сегодня. Каждый изъ нихъ знаетъ по именамъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ, но ни одинъ изъ нихъ не читалъ ни Ломоносова, ни Державина, ни Карамзина, ни Дмитріева, ни Озерова. Они читаютъ только современное, новое, хотя бы оно состояло изъ сущихъ пустяковъ.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ приверженцахъ старины, которые отстаиваютъ старое противъ новаго по привязанности къ школѣ, къ принципамъ, въ которыхъ воспитались. Въ людяхъ этого разряда много смѣшного и жалкаго, но много и достойнаго любви и уваженія. Это не дѣти привычки, о которыхъ мы говорили выше; это — дѣти извѣстной доктрины, извѣстнаго ученія, извѣстной мысли. Равнымъ образомъ и противоположные имъ поклонники новаго, какъ новой мысли, новаго созерцанія, новаго духа, заслуживаютъ любовь и уваженіе, несмотря на ихъ крайности и смѣшныя, одностороннія убѣжденія. Фанатизмъ не есть истина, но безъ фанатизма нѣтъ стремленія къ истинѣ. Фанатизмъ — болѣзнь; но вѣдь болѣзнь есть принадлежность только живого, а не мертваго: камень или трупъ не знаютъ болѣзни.

Причиною энтузіазма, возбужденнаго „Русланомъ и Людмилою“, было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями; но еще болѣе это было просто оболѣзаніе невиданною дотошъ

¹⁾ Намекъ на статьи Мартынова въ журналѣ „Маякъ“; см. объ этомъ ст. № 46.

новинкою. Какъ бы то ни было, но нельзя не понять и не одобрить такого восторга: русская литература не представляла ничего подобнаго „Руслану и Людмилѣ“. Въ этой поэмѣ все было ново: и стихъ, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ вмѣстѣ съ серьезными картинами. Но бѣшеннаго негодованія, возбужденнаго сказкою Пушкина, нельзя было бы совсѣмъ понять, еслибы мы не знали о существованіи старовѣровъ, дѣтей привычки. На что озлились они? На нѣсколько вольныя картины въ эротическомъ духѣ?—Но они давно уже знакомы были съ ними черезъ Державина, и, въ особенности, черезъ Богдановича... Притомъ же, они никогда не ставили этихъ вольностей въ вину, напримѣръ, Аріосту, Парни, несмотря на то, что *вольности* въ „Русланѣ и Людмилѣ“—сама скромность, само цѣломудріе въ сравненіи съ вольностями этихъ писателей. Это были писатели старше: къ ихъ славіи давно уже всѣ привыкли, и потому имъ было позволено то, о чемъ не позволялось и думать молодому поэту. Забавиѣ всего, что „Душенька“ Богдановича была признаваема старовѣрами за произведеніе классическое, то-есть такое, какое уже выдержало пробу времени и высокое достоинство котораго уже не подвержено никакому сомнѣнію. Судя по этому, имъ-то бы и надобно было особенно восхититься поэмою Пушкина, которая во всѣхъ отношеніяхъ была неизмѣримо выше „Душеньки“ Богдановича. Стихъ Богдановича прозаиченъ, вялъ, водянь, языкъ обветшалый и сверхъ того донельзя искаженный такъ называвшимися тогда „пѣтическими вольностями“; поэзія почти нисколько; картины блѣдны, сухи. Словомъ, несмотря на всю незначительность „Руслана и Людмилы“, какъ художественнаго произведенія, смѣшно было бы доказывать неизмѣримое превосходство этой поэмы передъ „Душенькою“. Сверхъ того, она навѣяна была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ именъ, нѣтъ ничего; романтизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ словесникамъ, въ ней тоже нѣтъ ни искорки; романтизмъ даже осмѣянъ въ ней, и очень мило и остроумно, въ забавной выходкѣ противъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“. Короче: поэма Пушкина должна была составить торжество псевдоклассической партіи того времени. Но не тутъ-то было! При второмъ изданіи „Руслана и Людмилы“, вышедшемъ въ 1828 году, припечатано нѣсколько ругательныхъ статей на эту поэму, написанныхъ въ 1820 году; перечтите ихъ—и вы не повѣрите глазамъ своимъ! Для образчика такихъ критикъ, выписываемъ отрывокъ одной изъ нихъ, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ 1820 года (т. CXI, стр. 216—220) по случаю помѣщен-

наго въ „Сынѣ Отечества“ отрывка изъ „Руслана и Людмилы“, еще до появленія этой поэмы вполнѣ:

„Теперь прошу обратить вниманіе на новый, ужасный предметъ, который, какъ у Камозиса Мысь бурь, выходитъ изъ пѣдръ морскихъ и показывается посреди Океана Россійской словесности. Пожалуйста, напечатайте же мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, ономияся, разсмѣются—и остановятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

„Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т.-е. *сказки* и *пѣсни* народныя. Что объ нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ воспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній. Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величинѣ, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на пѣмедкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ *сказки* и *пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали *Ерусланы* и *Бовы* на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный!

„Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?.. чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать *Киршу Данилова*?

„Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подраженіе *Еруслану Лазаревичу*? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 ММ: *Сына Отечества*. Тамъ неизвѣстный пѣиць на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей *Людмила и Русланъ* (не Ерусланъ ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма, но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Пѣиць оживляетъ *мужичка самъ съ ногою, а борода съ локотъ*, придаетъ еще ему безконечные усы („С. Отеч.“, стр. 121), показываетъ намъ вѣдму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ всего драгоценнѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которой лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живю помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени... Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *стариннаго* нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Ерусланову рассказчику, напримѣръ:

... Шутите вы со мною,
Всѣхъ удавлю васъ бородою!..

Каково?

... Обѣхалъ голову кругомъ
И сталъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ поздри копіемъ...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далѣе чихнула голова, за нею и эхо *чихаетъ*... Вотъ что говорить рыцарь:

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ ваѣду, не спущу...

„Потомъ рыцарь ударяетъ голову въ щеку тяжелою рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія, и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово, ребята?* Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться! Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами? Шутка грубая, неодобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительная, а нисколько не смѣшная и не забавная. Dixi.

Житель Бутырской слободы.

Итакъ, ясно, что *бугырскаго* критика оскорбилъ прежде всего сказочный характеръ поэмы *неизвѣстнаго пѣвца*, т.-е. Пушкина. Но какой же, если не сказочный, характеръ *аріостова „Orlando furioso?“* Правда, рыцарскій сказочный міръ заключаетъ въ себѣ несравненно больше поэзіи и занимательности, чѣмъ бѣдный міръ русскихъ сказокъ; но что касается до сказочныхъ нелѣпостей, столь оскорбившихъ вкусъ бугырскаго критика, — ихъ довольно въ поэмѣ *Аріоста*, и онѣ, право, стоятъ *мужика самъ съ ногомъ, а борода съ локотъ*, или головы богатыря. Но то, видите ли, *Аріостъ*, писатель классическій, котораго слава уже утверждена была слишкомъ двумя столѣтіями: стало быть, къ нему и къ его славіи уже *привыкли*... Вольно же было Пушкину сочинить новую поему, которой не было еще и года отъ роду, какъ ее ужъ въ пухъ разругали... При томъ же *Аріоста* самъ Вольтеръ объявилъ *величайшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ*: стало быть, послѣ такого авторитета, какъ авторитетъ Вольтера, смѣло можно было хвалить *Аріоста*, не боясь попасться впросакъ. Въдѣ литературные авторитеты, подобно Корану, на то и существуютъ, чтобы люди могли быть умны безъ ума, свѣдуши безъ ученія, знаючи безъ труда и размышленія и безошибочно правы безъ помощи здраваго смысла. Вотъ другое дѣло, еслибъ кто изъ признанныхъ авторитетовъ, напримѣръ, Ломоносовъ или Поповскій, могли объявить свое мнѣніе въ пользу „*Руслана и Людмилы*“, тогда всѣ единодушно признали бы эту сказку геніальнымъ произведеніемъ! Хорошая порука — важное дѣло, и чужой умъ — всегда спасеніе для тѣхъ, у кого нѣтъ своего... Что бугырскій критикъ нашелъ пошлыми не только выраженія: *удавить бородою, стать передъ носомъ, щекотать ноздри копьемъ и пду, не свизи, а напду, не спущу, но и умирающій лучъ солнца* ¹⁾ — это опять происходило отъ

привычки къ облизаннымъ прозаическимъ общимъ мѣстамъ предшествовавшей Пушкину поэзіи, и отъ *непривычки* къ благородной простотѣ и близости къ натурѣ. Все привычка! Одинъ бугырскій критикъ ¹⁾ до того ожесточился противъ „*Руслана и Людмилы*“, что рѣшилъ *языкомъ и копьемъ* называть *мужичками*... Видите ли: строго придрались даже къ версификаціи Пушкина, они, эти безусловные поклонники всѣхъ русскихъ поэтовъ до Пушкина, которые изъ всѣхъ силъ и со всевозможнымъ усердіемъ уродовали русскій языкъ незаконными усѣченіями, насиліемъ грамматики и разными „*пѣитическими* волностями“. Каковъ бы ни былъ стихъ въ „*Русланѣ и Людмилѣ*“, но въ сравненіи со стихомъ „*Душеньки*“ Богдановича, сказокъ Дмитріева, „*Странствователя* и *Домосѣда*“ Батюшкова и даже „*Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ*“ Жуковского, онъ — само изящество, сама поэзія. Оскорбленная привычка этого не замѣчала, а если замѣчала, то для того только, чтобы, по излишней привязчивости, ставить молодому поэту въ непростительную вину то, что считала чуть не достоинствомъ въ старыхъ. Какъ челоуѣкъ съ огромнымъ талантомъ, эту привязчивость возбудилъ къ себѣ и Грибоѣдовъ. При „*Вѣстникѣ Европы*“ одинъ бугырскій критикъ ²⁾ состоялъ въ должности явнаго зоила всѣхъ новыхъ яркихъ талантовъ; поэтому „*Горе отъ ума*“ возбудило всю желчь его. Такъ, между прочимъ, было сказано по поводу отрывка изъ „*Горя отъ ума*“, помѣщенного въ альманахѣ „*Талія*“: „*Смѣемъ надѣяться, что всѣ, читавшіе отрывокъ, позволятъ намъ, отъ лица всѣхъ, просить г. Грибоѣдова издать всю комедію*“. Бугырскій критикъ „*Вѣстника Европы*“, указавъ на эти слова, восклицаетъ: „*Напротивъ, лучше попросить автора не издавать ея, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога*“ („*Вѣстн. Евр.*“ 1825, № 6, стр. 115). Мы указываемъ на всѣ эти диковинки, разумѣется, не для того, чтобы доказать ихъ чудовищную нелѣпость: игра не стоила бы свѣчъ, да и смѣшно было бы снова позывать къ суду людей, и безъ того уже давно проигравшихъ тяжбу во всѣхъ инстанціяхъ здраваго смысла и вкуса. Нѣтъ, мы хотѣли только охарактеризовать время и нравы, которые засталъ Пушкинъ на Руси при своемъ появленіи на поэтическое поприще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать, какую роль чудовище-привычка играетъ тамъ, гдѣ бы должны были играть роль только умъ и

ворить здѣсь *Вѣлискій*; „бугырскій“ критикъ высмѣивалъ эту фразу, найдя ее въ одной балладѣ, напечатанной въ „*Сынѣ Отеч.*“ 1820 года. № 13.

¹⁾ Воейковъ, въ „*Сынѣ Отечества*“ 1820 г., № 37.

²⁾ Каченовскій.

¹⁾ Фразы объ „умирающемъ лучѣ солнца“ нѣтъ въ „*Русланѣ и Людмилѣ*“ Пушкина, какъ ошибочно го-

вкусъ. Оставимъ же въ сторонѣ эти допотопныя ископаемыя древности, заключающіяся въ затвердѣлыхъ пластахъ „Вѣстника Европы“, и обратимся къ „Руслану и Людмилѣ“.

Бутырскіе критики, какъ мы видѣли, особенно оскорбились въ „Русланѣ и Людмилѣ“ тѣмъ, что показалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и современности въ отношеніи къ ея содержанію. Но именно этого-то совсѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина: она столько же русская, сколько и нѣмецкая или китайская. Кирша Даниловъ не виноватъ въ ней ни душою, ни тѣломъ, ибо въ самой худшей изъ собранныхъ имъ русскихъ пѣсенъ больше русскаго духа, чѣмъ во всей поэмѣ Пушкина, хотя онъ въ своемъ поэтическомъ прологѣ къ ней и сказалъ: „Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“. Вѣроятно, Пушкинъ не зналъ сборника Кирши Данилова въ то время, когда писалъ „Руслана и Людмилу“, иначе онъ не могъ бы не увлечься духомъ народно-русской поэзіи, и тогда его поэма имѣла бы, по крайней мѣрѣ, достоинство сказки въ русско-народномъ духѣ, и притомъ написанной прекрасными стихами. Но въ ней русскаго—одни только имена, да и то не всѣ. И этого руссизма нѣтъ такъ же и въ содержаніи, какъ и въ выраженіи поэмы Пушкина. Очевидно, что она—плодъ чуждаго вліянія и скорѣе пародія на Аріоста, чѣмъ подражаніе ему, потому что надѣлать нѣмецкихъ рыцарей изъ русскихъ богатырей и витязей—значитъ исказить равно и нѣмецкую и русскую дѣйствительность. Намъ такъ мало осталось памятниковъ отъ до-историческихъ временъ Руси, что *Владиміръ красное-солнышко* столько же для насъ мифъ, сколько Владимиръ, просвѣтитель Руси, историческое лицо; а сказки Кирши Данилова, въ которыхъ является дѣйствующимъ лицомъ языческой Владимиръ, явно сложены въ позднѣйшія времена. И потому, Пушкинъ отъ преданія только и воспользовался, что словомъ „солнце“, приложеннымъ къ имени Владимира. Пожива небогатая! Во всемъ остальномъ его Владимиръ-солнце—пародія на какого-нибудь Карла Великаго. Таковы же и Русланъ, и Рогдай, и Фарлафъ: дѣйствительность ихъ, историческая и поэтическая, такой же точно пробы, какъ и дѣйствительность Финна, Наины, богатырской головы и Черномора. Пушкинъ съ особенною радостію ухватился—было за такъ называемаго „вѣщаго Баяна“, понявъ слово „баянъ“ какъ нарицательное и равнозначительное словамъ: *скальдъ, бардъ, менестрель, трубадуръ, миннезингеръ*. Въ этомъ онъ раздѣлялъ заблужденіе всѣхъ нашихъ словесниковъ, которые, нашедъ въ „Словѣ о Полку

Игоревѣ“ *вѣщаго баяна, соловья стараго времени*, который „аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки“,—заключили изъ этого, что Гомеры древней Руси назывались баянами. Что въ древней Руси были свои пѣсельники, сказочники, балагуры и прибаутчики такъ же, какъ и теперь въ простомъ народѣ бываютъ подобные,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, по смыслу текста „Слова“, ясно видно, что имя Баяна есть собственное, а отнюдь не нарицательное. Да и Баянъ „Слова“ такъ неопредѣленъ и загадоченъ, что на немъ нельзя построить даже и остроумныхъ догадокъ, на которыя такъ щедры досужіе антикваріи, а тѣмъ менѣе можно заключить изъ него что-нибудь достовѣрное. И потому весь *баянъ* Пушкина—ни болѣе, ни менѣе, какъ риторическая фраза. О прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ дѣйствительно можно сказать: „Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“; но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, то-есть черезъ *восемь* лѣтъ послѣ перваго ея изданія, стало быть, тогда, какъ Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной русской поэзіи. Первые *семнадцать стиховъ*, которыми начинается „Русланъ и Людмила“, отъ стиха: „Дѣла давно минувшихъ дней“ до стиха: „низко кланяясь гостямъ“, дѣйствительно *пахнутъ Русью*; но ими начинается и ими же и оканчивается *русскій духъ* всей этой поэмы; больше въ ней его *слыхомъ не слыхать, видомъ не видать*. Мы даже подозреваемъ, что не были-ль эти семнадцать счастливыхъ стиховъ поводомъ къ *присочиненію* къ нимъ всей поэмы... Какъ бы то ни было, только поэма эта—шалость сильнаго, еще незрѣлаго таланта, который, кипя жаждою дѣятельности, схватился безъ разбора за первый предметъ, мысль о которомъ какъ-то промелькнула передъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы—шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ созданныхъ его фантазіею лицахъ. Онъ просто—чертилъ арабески и потѣшался ихъ забавною странностію. Оттого, какъ самъ Пушкинъ справедливо замѣчалъ впослѣдствіи, *она холодна*. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много граціи, игривости, остроумія; есть живость, движеніе и еще больше блеска, но очень мало жара. Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядываетъ чувство; оно вспыхиваетъ на минуту въ воззваніи Руслана къ усѣянному костями полю, но это воззваніе оканчивается нѣсколькими риторически. Все остальное холодно.

Вообще, „Русланъ и Людмила“ для двадцатыхъ годовъ имѣла то же самое значеніе, какое „Душенька“ Богдановича для семидесятыхъ годовъ. Разумѣется, великъ пере-

вѣсть на сторонѣ поэмы Пушкина, и въ отношеніи къ превосходству времени и къ превосходству таланта. Но наше время далеко впереди обѣихъ этихъ эпохъ русской литературы,—и потому если „Душеньку“ теперь нѣтъ никакой возможности прочесть отъ начала до конца по доброй волѣ, а не по нуждѣ, которая можетъ заставить прочесть и „Телемахиду“, то „Руслана и Людмилу“ можно только перелистывать отъ нечего дѣлать, но уже нельзя читать, какъ что-нибудь дѣльное. Ея литературно-историческое значеніе гораздо важнѣе значенія художественнаго. По своему содержанію и отдѣлкѣ она принадлежитъ къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ *подновленный классицизмъ*: въ нихъ Пушкинъ является улучшеннымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ. Въ „Руслана и Людмилѣ“, какъ мы уже сказали выше, нѣтъ ни признака романтизма; даже ощутителенъ недостатокъ поэзіи, несмотря на все изящество выраженія и всю прелесть стиха, неслыханныя до того времени. Скажемъ больше: даже со стороны формы, какъ ни много она выше обветшалыхъ формъ прежней поэзіи,—есть звенья, соединяющія „Руслана и Людмилу“ съ прежнею школою поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь употребленіе словъ: *брада*, *глава* и произвольное употребленіе усѣченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина найдется больше десятка. Словомъ, еслибъ не недостатокъ самобытности и не избытокъ *привычки*, такъ называемые классики того времени должны были бы торжествовать, какъ свою побѣду надъ такъ называвшимися тогда романтиками, появленіе „Руслана и Людмилы“,—на Пушкинѣ сосредоточить всѣ надежды своей партіи, а истиннаго представителя романтизма, слѣдовательно самаго опаснаго ихъ врага, видѣть въ Жуковскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нихъ были *какъ будто* близки къ этому взгляду. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1824 года одинъ классикъ разсердился за то, что г. Верстовскій, положившій на музыку „Черную Шаль“ Пушкина, называлъ ее *кантатою*. „Почему (говоритъ бутырскій классикъ г. Верстовскій) *возвѣлъ* простую пѣсню на степень кантаты? Такого ли содержанія бываютъ кантаты собственно такъ называемыя? Такими ли видимъ ихъ у Драйдена, у Жанъ-Баптиста Руссо и у другихъ поэтовъ знаменитыхъ? (*Хороши знаменитости—Драйденъ и Жанъ-Баптистъ Руссо!*). Истощивъ средства свои на страсти, бунтующія въ душѣ *безвѣстнаго* человѣка, что употребитъ онъ, когда нужно будетъ силою музыки возвысить значительность словъ въ тѣхъ кантатахъ, гдѣ историческія или мифологическія, во многихъ отношеніяхъ намъ

извѣстныя и для всѣхъ просвѣщенныхъ людей занимательныя лица страдаютъ или торжествуютъ?—Въ пѣснѣ г-на Пушкина представляется намъ какой-то Молдаванинъ, убившій какую-то любимую имъ красавицу, которую соблазнилъ какой-то Армянинъ. Достойно ли это того, чтобъ искусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей, чтобъ для пѣсни тратилъ сокровища музыки? Не значить ли это воздвигнуть огромный пьедесталъ для маленькой красивой куклы, хотя бы она была сдѣлана на Севрской фабрикѣ? Угадываю причины, побудившія г. Верстовскаго къ сему подвигу, и знаю напередъ одинъ изъ отвѣтовъ: „Г. А. Пушкинъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ поэтовъ нашихъ“. Что касается до стихотворства, я самъ отдаю ему совершенную справедливость; стихи его отменно гладки, плавны, чисты; не знаю, кого изъ нашихъ сравнить съ нимъ въ искусствѣ стопосложенія; скажу болѣе: *г. Пушкинъ неохотникъ щеголять эпитетами, не бросается ни въ сантиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ; употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ; наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей*: все это составляетъ *внѣшнюю* (?) красоту его стихотвореній. Гдѣ-жъ, однако, тѣ качества, которыя, по словамъ Горация, составляютъ Поэта? гдѣ *mens divinior*? гдѣ *os magna sonaturum*?“ (№ 1, стр. 70 и 71). Замѣчаете ли, что нашъ бутырскій критикъ видѣлъ кое-что въ Пушкинѣ, и если не увидѣлъ всего, ему помѣшала *привычка*. Пушкинъ не любилъ щеголять эпитетами, не бросался ни въ сантиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ, употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ, наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей: все это дѣйствительно составляло неотъемлемыя качества пушкинской поэзіи, и качества великія; но, видите ли—по мнѣнію бутырскаго классика, это не больше, какъ *внѣшняя* (?) красота стихотвореній Пушкина, потому что гдѣ же въ нихъ *mens divinior* (божественное безуміе, изступленіе, восторгъ), гдѣ *os magna sonaturum*? А что такое разумѣли подъ этимъ наши псевдо-классическіе критики? Вотъ что.

...Кто завѣсу мнѣ вѣчности расгорѣ?

Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то!..

Прочтите всю превосходную сатиру Дмитриева „Чужой Толкъ“—и вы еще лучше поймете, что наши классики разумѣли подъ *mens divinior*. Хотя многія изъ первыхъ

произведеній Пушкина (какъ на примѣръ *Черная Шаль*, *Наполеонъ*, *Андрей Шенье*) не чужды декламации и риторической напряженности, но для нашихъ классиковъ этого было мало; они не могли увидѣть въ Пушкинѣ *mens divinior*,—такъ привыкли они къ напыщенной шумихѣ одопѣній своего времени! Посмотрите, изъ чего хлопотали бѣднjackи: изъ названій, изъ словъ—*ода*, *кантата*, *пѣсня* и т. п. Мы сами слышали однажды, какъ глава классическихъ критиковъ, почтенный, умный и даровитый Мерзляковъ, сказалъ съ кафедръ: „Пушкинъ пишетъ хорошо, но, Бога ради, не называйте его сочиненій поэмами!“ Подъ словомъ *поэма* классики привыкли видѣть что-то чрезвычайно важное. Съ *кантатами* ихъ познакомили Драйденъ и Жанъ-Баптистъ Руссо: стало быть, то уже не кантата, что не было рабской копией съ какой-нибудь кантаты этихъ двухъ риторовъ-стихотворцевъ. И какимъ образомъ страсти *безвѣстнаго* человѣка могли быть предметомъ такого высокаго рода поэзии, какъ кантата?—съ нихъ было бы за глаза довольно и нѣжной пѣсенки въ родѣ: *Стонетъ сизый голубочекъ*: вѣдь въ залы входятъ только господа, а слуги остаются въ передней! Въ то время высокій и священный санъ *человѣка* не признавался ни за что, и *человѣкъ* считался ниже не только титулярнаго совѣтника, но и простого канцеляриста. Какъ же можно было видѣть равнодушно, что талантливый композиторъ тратитъ сокровища музыки на чувство какого-то Армянина.

А между тѣмъ, бутырскіе классики были близки и къ тому, чтобы увидѣть въ Жуковскомъ истиннаго своего врага, какъ это можно замѣтить изъ слѣдующихъ строкъ:

„Будучи однимъ изъ почитателей (но не слѣпыхъ и раболѣпныхъ) таланта нашего отличнаго стихотворца, В. А. Жуковскаго, я такъ же, какъ и прочіе мои соотечественники, восхищался многими прекрасными его произведеніями. Такъ, м. г. м., и я, хотя не имѣю чести быть орлиной породы, смѣлъ прямо смотрѣть на солнце, любовался блескомъ его и согрѣвался живительною его теплотою до тѣхъ поръ, пока западные, чужеземные *туманы и мраки* не обложили его и не заслонили свѣтъ его отъ слабыхъ глазъ моихъ, слабыхъ потому, что не могутъ видѣть свѣта сквозь мракъ и туманъ. Говоря языкомъ общепонятнымъ, я съ восхищеніемъ читалъ и перечитывалъ *Пѣсню во станѣ русскихъ воиновъ*, переводъ Грессовой элегии, *Людмилу*, *Святлану*, *Золую арфу*, многія мѣста изъ *Двенадцати Спящихъ Днѣвъ* и разныя другія стихотворенія Жуковскаго. Но съ нѣкотораго времени, когда имя его стало появляться подъ стихотвореніями, въ которыхъ все нѣмецкое, кромѣ буквъ и словъ,—восторгъ и удивленіе во мнѣ уступили мѣсто сожалѣнію о томъ, что стихотворецъ съ такими превосходными дарованіями оставилъ красоты и приличія языка; оставилъ тѣ средства, которыми онъ усыновилъ Русскимъ *Людмилу*, *Ахилла* и столько другихъ произведеній сло-

весности чувственной... оставить, и для чего же? Чтобы ввести въ нашъ языкъ обороты, блестящаго ума и непонятную выспренность ишѣшскихъ Нѣмцевъ стихотворцевъ-мистиковъ! Если первая баллада Жуковскаго породила толпу подражателей, которые только жалкимъ образомъ его перерабатывали, не умѣя подражать красотамъ, разсыпаннымъ щедрою рукою въ прежнихъ его произведеніяхъ;—то мудрено ли, что теперь люди съ превосходными дарованіями, или вовсе и безъ дарованій, съ жадностью подражаютъ въ немъ тому, что находятъ по своимъ силамъ?.. Истинный талантъ долженъ принадлежать своему Отечеству; человѣкъ, одаренный такимъ талантомъ, если избираетъ поприщемъ своимъ Словесность, долженъ возвысить славу природнаго языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выраженіями ему свойственными; гений имѣетъ даже право вводить новые, но не иноплеменные, и никогда не выпускать изъ виду свойства и приличія языка отечественнаго“ („В. Е.“ 1821, т. CXVII, стр. 19—21).

Но и тутъ, ясно, *привычка* помѣшала увидѣть дѣло такъ, какъ оно было: бутырскій классикъ не видалъ романтизма въ самыхъ ультра-романтическихъ пьесахъ Жуковскаго, каковы: *Людмила*, *Святлана*, *Золота Арфа*, *Двенадцать Спящихъ Днѣвъ*, но увидѣлъ его въ позднѣйшихъ, лучшихъ и по содержанію, и по формѣ, произведеніяхъ Жуковскаго. Подлинно, въ младенческое время литературы и старцы поневолѣ бываютъ дѣтьми...

Восторги, возбужденные „*Русланомъ и Людмилою*“, равно какъ и необыкновенный успѣхъ этой поэмы, несмотря на всю *дѣтскость* ея достоинствъ и недостатковъ, гораздо естественнѣе и понятнѣе, чѣмъ яростныя нападки на нее бутырскихъ классиковъ. Не говоря уже о томъ, что всякая удачная новость ослѣпляетъ глаза, въ „*Русланѣ и Людмилѣ*“ русская поэзія дѣйствительно сдѣлала огромный шагъ впередъ, особенно со стороны технической. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно-поэтическими, граціозною шуткою, разговоромъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всею этою игривою зачѣйливостію, шаловливостію и причудливостію арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, къ которой обязывалось ея заглавіе и самое содержаніе; естественности, поэтической мысли, вполне художественной отдѣлки. Образца для нея не было на русскомъ языкѣ, а если и были прежде попытки въ этомъ родѣ, то такія ничтожныя, что сравненіе съ ними не могло бы сбавить цѣны съ „*Руслана и Людмилы*“. У кого изъ прежнихъ поэтовъ можно было найти стихи, подобные, на примѣръ, этимъ:

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;

Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары:
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Вы слышите-ль влюбленный шопотъ
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?..

Или:

И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дво со смѣхомъ увлекла;
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

Или:

Но прежде юношу ведутъ
Къ *великопной русской бань*.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряныя чаны,
И брызжутъ хладныя фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ,
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя вѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ пѣжной и пѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпою.
Надъ рыцаремъ пная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пахнетъ;
Другая сокомъ вѣшнихъ розъ
Устала члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые волосы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы пѣвной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блещетъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Конечно, теперь смѣшно заблужденіе людей того времени, которые въ „Русланѣ и Людмилѣ“ думали видѣть поэтическое возсозданіе народно-русскаго сказочнаго міра; но въ двадцатыхъ годахъ, право, немудрено было, въ первый разъ читая такіе стихи, до того увлечься ими, чтобъ въ описаніи какой-то небывалой, фантастической бани увидѣть *великопную русскую баню*. Кому неизвѣстно великолѣпіе нашихъ бань, гдѣ въ такомъ употребленіи *сокъ весеннихъ розъ*, а *ветви молодыхъ березъ* прозаически называются *вѣниками*?

Эпилогъ къ „Руслану и „Людмилѣ“ исполненъ элегической поэзіи; но, какъ и прологъ къ этой же поэмѣ, онъ, если не ошибаемся, былъ написанъ послѣ нея; при ней же явился только во второмъ ея изданіи, въ 1828 году.

Потому ли, что изумительные успѣхи Пушкина и быстрый ходъ его распротраивающейся славы слишкомъ озадачили бутырскихъ критиковъ и классиковъ, или потому, что они уже сами начали *привыкать* къ поэзіи Пушкина,—только противъ „Кавказскаго Пѣвника“ уже почти совсѣмъ не было воплей, а, напротивъ, ему раздавались вездѣ только хвалебныя гимны. Даже въ „Вѣстникѣ Европы“ 1823 года была помѣщена похвальная критика этой поэмѣ (вышедшей въ 1822 году). Эта критика особенно замѣчательна и въ свое время весьма прославилась тѣмъ, что ея сочинитель, при всемъ своемъ стараніи и усердіи, никакъ не могъ догадаться, что сдѣлалось съ Черкешенкой и что означаютъ эти прекрасныя поэтическіе стихи:

Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ.
На дикій берегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... *брега ясны*
И оплеченные бѣлами;
Но нѣтъ Черкешенки молодой
Ни у береговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ... ¹⁾

Такова была тогда *привычка* къ прозаичности прежней поэзіи, что слишкомъ поэтический и потому уже самому слишкомъ ясный оборотъ назывался темнымъ и неопредѣленнымъ. Да, Пушкину предстоялъ подвигъ—воспитать и развить въ русскомъ обществѣ чувство изящнаго, способность понимать художество,—и онъ вполне совершилъ этотъ великій подвигъ!

¹⁾ Бѣлинскій здѣсь ошибается: такой „критикъ“ никогда не существовало. Въ „Вѣстн. Европы“ 1823 года (№ 1) дѣйствительно была помѣщена „похвальная критика“ этой поэмы, принадлежащая М. П. Погодину, но въ ней вовсе нѣтъ указываемаго Бѣлинскимъ курьеза. Ошибка Бѣлинскаго объясняется слѣдующимъ образомъ: въ 1824 году былъ изданъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина, причемъ въ видѣ предисловія издателемъ—кн. Вяземскимъ—былъ приложенъ остроумный „Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской Стороны“; этотъ „разговоръ“ заканчивался слѣдующими словами „Издателя“: „зачѣмъ все высказывать и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и остраго? А о людяхъ понятія лѣниваго, тупого и думать нечего. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ классическомъ читателѣ, который никакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Кавказскомъ Пѣвникѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при лунѣ, въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

Онъ пенялъ Поэту, зачѣмъ тотъ не облегчилъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и утонула“... Бѣлинскій, очевидно, смѣшалъ этотъ анекдотъ о „классическомъ читателѣ“ съ критической статьей Погодина о „Кавказскомъ Пѣвникѣ“, отчего и получилась указанная выше ошибка.

„Кавказскій Плѣнникъ“ былъ принятъ публикою еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ „Русланъ и Людмила“, и, надо сказать, эта маленькая поэма вполне достойна была того приѣма, которымъ ее встрѣтили. Въ ней Пушкинъ явился вполне самимъ собою и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне представителемъ своей эпохи: „Кавказскій Плѣнникъ“ насквозь проникнутъ ея пафосомъ. Впрочемъ, пафосъ этой поэмы—двойственный: поэтъ былъ явно увлеченъ двумя предметами—поэтической жизнію дикихъ и вольныхъ горцевъ, и потомъ—элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнію. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русскою поэзію,—и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію. Мы говоримъ—въ первый разъ: ибо какихъ-нибудь двухъ строкъ, довольно прозаическихъ, посвященныхъ Державинимъ изображенію Кавказа, и отрывка изъ посланія Жуковского къ Воейкову, посвященнаго тоже довольно прозаическому описанію (въ стихахъ) Кавказа, слишкомъ недостаточно для того, чтобы получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное понятіе объ этой поэтической сторонѣ. Мы вѣримъ, что Пушкинъ съ добрымъ намѣреніемъ выписалъ въ примѣчаніяхъ къ своей поэмѣ стихи Державина и Жуковского, и съ полною искренностію, отъ чистаго сердца, хвалитъ ихъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ оказалъ имъ черезъ это слишкомъ плохую услугу: ибо послѣ его исполненныхъ творческой жизни картинъ Кавказа никто не повѣритъ, чтобы въ тѣхъ выпискахъ шло дѣло о томъ же предметѣ... Мы не будемъ выписывать изъ поэмы Пушкина картинъ Кавказа и горцевъ: кто не знаетъ ихъ наизусть? Скажемъ только, что, несмотря на всю незрѣлость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, несмотря на слишкомъ юношеское одушевленіе зрѣлищемъ горъ и жизнію ихъ обитателей,—многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической цѣнности. Принимаясь за „Кавказскаго Плѣнника“ съ гордымъ намѣреніемъ слегка перелистывать его, вы незамѣтно увлекаетесь имъ, перечитываете его до конца и говорите: „все это юно, незрѣло, и однакожъ такъ хорошо!“ Какое же дѣйствіе должны были произвести на русскую публику эти живыя, яркія, великолѣпно-роскошныя картины Кавказа при первомъ появленіи въ свѣтъ поэмы! Съ тѣхъ поръ, съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдѣлался

для русскихъ завѣтною страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзіи, страной кипучей жизни и смѣлыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоцѣнною кровію сыновъ ея и подвигами ея героевъ. И Кавказъ—эта колыбель поэзіи Пушкина—сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермонтова...

Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ не могъ описаній Кавказа вмѣстить въ свою поэмю, какъ *эпизодъ ксатти*: это было бы слишкомъ дидактически, а слѣдовательно и прозаически, и потому онъ тѣсно связалъ свои живыя картины Кавказа съ дѣйствіемъ поэмы. Онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, но передаетъ ихъ, какъ впечатлѣнія и наблюденія плѣнника—героя поэмы, и оттого онъ дышетъ особенною жизнію, какъ будто самъ читатель видитъ ихъ собственными глазами на самомъ мѣстѣ. Кто былъ на Кавказѣ, тотъ не могъ не удивляться вѣрности картинъ Пушкина: взгляните хотя съ возвышенностей, при которыхъ стоитъ Пятигорскъ, на отдаленную цѣпь горъ,—и вы невольно повторите мысленно эти стихи, о которыхъ вамъ, можетъ быть, не случалось вспоминать цѣлые годы:

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колосъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Вѣлалъ на небѣ голубомъ.

Описанія дикой воли, разбойническаго героизма и домашней жизни горцевъ дышатъ чертами ярко вѣрными. Но Черкешенка, особенно связывающая собою обѣ половины поэмы, есть лицо совершенно идеальное и только *внѣшнимъ образомъ* вѣрное дѣйствительности. Въ изображеніи Черкешенки особенно выказалась вся незрѣлость, вся юность таланта Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ которое поставилъ поэтъ два главныхъ лица своей поэмы, Черкешенку и плѣнника,—это положеніе, наиболѣе плѣнительное публику, отзывается мелодрамою и, можетъ быть, по тому самому такъ сильно увлекло самого молодого поэта. Но—такова сила истиннаго таланта!—при всей театральности положенія, на которомъ завязанъ узелъ поэмы, при всей его безцвѣтности, въ отношеніи къ дѣйствительности—въ рѣчахъ Черкешенки и плѣнника столько элегической истины чувства, столько сердечности, столько страсти и страданія, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ ихъ обаятельнаго увлеченія, при самомъ ясномъ сознаніи въ то же время, что на всемъ этомъ лежитъ печать какой-то дѣт-

скости. Съ особенною силою дѣйствуетъ на душу читателя сцена освобожденія плѣнника Черкешенкою, и эти стихи—

Иду дрожащей взятьъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо полъ пилы,
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь расназась и гремѣть...

Чувство свободы борется въ этой сценѣ съ грустію по судьбѣ Черкешенки: вы понимаете, что исполненный этого чувства свободы плѣнникъ не могъ не предложить своей освободительницѣ того, въ чемъ прежде такъ основательно и благородно отказывалъ ей; но вы понимаете также, что это только порывъ, и что Черкешенка, наученная страданіемъ, не могла увлечься этимъ порывомъ. И, несмотря на всю грусть вашу о погибшей красавицѣ, мученическая смерть которой нарисована такъ поэтически, вы чувствуете, что грудь ваша дышитъ свободнѣе по мѣрѣ того, какъ плѣннику, въ туманѣ, начинаютъ сверкать русскіе штыки, и до его слуха доходятъ оклики сторожевыхъ казаковъ...

Но что же такое этотъ плѣнникъ?—Это вторая половина двойственного содержанія и двойственного паѳоса поэмы; этому лицу поэма обязана своимъ успѣхомъ не меньше, если не больше, чѣмъ яркимъ картинамъ Кавказа. Плѣнникъ это—*герой того времени*. Тогдашніе критики справедливо находили въ этомъ лицѣ и неопредѣленность, и противорѣчивость съ самимъ собою, которая дѣлала его какъ бы безличнымъ; но они не поняли, что черезъ это-то именно характеръ плѣнника и возбудилъ собою такой восторгъ въ публикѣ. Молодые люди особенно были восхищены имъ, потому что каждый видѣлъ въ немъ, болѣе или менѣе, свое собственное отраженіе. Эта тоска юношей по своей утраченной юности, это разочарованіе, которому не предшествовали никакія очарованія, эта апатія души во время ея сильнѣйшей дѣятельности, это кипѣніе крови при душевномъ холодѣ, это чувство пресыщенія, послѣдовавшее не за роскошнымъ пиромъ жизни, а смѣнившее собою голодъ и жажду, эта жажда дѣятельности, проявляющаяся въ совершенномъ бездѣйствіи и апатической лѣни, словомъ, это старость прежде юности, это дряхлость прежде силы, все это—черты *героевъ нашего времени* со временъ Пушкина. Но не Пушкинъ родилъ или выдумалъ ихъ: онъ только первый указалъ на нихъ, потому что они уже начали показываться еще до него, а при немъ ихъ было уже много. Онъ—не случайное, но необходимое, хотя и печальное явленіе. Почва этихъ жалкихъ пустоцвѣтовъ не поэзія Пушкина, или чья бы то ни было, но общество. Это оттого, что общество живетъ и развивается какъ всякій индиви-

дуумъ: у него есть свои эпохи младенчества, отрочества, юношества, возмужалости, а иногда—и старости. Поэзія русская до Пушкина была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русского общества. И потому, это была поэзія до наивности невинная: она гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки къ *милымъ* и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями. Дѣйствительностью ея была—мечта, а потому ея дѣйствительность была самая аркадская, въ которой невинное блеяніе барашковъ, воркованіе голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными возгласами: *пою или о, ты, священная добродѣтель!* и т. п. Даже романтизмъ того времени былъ такъ наивно-невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и пересказывалъ съ восторгомъ старыя бабьи сказки о мертвецахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, колдуньяхъ, о дѣвѣ, за ропотъ на судьбу заживо увезенной мертвымъ женихомъ въ могилу, и тому подобныя невинныя пустяки. Въ трагедіи тогдашняя поэзія очень пристойно выплясывала чинный менуэтъ, дѣлая изъ Донского какого-то крикуна въ римской тогѣ. Въ комедіи она преслѣдовала именно тѣ пороки и недостатки общества, которыхъ въ обществѣ не было, и не дотрагивалась именно до тѣхъ, которыми оно было полно,—такъ что комедіи Фонвизина являются, въ этомъ отношеніи, какими-то исключеніями изъ общаго правила. Въ сатирѣ тогдашняя поэзія нападала скорѣе на пороки древнегреческаго и римскаго или старо-французскаго общества, чѣмъ русскаго. Невинность была всесовершеннѣйшая, а оттого, разумѣется, эта поэзія была и нравственной въ высшей степени. Общество пило, ѣло, веселилось. По рассказамъ нашихъ стариковъ ¹⁾, тогда не по-нынѣшнему умѣли веселиться, и передъ неутомимыми плясунами тогдашняго времени самые задорные нынѣшніе танцоры—просто старики, которые похороннымъ маршемъ выступаютъ тамъ, гдѣ бы надо было вывертывать ногами и выстукивать каблуками такъ, чтобъ полъ трещалъ и окна дрожали. Быть безусловно счастливымъ, это—привилегія младенчества. Младенецъ играетъ жизнью—плещется въ ея свѣтлой волнѣ и безотчетно любитъ брызгами, которыя производятъ его рѣзвые движенія; онъ всѣмъ восхищается, все находитъ лучшимъ, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ,—и если ему скоро надоѣдаетъ одна игрушка, то такъ же скоро

¹⁾ Быть можетъ, это намекъ на М. Дмитріева (о которомъ см. ст. № 42): этотъ писатель постоянно восхвалялъ въ прозѣ и стихахъ „доброе старое время“; см., напр., его стихотвореніе въ „Москвитинѣ“ 1842 г., № 1.

плѣняетъ его другая. Не таковъ уже возрастъ отрочества—переходъ отъ дѣтства къ юношеству. Правда, и тутъ человѣкъ все еще играетъ въ игрушки, но ужъ не тѣ его игрушки; мѣняя ихъ одну на другую, онъ уже сравниваетъ ихъ съ своимъ идеаломъ, и ему грустно, когда онъ не находитъ осуществленія своего неопредѣленнаго желанія, въ которомъ самъ себѣ не можетъ дать отчета. Лишеніе игрушки—для него горе, ибо оно есть уже утрата надежды, потеря сердца. Съ юношествомъ эта жизнь сердца и ума вспыхиваетъ полнымъ пламенемъ, и страсти вступаютъ въ борьбу съ сомнѣніемъ. Тутъ много радостей, но столько же, если не больше, и горя: ибо полное счастье только въ непосредственности бытія; отрочество есть начало пробужденія, а юность полное пробужденіе сознанія, корень котораго всегда горекъ; сладкіе же плоды его — для будущихъ поколѣній, какъ богатое и выстраданное наслѣдіе отъ предковъ потомкамъ...

„Кавказскій Плѣнникъ“ Пушкина засталъ общество въ періодъ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было полнымъ выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ произведеніи идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,—для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаёте его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ. Тѣмъ-то Пушкинъ, какъ великій поэтъ, и отличался отъ толпы своихъ подражателей, что, не измѣняя сущности своего направленія, всегда крѣпко держась дѣйствительности, которой былъ органомъ, всегда говорилъ новое, между тѣмъ какъ его подражатели и теперь еще хриплыми голосами допѣваютъ свои старыя и всѣмъ надоѣвшія пѣсни. Въ этомъ отношеніи „Кавказскій Плѣнникъ“ есть поэма историческая. Читая ее, вы чувствуете, что она могла быть написана только въ извѣстное время, и подъ этимъ условіемъ она всегда будетъ казаться прекрасною. Еслибъ въ наше время даровитый поэтъ написалъ поэму въ духѣ и тонѣ „Кавказскаго Плѣнника“, — она была бы безусловно ничтожнѣйшимъ произведеніемъ, хотя бы въ художественномъ отношеніи и далеко превосходила Пушкинскаго „Кавказскаго Плѣнника“, который въ сравненіи съ нею все бы остался такъ же хорошъ, какъ и безъ нея.

Лучшая критика, какая когда-либо была написана на „Кавказскаго Плѣнника“, принадлежитъ самому же Пушкину. Въ статьѣ его „Путешествіе въ Арзерумъ“ находятся слѣдующія слова, написанныя имъ черезъ семь лѣтъ послѣ изданія „Кавказскаго Плѣнника“: „Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Плѣнника* и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно“. Не знаемъ, къ какому времени относится слѣдующее сужденіе Пушкина о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“¹⁾, но оно очень интересно, какъ фактъ, доказывающій, какъ смѣло умѣлъ Пушкинъ смотрѣть на свои произведенія: „*Кавказскій Плѣнникъ*, первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Н. и А. Р., и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись. Слова: *характеръ, съ которымъ я насилу сладилъ*, особенно замѣчательны: они показываютъ, что поэтъ силился изобразить вѣ себя (объективировать) настоящее состояніе своего духа, и по тому самому не могъ исполнѣ это сдѣлать.

Въ художественномъ отношеніи „Кавказскій Плѣнникъ“ принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ являлся еще ученикомъ, а не мастеромъ поэзіи. Стихи прекрасны, исполнены жизни, движенія, много поэзіи; но еще нѣтъ художества. Содержаніе всегда бываетъ соотвѣтственно формѣ, и наоборотъ: недостатки одного тѣсно связаны съ недостатками другой, и наоборотъ. Въ отдѣлкѣ стиховъ „Кавказскаго Плѣнника“ замѣтно еще, хотя и меньше, чѣмъ въ „Русланъ и Людмилѣ“, вліяніе старой школы. Случаются неточныя выраженія, какъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Удары шашекъ ихъ жестокихъ“, или „Гдѣ обнялъ грозное страданье“; попадаются слова: *глава, молодой, власы*. Вступленіе нѣсколько тяжеловато, какъ и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“; но слабыхъ стиховъ вообще мало, а оборотовъ прозаическихъ почти совсѣмъ нѣтъ; поэзія выраженія почти вездѣ необыкновенно богата. Какъ фактъ для сравненія поэзіи Пушкина вообще съ предшествовавшею ему поэзіею, укажемъ на то, какъ поэтически выражено въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ самое прозаическое понятіе, что Черкешенка учила плѣнника языку ея родины:

Съ неясной рѣчію сливается
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горь,
И пѣсни Грузія счастливой,

¹⁾ Оно относится въ 1830—1831 г.

*И памяти нестерпимой
Передаст языкъ чужой.*

Нѣкоторыя выраженія исполнены мысли и многія мѣста отличаются поразительною вѣрностію дѣйствительности времени, котораго пѣвцомъ и выразителемъ былъ поэтъ. Примѣръ того и другого представляютъ эти прекрасные стихи:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
Узналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы —
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Въ этихъ немногихъ стихахъ слишкомъ много сказано. Это *краткая*, но рѣзко характеристическая картина пробудившагося сознанія общества въ лицѣ одного изъ его представителей. Проснулось сознаніе, — и все, что люди почитаютъ хорошимъ по привычкѣ, тяжело пало на душу человѣка, и онъ въ явной враждѣ съ окружающею его дѣйствительностію, въ борьбѣ съ самимъ собою; недовольный ничѣмъ, во всемъ видя призраки, онъ летитъ вдаль за новымъ призракомъ, за новымъ разочарованіемъ... Сколько мысли въ выраженія: „быть жертвою *простодушной* клеветы“? Вѣдь клевета не всегда бываетъ дѣйствіемъ злобы: чаще всего она бываетъ плодомъ невиннаго желанія разсѣяться *занимательнымъ разговоромъ*, а иногда и плодомъ доброжелательства и участія столь же искренняго, сколько и неловкаго. И все это поэтъ умѣлъ выразить однимъ смѣлымъ эпитетомъ! Такихъ эпитетовъ у Пушкина много, и только у него одного впервые начали являться такіе эпитеты!

По мнѣнію Пушкина, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ слабѣе „Кавказскаго Плѣнника“: съ этимъ нельзя вполне согласиться. Въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ (вышедшемъ въ 1824 году) замѣтенъ значительный шагъ впередъ со стороны формы: стихъ лучше, поэзія роскошнѣе, благоуханнѣе. Въ основѣ этой поэмы лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подъ силу только вполне разившемуся и возмужавшему таланту: очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею и, можетъ быть, оттого-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ¹⁾. Въ дикомъ Татаринѣ, пресыщенномъ гаремною любовію, вдругъ вспыхиваетъ болѣе человѣ-

ческое и высокое чувство къ женщинѣ, которая чужда всего, что составляетъ прелесть владыки и что можетъ плѣнять вкусъ азіатскаго варвара. Въ Маріи—все европейское, романтическое: это—дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроткое, скромное, дѣтски-благочестивое. И чувство, невольно внушенное ею Гирею, есть чувство романтическое, рыцарское, которое перевернуло вверхъ дномъ татарскую натуру деспота-разбойника. Самъ не понимая, какъ, почему и для чего, онъ уважаетъ святиню этой беззащитной красоты, онъ — варваръ, для котораго взаимность женщины никогда не была необходимымъ условіемъ истиннаго наслажденія, — онъ ведетъ себя въ отношеніи къ ней почти такъ, какъ паладинъ среднихъ вѣковъ:

Гирей несчастную щадить:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ;
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ,
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ,
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдаленіи
Позволено ей жить одной:
И, мнитъ, въ томъ уединеніи
Сокрылся нѣкто неземной.

Большаго отъ Татарина нельзя и требовать. Но Марія была убита ревнивою Заремою, нѣтъ и Заремы:

... она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!..

Смертью Маріи не кончились для хана муки нераздѣленной любви:

Дворецъ угрюмый опустѣлъ,
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный:
Но въ сердца хана чувства нѣхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Видите ли: Марія взяла всю жизнь Гирея; встрѣча съ нею была для него минутою перерожденія, и если онъ отъ новаго, не-

¹⁾ 27 февр. 1840 г. Бѣлинскій писалъ Боткину: „въ послѣднее время мнѣ открылся *Бахчисарайскій фонтанъ*: мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пьескѣ цѣлую книгу“...

вѣдомаго ему чувства, вдохнутаго ею, еще не сдѣлался *человѣкомъ*, то уже *животное* въ немъ умерло, и онъ пересталъ быть Татариномъ *comme il faut*. Итакъ, мысль поэмы — перерожденіе (если не просвѣтленіе) дикой души черезъ высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая! Но молодой поэтъ не справился съ нею, и характеръ его поэмы въ ея самыхъ патетическихъ мѣстахъ является *мелодраматическимъ*. Хотя самъ Пушкинъ находилъ, что „сцена Заремы съ Маріею имѣетъ драматическое достоинство, тѣмъ не менѣе ясно, что въ этомъ драматизмѣ проглядываетъ мелодраматизмъ. Въ монологѣ Заремы есть эта аффектація, это театральное изступленіе страсти, въ которыя всегда впадаютъ молодые поэты и которыя всегда восхищаютъ молодыхъ людей. Если хотите, эта сцена обнаружила тогда сильныя драматическіе элементы въ талантѣ молодого поэта, но не болѣе, какъ элементы, развитія которыхъ слѣдовало ожидать въ будущемъ. Такъ въ эффектной картинѣ молодого художника опытный взглядъ знатока видитъ несомнѣнный залогъ будущаго великаго живописца, несмотря на то, что картина сама по себѣ не многого стоить; такъ молодой даровитый трагическій актеръ не можетъ скрыть крикомъ и рѣзкостью своихъ жестовъ избытка огня и страсти, которые кипятъ въ его душѣ, но для выраженія которыхъ онъ не выработалъ еще простой и естественной манеры. И потому, мы гораздо больше согласны съ Пушкинымъ касательно его мнѣнія насчетъ стиховъ: „Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ“ и пр. Вотъ что говоритъ онъ о нихъ: „А. Р. ¹⁾“ хохоталъ надъ слѣдующими стихами (NB мы выписали ихъ выше...) „Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама“.

Несмотря на то, въ поэмѣ много частныхъ обаятельно прекрасныхъ. Портреты Заремы и Маріи (особенно Маріи) прелестны, хотя въ нихъ и проглядываетъ наивность нѣсколько юношескаго одушевленія. Но лучшая сторона поэмы, это — описанія или, лучше сказать, живыя картины магометанскаго Крыма: онѣ и теперь чрезвычайно увлекательны. Въ нихъ нѣтъ этого элемента высоты, который такъ проглядываетъ въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа. Но онѣ непобѣдимо очаровываютъ этою кроткою и роскошною поэзіею, которыми запечатлѣна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда вѣрны мѣстности.

Картина гарема, дѣтскія, шаловливыя забавы лѣнивой и уныло-однообразной жизни одалискъ, татарская пѣсня — все это и теперь еще такъ живо, такъ свѣжо, такъ обаятельно! Что за роскошь поэзіи, нацримеръ, въ этихъ стихахъ:

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой.
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой
Простыхъ Татаръ спѣшать супруги
Дѣлать вечерніе досуги.

Описаніе евнуха, прислушивающагося подозрительнымъ слухомъ къ малѣйшему шороху, какъ-то чудно сливается съ картиною этой фантастически-прекрасной природы, и музыкальность стиховъ, сладострастіе созвучій нѣжатъ и лелѣютъ очарованное ухо читателя:

Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ...

Здѣсь даже неправильныя усѣченія не портятъ стиховъ. И какою истинно-лирическою выходкою, исполненною пафоса, замыкаются эти роскошно-сладострастныя картины волшебной природы востока:

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко лѣются ихъ часы
Для обожателей Пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины,
И вдохновеній сладострастныхъ!

При этой роскоши и невыразимой сладости поэзіи, которыми такъ полонъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“, въ немъ плѣняетъ еще эта легкая, свѣтлая грусть, эта поэтическая задумчивость, навѣянная на поэта чудно-прозрачными и благоуханными ночами востока, и поэтической мечтою, которую возбуждало въ немъ преданіе о таинственномъ фонтанѣ во дворцѣ Гиреевъ. Описаніе этого фонтана дышитъ глубокимъ чувствомъ:

Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода.
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.

¹⁾ Александръ Раевскій

Младья дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ опѣ
Фонтаномъ слезъ писновали.

Слѣдующіе стихи (до конца) составляютъ превосходнѣйшій музыкальный финалъ поэмы; словно *résumé*, они сосредоточиваютъ въ себѣ всю силу впечатлѣнія, которое должно оставить въ душѣ читателя чтеніе цѣлой поэмы: въ нихъ и роскошь поэтическихъ красокъ, и легкая, свѣтлая, отрадно-сладостная грусть, какъ бы навѣянная немолчнымъ журчаніемъ *Фонтана Слезъ* и представившая разгоряченной фантазіи поэта таинственный образъ мелькавшей летучею тѣнью женщины... Гармонія послѣднихъ двадцати стиховъ упоительна:

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный.
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонты винограда,
Долины пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада,
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

Вообще „Бахчисарайскій Фонтанъ“ — роскошно поэтическая мечта юноши, и отпечатокъ юности лежитъ равно и на недостаткахъ его, и на достоинствахъ. Во всякомъ случаѣ, это — прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи, а роскошь щедрою рукою разбросанныхъ красокъ — строгую отчетливость выполненія.

Теперь намъ предстоитъ говорить о poemѣ, которая была поворотнымъ кругомъ уже созрѣвавшего таланта Пушкина на пути истинно-художественной дѣятельности: это — „Цыганы“. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ Пушкинъ является даровитымъ и шаловливымъ ученикомъ, который во время класса, украдкой отъ учителя, чертитъ затѣйливыя арабески, плоды его причудливой и рѣзвой фантазіи; въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ и „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ это — молодой поэтъ, еще неопытными пальцами пробующій извлекать изъ музыкальнаго инструмента самобытные звуки, плоды первыхъ, горячихъ вдохновеній; но въ „Цыганахъ“ онъ — уже художникъ, глубоко вглядывающійся

въ жизнь и мощно владѣющій своимъ талантомъ. „Цыганами“ открывается *средняя* эпоха его поэтической дѣятельности, къ которой мы причисляемъ еще „Евгенія Онѣгина“ (первыя шесть главъ), „Полтаву“, „Графа Нулина“; такъ же, какъ съ „Бориса Годунова“ начинается послѣдняя, высшая эпоха его вполне возмужавшей художественной дѣятельности¹⁾, къ которой мы причисляемъ и всѣ поэмы, послѣ его смерти напечатанныя. Въ слѣдующей статьѣ мы раземотримъ „Цыганъ“, „Полтаву“, „Евгенія Онѣгина“ и „Графа Нулина“, а эту статью заключимъ взглядомъ на „Братьевъ-Разбойниковъ“, маленькую поэмку, которую, по многимъ отношеніямъ, считаемъ престраннымъ явленіемъ.

На первомъ изданіи „Цыганъ“, вышедшемъ въ 1827 году, выставлено, въ заглавіи: *писано въ 1824 году*; то же самое выставлено и въ заглавіи вышедшихъ въ 1827 же году „Братьевъ-Разбойниковъ“, которые первоначально были напечатаны въ одномъ альманахѣ 1825 года. Стало быть, обѣ эти поэмы написаны Пушкинымъ въ одинъ годъ. Это странно, потому что ихъ раздѣляетъ пензмѣримое пространство: „Цыганы“ — произведеніе великаго поэта, а „Братья-Разбойники“ — не болѣе, какъ ученическій опытъ. Въ нихъ все ложно, все натянуто, все мелодрама, и ни въ чемъ нѣтъ истины, отчего эта поэма очень удобна для пародій²⁾. Будь она написана въ одно время съ „Русланомъ и Людмилою“ — она была бы удивительнымъ фактомъ огромности таланта Пушкина, ибо въ ней стихи бойки, рѣзки и размашисты, рассказъ живой и стремительный. Но какъ произведеніе, современное „Цыганамъ“, эта поэма — неразгаданная вещь³⁾. Ея разбойники очень похожи на Шиллеровыхъ удалцовъ третьяго разряда изъ шайки Карла Моора, хотя по внѣшности событія и видно, что оно могло случиться только въ Россіи. Языкъ рассказывающаго повѣсть своей жизни разбойника слишкомъ высокъ для мужика, а понятія слишкомъ низки для че-

¹⁾ Бѣлинскій не зналъ тогда, что „Борисъ Годуновъ“ былъ написанъ еще въ 1825 году; см. ниже наше примѣчаніе въ началѣ десятой изъ настоящихъ статей.

²⁾ Намекъ на ходившую въ то время по рукамъ пародію „Братья Мошенники“, направленную противъ Греча и Булгарина; ср. т. I, стр. 417.

³⁾ Всѣ эти указанія дѣлаютъ честь критическому чутью Бѣлинскаго, но совершенно невѣрны фактически. Въ дѣйствительности „Братья-Разбойники“ написаны за *три* года до „Цыганъ“: по словамъ самого Пушкина — въ концѣ 1821 года. И въ отдѣльномъ изданіи 1827 года было выставлено въ заглавіи: „писано въ 1822 году“, — а не въ 1824-омъ, какъ сообщаетъ здѣсь Бѣлинскій. Отъ этой ошибки и произошло недоумѣніе Бѣлинскаго, почувствовавшаго художественную незрѣлость этого отрывка изъ поэмы.

ловѣка изъ образованнаго сословія: отсюда и выходитъ декларация, проговоренная звучными и сильными стихами. Грезы больного разбойника и монологи, обращаемые имъ, въ бреду, къ брату,—рѣшительная мелодрама. Поэмка бѣдна даже поэзіею, которой такъ богато все, что ни выходило изъ-подъ

пера Пушкина, даже „Русланъ и Людмила“. Есть въ „Братьяхъ-Разбойникахъ“ даже плохіе стихи и прозаическіе обороты, какъ, напримѣръ: „Межъ ними зрится и блескъ“, „Насъ другъ ко другу приковали“.

1814 г.

Статья седьмая.

Поэмы «Цыганы», «Полтава», «Графъ Нулинъ».

„Цыганы“ были приняты съ общими похвалами; но въ этихъ похвалахъ было что-то робкое, нерѣшительное. Въ новой поэмѣ Пушкина подозрѣвали что-то великое, но не умѣли понять, въ чемъ оно заключалось, и, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, расплывались въ восклицаніяхъ и не жалѣли знаковъ удивленія. Такъ поступили журналисты; публика была прямодушнѣе и добросовѣстнѣе. Мы хорошо помнимъ это время, помнимъ, какъ многіе были непріятно разочарованы „Цыганами“ и говорили, что „Кавказскій Пльнникъ“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“ гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэтъ вдругъ переросъ свою публику и однимъ орлинымъ взмахомъ очутился на высотѣ, недоступной для большинства. Въ то время, какъ онъ уже самъ безпоощадно смѣялся надъ первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили *Пльнникомъ*, *Черкешенкою*, *Зарею*, *Маріею*, *Гиреемъ*, *Братьями-Разбойниками* и только по какой-то робости похваливали „Цыганъ“, или боясь окомпрометировать себя, какъ образованныхъ судей изящнаго, или дѣтски восхищаясь пѣснію Земфиры и сценою убійства. Явный знакъ, что Пушкинъ уже пересталъ быть выразителемъ нравственной настроенности современнаго ему общества, и что отселѣ онъ явился уже воспитателемъ будущихъ поколѣній. Но поколѣнія возникаютъ и образуются не днями, а годами, и потому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанныхъ его духомъ поколѣній — своихъ истинныхъ судей. „Цыганы“ произвели какое-то колебаніе въ быстро возраставшей до того времени славѣ Пушкина; но послѣ „Цыганъ“ каждый новый успѣхъ Пушкина былъ новымъ его паденіемъ,—и „Полтава“, послѣднія и лучшія двѣ главы „Онѣгина“, „Борисъ Годуновъ“ были приняты публикою холодно, а нѣкоторыми журналистами съ ожесточеніемъ и съ оскорбительными криками безусловнаго неодобренія.

Перелистуйте журналы того времени и прочтите, что писано было въ нихъ о „Цыганахъ“: вы удивитесь, какъ можно было такъ мало сказать о столь многомъ! Тутъ найдете только о Байронѣ, о цыганскомъ племени, о небезгрѣшности ремесла—водить медвѣдя, объ успѣшномъ развитіи таланта *тѣнца Руслана и Людмилы*, удивленіе къ дѣйствительно удивительнымъ частлостямъ поэмы, нападки на будто бы греческій стихъ: „И отъ судебъ защиты нѣтъ“, осужденіе будто бы вялаго стиха: „И съ камня на траву свалился“,—и многое въ этомъ родѣ; но ни слова, ни намекъ на идею поэмы¹⁾.

А между тѣмъ, поэма заключаетъ въ себѣ глубокую идею, которая большинствомъ была совсѣмъ не понята, а немногими людьми, радушно привѣтствовавшими поэму, была понята ложно,—что особенно и расположило ихъ въ пользу новаго произведенія Пушкина. И послѣднее очень естественно: изъ всего хода поэмы видно, что самъ Пушкинъ думалъ сказать не то, что сказалъ въ самомъ дѣлѣ. Это особенно доказываетъ, что непосредственно творческій элементъ въ Пушкинѣ былъ несравненно сильнѣе мыслительнаго, сознательнаго элемента, такъ что ошибки послѣдняго, какъ бы безъ вѣдома самого поэта, поправлялись первымъ и внутренняя логика, разумность глубокаго поэтическаго созерцанія сама собою торжествовала надъ неправильностію рефлексій поэта. Повторяемъ: „Цыганы“ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія. Идея „Цыганъ“ вся сосредоточена въ героѣ этой поэмы—Алеко. А что хотѣлъ Пушкинъ выразить этимъ лицомъ?—Не трудно отвѣтить: всякій, даже съ перваго, поверхностнаго взгляда на поэму увидитъ, что въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ человѣка,

¹⁾ Все это находится въ статьѣ о „Цыганахъ“, помѣщенной въ № 10 „Московского Телеграфа“ за 1827 годъ.

который до того проникнуть сознаниемъ чело-
вѣческаго достоинства, что въ обществен-
номъ устройствѣ видитъ одно только уни-
женіе и позоръ этого достоинства, и потому,
проклявъ общество, равнодушный къ жизни
Алеко въ дикой цыганской волѣ ищетъ
того, чего не могло дать ему образованное
общество, окованное предразсудками и при-
личіями, добровольно закабалившее себя на
унизительное служеніе идолу золота. Вотъ
что хотѣлъ Пушкинъ изобразить въ лицѣ
своего Алеко; но успѣлъ ли онъ въ этомъ,
то ли именно изобразилъ онъ? — Правда,
поэтъ настаиваетъ на этой мысли, и видя,
что поступокъ Алеко съ Земфиroy явно ей
противорѣчитъ, сваливаетъ всю вину на
„роковыя страсти, живущія подъ разодран-
ными шатрами“, и на „судьбы, отъ кото-
рыхъ нигдѣ нѣтъ защиты“. Но весь ходъ
поэмы, ея развязка и, особенно, играющее
въ ней важную роль лицо стараго Цыгана
неоспоримо показываютъ, что, желая и ду-
мая изъ этой поэмы создать апофеозу Алеко,
какъ поборника правъ челоѣческаго достоин-
ства, поэтъ—вмѣсто этого, сдѣлалъ страшную
сатиру на него и на подобныхъ ему людей,
изрекъ надъ нимъ судъ неумолимо трагиче-
скій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько проницательскій.

Кому не случалось встрѣчать въ обще-
ствѣ людей, которые изъ всѣхъ силъ бьются
прослыть такъ называемыми „либералами“,
и которые достигаютъ не болѣе, какъ неза-
виднаго прозвища жалкихъ крикуновъ? Эти
люди всегда поражаютъ наблюдателя самымъ
простодушнымъ, самымъ комическимъ про-
тиворѣчіемъ своихъ словъ съ поступками.
Много можно было бы сказать объ этихъ
людяхъ характеристическаго, чѣмъ такъ
рѣзко отличаются они отъ всѣхъ другихъ
людей; но мы предпочитаемъ воспользоваться
здѣсь чужою, уже готовою характеристикою,
которая соединяетъ въ себѣ два драгоцѣн-
ныя качества—краткость и полноту: мы го-
воримъ объ этихъ удачныхъ стихахъ покой-
наго Дениса Давыдова:

А глядишь — нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усь, да въ рыло;
А глядишь — нашъ Лафаэтъ,
Брутъ или Фабрицій,
Мужичковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Такіе люди, конечно, смѣшны, и съ нихъ
довольно легонькаго водевиля или сатири-
ческой пѣсенки, ловко сложенной Давыдо-
вымъ; но поэмы они не стоятъ. Никакъ
нельзя сказать, чтобъ Алеко Пушкина былъ
изъ этихъ людей, но и нельзя также ска-
зать, чтобъ онъ не былъ имъ сродни. Вели-
кая мысль является въ дѣйствительности

двойственно—комически и трагически, смотря
по личнымъ качествамъ людей, въ которыхъ
она выражается. Дурная страсть въ чело-
вѣкѣ ничтожномъ или забавна, какъ глупость,
или отвратительна, какъ мерзость; дурная
страсть въ челоѣкѣ съ характеромъ
и умомъ ужасна: первая наказывается хо-
хотомъ или презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ
омерзѣніемъ; вторая служитъ для людей тра-
гическимъ урокомъ, потрясающимъ душу.
Вотъ почему для первой довольно легонь-
каго водевиля или сатирической пѣсенки
много уже, если комедія; для второй нужна
сатира Барбье, и ея не погнушается даже
трагедія Шекспира. Глупецъ, который кор-
читъ изъ себя Мирабо, есть не что иное,
какъ маленькій эгоизмъ, который не любитъ
для себя тѣхъ самыхъ стѣснительныхъ формъ,
которыми любитъ душировать другихъ. Дайте
этому эгоизму огромный объемъ, придайте
къ нему большой умъ, сильныя страсти, спо-
собность глубоко понимать и чувствовать
всякую истину, пока она не противорѣчитъ
ему, — и передъ вами весь Алеко, — такой,
какимъ создалъ его Пушкинъ. Не страсти
погубили Алеко! „Страсти“—слишкомъ не-
опредѣленное слово, пока вы не назовете
ихъ по именамъ: Алеко погубила одна страсть
и эта страсть—эгоизмъ! Прослѣдите за Алеко
въ развитіи цѣлой поэмы, и вы увидите, что
мы правы.

Приведа встрѣченнаго за холмомъ, подлѣ
цыганскаго табора, Алеко, Земфира гово-
ритъ своему отцу, между прочимъ:

Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ.

Въ этихъ словахъ Алеко является еще
только таинственнымъ, загадочнымъ лицомъ,
не болѣе; для безпристрастной наблюдатель-
ности онъ еще не можетъ показаться ни пре-
ступникомъ вслѣдствіе эгоизма, ни жертвою
несправедливаго гоненія, и только мелкій
либерализмъ, въ своей поверхностности, го-
товъ сразу принять его за мученика идеи.
Но вотъ таборъ снялся; Алеко уныло смо-
трить на опустѣлое поле и не смѣетъ рас-
толковать себѣ тайной причины своей грусти.
Онъ наконецъ воленъ, какъ Божья птичка,
солнце весело блещетъ надъ его головою, о
чемъ же его тоска? Поэтъ пророчитъ ему,
что страсти, нѣкогда такъ свирѣпо игра-
вшія имъ, только на время присмирѣли въ
его измученной груди, и что скоро онъ снова
проснется... Опять страсти! но какія же? А
вотъ увидимъ...

Можетъ быть, Алеко только внѣшнимъ
образомъ, по чувству досады, разорвалъ связи
съ образованнымъ обществомъ, и ему тяжка
исполненная лишеній дикая воля бѣднаго
бродящаго племени, ибо, какъ мудро замѣ-
тилъ ему старый цыганъ.

... Но всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Нѣтъ! черноокая Земфира заставила его по-любить эту жизнь, въ которой

Все скудно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

И когда Земфира спросила его, не жалѣть ли онъ о томъ, что навсегда бросилъ, — Алеко отвѣчаетъ:

О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душевныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсуждений приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Какой энергическій, полный мощнаго негодованія голосъ! какая пламенная, вся проникнутая благороднымъ паѳосомъ рѣчь! Съ какою неотразимою силою увлекаетъ душу это пророчески обвинительное, страшнымъ судомъ гремящее слово! Прислушиваясь къ нему, не можешь не вѣрить, чтобъ человѣкъ, обладающій такою силою жечь огнемъ устъ своихъ, не былъ существомъ высшаго разряда, — существомъ, исполненнымъ свѣтлаго разума и пламенной любви къ истинѣ, глубокой скорби объ униженіи человѣчества... Вы видите въ немъ героя убѣжденія, мученика вышнихъ, недоступныхъ толпъ откровеній... Какъ высоко стоитъ онъ надъ этою презрѣнною толпою, которую такъ нещадно поражаетъ громомъ своего благороднаго негодованія!.. Но здѣсь-то и скрывается великій урокъ для оцѣнки истиннаго достоинства; здѣсь-то и можно видѣть, какъ легко быть героемъ на счетъ чужихъ пороковъ, заблужденій и слабостей, и какъ мудроно быть героемъ на свой собственный счетъ, — какъ всякаго должно судить не по однимъ словамъ его, но если по словамъ, то не иначе, какъ подтвержденнымъ дѣлами. Изречь энергическое, полное благороднаго негодованія проклятіе не только на какое-нибудь общество, или какой-нибудь народъ, но и на цѣлое человѣчество, гораздо легче, нежели самому поступить справедливо въ собственномъ своемъ дѣлѣ. И потому изрекать анаѹему такъ же не всякій имѣетъ право, какъ и изрекать благословеніе; это могутъ только пріавшіе свыше власть и посвященіе. Какъ поучать другихъ имѣетъ право только знающій самъ то, чему берется поучать, такъ

и предписывать другимъ пути практической мудрости и справедливости можетъ только тотъ, кто самъ уже твердою стопю привыкъ ходить по этимъ путямъ. Слово само по себѣ — не болѣе, какъ звукъ пустой: оно важно только какъ выраженіе мысли; а мысль сама по себѣ — не болѣе, какъ призракъ чего-то разумнаго и прекраснаго: она важна лишь, какъ идеальная сущность дѣйствительности. Все, что не подходитъ подъ мѣрку практическаго примѣненія, — ложно и пусто. Вотъ почему необходимо должно обращать вниманіе не только на то, дѣйствительно ли истинно сказанное, но и на то, кѣмъ оно сказано. По этой же причинѣ въ устахъ призванныхъ и посвященныхъ иногда и старья истины получаютъ новую форму и новую силу убѣжденія, какъ будто бы онѣ были сказаны въ первый разъ; а въ устахъ людей, самовольно принимающихъ на себя обязанность учителей, иногда и новья, оригинально выраженные мысли пропадаютъ безъ дѣйствія, какъ будто истертая общія мѣста...

Обратимся къ Алеко. Наконецъ, доходитъ дѣло и до страстей, появленіе которыхъ поэтъ такъ значительно, такимъ угрожающимъ образомъ предсказывалъ. Сердцемъ Алеко одолеваетъ *ревность*. Эта страсть свойственна или людямъ по самой натурѣ эгоистическимъ, или людямъ неразвитымъ нравственно. Считать ревность необходимою принадлежностію любви — непростительное заблужденіе. Человѣкъ *нравственно* развитый любить спокойно, увѣренно, потому что уважаетъ предметъ любви своей (любовь безъ уваженія для него невозможна). Положимъ, что онъ замѣчаетъ къ себѣ охлажденіе со стороны любимаго предмета, какая бы ни была причина этого охлажденія изъ исчисленныхъ поэтомъ:

Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
Иль своенравія мечты?

это охлажденіе заставить его страдать, потому что любящее сердце не можетъ не страдать при потерѣ любимаго сердца; но онъ не будетъ ревновать. Ревность безъ достаточнаго основанія есть болѣзнь людей ничтожныхъ, которые не уважаютъ ни самихъ себя, ни своихъ правъ на привязанность любимаго ими предмета; въ ней высказывается мелкая тиранія существа, стоящаго на степени животнаго эгоизма. Такая ревность невозможна для человѣка *нравственно* развитого; но такимъ же точно образомъ невозможна для него и ревность на достаточномъ основаніи: ибо такая ревность непременно предполагаетъ мученія подозрительности, оскорбленія и жажды мщенія. Подозрительность совершенно излишня для

того, кто можетъ спросить другого о предметѣ подозрѣнія съ такимъ же яснымъ взоромъ, съ какимъ и самъ отвѣтитъ на подобный вопросъ. Если отъ него будутъ скрываться, то любовь его перейдетъ въ презрѣніе, которое, если не избавитъ его отъ страданія, то дастъ этому страданію другой характеръ и сократитъ его продолжительность; если же ему скажутъ, что его болѣе не любятъ, — тогда муки подозрѣнія тѣмъ менѣе могутъ имѣть смыслъ. Чувство оскорбленія для такого человѣка также невозможно, ибо онъ знаетъ, что прихоть сердца, а не его недостатки причиною потери любимого сердца, и что это сердце, переставъ любить его, не только не перестало его уважать, но еще сострадаетъ, какъ другъ, его горю, и винитъ себя, не будучи въ сущности виновато. Что касается до жажды мщенія, — въ этомъ случаѣ она была бы понятна только какъ выраженіе самаго животнаго, самаго грубаго и невѣжественнаго эгоизма, который невозможенъ для человѣка нравственно развитого. И за что тутъ мстить? — за то, что любившее васъ сердце уже не бьется любовью къ вамъ? Но развѣ любовь зависитъ отъ воли человѣка и покоряется ей? И развѣ не случается, что сердце, охладѣвшее къ вамъ, не терзается сознаніемъ этого охлажденія словно тяжкою виною, страшнымъ преступленіемъ? Но не помогутъ ему ни слезы, ни стоны, ни самообвиненія, и тщетны будутъ всѣ усилія его заставить себя любить васъ попрежнему... Такъ чего же вы хотите отъ любимого вами, но уже не любящаго васъ предмета, если сами сознаете, что его охлажденіе къ вамъ теперь такъ же произошло не отъ его воли, какъ не отъ нея произошла прежде его любовь къ вамъ? Хотите ли, чтобъ этотъ предметъ, скрывая насильственно свое къ вамъ охлажденіе, обманывалъ васъ, ради вашего счастья, притворною любовью? — Но такое желаніе со стороны вашей могло бы выйти только изъ самаго грубаго, животнаго эгоизма: ибо если вы *человѣкъ*, существо *нравственно развитое*, то вы должны думать и заботиться гораздо больше о счастья связаннаго съ вами отношеніями любви предмета, чѣмъ о своемъ собственномъ. И притомъ, надо быть слишкомъ пошлымъ человѣкомъ, чтобъ допустить обмануть и успокоить себя принужденною любовію, и надо быть слишкомъ подлымъ человѣкомъ, чтобъ, понимая такую любовь, какъ она есть, удовлетворяться ею: это значило бы принести чужое счастье въ жертву своему собственному — и какому счастью!.. Когда любовь съ которой-нибудь стороны кончилась, вмѣстѣ жить нельзя: ибо тотъ не понимаетъ любви и ея требованій и за любовь принимаетъ грубую, животную чув-

ственность, кто способенъ пользоваться ея правами отъ предмета, хотя бы и любимого, но уже нелюбящаго. Такая „любовь“ бываетъ только въ бракахъ, потому что бракъ есть обязательство, — и, можетъ быть, оно такъ тамъ и нужно; но въ любви такіа отношенія суть оскорбленіе и профанція не только любви, но и человѣческаго достоинства. Всѣ такіе случаи невозможны для *человѣка нравственно развитого*.

Есть много родовъ образованія и развитія, и каждое изъ нихъ важно само по себѣ, но всѣхъ ихъ выше должно стоять образованіе *нравственное*. Одно образованіе дѣлаетъ васъ *человѣкомъ* ученымъ, другое — *человѣкомъ* свѣтскимъ, третье — административнымъ, военнымъ, политическимъ и т. д.; но нравственное образованіе дѣлаетъ васъ просто „*человѣкомъ*“, т. е. существомъ, отражающимъ на себѣ отблескъ божественности, и потому высоко стоящимъ надъ міромъ животнымъ. Хорошо быть ученымъ, поэтомъ, воиномъ, законодателемъ и проч., но худо не быть при этомъ „*человѣкомъ*“; быть же „*человѣкомъ*“ — значитъ имѣть полное и законное право на существованіе и не будучи ничѣмъ другимъ, какъ только „*человѣкомъ*“. Въ чемъ же состоитъ нравственное образованіе, нравственное развитіе? Такъ какъ *человѣкъ* не только существуетъ, но еще и мыслить, то всякій предметъ въ отношеніи къ нему существуетъ не только практически, но и теоретически, и *человѣкъ* только тогда вполне владѣетъ предметомъ, тогда схватываетъ его съ этихъ обѣихъ сторонъ. Но одно практическое обладаніе предметомъ еще значитъ что-нибудь, тогда какъ одно теоретическое ровно ничего не значитъ. И потому, теоретическая нравственность, открывающаяся въ однихъ системахъ и словахъ, но не говорящая за себя, какъ *дѣло*, какъ *фактъ*, выходящая только изъ созерцаній ума, но неимѣющая глубокихъ корней въ почвѣ сердца, такая нравственность стоитъ безнравственности и должна называться китайскою или фарисейскою. Истинная нравственность прозябаетъ и растетъ изъ сердца, при плодотворномъ содѣйствіи свѣтлыхъ лучей разума. Ея мѣрило — не слова, а практическая дѣятельность. Въ сферѣ теорій и созерцаній быть героемъ добродѣтели въ тысячу разъ легче, нежели въ дѣйствительности выслужить чинъ коллежскаго регистратора или, пообѣдавъ, почувствовать себя сытымъ. Такъ какъ сфера нравственности есть по преимуществу сфера практическая, а практическая сфера образуется преимущественно изъ взаимныхъ отношеній людей другъ къ другу, то здѣсь-то, въ этихъ отношеніяхъ, — и больше нигдѣ, — должно искать примѣтъ нравственнаго или безнрав-

ственного человѣка, а не въ томъ, какъ человѣкъ разсуждаетъ о нравственности, или какой системы, какого ученія, и какой категоріи нравственности онъ держится. Слова, какъ бы ни были краснорѣчивы, хотя бы произносились страстнымъ голосомъ и сопровождались не только порывистыми жестами, но, при случаѣ, и горячими слезами,—слова сами по себѣ все-таки стоятъ не больше всякой другой болтовни: здѣсь, какъ и вездѣ, дѣло—въ дѣлѣ. Одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ — человѣкъ, и потомъ уже за его личныя достоинства, по той мѣрѣ, въ какой онъ ихъ имѣетъ, — въ живомъ, симпатическомъ сознаніи своего *братства* со всѣми, кто называется „человѣкомъ“. Вотъ что разумѣли мы подъ словомъ „*нравственно-развитый* человѣкъ“, говоря о томъ, какимъ образомъ показалъ бы себя такой человѣкъ въ отношеніи къ любимой имъ особѣ, когда она почему бы то ни было разлюбить его. Естественно, что никогда не выказывается такъ рѣзко опредѣленно нравственность или безнравственность человѣка, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ судитъ своего ближняго по отношенію къ самому себѣ и гдѣ въ эти отношенія вмѣшивается страсть: ибо въ такихъ случаяхъ ему предстоитъ быть къ самому себѣ строгимъ безъ эффектовъ, безпристрастнымъ безъ гордости; справедливымъ безъ униженія, между тѣмъ какъ въ такихъ-то именно обстоятельствахъ человѣкъ, по чувству эгоизма, и увлекается крайностями, т.-е. или бываетъ къ себѣ пристрастно снисходительнымъ, обвиняя во всемъ своего ближняго, или, что бываетъ рѣже, изъ самаго безпристрастія своего и своей къ себѣ строгости дѣлаетъ эффектную мелодраму. Поэтому, наше приложеніе идеи нравственности къ дѣлу любви очень удобно для рѣшенія вопроса, потому что любовь, какъ одна изъ сильнѣйшихъ страстей, увлекающихъ человѣка во всѣ крайности, больше, чѣмъ всякая другая страсть, можетъ служить пробнымъ камнемъ нравственности. Если человѣкъ, находящійся въ положеніи Алеко, подавшего намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ, есть истинно нравственный человѣкъ, то въ любимой имъ особѣ онъ съ большею страстію, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, уважаетъ права свободной личности, а, слѣдовательно, и невольныя естественныя стремленія ея сердца. Въ такомъ случаѣ, натурально, что ея внезапнаго къ нему охлажденія онъ не приметъ за преступленіе или такъ называемую на языкѣ пошлыхъ романовъ „невѣрность“, и еще менѣе согла-

сится принять отъ нея жертву, которая должна состоять въ ея готовности принадлежать ему даже и безъ любви и для его счастья отказаться отъ счастья новой любви, можетъ быть, бывшей причиною ея къ нему охлажденія. Еще болѣе естественно, что въ такомъ случаѣ ему остается сдѣлать только одно:—со всѣмъ самоотверженіемъ души любящей, со всею теплотою сердца, постигшаго святую тайну страданія, благословить *ею* или *ее* на новую любовь и новое счастье, а свое страданіе, если нѣтъ силъ освободиться отъ него, глубоко схоронить отъ всѣхъ, и въ особенности отъ *него* или отъ *нея*, въ своемъ сердцѣ. Такой поступокъ немногими можетъ быть оцѣненъ, какъ выраженіе истинной нравственности; многіе, воспитанные на романахъ и повѣстяхъ съ ревностію, измѣнами, кинжалами и ядами, найдутъ его даже прозаическимъ, а въ человѣкѣ, такимъ образомъ поступившемъ, увидятъ отсутствіе понятія о чести. Дѣйствительно, по понятіямъ, искаженно перешедшимъ къ намъ отъ среднихъ вѣковъ, мужчинѣ надо кровью смыть подобное безчестіе и, какъ говоритъ Алеко, *хищнику и ей, коварной, вонзить кинжалъ въ сердце*, а женщинѣ прибѣгнуть къ яду или къ слезамъ и безмолвной тоскѣ; но не должно забывать, что то, что могло имѣть смыслъ въ варварскіе средніе вѣка, въ наше просвѣщенное время уже не имѣетъ никакого смысла. Въ образованномъ человѣкѣ нашего времени шекспировъ Отелло можетъ возбуждать сильный интересъ, но съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что эта трагедія есть картина того варварскаго времени, въ которое жилъ Шекспиръ и въ которое мужъ считался полновластнымъ господиномъ своей жены; всякій же образованный человѣкъ нашего времени только разсмѣется отъ новыхъ Отелликовъ въ родѣ *Марселя* въ нелѣпой повѣсти Эжена Сю „Крао“, и *безымяннаго господина* въ отвратительной повѣсти Дюма „Une Vengeance“. Но люди, которымъ нужно доказывать, что въ наше время кинжалы, яды и даже пистолеты, вслѣдствіе ревности, суть не что иное, какъ пошлые театральные эффекты, или результаты болѣзненнаго безумія, животнаго эгоизма и дикаго невѣжества, — такіе люди не стоятъ того, чтобъ тратить на нихъ слова. Слава Богу, такихъ людей теперь уже немного, и теперь гораздо больше людей, которые принимаютъ слова за одно съ дѣлами; вотъ имъ-то предложимъ мы вопросъ, ближе относящійся къ предмету нашей статьи: что сказать о человѣкѣ, который, по его словамъ, идетъ наравнѣ съ вѣкомъ, и для этого толкуетъ о правѣ человѣческомъ (нарушаемомъ его сосѣдомъ по имѣнію) и объ эмансипаціи женщины, но который, если его жена позволитъ

себѣ сдѣлать, въ отношеніи къ нему, сотую долю того, что безъ всякаго позволенія дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ ней, — сейчасъ перемѣняетъ тонъ и готовъ хоть за дубѣе приняться?.. Не правда ли, что, глядя на него, невольно запоешь вполголоса съ Давыдовымъ:

А глядишь: нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За няматое жабо,
Хлещетъ въ усь да въ рыло!

Вотъ почему не смѣхъ, а смѣшанное съ ужасомъ отвращеніе возбуждаютъ слова Алеко въ отвѣтъ на простодушный, трогательный и поэтический рассказъ стараго цыгана о Мариуполѣ:

Да какъ же ты не поспѣшилъ:
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей, коварной,
Кивжала въ сердце не вонзилъ?

Итакъ, вотъ онъ — страдалецъ за униженное человѣческое достоинство, человѣкъ, который презрѣлъ предразсудки образованной общественности и нашелъ счастье въ цыганскомъ таборѣ!.. Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ цивилизованному уваженію правъ личности!.. И какъ великъ, какъ истинно (т.-е. внутренно, духовно) свободенъ передъ нимъ старый Цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, незнающій въ простотѣ сердца никакихъ теорій нравственности! Сколько поэзии и истины въ его кроткомъ, благодушномъ отвѣтѣ Алеко:

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Отвѣтъ Алеко на эти полныя любви и правдивости слова стараго Цыгана окончательно и вполнѣ раскрываетъ тайну его характера:

Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеніемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездною моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго-бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

Изъ этихъ словъ видно, что никакая могучая идея не владѣла душою Алеко, но что всѣ его мысли и чувства и дѣйствія вытекали, во-первыхъ, изъ сознанія своего превосходства надъ толпою, состоящаго въ умѣ болѣе блестящемъ и созерцательномъ, чѣмъ глубокомъ и дѣятельномъ; во-вторыхъ,

изъ чудовищнаго эгоизма, который гордъ самимъ собою, какъ добродѣтелью. „Эта женщина (какъ рассуждаетъ эгоизмъ Алеко) отдалась мнѣ, и я счастливъ ея любовію, слѣдовательно, я имѣю на нее вѣчное и ненарушимое право, какъ на мою рабу, на мою вещь. Она измѣнила — и я не могу уже быть счастливъ ея любовію: она должна упоить меня сладостію мщенія. Ея обольститель лишилъ меня счастья, — и долженъ за это заплатить мнѣ жизнь“. Не спрашивайте Алеко, наказалъ ли бы онъ самъ себя смертію, еслибъ онъ самъ измѣнилъ любимой имъ женщинѣ и съ свойственною эгоистамъ жестокостію оттолкнулъ ее отъ груди своей: не трудно угадать, какъ бы поступилъ и что бы заговорилъ Алеко въ подобномъ обстоятельствѣ. Эгоизмъ изворотливъ, какъ хамелеонъ: мало того, что такой человѣкъ, какъ Алеко, въ подобномъ случаѣ сталъ бы *рисоваться* передъ самимъ собою, какъ великодушный и невинный губитель чужого счастья, — онъ, пожалуй, еще почелъ бы себя въ правѣ мстить смертію оставленной имъ женщинѣ, которая преслѣдуетъ его своими доуками, упреками, слезами и мольбами, *съ чего-то вообразивъ*, что имѣетъ на него *какія-то права*, какъ будто бы онъ созданъ не для жизни, а для ея удовольствія и, подобно дитяти, лишенъ воли. Не спрашивайте его также, имѣетъ ли на его жизнь право человѣкъ, у котораго онъ отбилъ любовницу: съ свойственнымъ эгоизму безстыдствомъ Алеко, въ такомъ случаѣ, началъ бы предъ вами витіевато либеральничать и доказывать пышными фразами, что на женщину имѣетъ законное право только тотъ, кто, любя ее, любимъ ею, и что онъ, Алеко, первый бы уступилъ великодушно свою любовницу тому, кого бы она полюбила. Изъ этого-то животнаго эгоизма вытекаетъ и животная мстительность Алеко. Человѣкъ нравственный и любящій живетъ для идеи, составляющей паѳосъ цѣлаго его существованія: онъ можетъ и горько презирать, и сильно ненавидѣть, но скорѣе по отношенію къ своей идеѣ, чѣмъ къ своему лицу. Онъ не снесетъ обиды и не позволить унижить себя, но это не мѣшаетъ ему умѣть прощать личныя обиды: въ этомъ случаѣ онъ не слабъ, а только великодушенъ. Натуры блестящія, но въ сущности мелкія, потому что эгоистическія, чужды стремленія къ идеѣ или идеалу: онѣ во всемъ ставятъ сосредоточіемъ свое милое Я. Если они и заберутъ себѣ въ голову, что живутъ для какой-то идеи, то не возвышаются до идеи, а только нагибаются до нея, думаютъ не себя облагородить и освятить проникновеніемъ идеею, но идею осчастливить своимъ султанскимъ выборомъ. И тогда ихъ идея,

въ ихъ глазахъ, потому только истина, что она—ихъ идея, и потому всякій, не признающій ея истинности, есть ихъ личный врагъ. Но, будучи оскорблены въ дѣлѣ личной страсти, эти люди думаютъ, что въ ихъ лицѣ оскорбленъ весь міръ, вся вселенная, и никакая месть не кажется имъ незаконною. Таковъ Алеко!

Скажутъ, что созданіе такого лица не дѣлаетъ чести поэту, тѣмъ болѣе, что онъ ясно хотѣлъ сдѣлать изъ него не столько преступнаго, сколько несчастнаго, увлеченнаго судьбою человѣка. Дѣйствительно, это было бы такъ, еслибъ поэтъ не противопоставилъ стараго Цыгана лицу Алеко, можетъ быть, безсознательно повинувшись тайной внутренней логикѣ непосредственнаго творчества. И потому, идею поэмы „Цыганы“ должно искать не въ одномъ лицѣ, а тѣмъ менѣе только въ лицѣ Алеко, но въ общности поэмы. Алеко является въ поэмѣ Пушкина какъ бы для того только, чтобъ представить намъ страшный, поразительный урокъ нравственности. Его противорѣчіе съ самимъ собою было причиною его гибели,—и онъ такъ жестоко наказанъ оскорбленнымъ имъ закономъ нравственности, что чувство наше, несмотря на великость преступления, примиряется съ преступникомъ. Алеко не убиваетъ себя; онъ остается жить,—и это рѣшеніе дѣйствуетъ на душу читателя сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся на полѣ въ то время, когда станица весело поднимается на воздухъ, чтобъ летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, выше всякой трагической сцены. Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, блѣдный лицомъ, Алеко молчитъ, но его молчаніе краснорѣчиво: въ немъ слышится нѣмое признаніе справедливости постигшей его кары, и можетъ быть съ этой самой минуты въ Алеко звѣрь уже умеръ, а человѣкъ воскресъ... Вы скажете: слишкомъ поздно. Что-жъ дѣлать! такова, видно, натура этого человѣка, что она могла возвыситься до очеловѣченія только цѣною страшнаго преступления и страшной за то кары... Не будемъ строги въ судѣ надъ падшимъ и наказаннымъ, а лучше тѣмъ строже будемъ къ самимъ себѣ, пока мы еще не пали, и заранѣе воспользуемся великимъ урокомъ. Еслибъ Алеко устоялъ въ гордости своего мщенія, мы не помирились бы съ нимъ: ибо видѣли бы въ немъ все того же звѣря, какимъ онъ былъ и прежде. Но онъ призналъ заслуженность своей кары,—и мы должны видѣть въ немъ человѣка, а человѣкъ человѣка какъ осудить?..

Убитая чета уже въ землѣ.

... Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горетію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камни на траву свалился.

Какое простое и сильное въ благородной простотѣ своей изображеніе самой лютѣ, самой безотраднѣе муки! Какъ хороши въ немъ два послѣдніе стиха, на которые такъ нападали критики того времени, какъ на стихи вялые и прозаическіе! Гдѣ-то было даже напечатано ¹⁾, что разъ Пушкинъ имѣлъ горячій споръ съ кѣмъ-то изъ своихъ друзей за эти два стиха и наконецъ вскричалъ: *Я долженъ былъ такъ выразиться; я не могъ иначе выразиться!* Черта, обличающая великаго художника!

Но довольно объ Алеко; обратимся къ старому Цыгану. Это одно изъ такихъ лицъ, созданіемъ которыхъ можетъ гордиться всякая литература. Есть въ этомъ Цыганѣ что-то патріархальное. У него нѣтъ мыслей: онъ мыслить чувствомъ,—и какъ истинны, глубоки, *человѣчны* его чувства! Языкъ его исполненъ поэзіи. Въ тонѣ рѣчи его столько простоты, наивности, достоинства, самоотрицанія (*résignation*), кротости, теплоты и елейности. И какъ вѣренъ онъ себѣ во всемъ,—тогда ли, какъ рассказываетъ своимъ простодушнымъ и поэтическимъ языкомъ преданіе объ Овидіи, или когда въ исполненной дикаго огня, дикой страсти и дикой поэзіи пѣснѣ Земфиры припоминаетъ стараго друга, или когда, утѣшая Алеко въ охлажденіи Земфиры, *по-своему*, но такъ вѣрно и истинно объясняетъ ему натуру и права женскаго сердца и рассказываетъ трогательную повѣсть о самомъ себѣ, о своей любви къ Маріулѣ и ея измѣнѣ, которую онъ, въ своей цыганской простотѣ, такъ человѣчно, такъ гуманно нашелъ совершенно законною... Но въ сценѣ похоронъ и прощанія съ Алеко онъ является, самъ того не подозревая, въ своей цыганской дикости, въ истинно-трагическомъ величіи и кротко изрекаетъ несчастному ужасный приговоръ и великія истины:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дикі, пѣть у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ;
Мы робки и добры душою,
Ты золь и смѣль;—оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою“.

Замѣтьте этотъ стихъ: *Ты для себя лишь хочешь воли*:—въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идеѣ. Послѣ этого,

¹⁾ Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1829 г. № 10.—въ статьѣ Кс. Полевого „О сочиненіяхъ Пушкина“.

можно ли сомнѣваться въ глубоко-нравственномъ характерѣ поэмы? Нѣтъ, это возможно только для людей близорукихъ и ограниченныхъ, для невѣждъ-моралистовъ, которые привыкли видѣть нравственность только въ азбучныхъ сентенціяхъ...

Нѣкоторые критики того времени особенно нападали на эпилогъ, находя его похожимъ на хоръ изъ какой-нибудь греческой трагедіи ¹⁾. Греческаго въ этомъ эпилогѣ нѣтъ ничего; а осужденія онъ заслуживаетъ. Въ немъ рефлексія поэта взяла на минуту верхъ надъ непосредственностію творчества, и, вслѣдствіе этого, онъ пришелся совершенно не кстаті къ содержанію поэмы, въ явномъ противорѣчіи съ ея смысломъ:

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шагами
Живутъ мучительные сны.
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣды.
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Къ чему тутъ судьбы и къ чему толки о томъ, что счастья нѣтъ и между бѣдными дѣтьми природы? Несчастье принесено къ нимъ сыномъ цивилизаціи, а не родилось между ними и черезъ нихъ же. Но главное: поэту слѣдовало бы въ заключительныхъ стихахъ сосредоточить мысль всей поэмы, такъ энергически выраженной стихомъ: *Ты для себя лишь хочешь воли*. Но, какъ мы выше замѣтили, Пушкинъ-поэтъ былъ гораздо выше Пушкина-мыслителя. Если бы въ духѣ Пушкина оба эти элемента были равносильны, и еслибъ, къ этому, роскошный цвѣтъ его поэзіи имѣлъ своею почвою вполне разившуюся многовѣчную цивилизацію, тогда, конечно, Пушкинъ былъ бы равенъ величайшимъ поэтамъ Европы...

Можетъ быть, инымъ покажется недостаткомъ въ „Цыганахъ“ то, что въ этой поэмѣ дикій Цыганъ, такъ сказать, пристыжаетъ высотой своихъ созерцаній и чувствованій понятія сына цивилизаціи, и такимъ образомъ заставляетъ насъ видѣть идеалъ нравственно-просвѣтленнаго человѣка въ бродящемъ дикарѣ. Это несправедливо. Алеко есть одно изъ явленій цивилизаціи, но отнюдь не полный ея представитель. Сверхъ того, несмотря на всю возвышенность чувствованій стараго Цыгана, онъ не высшій идеалъ человѣка: этотъ идеалъ можетъ реализоваться только въ существѣ сознательно-разумномъ, а не въ непосредственно-разумномъ, не вышедшемъ изъ-подъ

опеки у природы и обычая. Иначе, развитіе человечества черезъ цивилизацію не имѣло бы никакого смысла, и люди, чтобъ сдѣлаться разумными и справедливыми, должны бы въ дикомъ состояніи видѣть свое призваніе и свою цѣль. Человѣчество должно было помириться съ природою, но не иначе, какъ достигши этого примиренія свободно, путемъ духовнаго, противоположнаго природѣ, развитія. Для того-то и распался нѣкогда человѣкъ съ природою и объявилъ ей борьбу на смерть, чтобъ стать выше ея, и потомъ, даже примирившись съ нею, быть выше ея, какъ духъ выше матеріи, сознающій разумъ выше безсознательной дѣйствительности. Бываютъ собаки, одаренныя не только удивительнымъ инстинктомъ, подходящимъ близко къ смыслу, но и удивительными добродѣтелями, какъ-то: вѣрностію и привязанностію къ человѣку, простирающимися до готовности жертвовать жизнью за человѣка. И въ то же время бываютъ люди не только съ весьма ограниченными способностями, но и съ положительно низкими страстями и злою, развращенною волею. И однакожъ, самый плохой человѣкъ выше самой лучшей собаки, хотя онъ и внушаетъ къ себѣ одно презрѣніе и отвращеніе, тогда какъ послѣдняя пользуется общимъ удивленіемъ и любовію: такъ и самый худшій между интеллектуально развитыми черезъ цивилизацію людьми, въ царствѣ разума занимаетъ высшую ступень, нежели самый лучшій изъ людей, взлелѣянныхъ на лонѣ природы: послѣдній всегда—не болѣе, какъ прекрасная случайность, или существо, обязанное своими достоинствами случайному дару удавшейся организациі,—тогда какъ самые недостатки и пороки перваго болѣе или менѣе отражаютъ на себѣ необходимый моментъ въ историческомъ развитіи общества, или даже цѣлаго человечества. Добродѣтели послѣдняго не зависятъ отъ прошедшаго, и потому не даютъ результатовъ въ будущемъ: это талантъ, скрытый въ землѣ, отъ котораго человечество не богатѣетъ. И потому, жизнь непосредственно естественнаго человѣка ни въ какомъ случаѣ не можетъ обогатить человечества великимъ урокомъ. И если въ поэмѣ Пушкина старый Цыганъ способствуетъ, самъ того не зная, къ преподаванію намъ великаго урока, то не самъ собою, а черезъ Алеко, этого сына цивилизаціи. Здѣсь онъ какъ бы играетъ роль хора въ греческой трагедіи, который иногда изрекаетъ великія истины о совершающемся передъ его глазами событіи, не принимая самъ въ этомъ событіи никакого дѣятельнаго участія.

Сколько „Цыганы“ выше предшествовавшихъ поэмъ Пушкина по ихъ мысли, столько

¹⁾ См. выше первое примѣчаніе въ началѣ настоящей седьмой статьи. Этими „критиками“ были кн. Вяземскій и Полевой.

выше они ихъ и по конценировкѣ характеровъ, по развитію дѣйствія и по художественной отдѣлкѣ. Нельзя сказать, чтобъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ поэма не отзывалась еще чѣмъ-то... не то, чтобъ незрѣлымъ, но чѣмъ-то еще не совсѣмъ дозрѣлымъ. Такъ, напримѣръ, характеръ Алеко и сцена убійства Земфиры и молодого Цыгана, несмотря на все ихъ достоинство, отзываются нѣсколько мелодраматическимъ колоритомъ, и вообще въ отдѣлкѣ всей поэмы недостаетъ твердости и увѣренности кисти, какъ въ тѣхъ картинахъ, въ которыхъ краски еще не дошли до той степени совершенства, чтобъ совсѣмъ не походить на краски, что составляетъ величайшее торжество живописи, какъ художества. Въ „Цыганахъ“ есть даже погрѣшности въ слогѣ. Такъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Тогда старикъ, приближась, *рекъ*“, слово *рекъ* отзывается тяжелою книжностію, равно какъ и эпитетъ „подъ *издранными* шатрами“, вмѣсто *изодранными*. Но два стиха—

Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,—

можно назвать *ультра-романтическими*, потому что все неточное, неопредѣленное, сбивчивое, неясное, бѣдное положительнымъ смысломъ, при богатствѣ кажущагося смысла,— все такое должно называться романтическимъ, тогда какъ все опредѣлительно и точно прекрасное должно называться классическимъ, разумѣя подъ „классическимъ“ древнегреческое. Что такое *бѣглець родной берлоги*? Не значить ли это, что медвѣдь бѣжалъ безъ позволенія и безъ паспорта изъ своей берлоги? Хорошо бѣгство для того, кто взять насильно, при помощи дубины и рогатины! Этотъ медвѣдь—*похищенецъ*, если можно такъ выразиться, но отнюдь не бѣглець. Что такое *косматый гость шатра*? Что медвѣдь добровольно поселился въ шатрѣ Алеко? Хорошъ гость, котораго ласковый хозяинъ держитъ у себя на цѣпи, а при случаѣ угощаетъ дубиною! Этотъ медвѣдь скорѣе плѣнникъ, чѣмъ гость.

По всему сказанному мы относимъ „Цыганъ“, вмѣстѣ съ „Полтавою“ и первыми шестью главами „Евгенія Онѣгина“, къ числу поэмъ, въ которыхъ видна только близость, но еще не достиженіе той высокой степени художественнаго совершенства, которая была собственностію таланта Пушкина и которая развернулась, въ первый разъ, во всей полнотѣ ея въ „Борисѣ Годуновѣ“, — этомъ безукоризненно высокомъ, со стороны художественной формы, произведеніи.

Намъ не разъ случалось слышать нападки на эпизодъ объ Овидіи, какъ неумѣстный въ поэмѣ и неестественный въ устахъ Цы-

гана. Признаемся: по нашему мнѣнію, трудно выдумать что-нибудь нелѣпѣе подобнаго упрека. Старый Цыганъ рассказываетъ въ поэмѣ Пушкина не *исторію*, а *преданіе*, и не о поэтѣ римскомъ (Цыганъ ничего не смыслить ни о поэтахъ, ни о Римлянахъ), но о какомъ-то *святомъ* старикѣ, который былъ „младъ и живъ *незлобною* душою, имѣлъ дивный даръ пѣсенъ и подобный шуму водъ голосъ“. Сверхъ того, „Цыганы“ Пушкина—не романъ и не повѣсть, но поэма; а есть большая разница между романомъ и повѣстью и между поэмою. Поэма рисуетъ идеальную дѣйствительность и схватываетъ жизнь въ ея высшихъ моментахъ. Таковы поэмы Байрона и, порожденные ими, поэмы Пушкина. Романъ и повѣсть, напротивъ, изображаютъ жизнь во всей ея прозаической дѣйствительности, независимо отъ того, стихами или прозою они пишутся. И потому „Евгеній Онѣгинъ“ есть романъ въ стихахъ, но не поэма; а „Графъ Нулинъ“—повѣсть въ стихахъ, но не поэма. Въ „Онѣгинѣ“ и „Нулинѣ“ мы видимъ лица дѣйствительныя и современныя намъ; въ „Цыганахъ“ всѣ лица идеальныя, какъ эти греческія изваянія, которыхъ открытые глаза не блещутъ свѣтомъ очей, ибо они одного цвѣта съ лицомъ: такъ же мраморны или мѣдны, какъ и лицо. Такимъ образомъ, эпизодъ въ родѣ разсказа стараго Цыгана объ Овидіи, въ „Цыганахъ“, какъ поэмѣ, столь же возможенъ, естественъ и умѣстенъ, сколько былъ бы онъ страненъ и смѣшонъ въ „Онѣгинѣ“ или „Нулинѣ“, хотя бы онъ былъ вложенъ въ уста тому или другому герою той или другой повѣсти. И что бы ни говорили о неумѣстности этого эпизода непривзванные критики,—ихъ толки будутъ свидѣтельствовать только о безвкусицѣ и мелочности ихъ взгляда на искусство. Эпизодъ объ Овидіи заключаетъ въ себѣ гораздо больше поэзіи, нежели сколько можно найти ее во всей русской литературѣ до Пушкина.

Какъ забавную черту о критическомъ духѣ того времени, когда вышли „Цыганы“, извлекаемъ изъ записокъ Пушкина слѣдующее мѣсто: „О *Цыганахъ* одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человекъ, и то медвѣдь. Покойный Р.¹⁾ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В.²⁾ повторилъ то же замѣчаніе (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не Цыгана.

¹⁾ Рылѣевъ.

²⁾ Кн. Вяземскій.

Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: „*ma tanto meglio*“. Вотъ при какой публикѣ явился и дѣйствовалъ Пушкинъ! На это обстоятельство нельзя не обращать вниманія при оцѣнкѣ заслугъ Пушкина.

„Цыганы“ были первымъ усиліемъ, первую попытку Пушкина создать что-нибудь важное и зрѣлое, какъ по идеѣ, такъ и по исполненію. Мы показали, до какой степени удалось ему это: „Цыганы“ оставили далеко за собою все написанное имъ прежде, обнаруживъ въ поэтѣ великія силы; но въ то же время въ этой поэмѣ виденъ только могучій порывъ къ истинно-художественному творчеству, но еще не полное достиженіе желанной цѣли стремленія. Черезъ два года послѣ „Цыганъ“ (т.-е. въ 1829 году) вышла новая поэма Пушкина—„Полтава“, въ которой рѣзко выразилось усиліе поэта оторваться отъ прежней дороги и твердою ногою стать на новый путь творчества. Но гдѣ видно усиліе, тамъ еще нѣтъ достиженія: достигнуть желаемого значитъ—спокойно, свободно, слѣдовательно, безъ всякихъ усилій, овладѣть имъ. Поэтому въ „Полтавѣ“ видны какая-то нерѣшительность, какое-то колебаніе, вслѣдствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло что-то огромное, великое, но въ то же время и нестройное, странное, неполное. „Полтава“ богата новымъ элементомъ—народностію въ выраженіи; почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое въ ней, превосходитъ все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ и роскоши поэтического выраженія,—и въ то же время въ этой поэмѣ нѣтъ единства, она не представляетъ собою цѣлаго. Содержаніе ея до того огромно, что одна смѣлость поэта—коснуться такого содержанія есть уже заслуга, тѣмъ болѣе что многія частности показываютъ, что поэтъ достоинъ былъ своего предмета,—и все-таки, читая „Полтаву“ и дивясь ея великимъ красотамъ, спрашиваешь себя: что же это такое? Разсмотрѣніе причинъ такого явленія очень любопытно, и мы постараемся изслѣдовать этотъ вопросъ столько подробно и удовлетворительно, сколько это въ нашихъ силахъ.

Какъ недостатки, такъ и достоинства „Полтавы“ были равно непоняты тогдашними критиками и тогдашнею публикою. Между тѣмъ, ни одно произведеніе Пушкина послѣ „Руслана и Людмилы“ не возбуждало такихъ споровъ и толковъ, какъ „Полтава“. Ее бранили съ ожесточеніемъ, безъ всякаго уваженія къ лицу великаго поэта; и съ тѣхъ поръ нѣкоторые критики, обрадовавшись своей собственной смѣлости и своему открытію, что и Пушкина можно бранить, какъ какого-нибудь обыкновеннаго

стихотворца, не упускали случая пользоваться своею похвальною смѣлостію и своимъ счастливымъ открытіемъ. Такимъ образомъ въ разныхъ журналахъ и на разные голоса, но одинаково неприлично и несправедливо, были разруганы—„Полтава“, „Графъ Нулинъ“, „Борисъ Годуновъ“, седьмая глава „Евгенія Онѣгина“, третья часть мелкихъ стихотвореній и пр. Мы видимъ, *каковы* были эти критики или, лучше сказать, эти брани, потому что критика не есть брань, а брань не есть критика. Обратимся къ „Полтавѣ“.

Главный недостатокъ „Полтавы“ вышелъ изъ желанія поэта написать эпическую поэму. Хотя Пушкинъ принадлежалъ къ той новой литературной школѣ, которая отреклась отъ преданій псевдо-классицизма; хотя онъ, поэту, и смѣялся надъ „чахоточнымъ отцомъ немного тощей „Энеиды“, въ первой главѣ „Онѣгина“ шутилъ общалъ написать „поэму пѣсенъ въ двадцать пять“, а седьмую главу его кончилъ этою острою эпиграммою на завѣтное „пою“ старинныхъ эпическихъ поэмъ:

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть о комъ пою...
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
„Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долій трудъ,
О, ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ“.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленіе есть...

—однако, все это еще не доказываетъ, чтобъ легко было отрѣшиться начисто отъ преобладающихъ преданій той эпохи, въ которую мы родились и развились. Несмотря на то, что Пушкинъ самъ былъ великимъ реформаторомъ въ русской литературѣ,—литературныя преданія тѣмъ не менѣе отяготѣли надъ нимъ, что можно видѣть изъ его безусловнаго уваженія ко всѣмъ представителямъ прежней русской литературы ¹⁾. Итакъ, въ „Полтавѣ“ ему хотѣлось сдѣлать опытъ эпической поэмы въ новомъ духѣ. Что такое эпическая поэма?—Идеализированное представленіе такого историческаго событія, въ которомъ принималъ участіе весь народъ, которое слито съ религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ существованіемъ народа и которое имѣло сильное вліяніе на судьбы народа. Разумѣется, если это событіе касалось не одного народа, но

¹⁾ Это, разумѣется, невѣрно: Пушкинъ и въ печати и въ письмахъ первый началъ переоцѣнку писателей XVIII вѣка.

и цѣлаго человѣчества,—тѣмъ ближе поэма должна подходить къ идеалу эпоса. Такъ смотрѣли на эпическую поэму всѣ образованные люди со временъ упадка древне-греческой національности и возникновенія александрийской школы почти до начала XIX столѣтія, слѣдовательно, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. А отчего произошло такое понятіе объ эпосѣ?—оттого, что у Грековъ была „Иліада“ и „Одиссея“,—больше не отъ чего. Причина довольно забавная, но тѣмъ не менѣе понятная, ибо таково всегда вліяніе народа, имѣющаго всемірно-историческое значеніе, на всѣ другіе народы: они подражаютъ ему рабски во всемъ, начиная отъ искусства до покрою платья. У Грековъ была „Иліада“, которая нѣкоторымъ образомъ служила имъ книгою откровенія, изъ которой вытекала вся ихъ позднѣйшая поэзія и которую читали не одни ученые, но зналъ наизусть каждый Эллинъ, понимавшій сколько-нибудь достоинство и счастье быть Эллиномъ. Стало быть, почему же не имѣть такой поэмы, напримѣръ, и Римлянамъ? Но какъ же бы это сдѣлать, если такой поэмы у Римлянъ не явилось въ полунисторическую эпоху ихъ политическаго существованія?—Очень просто: если ея не создалъ духъ и гений народа,—ее долженъ создать какой-нибудь записной поэтъ. Для этого ему стоитъ только подражать „Иліадѣ“. Въ ней воспѣто важнѣйшее событіе изъ традиціонной исторіи Грековъ—взятіе Трои: стало быть, надо порыться въ лѣтописяхъ своего отечества, чтобъ поискать такого же. Да вотъ чего же лучше—основаніе Латинскаго государства въ Италіи черезъ мнимое пришествіе Энея въ Италію. Въ подробностяхъ и краскахъ тоже остается только копировать „Иліаду“ и „Одиссею“ съ небольшими перемѣнами, какъ, напримѣръ, Гомеръ начинаетъ свою поэму: *Муза, воспой* и пр., а вы начните просто, отъ себя: *пою-де такого-то мужа*, и пр. Если же могла быть у Римлянъ эпопея, такимъ легкимъ образомъ сочиненная, то почему же бы не могла она быть и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ? И вотъ, у Итальянцевъ явился „Освобожденный Иерусалимъ“, у Англичанъ—„Потерянный Рай“, у Испанцевъ—„Араукана“, у Португальцевъ—„Lusiades“ („Лузитане“?), у Французовъ—„Генріада“, у Нѣмцевъ—„Мессіада“, у насъ, Русскихъ, недоконченная „Петріада“, да еще (если упомянуть ради смѣха)—пресловутыя, стопудовыя „Россіада“ и „Владиміръ“. Происхожденіе всѣхъ этихъ поэмъ такъ же незаконно, какъ и образца ихъ „Энеиды“. Она явилась вслѣдствіе „Иліады“, но въдѣ „Иліада“ была столько же непосредственнымъ созданіемъ цѣлаго народа, сколько и преднамѣреннымъ, сознатель-

нымъ произведеніемъ Гомера. Мы считаемъ за рѣшительно несправедливое мнѣніе будто бы „Иліада“ есть не что иное, какъ сводъ народныхъ расказовъ: этому слишкомъ рѣзко противорѣчитъ ея строгое единство и художественная выдержанность. Но, въ то же время, нельзя сомнѣваться, чтобъ Гомеръ не воспользовался болѣе или менѣе готовыми матеріалами, чтобъ воздвигнуть изъ нихъ вѣковѣчный памятникъ эллинской жизни и эллинскому искусству. Его художественный гений былъ плавильною печью, черезъ которую грубая руда народныхъ преданій и поэтическихъ пѣсень и отрывковъ вышла чистымъ золотомъ. Гомеръ написалъ обѣ свои поэмы черезъ 200 лѣтъ послѣ совершенія воспѣтыхъ въ нихъ событий, а событія эти совершались почти за 1200 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно, во времена миѣнскія, да и самъ Гомеръ жилъ въ эпоху до-историческую: отсюда и происходитъ *дѣйствительная наивность* его поэмъ, вслѣдствіе которой и доселѣ описанный имъ міръ, несмотря на его чудесность, носитъ на себѣ печать дѣйствительности. Притомъ же, „Одиссея“ послѣ „Иліады“ ясно доказываетъ невозможность въ одномъ произведеніи исчерпать всю жизнь народа, и потому сторона героизма и доблести выражена въ „Иліадѣ“, а гражданская мудрость—въ „Одиссеѣ“. „Энеида“ написана, напротивъ, во времена перерѣлости и паденія народа: она есть произведеніе одного человѣка, безъ всякаго участія народа, и почти безъ помощи поэтическихъ преданій. Какая же это эпопея въ родѣ „Иліады“ и что у ней общаго съ „Иліадою“? Это просто—старческое произведеніе, которое силилось показаться младенческимъ. И притомъ, пафосъ римской жизни былъ совсѣмъ другой, чѣмъ пафосъ греческой: слѣдовательно, Эней—ложно-римскій герой. Настоящій герой римскій, это,—даже не Юлій Цезарь, а развѣ братья Гракхи: настоящій же эпосъ римскій, это—кодексъ Юстиніана, оказавшаго Римлянамъ услугу въ родѣ той, которую Пизистратъ оказалъ Грекамъ, собравъ во едино отрывки Гомеровыхъ поэмъ. Несмотря на то, что герой „Энеиды“ носитъ названіе *благодѣтельнаго* (pius), а ея творецъ—*дѣйствительнаго* (Virgilius), эта поэма явилась во времена упадка нравственности, во времена всеобщаго національнаго разврата, когда древняя правда и доблесть римская погибли навсегда, когда литература жила не гениемъ народнымъ, а покровительствомъ Мецената, когда Горацийъ въ прекрасныхъ стихахъ воспѣвалъ эгоизмъ, малодушіе, низость чувствъ. И хотя никакъ нельзя отрицать многихъ важныхъ достоинствъ въ „Энеидѣ“, написанной прекрасными стихами и заключаю-

щей въ себѣ многія драгоцѣнныя черты издыхавшаго древняго міра,—тѣмъ не менѣе, эти достоинства относятся просто къ памятнику древней литературы, оставленному даровитымъ поэтомъ, но не къ эпической поэмѣ,—и, какъ эпическая поэма, „Энеида“ весьма жалкое произведеніе. То же самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ попыткахъ въ этомъ родѣ. „Освобожденный Іерусалимъ“ Тасса написанъ по академической формѣ и, въ угодность академіи, былъ своимъ авторомъ нѣсколько разъ переуродованъ. Воспѣтое въ немъ событіе касалось всего христіанскаго міра, но поэтъ жилъ послѣ этого событія почти пятьсотъ лѣтъ спустя, когда Итальянцы давно уже перестали вѣрить не только необходимости сражаться съ Сарацинами, или Турками за что-нибудь другое, кромѣ денегъ, но даже и святости святѣйшаго отца-папы. Прекрасныя октавы (затверженныя даже народомъ) и отдѣльныя красоты въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ все-таки не спасаютъ его отъ несчастія быть неудачною попыткою на эпическую поэму. „Потерянный рай“, кромѣ достоинства поэтическихъ частностей, замѣчателенъ еще, какъ литературный отголосокъ мрачнаго пуританизма и грозныхъ временъ Кромвеля; но какъ эпическая поэма, онъ длиненъ, скученъ и уродливъ. Сама „Генріада“ имѣетъ значеніе совсѣмъ не эпической поэмы, а какъ протестъ противъ католической нетерпимости,—что доказывается выборомъ героя, который былъ протестантъ въ душѣ, и во времена самаго дикаго фанатизма умѣлъ быть человѣкомъ въ разумномъ значеніи этого слова. „Мессіада“ замѣчательна, какъ памятникъ нѣмецкаго трудолюбія, терпѣнія и отвлеченнаго мистицизма; это произведеніе тщательно обработанное въ литературномъ отношеніи, но ужасно растянутое, тяжелое и скучное. Только „Божественная комедія“ Данте подходит подъ идеалъ эпической поэмы, въ которому такъ тщетно стремились всѣ исчисленные нами. И это потому, что Данте не думалъ подражать ни Гомеру, ни Виргилію. Его поэма была полнымъ выраженіемъ жизни среднихъ вѣковъ съ ихъ схоластическою теологіею и варварскими формами ихъ жизни, гдѣ боролось столько разнородныхъ элементовъ. Если въ поэмѣ Данте играетъ такую роль Виргилій,—это произошло вслѣдствіе самыхъ естественныхъ и неизбѣжныхъ причинъ: Виргилій пользовался даже въ средніе вѣка какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ въ Италіи, такъ что сами монахи чуть не причислили его къ лику католическихъ святыхъ. Форма поэмы Данте такъ же самобытна и оригинальна, какъ и вѣющій въ ней духъ,—и только развѣ колоссальныя

готическіе соборы могутъ соперничать съ нею въ чести быть великими поэмами среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ, въ поэмѣ Данте не воспѣвается никакого знаменитаго историческаго событія, имѣвшаго великое вліяніе на судьбу народа; въ ней даже нѣтъ ничего героическаго и ея характеръ по преимуществу—схоластически-теологическій, какимъ наиболѣе отличались средніе вѣка. Слѣдовательно, то, что хотѣли видѣть только въ эпическихъ поэмахъ на манеръ „Энеиды“, можетъ быть и въ сочиненіяхъ совсѣмъ другого рода: не знаменитое событіе, а духъ народа или эпохи долженъ выражаться въ твореніи, которое можетъ войти въ одну категорію съ поэмами Гомера. И потому, смѣло можно сказать, что Нѣмцы имѣютъ свою „Иліаду“ не въ жалкой „Мессіадѣ“ Клопштока, а развѣ въ „Фаустѣ“ Гёте. Изъ всего этого мы выводимъ слѣдствіе, что мысль—воспѣвать знаменитое историческое событіе, и изъ этого дѣлать эпическую поэму, принадлежитъ къ эстетическимъ заблужденіямъ человѣчества, и что на этомъ зыбкомъ основаніи ничего нельзя создать, особенно въ наше время, когда въ исторической жизни умирающее прошлое борется съ возникающимъ новымъ, когда, вслѣдствіе этого, все такъ нерѣшительно, разбѣдено слабо, и безхарактерно, и когда дѣйствуютъ только отдѣльныя личности, но не массы. Вообще, духъ среднихъ вѣковъ особенно былъ враждебенъ эпосѣ, потому что онъ сильно развилъ чувство индивидуальности и личности, столь благопріятное драмѣ и столь противоположное эпосу, въ которомъ главный герой, естественно, само событіе, подчиняющее себѣ волю отдѣльныхъ лицъ, а не отдѣльныя лица, борющіяся съ событіемъ. Оттого, въ новомъ мірѣ даже романъ—этотъ истинный его эпосъ, эта истинная его эпическая поэма, тѣмъ больше имѣетъ успѣха, чѣмъ больше проникнуть элементомъ драматическимъ, столь противоположнымъ эпическому. И хотя вслѣдствіе разъ принятаго и навсегда утвердившагося ложнаго мнѣнія, эпическая поэзія, по преданію отъ древности, ошибочно приложенному къ требованіямъ новаго міра, и считалась высшимъ родомъ поэзіи и высочайшимъ произведеніемъ человѣческаго генія,—однако этимъ высшимъ родомъ поэзіи въ немъ всегда была такъ, какъ и теперь есть, драма, если уже въ поэзіи непремѣнно одинъ который-нибудь родъ долженъ быть высшимъ ¹⁾).

Конечно, Пушкинъ былъ столько поэтъ

¹⁾ Мысли эти Бѣлинскій еще раньше развивалъ въ статьѣ о „Раздѣленіи поэзіи на роды и виды“ (т. II, ст. № 27).

и столько умный человѣкъ, что не могъ понимать эпосъ по мѣркѣ не только какой-нибудь дюжинной „Россіады“, но даже и умной и щегольской „Генріады“, которыхъ несчастная форма уже слишкомъ устарѣла и опошлится для времени, когда онъ явился. Но въ то же время отъ возможности эпической поэмы въ новой формѣ онъ не могъ совершенно отречься. И потому, естественно, его идеалъ эпической поэмы заключался въ неоклассицизмъ или классицизмъ, подновленномъ такъ называемымъ романтизмомъ. Художественный тактъ Пушкина не могъ допустить его выбрать содержаніе для эпической поэмы изъ русской исторіи до Петра Великаго, — и потому онъ остановился на величайшей эпохѣ русской исторіи — на царствованіи великаго преобразователя Россіи, и воспользовался величайшимъ его событіемъ — полтавскою битвою, въ торжествѣ которой заключалось торжество всѣхъ трудовъ, всѣхъ подвиговъ, словомъ, всей реформы Петра Великаго. Но въ поэмѣ Пушкина, состоящей изъ трехъ пѣсенъ, полтавская битва, равно какъ и герой ея — Петръ Великій, является только въ послѣдней (третьей) пѣснѣ; тогда какъ двѣ заняты любовью Мазепы къ Маріи и его отношеніями къ ея родственникамъ. Поэтому, полтавская битва составляетъ какъ бы эпизодъ изъ любовной исторіи Мазепы и ея развязку: этимъ явно унижается высота такого предмета и эпическая поэма уничтожается сама собою! А между тѣмъ эта поэма носитъ названіе „Полтавы“; слѣдственно, ея героемъ, ея мыслью должна бы быть полтавская битва, ибо названіе поэтического произведенія всегда важно, потому что оно всегда указываетъ или на главное изъ его дѣйствующихъ лицъ, въ которомъ воплощается мысль сочиненія, или прямо на эту мысль. Вотъ первая ошибка Пушкина, и ошибка великая! Но, можетъ быть, намъ возразятъ, что Пушкинъ совсѣмъ не думалъ писать эпической поэмы, и что герой его поэмы — Мазепа, а не полтавская битва. Подобное возраженіе тѣмъ естественно, что Пушкинъ, какъ говорили и даже писали въ то время, сперва хотѣлъ назвать свою поэму — „Мазепою“, но почему-то послѣ, когда приступилъ къ ея печатанію, переименовалъ ее въ „Полтаву“. Положимъ, что это такъ, но и съ этой точки зрѣнія „Полтава“ будетъ произведеніемъ ошибочнымъ въ ея общности, или цѣломъ. Какую мысль хотѣлъ выразить поэтъ черезъ эту исторію любви, смѣшанной съ политическими замыслами, и черезъ нихъ пришедшей въ соприкосновеніе съ полтавскою битвою? — Неужели эту: какъ опасно обольщать, особенно на старости лѣтъ, юную невинность? И неужели мысль всей поэмы

кроется въ мелодраматическомъ смущеніи Мазепы при видѣ опустѣлаго кочубеева хутора, мимо котораго промчался онъ съ шведскимъ королемъ съ поля полтавской битвы? И стоило ли для такой мысли, конечно, очень похвальной и нравственной, но тѣмъ не менѣе слишкомъ частной и нисколько не исторической, — стоило ли для нея изображать полтавскую битву и Петра Великаго? Не думаемъ! Конечно, любовь Мазепы къ дочери Кочубея имѣетъ историческое значеніе по отношенію къ доносу озлобленнаго Кочубея на Мазепу; но въ отношеніи къ полтавской битвѣ она, эта любовь, не болѣе какъ эпизодъ, какъ историческая подробность, — и полтавская битва имѣетъ огромное значеніе сама по себѣ, не только безъ любви Мазепы, но и безъ самого Мазепы. Еслибъ поэтъ главною своею мыслию имѣлъ любовь Мазепы, онъ долженъ бы полтавскую битву ввести въ свою поэму, какъ эпизодъ, важный только по его отношенію къ лицу одного Мазепы, оставивъ въ тѣни колоссальный образъ Петра и упомянувъ развѣ только о мелодраматической смерти казака, влюбленнаго въ Марію, который ѣздилъ съ доносомъ Кочубея къ Петру, а въ полтавской битвѣ безумно бросился на Мазепу и, на смерть пораженный Войнаровскимъ, умеръ съ именемъ Маріи на устахъ... Иначе весь эпизодъ полтавской битвы необходимо долженъ былъ выйти какою-то особою поэмою въ поэмѣ, безъ всякаго соотношенія къ любовной исторіи Мазепы — какъ оно и дѣйствительно вышло, ко вреду цѣлой поэмы. А это ясно доказываетъ, что Пушкинъ хотѣлъ, во что бы ни стало, воспользоваться случаемъ къ созданію чего-то въ родѣ эпической поэмы; полтавская же битва, такъ кстати пришедшая къ любовной исторіи Мазепы, была такимъ соблазнительнымъ случаемъ, что поэтъ не могъ пропустить его для осуществленія своей мечты. Но въ этой мечтѣ о возможности эпической поэмы и заключается причина зыбкаго основанія „Полтавы“, ибо даже изъ самой полтавской битвы нельзя сдѣлать поэмы. Эта битва была мыслию и подвигомъ одного человѣка; народъ принималъ въ ней участіе, какъ орудіе въ рукахъ Великаго, котораго понять и оцѣнить могло только потомство и для котораго судъ потомства едва начался только со временъ Екатерины Второй. Вообще, изъ жизни Петра Великаго гениальный поэтъ могъ бы сдѣлать не одну, а множество драмъ, но рѣшительно ни одной эпической поэмы. Петръ Великій слишкомъ личенъ и характеренъ, слѣдовательно, слишкомъ драматиченъ для какой бы то ни было поэмы. Сверхъ того, для поэмъ годятся только лица полуживотическія и полумифическія; отдаленность

эпохи, въ которую они жили, способствуетъ разговора Мазепы съ Орликомъ, наканунѣ полтавской битвы:

Итакъ, изъ „Полтавы“ Пушкина эпическая поэма не могла выйти по причинѣ невозможности эпической поэмы въ наше время, а романтическая поэма, въ родѣ Байроновской, тоже не могла выйти по причинѣ желанія поэта слить ее съ невозможною эпическою поэмою. И потому „Полтава“ явилась поэмою безъ героя. Мы уже доказали, что смѣшно было бы считать Петра Великаго героемъ поэмы, въ которой главная и большая часть дѣйствія посвящена любовной исторіи Мазепы. Но и самъ Мазепа также не можетъ считаться героемъ „Полтавы“. Байронъ, въ своей исполненной энергіи и величія поэмѣ, названной именемъ Мазепы, изобразилъ это лицо исторически невѣрно; но какъ онъ въ этомъ изображеніи былъ вѣренъ поэтической истинѣ, то изъ его Мазепы вышло лицо колоссально-поэтическое: тамъ мы видимъ одно изъ тѣхъ титаническихъ лицъ, которыя въ такомъ изобиліи порождалъ глубокий духъ англійскаго поэта... Но Пушкинъ, лучше Байрона знавшій Мазепу, какъ историческое лицо, хотѣлъ быть вѣренъ исторіи,—и въ этомъ сдѣлалъ большую ошибку; ибо, скажите Бога ради, что за герой поэмы, о которомъ самъ поэтъ говоритъ:

Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святости,
Что онъ не помнитъ благости,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что вѣтъ отчизны для него.

Герой какого бы ни было поэтического произведенія, если оно только не въ комическомъ духѣ, долженъ возбуждать къ себѣ сильное участіе со стороны читателя. Еслибъ этотъ герой былъ даже злодѣй, — и тогда онъ долженъ дѣйствовать на читателя силою своей воли, грандіозностію своего мрачнаго духа. Но въ Мазепѣ мы видимъ одну низость интригана, состарѣвшагося въ козняхъ. Чувствуя это, Пушкинъ хотѣлъ дать прочное основаніе своей поэмѣ и дѣйствіямъ Мазепы въ чувствѣ мщенія, которымъ полагался Мазепа Петру за личную обиду со стороны послѣдняго. Мы узнаемъ это изъ

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носилъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшить заря.

Нѣтъ нужды говорить о художественномъ достоинствѣ этого разсказа: въ немъ виденъ великій мастеръ. Все въ немъ дышитъ правами тѣхъ временъ, все вѣрно исторіи. Но хотя этотъ разсказъ и основанъ на историческомъ преданіи, онъ тѣмъ не менѣе нисколько не поясняетъ характера Мазепы, не даетъ единства дѣйствію поэмы. Можно основать поэму на паѳосѣ дикаго, безщаднаго мщенія; но это мщеніе, въ такомъ случаѣ, должно быть рычагомъ всѣхъ дѣйствій лица, должно быть цѣлю самому себѣ. Такое мщеніе не разбираетъ средствъ, не боится препятствія и не колеблется отъ страха неудачи. Но Мазепа былъ очень расчетливъ для такого мщенія: еслибъ онъ зналъ, что его измѣна не удастся, — мало того, еслибъ онъ наканунѣ полтавской битвы, предвидя ея развязку, могъ еще разъ обмануть Петра и разыграть роль невиннаго, — онъ перешелъ бы на сторону Петра. Нѣтъ, на измѣну подвигла его надежда успѣха, надежда получить изъ рукъ шведскаго короля хотя и вассальскую, хотя только съ призракомъ самобытности, однако все же корону. Это ли мщеніе? Нѣтъ, мщеніе видитъ одно — своего врага, и готово вмѣстѣ съ нимъ броситься въ бездну, погубить врага хотя бы цѣною собственной гибели. Слова Мазепы, что „русскому царю поздно съ нимъ мириться“, могутъ быть приняты не за что иное, какъ за хвастовство отчаянія. Петръ былъ совсѣмъ не такой человекъ, который удостоилъ бы Мазепу чести видѣть въ немъ своего врага и рѣшился бы, даже ради спа-

сенія своего царства, мириться съ нимъ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ не болѣе, какъ возмущившагося своего подданнаго, измѣнника. Мазепа этого не могъ не знать къ своему несчастію: онъ былъ человѣкъ ума тонкаго и хитраго. Но еслибъ даже и на мщеніи Мазепы основанъ былъ весь планъ поэмы Пушкина, то къ чему же въ ней любовная исторія Мазепы, если не къ тому, чтобъ разъединить интересъ поэмы?.. Но, можетъ быть, мысль поэта заключается во взаимной любви Мазепы и Маріи? Старикъ, страстно влюбленный въ молодую дѣвушку, тоже страстно въ него влюбленную, это мысль глубоко-поэтическая, и надо сказать, что Пушкинъ умѣлъ нарисовать ее кистью великаго живописца. Нѣкоторые изъ критиковъ того времени сильно возставали противъ возможности и естественности такой любви; но ихъ нападки не стоятъ не только возраженій, даже какого бы то ни было вниманія. Эти господа забыли объ „Отелло“ Шекспира,—поэта, который въ знаніи человѣческаго сердца и страстей имѣетъ, конечно, большій, чѣмъ они, авторитетъ. Но Шекспиръ представилъ такую любовь какъ фактъ, не изслѣдуя его законовъ, потому что другой нравственный вопросъ долженъ былъ составить паѳосъ его драмы. Нашъ поэтъ, напротивъ, анализируетъ самую возможность и естественность такого явленія. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи онъ истинно шекспировски внесъ свѣточъ поэзіи во мракъ вопроса и далъ на него такой удовлетворительный отвѣтъ, какого можно ожидать только отъ великаго поэта:

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное;
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Далѣе мы увидимъ, что любовь Маріи къ Мазепѣ развита и объяснена еще подробнѣе, глубже, съ мастерствомъ, передъ которымъ невольно останавливается, пораженный удивленіемъ, читатель. Но на любовь Мазепы къ Маріи все-таки нельзя смотрѣть, какъ на паѳосъ поэмы: ибо эта любовь не заставила его ни на минуту поколебаться въ его мрачныхъ замыслахъ. Бѣгство Маріи страшно смутило Мазепу, но оно не имѣло никакого вліянія на ходъ и развитіе поэмы. Смущеніе Мазепы при видѣ Кочубеева хутора и, потомъ, при видѣ сумасшедшей Маріи кажется намъ мелодраматическою подставкою

со стороны поэта. Можетъ быть, это происходитъ еще и оттого, что послѣ такого событія, какъ полтавская битва съ ея слѣдствіями, интересъ любви уже не можетъ не ослабѣть. Здѣсь опять видна главная ошибка поэта, хотѣвшаго связать романтическое дѣйствіе съ эпопеею. И вотъ почему „Полтава“ не производитъ на читателя того единаго, полнаго, совершенно удовлетворяющаго впечатлѣнія, которое должно производить всякое глубоко-концептированное и строго обдуманное поэтическое твореніе.

Но отдѣльныя красоты въ „Полтавѣ“ изумительны. Если „Цыганы“ далеко превзошли всѣ предшествовавшія имъ произведенія Пушкина, и по идеѣ, и по исполненію,—то „Полтава“, уступая „Цыганамъ“ въ единствѣ плана, далеко превосходитъ ихъ въ совершенствѣ выраженія. Изъ всѣхъ поэвъ Пушкина, въ „Полтавѣ“ въ первый разъ стихъ его достигъ своего полнаго развитія, вполне сталъ пушкинскимъ. Критики того времени не безъ основанія придирались къ двумъ или тремъ неправильно употребленнымъ прилагательнымъ, которыя такъ неожиданно напомнили собой „піитическія вольности“ прежней школы, напримѣръ: сонну вмѣсто сонную, тризну тайну вмѣсто тризну тайную; на нѣсколько смѣлыхъ нововведеній, какъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Онъ, должный быть отцомъ и другомъ“. Но мы укажемъ и еще на нѣсколько незамѣченныхъ ими погрѣшностей, какъ, напримѣръ, на неумѣстные славянизмы—*младой, благодѣтели, главы*, и въ особенности на два поражающія своею неточностію выраженія: первое въ монологѣ Мазепы противъ Кочубея, котораго, Богъ знаетъ почему, называетъ онъ *вольнодумцемъ*, и въ разговорѣ свирѣпаго (и вообще весьма прозаически выражающагося во всей поэмѣ) Орлика, который совѣтуетъ Кочубею на допросѣ *питаться мыслию суровой*. Но вотъ и все. За исключеніемъ этого, стихи въ „Полтавѣ“—верхъ совершенства; по выходѣ этой поэмы Русскіе въ первый разъ, въ большемъ сочиненіи, читали такіе стихи на своемъ родномъ языкѣ:

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами:
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.

Она свѣжа, какъ вѣшній цвѣтъ,
 Выдѣланный въ тѣни дубравной,
 Какъ тополь кievскихъ высотъ
 Она стройна. Ея движенія
 То лебедя пустынныхъ водъ
 Напоминаютъ плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленія.
 Какъ пѣна грудь ея бѣла,
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣютъ.
 Звѣздой блестятъ ея глаза,
 Ея уста, какъ розы, рдѣютъ.
 Но не единая краса,
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ молодой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 Зато завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.

Обращаясь къ отдѣльнымъ красотамъ „Полтавы“, не знаешь, на чемъ остановиться — такъ много ихъ. Почти каждое мѣсто, отдѣльно взятое на удачу изъ этой поэмы, есть образецъ высокаго художественнаго мастерства. Не будемъ вычислять всѣхъ этихъ мѣстъ, и укажемъ только на нѣкоторые. Хотя казакъ, влюбленный въ Марію, и есть лицо лишнее, введенное въ поэму для эффекта, тѣмъ не менѣе его изображеніе (отъ стиха: „Между полтавскихъ казаковъ“ до стиха: „И взоры въ землю опускалъ“) представляетъ собою необыкновенно мастерскую картину. Слѣдующій затѣмъ отрывокъ, отъ стиха: „Кто при звѣздахъ и при лунѣ“ до стиха: „Царю Петру отъ Кочубея“ выше всякой похвалы: это вмѣстѣ и народная пѣсня, и художественное созданіе. Кочубей, ожидающій въ темницѣ своей казни, его разговоръ съ Орликомъ (за исключеніемъ того, что говоритъ самъ Орликъ), — все это начертано кистію столь широкою, могучею, и въ то же время спокойною и увѣренною, что читатель не знаетъ, чему удивиться: мрачности ли ужасной картины, или ея эстетической прелести. Можно ли читать безъ упоенія, столько же полного грусти, сколько и наслажденія, эти стихи:

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Луна спокойно съ высоты
 Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
 И пышныхъ гетмановъ сады
 И старый замокъ озаряетъ.
 И тихо, тихо все кругомъ;
 Но въ замкѣ шопотъ и смятеніе.
 Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
 Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленіи,
 Оковавъ Кочубей сидитъ
 И мрачно на небо глядитъ.
 Завтра казнѣ. Но безъ боязни
 Онъ мыслить объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣетъ онъ:
 Что смерть ему? желанный сонъ.

Готовъ онъ лечь въ гробъ кровавый.
 Дрема долить. Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
 Какъ безсловесное созданье,
 Царемъ быть отдану во власть
 Врагу царя на поруганье,
 Утратить жизнь и съ нею честь,
 Друзей съ собою на плаху вѣсть,
 Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
 Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
 Врага веселый встрѣтить взоръ
 И смерти кинуться въ объятія,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!..
 И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И пѣсни дочери своей.
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего?

Отвѣтъ Кочубея Орлику на вопросъ послѣдняго о зарытыхъ кладяхъ былъ расхваленъ даже присяжными хулителями „Полтавы“, и потому мы не говоримъ о немъ. Кочубея пытаются, а Мазепа въ это время сидитъ у ногъ спящей дочери мученика и думаетъ:

Ахъ, вижу я: кому судьбою
 Волненья жизни суждены,
 Тотъ стой одинъ передъ грозой,
 Не призывай къ себѣ жены:
 Въ одну телѣгу впрячь не можно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неосторожно;
 Теперь плачу безумства дань.

Въ тоскѣ страшныхъ угрызений совѣсти злодѣй сходитъ въ садъ, чтобъ освѣжить пылающую кровь свою, — и обаятельная роскошь лѣтней малороссійской ночи, въ контрастѣ съ мрачными душевными муками Мазепы, блещетъ и сверкаетъ какою-то страшно-фантастическою красотою:

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Но мрачны странныя мечты
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядятъ,
 И тополи, стѣснившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
 И лѣтней теплой ночи тьма
 Душна, какъ черная тюрьма.
 Другъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
 То былъ ли сонъ воображенія,
 Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
 Иль пытки стонъ, иль звукъ иной,
 Но только своего волненья
 Преодолѣть не могъ старикъ, —
 И на протяжный, слабый крикъ
 Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
 Которымъ онъ въ веселыи дикомъ
 Поля сраженія оглашалъ,

Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Скажите: какъ, какимъ языкомъ хвалить такія черты и отрывки высокаго художества? Правду говорятъ, что хвалить мудренѣе, чѣмъ бранить! Чтобъ быть достойнымъ критикомъ такихъ стиховъ, надо самому быть поэтомъ—и еще какимъ! И потому, мы, въ сознаніи нашего безсилія, скажемъ убогою прозою, что если эта картина мученій со-вѣсти Мазепы можетъ подозрительному уму показаться нѣсколько мелодраматическою выходкою (по той причинѣ, что Мазепѣ, какъ закоренѣлому злодѣю, такъ же было не къ лицу содрогаться отъ воплей терзаемой имъ жертвы, какъ и краснѣть, подобно юношѣ, отъ привѣта красоты),—то мастерство, съ которымъ выражены эти мученія, выше всякихъ похвалъ и утомляетъ собою всякое удивленіе. Сцена между женою Кочубея и ея дочерью замѣчательно хороша по роли, какую играетъ въ ней Марія. Вопросъ изумленной, еще не очнувшейся отъ сна женщины, которая почти понимаетъ и въ то же время страшится понять ужасный смыслъ внезапнаго явленія матери, этотъ вопросъ: „Какой отецъ? какая казнь?“, равно какъ и всѣ вопросительныя и восклицательныя отвѣты, — исполненъ драматизма. Картина казни Кочубея и Искры отличается простотою и спокойствіемъ, которыя, въ соединеніи съ ея страшною вѣрностію дѣйствительности, производили бы на душу читателя невыносимое, подавляющее впечатлѣніе, еслибъ творческое вдохновеніе поэта не ознаменовало ея печатью изящества. Этотъ палачъ, который, гуляя и веселяся на роковомъ помостѣ, алчно ждетъ жертвы и то, играючи, беретъ въ бѣлыя руки тяжелый топоръ, то шутитъ съ веселою чернью,—и этотъ безпечный народъ, который по совершеніи казни идетъ домой, толкуя межъ собой про свои вѣчныя заботы: какая глубоко истинная, хотя въ то же время и безотрадно тяжелая мысль во всемъ этомъ!

Но что всѣ эти разсѣянные богатою рукою поэта красоты передъ красотою третьей пѣсни! И не удивительно: пагость этой третьей пѣсни устремленъ на предметъ колоссально-великій... Тутъ мы видимъ Петра и полтавскую битву... Мастерскою кистію изобразилъ поэтъ преступныя, мрачныя помыслы, кипѣвшіе въ душѣ Мазепы; его притворную болѣзнь и внезапный переходъ съ одра смерти на поприще властительства; гнѣвъ Петра, его сильныя и быстрыя мѣры къ удержанію Малороссіи... Какъ прекрасно это поэтическое обращеніе поэта къ Карлу XII-му:

И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день: ты валь Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

Картина полтавской битвы начертана кистію широкою и смѣлою; она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать съ нея, какъ съ натуры. Но явленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ холодомъ вдохновенія, поднимающимъ волосы на головѣ,—производитъ на него такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого-нибудь таинства, какъ будто бы нѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимой для взоровъ смертнаго славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніями...

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводить.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,—
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ; глазами косо водить
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордась могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ;
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ;
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровнясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая:
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Син птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметовъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ.
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

Представьте себѣ великаго творческаго генія, который столько лѣтъ носилъ и лелѣялъ въ душѣ своей замыслы преобразованія цѣлаго народа, который столько трудился въ потѣ царственнаго чела своего,—представьте его въ ту рѣшительную минуту, когда онъ начинаетъ видѣть, что его тяжба съ вѣками, его гигантская борьба съ самою природою, съ самою возможностью готова увѣнчаться полнымъ успѣхомъ,—представьте себѣ его преобразенное, сіяющее побѣднымъ торжествомъ лицо, если только ваша фан-

тазія довольно сильна для такого представленія,—и вы будете видѣть передъ собою живую картину, начертанную Пушкинымъ въ стихахъ, которые сейчасъ прочли... Да, въ этомъ случаѣ живописи стоило бы побороться съ поэзіею,—и великій живописецъ могъ бы за честь себѣ поставить перевести на полотно въ живыхъ краскахъ живые стихи Пушкина, чтобъ рѣшить задачу, какъ воспользуется живопись предметомъ, столь мастерски выраженнымъ поэзіею. Тутъ задача живописца состояла бы уже не въ творествѣ, а только въ творчески свободномъ переводѣ одного и того же предмета съ языка поэзіи на языкъ живописи, чтобъ, сравнительно, показать средства и способы того и другого искусства. Повторяемъ: тутъ живописцу нечего изобрѣтать—для него готовы и группы, и подробности, и лицо Петра—эта главнѣйшая задача всей картины... Полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства, это была повѣрка дѣйствительности замысловъ столь великихъ, что, вѣроятно, они самому Петру въ горькія минуты неудачъ и разочарованія казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому, на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія...

Но этимъ еще не оканчивается великая картина: это только главная часть ея; въ отдаленіи поэтъ показываетъ другую часть, меньшую, безъ которой картина его не имѣла бы полноты:

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненіе.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

Въ подробностяхъ битвы особенно замѣчательнъ эпизодъ о волненіи дряхлаго и уже безсильнаго Палія, завидѣвшаго врага своего—Мазепу. Но эпизодъ смерти казака, влюбленнаго въ Марію, несмотря на превосходные стихи, до приторности исполненъ мелодраматизма и вовсе неумѣстенъ. Мы уже говорили, что самая мысль ввести въ поэму этого казака, чтобъ было съ кѣмъ Кочубею

отправить доносъ Петру на Мазепу, мелодраматически эффектна; ради нея поэтъ искажилъ историческое событіе: доносъ былъ отосланъ не съ казакомъ, а съ старымъ монахомъ, Никаноромъ.

Картина битвы заключается еще картиною, съ которою тоже за честь бы могъ поставить себѣ побороться великій живописецъ:

Плруетъ Петръ. И гордь, и ясенъ,
И полонъ славы взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вожей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Теперь намъ остается говорить о дивно прекрасныхъ подробностяхъ еще цѣлой части поэмы, пафосъ которой составляетъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Вся эта часть поэмы есть какъ бы поэма въ поэмѣ, и ея, конечно, стало бы на особую отдѣльную поэму.

Въ историческомъ фактѣ любви Мазепы и Маріи Пушкинъ воспользовался только идеею любви старика къ молодой дѣвушкѣ и молодой дѣвушки къ старику. Въ подробностяхъ, и даже въ изображеніи дочери Кочубея, онъ отступалъ отъ исторіи. Поэтому, весь этотъ фактъ онъ передѣлалъ по своему идеалу,—и дочь Кочубея является у него совершенно идеализированною. Онъ переимѣнилъ даже ея имя—Матроны на Марію. Когда Матрона убѣждала къ старому гетману, онъ, боясь соблазна и толковъ, переслалъ ее въ родительскій домъ, гдѣ мать Матроны *катовала* (палачила, истязала, сѣкла) ее. Но это, какъ и естественно, только еще больше раздражало энергію страсти бѣдной дѣвушки. Мазепа любилъ ее, писалъ къ ней страстные письма, но въ отношеніи къ ней не принялъ никакого твердаго рѣшенія—то умолялъ о свиданіяхъ, то совѣтовалъ идти въ монастырь.

Какъ бы то ни было, но основаніе, сущность отношеній Мазепы и Маріи въ поэмѣ Пушкина историческія, и еще болѣе истинныя—поэтически,—и Пушкинъ умѣлъ ими воспользоваться какъ истинно великій поэтъ, хотя онъ ихъ и идеализировалъ по-своему.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодны,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображеніе красоты
Влагаютъ страстные мечты.

Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Возможность его заключается въ законахъ человѣческаго духа, и потому, по рѣдкости его можно находить

удивительнымъ, но нельзя находить неестественнымъ. Самая обыкновенная женщина видитъ въ мужчинѣ своего защитника и покровителя; отдаваясь ему—сознательно или бессознательно, но во всякомъ случаѣ она дѣлаетъ обмѣнъ красоты или прелести на силу и мужество. Послѣ этого очень естественно, если бываютъ женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются нравственнымъ могуществомъ мужчины, украшеннымъ властію и славой,—увлекаются имъ безъ соображенія неравенства лѣтъ. Для такой женщины самыя сѣдины прекрасны, и чѣмъ круче нравъ старика, тѣмъ за большее счастье и честь для себя считаетъ она вліяніемъ своей красоты и своей любви укрощать его порывы, дѣлать его ровнѣе и мягче. Само безобразіе этого старика—красота въ глазахъ ея. Вотъ почему кроткая, робкая Дездемона такъ беззавѣтно отдалась старому воину, суровому мавру—*великому* Отелло. Въ Маріи Пушкина это еще понятнѣе: ибо Марія, при всей непосредственности и неразвитости ея сознанія, одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, рѣшительнымъ. Она была бы достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ бы ни велика была разница ихъ лѣтъ—ихъ союзъ былъ бы самый естественный, самый разумный. Ошибка Маріи состояла въ томъ, что она въ душѣ, готовой на все злое для достиженія своихъ цѣлей, думала увидѣть душу великую, дерзость безнравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ея несчастьемъ, но не виною: Марія, какъ женщина, велика въ этой ошибкѣ. На этомъ основаніи намъ понятна ея любовь, понятно—

Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томила танно, воздыкала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ табу тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣпилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,
Когда онъ сѣдень былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ, и елипи
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки...

Нельзя довольно надивиться богатству и роскоши красокъ, которыми изобразилъ поэтъ страстную и грандіозную любовь этой женщины. Здѣсь Пушкинъ, какъ поэтъ, воз-

несся на высоту, доступную только художникамъ первой величины. Глубоко вонзилъ онъ свой художническій взоръ въ тайну великаго женскаго сердца, и ввелъ насъ въ его святилище, чтобъ внѣшнее сдѣлать для насъ выраженіемъ внутренняго, въ фактъ дѣйствительности открыть общій законъ, въ явленіи—мысль...

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣлой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ—
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленіемъ—
Тебѣ пріятенъ твой позоръ;
Ты имъ въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ, горда—
Ты прелесть пѣжаую стыда
Въ своемъ утратила паденьи...
Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны сѣдыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?

Но въ такой великой натурѣ любовь можетъ быть только преобладающею страстію, которая въ выборѣ не допускаетъ никакого совмѣстничества, даже никакого колебанія, но которая не заглушаетъ въ душѣ другихъ нравственныхъ привязанностей. И потому, блаженство любви не отнимаетъ въ сердцѣ Маріи мѣста для грустнаго и тревожнаго воспоминанія объ отцѣ и матери.

И двей невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ.
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И, мнитъ, пеня имъ внимаетъ...
О, еслибъ вѣдала она,
Чтѣ ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

Намъ скажутъ, что въ дѣйствительности это было не такъ, ибо Матрона ненавидѣла своихъ родителей и клялась вѣчно „любы-ты и сердечне кохаты Мазепу на злость ея

врагамъ". Но вѣдь въ дѣйствительности-то родители Матроны *катовали* ее... Понятно, почему Пушкинъ рѣшился поэтически отступить отъ „такой“ дѣйствительности...

Но нигдѣ личность Маріи не возвышается, въ поэмѣ Пушкина, до такой апоэозы, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепою,—сценѣ, написанной истинно шекспировскою кистію. Когда Мазепа, чтобъ разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ее: она вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ... Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія, и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному,—что онъ, ея возлюбленный, *такъ могущъ*, что не можетъ не достигъ всего, чего бы только захотѣлъ. Блескъ короны на сѣдыхъ кудряхъ любовника уже ослѣпилъ ея очи,—и она восклицаетъ съ увѣренностью дитяти, сильнаго и разумнаго одною любовію, но не знаніемъ жизни:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Мазепа.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

Марія.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О! знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

Мазепа.

А если плаха?..

Марія.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

Мазепа.

Меня ты любишь?

Марія.

Я! люблю ли?

Мазепа.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

Марія.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ
(Какая страшная мечта!),
Моимъ отцомъ я проклета,
А за кого?

Мазепа.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

Марія.

О, Боже!

Мазепа.

Что-жъ? отвѣчай.

Марія.

Рѣши ты самъ.

Мазепа.

Послушай: еслибъ было намъ,
Ему или мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого-бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

Марія.

Ахъ, полно! сердца не смущай!
Ты искуситель!

Мазепа.

Отвѣчай!

Марія.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

Мазепа.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Вникните во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая простота! Этотъ отвѣтъ Маріи: „Я! люблю ли?“, это желаніе уклониться отъ отвѣта на вопросъ, уже рѣшенный ея сердцемъ, но все еще страшный для нея—кто ей дороже: любовникъ или отецъ, и кого изъ нихъ принесла бы она въ жертву для спасенія другого,—и потомъ, рѣшительный отвѣтъ при видѣ гнѣва любовника... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца! ¹⁾).

Явленіе сумасшедшей Маріи, неумѣстное въ ходѣ поэмы, и даже мелодраматическое, какъ средство испугать совѣсть Мазепы, превосходно, какъ дополненіе портрета этой женщины. Послѣднія слова ея безумной рѣчи исполнены столько же трагическаго ужаса, сколько и глубокаго психологическаго смысла:

Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ,
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

¹⁾ Ср. т. II, стр. 21—23.

Творческая кисть Пушкина нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи. Что передъ нею эта препрославленная и столько восхищавшая всѣхъ и теперь еще многихъ восхищающая Татьяна—это смѣшеніе деревенской мечтательности съ городскимъ благородіемъ?..

Но „Полтава“ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ твореній Пушкина не по одному лицу Маріи. Лишенная единства и мысли плана, а потому недостаточная и слабая въ цѣломъ, поэма эта есть великое произведеніе по ея частностямъ. Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ, и потому самому не составляетъ одной поэмы. Богатство ея содержанія не могло высказаться въ одномъ сочиненіи, и она распалась отъ тяжести этого богатства. Третья пѣснь ея, сама по себѣ, есть нѣчто особенное, отдѣльная поэма въ эпическомъ родѣ. Но изъ нея нельзя было сдѣлать эпической поэмы: если бы поэтъ и далъ ей обширнѣйшій объемъ, она и тогда оставалась бы рядомъ превосходнѣйшихъ картинъ, но не поэмою. Чувствуя это, поэтъ хотѣлъ связать ее съ исторіею любви, имѣющею драматическій интересъ, но эта связь не могла не выйти чисто внѣшнею. И вся эта разрозненность выразилась въ эпилогѣ, въ которомъ поэтъ говоритъ сперва о гордыхъ и сильныхъ людяхъ того вѣка, потомъ о Петрѣ Великомъ, далѣе—о Карлѣ XII, о Мазепѣ, о Кочубеѣ съ Искрою, и оканчиваетъ все это Маріею... Несмотря на то, „Полтава“ была великимъ шагомъ впередъ со стороны Пушкина. Какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому бы всѣ другіе относились гармонически; но каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. И никогда еще до того времени нашъ поэтъ не употреблялъ такихъ драгоценныхъ матеріаловъ на свои зданія, никогда не отдѣлывалъ ихъ съ бѣлшимъ художественнымъ совершенствомъ. Сколько простоты и энергіи въ его стихѣ! Какая живая соотвѣтственность между содержаніемъ и колоритомъ языка, которымъ оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское въ тонѣ разсказа, въ духѣ и оборотѣ выраженій! И между тѣмъ, какъ дурно была принята эта поэма! Одинъ критикъ, желая высказать посильное свое остроуміе, назвалъ палача *блоручкою*, а всю картину казни—отвратительною! Вотъ ужъ подлинно блоручка! Другой посмѣялся, какъ надъ нелѣпостію, надъ любовію старика Мазепы къ молодой дѣвушкѣ, и находилъ оправданіе этого факта развѣ только въ русской пословицѣ: *спидина въ бороду, а*

бѣсъ въ ребро. Третій доказывалъ, что всѣ дѣйствующія лица „Полтавы“ каррикатурины, на основаніи отзывовъ Мазепы о Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ!! И все это тогда читалось; многіе даже вѣрили дѣльности такихъ отзывовъ!.. ¹⁾.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о „Евгеніи Онѣгинѣ“; но статья наша и такъ вышла велика, а „Евгеній Онѣгинъ“, кромѣ своего огромнаго объема, имѣетъ въ русской литературѣ и въ русской жизни столь важное значеніе, что о немъ надо или говорить много, или совсѣмъ не говорить. И потому мы отлагаемъ его разборъ до слѣдующей статьи, а эту кончимъ бѣглымъ взглядомъ на „Графа Нулина“.

„Графъ Нулинъ“—не болѣе, какъ легкій сатирическій очеркъ одной стороны нашего общества, но очеркъ, сдѣланный рукою въ высшей степени художественною. Сказкою „Модная Жена“ Дмитріевъ нѣкогда чуть не стяжалъ вѣнка безсмертія. Сказка его дѣйствительно прекрасна; ее и теперь нельзя читать безъ удовольствія; но вѣнки безсмертія въ наше время очень вздорожали,—и хотя „Графъ Нулинъ“ безконечно выше и лучше „Модной Жены“ Дмитріева, однако не имъ будетъ безсмертенъ Пушкинъ: для „Графа Нулина“ достаточно чести быть не больше, какъ листикомъ въ лавровомъ вѣнкѣ его. Въ лицѣ графа Нулина поэтъ съ неподражаемымъ мастерствомъ изобразилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей высшаго свѣтскаго круга, которые такъ обыкновенны въ жизни. Наталья Павловна—типъ молодой помѣщицы новыхъ временъ, которая воспитывалась въ пансіонѣ, въ дѣлѣ моды не отстаетъ отъ вѣка, хотя живетъ въ глуши, о хозяйствѣ не имѣетъ никакого понятія, читаетъ чувствительные романы и зѣваетъ въ обществѣ своего мужа—истиннаго типа степного медвѣдя и псая. Въ этой повѣсти все такъ и дышитъ русскою природою, сѣренькими красками русскаго деревенскаго быта.

Только одинъ Пушкинъ умѣлъ такъ легко и такъ ярко набрасывать картины столь глубоко-вѣрныя дѣйствительности, какъ, на примѣръ, эта:

Пора, пора! рога трубятъ;
Псарь въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзые прыгаютъ на сворахъ.

¹⁾ „Одинъ“, „другой“ и „третій“ критикъ—все это одинъ и тотъ же Надеждинъ, который въ своей статьѣ о „Полтавѣ“ („Вѣстн. Европы“ 1829 г., № 8) называлъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы „гротесками“, возмущался, говоря о картинѣ казни, что поэтъ можетъ „шутить подобными зрѣлищами“ и находилъ любовь Маріи къ Мазепѣ невозможною, а любовь Мазепы къ Маріи—фарсомъ: „сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро“. Однако въ этой статьѣ мы не находимъ названія палача „блоручкою“.

Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня,
Онъ холку хватъ, и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: Не жди меня!
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нѣтъ,
Въ отъѣздѣ полѣ онъ гардуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіе супруга?
Занятій мало-ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть,
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмѣгъ замѣтитъ что-нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы—мы будемъ называть
Наталя Павловна), къ несчастью,
Наталя Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственной частью
Не занималась, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбага.

Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
Андрей Элизы и Армана,
Пль Переписка двухъ семей—
Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталя Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой,
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ итти хотѣлъ...
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальній
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой?..
Ужъ не она ли?.. Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ песется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ,—и не одна изъ нихъ не уступить въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Что составляетъ главное достоинство фламандской школы, если не умѣнье представлять прозу дѣйствительности подъ поэтическимъ угломъ зрѣнія? Въ этомъ смыслѣ „Графъ Нулинъ“ есть цѣлая галлерейя превосходнѣйшихъ картинъ фламандской школы. И если мы сказали, что не „Графомъ Нулинымъ“ будетъ безсмертенъ Пушкинъ, это не значитъ, чтобъ мы на поэму его смотрѣли, какъ на легонькое литературное произведеніе, какъ на остроумную шутку; нѣтъ, это значитъ только, что у Пушкина слишкомъ много гораздо бѣльшихъ правъ на безсмертіе, чѣмъ „Графъ Нулинъ“, и что эта поэмка, которая могла бы составить главный капиталъ извѣстности для иного поэта, у Пушкина есть только роскошь, избытокъ, который тратится безъ вниманія и безъ сожалѣнія.

Нельзя не подивиться легкости, съ какою поэтъ схватываетъ въ „Графѣ Нулинѣ“ самыя характеристическія черты русской жизни. Вотъ, напримѣръ, портретъ Параши, горничной Натали Павловны:

...Параша эта

Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою барина смѣшитъ,
Порой на барина кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.

Да это типъ всѣхъ русскихъ горничныхъ, которыя служатъ барынямъ новаго; т.-е. пансіоннаго образованія!

Говорить ли, что вся поэма исполнена ума, остроумія, легкости, граціи, тонкой ироніи, благороднаго тона, знанія дѣйствительности, написана стихами въ высшей степени превосходными? Пушкинъ иначе и не умѣлъ писать,—а „Графъ Нулинъ“ есть одно изъ удачнѣйшихъ его произведеній.

Эта поэма въ первый разъ была напечатана въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ 1828 года, а отдѣльно вышла въ 1829 г. Тогда-то опрокинулась на нее со всѣмъ остервенѣніемъ педантическая критика. Главною виною поставлено было „Графу Нулину“ пустота, будто бы, его содержанія. По убѣжденію этой критики, поэзія должна зани-

маться только важными предметами, какъ-вые обрѣтаются въ одахъ Ломоносова, его „Петриадѣ“, одахъ Петрова и стопудовыхъ пѣсняхъ Хераскова. Ей, этой неотесанной критикѣ, и въ голову не входило, что все это высокопарное и торжественное пѣснопѣніе, взятое массою, далеко не стоитъ одной страницы изъ „Графа Нулина“. Потомъ поставлена была въ великое преступленіе „Графу Нулину“ неприличная вольность его содержанія и изложенія, будто бы оскорбляющая хорошій тонъ свѣтскаго общества. Бѣдная критика! она любезности училась въ дѣвичьихъ, а хорошаго тона набиралась въ прихожихъ: удивительно ли, что „Графъ

Нулинъ“ такъ жестоко оскорбилъ ея тонкое чувство приличія? Бѣдная критика! она и до сихъ поръ добродушно убѣждена въ своемъ знаніи большого свѣта и нещадно преслѣдуетъ „Мертвыя Души“ за нарушеніе условій хорошаго тона,—а большой свѣтъ, неблагодарный, до сихъ поръ не хочетъ и подозрѣвать существованія ея, бѣдной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ прочелъ „Мертвыя Души“, съ какимъ нѣкогда читалъ „Графа Нулина“, не видя ни въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничего противнаго и оскорбительнаго тому, что называется онъ „хорошимъ тономъ“ и „приличіемъ“.

1844 г.

Статья восьмая.

Евгеній Онѣгинъ.

Признаемся: не безъ нѣкоторой робости приступаемъ мы къ критическому разсмотрѣнію такой поэмы, какъ *Евгеній Онѣгинъ*. И эта робость оправдывается многими причинами. *Онѣгинъ* есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такою полнотою, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ *Онѣгинѣ* личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе, значить—оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности. Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ *Онѣгина*,—эта поэма имѣетъ для насъ, Русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе. Съ этой точки зрѣнія даже и то, что теперь критика могла бы съ основательностію назвать въ *Онѣгинѣ* слабымъ или устарѣлымъ,—даже и то является исполненнымъ глубокаго значенія, великаго интереса. И насъ приводитъ въ затрудненіе не одно только сознаніе слабости нашихъ силъ для вѣрной оцѣнки такого произведенія, но и необходимость въ одно и то же время во многихъ мѣстахъ *Онѣгина* съ одной стороны видѣть недостатки, съ другой—достоинства. Большинство нашей публики еще не стало выше этой отвлеченной и односторонней критики, которая признаетъ въ произведеніяхъ искусства только безусловные недостатки, или безусловныя достоинства, и которая не понимаетъ, что условное и относительное составляютъ форму безусловнаго. Вотъ почему нѣкоторые критики добродушно

были убѣждены, что мы не уважаемъ Державина, находя въ немъ великій талантъ и въ то же самое время не находя между произведеніями его ни одного, которое было бы вполне художественно и могло бы вполне удовлетворить требованіямъ эстетическаго вкуса нашего времени. Но въ отношеніи къ *Онѣгину* наши сужденія могутъ показаться многимъ еще болѣе противорѣчащими, потому что *Онѣгинъ* со стороны формы есть произведеніе въ высшей степени художественное, а со стороны содержанія самыя его недостатки составляютъ его величайшія достоинства. Вся наша статья объ *Онѣгинѣ* будетъ развитіемъ этой мысли, какою бы ни показалась она съ перваго взгляда многимъ изъ нашихъ читателей.

Прежде всего, въ *Онѣгинѣ* мы видимъ поэтически воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія. Съ этой точки зрѣнія *Евгеній Онѣгинъ* есть поэма историческая въ полномъ смыслѣ слова, хотя въ числѣ ея героевъ нѣтъ ни одного историческаго лица. Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ и блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безмѣрная! До Пушкина русская поэзія была не болѣе, какъ понятливою и переимчивою ученицею европейской музыки,—и потому всѣ произведенія русской поэзіи до Пушкина какъ-то походили больше на этюды и копии, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдох-

новенія. Самъ Крыловъ — этотъ талантъ, столько же сильный и яркій, сколько и національно-русскій, долго не имѣлъ смѣлости отказаться отъ незавидной чести быть то переводчикомъ, то подражателемъ Лафонтена. Въ поэзін Державина ярко проблескиваютъ и русская рѣчь, и русскій умъ, но не больше, какъ проблескиваютъ, потопляемые водою риторически-понятыхъ иноземныхъ формъ и понятій. Озеровъ написалъ русскую трагедію, даже историческую — *Дмитрія Донского*, но въ ней „русскаго“ и „историческаго“ — одни имена: все остальное столько же русское и историческое, сколько французское или татарское. Жуковский написалъ двѣ „русскія“ баллады — *Людмилу* и *Свѣтлану*; но первая изъ нихъ есть передѣлка нѣмецкой (и притомъ довольно дюжинной) баллады, а другая, отличаясь дѣйствительно-поэтическими картинами русскихъ святочныхъ обычаевъ и зимней русской природы, въ то же время вся проникнута нѣмецкою сантиментальностію и нѣмецкимъ фантазмомъ. Муза Батюшкова, вѣчно скитаясь подъ чужими небесами, не сорвала ни одного цвѣтка на русской почвѣ. Всѣхъ этихъ фактовъ было достаточно для заключенія, что въ русской жизни нѣтъ и не можетъ быть никакой поэзії, и что русскіе поэты должны за вдохновеніемъ скакать на пегасѣ въ чужіе края, даже на востокъ, не только на западъ. Но съ Пушкинымъ русская поэзія изъ робкой ученицы явилась даровитымъ и опытнымъ мастеромъ. Разумѣется, это сдѣлалось не вдругъ, потому что вдругъ ничего не дѣлается. Въ поэмахъ: *Русланъ и Людмила* и *Братья-Разбойники* Пушкинъ былъ не больше, какъ ученикомъ, подобно своимъ предшественникамъ, — но не въ поэзії только, какъ они, а еще и въ попыткахъ на поэтическое изображеніе русской дѣйствительности. Этимъ ученичествомъ и объясняется, почему въ *Русланъ и Людмилу* такъ мало русскаго и такъ много итальянскаго, а *Разбойники* такъ похожи на шумливую мелодраму. Есть у Пушкина русская баллада *Женихъ*, написанная имъ въ 1825 году, въ которомъ появилась и первая глава *Онегина*. Эта баллада и со стороны формы, и со стороны содержанія насквозь проникнута русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о *Русланъ и Людмилу*, можно сказать:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Такъ какъ эта баллада и тогда не обратила на себя особеннаго вниманія, а теперь почти всѣми забыта, мы выпишемъ изъ нея сцену сватовства.

На утро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ,
Наташу хвалить, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:

„У васъ товаръ, у насъ купецъ,
Собою парень молодецъ,
И статный, и проворной,
Не вздорной, не зазорной.

„Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь;
А подарить невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

„Катаясь видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?“
Она сидитъ за пирогомъ
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

„Согласенъ, говоритъ отецъ,
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подь вѣнецъ;
Одной въ свѣтелкѣ скучно,
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ поконить“.

И такова вся эта баллада, отъ перваго до послѣдняго слова! Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Но не въ такихъ произведеніяхъ должно видѣть образцы проникнутыхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій, — и публика не безъ основанія не обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особенности. Сверхъ того, онъ такъ тѣсенъ, мелокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ не долго будетъ воспроизводить его, если не захочетъ, чтобъ его произведенія были односторонни, однообразны, скучны и, наконецъ, пошлы, несмотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человѣкъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной или, много, двухъ попытокъ въ такомъ родѣ: для него это — дѣло между прочимъ, затѣянное больше изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу. Лермонтова „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалова купца Калашникова“, не превосходя пушкинскаго *Жениха* со стороны формы, слишкомъ много превосходитъ его со стороны содержанія. Это — поэма, въ сравненіи съ которою ничтожны всѣ богатырскія народно-русскія поэмы, собранныя Киршею Даниловымъ. И между тѣмъ, „Пѣсня“ Лермонтова была не болѣе, какъ опытъ таланта, проба пера, и очевидно, что Лермонтовъ никогда ничего больше не написалъ бы въ этомъ родѣ. Въ этой пѣснѣ Лермонтовъ взялъ все, что только могъ ему представить сборникъ

Кириши Данилова, — и новая попытка въ этомъ родѣ была бы по необходимости повтореніемъ одного и того же — старыя погудки на новый ладъ. Чувства и страсти людей этого міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи; общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и не сложны, что все это легко исчерпывается до два однимъ произведеніемъ сильнаго таланта. Разнообразіе страстей, тонкіе до безконечности оттѣнки чувствъ, безчисленно многосложныя отношенія людей, общественныя и частныя, — вотъ гдѣ богатая почва для цвѣтовъ поэзіи, и эту почву можетъ приготовить только сильно развивающаяся или развивавшаяся цивилизація. Произведенія въ родѣ „Jeanne“ Жоржъ Занда возможны только во Франціи, потому что тамъ цивилизація, въ многосложности ея элементовъ, всѣ сословія поставила въ тѣсное и электрически взаимодѣйствующее отношеніе другъ къ другу. Наша поэзія, напротивъ, должна искать для себя матеріаловъ почти исключительно въ томъ классѣ, который, по своему образу жизни и обычаямъ, представляетъ болѣе развитія и умственного движенія. И если національность составляетъ одно изъ высочайшихъ достоинствъ поэтическихъ произведеній, — то, безъ сомнѣнія, истинно-национальныхъ произведеній должно искать у насъ только между такими поэтическими созданіями, которыхъ содержаніе взято изъ жизни сословія, создавагося по реформѣ Петра Великаго и усвоившаго себѣ формы образованнаго быта. Но большинство публики до сихъ поръ понимаетъ это дѣло иначе. Назовите народнымъ или національнымъ произведеніемъ *Руслана и Людмилу*, — и съ вами всѣ согласятся, что это дѣйствительно и народное и національное произведеніе. Еще болѣе будутъ согласны съ вами, если вы назовете народнымъ произведеніемъ всякую пьесу, въ которой дѣйствуютъ мужики и бабы, бородатые купцы и мѣщане, или въ которомъ дѣйствующія лица пересыпаютъ свой незатѣйливый разговоръ русскими пословицами и поговорками и, вдобавокъ, пропускаютъ между ними риторическія, на семинарскій манеръ, фразы о народности и т. п. Люди, болѣе умные и образованные, охотно (и притомъ весьма основательно) видятъ народную русскую поэзію въ басняхъ Крылова, и даже готовы видѣть ее (что уже не такъ основательно) не только въ сказкахъ Пушкина (*О царѣ Салтанѣ*, *О мертвой царевнѣ* и *О семи богатыряхъ*), но и (что уже вовсе неосновательно) въ сказкахъ Жуковскаго (*О царѣ Берендеѣ до колѣнъ борода* и *О спящей царевнѣ*). Но немногіе согласятся съ вами и для многихъ покажется страннымъ, если вы скажете, что первая истинно національно-русская поэма въ стихахъ была и есть — *Евгеній Онп-*

инъ Пушкина, и что въ ней народности больше, нежели въ какомъ угодно другомъ народномъ русскомъ сочиненіи. А между тѣмъ, это такая же истина, какъ и то, что дважды два — четыре. Если ее не всѣ признаютъ національною — это потому, что у насъ издавна укоренилось престранное мнѣніе, будто бы Русскій во фракѣ, или Русская въ корсетѣ — уже не Русскіе, и что русскій духъ даетъ себя чувствовать только тамъ, гдѣ есть зипунъ, лапти, сивуха и кислая капуста. Въ этомъ случаѣ у насъ многіе даже и между такъ называемыми образованными людьми безсознательно подражаютъ русскому простонародію, которое всякаго чужестранца изъ Европы называетъ *Нѣмцемъ*. И вотъ гдѣ источникъ пустой боязни нѣкоторыхъ, чтобъ мы всѣ не онѣмѣли! Всѣ европейскіе народы развивались какъ одинъ народъ, сперва подъ сѣнію католическаго единства, духовнаго (въ лицѣ папы) и свѣтскаго (въ лицѣ избраннаго главы священной Римской Имперіи), а потомъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же стремленій къ послѣднимъ результатамъ цивилизаціи, — однако, тѣмъ не менѣе между Французомъ, Нѣмцемъ, Англичаниномъ, Итальянцемъ, Шведомъ, Испанцемъ такая же существенная разница, какъ и между Русскимъ и Индійцемъ. Это струны одного и того же инструмента — духа человѣческаго, но струны разнаго объема, каждая съ своимъ особеннымъ звукомъ, — и потому-то онѣ издають полные гармоническіе аккорды. Если же народы Западной Европы, всѣ равно происходящіе отъ великаго тевтонскаго племени, болѣею частію смѣшавшагося съ романскими племенами, всѣ равно развившіеся на почвѣ одной и той же религіи, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ, одного и того же общественного устройства, и потому всѣ равно воспользовавшіеся богатымъ наслѣдіемъ древне-классическаго міра, — если, говоримъ, всѣ народы Западной Европы, составляющіе собою единое семейство, тѣмъ не менѣе рѣзко отличаются одинъ отъ другого, то естественное ли дѣло, чтобъ русскій народъ, возникшій на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ, имѣвшій свою исторію, ни въ чемъ не похожую на исторію ни одного западно-европейскаго народа, естественно ли, чтобъ русскій народъ, усвоивъ себѣ одежду и обычаи европейскіе, могъ утратить свою національную самобытность и походить, какъ двѣ капли воды, на каждаго изъ европейскихъ народовъ, изъ которыхъ каждый другъ отъ друга рѣзко отличается и физическою, и нравственною физиономіею?.. Да это нелѣпость нелѣпостей! хуже этого ничего нельзя выдумать! ¹⁾ Пер-

¹⁾ Это обширное отступленіе находится въ связи

вая причина особенности племени, или народа, заключается въ почвѣ и климатѣ занимаемой имъ страны; а много ли на земномъ шарѣ странъ одинаковыхъ въ геологическомъ и климатологическомъ отношеніяхъ? И потому, чтобъ напоръ европейскихъ обычаевъ и идей могъ лишить Русскихъ ихъ національности, для этого нужно прежде всего ровный, степной материкъ Россіи превратить въ гористый; безкопечное его пространство сдѣлать меньшимъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ (за исключеніемъ Сибири). И много, кромѣ того, нужно бы сдѣлать такого, чего нельзя сдѣлать, и о чемъ фантазировать на досугѣ прилично только господамъ Маниловымъ. Далѣе: бѣдна та народность, которая трепещетъ за свою самостоятельность при всякомъ соприкосновеніи съ другою народностію! Наши самозванные патріоты не видятъ, въ простотѣ ума и сердца своего, что, безпрестанно боясь за русскую національность, они тѣмъ самымъ жестоко оскорбляютъ ее. Но когда сдѣлалось всегда побѣдоноснымъ русское войско, если не тогда, какъ Петръ Великій одѣлъ его въ европейское платье и приучилъ его сообразной съ этимъ платьемъ военной дисциплинѣ? Какъ-то естественно видѣть толпу крестьявъ, дурно вооруженныхъ, еще хуже дисциплинированныхъ, по случаю войны недавно оторванныхъ отъ избы и сохи,—какъ-то естественно видѣть ихъ бѣгущими въ безпорядкѣ съ поля битвы;—точно такъ же, какъ естественно видѣть полки солдатъ, даже и при военной неудачѣ, или храбро умирающими на полѣ битвы, или отступающими въ грозномъ порядкѣ. Нѣкоторые изъ горячихъ славянолюбовъ говорятъ: „Посмотрите на Нѣмца,—онъ вездѣ Нѣмецъ, и въ Россіи, и во Франціи, и въ Индіи; Французъ тоже вездѣ Французъ, куда бы ни занесла его судьба; а Русскій въ Англіи—Англичанинъ, во Франціи—Французъ, въ Германіи—Нѣмецъ“. Дѣйствительно, въ этомъ есть своя сторона истины, которой нельзя оспаривать, но которая служить не къ униженію, а къ чести Русскихъ. Это свойство удачно примѣняется ко всякому народу, ко всякой странѣ отнюдь не есть исключительное свойство только образованныхъ сословій въ Россіи, по свойство всего русскаго племени, всей сѣверной Руси. Этимъ свойствомъ русскій человѣкъ отличается и отъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, и, можетъ быть, ему-то и обязавъ онъ своимъ превосходствомъ надъ ними. Извѣстно, что наши русскіе солдаты—удивительные природные философы и политики, и нигдѣ

съ разгоравшейся въ то время полемикой западничества и славянофильства.

ничему не удивляются, но все находятъ очень естественнымъ, какъ бы это все ни было противоположно ихъ понятіямъ и привычкамъ. Чтобъ слишкомъ не распространяться объ этомъ предметѣ, ссылаемся, для краткости, на замѣчаніе Лермонтова объ удивительной способности русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. „Не знаю (говоритъ авторъ „Героя Нашего Времени“), достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость или невозможность его уничтоженія“. Здѣсь дѣло идетъ о Кавказѣ, а не о Европѣ; но русскій человѣкъ вездѣ тотъ же. Угловатый Нѣмецъ, тяжеловато-гордый Джонъ-Буль уже самими ихъ ухватками и манерами никогда и нигдѣ не скроютъ своего происхожденія; и послѣ Француза только Русскій можетъ по наружности казаться просто человѣкомъ, ненося на своемъ лбу національнаго клейма, или паспорта. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ Русскій, умѣя въ Англіи походить на Англичанина, а во Франціи—на Француза, хоть на минуту пересталъ быть Русскимъ, или хоть на минуту шутя могъ сдѣлаться Англичаниномъ, или Французомъ. Форма и сущность не всегда—одно и то же. Хорошую форму почему не усвоить себѣ, но отъ сущности своей отрѣшиться совсѣмъ не такъ легко, какъ промѣнять охабенъ на фракъ. Между Русскими есть много галломановъ, англomanовъ, германомановъ и разныхъ другихъ „мановъ“. Посмотришь на нихъ: точно такъ, съ которой стороны ни зайди—Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ да и только. Если англomanъ, да еще богатый, то и лошади у него англизированныя, и жокеи, и грумы, словно сейчасъ изъ Лондона привезенные, и паркъ въ англійскомъ вкусѣ, и портеръ онъ пьетъ исправно, любитъ ростбифъ и пуддингъ, на комфортѣ помѣшанъ, и даже боксируетъ не хуже любого англійскаго кучера. Если галломанъ,—одѣтъ какъ модная картинка, по-французски говоритъ не хуже Парижапина, на все смотритъ съ равнодушнымъ презрѣніемъ, при случаѣ почитаетъ долгомъ быть и любезнымъ и остроумнымъ. Если германоманъ,—больше всего любитъ искусство, какъ искусство, науку, какъ науку, романтизируетъ, презираетъ толпу, не хочетъ виѣшняго счастья и выше всего ставитъ созерцательное блаженство своего внутренняго міра.. Но пошлите всѣхъ этихъ господъ пожить—англomanовъ въ Англію, галломановъ—во Францію, германомановъ—въ Германію, да и посмотрите, такъ ли охотно,

какъ вы, поспѣшатъ Англичане, Французы и Нѣмцы признать своими соотечественниками нашихъ англомановъ, галломановъ и германомановъ... Нѣтъ, не попадутъ они въ соотечественники этимъ народамъ, а только развѣ прослывутъ между ними притчею во языцѣхъ, сдѣлаются предметомъ всеобщаго оскорбительнаго вниманія и удивленія. Это потому, повторяемъ, что усвоить чуждую форму совсѣмъ не то, что отрѣшиться отъ собственной сущности. Русскій за границею легко можетъ быть принятъ за уроженца страны, въ которой онъ временно живетъ, потому что на улицѣ, въ трактирѣ, на балу, въ дилижансѣ о человѣкѣ заключаютъ по его виду; но въ отношеніяхъ гражданскихъ, семейныхъ, но въ положеніяхъ жизни исключительныхъ—другое дѣло: тутъ поневолѣ обнаружится всякая національность, и каждый поневолѣ явится сыномъ своей и пасынкомъ чужой земли. Съ этой точки зрѣнія Русскому гораздо легче прослыть за Англичанина въ Россіи, нежели въ Англіи. Но въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ еще могутъ быть странныя исключенія, въ отношеніи же къ народамъ никогда. Доказательствомъ могутъ служить тѣ славянскія племена, которыхъ историческія судьбы были тѣсно связаны съ судьбами Западной Европы: Чехія отовсюду окружена тевтонскимъ племенемъ; властителями ея въ теченіе цѣлыхъ столѣтій были Нѣмцы; развилась она, вмѣстѣ съ ними, на почвѣ католицизма и упредила ихъ и словомъ и дѣломъ религіознаго обновленія—и что-жъ?—Чехи до сихъ поръ Славяне, до сихъ поръ—не только не Германцы, но и не совсѣмъ Европейцы...

Все сказанное нами было необходимымъ отступленіемъ для опроверженія неосновательнаго мнѣнія, будто бы, въ дѣлѣ литературы чисто русскую народность должно искать только въ сочиненіяхъ, которыхъ содержаніе заимствовано изъ жизни низшихъ и необразованныхъ классовъ. Вслѣдствіе этого страннаго мнѣнія, оглашающаго „не русскимъ“ все, что есть въ Россіи лучшаго и образованнѣйшаго,—вслѣдствіе этого лапотно-сермяжнаго мнѣнія какой-нибудь грубый фарсъ съ мужиками и бабами есть національно-русское произведеніе, а „Горе отъ Ума“ есть тоже русское, но только уже не національное произведеніе; какой-нибудь площадной романъ, въ родѣ „Разгуляя купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ“, есть хотя и плохое, однако тѣмъ не менѣе національно-русское произведеніе, а „Герой нашего времени“ хотя и превосходное, однако тѣмъ не менѣе русское, но не національное произведеніе... Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Пора, наконецъ, вооружиться противъ этого мнѣнія всею силою здраваго смысла, всею

энергіею неумолимой логики! Мы далеки уже отъ того блаженнаго времени, когда псевдо-классическое направленіе нашей литературы допускало въ изящныя созданія только людей высшаго круга и образованныхъ сословій и если иногда позволяло выводить, въ поэмѣ, драмѣ или эклогѣ, простолюдиновъ, то не иначе, какъ умытыхъ, причесанныхъ, разодѣтыхъ и говорящихъ не своимъ языкомъ. Да, мы далеки отъ этого псевдо-классического времени; но пора уже отдалиться намъ и отъ этого псевдо-романтического направленія, которое, обрадовавшись слову „народность“ и праву представлять въ поэмахъ и драмахъ не только честныхъ людей низшаго званія, но даже воровъ и плутовъ, вообразило, что истинная національность скрывается только подъ зипуномъ, въ курной избѣ, и что разбитый на кулачномъ бою носъ пьянаго лакея есть истинно шекспировская черта¹⁾,—а главное, что между людьми образованными нельзя искать и признаковъ чего-нибудь похожаго на народность. Пора, наконецъ, догадаться, что, напротивъ, русскій поэтъ можетъ себя показать истинно-национальнымъ поэтомъ, только изображая въ своихъ произведеніяхъ жизнь образованныхъ сословій: ибо, чтобъ найти національные элементы въ жизни, наполовину прикрывшейся прежде чуждыми ей формами,—для этого поэту нужно и имѣть большой талантъ и быть національнымъ въ душѣ. „Истинная національность (говоритъ Гоголь) состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа; поэтъ можетъ быть даже и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“. Разгадать тайну народной психеи,—для поэта значитъ умѣть равно быть вѣрнымъ дѣйствительности при изображеніи и низшихъ, и среднихъ, и высшихъ сословій. Кто умѣетъ схватывать рѣзкіе оттѣнки только грубой простонародной жизни, не умѣя схватывать болѣе тонкихъ и сложныхъ оттѣнковъ образованной жизни,—тотъ никогда не будетъ великимъ поэтомъ, и еще менѣе имѣетъ право на громкое титуло національнаго поэта. Великій національный поэтъ равно умѣетъ заставить говорить и барина и мужика ихъ языкомъ. И если произведеніе, котораго содержаніе взято изъ жизни образованныхъ сословій, не заслуживаетъ названія національнаго,—значитъ, оно

¹⁾ Подобная сцена находится въ романѣ Загоскина „Тоска по родинѣ“, на который и намекаетъ Бѣлинскій.

ничего не стоит и въ художественномъ отношеніи, потому что невѣрно духу изображаемой имъ дѣйствительности. Поэтому, не только такія произведенія, какъ *Горе отъ Ума* и *Мертвыя Души*, но и такія, какъ *Герой нашего времени*, суть столько же національныя, сколько превосходныя поэтическія созданія.

И первымъ такимъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ *Евгений Онегинъ* Пушкина. Въ этой рѣшимости молодого поэта представить нравственную физиономію наиболѣе оевропеившагося въ Россіи сословія нельзя не видѣть доказательства, что онъ былъ и глубоко сознавалъ себя національнымъ поэтомъ. Онъ понялъ, что время эпическихъ поэмъ давнымъ давно прошло, и что для изображенія современнаго общества, въ которомъ проза жизни такъ глубоко проникла самую поэзію жизни, нуженъ романъ, а не эпическая поэма. Онъ взялъ эту жизнь какъ она есть, не отвлекая отъ нея только однихъ поэтическихъ ея мгновений; взялъ ее со всѣмъ холодомъ, со всею ея прозою и пошлостію. И такая смѣлость была бы менѣе удивительною, если бы романъ затѣянъ былъ въ прозѣ; но писать подобный романъ въ стихахъ, въ такое время, когда на русскомъ языкѣ не было ни одного порядочнаго романа и въ прозѣ, — такая смѣлость, оправданная огромнымъ успѣхомъ, была несомнѣннымъ свидѣтельствомъ геніальности поэта. Правда, на русскомъ языкѣ было одно прекрасное (по своему времени) произведение, въ родѣ повѣсти въ стихахъ: мы говоримъ о *Модной Женѣ* Дмитріева; но между ею и *Онегинымъ* нѣтъ ничего общаго уже потому только, что *Модную Жену* такъ же легко счесть за вольный переводъ или передѣлку съ французскаго, какъ и за оригинально-русское произведение. Если изъ сочиненій Пушкина хоть одно можетъ имѣть что-нибудь общаго съ прекрасною и остроумною сказкою Дмитріева, такъ это, какъ мы уже и замѣтили въ послѣдней статьѣ, *Графъ Нулинъ*; но и тутъ сходство заключается совсѣмъ не въ поэтическомъ достоинствѣ обоихъ произведеній. Форма романовъ въ родѣ *Онегина* создана Байрономъ; по крайней мѣрѣ, манера разсказа, смѣсь прозы и поэзіи въ изображаемой дѣйствительности, отступленія, обращенія поэта къ самому себѣ и, особенно, это слишкомъ ощутительное присутствіе лица поэта въ созданномъ имъ произведеніи, — все это есть дѣло Байрона. Конечно, усвоить чужую новую форму для собственнаго содержанія совсѣмъ не то, что самому изобрѣсти ее, — тѣмъ не менѣе, при сравненіи *Онегина* Пушкина съ *Донъ-Жуаномъ*, *Чайльдъ-Гарольдомъ* и *Бенно* Байрона, нельзя найти ничего общаго, кромѣ формы

и манеры. Не только содержаніе, но и духъ поэмъ Байрона уничтожаетъ всякую возможность существеннаго сходства между ними и *Онегинымъ* Пушкина. Байронъ писалъ о Европѣ для Европы; этотъ субъективный духъ, столь могущій и глубокій, эта личность, столь колоссальная, гордая и непреклонная, стремилась не столько къ изображенію современнаго человѣчества, сколько къ суду надъ его прошедшею и настоящею исторіею. Повторяемъ: тутъ нечего искать и тѣни какого-либо сходства. Пушкинъ писалъ о Россіи для Россіи, — и мы видимъ признакъ его самобытнаго и геніальнаго таланта въ томъ, что, вѣрный своей натурѣ, совершенно противоположной натурѣ Байрона, и своему художническому инстинкту, онъ далекъ былъ отъ того, чтобы соблазниться создать что-нибудь въ Байроновскомъ родѣ, пиша русскій романъ. Сдѣлай онъ это — и толпа превознесла бы его выше звѣздъ; слава мгновенная, но великая, была бы наградою за его ложный *tour de force*. Но, повторяемъ, Пушкинъ, какъ поэтъ, былъ слишкомъ великъ для подобнаго шутовскаго подвига, столь обольстительнаго для обыкновенныхъ талантовъ. Онъ заботился не о томъ, чтобы походить на Байрона, а о томъ, чтобы быть самимъ собою и быть вѣрнымъ той дѣйствительности, до него еще непочатой и нетронутой, которая просилась подъ перо его. И зато его *Онегинъ* — въ высшей степени оригинальное и національно-русское произведение. вмѣстѣ съ современнымъ ему геніальнымъ твореніемъ Грибоѣдова — *Горе отъ Ума*¹⁾, стихотворный романъ Пушкина положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературы. До этихъ двухъ произведеній, какъ мы уже и замѣтили выше, русскіе поэты еще умѣли быть поэтами, воспѣвая чуждые русской дѣйствительности предметы, и почти не умѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни. Исключеніе остается только за Державинимъ, въ поэзіи котораго, какъ мы уже не разъ говорили, проблескиваютъ искорки элементовъ русской жизни; за Крыловымъ и, наконецъ, за Фонвизинимъ, который, впрочемъ, былъ въ своихъ комедіяхъ больше даровитымъ копистомъ русской дѣйствительности, нежели ея творческимъ воспроизводителемъ. Несмотря на всѣ недостатки,

¹⁾ *Горе отъ Ума* было написано Грибоѣдовымъ въ бытность его въ Тифлисѣ, до 1823 года, но написано *вечернъ*. По возвращеніи въ Россію, въ 1823 году, Грибоѣдовъ подвергнулъ свою комедію значительнымъ исправленіямъ. Въ первый разъ большой отрывокъ изъ нея былъ напечатанъ въ альманахѣ *Талія*, въ 1825 году. Первая глава *Онегина* появилась въ печати въ 1825 году, когда, вѣроятно, у Пушкина было уже готово нѣсколько главъ этой поэмы.
Прим. Бѣлинскаго.

довольно важныя, комедіи Грибоѣдова, она, какъ произведеніе сильнаго таланта, глубокаго и самостоятельнаго ума, была первою русскою комедіею, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ ложныхъ мотивовъ и неестественныхъ красокъ, но въ которой и цѣлое, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствія, и мнѣнія, и языкъ—все насквозь проникнуто глубокою истинною русскою дѣйствительности. Что же касается до стиховъ, которыми написано *Горе отъ Ума*, — въ этомъ отношеніи Грибоѣдовъ надолго убилъ всякую возможность русской комедіи въ стихахъ. Нуженъ геніальный талантъ, чтобъ продолжать съ успѣхомъ начатое Грибоѣдовымъ дѣло: мечъ Ахилла подъ силу только Аяксамъ и Одиссеямъ. То же можно сказать и въ отношеніи къ *Онегину*, хотя, впрочемъ, ему и обязаны своимъ появленіемъ нѣкоторыя, далеко неравныя ему, но все-таки замѣчательныя попытки,—тогда какъ *Горе отъ Ума* до сихъ поръ высится въ нашей литературѣ геркулесовскими столбами, за которые никому еще не удалось заглянуть. Примѣръ неслыханный: пьеса, которую вся грамотная Россія выучила наизусть еще въ рукописныхъ спискахъ, болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до появленія ея въ печати! Стихи Грибоѣдова обратились въ пословицы и поговорки; комедія его сдѣлалась неисчерпаемымъ источникомъ примѣненій на событія ежедневной жизни, неистощимымъ рудникомъ эпиграфовъ! И хотя никакъ нельзя доказать прямого вліянія со стороны языка и даже стиха басенъ Крылова на языкъ и стихъ комедіи Грибоѣдова, однако нельзя и совершенно отвергать его: такъ въ органически историческомъ развитіи литературы все сдѣпляется и связывается одно съ другимъ! Басни Хемницера и Дмитріева относятся къ баснямъ Крылова, какъ просто талантливыя произведенія относятся къ геніальнымъ произведеніямъ,—но тѣмъ не менѣе Крыловъ много обязанъ Хемницеру и Дмитріеву. Такъ и Грибоѣдовъ: онъ не учился у Крылова, не подражалъ ему: онъ только воспользовался его завоеваніемъ, чтобъ самому идти дальше своимъ собственнымъ путемъ. Не будь Крылова въ русской литературѣ—стихъ Грибоѣдова не былъ бы такъ свободно, такъ вольно, развязно оригиналенъ, словомъ, не шагнулъ бы такъ страшно далеко. Но не этимъ только ограничивается подвигъ Грибоѣдова: вмѣстѣ съ *Онегинымъ* Пушкина его *Горе отъ Ума* было первымъ образцомъ поэтического изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношеніи оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ *Онегина* былъ бы не-

возможенъ *Герой нашего времени*, такъ же, какъ безъ *Онегина* и *Горя отъ Ума* Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, исполненной такой глубины и истины. Ложная манера изображать русскую дѣйствительность, существовавшая до *Онегина* и *Горя отъ Ума*, еще и теперь не исчезла изъ русской литературы. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обречь себя на смотрѣніе или на чтеніе новыхъ драматическихъ пьесъ, даваемыхъ на русскомъ театрѣ обѣихъ столицъ. Это не что иное, какъ искаженная французская жизнь, самовольно назвавшаяся русскою жизнію; это—исковерканные французскіе характеры, прикрывшіеся русскими именами. На русскую повѣсть Гоголь имѣлъ сильное вліяніе, но комедіи его остались одинокими, какъ и *Горе отъ Ума*. Значить: изображать вѣрно свое родное, то, что у насъ передъ глазами, что насъ окружаетъ, чуть ли не труднѣе, чѣмъ изображать чужое. Причина этой трудности заключается въ томъ, что у насъ форму всегда принимаютъ за сущность, а модный костюмъ—за европеизмъ; другими словами: въ томъ, что *народность* смѣшиваютъ съ *простонародностью*, и думаютъ, что кто не принадлежитъ къ простонародію, то есть, кто пьетъ шампанское, а не пѣнникъ, и ходитъ во фракъ, а не смуромъ кафтанъ,—того должно изображать то какъ Француза, то какъ Испанца, то какъ Англичанина. Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ, имѣя способность болѣе или менѣе вѣрно списывать портреты, не имѣютъ способности видѣть въ настоящемъ ихъ свѣтъ тѣ лица, съ которыхъ они пишутъ портреты: мудрено ли, что въ ихъ портретахъ нѣтъ никакого сходства съ оригиналами, и что, читая ихъ романы, повѣсти и драмы, невольно спрашиваешь себя:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

А если и случалось имъ,

Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Таланты этого рода—плохіе мыслители; фантазія у нихъ развита на счетъ ума. Они не понимаютъ, что *тайна національности* cadaго народа заключается не въ его одеждѣ и кухнѣ, а въ его, такъ сказать, манерѣ понимать вещи. Чтобъ вѣрно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особность,—а этого нельзя иначе сдѣлать, какъ узнавъ фактически и оцѣнивъ философски ту сумму правилъ, которыми держится общество. У всякаго народа двѣ философіи: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая—ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обѣ эти философіи находятся болѣе или менѣе въ близкомъ соотношеніи другъ къ другу; и

кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться съ обѣими, но послѣднюю особенно необходимо изучить. Такъ точно, кто хочет узнать какой-нибудь народъ, тотъ прежде всего долженъ изучить его — въ его семейномъ, домашнемъ быту. Кажется, что бы за важность могли имѣть два такіа слова, какъ, на примѣръ, *авось* и *живетъ*, а между тѣмъ они очень важны и, не понимая ихъ важности, иногда нельзя понять иного романа, не только самому написать романъ. И вотъ глубокое знаніе этой-то обиходной философіи и сдѣлало *Онѣгина* и *Горе отъ Ума* произведеніями оригинальными и чисто русскими.

Содержаніе *Онѣгина* такъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, что нѣтъ никакой надобности излагать его подробно. Но чтобъ добратъ до лежащей въ его основаніи идеи, мы расскажемъ его въ этихъ немногихъ словахъ. Воспитанная въ деревенской глуши молодая, мечтательная дѣвушка влюбляется въ молодого петербургскаго — говоря нынѣшнимъ языкомъ — льва, который, наскучивъ свѣтскою жизнію, пріѣхалъ скучать въ свою деревню. Она рѣшается написать къ нему письмо, дышащее наивною страстію: онъ отвѣчаетъ ей на словахъ, что не можетъ ее любить, и что не считаетъ себя созданнымъ для „блаженства семейной жизни“. Потомъ, изъ пустой причины, Онѣгинъ вызванъ на дуэль женихомъ сестры нашей влюбленной героини, и убиваетъ его. Смерть Ленскаго надолго разлучаетъ Татьяну съ Онѣгинымъ. Разочарованная въ своихъ юныхъ мечтахъ, бѣдная дѣвушка склоняется на слезы и мольбы старой своей матери и выходитъ замужъ за *генерала*, потому что ей было все равно, за кого бы ни выйти, если уже нельзя было не выходить ни за кого. Онѣгинъ встрѣчаетъ Татьяну въ Петербургѣ и едва узнаетъ ее: такъ перемѣнилась она, такъ мало осталось въ ней сходства между простенькою деревенскою дѣвочкою и великолѣпною петербургскою дамою. Въ Онѣгинѣ вспыхиваетъ страсть къ Татьянѣ; онъ пишетъ къ ней письмо, и на этотъ разъ уже она отвѣчаетъ ему на словахъ, что хотя и любитъ его, тѣмъ не менѣе принадлежать ему не можетъ — по гордости добродѣтели. Вотъ и все содержаніе *Онѣгина*. Многіе находили и теперь еще находятъ, что тутъ нѣтъ никакого содержанія, потому что романъ ничѣмъ не кончается. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ ни смерти (ни отъ чахотки, ни отъ кинжала), ни свадьбы — этого привилегированнаго конца всѣхъ романовъ, повѣстей и драмъ, въ особенности русскихъ. Сверхъ того, сколько тутъ несообразностей! Пока Татьяна была дѣвушкою, Онѣгинъ отвѣчалъ холодностію на ея страстное при-

заніе; но когда она стала женщиною, — онъ до безумія влюбился въ нее, даже не будучи увѣренъ, что она его любитъ. Неестественно, вовсе неестественно! А какой безнравственный характеръ у этого человѣка: холодно читаетъ онъ мораль влюбленной въ него дѣвушкѣ, вмѣсто того, чтобъ взять да тотчасъ и влюбиться въ нее самому, и потомъ, испросивъ по формѣ у ея дражайшихъ родителей ихъ родительскаго благословенія навѣки нерушимаго, совокупиться съ нею узамъ законнаго брака и сдѣлаться счастливымъ въ мірѣ человѣкомъ. Потомъ: Онѣгинъ ни за что убиваетъ бѣднаго Ленскаго, этого юнаго поэта съ золотыми надеждами и радужными мечтами — и хоть бы разъ заплакалъ о немъ, или по крайней мѣрѣ проговорилъ патетическую рѣчь, гдѣ упоминалось бы объ окровавленной тѣни и проч. Такъ или почти такъ судили и судятъ еще и теперь объ *Онѣгинѣ* многіе изъ „почтеннѣйшихъ читателей“; по крайней мѣрѣ, намъ случалось слышать много такихъ сужденій, которыя во время оно бѣсили насъ, а теперь только забавляютъ. Одинъ великій критикъ даже печатно сказалъ, что въ *Онѣгинѣ* нѣтъ цѣлаго, что это — просто поэтическая болтовня о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Великій критикъ основывался въ своемъ заключеніи, во-первыхъ, на томъ, что въ концѣ поэмы нѣтъ ни свадьбы, ни похоронъ, и, во-вторыхъ, на этомъ свидѣтельствѣ самого поэта:

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ *смутномъ снѣ*
Являлся впервые мнѣ —
И далъ свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще не ясно различалъ ¹⁾.

Великій критикъ не догадался, что поэтъ, благодаря своему творческому инстинкту, могъ написать полное и оконченное сочиненіе, не обдумавъ предварительно его плана, и умѣлъ остановиться именно тамъ, гдѣ романъ самъ собою чудесно заканчивается и развязывается — на картинѣ потерявшагося, послѣ объясненія съ Татьяною, Онѣгина. Но мы объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, равно какъ и о томъ, что ничего не можетъ быть естественнѣе отношеній Онѣгина къ Татьянѣ въ продолженіе всего романа, и что

¹⁾ Этотъ „великій критикъ“ — Надеждинъ, который еще въ „Вѣстн. Европы“ 1830 года (№ 7) въ статьѣ о седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“ назвалъ весь этотъ романъ „забавной болтовней“. Двумя годами позднѣе тотъ же Надеждинъ въ своемъ журналѣ „Телескопъ“ (1832 г., № 9) повторилъ это свое сужденіе объ „Евг. Онѣгинѣ“ и выписалъ изъ него приводимые Бѣлинскимъ стихи, доказывая ими, что Пушкинъ писалъ свой романъ безъ цѣли и плана и что весь этотъ романъ состоитъ изъ „мыльныхъ пузырьковъ, пускаемыхъ затѣйливымъ воображеніемъ поэта“...

Онѣгинъ совсѣмъ не извертъ, не развратный человѣкъ, хотя въ то же время и совсѣмъ не герой добродѣтели. Къ числу великихъ заслугъ Пушкина принадлежитъ и то, что онъ вывелъ изъ моды и чудовищъ порока и героевъ добродѣтели, рисуя вмѣсто нихъ просто людей.

Мы начали статью съ того, что *Онѣгинъ* есть поэтически вѣрная дѣйствительности картина русскаго общества въ извѣстную эпоху. Картина эта явилась въ-время, т.-е., именно тогда, когда явилось то, съ чего можно было срисовать ее—общество. Вслѣдствіе реформы Петра Великаго, въ Россіи должно было образоваться общество, совершенно отдѣльное отъ массы народа по своему образу жизни. Но одно исключительное положеніе еще не производитъ общества: чтобъ оно сформировалось, нужны были особенныя основанія, которыя обезпечивали бы его существованіе, и нужно было образованіе, которое давало бы ему не одно внѣшнее, но и внутреннее единство. Екатерина II, *жалованной грамотой*, опредѣлила въ 1785 году права и обязанности дворянства. Это обстоятельство сообщило совершенно новый характеръ вельможеству—единственному сословію, которое при Екатеринѣ II достигло высшаго своего развитія и было просвѣщеннымъ, образованнымъ сословіемъ. Вслѣдствіе нравственнаго движенія, сообщеннаго грамотою 1785 года, за вельможествомъ началъ возникать классъ средняго дворянства. Подъ словомъ *возникать* мы разумѣемъ слово *образовываться*. Въ царствованіе Александра Благословеннаго значеніе этого, во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго, сословія все увеличивалось и увеличивалось, потому что образованіе все болѣе и болѣе проникало во всѣ углы огромной провинціи, усѣянной помѣщичьими владѣніями. Такимъ образомъ, формировалось общество, для котораго благородныя наслажденія бытія становились уже потребностію, какъ признакъ возникающей духовной жизни. Общество это удовлетворялось уже не одною охотою, роскошью и пирами, даже не одними танцами и картами: оно говорило и читало по-французски, музыка и рисованіе тоже входили у него, какъ необходимость, въ планъ воспитанія дѣтей. Державинъ, Фонвизинъ и Богдановичъ—эти поэты, въ свое время извѣстные только одному двору, тогда сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными и этому возникающему обществу. Но что всего важнѣе—у него явилась своя литература, уже болѣе легкая, живая, общественная и *свѣтская*, нежели тяжелая, школьная и книжная. Если Новиковъ распространялъ изданіемъ книгъ и журналовъ всякаго рода охоту къ чтенію и книжную торговлю,

и черезъ это создалъ массу читателей, то Карамзинъ своею реформою языка, направленіемъ, духомъ и формою своихъ сочиненій породилъ литературный вкусъ и создалъ публику. Тогда-то и поэзія вошла, какъ элементъ, въ жизнь новаго общества. Красавицы и молодые люди толпами бросились на *Лизинъ прудъ*, чтобъ слезою чувствительности почтить память горестной жертвы страсти и обольщенія. Стихотворенія Дмитріева, запечатлѣнные умомъ, вкусомъ, острою и граціею имѣли такой же успѣхъ и такое же вліяніе, какъ и проза Карамзина. Порожденныя ими сантиментальность и мечтательность, несмотря на ихъ смѣшную сторону, были великимъ шагомъ впередъ для молодого общества. Трагедіи Озерова придали еще болѣе силы и блеска этому направленію. Басни Крылова давно уже не только читались взрослыми, но и заучивались наизусть дѣтьми. Вскорѣ появился юноша поэтъ, который въ эту сантиментальную литературу внесъ романтическіе элементы глубокаго чувства, фантастической мечтательности и эксцентрическаго стремленія въ область чудеснаго и невѣдомаго, и который познакомилъ и породнилъ русскую музу съ музою Германіи и Англіи. Вліяніе литературы на общество было гораздо важнѣе, нежели какъ у насъ объ этомъ думаютъ: литература, сближая и сдružая людей разныхъ сословій узами вкуса и стремленіемъ къ благороднымъ наслажденіямъ жизни, *сословіе* превратило въ *общество*. Но, несмотря на то, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что классъ дворянства былъ и по преимуществу представителемъ общества, и по преимуществу непосредственнымъ источникомъ образованія всего общества. Увеличеніе средствъ къ народному образованію, учрежденіе университетовъ, гимназій, училищъ заставляло общество расти не по днямъ, а по часамъ. Время отъ 1812 до 1815 года было великою эпохою для Россіи. Мы разумѣемъ здѣсь не только внѣшнее величіе и блескъ, какими покрыла себя Россія въ эту великую для нея эпоху, но и внутреннее преуспѣяніе въ гражданственности и образованіи, бывшее результатомъ этой эпохи. Можно сказать безъ преувеличенія, что Россія больше прожила и дальше шагнула отъ 1812 года до настоящей минуты, нежели отъ царствованія Петра до 1812 года. Съ этой стороны 12-й годъ, потрясши всю Россію изъ конца въ конецъ, пробудилъ ея спящія силы и открылъ въ ней новыя, дотолѣ неизвѣстные источники силъ, чувствомъ общей опасности сплотилъ въ одну огромную массу коснѣвшія въ чувствѣ разъединенныхъ интересовъ частныя воли, возбудилъ народное сознаніе и на-

родную гордость, и всѣмъ этимъ способствовало зарожденію публичности, какъ началу общественнаго мнѣнія; кромѣ того, 12-й годъ нанесъ сильный ударъ коснѣющей старинѣ: вслѣдствіе его, исчезли неслужащіе дворяне, спокойно родившіеся и умиравшіе въ своихъ деревняхъ, не выѣзжая за заповѣдную черту ихъ владѣній; глушь и дичь быстро исчезали вмѣстѣ съ потрясенными остатками старины. Съ другой стороны, вся Россія, въ лицѣ своего побѣдоноснаго войска, лицомъ къ лицу увидѣлась съ Европою, пройдя по ней путемъ побѣдъ и торжествъ. Все это сильно способствовало возрастанію и укрѣпленію возникшаго общества. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, русская литература отъ подражательности устремилась къ самобытности: явился Пушкинъ. Онъ любилъ сословіе, въ которомъ почти исключительно выразился прогрессъ русскаго общества и къ которому принадлежалъ самъ,—и въ *Онѣгинѣ* онъ рѣшился представить намъ внутреннюю жизнь этого сословія, а вмѣстѣ съ нимъ и общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ избранную имъ эпоху, т.-е. въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. И здѣсь нельзя не подивиться быстротѣ, съ которою движется впередъ русское общество: мы смотримъ на *Онѣгина*, какъ на романъ времени, отъ котораго мы уже далеки. Идеалы, мотивы этого времени уже такъ чужды намъ, такъ внѣ идеаловъ и мотивовъ нашего времени... *Герой нашего времени* былъ новымъ *Онѣгинымъ*: едва прошло четыре года,—и Печоринъ уже не современный идеалъ. И вотъ въ какомъ смыслѣ сказали мы, что самые недостатки *Онѣгина* суть въ то же время и его величайшія достоинства: эти недостатки можно выразить однимъ словомъ—„старо“; но развѣ вина поэта, что въ Россіи все движется такъ быстро?—и развѣ это не великая заслуга со стороны поэта, что онъ такъ вѣрно умѣлъ схватить дѣйствительность извѣстнаго мгновенія изъ жизни общества? Еслибъ въ *Онѣгинѣ* ничто не казалось теперь устарѣвшимъ или отсталымъ отъ нашего времени,—это было бы явнымъ признакомъ, что въ этой поэмѣ нѣтъ истины, что въ ней изображено не дѣйствительно существовавшее, а воображаемое общество: въ такомъ случаѣ, что-жъ бы это была за поэма, и стоило ли бы говорить о ней?..

Мы уже коснулись содержанія *Онѣгина*: обратимся къ разбору характеровъ дѣйствующихъ лицъ этого романа. Несмотря на то, что романъ носитъ на себѣ имя своего героя,—въ романѣ не одинъ, а два героя: Онѣгинъ и Татьяна. Въ обоихъ ихъ должно видѣть представителей обоихъ по-

ловъ русскаго общества въ ту эпоху. Обратимся къ первому. Поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, выбравъ себѣ героя изъ высшаго круга общества. Онѣгинъ—отнюдь не вельможа (уже и потому, что временемъ вельможества былъ только вѣкъ Екатерины II); Онѣгинъ—свѣтскій человѣкъ. Мы знаемъ, наши литераторы не любятъ свѣта и свѣтскихъ людей, хотя и помѣшаны на страсти изображать ихъ. Что касается лично до насъ, мы совсѣмъ не свѣтскіе люди и въ свѣтѣ не бываемъ; но не питаемъ къ нему никакихъ мѣщанскихъ предубѣжденій. Когда высшій свѣтъ изображается такими писателями, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ,—мы любимъ литературное изображеніе большаго свѣта такъ же, какъ и изображеніе всякаго другого свѣта и не свѣта, съ талантомъ и знаніемъ выполненное. Только въ одномъ случаѣ не можемъ терпѣть большаго свѣта: именно, когда изображаютъ его сочинители, которымъ должны быть гораздо знакомѣе нравы кондитерскихъ и чиновничьихъ гостиныхъ, чѣмъ аристократическихъ салоновъ. Позвольте сдѣлать еще оговорку: мы отнюдь не смѣшиваемъ свѣтскости съ аристократизмомъ, хотя и чаще всего они встрѣчаются вмѣстѣ. Будьте вы человѣкомъ какого вамъ угодно происхожденія, держитесь какихъ вамъ угодно убѣжденій,—свѣтскость васъ не испортитъ, а только улучшитъ. Говорятъ: въ свѣтѣ жизнь тратится на мелочи, самыя святыя чувства приносятся въ жертву расчету и приличіямъ. Правда; но развѣ въ среднемъ кругу общества жизнь тратится только на одно великое, а чувство и разумъ не приносятся въ жертву расчету и приличію? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Вся разница средняго свѣта отъ высшаго состоитъ въ томъ, что въ первомъ больше мелочности, претензій, чванства, ломанія, мелкаго честолюбія, принужденности и лицемерства. Говорятъ: въ свѣтской жизни много дурныхъ сторонъ. Правда; а развѣ въ не-свѣтской жизни одинъ только хорошій стороны? Говорятъ: свѣтъ убиваетъ вдохновеніе, и Шекспиръ и Шиллеръ не были свѣтскими людьми. Правда, но они не были и ни купцами, ни мѣщанами—они были просто людьми, такъ же точно, какъ и Байронъ—аристократъ и свѣтскій человѣкъ, своимъ вдохновеніемъ болѣе всего обязанъ былъ тому, что онъ былъ человѣкъ. Вотъ почему мы не хотимъ подражать нѣкоторымъ нашимъ литераторамъ въ ихъ предубѣжденіяхъ противъ страшнаго для нихъ невидимки—большаго свѣта, и вотъ почему мы очень рады, что Пушкинъ героемъ своего романа взялъ свѣтскаго человѣка. И что же тутъ дурного?

Высшій кругъ общества былъ въ то время уже въ апогеѣ своего развитія; притомъ, свѣтскость не помѣшала же Онѣгину сойтись съ Ленскимъ—этимъ наиболѣе страннымъ и смѣшнымъ въ глазахъ свѣта существомъ. Правда, Онѣгину было дико въ обществѣ Лариныхъ; но образованность еще болѣе, нежели свѣтскость, была причиною этого. Не споримъ, общество Лариныхъ очень мило, особенно въ стихахъ Пушкина; но намъ, хоть мы и совѣмъ не свѣтскіе люди, было бы въ немъ не совѣмъ ловко, — тѣмъ болѣе, что мы рѣшительно неспособны поддержать благоразумнаго разговора о псарѣ, о винѣ, о сѣнокосѣ, о роднѣ. Высшій кругъ общества въ то время до того былъ отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ круговъ, что непринужденныя къ нему люди поневолѣ говорили о немъ, какъ до Колумба во всей Европѣ говорили объ антиподахъ и Атлантидѣ. Вслѣдствіе этого, Онѣгинъ съ первыхъ же строкъ романа былъ принятъ за безнравственнаго человѣка. Это мнѣніе о немъ и теперь еще не совѣмъ исчезло. Мы помнимъ, какъ горячо многіе читатели изъявляли свое негодованіе на то, что Онѣгинъ радуется болѣзни своего дяди и ужасается необходимости корчить изъ себя опечаленнаго родственника,—

Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя?

Многіе и теперь этимъ крайне недовольны. Изъ этого видно, какимъ важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ произведеніемъ былъ *Онѣгинъ* для русской публики, и какъ хорошо сдѣлалъ Пушкинъ, взявъ свѣтскаго человѣка въ герои своего романа. Къ особенностямъ людей свѣтскаго общества принадлежитъ отсутствіе лицемерства, въ одно и то же время грубаго и глупаго, добродушнаго и добросовѣстнаго. Если какой-нибудь бѣдный чиновникъ вдругъ видитъ себя наслѣдникомъ богатаго дяди-старика, готоваго умереть,—съ какими слезами, съ какою униженною предупредительностію будетъ онъ ухаживать за дядюшкою,—хотя этотъ дядюшка, можетъ быть, во всю жизнь свою не хотѣлъ ни знать, ни видѣть племянника, и между ними ничего не было общаго. Однакожъ, не думайте, чтобъ со стороны племянника это было расчетливымъ лицемерствомъ (расчетливое лицемерство есть порокъ всѣхъ круговъ общества, и свѣтскихъ, и не-свѣтскихъ): нѣтъ вслѣдствіе благодѣтельнаго сотрясенія всей нервной системы, произведеннаго видомъ близкаго наслѣдства, нашъ племянникъ не шутя пришелъ въ умиленіе и почувствовалъ пламенную любовь къ дядюшкѣ, хотя и не воля дяди, а законъ далъ ему право на наслѣд-

ство. Стало быть, это лицемерство добродушное, искреннее и добросовѣстное. Но вздумай его дядюшка вдругъ ни съ того, ни съ сего выздороветь: куда бы дѣвалась у нашего племянника родственная любовь, и какъ бы ложная горестъ вдругъ смѣнилась истинною горестію, и актеръ превратился бы въ человѣка! Обратимся къ *Онѣгину*. Его дядя былъ ему чуждъ во всѣхъ отношеніяхъ. И что можетъ быть общаго между Онѣгинымъ, который уже—

равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ,

и между почтеннымъ помѣщикомъ, который въ глуши своей деревни

Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился.
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ?

Скажутъ: онъ его благодѣтель. Какой же благодѣтель, если Онѣгинъ былъ законнымъ наслѣдникомъ его имѣнія? Тутъ благодѣтель—не дядя, а законъ, право наслѣдства. Каково же положеніе человѣка, который обязанъ играть роль огорченнаго, состраждущаго и нѣжнаго родственника при смертномъ одрѣ совершенно чуждаго и посторонняго ему человѣка? Скажутъ: кто обязывалъ его играть такую низкую роль? Какъ, кто? Чувство деликатности, человѣчности. Если, почему бы то ни было, вамъ нельзя не принимать къ себѣ человѣка, котораго знакомство для васъ и тяжело, и скучно, развѣ вы не обязаны быть съ нимъ вѣжливы и даже любезны, хотя внутренно вы и посылаете его къ чорту? Что въ словахъ Онѣгина проглядываетъ какая-то насмѣшливая легкость,—въ этомъ виденъ только умъ и естественность, потому что отсутствіе натянутой, тяжелой торжественности въ выраженіи обыкновенныхъ житейскихъ отношеній есть признакъ ума. У свѣтскихъ людей это даже не всегда умъ, а чаще всего—манера, и нельзя не согласиться, что это преумная манера. У людей среднихъ кружковъ, напротивъ, манера—отличаться избыткомъ разныхъ глубокихъ чувствъ при всякомъ сколько-нибудь, *по ихъ мнѣнію*, важномъ случаѣ. Всѣ знаютъ, что вотъ эта барыня жила съ своимъ мужемъ, какъ кошка съ собакою, и что она радехонька его смерти, и сама она очень хорошо понимаетъ, что всѣ это знаютъ, и что никого ей не обмануть; но отъ этого она еще громче охаетъ и ахаетъ, стонетъ и рыдаетъ, и тѣмъ безотвязнѣе мучитъ всѣхъ и cadaго описаніемъ добродѣтелей покойнаго, счастья, какимъ онъ дарилъ ее, и злополучія, въ какое повергъ ее своею кончиною. Мало того: эта барыня готова это же самое сто разъ повторять передъ господиномъ благонамѣренною наружностію,

котораго всѣ знаютъ за ея любовника. И что же?—какъ этотъ господинъ благонамѣренной наружности, такъ и всѣ родственники, друзья и знакомые горькой неутѣшной вдовы слушаютъ все это съ печальнымъ и огорченнымъ видомъ,—и если иные подъ рукою смѣются, зато другіе отъ души *сокрушаются*. И—повторяемъ—это не глупость и не расчетливое лицемерство: это просто—принципъ мѣщанской, простонародной морали. Никому изъ этихъ людей не приходится въ голову спросить себя и другихъ:

Да изъ чего же вы бѣнуетесь столько?

Мало того: они считаютъ за грѣхъ подобный вопросъ; а если бы рѣшились сдѣлать его, то сами надъ собою расхохотались бы. Имъ невдогадъ, что если тутъ есть о чемъ грустить, такъ это о пошлой комедіи добродушнаго лицемерства, которую всѣ такъ усердно и такъ искренно разыгрываютъ.

Чтобъ не возвращаться опять къ одному и тому же вопросу, сдѣлаемъ небольшое отступленіе. Въ доказательство, какимъ важнымъ явленіемъ не въ одномъ эстетическомъ отношеніи былъ для нашей публики *Онѣгинъ* Пушкина, и какими новыми, смѣлыми мыслями казались тогда въ немъ теперь самыя старыя и даже робкія полумысли—приведемъ изъ него этотъ куплетъ:

Гмъ! Гмъ! читатель благородный,
Здѣла-ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно *родные*?
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народъ,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ въ остальное время года
О насъ не думали они . . .
Итакъ, дай Богъ имъ долги дни!

Мы помнимъ, что этотъ невинный куплетъ со стороны большей части публики навлекъ упрекъ въ безправственности уже не на Онѣгина, а на самого поэта. Какая этому причина, если не то добродушное и добросовѣстное лицемерство, о которомъ мы сейчасъ говорили? Братья тягаются съ братьями объ имѣніи, и часто питаютъ другъ къ другу такую остервенѣлую ненависть, которая невозможна между чужими, а возможна только между родными. Право родства нерѣдко бываетъ ничѣмъ инымъ, какъ правомъ—бѣдному подличать передъ богатымъ изъ подачки, богатому—презирать докучнаго бѣдняка и отдѣлываться отъ него ничѣмъ; равно богатымъ—завидовать другъ другу въ успѣхахъ жизни; вообще же—право вмѣшиваться въ чужія дѣла, давать ненужные

и бесполезные совѣты. Гдѣ ни поступите вы, какъ человѣкъ съ характеромъ и съ чувствомъ своего человѣческаго достоинства,—вездѣ вы оскорбите принципъ родства. Вздумали вы жениться—просите совѣта; не попросите его—вы опасный мечтатель, вольнодумецъ; попросите—вамъ укажутъ невѣсту; женитесь на ней и будете несчастны—вамъ же скажутъ: „то-то же, братецъ, вотъ каково безъ оглядки-то предпринимать такія важныя дѣла; я вѣдь говорилъ“... Женитесь по своему выбору—еще хуже бѣда.—Какія еще права родства? Мало ли ихъ! Вотъ, на примѣръ, этого господина, такъ похожаго на Поздрева, будь онъ вамъ чужой, вы не пустили бы даже въ свою конюшню, опасаясь за правственность вашихъ лошадей; но онъ вамъ родственникъ—и вы принимаете его у себя въ гостиной и въ кабинетѣ, и онъ вездѣ позоритъ васъ именемъ своего родственника. Родство даетъ прекрасное средство къ занятію и развлеченію: случилась съ вами бѣда,—и вотъ для вашихъ родственниковъ чудесный случай сѣзжаться къ вамъ, ахать, охать, качать головою, судить, рядить, давать совѣты и наставленія, дѣлать упреки, а потомъ вездѣ развозить эту новость, порицая и браня васъ за глаза—вѣдь извѣстно: человѣкъ въ бѣдѣ всегда виновать, особенно въ глазахъ своихъ родственниковъ. Все это ни для кого не ново; но то бѣда, что всѣ это чувствуютъ, но немногіе это сознаютъ: привычка къ добродушному и добросовѣстному лицемерству побуждаетъ разсудокъ. Есть такіе люди, которые способны смертельно обидѣться, если огромная семья родни, пріѣхавъ въ столицу, остановится не у нихъ; а остановись она у нихъ,—они же будутъ не рады; но ропща, бранясь и всѣмъ жалуясь подъ рукою, они передъ родственною семейкою будутъ расточать любезности и возьмутъ съ нея слово—опять остановиться у нихъ и вытѣснить ихъ, во имя родства, изъ ихъ собственнаго дома. Что это значить? Совсѣмъ не то, чтобы родство у подобныхъ людей существовало, какъ *принципъ*, а только то, что оно существуетъ у нихъ, какъ *фактъ*: внутренно, по убѣжденію, никто изъ нихъ не признаетъ его, но по привычкѣ, по безсознательности и по лицемерству всѣ его признаютъ.

Пушкинъ охарактеризовалъ родство этого рода въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у многихъ, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ, слѣдовательно, справедливо и истинно,—и на него осердились, его называли безправственнымъ; стало быть, если бы онъ описалъ родство между нѣкоторыми людьми такимъ, какимъ оно не существуетъ, т.-е. невѣрно и ложно,—его похвалили бы. Все

это значить ни больше, ни меньше, какъ то, что нравственна одна ложь и неправда... Вотъ къ чему ведетъ добродушное и добросовѣстное лицемѣрство! Нѣтъ, Пушкинъ поступилъ нравственно, первый сказавъ истину, потому что нужна благородная смѣлость, чтобъ первому рѣшиться сказать истину. И сколько такихъ истинъ сказано въ *Онѣгинѣ*! Многія изъ нихъ и не новы и даже не очень глубоки; но если бы Пушкинъ не сказалъ ихъ *двадцать лѣтъ* назадъ, онѣ теперь были бы и новы и глубоки. И потому велика заслуга Пушкина, что онъ первый высказалъ эти устарѣвшія и уже неглубокія теперь истины. Онъ бы могъ наскзать истинъ болѣе безусловныхъ и болѣе глубокихъ, но въ такомъ случаѣ его произведеніе было бы лишено истинности: рисуя русскую жизнь, оно не было бы ея выраженіемъ. Геній никогда не упреждаетъ своего времени, но всегда только угадываетъ его не для всѣхъ видимое содержаніе и смыслъ.

Большая часть публики совершенно отрицала въ Онѣгинѣ душу и сердце, видѣла въ немъ человѣка холоднаго, сухого и эгоиста по натурѣ. Нельзя ошибочнѣе и кривѣе понять человѣка! Этого мало: многіе добродушно вѣрили и вѣрятъ, что самъ поэтъ хотѣлъ изобразить Онѣгина холоднымъ эгоистомъ. Это уже значить—имѣя глаза, ничего не видѣть. Свѣтская жизнь не убила въ Онѣгинѣ чувства, а только охолодила къ безплоднымъ страстямъ и мелочнымъ развлеченіямъ. Вспомните строфы, въ которыхъ поэтъ описываетъ свое знакомство съ Онѣгинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ,
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина я языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ съ желью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло

Ночное небо надъ Невойю,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Вспомни прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомни прежнюю любовь,
Чувствительны, безнечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрмы
Перевеселъ колодникъ сонной,
Такъ уносилась мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

Изъ этихъ стиховъ мы ясно видимъ по крайней мѣрѣ то, что Онѣгинъ не былъ ни холоденъ, ни сухъ, ни черствъ, что въ душѣ его жила поэзія, и что вообще онъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей. Невольная преданность мечтамъ, чувствительность и безпечность, при созерцаніи красотъ природы и при воспоминаніи о романахъ и любви прежнихъ лѣтъ: все это говоритъ больше о чувствѣ и поэзіи, нежели о холодности и сухости. Дѣло только въ томъ, что Онѣгинъ не любилъ расплываться въ мечтахъ, больше чувствовалъ, нежели говорилъ, и не всякому открывался. Озлобленный умъ есть тоже признакъ высшей натуры, потому что человѣкъ съ озлобленнымъ умомъ бываетъ недоволенъ не только людьми, но и самимъ собою. Дюжинные люди всегда довольны собою, а если имъ везетъ, то и всѣми. Жизнь не обманываетъ глупцовъ; напротивъ, она все даетъ имъ, благо не многого просятъ они отъ нея—корма, поила, тепла, да кой-какихъ игрушекъ, способныхъ тѣшить пошлое и мелкое самолюбіе. Разочарованіе въ жизни, въ людяхъ, въ самихъ себѣ (если только оно истинно и просто, безъ фразъ и щегольства *нарядною печалью*) свойственно только людямъ, которые, желая „многого“, не удовлетворяются „ничѣмъ“. Читатели помнятъ описаніе (въ VII главѣ) кабинета Онѣгина: весь Онѣгинъ въ этомъ описаніи. Особенно поразительно исключеніе изъ опалы двухъ или трехъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Скажутъ: это портретъ Онѣгина. Пожалуй, и такъ; но это еще болѣе говоритъ въ пользу нравственнаго превосходства Онѣгина, потому что онъ узналъ себя въ портретѣ, который, какъ двѣ капли воды, похожъ на столь многихъ, но въ которомъ узнаютъ себя столь немногіе, а большая часть „украдкою киваетъ на Петра“. Онѣгинъ не любовался самолюбиво этимъ портретомъ, но глухо страдалъ отъ его поразительнаго

сходства съ дѣтьми нынѣшняго вѣка. Не натура, не страсти, не заблужденія личныя сдѣлали Онѣгина похожимъ на этотъ портретъ, а вѣкъ.

Связь съ Ленскимъ—этимъ юнымъ мечтателемъ, который такъ понравился нашей публикѣ, всего громче говоритъ противъ мнимаго бездушія Онѣгина. Онѣгинъ презиралъ людей.

Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчуять чувство уважалъ.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденіяхъ зыбкій,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ,
Пускай покаместъ онъ живетъ
Да вѣрить міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.

Дѣло говоритъ само за себя: гордая холодность и сухость, надменное бездушіе Онѣгина, какъ человѣка, произошли отъ грубой неспособности многихъ читателей понять такъ вѣрно созданный поэтомъ характеръ. Но мы не остановимся на этомъ и исчерпаемъ весь вопросъ.

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада или небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ.
Что-жъ онъ?—Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ;
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
Ужъ не пародія ли онъ?

Все тотъ же-ль онъ, или усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской шегольнетъ пной?
Или просто будетъ добрый малый.
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ..
— Знакомъ онъ вамъ?—*«И да, и нѣтъ».*

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?

За то-ль, что мы неуговорно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
*Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, или смущитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;*
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
*И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?*

Блаженъ, кто смолodu былъ молодъ,
Блаженъ, кто въ-время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ или
хватъ,

А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился;
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Гладѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Эти стихи—ключъ къ тайнѣ характера Онѣгина. Онѣгинъ—не Мельмотъ, не Чайльдъ-Гарольдъ, не демонъ, не пародія, не модная причуда, не геній, не великій человѣкъ, а просто—„добрый малый, какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ“. Поэтъ справедливо называетъ „обветшалою модою вездѣ находить или вездѣ искать все геніевъ да необыкновенныхъ людей. Повторяемъ: Онѣгинъ—добрый малый, но, при этомъ, недюжинный человѣкъ. Онъ не годится въ геніи, не лѣзетъ въ великіе люди, но бездѣятельность и пошлость жизни душатъ его; онъ даже не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ, и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И зато-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его „безнравственнымъ“, но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному. Вспомните, какъ воспитанъ Онѣгинъ, и согласитесь, что натура его была слишкомъ хороша, если ея не убило совѣмъ такое воспитаніе. Блестящій юноша, онъ былъ увлеченъ свѣтомъ,

подобно многимъ; но скоро наскучилъ имъ и оставилъ его, какъ это дѣлаютъ слишкомъ немногіе. Въ душѣ его тлѣлась искра надежды—воскреснуть и освѣжиться въ тиши уединенія, на лонѣ природы; но онъ скоро увидѣлъ, что переменна мѣсть не измѣняетъ сущности нѣкоторыхъ неотразимыхъ и не отъ нашей воли зависящихъ обстоятельствъ.

Два дни ему казались новы
Уединенныя поля
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На гребѣй—рощи, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь иль вѣрная жена.

Мы доказали, что Онѣгинъ не холодный, не сухой, не бездушный человѣкъ, но мы до сихъ поръ избѣгали слова *эгоистъ*, — и такъ какъ избытокъ чувства, потребность изящнаго не исключаетъ эгоизма, то мы скажемъ теперь, что Онѣгинъ — *страдающій эгоистъ*. Эгоисты бываютъ двухъ родовъ. Эгоисты перваго разряда—люди безъ всякихъ заносчивыхъ или мечтательныхъ притязаній; они не понимаютъ, какъ можетъ человѣкъ любить кого-нибудь, кромѣ самого себя, и потому они нисколько не стараются скрывать своей пламенной любви къ собственнымъ ихъ особамъ; если ихъ дѣла идутъ плохо, они худошавы, блѣдны, злы, низки, подлы, предатели, клеветники; если ихъ дѣла идутъ хорошо, они толсты, жирны, румяны, веселы, добры, выгодами дѣлиться ни съ кѣмъ не станутъ, но угощать готовы не только полезныхъ, даже и вовсе бесполезныхъ имъ людей. Это эгоисты по натурѣ, или по причинѣ дурнаго воспитанія. Эгоисты втораго разряда почти никогда не бываютъ толсты и румяны; по большей части этотъ народъ больной и всегда скучающій. Бросаясь всюду, вездѣ ища то счастья, то разсѣянія, они нигдѣ не находятъ ни того, ни другого съ той минуты, какъ обольщенія юности оставляютъ ихъ. Эти люди часто доходятъ до страсти къ добрымъ дѣйствіямъ, до самоотверженія въ пользу ближнихъ; но бѣда въ томъ, что они и въ добрѣ хотятъ искать то счастья, то развлеченія, тогда какъ въ добрѣ слѣдовало бы имъ искать только добра. Если подобные люди живутъ въ обществѣ, представляющемъ полную возможность для каждаго изъ его членовъ стремиться своею дѣятельностію къ осуществленію идеала истины и блага,—о нихъ безъ запинки можно сказать, что суетность и мелкое самолюбіе, заглушивъ въ нихъ до-

брыне элементы, сдѣлали ихъ эгоистами. Но нашъ Онѣгинъ не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому разряду эгоистовъ. Его можно назвать *эгоистомъ поневоли*; въ его эгоизмѣ должно видѣть то, что древніе называли „*fatum*“. Благая, благотворная, полезная дѣятельность! Зачѣмъ не предался ей Онѣгинъ? Зачѣмъ не искалъ онъ въ ней своего удовлетворенія? Зачѣмъ? зачѣмъ?—Зачѣмъ, милостивые государи, что пустымъ людямъ легче спрашивать, нежели дѣльнымъ отвѣчать...

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ.
Мужикъ судьбу благословилъ.
Зато въ углу своемъ надумалъ,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ все рѣшилъ такъ;
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

Сначала все къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышитъ ихъ домашніи дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Все дружбу прекратили съ нимъ.
„Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасброишь,
„Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
„Стаканомъ красное вино;
„Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
„Все да да нѣтъ, не скажетъ да-съ
„Иль нѣтъ-съ“. Таковъ былъ общій гласъ.

Что-нибудь дѣлать можно только въ обществѣ, на основаніи общественныхъ потребностей, указываемыхъ самою дѣйствительностію, а не теоріею; но что бы сталъ дѣлать Онѣгинъ въ сообществѣ съ такими прекрасными сосѣдями, въ кругу такихъ милыхъ ближнихъ? Облегчить участь мужика, конечно, много значило для мужика, но со стороны Онѣгина тутъ еще немного было сдѣлано. Есть люди, которымъ если удастся что-нибудь сдѣлать порядочное, они съ самодовольствіемъ рассказываютъ объ этомъ всему міру, и такимъ образомъ бываютъ пріятно заняты на цѣлую жизнь. Онѣгинъ былъ не изъ такихъ людей: важное и великое для многихъ, для него было не Богъ знаетъ чѣмъ.

Случай свелъ Онѣгина съ Ленскимъ; черезъ Ленскаго Онѣгинъ познакомился съ семействомъ Лариныхъ. Возвращаясь отъ нихъ домой послѣ перваго визита, Онѣгинъ зѣваетъ; изъ его разговора съ Ленскимъ мы узнаемъ, что онъ Татьяну принялъ за невесту своего пріятеля и, узнавъ о своей

ошибкѣ, удивляется его выбору, говоря, что еслибъ онъ самъ былъ поэтомъ, то выбралъ бы Татьяну. Этому равнодушному, охлажденному человѣку стоило одного или двухъ невнимательныхъ взглядовъ, чтобъ понять разницу между обѣими сестрами, — тогда какъ пламенному, восторженному Ленскому и въ голову не входило, что его возлюбленная была совсѣмъ не идеальное и поэтическое созданіе, а просто хорошенькая и простенькая дѣвочка, которая совсѣмъ не стоила того, чтобъ за нее рисковать убить пріятеля, или самому быть убитымъ. Между тѣмъ какъ Онѣгинъ зѣвалъ — *по привычкѣ*, говоря его собственнымъ выраженіемъ, и нисколько не заботясь о семействѣ Лариныхъ, — въ этомъ семействѣ его пріѣздъ завязалъ страшную внутреннюю драму. Большинство публики было крайне удивлено, какъ Онѣгинъ, получивъ письмо Татьяны, могъ не влюбиться въ нее, — и еще болѣе, какъ тотъ же самый Онѣгинъ, который такъ холодно отвергалъ чистую, наивную любовь прекрасной дѣвушки, потомъ страстно влюбился въ великолѣпную свѣтскую даму? Въ самомъ дѣлѣ, есть чему удивляться. Не беремся рѣшить вопроса, но поговоримъ о немъ. Впрочемъ, признавая въ этомъ фактѣ возможность психологическаго вопроса, мы тѣмъ не менѣе нисколько не находимъ удивительнымъ самаго факта. Во-первыхъ, вопросъ, почему влюбился, или почему не влюбился, или почему въ то время не влюбился, — таковой вопросъ мы считаемъ немного слишкомъ диктаторскимъ. Сердце имѣетъ свои законы — правда, но не такіе, изъ которыхъ легко было бы составить полный систематическій кодексъ. Сродство натуръ, нравственная симпатія, сходство понятій могутъ и даже должны играть большую роль въ любви разумныхъ существъ; но кто въ любви отвергаетъ элементъ чисто непосредственный, влеченіе инстинктуальное, невольное, прихоть сердца, въ оправданіе нѣсколько тривіальной, но чрезвычайно выразительной русской пословицы: „полюбится сатана лучше яснаго сокола“, — кто отвергаетъ это, тотъ не понимаетъ любви. Еслибъ выборъ въ любви рѣшался только волею и разумомъ, тогда любовь не была бы чувствомъ и страстію. Присутствіе элемента непосредственности видно и въ самой разумной любви, потому что изъ нѣсколькихъ равно достойныхъ лицъ выбирается только одно, и выборъ этотъ основывается на невольномъ влеченіи сердца. Но бываетъ и такъ, что люди, кажется, созданные одинъ для другого, остаются равнодушны другъ къ другу, и каждый изъ нихъ обращаетъ свое чувство на существо нисколько себѣ не подъ-пару. Поэтому, Онѣгинъ имѣлъ полное право, безъ всякаго опасенія подпасть подъ уголовный

судъ критики, не полюбить Татьяны-дѣвушки и полюбить Татьяну-женщину. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ поступилъ равно ни нравственно, ни безнравственно. Этого вполне достаточно для его оправданія; но мы къ этому прибавимъ и еще кое-что. Онѣгинъ былъ такъ уменъ, тонокъ и опытенъ, такъ хорошо понималъ людей и ихъ сердце, что не могъ не понять изъ письма Татьяны, что эта бѣдная дѣвушка одарена страстнымъ сердцемъ, алчущимъ роковой пищи, что ея душа младенчески чиста, что ея страсть дѣтски простодушна, и что она нисколько не похожа на тѣхъ кокетокъ, которыя такъ надоѣли ему съ ихъ чувствами то легкими, то поддѣльными. Онъ былъ живо тронутъ письмомъ Татьяны:

Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роємъ возмущилъ.
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый;
И въ сладостный, безиръный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.

Въ письмѣ своемъ къ Татьянѣ (въ VIII главѣ) онъ говоритъ, что, замѣтя въ ней искру нѣжности, онъ не хотѣлъ ей повѣрить (т.-е. заставилъ себя не повѣрить), не далъ хода милой привычкѣ и не хотѣлъ разстаться съ своей постылой свободою. Но если онъ оцѣнилъ одну сторону любви Татьяны, въ то же самое время онъ такъ же ясно видѣлъ и другую ея сторону. Во-первыхъ, обольститься такою младенчески прекрасною любовью и увлечься ею до желанія отвѣчать на нее, значило бы для Онѣгина рѣшиться на женитьбу. Но если его могла еще интересовать поэзія страсти, то поэзія брака не только не интересовала его, но была для него противна. Поэтъ, выразившій въ Онѣгинѣ много своего собственнаго, такъ изъясняется на этотъ счетъ, говоря о Ленскомъ:

Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная череда
Ему не снились никогда,
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена.

Если не бракъ, то мечтательная любовь; если не хуже что-нибудь; но онъ такъ хорошо постигъ Татьяну, что даже и не подумалъ о послѣднемъ, не унижая себя въ собственныхъ своихъ глазахъ. Но въ обоихъ случаяхъ эта любовь немного представляла ему обольстительнаго. Какъ! онъ, перего-рѣвшій въ страстяхъ, извѣдавшій жизнь и людей, еще кипѣвшій какими-то самому ему неясными стремленіями, — онъ, котораго

могло занять и наполнить только что-нибудь такое, что могло бы выдержать его собственную иронию,—онъ увлекся бы младенческой любовью дѣвочки-мечтательницы, которая смотрѣла на жизнь такъ, какъ онъ уже не могъ смотрѣть... И что же сулила бы ему въ будущемъ эта любовь? Что бы нашелъ онъ потомъ въ Татьянѣ? Или прихотливое дитя, которое плакало бы оттого, что онъ не можетъ, подобно ей, дѣтски смотрѣть на жизнь и дѣтски играть въ любовь,—а это, согласитесь, очень скучно; или существо, которое, увлекшись его превосходствомъ, до того подчинилось бы ему, не понимая его, что не имѣло бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Последнее спокойнѣе, но зато еще скучнѣе. И это ли поэзія и блаженство любви!..

Разлученный съ Татьяною смертію Ленскаго, Онѣгинъ лишился всего, что хотя сколько-нибудь связывало его съ людьми.

Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати-шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ переменѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).

Между прочимъ, былъ онъ и на Кавказѣ и смотрѣлъ на блѣдный рой тѣней, толпившійся около цѣлебныхъ струй Машука:

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядѣлъ на дымныя струи
И мыслилъ грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій заѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждаты! тоска, тоска!..

Какая жизнь! Вотъ оно, то страданіе, о которомъ такъ много пишутъ и въ стихахъ и въ прозѣ, на которое столь многіе жалуются, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ знаютъ его; вотъ оно, страданіе истинное, безъ ко-турна, безъ ходуль, безъ драпировки, безъ фразъ, страданіе, которое часто не отнимаетъ ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое тѣмъ ужаснѣе!.. Спать ночью, зѣвать днемъ, видѣть, что все изъ чего-то хлопочутъ, чѣмъ-то заняты, одинъ деньгами, другой женитьбою, третій болѣзнію, четвертый нуждою и кровавымъ потомъ работы,—видѣть вокругъ себя и веселье и печаль, и смѣхъ и слезы, видѣть все это и чувство-

вать себя чуждымъ всему этому, подобно Вѣчному Жиду, который среди волнующейся вокругъ него жизни сознаетъ себя чуждымъ жизни и мечтаетъ о смерти, какъ о величайшемъ для него блаженствѣ; это страданіе, не всемъ понятное, но оттого не меньше страшное... Молодость, здоровье, богатство, соединенныя съ умомъ, сердцемъ: чего бы, кажется, больше для жизни и счастья? Такъ думаетъ тупая чернь и называетъ подобное страданіе модною причудою. И чѣмъ естественнѣе, проще страданіе Онѣгина, чѣмъ дальше оно отъ всякой эффектности, тѣмъ оно менѣе могло быть понято и оцѣнено большинствомъ публики. Въ двадцать шесть лѣтъ такъ много пережить, не вкусивъ жизни, такъ изнemoчь, устать, ничего не сдѣлавъ, дойти до такого безусловнаго отрицанія, не перейдя ни черезъ какія убѣжденія: это смерть! Но Онѣгину не суждено было умереть, не отвѣдавъ изъ чаши жизни: страсть сильная и глубокая не замедлила возбудить дремавшія въ тоскѣ силы его духа. Встрѣтивъ Татьяну на балѣ, въ Петербургѣ, Онѣгинъ едва могъ узнать ее: такъ перемѣнилась она!

Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней,
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut...

Никто-бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar.

Мужъ Татьяны такъ прекрасно и такъ полно съ головы до ногъ охарактеризованный поэтомъ этими двумя стихами:

... И всѣхъ выше
И носъ и плечи поднималъ
Вошедшій съ нею генералъ,—

мужъ Татьяны представлялъ ей Онѣгина, какъ своего родственника и друга. Многіе читатели, въ первый разъ читая эту главу, ожидали громозвучнаго *оха* и обморока со стороны Татьяны, которая, пришедъ въ себя, по ихъ мнѣнію, должна повиснуть на шеѣ у Онѣгина. Но какое разочарованіе для нихъ!

Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнилось:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Былъ такъ же тихъ ея поклонъ.

Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...

У ней и бровь не шевельнулась;
 Не сжала даже губъ она.
 Хоть онъ глѣдѣлъ, нельзя прилежнѣй,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онегинъ обрѣсти.
 Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
 И — и не могъ. Она спросила
 Давно-ль онъ здѣсь, откуда онъ
 И не изъ ихъ ли ужъ сторонѣ?
 Потомъ къ супругу обратила
 Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
 И недвижимъ остался онъ.

Ужель та самая Татьяна,
 Которой онъ наединѣ.
 Въ началѣ нашего романа
 Въ глухой, далекой сторонѣ,
 Въ благомъ пылу правоученья,
 Читалъ когда-то наставленья,
 Та, отъ которой онъ хранить
 Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
 Гдѣ все наружу, все на волѣ,
 Та дѣвочка... иль это сонъ?..
 Та дѣвочка, которой онъ
 Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
 Ужели съ нимъ сейчасъ была
 Таеъ равнодушна, таеъ смѣла?

Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ?
 Что шевельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнивой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности — любовь?

Какъ измѣнилася Татьяна!
 Какъ твердо въ роль свою вошла!
 Какъ утѣснительнаго сава
 Приемы скоро приняла!
 Кто-бъ смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
 Въ сей величавой, въ сей небрежной
 Законодательницѣ залъ?
 И онъ ей сердце волновалъ!
 Объ немъ она во мракѣ ночи,
 Пока Морфей не прилетитъ,
 Бывало, дѣвственно груститъ,
 Къ дувѣ подъемлетъ томны очи,
 Мечтая съ нимъ когда-нибудь
 Свершить смиренный жизни путь.

Любви всѣ возрасты покорны;
 Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благотворны,
 Какъ бури вѣшній полямъ.
 Въ дождѣ страстей оны свѣжѣютъ,
 И обновляются и зрѣютъ —
 И жизнь могущая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
 Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печалень страсти мертвый слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

Не принадлежа къ числу ультра-идеалистовъ, мы охотно допускаемъ въ самыя высокія страсти примѣсъ мелкихъ чувствъ, и потому думаемъ, что досада и суетность имѣли свою долю въ страсти Онегина. Но мы рѣшительно несогласны съ этимъ мнѣніемъ поэта, которое такъ торжественно было провозглашено имъ и которое нашло такой отзывъ въ толпѣ, благо пришлось ей по плечу:

О, люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Еву;
 Что вамъ дано, то не влечетъ;
 Васъ непрестанно змій зоветъ
 Къ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай,
 А безъ того вамъ рай не рай.

Мы лучше думаемъ о достоинствѣ человѣческой природы, и убѣждены, что человѣкъ рождается не на зло, а на добро, не на преступленіе, а на разумно-законное наслажденіе благами бытія; что его стремленія справедливы, инстинкты благородны. Зло скрывается не въ человѣкѣ, но въ обществѣ, — такъ какъ общества, понимаемая въ смыслѣ формы человѣческаго развитія, еще далеко не достигли своего идеала, то не удивительно, что въ нихъ только и видишь много преступленій. Этимъ же объясняется и то, почему считавшееся преступнымъ въ древнемъ мірѣ считается законнымъ въ новомъ, и наоборотъ; почему у каждаго народа и каждаго вѣка свои понятія о нравственности, законномъ и преступномъ. Человѣчество еще далеко не дошло до той степени совершенства, на которой всѣ люди, какъ существа однородныя и единымъ разумомъ одаренныя, согласятся между собою въ понятіяхъ объ истинномъ и ложномъ, справедливомъ и несправедливомъ, законномъ и преступномъ, такъ же точно, какъ они уже согласились, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца обращается, и во множествѣ математическихъ аксіомъ. До тѣхъ же поръ преступленіе будетъ только по наружности преступленіемъ, а внутренно, существенно — непризнаніемъ справедливости и разумности того или другого закона. Было время, когда родители видѣли въ своихъ дѣтяхъ своихъ рабовъ и считали себя въ правѣ насиловать ихъ чувства и склонности самыя священныя. Теперь: если дѣвушка, чувствуя отвращеніе къ господину благонамѣренной наружности, за котораго ее хотятъ насильно выдать, и любя страстно человѣка, съ ксторымъ ее насильно разлучаютъ, послѣдуетъ влеченію своего сердца и будетъ любить того, кого она избрала, а не того, въ чей карманъ или въ чей чинъ влюблены ея дражайшіе родители: неужели она преступница? Ничто такъ не подчинено строгости внѣшнихъ условій, какъ сердце, и ничто такъ не требуетъ безусловной воли, какъ сердце же. Даже самое блаженство любви, — что оно такое, если оно согласовано съ внѣшними условіями? пѣсня соловья или жаворонка въ золотой клѣткѣ. Что такое блаженство любви, признающей только власть и прихоть сердца? — торжественная пѣсня соловья, на закатѣ солнца, въ таинственной сѣни склонившихся надъ рѣкою ивъ; вольная пѣсня жаворонка, который, въ безумномъ упоеніи чувствомъ бытія, то мчитъ

вверхъ стрѣлою, то падаетъ съ неба, то, трепеща крыльями, не двигаясь съ мѣста, какъ будто купается и тонетъ въ глубокомъ зѣвѣ... Птица любить волю; страсть есть поэзія и цвѣтъ жизни, но что же въ страстихъ, если у сердца не будетъ воли?

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ горитъ страстію; въ немъ уже нѣтъ ироніи, нѣтъ свѣтской умѣренности, свѣтской маски. Онѣгинъ знаетъ, что онъ, можетъ быть, подаетъ поводъ къ злобному веселью; но страсть задушила въ немъ страхъ быть смѣшнымъ, подать на себя оружіе врагу. И было съ чего сойти съ ума! По наружности Татьяны можно было подумать, что она помирилась съ жизнію ни на чемъ, отъ души поклонилась идолу суеты — и въ такомъ случаѣ, конечно, роль Онѣгина была бы очень смѣшна и жалка. Но въ свѣтѣ наружность никого и ни въ чемъ не убѣждаетъ: тамъ всѣ слишкомъ хорошо владѣютъ искусствомъ быть веселыми съ достоинствомъ въ то время, какъ сердце разрывается отъ судорогъ: Онѣгинъ могъ не безъ основанія предполагать и то, что Татьяна внутренно осталась самой собою, и свѣтъ научилъ ее только искусству владѣть собою и серьезнѣе смотрѣть на жизнь. Благодатная натура не гибнетъ отъ свѣта, вопреки мнѣнію мѣщанскихъ философовъ; для гибели души и сердца и малый свѣтъ представляетъ точно столько же средствъ, сколько и большой. Вся разница въ формахъ, а не въ сущности. И теперь, въ какомъ же свѣтѣ должна была казаться Онѣгину Татьяна, — уже не мечтательная дѣвушка, повѣрявшая лунѣ и звѣздамъ свои задушевные мысли и разгадывавшая сны по книгѣ Мартына Задеки, но женщина, которая знаетъ цѣну всему, что дано ей, которая много потребуетъ, но много и дастъ. Ореолъ свѣтскости не могъ не возвысить ее въ глазахъ Онѣгина: въ свѣтѣ, какъ и вездѣ, люди бываютъ двухъ родовъ — одни привязываются къ формамъ и въ ихъ исполненіи видятъ назначеніе жизни, это — чернь; другіе отъ свѣта заимствуютъ знаніе людей и жизни, тактъ дѣйствительности и способность вполне владѣть всѣмъ, что дано имъ природою. Татьяна принадлежала къ числу послѣднихъ, и значеніе свѣтской дамы только возвышало ея значеніе, какъ женщины. Притомъ же, въ глазахъ Онѣгина любовь безъ борьбы не имѣла никакой прелести, а Татьяна не обѣщала ему легкой побѣды. И онъ бросился въ эту борьбу безъ надежды на побѣду, безъ разсчета, со всѣмъ безумствомъ искренней страсти, которая такъ и дышитъ въ каждомъ словѣ его письма:

Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движеніе глазъ

Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... Вотъ блаженство!

Когда-бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ у милыхъ ногъ,
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы могъ;
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ спокойнымъ взглядомъ!..

Но эта пламенная страсть не произвела на Татьяну никакого впечатлѣнія. Послѣ нѣсколькихъ посланій, встрѣтившись съ нею, Онѣгинъ не замѣтилъ ни смятенія, ни страданія, ни пятенъ слезъ на лицѣ — на немъ отражался лишь слѣдъ гнѣва... Онѣгинъ на цѣлую зиму заперся дома и принялся читать:

И что-жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко,
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной темной старины.
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на почлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: Что-жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она... и все она!..

Мы не будемъ распространяться теперь о сценѣ свиданія и объясненія Онѣгина съ Татьяною, потому что главная роль въ этой сценѣ принадлежитъ Татьянѣ, о которой намъ еще предстоитъ много говорить. Романъ оканчивается отповѣдью Татьяны, и читатель навсегда разстается съ Онѣгинымъ въ самую злую минуту его жизни... Что же это такое? Гдѣ же романъ? Какая его мысль? И что за романъ безъ конца? — Мы думаемъ, что есть романы, которыхъ мысль въ томъ и заключается, что въ нихъ нѣтъ конца, потому что въ самой дѣйствительности бы-

вають событія безъ развязки, существованія безъ цѣли, существа неопредѣленныя, никому непонятныя, даже самимъ себѣ, словомъ, то, что по-французски называется *les êtres manqués, les existences avortées*. И эти существа часто бываютъ одарены большими нравственными преимуществами, большими духовными силами; обѣщаютъ много, исполняютъ мало, или ничего не исполняютъ. Это зависитъ не отъ нихъ самихъ; тутъ есть *fatum*, заключающійся въ дѣйствительности, которою окружены они, какъ воздухомъ, и изъ которой не въ силахъ и не во власти человѣка освободиться. Другой поэтъ представилъ намъ другого Онѣгина подъ именемъ Печорина: Пушкинскій Онѣгинъ съ какимъ-то самоотверженіемъ отдался зѣвотѣ; Лермонтовскій Печоринъ бьется на смерть съ жизнію и насильно хочетъ у нея вырвать свою долю; въ дорогахъ—разница, а результатъ одинъ: оба романа такъ же безъ конца, какъ и жизнь и дѣятельность обоихъ поэтовъ...

Что случилось съ Онѣгинымъ потомъ? Воскресила ли его страсть для новаго, болѣе сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ страданія? Или убила она всѣ силы души его, и безотрадная тоска его обратилась въ мертвую, холодную апатію?—Не знаемъ, да и на что намъ знать это, когда мы знаемъ, что силы этой богатой натуры остались безъ приложенія, жизнь безъ смысла, а романъ безъ конца? Довольно и этого знать, чтобъ не захотѣть больше ничего знать...

Онѣгинъ—характеръ дѣйствительный, въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ ничего мечтательнаго, фантастическаго, что онъ могъ быть счастливъ или несчастливъ только въ дѣйствительности и черезъ дѣйствительность. Въ Ленскомъ Пушкинъ изобразилъ характеръ, совершенно противоположный характеру Онѣгина, характеръ совершенно отвлеченный, совершенно чуждый дѣйствительности. Тогда это было совершенно новое явленіе, и люди такого рода тогда дѣйствительно начали появляться въ русскомъ обществѣ.

Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И будри черныя до плечъ.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайны и вѣдоховъ пѣжныхъ,
Онъ пѣлъ *разлуку* и печаль,

И *ничто* и *туману* даль,
И *романтическій розъ*;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ доѣ тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ *поблѣкшій жизни цвѣтъ*
Безъ малаго въ *осмнадцатъ лѣтъ*.

Ленскій былъ романтикъ и по натурѣ и по духу времени. Нѣтъ нужды говорить, что это было существо, доступное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная. Но въ то же время „онъ сердцемъ милый былъ невѣжда“, вѣчно толкуи о жизни, никогда не зналъ ея. Дѣйствительность на него не имѣла вліянія: его радости и печали были созданіемъ его фантазіи. Онъ полюбилъ Ольгу—и что ему была за нужда, что она не понимала его, что, вышедши замужъ, она сдѣлалась бы вторымъ исправленнымъ изданіемъ своей маменьки, что ей все равно было выйти—и за поэта, товарища ея дѣтскихъ игръ, и за довольнаго собою и своею лошадыю улана?—Ленскій украсилъ ее достоинствами и совершенствами, приписалъ ей чувства и мысли, которыхъ въ ней не было и о которыхъ она и не заботилась. Существо доброе, милое, веселое—Ольга была очаровательна, какъ и всѣ „барышни“, пока онѣ еще не сдѣлались „барынями“; а Ленскій видѣлъ въ ней фею, сильфиду, романтическую мечту, нимало не подозрѣвая будущей барыни. Онъ написалъ „надгробный мадригалъ“ старику Ларину, въ которомъ, вѣрный себѣ, безъ всякой ироніи, умѣлъ найти поэтическую сторону. Въ простомъ желаніи Онѣгина подшутить надъ нимъ, онъ увидѣлъ и измѣну, и обольщеніе, и кровавую обиду. Результатомъ всего этого была его смерть, заранѣе воспѣтая имъ въ туманно-романтическихъ стихахъ. Мы нисколько не оправдываемъ Онѣгина, который, какъ говорить поэтъ,

Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ,—

но тиранія и деспотизмъ свѣтскихъ и житейскихъ предразсудковъ таковы, что требуютъ для борьбы съ собою героевъ. Подробности дуэли Онѣгина съ Ленскимъ—верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи. Поэтъ любилъ этотъ идеалъ, осуществленный имъ въ Ленскомъ, и въ прекрасныхъ строфахъ оплакалъ его паденіе:

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Уви! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?

Гдѣ бурныя любви желанья,
 И жажда знаній и труда,
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣтныя мечтанья,
 Вы, призракъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзии святой!

Быть можетъ, онъ для блага міра
 Иль хоть для славы былъ рожденъ;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднимъ могла. Поэта,
 Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта,
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,
 Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую таинну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,
 И за могильною чертою
 Къ ней не домыслится гимнъ времени,
 Благословенія племенъ.

А можетъ быть и то: поэта
 Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
 Прошли бы юности лѣта:
 Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,
 Во многомъ онъ бы измѣнился.
 Разстался-бъ съ музами, женился;
 Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
 Носилъ бы стеганный халатъ;
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
 И наконецъ въ своей постелѣ
 Скончался-бъ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Мы убѣждены, что съ Ленскимъ сбылось бы непременно послѣднее. Въ немъ было много хорошаго, но лучше всего то, что онъ былъ молодъ и въ-время для своей репутаціи умеръ. Это не была одна изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ жить—значить

развиваться и идти впередъ. Это—повтореніе—былъ *романтикъ*, и больше ничего. Останься онъ живъ, Пушкину нечего было бы съ нимъ дѣлать, кромѣ какъ распространить на цѣлую главу то, что онъ такъ полно высказалъ въ одной строфѣ. Люди, подобные Ленскому, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, не хороши тѣмъ, что они или перерождаются въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохранять навсегда свой первоначальный типъ, дѣлаются этими устарѣлыми мистиками и мечтателями, которые такъ же непріятны, какъ и старыя идеальныя дѣвы, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели люди просто, безъ претензій, пошлые. Вѣчно копаясь въ самихъ себѣ и становя себя центромъ міра, они спокойно смотрятъ на все, что дѣлается въ мірѣ, и твердятъ о томъ, что счастье внутри насъ, что должно стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній и не думать о суетахъ этой земли, гдѣ есть и голодъ, и нужда, и.... Ленскіе не перевелись и теперь; они только переродились. Въ нихъ уже не осталось ничего, что такъ обаятельно прекрасно было въ Ленскомъ; въ нихъ нѣтъ дѣвственной чистоты его сердца, въ нихъ только претензіи на великость и страсть марать бумагу. Всѣ они поэты, и стихотворный балластъ въ журналахъ доставляется одними ими. Словомъ, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди.

Татьяна... но мы поговоримъ о ней въ слѣдующей статьѣ.

1844 г.

Статья девятая.

«Евгеній Онѣгинъ».

[Татьяна].

Великъ подвигъ Пушкина, что онъ первый, въ своемъ романѣ, поэтически воспроизвелъ русское общество того времени, и въ лицѣ Онѣгина и Ленскаго показалъ его главную, т.-е. мужскую сторону; но едва ли не выше подвигъ нашего поэта въ томъ, что онъ первый поэтически воспроизвелъ, въ лицѣ Татьяны, русскую женщину. Мужчина во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества играетъ первую роль; но мы не скажемъ, чтобъ женщина играла у насъ вторую и низшую роль, потому что она ровно никакой роли не играетъ. Исключеніе остается только за высшимъ кругомъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени.

Давно бы пора намъ сознаться, что, не смотря на нашу страсть во всемъ копировать европейскіе обычаи, несмотря на наши балы съ танцами, несмотря на отчаяніе славянолюбовъ, что мы совсѣмъ переродились въ *итальцевъ*,—несмотря на все это, пора намъ наконецъ признаться, что еще и до сихъ поръ мы—плохіе рыцари, что наше вниманіе къ женщинѣ, наша готовность жить и умереть для нея, до сихъ поръ какъ-то театральны и отзываются модною свѣтскою фразою, и притомъ еще не собственнаго нашего изобрѣтенія, а заимствованною. Чего добраго! теперь и *поштенное* купечество съ бородою, отъ которой пона-

хиваетъ *маненько* капустою и лучкомъ, даже и оно, идя по улицѣ съ *хозяйкою*, ведетъ ее подъ руку, а не толкаетъ въ спину колюномъ, указывая дорогу и заказывая зѣвать по сторонамъ; но дома... Однако, зачѣмъ говорить, что бываетъ дома? зачѣмъ выносить соръ изъ избы?.. Набравшись готовыхъ чужихъ фразъ, кричимъ мы и въ стихахъ, и въ прозѣ; „женщина—царица общества; ея очаровательнымъ присутствіемъ украшается общество“ и т. п. Но посмотрите на наши общества (за исключеніемъ высшаго свѣтскаго): вездѣ мужчины—сами по себѣ, женщины—сами по себѣ. И самый отчаянный любезникъ, сидя съ женщинами, какъ будто жертвуетъ собою изъ вѣжливости; потомъ встаетъ и съ утомленнымъ видомъ, словно послѣ тяжелой работы, идетъ въ комнату мужчинъ, какъ бы для того, чтобъ свободно вздохнуть и освѣжиться. Въ Европѣ женщина дѣйствительно царица общества: веселье и гордость мужчины, съ которымъ она больше говоритъ, чѣмъ съ другими. У насъ наоборотъ: у насъ женщина ждетъ, какъ милости, чтобъ мужчина заговорилъ съ нею; она счастлива и горда его вниманіемъ. И какъ же быть иначе, если то, что называется тономъ и любезностію, у насъ замѣнено жеманствомъ, если у насъ всѣ любятъ поэзію только въ книгахъ, а въ жизни боятся ея пуще чумы и холеры. Какъ вы подадите руку дѣвушкѣ, если она не смѣетъ опереться на нее, не испросивъ позволенія у своей маменьки? Какъ вы рѣшитесь говорить съ нею много и часто, если знаете, что за это сочтутъ васъ влюбленнымъ въ нее, или даже и огласятъ ея женихомъ? Это значило бы окомпрометировать ее и самому попасть въ бѣду. Если васъ сочтутъ влюбленнымъ въ нее, вамъ некуда будетъ дѣваться отъ лукавыхъ и остроумныхъ намековъ и насмѣшекъ друзей вашихъ, отъ наивныхъ и добродушныхъ разспросовъ совершенно постороннихъ вамъ людей. Но еще хуже вамъ, когда заключать, что вы хотите жениться на ней: если ея родители не будутъ видѣть въ васъ выгодной партіи для своей дочери, они откажутъ вамъ отъ дома и строго запретятъ дочери быть любезной съ вами въ другихъ домахъ; если они увидятъ въ васъ выгодную партію, новая бѣда, страшнѣе прежней: раскинуть сѣти, ловушки, и вы, пожалуй, увидите себя сочетавшимся законнымъ бракомъ прежде, нежели успѣете опомниться и спросить себя: да какъ же и когда же случилось все это? Если же вы человѣкъ съ характеромъ и не поддадитесь, то наживете „исторію, которую долго будете помнить. Отчего все это происходитъ?—Оттого, что у насъ не понимаютъ и не хотятъ понимать, что такое

женщина, не чувствуютъ въ ней никакой потребности, не желаютъ и не ищутъ ея, словомъ, оттого, что у насъ нѣтъ женщины. У насъ „прекрасный полъ“ существуетъ только въ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ и элегіяхъ; но въ дѣйствительности, онъ раздѣляется на четыре разряда: на дѣвочекъ, на невѣстъ, на замужнихъ женщинъ и, наконецъ, на старыхъ дѣвъ и старыхъ бабъ. Первыми, какъ дѣтьми, никто не интересуется; послѣднихъ всѣ боятся и ненавидятъ (и часто подѣломъ); слѣдовательно, нашъ прекрасный полъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: изъ дѣвицъ, которыя должны выйти замужъ, и изъ женщинъ, которыя уже замужемъ. Русская дѣвушка—не женщина въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не человѣкъ: она не что другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называется своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ, и часто общается выйти замужъ за своего *папашу*, или за своего *братца*; еще въ колыбели ей говорили и мать и отецъ, и сестры и братья, и мамки и няньки, и весь окружающій ее людъ, что она—невѣста, что у ней должны быть женихи. Едва исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и мать, упрекая ее въ лѣности, въ неумѣнности держаться и тому подобныхъ недостаткахъ, говоритъ ей „не стыдно ли вамъ, сударыня: вѣдь вы уже *невѣста*!“ Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя какъ на женственное существо, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только *невѣсту*? Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной *idée fixe*: на замужествѣ,—что выйти замужъ ея единственное, страстное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и что на всякаго неженатаго мужчину она смотритъ опять не какъ на человѣка, а только какъ на жениха? И виновата ли она въ этомъ?—Съ восемнадцати лѣтъ она начинаетъ уже чувствовать, что она—не дочь своихъ родителей, не любимое дитя ихъ сердца, не радость и счастье своей семьи, не украшеніе своего родного крова, а тягостное бремя, готовый залежаться товаръ, лишняя мебель, которая, того и гляди, спадетъ съ цѣны и не сойдетъ съ рукъ. Что же остается ей дѣлать, если не сосредоточить всѣхъ своихъ способностей на искусствѣ ловить жениховъ? И тѣмъ болѣе, что только въ одномъ этомъ отношеніи развиваются ея способности, благодаря урокамъ „дражайшихъ родителей“, милыхъ тетусекъ, кузинъ и т. д. За что больше

всего упрекаетъ и бранитъ свою дочь попечительная маменька?—За то, что она не умѣетъ ловко держаться, строить глазки и гримаски хорошимъ женихамъ, или за то, что расточаетъ свою любезность передъ людьми, которые не могутъ быть для нея выгодною партіею. Чему она больше всего учить ее?—кокетничать по расчету, притворяться ангеломъ, прятать подъ мягкою, лоснящейся шерсткой кошачьей лапки кошачьи когти. И какова бы ни была по своей натурѣ бѣдная дочь,—она невольно входитъ въ роль, которую дала ей жизнь и въ таинство которой ее такъ прилежно, такъ основательно посвящаютъ. Дома ходитъ она не-ряхою, съ непричесанною головою, въ запачканномъ, узенькомъ и короткомъ платишкѣ линючаго ситца, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ грязныхъ, спустившихся чулкахъ: въ деревнѣ вѣдь кто же насъ увидитъ, кромѣ дворни,—а для нея стоитъ ли рядиться? Но лишь вдоль дороги завидѣлся экипажъ, обѣщающій неожиданныхъ гостей,—наша невеста подымаетъ руки и долго держитъ ихъ надъ головою, крича впопыхахъ: *гости идутъ, гости идутъ!* Отъ этого руки изъ красныхъ дѣлаются бѣлыми: *затѣя сельской остроты!* Затѣмъ, весь домъ въ смятеніи: маменька и дочь умываются, причесываются, обуваются и на грязное бѣлье надѣваютъ шерстяныя или шелковыя платья, пяти лѣтъ назадъ тому спитыя. О чистотѣ бѣлья заботиться смѣшно: вѣдь бѣлье подъ платьемъ, и его никто не видитъ, а рядиться—извѣстное дѣло—надо для другихъ, а не для себя. Но вотъ, рано или поздно, наконецъ тайныя стремленія и жаркіе обѣты готовы свершиться: кандидатъ-невеста—уже дѣйствительная невеста и рядится только для жениха. Она давно его знала, но влюбилась въ него только съ той минуты, какъ поняла, что онъ имѣетъ на нее виды. И ей кажется, что она дѣйствительно влюблена въ него. Болѣзненное стремленіе къ замужеству и радость достиженія способны въ одну минуту возбудить любовь въ сердцѣ, которое такъ давно уже раздражено тайными и явными мечтами о бракѣ. Притомъ же, когда дѣло къ спѣху и торопятъ, то поневолѣ влюбитеcь сразу, не имѣя времени спросить себя, точно ли вы любите, или вамъ только кажется, что любите... Но „дражайшіе родители“ учили свою дочь только искусству во что бы ни стало выйти замужъ; подготовить же ее къ состоянію замужества, объяснить ей обязанность жены, матери, сдѣлать ее способною къ выполнению этой обязанности,—они не подумали. И хорошо сдѣлали: нѣтъ ничего бесполезнѣе и даже вреднѣе, какъ наставленія, хотя бы и самыя лучшія, если они не подкрѣпляются

примѣрами, не оправдываются, въ глазахъ ученика, всею совокупностію окружающей его дѣйствительности. Я вамъ примѣръ, сударыня!“—безпрестанно повторяетъ диктаторскимъ тономъ мать своей дочери. И дочь преспокойно копируетъ свою мать, готовя въ своей особѣ свѣту и будущему мужу второй экземпляръ своей маменьки. Если ея мужъ—человѣкъ богатый, онъ будетъ доволенъ своею женою, домъ у нихъ какъ полная чаша, всего много, хотя все безвкусно, нелѣпо, грязно, пыльно, въ безпорядкѣ, вычищается только передъ большими праздниками (и тогда въ домѣ подымается возня, дѣлается вавилонское столпотвореніе въ лицахъ); дворня огромная, слугъ бездна, а не у кого допроситься стакана воды, некому подать вамъ чашку чаю... А недавняя невеста, теперь молодая дама?—О, она живетъ въ „полномъ удовольствіи!“, она наконецъ достигла цѣли своей жизни,—она уже не сирота, не приемышъ, не лишнее бремя въ родительскомъ домѣ; она хозяйка у себя дома, сама себѣ госпожа, пользуется полною свободою, ѣздитъ куда и когда хочетъ, принимаетъ у себя кого ей угодно; ей уже не нужно болѣе притворяться то невинною овечкою, то кроткимъ ангеломъ; она можетъ капризничать, падать въ обмороки, повелѣвать, мучить мужа, дѣтей, слугъ. У ней бездна затѣй: карета—не карета, шаль—не шаль, дорогихъ игрушекъ вдоволь; она живетъ барыней-аристократкой, никому не уступаетъ, но всѣхъ превосходитъ, и мужъ ея едва успѣваетъ закладывать и перезакладывать имѣніе... Дитя новаго поколѣнія, она убрала по возможности пышно, хотя и безвкусно, залу и гостиную, кое-какъ наблюдаетъ въ нихъ даже какую-то полу-чистоту, полу-опрятность: вѣдь это комнаты для гостей, комнаты парадныя, комнаты напоказъ; полное торжество грязи можетъ быть только въ спальнѣ, въ дѣтской, въ кабинетѣ мужа,—словомъ, во внутреннихъ комнатахъ, куда гости не ходятъ. А у ней безпрестанно гости, возлѣ нея безпрестанно кружокъ; но она плѣняетъ гостей своихъ не свѣтскимъ умомъ, не граціею своихъ манеръ, не очарованіемъ своего увлекательнаго разговора,—нѣтъ, она только старается показать имъ, что у нея всего много, что она богата, что у ней все лучшее—и убранство комнатъ, и угощеніе, и гости, и лошади, что она не кто-нибудь, что такихъ, какъ она, не много... Содержание разговоровъ составляютъ сплетни и наряды, наряды и сплетни. Богъ благословилъ ея замужество—что ни годъ, то ребенокъ. Какъ же она будетъ воспитывать дѣтей своихъ?—Да точно такъ же, какъ сама была воспитана своею маменькою: пока малы они прозябаютъ въ дѣтской, среди

мамокъ и нянекъ, среди горничныхъ, на ловѣ холопства, которое должно внушить имъ первыя правила нравственности, развить въ нихъ благородныя инстинкты, объяснить имъ различіе домового отъ лѣшаго, вѣдѣны отъ русалки, растолковать разныя примѣты, рассказать всевозможныя исторіи о мертвецахъ и оборотняхъ, выучить ихъ браниться и драться, лгать не краснѣя, приучить безпрестанно ѣсть, никогда не наѣдаясь. И милыя дѣти очень довольны сферою, въ которой живутъ: у нихъ есть фавориты между прислугою, и есть нелюбимые; они живутъ дружно съ первыми, ругаютъ и колотятъ послѣднихъ. Но вотъ они подросли: тогда отецъ дѣлай что хочешь съ мальчиками, а дѣвочекъ поучать прыгать и шнуроваться, немножко бренчать на фортепьяно, немножко болтать по-французски—и воспитаніе кончено; тогда имъ одна наука, одна забота—ловить жениховъ.

Но если ваша невѣста выйдетъ за человека небогатаго, хотя и не бѣднаго, но живущаго немного выше своего состоянія, посредствомъ умѣнія строгимъ порядкомъ сводить концы съ концами: тогда горе ей мужу! Она въ своей деревнѣ никогда ничего не дѣлала (потому что барышня вѣдь не *холопка* какая-нибудь, чтобъ стала что-нибудь дѣлать), пичѣмъ не занималась, не знаетъ хозяйства, а что такое порядокъ, чистота, опрятность въ домѣ,—этого она нигдѣ не видала, объ этомъ она ни отъ кого не слыхала. Для нея выйти замужъ—значить сдѣлаться барынею; стать хозяйкою—значить повелѣвать всѣми въ домѣ и быть полною госпожею своихъ поступковъ. Ея дѣло—не сберегать, не выгадывать, а покупать и тратить, наряжаться и франтить.

И неужели вы обвините ее во всемъ этомъ? Какое имѣете вы право требовать отъ нея, чтобъ она была не тѣмъ, чѣмъ сами же вы ее сдѣлали? Можете ли вы обвинять даже ея родителей? Развѣ не вы сами сдѣлали изъ женщины только невѣсту и жену, и ничего болѣе? Развѣ когда-нибудь подходили вы къ ней безкорыстно, просто, безъ всякихъ видовъ, для того только, чтобъ насладиться этимъ ароматомъ, этою гармоніею женственнаго существа, этимъ поэтическимъ очарованіемъ присутствія и сообщества женщины, которыя такъ кротко, успокоительно и обаятельно дѣйствуютъ на жесткую натуру мужчины? Желали-ль вы когда-нибудь имѣть друга въ женщинѣ, въ которую вы совсѣмъ не влюблены, сестру въ женщинѣ вамъ посторонней?—Нѣтъ! если вы входите въ женскій кругъ, то не иначе, какъ для выполненія обычая приличія, обряда; если танцуете съ женщиною, то потому только, что мужчинамъ танцовать съ мужчинами не принято.

Если вы обращаете на одну женщину исключительное свое вниманіе, то всегда съ положительными видами—ради женитьбы или волокитства. Вашъ взглядъ на женщину чисто-утилитарный, почти коммерческій: она для васъ—капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ; если не это, такъ кухарка, прачка, ключница, нянька, много, много, если одалиска...

Конечно, изъ всего этого бываютъ исключенія: но общество состоитъ изъ общихъ правилъ, а не изъ исключеній, которыя всего чаще бываютъ болѣзненными наростами на тѣлѣ общества. Эту грустную истину всего лучше подтверждаютъ собою наши такъ называемыя „идеальныя дѣвы“. Онѣ, обыкновенно, страстныя любительницы чтенія, и читаютъ много и скоро, ѣдятъ книги. Но какъ и что читаютъ онѣ, Боже великій!.. Всего достолюбезнѣе въ идеальныхъ дѣвахъ увѣренность ихъ, что онѣ понимаютъ то, что читаютъ, и что чтеніе приноситъ имъ большую пользу. Всѣ онѣ обожательницы Пушкина,—что однакожь не мѣшаетъ имъ отдавать должную справедливость и таланту г. Бенедиктова; инныя изъ нихъ съ удовольствіемъ читаютъ даже Гоголя,—что, однакожь, нисколько не мѣшаетъ имъ восхищаться повѣстями гг. Марлинскаго и Полевого. Все, что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводить ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей настроенности, т.-е. идеальности,—видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, или гдѣ она осмѣивается. У всѣхъ у нихъ есть заветныя тетрадки, куда онѣ списываютъ стишки, которыя имъ понравятся, мысли, которыя поразятъ ихъ въ книгѣ. Онѣ любятъ гулять при лунѣ, смотрѣть на звѣзды, слѣдить за теченіемъ ручейка. Онѣ очень наклонны къ дружбѣ, и каждая ведетъ дѣятельную переписку съ своей пріятельницею, которая живетъ съ нею въ одной деревнѣ, а иногда и въ одномъ домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. Въ перепискѣ (огромными тетрадками) сообщаютъ онѣ другъ другу свои чувства, мысли, впечатлѣнія. Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный „выписными чувствами“, въ которыхъ (какъ во всѣхъ дневникахъ идеальныхъ и внутреннихъ натуръ мужеска и женска пола) нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензій и идеализманье. Онѣ презираютъ толпу и землю, питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному. Эта ненависть у нихъ часто простирается до желанія вовсе отрѣшиться отъ матеріи. Для этого онѣ морятъ себя голодомъ, не ѣдятъ иногда по цѣлой недѣлѣ, жгутъ на свѣчкѣ пальцы, кладутъ себѣ на

грудь подъ платъе снѣгу, пьютъ укусъ и чернила, отучаютъ себя отъ сна,—и этимъ стремленіемъ къ высшему, идеальному существованію до того успѣваютъ разстроить свои нервы, что скоро превращаются въ одну живую и самую матеріальную болячку... Вѣдь крайности сходятся! Всѣ простыя человѣческія и, особенно, женскія чувства, какъ, напр., страстность, способная къ увлеченію чувствъ, любовь материнская, склонность къ мужчине, въ которомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, гениальнаго, который не гонимъ несчастьемъ, не страдаетъ, не боленъ, не бѣденъ,—всѣ такія простыя чувства кажутся имъ пошлыми, ничтожными, смѣшными и презрѣнными. Особенно интересны понятія „идеальныхъ дѣвъ“ о любви. Всѣ онѣ—жрицы любви, думаютъ, мечтаютъ, говорятъ и пишутъ только о любви. Но онѣ признаютъ только любовь чистую, неземную, идеальную, платоническую. Бракъ есть профанация любви въ ихъ глазахъ; счастье—опошление любви. Имъ непремѣнно надо любить въ разлукѣ, и ихъ высочайшее блаженство—мечтать при лунѣ о предметѣ своей любви и думать: „можетъ быть, въ эту минуту и онъ смотритъ на луну и мечтаетъ обо мнѣ; такъ для любви нѣтъ разлуки!“ Жалкія рыбы съ холодною кровью, идеальныя дѣвы считаютъ себя птицами; плавая въ мутной водѣ искусственной нервической экзальтаціи, онѣ думаютъ, что парятъ въ облакахъ высокихъ чувствъ и мыслей. Имъ чуждо все простое, истинное, душевное, страстное, думая любить все „высокое и прекрасное“, онѣ любятъ только себя, онѣ и не подозрѣваютъ, что только тѣшатъ свое мелкое самолюбіе трескучими шутихами фантазіи, думая быть жрицами любви и самоотверженія. Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія, и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способность обманывать себя призраками фантазіи доходитъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами, и такимъ образомъ до семидесяти лѣтъ сохраняютъ способность къ сантиментальной экзальтаціи, къ нервическому идеализму. Самыя лучшія изъ этого рода женщинъ рано или поздно образумиваются; но прежде ихъ ложное направленіе навсегда дѣлается чернымъ демономъ ихъ жизни и, подобно остаткамъ дурно-залѣченной болѣзни, отравляетъ ихъ спокойствіе и счастье. Ужаснѣе всѣхъ другихъ тѣ изъ идеальныхъ дѣвъ, которыя не только не чуждаются брака, но въ бракѣ съ предметомъ любви своей видятъ высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при

отсутствіи всякаго нравственнаго развитія и при испорченности фантазіи онѣ создаютъ свой идеаль брачнаго счастья,—и когда увидятъ невозможность осуществленія ихъ нелѣпаго идеала, то вымещаютъ на мужьяхъ горечь своего разочарованія.

Идеальными дѣвами всѣхъ родовъ бываютъ по большей части дѣвицы, которыхъ развитіе было предоставлено имъ же самимъ. И какъ винить ихъ въ томъ, что, вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды? Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень пошла, и ими невольно овладѣваетъ неотразимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что диаметрально противоположно этой дѣйствительности. А между тѣмъ, самобытное, не на почвѣ дѣйствительности, не въ сферѣ общества совершающееся развитіе всегда доводитъ до уродства. И такимъ образомъ имъ предстоятъ двѣ крайности: или быть пошлыми на общій манеръ, быть пошлыми какъ всѣ, или быть пошлыми оригинально. Онѣ избираютъ послѣднее, но думаютъ, что съ земли перепрыгнули за облака, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ только перевалились изъ положительной пошлости въ мечтательную пошлость. И что всего грустнѣе: между подобными несчастными созданіями бываютъ натуры, нелишенные истинной потребности болѣе или менѣе человѣчески-разумнаго существованія и достойныя лучшей участи.

Но среди этого міра нравственно-увѣчныхъ явленій изрѣдка удаются истинно-колоссальныя исключенія, которыя всегда дорого платятся за свою исключительность и дѣлаются жертвами собственнаго своего превосходства. Натуры гениальныя, не подозрѣвающія своей гениальности, онѣ безжалостно убиваются безсознательнымъ обществомъ, какъ очистительная жертва за его собственные грѣхи... Такова Татьяна Пушкина. Вы коротко знакомы съ почтеннымъ семействомъ Лариныхъ. Отецъ—не то, чтобы очень глупъ, да и не совсѣмъ уменъ; не то, чтобы чловѣкъ, да и не звѣрь, а что-то въ родѣ полипа, принадлежащаго въ одно и то же время двумъ царствамъ природы—растительному и животному.

Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
*Смирный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ,
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.*

Этотъ миръ, вкушаемый подъ камнемъ, былъ продолженіемъ того же самага мира, которымъ добрый баринъ наслаждался при жизни подъ татарскимъ халатомъ. Бываютъ на свѣтѣ такіе люди, въ жизни и счастіи

которыхъ смерть не производитъ ровно никакой перемены. Отецъ Татьяны принадлежалъ къ числу такихъ счастливицевъ. Но маменька ея стояла на высшей ступени жизни сравнительно съ своимъ супругомъ. До замужества она обожала Ричардсона, не потому, чтобъ прочла его, а потому, что отъ своей московской кузины слышала о Грандиссонѣ. Помолвленная за Ларина, она втайнѣ вздыхала о другомъ. Но ее повезли къ вѣнцу, не спросившись ея совѣта. Въ деревнѣ мужа она сперва терзалась и рвалась, а потомъ привыкла къ своему положенію и даже стала имъ довольна, особенно съ тѣхъ поръ, какъ постигла тайну самовластно управлять мужемъ.

Она ѣздила по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,—
Все это мужа не спросясь.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ нощь.
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, князю Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; стала звать
Акушкой прежнюю Селину
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

Словомъ, Ларины жили чудесно, какъ живутъ на этомъ свѣтѣ цѣлые миллионы людей. Однообразіе семейной ихъ жизни нарушалось гостями:

Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья.
И потужить, и пошлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.

Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокошѣ, о винѣ,
О царствѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Еще былъ менѣе ученъ.

И вотъ кругъ людей, среди которыхъ родилась и выросла Татьяна! Правда, тутъ были два существа, рѣзко отдѣлявшіяся отъ этого круга—сестра Татьяны, Ольга, и женихъ послѣдней, Ленскій. Но и не этимъ существамъ было понять Татьяну. Она любила ихъ просто, сама не зная за что, частью по привычкѣ, частью потому, что они еще не были пошлы; но она не открывала имъ внутреннего міра души своей; какое-то темное,

инстинктивное чувство говорило ей, что они—люди другого міра, что они не поймутъ ея. И дѣйствительно, поэтический Ленскій далеко не подозрѣвалъ, что такое Татьяна: такая женщина была не по его восторженной натурѣ и могла ему казаться скорѣе странною и холодною, нежели поэтическою. Ольга еще менѣе Ленскаго могла понять Татьяну. Ольга—существо простое, непосредственное, которое никогда ни о чемъ не разсуждало, ни о чемъ не спрашивало, которому все было ясно и понятно по привычкѣ, и которое все зависѣло отъ привычки. Она очень плакала о смерти Ленскаго, но скоро утѣшилась, вышла за улана, и изъ граціозной и милой дѣвочки сдѣлалась дюжиною барынею, повторивъ собою свою маменьку, съ небольшими измѣненіями, которыхъ требовало время. Но совсѣмъ не такъ легко опредѣлить характеръ Татьяны. Натура Татьяны не многосложна, но глубока и сильна. Въ Татьянѣ нѣтъ этихъ болѣзненныхъ противорѣчій, которыми страдаютъ слишкомъ сложныя натуры; Татьяна создана какъ будто вся изъ одного цѣльнаго куска, безъ всякихъ придѣлокъ и примѣсей. Вся жизнь ея проникнута тою цѣлостностію, тѣмъ единствомъ, которое въ мірѣ искусства составляетъ высочайшее достоинство художественнаго произведенія. Страстно влюбленная, простая деревенская дѣвушка, потомъ свѣтская дама, Татьяна во всѣхъ положеніяхъ своей жизни всегда одна и та же; портретъ въ ея дѣтствѣ, такъ мастерки написанный поэтомъ, впоследствии является только разившимся, но не измѣнившимся.

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Задумчивость была ея подругою съ колыбельныхъ дней, украшая однообразіе ея жизни; пальцы Татьяны не знали иглы, и даже ребенкомъ она не любила куколъ, и ей чужды были дѣтскія шалости; ей былъ скученъ и шумъ и звонкій смѣхъ дѣтскихъ игръ; ей больше нравились страшные рассказы въ зимній вечеръ. И потому она скоро пристрастилась къ романамъ, и романы поглотили всю жизнь ея.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣзды исчезаютъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,

И долѣ въ празднои тишинѣ,
 При отуманенной думѣ,
 Востокъ лѣнивый почиваетъ,
 Въ привычный часъ пробуждена,
 Вставала при свѣчахъ она!

Итакъ, лѣтнія ночи посвящались мечтательности, зимнія — чтенію романовъ, — и это среди міра, имѣвшаго благоразумную привычку громко храпѣть въ это время! Какое противорѣчіе между Татьяной и окружающимъ ее міромъ! Татьяна — это рѣдкій, прекрасный цвѣтокъ, случайно выросшій въ разсѣлинѣ дикой скалы,

Незнаемый въ травѣ глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой.

Эти два стиха, сказанные Пушкинымъ объ Ольгѣ, гораздо больше идутъ къ Татьянѣ. Какіе мотыльки, какія пчелы могли знать этотъ цвѣтокъ, или плѣняться имъ? Развѣ безобразные слѣпни, оводы и жуки, въ родѣ господъ Пыхтина, Буянова, Пѣтушкова и тому подобныхъ? Да, такая женщина, какъ Татьяна, можетъ плѣнять только людей, стоящихъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ нравственнаго міра, или такихъ, которые были бы въ уровень съ ея натурою, и которыхъ такъ мало на свѣтѣ, или людей совершенно пошлыхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Этимъ послѣднимъ Татьяна могла нравиться лицомъ, деревенскою свѣжестію и здоровьемъ, даже дикостію своего характера, въ которой они могли видѣть кротость, послушливость и безотвѣтственность въ отношеніи къ будущему мужу — качества, драгоцѣнныя для ихъ грубой животности, не говоря уже о расчетахъ на приданое, на родство и т. п. Стоящіе же въ серединѣ между этими двумя разрядами людей, всего менѣе могли оцѣнить Татьяну. Надобно сказать, что всѣ эти срединныя существа, занимающія мѣсто между высшими натурами и чернью человѣчества, эти таланты служащіе связью гениальности съ толпою, по большей части — все люди „идеальные“, подѣланные идеальнымъ дѣламъ, о которыхъ мы говорили выше. Эти идеалисты думаютъ о себѣ, что они исполнены страстей, чувствъ, высокихъ стремленій; но въ сущности все дѣло заключается въ томъ, что у нихъ фантазія развита на счетъ всѣхъ другихъ способностей, преимущественно разсудка. Въ нихъ есть чувство, но еще больше сентиментальности и еще больше охоты и способности наблюдать свои ощущенія и вѣчно толковать о нихъ. Въ нихъ есть и умъ, но не свой, а вычитанный, книжный, и потому въ ихъ умѣ часто бываетъ много блеска, но никогда не бываетъ дѣльности. Главное же, что всего хуже въ нихъ, что составляетъ ихъ самую слабую сторону, ихъ ахиллесовскую пятку, — это то, что въ нихъ нѣтъ страстей,

за исключеніемъ только самолюбія, и то мелкаго, которое ограничивается въ нихъ тѣмъ, что они бездѣтельно и бесплодно погружены въ созерцаніе своихъ внутреннихъ достоинствъ. Натуры теплыя, но такъ же не холодныя, какъ и не горячія, они дѣйствительно обладаютъ жалкою способностію вспыхивать на минуту отъ всего и ни отчего. Поэтому, они только и толкуютъ, что о своихъ пламенныхъ чувствахъ, объ огнѣ, пожирающемъ ихъ душу, о страстяхъ, обуревающихъ ихъ сердце, не подозревая, что все это дѣйствительно буря, но только не на морѣ, а въ стаканѣ воды. И нѣтъ людей, которые бы менѣе ихъ способны были оцѣнить истинное чувство, понять истинную страсть, разгадать челоука глубоко чувствующаго, неподдѣльно страстнаго. Такіе люди не поняли бы Татьяны: они рѣшили бы всѣ въ голосъ, что если она не дура пошлая, то очень странное существо, и что, во всякомъ случаѣ, она холодна, какъ ледъ, лишена чувства и неспособна къ страсти. И какъ же иначе? Татьяна молчалива, дика, ничѣмъ не увлекается, ничему не радуется, ни отъ чего не приходитъ въ восторгъ, ко всему равнодушна, ни къ кому не ласкается, ни съ кѣмъ не дружится, никого не любитъ, не чувствуетъ потребности перелить въ другого свою душу, тайны своего сердца, а главное — не говоритъ ни о чувствахъ вообще, ни о своихъ собственныхъ въ особенности?.. Если вы сосредоточены въ себѣ и на вашемъ лицѣ нельзя прочесть внутреннего пожирающаго васъ огня, — мелкие люди, столь богатые прекрасными мелкими чувствами, тотчасъ объявляютъ васъ существомъ холоднымъ, эгоистомъ, отнимутъ у васъ сердце и оставятъ при васъ одинъ умъ, особенно, если вы имѣете наклонность иронизировать надъ собственнымъ чувствомъ, хотя бы то было изъ цѣломудреннаго желанія замаскировать его, не любя имъ ни играть, ни щеголять...

Повторяемъ: Татьяна — существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастіи взаимности любви такой женщины — ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ — упорное пламя, которому сила воли, можетъ быть, не позволить прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна спокойно, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко любила бы своего мужа, вполне пожертвовала бы собою дѣтямъ, вся отдалась бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обя-

занностей нашла бы свое величайшее наслаждение, свое верховное блаженство. И все это безъ фразъ, безъ разсужденій, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ виѣшнимъ безстрастіемъ, съ этою наружною холодностію, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татьяна. Но это только главные и, такъ сказать, общія черты ея личности: взглянемъ на форму, въ которую вылилась эта личность, посмотримъ на тѣ особенности, которыя составляютъ характеръ.

Создаетъ человѣка природа, но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ человѣка отъ вліянія общества, нигдѣ не скрывается, никуда не уйти ему отъ него. Самое усиленіе развиться самостоятельно, виѣ вліянія общества, сообщаетъ человѣку какую-то странность, придаетъ ему что-то уродливое, въ чемъ опять видна печать общества же. Вотъ почему у насъ люди съ дарованіями и хорошими природными расположеніями часто бываютъ самыми несносными людьми, и вотъ почему у насъ только геніальность спасаетъ человѣка отъ пошлости. По этому же самому, у насъ такъ мало истинныхъ и такъ много книжныхъ, вычитанныхъ чувствъ, страстей и стремленій; словомъ, такъ мало истины и жизни въ чувствахъ, страстяхъ и стремленіяхъ и такъ много фразерства во всемъ этомъ. Повсюду распространяющееся чтеніе приноситъ намъ величайшую пользу: въ немъ наше спасеніе и участь нашей будущности; но въ немъ же, съ другой стороны, и много вреда, такъ же, какъ и много пользы для настоящаго. Объяснимся. Наше общество, состоящее изъ образованныхъ сословій, есть плодъ реформы. Оно помнитъ день своего рожденія, потому что оно существовало официально прежде, нежели стало существовать дѣйствительно; потому что, наконецъ, это общество долго составляло не духъ, а покрой платья, не образованность, а привилегія. Оно началось такъ же, какъ и наша литература: копированіемъ иностранныхъ формъ безъ всякаго содержанія, своего или чужого, потому что отъ своего мы отказались, а чужого не только принять, но и понять не были въ состояніи. Были у Французовъ трагедіи: давай и мы писать трагедіи, и г. Сумароковъ въ одномъ лицѣ своемъ совмѣстилъ и Корнеля, и Расина, и Вольтера. Былъ у Французовъ знаменитый баснописецъ Лафонтенъ, и опять тотъ же г. Сумароковъ, по словамъ его современниковъ, своими притчами далеко обогналъ Лафонтена. Такимъ же точно образомъ, въ самое короткое время, обзавелись мы своими доморощенными Пиндарами, Гораціями, Авакреонами, Гомерами, Виргиліями и т. п. Иностранныя

произведенія всѣ наполнены были любовными чувствами, любовными приключеніями и мы давай тѣмъ же наполнять наши сочиненія. Но тамъ поэзія книги была отраженіемъ поэзіи жизни, любовь стихотворная была выраженіемъ любви, составлявшей жизнь и поэзію общества: у насъ любовь вошла только въ книгу, да въ ней и осталась. Это болѣе или менѣе продолжается и теперь. Мы любимъ читать страстные стихи, романы, повѣсти, и теперь подобное чтеніе не считается предосудительнымъ даже для дѣвушекъ. Иныя изъ нихъ даже сами кропаютъ стишки, и иногда недурные. Итакъ, говорить о любви, читать и писать о ней у насъ любятъ многіе; но любить... Это дѣло другого рода! Оно, конечно, если съ позволенія родителей, если страсть можетъ увѣнчаться законнымъ бракомъ, то почему же и не любить! Многіе не только не считаютъ этого излишнимъ, но даже считаютъ необходимымъ, и, женись на приданомъ, толкуютъ о любви... Но любить потому только, что сердце жаждетъ любви, любить безъ надежды на бракъ, всѣмъ жертвовать увлекающему пламени страсти—поми-луйте, какъ можно! вѣдь это значитъ сдѣлать „исторію“, произвести скандалъ, стать сказкою общества, предметомъ оскорбительнаго вниманія, осужденія, презрѣнія; сверхъ того, приличіе, правила нравственности, общественная мораль... А! такъ вы люди сколько осторожные и благоразумно предусмотрительные, столько и нравственные! Это хорошо; но зачѣмъ же вы противорѣчите себѣ своею охотою къ стихамъ и романамъ, своею страстію къ патетической драмѣ?—Но то поэзія, а то жизнь; зачѣмъ мѣшать ихъ между собою, пусть каждая идетъ своею дорогою: пусть жизнь дремлетъ въ апатіи, а поэзія снабжаетъ ее занимательными снами.—Вотъ это другое дѣло!..

Но худо то, что изъ этого другого дѣла необходимо родится третье, довольно уродливое. Когда между жизнію и поэзіею нѣтъ естественной, живой связи, тогда изъ ихъ враждебно отдѣльнаго существованія образуется поддѣльно-поэтическая и въ высшей степени болѣзненная, уродливая дѣйствительность. Одна часть общества, вѣрная своей родной апатіи, спокойно дремлетъ въ грязи грубо-матеріальнаго существованія; зато другая, пока еще меньшая численно, но уже довольно значительная, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ устроить себѣ поэтическое существованіе, сочетать поэзію съ жизнію. Это у нихъ дѣлается очень просто и очень невинно. Не видя никакой поэзіи въ обществѣ, они берутъ ее изъ книгъ и по ней соображаютъ свою жизнь. Поэзія говоритъ, что любовь есть душа жизни: итакъ—надо любить! Силлогизмъ вѣренъ, само сердце за

него вмѣстѣ съ умомъ! И вотъ нашъ идеальный юноша или наша идеальная дѣвица, въ кого бы влюбиться. По долгомъ соображеніи, въ какихъ глазахъ больше поэзіи,—въ голубыхъ или черныхъ, предметъ наконецъ избранъ. Начинается комедія—и пошла потѣха! Въ этой комедіи есть все: и вздохи, и слезы, и мечты, и прогулки при лунѣ, и отчаяніе, и ревность, и блаженство, и объясненіе,—все, кромѣ истины чувства... Удивительно ли, что послѣдній актъ этой шутовской комедіи всегда оканчивается разочарованіемъ, и въ чемъ же?—въ собственномъ своемъ чувствѣ, въ своей способности любить?.. А между тѣмъ, подобное книжное направленіе очень естественно: не книга ли заставила добраго, благороднаго и умнаго помѣщика манческаго сдѣлаться рыцаремъ донъ-Кихотомъ, надѣть бумажную кольчугу, взобраться на тощаго Россинанта и пуститься отыскивать по свѣту прекрасную Дульцинею, мимоходомъ сражаясь съ баранами и мельницами? Между поколѣніями отъ двадцатыхъ годовъ до настоящей минуты, сколько было у насъ разныхъ донъ-Кихотовъ? У насъ были и есть донъ-Кихоты любви, науки, литературы, убѣжденій, славянофильства и еще Богъ знаетъ чего, всего не перечести! Выше мы говорили объ идеальныхъ дѣвахъ; а сколько можно сказать интереснаго объ идеальныхъ юношахъ! Но предметъ такъ богатъ и неистощимъ, что лучше не касаться его, чтобъ совсѣмъ не потерять изъ виду Татьяны Пушкина.

Татьяна не избѣгла горестной участи подпасть подъ разрядъ идеальныхъ дѣвъ, о которыхъ мы говорили. Правда, мы сказали, что она представляетъ собою колоссальное исключеніе въ мірѣ подобныхъ явленій,—и теперь не отпираемся отъ своихъ словъ. Татьяна возбуждаетъ не смѣхъ, а живое сочувствіе,—но это не потому, чтобъ она вовсе не походила на „идеальныхъ дѣвъ“, а потому, что ея глубокая, страстная натура заслонила въ ней собою все, что есть смѣшного и пошлаго въ идеальности этого рода, и Татьяна осталась естественно простою въ самой искусственности и уродливости формы, которую сообщила ей окружающая ее дѣйствительность. Съ одной стороны —

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.

Съ другой стороны, Татьяна любила бродить по полямъ,

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Это дивное соединеніе грубыхъ, вульгарныхъ предразсудковъ со страстью къ французскимъ книжкамъ и съ уваженіемъ къ глубокому творенію *Мартына Задеки*, возможно только въ русской женщинѣ. Весь внутренній міръ Татьяны заключался въ жаждѣ любви; ничто другое не говорило ея душѣ; умъ ея спалъ, и только развѣ тяжкое горе жизни могло потомъ разбудить его,—да и то для того, чтобъ сдержатъ страсть и подчинить ее расчету благоразумной морали... Дѣвическіе дни ея ничѣмъ не были заняты; въ нихъ не было своей очереди труда и досуга, не было тѣхъ регулярныхъ занятій и развлеченій, свойственныхъ образованной жизни, которыя держатъ въ равновѣсіи нравственные силы человѣка. Дикое растеніе, вполнѣ предоставленное самому себѣ, Татьяна создала себѣ свою собственную жизнь, въ пустотѣ которой тѣмъ мятежнѣе горѣлъ пожиравшій ее внутренній огонь, что ея умъ ничѣмъ не былъ занятъ.

Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь:
Душа ждала... кого-нибудь.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: *это онъ!*
Увы! теперь и дни и ночи,
И жаркій одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвъ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердить о немъ.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья,
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линарь.
И Вертеръ, мученіе мятежный,
И неподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродить:
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вдыхаетъ, и, себя присвоивъ
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...

Здѣсь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко

по книжному. Зачѣмъ было воображать Онѣгина Вольмаромъ, Малекъ-Аделемъ, де-Линаромъ и Вертеромъ (Малекъ-Адель и Вертеръ: не все ли это равно, что Еруславъ Лазаревичъ и корсаръ Байрона)? Зачѣмъ, что для Татьяны не существовалъ настоящей Онѣгинъ, которого она не могла ни понимать, ни знать; слѣдовательно, ей необходимо было придать ему какое-нибудь значеніе, напрокатъ взятое изъ книги, а не изъ жизни, потому что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать, ни знать. Зачѣмъ было ей воображать себя Кларисой, Юліей, Дельфиной? Зачѣмъ, что она и саму себя такъ же мало понимала и знала, какъ и Онѣгина. Повторяемъ: созданіе страстное, глубоко чувствующее, и въ то же время не развитое, наглухо запертое въ темной пустотѣ своего интеллектуальнаго существованія, Татьяна, какъ личность, является намъ подобною не изящной греческой статуѣ, въ которой все внутреннее такъ прозрачно и выпукло отразилось во внѣшней красотѣ, но подобною египетской статуѣ, неподвижной, тяжелой и связанной. Безъ книги она была бы совершенно нѣмымъ существомъ, и ея пылающій и сохнувшій языкъ не обрѣлъ бы ни одного живого, страстнаго слова, которымъ бы могла она облегчить себя отъ давящей полноты чувства. И хотя непосредственнымъ источникомъ ея страсти къ Онѣгину была ея страстная натура, ея переполнившаяся жажда сочувствія, — все же началась она нѣсколько идеально. Татьяна не могла полюбить Ленскаго, и еще менѣе могла полюбить кого-нибудь изъ извѣстныхъ ей мужчинъ: она такъ хорошо ихъ знала, и они такъ мало представляли пищи ея экзальтированному, аскетическому воображенію... И вдругъ является Онѣгинъ.

Онъ весь окруженъ тайною: его аристократизмъ, его свѣтскость, неоспоримое превосходство надъ всѣмъ этимъ спокойнымъ и пошлымъ міромъ, среди котораго онъ явился такимъ метеоромъ, его равнодушіе ко всему, странность жизни — все это произвело таинственные слухи, которые не могли не дѣйствовать на фантазію Татьяны, не могли не расположить, не подготовить ея къ рѣшительному эффекту перваго свиданія съ Онѣгинымъ. И она увидѣла его, и онъ предсталъ предъ нею молодой, красивый, ловкій, блестящій, равнодушный, скучающій, загадочный, непостижимый, весь неразрѣшимая тайна для ея неразвитого ума, весь обольщеніе для ея дикой фантазіи. Есть существа, у которыхъ фантазія имѣетъ гораздо болѣе вліянія на сердце, нежели какъ думаютъ объ этомъ. Татьяна была изъ такихъ существъ. Есть женщины, которымъ стоитъ только показаться восторженнымъ, страст-

нымъ, и онѣ ваши; но есть женщины, которыхъ вниманіе мужчины можетъ возбудить къ себѣ только равнодушіемъ, холодностію и скептицизмомъ, какъ признаками огромныхъ требованій на жизнь, или какъ результатомъ мятежно и полно пережитой жизни: бѣдная Татьяна была изъ числа такихъ женщинъ...

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Доворомъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ деревьевъ
Напѣвы звучные заводитъ,
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говорить.

Разговоръ Татьяны съ нянею — чудо художественнаго совершенства! Это цѣлая драма, проникнутая глубокою истиною. Въ ней удивительно вѣрно изображена *русская барышня* въ разгарѣ томящей ее страсти. Сдавленное внутри чувство всегда порывается наружу, особенно въ первый періодъ еще новой, еще неопытной страсти. Кому открыть свое сердце! — сестрѣ? — она не такъ бы поняла его. Няня вовсе не пойметъ; но потому-то и открываетъ ей Татьяна свою тайну — или, лучше сказать, потому-то и не скрываетъ она отъ няни своей тайны.

. „Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?“

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы сошла со свѣта
Меня покойница свекровь —
„Да какъ же ты вѣнчалась, няня?“
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ *тринадцать* лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣнемъ въ церковь повели.

И вотъ ввели въ семью чужую...

Вотъ какъ пишетъ истинно-народный, истинно-національный поэтъ! Въ словахъ няни, простыхъ и народныхъ, безъ тривіальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взглядъ на отношенія половъ, на любовь, на бракъ... И это сдѣлано великимъ поэтомъ одною чертою, вскользь, мимоходомъ брошенною!.. Какъ хороши эти добродушные и простодушные стихи:

И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь!

Какъ жаль, что именно такая народность не дается многимъ нашимъ поэтамъ, которые такъ хлопочутъ о народности—и добиваются одной площадной тривіальности...

Татьяна вдругъ рѣшается писать къ Онѣгину: порывъ наивный и благородный; но его источникъ не въ сознаниі, а въ безсознательности: бѣдная дѣвушка не знала, что дѣлала. Послѣ, когда она стала знатною барынею, для нея совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца... Письмо Татьяны свело съ ума всѣхъ русскихъ читателей, когда появилась третья глава „Онѣгина“. Мы, вмѣстѣ со всѣми, думали въ немъ видѣть высочайшій образецъ откровенія женскаго сердца. Самъ поэтъ, кажется, безъ всякой ироніи, безъ всякой задней мысли, и писалъ, и читалъ это письмо. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло... Письмо Татьяны прекрасно и теперь, хотя уже отзывается немножко какою-то дѣтскостію, чѣмъ-то „романическимъ“. Иначе и быть не могло; языкъ страстей былъ такъ новъ и недоступенъ нравственно-нѣмотствующей Татьянѣ; она не умѣла бы ни понять, ни выразить собственныхъ своихъ ощущеній, если бы не прибѣгла къ помощи впечатлѣній, оставленныхъ на ея памяти плохими и хорошими романами, безъ толку и безъ разбора читанными ею... Начало письма превосходно: оно проникнуто простымъ искреннимъ чувствомъ; въ немъ Татьяна является сама собою:

Я къ вамъ пишу—чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда-бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ,
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорить, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блеснимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ современемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

Прекрасны также стихи въ концѣ письма:

Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.

Все въ письмѣ Татьяны истинно, но не все просто; мы выписали только то, что и истинно и просто вмѣстѣ. Сочетаніе простоты съ истиною составляетъ высшую красоту и чувства, и дѣла, и выраженія...

Замѣчательно, съ какимъ усиленіемъ старается поэтъ оправдать Татьяну за ея рѣшимость написать и послать это письмо: видно, что поэтъ слишкомъ хорошо зналъ общество, для котораго писалъ...

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима,
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Ихъ добродѣтели природной,
Дивился я ихъ спеси модной,
И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда,
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

Среди поклонниковъ послушныхъ,
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что-жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведеніемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь
По крайней мѣрѣ, сожальнѣемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй.
И съ легковѣрнымъ ослѣпленіемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжитъ за милой суетой.

За что-жъ виновнѣ Татьяна?
За то-ль, что въ милой простотѣ,
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то-ль, что любить безъ искусства,
Послушная влеченію чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

Кокетка судить хладнокровно;
Татьяна любить не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ—
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;

Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣваемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

Вотъ еще отрывокъ изъ „Онѣгина“, который выключенъ авторомъ изъ этой поэмы и особенно напечатанъ въ IX томѣ собранія его сочиненій (стр. 460):

О, вы, которые любили
Безъ позволенія родныхъ,
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радости, для нѣги сладкой—
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любезнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча позволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ врови:—

Не осуждайте безусловно
Татьяны *внѣшней* (?) моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшеніе чопорныхъ судей.
А вы, о, *дѣвы безъ упрека!*
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня какъ змія—
Совѣтую вамъ то же я:
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы—
И завтра легкій судъ молвы
Принимаетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

Только едва ли найдеть, прибавимъ мы отъ себя, прозою. Нельзя не жалѣть о поэтѣ, который видитъ себя принужденнымъ такимъ образомъ оправдывать свою героиню передъ обществомъ—и въ чемъ же?—въ томъ, что составляетъ сущность женщины, ея лучшее право на существованіе—что у ней есть сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетомъ! Но еще болѣе нельзя не жалѣть объ обществѣ, передъ которымъ поэтъ видѣлъ себя принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она женщина, а не деревяшка, выточенная по подобію женщины. И всего грустнѣе въ этомъ то, что передъ женщинами въ особенности старается онъ оправдать свою Татьяну... И зато съ какою горечію говоритъ онъ о нашихъ женщинахъ вездѣ, гдѣ касается общественной мертвенности, холода, чопорности и сухости! Какъ выдается вотъ эта строфа въ первой главѣ „Онѣгина“:

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.

Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому-жъ онъ такъ непороченъ,
Такъ величавъ, такъ уменъ;
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

Эта строфа невольно приводитъ намъ на память слѣдующіе стихи, не вошедшіе въ поэму и напечатанные особо (т. IX стр. 190).

Морозъ и солнце—чудный день!
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотой:
Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Уина восточная система
И правъ обычай стариковъ:
Онъ родился для гарема
Иль для неволи

Но и на востокѣ есть поэзія въ жизни, страсть закрадывается и въ гаремы... Зато, у насъ царствуетъ строгая нравственность, по крайней мѣрѣ, внѣшняя, а за нею иногда бываетъ такая не поэтическая поэзія жизни, которою, если воспользуется поэтъ, то, конечно, ужъ не для поэмы...

Если бы мы вздумали слѣдить за всѣми красотами поэмы Пушкина, указывать на всѣ черты высокаго художественнаго мастерства, въ такомъ случаѣ ни нашимъ выпискамъ, ни нашей статьѣ не было бы конца. Но мы считаемъ это излишнимъ, потому что эта поэма давно оцѣнена публикою, и все лучшее въ ней у всякаго на памяти. Мы предположили себѣ другую цѣль: раскрыть по возможности отношеніе поэмы къ обществу, которое она изображаетъ. На этотъ разъ предметъ нашей статьи—характеръ Татьяны, какъ представительницы русской женщины. И потому, пропускаемъ всю четвертую главу, въ которой главное для насъ—объясненіе Онѣгина съ Татьяною въ отвѣтъ на ея письмо. Какъ подѣйствовало на нее это объясненіе,—понятно: всѣ надежды бѣдной дѣвушки рушились, и она еще глубже затворилась въ себѣ для внѣшняго міра. Но разрушенная надежда не погасила въ ней пожирающаго ее пламени; онъ началъ горѣть тѣмъ упорнѣе и напряженнѣе, чѣмъ глуше и безвыходнѣе. Несчастье даетъ новую энергію страсти у натуръ съ экзальтированнымъ воображеніемъ. Имъ даже нравится исключительность ихъ положенія; онѣ любятъ свое горе, лелѣютъ свое страданіе, дорожатъ имъ, можетъ быть еще больше, нежели сколько дорожили бы онѣ своимъ счастьемъ, еслибъ оно выпало на ихъ долю... И притомъ, въ глухомъ лѣсу нашего общества, гдѣ бы и скоро ли бы

встрѣтила Татьяна другое существо, которое, подобно Онѣгину, могло бы поразить ея воображеніе и обратить огонь ея души на другой предметъ? Вообще, несчастная, нераздѣленная любовь, которая упорно переживаетъ надежду, есть явленіе довольно болѣзненное, причина котораго, по слишкомъ рѣдкимъ и, вѣроятно, чисто физиологическимъ причинамъ, едва ли не скрывается въ экзальтациі фантазіи слишкомъ развитой на счетъ другихъ способностей души. Но какъ бы то ни было, а страданія, происходящія отъ фантазіи, падаютъ тяжело на сердце и терзаютъ его иногда еще сильнѣе, нежели страданія, корень которыхъ въ самомъ сердцѣ. Картина глухихъ, пикѣмъ не раздѣленныхъ страданій Татьяны изображена, въ пятой главѣ, съ удивительною истинною и простотою. Посѣщеніе Татьяной опустѣлаго дома Онѣгина (въ седьмой главѣ) и чувства, пробужденныя въ ней этимъ оставленнымъ жилищемъ, на всѣхъ предметахъ котораго лежалъ такой рѣзкій отпечатокъ духа и характера оставившаго его хозяина, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы и драгоценнѣйшимъ сокровищамъ русской поэзіи. Татьяна не разъ повторила это посѣщеніе,—

И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася,
Сперва ей было не до нихъ;
Но показала выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

Ужель загадку разрѣшила,
Ужели слово найдено?..

Итакъ, въ Татьянѣ, наконецъ, совершился актъ сознанія; умъ ея проснулся. Она поняла наконецъ, что есть для человека интересы, есть страданія и скорби, кромѣ интереса страданій и скорби любви. Но поняла ли она, въ чемъ именно состоятъ эти другіе интересы и страданія, и если поняла, послужило ли это ей къ облегченію ея собственныхъ страданій? Конечно, поняла, но только умомъ, головою, потому что есть идеи, которыя надо пережить и душою и тѣломъ, чтобъ понять ихъ вполнѣ, и которыхъ нельзя изучить въ книгѣ. И потому, книжное знакомство съ этимъ новымъ міромъ скорбей, если и было для Татьяны откровеніемъ, это откровеніе произвело на нее тяжелое, безотрадное и без-

плодное впечатлѣніе; оно испугало ее, ужаснуло и заставило смотрѣть на страсти, какъ на гибель жизни, убѣдило ее въ необходимости покориться дѣйствительности какъ она есть, и если жить жизнію сердца, то про себя, въ глубинѣ своей души, въ тиши уединенія, во мракѣ ночи, посвященной тоскѣ и рыданіямъ. Посѣщеніе дома Онѣгина и чтеніе его книгъ приготовили Татьяну къ перерожденію изъ деревенской дѣвочки въ свѣтскую даму, которое такъ удивило и поразило Онѣгина. Въ предшествовавшей статьѣ мы уже говорили о письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ и о результатѣ всѣхъ его страстныхъ посланій къ ней.

... Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она навстрѣчу. Какъ сурова!
Его не видитъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещевскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямья хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?.. Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣды...
Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ нѣ свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной...
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ...

Теперь перейдемъ прямо къ объясненію Татьяны съ Онѣгинымъ. Въ этомъ объясненіи все существо Татьяны выразилось вполнѣ. Въ этомъ объясненіи высказалось все, что составляетъ сущность русской женщины съ глубокою натурою, развитою обществомъ,— все: и пламенная страсть, и задушевность простого искренняго чувства, и чистота и святость наивныхъ движеній благородной природы, и резонерство, и оскорбленное самолюбіе, и тщеславіе добродѣтели, подъ которой замаскирована рабская боязнь общественнаго мнѣнія, и хитрые силлогизмы ума, свѣтскою моралью парализовавшаго великодушныя движенія сердца... Рѣчь Татьяны начинается упрекомъ, въ которомъ высказывается желаніе мести за оскорбленное самолюбіе:

Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда, въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиреной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь...

Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ былъ виноватъ передъ Татьяною въ томъ, что онъ не полюбилъ ее *тогда*, какъ она была *моложе* и *лучше* и любила его! Вѣдь для любви только и нужно, что молодость, красота и взаимность! Вотъ понятія, заимствованныя изъ плохихъ сантиментальныхъ романовъ! Нѣмая деревенская дѣвочка съ дѣтскими мечтами—и свѣтская женщина, испытанная жизнью и страданіемъ, обрѣтшая слово для выраженія своихъ чувствъ и мыслей; какая разница! И все-таки, по мнѣнію Татьяны, она болѣе способна была внушить любовь тогда, нежели теперь, потому что она тогда была моложе и лучше!.. Какъ въ этомъ взглядѣ на вещи видна русская женщина! А этотъ упрекъ, что тогда она нашла со стороны Онѣгина одну суровость? „Вамъ была не новость смиренной дѣвочки любви?“ Да это уголовное преступленіе—не подорожить любовію нравственнаго эмбриона!.. Но за этимъ упрекомъ тотчасъ слѣдуетъ и оправданіе:

..... Но васъ

Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной;
Я благодарна всей душой...

Основная мысль упрековъ Татьяны состоитъ въ убѣжденіи, что Онѣгинъ потому только не полюбилъ ее тогда, что въ этомъ не было для него очарованія соблазна; а теперь приводитъ къ ея ногамъ жажда скандальной славы... Во всемъ этомъ такъ и пробивается страхъ за свою добродѣтель...

Тогда—не правда ли?—въ пустынь,
Вдали отъ суетной мозвы,
Я вамъ не нравилась... Что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь явиться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженіяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣмъ былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!—что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? *Какая малость!*
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

Въ этихъ стихахъ такъ и слышится трепетъ за свое доброе имя въ большомъ свѣтѣ,

а въ слѣдующихъ затѣмъ представляются неоспоримыя доказательства глубочайшаго презрѣнія къ большому свѣту... Какое противорѣчіе! И что всего грустнѣе, то и другое истинно въ Татьянѣ...

А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,—
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею...

Повторяемъ: эти слова такъ же непри-
творны и искренни, какъ и предшество-
вавшія имъ. Татьяна не любитъ свѣта и за
счастьемъ почла бы навсегда оставить его для
деревни; но пока она въ свѣтѣ—его мнѣніе
всегда будетъ ея идоломъ, и страхъ его
суда всегда будетъ ея добродѣтелью...

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я;
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать: для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу: меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана,—
Я буду вѣкъ ему вѣрна“.

Послѣдніе стихи удивительны—подлинно
конецъ вѣнчаетъ дѣло! Этотъ отвѣтъ могъ бы
идти въ примѣръ классическаго „высокаго“
(sublime) наравнѣ съ отвѣтомъ Медеи: *мог!*
и стараго Горація: *qu'il mourût!* Вотъ истин-
ная гордость женской добродѣтели! Но я
другому *отдана*,—именно *отдана*, а не *от-*
далась! Вѣчная вѣрность—кому и въ чемъ?
Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя со-
ставляютъ профанацію чувства и чистоты
женственности, потому что нѣкоторыя отно-
шенія, неосвящаемыя любовію, въ высшей
степени безнравственны... Но у насъ какъ-то
все это клеится вмѣстѣ: поэзія—и жизнь, лю-
бовь—и бракъ по расчету, жизнь сердцемъ
—и строгое исполненіе внѣшнихъ обязанно-
стей, внутренне ежечасно нарушаемыхъ...
Жизнь женщины по преимуществу сосре-
дочена въ жизни сердца; любить—значитъ
для нея жить, а жертвовать—значитъ лю-
бить. Для этой роли создала природа Татьяну;
но общество пересоздало ее... Татьяна не-
волью напомнила намъ Віру въ *Геронъ На-*
шего Времени, женщину, слабую по чувству,
всегда уступающему ему, и прекрасную, вы-

сокую въ своей слабости. Правда, женщина поступаетъ безыравственно, принадлежа вдругъ двумъ мужчинамъ, одного любя, а другого обманывая: противъ этой истины не можетъ быть никакого спора: но въ Вѣрѣ этотъ грѣхъ выкупается страданіемъ отъ сознанія своей несчастной роли. И какъ бы могла она поступить рѣшительно въ отношеніи къ мужу, когда она видѣла, что тотъ, кому она всю себя пожертвовала, принадлежалъ ей не вполне и, любя ее, все-таки не захотѣлъ бы слить съ нею свое существованіе? Слабая женщина, она чувствовала себя подъ вліяніемъ роковой силы этого человѣка съ демонической натурою, и не могла ему сопротивляться. Татьяна выше ея по своей натурѣ и по характеру, не говоря уже объ огромной разницѣ въ художественномъ изображеніи этихъ двухъ женскихъ лицъ: Татьяна—портретъ во весь ростъ; Вѣра—не больше, какъ силуэтъ. И, несмотря на то, Вѣра—больше женщина... но зато и больше исключеніе, тогда какъ Татьяна—типъ русской женщины... Восторженные идеалисты, изучившіе жизнь и женщину по повѣстямъ Марлинскаго, требуютъ отъ необыкновенной женщины презрѣнія къ общественному мнѣнію. Это ложь: женщина не можетъ презирать общественнаго мнѣнія, но можетъ имъ жертвовать скромно, безъ фразъ, безъ самохвальства, понимая всю великость своей жертвы, всю тягость проклятія, которое она беретъ на себя, повинувшись другому высшему закону—закону своей природы, а ея натура—любовь и самоотверженіе...

Итакъ, въ лицѣ Онѣгина, Ленскаго и Татьяны Пушкинъ изобразилъ русское общество въ одномъ изъ фазисовъ его образованія, его развитія, и съ какою истинною, съ какою вѣрностію, какъ полно и художественно изобразилъ онъ его! Мы не говоримъ о множествѣ вставочныхъ портретовъ и силуэтовъ, вошедшихъ въ его поэму и довершающихъ собою картину русскаго общества высшаго и средняго; не говоримъ о картинахъ сельскихъ баловъ и столичныхъ раутовъ: все это такъ извѣстно нашей публикѣ и такъ давно оцѣнено ею по достоинству... Затѣмъ одно: личность поэта, такъ полно и ярко отразившаяся въ этой поэмѣ, вездѣ является такой прекрасною, такой гуманною, но въ то же время по преимуществу артистическою. Вездѣ видите вы въ немъ человѣка, душою и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него—вѣчная истина... И потому въ самой сатирѣ его такъ много любви, самое отрицаніе его такъ часто похоже на одобреніе и на любо-

ваніе... Вспомните описаніе семейства Лариныхъ, во второй главѣ, и особенно портретъ самого Ларина... Это было причиною, что въ „Онѣгинѣ“ многое устарѣло теперь. Но безъ этого, можетъ быть, и не вышло бы изъ „Онѣгина“ такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого опредѣленнаго факта для отрицанія мысли, въ самомъ же этомъ обществѣ такъ быстро развивающейся...

„Онѣгинъ“ писанъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ,—и потому самъ поэтъ росъ вмѣстѣ съ нимъ, и каждая новая глава поэмы была интереснѣе и зрѣлѣе. Но послѣднія двѣ главы рѣзко отдѣляются отъ первыхъ шести: онѣ явно принадлежатъ уже къ высшей, зрѣлой эпохѣ художественнаго развитія поэта. О красотѣ отдѣльных мѣстъ нельзя наговориться довольно; притомъ же ихъ такъ много! Къ лучшимъ принадлежатъ: ночная сцена между Татьяною и нянею, дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и весь конецъ шестой главы. Въ послѣднихъ двухъ главахъ мы не знаемъ, что хвалить особенно, потому что въ нихъ все превосходно; но первая половина седьмой главы (описаніе весны, воспоминаніе о Ленскомъ, посѣщеніе Татьяной дома Онѣгина) какъ-то особенно выдается изъ всего глубокостію грустнаго чувства и дивно-прекрасными стихами... Отступленія, дѣлаемые поэтомъ отъ разсказа, обращенія его къ самому себѣ исполнены необыкновенной граціи, задушевности, чувства, ума, остроты; личность поэта въ нихъ является такой любящею, такой гуманною. Въ своей поэмѣ онъ умѣлъ коснуться такъ многого, намекнуть о столь многомъ, что принадлежитъ исключительно къ міру русской природы, къ міру русскаго общества! „Онѣгина“ можно назвать энциклопедіей русской жизни, и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но зато какимъ великимъ шагомъ впередъ для него!.. Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ... Пусть идетъ время и приводитъ съ собою новыя потребности, новыя идеи, пусть растетъ русское общество и обгоняетъ „Онѣгина“: какъ бы далеко оно ни ушло, но всегда будетъ оно любить эту поэму, всегда будетъ останавливать на ней исполненный любви и благодарности взоръ... Эти строфы, которыя такъ и просятся въ заключеніе нашей статьи, своимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ на душу читателя

лучше насъ выскажутъ то, что бы хотѣлось
намъ высказать:

Увы! на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходить, зрѣють и падуть;
Другія имъ вослѣдъ идуть...
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

Покаместъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ея ничтожность разумѣю
И къ ней привязанъ мало я;
Для призраковъ закрыть я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:

Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Лету не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ,—лестная надежда!—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ поэтъ!
Прими-жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ аонидъ,
О, ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

1845 г.

Статья десятая.

Борисъ Годуновъ.

Совершенно новая эпоха художественной дѣятельности Пушкина началась *Полтавою* и *Борисомъ Годуновымъ*. Хотя первая вышла въ 1829 году, а послѣдній въ 1831 году,—тѣмъ не менѣе ихъ должно считать почти современными другъ другу произведеніями, потому что *Борисъ Годуновъ* написанъ былъ гораздо раньше 1831 года, и знаменитая сцена между Пименомъ и Самозванцемъ была напечатана въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 года; небольшая сцена между Курбскимъ и Самозванцемъ, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828 годъ, вышедшихъ въ 1827 году. *Полтава*, со стороны художественности, относится къ *Борису Годунову*, какъ *стремленіе* относится къ *достиженію*¹⁾. Публика приняла „Полтаву“ холодно, нежели прежнія поэмы Пушкина; *Борисъ Годуновъ* былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго, такъ много сдѣлавшаго и еще такъ много обѣщавшаго. Какъ тогда, такъ и теперь у *Бориса Годунова* были жаркіе поклонники; но какъ тогда, такъ и теперь число этихъ поклонниковъ было очень мало-численно, а число порицателей огромно. Которые изъ нихъ правы, которые виноваты?

Тѣ и другіе равно правы и равно виноваты, потому что, дѣйствительно, ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты, — и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ *Борисѣ Годуновѣ*. Эта пьеса для него была истинно ватерлооскою битвою, въ которой онъ развернулъ, во всей широтѣ и глубинѣ, свой геній, и, несмотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе.

Прежде всего скажемъ, что *Борисъ Годуновъ* Пушкина—совсѣмъ не драма, а развѣ эпическая поэма въ разговорной формѣ. Дѣйствующія лица, вообще слабо очеркнутыя, только говорятъ, и мѣстами говорятъ превосходно; но они не живутъ, не дѣйствуютъ. Слышите слова, часто исполненные высокой поэзіи, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни дѣйствій. Это одинъ изъ первыхъ и главныхъ недостатковъ драмы Пушкина; но этотъ недостатокъ не вина поэта: его причина—въ русской исторіи, изъ которой поэтъ заимствовалъ содержаніе своей драмы. Русская исторія до Петра Великаго тѣмъ и отличается отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, что въ ней преобладаетъ чисто эпическій, или, скорѣе, *квѣтичскій* характеръ, тогда какъ въ тѣхъ преобладаетъ характеръ чисто драматическій. До Петра Великаго въ Россіи развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаковъ развитія личнаго, а можетъ ли суще-

¹⁾ См. выше наше послѣднее примѣчаніе въ статьѣ шестой. Вѣлинскій не зналъ, что Пушкинъ написалъ „Бориса Годунова“ тремя годами раньше „Полтавы“ и что такимъ образомъ это вовсе не „современныя другъ другу“ произведенія.

ствовать драма безъ сильнаго развитія индивидуальностей и личностей ¹⁾). Что составляетъ содержаніе шекспировскихъ драматическихъ хроникъ?—борьба личностей, которыя стремятся къ власти и оспариваютъ ее другъ у друга. Это бывало и у насъ: весь удѣльный періодъ есть не что иное, какъ ожесточенная борьба за великокняжескій и за удѣльные престолы; въ періодъ Московскаго Царства мы видимъ сряду трехъ претендентовъ такого рода; но все-таки не видимъ никакого драматическаго движенія. Въ періодъ удѣловъ одинъ князь свергалъ другого и овлаждалъ его удѣломъ; потомъ, побѣжденный имъ, снова уступалъ ему его владѣніе, потомъ опять захватывалъ его; но въ удѣлѣ отъ этого ровно ничего не измѣнялось: перемѣнялись лица, а ходъ и сущность дѣлъ оставались тѣ же, потому что ни одно новое лицо не приносило съ собою никакой новой идеи, никакого новаго принципа. Отсюда объясняется, почему народонаселеніе того или другого княжества, того или другого города съ одинаковою ревностію билось и за стараго князя противъ новаго, и за новаго противъ стараго. И одному Богу извѣстно, чѣмъ бы кончилась для Руси эта *усобица*, если бы такъ кстати не подоспѣли Татары. Съ одной стороны, ихъ жестокое и позорное иго гибельно подѣйствовало на нравственную сторону русскаго племени, а съ другой—было для него благотѣльно, потому что чувствомъ общей опасности и общаго страданія связало разъединенныя русскія княжества и способствовало развитію государственной централизаціи черезъ преобладаніе московскаго княженія надъ всѣми другими. Единство болѣе внѣшнее, нежели внутреннее, но тѣмъ не менѣе все же оно спасло Россію! Іоаннъ III, котораго не безъ основанія нѣкоторые историки называютъ великимъ, былъ творцомъ неподвижной крѣпости Московскаго Царства, положивъ въ его основу идею восточнаго абсолютизма, столь благотѣльнаго для абстрактнаго единства созданной имъ новой державы. И этотъ великій, повидимому, переворотъ

совершился тихо и мирно, безъ всякихъ потрясеній. Іоаннъ III обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ геніальную односторонность, переходившую почти въ ограниченность, твердую волю, силу характера; онъ постоянно стремился къ одной цѣли, дѣйствовалъ неослабно, но не боролся, потому что не встрѣтилъ никакого дѣйствительнаго и энергическаго сопротивленія. Дѣло обошлось безъ борьбы, и такимъ образомъ, одно изъ самыхъ драматическихъ событій древней русской исторіи совершилось безъ всякаго драматизма. Драматизмъ, какъ поэтический элементъ жизни, заключается въ столкновеніи и сшибкѣ (коллизіи) противоположно и враждебно направленныхъ другъ противъ друга идей, которыя появляются какъ страсть, какъ пагось. Идея самодержавнаго единства Московскаго Царства, въ лицѣ Іоанна III торжествующая надъ умирающею удѣльною системою, встрѣтила въ своемъ безусловно побѣдоносномъ шествіи не противниковъ сильныхъ и ожесточенныхъ, на все готовыхъ, а развѣ нѣсколько безсильныхъ и жалкихъ жертвъ. Роды удѣльныхъ князей, потомковъ Рюрика, скоро выродились въ простую боярщину, которая передъ престоломъ была покорна наравнѣ съ народомъ, но которая стала между престоломъ и народомъ не какъ посредникъ, а какъ непроницаемая ограда, раздѣлившая царя съ народомъ. Разрядныя книги служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что въ древней Россіи *личность* никогда и ничего не значила, но все значилъ *родъ*, и торжество боярина было торжествомъ цѣлаго рода боярскаго. Такимъ образомъ, удѣльная борьба княжескихъ родовъ переродилась въ дворскую борьбу боярскихъ родовъ. Но эта борьба не представляетъ никакого содержанія для драматическаго поэта, потому что при дворѣ московскомъ одинъ родъ торжествовалъ надъ другимъ въ милости царской, но ни одинъ изъ торжествующихъ родовъ не вносилъ ни въ думу, ни въ администрацію никакой новой идеи, никакого новаго принципа, никакого новаго элемента. Новый любимецъ вездѣ гналъ своихъ прежнихъ противниковъ и ихъ родичей, постригалъ ихъ насильно въ монахи, сажалъ въ тюрьмы, разсылалъ по дальнимъ городамъ, то въ позорную неволю, то въ почетную опалу. И такимъ образомъ боролись и мѣнялись лица, а не идеи. Подобная борьба и подобныя смѣны могли много значить для боярскихъ родовъ, для дворской интриги и крамолы, но для государства онѣ ровно ничего не значили; историческая же драма можетъ брать содержаніе только изъ государственной жизни. Царствованіе Грознаго, повидимому, больше всего представляетъ матеріаловъ для драмы, какъ зрѣлище нещадной войны, объявленной абсолютизмомъ бояр-

¹⁾ Нижеслѣдующее обширное разсужденіе объ исторіи Россіи является явно навѣяннымъ теоріей *родового быта* Кавелина—ученика и друга Бѣлинскаго. Теорію эту Кавелинъ впервые высказалъ въ 1842 году, въ напечатанномъ отрывкѣ своей магистерской диссертациі; въ 1844 году вышла вся эта диссертациія, въ которой эта теорія родового быта была развита еще подробнѣе (упоминаніе объ этой диссертациі мы найдемъ въ концѣ статьи № 49 второго тома наст. изданія). Наконецъ, въ „Современникѣ“ 1847 года Кавелинъ еще разъ подробно остановился на этомъ вопросѣ въ знаменитой статьѣ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“. Статья эта вызвала продолжительную журнальную полемику, въ которой принялъ участіе и Бѣлинскій — см. его двѣ послѣднія статьи въ концѣ настоящаго тома.

ской крамолѣ; но это только такъ можетъ казаться и едва ли такъ было на самомъ дѣлѣ, ибо мы не видимъ, чтобъ Грозный чѣмъ-нибудь думалъ замѣнить гонимый имъ принципъ боярщины. Словомъ, видно ожесточеніе къ боярскимъ родамъ, но нѣтъ, въ то же время, никакого особеннаго вниманія къ народу; тутъ замѣтно, слѣдовательно, личное чувство, а не идея, не принципъ, не убѣжденіе. Стало быть, и тутъ нѣтъ ничего для драмы... Но вотъ являється Годуновъ,—и чѣмъ бы ни достигъ онъ престола—злодѣйствомъ ли, какъ въ этомъ увѣренъ Карамзинъ, или только смѣлымъ и гибкимъ умомъ, безъ преступленія,—во всякомъ случаѣ, онъ также не внесъ въ русскую жизнь никакого новаго элемента, и его возвышеніе, равно какъ и его паденіе ничего не значили для будущихъ судебъ русскаго народа: безъ Годунова все пошло бы такъ же точно, какъ и съ Годуновымъ. У Самозванца были разные политическіе замыслы, которые могли бы измѣнить ходъ нашей исторіи; но эти замыслы были не что иное, какъ удалыя мечты челоѣка рѣшительнаго, пылкаго, умнаго, но, что называется, безъ царя въ головѣ, а потому они и кончились такъ, какъ слѣдовало кончиться мечтамъ. Шуйскій хотѣлъ изъ боярщины образовать аристократію; но какъ это желаніе было плодомъ не мысли, а трусости и низости,—оно и кончилось бѣдою для Шуйскаго, и ровно ничѣмъ не кончилось для государства.. Итакъ, вотъ сряду три лица, которыя уже по необыкновенности употребленныхъ ими способовъ для достиженія верховной власти должны были бы внести въ государственную жизнь новыя основанія, и которыя ровно ничего не внесли въ нее, и прошли въ исторіи безъ слѣда, какъ будто бы ихъ и не было... Не такъ бывало въ государствахъ Западной Европы. Для Англичанъ, напримѣръ, было великимъ событіемъ царствованіе Іоанна Безземельнаго—этого слабаго и ничтожнаго брата Ричарда-Львинаго-Сердца, овладѣвшаго властью въ отсутствіе героя, который гонялся въ Палестинѣ за бесполезными лаврами. Во Франціи, напри-мѣръ, очень важно было рѣшеніе вопроса: кто будетъ управлять Людовикомъ XIII—его мать, Катерина Медичи, или кардиналъ Ришелье? Такихъ примѣровъ можно было бы найти множество; но для поясненія нашей мысли довольно и этихъ двухъ.

Итакъ, если въ *Борисѣ Годуновѣ* Пушкина почти нѣтъ никакого драматизма,—это вина не поэта, а исторіи, изъ которой онъ взялъ содержаніе для своей *эпической* драмы. Можетъ быть, отъ этого онъ и ограничился только *одною* попыткою въ этомъ родѣ.

А между тѣмъ, Борисъ Годуновъ, можетъ быть, больше, чѣмъ какое-нибудь другое

лицо русской исторіи, годился бы если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ,—для поэмы, въ которой такой поэтъ, какъ Пушкинъ, могъ бы развернуть всю силу своего таланта и избѣжать тѣхъ огромныхъ недостатковъ и въ историческомъ и въ эстетическомъ отношеніи, которыми наполнена драма Пушкина. Для этого поэту необходимо было нужно самостоятельно проникнуть въ тайну личности Годунова и поэтическимъ инстинктомъ разгадать тайну его историческаго значенія, не увлекаясь никакимъ авторитетомъ, никакимъ вліяніемъ. Но Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину,—и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучить совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя изъ нея сдѣлать!..

Отдавая полную справедливость огромнымъ заслугамъ Карамзина, въ то же время можно и даже должно безпристрастными глазами видѣть мѣру, объемъ и границы его заслугъ. Челоѣкъ многосторонне-даровитый, Карамзинъ писалъ стихи, повѣсти, былъ преобразователемъ русскаго языка, публицистомъ, журналистомъ, можно сказать, создалъ и образовалъ русскую публику, и, слѣдовательно, упрочилъ возможность существованія и развитія русской литературы; наконецъ, далъ Россіи ея исторію, которая далеко оставила за собою всѣ прежнія попытки въ этомъ родѣ, и безъ которой, можетъ быть, еще и теперь знаніе русской исторіи было бы возможно только для записныхъ труженниковъ науки, но не для публики. И во всемъ этомъ Карамзинъ обнаружилъ много таланта, но не гениальности, и потому все сдѣланное имъ весьма важно, какъ факты исторіи русской литературы и образованія русскаго общества, но совершенно лишено безусловнаго достоинства. Важнѣйшій его трудъ, безъ сомнѣнія, есть *Исторія Государства Россійскаго*, которая читается и перечитывается до сихъ поръ, когда уже всѣ другія его сочиненія пользуются только почетною памятью, какъ произведенія, имѣвшія большую цѣну въ свое время. И дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока русская исторія не будетъ изложена совершенно съ другой точки зрѣнія и съ тѣмъ умѣньемъ, которое дается только талантомъ,—до тѣхъ поръ „исторія“ Карамзина поневолѣ будетъ *единственною* въ своемъ родѣ. Но уже и теперь ея недостатки видны для всѣхъ, можетъ быть, еще больше, нежели ея достоинства. Въ недостаткахъ *фактическихъ* нельзя винить Карамзина, приступившаго къ своему великому труду въ такое

время, когда историческая критика въ Россіи едва начиналась, и Карамзинъ долженъ былъ, пиша исторію, еще заниматься историческою разработкою матеріаловъ. Гораздо важнѣе недостатки его исторіи, происшедшіе изъ его способа смотрѣть на вещи. Сначала его исторія—поэма въ родѣ тѣхъ, которыя писались высокопарною прозою и были въ большомъ ходу въ концѣ прошлаго вѣка. Потомъ, мало-по-малу, входя въ духъ жизни древней Руси, онъ, можетъ быть незамѣтно для самого себя, увлекаясь своимъ трудомъ, увлекся и духомъ древне-русской жизни. Съ Іоанна III Московское Царство въ глазахъ Карамзина становится высшимъ идеаломъ государства,—и, вмѣсто исторіи до-петровской Россіи, онъ пишетъ ея панегирикъ. Все въ ней кажется ему безусловно великимъ, прекраснымъ, мудрымъ и образцовымъ. Къ этому присоединяется еще мелодраматическій взглядъ на характеры историческихъ лицъ. У Карамзина ни въ чемъ нѣтъ середины: у него нѣтъ людей, а есть только или герои добродѣтели, или злодѣи. Этотъ мелодраматизмъ простирается до того, что одно и то же лицо у него сперва является свѣтлымъ ангеломъ, а потомъ чернымъ демономъ. Таковъ Грозный: пока имъ управляютъ, какъ машиною, Сильвестръ и Адашевъ, онъ—сама добродѣтель, сама мудрость; но умираетъ царица Анастасія,—и Грозный вдругъ является бичомъ своего народа, безумнымъ злодѣемъ. Историкъ пересказываетъ всѣ ужасы, сдѣланные Грознымъ, и взводитъ на него такіе, которыхъ онъ и не дѣлалъ, заставляя его убивать два раза, въ разныя эпохи, однихъ и тѣхъ же людей. Жертвы Грознаго часто говорятъ ему передъ смертію эффектные рѣчи, какъ будто бы переведенныя изъ Тита Ливія. Такого же мелодраматическаго злодѣя сдѣлалъ Карамзинъ и изъ Бориса Годунова. Подверженный увлеченію, которое больше всего вредитъ историку, онъ объ убіеніи царевича Димитрія говоритъ утвердительно, какъ о дѣлѣ Годунова, какъ будто бы въ этомъ уже невозможно никакое сомнѣніе. Юноша Годуновъ, прекрасный лицомъ, свѣтлый умомъ, блестящій краснорѣчіемъ, зять палача Малюты Скуратова, и въ рядахъ опричнины умѣлъ остаться чистымъ отъ разврата, злодѣйства и крови. Черта характера необыкновеннаго! Но въ ней еще не видно строгой и глубокой добродѣтели: по крайней мѣрѣ, послѣдующая жизнь Годунова не подтверждаетъ этого. Будучи царемъ, онъ не долго сдерживалъ порывы своей подозрительности, и скоро сдѣлался мучителемъ и тираномъ. Вообще, если онъ при Грозномъ не запятналъ себя кровью,—въ этомъ видно больше ловкости, умѣнья и расчета, нежели добродѣтели.

Годуновъ былъ необыкновенно уменъ, и потому не могъ не гнушаться злодѣйствомъ, свершеннымъ безъ нужды и безъ причины. Впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, чтобъ Годуновъ былъ лицемерный злодѣй; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что можно въ одно и то же время не быть ни злодѣемъ, ни героемъ добродѣтели и не любить злодѣйства въ одно и то же время по чувству и по расчету... Карамзинскій Годуновъ—лицо совершенно двойственное, подобно Грозному: онъ и мудръ и ограниченъ, и злодѣй и добродѣтельный человекъ, и ангелъ и демонъ. Онъ убиваетъ законнаго наслѣдника престола, сына своего перваго благодѣтеля и брата своего второго благодѣтеля, мудро править государствомъ и, принимая корону, клянется, что въ его царствѣ не будетъ нищихъ и убогихъ, и что послѣднею рубашкою будетъ онъ дѣлиться съ народомъ. И честно держитъ онъ свое обѣщаніе; онъ дѣлаетъ для народа все, что только было въ его средствахъ и силахъ сдѣлать. А между тѣмъ, народъ хочетъ любить его—и не можетъ любить! Онъ приписываетъ ему убіеніе царевича; онъ видитъ въ немъ умышленнаго виновника всѣхъ бѣдствій, обрушившихся надъ Россією; взводитъ на него обвиненія самыя нелѣпыя и безсмысленныя, какъ, напримѣръ, смерть датскаго царевича, нареченнаго жениха его милой дочери. Годуновъ все это видитъ и знаетъ. Пушкинъ неподобно передалъ жалобы карамзинскаго Годунова на народъ:

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славу успокоить,
Щедротами любовь его списать—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любятъ умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насыпалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая:
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ, ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Винникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорию Феодора кончину,
Я отравлю свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!

Это говоритъ царь, который справедливо жалуется на свою судьбу и на народъ свой. Теперь послушаемъ голоса, если не народа,

то цѣлаго сословія, которое тоже, кажется, не безъ основанія жалуется на своего царя: Дмитрія Самозванца...

Онъ править нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаешь углей?
Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день онала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сидикіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнанья.
Дай срокъ: тебѣ такая-жъ будетъ участь.
Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Литвой
Осаждены невѣрными рабами;
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры,
Зависимъ мы отъ перваго холона,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—юрьевъ день задумалъ уничтожить,
Не властны мы въ помѣстяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца. Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! Не то въ Приказъ холопій:
Ну, слыхано-ль хотъ при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Въ чемъ же заключается источникъ этого противорѣчія въ характерѣ и дѣйствіяхъ Годунова? Чѣмъ объясняетъ его нашъ историкъ и, вслѣдъ за нимъ, нашъ поэтъ? Мученіями виновной совѣсти!.. Вотъ что заставляетъ говорить Годунова поэтъ, рабски вѣрный историку:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... одна развѣ совѣсть—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой,
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой,
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста...

Какая жалкая мелодрама! Какой мелкій и ограниченный взглядъ на натуру человѣка! Какая бѣдная мысль—заставить злодѣя читать самому себѣ мораль, вмѣсто того, чтобъ заставить его всѣми мѣрами оправдывать свое злодѣйство въ собственныхъ глазахъ! На этотъ разъ историкъ сыгралъ съ поэтомъ плохую шутку... И вольно же было поэту дѣлаться эхомъ историка, забывъ, что ихъ раздѣляетъ другъ отъ друга цѣлый вѣкъ!.. Оттого-то въ философскомъ отношеніи этотъ взглядъ на Годунова сильно напоминаетъ

собою добродушный пафосъ сумароковского Дмитрія Самозванца...

Прежде всего замѣтимъ, что Карамзинъ сдѣлалъ великую ошибку, позволивъ себѣ до того увлечься голосомъ современниковъ Годунова, что въ убіеніи царевича видѣлъ неопровержимо и несомнѣнно доказанное участіе Бориса... Изъ нашихъ словъ, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ мы прямо и рѣшительно оправдывали Годунова отъ всякаго участія въ этомъ преступленіи. Нѣтъ, мы въ криминально историческомъ процессѣ Годунова видимъ совершенную недостаточность доказательствъ за и противъ Годунова. Судъ исторіи долженъ быть остороженъ и непристрастенъ, какъ судъ присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ. Грѣшно и стыдно утвердить недоказанное преступленіе за такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Годуновъ. Смерть царевича Дмитрія—дѣло темное и неразрѣшимое для потомства. Не утверждаемъ за достовѣрное, но думаемъ, что съ большею основательностію можно считать Годунова невиннымъ въ преступленіи, нежели виновнымъ. Одно уже то сильно говоритъ въ пользу этого мнѣнія, что Годуновъ,—человѣкъ умный и хитрый, администраторъ искусный и дипломатъ тонкій,—едва ли бы совершилъ свое преступленіе такъ неловко, нелѣпо, нагло, какъ свойственно было бы совершить его какому-нибудь удалому пройдохѣ, въ родѣ Дмитрія Самозванца, который увлекался только минутными движеніями своихъ страстей и хотѣлъ пользоваться настоящимъ, не думая о будущемъ. Годуновъ имѣлъ всѣ средства совершить свое преступленіе тайно, ловко, не навлекая на себя явныхъ подозрѣній. Онъ могъ воспитать царевича такъ, чтобъ сдѣлать его неспособнымъ къ правленію и довести до монашеской рясы; могъ даже искусно оспаривать законность его права на наслѣдство, такъ какъ царевичъ былъ плодомъ седьмого брака Іоанна Грознаго. Самое вѣроятное предположеніе объ этомъ темномъ событіи нашей исторіи должно, кажется, состоять въ томъ, что нашлись люди, которые слишкомъ хорошо поняли, какъ важна была для Годунова смерть младенца, заграждавшаго ему доступъ къ престолу, и которые, не сговариваясь съ нимъ и не открывая ему своего умысла, думали этимъ страшнымъ преступленіемъ оказать ему великую и давно ожидаемую услугу. Это напоминаетъ намъ сцену изъ *Антонія и Клеопатры* Шекспира, на палубѣ помпеева корабля, гдѣ Помпей находился съ своими соперниками, Цезаремъ, Антоніемъ и Лепидомъ:

Менасъ. Хочешь ли ты быть владыкою всего свѣта?

Помпей. Что ты говоришь?

Менасъ. Хочешь ли ты быть государемъ всего свѣта?

Помпей. Какъ такъ?

Менасъ. Согласись на мое предложеніе,—и я подарю тебѣ цѣлый свѣтъ, я, котораго ты считаешь бѣдникомъ.

Помпей. Или ты перенилъ?

Менасъ. Нѣтъ, Помпей; я не пилъ вина. Будь смѣлъ—и ты сдѣлаешься земнымъ Юпитеромъ. Всѣ области, какія окружаютъ океанъ, и вся земля, которую покрываетъ сводъ небесный—твой, если ты захочешь имѣть ихъ.

Помпей. Скажи—какъ?

Менасъ. Три обладателя свѣта, твои три соперника—на твоёмъ кораблѣ. Позволь мнѣ отръзать якорь. Какъ скоро мы опредѣлимъ пасть ихъ головамъ, тогда все—твое.

Помпей. Ахъ, если-бъ ты исполнилъ свое намѣреніе, и не говорилъ мнѣ о немъ!.. Такой поступокъ во мнѣ будетъ низостью, въ тебѣ былъ бы важною услугою. Знай: у меня не польза управляетъ честью, а честь—пользою. Пожалѣй о томъ, что языкъ твой измѣнилъ твоему дѣлу. Сдѣлай ты это тайно, я наградишь бы тебя за такое дѣло; а теперь долженъ осудить его. Оставь его и пей.

И если услужники Годунова были догадливы и умны Менаса, то нельзя не видѣть, что они оказали Годунову очень дурную услугу не въ одномъ нравственномъ отношеніи. Если-жъ Годуновъ внутренно, втайнѣ, доволенъ былъ ихъ услугою,—нельзя не согласиться, что на этотъ разъ онъ былъ очень близорукъ и недалководивенъ. Радоваться этому преступленію, значило для него радоваться тому, что у его враговъ было, наконецъ, страшное противъ него оружіе, которымъ они при случаѣ хорошо могли воспользоваться. Нѣтъ, еще разъ: скорѣе можно предположить (какъ ни странно подобное предположеніе), что царевичъ погибъ отъ руки враговъ Годунова, которые, сваливъ на него это преступленіе, какъ только для него одного выгодное, могли разсчитывать на вѣрную его гибель. Какъ бы то ни было, вѣрно одно: ни историкъ Государства Россійскаго, ни рабски слѣдовавшій ему авторъ *Бориса Годунова* не имѣли ни малѣйшаго права считать преступленіе Годунова доказаннымъ и неподверженнымъ сомнѣнію.

Но — скажутъ намъ — убѣжденіе Карамзина оправдывается единодушнымъ голосомъ современниковъ Годунова, убѣжденіемъ всего народа въ его время; а вѣдь—гласъ Божій—гласъ народа! Такъ; но здѣсь главный фактъ есть не убѣжденіе тогдашняго народа въ представленіи Годунова, а готовность, расположеніе народа къ этому убѣжденію,—расположеніе, причина котораго заключалась въ нелюбви, даже въ ненависти народа къ Годунову. За что же эта ненависть къ человеку, который такъ любилъ народъ, столько сдѣлалъ для него, и котораго самъ народъ сначала такъ любилъ повидимому? — Въ томъ-то и дѣло, что тутъ съ обѣихъ сторонъ была лишь „любовь повидимому“, и въ этомъ

заключается трагическая сторона личности Годунова и судьбы его. Если бы Пушкинъ видѣлъ эту сторону,—тогда, вмѣсто характера вполнѣ мелодраматическаго, у него вышелъ бы характеръ простой, естественный, понятный и вмѣстѣ съ тѣмъ трагически-высокій. Правда, и тогда у Пушкина не было бы драмы въ строгомъ значеніи этого слова; но зато была бы превосходная драматическая поэма, или эпическая трагедія.

Итакъ, разгадать историческое значеніе и историческую судьбу Годунова, значить объяснить причину: почему Годуновъ, повидимому, столь любившій народъ и столь много для него сдѣлавшій, не былъ любимъ народомъ?

Попытаемся объяснить этотъ вопросъ такъ, какъ мы его понимаемъ.

Карамзинъ и Пушкинъ видятъ въ этой, повидимому, незаслуженной ненависти народа къ Годунову кару за его преступленіе. Слабость и перѣшительность мѣръ, принятыхъ Годуновымъ противъ Самозванца, они приписываютъ смущенію виновной совѣсти. Это взглядъ чисто мелодраматическій, и въ историческомъ и въ поэтическомъ отношеніи, особенно въ примѣненіи къ такому необыкновенному человѣку, каковъ былъ Борисъ!

Въ poemѣ Пушкина самъ Годуновъ объясняетъ причину народной къ себѣ ненависти такъ:

Живая власть для черни ненавистна.
Они любятъ умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Это оправданіе — не голосъ истины, а голосъ оскорбленнаго самолюбія, не твердая рѣчь великаго человѣка, а плаксивая жалоба неудавшагося кандидата въ геніи, раздосадованнаго неудачею. Нѣтъ, народъ никогда не обманывается въ своей симпатіи и антипатіи къ живой власти: его любовь или его нелюбовь къ ней—высшій судъ! Гласъ Божій—гласъ народа!

Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, послѣ самолюбія, самая сильная, самая свирѣпая—властолюбіе. Можно навѣрное сказать, что ни одна страсть не стоила человѣчеству столько страданій и крови, какъ властолюбіе. Во времена просвѣщенныя и у народовъ цивилизованныхъ властолюбіе является всегда въ соединеніи съ честолюбіемъ, такъ что иногда трудно рѣшить, которая изъ этихъ страстей господствующая въ человѣкѣ, и властолюбіе кажется только результатомъ честолюбія. Во времена варварскія у народовъ необразованныхъ властолюбіе имѣетъ другое значеніе, потому что соединяется не только съ честолюбіемъ, но еще съ чувствомъ

самохраненія: гдѣ, не будучи первымъ, такъ легко погибнуть ни за что, — тамъ всякому вдвойнѣ хочется быть первымъ, чтобъ никого не бояться, но всѣхъ страшить. Но такъ какъ каждому изъ всѣхъ или многихъ невозможно быть первымъ, — то право перваго естественнымъ ходомъ исторіи вездѣ утвердилось потомственно въ одномъ родѣ, на основаніи права въ прошедшемъ или преданіи. Время осватило и утвердило это право за немногими родами. Это отняло у всѣхъ и у многихъ всякую возможность губить другъ друга и цѣлый народъ притязаніями на верховное первенство. Передъ правомъ избраннаго Провидѣніемъ рода умолкла зависть, смирилось властолюбіе: родъ признанъ высшимъ надо всѣми по праву выше, и равные между собою охотно повинуются высшему передъ всѣми ими. Но когда царствующій родъ прекращается, послѣ наслѣдственнаго владычества въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и когда право высшей власти захватываетъ человѣкъ, вчера бывший равнымъ со всѣми передъ верховною властію, а сегодня долженствующій начать собою новую династію, — тогда, естественно, разнуздывается у всѣхъ страсть властолюбія. Каждый думаетъ: если *онъ* могъ быть избранъ, почему же *я* не могъ? Чѣмъ *онъ* лучше меня, и почему не *я* лучше его? Но счастливый властолюбецъ силою и хитростію заставляетъ молчать всѣхъ и все; страсти умолкаютъ, но до времени, до случая...

Естественно, у кого нѣтъ, въ отношеніи приобрѣтенія верховной власти, освященнаго вѣками права законнаго наслѣдія, тому, чтобъ заставить въ себѣ видѣть не похитителя власти, а властелина по праву, остается опереться только на право личнаго превосходства надъ всѣми, на право генія. Только на условіи этого права толпа согласится безусловно признать владычество человѣка, который, въ гражданскомъ отношеніи, еще вчера стоялъ наравнѣ съ нею.

Было ли за Годуновымъ это право?

Нѣтъ!

И вотъ гдѣ разгадка его историческаго значенія и его исторической судьбы: онъ хотѣлъ играть роль генія, не будучи геніемъ, — и зато палъ трагически и увлекъ за собою паденіе своего рода...

Такой человѣкъ есть лицо трагическое; такая участь есть законное достояніе трагедіи. И что бы могъ сдѣлать Пушкинъ изъ своей поэмы, еслибъ взглянулъ на идею Бориса Годунова съ этой точки!

Въ какой бы сферѣ человѣческой дѣятельности ни проявился геній, онъ всегда есть олицетвореніе творческой силы духа, вѣстникъ обновленія жизни. Его назначеніе — ввести въ жизнь новые элементы и,

черезъ это, двинуть ее впередъ, на высшую ступень. Явленіе генія — эпоха въ жизни народа. Генія уже нѣтъ, а народъ долго еще живетъ въ формахъ жизни, имъ созданной, долго — до новаго генія. Такъ Московское Царство, возникшее силою обстоятельствъ при Іоаннѣ Калитѣ и утвержденное геніемъ Іоанна III, жило до Петра Великаго. Тотъ не геній въ исторіи, чье твореніе умираетъ вмѣстѣ съ нимъ: геній по пути исторіи пролагаетъ глубокіе слѣды своего существованія долго послѣ своей смерти.

Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ необыкновенно умный и способный. Царедворецъ жестокаго царя, онъ умѣлъ попасть къ нему въ милость, не замаравъ себя ни каплею крови, ни однимъ безчестнымъ поступкомъ. Но это *умныя* объясняется отчасти ловко разсчитанною женитьбою на дочери палача, Малюты Скуратова. Въ этой чертѣ высказывается ловкій царедворецъ, но генія еще не видно. Всякій, даже самый ограниченный, но хитрый человѣкъ сумѣлъ бы разсчитать выгоды такого брака въ царствованіе Грознаго; но геній можетъ быть и не рѣшился бы на такой расчетъ, тая въ себѣ огромные замыслы на будущее: титулъ зятя палача Малюты Скуратова было ненавистно тому народу, владыкою котораго впослѣдствіи сдѣлался Годуновъ. Повторяемъ: расчетъ тонкій, хитрый, но не геніальный; въ немъ виденъ придворный интриганъ, а не будущій великій государь... Годуновъ дѣлается зятемъ наслѣдника, а по смерти Грознаго — членомъ верховной думы, — и Грозный ему въ особенности, мимо старшихъ бояръ, завѣщалъ блюсти царство. Никакія вѣдъмы не предсказывали этому новому Макбету его будущаго величія; но его головѣ было отъ чего закружиться и безъ предсказаній! Это фантастическое счастье онъ могъ принять за лучшее изъ всѣхъ предсказаній! Онъ уничтожилъ верховную думу и официально былъ названъ правителемъ государства: только для вида подавалъ голосъ въ царской думѣ, но рѣшалъ всѣ дѣла самовластно, принималъ пословъ, договаривался съ ними и давалъ ихъ свитѣ цѣловать свою руку... На тронѣ сидѣлъ царь по имени, молчальникъ и молещикъ въ сущности, который вручилъ своему родственнику и любимцу всю власть свою, „избывая мірскія суеты и доуки“... Чего недоставало Годунову? — только престола... И онъ достигъ его.

Какъ правитель и какъ царь, Годуновъ обнаружилъ много ума и много способности; но нисколько генія. Въ томъ и другомъ случаѣ это былъ не больше, какъ умный и способный министр, — но не Сюлли, не Кольберъ, которые умѣли открыть новые источники государственной силы тамъ, гдѣ

никто не подозрѣвалъ ихъ; нѣтъ, это былъ министръ, который съ успѣхомъ велъ государство по старой, уже проложенной колѣѣ, на основаніи сохраненія statu quo. Насильственная смерть царевича,—кто бы ни былъ ея причиною,—уже бросила на него тѣнь подозрѣнія въ глазахъ народа, и это подозрѣніе всѣми силами возбуждали и поддерживали враги его—бояре, которые, естественно, никакъ не могли простить ему присвоенія того, на что каждый изъ нихъ считалъ себя точно въ такомъ же, какъ и онъ, правѣ. Какъ правитель, Годуновъ не могъ вносить новыхъ элементовъ въ жизнь государства, которымъ управлялъ не отъ своего имени. Подобная попытка могла бы разрушить всѣ его планы и погубить его. Но когда онъ сдѣлался царемъ,—тогда онъ непременно долженъ былъ явиться реформаторомъ-зидителемъ, чтобъ заставить и народъ, и враговъ своихъ—бояръ, забыть, что еще недавно былъ онъ такимъ же, какъ и они, подданнымъ. Но что же онъ сдѣлалъ для Россіи, сдѣлавшись ея царемъ?—и какимъ царемъ—самовластнымъ, воля котораго для народа была воля Божія! Чего бы нельзя было сдѣлать съ такою властію, подкрѣпляемою гениемъ! Но и сдѣлавшись царемъ, Годуновъ остался тѣмъ же умнымъ и ловкимъ правителемъ, какимъ и былъ при Оедорѣ. Надъ окружающими его боярами онъ имѣлъ личныхъ преимуществъ не больше, какъ настолько, чтобъ оскорбить своимъ превосходствомъ ихъ самолюбіе, ихъ ограниченность и посредственность, но не настолько, чтобъ покорить ихъ этимъ превосходствомъ, заставить ихъ пасть передъ нимъ, какъ передъ существомъ высшаго рода... Онъ ловко разыгралъ комедію, по счастливому выраженію Пушкина, *морщившись передъ короною, какъ пѣяница передъ чаркою вина*; онъ заставилъ себя избрать, а не самъ объявилъ себя царемъ; онъ долго обнаруживалъ какой-то ужасъ къ мысли о верховной власти, и долго заставлялъ себя умолять. Но эта комедія даже черезчуръ тонко была разыграна, и въ ней проглядываетъ не образъ великаго человѣка, который всегда прямо идетъ къ своей цѣли, даже и тогда, когда идетъ къ ней не прямою дорогою, а образъ „маленькаго великаго человѣка“, смѣлаго интригана. Это сейчасъ же и обнаружилось, какъ скоро избраніе было рѣшено, и вѣнчаніе осталось уже только обрядомъ, который не опасно было и отложить на время. Когда Сикстъ V былъ избранъ конклавомъ, онъ вдругъ выпрямился и, противъ обыкновенія, самъ заплѣлъ „Те Деумъ“: въ этой поспѣшности виденъ великій человѣкъ, достигшій своей цѣли и принимающій власть не какъ нищій копѣйку, съ низкими поклонами, но съ увѣ-

ренностію и гордостію силы, сознающей свое право на власть. Сикстъ не началъ разсуждать въ общаніяхъ: буду-де таковъ-то и таковъ, сдѣлаю то и другое; а сейчасъ началъ *быть и дѣлать*, никому не угождая, ни къ кому не подлаживаясь, и заставляя трепетать тѣхъ, которые никого не трепетали и которыхъ всѣ трепетали... Не такъ поступилъ Годуновъ. При вѣнчаніи на царство онъ клянется быть отцомъ народа, показываетъ свою рубашку, говоря, что всегда будетъ готовъ раздѣлить ее съ послѣднимъ своимъ подданнымъ... Кто просилъ, кто требовалъ отъ него этихъ общаній и клятвъ? И что значать они, что видно въ нихъ, если не чрезмѣрная радость о достиженіи давно желанной цѣли, если не благодарность, рожденная этою радостію—благодарность за блестящее бремя не по силамъ, за великое титуло не по достоинству, за высшую власть не по заслугѣ?... Не такъ принимаетъ подобную власть геній, великій человѣкъ: онъ беретъ ее, какъ что-то свое, принадлежащее ему по праву, никому не кланяясь, никого не благодаря, никому не дѣлая общаній, не давая клятвъ въ порывѣ дурно скрытаго восторга. Вскорѣ послѣ Годунова въ русской исторіи снова повторилось зрѣлище общаній и клятвъ: ничтожный Шуйскій, въ благодарность за корону, которой онъ сознавалъ себя внутренне недостойнымъ, предлагалъ боярщинѣ права, которыхъ она отъ него не просила и взять не хотѣла... Но вотъ Годуновъ—царь. Ласкамъ народу нѣтъ конца, милости на всѣхъ льются рѣкою. Первый изъ русскихъ царей обратилъ онъ свое непосредственное, прямое, а не черезъ бояръ, вниманіе на массу народа, на его низшій и, слѣдовательно, самый обширный слой... Это была какая-то нѣжная, родственная заботливость, въ которой былъ виденъ больше отецъ, нежели царь... Народъ долженъ бы былъ боготворить Годунова, и Годуновъ долженъ бы быть самымъ народнымъ изъ всѣхъ бывшихъ до него царей русскихъ... Въ такомъ случаѣ, что ему тайная злоба и зависть, темная крамола боярщины! Онъ могъ спокойно презирать ее: на стражѣ его стояла лучшая и надежнѣйшая изъ всѣхъ швейцарскихъ и другихъ возможныхъ гвардій—любовь народная... и въ самомъ дѣлѣ, народъ славилъ царя благодушнаго, ласковаго, правосуднаго, милостиваго, доступнаго... Народъ даже *старался, смился* полюбить Годунова—и никакъ не могъ... Если у него и была на минуту любовь къ Годунову, то въ головѣ только, а не въ сердцѣ: умъ и воображеніе народа удивлялись Годунову, а сердце молчало, упрямясь согласиться съ умомъ и воображеніемъ... Но вотъ прошла и минута этой надуманной, такъ сказать,

головной любви; Борисъ удволяетъ свои благо-
дѣянія народу, а народъ, принимая ихъ,
клянеть Бориса... Еще прежде его царство-
ванія, когда еще онъ былъ только правите-
лемъ, тѣнь убитаго царевича начала его
преслѣдовать: Борисъ дѣлаетъ счастливый
отпоръ наглому нашествію на Россію крым-
скаго хана, проникшаго до стѣнъ самой
Москвы; а народъ говоритъ, что самъ Бо-
рисъ призвалъ хана, чтобъ отвратить общее
вниманіе отъ смерти царевича и дешевою
цѣною прославиться избавителемъ отечества...
Царица родила дочь: заговорили, что она
родила сына, а Борисъ подмѣнилъ его дѣ-
вочкою, а когда маленькая царевна умерла,
прошелъ слухъ, что Годуновъ отравилъ ее,
боясь, чтобъ Ѳедоръ не передалъ ей пре-
стола... Въ Москвѣ начались пожары: Бо-
рисъ казнилъ зажигателей и помогъ пого-
рѣвшимъ; а народъ обвинялъ его самого въ
зажигательствѣ и жалѣлъ о казненныхъ,
какъ о невинныхъ жертвахъ... Годуновъ
сталъ преслѣдовать распускателей этихъ
слуховъ и казнить ихъ: ничего худшаго не
могъ онъ выдумать—это значило согласиться
въ справедливости слуховъ... Ясно, что слухи
эти распускали бояре, но народъ ловилъ ихъ
жаднымъ ухомъ...

Но вотъ вѣнчаніе на царство ослѣпило
народъ: и Борисъ и самъ народъ приняли
удивленіе за любовь... Комедія продолжа-
лась только одинъ годъ: Борисъ не выдер-
жалъ своей роли и сорвалъ съ себя маску,
не имѣя силы дольше носить ее. Интриганъ
становится тираномъ и напоминаетъ собою
Грознаго. У него есть свой Малюта Скура-
товъ, это—презрѣнный, подлый братъ его—
Семень Годуновъ. Лаская и награждая явно,
онъ мучить и казнить тайно, и все по по-
воду слуховъ, все по подозрѣнію въ нена-
висти къ царю и злыхъ противъ него
умысловъ. Бѣльскаго, уже разъ сосланнаго
въ ссылку, онъ ссылаетъ снова, выщипавъ
ему всю бороду по одному волоску: какое
татарское наказаніе!.. Тюрьмы были набиты
биткомъ; шпионство сдѣлалось не только вы-
годнымъ, но и почетнымъ ремесломъ... Яв-
ныхъ казней было мало; большею частію
все умирали *скоростижно*: этотъ человѣкъ
не умѣлъ быть даже тираномъ открыто, какъ
Грозный, и тиранствовалъ во мракѣ, тай-
комъ... Открывается страшный голодъ въ
Россіи; народъ гибнетъ тысячами, шайки
разбойниковъ грабятъ и рѣжутъ безнака-
занно; Борисъ строго наказываетъ скупщи-
ковъ хлѣба, сыплетъ на народъ деньгами,
даетъ пріютъ голоднымъ и нищимъ, посы-
лаетъ отряды противъ разбойниковъ; строить
башню Ивана Великаго, чтобъ дать народу
работу; словомъ, онъ честно, вѣрно испол-
няетъ свою клятву—дѣлать съ народомъ

последнюю рубашку свою... И все напрасно,
все тщетно!.. Пронесется слухи о Само-
званцѣ; наконецъ Самозванецъ уже поддер-
живается Польшею, идетъ въ Россію, къ
нему передаются Русскіе толпами; а Году-
новъ ничего не дѣлаетъ, ничего не предпри-
нимаетъ, онъ только собираетъ и жжетъ ма-
нифесты Самозванца и требуетъ отъ Шуй-
скаго клятвы, что царевичъ точно умеръ...
Какой жалкій царь! Онъ могъ бы раздавить
Самозванца—и палъ подъ его ударами. По-
дозрѣваютъ, что онъ отравилъ себя ядомъ:
можетъ быть; но также можетъ быть, что
онъ умеръ скоростижно отъ страшнаго
напряженія силъ, вслѣдствіе внутреннихъ
волненій. Въ обоихъ случаяхъ онъ умеръ
малодушно. Первое извѣстіе о самозванцѣ
Годуновъ принялъ даже очень холодно; это
можетъ служить доказательствомъ не одному
тому, что онъ былъ увѣренъ въ смерти ца-
ревича, но и тому, что онъ былъ невиненъ
въ ней; въ то же время это служить дока-
зательствомъ, какъ мало былъ онъ дальнов-
иденъ, какъ худо понималъ свое положеніе.
Онъ бы долженъ былъ знать, что тѣнь ца-
ревича—самый ужасный врагъ его, во вся-
комъ случаѣ, былъ онъ убійцею царевича,
или нѣтъ: въ первомъ случаѣ эта тѣнь была
его неизбѣжною карою за преступленіе; во
второмъ—она была превосходнымъ предло-
гомъ для народной ненависти. Бояре могли
знать невинность Годунова; но если народъ
не любилъ его,—этого было уже слишкомъ
достаточно, чтобъ для народа преступленіе
его было яснѣе дня. Пока царевичъ жилъ
въ Угличѣ съ матерью,—на него никто не
обращалъ вниманія: вѣдь онъ былъ плодомъ
седьмого брака Грознаго, и личный харак-
теръ его матери не возбуждалъ ни участія,
ни уваженія; Грозный хотѣлъ ее отослать
отъ себя и жениться въ восьмой разъ, но
смерть помѣшала ему выполнить это намѣре-
ніе. Когда же царевичъ былъ убитъ, и на-
родная ненависть запылала, — младенецъ,
святой мученикъ, сдѣлался предметомъ на-
роднаго благоговѣнія...

На всѣхъ дѣйствіяхъ Бориса, даже са-
мыхъ лучшихъ, лежитъ печать отверженія.
Всѣ дѣла его неудачны, не благодатны, по-
тому что всѣ они выходили изъ ложнаго
источника. Любовь его къ народу была не
чувствомъ, а расчетомъ, и потому въ ней
есть что-то ласкательное, льстивое, угодни-
ческое, и потому народъ не обманулся ею
и отвѣтилъ на нее ненавистію. Удивитель-
ное существо—народъ! Почти всегда невѣ-
жественный, грубый, ограниченный, слѣ-
пой, онъ непогрѣшительно—истиненъ и
правъ въ своихъ инстинктахъ; если онъ
иногда обманывается съ этой стороны, то
на одну минуту—не болѣе, и кто не лю-

бить его по внутренней, живой, сердечной потребности любить его, тотъ можетъ осыпать его деньгами, умирать за него,—онъ будетъ имъ превозносимъ и восхваляемъ, но любимъ никогда не будетъ. Если же кто любить его не по расчету, а по внутренней инстинктуальной потребности любить, тотъ можетъ идти вопреки всѣмъ его желаніямъ, — и за это народъ будетъ его осуждать, будетъ на него роптать, и въ то же время будетъ любить его. Какъ Годуновъ служить живымъ доказательствомъ первой истины, такъ Петръ Великій служить живымъ доказательствомъ второй. Онъ задумалъ страшную реформу, пошелъ наперекоръ духу, преданіямъ, исторіи, обычаямъ, привычкамъ народа,—и не только умнѣніе изъ людей его времени имѣли полное право смотрѣть на его реформу, какъ на самую несбыточную и противную здравому смыслу фантазію, но, вѣроятно, и у него самого бывали горькія минуты сомнѣнія и разочарованія, когда и самъ онъ думалъ то же. Реформа его встрѣтила сильную оппозицію — не со стороны только мятежныхъ стрѣльцовъ и невѣжественныхъ раскольниковъ: эта оппозиція была слишкомъ безсильна передъ его двойнымъ правомъ дѣйствовать самовластно—правомъ наслѣдства и правомъ генія; но и со стороны всего народа, котораго съ теплыхъ палатей лѣни и невѣжества стащилъ онъ на трудъ живой и дѣятельный. Народъ, повинувшись ему безусловно, осуждалъ его дѣйствія и ропталъ на него, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любилъ его до готовности отдать за него послѣднюю каплю своей крови... Между тѣмъ, Петръ никогда не дѣлалъ ему обѣщаній, не давалъ клятвъ, но шелъ гордо и прямо, требуя повинновенія, а не умолая о немъ; но зато все обѣщанное народу Годуновымъ онъ исполнялъ на дѣлѣ, и еще гораздо лучше, потому что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не по расчету, а по влеченію сердца... Таковъ геній: затѣявъ дѣло, которое, по всѣмъ расчетамъ человѣческой мудрости, не могло не казаться безуміемъ, онъ доводитъ его до конца, торжествуя надъ всѣми препятствіями... Въ чемъ состоитъ тайна этого успѣха?—въ творческой силѣ, присущей организму генія, какъ инстинктъ,—больше ни въ чемъ! Геній часто дѣйствуетъ инстинктивно, безумно — и всегда успѣваетъ, между тѣмъ какъ талантъ рассчитываетъ вѣрно, соображаетъ тонко, дѣйствуетъ мудро, всѣ это видятъ и всѣ одобряютъ его цѣль и средства, никто не сомнѣвается въ успѣхѣ, а между тѣмъ, глядь—вся эта мудрость сама собою обратилась въ безуміе, и великолѣпное зданіе, воздвигавшееся съ такимъ трудомъ, очутилось карточнымъ домикомъ: дунулъ вѣ-

теръ—и нѣтъ его... Вотъ талантъ, который берется за роль генія!..

Борисъ Годуновъ не былъ человѣкомъ ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ; напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлою головою стоялъ выше своего народа. Борисъ былъ даже выше многихъ предразсудковъ своего времени: первый изъ царей русскихъ рѣшилъ онъ выдать дочь за иностраннаго и иновѣрнаго принца; говорятъ, хотѣлъ и сына женить на иностранной принцессѣ; это вовлекло бы Россію въ болѣе живыя и плодотворныя отношенія съ Европою, нежели въ какихъ она была съ нею до того времени, и потому имѣло бы огромное вліяніе на ея будущую судьбу. Борисъ уважалъ просвѣщеніе, тщательно, сколько было въ его средствахъ, воспитывалъ дѣтей своихъ, особенно сына: хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ, и послалъ въ Европу за учеными людьми. Уже одно то, что онъ понималъ необходимость опереться преимущественно на любовь народа, показываетъ, какъ умнѣнъ былъ этотъ несчастный любимецъ счастья. Но всѣ предпріятія его не состоялись именно потому (а не почему-нибудь другому), что у него былъ только умъ и даровитость, но не было геніальности,—тогда какъ судьба поставила его въ такое положеніе, что геніальность была ему необходима. Будь онъ законный, наслѣдный царь, онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ: тогда ему не было бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось бы только хранить *statu quo*, улучшая, но не измѣняя его,—а для этого и безъ геніальности достало бы у него ума и способности,—и онъ много сдѣлалъ бы полезнаго для Россіи. Но онъ былъ выскочка (*parvenu*), и потому долженъ былъ быть геніемъ или пасть—и палъ... Ведя Русь по старой колѣѣ, онъ самъ не могъ не споткнуться на этой колѣѣ, потому что старая Русь не могла простить ему того, что видѣла его бояриномъ прежде, чѣмъ увидѣла царемъ своимъ. Чтобъ утвердиться самому на престолѣ и упрочить его за своимъ потомствомъ, ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Онъ былъ только умнѣе своего времени, но не выше его. Въ немъ самомъ жила старая Русь; доказательство—его тиранія и борода Бѣльскаго... А между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что по его положенію ему необходимо быть преобразователемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ не геніальный, думалъ, что для этого достаточно только прибавить кое-что новаго. И вотъ онъ учреждаетъ въ Москвѣ патріаршій престолъ, и сажаетъ на него не лучшаго,

а преданнѣйшаго изъ духовныхъ лицъ, который и короновалъ его въ послѣдствіи. Это нововведеніе было совершенно въ духѣ того времени: новое доказательство, что Годуновъ не былъ выше своего времени и ничего не видѣлъ за нимъ... Другое нововведеніе было еще болѣе въ современномъ ему духѣ, и потому самому было вредно для Россіи того вѣка и для новой Россіи, и губительно для самого Годунова: мы говоримъ о томъ законѣ Годунова, который увѣковѣченъ русскою пословицею: *Вотъ тебѣ, бабушка, юрцевъ дѣнь!* Этимъ нововведеніемъ Годуновъ раздражилъ обѣ стороны, которыхъ оно касалось—и помѣщиковъ и крестьянъ. Первые жаловались, что они не могутъ теперь выгнать изъ своего помѣстья лѣниваго или развратнаго холопа, и обязаны кормить его за то, что онъ ничего не дѣлаетъ, или за то, что онъ воруетъ и пьетъ. Вторые,—говоря языкомъ римскаго права,—изъ *personae* сдѣлались *res*. Значитъ, до Годунова у насъ не было крѣпостнаго сословія, и въ этомъ отношеніи не мы у Европы, а Европа у насъ могла бы съ большою для себя пользою позаимствоваться. Въмѣсто крѣпостнаго права, у насъ было только помѣстное право—право владѣть землею и обрабатывать ее руками пролетаріевъ, на свободныхъ съ ними условіяхъ, обратившихся въ обычай. Этотъ новый законъ былъ такъ въ духѣ тѣхъ временъ, что утвердился и укоренился надолго—до временъ Екатерины, уничтожившей даже слово „рабъ“ и измѣнившей положеніе этого сословія. И вотъ чѣмъ пережилъ себя Годуновъ въ потомствѣ.

У великаго человѣка и сердце великое. Идя своею дорогою и опираясь на свою силу, онъ ничего не боится; онъ разитъ своихъ враговъ, но не мститъ имъ; въ ихъ паденіи для него заключается торжество его дѣла, а не удовлетвореніе обиженнаго самолюбія. Петръ Великій умѣлъ карать враговъ своего дѣла, и умѣлъ прощать личныхъ враговъ, если видѣлъ, что они ему не опасны. Его кара была актомъ правосудія, а не дѣломъ личнаго мщенія, и онъ каралъ открыто, среди бѣлаго дня; но не отравлялъ во мракъ; принявъ публично доносъ, публично изслѣдовалъ дѣло и публично наказывалъ, если доносъ оказывался справедливымъ. Когда бунтъ стрѣлецкій заставилъ его воротиться изъ путешествія,—кровь стрѣльцовъ лилась рѣкою въ глазахъ грознаго царя,—и онъ не боялся показаться тираномъ, потому что не былъ имъ. Не такъ дѣйствовалъ Годуновъ. Сперва онъ крѣпился, надѣясь ласкою и милостію обнаружить тайныхъ враговъ и прекратить неблагопріятные о себѣ толки; но видя, что это не дѣйствуетъ, не вытерпѣвъ, и тогда настала эпоха террора, шпион-

ства, доносовъ, пытокъ и *скоропостижныхъ смертей*... У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и, наконецъ, не сдѣлаться тираномъ. Словомъ, онъ былъ только замѣчательный, а не великій человѣкъ. умный и талантливый администраторъ, но не гений.

Итакъ, вѣрно понять Годунова исторически и поэтически,—значитъ понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ—виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича, или невиненъ. А необходимость эта основана на томъ, что онъ не былъ геніальнымъ человекомъ, тогда какъ его положеніе непременно требовало отъ него геніальности. Это просто и ясно.

Отчего же не понялъ этого Пушкинъ? Или недостало у него художнической проницательности, поэтическаго такта?—Нѣтъ, оттого, что онъ увлекся авторитетомъ Карамзина и безусловно покорился ему. Вообще, надобно замѣтить, что чѣмъ больше понималъ Пушкинъ тайну русскаго духа и русской жизни, тѣмъ больше иногда и заблуждался въ этомъ отношеніи. Пушкинъ былъ слишкомъ русскій человѣкъ, и потому не всегда вѣрно судилъ обо всемъ русскомъ: чтобы что-нибудь вѣрно одѣлать разсудкомъ, необходимо это что-нибудь отдѣлать отъ себя и хладнокровно посмотрѣть на него, какъ на что-то чуждое себѣ, виѣ себя находящееся,—а Пушкинъ не всегда могъ дѣлать это, потому именно, что все русское слишкомъ срослось съ нимъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта. Говоря въ своихъ запискахъ о своихъ предкахъ, Пушкинъ осуждаетъ одного изъ нихъ за то, что тотъ подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. Первыми своими произведеніями онъ прослылъ на Руси за русскаго Байрона, за человѣка отрицанія. Но ничего этого не бывало: невозможно предположить болѣе анти-байронической, болѣе консервативной натуры, какъ натура Пушкина. Вспоминая о тѣхъ его „стишкахъ“, которые молодежь того времени такъ любила читать въ рукописи, нельзя не улыбнуться ихъ дѣтской невинности и не воскликнуть:

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!

Пушкинъ былъ человѣкъ преданія гораздо больше, нежели какъ объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пора его „стишковъ“ скоро кончилась, потому что скоро понялъ онъ, что ему надо быть только художникомъ, и больше ничѣмъ, ибо такова его натура, а, слѣдовательно, таково и призваніе его. Онъ началъ съ того,

что написалъ эпиграмму на Карамзина, совѣтуя ему лучше докончить *Илью Богатыря*, нежели приниматься за исторію Россіи; а кончилъ тѣмъ, что одно изъ лучшихъ своихъ произведеній написалъ подѣ влияніемъ этого историка и посвятилъ „драгоцѣнной для Россіи“ памяти Николая Михайловича Карамзина *сей трудъ, гениемъ его вдохновенный*“. Нельзя не согласиться, что есть что-то официальное и канцелярское въ самомъ складѣ и языкѣ этого посвященія, написаннаго по ломоносовской конструкціи, съ завѣтнымъ „сей“. Кстати о *сихъ, оныхъ и таковыхъ*: Пушкинъ всегда употреблялъ ихъ, по любви къ преданію, хотя къ его сжато-опредѣленному, выразительному и поэтическому языку они такъ же плохо шли, какъ грязныя пятна идутъ къ модному платью свѣтскаго человѣка, собравшагося на балъ. Но когда *Библиотека для Чтенія* воздвигала гоненіе на эти *старопечатныя* слова, Пушкинъ еще болѣе, еще чаще началъ употреблять ихъ къ явному вреду своего слога. Въ этомъ поступкѣ не было духа противорѣчія, ни на чемъ неоснованнаго; напротивъ, тутъ дѣйствовалъ духъ принципа—слѣпого уваженія къ преданію. Если уваженіе къ преданію такъ сильно выразилось въ отношеніи къ *симъ, онымъ, таковымъ и коимъ*, то естественно, что оно еще сильнѣе должно было проявляться въ Пушкинѣ въ отношеніи къ живымъ и мертвымъ авторитетамъ русской литературы¹⁾. Пушкинъ не зналъ какъ и возвеличить поэтическій талантъ Баратынскаго, и видѣлъ большого поэта даже въ Дельвигѣ; г. Катенинъ, по его мнѣнію, воскресилъ величавый геній Корнеля—бездѣлица!.. Изъ старыхъ авторитетовъ Пушкинъ не любилъ только одного Сумарокова, котораго очень неосновательно ставилъ ниже даже Тредьяковскаго. Всякая сколько-нибудь рѣзкая, хотя бы въ то же время и основательная критика на извѣстный авторитетъ огорчала его и не правилась ему, какъ посягательство на честь и славу родной литературы. Но въ особенности не знало мѣры его уваженіе и, можно сказать, его благоговѣніе къ Карамзину, чему причиною отчасти было и то, что Пушкинъ былъ окруженъ людьми карамзинской эпохи и самъ былъ воспитанъ и образованъ въ ея духѣ. Если онъ мощно и побѣдоносно выходилъ изъ духа этой эпохи, то не иначе, какъ поэтъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, и не мысль дѣлала его великимъ, а поэтическій инстинктъ. Конечно, Пушкина не могли бы такъ сильно покорить мелкія произведенія Карамзина, и Пушкинъ

не могъ находить особенной поэзіи въ его стихотвореніяхъ и повѣстяхъ, не могъ особенно увлечься пріятнымъ и сладкимъ слогомъ его статей и ихъ направленіемъ; но Карамзинъ не одного Пушкина,—нѣсколько поколѣній увлекъ окончательно своею *Исторіей Государства Россійскаго*, которая имѣла на нихъ сильное влияніе не однимъ своимъ слогомъ, какъ думаютъ, но гораздо больше своимъ духомъ, направленіемъ, принципами. Пушкинъ до того вошелъ въ ея духъ, до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто какъ исторію, но какъ политическій и государственный коранъ, долженствующій быть пригоднымъ какъ нельзя лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда.

Удивительно ли послѣ этого, что Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина, и не столько заботился объ истинѣ и поэзіи, сколько о томъ, чтобы не погрѣшить противъ „Исторіи Государства Россійскаго“? И потому, его поэтическій инстинктъ виденъ не въ цѣлости (*l'ensemble*), а только въ частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, получивъ характеръ мелодраматическаго злодѣя, мучимаго совѣстію, лишилось своей цѣлости и полноты; изъ живописнаго изображенія, какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною, или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ; то героемъ, то трусомъ; то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другого ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти...¹⁾. Отъ этого, за отсутствіемъ истинной и живой поэтической идеи, которая давала бы цѣлость и полноту всей трагедіи, *Борисъ Годуновъ* Пушкина является чѣмъ-то неопредѣленнымъ и не производитъ почти никакого рѣзкаго, сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого въ правѣ ожидать отъ нея читатель, безпрестанно поражаемый ея художественными красотами, безпрестанно восхищающійся ея удивительными частностями.

И дѣйствительно, если, съ одной стороны, эта трагедія отличается большими не-

¹⁾ Все это очень далеко отъ истины, какъ мы уже отмѣтили въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній къ статьѣ седьмой.

¹⁾ Такое пониманіе характера Бориса Годунова Пушкинъ могъ заимствовать и не отъ Карамзина, а отъ современниковъ Бориса, въ родѣ дьяка Тимофеева, автора записокъ о смутномъ времени. „Этотъ *работарь*, царь изъ рабовъ, представлялся имъ (современникамъ) загадочной смѣсью добра и зла, игрокомъ, у котораго чашки на вѣсахъ совѣсти постоянно колебались“ (В. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“ лекція XLI).

достатками, то, съ другой стороны, она же блистаетъ и необыкновенными достоинствами. Первые выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторыя—изъ превосходнаго выполненія со стороны формы. Пушкинъ былъ такой поэтъ, такой художникъ, который какъ будто не умѣлъ, еслибъ и хотѣлъ, и дурную идею воплотить не въ превосходную форму. Прежде всего спросимъ всѣхъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ русскою литературою: до пушкинскаго *Бориса Годунова* изъ русскихъ читателей, или русскихъ поэтовъ и литераторовъ, имѣлъ ли кто-нибудь какое-нибудь понятіе о языкѣ, которымъ долженъ говорить въ драмѣ русскій человѣкъ до-петровской эпохи? Не только прежде, даже послѣ *Бориса Годунова* явилась ли на русскомъ языкѣ хотя одна драма, содержаніе которой взято изъ русской исторіи, и въ которой русскіе люди чувствовали бы, понимали и говорили по-русски? И читая всѣхъ этихъ *Ляпуновыхъ*, *Скопиныхъ-Шуйскихъ*, *Баторисевъ*, *Іоанновъ Третьихъ*, *Самозванцевъ*, *Царей Шуйскихъ*, *Еленъ Глинскихъ*, *Пожарскихъ*, которые съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія наводнили русскую литературу и русскую сцену,—что видите вы въ почтенныхъ ихъ сочинителяхъ, если не Сумароковыхъ нашего времени? Не будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, появившихся до пушкинскаго *Бориса Годунова*: чего же можно и требовать отъ нихъ! Но что русскаго во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, которыя явились уже послѣ *Бориса Годунова*?—И не можно ли подумать скорѣе, что это нѣмецкія пьесы, только переложенныя на русскіе нравы?—Словно гигантъ между пигмеями, до сихъ поръ высится между множествомъ quasi-русскихъ трагедій пушкинскій *Борисъ Годуновъ*, въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величіи строгаго художественнаго стиля, благородной классической простоты... Довольно уже расточено было критикою похвалъ и удивленія на сцену въ кельѣ Чудова Монастыря между отцомъ Пименомъ и Григорьемъ... Въ самомъ дѣлѣ, эта сцена, которая была напечатана въ одномъ московскомъ журналѣ года за четыре или лѣтъ за пять до появленія всей трагедіи, и которая тогда же надѣлала много шума,—эта сцена, въ художественномъ отношеніи, по строгости стиля, но неподдѣльной и неподражаемой простотѣ выше всѣхъ похвалъ. Это что-то великое, громадное, колоссальное, никогда не бывалое, никѣмъ не предчувствованное. Правда, Пименъ ужъ слишкомъ идеализированъ въ его первомъ монологѣ, и потому чѣмъ болѣе поэтическаго и высокаго въ его словахъ, тѣмъ болѣе грѣшитъ авторъ противъ истины и правды дѣйстви-

тельности: не русскому, но и никакому европейскому отшельнику-лѣтописцу того времени не могли войти въ голову подобныя мысли—

..... Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный:
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пылъ въковъ отъ хартий отрянувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ.
.....

На старости я сынова живу;
Минувшее проходить предо мною—
Давно-ль оно неслось, событій полно.
Волнуясь, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно.
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня.
А прочее погибло невозвратно.

Ничего подобнаго не могъ сказать русскій отшельникъ-лѣтописецъ конца XVI и начала XVII вѣка; слѣдовательно, эти прекрасныя слова—ложь... но ложь, которая стоитъ истины: такъ исполнена она поэзіи, такъ обаятельно дѣйствуетъ на умъ и чувство! Сколько лжи въ этомъ родѣ сказали Корнель и Расинъ,—и однакожъ, просвѣщеннѣйшая и образованнѣйшая нація въ Европѣ до сихъ поръ рукоплещетъ этой поэтической лжи! И не диво: въ ней, въ этой лжи относительно времени, мѣста и нравовъ есть истина относительно человеческого сердца, человеческой природы. Во лжи Пушкина тоже есть своя истина, хотя и условная, предположительная: отшельникъ Пименъ не могъ такъ высоко смотрѣть на свое призванье, какъ лѣтописецъ; но еслибъ въ его время такой взглядъ былъ возможенъ, Пименъ выразился бы не иначе, а именно такъ, какъ заставилъ его высказаться Пушкинъ. Сверхъ того, мы выписали изъ этой сцены рѣшительно все, что можно осуждать какъ ложь въ отношеніи къ русской дѣйствительности того времени: все остальное такъ глубоко проникнуто русскимъ духомъ, такъ глубоко вѣрно исторической истинѣ, какъ только могъ это сдѣлать лишь гений Пушкина—истинно-національнаго русскаго поэта. Какая, напримѣръ, глубоко вѣрная черта русскаго духа заключается въ этихъ словахъ Пимена:

Да вѣдають потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ помнятъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

Вообще, въ этой сценѣ удивительно хорошо обрисованы, въ ихъ противоположности, характеры Пимена и Григорья; одинъ—

идеаль безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій свѣтъ лампады, озаряющей въ темномъ углу иконы византійской живописи; другой—весь безпокойство и тревога. Григорію трижды снится одна и та же греза. Проснувшись, онъ дивится величавому спокойствію, съ которымъ старецъ пишетъ свою лѣтопись,—и въ это время рисуетъ идеаль историка, который въ то время былъ невозможенъ, другими словами, выговариваетъ превосходнѣйшую поэтическую ложь:

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его *сокрытыя думы*;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дыкъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Затѣмъ онъ рассказываетъ старцу о „бѣсовскомъ мечтаніи“, смущавшемъ сонъ его:

Мнѣ снилось, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кинѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И, падая стремглавъ, я пробуждался...

Въ этомъ тревожномъ снѣ—весь будущій Самозванецъ... И какъ по-русски обрисованъ онъ, какая вѣрность въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ! Вотъ еще два монолога—факты глубоко-вѣрнаго, глубоко-русскаго изображенія этихъ двухъ чисто-русскихъ и такъ противоположныхъ характеровъ:

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смирѣй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донывѣ—если я,
Невольною дремотой обезспленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чуждыя то шумныя пиры,
То ратный станъ, то схвачен боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ ты свою младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ,
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Слѣдующій затѣмъ длинный монологъ Пимена о суетѣ свѣта и преимуществѣ затворнической жизни—верхъ совершенства! Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ! Ничья,

никакая исторія Россіи не даетъ такого яснаго, живого созерцанія духа русской жизни, какъ это простодушное, безхитростное разсужденіе отшельника. Картина Іоанна Грознаго, искавшаго успокоенія „въ подобіи монашескихъ трудовъ“, характеристика Феодора и разсказъ о его смерти,—все это чудо искусства, неподражаемые образы русской жизни до-петровской эпохи! Вообще, вся эта превосходная сцена сама по себѣ есть великое художественное произведеніе, полное и оконченное. Она показала, какъ, какимъ языкомъ должны писаться драматическія сцены изъ русской исторіи, если ужъ онѣ должны писаться,—и если не навсегда, то надолго убила возможность такихъ сценъ въ русской литературѣ, потому что скоро ли можно дожидаться такого таланта, который послѣ Пушкина могъ бы подвизаться на этомъ поприщѣ?.. А при этомъ, еще нельзя не подуматъ, не истощилъ ли Пушкинъ своей трагедіею всего содержанія русской жизни до Петра Великаго, такъ что касаться другихъ эпохъ и другихъ событій историческихъ значило бы только—съ другими именами и названіями повторять одну и ту же основную мысль, и потому быть убійственно однообразнымъ?..

Теперь о частностяхъ. Вся трагедія какъ будто состоитъ изъ отдѣльных частей, или сценъ, изъ которыхъ каждая существуетъ какъ будто независимо отъ цѣлаго. Это показываетъ, что трагедія Пушкина есть драматическая хроника, образецъ которой созданъ Шекспиромъ. Кромѣ превосходной сцены въ Чудовомъ монастырѣ, между старцемъ Пименомъ и Отрепьевымъ, въ трагедіи Пушкина есть много прекрасныхъ сценъ. Таковы: *первая*, въ кремлевскихъ палатахъ, между Воротынскимъ и Шуйскимъ, въ которой и исторически и поэтически вѣрно обрисованъ характеръ Шуйскаго; *вторая*, сцена народа и дьяка Щелкалова на площади; *третья*, въ кремлевскихъ палатахъ, между Борисомъ, согласившимся царствовать, патриархомъ и боярами. Въ этой сценѣ превосходно обрисовано *добросовѣстное лицемерство* Годунова,—въ томъ смыслѣ добросовѣстное, что, обманывая другихъ, онъ прежде всѣхъ обманывалъ самого себя, какъ всякій талантъ, обольщаемый ролью генія. Прекрасно также окончаніе этой сцены, происходящее между Воротынскимъ и Шуйскимъ, гдѣ характеръ послѣдняго все болѣе и болѣе развивается; его слова—

Теперь не время помнить,—
Совѣтую порой и забывать,—

такъ оригинальны, что должны современнымъ обратиться въ любимую пословицу для благоразумныхъ и осторожныхъ людей въ

родѣ Шуйскаго. Превосходна маленькая сцена между патріархомъ и игуменомъ, написанная прозою: это одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ трагедіи.

Мы уже говорили, по поводу шестой сцены, о цѣлой трагедіи: въ ней Борисъ является злодѣемъ, сперва сваливающимъ вину своихъ неудачъ и оскорбленій на неблагодарность народа, и послѣ разсуждающій о томъ, какъ жалокъ тотъ, въ комъ нечиста совѣсть. Намъ кажется, что это не драма, а мелодрама: истинно драматическіе злодѣи никогда не разсуждаютъ сами съ собою о невыгодахъ нечистой совѣсти и о пріятности добродѣтели. Въмѣсто этого, они дѣйствуютъ, чтобъ дойти до цѣли, или удержаться у ней, если уже дошли до нея.

Седьмая сцена въ корчмѣ на литовской границѣ превосходна. Жаль только, что желаніе высказать рѣзче дерзость Отрепьева увлекло поэта въ мелодраматизмъ, заставивъ его спровадить Самозванца въ окно корчмы, въ которое и курица проскочила бы съ трудомъ. Къ лучшимъ сценамъ трагедіи принадлежитъ восьмая—въ домѣ Шуйскаго. Превосходно, выше всякой похвалы, передалъ въ ней поэтъ устами Шуйскаго ропотъ и жалобы на Годунова его современниковъ. Выше мы уже выписали этотъ монологъ.

Слѣдующая затѣмъ большая сцена представляетъ собою двѣ части. Въ первой Борисъ превосходно очерченъ, какъ примѣрный семьянинъ, нѣжный отецъ; онъ утѣшаетъ дочь, овдовѣвшую невѣсту, говоритъ съ сыномъ о сладкомъ плодѣ ученія, о томъ, какъ помогаетъ наука державному труду. Все это такъ просто, такъ естественно,—и Борисъ является въ этой сценѣ во всемъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ. Во второй части сцены Борисъ узнаетъ отъ Шуйскаго о появленіи Самозванца. Странное волненіе, обнаруженное Борисомъ при этомъ извѣстіи, основано поэтомъ на виновной совѣсти Годунова,—и его поспѣшность къ рѣшительнымъ мѣрамъ противорѣчитъ исторической истинѣ: извѣстно, что Годуновъ вначалѣ принялъ слишкомъ слабыя мѣры противъ Отрепьева, вѣроятно, не считая его за опаснаго врага. Но если смотрѣть на эту сцену съ точки зрѣнія Пушкина, въ ней много драматическаго движенія, много страсти. Борисъ въ страшномъ волненіи, а Шуйскій, не теряя присутствія духа отъ мысли, что это волненіе можетъ ему стоить головы, ни на минуту не перестаетъ быть придворною лисою. Годуновъ спрашиваетъ его, какъ чело-
вѣка, производившаго слѣдствіе о смерти царевича, точно ли онъ видѣлъ его трупъ, и не было ли подмѣны. „Отвѣчай“—говоритъ онъ ему:

Шуйскій.

Клянусь тебѣ...

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь. Я милость общаю,
Прошедшей лжи опалю напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость:
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?

Сцена въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго, между Самозванцемъ и іезуитомъ Черниковскимъ очень хороша, за исключеніемъ ломоносовской фразы—„сыны Славянъ“, некстати вложенной поэтомъ въ уста Самозванцу. Продолженіе и конецъ этой сцены, гдѣ Самозванецъ говоритъ съ сыномъ Курбскаго, съ разными Русскими, приходящими къ нему, съ Полякомъ Собаньскимъ и поэтомъ.—не представляютъ никакихъ особенно рѣзкихъ чертъ.

За маленькой, но прелестной сценою въ замкѣ Мнишка въ Самборѣ слѣдуетъ знаменитая сцена у фонтана. Въ ней Самозванецъ является удалцомъ, который готовъ забыть свое дѣло для любви, а Марина—холодною честолюбивою женщиною. Вообще, эта сцена очень хороша; но въ ней какъ будто чего-то недостаетъ, или какъ будто проглядываютъ какія-то ложныя черты, которыя трудно и указать, но которыя тѣмъ не менѣе производятъ на читателя не совсѣмъ выгодное для сцены впечатлѣніе. Кажется, не преувеличилъ ли поэтъ любовь Самозванца къ Маринѣ, не сдѣлалъ ли онъ изъ минутной прихоти чувственнаго чело-
вѣка какую-то глубокую страсть? Самозванецъ въ этой сценѣ слишкомъ искрененъ и благороденъ; порывы его слишкомъ чисты: въ нихъ не видно будущаго растлителя несчастной дочери Годунова... Кажется, въ этомъ заключается ложная сторона этой сцены. Безразсудство Самозванца, его безумное признаніе передъ Мариною въ самозванствѣ, совершенно въ его характерѣ, пылкомъ, отважномъ, дерзкомъ, на все готовомъ, но рѣшительно неспособномъ ни на что великое, ни на какой глубоко обдуман-
ный планъ; совершенно въ его характерѣ и мгновенные порывы животной чувственности, но едва ли въ его характерѣ чело-
вѣческое чувство любви къ женщинѣ. Ха-

рактёръ Марини удивительно хорошо выдержанъ въ этой сценѣ.

Сцена на литовской границѣ между молодымъ Курбскимъ и Самозванцемъ до того приторна, фразиста и исполнена пустой декламациі, выдаваемой за пафосъ, что трудно повѣрить, чтобъ она была написана Пушкинымъ...

Сцена въ царской думѣ между Годуновымъ, патриархомъ и боярами можетъ быть хороша, даже превосходна только съ Пушкинской точки зрѣнія на участіе Годунова въ смерти царевича; если же смотрѣть на нее иначе, она покажется искусственною, и потому ложною. Но въ ней есть двѣ превосходнѣйшія черты: это рѣчь патриарха о чудесахъ, творимыхъ останками царевича, и о чудномъ исцѣленіи стараго пастуха отъ слѣпоты. Вторая черта—ловкій оборотъ, которымъ хитрый Шуйскій выводитъ Годунова изъ замѣшательства, въ какое привело его неожиданное предложеніе патриарха.

Сцена на равнинѣ, близъ Новгорода-Сѣверскаго, очень интересна своею живостію, характеромъ Маржерета и даже пестрою смѣсью языковъ и лицъ. Сцена юродиваго на кремлевской площади можетъ быть сочтена даже за превосходную, но только съ Пушкинской точки зрѣнія на виновную совѣсть Бориса. Въ сценѣ подъ Сѣвскомъ Самозванецъ обрисованъ очень удачно, особенно хороша эта черта:

Самозванецъ.

Ну, обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвѣ) и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ, смѣясь

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу.

Въ сценѣ въ царскихъ палатахъ, между Годуновымъ и Басмановымъ, оба эти лица являются въ какомъ-то странномъ свѣтѣ. Годуновъ собирается упиточить мѣстничество (!!). Басмановъ этому, разумѣется, радъ. Оба они разсуждаютъ объ управленіи народомъ и Годуновъ окончательно рѣшаетъ:

Итъ, милости не чувствуетъ народъ.
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

Басмановъ за это величаетъ его „высокимъ державнымъ духомъ“, желаетъ ему поскорѣе управиться съ Отрепьевымъ, чтобъ потомъ „сломить рогъ родовому боярству“.

Но вотъ Борисъ умираетъ, вотъ даетъ онъ послѣднія наставленія своему наслѣднику: что же особеннаго въ этихъ наставленіяхъ? — Изъ нихъ замѣчательно только одно:

Не измѣняй теченія дѣлъ. Привычка—
Душа державъ...

Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, что говоритъ умирающій Годуновъ своему сыну, виденъ царь умный, способный и опытный, который былъ бы однимъ изъ лучшихъ царей русскихъ, еслибъ престолъ достался ему по праву наслѣдія,—но слишкомъ ограниченный умъ для того, чтобъ усидѣть на захваченномъ тронѣ...

Крикъ мужика на амвонѣ лобнаго мѣста: „вязать борисова щенка!“ ужасенъ,—это голосъ всего народа, или, лучше сказать, голосъ судьбы, обречшей на гибель родъ несчастнаго честолюбца, взявшаго на себя бремя не по силамъ... Пушкинъ непременно хотѣлъ тутъ выразить голосъ судьбы, обречшей на гибель родъ злодѣя, царевубійцы... Можетъ быть, это было такъ; но спрашиваемъ: который изъ Годуновыхъ болѣе трагическое лицо—царевубійца, наказанный за злодѣянія, или достойный человѣкъ, падшій за недостаткомъ гениальности? Трагическое лицо непременно должно возбуждать къ себѣ участіе. Самъ Ричардъ III—это чудовище злодѣйства, возбуждаетъ къ себѣ участіе исполинскою мощью духа. Какъ злодѣй, Борисъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого участія, потому что онъ—злодѣй мелкій, малодушный; но какъ человѣкъ замѣчательный, такъ сказать, увлеченный судьбою взять роль не по себѣ, онъ очень и очень возбуждаетъ къ себѣ участіе: видишь необходимость его паденія и все-таки жалѣешь о немъ...

Превосходно окончаніе трагедіи. Когда Мосальскій объявилъ народу о смерти дѣтей Годунова,—*народъ въ ужасѣ молчитъ*... Отчего же онъ молчитъ? развѣ не самъ онъ хотѣлъ гибели годуновскаго рода, развѣ не самъ онъ кричалъ: „вязать борисова щенка“... Мосальскій продолжаетъ: „Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!—*Народъ безмолвствуетъ*...“

Это послѣднее слово трагедіи, заключающее въ себѣ глубокую черту, достойную Шекспира... Въ этомъ безмолвіи народа слышенъ страшный, трагическій голосъ новой Немезиды, изрекающей судъ свой надъ новою жертвою—надъ тѣми, кто погубилъ родъ Годуновыхъ...

1845 г.

Статья одиннадцатая и послѣдняя.

Домикъ въ Коломнѣ.—Родословная моего Героя (отрывокъ изъ сатирической поэмы).—Мѣдный Всадникъ.—Галубъ.—Египетскія ночи.—Анджело.—Сцена изъ Фауста.—Пиръ во время чумы.—Моцартъ и Сальери.—Скупой Рыцарь.—Русалка.—Каменный Гость.—Сцены изъ рыцарскихъ временъ.—*Сказки*: о Царѣ Салтанѣ; о Мертвой Царевнѣ и о семи Богатыряхъ; о Золотомъ Пѣтушкѣ; о Рыбакѣ и Рыбкѣ; о Купцѣ Кузмѣ Остолопѣ и о Работникѣ его Балдѣ.—*Повѣсти*: Арапъ Петра Великаго; Повѣсти Бѣлкина; Пиковая дама; Капитанская дочка; Дубровскій.—Лѣтопись села Горюхина.—Кирджали.—Исторія Пугачевского бунта.—Журнальныя статьи.—Заключеніе.

При разборѣ остальныхъ сочиненій Пушкина, о которыхъ нами не было еще говорено, мы вѣскольکو отступимъ отъ того хронологическаго порядка, въ какомъ появлялись въ свѣтъ эти сочиненія, чтобы, окончивъ съ поэмами, драматическія произведенія обозрѣть вмѣстѣ.

Домикъ въ Коломнѣ—игрушка, сдѣланная рукою великаго мастера. Несмотря на видимую незначительность ея со стороны содержанія, эта шуточная повѣсть тѣмъ не менѣе отличается большими достоинствами со стороны формы. Остроты, шутки, разсказъ, въ одно время и легкій, и занимательный, мѣстами проблески чувства, на всемъ какой-то особенный колоритъ, и наконецъ, превосходный стихъ—все это тотчасъ же обличаетъ великаго мастера. Когда печаянно попадаешь вамъ подъ руку эта, тещерь уже столь старая пьеса, и взоръ вашъ небрежно падаетъ на первую попавшуюся строфу или стихъ,—все равно, съ начала это или съ середины, но только вы, незамѣтно для самого себя, непременно прочтете до конца, и на душѣ вашей отъ этого чтенія останется впечатлѣніе легкое, но невыразимо сладостное, хотя бы вы уже сто разъ читали и перечитывали эту пьесу прежде. Многихъ удивитъ подобное мнѣніе, но „Домикъ въ Коломнѣ“ мы считаемъ однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній, въ которомъ, подъ легкой, небрежной формою и при видимой незначительности содержанія, скрыто много искусства. Эта пьеса доказываетъ ту простую истину, что жизнь, лишь бы искусство вѣрно воспроизводило ее, всегда высоко для насъ занимательна, и что люди, ищущіе въ произведеніяхъ искусства только эффектныхъ сюжетовъ, не понимаютъ ни жизни, ни искусства. Поэтическія произведенія такъ же имѣютъ свой колоритъ, какъ и произведенія живописи, и если колоритъ въ картинахъ цѣнится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все ихъ достоинство,—то такъ же точно колоритъ долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые,

по обыкновенію, прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы, и потому часто дюжинныя произведенія принимаются ими за великія, а великія—за дюжинныя. Мы увѣрены, что есть много читателей, которымъ *Домикъ въ Коломнѣ* очень нравится, но которые тѣмъ не менѣе считаютъ его только миленькой, но очень ничтожной вещью. Такъ всегда судитъ большинство!

Родословная моего Героя, названная отрывкомъ изъ сатирической повѣсти, вмѣстѣ съ *Графомъ Нулинымъ* и *Домикомъ въ Коломнѣ*, составляетъ типъ особеннаго рода поэмъ, которыя такъ любятъ новая „натуральная“ школа нашей литературы, пошедшая, какъ извѣстно, не отъ Карамзина и Дмитріева, а отъ Пушкина и Гоголя. Это по преимуществу поэмы нашего времени, потому что ихъ больше другихъ любятъ въ наше время. И немудрено: въ нихъ поэтъ не прячется за своими героями или за событіемъ, но прямо отъ своего лица обращается къ читателю съ тѣми вопросами, которые равно интересны и для самого поэта, и для читателей. Въ поэмахъ этого рода даже важное и патетическое само по себѣ выказывается съ оттѣнкомъ ироніи, юмористически, и иногда тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, чѣмъ небрежнѣе говорить поэтъ.

Нельзя сказать положительно, хотѣлъ ли Пушкинъ написать цѣлую поэму и почему—нибудь остановился на началѣ: но нѣтъ никакого сомнѣнія, что отрывокъ „Родословная моего Героя“ во всякомъ случаѣ представляетъ собой нѣчто цѣлое, потому что выражаетъ мысль совершенно полную и опредѣленную¹⁾. Судя по словамъ автора, отрывокъ этотъ можно принять за сатиру на людей, которые потому только не уважаютъ знатности породы, что сами не могутъ похвалиться ею (по крайней мѣрѣ, Пушкинъ тутъ ясно даетъ чувствовать, что не понимаетъ другой возможности равнодушія къ гербамъ и пергаментамъ); но, всмотрѣвшись ближе въ его произведеніе, нельзя не увидѣть, что это очень острая

¹⁾ Какъ теперь извѣстно, „Родословная“ сперва составляла часть „Мѣднаго Всадника“.

сатира, написанная поэтомъ на самого себя. Съ неподражаемымъ остроуміемъ *шутитъ* поэтъ надъ предками своего героя, излагая его генеалогію:

Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
Съ большимъ безчестіемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ.

Этотъ намекъ на мѣстничество, составлявшее *point d'honneur* нашей боярщины, блещетъ истинно Вольтеровскимъ остроуміемъ, которое, конечно, не возбудитъ въ читателѣ особеннаго уваженія къ „родословнымъ“; но вслѣдъ же затѣмъ иронія поэта бросается совсѣмъ въ противоположную сторону:

Но извините; статья можетъ,
Читатель, вамъ и досадила;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спесь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.
Кто-бы ни былъ вашъ родоначальникъ,—
Метиславъ, князь Курбскій, или Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ.—
Вамъ все равно. Конечно такъ:
*Вы презираете отцами,
Изъ славы, честію, правами
Великодушно и умно;*
Вы отрекались отъ нихъ давно
Прямого просвѣщенія ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою „собственныхъ заслугъ“,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Изъ приглашеніемъ на балъ,
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Эти мысли изумительны своею наивностію, достойною тѣхъ временъ, когда Варлаама Езерскаго, за споры то съ тѣмъ, то съ другимъ, съ безчестіемъ выводили изъ-за царскаго стола!.. Изъ чего хлопочетъ поэтъ? противъ чего возстаетъ онъ?—Противъ того, чего самъ не могъ не осмѣять... Что за упрекъ такой: „Васъ спесь дворянская не гложетъ“? Неужто спесь дворянская или мѣщанская есть добродѣтель, а не порокъ—признакъ грубости нравовъ и невѣжества?.. Вамъ все равно, кто бы ни былъ вашъ родоначальникъ — князь или цѣловальникъ Митюшка?.. Гордиться происхожденіемъ отъ князя такъ же смѣшно, какъ и стыдиться происхожденія отъ цѣловальника, потому что какъ въ первомъ случаѣ заслуга, такъ во второмъ — преступленіе — суть чистѣйшая случайность. Не происхожденіе, а жизнь приносить человѣку честь или безчестіе. Иначе, Сусанинъ или Мининъ были бы низкими людьми въ сравненіи со всякимъ глупенькимъ и пошленькимъ князькомъ, какихъ довольно бываетъ на бѣломъ свѣтѣ между князьями, достойными всякаго ува-

женія по ихъ личнымъ достоинствамъ. Поэтъ обвиняетъ родословныхъ людей нашего времени въ томъ, что они презираютъ своими отцами, ихъ славою, правами и честью; упрекъ столько же ограниченный, сколько и неосновательный! Если человѣкъ не чванится тѣмъ, что происходитъ по прямой линіи отъ какого-нибудь великаго человѣка, неужели это непременно значить, что онъ презираетъ своего великаго предка, его славу, его великія дѣла? Кажется, тутъ слѣдствіе выведено совсѣмъ произвольно. Презирать предковъ, когда они и ничего не сдѣлали хорошаго, смѣшно и глупо: можно не уважать ихъ, если не за что уважать, но въ то же время и не презирать, если не за что презирать. Гдѣ нѣтъ мѣста уваженію, тамъ не всегда есть мѣсто презрѣнію: уважается хорошее, презирается дурное; но отсутствіе хорошаго не всегда предполагаетъ присутствіе дурного, и наоборотъ, Еще смѣшнѣе гордиться чужимъ величіемъ, или стыдиться чужой низости. Первая мысль превосходно объяснена въ превосходной баснѣ Крылова *Гуси*; вторая ясна сама по себѣ. Извѣстно, что цѣловальники (въ древности—присяжные чиновники) не отличались особенною честностію, не отличаются и нынѣ, какъ продавцы вина въ питейныхъ домахъ; но если сынъ цѣловальника, по своей натурѣ оказался неспособенъ къ званію своего отца, и вмѣсто того, чтобъ обмѣривать въ кабацѣ пьяныхъ мужиковъ, прожилъ вѣкъ свой, пожалуй, не великимъ, даже не даровитымъ, а просто честнымъ человѣкомъ, — скажите: зачѣмъ ему стыдиться, что онъ сынъ своего отца?.. Притомъ же, мы нисколько не споримъ, что Тамерланъ былъ большой аристократъ,—по крайней мѣрѣ, при его жизни въ этомъ никто не смѣлъ усомниться подъ опасеніемъ быть посажену на колъ; но прежде, нежели сдѣлаться великимъ ханомъ, онъ былъ кузнецомъ, заплатившимъ за покражу овцы увѣчьемъ ноги. Такъ и всякій родъ начать былъ однимъ человѣкомъ незнатнаго происхожденія, у котораго въ роднѣ былъ не одинъ сапожникъ или портной. Но все это истины немного пошлыя, потому именно, что онѣ ужъ слишкомъ истинны. Тѣмъ, повидимому, страннѣе, что великій поэтъ видѣлъ въ нихъ ложь, а во лжи—истину. Но здѣсь въ поэтѣ сказанъ человѣкъ, не могшій, на зло себѣ, отрѣшиться отъ предразсудковъ, надъ которыми самъ смѣялся... Но далѣе—

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунять,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ *этомъ смыслѣ* (въ какомъ же?) демократъ;
Но, каюсь: новой Ходаковскій,
Люблю отъ бабушки московской

И толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Признаніе поистинѣ наивное! На вкусъ товарища нѣтъ, говоритъ русская пословица; но кому какое дѣло до чужихъ вкусовъ, и кто свои личные и притомъ странные вкусы въ правѣ выдавать другимъ за законъ? Одинъ любитъ говорить съ московскою бабункою о роднѣ и о толстобрюхой старинѣ; другой любитъ разсуждать съ своимъ крѣпостнымъ псаремъ о личныхъ качествахъ и добродѣтеляхъ его гончихъ: оба правы, и мы никому изъ нихъ мѣшать не намѣрены, а только считаемъ себя въ правѣ попросить обоихъ не навязывать намъ своихъ вкусовъ, какъ правилъ нравственности и добродѣтели.

Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды;

Дѣйствительно, жаль, если правда, что звуки нашей славы намъ чужды. Только едва ли правда: равнодушіе къ толстобрюхой старинѣ и равнодушіе къ народной славѣ—совсѣмъ не одно и то же. Если поэтъ хотѣлъ этимъ упрекомъ намекнуть на то, что мы, какъ молодой, исполненный надеждъ народъ, больше заняты своимъ настоящимъ и больше смотримъ на свое будущее, нежели на прошедшее, то ему слѣдовало бы выразиться яснѣе и понять лучше причину этого явленія, совершенно необходимаго и нисколько не предосудительнаго въ его источникѣ...

Что проста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état...

Полно, проста ли? Мы вообще убѣждены, что ни одно историческое явленіе не дѣлается проста, и ни въ одномъ не виноваты люди. Предки нашихъ баръ шли все въ гору, хотѣли быть только барами и жили широко, не заботясь о будущемъ; а ихъ дѣти принуждены были понять, что барство поддерживается прежде всего деньгами, и что безъ денегъ барство—суета суеты! Тутъ видна скорѣе смѣтливость и догадливость, нежели простота. Фабрики, компаніи, акціи, спекуляціи, предпріятія, обороты,—все это вещи, можетъ быть, дѣйствительно нисколько не аристократическія, зато уже и совсѣмъ не простоватыя... Въ наше время простаковъ мало, и простаки въ наше время именно тотъ, кого гложетъ какая-нибудь спесь...

Что намъ не въ прокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Да изъ чего же слѣдуетъ, что науки пошли намъ не въ прокъ? уже не изъ того ли, что онѣ избавили насъ отъ дворянской спеси?.. Станный выводъ!.. Впрочемъ, по-

шедши отъ ложнаго начала, нельзя не дойти до ложныхъ выводовъ... Странное зрѣлище: великій поэтъ видитъ зло въ успѣхахъ просвѣщенія, которое, безъ насильственныхъ переворотовъ смягчило грубость нравовъ и сблизило между собою дотолѣ раздѣленные сословія!..

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Вздвигаетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропаль и слухъ;
Что ихъ поносить и Фигляринъ;
Что русскій *вѣтранный* бояринъ (баринъ?)
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава,
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и осель:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

Многимъ казалось ужасно остроумною выходкою о демократическомъ копытѣ осла, лягающаго геральдическаго льва, и они такъ восхитились ею, что повѣрили древности этого геральдическаго льва, по наивному незнанію, что существованіе нашей геральдики есть искусственное и не простирается даже за полувѣкъ отъ настоящаго дня... Отъ этихъ стиховъ такъ и вѣетъ „Литературною Газетою“ 1830 года... ¹⁾ Ничего не можетъ быть пелѣпѣе, какъ приложеніе къ нашему русскому быту фактовъ исторіи Западной Европы, съ ея католическими и рыцарскими преданіями, вовсе для насъ чуждыми и нисколько къ намъ не идущими. И оттого, слова „аристократическій“, „демократическій“, встрѣчающіяся изрѣдка въ русскихъ стихахъ и русской прозѣ, тѣмъ смѣшнѣе и забавнѣе, чѣмъ серьезнѣе смотрятъ они... Пушкина, кажется, очень занимало общественное положеніе Байрона, гордившагося тѣмъ, что въ его жилахъ текла королевская кровь, и болѣе дорожившаго своимъ званіемъ лорда, нежели своимъ значеніемъ перваго поэта Европы XIX вѣка. Но Байронъ—другое дѣло. Онъ—англичанинъ; его предразсудки имѣли значеніе историческое и національное. Еслибъ онъ и не сдѣлался великимъ человѣкомъ, онъ все бы остался важнымъ лицомъ въ своемъ отечествѣ: обладателемъ огромнаго наслѣдства, по праву рожденія членомъ палаты лордовъ... Аристократизмъ—въ этомъ словѣ заключается вся политическая конструція Англіи, какъ государства, и потому тамъ къ партіи тори принадлежатъ не одни дворяне, но и люди всѣхъ другихъ сословій, которые въ сохраненіи statu quo видятъ для себя великій

¹⁾ Газета, издававшаяся Дельвингомъ, при близкомъ участіи Пушкина, кн. Вяземскаго и др.; газета эта считалась „аристократической“.

вопросъ: *быть или не быть?*.. Какъ потомка старинной фамиліи, Пушкина знать бы только его кругъ знакомыхъ, а не Россія, для которой въ этомъ обстоятельстве не было ничего интереснаго; но, какъ поэта, Пушкина узнала вся Россія и теперь гордится имъ, какъ сыномъ, дѣлающимъ честь своей матери... Кому нужно знать, что бѣдный дворянинъ, существующій своими литературными трудами, богатъ длиннымъ рядомъ предковъ, мало извѣстныхъ въ исторіи? Гораздо интереснѣе было знать, что напишетъ новаго этотъ гениальный поэтъ...

Забавны, въ сатирическомъ смыслѣ, послѣдніе стихи отрывка:

Вотъ почему, архивы роя,
И разбираю въ досужный часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ
И здѣсь потомству зановѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.

Увы! *Sic transit gloria mundi!* На кого же тутъ пенять, на кого жаловаться? Какіе тутъ аристократы и демократы? Тутъ дѣло должно идти просто о мотовствѣ, о незнаніи хозяйства, о неразсчетливой жизни на авось, о естественномъ раздробленіи имѣній черезъ право наслѣдства... Тѣмъ, которые тутъ проиграли, остается одно — вступить въ tiers-état, но не спроста, и для того, чтобъ, во-первыхъ, что-нибудь дѣлать, а во-вторыхъ, чтобъ имѣть болѣе вѣрныя средства къ существованію...

Вмѣсто этой юмористической повѣсти, Пушкину лучше было бы написать дидактическую поэму о пользѣ свекло-сахарныхъ заводовъ, или о превосходствѣ плодоперемѣнной системы земледѣлія надъ трехпольною, какъ Ломоносовъ написалъ посланіе о пользѣ стекла, начинающееся этими наивными стихами:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

А между тѣмъ, „Родословная Моего Героя“ написана стихами до того прекрасными, что нѣтъ никакой возможности противиться ихъ обаянію, несмотря на ихъ содержаніе. И потому эта пьеса — истинный шалашъ, построенный великимъ мастеромъ изъ драгоценнаго паросскаго мрамора...

Теперь перейдемъ къ тремъ лучшимъ, въ художественномъ отношеніи, поэмамъ Пушкина — *Мѣдному Всаднику*, *Галубу* и *Египетскимъ Ночамъ*.

Мѣдный Всадникъ многимъ кажется какимъ-то страннымъ произведеніемъ, потому что тема его, повидимому, выражена не-вполнѣ. По крайней мѣрѣ, страхъ, съ какимъ побѣждалъ помѣшанный Евгенийъ отъ конной статуи Петра, нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ того, что пропущены слова его къ монументу. Иначе, почему же вообразилъ онъ, что грозное лицо царя, возгорѣвъ гнѣвомъ, тихо оборотилось къ нему, и почему, когда стрелглавъ побѣждалъ онъ, ему все слышалось,

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой?..

Условьтесь въ томъ, что въ напечатанной поэмѣ недостаетъ словъ, обращенныхъ Евгениемъ къ монументу, — и вамъ сдѣлается ясна идея поэмы, безъ того смутная и неопредѣленная ¹⁾. Настоящій герой ея — Петербургъ. Оттого и начинается она грандіозною картиною Петра, задумывающаго основаніе новой столицы, и яркимъ изображеніемъ Петербурга въ его теперешнемъ видѣ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Опъ, думъ великихъ полъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солища,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Опъ:

„Отсель грозить мы будемъ Шведамъ;
„Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
„На зло надменному сосѣду;
„Природой здѣсь намъ суждено
„Въ Европу прорубить окно,
„Ногою твердой стать при морѣ;
„Сюда, по новымъ намъ волнамъ,
„Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
„И запируемъ на просторѣ!“
Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣсятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —

¹⁾ Впослѣдствіи княземъ П. Вяземскимъ дѣйствительно была пущена въ оборотъ версія о недостающемъ монологе — пока ничѣмъ не подтвержденная и повидимому не имѣющая основаній.

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

Не перепечатаваемъ, вполнѣ этого описанія, исполненнаго такой высокой и мощной поэзіи; но, чтобъ прослѣдить идею поэмы въ ея развитіи, напомнимъ читателю заключеніе:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой рассказъ.

Содержаніе этого разсказа составляетъ описаніе страшнаго наводненія, постигшаго Петербургъ въ 1824 году. Это плачевное событіе имѣетъ прямое отношеніе къ построенію Петромъ Великимъ Петербурга, не по одной этой причинѣ столь дорого стоившаго Россіи. Съ исторіею наводненія, какъ историческаго событія, поэтъ искусно слилъ частную исторію любви, сдѣлавшейся жертвою этого происшествія. Герой повѣсти — Евгенийъ, — имя, такъ сдружившееся съ перомъ нашего поэта, который съ грустью описываетъ его незначительность, не соответствующую его понятіямъ о родословіи:

Прозванье намъ его не нужно —
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало.
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ и не тужить
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

Однажды легъ онъ съ грустными мечтами о своемъ житьѣ-бытьѣ; вечеръ былъ мраченъ и буренъ. На другой день сдѣлалось наводненіе —

И всплылъ Петрополь какъ тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму — *Потопъ*... Тутъ не знаешь, чему больше дивиться: громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простотѣ — что, вмѣстѣ взятое, доходитъ до высочайшей поэзіи. Однакожъ, боясь перепечатать всю поэму, пропускаемъ начало описанія, чтобъ поспѣшить къ герою поэмы:

Тогда на площади Петровой, —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ подъ возвышеннымъ крыльцомъ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоять два льва сторожевые, —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно, блѣдный,
Евгеній. Онъ страшился блѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валь,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были.словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже!.. тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашенный да ива
И ветхій домикъ: тамъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землею?
И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего!
И, обращенъ къ нему спиною,
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невой,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Когда наводненіе утихло, Евгенийъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Параша, нашелъ одну иву — и ничего больше. Несчастный сошелъ съ ума. Бродя по улицамъ, преслѣдуемый мальчишками, получая удары отъ кучерскихъ плетей, разъ —

Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Въ этомъ безпрестанномъ столкновеніи несчастнаго съ „гигантомъ на бронзовомъ конѣ“ и въ впечатлѣніи, какое производитъ на него видъ Мѣднаго Всадника, скрывается весь смыслъ поэмы; здѣсь ключъ къ ея идеѣ...

Евгеній возрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли, Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя грозно вкругъ него,
И львовъ, и площадь и Тою,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ съ мѣдной головой
И съ распростертою рукою —
Какъ будто градомъ любовался.
Безумецъ блѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,

И надпись яркую прочесть,
 И сердце скорбью великой
 Стѣснилось въ немъ. Его чело
 Къ рѣшетѣ хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманомъ,
 По членамъ холодъ пробѣжалъ,
 И вдрогнулъ онъ—и мраченъ сталъ
 Предъ дивнымъ русскимъ великаномъ...
 И, переть свои на него поднимать,
 Задумался... Но вдругъ стремглавъ
 Бѣжать пустился... *Показалось*
Ему, что грозноа царя,
Минувенно гнѣвомъ позоря,
Лицо тихонько обращалось...
 И онъ по площади пустой
 Бѣжить и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руки къ вышнимъ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ—
 И во всю ночь безумецъ бѣдный
 Куда стопы ни обрадалъ,
 За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
 Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ...
 И съ той поры, когда случалось
 Идти той площадью ему,
 Въ его лицѣ изображалось
 Смятенье: къ сердцу своему
 Онъ прижималъ поспѣшно руку,
 Какъ бы его смиряя муку;
 Картузъ изношенный сымалъ,
 Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
 И шелъ стороной... ¹⁾

Въ этой поэмѣ видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствіе избранія мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей,—и наше сокрушенное сочувствіемъ сердце, вмѣстѣ съ несчастнымъ, готово смутиться; но вдругъ взоръ нашъ, упавъ на изваяніе виновника нашей славы, склоняется долу,—и въ священномъ трепетѣ, какъ бы въ сознаніи тяжкаго грѣха, бѣжитъ стремглавъ, думая слышать за собой,

Какъ будто грома грохотанье,
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой...

Мы понимаемъ смущенною душою, что не произволъ, а разумная воля олицетворены въ этомъ Мѣдномъ Всадникѣ, который въ неколебимой вышинѣ, съ распростертою рукою, какъ бы любитъ городомъ... И намъ чудится, что, среди хаоса и тьмы этого разрушенія, изъ его мѣдныхъ устъ исходитъ творящее: „да будетъ!“, а простертая рука гордо повелѣваетъ утихнуть разъяреннымъ стихіямъ... И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствія къ

¹⁾ Всѣ эти цитаты—по тексту, обработанному Жуковскимъ. Только недавно восстановленъ подлинный пушкинскій текстъ „Мѣднаго Всадника“ (см. изданія соч. Пушкина подъ ред. П. Морозова—1903 г., и С. Венгерова).

страданію этого частнаго... При взглядѣ на Великана, гордо и неколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенія, и какъ бы символически осуществляющаго собою несокрушимость его творенія,—мы хотя и не безъ содроганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданіе... Да, эта поэма—апофеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только прийти въ голову поэту, вполне достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи... Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ: въ глазахъ насъ, русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи... Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной „Петриады“, но его *Стансы* („Въ надеждѣ славы и добра“), многія мѣста въ „Полтавѣ“, „Пиръ Петра Великаго“ и наконецъ этотъ „Мѣдный Всадникъ“ образуютъ собою самую дивную, самую великую „Петриаду“, какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта... И мѣрою трепета при чтеніи этой „Петриады“ должно опредѣляться, до какой степени въ правѣ называться русскимъ всякое русское сердце...

Намъ хотѣлось бы сказать что-нибудь о стихахъ „Мѣднаго Всадника“, о ихъ упругости, силѣ, энергіи, величавости; но это выше силъ нашихъ: только такими же стихами, а не нашею бѣдною прозою можно хвалить ихъ... Нѣкоторыя мѣста, какъ, на примѣръ, упоминаніе о графѣ Хвостовѣ, показываютъ, что по этой поэмѣ еще не былъ проведенъ окончательно рѣзецъ художника, да и напечатана она, какъ извѣстно, послѣ его смерти; но и въ этомъ видѣ она—колоссальное произведеніе...

Въ статьѣ Пушкина „Путешествіе въ Арзрумъ“ находятся слѣдующія строки: „Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Пѣнника* и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно“. Насъ всегда поражала благородная и безпристрастная вѣрность этой оцѣнки, и нельзя не согласиться, что это лучшая критика на „Кавказскаго Пѣнника“. „Кавказскій Пѣнникъ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1822 году, и былъ однимъ изъ первыхъ произведеній Пушкина, наиболѣе способствовавшихъ его народности ¹⁾ въ Россіи. Истиннымъ героемъ ея былъ не столько пѣнникъ,

¹⁾ „Народность“ въ смыслѣ „популярность“; ср. т. I, стр. 357.

сколько Кавказъ; исторія плѣнника была только рамкою для описанія Кавказа. Случилось такъ, что и одно изъ послѣднихъ произведеній Пушкина опять посвящено было тому же Кавказу, тѣмъ же горцамъ. Но какая огромная разница между „Кавказскимъ Плѣнникомъ“ и *Галубомъ*! Словно въ разные вѣка и разными поэтами написаны эти двѣ поэмы! Въ „Путешествіи въ Арзрумъ“ Пушкинъ рассказываетъ, между прочимъ, о похоронахъ у горцевъ, которыхъ свидѣлемъ ему случилось быть. Это даетъ право догадываться, что впечатлѣнія, плодомъ которыхъ былъ „Галубъ“, собраны были поэтомъ во время его путешествія въ Арзрумъ, въ 1829 году, и что эта поэма была написана имъ послѣ 1829 года ¹⁾. Если ее раздѣлялъ отъ „Кавказскаго Плѣнника“ промежутокъ только десяти лѣтъ,—какой великій прогрессъ! И что бы написалъ намъ Пушкинъ, еслибы прожилъ еще хоть десять лѣтъ!..

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадить!
Нѣтъ великаго Патрокла!
Живъ презрительный Терситъ!..

Въ „Галубѣ“ глубоко гуманная мысль выражена въ образахъ столько же отчетливо вѣрныхъ, сколько и поэтическихъ. Старикъ чеченецъ, похоронивъ одного сына, получаетъ другого изъ рукъ его воспитателя. Но этотъ второй сынъ не замѣнилъ ему своего брата и обманулъ надежды отца. Безъ образованія, безъ всякаго знакомства съ другими идеями или другими формами общественной жизни, но единственно инстинктомъ своей природы юный Тазитъ вышелъ изъ стихій своего родного племени, своего родного общества. Онъ не понимаетъ разбоя ни какъ ремесла, ни какъ поэзіи жизни, не понимаетъ мщенія ни какъ долга, ни какъ наслажденія.

Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ печаленъ надъ горой.
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главою.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, что онъ такое—поэтъ, художникъ, жрецъ науки или просто одна изъ тѣхъ внутреннихъ, глубоко сосредоточенныхъ въ себѣ натуръ, рождающихся для мирныхъ трудовъ, мирнаго счастья, мирнаго и благотѣльнаго вліянія на окружающихъ его людей? Какъ знать это кому-нибудь, если онъ самъ того не знаетъ? Явился онъ въ цивилизованномъ обществѣ,—хотя съ трудомъ, съ борьбою, надѣлавъ тысячи ошибокъ, но созналъ бы онъ свое назначеніе, нашелъ бы его и отдался бы ему. Но онъ родился среди патриархально-разбойническаго, дикаго и невѣжественнаго племени, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго,—и ему нѣтъ мѣста на землѣ; онъ отверженъ, проклятъ; его родные—враги его... Отецъ Тазита—чеченецъ душой и тѣломъ, чеченецъ, которому непонятны, которому ненавистны всѣ не-чеченскія формы общественной жизни, который признаетъ святою и безусловно истинною только чеченскую мораль, и который, слѣдовательно, можетъ въ сынѣ любить только истаго чеченца. Въ отношеніи къ сыну онъ не дѣйствуетъ иначе, какъ заодно съ чеченскимъ обществомъ, во имя его національности. Трагическая коллизія между *отцомъ* и *сыномъ*, т.-е. между *обществомъ* и *человѣкомъ*, не могла не обнаружиться скоро. Разъ Тазитъ, въ своихъ горныхъ разбѣздахъ, встрѣтилъ армянина съ товарами—и не ограбилъ, не убилъ или не привелъ его домой на арканѣ. Другой разъ, повстрѣчалъ онъ бѣглаго раба—и оставилъ его невредимымъ.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадастъ.
На третій блѣденъ какъ мертвецъ
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ
.....

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостата.

Отецъ.

Кого? кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?..
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай, наглажусь!

Сынъ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ.

¹⁾ Поэма эта, дѣйствительно, была начата Пушкинымъ въ 1829 году и писалась имъ до 1833 года.

Отецъ.

Ты долгъ крови не забудь...
Врага ты пакънишь опрокинувъ...
Не правда ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его степенемъ,
Его змѣннымъ издыханьемъ?...
Гдѣ-жъ голова? подай!.. Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталь Галубъ чернѣе ночи
И сыну грозно возопилъ:

„Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ!
„Ты не чеченецъ—ты старуха,
„Ты трусь, ты рабъ, ты армянинъ!
„Будь проклятъ мной, поди—чтобъ слуха
„Никто о робкомъ не имѣлъ,
„Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
„Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
„Окровавленной кошкой сѣлъ
„И къ безднѣ гвалъ тебя нещадно;
„Чтобъ ты, какъ раненый олень,
„Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
„Чтобъ дѣти русскихъ деревень
„Тебя веревкою поймали
„И какъ волченка затерзали—
„Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
„Не оскверняй моихъ очей!“

Здѣсь въ лицѣ отца говоритъ общество. Такія чеченскія исторіи случаются и въ цивилизованныхъ обществахъ: Галилея въ Италіи чуть не сожгли живого за его несогласіе съ чеченскими понятіями о міровой системѣ. Но тамъ человѣкъ знаніемъ опередилъ свое общество, и еслибъ былъ сожженъ, могъ бы имѣть хоть то утѣшеніе передъ смертію, что идеи-то его не сожгутъ невѣжественные палачи... Здѣсь же человѣкъ вышелъ изъ своего народа своею натурою безъ всякаго сознанія объ этомъ, — самое трагическое положеніе, въ какомъ только можетъ быть человѣкъ!.. Одинъ среди множества, и ближніе его—враги ему; стремится онъ къ людямъ и съ ужасомъ отскакиваетъ отъ нихъ, какъ отъ змѣи, на которую наступилъ нечаянно... И винить, и презираетъ, и проклинаетъ онъ себя за это, потому что его сознаніе не въ силахъ оправдать въ собственныхъ его глазахъ его отчужденіе отъ общества... И вотъ она — вѣчная борьба общаго съ частнымъ, разума съ авторитетомъ и преданіемъ, человѣческаго достоинства съ общественнымъ варварствомъ! Она возможна и между чеченцами!..

Превосходны, выше всякой похвалы послѣдніе стихи „Галуба“, представляющіе живое изображеніе черкесскихъ нравовъ и трогательную картину отчужденныхъ отъ общества любовниковъ:

Въ толпѣ они четою странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время! съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;

Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятении, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣко говоря,
И вдругъ сѣдлась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, не властный превозмочь
Волненья сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: „Твоя мнѣ дочь
„Давно мила; по ней тоскуя,
„Одинъ и спрѣ давно живу я;
„Благослови любовь мою;
„Я бѣденъ, но могуць и молодъ,
„Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
„Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ;
„Тебѣ я буду сынъ и другъ
„Послушный, преданный и нѣжный,
„Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный,
„А ей приверженный супругъ...“

Увы! бѣдный юноша говорилъ все это, не зная самъ себя. Онъ былъ могучъ и молодъ, у него много было отваги и храбрости, — но онъ жалѣлъ бѣжавшаго раба, не могъ убить израненнаго и обезоруженнаго врага: онъ не былъ чеченцемъ, и въ его саклѣ поселился бы голодъ... И зато онъ отверженъ; отвержена и та, которая имѣла несчастіе полюбить его! Чтѣ съ ними стало, намъ неинтересно знать. Они должны погибнуть—это вѣрно; но какъ погибнуть, что до того!.. Слѣдовательно, поэму эту можно считать цѣлою и оконченною. Мысль ея видна и выражена вполне.

Египетскія ночи—въ одно и то же время и повѣсть, писанная прозою, и поэма, писанная стихами. Повѣсть прекрасна. Характеръ Чарскаго, русскаго поэта и свѣтскаго человѣка, который знаетъ цѣну искусству и таланту и со всѣмъ тѣмъ стыдится ремесла своего; характеръ импровизатора, страстнаго, вдохновеннаго жреца искусства, униженнаго, низкопоклоннаго итальянца, жаднаго къ прибутку нищаго; характеръ нашего большого свѣта, его странныя отношенія къ искусству, — все это выдержано съ удивительною вѣрностію, до мельчайшихъ подробностей, — до некрасивой дѣвушки, по приказанію матери написавшей тему импровизатору. Но чтѣ сказать о поэмѣ—„Cleopatra e i suoi amanti“?.. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ поэтъ показалъ намъ величественный образъ преобразователя Россіи и современнѣйшій Петербургъ; въ „Галубѣ“ перенесъ насъ въ среду кавказскихъ дикарей, чтобъ показать, что и тамъ есть человѣческое достоинство, осужденное на трагическое страданіе; въ „Египетскихъ ночахъ“ волшебнымъ жезломъ своей поэзіи онъ переноситъ насъ въ

среду древняго римскаго міра, одряхлѣвшаго, утратившаго всѣ вѣрованія, всѣ надежды, холоднаго къ жизни и все еще жаждущаго наслажденій, за которыя охотно платитъ жизнь, какъ будто жизнь дешевле денегъ... Во всѣхъ этихъ трехъ поэмахъ видимъ мы Пушкина, узнаемъ въ нихъ ему только свойственный колоритъ и стиль; но ни въ одной изъ нихъ не повторяетъ онъ себя,—напротивъ, въ каждой являетъ изумленному взору нашему совершенно новый міръ: „Мѣдный Всадникъ“—весь современная Русь, „Галубъ“—весь Кавказъ, „Египетскія ночи“, это—воскресшій, подобно Помпеѣ и Геркулануму, древній міръ на закатѣ его жизни... О стихахъ импровизатора не говоримъ: это чудо искусства...

Три послѣднія означенныя нами поэмы въ художественномъ отношеніи неизмѣримо выше всѣхъ прежнихъ поэмъ Пушкина. Въ нихъ виденъ вполнѣ развившійся и выработавшійся художественный стиль, который долженъ быть принадлежностью всякаго великаго поэта. Что-то глубоко-грустное, но вмѣстѣ и величаво спокойное лежитъ въ поэтическомъ колоритѣ, разлитомъ на этихъ твореніяхъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ лирическихъ стихотвореній поэтъ не даромъ сравнилъ печаль души своей съ виномъ, которое тѣмъ крѣпче, чѣмъ старѣе. Мы прибавимъ отъ себя, что вино, чѣмъ старѣе, тѣмъ не только крѣпче, но и вкуснѣе и ароматнѣе... Продолжая сравненіе, начатое самимъ же поэтомъ, скажемъ, что послѣднія произведенія его, утративъ конфетную сладость первыхъ, приобрѣли вкусъ и благоуханную букетистость дорогого старого вина...

Анджело составляетъ переходъ отъ эпическихъ поэмъ къ драматическимъ; по крайней мѣрѣ, діалогъ играетъ въ этой пьесѣ большую роль. „Анджело“ былъ принятъ публикою очень сухо, и подѣломъ. Въ этой poemѣ видно какое-то усиліе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ-то искусственна. Можно найти въ „Анджело“ счастливыя выраженія, удачные стихи, если хотите, много искусства, но искусства чисто техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни. Короче: эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать.

Теперь перейдемъ къ драматическимъ опытамъ Пушкина, которые онъ столь блистательно началъ своимъ „Борисомъ Годуновымъ“. Драматическій элементъ сильно пробивался и въ первыхъ поэмахъ его—„Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, „Цыганахъ“ и „Полтавѣ“, такъ что по нимъ уже можно было видѣть, что онъ можетъ приобрѣсти такіе же успѣхи и въ драматической поэзіи, какіе приобрѣлъ уже въ лирической и эпической. Сцена изъ „Бориса Годунова“, на-

печатанная еще въ 1828 году, оправдала это ожиданіе. Въ 1829 году во второмъ томѣ „Стихотвореній Александра Пушкина“ была напечатана *Сцена изъ Фауста*. Это былъ не переводъ какого-нибудь отрывка изъ знаменитой драматической поэмы Гёте, но варіація, разыгранная на ея тему. Многимъ эта сцена такъ понравилась, что они, не зная „Фауста“ Гёте, порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами, но между нею и Гётевымъ „Фаустомъ“ нѣтъ ничего общаго. Она—не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его маленькомъ стихотвореніи „Демонъ“. Этотъ демонъ былъ „довольно мелкій, изъ самыхъ нечиновныхъ“. Онъ соблазнялъ однихъ юношей,

Въ тѣ дни, когда имъ были новы
Всѣ впечатлѣнныя бытія.

Поэтому, ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него, ибо

Неистощимой клеветой,
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

„Печальны, говоритъ Пушкинъ, были мои встрѣчи съ нимъ!“ Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкой смотритъ на пушкинскаго чертенка. И не диво: для кого существуетъ истина, красота и благо, тѣ не сомнѣваются теперь въ ихъ существованіи; для кого же они не существуютъ, тѣ и не заботятся о нихъ. Но для первыхъ есть другой демонъ, и если они знали его,—

Ихъ умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ; межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебной-сладкой красотою,
Что было страшно...

Это уже демонъ совѣмъ другого рода: отрицать все для одного отрицанія и существующее стараться представлять не существующимъ—для него было бы слишкомъ пошлымъ занятіемъ, которое онъ охотно предоставляет мелкимъ бѣсамъ дурного тона, дьявольской черни и сволочи. Самъ же онъ отрицаетъ для утвержденія, разрушаетъ для созиданія; онъ наводитъ на человѣка сомнѣніе не въ дѣйствительности истины, какъ истины, красоты, какъ красоты, блага, какъ блага, но какъ *этой* истины, *этой* красоты, *этого* блага. Онъ не говоритъ, что истина, красота, благо—призраки, порожденные больнымъ воображеніемъ человѣка; но гово-

рить, что иногда не все то истина, красота и благо, что считают за истину, красоту и благо. Еслибъ онъ, этотъ демонъ отрицанія, не признавалъ самъ истины, какъ истины, что противопоставилъ бы онъ ей? во имя чего сталъ бы онъ отрицать ея существованіе? Но онъ тѣмъ и страшнѣе, тѣмъ и могущѣе, что едва родитъ въ васъ сомнѣніе въ томъ, что доселѣ считали вы непреложною истиною, какъ уже кажется вамъ издалека идеалъ новой истины. И пока эта новая истина для васъ только призракъ, мечта, предположеніе, догадка, предчувствіе, пока не сознали вы ея и не овладѣли ею, вы — добыча этого демона, и должны узнать всѣ муки неудовлетворяемаго стремленія, всю пытку сомнѣнія, всѣ страданія безотраднago существованія. Но, въ сущности, это пре-благонамѣренный демонъ; если онъ и губитъ иногда людей, если и дѣлаетъ несчастными цѣлыя эпохи, то не иначе, какъ желая добра человѣчеству и всегда выручая его. Это демонъ движенія, вѣчнаго обновленія, вѣчнаго возрожденія...

Этого демона Пушкинъ не зналъ, и оттого такъ и заботился о родословныхъ вообще. Его Мефистофель, въ „Сценѣ изъ Фауста“, все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ онъ въ молодости подъ громкимъ именемъ „Демона“. Это просто на-просто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина — не измученный неудовлетворенной жаждой знанія чело-вѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé. Несмотря на то, пьеса эта написана ловко и бойко, и потому читается легко и съ удовольствіемъ.

Пиръ во время Чумы, отрывокъ изъ трагедіи Вильсона: „The city of the plague“, принадлежитъ къ загадочнымъ произведеніямъ Пушкина. Всѣмъ извѣстно, что „Скупой Рыцарь“ — его оригинальное произведеніе, а онъ назвалъ его отрывкомъ изъ трагикомедіи Ченстона: „The caveteous Knighth“, для того, какъ говорятъ, чтобъ посмотрѣть, какое дѣйствіе произведетъ на нашу публику это сочиненіе. Можетъ быть, и Вильсонъ — родной братъ Ченстону, хотя и есть слухи, что какъ Вильсонъ, такъ и пьеса его — факты не вымышленные ¹⁾. Какъ бы то ни было, но если пьеса Вильсона такъ же хороша, какъ переведенный изъ нея Пушкинымъ отрывокъ, то нельзя не согласиться, что этотъ Вильсонъ написалъ великое произве-

деніе. Можетъ быть и то, что Пушкинъ только воспользовался идеею, воспроизведя ее по-своему, и у него вышла удивительная поэма, не отрывокъ, а цѣлое, оконченное произведеніе. Основная мысль — оргія во время чумы, оргія отчаянія, тѣмъ болѣе ужасная, чѣмъ болѣе веселая. Мысль по-истинѣ трагическая! И какъ много выразилъ Пушкинъ въ этой маленькой поэмѣ, какъ рѣзко обрисованы въ ней характеры, сколько драматическаго движенія и жизни! Умилительная пѣсня Мэри, столь наивная и нѣжная выраженіемъ, столь страшная содержаніемъ, производить на читателя невыразимое впечатлѣніе. Какъ много страшнаго смысла въ просьбѣ предсѣдателя оргіи спѣть эту пѣсню!

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;
Спой, Мэри, намъ уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумиѣ, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ-нибудь видѣньемъ.

Но пѣсня предсѣдателя оргіи въ честь чумы — яркая картина гробового сладострастія, отчаяннаго веселья; въ ней слышится даже вдохновеніе несчастія и, можетъ быть, преступленія сильной натуры....

Когда могущая зима
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыхъ дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трепать каминъ,
И весель зимній жаръ пировъ.

Парица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пиръ да балы,
Возславимъ царствіе Чумы!

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ арабійскомъ ураганѣ
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Непзъяснимы наслажденія —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненія
Ихъ обрѣтаетъ и видѣть могъ.

Итакъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тьма,
Намъ не смутитъ твое призванье!
Богады пѣнимъ дружно мы,
И дви-розы пьемъ дыханье,
Быть можетъ, полное Чумы!..

¹⁾ Какъ теперь извѣстно, отрывокъ Пушкина представляетъ собою точный переводъ одной сцены изъ драматической поэмы Вильсона „The city of the plague“ („Городъ въ чумѣ“). Только пѣсни Мэри и Предсѣдателя сочинены Пушкинымъ.

Такіе переводы, если они и близко вѣрны подлинникамъ, стоятъ оригинальныхъ произведеній. Не потому ли на Жуковского у насъ никто не смотритъ какъ на переводчика, хотя и всѣ знаютъ, что лучшія его произведенія — переводы?

Моцартъ и Сальери — цѣлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатію мощнаго генія, хотя и меньшая по объему. Ея идея — вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Есть организаціи несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя сильною страстію къ искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, онѣ приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои; съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы пойти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Тредьяковскій, который и живетъ, и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ — великій геній. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное — съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностію глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство — изъ него выходитъ Сальери. Для выраженія своей идеи Пушкинъ удачно выбралъ эти два типа. Изъ Сальери, какъ мало извѣстнаго лица, онъ могъ сдѣлать что ему угодно; но въ лицѣ Моцарта онъ исторически удачно выбралъ безпечнаго художника, „гуляку празднаго“. У Сальери своя логика; на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, не вознагражденною славою. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей, самыя ужасныя тѣ, съ которыми рождается человѣкъ, которыя, какъ проклятіе, получилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своею кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ — всегда лицо трагическое; онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть — родъ помѣшательства при здоровомъ состояніи разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ любитъ музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ понялъ, что Моцартъ — геній, и что онъ, Сальери, ничто передъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Приобрѣтенная имъ слава была счастіемъ его жизни; онъ ничего больше не требовалъ у судьбы, — и вдругъ видитъ онъ „безумца, гуляку празднаго“, на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше...

О. небо!

Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безмерный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженія,
Трудовъ, усердія, молитвъ посланъ —
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?.. О, Моцартъ, Моцартъ!

Моцартъ является со всей простотою, веселостію, шутливостію, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію неподозрѣвающій собственнаго величія, или невидящій въ немъ ничего особеннаго. Онъ приводитъ съ собой къ Сальери слѣпотаго скрипача-нищаго и велитъ ему сыграть что-нибудь изъ Моцарта. Сальери въ бѣшенствѣ на эту профанацію высокаго искусства, Моцартъ хохочетъ, какъ шаловливый ребенокъ, потомъ играетъ для Сальери фантазію, набросанную имъ на бумагу въ безсонную ночь, — и Сальери восклицаетъ въ ревнивомъ восторгѣ:

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь,
Я знаю, я!..

Моцартъ отвѣчаетъ ему наивно:

Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.

Замѣьте: Моцартъ не только не отвергаетъ подносимаго ему другими титула генія, но и самъ называетъ себя геніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ называя геніемъ и Сальери. Въ этомъ видны удивительное добродушіе и безпечность: для Моцарта слово „геній“ ни по чемъ; скажите ему, что онъ геній, онъ преважно согласится съ этимъ; начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не геній, — онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представилъ типъ непосредственной геніальности, которая проявляетъ себя безъ усилія, безъ разсчета на успѣхъ, нисколько не подозревая своего величія. Нельзя сказать, чтобъ всѣ геніи были таковы; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта, но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ... И потому, самая простота Моцарта, его неспособность цѣнить самого себя еще больше раздражаютъ Сальери. Онъ не тому завидуетъ, что Моцартъ выше его, — превосходство онъ могъ бы вынести благородно, потому что онъ ничто передъ Моцартомъ, потому что Моцартъ геній, а талантъ передъ геніемъ — ничто... И вотъ онъ твердо рѣшается отравить его. „Иначе“, говоритъ онъ: „мы всѣ погибли, мы — всѣ жрецы и служители музыки. И что пользы, если онъ останется еще жить? Вѣдь онъ не подыметъ искусства еще выше? Вѣдь оно опять на-

детъ послѣ его смерти?" Вотъ она, логика страстей!..

За обѣдомъ въ трактирѣ Моцартъ случайно спросилъ Сальери, правда ли, что Бомарше кого-то отравилъ. Какъ истинный итальянецъ, Сальери отвѣчаетъ, что едва-ли, потому что Бомарше былъ слишкомъ смѣшонъ для такого ремесла. Моцартъ дѣлаетъ при этомъ наивное замѣчаніе:

Онъ же гений,
Какъ ты, *о* я. А гений и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда-ль?

Эта выходка ускорила рѣшимость Сальери. Здѣсь Пушкинъ поражаетъ васъ Шекспировскимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Въ простодушныхъ словахъ Моцарта было соединено все жгучее и терзающее для раны, которой страдалъ Сальери. Онъ зналъ себя, какъ человѣка, способнаго на злодѣйство, а между тѣмъ самъ гений говоритъ, что гевій и злодѣйство несовмѣстны, и что, слѣдовательно, онъ, Сальери, не гений. А! такъ я не гений? Вотъ же тебѣ,—и ядъ брошенъ въ стаканъ гевія... Но когда Моцартъ выпилъ, Сальери какъ бы съ смущеніемъ и ужасомъ восклицаетъ:

Постой,
Постой, постой!.. ты выпилъ!.. безъ меня?

Это опять истинно-драматическая черта! Но вотъ одна изъ тѣхъ смѣлыхъ, обнаруживающихъ глубочайшее знаніе человѣческаго сердца чертъ, которыя никогда не могутъ придти въ голову таланту, всегда живущему „плѣнной мысли раздраженіемъ“, и на которыя онъ никогда не рѣшится, еслибъ онѣ и могли придти къ нему; это Сальери, съ умиленіемъ слушающій *Requiem* Моцарта и говорящій ему:

Эти слезы
Впервые лью; и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто пожъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, сѣвши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Какъ поразительны эти слова своимъ характеромъ умиленія, какой-то даже нѣжностью къ Моцарту! *Другъ Моцартъ*: видите ли, убійца Моцарта любить свою жертву, любить ее художественною половиною души своей, любить ее за то же самое, за что и ненавидитъ... Только великіе, гениальные поэты умѣютъ находить въ тайникахъ человѣческой натуры такія странныя, повидимому, противорѣчія, и изображать ихъ такъ, что они становятся намъ понятными безъ объясненій...

Послѣднія слова Сальери, когда, по уходѣ Моцарта, остался онъ одинъ, художественно округляютъ и замыкаютъ въ самой себѣ сцену:

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ,
И я не гений? Гений и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы—и не былъ.
Убійцею создатель Ватикана?

Какая глубокая и поучительная трагедія! Какое огромное содержаніе и въ какой безконечно-художественной формѣ!

Но намъ предстоитъ переходить отъ одного чуда искусства къ другому, и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаетъ насъ своею несоразмѣрностію съ нашими силами. Ничего нѣтъ легче, какъ говорить о слабомъ произведеніи, или открывать слабыя стороны хорошаго; ничего нѣтъ труднѣе, какъ говорить о произведеніи, которое велико и въ цѣломъ и въ частяхъ! Къ такимъ принадлежатъ: „Моцартъ и Сальери“, „Скупой Рыцарь“, „Каменный Гость“ и „Русалка“, о которыхъ, за исключеніемъ перваго, еще никѣмъ изъ нашихъ журналистовъ и критиковъ не было доселѣ сказано ни одного слова... ¹⁾

Нечего говорить объ идеѣ поэмы *Скупой Рыцарь*: она слишкомъ ясна и сама по себѣ и по названію поэмы. Страсть скупости—идея не новая, но гений умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Идеаль скупца одинъ, но типы его безконечно различны. Плюшкинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ,—это лицо комическое. Баронъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое. Оба они страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера—риторическое олицетвореніе скупости, карикатура, памфлетъ. Нѣтъ, это лица страшно истинныя, заставляющія содрогаться за человѣческую природу. Оба они пожираемы одною гнусною страстію, и все-таки нисколько одинъ на другого не похожи, потому что и тотъ, и другой—не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими идеи, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично. Мы сказали, что скупой Пушкина—лицо трагическое. Альберъ говоритъ жиду: когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, на что мнѣ тогда и деньги?

Жидъ.

Деньги?—Деньги

Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда, сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ,
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служить,

¹⁾ Это не совсѣмъ вѣрно: Шевыревъ еще въ „Москвитинѣ“ 1841 года (№ 9) останавливался на этихъ произведеніяхъ Пушкина, хотя и мимоходомъ, въ немногихъ словахъ.

И какъ же служить? какъ алжирскій рабъ,
Какъ песь цинной. Въ неопленной конуръ
Живетъ, пьетъ воду, пьетъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бьется да лаетъ.

Въ этомъ портретѣ мы видимъ лицо чисто комическое; но сойдемъ въ подвалъ, гдѣ этотъ скряга любитъ своимъ золотомъ, и пусть поэтъ багровымъ заревомъ своего поэтического факела освѣтитъ намъ мрачныя бездны сердца своего героя: мы содрогнемся отъ трагическаго величія гнусной страсти скупости; мы увидимъ, что она естественна, что у ней есть своя логика... Любуясь своимъ золотомъ, старый баронъ восклицаетъ:

Что не подвластно мнѣ?.. какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Или захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный гений мнѣ порботится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смирненно будутъ ждать моей награды;
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—никому;
Я выше всѣхъ желаній: я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...

Ужасно, потому что истинно! Да, въ словахъ этого отверженца человѣчества, къ несчастью, все истинно, кромѣ того, что не въ его волѣ пожелать многое изъ того, что могъ бы онъ выполнить. Въ этомъ и заключается наказаніе за пороки скупости.

Скупецъ раскрываетъ всѣ свои сундуки и зажигаетъ (ужасное мотовство!) по свѣчѣ передъ каждымъ изъ нихъ. Это его сладострастіе, его оргія! При видѣ освѣщенныхъ грудъ золота онъ приходитъ въ сатанинскій восторгъ и въ патетической рѣчи обнажаетъ передъ нами страшныя тайны страшнѣйшей изъ человѣческихъ страстей.

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Приметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульных собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, вѣчные своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ,
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ стопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные дырявые карманы,
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоятъ—
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груды загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ

Все это стоило? Или скажешь сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незванный гость, ловучный собесѣдникъ,
Занмодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнеть мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью приобрѣлъ!
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! О, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить какъ пыль!..

Видите ли: золото—кумиръ этого человѣка, онъ исполненъ къ нему поэтического чувства, говоритъ о немъ языкомъ благоговѣнія, служитъ ему, какъ преданный, усердный жрецъ! Расточить его наслѣдство, по его мнѣнію, значить: разбить священные сосуды, напоить грязь царскимъ елеемъ... Онъ смотритъ еще на золото, какъ молодой, пылкій человѣкъ на женщину, которую онъ страстно любитъ, обладаніе которою онъ купилъ цѣною страшнаго преступленія и которая тѣмъ дороже ему. Онъ хотѣлъ бы спрятать ее отъ недостойныхъ взоровъ; его ужасаетъ мысль, чтобы она не принадлежала кому-нибудь послѣ его смерти...

По выдержанности характеровъ (скряги, его сына, герцога, жида), по мастерскому расположенію, по страшной силѣ паѳоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности,—словомъ, по всему эта драма—огромное, великое произведеніе, вполне достойное генія самого Шекспира.

Изъ міра среднихъ вѣковъ Западной Европы, изъ міра рыцарей и феодальныхъ рабовъ перейдемъ въ міръ древней Руси, міръ полу-историческій, міръ полу-сказочный. Говорятъ, будто *Русалка* была писана Пушкинымъ, какъ либретто для оперы ¹⁾. Если бы это было и правда, то хотя самъ Моцартъ написалъ бы музыку на эти слова,—опера не была бы выше своего либретто,—тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на глупѣйшія и пошлѣйшія слова... Но это предположеніе едва ли основательно. За исключеніемъ двухъ хоровъ русалокъ и одной свадебной пѣсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ пиру, вся пьеса писана пятистопнымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія.

Въ фантастической формѣ этой поэмы скрыта самая простая мысль, рассказана самая обыкновенная, но тѣмъ болѣе ужасная

¹⁾ Анненковъ—близкій знакомый Бѣлинскаго—передаетъ въ своихъ извѣстныхъ „Матеріалахъ для біографіи“ Пушкина, что послѣдній видѣлъ въ своей „Русалкѣ“ либретто для оперы нѣкоего Есаулова.

исторія. Мельникъ, человекъ не злой, не развратный, но слабый, сколько по любви къ дочери, столько, можетъ быть, и по страху къ княжескому могуществу, сквозь пальцы смотрѣлъ на связь своей дочери съ княземъ. Какъ человекъ хладнокровный, какъ мужчина, онъ тотчасъ понялъ, почему посѣщенія князя на его мельницу сдѣлались рѣже, и видя, что стараго ужъ не воротить, совѣтуетъ дочери воспользоваться хоть матеріальными выгодами этой связи. Но дочь—существо любящее и страстное, привязчивое, слѣдовательно, обреченное на несчастіе и гибель—и вѣрить не хочетъ, чтобъ ея любимый охладѣлъ къ ней. Она говоритъ:

Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мельникъ; за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжеле.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князя трудятся?
И что ихъ трудъ? травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да собирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дурь.
Онъ самъ работаетъ—куда какъ жалко!

Но слышится топотъ коня—и бѣдная женщина все забыла. Она видитъ, что князь печаленъ, но не умѣетъ, не можетъ понять сразу, отчего такъ тревожитъ ее эта печаль. Онъ объясняется съ ней довольно осторожно, но тѣмъ не менѣе ясно: онъ женится на другой; онъ князь,—онъ не воленъ въ выборѣ невесты... Она оцѣпенѣла, а онъ, близорукой мужчина, радеhoneкъ, что дѣло обошлось безъ бури, не понимая, что эта тишина страшнѣе всякой бури,—и на полумертвую надѣваетъ онъ повязку и ожерелье, даетъ ей для отца мѣшокъ денегъ и хочетъ уйти...

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся...

За этою страшною, трагическою сценою слѣдуетъ другая, не менѣе ужасная. Подарки князя глубоко оскорбили несчастную. Она отдаетъ отцу его мѣшокъ съ деньгами.

Да, бишь, забыла я; тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!..

Мельникъ (въ слезахъ).

До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать!

Бѣднякъ въ немъ замеръ, проснулся отецъ... несчастная бросилась въ Днѣпръ... Мы на свадьбѣ, картина которой съ удивительною вѣрностію передана поэтомъ во всемъ ея простодушіи старинныхъ русскихъ нравовъ. Хоръ дѣвушекъ—прелесть...

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невесту ѣхали—
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Вереѣ молилися:
Верея-ль вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошнотку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ поровится.

Вдругъ, среди наивнаго веселья, раздается фантастическій голосъ...

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
А слыхала-ль ты, рыбка сестрица,
Про вѣсти-то наши про рѣчныя?
Какъ вечеръ у насъ красная дѣвица утопилась,
Утопая, мила друга проклинала?

Общее смятеніе. Князь велитъ конюшему отыскать *мельничиху*; ея, разумѣется, не находятъ...

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Княгиня жаждется на охлажденіе къ ней мужа; няня утѣшаетъ ее, не подозрѣвая, что въ грубой и невѣжественной простотѣ ея добродушныхъ словъ скрывается ужасная, роковая истина:

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ—и прочь;
А женщина—что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводилъ цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
Ни пьетъ, ни ѣстъ, глядитъ—не наглядится;
Женился,—и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ,
Туда, сюда—а дома не сидится.

Не есть ли это законная кара сильному полу за незаконное рабство, въ которомъ онъ держитъ слабый полъ?.. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать по окончанію любовныхъ походовъ героя поэмы, этого русскаго донъ-Хуана... Наскучивъ женою, онъ вспомнилъ о прежней любви, раскаялся, какъ въ глупости, что бросилъ дочь мельника, не понимая, что она потому только стала ему мила, что ея нѣтъ съ нимъ, что его жена уже не мила ему...

Сцена на берегу Днѣпра. Ночь. Раздается хоръ русалокъ, напоминающій своимъ фантастически-дикимъ пафосомъ *oprin Valse infernal* изъ „Роберта Дьявола“:

Веселой толпою
Съ глубокаго дна
Мы ночью всплываемъ.
Настъ грѣть луна.

Любо намъ ночной порою
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружки голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый, влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхивать.

Одна.

Тише! птичка подь кустами
Встрепенулася во мглѣ.

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходить по землѣ.

Этотъ „кто-то“—князь, котораго влекутъ къ этимъ мѣстамъ воспоминанія прежней счастливой любви. Вдругъ онъ встрѣчается съ отцомъ погубленной имъ дѣвушки.

Старикъ.

Здорово,

Здорово, зять!

Князь.

Кто ты?

Старикъ.

И здѣшній воронъ!..

Князь.

Возможно-ль? это мельникъ!..

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы сыркнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Спужу да каркаю.

Отосланная княземъ свита является опять къ нему, по приказанію обезпокоенной княгини. Это вниманіе со стороны уже не любимой имъ жены раздражаетъ его, и досада его изливается обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ восклицаніемъ, однимъ и тѣмъ же съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, какъ существуютъ въ немъ охладѣлые любовники и постоянныя любовницы, и наоборотъ:

Несносна

Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ нельзя ступить безъ няньки?

Опять раздается фантастически-вакханальный хоръ русалокъ:

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть-ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи вдали прогѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сестрица.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра.

Въ послѣдней сценѣ князь встрѣчается съ своею дочерью-русалкою, которая послана матерью уловить его... Какъ жаль, что эта пьеса не кончена! Хотя ея конецъ и понятенъ: князь долженъ погибнуть, увлеченный русалками на дно Днѣпра. Но какими бы фантастическими красками, какими бы дивными образами все это было сказано у Пушкина—и все это погибло для насъ!..

„Русалка“ въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху полного своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказать столько обще-человѣческаго, дѣйствительнаго, реального, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію...

Теперь мы приблизились къ перлу созданій Пушкина, къ богатѣйшему, роскошнѣйшему алмазу въ его поэтическомъ вѣнцѣ!.. Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, для того *Каменный Гость* не можетъ не казаться, безъ всякаго сравненія, лучшимъ и высшимъ, въ художественномъ отношеніи, созданіемъ Пушкина... Какая дивная гармонія между идеею и формою, какой стихъ, прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная! какая антично-благородная простота стиля! какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!.. Принимаясь перечитывать это чудное созданіе искусства, восклицаешь мысленно къ поэту:

Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, расскажи-жъ ты намъ, какъ жены тамъ умилуютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знаешь условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ ревнивой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовники, подь
окомъ,
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Такая тема не можетъ пользоваться популярностью. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для непонимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ...

Герой ея—лицо миѳическое, испанскій Фаустъ. Идея донъ-Хуана могла родиться только въ странѣ, гдѣ жить значитъ любить и драться, а быть счастливымъ и великимъ значитъ быть любимымъ и храбрымъ,—въ странѣ, гдѣ религіозность доходитъ до фанатизма, храбрость до жестокости, любовь до изступленія, гдѣ романическая настроенность дѣлаетъ героемъ и кавалера и разбойника. Но донъ-Хуанъ, такой, какимъ является онъ у Пушкина, не изступленный любовникъ, не мрачный дуэлистъ: онъ одаренъ всѣмъ, чтобъ сводить съ ума женщинъ и не знать никакихъ препятствій удовлетворенію своихъ желаній. Красавецъ собою, стройный, ловкій, онъ веселъ и остеръ, искрененъ и лживъ, страстенъ и холоденъ, уменъ и повѣса, краснорѣчивъ и дерзокъ храбръ, смѣлъ, отваженъ. Какъ во всякой высшей натурѣ, въ немъ есть что-то импонирующее. Можетъ быть, это сила его воли, широкость и глубина его души. Для него жить значитъ наслаждаться: посреди своихъ побѣдъ онъ сейчасъ готовъ умереть; умертвить же соперника въ честномъ бою и насладиться любовію въ присутствіи трупа, ему ровно ничего не значитъ. Онъ вѣритъ въ свою звѣзду, и потому на всякаго, кто вызоветъ его, смотритъ заранѣе какъ на убитаго. Такіе люди опасны для женщинъ, и не знаютъ, что такое неуспѣхъ въ любви или волокитствѣ. Женщина больше всего обожаетъ въ мужчинѣ силу, мужественность, могущество. Она любитъ, чтобъ онъ былъ съ ней не только нѣженъ, но и дерзокъ. Донъ-Хуанъ имѣетъ въ себѣ все это. Въ глазахъ женщины онъ левъ между мужчинами, не въ новѣйшемъ, пошломъ значеніи этого слова, означающаго франта и модника, а въ смыслѣ превосходства, храбрости и мужества.

Донъ-Хуанъ является ночью въ Мадридѣ. Изъ его разговора съ слугою мы узнаемъ, что онъ былъ въ ссылке за дуэль и воротился тайкомъ. Онъ спрашиваетъ у Лепорелло, могутъ ли узнать его?

Да, донъ-Хуана мудрено признавать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Изъ этой грубой похвалы слуги видно ясно, что такое донъ-Хуанъ для всего Мадрита. Мѣсто, въ которомъ они находились въ то время, напоминаетъ донъ-Хуану женщину,

которую онъ, кажется, любилъ больше другихъ,—и онъ говорить задумчиво:

Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣвшихъ губахъ. Это странно:
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно, мало было
Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной;
А мужъ ея былъ неподай суровый—
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!

Въ этихъ немногихъ стихахъ цѣлый портретъ женщины, вся исторія ея жизни... Самое воспоминаніе о ней, столь полное любви и грусти, уже говоритъ, какова должна была быть эта женщина, которая, не будучи красавицей, умѣла привязать къ себѣ такого человѣка. Но грусть воспоминанія не долго занимаетъ донъ-Хуана.

Лепорелло.
Что-жъ? вслѣдъ за ней другія были.
Донъ-Хуанъ. Правда.

Лепорелло.
А живы будемъ, будутъ и другія.
Донъ-Хуанъ.
И то.

На этотъ разъ онъ хочетъ идти къ Лаурѣ. Но является монахъ, и отъ него наши авантюристы узнаютъ, что на монастырское кладбище сейчасъ должна придти донья-Анна, чтобъ плакать на могилѣ своего мужа, убитаго нашимъ героемъ. Донъ-Хуанъ успѣлъ замѣтить только ея узенькую ножку; но этого довольно для него, чтобъ рѣшиться узнать ее покороче; а пока онъ спѣшитъ къ Лаурѣ.

Лаура—актриса, жрица искусства и наслажденія. Въ ней нѣтъ притворства и лицемерія; она вся наружу. Молодая и прекрасная, она не думаетъ о будущемъ и живетъ для настоящей минуты. Она вѣчно окружена мужчинами и обходится съ ними безъ церемоній, иногда даже съ какимъ-то граціознымъ цинизмомъ. У нея гости; они въ восторгѣ отъ ея игры въ этотъ вечеръ; только одинъ между ними мраченъ. Это донъ-Карлосъ, у котораго донъ-Хуанъ убилъ брата. Она сиѣла пѣсню (*Я здѣсь, Инезилья*) и сказала, что эту пѣсню сочинилъ „ея вѣрный другъ, ея вѣтренный любовникъ“ донъ-Хуанъ! Это имя приводитъ донъ-Карлоса въ бѣшенство, и онъ ругаетъ его *безбожникомъ* и мерзавцемъ, а ее—дурой. Она грозитъ велѣть слугамъ своимъ зарѣзать его; но онъ успокоивается, и они мирятся. Гости уходятъ, и она говоритъ Карлосу:

Ты, бѣшеный, остаешься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты донъ-Хуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Оставшись съ нею, Карлосъ вмѣсто лести и любезности, заводитъ мрачные разговоры; теперь ты молода, говоритъ онъ ей: окружена поклонниками, а лѣтъ черезъ шесть, когда глаза твои впадутъ и сѣдина блеснетъ въ косѣ, что тогда съ тобою будетъ?—Этотъ человѣкъ тоже истый испанецъ, какъ и донъ-Хуанъ, только другимъ образомъ. Онъ мраченъ и въ молодости, мраченъ наединѣ съ прекрасною женщиной, которая сказала ему, что она его любитъ; къ старости же изъ него былъ бы готовъ отличный инквизиторъ, который съ полнымъ убѣжденіемъ и спокойною совѣстію жегъ бы еретиковъ и съ особеннымъ наслажденіемъ бичевалъ бы самого себя... Лаура въ старости сдѣлалась бы дуэньей и мастерски помогала бы ввѣренной ей бдительности женѣ проводить за носъ мужа, а, можетъ быть, пошла бы въ монастырь; но пока она не хочетъ слышать о вздорѣ—о будущемъ...

Тогда... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди—открой балконъ. Какъ небо тихо;
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимонъ.
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно: ясно!..
А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ...

Является донъ-Хуанъ; Лаура въ радости бросается ему на шею; Карлосъ вызываетъ его и падаетъ мертвый.

Донъ-Хуанъ.
Вставай, Лаура, кончено.

Лаура.
Что тамъ?
Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

Донъ-Хуанъ.
Быть можетъ,
Онъ живъ еще.

Лаура.
Да! живъ! гляди, проклятый,
Ты прямо въ сердце ткнулъ—небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужъ не дышитъ—каково?

Въ слѣдующей сценѣ донъ-Хуанъ въ монашеской рясѣ уже разговариваетъ съ доньей-Анною. Она проситъ его соединить молитвы съ ея молитвами.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, донна-Анна!
Я не достоинъ участіи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,

Вы кудри черныя на мраморъ бѣдный
Разсыпаете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посетилъ,
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей холодный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Что это — языкъ коварной лести, или голосъ сердца? Мы думаемъ, и то, и другое вмѣстѣ. Отличіе людей такого рода, какъ донъ-Хуанъ, въ томъ и состоитъ, что они умѣютъ быть искренно-страстными въ самой лжи и непритворно холодными въ самой страсти, когда это нужно. Донъ-Хуанъ распоряжается своими чувствами, какъ полководецъ солдатами: не онъ у нихъ, а они у него во власти и служатъ ему къ достиженію цѣли.

Донья-Анна изумлена странностію такихъ рѣчей въ устахъ монаха; но донъ-Хуанъ идетъ далѣе и съ изумительною дерзостію признается ей, что онъ не монахъ, но пока прикрывается вымышленнымъ именемъ. Сцена эта ведена съ непостижимымъ искусствомъ. Донья-Анна гонитъ его прочь, а между тѣмъ хочетъ знать, кто же онъ, и чего онъ требуетъ...

Смерти!
О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха мнѣ много для васъ,
Не тутъ—не близко—да въ гдѣ-нибудь,
Тамъ—у дверей—у самого порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Придете кудри наклонять и плакать...

Донья-Анна защищается все слабѣе и слабѣе; у ней вырывается кокетливый вопросъ: „И любите давно ужъ вы меня?“ Самолюбіе ея затронуто—до сердца недалеко... Она назначила ему свиданіе у себя дома, завтра вечеромъ...

Донья-Анна—такъ же истая испанка, какъ и Лаура, только въ другомъ родѣ. Та—баядера европейскихъ обществъ, а эта—ихъ матрона, обязанная обществомъ быть лицемерною и пріученная къ лицемерству. Она—девятка¹⁾; посѣщеніе монастырей, набожныя занятія и слезы надъ гробомъ мужа (суроваго старика, за котораго вышла насильно и котораго никогда не любила)—суть единственная отрада, единственное утѣшеніе ея, бѣдной, безутѣшной вдовы... Но она женщина, и притомъ южная; страсть у нея—дѣло минуты, и ни позоръ общественнаго мнѣнія, ни лютаѣ казни не помѣшаютъ ей отдаться вполнѣ тому, кто умѣлъ заставить ее полюбить...

Донъ-Хуанъ въ восторгѣ отъ своего успѣ-

¹⁾ Полонвзмъ: девотка — фанатичка, ханжа, одержимая религіозной маніей и т. п.

ха. Хотя онъ и привыкъ къ побѣдамъ, по эту онъ считалъ труднѣе, чѣмъ оказалось, потому что донья-Анна возбудила въ немъ сильную страсть. Повѣса, въ радости своей, велитъ Лепорелло звать статую командора къ донь-Аннѣ на завтрашній вечеръ. Статуя киваетъ головою въ знакъ согласія; Лепорелло въ ужасѣ. Донъ-Хуанъ самъ зоветъ ее — и съ ужасомъ видитъ, что она кивнула и ему...

Но донъ-Хуанъ не такой человѣкъ, чтобъ что-нибудь могло остановить его. Онъ у довы. Рѣчи его страстны, нѣжны, лстивы, вкрадчивы; искусно сумѣлъ онъ, возбудивъ ея женское любопытство, объявить донь-Аннѣ собственное имя... Онъ хочетъ, чтобъ его любили для него самого, чтобъ его обнимала жена убитого имъ мужа. Но она уже любитъ его, и его дерзость еще больше увлекаетъ ее. Не торопясь глупо, онъ проситъ на разставанье только одного холодного и мирнаго поцѣлуя — и получаетъ поцѣлуй... Но вотъ входитъ статуя, со словами: „Я на зовѣ явился“.

Донъ-Хуанъ.

О, Боже! донна-Анна!

Статуя.

Брось ее;

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Хуанъ?

Донъ-Хуанъ.

Я? нѣтъ! я звалъ тебя, и радъ, что вижу.

Статуя.

Дай руку.

Донъ-Хуанъ.

Вотъ она... о, тяжело

Пожатъе каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку —
Я гибну — кончено — о, донна-Анна!..

Онъ проваливается. Это фантастическое основаніе поэмы на вмѣшательствѣ статуи производитъ непріятный эффектъ, потому что не возбуждаетъ того ужаса, который обязано бы возбуждать. Въ наше время статуй не боятся, и виѣшнихъ развязокъ, *deus ex machina*, не любятъ; но Пушкинъ былъ связанъ преданіемъ и оперою Моцарта, неразрывною съ образомъ донъ-Хуана. Дѣлать было нечего. А драма непременно должна была разрѣшиться трагически — гибелью донъ-Хуана; иначе она была бы веселой повѣстью — не больше, и была бы лишена идеи, лежащей въ ея основаніи. Что такое донъ-Хуанъ? — Каждый человѣкъ, чтобъ жить не одною физическою жизнью, но и нравственною вмѣстѣ, долженъ имѣть въ жизни какой-нибудь интересъ, что-нибудь въ родѣ постоянной склонности, влеченія къ чему-нибудь. Иначе жизнь его будетъ или не полна, или пуста. Въ людяхъ высшей природы этотъ интересъ,

эта склонность, это влеченіе проявляется какъ могущественная страсть, составляющая ихъ силу. Одинъ находитъ свою страсть, пабось своей жизни въ наукѣ, другой въ искусствѣ, третій въ гражданской дѣятельности, и т. д. Донъ-Хуанъ посвятилъ свою жизнь наслажденію любовью, не отдаваясь, однакожъ, ни одной женщинѣ исключительно. Это путь ложный. Не говоря уже о томъ, что мужчинѣ невозможно наполнить всю жизнь свою одною любовью, — его одностороннее стремленіе не могло не обратиться въ безнравственную крайность, потому что для удовлетворенія ея онъ долженъ былъ губить женщинъ, по ихъ положенію въ обществѣ, — и онъ сдѣлалъ себѣ изъ этого ремесло. Оскорбленіе не условной, но истинно-нравственной идеи всегда влечетъ за собою наказаніе, разумѣется, нравственное же. Самымъ естественнымъ наказаніемъ донъ-Хуану могла бы быть истинная страсть къ женщинѣ, которая или не раздѣляла бы этой страсти, или сдѣлалась бы ея жертвою. Кажется, Пушкинъ это и думалъ сдѣлать: по крайней мѣрѣ, такъ заставляетъ думать послѣднее, изъ глубины души вырвавшееся у донъ-Хуана восклицаніе: „О, донна-Анна!“, когда его увлекаетъ статуя; но эта статуя портитъ все дѣло, въ чемъ, какъ мы замѣтили выше, нашъ поэтъ не виноватъ нисколько.

Итакъ, несмотря на это, „Каменный Гость“ въ художественномъ отношеніи есть лучшее созданіе Пушкина, — а это много, очень много!

Сцены изъ Рыцарскихъ Временъ представляютъ мѣщанина, возгнушавшагося своимъ состояніемъ и желавшаго попасть въ благородные, а между тѣмъ чуть не попавшагося на висѣлицу. Такія исторіи случались въ средніе вѣка, и Пушкинъ мастерски изложилъ одну изъ нихъ въ формѣ сценъ, писанныхъ прозою. Однакожъ, эти сцены не имѣютъ достоинства глубокой идеи, которую поэтъ скорѣе бы могъ найти въ борьбѣ общинъ противъ феодаловъ... Впрочемъ, въ этихъ сценахъ есть превосходная нѣсня (*Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный*), въ которой сказано больше, нежели во всей цѣлости этихъ сценъ.

Сказки Пушкина: *О царь Салтанъ, О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ, О золотомъ пѣтушкѣ, О кулѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о работникѣ его Балдѣ*, были плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности. Народныя сказки хороши и интересны такъ, какъ создала ихъ фантазія народа, безъ перемѣнъ, украшеній и передѣлокъ. Но *Сказка о Рыбакѣ и Рыбкѣ*, о которой мы не упомянули въ числѣ прочихъ сказокъ, заслуживаетъ исключенія, потому что въ ней есть положительные достоинства. Это не народная

сказка: народу принадлежить только ея мысль, но выраженіе, разсказъ, стихъ, самый колоритъ,—все принадлежить поэту.

Повѣсти въ прозѣ Пушкина, хотя и далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ лучшими стихотворными его произведеніями даже перваго періода его дѣятельности, однако тѣмъ не менѣе принадлежать къ замѣчательнымъ произведеніямъ русской литературы. Первый его опытъ въ этомъ родѣ напечатанъ былъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 годъ, подъ названіемъ: *IV глава изъ Историческаго Романа*. Въ X томѣ полнаго собранія его сочиненій напечатано шесть главъ и начало седьмой этого романа, подъ названіемъ: *Арапъ Петра Великаго*. Въ „Сѣверныхъ же Цвѣтахъ“ IV-я глава напечатана не вполнѣ; но это едва ли не интереснѣйшій отрывокъ изъ всѣхъ семи главъ. Будь этотъ романъ конченъ такъ же хорошо, какъ начать, мы имѣли бы превосходный историческій русскій романъ, изображающій нравы величайшей эпохи русской исторіи. Поэтъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ своего романа выводитъ въ немъ на сцену и великаго преобразователя Россіи, во всей народной простотѣ его приемовъ и обычаевъ. Не понимаемъ, почему Пушкинъ не продолжалъ этого романа. Онъ имѣлъ время кончить его, потому что IV-я глава написана имъ была еще прежде 1829 года. Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы гг. Загоскина и Лажечникова, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Передъ ними, передъ этими семью главами неоконченнаго „Арапа Петра Великаго“, бѣдны и жалки повѣсти г. Кукольника, содержаніе которыхъ взято изъ эпохи Петра Великаго и которыя все-таки не лишены достоинства... Но это вовсе не похвала „Арапу Петра Великаго“: великому небольшая честь быть выше пигмеевъ,—а больше его у насъ нѣ съ кѣмъ сравнивать.

Въ 1831 году вышли *Повѣсти Бѣлкина*, холодно принятыя публикою и еще холоднѣе журналами. Дѣйствительно, хотя и нельзя сказать, чтобъ въ нихъ уже вовсе не было ничего хорошаго, все-таки эти повѣсти были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то въ родѣ повѣстей Карамзина, съ той только разницею, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина были ниже своего времени. Особенно жалка изъ нихъ одна — *Барышня-крестьянка*, неправдоподобная, водевильная, представляющая помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія...

Пиковая Дама—собственно не повѣсть,

а мастерскій разсказъ. Въ ней удивительно вѣрно очерчена старая графиня, ея воспитанница, ихъ отношенія и сильный, но демонически-эгоистическій характеръ Германа. Собственно, это не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе *Пиковой Дамы* слишкомъ исключительно и случайно. Но разсказъ—повторяемъ—верхъ мастерства.

Капитанская Дочка—нѣчто въ родѣ „Онѣгина“ въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія картины, по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія—чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера-Француза и, въ особенности, его дядьки изъ псарей, Савельича, этого русскаго Калеба,—Зурина, Мпропова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ, самого Пугачева, съ его „господами енаралами“; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, не находимъ нужнымъ пересчитывать. Ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматическій характеръ Швабрина хотя принадлежать къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти, однакожъ не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы.

Дубровскій—pendantъ къ „Капитанской Дочкѣ“. Въ обѣихъ преобладаетъ навоось помѣщичьяго принципа, и молодой Дубровскій представленъ Ахилломъ между людьми этого рода,—роль, которая рѣшительно не удалась Гриневу, герою „Капитанской Дочки“. Но Дубровскій, несмотря на все мастерство, которое обнаружилъ авторъ въ его изображеніи, все-таки остался лицомъ мелодраматическимъ и невозбуждающимъ къ себѣ участія. Вообще, вся эта повѣсть сильно отзывается мелодрамою. Но въ ней есть дивныя вещи. Старинный бытъ русскаго дворянства, въ лицѣ Троекурова, изображенъ съ ужасающею вѣрностію. Подъячье и судопроизводство того времени тоже принадлежать къ блестящимъ сторонамъ повѣсти. Превосходно очерчены также и холопы. Но всего лучше—характеръ героини, по преимуществу русской женщины. Уединенная жизнь и французскіе романы сильно развили въ ней не чувство, не страсти, а фантазію,—и она считала себя дѣйствительно героинею, готовою на всѣ жертвы для того, кого полюбитъ. Покуда ей приходилось только играть въ романъ, она дѣлала возможные безумства; но дошло до дѣла — и она принялась за мораль и добродѣтель. Быть похищенною любовникомъ-разбойникомъ у алтаря, куда насильно притащили ее, чтобъ обвѣнчать съ развратнымъ старичишкой,—казалось для нея очень „романи-

ческииъ", слѣдовательно, чрезвычайно заманчивымъ. Но Дубровскій опоздалъ, — и она втапнѣ этому обрадовалась, и разыграла роль вѣрной жены, слѣдовательно—опять героини...

Литонисъ села Горохина—шутка острая, милая и забавная, въ которой, впрочемъ, есть и серьезныя вещи, какъ, напримѣръ, прибытіе въ село Горохино управителя и картина его управленія...

Кирджали — мастерскій разсказъ истиннаго происшествія.

Объ *Исторіи Пугачевского Бунта* мы не будемъ распространяться. Скажемъ только, что этотъ историческій опытъ — образцовое произведеніе и со стороны исторической и со стороны слога. Въ послѣднемъ отношеніи Пушкинъ вполне достигъ того, къ чему Карамзинъ только стремился. „Исторія Пугачевского Бунта“ показываетъ, что еслибъ онъ успѣлъ написать исторію Петра Великаго, — мы имѣли бы великое историческое созданіе...

Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ Пушкинъ отразился со всѣми своими предразсудками: въ нихъ виденъ человѣкъ, не чуждый образованности своего вѣка, но по какому-то странному упорству добровольно оставшійся при идеяхъ Карамзина, очень почтенныхъ... для своего времени, которое давно прошло. По этому и по другимъ причинамъ многія изъ его журнальныхъ статей лиже всякой критики. Но нѣкоторыя изъ нихъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательны; таковы напримѣръ: *Домоносозъ*, *О Мильтонѣ* и *Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая*, *Рославлевы*. Очень любопытны его „Отрывки: литературныя, критическія, грамматическія замѣчанія“; въ нихъ онъ весь. Но полемическія его статьи—верхъ совершенства. Таковы: *Отрывокъ изъ Литературныхъ Литонисей* (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 годъ. Въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина эта статья пропущена); *Торжество Дружбы, или Оправданный Александръ Анѣимовичъ Орловъ* и *Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Буларина и о прочемъ*. Эти статьи не вошли въ полное собраніе сочиненій Пушкина—вѣроятно, для большей полноты...

Трудъ нашъ конченъ. О достоинствѣ его или недостаткахъ судить публикѣ; мы скажемъ только, что это еще первая попытка разобрать критически весь кругъ поэтической и литературной дѣятельности одного изъ величайшихъ поэтовъ Россіи. Мы смотрѣли на его произведенія съ любовью, но безъ ослѣпленія и предубѣжденій въ его пользу или противъ него. Пусть другіе сдѣлаютъ это лучше насъ: мы первые поспѣшимъ отдать имъ должную дань хвалы и поучиться у нихъ.

Заключаемъ. Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ, художникъ, и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. И потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему „человѣкомъ“. Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и нѣжнаго. И все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ. Прійдетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...

Конечно, прійдетъ время, когда потомство воздвигнетъ ему вѣковѣчный памятникъ; но тѣмъ страннѣе для его современниковъ, что они не имѣютъ еще порядочнаго изданія его сочиненій... Скоро десять лѣтъ минетъ послѣ трагической кончины нашего великаго поэта, а мы не имѣемъ даже сноснаго собранія его твореній!.. Пора бы подумать объ этомъ.

1846 г.

57. Мысли и замѣтки о русской литературѣ.

Въ 1845 году вышелъ сборникъ „Физиологія Петербурга“, въ двухъ частяхъ котораго Бѣлинскій помѣстилъ четыре статьи (см. № 53). Въ слѣдующемъ 1846 году Некрасовъ издалъ громадный „Петербургскій Сборникъ“, въ которомъ Бѣлинскій помѣстилъ свои „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“.

Давая отчетъ читателямъ „Отеч. Записокъ“ объ этомъ новомъ сборникѣ (см. слѣдующую статью), Бѣлинскій вскользь отозвался о своей статьѣ, что вѣроятно она „не повредила достоинству альманаха“. Въ этихъ „мысляхъ и замѣткахъ“ Бѣлинскій сконцентрировалъ почти все то, что ему приходилось въ послѣдніе годы говорить на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“. О литературѣ, объ обществѣ и ихъ взаимной связи, о беллетристикѣ и художественности, о нѣмецкой философіи и французской литературѣ, о гениіи и талантѣ—все эти вопросы Бѣлинскій ставитъ и рѣшаетъ въ этихъ своихъ „Мысляхъ и замѣткахъ“. Кое-что изъ этого является только повтореніемъ стараго, кое-что является новымъ, впервые высказываемымъ; однако даже и въ повтореніи стараго Бѣлинскій всегда даетъ какой-нибудь новый штрихъ, новую мысль, или высказываетъ это старое съ особой рельефностью и силою. Очень характерно, напри-
мѣръ, мнѣніе Бѣлинскаго о французскомъ классицизмѣ, нѣкогда столь ему ненавистномъ: когда-то Бѣлинскій видѣлъ въ Корнелѣ и Мольерѣ только „поэтическихъ уро-
довъ“ (см., напр., т. I, стр. 599), а теперь онъ „за уродливой псевдо-классической формой“ трагедій Корнеля видитъ „страшную внутреннюю силу паюса“, а въ комедіяхъ Мольера—великую общественную силу: послѣднее очень характерно для Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ. Онъ еще разъ подчеркиваетъ здѣсь ложность исключительно эстетическаго критерія и служащихъ ему основаніемъ нѣмецкихъ философскихъ системъ: „нѣмецкія эстетическія теоріи—говоритъ Бѣлинскій—такъ хорошо приня-
лись на восприимчивой почвѣ нашего недавняго образованія, что нашли себѣ такихъ жаркихъ и фанатическихъ послѣдователей, на которыхъ и въ самой Германіи, *особенно теперь*, посмотрѣли бы какъ на чудо теоретическаго изступленія“... Въ этихъ словахъ Бѣлинскій явно имѣетъ въ виду самого себя эпохи былого „французоѣдства“, ненависти къ Шиллеру и борьбы за исключительность

эстетическаго критерія: тогда, въ 1838—1840 гг., Бѣлинскій въ этомъ отношеніи дѣйствительно былъ, какъ мы знаемъ, „чудомъ теоретическаго изступленія“, фанатикомъ своеобразно понятаго гегельянства. Въ вышеприведенной фразѣ очень характерно подчеркнутое нами „особенно теперь“ (по отношенію къ философскимъ теченіямъ въ Германіи), намекающее на то направленіе лѣваго гегельянства, къ которому теперь примыкалъ Бѣлинскій. Не сдѣлавшись послѣдователемъ того или иного изъ лѣвыхъ гегелианцевъ, Бѣлинскій теперь сталъ вообще на почвѣ „лѣваго гегелианства“, съ его политическимъ радикализмомъ и склонностью къ матеріализму; это было для Бѣлинскаго тѣмъ легче, что еще философію Гегеля онъ пытался понимать реалистически, симпатіи же Бѣлинскаго къ французскому социализму прекрасно совмѣщались съ радикализмомъ лѣваго гегелианства. „Соціальность“ и „реализмъ“ уже давно были девизами Бѣлинскаго—еще съ начала сороковыхъ годовъ.

Съ этой общественной точки зрѣнія смотрѣлъ теперь Бѣлинскій на русскую литературу. Въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности Бѣлинскій надѣлалъ шуму своимъ заявленіемъ, что „у насъ нѣтъ литературы“; долго отстаивая это положеніе, онъ увидѣлъ, наконецъ, его ошибочность съ исторической точки зрѣнія: мы подробно слѣдили за развитіемъ этого мнѣнія Бѣлинскаго (см. ст. №№ 26, 29, 47 и др.; см. также выше стр. 5—6). Теперь онъ снова возвращается къ этому вопросу и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что признаніе „случайности“ русской литературы настолько же ошибочно, какъ и признаніе ея мірового значенія: это двѣ парадоксальныя крайности. Русская литература существуетъ какъ историческое явленіе, органически развивающееся и чрезвычайно важное для насъ, русскихъ; всемірно-историческаго значенія она пока не имѣетъ. Но это не мѣшаетъ Бѣлинскому выражать увѣренность, что „въ будущемъ мы, кромѣ побѣдоноснаго русскаго меча, положимъ на вѣсы европейской жизни еще и русскую мысль... Тогда будутъ у насъ и поэты, которыхъ мы будемъ имѣть право равнять съ европейскими поэтами первой величины“... А пока—„русская литература все еще младенецъ, положимъ, младенецъ-Алкидъ, но все же младенецъ“... Справедливость по существу этого мнѣнія Бѣлинскаго мы отмѣтили еще во вступи-

тельной замѣткѣ къ „Литературнымъ Мечтаніямъ“ (см. т. I, стр. 3). Это касается мірового значенія русской литературы; что же до ея значенія мѣстнаго, національнаго, то оно громадно: въ русской литературѣ, „въ ней, въ одной ней вся наша жизнь и вся поэзія нашей жизни“,—восклицаетъ Бѣлинскій. И годомъ позднѣе, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю, Бѣлинскій повторилъ: „только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ“...

Но если такъ, то это показываетъ, что есть еще жизнь и движеніе въ обществѣ: Бѣлинскій не уставалъ теперь подчеркивать тѣсную зависимость „литературы“ отъ „общества“. У насъ *есть* общество—это Бѣлинскій доказываетъ въ первой изъ настоящихъ замѣтокъ; это мѣсто представляетъ особенный интересъ, такъ какъ здѣсь Бѣлинскій впервые даетъ опредѣленіе понятія *интеллигенціи*, разумѣется безъ употребленія этого термина. Бѣлинскій говоритъ здѣсь о существованіи чего-то въ родѣ „особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновенно *средняго сословія* отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ“... Последняя фраза нѣсколько темна, но общій смыслъ ясенъ: Бѣлинскій констатируетъ здѣсь зарожденіе и существованіе той „разночинной интеллигенціи“, которая вскорѣ—въ шестидесятыхъ годахъ—заняла собою первые ряды русской журналистики. Замѣтимъ кстати, что не *знаніе*, а *сознаніе* было для Бѣлинскаго критеріемъ принадлежности человѣка къ этой „интеллигенціи“, по современной терминологіи; еще въ 1840 году, говоря о необразованномъ и полуграмотномъ Кольцовѣ, Бѣлинскій восклицалъ: „какіе вопросы тревожатъ этотъ заключенный въ себѣ самомъ духъ!.. Боже мой! Да много ли на свѣтѣ профессоровъ и докторовъ исторіи, правъ, которые бы хотъ подозрѣвали и возможность подобныхъ вопросовъ!“ (ср. ст. № 60).

Еще двѣ любимыхъ своихъ мысли высказываетъ Бѣлинскій въ этихъ замѣткахъ: сопоставленіе „художественности“ и „бел-

летристики“ и сопоставленіе „генія“ и „таланта“. Что касается первой мысли, то мы слѣдили за развитіемъ ея, начиная со статьи № 12 и кончая статьей № 53; мысль эта настолько часто проводилась Бѣлинскимъ, что Шевыревъ въ своей рецензіи на „Петербургскій Сборникъ“ („Москвитянинъ“ 1846 г., №№ 2 и 3), указывая съ осужденіемъ на „филантропическую“, „соціальную“ и „цивилизующую“ тенденцію произведеній этого сборника и вообще родственной ему литературы, называлъ все это „беллетристикой, которой такъ жаждалъ Бѣлинскій“... Отсылаемъ читателя къ нашей вступительной замѣткѣ къ ст. № 51; тамъ мы подробнѣе останавливаемся на этомъ постоянномъ разграниченіи Бѣлинскимъ „искусства“ и „беллетристики“.

Въ тѣсной связи съ этой мыслью стоитъ теперь у Бѣлинскаго мысль о разницѣ между „геніемъ“ и „талантомъ“. Мы уже отмѣтили, что этотъ вопросъ съ давнихъ поръ интересовалъ Бѣлинскаго (см. выше стр. 25); теперь, въ 1846 году, онъ трижды затронулъ его: въ настоящей замѣткѣ, въ одиннадцатой изъ „пушкинскихъ статей“ (по поводу „Моцарта и Сальери“) и въ статьѣ о Кольцовѣ (см. ниже ст. № 60). Во вступительной замѣткѣ къ послѣдней статьѣ мы еще коснемся этого вопроса; укажемъ только, что Бѣлинскій хотѣлъ здѣсь связать „искусство“ и „беллетристику“ съ одной стороны съ „геніемъ“ и „талантомъ“—съ другой и такимъ образомъ соединить два вопроса въ одинъ. Вообще необходимо отмѣтить, что отрывочныя по формѣ „мысли и замѣтки“ Бѣлинскаго, въ сущности, тѣсно между собою соединены. Общество, литература, ея національное, а не міровое значеніе, критика, искусство и беллетристика, геній и талантъ—всѣ эти темы такъ тѣсно связаны у Бѣлинскаго одна съ другой, что его статья „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“ есть именно цѣльная статья, а не собраніе отдѣльныхъ независимыхъ мыслей и замѣтокъ. Статья эта кое-чему подводитъ итоги, кое-что намѣчаетъ вновь—и въ общемъ является одной изъ важныхъ, для пониманія взглядовъ Бѣлинскаго, статей.

И.-Р.

Какова бы ни была наша литература, во всякомъ случаѣ ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться: въ ней, въ одной ней вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми.

Въ нашемъ обществѣ преобладаетъ духъ разьединенія: у каждаго нашего сословія все свое, особенное—и платье, и манеры, и образъ жизни, и обычаи, и даже языкъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только провести вечеръ, на которомъ сошлись бы нечаянно чиповникъ, военный, помѣщикъ, купецъ, мѣщанинъ, повѣренный по дѣламъ или

управляющій, духовный, студентъ, семинаристъ, профессоръ, художникъ; увидя себя въ такомъ обществѣ, вы можете подумать, что присутствуете при раздѣленіи языковъ... Такъ велико разъединеніе, царствующее между представителями разныхъ классовъ одного и того же общества! Духъ разъединенія враждебенъ обществу: общество соединяетъ людей, каста разъединяетъ ихъ. Многіе думаютъ, что спесь, остатокъ славянской старины, уничтожаетъ у насъ соціабельность (*sociabilité*). Если это и справедливо, то развѣ отчасти только. Положимъ, что дворянинъ неохотно сходится съ людьми низшаго званія; но люди низшихъ званій чѣмъ ни готовы пожертвовать для сближенія съ дворяниномъ? Это ихъ страсть! Но бѣда въ томъ, что это всегда бываетъ виѣшнимъ, формальнымъ, похожимъ на шапочное знакомство; самолюбію богатаго купца льститъ знакомство даже съ бѣднымъ дворяниномъ, но презнакомившись и съ богатыми дворянами, онъ все же остается вѣрнѣй привычкамъ, понятіямъ, языку, образу жизни своего, то-есть купеческаго званія. Этотъ духъ особенности такъ силенъ у насъ, что даже и новыя сословія, возникшія изъ новаго порядка дѣлъ, основаннаго Петромъ Великимъ, не замедлили принять на себя особенныя отбѣнки. Чему удивляться, что дворянинъ на купца, а купецъ на дворянина вовсе не походятъ, если иногда почти то же различіе существуетъ и между ученымъ и художникомъ?.. У насъ еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются вѣрными благородной рѣшимости не понимать что такое искусство и зачѣмъ оно; у насъ еще много художниковъ, которые и не подозрѣваютъ живой связи ихъ искусства съ наукою, съ литературою, съ жизнію. И потому сведите *такого* ученаго съ *такимъ* художникомъ, — и вы увидите, что они будутъ или молчать, или перекидываться общими фразами, да и тѣ для нихъ будутъ не разговоромъ, а работою. Иной нашъ ученый, особенно если онъ посвятилъ себя точнымъ наукамъ, смотритъ съ ироническою улыбкою на философію и исторію и на тѣхъ, кто ими занимается, а на поэзію, литературу, журналистику смотритъ просто какъ на вздоръ. Такъ называемый нашъ „словесникъ“ съ презрѣніемъ смотритъ на математику, которая не давалась ему въ школѣ. Скажутъ: все это не духъ разъединенія, а духъ полупросвѣщенія или полубразованности. Такъ! но вѣдь всѣ эти люди получили первоначальное образованіе если не довольно глубокое, то довольно многостороннее: словесникъ учился еще въ школѣ математикѣ, а математикъ — словесности. Многіе изъ нихъ даже очень хорошо разсуждаютъ, при случаѣ, о томъ, что

существуетъ только искусственное раздѣленіе наукъ, а существеннаго нѣтъ и быть не можетъ, потому что всѣ науки составляютъ одно знаніе объ одномъ предметѣ — о бытіи, что искусство такъ же, какъ и наука, есть то же знаніе бытія, только въ другой формѣ, и что литература должна быть наслажденіемъ и роскошью ума равно для всѣхъ образованныхъ людей. Но когда эти прекрасныя разсужденія придется имъ приложить къ дѣлу, тогда они сейчасъ же раздѣлятся на цехи, которые посматриваютъ другъ на друга или съ нѣкоторою ироническою улыбкою и съ чувствомъ своего достоинства, или съ какою-то недовѣрчивостію... Какъ же тутъ требовать соціабельности между людьми различныхъ сословій, изъ которыхъ каждое по-своему и думаетъ, и говоритъ, и одѣвается, ѣстъ и пьетъ?..

И однакожъ, несмотря на то, сказать, чтобъ у насъ вовсе не было общества, значило бы сказать неправду. Несомнѣнно то, что у насъ есть сильная потребность общества и стремленіе къ обществу, а это уже важно! Реформа Петра Великаго не уничтожила, не разрушила стѣнъ, отдѣлявшихъ въ старомъ обществѣ одинъ классъ отъ другого; но она подкопалась подъ основаніе этихъ стѣнъ, и если не повалила, то наклонила ихъ на бокъ, — и теперь со-дня-на-день онѣ все болѣе и болѣе клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственнымъ своимъ щебнемъ и мусоромъ, такъ что починять ихъ значило бы придавать имъ тяжесть, которая по причинѣ подрываго ихъ основанія только ускорила бы ихъ и безъ того неизбежное паденіе. И если теперь раздѣленные этими стѣнами сословія не могутъ переходить черезъ нихъ, какъ черезъ ровную мостовую, зато легко могутъ перескакивать черезъ нихъ тамъ, гдѣ онѣ особенно пообвалились или пострадали отъ проломовъ. Все это прежде дѣлалось медленно и незамѣтно, теперь дѣлается и быстрѣе, и замѣтнѣе, — и близко время, когда все это очень скоро и начисто сдѣлается. Нежеланныя дороги пройдутъ и подъ стѣнами и черезъ стѣны, тунелями и мостами; усиленіемъ промышленности и торговли онѣ переплетутъ интересы людей всѣхъ сословій и классовъ и заставятъ ихъ вступить между собою въ тѣ живыя и тѣсныя отношенія, которыя невольно сглаживаютъ всѣ рѣзкія и непущныя различія.

Но начало этого сближенія сословій между собою, которое есть начало образующагося общества, отнюдь не принадлежитъ исключительно нашему времени: оно сливается съ началомъ нашей литературы. Разнородное общество, сплоченное въ одну массу только одними матеріальными интересами, было бы

жалкимъ и нечеловѣческимъ обществомъ. Какъ бы ни были велики внѣшнее благоутѣвѣ и внѣшняя сила какого-нибудь общества, но если въ немъ торговля, промышленность, пароходство, желѣзныя дороги и вообще всѣ матеріальныя движущія силы составляютъ первоначальныя, главныя и прямыя, а не вспомогательныя только средства къ просвѣщенію и образованію,—то едва ли можно позавидовать такому обществу... Въ этомъ отношеніи намъ нельзя пожаловаться на судьбу: общественное просвѣщеніе и образованіе потекло у насъ въ началѣ ручейкомъ мелкимъ и едва замѣтнымъ, но зато изъ высшаго и благороднѣйшаго источника—изъ самой науки и литературы. Наука у насъ и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда какъ образованіе только еще не разрослось, но уже укоренилось. Листъ его мелокъ и рѣдокъ, стволъ не высокъ и не толстъ, но корень уже такъ глубокъ, что его не вырвать никакой бурѣ, никакому потоку, никакой силѣ: вырубите этотъ лѣсокъ въ одномъ мѣстѣ,—корень дастъ отпрыски въ другомъ, и вы скорѣе устанете вырубать, нежели устанетъ онъ давать новые отпрыски и разрастаться...

Говоря объ успѣхахъ образованія нашего общества, мы говоримъ объ успѣхахъ нашей литературы, потому что наше образованіе есть непосредственное дѣйствіе нашей литературы на понятія и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже нѣсколько поколѣній, рѣзко отличающихся одно отъ другого, положила начало внутреннему сближенію сословій, образовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго *средняго сословія* отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ.

Если хотите понять и оцѣнить вліяніе нашей литературы на общество, посмотрите на представителей ея различныхъ эпохъ, поговорите съ ними, или заставьте ихъ поговорить между собою. Литература наша такъ молода, такъ недавно началась, что и теперь еще можно встрѣтить въ обществѣ всѣхъ ея представителей. Первое замѣчательное русское стихотвореніе, написанное правильнымъ размѣромъ, Ломоносова *Ода на взятіе Хотина*, явилось въ 1739 году, ровно 107 лѣтъ тому назадъ, а Ломоносовъ умеръ въ 1765 году, съ небольшимъ 80 лѣтъ назадъ тому. Теперь, конечно, нѣтъ уже людей, которые видѣли бы Ломоносова хотя въ дѣтствѣ ихъ, или, видѣвши его, могли бы помнить объ

этомъ; но и теперь еще много на Руси людей, которые по сочиненіямъ Ломоносова научились любить поэзію и литературу, и которые и теперь считаютъ его такимъ же великимъ поэтомъ, какимъ всѣ считали его въ ихъ время. Еще больше теперь людей, которые живо помнятъ и лицо и голосъ Державина, и эпоху его полной славы считаютъ лучшимъ временемъ своей жизни. Многіе старики и теперь убѣждены отъ всей души въ высокомъ достоинствѣ поэмъ Хераскова, и давно ли маститый поэтъ Дмитріевъ жаловался печатно на неуваженіе молодыхъ поколѣній къ таланту творца *Россиады* и *Владимира*? Есть еще много стариковъ, которые съ умиленіемъ вспоминаютъ о трагедіяхъ Сумарокова и, при спорѣ, готовы наизусть декламировать лучшія, по ихъ мнѣнію, тирады изъ *Димитрія Самозванца*. Другіе изъ нихъ, уже соглашаясь, что языкъ Сумарокова дѣйствительно очень устарѣлъ, укажутъ вамъ съ особеннымъ уваженіемъ на трагедіи и комедіи Княжнина, какъ на образецъ драматическаго пафоса и чистоты русскаго языка. Еще больше можно теперь встрѣтить такихъ, которые ничего не станутъ говорить о Сумароковѣ и Княжнинѣ, но тѣмъ съ бѣльшимъ жаромъ и съ бѣльшею увѣренностію заговорятъ объ Озеровѣ. Что же касается до Карамзина,—не только старыя, но и старѣющія поколѣнія беззавѣтно принадлежатъ ему душою и тѣломъ, чувствуютъ, думаютъ и живутъ его духомъ, не смотря на то, что они не только читали Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова, но и восхищались всѣми ими болѣе или менѣе... Потомъ, есть теперь люди, которые иронически улыбаются при имени Пушкина и съ благоговѣніемъ говорятъ о Жуковскомъ, какъ будто уваженіе къ послѣднему несовмѣстно съ уваженіемъ къ первому. А сколько теперь людей, которые не понимаютъ Гоголя и оправдываютъ свое предубѣжденіе на счетъ его тѣмъ, что они понимаютъ Пушкина!.. Но не думайте, чтобы все это были чисто-литературные факты: нѣтъ, если вы внимательнѣе присмотритесь и прислушаетесь къ этимъ представителямъ различныхъ эпохъ нашей литературы и различныхъ эпохъ нашего общества,—вы не можете не замѣтить болѣе или менѣе живого отношенія между ихъ литературными и ихъ житейскими понятіями и убѣжденіями. Что же касается собственно до литературнаго ихъ образованія,—это люди, раздѣленные другъ отъ друга какъ будто столѣтіями, потому что наша литература съ небольшимъ во сто лѣтъ пробѣжала разстояніе не одного вѣка. И потому, была большая разница между обществомъ, которое восторгалось громоздкими фразами высокопарныхъ

одъ и тяжелыхъ эпическихъ поэмъ, и обществомъ, которое ходило плакать на *Дизинъ Прудъ*; между обществомъ, которое жадно читало *Людмилу* и *Святлану*, упивалось фантастическими ужасами *Дюнадакти Спящихъ Дровъ*, или нѣжилось въ романтической задумчивости подъ таинственные звуки *Золотой Арфы*, — и между обществомъ, которое для *Евгенія Онегина* забыло и *Кавказскаго Пятника* и *Бахчисарайскій Фонтанъ*, для *Горя отъ Ума* — комедіи Фонвизина, для *Бориса Годунова* — *Димитрія Донскаго* Озерова (какъ нѣкогда для послѣдняго забыло оно *Димитрія Самозванца* Сумарокова), а потомъ для Пушкина и Лермонтова какъ будто охолодѣло къ поэтамъ, которые имъ предшествовали; для Гоголя совершенно забыло всѣхъ романистовъ и нувеллистовъ, которыми еще недавно такъ восхищалось... Подумайте только, какое неизмѣримое пространство времени легло между *Иваномъ Выжигинымъ*, который вышелъ въ 1829 году, и между *Мертвыми Душами*, которые вышли въ 1842 году... Это различіе литературнаго образованія общества перешло въ жизнь и раздѣлило людей на различно дѣйствующія, мыслящія и убѣжденные поколѣнія, которыхъ живые споры и полемическія отношенія, выходя изъ прициповъ, а не изъ матеріальныхъ интересовъ, являютъ собою признаки возникающей и развивающейся въ обществѣ духовной жизни. И это великое дѣло есть дѣло нашей литературы!..

Литература была для нашего общества живымъ источникомъ даже практическихъ нравственныхъ идей. Она началась сатирою, и въ лицѣ Кантемира объявила нещадную войну невѣжеству, предразсудкамъ, сутяжничеству, ябедѣ, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которыя она застала въ старомъ обществѣ не какъ пороки, но какъ правила жизни, какъ моральныя убѣжденія¹⁾. Какое бы ни былъ талантъ Сумарокова, но его сатирическіе нападки на „крапивное сѣмя“ всегда будутъ заслуживать почетнаго упоминанія отъ историка русской литературы. Комедіи Фонвизина были еще болѣе заслугою предъ обществомъ, нежели предъ литературою. Отчасти то же можно сказать и объ *Ябедѣ* Капниста. Басня потому такъ хорошо и принялась у насъ, что она принадлежитъ къ сатирическому роду поэзіи. Самъ Державинъ, поэтъ по преимуществу лирическій, былъ въ то же время и сатирическимъ поэтомъ, какъ, напримѣръ, въ *Фелицѣ*, *Вельможѣ* и другихъ пьесахъ. Наконецъ, пришло время, когда въ нашей литературѣ сатира перешла въ юморъ, который высказывается въ художественномъ воспроизведеніи житей-

ской дѣйствительности. Конечно, смѣшно было бы предполагать, чтобъ сатира, комедія, повѣсть или романъ могли исправить порочнаго человѣка; но нѣтъ сомнѣнія, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробужденію его самосознанія, покрываютъ порочнаго презрѣніемъ и позоромъ. Не даромъ же многіе у насъ не могутъ безъ ненависти слышать имени Гоголя, и его *Ревизора* называютъ „безнравственнымъ“ сочиненіемъ, которое слѣдовало бы запретить. Равнымъ образомъ, теперь ужъ никто не будетъ такъ простодушенъ, чтобы думать, что комедія или повѣсть можетъ взяточника сдѣлать честнымъ человѣкомъ, — нѣтъ, кривое дерево, когда оно уже выросло и потолстѣло, не сдѣлаешь прямымъ; но вѣдь у взяточниковъ такъ же бывають дѣти, какъ и у невзяточниковъ; тѣ и другія, еще не имѣя причинъ считать безнравственными яркія изображенія взяточничества, восхищаются ими и незамѣтно для самихъ себя обогащаются такими впечатлѣніями, которыя не всегда оказываются безплодными въ ихъ послѣдующей жизни, когда они дѣлаются дѣйствительными членами общества. Впечатлѣнія юности сильны, и юность то и принимаетъ за несомнѣнную истину, что прежде всего поразило ея чувство, воображеніе и умъ. И вотъ какимъ образомъ дѣйствуетъ литература уже не на одно образованіе, но и на нравственное улучшеніе общества! Какъ бы то ни было, но это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, что только въ послѣднее время у насъ начало дѣлаться замѣтнымъ число людей, которые нравственныя убѣжденія стараются осуществлять на дѣлѣ, въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ и во вредъ своему общественному положенію...

Не менѣе этого неоспоримъ и тотъ фактъ, что литература служитъ у насъ точкою соединенія людей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ *внутренно* разъединенныхъ. Мѣщанинъ Ломоносовъ, за свой талантъ и свою ученость, достигаетъ важныхъ чиновъ, и вельможи допускаютъ его въ свой кругъ. Съ другой стороны, литература же сближаетъ его съ людьми бѣдными и ничтожными въ гражданскомъ отношеніи. Бѣдный дворянинъ Державинъ, за свой талантъ, самъ дѣлается вельможею — и между людьми, съ которыми сблизила его литература, онъ нашелъ не однихъ меценатовъ, но и друзей. Казанскій купецъ Каменевъ, написавшій балладу *Громвалъ*, пріѣхавъ въ Москву по дѣламъ, пошелъ познакомиться съ Карамзинымъ, а черезъ него перезнакомился со всѣмъ московскимъ литературнымъ кругомъ. Это было назадъ тому *сорокъ лѣтъ*, когда купцы хаживали только въ переднія дворян-

¹⁾ Подробное развитіе этой темы см. въ статьѣ № 52.

сихъ домовъ, и то по дѣламъ, съ товарами или за должкомъ, объ уплатѣ котораго смиренно докучали. Первые журналы русскіе, которыхъ и самыя имена теперь забыты, издавались кружками молодыхъ людей, сблизившихся между собою черезъ общую имъ всѣмъ страсть къ литературѣ. Образованность равняетъ людей. И въ наше время уже нисколько не рѣдкость встрѣтить дружескій кружокъ, въ которомъ найдется и знатный баринъ, и разночинецъ, и купецъ, и мѣщанинъ,—кружокъ, члены котораго совершенно забыли раздѣляющія ихъ внѣшнія различія и взаимно уважаютъ другъ въ другѣ просто людей. Вотъ истинное начало образованной общественности, созданное у насъ литературою. Кто изъ имѣющихъ право на имя человека не пожелаетъ отъ всей души, чтобы эта общественность росла и увеличивалась не по днямъ, а по часамъ, какъ росли наши сказочные богатыри! Какъ все живое, общество должно быть органическимъ, то-есть множественностью людей, связанныхъ между собою *экономически*. Денежные интересы, торговля, инквизиція, балы, собранія, танцы — тоже связь, но только внѣшняя, слѣдовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренно связываютъ людей общіе нравственные интересы, сходство въ понятіяхъ, равенство въ образованіи и, при этомъ, взаимное уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Но всѣ наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша сосредоточивались до сихъ поръ и еще долго будутъ сосредоточиваться исключительно въ литературѣ: она живой источникъ, изъ котораго просачиваются въ общество всѣ человѣческія чувства и понятія...

Повидимому нѣтъ ничего легче, а *въ сущности* нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать о русской литературѣ. Это потому, что русская литература все еще младенецъ, положимъ, младенецъ-Алкидъ, но все же младенецъ. А о дѣтяхъ вообще гораздо труднѣе сказать что-нибудь положительное, опредѣленное, нежели о взрослыхъ людяхъ. При томъ же, наша литература, подобно нашему обществу, представляетъ собою зрѣлище всевозможныхъ противорѣчій, противоположностей, крайностей, странностей. Это оттого, что она началась не сама собою, а была сперва пересадкомъ на нашу почву съ чуждой намъ почвы. Поэтому, о нашей литературѣ всего легче говорить крайностями. Доказывайте, что она не уступаетъ въ богатствѣ и зрѣлости ни одной европейской литературѣ, и что мы можемъ десятками считать нашихъ гениевъ и сотнями нашихъ талантовъ; или доказывайте, что у насъ вовсе нѣтъ литературы, что наши лучшіе писатели — или

случайныя явленія, или просто ничего не стоятъ: въ обоихъ случаяхъ васъ по крайней мѣрѣ поймутъ, и ваше мнѣніе найдетъ себѣ жаркихъ послѣдователей. Любовь къ крайностямъ въ сужденіяхъ—одно изъ свойствъ еще не установившейся природы русской; русскій человѣкъ любить или не въ мѣру хвастаться, или не въ мѣру скромничать. И потому у насъ такъ много, съ одной стороны, пустоголовыхъ Европейцевъ, которые съ восхищеніемъ говорятъ о послѣдней фельетонной сказкѣ выписавшагося французскаго беллетриста, или съ амфазомъ поютъ новый водевильный куплетъ, давно забытый Парижанами,—и съ презрительнымъ равнодушіемъ, или съ оскорбительною недовѣрчивостію смотрятъ на гениальное произведеніе русскаго поэта, для которыхъ Россія не имѣетъ будущаго, и въ ней все дурно и ничего порядочнаго быть не можетъ; а съ другой стороны, у насъ такъ много *квасныхъ патриотовъ*, которые всѣми силами *натягиваются* ненавидѣть все европейское—даже просвѣщеніе, и любить все русское—даже сивуху и рукопашную дуэль. Пристаньте къ одной изъ этихъ партій,—она сейчасъ же произведетъ васъ въ великіе люди и въ гении, тогда какъ другая—возненавидитъ и объявитъ бездарнымъ человѣкомъ. Но во всякомъ случаѣ, имѣя враговъ, вы будете имѣть и друзей. Держась же безпристрастнаго, *трезваго* мнѣнія объ этомъ предметѣ, вы возстановите противъ себя обѣ стороны. Одна изъ нихъ обременитъ васъ своимъ моднымъ, попугайнымъ презрѣніемъ; другая, пожалуй, объявитъ васъ человѣкомъ безпкойнымъ, опаснымъ, подозрительнымъ, ре-негатомъ, и будетъ писать на васъ литературныя донесенія — разумѣется, публикѣ... Самое непріятное тутъ то, что вы не будете поняты, и въ вашихъ словахъ будутъ находить то неумѣренныя похвалы, то неумѣренную брань, но не будутъ видѣть въ нихъ вѣрной характеристики факта дѣйствительности, какъ онъ есть, со всѣмъ его добромъ и зломъ, достоинствами и недостатками, со всѣми противорѣчіями, которыя онъ носитъ въ самомъ себѣ. Это особенно прилагается къ нашей литературѣ, которая представляетъ собою столько крайностей и противорѣчій, что, сказавши о ней что-нибудь утвердительное, тотчасъ же должно сдѣлать оговорку, которая большинству публики, больше любящему читать, нежели разсуждать, легко можетъ показаться отрицаніемъ или противорѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, сказавши о сильномъ и благотворномъ вліяніи нашей литературы на общество и, слѣдовательно, о ея великой для насъ важности, мы должны оговориться, чтобы этому вліянію и этой важности не приписали большихъ размѣровъ,

нежели какіе мы разумѣли, и такимъ образомъ не вывели бы изъ нашихъ словъ такого заключенія, что мы не только имѣемъ литературу, но еще и богатую литературу, которая смѣло можетъ стать наравнѣ съ любой европейскою литературою. Подобное заключеніе было бы всячески можно. У насъ есть литература, и литература богатая талантами и произведеніями, если брать въ соображеніе ея средства и молодость,—но наша литература существуетъ только для насъ: для иностранцевъ же она еще вовсе не литература, и они имѣютъ полное право не признавать ея существованія, потому что они не могутъ черезъ нее изучать и узнавать насъ какъ народъ, какъ общество. Литература наша слишкомъ молода, неопредѣленна и безцвѣтна для того, чтобъ иностранцы могли видѣть въ ней фактъ нашей умственной жизни. Еще недавно она была робкимъ, хотя и даровитымъ ученикомъ, который поставлялъ себя за славу копировать европейскіе образцы, который за картины русской жизни выдавалъ копии съ картинъ европейской жизни. И это составляетъ характеръ цѣлой эпохи литературы нашей отъ Кантемира и Ломоносова до Пушкина. Потомъ, почувствовавъ свои силы, она изъ ученика сдѣлалась мастеромъ, и вмѣсто того, чтобы копировать съ готовыхъ картинъ европейской жизни, простоудушно выдавая ихъ за оригинальныя картины русской жизни, она смѣло начала воспроизводить картины и европейской и русской жизни. Но пока еще только въ первыхъ была она вполне мастеромъ, а во вторыхъ только стремилась, и не всегда безуспѣшно, стать мастеромъ. И это составляетъ характеръ періода нашей литературы отъ Пушкина до Гоголя. Съ появленія Гоголя литература наша исключительно обратилась къ русской жизни, къ русской дѣйствительности. Можетъ быть, черезъ это она сдѣлалась болѣе одностороннею и даже однообразною, зато и болѣе оригинальною, самобытною, а, слѣдовательно, и истинною. Теперь взглянемъ на эти періоды русской литературы въ отношеніи къ ихъ значенію не для насъ, а для иностранцевъ. Нѣтъ никакой нужды доказывать, что Ломоносовъ и Карамзинъ имѣютъ для насъ великое значеніе; но попробуйте перевести ихъ сочиненія на любой европейскій языкъ,—и вы увидите, станутъ ли иностранцы читать ихъ, а если и прочтутъ, то много ли найдутъ въ нихъ интереснаго для себя. Они скажутъ: „мы давно уже прочли все это у себя дома; дайте намъ русскихъ писателей“. То же бы самое сказали они и о сочиненіяхъ Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Жуковского. Изъ всего этого періода былъ бы имъ интересенъ только одинъ писатель—баснописецъ

Крыловъ; но онъ рѣшительно не переводимъ ни на какой языкъ въ мірѣ, и его могутъ оцѣнить только тѣ изъ иностранцевъ, которые знаютъ русскій языкъ и долго жили въ Россіи. Итакъ, цѣлый періодъ русской литературы рѣшительно не существуетъ для Европы. Что же касается до второго,—онъ можетъ существовать для нихъ, но только въ извѣстной степени. Если бы такія произведенія Пушкина, какъ, напримѣръ, *Монахъ* и *Сальери*, *Скупой Рыцарь*, *Каменный Гость*, были переведены достойнымъ ихъ образомъ на какой-нибудь европейскій языкъ,—иностранцы не могли бы не признать ихъ превосходными созданіями поэзіи, но тѣмъ не менѣе эти пьесы не имѣли бы для нихъ почти никакого интереса, какъ созданія русской поэзіи. То же можно сказать и о лучшихъ произведеніяхъ Лермонтова. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не могутъ не терять отъ переводовъ, какъ бы ни хороши были переводы ихъ сочиненій. Причина очевидна: хотя въ твореніяхъ Пушкина и Лермонтова видна душа русская, ясный, положительный русскій умъ, сила и глубокость чувства,—однакожъ, эти качества виднѣе намъ, Русскимъ, нежели иностранцамъ, потому что русская національность еще не довольно выработалась и развилась, чтобы русскій поэтъ могъ налагать на свои произведенія ея рѣзкую печать, выражая въ нихъ общечеловѣческія идеи. А требованія Европейцевъ въ этомъ отношеніи велики. И не мудрено: національный духъ европейскихъ народовъ такъ самобытно и рѣзко отражается въ ихъ литературахъ, что, какъ бы ни было велико, въ художественномъ отношеніи, произведеніе, не запечатлѣнное рѣзкою печатью національности,—оно уже теряетъ въ глазахъ Европейца главное свое достоинство. Въ какомъ-нибудь Марриетѣ, Бульверѣ, или еще менѣе значительномъ беллетристѣ англійскомъ, вы такъ же точно видите Англичанина, какъ и въ Шекспирѣ, Байронѣ, Вальтеръ-Скоттѣ. Жоржъ Зандъ и Поль-де-Кокъ представляютъ собою крайнія стороны французскаго духа, и хотя первый выражаетъ собою все прекрасное, человѣческое и высокое, а послѣдній—ограниченное и пошлое французской національности,—однако вы сейчасъ видите, что оба они равно могли явиться только во Франціи. Какой-нибудь Клаурентъ, или Августъ Лафонтенъ такъ же Нѣмцы, какъ Гёте и Шиллеръ. Въ каждой изъ этихъ литературъ писатель выражаетъ своими сочиненіями хорошую или слабую сторону своей родной національности, и національный духъ, словно таможенный штампель, лежитъ тамъ какъ на произведеніи гения, такъ и на произведеніи бездарнаго писаки. Французы оставались въ высшей

степени національными, изъ всѣхъ силъ подражая Грекамъ и Римлянамъ. Виландъ остался Нѣмцемъ, подражая Французамъ. Барьеры національности непреходимы для Европейцевъ. Можетъ быть, это наша величайшая выгода, что намъ равно доступны всѣ національности, и наши поэты такъ легко и свободно становятся въ своихъ произведеніяхъ и Греками, и Римлянами, и Французами, и Нѣмцами, и Англичанами, и Итальянцами, и Испанцами; но эта выгода въ будущемъ, какъ указаніе на то, что наша національность должна выработаться широко и многосторонне. Въ настоящемъ же это пока скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство, не столько широкость и многосторонность, сколько невыработанность и неопредѣленность своего собственного личнаго начала.

И потому для иностранцевъ интереснѣе другихъ были бы въ хорошихъ переводахъ тѣ созданія Пушкина и Лермонтова, которыхъ содержаніе взято изъ русской жизни. Такимъ образомъ, *Евгеній Онегинъ* былъ бы для иностранцевъ интереснѣе *Моцарта и Сальери*, *Скупой Рыцаря* и *Каменнаго Гостя*. И вотъ почему самый интереснѣй для иностранцевъ русскій поэтъ есть Гоголь. Это не предположеніе, а фактъ, доказанный замѣчательнымъ успѣхомъ во Франціи перевода пяти повѣстей этого писателя, въ прошломъ году изданныхъ въ Парижѣ, г. Луи Віардо. Этотъ успѣхъ понятенъ: кромѣ огромности своего художническаго таланта, Гоголь строго держится въ своихъ сочиненіяхъ сферы русской *житейской* дѣйствительности. А это-то всего и интереснѣе для иностранцевъ: они хотятъ черезъ поэта знакомиться съ страной, которая произвела его. Въ этомъ отношеніи Гоголь—самый національный изъ русскихъ поэтовъ, и ему нельзя бояться перевода, хотя, по причинѣ самой національности его сочиненій, и въ лучшемъ переводѣ не можетъ не ослабиться ихъ колоритъ.

Но и этимъ успѣхомъ не должно слишкомъ заноситься. Для поэта, который хочетъ, чтобъ геній его былъ признанъ вездѣ и всѣми, а не одними только его соотечественниками, національность есть первое, но не единственное условіе: необходимо еще, чтобъ, будучи *національнымъ*, онъ, въ то же время, былъ и *всемирнымъ*, то-есть, чтобы національность его твореній была формою, тѣломъ, плотью, фізіономіею, личностію духовнаго и безплотнаго міра общечеловѣческихъ идей. Другими словами: необходимо, чтобъ національный поэтъ имѣлъ великое *историческое* значеніе не для одного только своего отечества, но чтобы его явленіе имѣло *всемирно-историческое* значеніе. Такіе поэты могутъ являться только у народовъ, при-

званныхъ играть въ судьбахъ человѣчества всемирно-историческую роль, то-есть своею національною жизнью имѣть вліяніе на ходъ и развитіе всего человѣчества. И потому, если, съ одной стороны, безъ великаго генія отъ природы нельзя быть всемирно-историческимъ поэтомъ, то, съ другой стороны, и съ великимъ геніемъ иногда можно быть не всемирно-историческимъ поэтомъ, то-есть, имѣть важность только для одного своего народа. Здѣсь значеніе поэта зависитъ уже не отъ него самого, не отъ его дѣятельности, направленія, генія, но отъ значенія страны, которая произвела его. Съ этой точки зрѣнія у насъ нѣтъ ни одного поэта, котораго мы имѣли бы право ставить наравнѣ съ первыми поэтами Европы,—даже и въ такомъ случаѣ, если бы мы ясно видѣли, что со стороны таланта онъ не уступаетъ тому или другому изъ нихъ. Пьесы Пушкина: *Моцартъ и Сальери*, *Скупой Рыцарь* и *Каменный Гость* такъ хороши, что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онѣ достойны генія самого Шекспира; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ Пушкинъ былъ равенъ Шекспиру. Не говоря уже о томъ, что есть большая разница въ силѣ и объемѣ между геніемъ Шекспира и геніемъ Пушкина,—если бы Пушкинъ написалъ столько же и въ такой же мѣрѣ превосходнаго, сколько Шекспиръ, и тогда его равенство съ Шекспиромъ было бы слишкомъ смѣлою гипотезою. Тѣмъ болѣе это теперь, когда мы знаемъ, что число и объемъ его лучшихъ произведеній такъ бѣдны въ сравненіи съ числомъ и объемомъ лучшихъ произведеній Шекспира. Вообще, мы скорѣе можемъ сказать, что въ нашей литературѣ есть нѣсколько произведеній, которыя мы можемъ, по ихъ *художественному достоинству*, противопоставлять нѣкоторымъ геніальнымъ произведеніямъ европейскихъ литературъ; но мы не можемъ сказать, чтобъ у насъ были поэты, которыхъ мы могли бы противопоставлять европейскимъ поэтамъ первой величины. Есть глубокий смыслъ въ томъ, что мы нуждаемся въ знакомствѣ съ великими поэтами иностранныхъ литературъ, и что иностранцы не нуждаются въ знакомствѣ съ нашими. Отношеніе нашихъ великихъ поэтовъ къ великимъ поэтамъ Европы можно выразить такъ: о нѣкоторыхъ пьесахъ Пушкина можно сказать, что самъ Шекспиръ не постыдился бы назвать ихъ своими, такъ же какъ нѣкоторыя пьесы Лермонтова самъ Байронъ не постыдился бы назвать своими; но, не рискуя впасть въ нелѣпость, нельзя сказать наоборотъ, что подъ нѣкоторыми сочиненіями Шекспира и Байрона Пушкинъ и Лермонтовъ не постыдились бы подписать своего имени. Мы можемъ называть нашихъ поэтовъ Шекспирами,

Байронами, Вальтеръ-Скоттами, Гёте, Шиллерами и пр. только для показанія силы или направленія ихъ таланта, но не ихъ значенія въ глазахъ всего образованнаго міра. Кого называютъ не своимъ именемъ, тотъ не можетъ быть равенъ тому, чьимъ именемъ его называютъ. Байронъ явился послѣ Гёте и Шиллера,—и остался Байрономъ, а не былъ прозванъ англійскимъ Гёте, или англійскимъ Шиллеромъ. Когда для Россіи придетъ время производить поэтовъ всемірнаго значенія,—этихъ поэтовъ будутъ называть ихъ собственными именами, и каждое имя такого поэта, оставаясь собственнымъ, будетъ въ то же время и нарицательнымъ, будетъ употребляться и во множественномъ числѣ, потому что будетъ *типическимъ*.

Говоря, что русскій великій поэтъ, будучи одаренъ отъ природы и равнымъ великому европейскому поэту талантомъ, все-таки не можетъ въ настоящее время достигнуть равнаго съ нимъ значенія, — мы хотимъ этимъ сказать, что онъ можетъ соперничествовать съ нимъ только въ *формѣ*, но не въ *содержаніи* своей поэзіи. Содержаніе даетъ поэту жизнь его народа, слѣдовательно достоинство, глубина, объемъ и значеніе этого содержанія зависятъ прямо и непосредственно не отъ самого поэта и не отъ его таланта, а отъ историческаго значенія жизни его народа. Только сто тридцать шесть лѣтъ прошло съ того вѣчно-памятнаго дня, какъ Россія громами полтавской битвы возвѣстила міру о своемъ приобщеніи къ европейской жизни, о своемъ вступленіи на поприще всемірно-историческаго существованія,—и какой блестящій путь преуспѣянія и славы совершила она въ этотъ короткій срокъ времечки! Это что-то баснословно-великое, безпримѣрное, нигдѣ и никогда небывалое! Россія рѣшила судьбы современнаго міра, „поваливъ въ бездну тяготѣвшій надъ царствами кумиръ“, и теперь, занявъ по праву принадлежащее ей мѣсто между первоклассными державами Европы, она, вмѣстѣ съ ними, держитъ судьбы міра на вѣсахъ своего могущества... Но это показываетъ, что мы ни отъ кого не отстали, а многихъ и опередили въ политическо-историческомъ значеніи — важной, но еще не единственной, не исключительной сторонѣ жизни для народа, призваннаго для великой роли. Наше политическое величіе есть несомнѣнный залогъ нашего будущаго великаго значенія и въ другихъ отношеніяхъ; но въ одномъ въ немъ еще нѣтъ окончательнаго достиженія до развитія всѣхъ сторонъ, долженствующихъ составлять полноту и цѣлостъ жизни великаго народа. Въ будущемъ мы, кромѣ побѣдоноснаго русскаго меча, положимъ на вѣсы европейской жизни

еще и русскую мысль... Тогда будутъ у насъ и поэты, которыхъ мы будемъ имѣть право равнять съ европейскими поэтами первой величины...

Но теперь будемъ довольны тѣмъ, что есть, не преувеличивая и не уменьшая того, чѣмъ владѣемъ. По времени, наша литература оказала огромные успѣхи, свидѣтельствующіе несомнѣнно о плодотворности почвы русскаго духа. Если еще не литература наша, то уже кое-что въ литературѣ нашей начинаетъ интересоваться даже иностранцевъ. Интересъ этотъ пока еще довольно одностороненъ, потому что въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ иностранцы могутъ находить для себя только мѣстный колоритъ, живописъ нравовъ и обычаевъ столь рѣзко противоположной имъ страны...

У насъ изстари ведется обычай нападать то на публику за ея, будто бы, равнодушіе ко всему родному, а преимущественно къ отечественнымъ талантамъ, къ отечественной литературѣ; то на критиковъ, будто бы, старающихся унижать заслуженные авторитеты русской литературы. Мы не безъ причины поставили рядомъ оба эти обвиненія: между ними такъ много общаго. Начнемъ съ перваго. Неутомимые защитники нашей литературы, скромно величающіе себя „патріотами“ и „правдолюбамъ“, больше всего жалуются на упадокъ нашей книжной торговли, на малый расходъ книгъ. Но факты говорятъ совсѣмъ другое: изъ нихъ ясно какъ дважды два — четыре, что у насъ хорошо расходятся даже сколько-нибудь порядочныя книги, не говоря уже о превосходныхъ. *Героя Нашего Времени* въ продолженіе шести лѣтъ разошлось три изданія; стихотвореній Лермонтова скоро потребуются третье изданіе, несмотря на то, что они всѣ были первоначально напечатаны въ журналахъ; *Вечера на Хуторѣ* Гоголя печатались едва ли не четыре раза; *Ревизора* разошлось три изданія; второе изданіе (1842 г.) сочиненій Гоголя разошлось въ числѣ трехъ тысячъ экземпляровъ; *Мертвые Души*, напечатанныя, въ 1842 году, въ числѣ двухъ тысячъ четырехъ сотъ экземпляровъ, давно расхватааны до послѣдняго экземпляра. Даже повѣсти графа Соллогуба, прочитанныя публикою въ журналахъ, вышли уже *вторымъ* изданіемъ; *Тирантасъ*, вѣроятно, тоже скоро появится вторымъ изданіемъ. Этихъ фактовъ достаточно. Говорятъ даже, что у насъ не можетъ не окупиться изданіе самой плохой книги, почему книгопродавцы и печатаютъ такъ много плохихъ книгъ. Исключеніе, видно, остается только за сочиненіями господъ „правдолюбовъ“, жалующихся на то.

что книги не идутъ съ рукъ ¹⁾. Но это доказываетъ только, какъ невыгодно запаздывать талантомъ, умомъ и понятіями. Въ горести и отчаяніи при мысли о залежавшемся товарѣ своего ума и фантазіи эти господа вздумали свалить вину паденія книжнаго товара на толстые журналы и на новую, будто бы, ложную школу литературы, основанную Гоголемъ. Оба эти обвиненія стоятъ одно другого. Обвинители говорятъ, будто наша литература гибнетъ оттого, что въ журналахъ печатаются цѣликомъ многотомные романы, исторіи и тому подобное. Они даже увѣряютъ, что сама публика недовольна этимъ. Конечно! для публики очень невыгодно за пятьдесятъ рублей въ годъ приобретать столько сочиненій, которыя, будучи изданы отдѣльно, обошлись бы ей чуть ли не вдесятеро дороже!.. Какъ же послѣ этого публикѣ не жаловаться на журналы! Вамъ хочется, чтобы и книги, несмотря на то, шли своимъ чередомъ? — Издавайте ихъ какъ можно дешевле и въ большомъ количествѣ экземпляровъ: журналы вамъ не помѣшаютъ. Несмотря на то, что книги у насъ сдѣлались гораздо дешевле, нежели какъ были онѣ лѣтъ за пятнадцать назадъ тому, когда крошечные альманахи, сѣренько издававшіеся, продавались по десяти рублей ассигнаціями, а плохіе переводы романовъ Вальтера-Скотта и оригинальные русскіе романы — по двадцати и больше рублей ассигнаціями за экземпляръ, — несмотря на то, книги у насъ еще и теперь страшно дорогой товаръ. Это, къ несчастію, слишкомъ хорошо знаютъ тѣ, кто считаетъ за необходимое имѣть въ своей библіотекѣ сочиненія всѣхъ извѣстныхъ русскихъ писателей. Только въ прошломъ году вышло изданіе сочиненій Державина, стоящее три рубля серебромъ, — тогда какъ этимъ сочиненіямъ давно бы слѣдовало продаваться еще вдвое дешевле. Смирдинское изданіе сочиненій Батюшкова стоитъ пятнадцать рублей ассигнаціями. Первые восемь томовъ сочиненій Жуковскаго теперь съ трудомъ можно приобрести и за пятнадцать рублей серебромъ, потому что изданіе давно разошлось, а новаго все нѣтъ, какъ нѣтъ. Сочиненія Пушкина, дурно изданныя, стоятъ до шестидесяти рублей ассигнаціями. *Мертвые Души* Гоголя, продававшіяся по три рубля серебромъ, теперь нельзя купить меньше десяти рублей серебромъ, а о новомъ изданіи даже и не слышно. Какъ же процвѣтаетъ книжной торговлѣ, когда публикѣ нечего покупать, при всей ея охотѣ покупать? Скажутъ: у насъ есть книгопродавцы-издатели, которые, вмѣсто того, чтобы наживаться,

только разоряются отъ изданія книгъ ¹⁾. Такъ, но многіе ли изъ этихъ книгопродавцевъ знаютъ толкъ въ товарѣ, которымъ торгуютъ?.. Кто же тутъ виноватъ — неужели толстые журналы?..

Конечно, нельзя не согласиться отчасти и въ томъ, что наша публика не совсѣмъ похожа, напримѣръ, на французскую въ ея любви къ отечественнымъ талантамъ и отечественной литературѣ. Въ Парижѣ вышло новое изданіе (которое счетомъ — и сказать трудно) сочиненій Гюго въ то самое время, когда Французская Академія отказала ему въ званіи своего члена: публика изъявила свое неудовольствіе тѣмъ, что въ нѣсколько дней раскупила все изданіе... У насъ еще невозможны такія явленія. Почти каждый образованный Французъ считаетъ необходимымъ имѣть въ своей библіотекѣ всѣхъ своихъ писателей, которыхъ общественное мнѣніе признало классическими. И онъ читаетъ и перечитываетъ ихъ всю жизнь свою. У насъ — что грѣха таить! — не всякій записной литераторъ считаетъ за нужное имѣть старыхъ писателей. И вообще у насъ всѣ охотнѣе покупаютъ новую книгу, нежели старую; старыхъ писателей у насъ почти никто не читаетъ, особенно тѣ, которые всѣхъ громче кричатъ о ихъ геніи и славѣ. Это отчасти происходитъ оттого, что наше образованіе еще не установилось, и образованные потребности еще не обратились у насъ въ привычку. Но тутъ есть и другая, можетъ быть, еще болѣе существенная, причина, которая не только объясняетъ, но частію и оправдываетъ это нравственное явленіе. Французы до сихъ поръ читаютъ, напримѣръ, Рабле, или Паскаля, писателей XVI и XVII вѣка: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что этихъ писателей и теперь читаютъ и изучаютъ не одни Французы, но и Нѣмцы, и Англичане, словомъ, люди всѣхъ образованныхъ націй. Языкъ этихъ писателей, и особенно Рабле, устарѣлъ, но *содержаніе* ихъ сочиненій всегда будетъ имѣть свой живой интересъ, потому что оно тѣсно связано съ смысломъ и значеніемъ цѣлой исторической эпохи. Это доказываетъ ту истину, что только *содержаніе*, а не языкъ, не слогъ можетъ спасти отъ забвенія писателя, несмотря на измѣненіе языка, нравовъ и понятій въ обществѣ. Тутъ даже и талантъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не составляетъ всего. Ломоносовъ былъ великій, геніальный человѣкъ; его ученныя сочиненія всегда будутъ имѣть свою цѣну; но его стихи для насъ могутъ имѣть только одинъ интересъ — какъ историческій фактъ

¹⁾ Намекъ на Булгарина.

¹⁾ Въ сороковыхъ годахъ разорился Смирдинъ; па-
него, очевидно, и намекаетъ здѣсь Бѣлинскій.

рождающейся литературы, а больше никакого. Читать ихъ и скучно и трудно. На это можно рѣшиться по обязанности, а не по склонности. Державинъ былъ положительно одаренъ поэтическимъ гениемъ; но его эпоха такъ мало могла дать содержанія для его творчества, что если его и читаютъ теперь, то больше съ цѣлю изученія исторіи русской литературы, нежели для прямого эстетическаго наслажденія. Карамзинъ изъ торной, ухабистой и каменистой дороги латинско-нѣмецкой конструкціи, славяно-церковныхъ реченій и оборотовъ и схоластической надутости выраженія вывелъ русскій языкъ на настоящій и естественный ему путь, заговорилъ съ обществомъ языкомъ общества, создалъ, можно сказать, и литературу и публику: заслуга великая и бессмертная! Мы признаемъ ее со всею охотою, и считаемъ для себя не только за долгъ, но и за наслажденіе быть признательными къ имени знаменитаго мужа; но все это не даетъ содержанія *Бѣдной Лизы*, *Наташи Боярской Дочери*, *Миронъ Посадничъ* и пр., не сдѣлаетъ ихъ интересными для нашего времени, и не заставитъ насъ читать и перечитывать ихъ. И обо многихъ писателяхъ нашихъ можно сказать то же. Намъ возражать: „Таково было ихъ время; они не виноваты, что родились въ ихъ, а не въ наше время“. Согласны, совершенно согласны; но мы и не винимъ ихъ: мы только снимаемъ вину съ нашей публики; наша роль отнюдь не обвинительная, но чисто оправдывательная. О вкусахъ спорить трудно; но если кого изъ старыхъ писателей нашихъ можно читать съ истиннымъ удовольствіемъ, такъ это Фонвизина. Его сочиненія такъ похожи на записки или мемуары этой эпохи, хотя они и совсѣмъ не записки и не мемуары. Фонвизинъ былъ необыкновенно умный человѣкъ; онъ не хлопоталъ о высокопарной, иллюминированной сторонѣ своего времени, но смотрѣлъ больше на его внутреннюю, домашнюю сторону. Потому сочиненія его крайне интересны. О Крыловѣ не говоримъ: всѣ мы, разъ заучивъ его въ дѣтствѣ, уже никогда не забываемъ.

Сказанное нами о Ломоносовѣ, Державинѣ и Карамзинѣ многими принято будетъ за *flagrant délit* злостнаго униженія критикою нашихъ литературныхъ славъ. Въ самомъ дѣлѣ, улыбка налицо — и намъ нѣтъ спасенія! Но, какъ говорить русская пословица, „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!“ Къ счастью, мнѣніе объ униженіи критикою литературныхъ славъ со дня на день перестаетъ быть мнѣніемъ публики: теперь оно осталось на долю самихъ же такъ называемыхъ критиковъ, сдѣлалось любимымъ орудіемъ обиженныхъ самолюбій, забытыхъ

извѣстностей, падшихъ талантовъ, выписавшихся сочинителей, — орудіемъ, вполне достойнымъ ихъ!.. Кто не хочетъ превозносить ихъ, или, еще болѣе, кто не хочетъ замѣчать ихъ; кто, говоря о знаменитыхъ писателяхъ, не хочетъ повторять готовыхъ стереотипныхъ и избитыхъ фразъ, быть эхомъ чужихъ мнѣній, но хочетъ, по своему разумѣнію, по мѣрѣ силъ своихъ, судить независимо и свободно, оцѣнить заслуги каждаго писателя, показать его достоинства и недостатки, указать на его настоящее мѣсто и значеніе въ русской литературѣ: что дѣлать съ такимъ критикомъ, особенно, если его мнѣнія находятъ отзвѣвъ въ публикѣ?¹⁾ — Больше нечего съ нимъ дѣлать, какъ кричать о немъ, сколько можно громче и чаще, что онъ унижаетъ литературныя славъ, порочить Ломоносова, Державина, Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, даже Пушкина!.. Кстати, можно намекнуть, что онъ проповѣдуетъ безправственность, развращаетъ молодыхъ поколѣнія, что онъ... по крайней мѣрѣ — ренегатъ, если не что-нибудь еще хуже... Это тоже называется „критикою“... Неужели такая критика находитъ еще себѣ послѣдователей въ публикѣ?... *Какихъ* — это другой вопросъ, но что находить, это очень возможно, потому что наша читающая публика такъ же разнообразна, пестра и не единична, какъ и наше общество. Между нею есть люди, для которыхъ *Ревизоръ* и *Мертвые Души* — грубые фарсы, а *Сенсация госпожи Курдюковой* — остроумнѣйшее произведеніе; есть люди, которые, какъ сказалъ Гоголь, „любятъ потолковать о литературѣ, хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ“. Такіе люди, или такіе чтецы (читателями ихъ грѣхъ назвать), въ критикѣ видятъ или безусловную похвалу, или безусловную брань: имъ такъ легко понимать такую критику; отъ всякой другой у нихъ закружилась бы голова, потому что имъ пришлось бы думать, что для нихъ всего тяжелѣе и труднѣе. Когда является разборъ сочиненій писателя, написанный въ духѣ истинной критики, отдѣляющій въ авторѣ безусловныя достоинства отъ условныхъ, недостатки таланта отъ недостатка времени, — такого разбора помянутые чтецы не станутъ читать; но имъ скажетъ о немъ какой-нибудь присяжный *ихъ* критикъ, какой-нибудь творецъ всякой всячины, который изо всей мочи хвалитъ себя да старыхъ писателей, уже не опасныхъ ему, и бравитъ наповалъ все даровитое въ новомъ поколѣніи²⁾. Этотъ критикъ по-своему раз-

¹⁾ Очевидно, что все это Бѣлинскій говоритъ о самомъ себѣ.

²⁾ Булгаринъ.

береть для своихъ чтецовъ вновь явившійся разборъ, вырветъ изъ него по строчкѣ, по слову изъ страницы и воскликнетъ: можно ли такъ унижать заслуженные авторитеты! И чтецы вѣрятъ ему, потому что понимаютъ его: онъ говоритъ имъ ихъ языкомъ, ихъ понятіями, ихъ чувствами, ихъ вкусомъ — *les beaux esprits se rencontrent...* Имъ, этимъ чтецамъ, и въ голову не входитъ, что правда не унижаетъ таланта, такъ же, какъ и ошибочное мнѣніе не вредитъ ему, что унижить можно только незаслуженную извѣстность, и что, слѣдовательно, независимое сужденіе о литературѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вредно, но часто бываетъ полезно. Изобрѣтатель такой критики увѣритъ своихъ чтецовъ еще и въ томъ, что критикъ, при имени котораго онъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ, хвалитъ только своихъ друзей; а чтецы и вѣрятъ печатному: гдѣ же имъ справляться, что этотъ критикъ едва ли знакомъ лично съ живыми писателями, которымъ онъ удивляется?—Это дѣло частное; и гдѣ же имъ сообразить, что онъ еще не родился на свѣтъ, когда умеръ Ломоносовъ, и не зналъ еще грамотъ, когда умеръ Державинъ, и когда были въ полнотѣ своей славы Карамзинъ и Жуковский, заслугамъ и гению которыхъ онъ отдаетъ полную справедливость, но только не съ чужого голоса и не безотчетно?—Для соображенія, вѣдь, нужна способность соображать. Гораздо легче повѣрить на слово тому, кто повторяетъ себѣ да и только: хвалитъ-де все своихъ пріятелей...

Вообще, вмѣстѣ съ удивительными и быстрыми успѣхами въ умственномъ и литературномъ образованіи проглядываетъ у насъ какая-то незрѣлость, какая-то шаткость и неопредѣленность. Истины, въ другихъ литературахъ давно сдѣлавшіяся аксіомами, давно уже не возбуждающія споровъ и не требующія доказательствъ, — у насъ все еще не подвергались сужденію, еще не всѣмъ извѣстны. Вы, напримѣръ, не написали никакой книги, а между тѣмъ издаете журналъ, пользующійся огромнымъ успѣхомъ, — и ваши противники кричатъ, что вашъ журналъ плохъ, *потому что* вы не написали никакой книги. Это „потому что“ очень оригинально! Да если журналъ хорошъ, какое вамъ дѣло до того, написалъ или не написалъ его издатель книгу? — Вы занимаетесь критикою, и хоть настолько успѣшно, чтобы живо затронуть чужія мнѣнія, или пристрастія и нажить себѣ враговъ: не думайте, чтобы ваши противники стали опровергать ваши положенія, оспари-

вать ваши выводы ¹⁾. Нѣтъ, вмѣсто всего этого, они начнутъ вамъ говорить, что ничего не написавши сами, вы не имѣете права критиковать другихъ; что вы молоды, а между тѣмъ судите о произведеніяхъ людей, которые уже стары, и т. д. Подобныя выходы хоть кого приведутъ въ затруднительное положеніе, — не потому, чтобы трудно было отвѣчать на нихъ, а потому именно, что слишкомъ легко отвѣчать на нихъ. Но у кого же достанетъ духу опровергать подобныя мнѣнія, съ важностію доказывать, что можно не быть поваромъ — и вѣрно судить о столѣ; не быть портнымъ — и безошибочно сказать свое мнѣніе о достоинствѣ или недостаткахъ новаго фрака: — такъ же точно, какъ не умѣть писать стиховъ, романовъ, повѣстей, драмъ — и быть въ состояніи дѣльно и здраво судить о чужихъ произведеніяхъ; и что, если въ сферѣ астрономіи имѣть тонкій вкусъ есть своего рода талантъ, то тѣмъ болѣе это въ сферѣ искусства, и что критика есть своего рода искусство. Есть истины, которыя даже пошлы, потому именно, что слишкомъ очевидны, какъ, напримѣръ, то, что лѣтомъ тепло, а зимою холодно, что подъ дождемъ можно вымочиться, а передъ огнемъ высушиться. А между тѣмъ, у насъ иногда необходимо защищать подобныя истины всею силою логики и діалектики... Но это еще можетъ быть только или смѣшно, или досадно, смотря по расположенію вашего духа; но бываютъ явленія, отъ которыхъ не захочется смѣяться. Вспомните только, что произведеніе, вѣрно схватывающее какія-нибудь черты общества, считается у насъ пасквиломъ, то на общество, то на сословіе, то на лица. Отъ нашей литературы требуютъ, чтобы она видѣла въ дѣйствительности только героев добродѣтели, да мелодраматическихъ злодѣевъ, и чтобы она и не подозрѣвала, что въ обществѣ можетъ быть много смѣшныхъ странностей и уродливыхъ явленій. Каждый, чтобы ему было широко и просторно жить, готовъ, еслибъ могъ, запретить другимъ жить... Писаки во фризovýchъ шинеляхъ, съ небритыми подбородками, пишутъ на заказъ мелкимъ книгопродавцамъ плохія книжонки: что-жъ тутъ худого? Почему писаки не находятъ свой кусокъ хлѣба, какъ онъ можетъ и умѣть? — Но эти писаки портятъ вкусъ публики, унижаютъ литературу и званіе литератора? — Положимъ, такъ; но чтобы они не вредили вкусу публики и успѣхамъ литературы, для этого есть журналы, есть критика. — Нѣтъ,

¹⁾ У Бѣлинскаго явная опечатка: „выгоды“. — П здѣсь Бѣлинскій говоритъ о себѣ самомъ, объ „Огеч. Запискахъ“ и Булгаринѣ; все нижеслѣдующее — о немъ же.

намъ этого мало: будь наша воля—мы запретили бы писакамъ писать вздоры, а книгопродавцамъ издавать ихъ... И откуда, отъ кого выходить подобныя мысли?—изъ журналовъ, отъ литераторовъ!.. Между ними есть ужасные запретители: кромѣ своихъ сочиненій, такъ бы все и запретили гуртомъ... Нѣкоторые и на этомъ не остановились бы, но желали бы запретить продажу всякихъ другихъ товаровъ,—даже хлѣба и соли, кромѣ своихъ сочиненій.. Явился у насъ писатель, юмористическій талантъ котораго имѣлъ до того сильное вліяніе на всю литературу, что далъ ей совершенно новое направленіе. Его стали порочить. Хотѣли увѣрить публику, что онъ—Поль-де-Кокъ, живописецъ грязной, неумытой и непричесанной природы ¹⁾. Онъ не отвѣчалъ никому и шелъ себѣ впередъ. Публика, въ отношеніи къ нему, раздѣлилась на двѣ стороны, изъ которыхъ самая многочисленная была рѣшительно противъ него,—что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей раскупать, читать и перечитывать его сочиненія. Наконецъ, и большинство публики стало за него; что дѣлать порицателямъ? Они начали признавать въ немъ талантъ, даже большой, хотя, по ихъ словамъ, идущій не по настоящему пути; но вмѣстѣ съ этимъ стали давать знать, и намекали прямо, что онъ, будто бы, унижаетъ все русское, оскорбляетъ почтенное сословіе чиновниковъ и т. п. Но эти господа хлопочутъ совсѣмъ не о чиновникахъ, а о самихъ себѣ: имъ бы хотѣлось заставить молчать всю современную литературу, чтобы публика, не имѣя ничего хорошаго, поневолѣ принялась за чтеніе ихъ сочиненій, и начала бы снова покупать ихъ... И это все печатается, а публика читаетъ, потому что еслибы этого никто не читалъ, то это и не печаталось бы... Всѣ мнѣнія находятъ у насъ мѣсто, просторъ, вниманіе и даже послѣдователей. Что же это, если не незрѣлость и не шаткость общественнаго мнѣнія? Но со всѣмъ этимъ, истина и здравый вкусъ все-таки идутъ твердыми шагами и овладѣваютъ полемъ этой безпорядочной битвы мнѣній. Если всякій ложный и пустой, но блестящій талантъ непременно пользуется успѣхомъ, то не было еще примѣра, чтобы истинный талантъ не былъ у насъ признанъ и не получилъ успѣха. Ложные авторитеты падаютъ со дня на день. Давно ли слава Марлинскаго—этого жонглера фразы, казалась колоссальною?—теперь о немъ уже и не говорятъ, не только не хвалятъ, даже и не бранятъ его. Такихъ примѣровъ можно бы

привести много. Все это доказываетъ, что и литература, и общество наше еще слишкомъ молоды и незрѣлы, но что въ нихъ кроется много здоровой жизненной силы, обѣщающей богатое развитіе въ будущемъ.

Разъ гдѣ-то была высказана мысль, что у насъ болѣе художественныхъ, нежели беллетристическихъ произведеній, больше гениевъ, нежели талантовъ. Какъ всякая самобытная и оригинальная мысль, она возбудила толки ¹⁾. И дѣйствительно, съ перваго взгляда эта мысль можетъ показаться страннымъ парадоксомъ; но тѣмъ не менѣе она справедлива въ основаніи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ходъ нашей литературы, отъ ея начала до настоящаго времени. Беллетристъ есть подражатель, онъ живетъ чужою мыслию—мыслию генія. Правда, геніи перваго періода нашей литературы, до Пушкина, были ничѣмъ инымъ, какъ беллетристами въ отношеніи къ европейскимъ писателямъ, у которыхъ они учились писать, заимствовали и форму и мысли; но въ нашей литературѣ роль ихъ была совсѣмъ другая. Кантемиръ подражалъ Горацію и Буало, и со всѣмъ тѣмъ въ русской литературѣ былъ совершенно оригинальнымъ писателемъ, предметомъ удивленія для современниковъ, которые видѣли въ немъ *генія*, и уваженія для потомства, которое видитъ въ немъ одно изъ замѣчательныхъ лицъ нашей литературы. Нечего и говорить въ этомъ отношеніи о Ломоносовѣ, Державинѣ и Фонвизинѣ: это были дѣйствительно геніальные люди, а второй изъ нихъ даже былъ дѣйствительно геніальнымъ поэтомъ. Но и Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ и Княжнинъ считались въ ихъ время, и даже долго послѣ ихъ смерти, великими поэтами. Сергѣй Николаевичъ Глинка—сей почтенный и всегда вдохновенный ветеранъ нашей литературы, и теперь считаетъ ихъ великими поэтами. И хотя наше время думаетъ объ этомъ совсѣмъ иначе, однакожъ оно не можетъ не согласиться, что и мнѣніе Сергѣя Николаевича Глинки и его времени имѣетъ свое основаніе. Первые дѣятели всякой литературы, а особенно подражательной, являются даже и потомству въ такихъ большихъ размѣрахъ, которые уже не существуютъ

¹⁾ Такъ отзывались о Гоголѣ—Булгаринъ, Сенковский и Полевой; см. ст. № 42.

¹⁾ Мысль эта была высказана самимъ Бѣлинскимъ въ вводной статьѣ къ сборнику „Физиологія Петербурга“; см. объ этомъ въ нашей вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 53. Что же касается „толковъ“ по поводу этой мысли, то о нихъ Бѣлинскій болѣе опредѣленно говорить въ своей рецензіи на вторую часть „Физиологіи Петербурга“. (Рецензія эта не вошла въ настоящее изданіе, см. въ изд. С. Венгерова—т. IX, стр. 471). Эта и слѣдующая замѣтка написаны Бѣлинскимъ для подтвержденія своей мысли.

для такихъ же талантовъ, но являющихся позже, уже во время успѣховъ и развитія литературы. Сумароковъ, по убѣжденію его современниковъ, далеко оставилъ за собою и баснописца Лафонтена, и трагиковъ Корнеля и Расина, и сравнялся съ господиномъ Вольтеромъ. Херасковъ былъ нашимъ Гомеромъ, Петровъ—Пиндаромъ, Богдановичъ—Зефиръ давалъ ему перо изъ своихъ крылъ, и Амуръ водилъ его рукою, когда онъ писалъ *Душеньку*... Но много ли породили подражателей эти, положимъ, условные геніи? Много ли породилъ подражателей самъ Державинъ? Правда, торжественныхъ одъ было въ тѣ блаженные времена написано и напечатано миллионы; но это оттого, что тысячи рукъ писали ихъ, и если на каждую руку по одной одѣ—такъ ужъ выйдетъ страшный итогъ. Но много ли дошло до насъ именъ талантливыхъ, беллетристовъ, порожденныхъ движеніемъ, сообщеннымъ нашей литературѣ ея первыми геніями? Положимъ, что у Сумарокова, Хераскова и Петрова и не могло быть талантливыхъ подражателей; но много ли было ихъ у Державина? Нѣсколько одъ написалъ Дмитріевъ; и немного больше написалъ ихъ Капнистъ—вотъ и все... Оды обоихъ этихъ поэтовъ, по числу—ничто въ сравненіи съ численнымъ богатствомъ одъ Державина. А между тѣмъ, такъ естественно, что беллетристу легче писать много, нежели его образцу; но у насъ это всегда бывало наоборотъ. Макаровъ и Подшиваловъ, очень мало написавшіе, особенно послѣдній, дѣйствовали независимо отъ Карамзина; подражателями же Карамзина были Владиміръ Измайловъ, князь Шаликовъ и, право, не помнимъ, кто еще: такъ мало ихъ было, и бывшіе такъ мало и вяло писали! Вліяніе Жуковского было обширнѣе: у него и теперь и всегда можно учиться переводить, стихъ его тоже всегда будетъ образцовымъ. Козловъ, г. О. Глинка и частію Туманскій были отголосками музыки Жуковского. Геній Пушкина породилъ еще болѣе подражателей, у которыхъ нельзя отрицать таланта и которые въ свое время пользовались огромною извѣстностію; но, всѣ вмѣстѣ взяты, они едва ли написали половину того, что написалъ одинъ Пушкинъ, хотя и онъ написалъ не очень много,—и какъ скоро пережили они свой талантъ и свою извѣстность! И теперь пишутъ многіе; одинъ сходитъ со сцены, то-есть, забывается (это у насъ дѣлается необыкновенно скоро), другой является, въ сложности всѣ производятъ довольно много (по крайней мѣрѣ относительно), но каждый особенно пишетъ очень мало. И при томъ, всѣ претендуютъ на художественность, на творчество, никто не хочетъ быть просто рассказ-

чикомъ, сказочникомъ, беллетристомъ. Почти всѣ пишутъ на заказъ, зная впередъ, сколько даетъ имъ каждая строчка, каждое слово, каждая запятая; но, въ то же время, всѣ пишутъ и по вдохновенію. Многіе продаютъ еще ненаписанныя повѣсти, но не потому, что слишкомъ много пишутъ и много получаютъ заказовъ, а потому, что слишкомъ мало пишутъ. Иной разразится повѣстью въ годъ—и смотритъ Наполеономъ послѣ аустерлицкой битвы. Удастся написать въ годъ двѣ повѣсти: это ужъ равняется завоеванію всего міра. Оттого, у насъ нѣтъ беллетристики и публикѣ нечего читать. Всѣ сколько-нибудь замѣчательныя произведенія каждаго года (со включеніемъ сюда и такихъ, которыя только что снесы) можно перечестъ по пальцамъ. Во Франціи это дѣлается иначе: тамъ пишутъ полосами, и каждый сколько-нибудь извѣстный беллетристъ исписываетъ ежегодно цѣлые томы, чуть не десятки томовъ, не заботясь о томъ, за что приметъ его публика—за генія или просто за талантъ. Тамъ беллетристъ пишетъ гораздо болѣе, чѣмъ художникъ-поэтъ: Жоржъ-Зандъ написала много, больше, нежели сколько у насъ пишется многими въ продолженіе многихъ лѣтъ; но кипа сочиненій Жоржа-Занда въ сравненіи съ кипой сочиненій Ежена Сю или Александра Дюма—то же, что озеро въ сравненіи съ моремъ или море въ сравненіи съ океаномъ. Оно и естественно; творчество не покоряется волѣ, и художнику нужно время обдумать и выносить въ умѣ своемъ концептированную имъ мысль... Въ настоящемъ, въ истинномъ значеніи этого слова, у насъ было и есть три беллетриста: это—Булгаринъ, Полевой и Кукольникъ. Неумолимость ихъ изумительна...

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи слабѣе другихъ принялась у насъ драма, особенно комедія. По крайней мѣрѣ, хоть такъ называемая классическая трагедія имѣла у насъ свое время развитія и успѣховъ. Трагедіи Сумарокова дали пищу нашему рождающемуся театру и не только восхищали современниковъ, но *Дмитрій Самозванецъ* давался на провинціальныхъ театрахъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Трагедіи и комедіи Княжнина имѣли для своего времени неотъемлемое достоинство,—и вообще, можно сказать, что наше время много бы выиграло, еслибъ теперь явился такой умный и ловкій заимствователь по части драматической литературы, какимъ для своего времени былъ Княжнинъ. Еще выше его былъ Озеровъ. Изъ этого видно, что классическая трагедія у насъ развивалась въ продолженіе цѣлыхъ трехъ поколѣній. Явился

романтизмъ—и пошли романтическія драмы, кровавыя, страшныя, эффектныя, наконецъ, даже народныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ больше безтолковыя и пустыя. Теперь ужъ и онѣ пишутся только для бенифисовъ, да и то все рѣже и рѣже. Есть надежда, что скоро онѣ и совсѣмъ прекратятся. И хорошо! лучше вовсе ничего, нежели много великолѣпнаго или какого бы то ни было вздору!

Но и въ дѣлѣ драмы еще больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, оправдалось положеніе, что у насъ во всемъ больше геніевъ (хотя ихъ и очень мало), нежели талантовъ. Пушкинъ, въ своемъ *Борисѣ Годуновѣ* далъ намъ истинный и геніальный образецъ народной драмы; но потому-то, можетъ быть, онъ и остался безъ всякаго вліянія на нашу драматическую литературу, что былъ слишкомъ истиненъ и геніаленъ. По крайней мѣрѣ, ни на одномъ драматическомъ произведеніи съ признаками таланта не отразилось вліяніе *Бориса Годунова*. Скажутъ: это оттого, что ни одной драмы съ признаками таланта никогда не появлялось у насъ. Правда! но отчего же у насъ появлялись и появляются поэмы въ стихахъ съ признаками таланта, да иногда еще и замѣчательнаго, доказывающія, какъ сильно и плодотворно вліяніе Пушкина и Лермонтова на нашу литературу?.. Послѣ *Бориса Годунова* лучшее драматическое произведеніе въ народномъ духѣ принадлежитъ Пушкину же: это—*Русака*. Его драматическія поэмы: *Сцена изъ Фауста*, *Моцартъ и Сальери*, *Скупой Рыцарь*, *Каменный Гость*, тоже не отозвались въ русской литературѣ никакими сколько-нибудь счастливыми опытами. А между тѣмъ, всѣ драматическіе опыты Пушкина—великія художественныя созданія...

Такова же участь и нашей комедіи: или что-нибудь необыкновенное, или—меньше, чѣмъ ничего. О русскихъ комедіяхъ до Фонвизина почти нечего и говорить: это были или переводы, или передѣлки (и въ этомъ отношеніи труды Княжнина заслуживаютъ уваженія); но какъ оригинальныя русскія комедіи—это было странное уродство. *Бригадиръ* и *Недоросль*, не будучи художественными произведеніями въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе были геніальными созданіями. По ихъ характеру ихъ можно назвать вѣрными и мѣткими сатирами въ формѣ комедіи. Были имъ подражанія, но уродливыя и нелѣпыя. Впрочемъ, хотъ и поздно, но ихъ вліяніе отозвалось въ комедіи Основьяненко *Дворянскіе Выборы*—произведеніи, имѣющемъ свои недостатки, но и не безъ достоинствъ¹⁾. Между *Бригадиромъ* и *Недорослемъ* Аблесимовъ какъ-то обмол-

вился премиальнымъ народнымъ водевилемъ. Это была случайность, хотя и прекрасная; ей и слѣдовало остаться безъ послѣдствій для литературы. *Ябѣда* Капниста замѣчательна больше по цѣли, нежели по выполненію. Теперь должно перейти прямо къ *Горю отъ Ума* Грибоѣдова, потому что множество комедій, написанныхъ въ стихахъ и прозѣ, въ промежутокъ времени отъ Фонвизина до Грибоѣдова, не стоятъ упоминанія. *Горю отъ Ума*—это наполовину художественная, наполовину сатирическая комедія, этотъ высокій образецъ ума, остроумія, таланта, геніальности, злого, желчнаго вдохновенія,—*Горю отъ Ума* до сихъ поръ остается единственнымъ произведеніемъ въ нашей литературѣ, въ родѣ котораго ни одинъ талантъ не рѣшился попытать своихъ силъ. Отъ комедіи Грибоѣдова должно перейти прямо къ *Ревизору*. Кромѣ этой въ высочайшей степени художественной комедіи, исполненной глубочайшаго юмора и поразительной истины, Гоголь еще написалъ небольшую комедію—*Женитьба*, и нѣсколько сценъ, которыхъ нельзя назвать комедіями по ихъ объему и которыя относятся къ комедіи, какъ повѣсть относится къ роману. Всѣ эти сцены носятъ на себѣ рѣзкую печать таланта автора *Ревизора* и, подобно ему, до сихъ поръ остаются въ нашей литературѣ уединенными памятниками среди широкой песчаной степи, гдѣ не видно ни дерева, ни былинки... Были, правда, двѣ или три попытки, не совсѣмъ неудачныя, но слишкомъ нерѣшительныя...

Односторонность во взглядѣ на предметы всегда ведетъ къ ложнымъ выводамъ, хотя бы этотъ взглядъ не былъ лишенъ глубокости и проникательности. Способность убѣжденія, одна изъ прекраснѣйшихъ способностей человѣческой природы, при односторонности ведетъ къ фанатизму. Литературный фанатизмъ такъ же глухъ и слѣпъ, какъ и всякій другой, особенно, когда онъ живетъ во имя теоріи. Нѣмецкія эстетическія теоріи такъ хорошо принялись на воспримчивой почвѣ нашего недавняго образованія, что нашли себѣ такихъ жаркихъ и фанатическихъ послѣдователей, на которыхъ и въ самой Германіи, особенно теперь, посмотрѣли бы какъ на чудо теоретическаго изступленія. Для неисправимыхъ фанатиковъ этого рода французская литература и французское искусство есть истинный камень преткновенія: не понимая ихъ и упорствуя сознаться въ этомъ, они нисколько не затрудняются не признавать ихъ существованія. Это, впрочемъ, не удивительно: вѣдь, нѣкоторые историки временъ реставраціи настаивали же на томъ, что Наполеонъ былъ полководецъ

¹⁾ См. т. I, стр. 31 и т. II, стр. 259.

Людовика XVIII!.. Въ самомъ дѣлѣ, съ чисто теоретической точки зрѣнія, не прибѣгая къ живому историческому созерцанію, немного хорошаго можно найти во французской литературѣ, восторгаясь нѣмецкою. Нѣмецкая эстетика вышла изъ ученаго кабинета, а нѣмецкая поэзія вышла изъ нѣмецкой эстетики. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только вспомнить, какъ писалъ, впрочемъ, гениальный Шиллеръ: въ *Валленштейнѣ* все было имъ не только заранее обдуманно, но и доказано и оправдано, все вышло изъ теоріи, и авторъ писалъ эту драму *восемь* лѣтъ. Шиллеръ хотѣлъ писать эпическую поему изъ жизни Фридриха Великаго; но хотѣлъ за нее приняться не прежде, какъ сперва развивши философски теорію эпической поэмы новаго времени. Всѣ эти явленія, немного странныя, чтобы не сказать уродливыя, и много повредившія генію Шиллера, какъ и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, вышли прямо изъ соціального положенія Нѣмцевъ, тихаго, семейнаго, созерцательнаго, кабинетнаго. Французская литература, напротивъ, вся вышла изъ общественной и исторической жизни, и тѣсно слита съ нею. Поэтому, о французской литературѣ нельзя судить по готовой теоріи, не впавши въ односторонность и не доходя до ложныхъ выводовъ. Трагедіи Корнеля, правда, очень уродливы по ихъ классической формѣ, и теоретики имѣютъ полное право нападать на эту китайскую форму, которой поддался величавый и могущественный геній Корнеля, вслѣдствіе насильственнаго вліянія Ришельё, который и въ литературѣ хотѣлъ быть первымъ министромъ. Но теоретики жестоко ошиблись бы, еслибы за уродливою псевдоклассическою формою корнелевскихъ трагедій проглядѣли страшную внутреннюю силу ихъ паѳоса. Французы нашего времени говорятъ, что Мирабо обязанъ Корнелю лучшими вдохновеніями своихъ рѣчей. Послѣ этого удивляйтесь Французамъ, что они забываютъ скоро свои романическія трагедіи à la Шекспиръ, и до сихъ поръ читаютъ и всегда будутъ читать стараго Корнеля. Каждый изъ знаменитыхъ ихъ писателей неразрывно связанъ съ эпохою, въ которой онъ жилъ, и имѣетъ право на мѣсто не въ одной исторіи французской литературы, но и въ исторіи Франціи. Здѣсь всѣ мысли о творчествѣ имѣютъ уже нѣсколько другое значеніе, нежели какое имѣютъ онѣ въ нѣмецкой литературѣ: онѣ должны раздѣлить свою власть и силу съ мыслями объ обществѣ и его историческомъ ходѣ. У насъ есть люди, которымъ удалось понять, что *Ревизоръ* есть глубоко-творческое и художественное произведеніе, и что ни одна комедія Мольера не выдержитъ эстетической критики. Они правы въ этомъ

отношеніи, но не правы въ выводѣ, который они дѣлаютъ изъ этого факта. Дѣйствительно, ни одна комедія Мольера не выдержитъ эстетической критики, потому что всѣ онѣ больше *сдѣланы*, нежели *созданы*, часто сбиваются на фарсъ или по крайней мѣрѣ допускаютъ въ себя фарсъ (какъ, напримѣръ, ложные: муфтіи, дервишъ и Турки въ *Le Bourgeois-Gentilhomme*); пружины ихъ дѣйствія всегда искусственны и однообразны, характеры абстрактны, сатира слишкомъ рѣзко выглядываетъ изъ-подъ формы поэтического изобрѣтенія, и т. д. Но вмѣстѣ съ этимъ Мольеръ имѣлъ огромное вліяніе на современное ему общество и высоко поднималъ французскій театръ, — что могъ сдѣлать только человѣкъ даже не просто съ талантомъ, а съ геніемъ. Чтобы судить о его комедіяхъ, ихъ надо не читать, а видѣть на сценѣ, и при томъ непременно на французской сценѣ, потому что ихъ сценическое достоинство выше драматическаго. Французы не имѣютъ права гордиться именно тою или вотъ этою комедіею Мольера; но имѣютъ полное право гордиться комедіями, или, лучше сказать, театромъ Мольера, потому что Мольеръ далъ имъ цѣлый театръ. То же можно сказать и о Скрибѣ. Нельзя указать ни на одну его драму, ни на одинъ водевиль, какъ на художественное произведеніе, которое всегда будетъ имѣть свою цѣну; но можно сказать утвердительно, что театръ Скриба всегда будетъ имѣть свою цѣну, а теперь ему и цѣны нѣтъ: такъ онъ важенъ для современнаго общества, составленнаго изъ всѣхъ классовъ, образованныхъ и необразованныхъ, которые стекаются въ театръ, чтобы видѣть на сценѣ самихъ себя...

У насъ есть нѣсколько высоко-художественныхъ комедій, которыя, по своему числу, не могутъ составить постояннаго репертуара для театра, и которыя, при всемъ ихъ достоинствѣ, смертельно надоѣли бы всѣмъ, если бы, кромѣ ихъ, ничего не давалось на театрѣ, потому что одно и вѣчно одно всегда надоѣдаетъ...

У Французовъ, положимъ, нѣтъ ни одной художественной комедіи, но зато есть театръ, который существуетъ *для всѣхъ*, и въ которомъ общество и учится, и эстетически наслаждается...

На чьей сторонѣ выгода?..

Пусть рѣшатъ читатели. Наше дѣло — сторона.

Чѣмъ отличается геній отъ таланта? — Вопросъ очень важный, тѣмъ болѣе, что его рѣшаютъ всегда очень мудрено. Не беремся, но попытаемся объяснить его просто. Что геній и талантъ дается природою, что тотъ и другой есть, такъ сказать, свойство самаго

организма человѣка, какъ свѣтъ и теплота есть свойство огня, — объ этомъ нечего и говорить, какъ о предметѣ, на счетъ котораго давно согласились всѣ. Вопросъ въ различіи генія отъ таланта, и наоборотъ.

Кому не случалось встрѣтить множество людей, которые любятъ, напримѣръ, читать, слѣдятъ за литературою и хотятъ судить о ней; но которые тогда только смѣло судятъ о новой книгѣ, когда успѣли прочесть о ней сужденіе журнала, пользующагося ихъ безусловной довѣренностію, и которые чувствуютъ себя въ самомъ затруднительномъ положеніи, если рецензія или критика на книгу, надѣлавшую шуму, долго не является въ ихъ журналѣ? Кому не случалось встрѣчать людей, которые готовы судить обо всемъ, но лишь кто-нибудь рѣзко возразитъ имъ, они тотчасъ же отказываются отъ своего мнѣнія и безусловно соглашаются съ мнѣніемъ возразившаго? Это люди безъ мнѣнія, безъ способности имѣть мнѣніе, люди, которые могутъ быть сильны только чужимъ мнѣніемъ, и для которыхъ авторитетъ есть необходимость перваго разряда. Надобно замѣтить, что у людей этого рода очень сильно развитъ инстинктъ чувствовать чужую силу и всегда узнавать ее. Между тѣмъ, это могутъ быть совсѣмъ не глупые люди: для нихъ существуютъ доказательства, у нихъ есть судительная способность, но только эта способность у нихъ лишена самостоятельности и требуетъ опоры въ авторитетѣ. Толпа большею частію состоитъ изъ такихъ людей, и ею всегда и вездѣ управляютъ люди съ большею или меньшею самостоятельностью мнѣнія. И вотъ причина, почему толпа недолго увлекается ложнымъ и уродливымъ, и рано или поздно, но всегда признаетъ достоинство истиннаго и прекраснаго: за нее дѣйствуютъ другіе, а она только повинуется. Безъ этой нравственной дисциплины въ понятіяхъ людей не было бы единства, но была бы страшная анархія.

Талантъ, какъ *способность дѣлать, производить*, относится больше къ формѣ созданія, и съ этой точки зрѣнія талантъ есть сила внѣшняя, которая можетъ существовать въ человѣкѣ независимо отъ ума, сердца и другихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ сторонъ человеческой природы. Но для формы нужно содержаніе, — и вотъ здѣсь-то получаетъ всю свою важность самостоятельная дѣятельность духовныхъ силъ человѣка. Если есть люди, которые лишены способности имѣть о вещахъ свое мнѣніе и которые принимаютъ чужое мнѣніе цѣликомъ, какъ что-то готовое, о чемъ имъ уже нечего больше и думать, то есть люди, которые, вѣчно живя чужимъ мнѣніемъ, имѣютъ способность усвоить его

себѣ, развивать, выводить изъ него новыя слѣдствія, находить черезъ него на другія мысли, — и эта способность до того обманываетъ людей этого рода, что они очень добросовѣстно убѣждены въ самостоятельности своей собственной мыслительности. И они почти правы въ этомъ: натуры живыя и восприимчивыя, они сами не знаютъ и не помнятъ, отъ кого зашла къ нимъ та или другая мысль, потому что все извнѣ легко и быстро пристаётъ къ нимъ почти безсознательно, инстинктивно. Имъ стоитъ только поговорить съ умнымъ человѣкомъ, или прочесть хорошую книгу, чтобы въ нихъ тотчасъ возбудился цѣлый рядъ новыхъ мыслей, которыя они не могутъ не принять за свои собственныя. Эти люди, управляясь другими, въ свою очередь, имѣютъ большое вліяніе на толпу. Они довольно часто встрѣчаются на свѣтѣ; особенно ихъ много бываетъ въ столицахъ. Вообще, чѣмъ просвѣщеннѣе и образованнѣе общество, тѣмъ больше въ немъ такихъ людей. Наконецъ, есть люди (такихъ очень мало), которые дѣйствительно обладаютъ способностью творческой самостоятельности своихъ способностей. Они на все смотрятъ какъ-то особенно, оригинально, во всемъ видятъ именно то, чего безъ нихъ никто не видитъ, а послѣ нихъ всѣ видятъ и всѣ удивляются, что прежде этого не видѣли. Эти люди совсѣмъ не хитрые и не мудреные; они все понимаютъ просто, но ихъ простое пониманіе сначала кажется всѣмъ очень мудренымъ, а иногда безумнымъ и нелѣпымъ, а потомъ кажется уже столь простымъ, что нѣтъ глупца, который не подивился бы, какъ *ему* не пришло этого въ голову — вѣдь это такъ просто! Когда Колумбъ собирался открыть Америку, — на него всѣ смотрѣли, какъ на помѣшаннаго мечтателя, а когда онъ открылъ Америку, то почти никто не хотѣлъ признать въ этомъ даже заслуги, потому что открытую Америку всѣмъ казалось такъ легко открыть!..

Говоря объ этихъ трехъ разрядахъ людей, мы хотѣли сказать о *толпѣ, талантѣ и геніи*...

Въ наше время талантъ не рѣдкость во всемъ, но особенно въ литературѣ. Просто нипочемъ! Его часто даже смѣшиваютъ съ геніемъ. И не мудрено, нуженъ своего рода большой талантъ, чтобы съ перваго раза отличить талантъ отъ генія. Это приводитъ насъ на память то мѣсто изъ повѣсти извѣстнаго французскаго писателя нашего времени ¹⁾, гдѣ онъ такъ рассказываетъ объ авторствѣ своего героя: „Онъ признавался, что все начатое имъ принимало послѣ первыхъ десяти строкъ, трехъ или четырехъ

¹⁾ Жоржъ-Завда.

стиховъ такое сходство съ писателями, которыхъ читалъ онъ, что онъ краснѣлъ, видя себя способнымъ только на подражаніе. Онъ показалъ мнѣ нѣсколько стиховъ и фразъ, подъ которыми Ламартинъ, Викторъ Гюго, Поль Курье, Шарль Нодье, Бальзакъ и даже Беранже могли бы подписать имена свои. Но всѣ эти опыты, которые можно бы называть отрывками изъ отрывковъ, служили бы въ сочиненіяхъ тѣхъ писателей для украшенія индивидуальныхъ идей; но этой-то индивидуальности и не было у Ораса. Если онъ хотѣлъ выразить какую-нибудь идею, вы тотчасъ и увидѣли бы (онъ и самъ тотчасъ же увидѣлъ) явную кражу: идея эта была не его; она принадлежала этимъ писателямъ, принадлежала *всѣмъ, только не ему*“.

Вотъ вѣчная исторія таланта! Конечно, она не всегда бываетъ именно такою, какъ представлена въ словахъ автора, на кото-

раго мы сослались; но сущность ея всегда такова. Какъ бы талантъ ни былъ великъ, онъ не можетъ наложить печати своей личности на свои произведенія, и потому не можетъ быть оригиналенъ и самобытенъ. Какъ бы ни велика была его способность усвоить себѣ чужія идеи, онъ не надолго скроетъ, что его вдохновеніе не бьетъ живымъ родникомъ изъ тайниковъ его натуры, но есть только „плѣнной мысли раздраженіе“. Но зато, какъ бы ни тѣсна и ни ограничена была сфера таланта, но если на его произведеніяхъ виденъ тотъ рѣзкій отпечатокъ личности, который дѣлаетъ произведенія такъ оригинальными, что подъ нихъ невозможно поддѣлаться, — тогда это уже не талантъ, а геній. Къ числу *такихъ* геніальныхъ поэтовъ принадлежитъ въ нашей литературѣ баснописецъ Крыловъ.

1846 г.

58. Петербургскій сборникъ,

изданный Н. Некрасовымъ. Спб. 1846.

Въ самомъ началѣ 1846 года вышелъ въ свѣтъ „Петербургскій сборникъ“, о которомъ мы уже упомянули во вступительной замѣткѣ къ предыдущей статьѣ. Въ сборникѣ этомъ помѣстили свои произведенія Бѣлинскій, Герценъ, Некрасовъ, А. Майковъ, кн. В. Одоевскій, Тургеневъ, Достоевскій и др. — уже одинъ этотъ рядъ именъ показываетъ значеніе этого сборника, и Бѣлинскій имѣлъ право сказать о немъ: „такой альманахъ — еще небывалое явленіе въ нашей литературѣ“. И на такое „небывалое явленіе“ Бѣлинскій немедленно отозвался обширной статьей.

Большая часть этой статьи посвящена разбору „Бѣдныхъ Людей“ — романа, которымъ дебютировалъ въ литературѣ Достоевскій. Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтилъ Бѣлинскій это произведеніе, познакомившись съ нимъ еще въ рукописи (въ маѣ 1845 года): онъ былъ „просто въ волненіи“, не могъ оторваться отъ романа нѣсколько дней — какъ рассказывали объ этомъ Некрасовъ, Анненковъ и др. Мы приведемъ здѣсь рассказъ Достоевскаго, такъ какъ въ немъ находятся отзывы и слова самого Бѣлинскаго, дополняющіе настоящую рецензію: чего не могъ напечатать Бѣлинскій въ 1846 году, о томъ могъ рассказать Достоевскій черезъ тридцать лѣтъ. Достоевскій рассказываетъ, что Некрасовъ, пришедшій въ

восторгъ отъ „Бѣдныхъ Людей“, снесъ рукопись Бѣлинскому и воскликнулъ, входя: „новый Гоголь явился!“ — „У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ“, — строго отвѣтилъ Бѣлинскій, но все-таки взялъ рукопись, прочелъ ее въ тотъ же день и сейчасъ же пожелалъ познакомиться съ авторомъ. Достоевскій явился. Бѣлинскій встрѣтилъ его важно и сдержанно, „но не прошло и минуты, — рассказываетъ Достоевскій, — какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцатидвулѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать, важность изъ уваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился онъ мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: да вы понимаете-ли сами-то, — повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и выкрикивая по своему обыкновенію, — что это вы такое написали! (Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ). Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ это уже понимали. Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ — вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя

уже самъ, что даже и несчастнымъ себя не смѣетъ почесть отъ приниженности и почти за вольнодумство почитаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать и, когда добрый человѣкъ, его генераль, даетъ ему эти сто рублей — онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого, какъ онъ, могъ пожалѣть „Ихъ Превосходительство“, не „Его Превосходительство“, а „Ихъ Превосходительство“, какъ онъ у васъ выражается ¹⁾. А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута цѣлованія генеральской ручки — да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разяснить это, а вы, художникъ, одною чертою, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобы самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, — досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ, и будете великимъ писателемъ!“

Съ такимъ вполне понятнымъ энтузіазмомъ встрѣтилъ Бѣлинскій „Бѣдныхъ людей“; но онъ не пожелалъ обнаружить этого своего энтузіазма и восторга въ настоящей статьѣ: „литература наша — замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій — пережила свою эпоху энтузіастическихъ увлеченій, восторженныхъ похвалъ и безотчетныхъ восклицаній. Теперь отъ критика требуютъ, чтобы онъ *спокойно и трезво* сказалъ, какъ понимаетъ онъ поэтическое произведеніе; а до восторговъ, въ которые привело оно его, до счастья, какое доставило оно ему, никому нѣтъ нужды: это его домашнее дѣло...“ Но несмотря на это, восхищеніе сквозитъ, помимо воли Бѣлинскаго, во всей его „спокойной и трезвой“ оцѣнкѣ произведеній Достоевскаго — „Бѣдныхъ Людей“ и „Двойника“, напечатаннаго въ „Отеч. Запискахъ“ начала 1846 года; и если „Двойникомъ“ Бѣлинскій восхищается съ оговорками, то къ „Бѣднымъ Людямъ“ его отношеніе не измѣнилось за тотъ годъ, который прошелъ отъ его первой встрѣчи съ Достоевскимъ до настоящей статьи.

Характеризуя сущность таланта этого писателя, Бѣлинскій ясно видѣлъ, что съ

каждымъ новымъ произведеніемъ могутъ открываться новыя стороны этого таланта; такъ напримѣръ, прочтя „Бѣдныхъ Людей“, Бѣлинскій ошибочно заключилъ, что „преобладающій характеръ творчества“ Достоевскаго — юморъ; „но прочтя *Двойника*, — прибавляетъ Бѣлинскій, — мы увидѣли, что подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно... Вообще талантъ г. Достоевскаго, при всей его огромности, еще такъ молодъ, что не можетъ высказаться и высказаться опредѣленно...“ Это почти пророчество: только двадцать лѣтъ послѣ этихъ словъ, послѣ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ произведеній, Достоевскій наконецъ „высказался опредѣленно“ въ своихъ „Запискахъ изъ подполья“, „Преступленіи и наказаніи“ и послѣдующихъ романахъ; „Бѣдные Люди“ — совсѣмъ не характерны для того великаго, „мірового“ писателя Достоевскаго, котораго мы знаемъ теперь. Тѣмъ удивительнѣе, какъ могъ Бѣлинскій такъ проникательно замѣтить, что талантъ Достоевскаго „не описательный, но въ высокой степени творческій“; тѣмъ удивительнѣе, что Бѣлинскій такъ ясно указываетъ „на мѣсто, которое современемъ займетъ Достоевскій въ русской литературѣ“.

Какъ извѣстно, вскорѣ Бѣлинскій совершенно отказался отъ подобной высокой оцѣнки Достоевскаго; не прошло и года, какъ онъ сталъ значительно сурѣе отзываться объ этомъ писателѣ и находить недостатки не только въ его новыхъ, малоудачныхъ произведеніяхъ, но и въ „Бѣдныхъ Людяхъ“ (см. ниже ст. №№ 62 и 66). Много было причинъ такого разочарованія, но главною изъ нихъ несомнѣнно была та, что Бѣлинскій ждалъ отъ Достоевскаго совсѣмъ не того, что хотѣлъ и долженъ былъ дать этотъ великій писатель. Въ „Бѣдныхъ Людяхъ“ Бѣлинскій, по словамъ Аппенкова, видѣлъ „первую попытку у насъ *соціально романа*“, и несомнѣнно, что отъ Достоевскаго онъ ждалъ именно такихъ „филантропическихъ“, „соціальныхъ“ и „цивилизующихъ“ произведеній (объ этихъ словахъ Шевырева см. вступительную замѣтку къ предыдущей статьѣ); въ своихъ разговорахъ Бѣлинскій въ 1845 — 6 гг. усиленно „развивалъ“ Достоевскаго именно въ этомъ направленіи, проповѣдывалъ ему соціалистическія теоріи — мы это знаемъ теперь изъ воспоминаній самого Достоевскаго. И хотя Достоевскій одно время дѣйствительно сталъ приверженцемъ соціализма, былъ даже замѣшанъ въ послѣдствіи въ дѣлѣ петрашевцевъ, но ко всему этому не лежала душа его: онъ былъ не соціальный, а религіозный мыслитель и художникъ. И вотъ послѣ „Бѣдныхъ Людей“ онъ вдругъ даетъ „Двойника“ — въ ко-

¹⁾ Это не вѣрно — см. въ настоящей статьѣ приводимыя Бѣлинскимъ обширныя выписки изъ „Бѣдныхъ Людей“. Большая часть этихъ и другихъ выписокъ впервые восстанавливается нами въ настоящемъ изданіи.

торомъ нѣтъ ни „соціального“, ни „цивилизирующаго“ элемента, а если и есть „филантропическій“, то въ слишкомъ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ вопроса Богу за чело-вѣка: за что страдаетъ чело-вѣкъ? Въ чемъ вина сошедшаго съ ума чиновника Голядкина?

Бѣлинскій въ 1845—1846 гг. не стоялъ на этой точкѣ зрѣнія и не желалъ на нее становиться: давно уже прошло то время, когда онъ мучительно бился въ сѣти „проклятыхъ вопросовъ“, боролся съ Богомъ за чело-вѣка, на всѣхъ вещахъ видѣлъ „хвостъ дьявола“; это было въ 1840—1841 году. Но уже давно эта борьба въ немъ закончилась: онъ пришелъ къ новой вѣрѣ, къ вѣрѣ въ Чело-вѣчество, къ вѣрѣ въ социализмъ; уже давно онъ началъ вести борьбу со всѣмъ „мистическимъ“, „фантастичнымъ“, „романтичнымъ“, уже давно онъ старался убѣдить себя въ истинѣ рационализма. Въ настоящей статьѣ, напримѣръ, онъ съ презрѣніемъ отзывается о знаменитой фразѣ Гамлета: „на землѣ есть много такого, о чемъ и не бредила ваша философія“; слова эти, которыя теперь для всякаго—кромѣ нѣкоторыхъ могиканъ позитивизма—кажутся простымъ трюизмомъ, для Бѣлинскаго были только примѣромъ „невѣжества и варварства вѣка Шекспира...“ И тутъ же онъ заявляетъ: „нашъ вѣкъ имѣетъ передъ XVI-мъ то важное преимущество, что онъ заранѣе знаетъ, въ чемъ послѣдующіе вѣка должны увидѣть его варварство...“ Это—выраженіе, въ рамкахъ николаевской цензуры, социалистической вѣры Бѣлинскаго. Вѣра эта рушилась у Бѣлинскаго въ 1847—8 г., но теперь онъ былъ полонъ ею и жаждалъ ея проявленія и въ жизни и въ литературѣ; недаромъ на этихъ же строкахъ онъ предсказываетъ: „пройдутъ еще два вѣка, а можетъ быть и меньше, когда будутъ дивиться варварству XIX-го столѣтія, какъ мы дивимся варварству XVI-го; не найдутъ въ немъ Шекспира, но найдутъ Байрона и Жоржа Занда“...

Шекспиръ и Жоржъ Зандъ: это сопоставленіе звучитъ теперь смѣшно, но оно очень характерно для Бѣлинскаго той эпохи. Соціальные романы Жоржъ Зандъ—вотъ что нужно было Бѣлинскому для русскаго общества того времени, вотъ почему отчасти пришелъ онъ въ такой восторгъ отъ „Бѣдныхъ Людей“, вотъ чего ждалъ онъ отъ художественнаго таланта Достоевскаго; но вдругъ тотъ является съ „Двойникомъ“, съ „Хозяйкой“!

Извѣстенъ рассказъ, какъ Бѣлинскій устроилъ чтеніе только-что законченнаго „Двойника“, и какъ онъ хвалилъ его, хотя, повидимому, совсѣмъ не того ждалъ отъ новаго произведенія Достоевскаго. Но если въ настоящей статьѣ онъ еще хвалитъ его,

хотя и съ оговорками, то въ своемъ обзорѣ литературы за 1846 г. (см. ниже ст. № 62) онъ уже безъ обиняковъ подчеркиваетъ „существенный недостатокъ“ повѣсти: „это ея фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находится въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ...“ Мы уже знаемъ объ отрицательномъ отношеніи Бѣлинскаго ко всему „фантастическому“ и „романтическому“ (см. наши вступительныя замѣтки къ статьямъ №№ 21 и 56; т. I, стр. 733—737 и т. III, стр. 9); эти ненавистные ему элементы онъ усмотрѣлъ и въ новыхъ, дѣйствительно мало удачныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, о которыхъ онъ далъ очень рѣзкіе отзывы въ своихъ обзорѣніяхъ литературы за 1846 и за 1847 года. Рѣшающую роль сыграло появленіе въ 1847 году „Хозяйки“: Бѣлинскій назвалъ эту вещь „вервической чепухой“ (письмо къ Боткину отъ 4 ноябля 1846 года) и окончательно поставилъ крестъ на Достоевскомъ. Мѣсяца три спустя, въ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) онъ высказалъ это вполне опредѣленно: „не знаю, писалъ ли я вамъ,—сообщаетъ Бѣлинскій,—что Достоевскій написалъ повѣсть *Хозяйка*—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболатавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о *Бѣдныхъ Людахъ*. Я трепещу при мысли перечитать ихъ—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!.. Обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ...“

Бѣлинскій напрасно бранилъ себя; первое чувство его не обмануло—Достоевскій дѣйствительно былъ „геніемъ“, былъ тѣмъ гениальнымъ писателемъ, которому—виѣстъ съ другимъ великимъ писателемъ земли русскою—суждено было дать русскою литературѣ значеніе *всемирно-историческое*. „Бѣдные Люди“ были только пробой пера начинающаго автора, а послѣдующія его произведенія 1845—1849 гг.—только поисками пути, и поисками въ большинствѣ случаевъ неудачными. Достоевскому надо было еще пройти черезъ тяжелыя испытанія—приговоръ къ смертной казни, каторгу,—чтобы найти свой истинный путь—путь величайшаго религіознаго и философскаго мыслителя подъ формой романиста. Но Бѣлинскому не было суждено дожить до „Преступленія и наказанія“, до „Братьевъ Карамазовыхъ“—онъ видѣлъ передъ собою только

„Бѣдныхъ Людей“ и „Двойника“, а затѣмъ неудачнаго „Господина Прохарчина“, „Хозяйку“ и другія мелочи. Поэтому отрицательное отношеніе Бѣлинскаго къ этимъ произведеніямъ Достоевскаго 1846—1847 гг. не уничтожаетъ собою того восторженнаго отзыва о Достоевскомъ, который мы находимъ въ настоящей статьѣ. Приходится только изумляться критическому проникновенію Бѣлинскаго, когда онъ (въ рецензій 1848 года на отдѣльное изданіе „Бѣдныхъ людей“, почти одновременной съ цитированнымъ выше письмомъ къ Анненкову) указываетъ на потрясающія картины въ произведеніяхъ Достоевскаго, замѣчая, что „авторъ подготавливаетъ своего читателя къ этимъ картинамъ немножко тяжеловато. Вообще, легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что много вредитъ ему. Но зато самыя эти картины, когда дойдешь до нихъ—мастерскія художественныя произведенія, запечатлѣнныя глубиною взгляда и силою выполненія. Ихъ впечатлѣніе рѣшительно и могущественно, ихъ никогда не забудешь...“

Это можно повторить теперь не только о „Бѣдныхъ Людяхъ“, но и о всѣхъ даже самыхъ великихъ произведеніяхъ Достоевскаго; надо прибавить только, что въ этой „тяжеловатости“—вопреки миѣнію Бѣлинскаго—вся сила Достоевскаго, необходимая форма его мыслей: невозможно представить себѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“, написанныхъ „легкимъ и текучимъ“ стилемъ хотя бы Тургенева.

Свое сужденіе о Достоевскомъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій заканчиваетъ знаменитымъ пророчествомъ, такъ буквально исполнившимся; заключимъ и мы этимъ пророчествомъ настоящую замѣтку. „Его талантъ—говоритъ Бѣлинскій о Достоевскомъ—принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много въ продолженіе его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы...“

Такъ и случилось.

И.-Р.

„Бѣдные Люди“, романъ г. Достоевскаго, въ этомъ альманахѣ—первая статья и по мѣсту, и по достоинству. Начинаемъ съ нея.

Появленіе всякаго необыкновеннаго таланта рождаетъ въ читающемъ и пишущемъ мірѣ противорѣчія и раздоры. Если такой талантъ является въ раннюю эпоху еще неустановившейся литературы,—онъ встрѣчаетъ, съ одной стороны, восторженные клики, неумѣренные хвалы, съ другой—безусловное осужденіе, безусловное отрицаніе. Такъ было съ Пушкинымъ. Одни увидѣли въ немъ „сѣвернаго Байрона“ (какъ будто гдѣ-нибудь былъ южный Байронъ!), „представителя современнаго человѣчества“, и все это—по первымъ его произведеніямъ, особенно по тѣмъ, которыя были слабѣе другихъ и теперь совершенно потеряли безотносительную цѣнность; другіе упорно смотрѣли на его произведенія, какъ на униженіе, профанацію поэзіи, во имя дебелыхъ торжественныхъ одъ, къ которымъ привыкли съ дѣтства. Понятъ Пушкина предоставлено было уже другому поколѣнію, и едва ли уже не послѣ его смерти. Нѣсколько иначе было съ Гоголемъ. Много встрѣтилъ себѣ враговъ талантъ Пушкина, но несравненно болѣе явилось преданныхъ ему друзей, восторженныхъ его почитателей. Противъ него были старцы лѣтами и духомъ; за него—и молодыя поколѣнія, и сохранившіе свѣжесть чувства старики. Какъ всякій великій талантъ, Гоголь скоро нашелъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ, но число ихъ было уже далеко

не такъ велико, какъ у Пушкина. Можно сказать, что какъ на сторонѣ Пушкина было большинство, такъ на сторонѣ Гоголя—меньшинство: большинство же было сначала рѣшительно противъ Гоголя. И это очень естественно: міръ поэзіи Гоголя такъ оригиналенъ и самобытенъ, такъ принадлежитъ исключительно его таланту, что даже и между людьми, не омраченными пристрастіемъ и не лишенными эстетическаго смысла, нашлись такіе, которые не знали, какъ имъ о немъ думать. Въ недоумѣніи имъ казалось, что это или ужъ слишкомъ хорошо, или ужъ слишкомъ дурно,—и они помирились на половинѣ съ твореніями самаго національнаго и, можетъ быть, самаго великаго изъ русскихъ поэтовъ, т.-е. рѣшили, что у него есть талантъ, даже большой, только идущій по ложной дорогѣ. Естественность поэзіи Гоголя, ея страшная вѣрность дѣйствительности, изумила ихъ уже не какъ смѣлость, но какъ дерзость. Если и теперь еще не совсѣмъ исчезла изъ русской литературы та чопорность, которая такъ прекрасно выражается французскимъ словомъ pruderie, и въ которой такъ вѣрно отразились нравы полубоярской и полумѣщанской части нашего общества; если и теперь еще существуютъ литераторы, которые естественность считаютъ великимъ недостаткомъ въ поэзіи, а неестественность великимъ ея достоинствомъ, и новую школу поэзіи думаютъ унижить эпитетомъ „натуральной“, — то понятно, какъ должно было большинство

публики встрѣтить основателя новой школы. И потому естественно, что еще и теперь въ немъ упорствуютъ признавать великій талантъ часто тѣ самые люди, которые съ жадностью читають и пересчитываютъ каждое его новое произведеніе; а кто теперь не читаетъ съ жадностью его новыхъ, и не пересчитываетъ съ наслажденіемъ его старыхъ произведеній? Итъ пужды говорить, что безпощадная истина его созданій—одна изъ причинъ этого нерасположенія большинства публики признать *на словахъ* великимъ поэтомъ того, кого оно же, это же большинство, признало великимъ поэтомъ *на дѣлѣ*, читая и раскушая его творенія, и даже самыми своими нападками на нихъ давая имъ больше, нежели только литературное значеніе. Но, при всемъ томъ, первая и главная причина этого непризнанія заключается въ безпримѣрной въ нашей литературѣ оригинальности и самобытности произведеній Гоголя. Говоримъ: *безпримѣрной*, потому что съ этой стороны ни одинъ русскій поэтъ не можетъ идти въ сравненіе съ Гоголемъ. Всякій геніальный талантъ оригиналенъ и самобытенъ; но есть разница между одною и другою оригинальностью, между одною и другою самобытностью. Оригинальность и самобытность Пушкина, въ отношеніи къ предшествовавшимъ ему поэтамъ, кромѣ печати особенности, положенной личностью его на его творенія, состояла преимущественно въ томъ, что ихъ произведенія были только стремленіемъ къ поэзіи, а его—самой поэзіей; они, такъ сказать, были кандидатами на званіе поэтовъ, а онъ былъ поэтомъ-художникомъ въ полномъ и совершенномъ значеніи этого слова. Но тѣмъ не менѣе, къ чести предшественниковъ Пушкина должно сказать, что они имѣли на него бѣльшее или меньшее вліяніе, и ихъ поэзія больше или меньше была предвѣстницей его поэзіи, особенно первыхъ его опытовъ. Еще прямѣе и непосредственнѣе было вліяніе на Пушкина современныхъ ему европейскихъ поэтовъ. Если при всемъ этомъ первыя произведенія Пушкина однихъ непріятно другихъ къ полному ихъ удовольствію и восторгу поразили не только новостью, но оригинальностью и самобытностью,—это показываетъ, какъ геніаленъ былъ талантъ его. Но все-таки его первыя произведенія напоминали собой многое и въ русской литературѣ, хотя и отдаленно, и еще болѣе многое, и притомъ ближайшимъ образомъ, въ иностранныхъ литературахъ,—чему доказательствомъ служить неудачно и неловко приданный ему титулъ русскаго Байрона. У Гоголя не было предшественниковъ въ русской литературѣ, не было (и не могло быть) образцовъ въ иностранныхъ литературахъ. О родѣ его поэзіи до появленія ея не было и намековъ. Его поэзія явилась вдругъ, неожиданная, непохожая ни на чью другую поэзію. Конечно, нельзя отрицать вліянія на Гоголя со стороны, на примѣръ, Пушкина; но это вліяніе было не прямое: оно отразилось на творчествѣ Гоголя, а не на особенностяхъ, не на физиономіи, такъ сказать, творчества Гоголя. Это было вліяніе болѣе времени, которое Пушкинъ подвинулъ впередъ, нежели самого Пушкина. Разумѣется, еслибъ Гоголь явился прежде Пушкина, онъ не могъ бы достигнуть той высоты, на которой онъ стоитъ теперь. Но прямого вліянія, такого, какое имѣли (въ бѣльшей или меньшей степени, ближе или отдаленнѣе) на Пушкина предшествовавшіе ему русскіе и современные ему европейскіе поэты,—такого вліянія со стороны Пушкина на Гоголя нельзя открыть никакихъ слѣдовъ въ сочиненіяхъ послѣдняго. Сверхъ того, поэзія, избирающая своимъ предметомъ только положительно прекрасныя явленія жизни и рѣдко испытываемыя человѣкомъ высокія ощущенія,—такая поэзія, если не совсѣмъ понятна въ сущности, то всѣмъ доступна по наружности. По крайшей мѣрѣ, она до того нравится толпѣ, что даже и ложные таланты, если они не лишены блеска и смѣлости, увлекаютъ ее, пародируя въ своихъ хитроизмысканныхъ выдумкахъ высокую сторону дѣйствительности: это доказываетъ чрезвычайный, хотя и мгновенный успѣхъ Марлинскаго и... но не будемъ называть другихъ—довольно и одного примѣра... Скажемъ болѣе: толпа, представительница прозаической, будничной и черновой стороны жизни, терпѣть не можетъ, чтобъ поэзія занималась ею, хотя и не смиреніе, а опасливость неувереннаго въ себѣ самолюбія причиною этого; напротивъ, она любитъ, чтобъ поэзія ей представляла все героевъ, да твердила ей все о высокомъ и прекрасномъ. За голосомъ немногихъ, которымъ дано дѣйствительно понимать высокое жизни, толпа готова провозгласить великимъ гевіемъ даже Байрона, въ которомъ она, толпа, неспособна понять ни полмысли, ни полстиха; но искренно плѣняется и увлекаетъ ее только театральное и мелодраматическое пародированіе высокой стороны жизни (какъ въ повѣстяхъ Марлинскаго), или истинное и дѣйствительно прекрасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не слишкомъ великое, нѣсколько незрѣлое и дѣтское, потому что сама толпа есть не что иное, какъ вѣчный недоросль, что-то похожее на дряхлаго ребенка или на младенцествующаго старика. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить Пушкинъ. Когда слава его была въ своей апогеѣ, когда представители толпы провозглашали его

„сѣвернымъ Байрономъ и представителемъ современнаго человѣчества“?—Тогда, когда онъ удивлялъ ихъ *Русланомъ и Людмилою, Братьями-Разбойниками, Кавказскимъ Пльникомъ, Бахчисарайскимъ Фонтаномъ*, и тѣми стишками, въ которыхъ воспѣвалъ золотую лѣнь, шипучее вино и тому подобное. *Цыганы* приняты были уже съ меньшимъ восторгомъ; *Полтава* публикою принята холодно, а журналисты встрѣтили ее бранью; *Борисъ Годуновъ* вовсе не былъ оцѣненъ,—и многіе ли даже теперь *догадываются*, что за великія созданія—*Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы, Скупой Рыцарь, Галубъ, Мядный Всадникъ, Каменный Гость*? Одинъ изъ критиковъ того времени, въ седьмой главѣ *Евгенія Онегина*, которая, по глубинѣ чувства, по зрѣлости мысли, по художественной отдѣлкѣ, гораздо выше первыхъ шести главъ, увидѣлъ—*рѣшительное паденіе, chute complète*, и съ торжествомъ возвѣстилъ его на двухъ языкахъ—русскомъ и французскомъ!..¹⁾ Другой критикъ, говоря о той же седьмой главѣ *Онегина*, сдѣлалъ такое заключеніе, что Пушкинъ отсталъ отъ вѣка, и что на него *прошла мода*, какъ нѣкогда *прошла мода* на Наполеона, потому что и онъ отсталъ отъ вѣка!..²⁾ Еще двое другихъ, какъ будто сговорясь между собою, несмотря на то, что были противниками по мнѣніямъ, объявили, что въ третьей части стихотвореній Пушкина (вышедшей въ 1832 году) не видно прежняго Пушкина!.. И они не ошиблись бы, еслибъ сказали это въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ въ этой третьей части сталъ выше, нежели какъ былъ въ первыхъ двухъ частяхъ своихъ стихотвореній; но, увы!—добрые критики говорили тутъ о паденіи Пушкина!..³⁾ Все

¹⁾ Знаменитая фраза Булгарина, очень часто приводившаяся Бѣлинскимъ;—см. т. I, стр. 419 и наше примѣчаніе на этой страницѣ; см. еще т. II стр. 576, 602, 755, а также въ III томѣ статью № 59.

²⁾ Намекъ на Надеждина, но ошибочный. Проницательное сравненіе Пушкина съ Наполеономъ дѣйствительно какъ-то разъ употребилъ Надеждинъ (см. „Вѣстн. Европы“ 1830 г., № 2, стр. 164); „Сѣверная Пчела“, въ лицѣ Булгарина, подхватила это сравненіе и продолжила его, говоря о минувшей „модѣ на Наполеона“ и „модѣ на Пушкина“. Тогда Надеждинъ въ своей рецензіи на VII главу „Онегина“ выразилъ сожалѣніе, что „позволилъ себѣ однажды это проницательное сравненіе“ и назвалъ выраженіе „мода на Наполеона“ „стиломъ разума человѣческаго“ (см. „Вѣстн. Евр.“, 1830 г., № 7). Такимъ образомъ Бѣлинскій ошибочно отнесъ эту фразу къ „другому критику“—Надеждину; въ ней виноватъ былъ все тотъ же Булгаринъ.

³⁾ Эти два критика—Полевой и Надеждинъ. Надеждинъ въ статьѣ „Лѣтописи Отечественной Литературы“ („Телескопъ“ 1832 г., № 9) говоритъ о „потери силъ“ Пушкина въ III-ей части его стихотвореній; что же касается мнѣнія Полевого, то оно было уже разъ подробно приведено Бѣлинскимъ въ его статьѣ 1839—40 г. объ „Очеркахъ“ Полевого (см. т. I, стр. 680—681).

это факты, которые, еслибъ понадобилось, мы скрѣпили бы указаніемъ на страницы журналовъ блаженной памяти, въ которыхъ печатались такіа диковинки. И вотъ какъ судила толпа и о поэтѣ, избравшемъ предметомъ пѣсенъ своихъ высокую сторону жизни: она восхищалась его ученическими опытами и отступилась отъ него тотчасъ, какъ сталъ онъ мастеромъ, и какимъ еще мастеромъ—великимъ!

Какъ же должна была судить толпа о поэтѣ, дерзнувшемъ пойти по дорогѣ, до него никому невѣдомой, рѣшившемся, оставивъ въ покоѣ героевъ (которые, по правдѣ сказать, на землѣ являются гораздо рѣже, нежели въ фантазіи поэтовъ), обратиться къ толпѣ и къ будничной жизни?.. Сначала, какъ и слѣдуетъ, она подумала, что этотъ поэтъ не знаетъ ничего лучше ея, толпы, и неспособенъ вознестись мыслию за границу вседневной прозаической жизни. И такое заключеніе было очень естественно съ ея стороны: она не встрѣчала въ сочиненіяхъ этого поэта ни моральныхъ сентенцій, ни комическихъ выходовъ. Напротивъ, она видѣла, что онъ рисуетъ ей своихъ странныхъ героевъ и ихъ бѣдную, жалкую жизнь очень серьезно, говоритъ о нихъ почти съ такой же важностью, какъ въ дѣйствительности говорятъ они о самихъ себѣ и своихъ дѣлишкахъ. Конечно: это писатель, положимъ, не безъ дарованія, но мелкій, безъ фантазіи, безъ души, безъ сердца, безъ способности понимать высокое и прекрасное, любящій изображать только грязную, неумытую природу! Но—странное дѣло!—толпа сама не могла не замѣтить, что она съ жадностью его читаетъ, что онъ чѣмъ-то сильно задѣваетъ и сердитъ ее; потомъ съ изумленіемъ узнаетъ она, что *высшій свѣтъ*, верховный представитель хорошаго тона и приличія, оставляя безъ вниманія *бонтоныя, опрятныя* произведенія дюжинныхъ сочинителей, безъ перчатокъ и съ удовольствіемъ читаетъ сочиненія этого писателя, исполненныя дурного тона, оскорбляющихъ приличіе выраженій и картинъ и, кажется, назначенныхъ для потѣхи самыхъ необразованныхъ читателей!.. Въ то же время, нашлись люди¹⁾, которые, по поводу сочиненій этого писателя заговорили о *юморѣ*, какъ могущественномъ элементѣ творчества, посредствомъ котораго поэтъ служить всему высокому и прекрасному, даже не упоминая о нихъ, но только вѣрно воспроизводя явленія жизни, по ихъ сущности противоположныя высокому и прекрасному,—другими словами: путемъ отрицанія достигая той же самой

¹⁾ Бѣлинскій, разумѣется, имѣетъ здѣсь въ виду свою статью 1835 года о Гоголѣ (т. I, ст. № 3).

цѣли, только иногда еще въриѣе, которой достигаетъ и поэтъ, избравшій предметомъ своихъ твореній исключительно идеальную сторону жизни. Все это не могло не имѣть вліянія на мнѣніе толпы; а между тѣмъ, съ теченіемъ времени она все болѣе и болѣе *привыкала* къ его сочиненіямъ, и все, что казалось ей въ нихъ страннымъ и рѣзкимъ, со дня на день становилось въ ея глазахъ очень естественнымъ, — чему способствовала много и основанная имъ литературная школа. И вотъ теперь, когда французскій переводъ нѣсколькихъ его повѣстей доставилъ ему громкую извѣстность въ Европѣ, — теперь и самые враги его таланта, имѣющіе свои причины вести отчаянную войну противъ его успѣховъ, уже не рѣшаются говорить о немъ прежнимъ языкомъ...

Вообще, литература наша, въ лицѣ Пушкина и Гоголя, перешла черезъ самый трудный и самый блестящій процессъ своего развитія: благодаря имъ, она если еще не достигла своей возмужалости, то уже вышла изъ состоянія дѣтства и той юности, которая близка къ дѣтству. Это обстоятельство совершенно измѣнило судьбу явленія новыхъ талантовъ въ нашей литературѣ. Теперь каждый новый талантъ тотчасъ же оцѣняется по его достоинству. Явился Лермонтовъ, — и первыми своими опытами заставилъ всѣхъ смотрѣть на его талантъ съ изумленнымъ ожиданіемъ чего-то великаго. Много ли успѣлъ написать онъ въ теченіе своего краткаго (четырёхлѣтняго) литературнаго поприща? — а между тѣмъ, нуженъ былъ только одинъ смѣлый голосъ ¹⁾, чтобъ за Лермонтовымъ, съ первыхъ же опытовъ его, утвердить имя великаго, гениальнаго поэта... Съ другой стороны, какъ ни хлопотеть теперь посредственность выдавать себя за гениальность, — ей это никакъ не удастся. Не помогаютъ ей ни драмы, русскія и итальянскія, ни романы и повѣсти русскіе, французскіе, литовскіе и нѣмецкіе, ни стихотворенія, ни дагерротипы, ни иллюстраціи... Недавно одна газета ²⁾ хотѣла сдѣлать изъ г. Буткова опаснаго соперника таланту Гоголя, и что же? Всѣ нашли, что у г. Буткова точно есть дарованіе, но что больше о немъ сказать нечего, а ожидать отъ него чего-то необыкновеннаго тоже нечего.

Правда, и теперь появленіе необыкновеннаго таланта не можетъ не возбуждать довольно противорѣчащихъ толковъ; но, во-первыхъ, это свойство необыкновеннаго та-

ланта во всякой литературѣ, пока не *привыкнутъ* къ нему (привычка — умъ толпы), а во-вторыхъ, въ самомъ противорѣчии этихъ толковъ уже лежитъ безусловное признаніе необыкновенности таланта. Говорятъ и спорятъ о томъ, что хорошо и что дурно въ его первыхъ произведеніяхъ; но что онъ необыкновенный талантъ — объ этомъ говорятъ, но не спорятъ. Нѣсколько невѣжественныхъ или завистливыхъ голосовъ тутъ ничего не значить. Если какой-нибудь quasi-критикъ или критиканъ рѣшится объявить, что произведеніе новаго писателя, возбуждающаго своимъ появленіемъ сильное движеніе въ читательскомъ мірѣ, рѣшительно дурно, что въ немъ нѣтъ ни искры таланта, — такой критиканъ поступитъ очень неразсчитливо въ отношеніи къ самому себѣ. Самые недогадливые увидятъ ясно, что онъ, критиканъ, не иное что, какъ жалкая и *купно* завистливая посредственность... Но, съ другой стороны, и преувеличенно восторженныя похвалы, критическіе гимны и дионирамбы, теперь тоже возможны только со стороны людей, немогущихъ имѣть никакого вліянія на общественное мнѣніе. Литература наша пережила свою эпоху энтузіастическихъ увлеченій, восторженныхъ похвалъ и безотчетныхъ восклицаній. Теперь отъ критика требуютъ, чтобъ онъ *спокойно* и *трезво* сказалъ, какъ понимаетъ онъ поэтическое произведеніе; а до восторговъ, въ которые привело оно его, до счастья, какое доставило оно ему, никому нѣтъ нужды: это его домашнее дѣло.

Слухи о *Бѣдныхъ Людяхъ* и новомъ, необыкновенномъ талантѣ, готовомъ появиться на аренѣ русской литературы, задолго предупредили появленіе самой повѣсти. Подобнаго обстоятельства никакъ нельзя назвать выгоднымъ для автора. Для людей съ положительнымъ, развитымъ эстетическимъ вкусомъ, все равно быть или не быть предубѣжденнымъ въ пользу или не въ пользу автора: прочитай повѣсть, они увидятъ, что это такое; но истинныхъ знатоковъ искусства немного на бѣломъ свѣтѣ, а не знатокъ отъ всего заранѣе расхваленнаго ожидаетъ какого-то чуда совершенства, т.-е. фразистой мелодрамы во вкусѣ Марлинскаго, — и увидя, что это совсѣмъ не то, что все такъ просто, естественно, истинно и вѣрно, онъ разочаровывается, и, въ досадѣ, уже не видитъ въ произведеніи и того, что болѣе или меаѣ ему доступно и что, навѣрное, понравилось бы ему, еслибъ онъ не былъ заранѣе настроенъ искать тутъ какихъ-то волшебныхъ фокусовъ-покусовъ. Несмотря на то, успѣхъ *Бѣдныхъ Людей* былъ полный. Еслибъ эту повѣсть приняли всѣ съ безусловными похвалами, съ безусловнымъ восторгомъ, — это служило бы неопро-

¹⁾ Бѣлинскій опять имѣетъ здѣсь въ виду свои статьи о Лермонтовѣ (№№ 23—24).

²⁾ „Сѣверная Пчела“ — см. фельетонъ Булгарина въ № 42-мъ 1846 г. — О Бутковѣ — см. отзывъ Бѣлинскаго въ статьѣ № 55, и ниже въ ст. № 62.

вержимымъ доказательствомъ, что въ ней точно есть талантъ, но вѣтъ ничего необыкновеннаго. Такой дебютъ былъ бы жалокъ. Но вышло гораздо лучше: за исключеніемъ людей, рѣшительно лишенныхъ способности понимать поэзію, и за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ-трехъ *исправившихся* за себя писаекъ, всѣ согласились бы, что въ этой повѣсти замѣтенъ не совсѣмъ обыкновенный талантъ. Для перваго раза нечего больше и желать. Современемъ та же повѣсть будетъ казаться иною многимъ изъ тѣхъ, которые сочли преувеличенными предшествовавшие ея появленію слухи о высокомъ художественномъ ея достоинствѣ. Изъ всѣхъ критиковъ самый великій, самый гениальный, самый непогрѣшительный—время. Впрочемъ, не должно забывать, что романъ г. Достоевскаго прочтенъ всѣми только въ Петербургѣ, и что только Петербургъ обнаружилъ свое мнѣніе о талантѣ новаго поэта. Въ Москвѣ еще только читаютъ его *Бѣдныя Люди* и *Двойника* (помѣщеннаго въ февральской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“), а въ провинціи еще и не читали ихъ. Мы очень любимъ и уважаемъ Петербургъ во многихъ отношеніяхъ, но отнюдь не въ климатическомъ и не въ эстетическомъ: нигдѣ въ Россіи такъ много не читаютъ, какъ въ Петербургѣ, слѣдовательно, нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой многочисленной читающей публики, сосредоточенной на такомъ маломъ пространствѣ, какъ въ Петербургѣ,—и при всемъ томъ *насъ* (*chaque baron a sa fantaisie!*) почему-то всегда интересуется болѣе мнѣніе Москвы и провинціи о книгѣ, нежели Петербурга. Мы никогда не говоримъ: „это сочиненіе такъ хорошо, что даже въ провинціи имѣло огромный успѣхъ“; но, напротивъ, мы какъ-то особенно не расположены къ сочиненіямъ, которыя только въ Петербургѣ возбуждаютъ общій восторгъ. Можетъ быть, по этому самому намъ не нравятся стихотворенія Бенедиктова, *Сенсации мадамъ Курдюковой*, и всѣ патріотическія и патетическія драмы, возбуждающія такіе оглушительные аплодисманы на сценѣ Александринскаго театра. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ мы и не правы, но намъ кажется, что жители Петербурга ужъ черезчуръ заняты, черезчуръ дѣловые люди, и потому едва ли могутъ блистать особенно развитымъ эстетическимъ вкусомъ. Имъ надо что-нибудь, во-первыхъ, не слишкомъ большое, а во-вторыхъ, и это главное, что-нибудь полегче, что-нибудь не слишкомъ требующее углубленія мыслю, не слишкомъ вызывающее на размышленіе, словомъ, такое, что было бы и коротко и ясно и не заставляло бы думать, какъ фельетонная статья въ „Сѣверной Пчелѣ“, какъ правоописательная статейка г. Булгарина. И это понятно: въ

Петербургѣ всѣ бѣдны временемъ; кто служить, кто спекулируетъ, кто играетъ въ преферансъ, а часто случается и такъ, что одно и то же лицо несетъ на себѣ эти три тягости разомъ. Когда тутъ читать съ самоуглубленіемъ въ читаемое, съ размышленіемъ о читаемомъ? Тутъ дай Богъ успѣть только перелистывать часть того бѣднаго количества печатныхъ листовъ, которое вырабатываютъ наши типографіи. Въ Москвѣ число читателей несравненно меньше, но въ массѣ московскихъ читателей есть довольно людей, для которыхъ сколько-нибудь замѣчательная книга есть фактъ, есть „нѣчто“, которые читаютъ ее сами, читаютъ другимъ, или настоятельно рекомендуютъ другимъ читать ее, думаютъ о ней, толкуютъ, спорятъ. Смѣшно было бы утверждать, что и въ Петербургѣ нѣтъ такихъ читателей; но мы знаемъ достовѣрно, что въ немъ ихъ очень мало въ сравненіи со всею читающею массою, и что большая часть ихъ состоитъ изъ такого молодого народа, который не успѣлъ еще ни поступить на службу, ни постичь поэзію преферанса. Что касается до провинціи, въ ней, можетъ быть, въ сложности не менѣе, если не болѣе истинно образованныхъ и съ эстетическимъ вкусомъ людей, нежели въ обѣихъ столицахъ нашихъ; и если ихъ кажется такъ мало въ провинціи, это потому, что они разсѣяны на огромномъ пространствѣ, и живутъ въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что отъ одного до другого иногда хоть мѣсяцъ скачи на лихой тройкѣ—не доѣдешь! Велика матушка Россія!..

По всему этому очень интересно узнать, какое впечатлѣніе талантъ г. Достоевскаго произведетъ на Москву и на провинцію. Но, въ ожиданіи этого, мы поспѣшимъ отдать отчетъ въ собственныхъ нашихъ впечатлѣніяхъ.

Съ перваго взгляда видно, что талантъ г. Достоевскаго не сатирическій, не описательный, но въ высокой степени творческій и что преобладающій характеръ его таланта—юморъ. Онъ не поражаетъ тѣмъ знаніемъ жизни и сердца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ; нѣтъ, онъ знаетъ ихъ, и при томъ глубоко знаетъ, но а priori, слѣдовательно, чисто поэтически, творчески. Его знаніе есть талантъ, вдохновеніе. Мы не хотимъ его сравнивать ни съ кѣмъ, потому что такія сравненія вообще отзываются дѣтствомъ и ни къ чему не ведутъ, ничего не объясняютъ. Скажемъ только, что это талантъ необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первымъ произведеніемъ своимъ, рѣзко отдѣлился отъ всей толпы нашихъ писателей. болѣе или менѣе обязанныхъ Гоголю направленіемъ и характеромъ, а потому и успѣхомъ своего таланта. Что же касается до его от-

ношеній къ Гоголю, то если его, какъ писателя съ сильнымъ и самостоятельнымъ талантомъ, нельзя назвать подражателемъ Гоголя, то и нельзя не сказать, что онъ еще болѣе обязанъ Гоголю, нежели сколько Лермонтовъ обязанъ былъ Пушкину. Во многихъ частностяхъ обоихъ романовъ г. Достоевскаго („Бѣдныхъ Людей“ и „Двойника“) видно сильное вліяніе Гоголя, даже въ оборотѣ фразы: по со всѣмъ тѣмъ, въ талантѣ г. Достоевскаго такъ много самостоятельности, что это теперь очевидное вліяніе на него Гоголя, вѣроятно, не будетъ продолжительно и скоро исчезнетъ съ другими, собственно ему принадлежащими недостатками, хотя тѣмъ не менѣе Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству. Продолжая эту риторическую фигуру сравненія, прибавимъ, что тутъ нѣтъ даже никакого намека на подражательность: сынъ, живя своею собственною жизнью и мыслью, тѣмъ не менѣе все-таки обязанъ своимъ существованіемъ отцу. Какъ бы ни великолѣпно и ни роскошно развился въ послѣдствіи талантъ Достоевскаго, Гоголь навсегда останется Колумбомъ той неизмѣрной и неистощимой области творчества, въ которой долженъ подвизаться г. Достоевскій. Пока еще трудно опредѣлить рѣшительно, въ чемъ заключается особенность, такъ сказать, индивидуальности и личности таланта г. Достоевскаго, но что онъ имѣетъ все это, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Судя по *Бѣднымъ Людямъ*, мы заключили-было, что глубокочеловѣчественный и патетическій элементъ, въ сліяніи съ юмористическимъ, составляетъ особенную черту въ характерѣ его таланта; но, прочтя *Двойника*, мы увидѣли, что подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно. Правда, только нравственно слѣпые и глухіе не могутъ не видѣть и не слышать въ „Двойникѣ“ глубоко-патетическаго, глубоко-трагическаго колорита и тона; но, во-первыхъ, этотъ колоритъ и тонъ, въ „Двойникѣ“ спрятались, такъ сказать, за юморъ, замаскировались имъ, какъ въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголя... Вообще, талантъ г. Достоевскаго, при всей его огромности, еще такъ молодъ, что не можетъ высказаться и высказаться опредѣленно. Это естественно: отъ писателя, который весь высказывается первымъ своимъ произведеніемъ, многого ожидать нельзя. Какъ ни хорошъ „Герой Нашего Времени“, но еслибъ кто подумалъ, что Лермонтовъ въ послѣдствіи не могъ бы написать чего-нибудь несравненно лучшаго, тотъ этимъ показалъ бы, что онъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о талантѣ Лермонтова.

Мы сказали, что въ обоихъ романахъ г. Достоевскаго замѣтно сильное вліяніе Гоголя, и это должно относиться только къ частностямъ, къ оборотамъ фразы, но отнюдь не къ

концеціи цѣлаго произведенія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ послѣднихъ двухъ отношеніяхъ талантъ г. Достоевскаго блещетъ яркой самостоятельностью. Если можно подуматъ, что Макару Алексѣвичу Дѣвушкину, старику Покровскому и г-ну Голядкину старшему г. Достоевскаго нѣсколько сродни Поприщинъ и Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ Гоголя, то въ то же время нельзя не видѣть, что между лицами романовъ г. Достоевскаго и повѣстей Гоголя существуетъ такая же разница, какъ и между Поприщинымъ и Башмачкинымъ, хотя оба эти лица созданы однимъ и тѣмъ же авторомъ. Мы даже думаемъ, что Гоголь только первый навелъ всѣхъ (и въ этомъ его заслуга, которой подобной уже никому болѣе не оказывать) на эти забытыя существованія въ нашей дѣйствительности, но что г. Достоевскій самъ собою взялъ ихъ въ той же самой дѣйствительности.

Нельзя не согласиться, что для перваго дебюта *Бѣдные Люди* и непосредственно за ними *Двойникъ*—произведенія необыкновеннаго размѣра, и что такъ еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей. Конечно, это доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ г. Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ (мы далеки отъ подобной нелѣпой мысли), но только то, что онъ имѣлъ передъ ними выгоду явиться послѣ нихъ; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, подобный дебютъ ясно указываетъ на мѣсто, которое современнымъ займетъ г. Достоевскій въ русской литературѣ, и на то, что еслибъ онъ и не сталъ рядомъ со своими предшественниками, какъ равный съ равными, то долго еще ждать намъ таланта, который бы сталъ къ нимъ ближе его. Посмотрите, какъ проста завязка въ *Бѣдныхъ Людяхъ*: вѣдь и рассказать нечего! А между тѣмъ, такъ много приходится рассказывать, если уже рѣшишься на это! Бѣдный пожилой чиновникъ, недалекаго ума, безъ всякаго образованія, но съ безконечно доброю душою и теплымъ сердцемъ, опираясь на право дальняго, чуть ли еще не придуманнаго имъ для благовиднаго предлога, родства, исхищаетъ бѣдную дѣвушку изъ рукъ гнусной торговки женскою добродѣтелью, дѣвическою красотою. Авторъ не говоритъ намъ, любовь ли заставила этого чиновника почувствовать состраданіе, или состраданіе родило въ немъ любовь къ этой дѣвушкѣ, только мы видимъ, что его чувство къ ней не просто отеческое и стариковское, не просто чувство одинокаго старика, которому нужно кого-нибудь любить, чтобъ не возненавидѣть жизни и не замереть отъ ея холода, и которому всего естественнѣе полюбить существо, обязанное ему, одолженное имъ,—существо, къ которому онъ привыкъ и которое привыкло къ

нему. Нѣтъ, въ чувствѣ Макара Алексѣевича къ его „маточкѣ, ангельчику и херувимчику Варинькѣ“ есть что-то похожее на чувство любовника,—на чувство, которое онъ силится не признавать въ себѣ, но которое у него противъ воли по временамъ прорывается наружу, и которое онъ не сталъ бы скрывать, еслибъ замѣтилъ, что она смотритъ на него не какъ на вовсе неумѣстное. Но бѣднякъ видитъ, что этого нѣтъ, и съ героическимъ самоотверженіемъ остается при роли родственника-покровителя. Иногда онъ разнѣживается, особенно въ первомъ письмѣ, насчетъ поднятаго уголочка оконной занавѣски, хорошей весенней погоды, птичекъ небесныхъ, и говоритъ, что „все въ розовомъ цвѣтѣ представляется“. Получивъ въ отвѣтъ намекъ на его лѣта, бѣднякъ впадаетъ въ тоску, чувствуя, что его поймали на шалости, и досада его слегка высказывается только въ увѣреніяхъ, что онъ еще вовсе не старикъ. Эти отношенія, это чувство, эта старческая страсть, въ которой такъ чудно слились и доброта сердечная, и любовь, и привычка,—все это развито авторомъ съ удивительнымъ искусствомъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ. Дѣвушкинъ, помогая Варинькѣ Доброселовой, забираетъ впередъ жалованье, входитъ въ долги, терпитъ страшную нужду, и въ лютыя минуты отчаянія, какъ русскій человѣкъ, ищетъ забвенія въ пьянствѣ. Но какъ онъ деликатенъ по инстинкту! Благодарѣтельствуя, онъ лишаетъ себя всего, такъ сказать, обворовываетъ, грабитъ самого себя,—до послѣдней крайности обманываетъ свою Вариньку небывалымъ у него капиталомъ въ ломбардѣ, и если проговаривается объ истинномъ своемъ положеніи, то по стариковской болтливости и такъ простодушно! Ему не приходитъ въ голову, что онъ приобрѣлъ право своими пожертвованіями требовать вознагражденія любовью за любовь, тогда какъ по тѣснотѣ и узкости его понятій онъ могъ бы навязать себя Варинькѣ въ мужья уже по тому естественному и весьма справедливому убѣжденію, что никто, какъ онъ, не можетъ такъ любить ее и всего себя принести ей на жертву; но отъ нея онъ не потребовалъ жертвы: онъ любилъ ее не для себя, а для нея самой, и жертвовать для нея всѣмъ—было для него счастьемъ. Чѣмъ ограниченнѣе его умъ, чѣмъ тѣснѣе и грубѣе его понятія, тѣмъ, кажется, шире, благороднѣе и деликатнѣе его сердце; можно сказать, что у него всѣ умственные способности изъ головы перешли въ сердце. Многіе могутъ подумать, что въ лицѣ Дѣвушкина авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, у котораго умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнью. Была бы большая ошибка думать такъ. Мысль

автора гораздо глубже и гуманнѣе: онъ въ лицѣ Макара Алексѣевича показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святаго лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ. Конечно, не всѣ бѣдняки такого рода похожи на Макара Алексѣевича въ его хорошихъ свойствахъ, и мы согласны, что такіе люди рѣдки, но въ то же время нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что на такихъ людей мало обращаютъ вниманія, мало ими занимаются, мало ихъ знаютъ. Если богачъ, ежедневно проѣдающій сто, двѣсти и больше рублей, бросить нищему двадцать пять рублей, всѣ замѣчаютъ это и, въ чаяніи получить отъ него больше, умиляются душою отъ его великодушнаго поступка. Но бѣднякъ, отдающій такому же бѣдняку, какъ и онъ самъ, свои послѣднія двадцать копеекъ мѣдью, какъ отдалъ ихъ Дѣвушкинъ Горшкову,—такой бѣднякъ не всѣхъ тронетъ и въ повѣсти, мастерски написанной, а въ дѣйствительности въ его поступкѣ не захотѣли бы увидѣть ничего, кромѣ смѣшнаго. Честь и слава молодому поэту, муза котораго любить людей на чердакахъ и въ подвалахъ, и говорить о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: „вѣдь, это тоже люди, ваши братья!“

Обратите вниманіе на старика Покровскаго—и вы увидите ту же гуманную мысль автора. Подставной мужъ обольщенной, обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница—и онъ *человѣкъ*! Вы можете смѣяться надъ его любовью къ своему мнимому сыну, напоминающею робкую любовь собаки къ человѣку; но если, смѣясь надъ ней, вы въ то же время глубоко ея не трогаетесь, если изображеніе Покровскаго, съ книгами въ карманѣ и подъ мышкой, безъ шапки на головѣ, въ дождь и холодъ бѣгущаго съ видомъ помѣшаннаго за гробомъ смѣшно-любимаго имъ сына, не производитъ на васъ трагическаго впечатлѣнія, не говорите объ этомъ никому, чтобъ какой-нибудь Покровскій, шутъ и пьяница, не покраснѣлъ за васъ, какъ за человѣка...

Вообще, трагическій элементъ глубоко проникаетъ собою весь этотъ романъ. И этотъ элементъ тѣмъ поразительнѣе, что онъ передается читателю не только словами, но и понятіями Макара Алексѣевича. Смѣшить и глубоко потрясать душу читателя въ одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы,—какое умѣнье, какой талантъ! И никакихъ мелодраматическихъ пружинъ, ничего похожаго на театральные эффекты! Все такъ просто и обыкновенно, какъ та будничная, повседневная жизнь, которая кишитъ вокругъ cadaго изъ насъ и пошлость которой нарушается только неожиданнымъ появленіемъ смерти

то къ тому, то къ другому!.. Всѣ лица обрисованы такъ полно, такъ ярко, не исключая ни лица господина Быкова, только на минуту появляющагося въ романѣ собственною особою, ни лица Анны Ѳедоровны, ни разу не появляющейся въ романѣ собственною особою. Отецъ и мать Доброселовой, старикъ и юноша Покровскіе, жалкій писака Ратазьевъ, ростовщикъ, — словомъ, каждое лицо даже изъ тѣхъ, которыя или только вскользь показываються, или только заочно упоминаются въ романѣ, такъ и стоитъ передъ читателемъ, какъ будто давно коротко ему знакомое. Можно бы замѣтить, и не безъ основанія, что лицо Вариньки какъ-то не совсѣмъ опредѣленно и неоконченно; но, видно, ужъ такова участь русскихъ женщинъ, что русская поэзія не ладитъ съ ними да и только! Не знаемъ, кто тутъ виноватъ, русскія ли женщины, или русская поэзія; но знаемъ, что только Пушкину удалось, въ лицѣ Татьяны, схватить нѣсколько чертъ русской женщины, да и то ему необходимо было сдѣлать ее свѣтскою дамою, чтобъ сообщить ей характеру опредѣленности и самобытности. Журналъ Вариньки прекрасенъ, но все-таки, по мастерству изложенія, его нельзя сравнить съ письмами Дѣвушкина. Замѣтно, что авторъ тутъ былъ не совсѣмъ, какъ говорится, у себя дома; но и тутъ онъ блистательно умѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Воспоминанія дѣтства, переѣздъ въ Петербургъ, разстройство дѣла Доброселова, ученье въ пансіонѣ, особенно жизнь въ домѣ Анны Ѳедоровны, отношенія Вариньки къ Покровскому, ихъ сближеніе, портретъ отца Покровскаго, подарокъ молодому Покровскому въ день именинъ, смерть Покровскаго, — все это рассказано съ изумительнымъ мастерствомъ. Доброселова не выговариваетъ ни одного щекотливаго для нея обстоятельства, ни безчестныхъ видовъ на нее Анны Ѳедоровны, ни своей любви къ Покровскому, ни своего потомъ невольнаго паденія; но читатель самъ видитъ все такъ ясно, что ему и не нужно никакихъ объясненій.

Разсказывать содержаніе этого романа было бы излишне; дѣлать большія выписки тоже. Но не мѣшаетъ инымъ, можетъ быть, забывчивымъ читателямъ напомнить ихъ же собственныя впечатлѣнія, ихъ же самихъ призвать въ свидѣтели справедливости и вѣрности нашего мнѣнія о высокомъ, художественномъ достоинствѣ *Бѣдныхъ Людей*, и потому считаемъ необходимымъ выписать нѣсколько мѣстъ изъ писемъ Макара Алексѣевича. Это не дастъ большой работы вниманію читателей, — а между тѣмъ посреди нихъ, вѣроятно, найдутся такіе, которымъ эти выписанныя нами мѣста покажутся какъ будто новыми, въ первый разъ

прочитанными, и это обстоятельство, можетъ быть, заставитъ ихъ вновь перечестъ всю повѣсть и сознаться себѣ, что они только при этомъ второмъ чтеніи поняли ее... Такія произведенія, какъ *Бѣдные Люди*, никому не даются съ перваго раза: они требуютъ не только чтенія, но и изученія.

„Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ, только не рядомъ съ другими нумерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смиренные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнатѣ, огорожаясь въ ней перегородочкою. Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькой, маленькой; ходитъ въ такомъ засаленомъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкой, хилой такой (встѣчаемся мы съ нимъ иногда въ корридорѣ); колѣнки у него дрожать, руки дрожать, голова дрожить, ужъ отъ болѣзни что-ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужъ я застѣнчивъ подчасъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него — жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлой. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно; ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отребьи. Они, я слышалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самого-то Горшкова непріятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то что-ли — ужъ истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны — Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда-нибудь порѣзались, поиграли дѣти, а ужъ это худой знакъ. Стало быть, въ семьѣ что-нибудь да не прочно. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипываніе, потомъ шопотъ, потомъ опять всхлипываніе, точно какъ-будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

„Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ, маточка, что случилось мнѣ бѣдность свою вдвойнѣ испытать сегодня. Остановился я посмотреть на шарманщика. Мысли такія лѣзли въ голову, — такъ я, чтобы разсѣяться, остановился. Стою я, стоятъ извозчики, дѣвка какая-то, да еще маленькая дѣвочка, вся такая запачканная. Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ двѣнадцати; былъ бы хорошенькой, да на видъ больной такой, чахленькой, въ одной рубашонкѣ, да еще въ чемъ-то, чуть ли не босой стоитъ, разиня ротъ музыку слушаетъ; — дѣтскій возрастъ! заглядѣлся какъ у Нѣмца куклы танцуютъ, а у самого и руки и ноги окоченѣли, дрожить да кончикъ рукава грызетъ. Примѣчаю, что въ рукахъ у него бумажечка какая-то. Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала въ тотъ ящичекъ съ огорождочкой, въ которомъ представленъ Французъ, танцующій съ дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчикъ, робко осмотрѣлся кругомъ, да видно на меня подумалъ, что я деньги далъ. Подбѣжалъ онъ ко мнѣ, ручки дрожать!

него, голосенокъ дрожить, протянулъ онъ ко мнѣ бумажку и говорить:—записка! Развернулъ я записку—ну что, все извѣстно:—дескать, благодѣтели мои, мать у дѣтей умираетъ, трое дѣтей голодаютъ, такъ вы намъ теперь помогите; а вотъ какъ я умру, такъ за то, что птенцовъ моихъ теперь не забыли, на томъ свѣтѣ васъ, благодѣтели мои, не забуду.—Ну, что тутъ;—дѣло ясное, дѣло житейское, а что мнѣ имъ дать? Ну, и не далъ ему ничего. А какъ было жалъ! Мальчикъ бѣдненькой, посинѣлый отъ холода, можетъ быть, и голодный, и не вретъ, ей-ей не вретъ; я это дѣло знаю. Но только то дурно, что зачѣмъ эти гадкія матери дѣтей не берегутъ, и полуголыхъ съ записками на такой холодъ посылаютъ. Она, можетъ быть, глупая баба, характера не имѣетъ; да за нее и постараться, быть можетъ, нѣкому, такъ она и сидитъ, поджавъ ноги, можетъ быть, и вправду больная. Ну, да все обратиться бы куда слѣдуетъ; а впрочемъ, можетъ быть, и просто мошенница, нарочно голоднаго и чахлаго ребенка обманывать народъ посылаетъ, на болѣзни наводитъ. И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ, проситъ. Ходятъ люди да нѣкогда имъ. Сердца у нихъ каменные; слова ихъ жестоки. Прочь! убирайся! шалишь!—Вотъ что слышитъ онъ отъ всѣхъ, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькой, запуганный мальчикъ, словно птеникъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнуть у него руки и ноги; духъ занимается. Посмотришь, вотъ онъ ужъ и кашляетъ; тутъ недалеко ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый заползаетъ ему въ грудь, а тамъ, глядишь, и смерть ужъ стоитъ надъ нимъ, гдѣ-нибудь въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помощи—вотъ и вся его жизнь! Вотъ какова она, жизнь-то бываетъ! Охъ, Варинька, мучительно слышать Христа-ради, и мимо пройти и не дать ничего, сказать ему: „Богъ подастъ“. Иное Христа-ради еще ничего. (И Христа-ради-то разныя бываютъ, маточка). Иное долгое, протяжное, привычное, заученное, прямо нищенское; этому еще не такъ мучительно не подать, это долгій нищій, давнишній, по ремеслу нищій, этотъ привыкъ, думаешь, онъ переможетъ и знаетъ какъ перемочь. А иное Христа-ради, непривычное, грубое, странное,—вотъ какъ сегодня, когда я было отъ мальчика записку взялъ, тутъ же у забора какой-то стоялъ, не у всѣхъ и просилъ, говорить мнѣ: „Дай, баринъ, грошъ, ради Христа!“ да такимъ отрывистымъ, грубымъ голосомъ, что я вздрогнулъ отъ такого-то страшнаго чувства; а не далъ гроша: не было. А еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались—дескать, они беспокоятъ, они-де назойливы! Да и всегда бѣдность назойлива;—спать, что ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные!

„Признательно вамъ сказать, родная моя, началъ я вамъ описывать это все, частію, чтобы сердце отвести, а болѣе для того, чтобы вамъ образецъ хорошаго слогу моихъ сочиненій показать. Потому что вы вѣрно сами сознаетесь, маточка, что у меня съ недавняго времени слогъ формируется. Но теперь на меня такая тоска нашла, что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная моя, часто самого себя, безо всякой причины, уничтожаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щелки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ быть, отъ того происходитъ, что я самъ запуганъ и загнанъ какъ хотъ бы и этотъ бѣдненькой мальчикъ, что милостыни у меня просилъ. Теперь я вамъ примѣрно, иносказательно

буду говорить, маточка; вотъ послушайте-ка меня: случается мнѣ, моя родная, рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда такъ передъ такимъ зрѣлищемъ умалишься, что какъ-будто бы щелчекъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному носу, да и полететься тише воды, ниже травы своею дорогою, и рукой махнешь! Теперь же разглядите-ка что въ этихъ черныхъ, закопѣлыхъ, большихъ капитальныхъ домахъ дѣлается, вникните въ это, и тогда сами рассудите справедливо ли было безъ толку сортировать себя и въ недостойное смущеніе входить. Замѣтите, Варинька, что я иносказательно говорю, не въ прямомъ смыслѣ. Ну, посмотримъ, что тамъ такое въ этихъ домахъ. Тамъ въ какомъ-нибудь дымномъ углу, въ конурѣ сырой какой-нибудь, которая по нуждѣ за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера онъ подрѣзалъ нечаянно, какъ-будто именно такая дрянь и должна человѣку сниться! Ну, да въдь онъ мастеровой, онъ сапожникъ; ему простиительно все объ одномъ предметѣ своемъ думать. У него тамъ дѣти пищать, и жена голодная; и не одни сапожники встаютъ иногда такъ, родная моя. Это бы и ничего, и писать бы объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство, маточка; тутъ же, въ этомъ домѣ, этажемъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ, и богатѣйшему лицу все тѣ же сапоги, можетъ быть, ночью снились; то-есть на другой манеръ сапоги; ибо въ смыслѣ-то, здѣсь мною подразумеваемомъ, маточка, всѣ мы, родная моя, выходимъ немного сапожники. И это бы все ничего, но только то дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ ему на ухо—„что полно-дескать о такомъ думать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить; ты, дескать, не сапожникъ; у тебя дѣти здоровы и жена ѣсть не проситъ; оглянись кругомъ, не увидишь ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго, чѣмъ свои сапоги!“ Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ иносказательно, Варинька. Это, можетъ быть, слишкомъ вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ словомъ выбивается. И потому не отъ-чего было въ грошъ себя опѣнять, испугавшись одного шума и грома! Заклучу же тѣмъ, маточка, что вы, можетъ быть, подумаете, что я вамъ клевету говорю, или что это такъ хандра на меня нашла, или что я это изъ книжки какой выписалъ? Нѣтъ, маточка, вы разувѣрьтесь; не то: клеветою гнушаюсь, хандра не находила, и ни изъ какой книжки ничего не выписывалъ—вотъ что!

„Пришелъ я въ грустномъ расположеніи духа домой, присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайничекъ, да и приготовился стаканчикъ-другой чайку хлебнуть. Вдругъ, смотрю, входитъ ко мнѣ Горшковъ, нашъ бѣдный постоялецъ. Я еще утромъ замѣтилъ, что онъ все что-то около жильцовъ шныряетъ, и ко мнѣ хотѣлъ подойти. А мимоходомъ скажу, маточка, что ихъ житье-бытье не въ примѣръ моего хуже. Куда! жена, дѣти!—Такъ что еслибы я былъ Горшковъ, такъ ужъ я не знаю, что бы я на его мѣстѣ сдѣлалъ! Ну, такъ вотъ вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него какъ и всегда на рѣсницахъ гноится, шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда, на изломанный, да другого не было. Чайку предложилъ. Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ однакоже взялъ стаканчикъ. Хотѣлъ-было безъ сахара пить, началъ опять

извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что нужно взять сахару; долго спорилъ, отказывался, наконецъ положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Эхъ, до уничтоженія какого доводитъ людей нищета!—„Ну, какъ же, что батюшка?“ сказалъ я ему. Да вотъ такъ и такъ, дескать, благодѣтель вы мой, Макарь Алексѣвичъ, явите милость Господню, окажите помощь семейству несчастному; дѣти и жена, есть нечего; отцу-то, мнѣ-то, говорить каково! Я было хотѣлъ говорить, да онъ меня прервалъ: я дескать всѣхъ боюсь здѣсь, Макарь Алексѣвичъ, то-есть не то, что боюсь, а такъ, знаете, совѣстно; люди-то они все гордые и ещеливые. Я бы, говорить, васъ, батюшка и благодѣтель мой, и утруждать бы не сталъ; знаю, что у васъ самихъ неприятности были, знаю, что вы многого и не можете дать, но хоть что-нибудь взаимно одолжите; и потому, говорить, просить васъ осмѣлился, что знаю ваше доброе сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бѣдствія испытываете—и что сердце-то ваше потому и чувствуетъ состраданіе.—Заключилъ же онъ тѣмъ, что, дескать, простите мою дерзость и мое неприличіе, Макарь Алексѣвичъ.—Я отвѣчаю ему, что радъ бы душой, да что нѣтъ у меня ничего, ровно нѣтъ ничего.—Батюшка, Макарь Алексѣвичъ, говорить онъ мнѣ, я многого и не прошу, а вотъ такъ и такъ—(тутъ онъ весь покраснѣлъ)—жена, говорить, дѣти, голодно—хоть гривенничекъ какой-нибудь. Ну, тутъ ужъ мнѣ самому сердце защемило. Куда, думаю: меня перещеголяли! А всего-то у меня и оставалось двадцать копеекъ, да я на нихъ рассчитывалъ: хотѣлъ завтра на свои крайнія нужды истратить.—Нѣтъ, голубчикъ мой, не могу; вотъ такъ и такъ говорю. Батюшка, Макарь Алексѣвичъ, хоть что хотите, говорить, хоть десять копеечекъ. Ну, я ему и вынулъ изъ ящика и отдалъ свои двадцать копеечекъ, маточка, все доброе дѣло! Эхъ нищета-то! Разговорился я съ нимъ: да какъ же вы, батюшка, спрашиваю, такъ зануждались, да еще при такихъ нуждахъ комнату въ пять рублей серебромъ нанимаете? Объяснилъ онъ мнѣ, что полгода назадъ нанялъ, и деньги внесъ впередъ за три мѣсяца; да потомъ обстоятельства такія сошлись, что ни туда, ни сюда ему бѣдному. Ждалъ онъ, что дѣло его къ этому времени кончится. А дѣло у него неприятное. Онъ, видите ли, Варинька, за что-то передъ судомъ въ отвѣтъ находится. Тягается онъ съ купцомъ какимъ-то, который слухотвалъ подрядомъ съ казною; обманъ открыли, купца подъ судъ, а онъ въ дѣло-то свое разбойничье и Горшкова запуталъ, который тутъ какъ-то также случился. А по правдѣ-то Горшковъ виновенъ только въ нерадѣніи, въ неосмотрительности и въ непростительномъ упущеніи изъ вида казеннаго интереса. Ужъ несколько лѣтъ дѣло идетъ; все препятствія разныя встрѣчаются противъ Горшкова.—Въ безчестіи же, на меня взводимомъ, говорить мнѣ Горшковъ, недовиненъ, нисколько невиненъ, въ плутовствѣ и грабежѣ неповиненъ. Дѣло это его замарало немного; его исключили изъ службы, и хотя не нашли, что онъ капитально виновенъ, но до совершеннаго своего оправданія онъ, до сихъ поръ не можетъ выправить съ купца какой-то знатной суммы денегъ, ему слѣдуемой, и передъ судомъ у него оспариваемой. Я ему вѣрю, да судъ-то ему на-слово не вѣрить; дѣло-то оно такое, что все въ крючкахъ да въ узлахъ такихъ, что во сто лѣтъ не распуташь. Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючекъ, да еще крючекъ. Я принимаю сердечное участіе въ Горшковѣ, родная моя, соболѣзную ему. Человѣкъ безъ должности; за ненадежность никуда не принимается; что было запасу, проѣли; дѣло запутано, а между тѣмъ жить было нужно; а между

тѣмъ ни съ того, ни съ сего, совершенно некстати, ребенокъ родился,—ну вотъ, издержки. Старшенькой заболѣлъ—издержки, умеръ—издержки. Жена больна, онъ недоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то. Однимъ словомъ, пострадалъ, вполне пострадалъ. Впрочемъ, говорить, что идетъ на дѣлахъ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла, и что ужъ въ этомъ теперь и сомнѣнія нѣтъ никакого. Жаль, жаль, очень жаль его, маточка! Я его обласкалъ. Человѣкъ-то онъ затерянный, запуганный, покровительства ищетъ, такъ вотъ я его и обласкалъ.

„Пишу къ вамъ вѣтъ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я расскажу-то вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ: я все это предчувствовалъ. Все это заранѣ слышалось моему сердцу! Я даже напередъ во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось.—Расскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положить. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ вчера подходить ко мнѣ Тимоѣей Ивановичъ, и лично изволить показывать, что, вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говорить, Макарь Алексѣвичъ, почище, поспѣшнее и тщательнее, сегодня къ подписанію идетъ.—Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя ясочка. Ну, вотъ, я и принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю, какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться—только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ Господь его знаетъ какой, просто никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я съ давняго времени сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдѣ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ закрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ и сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: Что, дескать, вы, Макарь Алексѣвичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у! да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатались со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелился. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. И такъ я уткнулся носомъ въ бумагу, и вожу перомъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня, слышу—не обманываются ли уши мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался; только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я присосъ къ стулу,—и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали; ближе и ближе. Вотъ ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза: предо мной Евстафій Ивановичъ; гово-

ригъ: Макарь Алексѣевичъ! къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали. Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, пиду — ну, да ужъ просто, ни живъ, ни мертвъ отиравился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился, позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отъ чего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ просто было отъ чего съ ума сойти отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

„Начали глѣвно: какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣе! неосмотрительность! Вводите въ неприятности!—Я раскрылъ-было ротъ для чего-то. Хотѣлъ-было прощенія просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсу—пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ—вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я видно задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатила и прямо, такъ-таки прямо, проклятая, къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія. Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспоминалъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ, я бросился ловить пуговку, нашла на меня дурь, нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что уже все, все потеряно! Вся репутация потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ухахъ ни съ того, ни съ сего Тереза и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ, поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смѣрно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно оттого она и пристанетъ; да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули,—слышу говорятъ Евстафію Ивановичу: какъ же?.. посмотрите, въ какомъ онъ видѣ?.. какъ онъ!.. что онъ!..—Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—какъ онъ? Да что онъ? отличился, въ полномъ смыслѣ слова отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ—не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу... Ну, облегчите его какъ-нибудь, говорятъ его превосходительство. Выдать ему впередъ...—Да забралъ, говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства, вѣрно, такіе, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ.—Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ!—Ну, говорятъ его превосходительство громко: переписать же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять

вновь безъ ошибки; да послушайте: тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, раздали приказанія разные, и всѣ разошлись. Только-что разошлись они, его превосходительство поспѣшно вынимаетъ книжничъ и изъ него сторублевую; вотъ, говорятъ они—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, возьмите... да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангель мой, вдрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступлю, родная моя—взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да и потрясъ, словно равнѣ своей, словно такому же, какъ самъ, генералу. Ступайте, говорятъ; чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ“.

Такая страшная сцена можетъ не потрясти глубоко только душу такого человѣка, для котораго человѣкъ, если онъ чиновникъ не выше 9-го класса, не стоитъ ни вниманія, ни участія. Но всякое человеческое сердце, для котораго въ мірѣ ничего нѣтъ выше и священнѣе человѣка, кто бы онъ ни былъ, всякое человеческое сердце судорожно и болѣзненно сожмется отъ этой—повторяемъ—*страшной*, глубоко-патетической сцены... И сколько потрясающаго душу дѣйствія заключается въ выраженіи его благодарности, смѣшанной съ чувствомъ сознанія своего паденія и съ чувствомъ того самоуниженія, которое бѣдность и ограниченность ума часто считаютъ за добродѣтели..

„Теперь, маточка, вотъ я какъ рѣшилъ: васъ и Федору прошу, и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣлъ, чтобъ Богу молились, то-есть вотъ какъ: за родного отца не молились бы, а за его превосходительство каждодневно и вѣчно бы молились! Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю—слушайте меня, маточка, хорошенько—клянусь, что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютѣе дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, несмотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, солонѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили. Этими они меня самому себѣ возвратили. Этими поступкомъ они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще навѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастьи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..“

Другимъ образомъ, но не менѣе ужасна эта картина:

„Сего числа случилось у насъ на квартирѣ донельзя горестное, ни чѣмъ необъяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (замѣтите вамъ нужно, маточка) совершенно оправдался. Рѣшеніе-то ужъ давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо кончилось. Какая тамъ была вина на немъ, за нерадѣе и неосмотрительность,—на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоятельствамъ-то сильно поправился, да и честь-

то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше, — однимъ словомъ, вышло самое полное исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается, — обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбой ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждаго изъ насъ руку по нѣскольکو разъ. Мнѣ даже показалось, что онъ выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него и слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такой, блѣдный! Двухъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять; бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ, Богъ знаетъ что такое говорилъ: „честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои“ — и какъ говорилъ-то! Даже заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезнились. Ратазяевъ, видно, хотѣлъ его ободрить и сказалъ: „что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть; деньги, батюшка, деньги главное: вотъ за что Бога благодарите!“ — и тутъ же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, т.-е. не то чтобы прямо неудовольствіе выказалъ, а только посмотрѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ. А прежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ характеры. — Вотъ я, напримѣръ, на такихъ радостяхъ гордецомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и униженіе изъясляешь, не отъ чего много, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца... но, впрочемъ, не во мнѣ тутъ и дѣло-то! — Да, говоритъ, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!.. и потомъ все время, какъ мы у него были, твердилъ, слава Богу, слава Богу!.. Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе, пообильнѣе. Хозяйка наша сама для нихъ страпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты, звали-ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ; скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего не скажетъ и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ-поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода и бросилъ играть. Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я это только такъ — и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ корридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно: пожалъ мнѣ руку и отошелъ, и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно улыбаясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ у нихъ было, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ послѣ обѣда онъ и говоритъ женѣ: — „Послушайте, душенька, вотъ я немного прилягу“ — да и пошелъ на постель. Позвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на голову руку, и долго-долго гладилъ по головкѣ ребенка. Потомъ опять обратился къ женѣ: дескать, а что-жъ Петинька? Петя нашъ, Петинька?.. Жена перекрестилась, да и отвѣчаетъ, что, вѣдь, онъ уже умеръ. — Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ. — Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно, и говоритъ ему — вы бы, душенька, заснули. — Да, говоритъ, я сейчасъ... я немножко, — тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ сказать что-то. Жена его не слышала; спросила его — что, мой другъ? А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала немножко, — ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени воротилась, — видитъ, мужъ еще не проснулся и лежитъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то.

Она рассказываетъ, что она работала съ полчаса и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже не помнитъ, о чемъ она думала, говоритъ только, что она и позабыла объ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого-то тревожнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ, — а ужъ онъ холодохонекъ — умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, словно его громомъ убило. А отчего умеръ, Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до сихъ поръ опомниться не могу. Не вѣрится что-то, чтобы такъ просто могъ умереть человѣкъ. Этакой бѣдняга, горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ, судьба-то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ тамъ суматоха такая идетъ; слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать... ужъ не могу вамъ навѣрное сказать. Только жалко! Грустно подумать, что этакъ въ самомъ дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь!.. Погибаешь ни за что...“.

Что передъ этою картиною, написанною такою широкою и мощною кистью, что передъ нею мелодраматическіе ужасы въ повѣстяхъ модныхъ французскихъ фельетонныхъ романистовъ! Какая страшная простота и истина! И кто все это рассказываетъ? — ограниченный и смѣшной Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ!..

Мы не будемъ больше указывать на превосходныя частности этого романа: легче перечестъ весь романъ, нежели пересчитать все, что въ немъ превосходнаго, потому что онъ весь, въ цѣломъ, превосходенъ. Упомянемъ только о послѣднемъ письмѣ Дѣвушкина къ его Варинькѣ: это слезы, рыданіе, вопль, раздирающіе душу! Тутъ все истинно, глубоко и велико, а между тѣмъ, это пишетъ ограниченный, смѣшной Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ! И читая его, вы сами готовы рыдать и въ то же время вы улыбаетесь... Сколько сокрушительной силы любви, горя и отчаянія въ этихъ простодушныхъ словахъ старика, теряющаго все, чѣмъ мила была ему жизнь: „Да вы знаете ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете-то, маточка? Вы, можетъ быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, чистая, голая степь, вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразованный пьяница ходитъ...“

Мы думаемъ, что теперь встати сказать нѣсколько словъ и о *Двойникѣ*, хотя онъ и не относится къ „Петербуржскому Сборнику“. Какъ талантъ необыкновенный, авторъ нисколько не повторился во второмъ своемъ произведеніи, и оно представляетъ у него совершенно новый міръ. Герой романа — г. Голядкинъ — одинъ изъ тѣхъ обидчивыхъ, помѣшанныхъ на *амбиціи* людей, которые такъ часто встрѣчаются въ низшихъ и

среднихъ слояхъ нашего общества. Ему все кажется, что его обижаютъ и словами, и взглядами, и жестами, что противъ него всюду составляются интриги, ведутся подкобы. Это тѣмъ смѣшнѣе, что онъ ни состояніемъ, ни чиномъ, ни мѣстомъ, ни умомъ, ни способностями, рѣшительно не можетъ ни въ комъ возбудить къ себѣ зависти. Онъ не уменъ и не глупъ, не богатъ и не бѣденъ, очень добръ и до слабости мягокъ характеромъ; и жить ему на свѣтѣ было бы совсѣмъ недурно; но болѣзненная обидчивость и подозрительность его характера есть черный демонъ его жизни, которому суждено сдѣлать адъ изъ его существованія. Если внимательнѣе осмотрѣться кругомъ себя, сколько увидишь господъ Голядкиныхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, и глупыхъ и умныхъ! Г. Голядкинъ въ восторгѣ отъ одной своей добродѣтели, которая состоитъ въ томъ, что онъ ходитъ не въ маскѣ, не интриганъ, дѣйствуетъ открыто и идетъ прямою дорогою. Еще въ началѣ романа, изъ разговора съ докторомъ Крестьяномъ Ивановичемъ, не мудрено догадаться, что г. Голядкинъ разстроенъ въ умѣ. Итакъ, герой романа—сумасшедшій! Мысль смѣлая и выполненная авторомъ съ удивительнымъ мастерствомъ! Считаемо излишнимъ слѣдить за ея развитіемъ, указывать на отдѣльныя мѣста и удивляться цѣлому созданію. Для всякаго, кому доступны тайны искусства, съ перваго взгляда видно, что въ *Двойникѣ* еще больше творческаго таланта и глубины мысли, нежели въ *Бѣдныхъ Людяхъ*. А между тѣмъ, почти общій голосъ петербургскихъ читателей рѣшилъ, что этотъ романъ несносно растянутъ и оттого ужасно скученъ, изъ чего-де и слѣдуетъ, что объ авторѣ напрасно прокричали, и что въ его талантѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго!.. Справедливо ли такое заключеніе?—Мы не обинуясь скажемъ, что, съ одной стороны, оно крайне ложно, а съ другой—что въ немъ есть основаніе, какъ оно всегда бываетъ въ сужденіи непонимающей самой себя толпы.

Начнемъ съ того, что *Двойникъ* нисколько не растянутъ, хотя и нельзя сказать, чтобъ онъ не былъ утомителенъ для всякаго читателя, какъ бы глубоко и вѣрно ни понималъ и ни цѣнилъ онъ талантъ автора. Дѣло въ томъ, что такъ называемая растянутость бываетъ двухъ родовъ; одна происходитъ отъ бѣдности таланта,—вотъ это и есть растянутость; другая происходитъ отъ богатства, особливо молодого таланта, еще не созрѣвшаго,—и ее слѣдуетъ называть не растянутостью, а излишней плодовитостью. Еслибъ авторъ *Двойника* далъ намъ перо въ руки съ безусловнымъ правомъ исключать изъ рукописи его *Двой-*

ника все, что показалось бы намъ растянутымъ и излишнимъ,—у насъ не поднялась бы рука ни на одно отдѣльное мѣсто, потому что каждое отдѣльное мѣсто въ этомъ романѣ—верхъ совершенства. Но дѣло въ томъ, что такихъ превосходныхъ мѣстъ въ *Двойникѣ* ужъ чересчуръ много, а одно да одно, какъ бы ни было оно превосходно, и утомляетъ, и наскучаетъ. Демьянова уха была сварена на славу, и сосѣдъ Фока ѣлъ ее съ апетитомъ и всласть; но наконецъ бѣжалъ же отъ нея... Очевидно, что авторъ *Двойника* еще не приобрѣлъ себѣ такта мѣры и гармоніи, и оттого не совсѣмъ безсознательно многіе упрекаютъ въ растянутости даже и *Бѣдныхъ Людей*, хотя этотъ упрекъ и идетъ къ нимъ меньше, нежели къ *Двойнику*. Итакъ, въ этомъ отношеніи судъ толпы справедливъ; но онъ ложенъ въ выводѣ о талантѣ г. Достоевскаго. Самая эта чрезмѣрная плодовитость только служитъ доказательствомъ того, какъ много у него таланта и какъ великъ его талантъ.

Что же тутъ дѣлать молодому автору? Продолжать ли идти своею дорогою, никого не слушая, или, желая угодить толпѣ, стараться приобрести преждевременную, слѣдовательно искусственную зрѣлость своему таланту и, за неимѣніемъ естественнаго, прибѣгнуть къ поддѣльному чувству мѣры?.. По нашему мнѣнію, обѣ эти крайности равно гибельны. Талантъ долженъ идти своею дорогою, съ каждымъ днемъ естественнымъ образомъ избавляясь отъ своего главнаго недостатка, т.-е. молодости и незрѣлости; но въ то же время онъ долженъ, обязанъ *принимать къ свѣдѣнію*, чѣмъ особенно недовольно большинство его читателей, и всего болѣе долженъ остерегаться презирать его мнѣніе, но всегда стараться отыскивать основаніе этого мнѣнія, потому что оно почти всегда дѣльно и справедливо.

Если что можно счесть въ *Двойникѣ* растянутостью, такъ это частое и, мѣстами, вовсе ненужное повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ, какъ, напримѣръ: „Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды. Эка бѣда, вѣдь, какая!.. эка, вѣдь, бѣда одолѣла какая!..“ (стр. 347). Напечатанныя курсивомъ фразы совершенно лишнія, а такихъ фразъ въ романѣ найдется довольно. Мы понимаемъ ихъ источникъ: молодой талантъ, въ сознаніи своей силы и своего богатства, какъ будто тѣшится юморомъ; но въ немъ такъ много юмора дѣйствительнаго, юмора мысли и дѣла, что ему смѣло можно не дорожить юморомъ словъ и фразъ.

Вообще *Двойникъ* носить на себѣ отпечатокъ таланта огромнаго и сильнаго, но еще молодого и неопытнаго: отсюда всѣ его

недостатки, но отсюда же и всё его достоинства. Тѣ и другія такъ тѣсно связаны между собою, что еслибъ авторъ теперь вздумалъ совершенно передѣлать свой *Двойникъ*, чтобъ оставить въ немъ одиѣ красоты, исключивъ всё недостатки,—мы увѣрены, онъ испортилъ бы его. Авторъ рассказываетъ приключенія своего героя отъ себя, но совершенно его языкомъ и его понятіями: это съ одной стороны показываетъ избытокъ юмора въ его талантѣ, безконечно могущественную способность объективнаго созерцанія явленій жизни, способность, такъ сказать, переселяться въ кожу другого, совершенно чуждаго ему существа; но, съ другой стороны, это же самое сдѣлало неясными многія обстоятельства въ романѣ; какъ-то: каждый читатель совершенно въ правѣ не понять и не догадаться, что письма Бахрамѣва и г. Голядкина-младшаго г. Голядкинъ-старшій сочиняетъ самъ къ себѣ, въ своемъ разстроенномъ воображеніи, — даже, что наружное сходство съ нимъ младшаго Голядкина совсѣмъ не такъ велико и поразительно, какъ показалось оно ему, въ его разстроенномъ воображеніи, и вообще о самомъ помѣшателствѣ Голядкина не всякій читатель догадается скоро. Все это недостатки, хотя и тѣсно связанные съ достоинствами и красотами цѣлаго произведенія. Существенный недостатокъ въ этомъ романѣ только одинъ: почти всё лица въ немъ, какъ ни мастерски, впрочемъ, очерчены ихъ характеры, говорятъ почти одинаковымъ языкомъ. Больше указать не на что.

Мы только слегка коснулись обоихъ произведеній г. Достоевскаго, особенно послѣдняго; говорить о нихъ подробно, значило бы зайти гораздо далѣе, нежели сколько позволяютъ предѣлы журнальной статьи. Такого неисчерпаемаго богатства фантазіи не часто случается встрѣчать и въ талантахъ огромнаго размѣра,—и это богатство видимо мучить и тяготитъ автора *Бѣдныхъ Людей* и *Двойника*. Отсюда и ихъ мнимая растянутасть, на которую такъ жалуются люди, очень любящіе читать, но, впрочемъ, отнюдь не находящіе, чтобъ *Парижскія Тайны*, *Вѣчный Жидъ* или *Графъ Монте-Кристо* были растянуты. И съ одной стороны чтецы такого рода правы: не всякому дано знать тайны искусства, такъ же, какъ не всякому дано глубоко чувствовать и мыслить. Поэтому чтецы имѣютъ полное право не знать ни причины, ни истиннаго значенія того, что называютъ они „растянутостью“; они знаютъ только, что чтеніе *Бѣдныхъ Людей* нѣсколько утомляетъ ихъ, тогда какъ этотъ романъ имъ нравится, а *Двойникъ* не многимъ изъ нихъ удастся осилить до конца. Это фактъ: пусть молодой авторъ пойметъ

и приметъ его къ свѣдѣнію. Да спасетъ его богъ вдохновенія отъ гордой мысли презирать мѣтніе даже профановъ искусства, когда они всё говорятъ одно и то же, — такъ же, какъ да спасетъ онъ его и отъ унижительнаго намѣренія поддѣлываться подъ вкусъ толпы и льстить ему: обѣ эти крайности—Сцилла и Харибда таланта. Знаатоки искусства, даже и нѣсколько утомляясь чтеніемъ *Двойника*, все-таки не оторвутся отъ этого романа, не дочитавъ его до послѣдней строки; но, во-первыхъ, и они, дорожа и любяся каждымъ словомъ, каждымъ отдѣльнымъ мѣстомъ романа, все-таки чувствуютъ утомленіе; во-вторыхъ, истинно большой талантъ такъ же долженъ писать не для однихъ знатоковъ, какъ и не для одной толпы, но для всѣхъ. Чтѣ же касается до толковъ большинства, что *Двойникъ*—плохая повѣсть, что слухи о необыкновенномъ талантѣ его автора преувеличены и т. п.,—объ этомъ г. Достоевскому нечего заботиться: его талантъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много въ продолженіе его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы. И теперь, когда явится его новая повѣсть, за нее съ безсознательнымъ любопытствомъ и жадностью поспѣшатъ схватиться тѣ самые люди, которые такъ мудро и окончательно рѣшили по *Двойнику*, что у него или вовсе нѣтъ таланта, или есть, да такъ себѣ, небольшой...

Теперь намъ слѣдовало бы сказать что-нибудь о печатныхъ толкахъ и сужденіяхъ по поводу *Бѣдныхъ Людей*; но мы чувствуемъ себя на эту минуту въ такомъ добромъ расположеніи духа, что хотимъ ограничиться совѣтомъ г. Достоевскому—перепечатать всё эти сужденія при будущемъ изданіи своихъ сочиненій, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ, приложившій ко второму или третьему изданію *Руслана и Людмилы* всё критики и рецензіи, въ которыхъ бранили эту поэму...

Обращаемся къ остальнымъ статьямъ „Петербургскаго Сборника“.

Три портрета, рассказъ г. Тургенева, при ловкомъ и живомъ изложеніи, имѣетъ всю заманчивость не повѣсти, а скорѣе воспоминаній о добромъ старомъ времени. Къ нему шелъ бы эпиграфъ: *Дѣла минувшихъ дней!*..

Мартингалъ (изъ записокъ гробовщика), кн. Одоевскаго, исполненъ интереса и по содержанію, и по изложенію. Можно замѣтить только, что этотъ рассказъ былъ бы естественнѣе, еслибы въ него не былъ вмѣшанъ гробовщикъ, которому, несмотря на

то, что онъ нѣмецъ и ученъ, едва ли бы молодой человекъ сталъ открывать свои заветныя и страшныя тайны, готовясь, можетъ быть, умереть насильственною смертию...

Къ отдѣлу разсказовъ въ альманахѣ должно присовокупить и *Парижскія Веселенія*, легкой и живой очеркъ того, какъ веселятся французы и какъ поддѣлываются подъ ихъ способъ веселиться русскіе, живущіе въ Парижѣ. Эта статья тоже интересна.

Переходимъ къ стихотворной части альманаха. Онъ украшенъ цѣлыми двумя, и къ тому еще прекрасными, поэмами. *Помѣщикъ* г. Тургенева — легкая, живая, блестящая импровизація, исполненная ума, ироніи, остроумія и граціи. Кажется, здѣсь талантъ г. Тургенева нашелъ свой истинный родъ, и въ этомъ родѣ онъ неподражаемъ. Стихъ легокъ, поэтиченъ, блещетъ эпиграммою. Кто-то увѣрялъ печатно, будто *Помѣщикъ* — подражаніе *Евгенію Онгину*: ужь не Энеидъ ли *Виргилія*? Право, послѣднее предположеніе ничѣмъ не несправедливѣе перваго. Первое произведеніе такого рода въ русской литературѣ принадлежитъ Дмитріеву, автору „Модной Жены“. Оно было написано въ духѣ и вкусѣ своего времени (поэтому-то оно прекрасно и теперь). Для нашего же времени Пушкинъ далъ образцы такихъ произведеній въ „Графѣ Нулинѣ“ и „Домикѣ въ Коломнѣ“. А объ „Онѣгинѣ“ тутъ и поминать нечего, какъ о произведеніи совѣмъ другого и притомъ высшаго рода. Пусть успокоится на этотъ счетъ почтенный критиканъ, одаренный такою удивительною способностью находить сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Что *Помѣщикъ* г. Тургенева можетъ ему не нравиться, этому мы не удивляемся: у всякаго свой вкусъ. Есть люди, которымъ, на примѣръ, очень не нравится, что повѣсти Гоголя переведены на французскій языкъ (черезъ что талантъ Гоголя получилъ европейскую извѣстность)¹⁾; а намъ нравится (и при томъ еще какъ!) и „*Помѣщикъ*“ г. Тургенева, и то, что повѣсти Гоголя изданы въ Парижѣ въ такомъ прекрасномъ переводѣ. Вотъ для образчика отрывокъ изъ *Помѣщика*, описаніе деревенскаго бала:

Итакъ — на балѣ мы. Паркетъ
Отлично выложенъ. Рядами
Тѣснятся свѣчи за свѣчами —
Но мутенъ ихъ дрожащій свѣтъ.
Вдоль желтыхъ стѣнъ, довольно темныхъ,

Недвижно — въ чепчикахъ огромныхъ —
Усылись маманьки. Одна
Любезной важности полна,
Другая — молча душетъ губы...
Невыносимо душень жары;
Смычки визжатъ — и воюетъ труба —
И пляшетъ двадцать восемь паръ.

XX.

Какое пестрое собранье
Помѣщичьихъ одеждъ и лицъ!
Но я намѣренъ описатьъ
Начать — какъ слѣдуетъ — съ дѣвицы.
Вотъ — чисто-русская красотка —
Одѣта плохо, тяжела,
И пеловка — по весела,
Добра, болтлива какъ трещетка,
И пляшетъ, пляшетъ отъ души.
За ней — „созрѣвшая въ типѣ
Деревни“ — длинная, худая
Стоитъ Коринна молодая...
Ея печально-страстный взоръ
То вдругъ погаснетъ, то заблещетъ...
Она вздыхаетъ, скажетъ вздоръ
И вся глубоко затрепещетъ.

XXI.

Не заговаривалъ пикто
Съ Коринной.. самъ ея родитель
Боялся дочки.. по зато
Чудакъ застенчивый, учитель
Уѣздный, блѣдный человекъ —
Ее преслѣдовалъ стихами
И предлагалъ ей со слезами
„Всего себя.. на цѣлый вѣкъ“...
Клялся, что любить безпороочно,
Но цѣль и плакалъ онъ заочно,
И говорилъ ей сей Парисъ
Въ посланьяхъ: „ты“ — на дѣлѣ: „вы-съ“.
О, жалкой, слабый родъ! О, время
Полу-порывовъ, долгихъ думъ
И робкихъ дѣлъ! О, вѣкъ! о, племя
Безъ вѣры въ собственный свой умъ!

XXII.

О!!!.. Но — богиня пѣснопѣній,
О, муза! — публика моя
Терпѣть не можетъ разсужденій...
Къ разсказу возвращаюсь я.
Отдѣльно каждую дѣвицу
Вамъ описать — не моему
Дано перу... а потому
Вообразите веревницу
Широкихъ лицъ, большихъ носовъ,
Улыбокъ томныхъ, башмаковъ
Козловыхъ, лентъ и платевъ бѣлыхъ,
Турбановъ, перьевъ, плечъ дебелыхъ,
Зеленыхъ, сѣрыхъ, карихъ глазъ,
Румяныхъ губъ и... и такъ далѣ —
Заставьте барынь кушать квасъ —
И знайте: вы на русскомъ балѣ.

XXIII.

Но вотъ — среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами
Ребенокъ робкій и нѣмой
Съ большими, грустными глазами,
Ребенокъ.. Ей пятнадцать лѣтъ,
Но за собой она невольно
Влечетъ васъ.. за нее вамъ больно
И страшно.. блѣдный, томный цвѣтъ
Лица, — печальный слѣдъ сомнѣній
Тревожныхъ, раннихъ размышленій,
Тоски, неопытныхъ страстей,

¹⁾ Кстати: въ *Прусской Всеобщей Газетѣ* (Preussische Allgemeine Zeitung) извѣщаютъ о переводѣ французскаго перевода повѣстей Гоголя, изданнаго въ Парижѣ г. Луи Биардо, на нѣмецкій языкъ. Пока вышелъ только *Тарасъ Бульба*. Помянутая нѣмецкая газета замѣчаетъ по этому случаю, что талантъ Гоголя приобрѣлъ въ Европѣ классическую извѣстность.

И взглядъ внимательный — все въ ней
Вамъ говорить о самовластной
Душѣ... ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной...
Но я не плачу надъ тобой...

XXIV.

О, нѣтъ! пускай твои желанья,
Твои стыдливыя мечты,
Въ суровомъ холодѣ страданья
Погибнуть... не погибнешь ты.
Безъ одобренья, безъ участья
Среди невѣждъ осуждена
Ты долго жить... но ты сильна,
А сильному не нужно счастья,
О немъ не думай... но судѣбѣ
Не покоряйся; знай: въ борьбѣ
Съ людьми таится наслажденье
Неистощимое: презрѣнье,
Какъ ядъ дѣлительный, оно
И жжетъ и заживляетъ рану
Души... но мнѣ пора давно
Вернуться къ моему „роману“.

XXV.

Вотъ передъ вами въ вырѣзномъ
Зеленомъ фракѣ—шутъ нахальный,
Болтунъ и нѣкогда „бель-омъ“,
Стоитъ законодатель балъный.
Онъ ѣздитъ только въ „высшій свѣтъ“.
А вотъ — неистово развязный
Довольно злой, довольно грязный
Острижъ; вотъ парень среднихъ лѣтъ,
Въ венгеркѣ, въ галстухѣ широкомъ,
Глаза на выкатъ, ходитъ бокомъ,
Хрипитъ и красенъ какъ піонъ,
Вотъ этотъ черненькій — шпіонъ
И шулеръ — впрочемъ малый знатный,
Угодникъ дамскій, балагуръ...
А вотъ помѣщикъ благодатный
Изъ непосредственныхъ натуръ.

XXVI.

Вотъ старичекъ благообразный,
Извѣстный взяточникъ—а вотъ
Свѣтило міра, баринъ праздный,
Ораторъ, агрономъ и мотъ,
Чудакъ для собственной потѣхи
Лѣчившій собственныхъ людей...
Ну — словомъ — множество гостей.
Варенье, черносливъ, орѣхи,
Изюмъ, конфеты, крендельки
На блюдахъ носятъ казачки...
И, несмотря на потъ обильный,
Всѣ гости тянутъ чай фамильный.
Крикъ, хохотъ, топотъ, говоръ, звонъ
Стакановъ, рюмокъ, шпоръ и чашекъ...
А сверху, съ хоръ, изъ-за колоннъ
Глазѣютъ кучи замарашекъ.

XXVII.

Чувствительный артиллеристъ,
Путеецъ маленький, невзрачный.
И пѣхотинецъ съ виду мрачный,
И пламенный кавалеристъ —
Всѣ тутъ какъ тутъ... Но вы, кутилы,
Которымъ барышни не милы,
Гроза почтенныхъ становыхъ,
Владѣльцы троекъ удалыхъ,

И покровители Цыганокъ —
Васъ не видать на тѣхъ балахъ —
Какъ не видать помадныхъ банокъ
На вашихъ окнахъ и столахъ!

XXVIII.

Превозносимый всѣмъ уѣдомъ
Домъ обошительной вдовы
Бывалъ обрадованъ пріѣздомъ
Гостей неожиданныхъ изъ Москвы.
Чинovníкъ, на пути въ отцовскій
Далекій, незабвенный кровъ —
(Спасаясь зайцемъ отъ долговъ)
Заѣдетъ... умница московскій,
Мясистый, пухлый, съ кадникомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ, о
Отъ шапки-мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья —
Тѣтъ рѣдку — западныхъ людей,
Бранить — и писать... донесенья.

XXIX.

Бывало — въ хлѣбосольный домъ
Изъ дальней сѣверной столицы
Промчится борзый левъ; и львомъ
Весьма любятъ дѣвицы.
Въ деревнѣ левъ — глядишь — ручной
Звѣрекъ—предобрый; жмуритъ глазки;
И терпѣливо сноситъ ласки
Гостепріимности степной.
Въ деревнѣ — водятся должники
За нимъ... играетъ онъ въ картишки...
Не платитъ... но какъ разговоръ
Его любезенъ, живъ, остеръ!
Какъ онъ волочится небрежно!
Какъ онъ насмѣшливо влюбленъ!
И какъ забудетъ безмятежно
Все, чѣмъ на мигъ былъ увлеченъ!

Къ *Помѣщику* приложены прекрасныя
картинки, рисованныя г. Агинымъ. Мы очень
рады случаю отдать должную справедли-
вость таланту этого молодого художника.
Г. Тиммъ—безспорно, лучшій рисовальщикъ
въ Россіи, но въ его карандашѣ ничего
нѣтъ русскаго. Смотря на картинки г. Агина,
невольно вспомнишь стихъ Пушкина: „Здѣсь
русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“. Его
картинки къ *Помѣщику* — заглядѣнье! — за
исключеніемъ, впрочемъ, четырехъ, которыя
не удались, какъ 16-я, 17-я и 19-я, или
мало удались, какъ 11-я.

Въ началѣ прошлаго года г. Майковъ
подарилъ публику прекрасною поэмою—*Дѣтъ
Судьбы*; въ началѣ нынѣшняго года онъ
опять даритъ ее прекрасною поэмою—*Ма-
шенька*. Разсказывать содержаніе новаго
произведенія г. Майкова было бы излишне:
оно такъ просто. У бѣднаго чиновника со-
блазнили страстно любимую имъ дочь; уви-
дѣвъ ее на гуляньѣ, на островахъ, ѣдущею
въ пышномъ нарядѣ, объ-руку съ своимъ
соблазнителемъ, несчастный отецъ прокли-
наетъ ее; оставленная своимъ любовникомъ,
бѣдная Маша, которой вся вина состоитъ
въ страстной натурѣ и дѣтской неопытности

ума и сердца, возвращается къ отцу—и тотъ принимаетъ ее съ благословеніемъ. Вотъ и все. Сюжетъ даже не новъ. Но въ художественномъ произведеніи дѣло не въ сюжетѣ, а въ характерахъ, въ краскахъ и тѣняхъ разсказа. Съ этой стороны поэма г. Майкова отличается красотою необыкновенными. Характеръ отца обрисованъ превосходно. Маша и ея подруга, Zizine, какъ институтки, очерчены неподобно; но характеръ Маши, какъ героини поэмы, не совсѣмъ ровень и опредѣлительнъ; чего-то недостаетъ ему. Лучшая сторона новой поэмы г. Майкова то, что на вульгарномъ языкѣ называется соединеніемъ патетическаго элемента съ комическимъ, которое въ сущности есть не иное что, какъ умѣнье представлять жизнь въ ея истинѣ. Этой истины много въ поэмѣ. Особенно порадовала насъ въ ней прелесть комическаго разговора, который даетъ надежду, что для таланта молодого поэта предстоитъ еще въ будущемъ богатое развитіе въ такомъ родѣ поэзи, къ которому въ началѣ его поприща никто не считалъ его способнымъ. Не для показанія красотъ поэмы (для этого ее нужно было бы перепечатать всю), а для поясненія и подтвержденія нашей мысли выписываемъ конецъ.

Марія шла дрожащею стопой,
Одна съ больной, растерзанной душой:
„Дай силы умереть мнѣ, правый Боже!
Весь міръ—чужой мнѣ... А отецъ?.. старикъ...
Оставленный... и онъ... онъ проклялъ тоже!
За что-жь? хоть на него взглянуть бы мигъ,
Все разсказать... а тамъ—цусь проклинаятъ!“
Она идетъ; сторонится народъ,
Кто молча, кто съ угрозой, кто шепчетъ:
„Безумная!“ и въ страхѣ отступаетъ.
И вотъ знакомый домикъ: меркнулъ день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицамъ ложилась
Отъ фонарей, деревъ и кровель тѣнь.
Вотъ садъ, скамья, поросшая травой
Подъ вѣтвями широкими березъ.
На ней старикъ. Послѣдній клочъ волосъ
Давно ужъ выпалъ. Блѣдный, онъ казался
Однимъ скелетомъ. Ветхій вицъ-мундиръ
Не снятъ: онъ видно снять не догадался,
Прійдя отъ должности. Покой и миръ
Его лица былъ страшенъ; это было
Спокойствіе отчаянья. Уныло
Онъ только ждалъ скорѣй оставить міръ.
Вдругъ слышитъ вздохъ и листья задрожали
Отъ шороха. „Что, ужъ не воры-ль тутъ?
А пусть все крадутъ, пусть все разберутъ,
Вѣдь ужъ они... они ее украли!“
Старикъ закрылъ лицо и зарыдалъ,
И чудятся ему рыданья тоже,
И голосъ: „Что я сдѣлала съ нимъ, Боже!“
Не зная какъ, онъ дочь ужъ обнималъ,
Не въ силахъ слова вымолвить. — „Папаша,
Простите!“ — „Что, я развѣ звѣрь иль жидъ!“
— „Простите!“ — „Полно! Богъ тебя проститъ!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?“

Мелкихъ стихотвореній въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ немного. Самые интересные изъ нихъ принадлежатъ перу издателя

сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслью; это—не стишки къ дѣвѣ и лунѣ; въ нихъ много умнаго, *дильнаго* и современнаго. Вотъ лучшее изъ нихъ *Въ Дорогѣ*: пусть читатели сами судятъ справедливо ли наше мнѣніе.

Скучно! скучно!.. Ямщикъ удалой,
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку!
Пѣсни, что ли, пріятель, запой
Про рекрутской наборъ и разлуку,
Небылицей какой посмѣши,
Или что ты видалъ разскажи —
Буду, братецъ, за все благодаренъ.
„Самому мнѣ не весело, баринъ —
„Сокрушила злодѣйка-жена!..
„Слышь ты, смолodu, сударь, она
„Въ барскомъ домѣ была учена
„Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
„Понимаешь-ста, шить и вязать,
„На варганѣ играть и читать —
„Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
„Одѣвалась не то, что у насъ
„На селѣ сарафанницы наши,
„А примѣрно представить, въ атласъ,
„Бла вдоволь и меду и кашу.
„Видь вальжной имѣла такой,
„Хоть бы барышѣ, слышь ты, природной,
„И не то, что нашъ братъ крѣпостной,
„Тонсъ сватался къ ней благородной
„(Слышь, учитель-ста вѣзавишисъ былъ—
„Баить кучеръ Иванычъ Торонка),
„Да знать, счастья ей Богъ не судилъ;
„Не нужна-ста въ дворянство холопка!

„Вышла замужъ господская дочь
„Да и въ Питерь... А справивши свадьбу,
„Самъ-ать, слышь ты, вернулся въ усадьбу,
„Захворалъ и на Троицу въ ночь
„Отдалъ Богу господскую душу,
„Сиротинкой оставивши Грушу...
„Черезъ мѣсяцъ прѣхалъ зятекъ—
„Перебралъ по ревизіи души,
„И съ запашки ссадилъ на оброкъ,
„А потомъ добрался и до Груши.
„Знать она согрubiла ему
„Въ чемъ-нибудь, али на просто тѣсно
„Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
„Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно, —
„Воротилъ онъ ее на село —
„Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!
„Взвыла дѣвка—крутенько пришло:
„Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!

„Какъ на грѣхъ, девятнадцатый годъ
„Мнѣ въ ту пору случись... посадили
„На тягло — да на ней и женили...
„Тонсъ, сколько я нажилъ хлопотъ!
„Видь такой, понимаешь, суровой...
„Ни косить, ни ходить за коровой!..
„Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была
„Да вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
„Какъ дрова или воду несла,
„Какъ на барщину шла — становилось
„Инда жалко подчасъ... да куды! —
„Не утѣшишь ее и обновкой:
„То натерли ей ногу коты,
„То, слышь, ей въ сарафанѣ неловко.
„При чужихъ и туда и сюда,
„А украдкой реветъ какъ шальная...
„Погубили ее господа,
„А была бы бабенка лихая.

„На какой-то патретъ все глядитъ,
„Да читаетъ какую-то книжку...

„Инда страхъ меня, слышишь ты, щемить,
 „Что погубить она и сынишку —
 „Учигъ грамотѣ, мостъ, стрижетъ,
 „Словно барченка каждый день чешетъ,
 „Бить не бьетъ — бить и мнѣ не даетъ...
 „Да недолго пострѣла потѣшитъ!
 „Слыши, какъ щенка худа и блѣдна.
 „Ходить тонень совсѣмъ черезъ силу,
 „Въ день двухъ ложекъ не съѣсть толочка —
 „Чай свалишь черезъ мѣсяцъ въ могилу...
 „А съ чего?.. Видитъ Богъ, не томилъ
 „Я ее безустанной работой...
 „Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
 „Уважалъ, тонень вотъ какъ, съ охотой...
 „А, слыши, бить — такъ почти не бивалъ,
 „Развѣ только подъ пьяную руку“...
 — Ну, довольно, ямщикъ! Разогналъ
 Ты мою неотвязную скуку!..

Изъ другихъ стихотвореній въ „Сборникѣ“ замѣчательны переводы г. Тургенева: *Тьма*, изъ Байрона, и *Римская Элегія* (XII) Гёте.

Макбетъ Шекспира, переведенный г. Кронебергомъ, одинъ заслуживалъ бы особой критической статьи, потому что это переводъ *классическій*, вполне достойный подлинника. *Макбетъ* — одно изъ самыхъ колоссальныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ чудовищныхъ произведеній Шекспира, гдѣ, съ одной стороны, отразилась вся исполинская сила творческаго его генія, а съ другой, все варварство вѣка, въ которомъ жилъ онъ. Много разсуждали и спорили о значеніи вѣдмъ, играющихъ въ *Макбетъ* такую важную роль: одни хотѣли видѣть въ нихъ просто вѣдмъ, другіе — олицетвореніе честолюбивыхъ страстей Макбета, глухо свирѣпствовавшихъ на днѣ души его; третьи — поэтическія аллегоріи. Справедливо только первое изъ этихъ мнѣній. Шекспиръ — можетъ быть, величайшій изъ всѣхъ геніевъ въ сферѣ поэзіи, какихъ только видѣлъ міръ; но въ то же время онъ былъ сынъ своего времени, своего вѣка, того варварскаго вѣка, когда разумъ человѣческій едва начиналъ пробуждаться отъ тысячелѣтняго сна, когда въ Европѣ тысячами жгли колдуновъ, и когда никто не сомнѣвался въ возможности прямыхъ сношеній человека съ нечистою силою. Шекспиръ не былъ чуждъ слѣпоты своего времени, — и вводя вѣдмъ въ свою великую трагедію, онъ нисколько не думалъ дѣлать изъ нихъ философическія олицетворенія и поэтическія аллегоріи. Это доказывается, между прочимъ, и важною ролью, какую играетъ въ *Гамлетѣ* тѣнь отца героя этой великой трагедіи. „Другъ Гораціо“ говоритъ Гамлетъ: „на землѣ есть много такого, о чемъ и не бредила наша философія“. Это убѣжденіе Шекспира, это говоритъ онъ самъ, или, лучше сказать, невѣжество и варварство его вѣка, — а обскуранты нашего времени такъ и ухватились за эти слова, какъ за оправданіе своего слабоумія. Шек-

спиръ видѣлъ и Богъ вѣсть какую удивительную драматическую и трагическую пружину въ ходѣ Бирнамскаго Лѣса и въ томъ обстоятельствѣ, что Макбетъ не можетъ пасть отъ руки человека, рожденного женой. Дѣло оказалось чѣмъ-то въ родѣ плохого каламбура; но такова творческая сила этого человека, что, несмотря на всѣ нелѣпости, которыя ввелъ онъ въ свою драму, *Макбетъ* все-таки огромное, колоссальное созданіе, какъ готическіе храмы среднихъ вѣковъ. Что-то сурово-величаво-грандіозно-трагическое лежитъ на этихъ лицахъ и ихъ судьбѣ; кажется, имѣешь дѣло не съ людьми, а съ титанами, и какая глубина мысли, сколько обнаженныхъ тайнъ человѣческой природы, сколько рѣшенныхъ великихъ вопросовъ, какой страшный и поучительный урокъ!.. Вотъ доказательство, что время не губитъ генія, но геній торжествуетъ надъ временемъ, и что каждый моментъ всемірно-историческаго развитія человѣчества даетъ равно обильную жатву для поэзіи. Пройдутъ еще два вѣка, а можетъ быть, и меньше, когда будутъ дивиться варварству XIX столѣтія, какъ мы дивимся варварству XVI-го; не найдутъ въ немъ Шекспира, но найдутъ Байрона и Жоржа Занда... И это не кругъ, въ которомъ безвыходно кружится человѣчество, а спираль, гдѣ каждый послѣдующій кругъ обширнѣе предшествующаго. Нашъ вѣкъ имѣетъ передъ XVI-мъ то важное преимущество, что онъ заранѣе знаетъ, въ чемъ послѣдующіе вѣка должны увидѣть его варварство...

У насъ было довольно переводовъ стихами драмъ Шекспира. Лучшіе изъ нихъ доселѣ принадлежали г-ну Вронченко (*Гамлетъ* и *Макбетъ*). Но переводы г. Вронченко, вѣрно передавая духъ Шекспира, не передаютъ его изящности. Г. Кронебергъ умѣлъ счастливо выполнить оба эти условія: его переводъ вѣренъ и духу и изящности подлинника, исполненъ въ одно и то же время и энергіи, и легкости выраженія. Это рѣшительно не только лучшій, сравнительно съ другими русскими переводами, но положительно превосходный переводъ одной изъ лучшихъ трагедій Шекспира, такъ же, какъ его же переводъ *Двенадцатой Ночи* („Отечественныя Записки“ 1841, томъ XVII) есть единственный и превосходный переводъ одной изъ прелестнѣйшихъ комедій Шекспира.

Теперь остается намъ сказать о трехъ статьяхъ теоретическаго содержанія въ „Петербургскомъ Сборникѣ“. *Капризы и Раздумье*, Искандера ¹⁾, автора повѣсти *Кто виноватъ?* (въ „Отечественныхъ Запи-

¹⁾ Извѣстный псевдонимъ А. П. Герцена.

скажъ“ прошлаго года) и разныхъ статей литературно-философскаго содержанія,—есть родъ замѣтокъ и афористическихъ размышлений о жизни, исполненныхъ ума и оригинальности во взглядѣ и изложеніи. Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать небольшого отрывка:

„Наука, государство, искусство, промышленность идутъ, развиваясь во всей Европѣ стройно, широко, впереди великіе мыслители, великіе государственные люди, великіе художники, предпринимчивые таланты. А домашняя жизнь наша слагается кое-какъ, основанная на воспоминаніяхъ, привычкахъ и вѣншихъ necessitatibus; объ ней въ самомъ дѣлѣ никто не думаетъ, для нея нѣтъ ни мыслителей, ни талантовъ, ни поэтовъ,—не даромъ ее называютъ *прозой*, въ противоположность плаксивой жизни баллады и грубой жизни идилліи. Только дѣла юности обставлены похудожественнѣе; а потомъ за послѣднимъ лирическимъ порывомъ любви — утомительное *semper idem* закулисной жизни, ежедневной жизни—это тѣсная спальня, душная дѣтская, грязная кухня, гдѣ гости никогда не бывають. Конечно, въ послѣдніе три вѣка много перемѣнилось въ образѣ жизни; впрочемъ, украдкой, безсознательно, даже вопреки убѣжденіямъ, вѣнния образъ жизни, люди не признавались въ этомъ: знамена остались тѣ же, люди, какъ испанцы, хотятъ только сохранить *фигурасы*, несмотря на то, что большая часть ихъ не соответствуетъ настоящему. Прислушиваясь къ сужденіямъ мудрыхъ міра сего, дивясь, какъ можетъ умъ дойти до того, чтобъ въ одно и то же время совмѣстить въ свой нравственный кодексъ стоическія сентенціи Сенеки и Катона, романтически-восторженные выходы рыцаря среднихъ вѣковъ, самоотверженныя правоученія благочестивыхъ отшельниковъ стеной евангельскихъ и своекорыстныя правила политической экономіи. Безобразіе подобнаго смѣшенія принесло свой плодъ, именно — мертвую мораль, мораль, существующую только на словахъ, а въ самомъ дѣлѣ недостойную управлять поступками; современная мораль не имѣетъ никакого вліянія на наши дѣйствія; это милый обманъ, нравственная благопристойность, одежда—не болѣе. У каждаго человѣка за его официальной моралью есть свой спрятанный *esprit de conduite*; официально онъ будетъ плакать о томъ, что бѣдный бѣденъ, официально онъ благороднымъ львомъ вступится за честь женщины, — *privatim* онъ берегъ страшные проценты, *privatim* онъ считаетъ себя въ правѣ безчестить женщину, если условился съ нею въ цѣнѣ. Постоянная ложь, постоянное двоедушіе сдѣлали то, что меньше дикихъ порывовъ и вдвое больше плутовства, что рѣдко человѣкъ скажетъ другому оскорбительное слово въ глаза и почти всегда очернить его за глаза: въ Парижѣ я меньше встрѣчалъ шуринеровъ и эскарповъ, нежели мушаровъ, потому что на первое ремесло надобно имѣть откровенную безнравственность и своего рода отвагу, а на второе только двоедушіе и подлость. Наполеонъ съ содроганіемъ говорилъ о гнусной привычкѣ безпрестанно лгать. Мы лжемъ на словахъ, лжемъ движеніями, лжемъ изъ учтивости, лжемъ изъ добродѣтели, лжемъ изъ порочности; лгавъ это, конечно, много способствуетъ къ растлѣнію, къ нравственному безидію, въ которомъ родятся и умирають цѣлыя поколѣнія, въ какомъ-то чаду и туманѣ проходящія по землѣ. Между тѣмъ, и это лгавъ сдѣлалось совершенно естественнымъ, даже моральнымъ: мы узнаемъ человѣка благовоспитаннаго по тому, что никогда не добьешься отъ него, чтобъ онъ откровенно сказалъ свое мнѣніе.

„Наполеонъ говорилъ еще, что наука до тѣхъ поръ не объяснитъ главнѣйшихъ явленій всемірной жизни, пока не бросится въ міръ *подробностей*. Чего желалъ Наполеонъ,—исполнилъ микроскопъ. Естественныя испытатели увидѣли, что не въ палецъ толстыя артеріи и вены, не огромные куски мяса могутъ разрѣшить важнѣйшіе вопросы физиологівъ, а волосныя сосуды, а клетчатка, волокна, ихъ составъ. Употребленіе микроскопа надобно ввести въ нравственный міръ, надобно разсмотрѣть нить за нитью паутину ежедневныхъ отношеній, которая опутываетъ самыя сильныя характеры, самыя огненные энергіи. Люди никакъ не могутъ заставить себя серьезно подумать о томъ, что они дѣлають дома съ утра до ночи; они тщательно хлопочутъ и думаютъ обо всемъ: о картахъ, о крестахъ, объ абсолютномъ, о варіаціонныхъ исчисленіяхъ, о томъ, когда ледъ пройдетъ на Невѣ,—но объ ежедневныхъ, будничныхъ отношеніяхъ, обо всѣхъ мелочахъ, къ которымъ принадлежатъ семейныя тайны, хозяйственныя дѣла, отношенія къ роднымъ, близкимъ, прислугѣ, слугамъ и пр. и пр., — объ этихъ вещахъ ни за что въ свѣтѣ не заставишь подумать: они готовы, выдуманы. Паскаль говоритъ, что люди для того играютъ въ карты, чтобъ не оставаться никогда долго наединѣ съ собою, чтобъ не дать развиваться угрызѣніямъ совѣсти. Очень вѣроятно, что, руководствуясь тѣмъ же истиннымъ, человѣкъ не любитъ рассуждать о семейныхъ тайнахъ,—а не пора ли бы имъ на свѣтѣ? Я, какъ маленькія дѣти, боюсь темноты; мнѣ все кажется, что въ темнотѣ сидитъ злой духъ съ рыжей бородой и съ копытомъ. Зачѣмъ, кажется, прятать подъ спудомъ то, что не боится свѣта; да въ сущности это все равно; прячь не прячь — все обличится; съ каждымъ днемъ меньше тайнъ.

Was sich in dem Kämmerlein
Still und fein gesponnen,
Kommt — wie kann es anders sein? —
Endlich an die Sonnen.

„Иногда какое-нибудь преступленіе, совершенное въ этомъ мракѣ частной жизни, пугаетъ на день, на другой людей, стоявшихъ возлѣ, заставить ихъ задуматься... для того, чтобъ потомъ начать судить и осуждать. Добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, который не найдетъ въ душѣ жестокости, чтобъ убить комара, съ великимъ удовольствіемъ растерзаетъ доброе имя ближняго на основаніи морали, по которой онъ самъ не поступаетъ и которую прилагаетъ къ частному случаю, рассказанному во всей его непонятности. „Его жена уѣхала вчера отъ него“—скверная женщина! „Отецъ его лишился наслѣдства“—скверный отецъ! Всякое судебное мѣсто снисходительнѣе осуждаетъ, нежели записные филантропы, и люди, сознающіе себя честными и добрыми. Двѣсти лѣтъ тому назадъ Спиноза доказывалъ, что всякій прошедшій фактъ надобно ни хвалить, ни порицать, а разбирать, какъ математическую задачу, т.-е. стараться понять,—этого никакъ не растолкуешь. Къ тому же, чтобъ преступленіе обратило на себя вниманіе, надобно, чтобъ оно было чудовищно, громко, скандально, облито кровью. Мы въ этомъ отношеніи похожи на французскихъ классиковъ, которые, если шли въ театръ, то для того, чтобъ посмотрѣть, какъ цари, герои или, по крайней мѣрѣ, полководцы и наперсники ихъ кровь проливають, а не для того, чтобъ видѣть мѣщански проливаемые слезы. „Людямъ необходимы декорации, обстановка, падшій; мѣщанинъ во дворянствѣ очень удивился, узнавши, что онъ сорокъ лѣтъ говорить прозой—мы хохочемъ надъ нимъ; а многіе лѣтъ сорокъ дѣлали злодѣянія и умерли лѣтъ восьмидесяти, не зная этого, потому что ихъ злодѣянія не подхо-

дали ли подь какой параграфъ кодекса—и мы не плачемъ надъ ними.

„Лафаржъ отравила своего мужа (т.-е. положила, что отравила; слѣдствіе было сдѣлано такъ неловко, что нельзя понять, Лафаржъ ли отравила мышьякомъ своего мужа, или судьи отравили юриспруденціей г-жу Лафаржъ). Крикъ, толки. Злодѣйство въ самомъ дѣлѣ страшное, гнусное—въ этомъ никто не сомнѣвается; да что же собственно новаго въ этомъ убійствѣ? Я увѣренъ, что въ томъ же Парижѣ, гдѣ такъ кричали объ этомъ, нѣтъ большой улицы, гдѣ бы въ годъ или въ два не случилось чего-нибудь подобнаго—разница въ оружіяхъ. Лафаржъ, какъ рѣшительная преступница, дала минеральнаго яду; а что далъ, наиримѣръ, мой сосѣдъ, этотъ богатый откупщикъ, своей женѣ, которая вышла за него потому, что ея нѣжные родители стояли передъ нею на колѣняхъ, умоляя спасти ихъ имѣніе, ихъ честь—продажей своего тѣла, своимъ безчестіемъ; что далъ ей мужъ, какого яда, отъ котораго она изъ ангела красоты сдѣлалась въ два года развалиною? Отчего эти ввалившіяся щеки, отчего ея глаза, сдѣлавшіеся огромными, блестятъ какимъ-то болѣзненно-жемчужнымъ отливомъ? Орфила и самъ Распайль не найдутъ ничего ядовитаго въ ея желудкѣ, когда она умретъ; и не мудрено: ядъ у ней въ мозгу. Психическія отравы ускользаютъ отъ химическихъ реакцій и отъ тупости людскихъ сужденій. „Чего недостаетъ этой женщинѣ? она утопаетъ въ роскоши“—говорятъ глупѣйшіе, не понимая, что мужъ, наряжающій жену не потому, что она хочетъ этого, а потому, что онъ хочетъ,—себя наряжаетъ; онъ ее наряжаетъ потому, что она его, на томъ же основаніи, какъ наряжаетъ лакея и кучера.—„Все такъ,—говорятъ умнѣйшіе,—но, согласившись на просьбу родителей, она должна была благоразумнѣе переносить свою судьбу“. А позвольте спросить: возможно ли *хроническое* самоотверженіе? Разомъ пожертвовать собою не важно: Курцій бросился въ пропасть, да и поминай какъ звали—это понятно; а безпрестанно, цѣлые годы, каждый день приносить себя на жертву—да гдѣ же взять столько героизма или столько ослинаго терпѣнія? Довольно, что хватило силъ на первую безумную жертву—такая жертва, само собою разумѣется, не приносится ни отцу, ни матери, потому что они перестаютъ быть отцомъ и матерью, если требуютъ такихъ жертвъ. Супругъ, вѣроятно, не остановился на куплѣ, потребовалъ, сверхъ страшныхъ жертвъ, отъ которыхъ возмущается все человѣческое достоинство, любви, и не найдя ея, началъ *rag dépit*, тихое, кроткое, семейное преслѣдованіе, эту извѣстную охоту *rag force*, преслѣдованіе внимательное, какъ самая нѣжная любовь, постоянное, какъ самая вѣрная старуха-жена, преслѣдованіе, отравляющее каждый кусокъ въ горлѣ и каждую улыбку на устахъ. Я коротко знакомъ съ этимъ преслѣдованіемъ; оно, какъ Янусъ, о двухъ лицахъ—одно для гостей, глупо улыбающееся, другое для домашняго употребленія, тоже улыбающееся, но улыбкой гіены, сказалъ бы я, еслибъ гіены улыбались: хищные звѣри добросовѣстны, они не дѣлаютъ медовыхъ устъ, когда хотятъ кусать. Умри жена,—супругъ воздвигнетъ монументъ; объ немъ будетъ жалѣть больше, нежели объ ней; онъ самъ обольетъ слезами ея гробъ, и, для довершенія удара, слезами откровенными: онъ, подавая ей психическаго мышьяку, вовсе и не думалъ, что она умретъ.

„Людямъ непремѣнно надобны видимые знаки, несчастью нѣмому они сочувствовать не могутъ. „Вотъ видите этого толстаго мужчину съ усами—онъ сидѣлъ годъ въ тюрьмѣ“,—и всѣ: „ахъ, Боже мой, бѣдный, что онъ вынесъ!“ Ну, а какая же тюрьма въ образованномъ государствѣ можетъ

сравниться съ свободной жизнью этой женщины? Съ чего тюремщику, если онъ не какой-нибудь извергъ, которыхъ такъ же мало, какъ и великихъ людей, съ чего ему ненавидѣть колодника? Они оба несутъ двѣ довольно тяжелыя ноши, тюремщикъ, исполняя свою обязанность, не смѣетъ идти далѣе приказа. Конечно, заключеніе тяжело—я это знаю лучше многихъ, но становить тюрьму рядомъ съ семейными несчастіями смѣшно. Люди, по своему несовершеннолѣтію, только тѣ несчастія считаютъ великими, гдѣ цѣни гремять, гдѣ есть кровь, синія пятна, какъ будто хирургическія болѣзни сильнѣе нравственныхъ.

„Когда я хожу по улицамъ, особенно поздно вечеромъ, когда все тихо, мрачно, и только кое-гдѣ свѣтится ночникъ, тухнущая лампа, догорающая свѣча,—на меня находитъ ужасъ: за каждой стѣною мнѣ мерещится драма, за каждой стѣною видѣются горячія слезы, слезы, о которыхъ никто не свѣдаетъ, слезы обманутыхъ надеждъ, слезы, съ которыми утекаютъ не одни юношескія вѣрованія, но всѣ вѣрованія человѣческія, а иногда и самая жизнь.—Есть, конечно, дома, въ которыхъ благоденственно ѣдятъ и пьютъ цѣлый день, тучнѣютъ и спятъ безпробудно цѣлую ночь, да и въ такомъ домѣ найдется хоть какая-нибудь племянница, притѣсненная, задавленная, хоть горничная или дворникъ, а ужъ непремѣнно кому-нибудь да солоно жить.

„Отчего все это? Я полагаю, что вещество большого мозга не совсѣмъ еще выработалось въ шесть тысячъ лѣтъ; оно еще не готово; оттого люди и не могутъ сообразить, какъ устроить домашній бытъ свой.

„Право такъ. У большей части людей мозгъ ребячій,—имъ надобны дядьки, няньки, педелы, наказанія, приказанія, карцеры, игрушки, конфеты и прочее,—дѣло дѣтское!“

Въ статьѣ своей „О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ“ г. Никитенко разсматриваетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ современныхъ вопросовъ изъ сферы искусства и удовлетворительно рѣшаетъ его съ свойственнымъ ему глубоко-мыслиемъ и изяществомъ изложенія, показавъ настоящія отношенія между народнымъ и общечеловѣческимъ. Эту прекрасную статью должно читать всю: отрывокъ не далъ бы о ней никакого понятія, потому что вся она есть не что иное, какъ стройно-логическое развитіе одной основной идеи.

О статьѣ г. Бѣлинскаго „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“, по извѣстнымъ публикѣ отношеніямъ ея автора къ нашему журналу, мы не считаемъ себя въ правѣ говорить, предоставляя судить о ней читателямъ. Думаемъ, однакожъ, что во всякомъ случаѣ она не повредила достоинству альманаха.

Успѣхъ „Петербургскаго Сборника“ упредилъ наше о немъ сужденіе. Дивиться этому успѣху нечего: такой альманахъ—еще небывалое явленіе въ нашей литературѣ. Выборъ статей, ихъ многочисленность, объемъ книги, внѣшняя изящность изданія,—все это, вмѣстѣ взятое, есть небывалое явленіе въ этомъ родѣ; оттого и успѣхъ небывалый.

1846 г.

59. Воспоминанія Өаддея Булгарина.

Двѣ части. Спб. 1846.

Если читатель обратится къ именному Указателю, помѣщенному въ концѣ настоящаго тома, то онъ увидитъ, какъ часто встрѣчается въ статьяхъ Бѣлинскаго имя снискавшаго себѣ такое печальное безсмертіе Ө. В. Булгарина. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности Бѣлинскій не уставалъ бороться съ этимъ фельетонистомъ „Сѣверной Пчелы“, представителемъ и вдохновителемъ мнѣній читающихъ низовъ, воплощеніемъ литературной пошлости, верхоглядства и нечестности. Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій, воспользовавшись случаемъ, подводитъ итогъ всему раньше сказанному имъ о Булгаринѣ, соединяетъ въ одно цѣлое то, что раньше было разбросано на страницахъ журналовъ; болѣе того, онъ даетъ исторію журнальной дѣятельности Булгарина съ самаго ея начала и обильно пользуется старыми статьями и отзывами о Булгаринѣ цѣлаго ряда литераторовъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ—Полевого, Надеждина, Погодина, И. Кирѣевскаго, Дельвига, Пушкина, кн. Вяземскаго и др. „...Мы хорошо знаемъ дѣла давно минувшихъ дней въ области русской литературы и журналистики“,—замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій; мы знаемъ изъ его же собственныхъ словъ, что у него были „тетради литературныхъ матеріаловъ“, которые онъ „собиралъ для составленія исторіи русской литературы“ (см. т. II, стр. 591). Одну изъ этихъ тетрадей, посвященную Булгарину, Бѣлинскій и использовалъ въ настоящей статьѣ; онъ далъ портретъ Булгарина во весь ростъ. Собранныя воедино черты изъ жизни и дѣятельности Булгарина дали въ общемъ такой ароматный букетъ, что получилась статья прямо-таки убійственная для Булгарина.

Однако бороться съ Булгаринымъ было не легко—и судьба настоящей статьи лучше всего доказываетъ это. Булгаринъ находился подъ покровительствомъ шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, а послѣ его смерти—подъ покровительствомъ его преемниковъ гр. Орлова и Дубельта; это объяснялось тѣмъ, что Булгаринъ былъ въ сущности „негласнымъ сотрудникомъ“ пресловутаго III-го Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи (нынѣ—департаментъ полиціи). Сообщенія о томъ, „что говорятъ“, каково „настроеніе умовъ“, безчисленный рядъ доносовъ на враговъ-литераторовъ—все

это непрерывно посылалось Булгаринымъ шефу жандармовъ. Кстати замѣтить, что въ доносахъ сороковыхъ годовъ Булгаринъ особенную ненависть проявляетъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“ и къ Бѣлинскому; особенно обрушивается онъ на нихъ въ конфиденціальной запискѣ подъ заглавіемъ „Соціализмъ, Комунисмъ и Пантеисмъ въ Россіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе“¹⁾. Булгаринъ указываетъ тамъ, что „огромный классъ людей, ежедневно умножающійся, почитаетъ *Отеч. Записки* своимъ Евангеліемъ, а Краевскаго и перваго его министра Бѣлинскаго (выгнаннаго московскаго студента)—апостолами“; онъ доноситъ, что „Бѣлинскій, у котораго собиралось юношество, явно называлъ себя русскимъ Иисусомъ Христомъ (чему можно представить свидѣтелей), а Краевскій вѣритъ, что ему будутъ воздвигнуты монументы“... Кое-что въ этомъ нелѣпомъ доносѣ представляетъ интересъ—напримѣръ, указаніе на обширность вліянія Бѣлинскаго, на группирующееся около него юношество (вѣроятно, Кавелинъ, Тургеневъ и др.); и даже бессмысленное обвиненіе, что Бѣлинскій называлъ себя „русскимъ Иисусомъ Христомъ“, имѣетъ свое объясненіе, если мы вспомнимъ рассказъ Достоевскаго о мнѣніи Бѣлинскаго, что Христосъ въ XIX вѣкѣ былъ бы соціальнымъ реформаторомъ и сталъ бы во главѣ соціализма. Что же касается, наконецъ, „монументовъ“, которые будутъ воздвигнуты Бѣлинскому—то это оказалось самымъ справедливымъ пунктомъ доносительной записки Булгарина...

Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что Булгаринъ находился подъ особымъ покровительствомъ всевластнаго III-го отдѣленія, а потому борьба съ нимъ была очень трудна. Въ письмахъ Бѣлинскаго мы встрѣчаемъ не мало указаній на то, что цензора, опасаясь доносовъ и жалобъ Булгарина Бенкендорфу и Дубельту, безпощадно вычеркивали изъ „Отеч. Записокъ“ нападки на Булгарина. Въ горькомъ письмѣ къ Кетчеру отъ 3 авг. 1841 г. Бѣлинскій сообщаетъ между прочимъ, что „Лермонтовъ убитъ... Взамѣнъ

¹⁾ Записка эта напечатана въ статьѣ М. Лемке „Өаддей Булгаринъ и Сѣверная Пчела“:—см. его книгу „Николаевскіе жандармы“, стр. 300—310. Тамъ же въ примѣчаніяхъ (стр. 233—358)—подробныя бібліографическія указанія на литературу о Булгаринѣ.

этой потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ... Оаддеи Венедиктовичъ ругаетъ Пушкина печатно, доказываетъ, что Пушкинъ былъ подлецъ, а цензура, вѣрная волѣ Уварова¹⁾, мараетъ въ „Отеч. Запискахъ“ все, что пишется въ нихъ противъ Булгарина и Греча... Цензура не пропустила въ моей статьѣ о Пушкинѣ²⁾ заглавія пушкинской статьи—„О мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“... Кое-что удавалось все-таки сказать въ формѣ литературной критики статей „Сѣверной Пчелы“ или въ видѣ отвѣта на нападенія самого Булгарина (см. ст. №№ 42, 46 и др.); послѣ же смерти (въ 1844 г.) главнаго покровителя Булгарина, шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, цензура стала въ этомъ отношеніи еще мягче и пропускала такіе выпады противъ Булгарина, какихъ нельзя было напечатать при гр. Бенкендорфѣ. Взбѣшенный Булгаринъ написалъ тогда слѣдующее письмо профессору Никитенко, цензору Отечественныхъ Записокъ: „Отецъ и командиръ Александръ Васильевичъ! Право, не постигаю той удивительной вольности, которою пользуются Отеч. Записки, и той неприкосновенности, которою обезпеченъ г. Краевскій!.. Я рѣшился перенести судъ повыше и всеподданнѣйше просить моего личнаго благодѣтеля, царя православнаго, разрѣшить: почему Краевскому позволено печатно поносить меня самымъ гнуснымъ образомъ, топтать мое имя въ грязь“... и т. д. Письмо это было написано 28 ноября 1845 года, а черезъ три мѣсяца Булгаринъ подалъ Дубельту ту самую „записку“, о которой мы говорили выше—доносъ на „Отеч. Записки“ и Бѣлинскаго.

Все это имѣетъ самое близкое отношеніе къ судьбѣ настоящей статьи Бѣлинскаго. Въ началѣ 1846 года вышли отдѣльнымъ изданіемъ двѣ первыхъ части „Воспоминаній Оаддея Булгарина“ (третья часть вышла въ концѣ этого же года: Бѣлинскій, какъ мы сказали выше, хотѣлъ воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы дать исчерпывающую статью о Булгаринѣ, документально обрисовать его литературную физіономію. Статью свою онъ раздѣлилъ на двѣ части (мы ихъ отмѣтили ниже цифрами I и II): въ первой части онъ далъ свои „литературныя воспоминанія“ о Булгаринѣ, а во второй части перешелъ къ „Воспоминаніямъ“ самого Булгарина. „... Мы рѣшились начать съ начала,—пишетъ Бѣлинскій:—т.-е. сперва бро-

ситъ взглядъ на все литературное поприще г. Булгарина, а потомъ уже, какъ вѣнецъ дѣла, какъ послѣднее слово длинной рѣчи, какъ разгадку загадки, рассмотреть Воспоминанія“... Но какъ-разъ въ то время, когда Бѣлинскій писалъ объ части этой своей статьи, Булгаринъ подавалъ Дубельту свой доносъ на „Отеч. Записки“, одновременно запугивая цензоровъ письмами, въ родѣ приведеннаго выше. Все это привело къ тому, что первая, наиболѣе интересная часть статьи Бѣлинскаго не была пропущена цензурой, за исключеніемъ четырехъ-пяти послѣднихъ страницъ, которыя въ видѣ отдѣльнаго отрывка удалось помѣстить въ „Смѣси“ Отеч. Записокъ; такимъ образомъ Бѣлинскому пришлось ограничиться второй частью статьи, которая и была напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1846 года (т. XLVI, отд. VI, стр. 40—53). Первая же часть статьи пролежала въ рукописи до шестидесятыхъ годовъ, когда и появилась, наконецъ, въ XII-мъ томѣ перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго. Но зато, по совершенно непонятной для насъ причинѣ, въ это собраніе сочиненій (а также и во всѣ послѣдующія) не вошла *вторая* часть этой статьи Бѣлинскаго, напечатанная въ вышеуказанномъ томѣ „Отеч. Записокъ“; въ настоящемъ изданіи мы впервые даемъ и эту вторую часть статьи Бѣлинскаго. Доказательствомъ ея принадлежности Бѣлинскому является хотя бы то, что первая страница этой второй части является почти дословнымъ повтореніемъ начала не появившейся въ журналѣ первой части этой статьи. Очевидно, что послѣ запрещенія первой части статьи, Бѣлинскій взялъ первую ея страницу и сдѣлалъ ее вступительной къ оставшейся части.

Мы могли бы возстановить первоначальный видъ статьи Бѣлинскаго¹⁾, выбросивъ въ началѣ второй части повторяющуюся страницу, но мы предпочли сохранить въ точности печатный текстъ; такимъ образомъ часть I настоящей статьи взята нами изъ XII-го тома солдатенковскаго изданія сочиненій Бѣлинскаго, а являющаяся ея непосредственнымъ продолженіемъ и окончаніемъ часть II—изъ указаннаго выше тома „Отеч. Записокъ“. Если читатели сравнятъ почти тождественныя, согласно сказанному, начальныя страницы первой и второй части, то они найдутъ въ нихъ кое-какія мелкія различія, впрочемъ иногда характерныя; такъ напримѣръ, вычеркнуто ядовитое примѣчаніе Бѣлинскаго въ самомъ началѣ статьи; ироническая фраза, что Булгаринъ

¹⁾ Бѣлинскій ошибался: Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія) только подчинялся въ этомъ случаѣ волѣ всемогущаго шефа жандармовъ; см. объ этомъ вышеуказанную книгу М. Лемке.

²⁾ Въ „Отеч. Зап.“ 1841 г. № 8—рецензія на IX—XI тт. собранія сочиненій Пушкина.

¹⁾ Это мы дѣлаемъ въ примѣчаніи къ тексту, указывая на мѣсто начала II-й части въ ея первоначальномъ видѣ.

„какъ извѣстно, по любви своей къ правдѣ хвалить *даромъ* всѣхъ, не исключая и самого себя“ (намекъ на взятки Булгарина отъ владѣльцевъ расхваливаемыхъ имъ магазиновъ и ресторановъ—см. наше примѣчаніе въ т. II, стр. 764)—фраза эта совершенно вычеркнута и не появилась въ журналѣ. Есть еще двѣ-три мелкихъ перемѣны, не говоря уже о совершенно измѣненной вступительной фразѣ; все это мелочи, но очень характерныя, показывающія какія фразы о Булгаринѣ не пропускались въ то время цензурою.

Но теперь мы имѣемъ передъ собою полностью всю возстановленную статью Бѣлинскаго и можемъ судить о ней не по намѣренію, а по исполненію. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что статья эта является одной изъ самыхъ сильныхъ полемическихъ статей Бѣлинскаго; впрочемъ это не только полемическая статья, это—великолѣпная литературная характеристика, исчерпывающій очеркъ многолѣтней литературной дѣятельности Өаддея Булгарина. И что особенно важно—вся сила этой статьи заключается въ ея холодной объективности. Бѣлинскому и раньше случалось наносить тяжелые полемическіе удары—вспомнимъ „Цеданта“ (№ 36), отъ котораго Шевыревъ заболѣлъ и заперся на недѣлю въ своемъ кабинетѣ; вспомнимъ статью о „Тарантасѣ“ (№ 50), въ которой такъ беспощадно и зло досталось и славянофильству и самому автору этого произведенія. Но въ этихъ беспощадныхъ статьяхъ все пропитано ироніей, сарказмомъ, ѣдкой насмѣшкой; настоящая же статья о Булгаринѣ—совершенно другого характера. Къ Булгарину Бѣлинскій чувствовалъ только холодное презрѣніе, и съ невозмутимой объективностью изложилъ въ настоящей статьѣ причины своего презрѣнія. Многого и многого еще не могъ сказать Бѣлинскій въ то время, но и сказаннаго вполне достаточно. Штрихъ за штрихомъ спокойно кладетъ Бѣлинскій—и мы видимъ передъ собой портретъ невѣжественнаго фельетониста, гдѣ можно наглаго, гдѣ нужно елейнаго, біющаго себя въ перси и восхваляющаго свое „правдолюбіе“, свои таланты; вся литературная дѣятельность Булгарина за четверть вѣка проходитъ передъ нашими глазами. И когда мы послѣ этого переходимъ ко второй части статьи Бѣлинскаго, то тутъ уже авторъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ самимъ Булгаринымъ, съ его собственными словами, съ его „Воспоминаніями“; съ прежней холодной объективностью Бѣлинскій приводитъ цитаты, сопоставляетъ указанія, заканчиваетъ портретъ Булгарина его же собственной рукой. И мы видимъ какъ полякъ - Булгаринъ подобо-

страстно падаетъ къ ногамъ николаевского правительства, свысока третируетъ національнаго польскаго героя Костюшку; какъ онъ, самъ того не желая, рисуетъ свой родительскій домъ какимъ-то игорнымъ притономъ, а свою мать—явной обманщицей; какъ онъ нелестно обрисовываетъ самъ себя, желая выставить себя въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Бѣлинскій былъ правъ: „Воспоминанія“ объясняютъ намъ литературное попріе Булгарина и являются вѣнцомъ дѣла, послѣднимъ словомъ длинной рѣчи; а потому и вторая часть статьи Бѣлинскаго является неразрывно связанной съ первой ея частью.

Намъ остается сказать еще объ одномъ обстоятельстве, касающемся настоящей статьи, а именно—о неожиданной перемѣнѣ отношенія Бѣлинскаго къ „Воспоминаніямъ“ Булгарина. Не прошло и года послѣ появленія второй части настоящей статьи въ „Отеч. Запискахъ“, какъ Бѣлинскій въ своемъ „Взглядѣ на русскую литературу 1846 года“ („Современникъ“ 1847 г., т. I) писалъ, что „Воспоминанія“ Булгарина—„книга во многихъ отношеніяхъ интересная и замѣчательная“, а потому онъ поговорить о ней особо. Однако строки эти, имѣвшіяся въ рукописи Бѣлинскаго и возстановленныя Кетчеромъ въ редактированномъ имъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго (1859 г.), почему-то не попали въ „Современникъ“. Это не помѣшало Бѣлинскому исполнить свое обѣщаніе: въ томъ же томѣ этого журнала онъ помѣстилъ рецензію на вышедшую къ этому времени третью часть „Воспоминаній“ Булгарина. Въ рецензій этой онъ даетъ очень лестный отзывъ о всѣхъ трехъ частяхъ воспоминаній Булгарина, заявляя, что „первая часть богата самыми живыми подробностями о нравахъ старой Польши... Ничего подобнаго нельзя найти ни въ какой другой книгѣ“; „во второй части много въ высшей степени интересныхъ подробностей о Петербургѣ того времени... Портреты Клингера и Пурпура, нарисованные съ большимъ умѣніемъ, драгоценны каждый по-своему“ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что и эту рецензію Кетчеръ возстановилъ по рукописи Бѣлинскаго, отмѣтивъ въ примѣчаніи, что въ „Современникѣ“ вмѣсто этой рецензій Бѣлинскаго была напечатана „какая-то странная передѣлка“ ея. Дѣйствительно, въ „Современникѣ“ рецензія Бѣлинскаго появилась совершенно переработанной, вѣрнѣе даже—написанной заново; сохранилось только нѣсколько выраженій, встрѣчающихся въ обѣихъ этихъ рецензійхъ. Вообще же въ журнальномъ текстѣ были вставлены нѣкоторыя оговорки, показывающія, что по существу Бѣлинскій не измѣнилъ своего

мнѣнія о Булгаринѣ. Такъ, напримѣръ, указывая въ этой рецензіи на отреченіе Гоголя отъ своихъ сочиненій, Бѣлинскій прибавляетъ: „этому поспѣшилъ повѣрить только г. Булгаринъ, да и то безплодно, потому что отъ этого сочиненія Гоголя нисколько не упали ниже, а сочиненія г. Булгарина ни на волосъ не поднялись выше“... („Современникъ“ 1847 г., т. I, ч. III, стр. 142). И въ послѣдующихъ строкахъ Бѣлинскій указываетъ на „беллетристическій“ характеръ всѣхъ произведеній Булгарина; но это не мѣшаетъ ему дать сочувственный отзывъ о „Воспоминаніяхъ“ Булгарина,—хотя въ журнальномъ текстѣ отзывъ этотъ болѣе холоденъ и гласитъ только: „книга эта—довольно пріятное явленіе въ нашей литературѣ“... Итакъ, Бѣлинскій передѣлалъ эту свою рецензію; во второй (печатной) редакціи она менѣе благопріятна Булгарину. Однако это не измѣняетъ того факта, что черезъ какихъ-нибудь полгода послѣ уничтожающей статьи о Булгаринѣ Бѣлинскій далъ благопріятный отзывъ о его „Воспоминаніяхъ“.

Что же все это значитъ? Какъ объяснить такую странную переменѣ мнѣній Бѣлинскаго о книгѣ Булгарина?—Разгадка лежитъ въ отношеніи Бѣлинскаго къ „Отеч. Запискамъ“ и ихъ издателю Краевскому. Въ началѣ 1846 года Бѣлинскій отказался отъ дальнѣйшаго сотрудничества въ журналѣ Краевскаго, который безжалостно эксплоатировалъ Бѣлинскаго, не щадилъ ни его силъ, ни его самолюбія; въ письмахъ Бѣлинскаго 1846—1847 гг. мы встрѣчаемъ не мало фактовъ для характеристики этого „либеральнаго“, умнаго и ловкаго литературнаго предпринимателя. Бѣлинскій съ горечью признаетъ, что въ своихъ статьяхъ ему не разъ приходилось кривить душою—шадить людей важныхъ только для Краевскаго (напримѣръ, кн. Вяземскаго, о чемъ см. ниже въ ст. № 64), держаться тона журнала, хвалить „Отеч. Записки“, защищать Краевскаго отъ „Сѣверной Пчелы“ и т. п. „Въ его журналѣ—писалъ Бѣлинскій 2 янв. 1846 г. Герцену—я играю теперь довольно послѣднюю роль: ругаю Булгарина и этою самою бранью намекаю, что Краевскій—прекрасный человѣкъ, герой добродѣтели. Служить орудіемъ подлецу для достиженія его подлыхъ цѣлей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а въ качествѣ холопа подлеца № 1—это гадко“... И когда Бѣлинскій бросилъ въ 1846 году „Отеч. Записки“ и перешелъ въ реформированный для него съ 1847 года „Современникъ“—онъ рѣшилъ сразу же отказаться отъ той затяжной полемики съ Булгаринимъ, которая не прерывалась за все время сотру-

дничества Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“. Въ цитированной выше рецензіи (первой редакціи) Бѣлинскій, явно цѣля въ Краевскаго и его журналъ, порицаетъ тотъ „возмутительный“ случай, „когда какой-нибудь журналъ изберетъ какое-нибудь извѣстное лицо въ литературѣ мишенью непрерывной полемической пальбы“... Мнѣнія своего о Булгаринѣ, какъ человѣкѣ, Бѣлинскій не перемѣнилъ, но онъ пожелалъ теперь разсматривать „Воспоминанія“ Булгарина просто какъ литературный фактъ, какъ сборникъ анекдотовъ, порою довольно интересныхъ. Конечно, это было по существу ошибочной точкой зрѣнія, такъ какъ именно „Воспоминанія“ человѣка о самомъ себѣ невозможно разсматривать независимо отъ личности этого человѣка; но Бѣлинскому надо было разорвать съ традиціей журнала Краевскаго и не продолжать писать въ „Современникѣ“ то самое, что онъ въ теченіе семи лѣтъ писалъ въ „Отеч. Запискахъ“. Была, быть можетъ, и еще одна причина: руководителямъ молодого „Современника“—а въ ихъ числѣ главнымъ образомъ Некрасову, большому „дипломату и политику“,—не хотѣлось, вѣроятно, съ самаго же начала подвергать свой неокрѣпшій журналъ доносамъ и ненависти Булгарина, этого негласнаго сотрудника III-го отдѣленія; по крайней мѣрѣ Краевскій, еще до выхода въ свѣтъ перваго номера новаго „Современника“, поспѣшилъ иронически отмѣтить, что журналъ этотъ будетъ состоять въ дружескомъ союзѣ съ „Сѣверной Пчелой“ Греча и Булгарина. Этимъ слухомъ Краевскій хотѣлъ повредить молодому журналу; но хотя такое извѣстіе было явно нелѣпнымъ, однако въ немъ была и небольшая доля истины: конечно, Бѣлинскій и его друзья никогда не вступили бы въ союзъ съ „Сѣверной Пчелой“, но повидимому они хотѣли избѣжать открытой войны съ этимъ офиціознымъ органомъ... Такая „политика“—мало похожа на дѣйствія „неистоваго Виссаріона“, а потому мы полагаемъ все же, что главной причиной переменъ отношенія Бѣлинскаго къ „Воспоминаніямъ“ Булгарина явилось желаніе Бѣлинскаго порвать съ традиціей журнала Краевскаго; мы увидимъ ниже (см. ст. № 62), что то же самое повторилось и въ неизмѣримо болѣе важномъ вопросѣ—вопросѣ отношенія Бѣлинскаго къ славянофильству.

Итакъ, вотъ причины кажущагося противорѣчія во взглядѣ Бѣлинскаго на Булгарина; онѣ объясняются чисто внѣшними условіями и совершенно не затрагиваютъ сущности настоящей статьи Бѣлинскаго, подъ каждымъ словомъ которой онъ несомнѣнно подписался бы и въ 1847 и въ

1848 году. Статья эта является, повторяемъ еще разъ, полной и исчерпывающей характеристикой Булгарина, какъ литератора; исчерпывающая же характеристика его, какъ человѣка, возможна только въ наше время,

послѣ опубликованія цѣлаго ряда доносовъ, конфиденціальныхъ записокъ и писемъ Өаддея Булгарина въ III отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

И. Р.

I.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ появилась первая часть „Воспоминаній“ г. Булгарина, мѣсяцемъ позже явилась и вторая; но мы до сей поры почти ничего не сказали отъ себя объ этихъ „Воспоминаніяхъ“—и не сказали съ намѣреніемъ. Причина заключается въ томъ, что въ „Воспоминаніяхъ“ г. Булгарина видѣли мы не просто обыкновенную книгу, какихъ довольно наплодилъ онъ въ русской литературѣ въ теченіе своего долгаго и блестящаго поприща, но что-то гораздо важнѣе. „Воспоминанія“ Өаддея Булгарина—отрывки изъ того, что видѣлъ, слышалъ и испыталъ Өаддей Булгаринъ!.. Какой свѣтъ должна бросить подобная книга на ея сочинителя! Не въ ней ли разгадка многихъ его дѣйствій, которыя до сихъ поръ казались темными? Не въ ней ли ключъ къ литературной жизни г. Булгарина, которая не только въ публикѣ, но даже въ нѣмецкихъ консервационсѣ-лексиконахъ и, разумѣется, тоже въ нѣмецкихъ журналахъ подвергалась донныѣ такимъ страннымъ толкованіямъ, что люди, читающіе „Сѣверную Пчелу“, гдѣ безпрестанно въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ ежедневно прославляется любовь къ правдѣ и другія добродѣтели г. Булгарина, терялись въ недоумѣніи? Именно такой ключъ видѣли мы въ „Воспоминаніяхъ“ г. Булгарина.

Не входя въ разсужденіе о томъ, имѣли ли право г. Булгаринъ издавать свои „Воспоминанія“, то-есть занимать публику самимъ собою, скажемъ, что донныѣ у великихъ людей видѣлось обыкновеніе оставлять записки о самихъ себѣ, воспоминанія и всякія автобіографическія замѣтки въ рукописи до конца дней своихъ. Великій человѣкъ умеръ, — являются его записки; конечно деньги, выручаемыя отъ продажи экземпляровъ, уже не поступаютъ въ карманъ его,—но зато записки появленіемъ своимъ какъ бы продолжаютъ на нѣкоторое время существованіе ихъ автора. По поводу высказанныхъ въ нихъ фактовъ, бросающихъ новый свѣтъ на жизнь и дѣйствія великаго покойника, возникаютъ жаркіе споры, пренія, и плодомъ всего бываетъ болѣе или менѣе вѣрная окончательная оцѣнка жизни и дѣятельности покойника...

Что же заставило г. Булгарина отсут-

вить отъ этого установившагося и естественнаго порядка? Почему издалъ онъ свои записки при жизни?.. У него есть на это отвѣтъ въ предисловіи. „Вѣдь это только отрывки“, говоритъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ, чувствуя, что причина слаба и даже вовсе неудовлетворительна, прибавляетъ:

„При воспоминаніи *прошлаго* кажется мнѣ, будто жизнь моя расширяется и увеличивается, и будто я молодѣю! Нынѣшнее единообразіе жизни исчезаетъ—и я смѣшиваюсь съ оживленными событіями прошлаго времени, вижу передъ собою людей замѣчательныхъ или для меня драгоценныхъ, наслаждаюсь прежними радостями и веселюсь минувшими опасностями¹⁾, прежнимъ горемъ и нуждою. Пишу съ удовольствіемъ, потому что это занимаетъ меня и доставляетъ случай излить чувство моей благодарности къ людямъ, сдѣлавшимъ мнѣ добро, отдать справедливость многимъ забытымъ людямъ, достойнымъ памяти, высказать нѣсколько полезныхъ истинъ, представить характеристику своего времени. Найдется много кое-чего любопытнаго и даже поучительнаго!“

Но, скажете вы: никто не запрещалъ г. Булгарину вспоминать и даже записывать свои воспоминанія и при этомъ чувствовать жизнь свою расширенною и себя помолодѣвшимъ, наслаждаться минувшими опасностями, радостями, неудачами. Благодарность къ людямъ, сдѣлавшимъ добро г. Булгарину, тоже нисколько не выдохлась бы, пролежавъ въ рукописи до смерти сочинителя, напротивъ, она пріобрѣла бы ароматъ благодарности безкорыстной и незаискивающей,—и все бы остальное могло бы такъ же удобно сдѣлаться, только нѣсколькими годами позже,—вотъ вся разница...

Стало быть, и второй отвѣтъ не отвѣтъ. Итакъ, что же?

Далѣе въ предисловіи читаемъ: „Явился мой добрый М. Д. Ольхинъ и рѣшилъ *не чатать*, — печатаю!“

Итакъ, появленіемъ „Воспоминаній Өаддея Булгарина“ обязаны мы *доброму* Ольхину, которому обязаны мы также началомъ компактнаго изданія сочиненій г. Булгарина, да разными иллюстрированными очерками съ лицевой стороной и изнанкой и всѣмъ тѣмъ, за что г. Ольхинъ пріобрѣлъ эпитетъ „добраго“ отъ г. Булгарина,—отъ самого

¹⁾ Для непомнящихъ какимъ разнообразнымъ опасностямъ подвергался г. Булгаринъ.

Прим. Бѣлинскаго.

г. Булгарина, который, какъ извѣстно, по любви своей къ правдѣ хвалить даромъ всѣхъ, не исключая и самого себя...

Какъ бы то ни было, но „Воспоминанія“ передъ нами,—и прежде, нежели успѣли мы сказать о нихъ хоть слово, публика уже ознакомилась съ ними частью черезъ нихъ самихъ, а еще больше черезъ статьи Полевого въ „Литературной Газетѣ“,—статьи, которыми онъ такъ блистательно, какъ будто вновь, съ свѣжими силами, начиналъ свое литературное поприще и которыми, къ общему сожалѣнію, ему суждено было окончить его...¹⁾ Изъ другихъ журналовъ, старавшихся познакомить публику съ „Воспоминаніями“ г. Булгарина, должно упомянуть о „Финскомъ Вѣстникѣ“, представившемъ объ этой книгѣ двѣ рецензіи, мастерски написанныя. Теперь очередь за нами. Но если, какъ мы сказали, „Воспоминанія“ объясняютъ все литературное поприще г. Булгарина, то съ другой стороны и литературное поприще его, взятое въ цѣломъ, если не объясняетъ „Воспоминаній“, то служитъ достойною къ нимъ прелюдией. А это поприще объемлетъ собою двадцать пять лѣтъ времени—что составляетъ цѣлую четверть вѣка! Поэтому мы рѣшились начать съ начала, т.-е. сперва бросить взглядъ на все литературное поприще г. Булгарина, а потомъ уже, какъ вѣнецъ дѣла, какъ послѣднее слово длинной рѣчи, какъ разгадку загадки, рассмотреть „Воспоминанія“...

Г. Булгаринъ—извѣстный правдолюбъ; такъ по крайней мѣрѣ еженедѣльно провозглашаетъ онъ самъ себя черезъ „Всякую Всячину“. По увѣренію „Всякой Всячины“, пламенная любовь г. Булгарина къ правдѣ надѣлала ему бездну враговъ и поставила его въ кругу русскихъ литераторовъ въ положеніе Сократа между аѳинянами²⁾: цикута зависти, клеветъ, обидъ, оскорбленій такъ и подносится его врагами, ожесточенными противъ него за его правду. Удивительно ли, что насъ онъ считаетъ въ числѣ самыхъ свирѣпыхъ враговъ своихъ? И не безъ причины: мы хвалимъ сочиненія Голя, а въ сочиненіяхъ г. Булгарина видимъ—не больше, какъ сочиненія г. Булгарина... Это обстоятельство смущаетъ насъ: „Всякая Всячина“ непременно объявитъ статью нашу пристрастною, несправедливою, бранчивою, или еще и хуже того... И потому, чтобы избѣжать этого, мы рѣшились почти ничего не говорить или по крайней мѣрѣ какъ можно меньше говорить отъ себя о сочиненіяхъ г. Булгарина, а больше ссылаться на факты или приводить мнѣнія другихъ

литераторовъ о литературныхъ подвигахъ г. Булгарина. Безпристрастіе наше въ этомъ случаѣ простирается до такой степени, что мы намѣрены сослаться на сужденія о г. Булгаринѣ даже такихъ людей, которые его не разъ хвалили и которыхъ онъ самъ не разъ хвалилъ, которые бывали его друзьями и которымъ онъ самъ бывалъ другомъ. Такъ, мы особенно будемъ ссылаться на Полевого...

Не помнимъ хорошенько, съ котораго именно года г. Булгаринъ сталъ уже не воинъ, а писатель, и—русскій къ славѣ нашихъ дней¹⁾; но помнимъ, что въ 1821 году онъ издалъ книжку ученаго поляка, г-на Ежовскаго, „Избранныя Оды Горация“ съ комментаріями на русскомъ языкѣ, и выставилъ на ней свое имя, позабывъ упомянуть объ имени г-на Ежовскаго... Это былъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ г. Булгарина во славу русской литературы и въ ознаменованіе пламенной любви его къ правдѣ. Въ 1822 году г. Булгаринъ является уже издателемъ журнала „Сѣверный Архивъ“. Итакъ, дѣятельность г. Булгарина на поприщѣ русской литературы началась не позже (если не раньше) 1821 года; но, несмотря на то, что онъ пишетъ и печатается порусски уже двадцать пять лѣтъ, несмотря на ужасное разнообразіе его литературной дѣятельности,—ее не трудно обозрѣть и основательно, и подробно: для этого стоитъ только раздѣлить труды г. Булгарина по ихъ родамъ и каждый родъ подвести подъ общій взглядъ.

Начнемъ съ журнальной дѣятельности г. Булгарина. Ею онъ прежде всего нажилъ себѣ, по его словамъ, непримиримыхъ враговъ, говоря о нихъ правду. Итакъ, развернемъ старые журналы—эту живую лѣтопись прошедшихъ временъ нашей литературы, и посмотримъ, какія горькія истины высказалъ своимъ собратіямъ по ремеслу г. Булгаринъ, движимый пламенною любовью къ правдѣ; посмотримъ, какъ его безпримѣрное (за исключеніемъ Сократа) въ лѣтописяхъ міра, „рьяное“ и неукротимое правдолюбіе навлекло ему вражду и ненависть столько же людей, почти съ перваго шага, сдѣланнаго имъ на поприщѣ русской журналистики. Зрѣлище любопытное и поучительное! Съ одной стороны мы увидимъ одного человѣка, съ рыцарскою запальчи-

¹⁾ Съ 1816-го года. Послѣдняя фраза взята изъ извѣстной въ то время эпиграммы Пушкина на Булгарина, въ которой есть слѣдующее четверостишіе:

Патріотическій прехатель,
Разстрига, самозванецъ сей—
Уже не воинъ, ужъ писатель,
Ужъ русскій, къ срамѣ нашихъ дней!

¹⁾ Н. Полевой умеръ 22 февраля 1846 года.

²⁾ См. наст. изд. т. II, стр. 765.

востію готоваго переломить копьѣ за даму своего сердца—истину, вызвать за нее на бой съ собой хоть цѣлый свѣтъ, и друга, и недруга; а съ другой—цѣлую толпу страстныхъ и ожесточенныхъ гонителей истины, готовыхъ на всѣ средства противъ ея храбраго защитника—даже на ложь и на клевету...

Литературно-боевое поприще г. Булгарина началось въ 1825 году; первый важный походъ его за *истину* и *правду* былъ противъ „Московского Телеграфа“. Застрѣльщикомъ былъ г. Булгаринъ. Всѣхъ подробностей войны нечего приводить здѣсь: онѣ у всѣхъ еще въ памяти; но дѣло въ томъ, что г. Булгаринъ навлекъ на себя ожесточенныя гоненія со стороны „Телеграфа“ слѣдующими оскорбительными для самолюбія этого журнала *истинами* и *правдами*.

I. Нилъ негровъ течетъ мимо Тумбуктской гавани. На что оскорбленный „Телеграфъ“ отвѣчалъ г. Булгарину, черезъ „Матюшу журналоучку“, сперва лукавымъ вопросомъ: „какой-де Нилъ негровъ?“ а потомъ не менѣе коварнымъ объясненіемъ, что въ Африкѣ нѣтъ и никогда не бывало никакой Тумбуктской гавани, а вмѣсто нея есть тамъ земля и городъ Томбукту, но что этотъ городъ отстоитъ отъ гавани верстъ на тысячу, и что поэтому Нигеръ (пазванный г. Булгаринымъ Ниломъ негровъ) никакимъ образомъ не можетъ течь мимо гавани...

II. Не задолго до наводненія въ Петербургѣ всѣ собаки въ Гостиномъ Дворѣ пропали и явились не прежде, какъ на другой день („Сынъ Отечества“ 1825 года, № 4, стр. 360).

На эту *правду* „Телеграфъ“, съ своею собственною ему недобросовѣстностью, замѣтилъ Булгарину, что собаки въ Гостиномъ Дворѣ бываютъ только по ночамъ, и какъ ихъ на это время привязываютъ, то онѣ не могли скрыться ни по предчувствію наводненія и ни по какой другой фантазіи съ ихъ стороны.

III. Въ Константинополѣ есть мраморный бассейнъ, въ которомъ плаваютъ „семь рыбокъ жареныхъ или имѣющихъ видъ поджаренныхъ“ („Сѣверный Архивъ“, 1823 года, № 18).

IV. Лошадь турецкаго султана такъ обременена сбруей изъ драгоценныхъ камней, что съ трудомъ везетъ его, и шесть чловѣкъ едва могутъ снять чепракъ („С. Архивъ“, 1823, № 18, стр. 355).

V. Въ Турціи на большихъ дорогахъ вездѣ у фонтановъ висятъ „золотые ковши“ („С. Архивъ“, 1823, № 17, стр. 284).

VI. Одинъ малороссійскій казакъ „цѣлые три часа“ защищался противъ „цѣлой польской арміи“, былъ прострѣленъ „четыре-

надцать“ пулями и продолжалъ сражаться („С. Архивъ“, 1822, № 14, стр. 123).

VII. Въ Манчестерѣ недавно одинъ ювелиръ отлучился на два дня. Между тѣмъ индѣйскій пѣтухъ вскочилъ къ нему въ комнату, сѣлъ у него брильянтовъ на 8,000 ф. ст. и вылетѣлъ въ окно. Но пѣтуха зарѣзали и сѣли, а брильянты отдали хозяину („С. Пчела“, 1825, № 71).

VIII. Корабли придумали обивать кожей, но это оказалось неудобнымъ, потому что къ кожѣ пристаеетъ такое множество червей, что это препятствуетъ свободному ходу кораблей („С. Пчела“, 1825, № 37).

Не считаемъ нужнымъ говорить, какъ воспользовались враги г. Булгарина этими *истинами* и *правдами*, изъ которыхъ, можетъ быть, не всѣ сказаны были имъ, но которыя *всѣ* защищалъ онъ самъ съ блистательнымъ успѣхомъ. Желающихъ знать подробности этой интересной битвы отсылаемъ къ „Московскому Телеграфу“ (1825, ч. IV, стр. 311, и ч. VI, стр. I. Особеннаго прибавленія къ М. Т.).

Читатели наши съ основаніемъ могутъ сказать, что *семь* изъ истинъ, сказанныхъ или несказанныхъ самимъ г. Булгаринымъ, такъ неважны, что заслуживаютъ только улыбки, а не спору. Это справедливо, но тѣмъ не менѣе справедливо и то, что 1) эти *истины* или *правды* были высказаны въ изданіяхъ или принадлежавшихъ г. Булгарину, или отданныхъ подъ его надзоръ г. Гречемъ, и 2) что онъ, г. Булгаринъ, не въ одной жаркой полемической статьѣ отстаивалъ несомнѣнность этихъ истинъ съ свойственною ему любовью къ правдѣ. Но враги его не ограничились этимъ. Бросивъ тѣнь сомнѣнія на географическія свѣдѣнія г. Булгарина опроверженіемъ существованія Тумбуктской гавани, они обвинили его еще въ томъ, что онъ заставляетъ Нестора считать новый годъ съ сентября, тогда какъ Несторъ считалъ его съ марта (лѣтосчисленіе съ 1-го сентября ввелъ Кипріанъ въ XIV ст., какъ это открыто Карамзинымъ); что онъ Московскій соборъ, бывшій въ 1347 году, отнесъ къ 1343-му году („Литературные Листки“, 1824, ч. I, стр. 7); что онъ, г. Булгаринъ, *выдумалъ*, будто въ Россіи еще при великомъ князѣ Игорѣ били монету („С. Архивъ“, 1823, № 15, стр. 201), основываясь на монетѣ, принадлежавшей къ эпохѣ далѣе половины XVI вѣка; что онъ, г. Булгаринъ, графа Сегюра произвелъ въ курфюрсты; увѣрялъ, что Байкаль длиною около 600, а шириною отъ 35 до 100 слишкомъ, а окружностью до 2000 верстъ,—тогда какъ длина Байкала (отъ Култука до Верхней Ангарты) 585 верстъ, самая большая ширина около 100, а самая малая менѣе 30 верстъ, что

г. Булгаринъ нашелъ рѣку Богуденху, которой въ Сибири нѣтъ, потому что вмѣсто нея тамъ есть Малая и Большая Бугуденха; нашелъ рыбу *хариуси*, вмѣсто дѣйствительно существующей рыбы хариусы, и торговлю въ Иркутскѣ омулевымъ жиромъ, о каковой торговлѣ въ Иркутскѣ никто и не слыхалъ. Враги г. Булгарина потому особенно громко смѣялись надъ этими его истинами, что онъ самъ совѣтовалъ другимъ, „взявшись за изданіе журнала, почерпая свои географическія свѣдѣнія не изъ напечатанныхъ для дѣтей географій, но слѣдовать за успѣхами этой науки, читать произведенія ученыхъ мужей по этой части, всѣ новые журналы на иностранныхъ языкахъ, пересматривать вновь выходящія карты, замѣчать поправки на нихъ, сдѣланныя вслѣдствіе новыхъ открытій и ученыхъ изслѣдованій“ („Литерат. Листки“, ч. III, стр. 203—204). И всѣ эти слова сказаны г. Булгаринымъ для доказательства, что Сахалинъ—полуостровъ, а не островъ!.. Враги г. Булгарина никакъ не хотѣли согласиться съ нимъ, чтобы Эльбурсъ и Казбекъ были два разныхъ имени одной и той же горы, какъ онъ утверждалъ это въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (1823, № 1, стр. 67); что Гомеръ былъ статистикъ („Лит. Листки“, 1824, № 16, стр. 101); что ложь нынѣ употребляется въ логикѣ вмѣсто силлогизма (*ibid.*, № 3, стр. 91); что „умъ—кукла, которая вышла изъ моды“ (*ibid.*, стр. 92); что „очень отзывается истиной то сказаніе, что Цалемонъ Римлянинъ приплылъ въ Россію во время Нерова и построилъ городъ Романова, впослѣдствіи названный *Романово*“ („С. Арх.“, 1822, № 6, стр. 484); что Кіевъ построенъ Кіемъ, славяниномъ, въ 430 году, и что славяне еще во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. умѣли писать и пр., и пр.—всего и не перечтешь.

Но пламенѣющій правдою г. Булгаринъ не допустилъ враговъ своихъ торжествовать надъ нимъ безнаказанно. Онъ блистательно опровергъ всѣ ихъ обвиненія. Опроверженія его крайне интересны. Касательно Несторова лѣтосчисленія онъ сказалъ, что „русскіе со введенія христіанской вѣры считали гражданскій годъ съ сентября, и что Несторъ слѣдовалъ этому лѣтосчисленію; но ученику всякому извѣстно, что русскіе до конца XIV вѣка считали годъ съ марта“, и прибавляетъ къ этому убѣдительному возраженію; „не лучше ли не спорить о томъ, въ чемъ еще вы сами не увѣрены“. Гораздо труднѣе было ему свести концы съ концами касательно Игоревой монеты. Дѣло было не шуточное. При всей глубокости и обширности своихъ историческихъ, археологическихъ и нумизматическихъ познаній г. Булгаринъ впалъ въ ошибку, принявъ слова: „и Государь“, вычеканенныя на монетѣ сокращенно

ИГДРЬ, за собственное имя Игоря и забывши, что если бы при Игорѣ и чеканилась русская монета, то все же безъ изображенія св. Георгія, потому что князь Игорь и его подданные были идолопоклонники. Но и тутъ г. Булгаринъ нашелся, какъ увернуться отъ бѣды неминуемой. Онъ отвѣтилъ: „Помилуйте, господа! гдѣ вы нашли, что я говорилъ о Игорѣ идолопоклонникѣ? Прошу вспомнить, что многіе изъ русскихъ князей имѣли сверхъ крестныхъ именъ военныя свои имена“. Когда же враги г. Булгарина на это возразили ему, что кромѣ Игоря Рюриковича и Игоря Олеговича, убитаго въ 1147 году, въ Россіи не было ни одного великаго князя этого имени; что титулъ: государь всея Руси принять Іоанномъ Васильевичемъ, начавшимъ царствовать въ 1461 г., когда уже не было у насъ варяжскихъ именъ и употреблялись одни христіанскіе; что всадникъ на конѣ, копьемъ поражающій змія, вовсе не Георгій Побѣдоносецъ, а просто чеканъ московскихъ денегъ, установленный съ 1535 г., ибо до того времени изображался на нихъ всадникъ съ поднятой надъ головой саблей и что, слѣдовательно, Игоревская монета г. Булгарина принадлежитъ къ половинѣ XVI вѣка:—г. Булгаринъ нисколько не сконфузился и отъ этихъ возраженій и, съ свойственною ему любовью къ правдѣ, равно какъ и съ свойственнымъ ему остроуміемъ, такъ отвѣтилъ врагамъ своимъ:

„Г. Лебедевъ сообщилъ мнѣ монету, найденную въ землѣ, въ городѣ Грязовцѣ. На этой монетѣ находится надпись: „Князь Игорь всея Руси“—и изображенъ Георгій Побѣдоносецъ на конѣ. Въ № 15 „С. А.“ на 1823 г. сообщилъ я извѣстіе о сей монетѣ, безъ всякихъ съ моей стороны разсужденій и поясненій. — Впловать ли я, что въ Грязовцѣ найдена эта мудреная для васъ монета? Я, Булгаринъ, не копалъ земли, не чеканилъ монеты, не описывалъ ея (?). Я долженъ былъ извѣстить читателей о сообщенной мнѣ рѣдкости—и только! Зачѣмъ же вы обвиняете меня въ незнаціи исторіи?“

Очень жалѣемъ, что, по неимѣнію времени, не можемъ справиться, чѣмъ отвѣчалъ врагамъ своимъ г. Булгаринъ, вторично уличившимъ его въ незнаціи исторіи по поводу открытой имъ монеты царей Θεодора и Іоанна, братьевъ Петра Великаго. Но должно думать, что пламенная любовь г. Булгарина къ правдѣ и тутъ доставила ему блестящую побѣду надъ врагами... Было бы очень затруднительно и даже, такъ сказать, скучно выписывать всѣ „правды“, которыми г. Булгаринъ нажилъ себѣ столько „враговъ“, навлекъ на себя столько ненавистей и даже гоненій. Вотъ послѣ этого и любите правду, и говорите ее людямъ! Но шутки въ сторону; поговоримъ серьезно. Все, о чемъ мы говорили до сихъ поръ, есть какъ-бы про-

грамма всего журнальнаго поприща г. Булгарина. Г. Булгаринъ остался себѣ вѣренъ въ этомъ отношеніи и въ остальные двадцать лѣтъ своей журнальной дѣятельности. И теперь онъ точно таковъ же, какъ былъ во время первыхъ схватокъ своихъ съ „Телеграфомъ“, только сталъ еще рѣшительнѣе и смѣлѣе, еще болѣе усовершенствовалъ свою тактику. Никогда ни прежде, ни теперь не оставлялъ онъ никого въ покоѣ, но ко всѣмъ придирался, всѣхъ зацѣплялъ, и всегда съ намѣреніями не совѣмъ литературными; но лишь попробуй кто отвѣтить ему,—и пошла перепалка, пошли споры изъ ничего, доказательства ни о чемъ, и глядишь—литературное дѣло превращается вовсе не въ литературное. При этихъ случаяхъ г. Булгаринъ обыкновенно начинаетъ говорить о своихъ врагахъ. Повѣрить ему, такъ у самого Наполеона не было такихъ ожесточенныхъ и непримиримыхъ враговъ. Чѣмъ же онъ вооружилъ ихъ противъ себя?—Правдой, одной правдой, да еще развѣ своими удивительными талантами, своими неслыханными успѣхами въ литературѣ. Но развѣ Крыловъ, Жуковский, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ,—развѣ эти люди ниже г. Булгарина своими талантами, своими успѣхами?—А между тѣмъ, имѣя враговъ, они имѣли и друзей, тогда какъ г. Булгаринъ, кромѣ Греча и блаженной памяти Ушакова ¹⁾, во всемъ пишущемъ мірѣ видитъ однихъ враговъ, которые словно сговорились между собою не давать ему покоя, преслѣдовать его. Право, если вѣрить г. Булгарину,—онъ, подобно Наполеону, имѣетъ своихъ (литературныхъ, разумѣется) Жоржей Кадудалей... Съ кѣмъ ни бранился онъ? „Вѣстникъ Европы“, „Мнемозина“, „Телеграфъ“, „Московский Вѣстникъ“, „Атеней“, „Галатея“, „Телескопъ“, „Молва“, „Московский Наблюдатель“, „Славянинъ“, „Литературныя Прибавленія къ Инвалиду“ (изд. Воейковымъ), „Литературная Газета“ (Дельвига), „Библіотека для Чтенія“, „Литературныя прибавленія къ Инвалиду“ и „Литературная Газета“ (изд. Краевскимъ). „Пантеонъ“, „Репертуаръ“, „Москвитянинъ“, „Иллюстрація“, „Отеч. Записки“,—совсѣми этими издапіями г. Булгаринъ или былъ въ войнѣ, или теперь воюетъ. Онъ былъ въ постоянной враждѣ съ цѣлыми поколѣніями журналовъ, съ цѣлыми поколѣніями писателей; ссорился съ людьми, которые уже печатались, когда еще онъ не начиналъ учиться грамотѣ; ссорился съ людьми, которые еще не начинали учиться грамотѣ, когда уже онъ печатался. Мало этого: онъ бранился даже съ „Сыномъ Отечества“ и „Русскимъ Вѣст-

никомъ“ подѣ редакціей Полевого; ссорился съ сотрудниками „С. Пчелы“, возражалъ имъ въ „Пчелѣ“ на ихъ статьи, напечатанныя въ „Пчелѣ“ же, и велъ съ ними цѣлыя троянскія войны, когда они начинали принимать участіе (какъ Полевой, Кони, Межевичъ) въ другихъ издапіяхъ. Мало и этого: онъ сегодня бранилъ людей, которыхъ превозносилъ вчера, сегодня прославлялъ людей, которыхъ унижалъ вчера. Онъ — главный источникъ и прямая причина полемики нашего времени, и одинъ изъ прямыхъ источниковъ и главныхъ причинъ полемики за цѣлыя двадцать пять лѣтъ русской журналистики. Вотъ что разъ высказалъ на счетъ этого Полевой, бывший редакторомъ „Русскаго Вѣстника“,—тотъ Полевой, съ которымъ г. Булгаринъ столько разъ ссорился и мирился, котораго онъ столько разъ бранилъ и превозносилъ, и съ которымъ передъ его смертью онъ опять разсорился за то, что тотъ умно и дѣльно высказалъ правду о его „Воспоминаніяхъ“:

„Намъ не понравилось въ „Комарахъ“ одно: перепалки О. В. съ литературной братіей и безпрестанное толкованіе его о томъ, что на него всѣ нападаютъ; что всѣ на него нападающіе не правы; что большая часть изъ нихъ очень глупы; что нападенія ихъ служатъ ему въ пользу; что онъ ихъ не боится. Не пора ли перестать? Все нечисленное пами повторяется О. В. безпрестанно, а какая же ибѣня не припоется, если безпрестанно пѣть ее! Дѣло очень простое: на О. В. нападаютъ— правда, а онъ развѣ никого не трогаетъ? Какъ же требовать, чгобъ задѣтые молчали, если еще не было примѣра, чгобъ О. В. оставилъ когда-нибудь безъ отвѣта самое невинное и кроткое замѣчаніе? Кто погрозитъ ему иголкой—онъ рубитъ того мечомъ, а кто броситъ въ него хлопущку—онъ отвѣчаетъ изъ пушки, когда при томъ изъ десяти перепалокъ девять всегда начинается О. В.? Вопросъ о томъ: всѣ ли противники О. В. не правы,—думаемъ, и самъ онъ по совѣсти рѣшитъ отрицательно. Совершенство не дано въ удѣлъ человѣку, а ошибки—неизбѣжный удѣлъ его. Задачу о томъ, всѣ ли соперники О. В. дураки, невѣжды и негодля литературные, опять почитаемъ мы безспорно отрицательной. Если же нападки на О. В. ему не вредны, а полезны, изъ чего же заводить споры и шумъ? А что О. В. не боится нападокъ, пора публикѣ увѣриться и безъ непрестанныхъ о томъ напоминаній съ его стороны. Скажемъ откровенно: *замолчи О. В. и никто не затронетъ его. Не угодно ли ему не заводить споровъ хотъ повода, хотъ для опыта, для удостовѣренія въ словахъ нашихъ? Посмотрите, какъ все будетъ тихо и смирно*“. („Русскій Вѣстникъ“ 1842, № 4, стр. 21).

Это тревожное безпокойство, эта задорливость и спорливость присяжнаго литератора могли бы быть своего рода достоинствами и имѣть болѣе или менѣе полезное вліяніе на литературу, если бы они вытекали дѣйствительно изъ любви къ истинѣ, хотя бы и ложно понимаемой, изъ живого и страстнаго убѣжденія. Тогда споры и самыя ссоры, безпрестанно заводимыя та-

¹⁾ Объ Ушаковѣ см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 6.

кимъ литераторомъ, болѣе или менѣе оживляли бы журналистику и способствовали разрѣшенію разныхъ вопросовъ, уясненію разныхъ истинъ. Но г. Булгарина грѣхъ обвинить въ рыцарской рьяности такого рода: къ литературнымъ, эстетическимъ и ученымъ вопросамъ онъ оказывалъ всегда ледяное равнодушіе, дѣлалъ видъ, что даже и не подозреваетъ существованія того, что называется мнѣніемъ, убѣжденіемъ, правиломъ, принципомъ. Всѣ эти слова всегда казались и кажутся ему смѣшными, и онъ истощилъ надъ ними весь запасъ своего powerful остроумія. Переберите всѣ изданія, которыя онъ редактировалъ или редактируетъ, въ которыхъ онъ участвовалъ или участвуетъ—„Сѣверный Архивъ“, „Литературные Листки“ и „Сынъ Отечества“, „Репертуаръ“ и „Пантеонъ“ (1842) и „Сѣверную Пчелу“; какъ безцвѣтны и безхарактерны всѣ эти журналы! Но, вѣрные нашему слову, мы опять приведемъ свидѣтельство людей, совершенно чуждыхъ намъ и нашему изданію. Вотъ какъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ была оценена „С. Пчела“ въ отношеніи къ направленію и духу ея критики.

„...но „Сѣверная Пчела“!.. Боясь уклониться отъ нашего предмета, мы прямо спросимъ себя: какой въ ней образъ мыслей? Пристально разсматривъ всѣ ея статьи критическія, мы рѣшительно отвѣчаемъ: никакого. Въ ней критика замѣняется такъ называемою *литературною тактикой*, честь усовершенствованія которой принадлежитъ единственно гг. издателямъ „С. Пчелы“. Ужасно, какъ подумаешь: въ наше время ничего не стоитъ, жалко насмѣхаясь надъ истиною, поднять до небесъ и растоптать въ прахъ *одно и то же* произведение! Утѣшимся тѣмъ только, что въ одной „С. Пчелѣ“ совершаются подобныя явленія.—Итакъ, за недостаткомъ въ ней образа мыслей мы должны обвинить сокровенныя правила ея тактики.

1) Если вы не обнаружили еще своего мнѣнія на счетъ сочиненій и журналовъ гг. издателей „Пчелы“, то васъ оставляютъ въ покоѣ, дожидаясь отъ васъ рѣшительнаго поступка, вслѣдствіе котораго вы или другъ, или врагъ этому журналу: какъ аукнется, такъ и откликнется, вотъ ея эпиграфъ! Похвалите—и васъ похвалятъ. Если же вы когда-нибудь осмѣлились сказать что-либо противъ сочиненій и журналовъ гг. издателей, то не ожидайте помилованія ни себѣ, ни произведенію вашему, какого бы достоинства ни было сіе послѣднее. Лишь только вы напечатаете что-либо, какъ одинъ издатель выступаетъ на васъ съ островами, составляющими яркую противоположность со стихами Крылова, Дмитріева и другихъ, коими онъ обыкновенно снабжаетъ свои критики; а другой, расщипавъ по клочкамъ ваше произведение, ищетъ въ немъ ошибокъ грамматическихъ, опечатокъ и т. п., и съ указкою учителя грамматики ясно, какъ *дважды два—пять*, доказываетъ вамъ, что вы не знаете ни логики, ни грамматики. Прямѣромъ сему служатъ всѣ прошлагодня пренія „С. Пчелы“ съ „Телеграфомъ“ и „Славяниномъ“. Вы не думайте найти здѣсь замѣчаній на образъ мыслей сихъ журналовъ, на существенное достоинство статей: рѣшительно ничего болѣе не найдете, кромѣ мелкихъ придирокъ къ слогу, личностей и

пустыхъ восклицаній. Отъ сихъ послѣднихъ переходятъ часто къ домашнимъ объясненіямъ...

2) Если авторъ или издатель книги находится въ близкихъ литературныхъ отношеніяхъ къ издателямъ, тотчасъ раздаются похвалы неумѣренныя. Коль нечего хвалить въ особенности, то выписываютъ нѣсколько строкъ изъ предисловія или излагаютъ подробно содержаніе, или на нѣсколькихъ страничкахъ хвалятъ изданіе, шрифтъ и проч.—Здѣсь кстати должно замѣтить, что въ „С. Пчелѣ“ книги оцениваются вѣрно только въ типографическомъ отношеніи! Всѣ похвалы оканчиваются восклицаніями: *„покупайте, и. покупатели! Не скупитесь, папеньки! Да это раскупятъ, какъ конфеты, да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево?“* (№ 137). Невольно подумаешь, что существенная цѣль каждой критики, помѣщенной въ „С. Пчелѣ“, состоитъ въ томъ, чтобы заставить купить книгу или отклонить покупателя, нанести *существенный* вредъ автору или издателю ея. Кромѣ этой существенной цѣли всѣхъ разборовъ „С. Пчелы“, есть еще другая—побочная. Во всякой критикѣ стороны, кстати или некстати, задѣваютъ объявленныхъ противниковъ „С. Пчелы“. Чувство какого-то обиженнаго самолюбія и мелочного мщенія обваруживается вездѣ...

3) Если къ автору не имѣютъ никакихъ отношеній, то о произведеніи его отзываются и такъ, и сякъ, указавъ на нѣкоторые мелкіе недостатки. Но если дерзновенный осмѣлится возразить, тогда въ пылу негодованія жертвуютъ даже собственнымъ мнѣніемъ, чтобы поразить противника, извиняются въ своей опрометчивости передъ публикой, вновь разбираютъ книгу и находятъ въ ней кучи ошибокъ.

Наконецъ, 4) нѣкоторымъ извѣстнымъ писателямъ расточаются похвалы въ „С. Пчелѣ“. Но онѣ скучны для читателей и еще скучнѣе для самихъ авторовъ... Образъ критики въ „С. Пчелѣ“ всего болѣе обличаетъ жалкую скудость ея сужденій. Всѣ рецензіи лучшихъ произведеній въ ней состоятъ въ выпискѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, приправленной общими мѣстами и пустыми восклицаніями, въ маловажныхъ замѣчаніяхъ на слова, правильно или неправильно употребленныя, на ошибки грамматическія, на опечатки и т. п... Обыкновенно начинаются сіи критики такимъ образомъ: *„Новое прелестное стихотвореніе такогото!“*—*„Честъ вамъ и слава, г. поэтъ!“* (№ 145),—*„Это вещь совершенно оригинальная“* (№ 147),—*„Сии стихи живутъ странными!“* (№ 124). Иногда послѣ подобныхъ восклицаній случаются объясненія эстетическія, въ ослѣплѣннѣ всего замѣтите и недостатокъ точки зрѣнія, и нетвердость мыслей, и незнаніе науки вкуса... Но всего чаще, не пускаясь въ вопросы эстетическіе, рецензенты прямо приступаютъ къ разбору выраженій, и иногда въ жару восторга ораторскаго говорятъ непонятныя вещи... Но всего забавнѣе критика выраженій. Выписавши нѣсколько стиховъ изъ „Финляндіи“ (стихотворенія Баратынскаго), рецензентъ (г. Булгаринъ) восклицаетъ: *„Картина живая! вы видите все, что читаете. Какъ искусно поэтъ умѣлъ воспользоваться обыкновенными оборотами рѣчей! Еслибъ простой поселянинъ сталъ описывать вамъ языкомъ природы этотъ видъ, онъ сказалъ бы: Тутъ море, надъ моремъ гора, а съ горы сходитъ лѣсъ къ берегу.—Поэтъ, такъ сказать, позолотилъ простонародный рассказъ и пропѣлъ при звукахъ лиры (!!!). Тяжелыя стопы прекрасно изображаютъ огромныя деревья. Кто видалъ въ натурѣ лѣсъ, растущій на косогорѣ, колеблемый вѣтрами, тотъ живо представитъ себѣ это шествіе тяжелыми стопами“*... „Элегія Буря — прелесть“ — „Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина“—есть совершенство поэзіи. Этотъ свинецъ, оковывающий

пришельца въ чужой странѣ — поэзія". Все это пересыпано похвалами неумѣренными и не точными, замѣчаніями о словахъ, римахъ и проч.

Статья о выставкѣ въ Академіи художествъ отличается тѣмъ же восторгомъ насильственнымъ, преизобилуетъ тѣми же выраженіями темными; а общими мѣстами, похвалами однообразными ясно обличаетъ незнаніе дѣла... По мнѣнію рецензента, всѣ живописцы на одно лицо: и Довѣ, и Кипренскій, и Щедринъ — всѣ равно превосходны; у всѣхъ на картинахъ видишь живыя лица, живую природу, живой воздухъ и проч. Преимущественно обращаетъ вниманіе рецензентъ на отдѣлку существенныхъ подробностей, какъ-то: шинелей, подкладокъ, напощеннаго пола, эпалетовъ, серебряныхъ и золотыхъ украшеній и проч...

Съ такой же основательностію судить „С. Пчела“ и о музыкѣ...

Вмѣсто того, чтобы говорить о поэзіи, живописи и музыкѣ, для чего нужно познаніе дѣла, не лучше ли-бъ было „С. Пчелѣ“ ограничиться извѣстіями о балансерахъ, скакунахъ, скороходахъ, ученыхъ собакахъ и проч.?

Изъ всего этого само собой извлекается, что главный характеръ образа мыслей въ „С. Пчелѣ“ есть совершенная пустота; по сей-то необходимости критика замѣнена въ ней *литературною тактикой*. Гг. издатели въ совершенной увѣренности, что они давностию своихъ журналовъ приобрѣли всеобщее довѣріе публики, что въ ихъ рукахъ находится участь всей литературы русской, смѣло упираются въ своею искусствѣ журнальномъ и съ какой-то непростительною запальчивостію, безъ уваженія къ приличіямъ не только людей ученыхъ, но и свѣтскихъ, не умѣя даже скрывать въ себѣ порывовъ оскорбленнаго самолюбія, подписываютъ всему приговоры рѣшительные, ни на чемъ не основанные и всегда внушаемые не любовью къ истинѣ, а посторонними отношеніями".

Это было сказано въ 1828 году („Московский Вѣстникъ“, 1828, № 8, стр. 404—409), слѣдовательно девятнадцать лѣтъ назадъ, — а между тѣмъ можно ли о „Пчелѣ“ 1846 года сказать что-нибудь болѣе новое, болѣе современное?..

Теперь намъ слѣдуетъ объяснить фактами, что должно разумѣть подъ литературной тактикой г. Булгарина. Предметъ весьма любопытный! Въ 1824 году издавался въ Москвѣ литературный сборникъ „Мнемозина“. Г. Булгаринъ, рассчитывая на дружбу издателей сборника, похвалилъ это изданіе; но видя, что его похвалы приняты были издателями сборника равнодушно, онъ разбранилъ „Мнемозину“ и въ цѣломъ, и каждую статью особо:

Желаніе дать, какъ говорится, ходъ *Мнемозинѣ* заставило меня смотрѣть сквозь пальцы на недостатки этого изданія и *выставить* передъ публикою *посредственное за изрядное*, извиняя слабое добрыми намѣреніями одного издателя и юностью другого. *Признаюсь откровенно въ винѣ* моей передъ публикою, которая должна приписать *отступленіе мое отъ истины* моему *нелѣпѣ* и моему желанію поддержать новороявляющееся изданіе".

Примѣровъ подобнаго отступленія отъ истины со стороны правдолюбиваго г. Булгарина — нѣсть числа! Но мы ограничимся

нѣсколькими, самыми разительными. О томъ, какъ онъ сперва бранилъ „Телеграфъ“, потомъ превозносилъ его, потомъ опять бранилъ, — можно бы составить не одну курьезную статью. Какъ будто забывши, что говорилъ онъ о Полевомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ величалъ его верхоглядомъ, невѣждой, отрицалъ въ немъ талантъ и знаніе; — какъ будто забывъ, что, почему-то усомнившись въ дружбѣ „Телеграфа“, онъ въ „Сынѣ Отечества“ 1830 г. (№ 15, стр. 165) сказалъ объ „Исторіи Русскаго Народа": „Нынѣ нѣкто г. Николай Полевой, въ сочинительскомъ пылу о дарованіяхъ и знаніяхъ своихъ возмечтавъ, первый томъ Исторіи Русскаго Народа напечаталъ и тамъ равномерно свои суесловія о происхожденіи руссовъ помѣстилъ"; какъ будто позабывъ все это, г. Булгаринъ въ торжествѣ примиренія съ „жесточайшимъ врагомъ" своимъ (одна изъ наиболѣе употребляемыхъ имъ фразъ), обнаружилъ всю тактику свою въ слѣдующемъ отзывѣ о той же самой „Исторіи Русскаго Народа".

„Чуждый зависти и всѣхъ литературныхъ мелочей (*sic!*), я всегда отдавалъ справедливость жесточайшимъ моимъ противникамъ (*такъ точно!*), но теперь съ удовольствіемъ говорю истину о трудѣ писателя самостоятельнаго, благонамѣреннаго и пламеннаго любителя просвѣщенія. Занимаясь съ любовью всю жизнь исторіей, и преимущественно русскою, осмѣливаюсь сказать явно (*чего робѣть!*), что я въ состояніи судить объ исторіи (*доказательство: монеты Игоря и царей Федора и Иоанна вкупѣ*). Не почтѣю *Исторію Русскаго Народа* совершенною, но признаю ее сочиненіемъ чрезвычайно важнымъ, любопытнымъ и полезнымъ для Россіи, ибо въ ней въ первый разъ появляются (?) политика, философія и критика. Повторяю однажды уже сказанное, что *Исторія русскаго народа*, соч. Полевого, есть такая книга, которую не только можно, но и должно, и непременно должно, прочесть послѣ „Исторіи" Карамзина, и что каждый любитель отечественнаго обязанъ даже имѣть ее. Лышу себя надеждою, что я заслужилъ довѣренность публики (*о, совершенно!*), и что въ этомъ случаѣ она повѣритъ словамъ моимъ болѣе, нежели тѣмъ отвратительнымъ нападкамъ, которыя превращаютъ литературное поприще въ какое-то торжище и унижаютъ званіе литератора. Почтенный, добрый, благородный Карамзинъ сказалъ, что первая потребность писателя есть *доброе сердце*. Читая въ журналахъ (*чуждымъ г. Булгарину*) грубую брань, клеветы, сплетни, гнусныя выходки зависти, рядомъ съ преувеличенными похвалами безмертному историографу, поневолѣ выводимъ заключеніе, которое... не идетъ въ печать" („С. Пчела“, 1830, № 110).

Можно ли усомниться въ искренности этихъ словъ, вспомнивъ другой подвигъ правдолюбія Булгарина, совершенный имъ въ томъ же 1830 году по поводу VII главы „Онѣгина". Отрывокъ изъ этой главы былъ напечатанъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ"; но по причинѣ нѣсколькихъ опечатокъ Пушкинъ позволилъ „С. Пчелѣ" перепечатать

этотъ отрывокъ,—и „С. Пчела“ чуть не съ колѣнопреклоненіемъ приняла его на свои листки. Не помнимъ, котораго года и въ какомъ номерѣ „Пчелы“ было все это; но хорошо помнимъ, что по выходѣ въ свѣтъ VII-й главы „Онѣгина“, въ 1830 году, Булгаринъ разбранилъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, въ 35 № „Пчелы“. Вотъ его собственныя слова:

„Холодный пріемъ, оказанный поэмѣ „Полтава“, служить яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло, и въ самомъ дѣлѣ,—можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напр., глава VII „Евгенія Онѣгина“!.. Но глава VII *испещрена* (?) такими *стихами* и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже „Евгеній Вельскій“ кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водяной главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія, совершенное паденіе, chute complète!.. Въ пустынь нашей поэзіи появился опять „Онѣгинъ“, блѣдный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину.—Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобы можно было печатать такія мелочи“.

При этомъ удобномъ случаѣ глубоко-мысленный критикъ (г. Булгаринъ считалъ себя критикомъ!) не шутя обвинилъ Пушкина, что тотъ возвратился съ Кавказа съ VII главой „Онѣгина“, а не съ торжественными одами на побѣды русскихъ войскъ въ азіатской Турціи. Эта выходка показалась очень смѣшной важному „Московскому Вѣстнику“, который и выразился на этотъ счетъ такъ:

„Это показываетъ, какъ нашъ аристархъ понимаетъ вдохновеніе, и вмѣстѣ можетъ служить мѣриломъ его способности оцѣнивать то, что истекаетъ отъ вдохновенія. Въ глазахъ его поэтъ, вѣрно, ботаникъ или минералогъ, который съ Кавказа непременно долженъ возвратиться съ произведеніями Кавказа, а изъ Америки съ тѣмъ, что растетъ или добывается въ Америкѣ. Г. критикъ (?) забываетъ, что Грибоѣдовъ съ этого же Кавказа привезъ намъ комедію, въ которой отразился бытъ свѣтскій, міръ московскихъ нравовъ и причудъ; что Байронъ создалъ Гяура въ Англіи, а Сервантесъ „Донъ-Кихота“ въ темницѣ; что Тассъ никогда не бывалъ въ Ерусалимѣ, Муръ никогда не посѣщалъ Индіи“. (М. В., 1830, ч. III, стр. 82—83).

Исторія съ драмою Полевого „Уголино“ была однимъ изъ блистательныхъ подвиговъ г. Булгарина по части литературной тактики и любви къ правдѣ. Будучи въ 1838 году редакторомъ „Сына Отечества“ и находясь съ г. Булгаринымъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, Полевой очень снисходительно отозвался о „Россіи“, извѣстной компіляціи г. Булгарина, и только замѣтилъ что-то о недостаткахъ приложенныхъ къ этой компіляціи картъ. А передъ этимъ г. Булгаринъ, разбирая „Уголино“, поставилъ автора этой драмы если не выше Шекспира и Шиллера, то рядышкомъ съ ними. И вдругъ — о,

ужасъ!—черезъ нѣсколько недѣль, если не дней, г. Булгаринъ самъ протестовалъ противъ своей собственной статьи, объявивъ, что въ ней похвалы драмѣ Полевого были слѣдствіемъ camaraderie!.. Вотъ до чего доводитъ людей излишняя любовь къ правдѣ!.. Съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнулъ при этомъ случаѣ г. Булгаринъ: „mea culpa, mea maxima culpa“,—что, если не ошибаемся, по-русски значить: „согрѣшилъ, окаянный!“¹⁾, а по-польски: „падамъ до ногъ!“²⁾... Потомъ, когда Полевой былъ редакторомъ „Русскаго Вѣстника“, въ 1842 году, и помѣстилъ въ этомъ журналѣ статейку: „Хозяйственныя Замѣтки“, что-то, помнится, о *кочерыжкахъ*,—г. Булгаринъ, увидя въ этомъ злонамѣренный подрывъ „Эконому“, такъ пріударилъ въ полемическій набатъ, такого надѣлалъ шуму, что публика отъ души хотала съ мѣсяць времени,—только на этотъ разъ вовсе не надъ Полевымъ²⁾... Кстати ужъ вспомнимъ, что „Юрій Милославскій“ Загоскина во время торжества его былъ объявленъ въ „Пчелѣ“ самымъ плохимъ романомъ, а теперь, когда онъ—не болѣе, какъ литературное воспоминаніе, никому не опасное, та же „Пчела“ говоритъ о романахъ Загоскина чуть не съ благоговѣніемъ...

А война съ *Иллюстраціею*, которая тянется вотъ уже второй годъ?.. Эта война чуть было не прервалась по случаю статьи Полевого о „Воспоминаніяхъ“: г. Булгаринъ началъ-было уже захваливать драмы г. Кукольника, недавно еще имъ унижаемыя и уничтожаемыя, чтобы этой диверсіей унижить и уничтожить драмы Полевого, недавно еще превозносимыя и прославляемыя имъ; но смерть Полевого сдѣлала ненужной эту стратегику — и война съ „Иллюстраціею“ пошла прежней колейю... А изъ чего? Жаль видѣть въ непріязненныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ, столь достойныхъ, литераторовъ!.. Но, видно, г. Булгарину не суждено уживаться такъ же и съ своими, какъ и съ чужими... А все излишняя любовь къ правдѣ!..

Такихъ образчиковъ правдолюбія г. Булгарина, т.-е. примѣровъ его всегдашней готовности разбранить сегодня сочиненіе или автора, которыхъ онъ хвалилъ и превозносилъ вчера, или расхвалить и превознести сочиненіе или автора, которыхъ онъ вчера бранилъ,—такихъ примѣровъ мы могли бы привести до нѣсколькихъ десятковъ, съ указаніемъ на номеръ и страницу журнала или газеты, съ точной выпиской подлинныхъ словъ г. Булгарина; но скучно рыться въ хламѣ забытыхъ изданій, и еще

¹⁾ См. наше примѣчаніе на стр. 602-й II-го тома.

²⁾ Исторію о „кочерыжкахъ“ см. т. II, стр. 603—611.

скучнѣе говорить объ одномъ и томъ же, особенно о такихъ правдолюбивыхъ подвигахъ. Впрочемъ, если г. Булгарину эта статья покажется неудовлетворительною, мы готовы пополнить ее фактами и доказательствами: мы тоже любимъ правду—хотя и не такъ, какъ онъ, а по-своему,—и для нея готовы снова обречь себя на трудъ и скуку... А что это не слова только, а дѣло, и что мы хорошо знаемъ дѣла давно минувшихъ дней въ области русской литературы и журналистики, въ доказательство этого приводимъ небольшую выписку изъ одной страницы „Московского Телеграфа“ 1825 г. (ч. VI, стр. 37—38 особеннаго прибавленія):

Въ *Литер. Листкахъ* 1824 г. (№ 16, стр. 127) напечатано: „Въ „Revue Encyclopédique“, одномъ изъ отличнѣйшихъ европейскихъ журналовъ, издаваемомъ въ Парижѣ обществомъ ученыхъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, въ майской книжкѣ (1823 г.) на страницѣ 384 помѣщенъ полный разборъ *Русскаго Ивалида* и *Новостей Литературы*, изд. г. Воейковымъ. Совѣтуемъ почтенному издателю сихъ журналовъ прочесть основательныя и справедливыя замѣчанія на счетъ его трудовъ и, если возможно, послѣдовать совѣтамъ благонамѣренной критики“. — Въ томъ же году „*Литературныхъ Листковъ*“ (№ 21, стр. 117) напечатано: „Въ *Revue Encyclopédique* одна только часть разборовъ хороша, а сообщаемыя издателями извѣстія объ иностранныхъ книгахъ и литераторахъ таковы, что у насъ не могли бы появиться даже въ „*Мнемозинѣ*“: названія странъ, заглавія, содержаніе книгъ—все тамъ перемѣшано“. Г. Воейковъ замѣтилъ, что тутъ явное противорѣчіе: два разныя мнѣнія объ одной книгѣ. Г. Булгаринъ отвѣчаетъ (въ № 4 „*Сына Отечества*“, 1825 г.): „Не могу понять, какимъ образомъ г. Воейковъ отыскалъ тутъ противорѣчіе. Въ *Литер. Листкахъ* сказано, что въ „*Rev. Enc.*“ помѣщенъ полный разборъ *Русскаго Ивалида* и *Новостей Литературы*, и повторяю, что въ „*Revue Encyclopédique*“ одна только часть разборовъ хороша, следовательно превосходство *полнаго разбора Русск. Ивалида* не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію“. — Въ заключеніе г. Булгаринъ общаетъ помѣстить этотъ разборъ въ *Сынъ Отечества*, но онъ не исполнилъ этого; угодно ли знать почему?—Въ „*Revue Encyclopédique*“ никогда не бывало *полнаго разбора Русск. Ивалида*. Тамъ помѣщено съ небольшимъ на двухъ страничкахъ библиографическое извѣстіе объ *Ивалидѣ* (слѣдовательно въ томъ разрядѣ извѣстій, который былъ осужденъ г. Булгаринымъ). Сколько неправдъ и противорѣчій насаждалъ г. Булгаринъ! 1) Когда надобно было осудить *Ивалида*—онъ похвалилъ „*Revue*“. 2) Когда надобно было унижить *Мнемозину*—онъ уничтожилъ достоинство „*Revue*“. 3) Когда ему замѣтили тутъ противорѣчіе, онъ отдѣлался неправдой, сказавши, что въ „*Revue*“ помѣщенъ полный разборъ *Ивалида*. 4) Такъ какъ въ „*Revue*“ нѣтъ *полнаго разбора*, а онъ обѣщалъ помѣстить его въ „*Сынъ Отеч.*“—онъ не помѣстилъ разбора.—Кромѣ того, всякій замѣтитъ, что онъ почитаетъ своихъ читателей или слѣпыми, или совершенными невѣждами, которые ничего не читаютъ, кромѣ его журнала, и вѣрятъ всему, что ни скажетъ г. Булгаринъ“.

Доселѣ мы говорили о военныхъ отношеніяхъ г. Булгарина почти ко всей рус-

ской литературѣ, почти ко всѣмъ журналамъ и писателямъ русскимъ, существовавшимъ или существующимъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Теперь, любя справедливость, считаемъ священнѣйшей обязанностью нашей показать, до какой степени способенъ г. Булгаринъ къ постоянству и неизмѣнности въ дружескихъ отношеніяхъ. Кому не извѣстенъ трогательный союзъ, оборонительный и наступательный, въ которомъ уже двадцать пять лѣтъ находятся къ чести и славѣ россійской словесности эти два достойные литератора—гг. Булгаринъ и Гречъ? И этотъ союзъ ни разу не былъ нарушенъ даже со стороны г. Булгарина, этого по преимуществу неугомоннаго рушителя всевозможныхъ союзовъ!.. И зато печать благодатности возлегла на этомъ достойномъ союзѣ и не сходитъ съ него... Нечего и говорить, какъ выгоденъ былъ этотъ союзъ для обоихъ союзниковъ: онъ далъ имъ возможность взаимнаго самопрославленія. Правда, извѣстно изъ многочисленныхъ опытовъ, что союзники, особенно г. Булгаринъ, никогда не затрудняются замолвить доброе слово въ свою пользу: такъ, напр., г. Булгаринъ сказалъ, въ 1829 г., въ 60 № „*Пчелы*“, что нападать на „*Выжигина*“, такъ весело разгуливающаго въ свѣтѣ, все равно, что прославляться храбростью геростратовою, чухонскимъ остроуміемъ и безпристрастіемъ шемакинскаго суда... Но все же неловко хвалить самого себя, особенно имѣя такъ много „ожесточенныхъ враговъ“, какъ много имѣлъ и имѣетъ ихъ г. Булгаринъ. И вотъ почему г. Булгаринъ хвалитъ больше г. Греча, а г. Гречъ хвалитъ больше г. Булгарина. Пушкинъ подъ псевдонимомъ Косичкина такъ описываетъ это отрадное явленіе въ нашей литературѣ:

„Посреди полемики, раздирающей нашу бѣдную словесность, Н. И. Гречъ и Ө. В. Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подають утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ озаменованъ почтенными памятниками. Өаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Н. И. поспѣшно провозгласилъ Өаддея Венедиктовича *любимымъ своимъ товарищемъ*; Ө. В. посвятилъ Николаю Ивановичу своего *Димитрія Самозванца*; Н. И. посвятилъ Өаддею Венедиктовичу свою *Повѣдку въ Германію*; Ө. В. написалъ для *Грамматики* Николая Ивановича хвалебное предисловіе; Н. И. въ *С. Пчелѣ* (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе объ *Иванѣ Выжигинѣ*. Единодушіе истинно трогательное!“ („*Телескопъ*“, 1831, ч. IV, стр. 135—136).

Въ „*Сынъ Отечества*“ (издававшемся гг. Гречемъ и Булгаринымъ) было объявлено, что „г. Булгаринъ остроумный, осно-

вѣтальный критикъ, литераторъ образованный, просвѣщенный, умный, съ отличнымъ успѣхомъ владѣетъ языкомъ"; что „имя г. Булгарина займетъ отличное мѣсто въ исторіи русской словесности"; что „у него", г. Булгарина, „есть добрый капиталъ ума, свѣдѣнія и дѣятельности"; что „онъ", г. Булгаринъ, „въ короткое время занятія своего литературою опередилъ многихъ нашихъ ветерановъ, приобрѣлъ на этомъ поприщѣ несомнѣнную, лестную извѣстность, и самъ своими трудами приносить честь нашей словесности", и что, „не говоря уже о польской, онъ, г. Булгаринъ, могъ бы заняться французской или нѣмецкой литературой съ равнымъ успѣхомъ" (С. О., 1824, № 38, стр. 210 и С. О., 1825, № 11, стр. 303—4). Въ томъ же „Сынѣ Отечества" 1824 г. № 38 (стр. 210—211) было объявлено, что г. Булгаринъ описываетъ моды „правильно, легко, свободно, пріятно, кратко и мило"... Но все это ничто въ сравненіи съ похвалою, которою превознесло г. Булгарина дружеское перо г. Греча въ „Сынѣ Отечества" 1831 года (№ 27): тутъ г. Гречъ объявилъ, что „у Булгарина въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ"... Остроумный Теофилактъ Косичкинъ (псевдонимъ, подъ которымъ скрывался, какъ извѣстно, Пушкинъ) принялъ этотъ намекъ на себя и, оскорбленный имъ, удостоилъ оригинальную выходку г. Греча о чудномъ мизинцѣ его товарища такимъ замѣчаніемъ:

„Г. Гречъ, въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во *услышаніе* всей Европы, что я ничѣмъ мизинцевъ не убоюсь, ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею, кому бы то ни было. Dixi!" („Телескопъ", 1831, ч. IV, стр. 414—415).

Но пока довольно о журнальномъ поприщѣ г. Булгарина. Намъ еще придется (для круглоты рѣчи) возвратиться къ нему; теперь обратимся къ другимъ родамъ его литературныхъ занятій. Мы уже упоминали объ „Избранныхъ одахъ Горация", которыя съ чужими примѣчаніями, безъ всякаго намека на „заимствование", издалъ г. Булгаринъ. Перепечатать латинскій текстъ отъ Горация и перевести ученныя примѣчанія къ нимъ съ польскаго на русскій языкъ,—для этого не требуется не только особеннаго, даже никакого знанія латинскаго языка. Булгаринъ понялъ это—и доказалъ свое знаніе тѣмъ, что родительный падежъ имени богини Strenae превратилъ въ Strenaa, а именительный Strenua—въ Strenuo, да еще

спорилъ, что онъ правъ; и тѣмъ еще, что въ книгѣ своей „Россія" онъ латинское слово *castriensis* — *лагерный* — принялъ за *кастрата*, и на этомъ основалъ, что римскій comes *castriensis* былъ не иной кто, какъ „начальникъ надъ евнухами"... Потомъ издалъ онъ (1823 г.) „Воспоминанія объ Испаніи". Несмотря на то, что подъ крыльями побѣдоносныхъ орловъ Наполеона г. Булгаринъ самъ могъ многое видѣть и замѣтить въ Испаніи,—его „Воспоминанія объ Испаніи" напоминаютъ не одну Испанію, но еще и „Исторію войны португальской и испанской", соч. Бошана... Потомъ въ своемъ театральномъ альманахѣ „Талія" г. Булгаринъ напечаталъ статью „О Драматическомъ Искусствѣ", подписанную буквами А. О. И что же?—„Ожесточенные враги" г. Булгарина доказали, что все хорошее въ этой статьѣ выбрано изъ курса Шлегеля „О Драматургіи"!.. Мало этого: они объявили, что авторъ этой „заимствованной" статьи есть не кто иной, какъ г. Булгаринъ! Но несмотря на то, что самъ г. Булгаринъ проговорился, а г. Гречъ прямо объявилъ, что статья „О Драматическомъ Искусствѣ" писана издателемъ „Таліи",—несмотря на все это, г. Булгаринъ написалъ къ себѣ письмо отъ имени мнимаго А. О., въ которомъ письмѣ онъ пишетъ, будто въ статьѣ его были даже означены страницы шлегелева курса, изъ которыхъ что заимствовано, но „издатель русской „Таліи", г. Булгаринъ, нашелъ неприличнымъ обременять альманахъ учеными цитатами (т.-е. указаніемъ на страницы книги, изъ которой взята статья, или хоть указаніемъ на имя автора!..) и исключилъ оныя". Внизу прибавлено: „Правда. Б." (отъ чего впоследствии и произошло техническое выраженіе *правда-буки* для означенія извѣстнаго рода правды...). По случаю всей этой исторіи въ „Телеграфѣ" было замѣчено: „Г. Гречъ недавно сказалъ: ловкаго моего товарища трудно поймать (С. О., 1825, № 11, стр. 302).—Нашли чѣмъ похвалиться, М. Г.! Все до времени!" (М. Т., 1825, ч. IV, стр. 12 особеннаго прибавленія).

„Россія въ историческомъ, географическомъ, статистическомъ" и еще не помнимъ, право, въ какихъ отношеніяхъ была попыткою г. Булгарина сдѣлаться историкомъ. Несчастливая попытка! Книга эта до того отзвѣвалась компиляціею, вѣско и въ нѣсколько рукъ состряпанною, что не возбудила толковъ даже и во „враждебныхъ" г. Булгарину журналахъ, осталась недоконченною и перешла на лари толкучаго рынка и въ мѣшки букинистовъ. Итакъ, ее мимо!

Обратимся къ нравоописательнымъ и нравственно-сатирическимъ статейкамъ, повѣстямъ, рассказамъ и романамъ, равно какъ

и къ историческимъ романамъ г. Булгарина, которыми онъ особенно превозносился нѣкоторое время, и о которыхъ онъ теперь уже и самъ такъ рѣдко вспоминаетъ. Вѣрные нашему общанію — говорить больше отъ лица другихъ, нежели отъ себя собственно, приводимъ здѣсь нѣсколько сужденій объ этихъ произведеніяхъ г. Булгарина, — сужденій людей, совершенно чуждыхъ намъ и другъ другу.

Вотъ что сказано было въ той статьѣ „Московского Вѣстника“, изъ которой мы уже сдѣлали выше довольно большое извлеченіе, о нравственно-сатирическихъ статьяхъ г. Булгарина:

„Всѣ его статьи подъ рубрикою „Нравы“ носятъ на себѣ общіе признаки всѣхъ его сочиненій, о которыхъ мы уже говорили. Все это пріятно и полезно для того круга читателей, который ограничивается немногими нравственными правилами и не требуетъ отъ писателя ни новыхъ, ни глубокихъ мыслей, какъ новой пищи уму дѣятельному. Для людей сколько-нибудь просвѣщенныхъ, для людей мыслящихъ и знакомыхъ съ литературою чужеземными такого рода статьи вялы и скучны. Архипъ Оадденчъ, главный и любимый герой его, есть человекъ пустой, съ одними общими мѣстами; онъ любитъ расточать давно извѣстныя всѣмъ совѣты и, какъ поваръ въ баснѣ Крылова, богатъ поученіями. Въ своихъ нападкахъ на молодежь онъ платитъ дань своему возрасту; но, къ чести нашего времени, молодые люди, питая всевозможное уваженіе къ урокамъ опыта, къ совѣтамъ мудрой старости, мимо ушей пропускаютъ невостребованныя нападки стариковъ скучныхъ, запальчивыхъ и кропотливыхъ. Запозины, Цаццарапкины, Кривокозины, лица, вводимыя г. Булгариннымъ, не принадлежатъ болѣе нашему времени. Это скудные остатки отъ того племени судей, которое поражено было перомъ Фонвизина и Капниста... Въ доказательство того, что наше мнѣніе внушено истиною, а не пристрастіемъ, мы безъ всякихъ нападокъ опять повторяемъ наше мнѣніе и утверждаемъ, что сочиненія его, не представляя намъ ни души высокой, ни теплоты чувства, ни глубокомыслія, ни ироніи, ни ѣдкаго остроумія, ни оригинальности взгляда, имѣютъ одни только отрицательныя достоинства, какъ-то: гладкость и правильность слога, иногда живость разсказа и другія качества, не всѣмъ въ равной мѣрѣ принадлежащія“...

Въ томъ же „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. (№ 1, стр. 77—79) еще прежде было высказано слѣдующее по поводу мелкихъ статей:

„Сія теплота чувства или мысли, которая родитъ душу читателя съ писателемъ, совершенно отсутствуетъ въ сочиненіяхъ г. Булгарина. Главный ихъ характеръ — безжизненность: изъ нихъ вы не можете даже опредѣлить образа мыслей въ авторѣ. Слогъ правиленъ, чистъ, гладокъ, иногда живъ, изрѣдка блещетъ остроуміемъ, — но холоденъ... Г. Булгаринъ, кажется, завладѣлъ монополіею въ описаніи *Нравовъ*; но писатель безъ своего воззрѣнія на міръ, безъ глубокомыслія, съ одними только обветшалыми правилами, безъ проницательности, безъ прозіи, никогда не успѣетъ въ этомъ родѣ. У г. Булгарина вы не найдете свѣтлой, разнообразной, пестрой картины современныхъ обы-

чаевъ и характеровъ; онъ смотритъ на нихъ не своими глазами, а сквозь стекло чужеземныхъ писателей; не русскіе нравы описываетъ, а передѣлываетъ чужіе на русскіе, подражая въ этомъ случаѣ нашимъ комикамъ. Часто встрѣчается у него давно забытый родъ аллегорій нравственныхъ, безъ всякаго поэтическаго вымысла, безъ теплоты чувства, которыми отличаются аллегоріи г. Глики; верѣдко найдете смѣшныя анахронизмы, какъ, напр., въ *Предразсудкахъ*, которымъ никто не вѣритъ; онъ часто, по примѣру старыхъ нашихъ комиковъ, заставляетъ свои лица невинно высказывать другимъ свои недостатки, какъ будто они до того уже не тонки и не хитры, что не умѣютъ скрывать въ себѣ и дурного. Нехитрость лицъ, создаваемыхъ авторомъ, показываетъ недостатокъ искусства въ немъ самомъ. Мы говоримъ безпристрастно о сочиненіяхъ г. Булгарина, и, въ случаѣ возраженій, готовы доказать примѣрами справедливость нашихъ замѣчаній... Г. Гречъ, товарищъ г. Булгарина, доказываетъ достоинства его сочиненій числомъ подписчиковъ. Аргументъ важный: — но просимъ г. Греча взглянуть въ послѣднія страницы *Александровъ*, и онъ убѣдится въ непрочности своего аргумента, равно какъ и въ томъ, что число подписчиковъ не всегда зависитъ отъ достоинства произведеній“.

Отзывъ „Литературн. Газеты“, изд. барономъ Дельвигомъ, не менѣе замѣчателенъ по умѣренному и безпристрастному тону:

„Вступленіе г. Булгарина на поприще литератора, и литератора русскаго, было явленіемъ замѣчательнымъ. Человекъ, неизвѣстный долготѣ никакими литературными трудами на нашемъ языкѣ, долго не жившій въ Россіи, отвыкнувшій, по собственному его признанію, отъ русскаго языка и, можетъ быть, хотѣвшій отвыкнуть отъ него, — вдругъ вступилъ на сцену въ нашей словесности, въ тѣхъ лѣтахъ, когда уже почти не учатся болѣе новымъ языкамъ, и выступилъ не съ стишками или короткими статейками, а съ двумя журналами, которые, по разнообразію своего содержанія, требовали по крайней мѣрѣ достаточнаго знанія языка и большой гибкости слога. Что ни говори, а подвигъ смѣлый, хотя выполненіе онаго, особливо въ первыхъ произведеніяхъ г. Булгарина, отзывалось болѣе отвагою юноши, пускающагося на удачу, нежели предпріятіемъ человека зрѣлыхъ лѣтъ, взвѣшивающаго свои силы и испытующаго свои способности прежде нежели примется за дѣло. Впослѣдствіи онъ началъ писать свободно, но и тогда, но и теперь еще въ сочиненіяхъ его замѣтенъ прежній недостатокъ: въ нихъ нѣтъ слога, и сему причиной слабое знаніе русскаго языка. Неумѣнье выразиться прямо и точно заставляетъ сочинителя пускаться въ перифразы; а это дѣлаетъ фразы его растаятыми, вялыми и потому скучными. Болѣе всего недостатокъ сей замѣтенъ въ драматическихъ мѣстахъ сочиненій г. Булгарина: въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ и въ живомъ разсказѣ дѣйствія, требующемъ быстроты и движенія... Въ сочиненіяхъ г. Булгарина все сглажено, обдѣлано, но безцвѣтно и безжизненно. Должно, однакожъ, отдать справедливость авторскому чистосердечію г. Булгарина: онъ самъ признался и не однажды, что г. Гречъ былъ его руководителемъ въ русскомъ языкѣ и даже исправлялъ въ его сочиненіяхъ ошибки противъ онаго... Скажемъ и то: обязательная пріязнь не всегда можетъ стоять на стражѣ. Какъ бы она ни пеклась о чужихъ умственныхъ дѣтищахъ, но на нее также находятъ минуты дремоты, и въ это время ошибки противъ языка, ошибки противъ смысла, ошибки противъ логики и другіе грѣхи литературныя паслѣдственно

вносзаютъ въ сочиненія литератора недоучившагося, подобно какъ грѣхи нравственныя прокрадываются въ душу человѣка нетвердыхъ правилъ. Такъ было нерѣдко и съ сочиненіями г. Булгарина: неправильное употребленіе словъ, странно обобщенія, ученическія фразы, мѣстами незнаніе управленія и даже спривженія глаголовъ, встрѣчаемыя въ статьяхъ, явно доказываютъ, что г. Гречъ не всегда могъ съ одинаковою внимательностью наблюдать за чистотой языка въ статьяхъ своего друга...

Въ пяти томахъ новаго изданія сочиненій г. Булгарина находятся и *статьи историческія*, и *военные рассказы*, и *литературныя повѣствовательныя статьи*, и *исторія*, наконецъ, *повѣсти*. Заглавія всѣхъ сихъ отдѣленій, вѣроятно, придуманы для того, чтобы болѣе заманить любопытство читателя разнообразіемъ содержанія; но неужели г. Булгаринъ печатаетъ и перепечатываетъ свои сочиненія только для тѣхъ, которые читаютъ безъ повѣрки? Изъ повѣстей г. Булгарина лучшая, по нашему мнѣнію, *Эстерка*; и если бы не разговоры и рѣчи, о которыхъ уже мы говорили въ 1-й нашей статьѣ, то она еще была бы лучше. Но какъ вообразить, напр., молодого гайдамака, который, сидя у подножья Карпатскихъ горъ, пароллруетъ монологъ *Царя Лири*: „Будуйте, вѣтры! греми, громъ! припоминайте намъ, что мы не имѣемъ ни крова, ни пригатища!“ Такой же недостатокъ соображенія (часто и недостатокъ воображенія) встрѣчается и въ другихъ повѣстяхъ г. Булгарина. Тѣ изъ нихъ, коимъ даны заглавія нравственныя (какъ-то: *Милость и правосудіе*, *Правосудіе и заслуга*, *Фонтанъ милостей* и т. п.) и кои названы *Восточными повѣстями*, *Восточными сказаніями*, *Восточными сказками*, *Восточными апологами*, смотря по прихоти сочинителя, сбиваются всѣ на одинъ ладъ и похожи на нехитрыя варіаціи одной и той же темы. Въ нихъ нѣтъ ни примѣтъ востока, ни заимчивости; любая сказка Мармонтеля, Флоріана и даже писателей гораздо низшаго разряда, болѣе удовлетворяетъ читателя, особливо въ отношеніи къ слогу. Помѣщенные въ отдѣленія *Исторіи*, *Статей историческихъ* и *Военныхъ рассказовъ* статьи, въ коихъ самъ сочинитель играетъ роль, похожи на *быль съ примѣсью*, какъ сказано съ большою точностію въ заглавіи *Федора*. Укажемъ на нѣкоторыя изъ тѣхъ, коихъ названія выписаны нами выше; къ нимъ можно отнести: *Ужасную ночь* и *Приключенія уланскаго корнета* подъ Фридрихландомъ.

Но главную часть сочиненій г. Булгарина составляютъ такъ называемыя статьи *О нравахъ*; вѣроятно, онѣ наполняютъ всѣ 7 томовъ, недостающіе къ обѣщаннымъ двѣнадцати...

Хорошо быть гонителемъ пороковъ и проповѣдникомъ благонравія; полезно даже искоренять дурныя привычки и, для пользы образованности и вкуса, осмѣивать глупости и странности. Худо только то, когда сатирикъ лозою своею стегаетъ по воздуху; когда онъ осуждаетъ пороки, небывалые въ народѣ, или осмѣиваетъ странности, имъ самимъ выдуманныя. Что, если бы какой иностранецъ заговорилъ китайцамъ, что они не соблюдаютъ постовъ, установленныхъ нашею церковью, или сталъ бы подшучивать надъ тѣмъ, что они слишкомъ много танцуютъ и любятъ гоняться за европейскими модами? Такія или подобныя нравственно-сатирическія обвиненія бывали однакожъ у насъ, именно въ статьяхъ г. Булгарина. Большая часть изъ нихъ писана была, какъ по всему видно, на скорую руку, для пополненія пустого мѣста въ журналѣ; и первая встрѣтившаяся мысль, первая попавшаяся подъ руку книга: Жуи, Поль-де-Рокъ, словомъ, кто бы ни былъ, снабжала его предметомъ для статьи *О нравахъ русскихъ*. Онъ не хо-

тѣлъ или не имѣлъ времени зрѣло обдумать: водится ли на Руси, описываемый имъ порокъ или странность, и если водится, точно ли въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ авторъ чужеземный? Онъ писалъ, какъ человѣкъ, не коротко знающій Россію и русскихъ; и плодомъ ложнаго о нихъ понятія былъ нравственно-сатирическій романъ: *Иванъ Выжигинъ*, въ которомъ болѣе, нежели въ другихъ сочиненіяхъ, авторъ относитъ къ общимъ правамъ народа тѣ пороки и странности, коихъ едва ли встрѣчается нѣсколько печальныхъ примѣровъ.

Страшнѣе всего авторская самоувѣренность его въ непогрѣшимости своихъ наблюденій и приговоровъ. Не хвалить его сочиненій—значитъ сдѣлаться заклятымъ его врагомъ и наклевать на себя колкости, въ которыхъ личность и неуимѣренность выражений часто выходитъ изъ всѣхъ возможныхъ границъ. Истинное дарованіе скромно, а посредственность всегда заносчива. Чиновникъ, который просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ мѣстѣ, едва имѣя способность для должности писца, и почти безъ пользы для службы, но съ пользою для себя, потому что не хотя его лишить хлѣба и обходить другихъ ради его ничтожности, давали ему чины и награды,—первый готовъ жаловаться на несправедливость, видя, что награжденъ болѣе его человѣкъ съ талантомъ, но младшій его и лѣтами и службой. Офицеръ, который для счета стоялъ въ ряду воиновъ, который не только не выдумаетъ пороку, но и не зажжетъ готового, и котораго *пуля-дура*, по выраженію Суворова, за дѣла можетъ быть нехотя, громче всѣхъ возвыситъ свой голосъ, и будетъ толковать о заслугахъ своихъ отечеству, о пролитой крови, сравнивая себя съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ сверстниковъ, болѣе награжденных за подвиги, достойныя награды. То же видимъ и въ литературѣ: вездѣ посредственность шумитъ больше прямого достоинства. На это можно бы, кажется, со всею откровенностію сказать этимъ авторамъ того-сего, этимъ любителямъ незаслуженныхъ похвалъ: „Мм. Гг.! вы хвалите сами себя, вы тщеславитесь тѣмъ, что сочиненій вашихъ вышло столько-то изданій, что они читаются тамъ-то и тамъ-то: слѣдовательно, цѣль ваша достигнута, и болѣе существенныя или вещественныя плоды вашихъ трудовъ должны для васъ замѣнить дымъ славы, который, можетъ быть, пучитъ и не насыщаетъ“. („Литер. Газета“, 1830, т. II, стр. 79—80 и 87—88).

„Иванъ Выжигинъ“ есть краеугольный камень литературной извѣстности г. Булгарина. Успѣхъ этого романа, можно сказать безъ преувеличенія, былъ блестящій. Тотчасъ же расхвачанный, прочитанный и зачитанный, онъ былъ превознесенъ пріятелями автора ¹⁾, похваленъ его союзниками, которые готовы были на всѣ моральныя уступки и пожертвованія, лишь бы обезоружить безпокойное „правдолюбіе“ г. Булга-

¹⁾ Одинъ изъ нихъ, В. Ушаковъ, разбирая впоследствии *Димитрія Самозванца* г. Булгарина, воскликнулъ: „Приступаю къ разсмотрѣнію романа, сочиненнаго моимъ короткимъ пріятелемъ, Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, и объ этихъ моихъ сношеніяхъ съ авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ *острашихъ жало* на новое произведеніе моего друга“ („Моск. Телегр.“, 1830, ч. XXXII, стр. 201). Подлинно:

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ!
Примъ Бѣлинскаго.

рина, и былъ разбраненъ во всѣхъ поврежденныхъ изданіяхъ, не захотѣвшихъ приступить къ насильственному союзу. Представляемъ здѣсь нѣсколько мнѣній о „Выжигинѣ“, современныхъ появленію этого романа.

„Менѣ таланта, но болѣе литературной опытности (нежели въ „Черномъ годѣ“ или „Горскихъ вѣззяхъ“, романѣ Нарѣжнаго), языкъ болѣе гладкій, хотя и безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ *Выжигинѣ*, нравственно-сатирическомъ романѣ г. Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность, нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ,—вотъ качества сего сочиненія, — качества, которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ *Выжигина* съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что *Выжигинъ* расходится. Но гдѣ же эти люди?—спросятъ меня. Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ*, но они есть, ибо и *Сонникъ* и *Выжигинъ* и *О клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ“ (*Денница*, алмазнахъ на 1830 годъ, статья: *Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ*, стр. LXXIII—LXXIV).

„Быстрое распространѣніе фамиліи *Выжигиныхъ* (гг. Булгарина и Орлова) есть ватуральное слѣдствіе давно признаннаго въ основателѣ ея достоинства, что онъ приходится не только *по сердцу*, но и *по плечу* читающей нашей публикѣ. По несчастью, наша читающая публика не есть самая высшая по тону и образованію. Лучшая часть нашего общества, непривыкшая еще порядочно разбирать по-русски, во сю пору предается добродушному патріотическому сокрушенію, что у насъ, на отечественномъ языкѣ, почитать нечего. *Иванъ Выжигинъ*, какъ благоразумный дѣтина, выжженный обстоятельствомъ, не думалъ и хлопотать объ ея вниманіи. Не надѣясь на князи, отъ которыхъ самый блестящій талантъ награждается однимъ холоднымъ междометіемъ удивленія, онъ избралъ себѣ другую, менѣ высокую, но болѣе широкую дорогу, на которой встрѣченъ былъ радушіе и награжденъ тороватѣе. Онъ приоровился къ потребностямъ, вкусу и замашкамъ нашего средняго сословія, въ которомъ охота къ чтенію ежедневно усиливается болѣе и болѣе, и заполонилъ его вниманіе, выбравъ для своей кукольной комедіи содержаніе, цвѣтъ и тонъ къ нему близкіе. Въ самомъ дѣлѣ, эта коллекція уродливыхъ образовъ, одѣтыхъ въ знакомыя платья, какъ могла не понравиться русскому народу, который любитъ показывать изъ кармана фигу дурачества, конхъ явно осуждать не смѣетъ? *Иванъ Выжигинъ* доставилъ вполне ему это удовольствіе. Благодаря его карикатурамъ, деревенскіе помѣщики могли вымещать горе, претерпѣваемое отъ уѣздныхъ судовъ и губернскихъ палатъ, громкимъ и раздольнымъ хохотомъ надъ грозными членами; миролюбивые купцы находили тайное удовольствіе посмѣяться себѣ въ бороду надъ спесивыми барями; пронырливые сидѣльцы, въ свою очередь, могли забавляться изуродованными харями суровыхъ своихъ хозяевъ; лаченъ тѣшились надъ господами, горничныя пересмѣхали барынь. Коротко сказать—*Иванъ Выжигинъ* умѣлъ найти чувствительную струну въ каждомъ сословіи русскаго народа и пошевелить ее пріятнымъ щекотаніемъ. Само собою разумѣется, что на это не требовалось большого искусства. Занимательность представляемыхъ имъ карикатуръ

состояла не въ вѣрности, а въ уродливости. Обыкновенно, чѣмъ безобразнѣе и отвратительнѣе фигуры, выставляемыя на посмѣище, тѣмъ хохотъ громче и продолжительнѣе. Попробуйте развѣсить подъ Новинскимъ характеристическія картины правовѣ, написанныя самою вѣрною и богатою кистью: ихъ никто не замѣтитъ. Но вокругъ паяца, въ дурацкомъ колпакѣ, съ ослиными ушами, краснымъ носомъ, кривыми ногами и огромнымъ брюхомъ всегда толпятся и зрители, и слушатели видимо невидимо! *Иванъ Выжигинъ* зналъ хорошо эту слабость; воспользовался ею, какъ нельзя лучше, и награжденъ за то, какъ нельзя больше. Отъ выставленнаго имъ райка не было отбоя“ (*Теле-скопъ*, 1831 г., ч. III, стр. 101—102).

Но вотъ сужденіе о Петрѣ Ивановичѣ Выжигинѣ, отличающееся особеннымъ безпристрастіемъ къ его автору и совершенно спокойнымъ тономъ; не соглашаясь съ нимъ вполне, мы все-таки приводимъ и его:

„Доселѣ г. Булгаринъ писалъ повѣсти и романы двухъ родовъ: такъ называемые нравственно-сатирическіе и историческіе. Къ первому роду принадлежитъ, какъ извѣстно, *Иванъ Выжигинъ*; ко второму—*Димитрій Самозванецъ*. Въ *И. Выжигинѣ* онъ соединилъ оба эти рода, соединилъ *Ив. Выжигина* съ *Самозванцемъ* и, должно сознаться, исполнилъ это дѣло весьма неудачно. Сдѣны историческія или вообще все, что относится къ войнѣ 1812 года, такъ рѣзко отдѣляются отъ остального—*правоописательнаго*, какъ масло отъ воды. Вездѣ видны вставки и, такъ сказать, заплаты изъ порфиры *Самозванца* на ветхомъ рубищѣ сироты—*Выжигина*. Даже второе названіе этого романа: *историческій*—есть въ полномъ смыслѣ придаточное. Сіи вставки бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ чтеніи. Кажется, будто читаешь два романа, между собой совершенно различныя или сшитыя другъ съ другомъ на живую нитку, безъ всякой послѣдовательности и связи. Можно подумать, что авторъ ввѣсилъ пропущенія 1812 года не прежде, какъ по окончаніи правоописательной части романа, или, наоборотъ, вставилъ интригу, написавъ сперва историческія сцены... Сему разногласію и безсвязности, кромѣ недостатка въ общемъ планѣ и въ правильномъ распредѣленіи частей, могла быть и другая причина: по моему мнѣнію, г. Булгаринъ имѣетъ талантъ преимущественно къ сценамъ историческимъ и не склоненъ къ правоописательному роду. Онъ обладаетъ воображеніемъ, то-есть способностію передавать вѣрно и живо то, чего былъ самъ нѣкогда свидѣтелемъ, что изучалъ съ подробностію, словомъ, что коротко ему знакомо изъ чтенія или изъ опытовъ жизни. Но, скажемъ прямо, онъ не одаренъ фантазіей, тою творческою способностію, которая созидаетъ характеры, даже приключенія, и придаетъ вымыслу не только правдоподобіе, но и дѣйствительность... То, что должно дышать жизнью, возбуждать къ себѣ участіе, завлекать возрастающимъ интересомъ, у него вяло, безцвѣтно, холодно, утомительно. Ложная система правоченія еще болѣе увеличиваетъ сіи недостатки. Въ подтвержденіе мною сказаннаго, рассмотримъ историческія сцены новаго *Выжигина*—тѣ, въ конхъ является Наполеонъ съ своею блестящею свитою, съ своими маршалами, съ своей главной кваргирой; возьмите даже прибытіе Кутузова въ армию или картину Москвы до вступленія въ нее непріятеля: все это заманчиво, живо, естественно. Отчего? Оттого, что онъ не отступаетъ отъ исторіи, вѣрно слѣдуетъ за своими вождями—Сегюромъ, Шамбре, Глинкой, или, быть можетъ, за лучшимъ изъ вожа-

тых—своими воспоминаніями. Всю вторую половину III-го тома можно по справедливости назвать великимъ оазисомъ въ пустынь этого романа. Но шагъ за оазисъ—и васъ останавливаетъ безплодіе: нигдѣ тѣни, чтобы принять утомленнаго путника; нигдѣ источника, чтобы отвести душу. Дѣйствующія лица становятся неестественными и, чтобы продолжить сравненіе, ходить на ходуляхъ, подобно жителямъ степей (Landes) во Франціи. Васъ встрѣчаютъ толпы героевъ великодушія или дюжины злодѣевъ и преступниковъ всѣхъ родовъ, для которыхъ мало бы висѣлицы и, которые, къ счастью рода человѣческаго, не существуютъ на свѣтѣ, ибо суть такія же безжизненные отвлеченности, какъ и образцы всѣхъ возможныхъ добродѣтелей“ (*Телескопъ*, 1831, ч. III, стр. 359—360).

Выписывая всѣ эти мнѣнія о романахъ г. Булгарина, мы равно далеки отъ того, чтобы признавать ихъ безусловно справедливыми и въ осужденіи, и въ похвалѣ. Что касается до осужденія, нѣкоторыя изъ выписанныхъ нами строкъ, при всей справедливости ихъ основанія, писаны явно не въ спокойномъ духѣ, а это доказываетъ, что онѣ не безусловно справедливы. Съ другой стороны, мнѣніе о заманчивости, живости и естественности нѣкоторыхъ описаній и картинъ въ „Петрѣ Выжигинѣ“, равно какъ и о предполагаемой способности г. Булгарина къ историческимъ сценамъ, кажется намъ преувеличеннымъ. Какъ бы то ни было, но для насъ во всѣхъ этихъ выпискахъ, извлеченныхъ изъ разныхъ повременныхъ изданій, изъ статей, писанныхъ людьми, совершенно другъ другу чуждыми,—во всемъ этомъ ясно видно, что мнѣніе о совершенномъ отсутствіи въ сочиненіяхъ г. Булгарина фантазіи и изобрѣтенія, о холодности и сухости его языка, впрочемъ по большей части гладкаго и чистаго,—что это было общимъ мнѣніемъ еще назадъ тому болѣе пятнадцати лѣтъ.

Теперь намъ легче высказать собственное ваше мнѣніе о сочинительствѣ г. Булгарина—и мы выскажемъ его *sine ira et studio*. Отнимать всякое значеніе у того необыкновеннаго успѣха, который пріобрѣтенъ „Иваномъ Выжигинымъ“, объяснять его успѣхомъ „Сонниковъ“ и книгъ „О клопахъ“,—по нашему мнѣнію, вовсе несправедливо, и критики г. Булгарина подобными выходками только лишали свои статьи того довѣрія у публики, котораго онѣ заслуживали по справедливости своего основанія. Если нельзя принять за безусловное правило, что большой расходъ книги всегда есть доказательство ея достоинства,—то нельзя также думать, чтобы большой расходъ книги не свидѣтельствовалъ по крайней мѣрѣ въ пользу ея условнаго, современнаго достоинства, въ доказательство того, что книга была въ потребности времени и лучше другихъ удовлетворила этой потребности. Вообще незаслуженный успѣхъ есть болѣе рѣдкое явленіе

въ литературѣ, нежели какъ объ этомъ думаютъ,—особенно большой успѣхъ. И мы, нимало не обинуясь, скажемъ, что необыкновенный успѣхъ „Ивана Выжигина“ былъ точно такъ же заслуженъ, какъ и необыкновенный успѣхъ „Юрія Милославскаго“, хотя въ послѣднемъ романѣ мы видимъ несравненно больше и таланта, и вообще литературнаго достоинства, нежели въ первомъ. „Иванъ Выжигинъ“, говорите вы, угодилъ насмѣшливости разныхъ сословій русскаго общества рядомъ каррикатуръ одна другой уродливѣе и безобразнѣе. Хорошо! Но зачѣмъ же никто другой, кромѣ г. Булгарина, не подумалъ угодить этой насмѣшливости? Что ни говорите, а на успѣхъ, на чемъ бы онъ ни основывался, всегда много охотниковъ; но успѣваетъ всегда только рѣшительный, смѣлый, предприимчивый и трудолюбивый. До „Выжигина“ у насъ почти вовсе не было оригинальныхъ романовъ, тогда какъ потребность въ нихъ уже была сильная. Г. Булгаринъ первый понялъ это, и зато первый же былъ и награжденъ сторицей. Правда, появленіе г. Булгарина на литературномъ поприщѣ въ качествѣ романиста было упреждено появленіемъ на томъ же поприщѣ Нарѣжнаго, человѣка съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ. Но это обстоятельство, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе нежели невыгодное, можно сказать—страшное для г. Булгарина, по многимъ причинамъ не могло вредить ему. Во-первыхъ, Нарѣжный дебютировалъ въ 1822 году весьма плохимъ романомъ—„Аристѣонъ, или перевоспитаніе“, будучи до того времени едва извѣстенъ, какъ авторъ скопированной съ „Разбойниковъ“ Шиллера драмы „Дмитрій Самозванецъ“ (1804 г.) и „Славянскихъ Вечеровъ“—надуториторическихъ поэмъ въ прозѣ (1809 г.), въ 1824 году издалъ свои „Новыя Повѣсти“, которыя слѣдовало бы правильнѣе назвать плохими повѣстями. Лучшія его произведенія—„Бурсакъ“, романъ въ 4-хъ частяхъ (1824 г.), и „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“, въ 3-хъ частяхъ (1825 г.),—несмотря на все ихъ достоинство, не могли вдругъ воспользоваться огромнымъ успѣхомъ, потому что по ихъ содержанію, касающемуся одной Малороссіи, не имѣли общаго интереса для всѣхъ русскихъ. Сверхъ того, самыя достоинства этихъ романовъ Нарѣжнаго были таковы, что нужно было время для уразумѣнія и оцѣнки ихъ. При томъ талантъ Нарѣжнаго былъ какой-то нерѣшительный: идя въ подробностяхъ и частностяхъ путемъ совершенно новымъ, въ общей завязкѣ и развязкѣ онъ шелъ путемъ избитымъ; богатый комизмомъ, онъ въ то же время былъ щедръ и на скучную мораль. Комическія же сцены

его въ то время могли смѣшить публику, но не могли поставить его въ ея глазахъ на слишкомъ высокое мѣсто. Г. Булгаринъ взялся за дѣло иначе и, съ свойственной ему смѣтливостью, понялъ, что нападки на такъ называемыя злоупотребленія не могутъ не расшевелить сильно всѣхъ струнъ русскаго общества. И онъ не обманулся. Не имѣя фантазіи, вовсе чуждый дара творчества, онъ замѣнилъ цѣлью художество, сатирой—вѣрность дѣйствительности, карикатурой—характеры и образы. Взявши себѣ въ образецъ старинный романъ А. Измайлова: „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія“ (первая часть напечатана въ 1799, вторая—въ 1801 году), онъ такъ искусно сумѣлъ тряхнуть стариной на новый манеръ, предпріятіе его всѣмъ показалось такъ оригинальнымъ, что успѣхъ превзошелъ ожиданія. Это очень понятно. Всегда такъ было, есть и будетъ въ литературахъ, возникшихъ не изъ собственной, родной почвы, а начавшихся подражаніемъ иностраннымъ литературамъ: сперва въ нихъ тотъ и беретъ, кто смѣлѣе и явнѣе подражаетъ иностраннымъ образцамъ, а потомъ тотъ, кто подражаніе иностраннымъ образцамъ лучше другихъ умѣетъ выдавать за что-то оригинальное, народное. Было время, когда наше юное общество въ „Синавахъ“ и „Димитріяхъ Самозванцахъ“ Сумарокова добродушно видѣло героевъ и лицъ русской исторіи; потомъ пришло время, и эта нѣсколько подросшая публика добродушно думала видѣть Россію и русскихъ въ безцвѣтныхъ аллегорическихъ олицетвореніяхъ, играющихъ роль дѣйствующихъ лицъ въ „Иванѣ Выжигинѣ“; но черезъ годъ послѣ этого, прочитавъ „Юрія Милославскаго“, она воскликнула: „вотъ это ужъ настоящая Русь, настоящіе русскіе!“ Теперь она поняла, что въ литературномъ произведеніи только то лицо можетъ быть истинно-русскимъ, которое поэтически-художественно изображено,—и потому уже въ „Юріи Милославскомъ“ такъ же не видитъ русскихъ лицъ, какъ не видитъ ихъ болѣе въ „Иванѣ Выжигинѣ“, въ трагедіяхъ и комедіяхъ Сумарокова. Но этимъ нисколько не отнимается заслуга ни Сумарокова, ни гг. Булгарина и Загоскина. Эти три писателя выразили своими произведеніями три постепенные момента русской литературы, три ступени, перешагнутыя ею въ ея развитіи. Благодаря младенческому состоянію нашей литературы, успѣхъ Сумарокова былъ продолжителенъ; но успѣхъ г. Булгарина былъ уже только минутный: „Юрій Милославскій“ наповаль убилъ его „Димитрія Самозванца“. „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“, какъ повтореніе двухъ первыхъ романовъ г. Булгарина,

имѣлъ успѣхъ гораздо слабѣе, а „Рославъ-левъ“ Загоскина и совершенно добилъ остатки „Петра Ивановича Выжигина“. Но первый романъ г. Булгарина далъ ему огромную извѣстность, и, благодаря ей, онъ могъ еще нѣкоторое время писать романы, хотя не съ прежнимъ успѣхомъ, но все же не вовсе безъ успѣха. Надо сказать, что съ появленія „Выжигина“ литература наша круто поворотила отъ стиховъ къ прозѣ. Въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ съ того времени явились новыя имена, новыя знаменитыя по успѣху и относительнымъ, условнымъ достоинствамъ произведенія: гг. Загоскинъ, Лажечниковъ, Вельтманъ, Ушаковъ, Бѣгичевъ и другіе, и ихъ романы и повѣсти. Но въ 1831 году появилась первая книжка „Вечеровъ на Хуторѣ“, неизвѣстнаго дотолѣ автора, какого-то г. Голя...

Говоря о г. Булгаринѣ, мы не напрасно вспомнили о Сумароковѣ. Г. Булгаринъ давно уже жалуется на своихъ „враговъ“, что они огласили его бездарнымъ сочинителемъ. Особенно горько и много жаловался онъ за это на „Отеч. Записки“. Но это не совсѣмъ справедливо и на этотъ счетъ мы готовы хладнокровно объясниться. Если г. Булгаринъ думаетъ, что природа снабдила его даромъ поэзіи, творчества,—то мы дѣйствительно считаемъ его положительно бездарнымъ писателемъ. Если же подъ словомъ „бездарный“ онъ разумѣетъ отрицаніе всякихъ способностей къ чему-нибудь, то мы никогда не думали считать его бездарнымъ. Даже въ его статьяхъ о нравахъ мы не отвергаемъ способности—хотя поддѣлываться подъ Адиссона и Жуи. Статьи эти сухи, блѣдны, безцвѣтны и потому скучны; ихъ такъ же невозможно сравнивать съ статьями въ томъ же родѣ „Новаго живописца общества и литературы“ Полевого, какъ невозможно сравнивать произведенія прилежнаго ученика, копирующаго съ чужихъ картинъ, съ произведеніями даровитаго живописца, пишущаго съ натуры. Что же до „Ивана Выжигина“ и даже другихъ романовъ г. Булгарина,—въ нихъ нѣтъ ни даже признака фантазіи, изобрѣтенія, творчества, поэзіи, но тѣмъ не менѣе о нихъ можно сказать, что въ нихъ выразилась *посредственность*, и никакъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ выразилась *бездарность*. Сумароковъ теперь забытъ, читать его невозможно; таланта поэзіи въ немъ не было и признака; но все же онъ человѣкъ способный, и ему литература наша обязана многимъ. Сдѣлать то, что сдѣлалъ онъ, было не совсѣмъ легко, а потому, кромѣ него, и не нашлось никого, кто взялся бы за его дѣло. Сумароковыхъ у насъ было много, и

нельзя сказать, чтобы ихъ не было и теперь. Разница та, что теперешніе Сумароковы уже обязаны имѣть не одну способность, но *кунно* и что-то въ родѣ дарованія, для того, чтобы успѣть хотя ненадолго въ какой-нибудь еще неизвѣданной отрасли литературы. Такъ Марлинскій съ блестящимъ успѣхомъ взялся за, будто бы, русскую повѣсть съ мелодраматическими страстями и ходульными характерами. Такъ иной брался за драму съ итальянскими художниками и за народно-русскую драму съ русскими собственными именами ¹⁾. И тутъ былъ успѣхъ; ненадолго, но былъ. Въ свое время имѣлъ успѣхъ и г. Булгаринъ. Но это время прошло, и напрасно онъ нападками на „новую натуральную школу“ думаетъ воротить невозвратимое... Видя невозможность писать романы, онъ хочетъ вознаградить себя за это униженіемъ новой школы, и какъ будто сдѣлалъ себѣ какую-то задачу ратовать противъ нея въ фельетонахъ „С. Пчелы“...

И вотъ мы естественнымъ путемъ возвратились опять къ журнальному поприщу г. Булгарина. Журналистикой началъ онъ свое литературное поприще, журналистикой и оканчиваетъ его теперь. Но и здѣсь, какъ и во всемъ, остался онъ вѣренъ самому себѣ: никакихъ принциповъ, никакихъ убѣжденій, одна литературная тактика, какъ и двадцать лѣтъ назадъ. Такъ же точно говоритъ онъ неумолкаемо о своей любви къ правдѣ и о своихъ „врагахъ“. Такъ же точно хвалитъ сегодня то, что бранилъ вчера и что снова будетъ хвалить завтра, смотря по отношеніямъ. Такъ же точно позволяетъ себѣ приписывать своимъ противникамъ то, чего они не дѣлали и не говорили, и возражать на мнѣнія, которыхъ они никогда не обнаруживали. Такъ, напр., въ 88 № „Сѣв. Пчелы“ прошлаго года обвинилъ онъ „Отеч. Записки“ въ постоянномъ будто бы стремленіи унижать г. Каратыгина 1-го, и не могъ представить изъ „Отеч. Записокъ“ ни одного слова въ оправданіе взводимого имъ на нихъ обвиненія. Такъ, въ 55 № „Сѣв. Пчелы“ нынѣшняго года г. Булгаринъ взводитъ на „Отеч. Записки“ небылицу, будто онѣ сравнили Гоголя съ Гомеромъ, тогда какъ и „Отеч. Записки“ прежде всѣхъ другихъ журналовъ посмѣялись надъ забавной московской брошюрой, въ которой Гоголь сравненъ былъ съ Гомеромъ ²⁾. Какъ и прежде, г. Булгаринъ позволяетъ себѣ въ нападкахъ на своихъ противниковъ выходить изъ чисто литературной сферы. Напомнимъ читателямъ нашимъ небольшую статейку въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г. (т. I, стр. 161):

„Въ 39 № „Сѣверной Пчелы“ помѣщено окончаніе статьи о VII главѣ „Овѣйна“, въ которой между прочимъ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, „взялъ обильную дань изъ *Горя отъ Ума* и, просимъ не погрѣваться, изъ другой извѣстной книги“. Седьмая глава „Овѣйна“ лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотою, и никто, кромѣ „Сѣв. Пчелы“, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ „Горя отъ Ума“. И Грибоѣдовъ, и Пушкинъ писали свои картины съ одного предмета; неминуемо и у того и у другого должны встрѣчаться черты сходныя. Но изъ какой, просимъ не погрѣваться, другой извѣстной книги Пушкинъ что-то похитилъ? Не называется ли „Сѣв. Пчела“ извѣстной книгой „Ивана Выжигина“, гдѣ находится странное раздѣленіе московскаго общества на классы, въ числѣ которыхъ одинъ составленъ изъ архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвиняемъ Пушкина, хотя бы по какой-то игрѣ случая его описаніе Москвы было написано прежде „Ивана Выжигина“ и напечатано въ „Сѣв. Пчелѣ“ почти за годъ до появленія этого романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа „Дмитрій Самозванецъ“ и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію „Борисъ Годуновъ“, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина“.

Въ той же „Литературной Газетѣ“ (т. II, стр. 161—163) напечатанъ протестъ противъ статьи г. Булгарина (въ 94 № „С. Пчелы“ 1830 г.), въ которой онъ говоритъ, что въ чужихъ краяхъ странствуетъ нѣсколько юныхъ россіянъ ¹⁾, которые „выдаютъ себя за первоклассныхъ русскихъ поэтовъ, философовъ и критиковъ, и всѣмъ журналистамъ обѣщаетъ сообщать извѣстія о Россіи, а болѣе о русской литературѣ“. Въ числѣ этихъ юныхъ россіянъ поименованъ г. Шевыревъ, „авторъ писемъ изъ Италіи“, помѣщаемыхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, и соучастникъ по изданію этого журнала. Протестъ противъ этихъ болѣе полицейскихъ, нежели литературныхъ извѣстій былъ написанъ въ „Литерат. Газетѣ“ самимъ г. Шевыревымъ.

И теперь г. Булгаринъ дѣлаетъ то же самое, какъ бы въ доказательство, что ему, какъ віотійцамъ въ Аѳинахъ, все позволительно, все возможно... Чего ни писалъ г. Булгаринъ въ подрывъ кредита у публики „Отеч. Записокъ“!.. то увѣрялъ, что онѣ скоро прекратятся за неимѣніемъ подписчиковъ; то говорилъ, что ихъ друзья съ умыслу распускаютъ слухи, будто онѣ издаются въ пользу какого-то бѣднаго семейства... Но вотъ самые свѣжіе примѣры: въ 55 № „Сѣверной Пчелы“ нынѣшняго года г. Булгаринъ утверждаетъ, будто „Отеч. Записки“ основаны были съ цѣлью уронить „Библіотеку для Чтенія“; будто какая-то компанія,

¹⁾ Намекъ на Кукольника.

²⁾ См. наст. изд., т. II, ст. №№ 38—39.

¹⁾ И. Кирѣевскій и Шевыревъ. См. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. III, стр. 46—50.

составившаяся для изданія „Отеч. Записокъ“, рѣшительно объявила известное правило: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ“. Во-первыхъ, нигдѣ не было объявлено, чтобы „Отеч. Записки“ издавались компаніей, и на заглавномъ листѣ ихъ всегда стояло только имя издателя и редактора этого журнала: откуда же и чего ради сочинилъ г. Булгаринъ компанію?.. Далѣе: „Вызвали изъ Москвы критика, который своими парадоксами, печатаемыми въ „Молвъ“, заставилъ добрыхъ людей взглянуть на себя съ улыбкой удивленія (и такъ добрые люди, а въ числѣ ихъ и г. Булгаринъ, посмотрѣли на себя съ удивленіемъ?..) и поручили ему писать разборы книгъ, т.-е. уничтожать все прошлое (не пошлое ли?) и рубить все: *что не съ нами, то противъ насъ*. Вотъ и пошла потѣха“. Спросимъ г. Булгарина, ссылаясь на его совѣсть: все это литературныя ли подробности? А что, если къ этому мы скажемъ, что все это сочинено имъ самимъ и ничего этого не было?.. Но ему до правды нужды нѣтъ, лишь бы, какъ говорится, насолить врагу, лишь бы взять не мытьемъ, такъ катаньемъ... Какой правдолюбъ!.. Если бы кто печатно разсказалъ, что, напр., гдѣ-нибудь, хоть въ Китаѣ положимъ, есть старій журналистъ, онъ же и выписавшійся сочинитель, который въ досадѣ, что его не читаютъ, а молодыхъ писателей читаютъ, еженедѣльно пишетъ на нихъ въ своемъ изданіи „Сплетни“ самую пошлую брань, *хуже всякой всячины* ¹⁾; и, чтобы дѣло шло успѣшнѣе, пригласилъ себѣ въ сотрудники одного бездарнаго и глупаго писаку, обруганнаго во всѣхъ журналахъ, привыкшаго узнавать своихъ критиковъ по когтямъ, какъ они привыкли узнавать его по ушамъ; что писака, доселѣ игравшій роль литературнаго зайца, травлей котораго потѣшался весь свѣтъ, обрадовался, что въ рукахъ патрона своего можетъ быть грязной тряпкой, чтобы марать порядочныхъ людей, — цѣпной собакой, чтобы лаять на людей лучше и выше себя и тѣмъ добиться похвалы: „Ай, моська! знать она сильна, что лаеетъ на слона!“ ²⁾), — если бы, говоримъ мы,

кто-нибудь разсказалъ это печатно, въ этомъ не было бы ничего неприличнаго и, кромѣ китайскихъ журналистовъ, этого некому было бы принять на свой счетъ. Такъ и сдѣлалъ Пушкинъ (назвавшись Теофилактомъ Косичкинымъ), сказавши („Телескопъ“, 1831, ч. IV, стр. 416—417): „Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссорить меня со всѣми порядочными людьми, мараеетъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный“ ¹⁾.

Все это позволительно, какъ выдумка, не выдаваемая за истину: но входить въ частныя дѣла своихъ противниковъ, сочинять на нихъ цѣлыя исторіи, — это называется *личностями* и за это иногда и отвѣчаютъ *личностію* же... А что же, если не это позволяетъ себѣ дѣлать г. Булгаринъ? Объ этомъ кстати должны мы разсказать цѣлую исторію. Въ 57 № „С. Пчелы“ г. Гречъ пишетъ изъ Парижа слѣдующее о переводѣ повѣстей Гоголя на французскій языкъ:

„Г. Віардо изданіемъ перевода сочиненій Н. В. Гоголя принесъ намъ и нашей литературной репутаціи услугу очень сомнительную, похожую на ту, которой, въ баснѣ Крылова, медвѣдь угодилъ своему другу. Нельзя вообразить себѣ ничего карикатурнѣе и смѣшнѣе этого перевода. Наблюдательность автора, его искусство схватывать едва уловимыя черты малороссійскаго быта, его мнимое простодушіе, его наивная замысловатость — все это исчезло подъ губительнымъ перомъ варвара-переводчика: остались нелѣпыя вымыслы, уродливыя сцены, отвратительныя подробности, безвкусіе и отсутствіе всякаго благородства и изящества литературнаго; вмѣсто живого тѣла, видимъ безобразный скелетъ. Впрочемъ, всякъ воленъ переводить что и какъ ему угодно, а вотъ что непорочно и противъ чего мы возстаемъ всѣми силами: г. Віардо, печатая юродивую повѣсть „Вій“ въ „Journal des Débats“, снабдилъ ее предисловіемъ, въ которомъ говоритъ, что г. Гоголь продолжаетъ въ отечествѣ своемъ созданіе литературы оригинальной, обогащенной трудами двухъ умершихъ писателей ея — Пушкина и Лермонтова. Мы охотно отдаемъ справедливость уму и таланту г. Гоголя, и ставимъ его произведенія на почетное мѣсто среди твореній пылнѣшняго времени; признаемъ въ его *Тарасѣ Бульбѣ* большія достоинства и красоты, всегда съ новымъ наслажденіемъ перечитываемъ *Старосветскихъ Помѣщиковъ*, и не можемъ наѣшиться забавнымъ *Ревизоромъ*; но не дерзаемъ ставить его не только наравнѣ съ Пушкиннымъ и Лермонтовымъ,

главилъ „Литературный заяцъ“; въ ней онъ нарисовалъ типъ бездарнаго графомана, раздражительно-самолюбиваго, писавшаго плохіе романы, надъ которыми всѣ смѣялись, и ставшаго отъ злобы газетнымъ полемистомъ. — Некрасовъ, въ связи съ этимъ, нарисовалъ типъ затравленнаго „Литературнаго зайца“ въ своемъ извѣстномъ юмористическомъ стихотвореніи.

¹⁾ Въ такомъ родѣ отзывался третьимъ лицамъ Гречъ о Булгаринѣ.

¹⁾ О „Всякой Всячинѣ“ — см. въ началѣ настоящей статьи; такъ назывался отдѣлъ „Сѣверной Пчелы“.

²⁾ Все это направлено противъ нѣкоего Л. В. Бранта, о которомъ мы упомянули во вступительной замѣткѣ къ ст. № 6 (см. т. I, стр. 198). Это былъ бездарный графоманъ, страдавшій къ тому же маніей величія; романы его („Аристократка“, „Жизнь, какъ она есть“) вызвали рѣзкіе отзывы Бѣлинскаго и другихъ журналистовъ. Тогда въ немъ принялъ участіе Булгаринъ и отвелъ мѣсто въ „Сѣверной Пчелѣ“ для его полемическихъ статей — главнымъ образомъ противъ „Отеч. Записокъ“ и Бѣлинскаго; статьи эти Л. Брантъ подписывалъ горделивымъ псевдонимомъ: Я. Я. Я. Бѣлинскій отвѣтилъ на все это двумя пренебрежительными замѣтками, одну изъ которыхъ оза-

да и непосредственно послѣ нихъ. У него нѣтъ главнаго—*нѣтъ языка*; онъ позаиметъ, позабавитъ публику своимъ рассказомъ, но не подвинетъ ее впередъ на пути литературнаго образованія, какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ. Журналы здѣшніе (??) смѣются надъ твореніями Гоголя въ переводѣ и ставятъ его гораздо ниже дѣйствительнаго ихъ достоинства. Ихъ винить нельзя. Прочитайте переводъ повѣсти „Вій“ и скажите, можетъ ли быть что уродливѣе и пѣшнѣе“.

Что сказать на это? „Сѣв. Пчела“ вольна находить переводъ г. Віардо варварскимъ, какъ мы вольны находить его превосходнымъ: на вкусъ товарища нѣтъ. Но чтобы французскіе журналы смѣялись надъ твореніями Гоголя въ переводѣ и ставили ихъ гораздо ниже дѣйствительнаго ихъ достоинства, — это — просимъ не прогнѣваться — чистая выдумка, остроумное сочиненіе „Сѣв. Пчелы“... Всѣ французскіе журналы, говорившіе о Гоголѣ, говорили о немъ съ величайшими похвалами. Но что весь этотъ коммеражъ „Пчелы“ въ сравненіи съ слѣдующей выходкой г. Булгарина.

„Я совершенно согласенъ со всѣмъ, что Н. И. Гречъ говоритъ о сочиненіяхъ г. Гоголя и переводѣ ихъ на французскій языкъ; но бывъ въ пріятныхъ отношеніяхъ къ г. Віардо, я обязанъ, зная дѣло, представить, при обвиненіи его, облегчительныя обстоятельства (*circonstances atténuantes*). Недавно еще, въ текущемъ году, говорилъ я въ „Сѣверной Пчелѣ“ (*Всякая Всячина* № 22), что у насъ есть люди, которые ловятъ cadaго заѣзжаго чужеземнаго литератора, чтобы *внушить* ему свои понятія о русской литературѣ и русскихъ литераторахъ, т.-е. похвальное мнѣніе о своихъ собственныхъ и пріятелей своихъ сочиненіяхъ и дурное о своихъ противникахъ и критикахъ. Такимъ образомъ *уловили* г. Мармье и другихъ; точно такъ же поймали г. Віардо, увѣрили его, что первый писатель въ Россіи, изъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ, есть г. Гоголь, и пригласили перевести его сочиненія. Но какъ же переводить, когда г. Віардо, какъ мнѣ весьма хорошо извѣстно, не знаетъ трехъ словъ по-русски? *къ нему отрядили одного изъ гениевъ новой натуральной школы* ¹⁾, знающаго французскій языкъ (т.-е. французскія слова), и онъ сталъ надстрочно переводить для г. Віардо сочиненія г. Гоголя, а г. Віардо долженствовалъ сообщить этому переводу слогъ и свойство французскаго языка, какъ говорится—*офранцузить* чужеземное слово. *Встрѣчая часто у г. Віардо этого гения новой натуральной школы, за бумагами, я однажды не могъ вытерпѣть, чтобъ не изъяснить моего удивленія, и тогда г. Віардо сознался мнѣ, что его гений переводитъ для него сочиненія г. Гоголя, съ которыми онъ намѣренъ познакомить Европу*“...

И затѣмъ, какъ бы насмѣхаясь надъ добродушіемъ своихъ читателей или испытывая мѣру ихъ терпѣнія, г. Булгаринъ увѣряетъ, что „не выносить сору изъ избы“ — его неизмѣнное правило!.. А наконецъ изъясняетъ сожалѣніе, что г. Віардо самъ подвергнулся и подвергнулъ русскую литературу упрекамъ и порицаніямъ француз-

скихъ литераторовъ!“... Впрочемъ, это сожалѣніе понятно: Булгаринъ не можетъ забыть, какъ незамѣтно и тихо скончались за границею переводы его сочиненій, и, напуганный собственнымъ примѣромъ, до того не вѣритъ возможности успѣха русскаго писателя за границею, что и похвалы (да еще какія!) французскихъ критиковъ и журналистовъ Гоголю принимаетъ за брань... Но, спрашиваемъ, во имя кого и чего позволилъ себѣ г. Булгаринъ сочинять небывалыя исторіи о гении, отправленномъ школой къ г. Віардо, о томъ, что этотъ гений знаетъ только французскія слова, а не французскій языкъ, и что онъ видѣлъ его у г. Віардо за бумагами и т. п.? Ужъ не во имя ли своего дивнаго мизинца, въ которомъ, по увѣренію г. Греча, ловкаго товарища г. Булгарина, болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ? Въ такомъ случаѣ не худо бы г. Булгарину подумать, что вѣдь мизинцы, хотя и не столь умные и талантливые, какъ его, есть и у другихъ, да еще съ придачей добрыхъ восьми пальцевъ другихъ названій... Впрочемъ, чего ожидать отъ такъ называемаго литератора, который позволяетъ себѣ на старости лѣтъ писать сказки о встрѣчѣ съ сотрудникомъ „Отеч. Записокъ“, будто бы помѣшавшимся на *idée fixe*, т.-е. который печатно называетъ своихъ противниковъ сумасшедшими!.. Или чего ожидать отъ фельетониста, который изъ ничего—изъ капустныхъ кочерыжекъ—поссорившись съ Полевымъ, недавно еще имъ превозносимымъ, позволилъ себѣ фразу о „писателѣ съ огороднымъ прозваніемъ“ и о „какомъ-то квасникѣ, выучившемся грамотѣ самоучкой“?.. ¹⁾

Впрочемъ, во всемъ этомъ есть, какъ говоритъ Булгаринъ, „облегчительныя обстоятельства“ (*circonstance atténuantes*). Ничего нѣтъ тяжелѣе, какъ быть калифомъ на часъ, даже и въ литературѣ. Было время, г. Булгаринъ чуть было не попалъ въ русскіе Вальтеръ Скотты, но это время давно прошло, и хотя сотрудники „Пчелы“ во время отсутствія г. Булгарина изъ Петербурга и провозглашаютъ его время отъ времени русскимъ Вальтеръ Скоттомъ ²⁾ и даже самъ онъ, не отвергая подносимаго ему его сотрудниками титула, иногда величалъ себя для разнообразія Сократомъ ³⁾—однакожь публика видитъ теперь въ немъ только фельетониста „Сѣв. Пчелы“, ни больше, ни меньше, совершенно забывъ объ его прежнихъ твореніяхъ. А кто виной этому?—Гоголь, который успѣлъ своими сочиненіями

¹⁾ И. С. Тургенева.

¹⁾ См. т. II, стр. 609.

²⁾ Ibid., стр. 766.

³⁾ Ibid., стр. 765.

изгладить изъ памяти публики даже сочиненія тѣхъ романистовъ, которые дѣйствительно не лишены даровитости и которые, своими романами, успѣли изгладить изъ памяти публики романы г. Булгарина!.. Есть отъ чего сдѣлать изъ Гоголя свою *idée fixe*, говоря словами г. Булгарина! Сначала Гоголь въ глазахъ г. Булгарина не имѣлъ ни искры таланта, но теперь, когда, по увѣренію г. Булгарина, Гоголь навлекъ на себя насмѣшки французскихъ литераторовъ, г. Булгаринъ уже много хорошаго признаетъ въ сочиненіяхъ Гоголя. Но все-таки не можетъ онъ простить ему основанія литературной школы, которая всѣхъ старыхъ писателей лишила всякой возможности съ успѣхомъ писать романы, повѣсти и комедіи изъ русской жизни, и которую за это г. Булгаринъ очень основательно прозвалъ „новой натуральной школой“ въ отличіе отъ старой риторической или ненатуральной, т.-е. искусственной, другими словами—ложной школы. Этимъ г. Булгаринъ прекрасно оцѣнилъ новую школу и въ то же время отдалъ справедливость старой;—новой школѣ ничего не остается, какъ благодарить его за удачно приданный ей эпитетъ... Но за что же онъ безпрестанно, такъ сказать, задираетъ новую школу? Виновата ли она, что онъ по собственному признанію и доселѣ есть „ученикъ Карамзина и Дмитріева“?.. Естественнo, что значеніе и учителей стало теперь не то, чтó было назадъ тому лѣтъ тридцать, ибо послѣ нихъ были другіе учителя—Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, не говоря уже о явившихся послѣ нихъ Гоголь и Лермонтовъ. А объ ученикахъ нечего и говорить: волей или неволей, а пришлось имъ пережить свою минутную извѣстность. Какъ ни браните новую школу, а она уже не станетъ идти раковой походкой и писать по-вашему. И при томъ, браня ее, вы ее прославляете. Всѣ видятъ, что вы сердиты на нее за ея успѣхи. Иначе вы не стали бы безпрестанно твердить о ней. Явится новое произведеніе, скажите о немъ ваше мнѣніе, и не сердитесь, когда другіе не согласны съ вами. А вы на чужое мнѣніе, несогласное съ вашимъ, смотрите какъ на ересь, какъ на преступленіе! На что же это похоже: теперь цѣлые фельетоны „Сѣв. Пчелы“ наполняются совсѣмъ не хладнокровными доказательствами, что у г. Достоевскаго нѣтъ ни искорки таланта. А нѣтъ—такъ и нѣтъ—тѣмъ лучше для васъ скажите это—и успокойтесь; а то подумаютъ, что вы не искренни, что вы, чего добраго, испугались новаго таланта, и хотите всѣхъ увѣрить, что онъ—не талантъ. Дѣйствуя такъ, вы только вредите себѣ...

Но ученаго учить—только портить, го-

ворить пословица. Наше дѣло было—представить въ легкомъ очеркѣ литературную дѣятельность г. Булгарина за двадцать пять лѣтъ. Какъ умѣли, мы это сдѣлали, и теперь отъ нашихъ воспоминаній объ его литературной дѣятельности обращаемся къ его собственнымъ „Воспоминаніямъ“, надѣясь, что тѣ и другія взаимно будутъ служить другъ другу комментариемъ...

II.

Эти „Воспоминанія“ уже нѣсколько мѣсяцевъ знакомы русской публикѣ, потому что были напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“, и вотъ причина, по которой мы не спѣшили говорить о нихъ. Да и чтó можно сказать объ этомъ произведеніи г. Булгарина? и какъ говорить о немъ? „Личностей“ мы не любимъ,—а тутъ все основано на личности сочинителя, который поспѣшилъ издать свою автобіографію, слѣдственно, сдѣлалъ самого себя героемъ своей книги.

Донинѣ у великихъ людей видѣлось обыкновеніе оставлять записки о самихъ себѣ, воспоминанія и всякія автобіографическія замѣтки въ рукописи до конца дней своихъ. Великій человѣкъ умеръ,—являются его записки; конечно, деньги, выручаемыя отъ продажи экземпляровъ, уже не поступаютъ въ карманъ его,—но зато записки появленіемъ своимъ какъ бы продолжаютъ на нѣкоторое время существованіе ихъ автора: по поводу высказанныхъ въ нихъ фактовъ, бросающихъ новый свѣтъ на жизнь и дѣйствія великаго покойника, возникаютъ жаркіе споры, пренія, и плодомъ всего бываетъ болѣе или менѣе вѣрная, окончательная оцѣнка жизни и дѣятельности покойника...

Чтó же заставило г. Булгарина отступить отъ этого установившагося и естественнаго порядка? Почему издалъ онъ свои записки при жизни?.. У него есть на это отвѣтъ въ предисловіи. „Вѣдь это только отрывки“, говоритъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ, чувствуя, что причина слаба и даже вовсе неудовлетворительна, прибавляетъ: „При воспоминаніи *прошлаго* кажется мнѣ, будто жизнь моя расширяется и увеличивается, и будто я молодъ! Нынѣшнее единообразіе жизни исчезаетъ,—и я смѣшиваюсь съ оживленными событіями *прошлаго* времени, вижу передъ собою людей замѣчательныхъ или для меня драгоцѣнныхъ, наслаждаюсь прежними радостями, и веселюсь минувшими опасностями, прежнимъ горемъ и нуждою. Пишу съ удовольствіемъ, потому что это занимаетъ меня и доставляетъ случай излить чувство моей благодарности людямъ, сдѣлавшимъ мнѣ добро, отдать справедливость многимъ забытымъ людямъ, достойнымъ па-

мнѣ, высказать нѣсколько полезныхъ истинъ, представить характеристику своего времени. Найдется много кое-чего любопытнаго и даже поучительнаго!“ Но, скажете вы, никто не запрещалъ г. Булгарину вспоминать и даже записывать свои воспоминанія и при этомъ чувствовать жизнь свою расширенною и себя помолодѣвшимъ, наслаждаться минувшими опасностями, радостями, неудачами. Благодарность къ людямъ, сдѣлавшимъ добро г. Булгарину, также нисколько не потеряла бы ущерба, пролежавъ въ рукописи до смерти сочинителя; напротивъ, она приобрѣла бы ароматъ благодарности безкорыстной, и все остальное могло бы такъ же удобно сдѣлаться, только нѣсколькими годами позже,—вотъ вся разница...

Стало быть, и второй отвѣтъ не отвѣтъ. Итакъ, что же?..

Далѣе въ предисловіи читаемъ: „Явился мой добрый М. Д. Ольхинъ и рѣшилъ печатать,—печатаю!“

Итакъ, появленіемъ „Воспоминаній Оадеа Булгарина“ обязаны мы *доброму* г. Ольхину, которому обязаны также началомъ компактнаго изданія сочиненій г. Булгарина, да разными иллюстрированными очерками съ лицевой стороной и изнанкой и всѣмъ тѣмъ, за что г. Ольхинъ приобрѣлъ эпитетъ „добраго“ отъ г. Булгарина...

Какъ бы то ни было, но „Воспоминанія“ передъ нами,—и прежде, нежели успѣли мы сказать о нихъ хоть слово, публика уже ознакомилась съ ними, частью черезъ нихъ самихъ, а еще больше черезъ статьи Полевого въ „Литературной Газетѣ“,—статьи, которыми онъ такъ блистательно, какъ будто вновь, съ свѣжими силами, начиналъ свое литературное поприще, и которыми, къ общему сожалѣнію, ему суждено было окончить его... ¹⁾

Въ ²⁾ изданныхъ нынѣ двухъ частяхъ „Воспоминаній“ заключается рассказъ о дѣтствѣ и первыхъ годахъ юности сочинителя книги. Здѣсь вы можете узнать отъ кого произошелъ онъ, подъ какими вліяніями воспитывался и развивался, когда, наконецъ, сдѣлано имъ первое изъ великодушныхъ дѣлъ, однимъ словомъ, можете узнать многое...

При разборѣ книги обыкновенно говорятъ преимущественно о главномъ ея предметѣ, на которомъ сосредоточенъ интересъ книги. Г-ну Булгарину угодно было сдѣлать героемъ своей послѣдней книги *самого себя*. Здѣсь онъ рассказываетъ мельчайшія

подробности своей жизни съ самыхъ раннихъ лѣтъ; говоритъ о матери, объ отцѣ, о сестрахъ своихъ,—словомъ, то мать его, то отецъ, то самъ онъ безпрестанно на первомъ планѣ книги; воспоминанія же, относящіяся не къ г. Булгарину и не къ семейству его—все на второмъ планѣ и составляютъ менѣе важную и менѣе любопытную часть книги. Поэтому, читатели не должны удивляться, если мы, желая познакомить ихъ съ новымъ сочиненіемъ г-на Булгарина, будемъ говорить большею частью о г. Булгаринѣ и его семействѣ. Впрочемъ, мы постараемся придерживаться въ точности выраженій самого сочинителя и строго будемъ ссылаться на страницы его книги. Итакъ, къ дѣлу.

Г. Булгаринъ родился въ бывшемъ Минскомъ Воеводствѣ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго, „въ которомъ“ (прибавляетъ онъ) „предки мои издревле были княжескими боярами, имѣвшими одно значеніе съ древними боярами русскими“. Отъ этихъ строкъ читатель отсылается къ примѣчанію, помѣщенному въ концѣ первой части, въ которомъ г. Булгаринъ говоритъ, что еслибъ онъ писалъ свои *Воспоминанія* не въ Россіи, то не сказалъ бы ни слова о своемъ происхожденіи. Но здѣсь... „Не могу“ (говоритъ г. Булгаринъ) „воздержаться отъ смѣха, когда добрые люди играютъ передо мной роль аристократовъ!.. Пусть же они узнаютъ, что и я принадлежу къ древнему боярскому роду, поселившемуся въ Западной Руси отъ незапамятныхъ временъ“. И затѣмъ г. Булгаринъ начинаетъ изъ всѣхъ силъ доказывать, какой онъ старый аристократъ, какихъ важныхъ людей имѣлъ въ родствѣ, и не безъ гордости замѣчаетъ, что у него нѣтъ однофамильцевъ (въ чемъ, впрочемъ, ошибается, ибо я зналъ одного честнаго ремесленника, — очень скромнаго и добродѣтельнаго человѣка, который прозывался Булгаринымъ); что Булгариныхъ было прежде *два имѣзда*, а теперь осталось только одно, къ которому принадлежитъ нынѣшній сочинитель. (Здѣсь г. Булгаринъ опять ошибается, ибо помянутый честный ремесленникъ оставилъ послѣ себя четырнадцать человѣкъ дѣтей, прижитыхъ имъ въ законномъ супружествѣ съ мѣщанкою Лукерьею Тихоновною, отличавшеюся столь строгою нравственностію, что, по увѣренію всѣхъ знавшихъ это семейство, ни одинъ изъ рожденныхъ ею дѣтей, несмотря на ихъ многочисленность, не кинулъ тѣни подозрѣнія на честь покойнаго отца. Это *второе имѣздо Булгариныхъ* проживало еще недавно на Выборгской сторонѣ). Далѣе г. Булгаринъ ссылается даже на какое-то сочиненіе на польскомъ языкѣ, въ доказательство древности своего рода. Все это было бы очень

¹⁾ Здѣсь кончается страница, взятая изъ начала первой части настоящей статьи; см. нашу вступительную замѣтку.

²⁾ Отсюда должна была начинаться II-я часть статьи Бѣлинскаго; см. нашу вступительную замѣтку.

хорошо и противъ этого почти вѣчего было бы сказать, еслибъ г. Булгаринъ не проговорился самъ въ приведенныхъ выше строкахъ, что предки его *издревле* были „княжескими боярами“. Послѣ этой обмолвки увѣреніе его, что *эти княжескіе бояре имѣли одно значеніе съ древними боярами русскими (!!!)* какъ-то странно... Въ наше время не для чего пускаться въ генеалогическія разбирательства, да и толку въ этомъ большого мы не находимъ, и потому—не заговори самъ г. Булгаринъ—мы ничего не сказали бы о его происхожденіи, имѣя впереди вещи гораздо болѣе интересныя. Но теперь не можемъ не замѣтить, что ужъ если вздумается кому искать родства *съ древними русскими боярами*, то надобно бы представить доказательства правъ своихъ болѣе уважительныя. Извѣстно,—что такое были эти *княжескіе бояре*. Для каждого читателя, родившагося и возросшаго въ Россіи, довольно напомнить русскихъ *боярскихъ-барынь*, чтобъ онъ получилъ достаточное понятіе о томъ, что такое были въ Литвѣ *княжескіе бояре*... „Послѣ этого“, заключаетъ г. Булгаринъ свои доказательства: „позволяю всякому аристократу передо мною!“

Собственно „Воспоминанія“ начинаются взятіемъ Костюшки въ плѣнъ и послѣдовавшими за тѣмъ окончательными вспысками революціи. Эти событія имѣли вліяніе и на семейство г. Булгарина. Заслышавъ пушечные выстрѣлы, оно захватило съ собой припасы и драгоценныя вещи, ушло въ лѣсъ и провело тамъ нѣсколько дней въ страхѣ и мучительной неизвѣстности, пока, наконецъ, не явился одинъ русскій офицеръ и не проводилъ г-жу Булгарину съ семействомъ домой, увѣривъ въ совершенной безопасности. Впечатлѣніе, вынесенное г. Булгаринымъ изъ этого и другихъ совершавшихся тогда вокругъ него событій, было слѣдующее:

„Въ юности нашей начитавшись о римской и греческой республикахъ, о людяхъ, иногда самыхъ мелочныхъ умомъ и душою, но надѣлавшихъ шуму своею дерзостью и пылкими рѣчами, и за то произведенныхъ въ великіе мужи краснорѣчивыми писателями, мы часто предаемся мечтамъ и желаемъ переворотовъ, потрясеній, бредимъ о вольности и равенствѣ (которыя, сказать мимоходомъ, никогда не существовали въ мірѣ и не будутъ никогда существовать для массы народа), и завидуемъ такъ называемымъ героямъ народнымъ!.. Школьникство—и только! Эти народные герои вообще или простяки, увлеченные мечтами воображенія, порожденными впечатлѣніями юности, или хитрецы и честолюбцы, т.-е. тетерева или лисицы. Лучше спустить съ дѣпи голоднаго тигра или гіену, чѣмъ снить съ народа узду повиновенія властямъ и законамъ! Нѣтъ звѣря свирѣпѣе разъяренной черни! Всѣ усилія образованнаго сословія должны клониться къ просвѣщенію народа на счетъ его обязанности къ Богу, къ законнымъ властямъ и законамъ, къ водворенію въ сердцахъ челоѣколюбія, къ искорененію врожденнаго челоѣку звѣрскаго

эгоизма, а не къ возбужденію страстей, не къ порожденію несбыточныхъ надеждъ. Кто дѣйствуетъ иначе, тотъ преступникъ передъ законами челоѣчества. Видѣвшій народное возстаніе знаетъ, что это значитъ. Наполеонъ заслуживаетъ вѣчную благодарность всѣхъ благородныхъ сердецъ за то, что никогда не хотѣлъ дѣйствовать мятежемъ противу своихъ непріятелей, когда имѣлъ полную власть въ своихъ рукахъ“ (стр. 13—15).

Выписавъ приведенное нами мѣсто, одинъ журналъ, помѣстившій о „Воспоминаніяхъ“ вообще очень дѣльную и умную статью, замѣчаетъ слѣдующее: „Такъ мрачно было впечатлѣніе, что г. Булгаринъ отдалъ на выборъ читателей называть Костюшку *тетеревомъ* или *лисицей*, и охотнѣе приписалъ небывалыя добродѣтели Наполеону, нежели отдалъ должное воину, котораго чтили и которому удивлялись даже враги. Какъ будто тринадцатое вандемьера было не мятежъ! Правда, Наполеонъ дѣйствовалъ въ свою личную пользу, и тѣмъ „заслужилъ вѣчную благодарность благородныхъ сердецъ“. Или какъ будто бѣгство съ острова Эльбы и сто дней возмущенія противъ союзныхъ державъ были законнѣе конфедераціи Костюшки противъ тѣхъ же державъ! Различіе въ томъ, что Наполеонъ искалъ собственной власти для какихъ бы то ни было цѣлей, а Костюшко, конечно ошибочно, домогался пользы отечества. Не забудемъ высокаго и благороднаго поступка съ нимъ Императора Павла, который лично пріѣхалъ объявить свободу плѣннику, въ знакъ особеннаго уваженія къ нему“. Зналъ ли, не зналъ ли г. Булгаринъ это послѣднее обстоятельство, приводимое помянутымъ журналомъ,—дѣло въ томъ, что онъ поспѣшилъ объявить Костюшку *тетеревомъ* или *лисицей* (мы право не знаемъ, которое изъ этихъ названій г. Булгаринъ считаетъ приличнѣйшимъ для Костюшки).

Пріѣхалъ отецъ г. Булгарина, и семейство его изъ Маковищъ переехало въ Несвижъ. Отецъ г. Булгарина при переѣздѣ въ бродѣ какого-то ручья сломалъ себѣ ногу и долго былъ боленъ. Во время болѣзни его часто навѣщалъ графъ Ферзенъ, имѣвшій въ немъ нужду. Когда же онъ выздоровѣлъ, домъ Булгариныхъ сдѣлался самый веселый: туда съѣзжались русскіе офицеры и *всѣ* семейства, укрывшіяся въ Несвижѣ. Было весело: занимались танцами и музыкой (старшая сестра г. Булгарина, Елизавета, *по странному вкусу*, играла на *кларнетѣ*), играли въ карты. „Страшно вспомнить объ этой игрѣ!“ восклицаетъ сочинитель: „червонцы ставили на карту не счетомъ, а *мѣрою*—стаканами!“ Играли также на жемчугъ, серебряную и золотую посуду, часы, серьги, конскую сбрую и разныя вещи, но это уже „въ офицерскихъ квартирахъ“,

замѣчаетъ г. Булгаринъ. Графъ Ферзенъ, по увѣренію его, былъ постоянно гостемъ Булгаринныхъ, полюбивъ искренно все семейство. Маленькій Булгаринъ былъ его любимцемъ... „И онъ самъ (графъ Ферзенъ) и собесѣдники его, и адъютанты и даже прислуга забавлялись мною“, заключаетъ г. Булгаринъ. Однажды, когда графъ Ферзенъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, а маленький Булгаринъ дразнилъ его попугая, грозя ему небольшимъ ятаганомъ, графъ спросилъ: „что ты хочешь, чтобъ я подарилъ тебѣ: попугая или эту саблю?“—Дай саблю, отвѣчалъ г. Булгаринъ. „Зачѣмъ тебѣ она?“—спросилъ графъ. — Бить всѣхъ, кого Костюшко прикажетъ!—отвѣчалъ г. Булгаринъ. Но, передавая теперь на старости лѣтъ отвѣтъ, сдѣланный въ дѣтствѣ, онъ *спѣшитъ* тотчасъ прибавить: „разумѣется, что я говорилъ точно такъ, какъ попугай, съ которымъ я игралъ, т.-е. повторялъ то, чего наслушался дома“ и пр. (Часть 1, стр. 59)...

Въ „Воспоминаніяхъ“ г. Булгарина находимъ, что отецъ его былъ между прочимъ чрезвычайно вспыльчивъ и, при наружной популярности, чрезвычайно гордъ въ душѣ. „Для удовлетворенія этой гордости онъ жертвовалъ всѣмъ, и жизнию и имѣніемъ. Онъ готовъ былъ обниматься и сидѣть рядомъ съ самымъ убогимъ шляхтичемъ, который подчинялся его волѣ, но за одинъ косой взглядъ равнаго или почитавшаго себя вышшимъ, за одно слово, которое казалось ему оскорбительнымъ, вызывалъ на дуэль или мстилъ явными оскорбленіями. Онъ былъ, какъ нынѣ говорятъ, человѣкъ эксцентрическій и поступалъ во всемъ не такъ, какъ другіе. Этотъ пагубный характеръ навязывалъ ему безпрестанно хлопоты и безпокойства и былъ причиною его собственнаго несчастія и отчасти и всего семейства“¹⁾. Далѣе повѣствуется о необыкновенной щедрости его... Но, чтобъ ближе познакомить читателей съ отцомъ г. Булгарина и дать понятіе о томъ, какого рода была его гордость, выписываемъ одинъ изъ анекдотовъ, рассказываемыхъ сочинителемъ о своемъ родителѣ:

„Отецъ мой остался малолѣтнимъ сиротою послѣ смерти родителей, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и опекунами его были родной дядя и знаменитый князь Радзивилъ—оригиналъ, какихъ мало было на свѣтѣ, но самый добрый и благородный человѣкъ, прозванный по любимой своей поговоркѣ: *пане коханку* (раніе *kochanku*, по-русски почти то же, что *любезнѣйшій*). Это слово повторялъ онъ безпрестанно, говоря и съ дамами, и съ королемъ, и съ своимъ лакеемъ, и съ жидами! Отецъ мой, пріѣхавъ по дѣламъ своимъ въ Слуцкъ, принадле-

жащій князю Радзивилу, встрѣтилъ на улицѣ богатаго жида, содержавшаго въ городѣ винный откупъ (т.-е. всѣ корчмы), торговавшаго при томъ виноградными винами, и пользовавшагося особенно милостію князя. Жидъ этотъ хотя зналъ хорошо отца моего, но избалованный фамиліарностію другихъ помѣщиковъ, прошелъ мимо, не поклонившись. Отецъ мой, вспыхнувъ, закричалъ: „Долой шапку, жидъ!“ и бросился къ нему; но жидъ, отвѣтя грубо, скрылся въ толпѣ радзивилевскихъ слугъ и заперся въ домѣ. Отецъ мой велѣлъ немедленно запрячь своихъ лошадей, и поѣхалъ прямо въ Несвижъ, къ князю, который весьма любилъ его. Онъ пробылъ у него нѣсколько дней, и своими остротами и шутками привелъ князя, большого охотника до фарсовъ, въ самое веселое расположеніе духа. Между ними было состязаніе въ этомъ отношеніи, что весьма нравилось старому князю. На третій день, передъ отъѣздомъ, отецъ мой сказалъ, что князь можетъ оказать ему большую милостію, но онъ не смѣетъ просить его. „Скажи, что хочешь, я все для тебя сдѣлаю“, отвѣчалъ князь.—„Отдайте мнѣ въ аренду вагъ фольварокъ (маленькую мызу или усадьбу) въ полумилѣ отъ Слуцка“, сказалъ отецъ мой.—„Зачѣмъ тебѣ эта мелочь? Я бы и подарилъ тебѣ, еслибъ этотъ фольварокъ лежалъ на моей границѣ, а не въ серединѣ моихъ помѣстьевъ!“ — „Я началъ торговать украинскими волами“ отвѣчалъ отецъ мой (а это было выдумка), „и мнѣ нужно мѣсто подъ городомъ, для сгона разныхъ партій“. Князь расхохотался, зная, что отецъ мой вовсе неспособенъ къ торговымъ дѣламъ. „Теперь не стану ѣсть другого мяса, какъ твоихъ воловъ“, промолвилъ князь шутя: „однако боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!“ Въ шуткахъ и прибауткахъ князь подписалъ арендный контрактъ, и отецъ мой поскакалъ въ Слуцкъ, взявъ немедленно въ свое управленіе фольварокъ, поставилъ своего управителя, купилъ бочекъ сто водки, и велѣлъ продавать вполонину дешевле, чѣмъ продавали въ Слуцкѣ. Всѣ горожане стали, разумѣется, покупать водку на фольваркѣ, и въ корчмахъ продажа остановилась. Жидъ-откупщикъ былъ въ отчаяніи, но дѣлать было нечего, ибо отецъ мой, по польскимъ законамъ, имѣлъ полное право продавать вино въ своемъ имѣніи, по какой угодно цѣнѣ. Черезъ нѣсколько дней отецъ мой нарочно пріѣхалъ въ Слуцкъ, и жидъ-откупщикъ въ сопровожденіи княжескаго управителя и почетнѣйшихъ гражданъ явился къ отцу моему съ повинною, и просилъ прощенія въ неумышленномъ оскорбленіи. Отецъ мой принялъ богатаго жида хладнокровно, безъ воспоминанія о прошломъ, не изъясняя ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва. Тогда богатый жидъ завелъ рѣчь о дѣлѣ. „Зачѣмъ вамъ, такому пану, держать фольварокъ? Уступите мнѣ аренду, я вамъ дамъ *едвое*“.—„Теперь не время объ этомъ толковать“, отвѣчалъ отецъ мой: „пріѣзжай ко мнѣ завтра, въ полдень, на фольварокъ, такъ кончимъ дѣло. Я даю тебѣ слово, что уступлю аренду по моей цѣнѣ: я не хочу барышей, и мнѣ эта шутка уже наскучила“. Жидъ обрадовался, и на другой день явился въ назначенный часъ. Контрактъ уже былъ готовъ, и оба они тотчасъ подписали его. Но отецъ мой не передалъ княжескаго контракта, а отдалъ имѣніе въ аренду отъ *своего имени*. Когда дѣло кончилось, отецъ мой хлопнулъ въ ладоши—и явились шесть дюжихъ парней. „Бери его!“ закричалъ отецъ, и слуги схватили жида, растянули и влѣпили двѣсти ударовъ кожаными постромками. Жидъ едва остался живъ. Его положили за-мертво въ бричку, сунули контрактъ за пазуху, и отецъ мой сказалъ ему, что это только *первый* урокъ вѣжливости, а за другимъ и третьимъ урокомъ дѣло не станетъ, если жидъ отъ перваго урока *не исправится*. Лишь

¹⁾ Отецъ Оаддея Булгарина убитъ во время польской революціи 1794 года русскаго генерала Воронова и былъ сосланъ въ Сибирь.

только въ Слудкѣ разнеслась вѣсть объ этомъ поступкѣ моего отца, весь жидовскій кагалъ поскакалъ въ Несвижъ къ князю, съ жалобою. Князь ужасно разсердился, и клялся примѣрно оштрафовать моего отца за самоуправство въ его владѣніяхъ, и послалъ къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ въ Несвижъ. Друзья умоляли отца не ѣздить къ князю, пока гнѣвъ его не утихнетъ, и совѣтовали немедленно отправиться въ Варшаву и искать покровительства у короля; но отецъ мой, не слушая никого, вооружился съ головы до ногъ, поѣхалъ немедленно въ Несвижъ, и явился къ князю въ приемный часъ, при множествѣ посѣтителей. Всѣ сморщились съ удивленіемъ на моего отца, предполагая, что эта исторія должна дурно кончиться. Князь, вышедъ въ приемную залу, окинулъ взоромъ собраніе и, увидѣвъ отца моего, раскраснѣлся отъ гнѣва и прямо пошелъ къ нему. — „Какъ вы, сударь, смѣли бить моего арендатора?“ воскликнулъ князь: я пойду съ сумою по міру, но не допущу, чтобы кто-нибудь дерзнулъ оскорблять меня такъ нагло. Или вамъ жить или мнѣ, или вамъ гнить въ тюрьмѣ или мнѣ!.. Я вамъ покажу, что я значу!... Князь отъ гнѣва не могъ болѣе говорить и запыхался, а отецъ мой прехладнокровно отвѣчалъ: „Прошу только меня выслушать, а тамъ дѣлайте, что угодно! Не только я не осмѣлился бы никогда прикоснуться пальцемъ къ *вашему* арендатору, но если-бъ даже кто другой тронулъ его, то я, какъ вѣрный и усердный вашъ приверженецъ, вступился бы за него, не жалѣя собственной жизни!“... — „Итакъ, вы не били моего арендатора?“ спросилъ князь, нѣсколько успокоившись. — „Нѣтъ, не билъ *вашего* арендатора“, возразилъ мой отецъ: „а я билъ моего арендатора, потому что выпустилъ Мовшѣ въ аренду мою *посессию* (т.-е. временную собственность), въ чемъ удостовѣрить васъ вотъ этотъ контрактъ, и билъ при томъ моего арендатора по принадлежащей *мнѣ* половинѣ его тѣла, а не по *вашей* половинѣ, которой я вовсе не тронулъ“. (Часть 1, стр. 80—83).

Наконецъ, чтобы докончить характеристику родителя г. Булгарина, приводимъ еще слѣдующую черту. Родитель г. Булгарина, вслѣдствіе своего пылкаго характера, имѣлъ сношенія съ однимъ польскимъ изгнанникомъ, и разъ, получивъ отъ него письмо, хвастливо показывалъ и читалъ его всякому. Слѣдствія были печальны... Но пусть расскажетъ самъ г. Булгаринъ. Онъ такъ хорошо рассказываетъ и всегда умѣетъ такое что-нибудь прибавить въ концѣ, отъ чего рассказъ получаетъ двойной интересъ:

„Русское Правительство знало обо всѣхъ интригахъ въ Константинополѣ, и наблюдало въ Польшѣ большую осторожность, устраняя всѣ сношенія эмигрантовъ съ жителями присоединенныхъ областей. Но помѣщики присоединеннаго края тогда еще не знали подлинно ни законовъ русскихъ, ни порядка русскаго, ни обязанности властей и подчиненныхъ, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнувъ къ прежнему своему волю. Отецъ мой, почитая это письмо ничтожнымъ, полагалъ, что и всѣ должны такъ думать, и былъ, какъ говорится, безъ вины виноватъ. Впрочемъ, и послѣ даже его бы не задержали, еслибъ онъ самъ не навязалъ себѣ бѣды. При допросахъ онъ то шутилъ не кстати, то горячился, и безъ всякой надобности входилъ въ политическія разсужденія. По рѣчамъ сочли его опаснымъ—и упрятали!.. Душевно сожалѣю о несчастіи, постигнувшемъ моего родителя, и готовъ былъ бы собственною

кровью искупить его страданія; но, по справедливости и для приѣбра другимъ, не могу оправдывать его тогдашняго поведенія“ (стр. 112—114).

Но особенно замѣчательно наставленіе, которое читаетъ здѣсь г. Булгаринъ своему родителю. „Надлежало поступить хладнокровно“, говоритъ онъ: „объяснить дѣло, доказать свою неприкосновенность къ *заграничнымъ интригамъ*, и не пренебрегать властью“. Но какъ же доказывать неприкосновенность—скажете вы—когда доказательство *прикосновенности* налицо?.. Зачѣмъ къ проступку прибавлять еще малодушіе, прибѣгая къ постыднымъ изворотамъ? Что нужды! „Надлежало доказать“ да и только!.. „*Эти пылкіе люди*“, заключаетъ г. Булгаринъ: „въ каждомъ потрясеніи гибнутъ *первыя, гонимыя за правдою и честью!*“ (Часть 1, стр. 114).

За воспоминаніями о родителѣ слѣдуютъ у г. Булгарина воспоминанія о родительницѣ. Характеръ ея особенно раскрывается при одномъ несчастномъ событіи, постигшемъ семейство. Дѣло въ томъ, что при тогдашнихъ переворотахъ, перемѣнѣ начальствъ и всякихъ безпорядкахъ, семейство было выгнано изъ помѣстья, въ которомъ проживало—вслѣдствіе затѣявшейся тяжбы... Но мы прежде должны сказать нѣсколько словъ о бабушкѣ г. Булгарина, пани Онюховской, подъ кровъ которой прибѣгло семейство послѣ горестнаго изгнанія. Впрочемъ, тутъ говорить много печего. Вотъ сцена свиданія, рассказанная самимъ сочинителемъ:

„Когда мы пріѣхали къ ней (къ пани Онюховской), она сидѣла въ большихъ креслахъ. *Мои родители и сестра пани къ ногамъ ея, заставивъ и меня сдѣлать то же, и она протянула ногу, которую мы поцѣловали.* Потомъ она приказала намъ встать, и дала обѣ руки для облобызанія, и ужъ послѣ этой операціи приподнялась съ кресла, поцѣловала всѣхъ насъ въ лице, благословила и велѣла родителямъ моимъ сѣсть, а мнѣ и сестрѣ стать возлѣ ея креселъ“.

Родитель г. Булгарина рассказалъ ей о своемъ бѣдствіи, и бабушка подарила обѣднѣвшему семейству холста, батисту, шелковыхъ матерій, сукна, ковровъ и пр. „Насъ“, продолжаетъ г. Булгаринъ: „позвали къ обѣду, и *родители мои снова хотѣли повторить обрядъ коленнопреклоненія*, но прабабушка не допустила до этого; довольно было и одного раза! Изъявленіе благодарности моихъ родителей она выслушала хладнокровно, и отвѣчала только пословицею, соотвѣтствующею русской поговоркѣ: „своему поневолѣ другъ“. При прощаньи, говоритъ г. Булгаринъ, однакожъ, опять повторилось „*коленнопреклоненіе, цѣлованіе въ ногу и въ руки*“, принесшее обильные плоды. Прабабушка щедро одарила все се-

мейство, не забывъ и маленькаго Оаддея, которому дала червонецъ на конфекты...

Событіе, особенно знакомящее съ родителницею г. Булгарина, было слѣдующее:

„Пріѣхалъ нашъ адвокатъ изъ Минска и сказалъ, что при просьбѣ надлежало представить списокъ всѣмъ вещамъ, оставленнымъ въ Маковищахъ, т.-е. всей движимости, съ примѣрною оценкою ея. Родители мои и сестра Антонина занялись этимъ, и на другой день отъ всѣхъ представлены были адвокату списки, изъ которыхъ онъ долженъ былъ сдѣлать общій сводъ. Къ общей повѣркѣ списковъ призваны были наши слуги и служанки. Не могу забыть сцены, когда адвокатъ, начавъ читать списокъ, поданный матушкою, вдругъ бросилъ его на столъ съ своими очками, вскочилъ со стула и, отступивъ на шагъ, поднялъ руки съ удивленіемъ, воскликнувъ: *«гарнецъ жемчуга!»* — „Что это значитъ?“ спросилъ батюшка. — „Гутъ написано, что у вашей супруги былъ *цѣлый гарнецъ жемчуга*, не въ дѣлѣ, а просто какъ горохъ въ мѣшкѣ!“ сказалъ адвокатъ. — Отецъ мой посмотрѣлъ съ удивленіемъ на матушку и сказалъ: „Объ этомъ я ничего не знаю, и теперь впервые слышу.“ — „Потому что я объ этомъ никому не говорила, и хранила этотъ жемчугъ, какъ послѣднюю помощь, въ случаѣ несчастія. Аппа!“ промолвила матушка, обращаясь къ моей нянькѣ (самой вѣрной изъ всѣхъ слугъ и ея молочной сестрѣ, т.-е. дочери ея кормилицы): „помянишь ли тотъ мѣшокъ, который мы зарывали съ тобою въ землю ночью подъ большимъ дубомъ, возлѣ пруда, когда разнеслись вѣсти, что наши снова будутъ воевать съ Русскими?“ — „Какъ не помнить, сударыня“, отвѣчала нянька: „вѣдь это было въ третьемъ году; мѣшокъ былъ желтый, сафьянный, точно такой, въ какихъ для барина привозятъ курительный табакъ, а вырыли мы его только нынѣшнею весною“. „Это былъ мѣшокъ съ моимъ жемчугомъ, даннымъ мнѣ братьями моими въ приданое, при второмъ моемъ замужествѣ“, сказала матушка. Адвокатъ покачалъ головою и возразилъ: „Помните, что въ этомъ вы должны присягнуть“. — „Присяга не страшна въ правомъ дѣлѣ; я и братья мои присягнемъ, что у меня былъ *цѣлый гарнецъ жемчуга!*“ — „Какъ угодно“, сказалъ адвокатъ, сѣвъ на свое мѣсто. Отецъ мой надѣлъ плашку и вышелъ на крыльцо, взявъ меня за руку. Онъ смотрѣлъ вверхъ и посвистывалъ, а это означало, что онъ недоволенъ. Онъ не сомнѣвался въ истинѣ показанія матушки, но ему досадно было, что она передъ нимъ скрывала это.“

Оттого ли, что старикъ Булгаринъ былъ, какъ говорить сынъ его, *„нелюбимъ мноими“*, или оттого, что въ Минскѣ въ то время назначенъ былъ новый губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ К*, „человѣкъ“, по словамъ г. Булгарина, „добрый и правосудный“, или, наконецъ, отъ другихъ какихъ-нибудь причинъ, о которыхъ сочинитель умалчиваетъ, — дѣло о *знаменитомъ гарницѣ жемчуга* приняло дурной, очень дурной оборотъ. „*Гарнецъ жемчуга*, о которомъ никто не зналъ въ домѣ“, говоритъ г. Булгаринъ: — „ни мужъ, ни дѣти, послужилъ предметомъ къ шуткамъ, насмѣшкамъ и, наконецъ, къ обвиненію матушки въ *кривоприсяжничествѣ!* Ее отдали подъ уголовный судъ, и къ дому ея приставили часовыхъ.

Примѣръ единственный и небывалый съ польскою дамою!“

Слѣдуетъ, однакожъ, сказать, что сестра г. Булгарина, съѣздивъ въ Петербургъ, возвратилась въ Минскъ съ указомъ объ освобожденіи матери изъ-подъ ареста и о возвращеніи ей Маковищъ, до разсмотрѣнія дѣла формою суда. Мать г. Булгарина поѣхала сама въ Петербургъ хлопотать о дѣлѣ и взяла съ собою сына...

Здѣсь г. Булгаринъ дѣлаетъ очеркъ тогдашнему Петербургу и характеризуетъ тогдашнее общество, преимущественно аристократическое, въ которомъ, по увѣренію его, мать его и сестра и самъ онъ были приняты очень хорошо. Сестра г. Булгарина „обращала на себя общее вниманіе ловкостью и пріятнымъ обхожденіемъ и музыкальнымъ дарованіемъ“. Что же касается до самого г. Булгарина, то онъ здѣсь обращалъ на себя вниманіе тѣмъ же, чѣмъ и въ домѣ графа Ферзена:

„Левъ Александровичъ Нарышкинъ для шутки убѣдилъ мою матушку одѣть меня по-польски, въ кунтушъ и жупанъ, и я, не будучи застѣнчивымъ, смѣло расхаживалъ, препоясавшись моею саблею (подаренною мнѣ графомъ Ферзеномъ) по аристократическимъ гостиннымъ, и *забавляя* всѣхъ моимъ дѣтскимъ простодушіемъ и шутками. Иногда меня *заставляли играть на гитарѣ и пѣть польскія пѣсни*. Я входилъ смѣло къ дамамъ во время ихъ туалета, *пересказывалъ* имъ, чему меня научали старшіе, смѣшилъ ихъ, и всѣ меня ласкали, дарили игрушками, конфетами...“

„Это“ заключаетъ г. Булгаринъ: — „было мое *счастливое* время въ Петербургѣ!“ Наконецъ, наступила рѣшительная эпоха въ жизни г. Булгарина: его отдали въ корпусъ. Здѣсь г. Булгаринъ, по его собственнымъ словамъ, уже не засталъ порядка, введеннаго графомъ Ангальтомъ, „который руководилъ кадетъ къ добру, одобрялъ прилежныхъ, усовѣщевалъ лѣнливыхъ и ласковостью и примѣрами добра возбуждалъ въ юношахъ чувства чести, благородства и собственного достоинства“. Кадеты стали нападать на г. Булгарина, какъ на новичка и Поляка, — онъ сталъ драться, нагрубилъ главной инспекторшѣ и... „меня пощипли розгами“, заключаетъ онъ. Затѣмъ начинается длинный рядъ горестей, которымъ подвергался г. Булгаринъ въ корпусѣ. „Кадеты дразнили меня *Костюшкой*, разумѣется, не понимая значенія этого прозванія“, говоритъ онъ. И много еще прозваній давали ему кадеты, много мученій изобрѣтали и выполняли надъ нимъ, для удовлетворенія своей злости и ненависти... Но всѣхъ страшнѣе былъ для него полковникъ Пурпуръ.

„Осматривая кадетъ по утрамъ до отправления въ классы, Пурпуръ отсылалъ каждаго кадеты, у котораго замѣчалъ что-нибудь неисправное въ

туалетѣ, въ комнату, называемую туалетною. Потомъ вызывалъ кадетовъ по *запискамъ* учителей и дежурныхъ офицеровъ и отсылалъ туда же и, наконецъ, являлся самъ. Тамъ уже стояла на срединѣ скамья, уголь былъ заваленъ *связками* розгами, и ждали четыре дюжіе лакея. Не теряя лишниѣ словъ, безъ всякихъ объясненій и увѣщаній, полковникъ Пурпуръ угощалъ всѣхъ собравшихся тамъ кадетъ насущными розгами“ (261—262).

Неизвѣстно почему, но страсть Пурпура къ сѣченью удовлетворялась преимущественно не на какомъ-нибудь другомъ кадетѣ, которыхъ въ корпусѣ было очень много, а на г. Булгаринѣ: „я былъ постоянно жертвою Пурпура розголюбія“, говоритъ онъ. Г. Булгаринъ попробовалъ пожаловаться, но слѣдствія были печальны: „не говоря ни слова, онъ (Пурпуръ) взялъ меня за руку и повелъ въ свою любезную *умывальную* и, на прощаніи, такъ выпоролъ розгами, что меня *полумертвою* отнесли въ госпиталь“ (стр. 279). Г. Булгаринъ говоритъ, что въ госпиталѣ онъ пролежалъ цѣлый мѣсяцъ. „Мнѣ безпрестанно видѣлся и во снѣ и наяву Пурпуръ и холодный потъ выступалъ на мнѣ!.. Я кричалъ во все горло: спасите! помогите! вскакивая съ кровати, хотѣлъ бѣжать и падалъ безъ чувствъ“... Даже черезъ четыре года по выходѣ изъ корпуса, встрѣтивъ въ обществѣ человека, похожаго лицомъ на Пурпура, г. Булгаринъ „вдругъ почувствовалъ круженіе головы и спазматическій припадокъ“.

Участь г. Булгарина въ корпусѣ нѣсколько облегчилась участіемъ, которое принялъ въ судьбѣ его одинъ изъ учителей, Лантингъ, по слѣдующему случаю:

„Однажды въ какую-то горькую минуту, когда черная мысль промелькнула въ головѣ Лантинга, онъ задалъ мнѣ сочиненіе, взявъ за тему стихи изъ псалма Давидова: *«на рыкахъ Вавилонскихъ, тамо сдохомъ и плакахомъ»*. Я сознался ему, что не заглядывалъ въ псалтырь, и онъ велѣлъ прійти къ нему, на квартиру, за книгой. Взявъ псалтырь я уединился, и сталъ читать заданный мнѣ текстъ. При этомъ долженъ я замѣтить, что изученіе церковнаго и такъ называемаго славянскаго языка въ наше время почиталось *необходимостью* для познанія языка русскаго, во всей его силѣ, и намъ съ каеэды, толковали красоты св. Писанія и наши древнія лѣтописи. Перечитывая псаломъ, который долженствовалъ служить мнѣ къ сочиненію, я почувствовалъ внезапно, какъ будто какое-то сотрясеніе въ сердцѣ... Мнѣ стало грустно, я заплакалъ! Не было свидѣтелей слезъ моихъ. Въ умѣ и въ душѣ моей ожили воспоминанія дѣтства: представились моему воображенію родители, любимые мною сдуги, родные поля и лѣса, и наконецъ мое сиротство, мои страданія безъ всякаго соучастія въ ближнихъ, существованія безъ любви, безъ ласки... Какъ будто въ лихорадкѣ схватилъ я перо и сталъ писать... Слезы и чернила лились на бумагу. Исписавъ нѣсколько листовъ, я свернулъ ихъ, и не перечитывая положилъ подъ матрацъ моей постели. Явившись въ классъ, я представилъ Лантингу вѣренную мнѣ книгу и мое сочиненіе, и сказалъ: „Простите великодушно, если найдете тутъ ошибки и недописки. Я написалъ

стораяча, и, признаюсь, не имѣлъ духа прочесть... Эта тема слишкомъ тяжела для меня!“ Лантингъ сталъ читать про себя, и я не спускалъ съ него глазъ. Я замѣтилъ, что сперва легкій румянецъ выступилъ на его блѣдномъ лицѣ, а потомъ глаза наполнились слезами. Положивъ бумагу мою въ *карманъ* (чего никогда не дѣлалъ прежде), Лантингъ подозвалъ меня къ себѣ, обнялъ, крѣпко прижалъ къ сердцу, поцаловалъ и сказалъ: „Ты не сирота, пока я въ корпусѣ! Я заступлю тебѣ мѣсто отца, матери и друга!“ Онъ велѣлъ мнѣ приходить къ себѣ на квартиру во всякое время, свободное отъ кадетскихъ обязанностей. (Часть II, стр. 20—22).

Воспользовавшись случаемъ, здѣсь г. Булгаринъ спѣшитъ увѣдомить публику, что онъ всегда помнитъ добро, ему сдѣланное, и что онъ въ теченіе всей своей жизни почиталъ и будетъ почитать „первою своею обязанностью вступаться за друга и благодѣтеля“. Тутъ кстати присоединяетъ онъ и жалобы на несправедливость къ нему русскихъ литераторовъ, увѣряя, что „въ сатирахъ своихъ они даже называли его *собакою*“ (Часть II, стр. 25).

Мы не сказали, что случилось съ ощущеніями, пробужденными въ г. Булгаринѣ темою, заданною ему учителемъ, потому что самъ онъ ничего о томъ прямо не говоритъ. Но вотъ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ онъ о дальнѣйшемъ пребываніи своемъ въ корпусѣ. Перескажемъ ихъ вкратцѣ:

Когда его спрашивали какого онъ племени, онъ отвѣчалъ—*Русскій*; польскій языкъ онъ почти забылъ. Хотя въ корпусѣ была и нѣмецкая церковь и католическая каплица (chapelle), но онъ ходилъ „въ русскую православную церковь“, потому что „католиковъ было мало“, и ему „скучно было слушать латинскую обѣдню безъ пѣвчихъ и безъ музыки“; онъ „даже учился православному катехизису въ классахъ у протоіерея Колосова и былъ однимъ изъ лучшихъ его учениковъ“; наконецъ, онъ пѣлъ на клиросѣ.

„Однажды въ корпусной церкви былъ большой праздникъ: приходила хиротонія Архіерея (не помню, какого по имени). Въ церкви было множество гостей и только лучшие кадеты, потому что для цѣлаго корпуса не было мѣста. Пѣвчіе были на двухъ клиросахъ. Кадетскій хоръ пѣлъ концертъ, сочиненіе Бортнянскаго, подъ его личнымъ регентствомъ, и мнѣ пришлось пѣть соло. И теперь помню и музыку, и слова этого соло: *«Отъ востока, солнце на западъ, хвалю имя Господне!»* Бортнянскій выставилъ меня *впередъ передъ хоромъ*, и я пѣлъ въ полъ-оборота къ публикѣ. Вдругъ въ толпѣ поднялся глухой шумъ... одной дамѣ сдѣлалось дурно, и ее вывели подъ руки изъ церкви... Я оглянулся... Это была моя мать...“

Дрожащимъ голосомъ оковчилъ я соло, и сказавъ, что мнѣ дурно (у меня точно закружилась голова), выбѣжалъ изъ церкви. Для матушки вынесли стулъ изъ ближней квартиры и стаканъ холодной воды... Ова сидѣла склонивъ голову на руки сестры моей, Антонины... Я съ воплемъ бросился въ объятія матери!“ (Часть II, стр. 52—53).

Когда матушка оправилась и г. Булгаринъ пріѣхалъ съ ней на квартиру, она на-

чала его расспрашивать, не переменяли ли онъ вѣры. „И“, говоритъ г. Булгаринъ,— „отвѣчалъ, что меня никто къ этому не приглашалъ и не принуждалъ“ (часть II, стр. 55); далѣе онъ сказалъ ей, что, готовясь быть русскимъ офицеромъ, онъ думаетъ, что ему „приличнѣе быть русской вѣрой“ (тамъ же). Но, несмотря ни на что, мать требовала, чтобъ онъ учился католическому катехизису и ходилъ въ католическую церковь, заклиная „священною памятью родителя сохранить его вѣру“. Происшествіе съ г-жей Булгариной имѣло слѣдствіемъ учрежденіе особаго класса, для преподаванія римско-католическаго катехизиса, и римскимъ католикамъ приказано было ходить въ свою церковь. „Мнѣ это весьма не нравилось“, заключаетъ г. Булгаринъ:—„но надлежало повиноваться“.

Но вотъ г. Булгаринъ произведенъ въ офицеры. Здѣсь онъ представляетъ читателямъ очеркъ тогдашней военной жизни, очеркъ мѣстами обнаруживающій, можетъ быть, и противъ желанія автора, сожалѣніе, что теперь уже многое не такъ, а многого и нѣтъ вовсе. Мы передадимъ его замѣчанія вкратцѣ. „Попировать“, говоритъ онъ:— „подратъ на сабляхъ, побушевать—было у тогдашнихъ офицеровъ любимое дѣло; буянство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ условныхъ границъ; рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не поморщатся. Послѣ такихъ дуэлей наступала обыкновенно мировая, потомъ пиръ и дружба; говорить дерзости, клеветать заочно и распространять клевету было опасно. Тогда бы два десятка молодыхъ вступились за пріятеля и товарища и наказали бы дерзкаго и подлаго клеветника“ и т. д. Мы, право, не видимъ, чѣмъ тутъ можно было бы восхищаться. Въ безпрестанныхъ пированьяхъ, дракахъ и бушеваньяхъ, конечно, немного хорошаго; рубиться за всякую мелочь нынче порядочные люди не станутъ, но зато ужъ если порубятся, то не отправятся вмѣстѣ въ трактиръ, чтобъ за графиномъ водки опять подружиться; что-жъ касается до двухъ десятковъ молодыхъ, вступавшихся за обиженного или оклеветаннаго, то и тутъ не видимъ мы ничего хорошаго... Конечно, нельзя сказать, чтобъ и въ наше время не было вовсе людей, позволяющихъ себѣ клеветы и разныя дерзости; но въ заступникахъ, о которыхъ говоритъ сочинитель, теперь нѣтъ нужды: теперь порядочный человекъ считаетъ долгомъ своимъ самъ за себя вступить, —разумѣется, если противникъ стоитъ, чтобъ съ нимъ имѣть дѣло. Въ противномъ случаѣ ему отвѣчаютъ пре-

зрѣніемъ. Правда, есть негодяи, которые, рассчитывая именно на презрѣніе къ нимъ порядочныхъ людей, иногда доходятъ въ клеветахъ своихъ до неувѣроятной дерзости, но даже въ такомъ случаѣ нѣтъ въ наше время обычая прибѣгать къ молодцамъ, о которыхъ говоритъ г. Булгаринъ. Наше время великодушно: оно предоставляет такія дѣла суду общественнаго мнѣнія, и въ немъ-то подобные люди находятъ наказаніе самое дѣйствительное. Общественное мнѣніе дѣйствуетъ всего вѣрнѣе. Негодяй, заклеянный имъ, не можетъ появиться на улицѣ безъ того, чтобъ на него не показывали пальцами, чтобъ не отворачивались отъ него съ негодованіемъ; его постыдно гонятъ отовсюду, куда бы нагло онъ ни стучался...

Итакъ, гдѣ же и въ настоящемъ случаѣ перевѣсъ стараго времени надъ новымъ?.. Не находимъ мы также ничего хорошаго и въ томъ, что дѣлали тогдашніе офицеры на Крестовскомъ Островѣ, въ Екатерингофѣ и Красномъ Кабачкѣ съ бѣдными Нѣмками и ихъ дочками (ч. II, стр. 144—145). Довольно много страницъ занялъ г. Булгаринъ описаніемъ тогдашнихъ офицерскихъ дебошей, дракъ, волокитствъ, —что, однакожъ, не помѣшало ему помѣстить въ „Воспоминаній“ своихъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ наше время военному человѣку некогда было отличаться на паркетѣ подъ звуки очаровательной музыки, въ кругу избранныхъ красавицъ: мы должны были проводить юность нашу на ратномъ полѣ, въ бивачномъ дымѣ, подъ свистомъ пуль и шипѣніемъ ядеръ, и ждать ежеминутной смерти!“

Но здѣсь и конецъ свѣдѣніямъ, которыя можно извлечь изъ книги о самомъ ея сочинителѣ. —Выводъ предоставляемъ сдѣлать читателю. Мы здѣсь передавали только то, что находимъ въ книгѣ г. Булгарина.

Прослѣдивъ всѣ болѣе или менѣе любопытные факты, относящіеся до самого г. Булгарина, какъ героя разбираемой нами книги, мы должны были бы перейти къ другой, такъ сказать, исторической, части его „Воспоминаній“, гдѣ говоритъ онъ о тогдашнихъ событіяхъ, нравахъ, замѣчательныхъ людяхъ и проч. Но покойный Н. А. Полевой такъ дѣльно, умно и справедливо разобралъ въ „Литературной Газетѣ“ историческую часть „Воспоминаній“ г. Булгарина, что мы тогда же перепечатали его статью, какъ замѣчательную полемическую рѣдкость („Отеч. Записки“, 1846 г., кн. вторая, отд. VI), прибавивъ, что совершенно согласны съ мнѣніемъ Полевого, что и теперь повторяемъ. Да и кто не согласится съ мнѣніемъ статьи, въ которой каждая строка подтверждена доказательствами, ссылками на историческіе факты, которая говоритъ съ знаніемъ дѣла,

съ убѣжденіемъ и притомъ такъ спокойно? Вся публика согласилась съ нею, хотя въ ней и обвинялся г. Булгаринъ не въ мелочныхъ обмолвкахъ и опискахъ, но въ незнаніи исторіи, въ изобрѣтеніи небывалыхъ фактовъ, въ искаженіи дѣйствительныхъ, въ перестановкѣ историческихъ событій, въ незнаніи языка,—короче, въ незнаніи всего того, о чемъ взялся „воспоминать“ г. Булгаринъ. Не согласился съ нею, разумѣется, одинъ только г. Булгаринъ; въ 20 номерѣ „Сѣв. Пчелы“ появился отвѣтъ на статью Полевого, составленный изъ довольно тяжелыхъ шутокъ надъ Полевымъ и его сочиненіями, и изъ различныхъ чрезвычайно пеловкихъ и забавныхъ усилій защититься отъ возраженій и уликъ Полевого. Полевой отвѣчалъ на статью г. Булгарина двумя статьями, въ которыхъ, показавъ совершенную неправдоподобность самозащитеній г. Булгарина, въ то же время представилъ новыя доказательства, что критика его на „Воспоминанія“ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно справедлива. Для полноты мы прослѣдимъ въ главномъ статью Полевого, ибо она представляетъ много новыхъ очень интересныхъ фактовъ. Надобно знать, что г. Булгаринъ торжественно объявилъ въ своемъ „отвѣтѣ“, что всѣ обвиненія Полевого противъ него *несправедливы*, и Полевой *сплз на мели съ одною печаткою*. „Посмотримъ“ говорить Полевой:

„Смотримъ и видимъ, что, *кромя печатки*, есть и еще кое-что, на что согласился О. В. Онъ не спорить за мнѣніе свое о Карамзинѣ, за мнѣніе свое объ нынѣшнемъ обществѣ, за мнѣніе о способностяхъ дѣловыхъ людей, за свое изложеніе характера и темперамента, за небывалый отзывъ Колычева изъ Парижа! Онъ говоритъ даже, что маршалъ Сюше вовсе не рассказывалъ ему прусскаго похода, а говорилъ только о храбрости Пруссаконъ, и что герцогъ брауншвейгскій точно былъ *раненъ*, а не *убитъ* въ битвѣ октября 14-го. Называя все это: *прочимъ*, О. В. сознается, что „*на прочее почитаетъ онъ излишнимъ отвѣчать*!“ Довольно странно, однакожъ, *не отвѣчать* на предметы столь важные, когда насъ учили въ незнаніи или искаженіи ихъ! Не въ „Воспоминаніяхъ“ ли напечатано (стр. 197), что описаніе аустерлицкаго сраженія О. В. „*слышалъ въ 1811 г. изъ устъ знаменитаго маршала Сюше?*“ Не тамъ ли сказано: „Не мое дѣло описывать подробности несчастнаго для Пруссіи дня 14/26 октября—всѣ мы читали объ этомъ, а кромѣ того я *слышалъ рассказы самовидцовъ, маршала Сюшета* (т.-е. Сюше, Suchet), и одного изъ лучшихъ прусскихъ офицеровъ, *маіора Коломба?*“ А теперь что говоритъ О. В.

Булгаринъ? „Вы поступили несправедливо, г-нъ Полевой, приводя при каждомъ вашемъ *ложномъ* (какъ это учтиво!) обвиненіи *мнимыя ссылки* О. В. на Сюшета и Коломба. О. В. *ссылался* на нихъ *только въ томъ*, что Французы и Пруссаки *дрались храбро* при Іенѣ и Ауерштедтѣ, а въ другихъ дѣлахъ О. В. *ссылался на книги*, выписывая заглавія и указывая на страницы“. Во-первыхъ, выписанныя нами слова показываютъ, что Сюше говорилъ не объ одной храбрости Пруссаконъ, а во-вторыхъ, во всемъ описаніи прусской войны, занимающемъ въ „Воспоминаніяхъ“ стр. отъ 255 до 271-й, *нѣтъ ни одной ссылки на книги!* Вотъ ужъ подлинно *мнимыя ссылки!*“

На замѣчаніе объ искаженіяхъ, сдѣланныхъ при описаніи прусской войны, г. Булгаринъ, какъ мы сейчасъ видѣли, отвѣчалъ Полевому, что при описаніи своемъ онъ *ссылался на книги*, выписывая заглавія и указывая страницы“. Полевой замѣчаетъ ему, что „во всемъ описаніи прусской войны, занимающемъ въ „Воспоминаніяхъ“ стр. отъ 255-й до 271-й, *нѣтъ ни одной ссылки на книги.*“ Любопытные могутъ справиться, и увидятъ, что на означенныхъ страницахъ „Воспоминаній“ дѣйствительно нѣтъ ни одной ссылки на книги...

„Еще забавнѣе оправданіе о смерти герцога брауншвейгскаго. „Въ Іенскомъ сраженіи герцогъ брауншвейгскій былъ убитъ!“ — „Попали! (*Сѣверная Пчела* стр. 83). Чтобы однимъ словомъ сказать, что Прусская армія лишилась полководца, смертельно раненаго и вскорѣ потомъ умершаго, мы сказали: *убитъ*. Нѣтъ, *не убитъ*, а *смертельно раненъ и умеръ вскорѣ!* Это *то же*, что *не пль, а кушаль!* Ужасное невѣжество О. Булгарина!“ — Не знаемъ: невѣжество ли, и „ужасное“ ли, но, кажется, нельзя сказать: „все равно *пль* или *кушаль*“, еслибъ кто сказалъ, что Багратионъ *былъ убитъ* подъ Бородинымъ, какъ нельзя сказать, что герцогъ брауншвейгскій убитъ подъ Іеною, а умеръ черезъ шесть недѣль потомъ. Сознаемся здѣсь въ маленькой хитрости нашей: мы нарочно написали, что герцогъ былъ раненъ смертельно *подъ Іеною*, увѣренные, что при плохомъ знаніи, какое оказываетъ О. В. въ военной исторіи, онъ не замѣтитъ нашей хитрости. Такъ и сдѣлалось. О. В. подтверждаетъ, что герцогъ *убитъ* или *раненъ* (вѣдь это все равно—*пль* или *кушаль!*) *подъ Іеною*, а онъ былъ раненъ *подъ Ауерштедтомъ!* Незнаніе военнаго дѣла въ „Воспоминаніяхъ“ простирается до того, что О. В. пишетъ, будто іенское и ауерштедтское сраженіе происходило 14/26 октября (стр. 265), а оно было 14 октября (2-го по нашему стилю), а 26-го Наполеонъ былъ уже у Берлина!“

Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе *оправданій* г. Булгарина, разсмотрѣніе, изъ котораго видно, что г. Булгаринъ изъ всѣхъ обвиненій выходитъ совершенно такъ же, какъ и въ двухъ приведенныхъ нами случаяхъ. Но мы уже сказали, что беремся указать только на самое интересное. Вотъ оно. На замѣчаніе объ искаженіи исторіи Хвостова и Давыдова г. Булгаринъ отвѣчаетъ Полевому, что въ его время всѣ такъ рассказывали, и присоединилъ еще слѣдующія замѣчательныя по послѣдствіямъ слова:

И точно также рассказывалъ намъ это дѣло почтеннѣйшій адмиралъ П. И. Рикордъ при редакторѣ и сотрудникѣ Сѣв. Пчелы П. И. Гречъ, когда уже печатались Воспоминанія. Кому вѣрить?“ заключаетъ г. Булгаринъ:

„общему ли мнѣнію, самовидцамъ-современникамъ и Его Превосходительству П. И. Рикорду, или г. Полевому? Ужъ лучше повѣрить общему мнѣнію и столь почтенному лицу, каковъ П. И. Рикордъ. Когда идетъ дѣло о морскихъ офицерахъ, то мы вѣримъ адмираламъ, очевидцамъ и современникамъ“...

Вотъ чѣмъ разрѣшилось дѣло. Предоставляемъ досказать Полевому:

„Признаемся (говоритъ онъ въ статьѣ своей), это насъ сильно изумило! Какъ? Нашъ почтенный, знаменитый морякъ П. И. Рикордъ могъ рассказывать все, что напечатано въ „Воспоминаніяхъ“, и на это есть свидѣтели? Мы уже хотѣли обратиться къ П. И. Рикорду, и просить его объясненій, когда въ № 26-мъ Сѣв. Пчелы увидѣли слѣдующее письмо:

„Милостивый Государь,
Оаддей Венедиктовичъ!

Въ № 21-мъ Сѣв. Пчелы сего года я къ удивленію моему прочиталъ, что въ литературныхъ спорахъ, возникшихъ между вами и г. Полевымъ, касательно изданныхъ вами Воспоминаній, описывая дѣйствія Хвостова и Давыдова при экспедиціи въ Японію, вы для удостовѣренія въ истинѣ вашего о нихъ разказа выставили и меня посредникомъ между вами. Видя имя мое такимъ образомъ помѣщенное въ газетѣ, это изумляетъ меня еще тѣмъ болѣе, что и самый разсказъ вашъ объ упомянутыхъ лицахъ не вполне вѣренъ. Покорнѣйше прошу васъ, М. Г., въ вашемъ преніи впредь для защиты вашей не употреблять моего имени.

Честъ имѣю быть, и пр.

Петръ Рикордъ.

„Надобны ли здѣсь какія-нибудь объясненія?“ спрашиваетъ Полевой. Зачѣмъ же! Дѣло и безъ нихъ ясно какъ день Божій: очевидно, что г. Булгаринъ прибѣгъ въ своихъ оправданіяхъ къ средству слишкомъ необдуманному!

Въ спорѣ касательно объявленія, напечатаннаго въ 1806 году противъ Наполеона, которое въ томъ видѣ, какъ излагалъ его г. Булгаринъ, Полевой утверждалъ несуществующимъ, — г. Булгаринъ объявилъ, что *Полевой не понимаетъ дѣла*, а объявленіе *точно есть и находится теперь у него, Булгарина, въ рукахъ*. Полевой возразилъ такъ:

„Нѣтъ, мы дѣло лучше вашего понимаемъ, и еще разъ утверждаемъ, что именно то самое объявленіе напечатано въ Собраніи Законовъ, о которомъ говоритъ г. Булгаринъ, а другого не было, нѣтъ, и онъ его теперь въ рукахъ имѣть не можетъ! Да что далеко откладывать? Напечатайте его въ Пчелѣ! Это будетъ любопытнѣе сказочекъ, которыя вы печатаете, или всего лучше положите его въ магазинъ М. Д. Ольхина, и пусть разсудитъ насъ народъ безпристрастный!“

На увѣреніе г. Булгарина будто *„всѣ писанія Полевого, когда онъ былъ сотрудникомъ Сѣверной Пчелы, отправляли не одинъ Н. И. Гречъ, а и Ѳ. В. Булгаринъ и А. Н. Гречъ и даже корректоръ“* — Полевой отвѣчаетъ такъ:

„Всего лучше, если у васъ цѣлы рукописи Полевого, покажите ихъ, положите ихъ въ книжный магазинъ М. Д. Ольхина, вмѣстѣ съ объявленіемъ, о которомъ говорено выше, и пусть разсудятъ насъ люди посторонніе. Н. Полевой такого суда не боится, и если Ѳ. В. Булгаринъ нашего требованія не исполнитъ, мы примѣнимъ къ нему собственныя слова его, съ 89 стр. II-го тома *Воспоминаній*, строки 11—15. Не угодно ли тамъ справиться?“¹⁾

Что г. Булгаринъ является въ спорѣ съ покойнымъ Полевымъ не героемъ, то, конечно, каждый и безъ насъ видитъ. Намъ слѣдуетъ только замѣтить, для полноты и для ясности, что спорнаго *объявленія*, которое Полевой вызывалъ г. Булгарина напечатать въ „Пчелѣ“ или положить для показа въ магазинъ Ольхина, ни напечатано въ Пчелѣ, ни положено въ магазинъ Ольхина не было. Рукописныхъ листовъ Полевого, поправленныхъ рукою г. Булгарина, въ магазинъ Ольхина также положено не было... Стало-быть, г. Булгаринъ, говоря иносказательно, въ нѣкоторомъ родѣ, расписался... въ прочтеніи тѣхъ строкъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, къ которымъ отсылаетъ его Полевой и которыя въ статьѣ Полевого означены такъ вѣрно и обстоятельно...

Нужно бы еще сказать что-нибудь о „признаніяхъ“ г. Булгарина, которыми на-

¹⁾ Строки эти слѣдующія: „мы теперь или все знаемъ, или хотимъ все знать, а если не можемъ проникнуть истинны, то лжемъ и клеветимъ, чтобъ только показаться всезнающими“...

полнено предисловіе къ его книгѣ. Но мы думаемъ, что послѣ всего представленнаго нами на усмотрѣніе читателя, подробныя объясненія будутъ здѣсь излишни. Довольно указать на нѣкоторые признанія:

„Замѣчательно и весьма, что вся вражда падала на меня одного, и каждое неблагопріятное сужденіе для автора приписывалось мнѣ, а за похвалу никто не сказалъ спасибо! Напротивъ, похвалы породили болѣе враговъ, нежели порицанія“.

Далѣе:

„Еще весьма замѣчательно, что всѣ журналы сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (исключая *Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія*, который издавался литературнымъ обществомъ, и нынѣшней „Библіотеки для Чтенія“) начинали свое поприще, продолжали и кончали его

жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. *Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы*“ и пр.

Всѣ сочиненія и изданія г. Булгарина разруганы, *всѣ* журналы начинали, продолжали и кончали свое поприще бранью на г. Булгарина; каждое неблагопріятное сужденіе приписывалось не кому другому, какъ г. Булгарину; никто даже за похвалу не сказалъ ему спасибо... Странно! Конечно, можетъ быть, зависть, недоброжелательство... ну, и другія нехорошія страсти, на которыя намекаетъ въ предисловіи... Но какъ же *всѣ*, рѣшительно *всѣ*? Не одинъ человѣкъ, не два, не десять, не сто, даже не тысяча, а *всѣ*... Вѣдь что-нибудь значить же слово *всѣ*!.. Какъ растолковать? какъ объяснить?..

1846 г.

60. О жизни и сочиненіяхъ Кольцова.

Въ 1835 году вышла изданная Станкевичемъ книжка стихотвореній Кольцова и Бѣлинскій тотчасъ же написалъ объ этомъ поэтѣ небольшую статью (см. т. I, ст. № 5); къ стихотвореніямъ этимъ Бѣлинскій отнесся довольно сдержанно, хотя и нашелъ, что Кольцовъ „владѣетъ талантомъ небольшимъ, но истиннымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но неподдѣльнымъ и ненатянутымъ“... (I, 189). Въ 1836 году Кольцовъ впервые пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Бѣлинскимъ, который оказалъ на него впослѣдствіи такое громадное вліяніе; расцвѣтъ своего творчества, относящійся къ 1838—1839 гг., самъ Кольцовъ приписываетъ благотворному вліянію Бѣлинскаго. И Бѣлинскій, ставшій близкимъ другомъ и совѣтникомъ поэта, видѣлъ какъ могуче росъ и развивался талантъ Кольцова; начиная съ 1839 года, Бѣлинскій въ своихъ письмахъ къ Боткину не одинъ разъ вспоминаетъ о Кольцовѣ и восхищается его растущимъ талантомъ. Въ журнальных своихъ отзывахъ Бѣлинскій также сталъ теперь воздавать должное Кольцову; такъ напримѣръ, въ своей рецензіи 1840 года на книжку стихотвореній извѣстнаго въ то время крестьянина Слѣпушкина, Бѣлинскій посвящаетъ нѣсколько страницъ восторженному отзыву о поэзіи Кольцова, изумляясь „богатырской силѣ могучаго духа“ этого поэта. Одновременно съ этой рецензіей Бѣлинскій писалъ большую статью о „Героѣ нашего времени“ (т. I, № 23); въ ней онъ опять

говоритъ о Кольцовѣ, указывая, что поэтъ этотъ „доселѣ непонятъ, не оцѣненъ“, что „только немногіе сознаютъ всю глубину, обширность и богатырскую мощь его таланта“ (см. т. I, стр. 800—803). Такой же отзывъ мы находимъ и въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ (см. т. II, стр. 306—307); тутъ же высказывается и сожалѣніе о томъ, что до сихъ поръ нѣтъ собранія избранныхъ стихотвореній Кольцова.

Друзья Кольцова собирались издать его стихотворенія еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, считая, что брошюрка 1835 года (въ ней было только 18 стихотвореній) является и слишкомъ краткой и устарѣвшей, такъ какъ лучшія вещи Кольцова были написаны имъ большею частью послѣ 1836 года. Въ 1840 году Бѣлинскій принялся за редактированіе предполагаемаго сборника стихотвореній Кольцова; въ письмѣ изъ Воронежа отъ 28 апрѣля 1840 года Кольцовъ писалъ Бѣлинскому, что скоро пошлетъ ему тетрадь своихъ піесъ: „какъ вы желаете, напишу всѣ, худыя и добрыя: онѣ что у меня, что у васъ—все равно... Но только буду васъ просить при сборѣ книги выбирать вещи однѣ добрыя... Книга же, думаю, теперь соберется порядочная, листовъ въ пятнадцать печатныхъ“... Однако при жизни Кольцова Бѣлинскому такъ и не удалось осуществить это изданіе; черезъ полтора мѣсяца послѣ смерти Кольцова Бѣлинскій писалъ Боткину (9 дек. 1842 г.), что слѣдуетъ издать сочиненія Кольцова,—„но какъ

издать, на что издать и проч. и проч. "...; средствъ не было, издателя не находилось. И только три года спустя удалось устроить это изданіе, которое взяли на себя Некрасовъ и Прокоповичъ; весною 1846 года вышла редактированная БѢлинскимъ книга „Стихотворенія Кольцова“, размѣромъ ровно въ пятнадцать листовъ, причемъ однако пять печатныхъ листовъ занимала собою вступительная статья БѢлинскаго „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова“, которую мы и даемъ здѣсь. Изданіе это впоследствии неоднократно повторялось, являясь наиболѣе полнымъ и лучшимъ собраніемъ стихотвореній Кольцова; въ настоящее время лучшимъ и совершенно полнымъ изданіемъ является Академическое, подъ редакціей А. Лященко (1909 г.). Въ этомъ изданіи читатели найдутъ подробныя библиографическія указанія на не особенно богатую литературу о Кольцовѣ.

Прежде чѣмъ говорить о взглядѣ БѢлинскаго на сущность поэзіи Кольцова, мы остановимся на текстѣ настоящей статьи, подвергнувшейся въ 1846 году значительнымъ цензурнымъ сокращеніямъ; сокращенія и измѣненія эти коснулись тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ БѢлинскій говорилъ объ отношеніи къ Кольцову его отца и вообще его семьи. Отношеніе это было возмутительное, какъ объ этомъ впервые разсказалъ БѢлинскій въ настоящей статьѣ и что впоследствии тщетно пытались опровергнуть другіе біографы Кольцова; умирающій поэтъ былъ обузой для семьи, которая старалась „изводить“ его чѣмъ могла. Кольцовъ обо всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ съ горечью сообщалъ въ дружескихъ письмахъ къ БѢлинскому; понятно то негодованіе, съ которымъ БѢлинскій и его друзья относились къ такимъ извѣстіямъ. Когда Кольцовъ умеръ, Боткинъ требовалъ отъ БѢлинскаго, чтобы тотъ, въ журнальной статьѣ о Кольцовѣ, заклеилъ поведеніе отца покойнаго поэта, ускорившее, а можетъ быть и вызвавшее самую смерть, БѢлинскій отвѣчалъ (9 дек. 1842 г.): „объ отцѣ Кольцова—думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ, громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виноватъ этотъ отецъ, что онъ—мужикъ? И что онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя или бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты, такъ же, какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своемъ человѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдятъ бо, что творятъ. Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшенныхъ

собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но и не могу питать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти. И что напишешь объ отцѣ Кольцова и какъ напишешь? Во-первыхъ, и написать нельзя; во-вторыхъ, и напиши—онъ вѣдь не прочтетъ, а если и прочтетъ—не пойметъ, а если и пойметъ—не убѣдится“...

Несмотря на это, БѢлинскій все же попробовалъ сперва въ краткой некрологической замѣткѣ („Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVI), а затѣмъ и въ настоящей статьѣ обрисовать положеніе Кольцова въ его семьѣ; но онъ былъ правъ тремя годами ранѣе, заявляя, что объ этомъ „нельзя написать“. Цензура вычеркнула изъ его статьи почти все, касающееся этого вопроса, начиная съ эпиграфа, изъ стихотворенія Аполлона Григорьева, о „русской семьѣ“. Вычеркнутыя мѣста впоследствии были восстановлены по рукописи БѢлинскаго въ изданіи Солдатенкова; сравнивая эту восстановленную статью съ ея печатнымъ текстомъ 1846 года, мы можемъ видѣть, что было вычеркнуто цензурой. Ниже мы даемъ восстановленный текстъ, однако заключая въ немъ въ *квадратныя скобки* всѣ цензурныя урѣзки; въ примѣчаніяхъ даемъ замѣняющій иногда эти скобки текстъ. Такимъ образомъ читатели имѣютъ передъ собою одновременно и подлинный полный и измѣненный цензурою текстъ настоящей статьи БѢлинскаго; для характеристики отношенія цензуры сороковыхъ годовъ къ БѢлинскому это представляетъ значительный интересъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, но даже связанный цензурою, БѢлинскій далъ яркую біографію Кольцова, оставшуюся донинѣ одною изъ лучшихъ, несмотря на сравнительную устарѣлость. Появившаяся въ 1878 году обширная біографія Кольцова, написанная М. де-Пуле, основывалась на болѣе богатыхъ біографическихъ матеріалахъ, но не имѣетъ почти никакой литературной цѣны, являясь въ сущности только озлобленнымъ памфлетомъ противъ БѢлинскаго.

Біографическій матеріалъ настоящей статьи представляетъ изъ себя только введеніе къ опредѣленію сущности поэтического творчества Кольцова. Переходя къ этому опредѣленію, БѢлинскій снова ставитъ свой излюбленный вопросъ о разницѣ между „геніемъ“ и „талантомъ“—вопросъ, который уже былъ поставленъ имъ въ это же самое время въ статьѣ „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“ (№ 57; см. также выше стр. 25); теперь онъ разрабатываетъ его

¹⁾ См. ниже еще болѣе значительныя въ этомъ отношеніи статьи №№ 62, 65 и 66.

подробно, говоря о Кольцовѣ¹⁾. Интересно, что въ своей первой статьѣ о Кольцовѣ (1835 г.) Бѣлинскій стоялъ совершенно на такой же точкѣ зрѣнія; онъ начинаетъ эту статью разграниченіемъ понятій „генія“ и „таланта“, указывая, что между ними есть постепенная градація, что „есть художники, которыхъ вы не рѣшитесь почитать высокимъ именемъ геніевъ, но которыхъ вы поколеблетесь отнести къ талантамъ“ (см. т. I, стр. 187—189). Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій развиваетъ эту мысль, высказанную имъ десятью годами ранѣе, называя такихъ людей, большихъ, чѣмъ талантъ, но меньшихъ, чѣмъ геній — *геніальными талантами*. Но тутъ же необходимо отмѣтить и разницу между этими двумя, раздѣленными десятилѣтіемъ, взглядами Бѣлинскаго: раньше онъ видѣлъ и „геній“ и „талантъ“ — въ сферѣ „художественности“, „искусства“; теперь онъ склоненъ приписать генію — художественность, а таланту — „беллетристику“ (см. объ этомъ ст. № 57). Прежде Бѣлинскій видѣлъ между „геніемъ“ и „талантомъ“ главнымъ образомъ количественное различіе, теперь онъ видитъ между ними различіе качественное — и въ этомъ лежитъ возможность существованія „геніальнаго таланта“, который отъ простого таланта отличается свойствомъ, а отъ генія — объемомъ содержанія. Теперь вопросъ о геніи и талантѣ Бѣлинскій соединяетъ съ вопросомъ о *мичности*, указывая, что геній соединяетъ въ себѣ высочайшее развитіе личности съ всеобщностью и глубиной своихъ идей и идеаловъ; достоинствомъ таланта, напротивъ, является частность и исключительность. „Геніальный талантъ“ и здѣсь оказывается среднимъ между ними, являясь сочетаніемъ глубокой внутренней сущности человека съ ограниченнымъ объемомъ содержанія.

Такимъ „геніальнымъ талантомъ“ Бѣлинскій считалъ Кольцова. Это опредѣленіе вызвало довольно рѣзкое возраженіе со стороны В. Майкова, замѣнившего собою въ 1846 году Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“. Въ своей статьѣ о Кольцовѣ („Отеч. Зап.“ 1846 г., т. XLIX) Вал. Майковъ полемизируетъ съ Бѣлинскимъ, называя всѣ эти разграниченія — „геній“, „талантъ“ и „геніальный талантъ“ — чисто словесными и ничего не объясняющими въ поэзіи Кольцова. Критикъ Бѣлинскаго былъ бы правъ, если бы Бѣлинскій счелъ свою задачу выполненной послѣ такого разграниченія; но

дѣло въ томъ, что для Бѣлинскаго это только первый шагъ къ опредѣленію сущности таланта Кольцова. Словами „геніальный талантъ“ Бѣлинскій сразу ярко освѣтилъ двѣ главныя стороны творчества Кольцова: исчерпывающую глубину художественнаго содержанія при сравнительно узкихъ рамкахъ его. Онъ указываетъ, что геній Пушкина былъ всеобъемлющъ, но что даже и Пушкинъ „не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни“; въ этомъ узкомъ мірѣ „народной пѣсни“ Кольцовъ достигъ исчерпывающей глубины художественнаго содержанія. Въ чемъ же заключалось это содержаніе? — Тутъ Бѣлинскій подходит къ главному вопросу своей статьи и даетъ рѣшеніе, которое одно только можетъ объяснить намъ значеніе поэзіи Кольцова.

Поэзія Кольцова — поэзія земледѣльческаго быта: „Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта онъ нашелъ въ самомъ этомъ бытѣ“... „Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовію крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ“... „Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова... Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни“... Эти слова Бѣлинскаго интересно сопоставить со слѣдующими безхитростными словами самого Кольцова, въ его письмѣ къ Бѣлинскому отъ 28 сент. 1839 г., гдѣ онъ объясняетъ причину, почему въ этомъ году мало написалъ стихотвореній: „трудно отвѣчать, и отвѣтъ смѣшной: не потому, что некогда, что дѣла мои были дурны, что я былъ все разстроенъ; но вся причина — эта суша, это безвременье нашего края, настоящій и будущій голодъ. Все это какъ-то ужасно имѣло, нынѣшнее лѣто, на меня большое вліяніе — или потому, что мой бытъ и выгоды тѣсно связаны съ внѣшнею природою всего народа. Куда ни глянешь — вездѣ унылыя лица; поля, горѣлыя степи наводятъ на душу уныніе и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить, ни думать. Какая рѣзкая переменѣна во всемъ! Напримѣръ: и теперь поютъ русскія пѣсни тѣ же люди, что пѣли прежде, тѣ же пѣсни, такъ же поютъ; напѣвъ одинъ — а какая въ нихъ, не говоря ужъ грусть — онѣ всѣ грустны, —

¹⁾ Въ этомъ видны отголоски вліянія Шеллинга и Гегеля. Общеизвѣстно значеніе „генія“ въ эстетической системѣ Шеллинга; что же касается до Гегеля, то разграниченіе понятій „генія“ и „таланта“ мы находимъ въ § 395 его „Энциклопедіи“ (редакція Баумана).

а какая-то болѣзнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывали. Я думаю въ той же душѣ, на томъ же инструментѣ, на которомъ народъ выражался широко и сильно, при другихъ обстоятельствахъ можетъ выражаться слабо и бездушно. Особенно въ пѣснѣ это замѣтно; въ ней, кромѣ ея собственной души, есть еще душа народа въ его настоящемъ моментѣ жизни“...

Эти слова Кольцова являются лучшимъ подтвержденіемъ приведеннаго выше мнѣнія Бѣлинскаго; только съ этой точки зрѣнія можно понять ту „поэзію крестьянскаго быта“, которую мы находимъ въ произведеніяхъ Кольцова, а также вѣрно оцѣнить сущность и значеніе этой поэзіи. Съ давнихъ поръ существовала тенденція умалить и принизить значеніе Кольцова въ русской литературѣ; первая статья подобнаго рода, если не считать журнальных отзыовъ еще при жизни Кольцова и рецензій на книгу 1846 года, явилась впервые въ 1852 году (въ „Сынѣ Отечества“) и принадлежала перу В. Стоюнина; подобные же взгляды можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ статьяхъ 1909 года, появившихся по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія Кольцова. Всѣ эти отрицательные выводы о совершенной второстепенности поэзіи Кольцова возможны только въ томъ случаѣ, если упустить изъ вида единственно объясняющій все дѣло взглядъ Бѣлинскаго, взглядъ, который позднѣе повторили и развили Чернышевскій (въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“), Добролюбовъ (въ популярной книгѣ о Кольцовѣ) и цѣлый рядъ другихъ писателей. Изъ этого ряда писателей нельзя не остановиться на одномъ, который ярче другихъ развилъ мысль Бѣлинскаго. Это—Гл. Успенскій, заговорившій о Кольцовѣ въ своихъ изумительныхъ по силѣ и тонкости очеркахъ „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“. „Поэзія земледѣльческаго труда—говоритъ Гл. Успенскій—не пустое слово. Въ русской литературѣ есть писатель, котораго невозможно иначе назвать, какъ поэтомъ земледѣльческаго труда исключительно. Это—Кольцовъ. Никто, не исключая и самого Пушкина, не трогалъ такихъ поэтическихъ струнъ народной души, народнаго міросозерцанія, воспитаннаго исключительно въ условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола“... И далѣе Гл. Успенскій рядомъ цитатъ изъ стихотвореній Кольцова и ядовито-остроумнымъ сравненіемъ ихъ съ такимъ перломъ русской поэзіи, какъ лермонтовское „Когда волнуется желтѣющая нива“—показываетъ „удивительную своеобразность“ поэзіи земледѣльческаго труда; онъ говоритъ о великолѣпномъ

кольцовскомъ „Урожаѣ“, въ которомъ „и природа и міросозерцаніе челоѣка, стоящаго съ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое“... Отсылаемъ читателя къ этому произведенію Гл. Успенскаго, въ которомъ о Кольцовѣ на трехъ страницахъ сказано болѣе, чѣмъ во многихъ большихъ статьяхъ объ этомъ поэтѣ; этотъ очеркъ Гл. Успенскаго является лучшимъ развитіемъ основной мысли настоящей статьи Бѣлинскаго.

Итакъ, Бѣлинскій и Гл. Успенскій ярко освѣтили главную сторону творчества Кольцова, до сихъ поръ сохранившую всю свою цѣнность и создавшую Кольцову его узкое, но высокое мѣсто въ исторіи русской литературы. Бѣлинскій кромѣ того останавливается и на извѣстныхъ „Думахъ“ Кольцова, какъ на другой сторонѣ творчества этого поэта; Бѣлинскій не могъ не признать, что эта сторона творчества Кольцова имѣетъ для русской литературы весьма малое значеніе, будучи очень важной только для характеристики личности самого Кольцова. Начиная съ 1836 года Кольцовъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго и его друзей; еще въ 1835 году Кольцовъ написалъ думу „Великая тайна“, вѣроятно подъ вліяніемъ Станкевича и его философіи той эпохи. Съ 1836 года у Кольцова идетъ рядъ „думъ“, отражающихъ въ себѣ шеллингианскія и гегелианскія умозрѣнія Бѣлинскаго и его друзей; объ этомъ вліяніи на Кольцова есть статья В. Ярмерштедта (очень устарѣвшая съ фактической стороны): „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова“ („Вопр. философ. и психологіи“, 1894 г., кн. I). Бѣлинскій старался передать Кольцову основныя положенія философіи Гегеля; Кольцовъ пробовалъ читать философскія книги, но безрезультатно, о чемъ и горевалъ, сообщая Бѣлинскому: „субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта—ни крошечки“ (письмо отъ 28 окт. 1838 г.); въ другомъ письмѣ еще яснѣе: „я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи, поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта. Не понимаю еще вполне этого безконечнаго игранія жизни, этой великой природы во всѣхъ ея проявленіяхъ“... (письмо отъ 15 іюня 1838 года). Но то, чего Кольцовъ не понималъ умомъ, онъ хотѣлъ высказать въ поэтическихъ образахъ въ своихъ „думахъ“, темами которыхъ какъ разъ являются вопросы о великой природѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, о безконечномъ играніи жизни... Попытки были мало удачныя, такъ какъ Кольцовъ, подобно Бѣлинскому, былъ типичный реалистъ по своему психо-

логическому типу; онъ это и самъ призналъ (какъ указываетъ Бѣлинскій) въ своемъ стихотвореніи „Не время-ль намъ оставить“ (1841 г.). „Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ,—говоритъ Бѣлинскій,—не могло бы у него долго продолжиться, еслибъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій“... Думы Кольцова были именно слишкомъ „надуманы“ и, за немногими исключеніями, шли не отъ сердца, не отъ души поэта; значеніе ихъ для характеристики Кольцова велико, но другого значенія онѣ не имѣютъ.

Но мы уже видѣли, что вовсе не здѣсь лежитъ сущность поэзіи Кольцова, ея безотносительное значеніе; сущность эта заключена въ „пѣсняхъ“ Кольцова, являющихся единственнымъ въ своемъ родѣ проявленіемъ въ поэтическомъ творествѣ эстетической

стороны земледѣльческаго быта. Бѣлинскій ошибался въ частности своей критики произведеній Кольцова; такъ напримѣръ, онъ преувеличенно оцѣнивалъ довольно посредственную „Ночь“, почему-то относя ее „къ капитальнымъ произведеніямъ русской поэзіи“ (см. т. II, стр. 306, а также и настоящую статью); напротивъ того, онъ недооцѣнилъ такіа вещи, какъ „Пѣсня пахаря“, „Крестыянская пирушка“ и т. п., поставивъ ихъ ниже „Разсчета съ жизнію“ и другихъ болѣе слабыхъ стихотвореній Кольцова. Но все это дѣло субъективной оцѣнки, всегда очень спорной; что же касается до сущности настоящей статьи Бѣлинскаго, то она до сихъ поръ остается въ полной силѣ. Бѣлинскій показалъ, что „поэзія земледѣльческаго быта“ есть та сторона поэзіи Кольцова, которая на вѣчныя времена сохранить ему высокое мѣсто въ исторіи русской литературы.

И.-Р.

[Русскій бытъ—

Увы! совѣмъ не такъ глядитъ,
Хоть о семейности его
Славянофилы намъ твердятъ
Уже давно,—но, впоивать,
Я въ немъ не вижу ничего
Семейнаго... О старинѣ
Разказовъ много знаю я,
И память вѣрная моя
Тѣмъ пѣсень сохранила мнѣ
Однообразныхъ и простыхъ,
Нострашно-грустныхъ... Слышенъ въ нихъ
То голосъ воли удалой,
Все злою долею женой,
Все подколодною змѣей
Опутанный,—то плачь о томъ,
Что тускло змннимъ вечеркомъ
Горитъ лучина,—хоть не спать
Бѣдняжкѣ ночь, и друга ждать,
И тѣшить старую любовь,—
Что ту лучину залила
Лихая старая свекровь...
О, вѣрите мнѣ, не весела
Картина—русская семья...
Семья для насъ всегда была
Лихая матиха, не мать...

А. Григорьевъ].

Издавая въ свѣтъ полное собраніе стихотвореній покойнаго Кольцова, мы прежде всего думаемъ выполнить долгъ справедливости въ отношеніи къ поэту, до сихъ поръ еще не понятому и не оцѣненному надлежащимъ образомъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы Кольцовъ не обратилъ на себя общаго вниманія еще при первомъ появленіи своемъ на литературное поприще; но это вниманіе относилось не столько къ поэту съ сильнымъ самобытнымъ талантомъ, сколько къ любопытному феномену. Большею частію въ немъ видѣли русскаго мужичка, который, едва зная грамотѣ, самъ собою открылъ и развилъ въ

себѣ способность писать стишки, и притомъ недурные. Всѣ поняли, что по таланту Кольцовъ выше Слѣпушкина, Суханова, Алипанова; но немногіе поняли, что у него рѣшительно не было ничего общаго съ этими поэтами-самоучками, какъ ихъ тогда величали. Впрочемъ, это естественно, и тутъ некого винить. Для вѣрной оцѣнки всякаго поэта нужно время, и не разъ случалось, что даже великіе гении въ области искусства были признаваемы только потомствомъ. Теперь этого уже не бываетъ, потому что теперь пустому, но блестящему таланту легче попасть въ гении, нежели гению не быть признаннымъ; но и теперь это признаніе цѣлою массою общества тоже требуетъ времени и обходится не безъ борьбы. То же самое можно отнести ко всякому замѣчательному таланту, выходящему изъ-подъ уровня обыкновенности.

Кромѣ этого обстоятельства, Кольцовъ явился въ то время русской литературы, когда она, такъ сказать, кипѣла новыми талантами въ новыхъ родахъ. Едва замолкли поэты, вышедшіе по слѣдамъ Пушкина, какъ начали появляться романисты, нувеллисты, а потомъ поэты-стихотворцы, рѣзко отличавшіеся отъ прежнихъ своимъ направленіемъ и колоритомъ. Въ литературѣ молодой и неустановившейся новостъ возбуждаетъ такое же вниманіе, какъ и геніальность, и часто считается за одно съ нею, хотя и ненадолго. Среди всѣхъ этихъ новостей самъ Кольцовъ возбудилъ собою вниманіе, какъ новостъ, появившаяся подъ именемъ поэта-прасола. Будь онъ не мѣщанинъ, почти безграмотный, не прасолъ,—его стихотво-

ренія, можетъ быть, едва ли были бы тогда замѣчены. Первые стихотворенія Кольцова печатались изрѣдка въ разныхъ малоизвѣстныхъ изданіяхъ. Публика узнала о немъ только въ 1835 году, когда въ Москвѣ вышла книжка его стихотвореній, въ числѣ восемнадцати пьесъ ¹⁾, изъ которыхъ едва ли половина носила на себѣ отпечатокъ его самобытнаго таланта, потому что пора настоящаго творчества и полнаго развитія таланта Кольцова настала только съ 1836 года. Однакоже вниманіе, какое обратили на Кольцова многіе литераторы и между ними Жуковский и самъ Пушкинъ, отозвалось и въ публикѣ. Книжка имѣла успѣхъ, и имя Кольцова приобрѣло общую извѣстность. Съ 1836 года онъ постоянно писалъ свои стихотворенія въ журналахъ: *Современникъ*, *Телескопъ*, *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, *Сынъ Отечества* (1838), *Московскомъ Наблюдателѣ* (1838—1839), а потомъ большею частью въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ альманахахъ: *Утренняя Заря* и *Сборникъ*. Когда даже и большія сочиненія, повѣсти и драмы, разбросаны такимъ образомъ по разнымъ изданіямъ, и тогда публикѣ неудобно составить себѣ о ихъ авторѣ опредѣленное понятіе: тѣмъ болѣе это относится къ автору мелкихъ стихотвореній, которыя въ продолженіе почти восьми лѣтъ печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Появляется въ журналѣ новое стихотвореніе даровитаго поэта, производитъ свой эффектъ—и, какъ все въ мірѣ, мало-по-малу забывается. Иной читатель и хотѣлъ бы вновь перечесть его, но для этого надо отыскивать стихотвореніе въ кучѣ журналовъ; а при томъ, не всякій помнитъ, гдѣ именно помѣщено оно, и не всякій имѣетъ возможность доставать старые журналы. Такимъ образомъ, общій колоритъ и характеръ произведеній поэта ускользаютъ отъ читателей. Отъ времени до времени поэтъ производитъ на нихъ впечатлѣніе то тѣмъ, то другимъ своимъ стихотвореніемъ, но не общностью, не цѣлостью своей поэзіи, которая—если онъ поэтъ съ большимъ дарованіемъ, должна представлять собою особый, самобытный и оригинальный міръ дѣйствительности.

Прежде, нежели приступимъ мы къ разсмотрѣнію произведеній Кольцова, считаемъ нужнымъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей его жизни. Жизнь Кольцова не богата, или, лучше сказать, вовсе бѣдна внѣшними событіями; но тѣмъ богатѣе исторія его внутренняго развитія и тяжелой борьбы между его призваніемъ и его суровою судьбою.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился

въ Воронежѣ въ 1809 году, октября 2-го ¹⁾. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ, или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. [Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣщанской спесью, ломаньемъ и кривляньемъ]. По счастью, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ,—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты, производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себѣ, безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ, и долго былъ боленъ, такъ что хотя его вполнѣ излѣчили, однако онъ всегда чувствовалъ отзвѣвы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ, на примѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади, черезъ ея голову, и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но, несмотря на все это, онъ всегда былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ,

¹⁾ См. т. I, ст. № 5.

¹⁾ Въ настоящее время днемъ рожденія Кольцова считается 3-е октября.

пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ: такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому что какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ элементарнаго образованія. Мало того: изъ примѣра Кольцова мы больше всего убѣдились въ важности элементарнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ,—подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его интеллектуальному существованію недостаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то, что легко усваивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть Кайданова исторію, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героев древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и бытъ, что только чрезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы осваиваться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ элементарномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать *Илиады*, хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, — между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ немного вынесъ изъ уѣзднаго училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ,—это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орфографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его интеллектуальной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и *Бова Королевичъ* съ *Ерусланомъ Лазаревичемъ* составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фан-

тазією натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и склонности къ поэзіи,—и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Но вотъ особенная черта, обнаружившая въ Кольцовѣ не только пассивную и воспринимающую, но и дѣятельную фантазію: читая сказки, онъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однихъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взять былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ въ продолженіе всего лѣта бродилъ его скотъ; а зимою посылалъ его съ приказчиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбілось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей въ этой степи, онъ тѣмъ лучше понималъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее какъ друга, какъ любовницу:

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Черному
Понадвинулась!

Многія пьесы Кольцова отзываются впечатлѣніями, которыми подарила его степь: *Косарь*, *Могила*, *Путникъ*, *Ночлегъ Чумаковъ*, *Цѣтокъ*, *Пора любви* и другія. Почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ степь не играетъ никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и въ колоритѣ и въ тонѣ. Читая ихъ, невольно вспоминаешь, что ихъ авторъ—сынъ степи, что степь воспитала его и взлелѣяла. И потому ремесло прасола не только не было ему неприятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его со степью и давало ему воз-

мѣжность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь не была безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитою войлока или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Стихотвореніе *Ровеснику* написано Кольцовымъ, кажется, этому первому другу его юности ¹⁾. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ нихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіею натуры и сказки о Бовѣ и Ерусланѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ, то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбилась Кольцову изъ этихъ книгъ *Тысяча и одна ночь* и *Кидмъ и Гармонія* Хераскова, особенно первая. И не мудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенцествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его и, разумѣется, у него родилось желаніе произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему

суждено было въ первый разъ узнать не-счастье: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горестъ Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ, и въ городѣ, и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ, нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ за сходную цѣну сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ и начинаетъ *итѣ* стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключилъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и рѣзны полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія пьесы онъ заучилъ наизусть, и особенно понравился ему *Ермакъ*. Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ рѣзными; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни умѣнія для формы. Однакожъ, матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по-своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи сряду. Въ молодые лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ей стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса, подъ названіемъ *Три Видѣнія*, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ

¹⁾ Этотъ товарищъ Кольцова, Варгинъ, умеръ въ 1824 году, стихотвореніе же „Ровеснику“ написано въ 1826—7 гг., такъ что предположеніе Бѣлинскаго ошибочно.

Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которые иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро приобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ, совѣтникъ ему былъ необходимъ,—и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему *Три Видѣнія* и другія свои пьесы. Книгопродавецъ ¹⁾ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый, онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: *Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетакаго пансіона*. Видно, какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не всѣмъ обыкновеннаго, и, видно, его тронуло страстное юношеское стремленіе Кольцова къ стихотворству: онъ подарилъ ему *Русскую Просодію*, и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова: онъ приобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ тайнства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастьемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которые ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая библіотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковского, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ, въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю жизнь его. Мы уже говорили, что Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ это были чувства и привязанности хотя жаркія, но дѣтскія, теперь настала

пора чувствъ и привязанностей другого рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта. Не знаемъ, долго ли продолжалась эта связь; но знаемъ, что она не была шалостью или легкимъ безотчетнымъ чувствомъ, впервые пробудившеюся потребностью молодой кипящей крови. Нѣтъ, это была страсть глубокая и сильная, вліяніе которой Кольцовъ чувствовалъ всю жизнь свою. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ свой осуществленный идеалъ женщины, еще не мечтая объ идеалахъ и не ища ихъ. Но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодого поэта, не нравилась [его семейству и даже беспокоила его. Известное дѣло, что въ этомъ сословіи первое задушевное желаніе отца состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣ женить своего сына на какомъ-нибудь размалеванномъ бѣлилами, румянами и сюрмой болванѣ съ черными зубами и хорошимъ, со-ответственно состоянію семьи жениха, приданымъ. Связь Кольцова была опасна для этихъ мѣщанскихъ плановъ, не говоря уже о томъ, что въ глазахъ дикихъ невѣждъ, простодушно и грубо чуждыхъ всякой поэзіи жизни, она казалась предосудительной и безнравственной] ¹⁾. Надо было разорвать ее во что бы ни стало. Для этого воспользовались отсутствіемъ Кольцова въ степь,—и когда онъ воротился домой, то уже не засталъ ея тамъ... Это несчастье такъ жестоко поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Оправившись отъ болѣзни и признавши у родныхъ и знакомыхъ деньжонокъ, онъ бросился, какъ безумный, въ степи развѣдывать о несчастной. Сколько могъ, далеко ѣздилъ самъ, еще дальше посылалъ преданныхъ ему за деньги людей. Не знаемъ, долго ли продолжались эти розыски, только результатомъ ихъ было извѣстіе, что несчастная жертва [варварскаго] разсчета, попавшись въ донскія степи, въ казачью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія...

Эти подробности мы слышали отъ самого Кольцова, въ 1838 году. Несмотря на то, что онъ вспоминалъ горе, постигшее его назадъ тому болѣе десяти лѣтъ, лицо его

¹⁾ Въмѣсто поставленнаго въ скобки цензоръ поставилъ: „другимъ“.—Въ дальнѣйшемъ мы будемъ давать, не оговаривая въ примѣчаніяхъ этотъ цензорскій текстъ и ставя въ кавычки то, что должно замѣнять скобки.

¹⁾ Д. А. Кашкинъ.

было блѣдно, слова съ трудомъ и медленно выходили изъ его устъ, и, говоря, онъ смотрѣлъ въ сторону и внизъ... Только одинъ разъ говорилъ онъ съ нами объ этомъ, и мы никогда не рѣшались болѣе спрашивать его объ этой исторіи, чтобъ узнать ее во всей подробности: это значило бы раскрывать рану сердца, которая и безъ того никогда вполне не закрывалась...

Эта любовь, и въ ея счастливую пору и въ годину ея несчастья, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолаваемымъ охотою слагать размѣренные строчки съ римами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Пьесы: *Если встрѣчусь съ тобой*, *Первая любовь*, *Къ ней* (Опять тоску, опять любовь), *Ты не пой, соловей*, *Не шуми ты, рожь*, *Къ милой*, *Примиреніе*, *Міръ Музыки* и нѣкоторыя другія явно относятся къ этой любви, которая во всю жизнь не переставала вдохновлять Кольцова. Натура Кольцова была крѣпка и здорова физически и нравственно. Какъ ни жестоко былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце, но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не оглохъ къ ихъ обаятельнымъ призывамъ, не ушелъ внутрь себя, не забился въ какія-нибудь [сладковато-мистическія] утѣшенія, какъ это дѣлаютъ послѣ несчастья нравственно-слабыя натуры. Нѣтъ, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываясь въ то же время отъ жизни и ея радостей. Въ своемъ поэтическомъ призваніи увидѣлъ онъ вознагражденіе за тяжелое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ, и, по ихъ слѣдамъ, пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена. Къ тому же, онъ уже не имѣлъ больше надобности носить свои стихотворенія на судъ къ книгопродавцу, потому что нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, каковаго давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. И когда постигла его утрата любви, у него, какъ бы въ награжденіе за нее, остался другъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Натура сильная и широкая, *Серебрянскій*, будучи семинаристомъ, рано почувствовалъ отвращеніе къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему благородное призваніе, и, руководимый инстинктомъ, онъ самъ себѣ

создалъ образованіе, котораго нельзя получить въ семинаріи. Въ его натурѣ и самой судьбѣ было много общаго съ Кольцовымъ, и ихъ знакомство скоро превратилось въ дружбу. Дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ Кольцовъ нашелъ себѣ въ Серебрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло. Въ посланіи къ нему (написанномъ неизвѣстно въ которомъ году ¹⁾) — должно быть, между 1827 и 1830) Кольцовъ говорить:

Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много;
Здѣсь каждый стихъ—чай грѣшный бредъ.
Что-жъ дѣлать! Я—такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ.
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки.

Это посланіе вполне обнаруживаетъ взаимныя отношенія обоихъ друзей и какъ важенъ былъ Серебрянскій для развитія таланта Кольцова. Въ самомъ дѣлѣ, только съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ Серебрянскимъ, и прежнія его стихотворенія, и вновь написанныя достигли той степени удовлетворительности, что стали годиться для печати. Одни изъ нихъ онъ поправлялъ по совѣту Серебрянскаго, а насчетъ удававшихся сразу былъ спокоенъ, опираясь на его одобреніе. Но не долго пользовался Кольцовъ совѣтами своего друга. Серебрянскому надо было избрать себѣ дорогу, и не столько по влеченію, сколько по расчету, поприще врача онъ предпочелъ другимъ, чтобы не отчаяваться въ будущемъ по крайней мѣрѣ въ кускѣ хлѣба, и поступилъ въ московскую медико-хирургическую академію.

Какъ бы то ни было, но поэтическое призваніе Кольцова было рѣшено и сознано имъ самимъ. Непосредственное стремленіе его натуры преодолѣло всѣ препятствія. Это былъ поэтъ по призванію, по натурѣ,—и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гоняющій скотъ съ одного поля на другое, по колѣни въ крови, присутствующій при рѣзаніи или, лучше сказать, при бойнѣ скота; приказчикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ,—и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣніями, и въ то же время

¹⁾ Въ 1829-омъ.

дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смысленный и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человекъ! [Возвращаясь домой]¹⁾, онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человекомъ [и въ этомъ отношеніи уже рѣзко отличился отъ невѣжественныхъ животныхъ въ человѣческомъ образѣ]. Но у него есть книги,

Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!—

и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность, не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!.. За что же?.. Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности [чтобы тяжкимъ трудомъ и скучными хлопотами въ чуждой ему сферѣ способствовать матеріальному благосостоянію своего семейства]? Но, увы! удивляться этому презрѣнію и этой ненависти безъ причины, значить не знать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человекомъ: онъ не взлюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрятности, низкопоклонникъ—благородной гордости, негодяй—честности. Но еще болѣе невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ простить! Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижаете его вашимъ достоинствомъ,—вы живой упрекъ ему! И если это невѣжество—пожилой, почтенный человекъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который и въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностью и соображеніемъ: тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше не нужны ему...

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодого человека, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ лю-

дей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году Кольцовъ по дѣламъ отца своего пріѣхалъ въ Москву и, черезъ Станкевича, приобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, впоследствии довольно важныхъ для него. Въ это время двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журналѣ¹⁾. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Впоследствии Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ²⁾. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное слово: *поэтъ-самоучка, поэтъ-прасолъ*,—и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человека хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ, на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщаніе въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ³⁾, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву. Новый пріятель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому что почти каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ, бібліотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми, то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея, или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скромнень и робокъ, а съ другой, въ немъ сильно было чувство

¹⁾ Въ „Листкѣ“ 1831 года, №№ 22, 30, 42.

²⁾ См. т. I, ст. № 5.

³⁾ „Молодой литераторъ“—самъ Бѣлинскій.

¹⁾ „Между людьми ему близкими“

своего человѣческаго достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ; но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ качествѣ *таланта* или литературной рѣдкости ему было и неловко и больно. При томъ же, Кольцовъ былъ очень проникателенъ и имѣлъ много такта: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотреть на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностью. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиной. Все это онъ очень хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ ¹⁾ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ литераторомъ, который представилъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: „Что-де вы нашли въ этихъ стихонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку ради шутки“. Другой, тоже очень извѣстный литераторъ ²⁾, не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судить толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобъ изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ,—она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, т.-е. съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьяненіемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и

людей, чтобы играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе, и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ всѣ, а не гениемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу или десятокъ стихотвореній, то всѣ должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства, ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его. „Что я ему? Что такое во мнѣ?“ говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходилъ съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же,—тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви, и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ, но не любилъ шутить ими.

Однакожъ, знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь осваивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко исподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его проникательности,—что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣть въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдность, нежели проникательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издавна казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него впослѣдствіи...

Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ приѣмѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь—Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ рассказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ. Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми

¹⁾ Вѣроятно Н. Полевой.

²⁾ Быть можетъ, Надеждинъ.

литературными знаменитостями, тому ничего не стоитъ перезнакомиться съ второстепенными. Сперва онъ и здѣсь больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, давалъ волю своей ироніи... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, если бы могли догадаться, что этотъ мужичокъ, котораго они думали импонировать своею литературною важностію, видитъ ихъ насквозь и умѣетъ настоящимъ образомъ цѣнить ихъ таланты, образованность и ученость...

Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно-пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство одиночества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовью къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей ¹⁾: „Въ Воронежѣ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже; скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь—все прекрасно, чудесно, очаровательно,—и я жизнью живу и тону всею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не узнаю. Словесностію занимаюсь мало, читаю немного—некогда, въ головѣ дрянъ такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; нырай и въ тинѣ, когда надобно

нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою. Новаго не написалъ ничего—некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе; я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питерѣ уѣхалъ навсегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по-своему. Спасибо и за это, и мнѣ они правятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ-отецъ со мною хорошъ; любить меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда такія вещи очень любить. Степь опять очаровала меня, я чортъ знаетъ до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: *Пора Любви*—она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на мигу, и то не одному, а самъ-другъ, и то ненадолго. Къ ней пріѣхалъ погостить,—и въ городъ, въ столицу, въ кипяткъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива. Серебрянскій доѣхалъ до двора, но очень боленъ; кажется, проживетъ не болѣе мѣсяцевъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь. Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить—да, ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мной довольны; и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то, что въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Ужъ видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростію и умретъ“.

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью, но

¹⁾ Письмо къ Бѣлинскому отъ 15 іюня 1838 г.; многое выпущено Бѣлинскимъ, также какъ и въ нижеслѣдующихъ письмахъ.

зато поражалъ какою-то наивностію и оригинальностію. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели какъ, можетъ быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой міръ; воронежская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла всю его отраду, онъ любилъ еще степь, но уже не такъ, какъ прежде; въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному... Итакъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее спало съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно стали обращаться на будущее. Прежнія знакомства, дотолѣ сносныя и, можетъ быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимы, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Все родное Кольцова было уже не въ опустѣломъ для него Воронежѣ, а въ Москвѣ, и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ своихъ стихотвореній, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнью. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настойчивостью, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонилъ своего отца купить ей фортепіано и нанять учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабилъ этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль. Натура Кольцова была не только сильна, но и нѣжна; онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходилъ съ ними недовѣрчиво, сближался медленно; но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ отношеніи къ нѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣроломство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безусловно и которая казалась ему также преданною, были для него страшнымъ ударомъ. Онъ все на свѣтѣ могъ перенести, кромѣ этого, и кошачья лапка имѣла силу ранить его сильнѣе львиной лапы... Горячо любилъ онъ своего маленькаго брата, но тотъ давно уже умеръ, къ его крайнему прискорбію. [Съ отцомъ онъ былъ всегда на политическихъ отношеніяхъ, которыя и въ размолвкѣ, и въ мирѣ были борьбой. Тутъ старыя предразсудки и невѣжество явно и тайно боролись съ смѣлымъ умомъ и стремленіемъ къ свѣту]. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову,—вниманіе, которому свидѣтелемъ

былъ весь Воронежъ въ 1837 году, способствовали [наружному миру и согласію между отцомъ и сыномъ. Къ тому же сынъ] ¹⁾ былъ [еще] необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, на него переведены были всѣ долги, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣнии и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положеніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій—и его благосостояніе совершенно упрочивалось [но въ случаѣ неуспѣха должно было слѣдовать конечное разореніе].

Если бы Кольцовъ принялся за дѣла будущи лѣтъ 18-ти, не раньше, навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, и его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣйствительности. Но онъ по-прежнему и незамѣтно для самого себя освоился съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзіи. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей, и борьба съ ними; здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только непріятныя, даже страшныя. Разъ, въ степи, одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на трагикомедію, и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена, потому что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удалцомъ, требовавшимъ расчета. При этомъ расчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ быть, и въ томъ, что не удалось ему его выполнить... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностью!.. Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось вести ожесточенную войну...

Около этого времени, т.-е. послѣдней по-

¹⁾ „возвышенію его въ глазахъ согражданъ. Онъ“

ѣздки его въ Москву, къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячъ ассигнаціями ежегоднаго дохода. Къ несчастію, не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома,—обстоятельство, которое впоследствии дорого ему стоило... Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ, и черезъ два года довелъ на свою погибель до желаннаго конца... Но въ это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любить одни облака и не любить земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ. Кольцовъ полагалъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна; и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами... Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; запряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по временамъ эта ноша доводила его до отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву эти минуты унынія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По отстройкѣ дома онъ думалъ сдать отцу приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по стени, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей натуры съ внѣшнею дѣйствительностью. Но при всемъ своемъ знаніи жизни и людей Кольцовъ жестоко обманывался въ своей надеждѣ... Но пока надо было жить какъ судьба хотѣла. Слѣдующія строки изъ письма его къ одному изъ знакомыхъ ему петербургскихъ литераторовъ¹⁾, писанныя еще въ 1836 году, представляютъ яркую картину его занятій: „Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рошѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи“. Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ пріятелю²⁾: „Писать къ вамъ хочется, а

ничего не идетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отчего—не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого; а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ—вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой-о-чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! ужъ это будетъ весьма рано; не хотѣлось бы это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень. Кажется, у ней будетъ для меня больше свободного времени—посмотримъ.—Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣе. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно—[и лучше. Онъ ко мнѣ больше имѣетъ уваженія теперь, нежели прежде, все виною хорошій конецъ дѣла. Онъ эти вещи очень любитъ и хорошо дѣлаетъ: ему старику это идетъ“]. Мѣсяца черезъ два онъ писалъ къ тому же лицу¹⁾: „Хотѣлось бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь; но что-жъ прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда—ажъ на душѣ томить, такъ хорошо мнѣ жить!—Серебрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбылось, много надеждъ не исполнилось—проклятая болѣзнь! Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они непрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли хорошо удобрить человѣкъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ; но не сберетъ плода, если лѣто выжжетъ корень, роса зари ему не помочъ—ей нуженъ въ пору дождь. А этой-то земной благодати и капли не сошло на его жизнь, нужда и горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать, былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ—и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданія мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали“. Интересны и слѣдующія строки изъ одного письма Кольцова²⁾, какъ живое свидѣтельство того, что значили для этой симпатической натуры дружескія связи и отношенія: „Не было еще мучительнѣе въ жизни моей состоянія, какъ въ прошломъ годѣ. Плохое

¹⁾ Письмо къ Краевскому, отъ 27 ноября 1836 г.

²⁾ Бѣлинскому, 27 іюля 1838 г.

¹⁾ Бѣлинскому, 7 окт. 1838 г.

²⁾ Къ Бѣлинскому, отъ 28 сент. 1839 г.

мучительное дѣло, больной Серебрянскій—смерть его все довершила. Скажите: въ одну минуту разломить, что крѣпло нѣсколько лѣтъ—моя любовь къ нему, прекрасная душа его, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее—и все вдругъ! Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему я онѣмѣлъ—было совсѣмъ, и всему хотѣлъ сказать: *прощай!* и если бы не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вѣдь меня не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа; сходка, общество людей—конечно, хорошо, но если есть *человѣкъ*, то такъ; а безъ него толпа немного даетъ. Опять, я такой *человѣкъ*, которому надобны сильныя потрясенія; иначе я—ноль. Никто меня не уничтожить съ другою душою, а собственно мою уничтожить всякій“.

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, и горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже. „Пророчески угадали вы мое положеніе“ (писалъ онъ, въ 1840 году, въ Петербургъ, къ пріятелю ¹⁾): „у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не переменяю себя, то скоро упаду; это неминуче, какъ дважды два—четыре. Хотя я и отказалъ себѣ во многомъ, и частью, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея“. Въ это время Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ—принять на себя завѣдываніе конторою *«Отечественныхъ Записокъ»*. Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество со всѣми его продѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кромѣ того, ему ни того, ни другого предложенія нельзя было принять еще и потому, что, по причинѣ долга въ 20.000, векселя котораго были сдѣланы на его имя, онъ не

могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Разъ какъ-то Кольцовъ зажилъ въ Москвѣ, и только-что пріѣхалъ домой, какъ его зовутъ въ полицію, по векселю въ 3.000 рублей. Опоздай онъ нѣсколькими днями, и вексель былъ бы посланъ въ Москву, гдѣ онъ не имѣлъ бы никакой возможности расплатиться по немъ. [И это было бы дѣломъ отца его. „Опъ *человѣкъ* простой, купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рождъ молотилъ на обузѣ. Такъ его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза отъ нихъ другимъ,—ему и дѣла нѣтъ, и онъ, что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. Мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть маломальски что не такъ, ворчитъ и сердится: „вы, говорить, все по-книжному, да по-печатному, народъ грамотный—ума палата“.—Далѣе:] „Вы боитесь“ (писалъ онъ ¹⁾) за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть,—не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что-жъ дѣлать? Буду жить, пока живется, работать, пока работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю, употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько могу; буду биться до конца-края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду,—мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и предъ самимъ собою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ 1838 году написалъ такъ много порядочнаго,—это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. Тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой народъ—татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ—беремъ, стройка дома (которая кончилась съ мѣсяцъ назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счета, расчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу?—для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ, дескать писаеъ-то и крылья ощипать... Это часто меня смѣшитъ, когда какой-нибудь чудакъ пѣтушится“.

Осенью 1840 года снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ тяжбынымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ,

¹⁾ Бѣлинскому, 15 авг. 1840 г.

¹⁾ Въ томъ же письмѣ отъ 15 авг. 1840 г.

какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его ¹⁾ давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ сюда Кольцовъ остановился у него и прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было сѣшнить въ Москву поправить и спасти другое, самое важное. Такъ какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправлялся въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безо всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, приказчика, мелкаго торговца — одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другого наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю ²⁾: „Ахъ! если бы къ вамъ скорѣе! Если-бъ вы знали, какъ не хочется мнѣ ѣхать домой — такъ холодомъ и обдастъ при мысли ѣхать туда, а надо ѣхать — необходимость, желѣзный законъ“. Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участию князя П. А. Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными письмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможенъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. „Не хочется ѣхать (писалъ онъ), да и только. Вотъ пришло время — и домъ и родные не влюбились наконецъ. И если-бъ была какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ, я бы прямо маршъ, и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя, — и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посылаетъ голодомъ. [Я писалъ къ отцу по окончаніи дѣла, чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ. Старикъ мой говоритъ: „Денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣло кончилось хорошо, — мнѣ все равно, хотя бы кончилось и дурно. Мнѣ 68 лѣтъ и жить осталось мень-

ше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ — съ Богомъ, во святой часъ. Благословеніе дамъ, а больше ничего“. — Я прочелъ сіи родительскія строки и сказалъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Спросите, отчего это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: дѣло кончилось послѣднее и самое гадкое; слѣдственно, его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи, и потому любилъ меня до излишества; а теперь она ему не страшна — и домъ его и все у него въ рукахъ: такъ я, выходятъ, сталъ ему не нуженъ... Эта новость и особенно эта непризнательность срѣзали меня глубоко]. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я, признаться, думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ прохватилъ меня голодъ, я и присѣлъ — и хорошо сдѣлалъ“ ¹⁾.

По возвращеніи домой Кольцовъ нашель, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ [благодаря старческой мудрости и опытности], и принялся ихъ устраивать. [Отецъ принялъ его холодно и едва согласился давать ему тысячу рублей въ годъ изъ семи тысячъ, которыя долженъ былъ приносить домъ, въ ожиданіи чего Кольцовъ] ²⁾ долженъ былъ жить и трудиться безъ копейки въ карманѣ... [онъ, которому одному все семейство было обязано своимъ благосостояніемъ]... Тогда имъ овладѣла одна мысль — устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ себя дурно чувствовать и на страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но однакожъ кое-какъ оправился. Къ счастью, докторъ его ³⁾ былъ человѣкъ благородный и симпатичный, который лѣчилъ его болѣе изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ разчета; онъ зналъ впередъ, что получить бездѣлицу, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни Кольцовъ говорилъ ему: „Докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ее. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ“. Докторъ ручался за его излѣченіе: „Когда такъ, будемъ лѣчиться“. Чтò терпѣлъ Кольцовъ, во время болѣзни, отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и

¹⁾ Изъ письма къ Бѣлинскому отъ 27 января 1841 г.

²⁾ „Онъ“

³⁾ П. А. Малышевъ.

¹⁾ Бѣлинскій.

²⁾ Бѣлинскому, 15 дек. 1840 г.

подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. [Закрывъ глаза на все, полной чашей, съ безумной жадностью пилъ нашъ страдалецъ отравительные восторги. На бѣду его] эта женщина ¹⁾ была совершенно по немъ—красавица, умна, образована, и ея организація вполнѣ соответствовала его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки онъ уже почувствовалъ ослабленіе во всемъ организмѣ своемъ; вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый ему докторъ снова помогъ ему; но вслѣдъ затѣмъ открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дову. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ затѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже и послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ онъ ничего не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лѣкарства, лѣченья, обѣда и ужина; но тутъ опять принялся за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не дивиться силѣ духа этого человѣка. Правда, онъ надѣялся выздороветь, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на нее прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургъ ²⁾; „Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: *прощайте*—ва долго ли?—не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ душѣ моей. Но еще—*прощайте*, и въ третій разъ *прощайте*. Если бъ я былъ женщина—хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!“ А между тѣмъ, все письмо проникнуто бодростью духа, надеждою и даже веселостью.

Но это выздоровленіе было только отсрочкою смерти. Для восстановленія его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, и [между тѣмъ его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, дразнили, какъ дикаго звѣря въ клѣткѣ] ³⁾. Иногда ему не

на что было купить лѣкарства; иногда у него не было ни чаю, ни сахару, ни свѣчей, а иногда [мать его только украдкой отъ отца могла доставлять ему обѣдъ и ужинъ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, гдѣ ему не было бы покою ни на минуту. Онъ перешелъ на мезонинъ, который цѣлую зиму не топили,—ему отказано было въ дровахъ, и онъ добывалъ ихъ по ночамъ какъ воръ. Узнавши объ этомъ, ему обѣщали выгнать его по шеѣ изъ дома... Дѣлать было нечего, и онъ перешелъ внизъ. Разъ въ сосѣдней комнатѣ у сестры его много было гостей, и они затѣяли игру: поставили на середину комнаты столъ, положили на него дѣвушку, накрыли ее простыней и начали хоромъ пѣть вѣчную память рабу Божию Алексѣю... Это была невинная шутка...] ¹⁾.

Вскорѣ послѣдовала свадьба сестры въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ. „Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкаръ мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту пору у насъ вечеринки каждый день—шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить—курятъ больше; прошу не благовонить—больше; прошу не мыть половъ—моютъ“. Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной для спасенія жизни прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за [мерзости, которыя съ нимъ] ²⁾ дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. „Я теперь, слава Богу, живу покойно, смирно. Они меня не беспокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ большой, самъ старшой. [Съ отцомъ вижу рѣдко; онъ меня не оскорбляетъ больше пока, и я имъ доволенъ]. Обѣдъ готовятъ порядочный. Чай есть, сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое стало лучше. Началъ прохаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкаръ увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ, не только духовныхъ, и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти; съ лица зелень сошла, глаза чисты“. Въ заключеніи

¹⁾ В. Г. Лебедева.

²⁾ Бѣлинскому и Боткину, 23 окт. 1841 г.

³⁾ „онъ его не имѣлъ“.

¹⁾ „ему недоставало обѣда и ужина“.

²⁾ „неудовольствія, которыя ему“

письма, говоря о своемъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: „Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь?—Тогда прощайте, друзья, Москва, Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія. Или жить для жизни, или—маршъ на покой!“

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силою воскресла въ немъ, какъ скоро начиналъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ для этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри него происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: „Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить ли все, ѣхать въ Петербургъ. Удерживаться дома—жизнь мнѣ будетъ плохое. Но все, [старикъ] какъ не говори, а со двора меня не стонить. У меня много здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаетъ лекаръ и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ; скажи я имъ, они помогутъ. [Съ старикомъ] ¹⁾ уладить все—жениться [и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ]. Но зато надо взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ: мнѣ не дадутъ для этого ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но, пріѣхавши туда, чтò я буду дѣлать? Наняться въ приказчики? не могу; отъ себя заниматься?—не на что. Положить надежду на мои стишонки: чтò за нихъ дадутъ! И что буду за нихъ получать въ годъ—пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой—надо говорить правду—особенно теперь, въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ—дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуста, напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу болѣе всего. В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ да немного, да и то живя въ Москвѣ и Питерѣ, а въ Воронежѣ не помню когда. Что если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать?—Плохо!“ ²⁾

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27-го февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали къ нему, но отвѣта не было; а осенью получили мы изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей, извѣстіе о его смерти... Поэтому подробностей о послѣднемъ времени его жизни мы не знаемъ, и только можемъ предполагать,

что это была продолжительная агонія, страданіе, мученичество... Онъ умеръ 19 октября ¹⁾ 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія.

Такова была жизнь этого человѣка! Рожденный для жизни, онъ исполненъ былъ необыкновенныхъ силъ и для наслажденія ею и для борьбы съ нею; а жить для него значило—чувствовать и мыслить, стремиться и познавать. Любовь и симпатія были основною стихіею его натуры. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ быть въ любви идеалистомъ, и былъ слишкомъ деликатно и благородно созданъ, чтобъ быть въ ней материалистомъ. Грубая чувственность могла увлекать его, но не надолго, и онъ умѣлъ отрѣшиться отъ нея не столько силою воли, сколько природнымъ отвращеніемъ ко всему грубому и низкому. Нѣжнымъ вздыхателемъ, довольствующимся обожаніемъ своего идеала, онъ никогда не былъ и не могъ быть, потому что для такой смѣшной роли онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ одаренъ жизнью и страстью. Женщина никогда не была въ его глазахъ безплотнымъ идеаломъ, эфирною мечтою, туманнымъ образомъ, таинственнымъ видѣніемъ невѣдомаго міра; но въ то же время онъ умѣлъ понимать ее поэтически; видѣлъ въ ней существо родное мужчине, слѣдовательно, подобно ему, земное, и тѣмъ болѣе прекрасное, и поклонялся въ ней красотѣ, граціи, жизни, чувству, могуществу страсти. Но вполне обаять и покорить эту сильную натуру могла только женщина съ сильнымъ характеромъ, [которой страсти и воля не останавливались передъ деревяннымъ болваномъ общественнаго мнѣнія, передъ лицемернымъ судомъ безнравственныхъ моралистовъ, глупыхъ умниковъ и невѣжественныхъ глупцовъ]. И вотъ почему его послѣдняя любовь совершенно изгладилла въ его сердцѣ всѣ скорбныя воспоминанія первой, и ему казалось, что онъ любитъ только въ первый разъ... Онъ не могъ наслаждаться безъ чувства, безъ раздѣла; но когда его страсти отвѣчала страсть,—онъ предавался ей и ея наслажденіямъ со всѣмъ самозабвеніемъ, всею стремительностію натуры пламенной и сильной, думая не о послѣдствіяхъ, а только о томъ, что „жить намъ на свѣтѣ не дважды!..“

Въ дружбѣ онъ не зналъ расчета и эгоизма. Грубая и грязная дѣйствительность, въ среду которой втолкнула его судьба, какъ неизбежной жертвы, требовала отъ него и поклоновъ, и униженія, и лжи, и всѣхъ изворотовъ мелкаго торгашества; но онъ и тутъ умѣлъ сохранить свое чело-вѣческое достоинство и всегда держаться

¹⁾ „Еще есть способъ“

²⁾ Предыдущія выписки—изъ письма къ Боткину отъ 27 февраля 1842 г.

¹⁾ Ошибка: 29-го октября.

неизмѣримо выше людей своего сословія, находящихся въ такомъ же положеніи. Внутренно онъ всегда оставался чистъ отъ этой грязи, и ничего изъ нея не внесъ въ задушевный міръ своей жизни. Всегда готовый одолжить близкаго человѣка, онъ избѣгалъ всякаго случая одолжиться имъ: его пугала одна мысль внести расчетъ въ чистоту дружественныхъ отношеній, и съ этой стороны онъ доходилъ до ребячества. Какъ всѣ люди съ глубокимъ чувствомъ, онъ больше всего боялся сдѣлать изъ чувства комедію, и потому медленно и робко сходилъ съ человѣкомъ; но разъ сблизившись, онъ умѣлъ любить, умѣлъ быть преданнымъ безъ увѣреній и фразъ. Увы! эта сила любви и привязанности больше всего и сгубила его. Мы уже говорили, какъ, года за полтора передъ смертью, вдаль отъ тѣхъ, которые понимали и любили его, онъ видѣлъ себя въ кругу [дикихъ] невѣждъ, которые уже не нуждались въ немъ и потому поспѣшили снять съ себя маску [родственной] любви и отомстить ему за его превосходство надъ ними. Какъ ни тяжело было подобное разочарованіе, но у Кольцова всегда стало бы силы перенести его, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не дорожилъ особенно связями крови безъ связи духа; да, у него стало бы силы отвѣтить презрѣніемъ на подлость и предательство, порожденныя ограниченностію и невѣжествомъ. Но сила измѣнила ему, когда ко всему этому—и къ болѣзни, и къ нуждѣ, и къ черной неблагодарности за услуги, ему пришлось еще горько разочароваться въ самыхъ дорогихъ и нѣжныхъ отношеніяхъ, [гдѣ, по его мнѣнію, связь крови была скрѣплена связью духа], и когда тутъ, за свою любовь, дружбу и преданность, онъ вдругъ и неожиданно увидѣлъ вражду, ненависть, неблагодарность, предательство, и все это въ формѣ грязной, наглої, безстыдной... Тутъ все было оскорблено въ немъ—и благороднѣйшія, святѣйшія чувства его сердца, и его самолюбіе: ему горько было убѣдиться, что его такъ долго и такъ коварно обманывали, и что бисеръ души своей онъ бросалъ подъ ноги нечистымъ животнымъ.

Говорятъ, будто любящее сердце, умъ, талантъ и всякое превосходство надъ людьми есть страшный даръ природы, родъ проклятія, изрекаемаго судьбою надъ человѣкомъ избраннымъ, въ самую минуту его рожденія... Говорятъ, будто несчастіемъ и страданіями цѣлой жизни избранныкъ долженъ расплатиться за дерзкую привилегію быть выше другихъ... И все это доказываютъ примѣрами изъ жизни людей замѣчательныхъ... Но справедливо ли такое мнѣніе и должна ли жизнь быть мачихою въ отно-

шеніи къ любимѣйшимъ дѣтямъ природы?.. О, нѣтъ! эта вражда жизни съ природою отнюдь не есть законъ разумной необходимости, но есть только результатъ несовершенства человѣческихъ обществъ. Избранный человѣкъ болѣе, чѣмъ всякій другой, рождается для жизни и наслажденія ею,—и не жизнь, а [общество] ¹⁾ виновато въ томъ, что, едва родившись, онъ съ бою долженъ брать даже самый воздухъ, чтобъ ему можно было дышать... [Въ своемъ семействѣ, гдѣ, кажется, естественная любовь должна была бы стоять на стражѣ его дѣтства и лелѣять его,—въ своемъ семействѣ прежде всего встрѣчаетъ онъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ, чудовищный образъ общества, которое въ человѣкѣ не хочетъ признавать человѣка, но видитъ въ немъ только породу и касту или смотритъ на него только какъ на работника, какъ на живой капиталъ, съ котораго нѣкогда можно будетъ брать проценты... Семейство, узы крови,—что вы, если не бичи и цѣпи тамъ, гдѣ полудикое и невѣжественное общество еще въ колыбели встрѣчаетъ человѣка, въ видѣ патриархальнаго логовища, глава котораго есть степной деспотъ съ нагайкой въ рукѣ ²⁾, самолюбивый, упрямый хвастунъ безъ совѣсти, не любитъ жить съ другими въ домѣ человѣчески, а любитъ, чтобы все передъ нимъ трепетало, боялось и рабствовало?..“]

Мы уже говорили, что Кольцовъ нисколько не заносился своимъ талантомъ. Онъ живо чувствовалъ недостатокъ своего образованія. „Будь человѣкъ и геніальный (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ ³⁾), а не умѣй грамотѣ,—не прочтешь и вздорной сказки. На всякое дѣло надо имѣть полные способы. Прежде я-таки, грѣшный человѣкъ, думалъ о себѣ и то и то, а теперь кровь какъ уgomонилась, такъ и осталось одно желаніе въ душѣ—учиться. И думаю, что это хлѣбъ прочный, и его мнѣ надолго станетъ; а тамъ что Богъ дастъ. Васъ же прошу объ одномъ: всѣ дурныя пьесы бросайте безъ вниманія, а какія нравятся, тѣ печатайте“. Люди обыкновенно не столько наслаждаются тѣмъ, что имъ дано, сколько горюютъ о томъ, чего имъ не дано; притомъ, они мало цѣнятъ то, что дается имъ безъ труда, и видятъ верхъ совершенства только въ томъ, что добывается цѣною и кровью. Кольцова особенно огорчало то, что ему не далась проза, которая, по его выраженію ⁴⁾, „съ нимъ еще при рожденіи разо-

¹⁾ „обстоятельства“

²⁾ Слѣдующая за этимъ цитата—изъ письма Кольцова къ Боткину отъ 27 февр. 1842 г.

³⁾ Къ Бѣлинскому, отъ 15 авг. 1840 г.

⁴⁾ Изъ письма къ Бѣлинскому отъ 3 марта 1836 года.

шлась самымъ неблагороднымъ образомъ". Въ 1840 году нашъ знаменитый трагическій актеръ, г. Мочаловъ, посѣтилъ Воронезъ и давалъ представленія на тамошнемъ театрѣ. Кольцову, горячо любившему г. Мочалова, какъ художника и какъ человѣка, очень хотѣлось написать что-нибудь для журнала о его представленіяхъ; но онъ, разумѣется, не рѣшился и попробовать. До сада его очень наивно излилась въ письмѣ къ пріятелю: ¹⁾ „Глупое положеніе нашей братіи-пріемачей! Вотъ теперь и хочется написать статейку о Павлѣ Степановичѣ, а чертовскіе размѣры не даютъ ходу прозѣ и велятъ молчать". Отдѣлаться отъ мелочной торговли и на свободѣ предаваться ученію, было любимѣйшею мечтою всей жизни Кольцова. Не имѣя яснаго понятія о наукахъ, онъ хотѣлъ учиться всему—и тому, чему могъ и долженъ былъ учиться, и тому, чему не могъ и не долженъ былъ; но сквозь этотъ хаосъ темныхъ представленій о наукахъ, ясно было видно, что если бы онъ и не могъ заняться исторіею, какъ наукою, то съ жаромъ и страстью предался бы чтенію преимущественно историческихъ сочиненій. Онъ желалъ учиться и языкамъ; но для осуществленія всѣхъ этихъ проектовъ его время прошло, и все, что оставалось для него,—это предаться съ упоеніемъ чтенію всего, что могъ онъ найти лучшаго на русскомъ языкѣ. Пріобрѣтеніе книгъ было счастьемъ и радостію его жизни. „Вы не можете представить (писалъ онъ въ 1840 году къ пріятелю ²⁾), какой богачъ я сталъ хорошими книгами. Есть что читать! Вашъ подарокъ получилъ; *Отечественныя Записки*, *Современникъ* тоже; отъ Губера получилъ *Фауста*, отъ Владиславлева—*Утреннюю Зарю*; купилъ полное собраніе сочиненій Пушкина, *Исторію философскихъ системъ* Галича: мнѣ ее наши бурсаки сильно расхвалили; прочелъ первую часть—вовсе ничего не понялъ. Развѣ философія—другое дѣло? Можетъ быть и такъ; будемъ читать еще до конца. Теперь одинъ недостатокъ оказался: надобно непременно обзавестись исторіею Карамзина; у меня есть Полевого и Ишимовой краткія, да хочется имѣть полную, да оперъ нѣсколько". Какъ человѣкъ необразованный, или, лучше сказать, какъ полуобразованный самоучка, Кольцовъ нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ пьесъ хотѣлъ назвать *русскими балладами* ³⁾, думая этимъ возвысить ихъ. Не изъ этого ли источника происходило и его страстное желаніе написать либретто для оперы—дѣло, къ которому онъ едва ли былъ способенъ?

другое дѣло—къ готовому, но голому драматическому очерку написать аріи, разумѣется, въ родѣ его русскихъ пѣсень: это онъ могъ бы выполнить прекрасно, и, можетъ быть, этого-то и хотѣлось ему. Какъ бы то ни было, но оперныя либретто на русскомъ языкѣ онъ собиралъ съ жадностью. Изъ другого, болѣе истиннаго и глубокаго источника, выходило у него страстное желаніе путешествовать по Россіи. Это было тоже любимѣйшею его мечтою, которой, какъ и многимъ другимъ, не суждено было осуществиться ¹⁾.

Какъ человѣку не только съ истиннымъ, но еще и съ большимъ талантомъ, Кольцову знакомы были горькія минуты разочарованія въ своемъ поэтическомъ призваніи. Не зная, что всякому мастеру часто всего труднѣе быть судьей собственныхъ произведеній, онъ думалъ, что у него вовсе нѣтъ эстетическаго вкуса. Такъ писалъ онъ разъ къ одному изъ своихъ друзей ²⁾ объ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ: „Чортъ знаетъ, иногда прочтешь *Хуторокъ*—покажется, а иногда разорвать хочется". Въ другой разъ онъ писалъ ³⁾: „Сколько я ни бьюся съ самимъ собою, но все эстетическое чувство не управляетъ мною, не обладаю имъ я, какъ бы хотѣлось—хоть лягъ, да умри".

Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся пьесы, писанныя правильнымъ размѣромъ, преимущественно ямбомъ и хореемъ. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ его опытамъ, и въ нихъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему правившихся. Таковы пьесы: *Сирота*, *Ровеснику*, *Маленькому Брату*, *Ночлегъ Чумаковъ*, *Путникъ*, *Красавицъ*, *Сестръ*, „*Приди ко мнѣ*", *Разувѣреніе*. „*Не мнѣ внимать натѣвъ волшебный*", *Мщеніе*, *Вздохъ на могилѣ Веневитинова*, *Къ рыцарю Гайдарю*, „*Что значу я*", *Утѣшеніе*, „*Я былъ у ней*", *Первая Любовь*, *Къ ней*. *Къ ней же*, *Наяда*, *Къ Н.*, *Соловей*, *Къ Другу*, *Изступленіе*, *Поэтъ и Няня*, *А. П. Серебрянскому*. Въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. По крайней мѣрѣ изъ нихъ видно, что Кольцовъ и въ этомъ родѣ поэзіи могъ бы усовершенствоваться до известной степени; но не иначе, какъ съ трудомъ и усиленіемъ выработавши себѣ стихъ и оставаясь подражателемъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ оригинальности. Правильный стихъ не былъ его достояніемъ, и какъ бы ни выработалъ онъ его, все-таки никогда бы не

¹⁾ Бѣлинскому, 23 апр. 1840 года.

²⁾ Бѣлинскому, май 1839 г. (а не 1840 г.).

³⁾ Въ письмѣ къ Бѣлинскому отъ декабря 1840 г.

¹⁾ См. письмо Кольцова къ Бѣлинскому отъ 27 янв. 1841 г.

²⁾ Бѣлинскому, 12 окт. 1839 г.

³⁾ Бѣлинскому, 7 окт. 1838 г.

сравнился въ немъ съ вашими звучными поэтами даже средней руки. Но здѣсь и виденъ сильный, самостоятельный талантъ Кольцова: онъ не остановился на этомъ сомнительномъ успѣхѣ, но, движимый однимъ инстинктомъ своимъ, скоро нашелъ свою настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если онъ писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то уже безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ, безъ всякаго желанія подражать или состязаться съ другими поэтами. Особенно любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ риѣмы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Таковы (за исключеніемъ пьесъ: *Цвѣтокъ*, *Бѣдный Призракъ*, *Товарищу*) пьесы: *Послѣдняя Борьба*, *Къ Милой*, *Примиреніе*, *Міръ музыки*, „*Не разливай волшебныхъ звуковъ*“, *К****, *Вопль страданія*, *Звѣзда*, *На новый*, 1842 годъ. Пьесы же: „*Очи, очи голубыя*“, *Размолвка*, „*Люди добрые, скажите*“, *Теремъ*, „*По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ*“, *Совѣтъ старца*, *Глаза*, *Домикъ лѣсника*, *Женитьба Павла*, составляютъ переходъ отъ подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду—русской пѣснѣ.

Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ Кольцова выразился во всей своей полнотѣ и силѣ. Рано почувствовалъ онъ бессознательное стремленіе выражать свои чувства складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровывала его въ устахъ простого народа; но его удерживала отъ этого мысль, что русская пѣсня—не поэзія, а что-то простонародное, грубое и вульгарное. Къ счастью, ему попала въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига (изданная въ 1829 году). Каково же было его удовольствіе, его радость, когда въ этой книжкѣ онъ увидѣлъ между „настоящими“ стихотвореніями и русскія пѣсни! Онъ сейчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и порѣшилъ его такимъ силлогизмомъ: баронъ—вѣдь это баринъ, да еще большой, все равно, что графъ или князь, и, вѣрно, онъ ученый человѣкъ; но онъ сочиняетъ же русскія пѣсни: стало-быть, русская пѣсня не вздоръ, не глупость, а тоже—поэзія... И съ тѣхъ поръ онъ все больше и больше началъ наклоняться къ этому роду поэзіи. Первые пѣсни, какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія, написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣснею, и потому подходили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 года ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и пьесамъ: *Кольцо*, *Удалецъ*, *Крестьянская пирушка*, *Размышленіе поселянина* (1830—1832)

недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями¹⁾. Но съ пѣсень: „*Ты не пой, соловей*“ (1832) и „*Не шуми ты, рожь*“ (1834) начинается рядъ русскихъ пѣсень, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ.

Для означенія различныхъ степеней дара творчества употребляется большею частію два слова: *талантъ* и *геній*. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ вторымъ высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже второго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше: вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потому всеобщность и глубина его идей и идеаловъ, и наконецъ историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ, своими твореніями, новый, никому до него не извѣстный, никѣмъ не подозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но бессознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уженося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній,—и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили въ себѣ, и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія: дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя генія—милліонъ, потому что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. И вотъ въ чемъ заключается *всеобщность* его идей и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другого сословія, но для цѣлаго народа, и черезъ него и для всего человечества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта,—и потому бывають таланты,—произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его, и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ

¹⁾ О спорности этихъ и нѣкоторыхъ нижеслѣдующихъ мнѣній Бѣлинскаго см. въ нашей вступительной замѣткѣ къ настоящей статьѣ.

оттого, что слѣпъ, другой оттого, что лишился любимой имъ женщины, третій оттого, что пострадалъ за правое дѣло или за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, и т. д.¹⁾ Безъ этихъ случайностей всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что каждый изъ нихъ поетъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравится только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній, или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствие оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнію, его вдохновеніе есть не что иное, какъ „плѣнной мысли раздраженіе“,—мысли, захваченной у генія или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда и стремится онъ. Поди онъ противъ—и его сейчасъ забудутъ, а этого-то онъ и боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, поражаетъ толпу подражателей; но эта оригинальность тотчасъ исчезаетъ, какъ скоро привыкнуть и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чуждаго вліянія, или проявленіемъ дурного вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніальныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были полномочными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе, и потому заняли хотя и второстепенныя, но почетныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферахъ искусства такихъ людей называютъ большими или великими талантами, въ отличіе отъ геніевъ и отъ обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно. Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло названіе *геніальныхъ талантовъ*, какъ выражающее и ихъ сродство съ геніемъ и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

¹⁾ Явный намекъ на Козлова, Жуковского и Баратынского.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому, мы должны оправдать употребляемое нами выраженіе „геніальнаго таланта“, показавши его отношеніе къ „генію“ и „таланту“. Геніальный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что, подобно генію, живетъ собственною жизнію, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности со стороны какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частно. И потому, геній есть полный властелинъ своего времени, которое носитъ на себѣ его имя,—тогда какъ вліяніе геніальнаго таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности: геніальный талантъ одинъ уголокъ ея. Что въ геніи составляетъ полноту его существованія, то въ геніальномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства,—это та оригинальность и самобытность, которая порождаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніальнаго таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпою, родъ фактора, необходимаго для облегченія сношеній между ними: невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокаго, недоступнаго толпѣ пьедестала и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумѣнію толпы. Подъ рукою таланта идеи генія, такъ сказать, мельчаютъ и опошливаются, но этимъ самымъ онѣ и дѣлаются популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ онъ дѣлается жертвою собственного успѣха, по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добродушно думая знакомить и сближать ее только съ самимъ собою,—толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію, непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣд-
няго слова о существенномъ различіи между
геніальнымъ и обыкновеннымъ талантомъ.
Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка.
Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ
талантомъ, талантъ есть сила абстрактная,
родъ капитала, который принадлежитъ своему
владѣльцу, но который — не одно съ нимъ.
Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши ка-
питалъ, можно нажить другой: капиталъ—
внѣшнее средство для жизни, но не сама
жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, кото-
рые, долгое время пользовавшись огромною
извѣстностію своего таланта, пережили свой
талантъ и свою извѣстность, и которые, не-
смотря на то, сумѣли вознаградить себя
другими благами жизни; приобрѣли большіе
чины или большія деньги, и прекрасно жи-
вуть себѣ безъ таланта и безъ славы. Не
такое же человѣкъ, одаренный геніальнымъ
талантомъ: его нельзя отдѣлить отъ его та-
ланта, его талантъ — его жизнь, его кровь,
его духъ, его плоть, бѣненіе его сердца, ды-
ханіе его груди, словомъ—весь онъ самъ.
Это роковая сила, которая всегда будетъ
мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятель-
ности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспи-
танію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ
его жизни, какъ бы ни были они сильны.
Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ
самолюбія; но еще не въ этомъ только
источникъ его ничѣмъ неудержимаго стре-
мленія къ творчеству: оно у него—инстинктъ,
натура, страсть. Въ отношеніи къ своему
призванію онъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Сила геніальнаго таланта основана на
живомъ, неразрывномъ единствѣ *человѣка* съ
поэтомъ. Тутъ замѣчательность *таланта* про-
исходитъ отъ замѣчательности *человѣка*, какъ
личности, какъ *натуры*; тогда какъ обыкно-
венный талантъ отнюдь не условливаетъ со-
бою необыкновеннаго человѣка: тутъ чело-
вѣкъ и талантъ—каждый самъ по себѣ, и
человѣкъ въ отношеніи къ таланту есть
то же, что ящикъ въ отношеніи къ деньгамъ,
которыя въ немъ лежатъ. Сильная и бога-
тая натура всегда отличается отъ натуръ
обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа,
всегда оригинальна,—и удивительно ли, если
печать этой оригинальности налагаетъ она и
на свои творенія? Самобытность поэтиче-

скихъ произведеній есть отраженіе самобыт-
ности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка есть *лицо*, слѣдова-
тельно, всякій человѣкъ есть *личность*; и
однакожь, въ человѣческомъ родѣ гораздо
больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣт-
ныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, *без-
личныхъ*, нежели существъ съ рѣзкимъ вы-
раженіемъ личности. Лицо есть выраженіе,
душа человѣка; но вѣдь есть лица, которыхъ
нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица,
которыя видишь безпрестанно цѣлые годы,
и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно,
личность имѣетъ свои степени и свою по-
степенность. Чѣмъ общѣе, тѣмъ ничтожнѣе
она; чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальнію,
тѣмъ она выше. Поэтому, геній есть высочай-
шее развитіе личности. Тайну генія соста-
вляетъ собственно не умъ: умъ, и часто весь-
ма замѣчательный, бываетъ и у обыкновен-
ныхъ людей; не талантъ: талантъ, и при-
томъ весьма замѣчательный, часто бываетъ
и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно
тоже, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей
обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна генія заклю-
чается больше всего въ какой-то непосред-
ственной творческой способности вдохнове-
нія, похожаго на откровеніе и составляющаго
тайну личности человѣка. Это что-то такъ же
неуловимое и невыразимое словомъ, какъ вы-
раженіе фizioноміи, какъ органическая жизнь.
Намъ извѣстны средства жизни, ея органы,
ихъ отправленіе; но фizioлогическая жизнь
все-таки для насъ тайна. Мы не можемъ вы-
разить сущности генія, но всегда чув-
ствуемъ преобладающее надъ нами вліяніе
не только генія, но и всякой сколько-нибудь
высшей насъ личности. Иногда геніальная
личность, обдѣленная образованіемъ и не по-
дозрѣвающая своего значенія, съ смиреніемъ
и съ робостью подходитъ къ человѣку обык-
новенному, но образованному, развитому и
ученіемъ и свѣтскою жизнью; но дѣло всегда
оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно
беретъ верхъ надъ послѣднимъ, и обыкно-
венный человѣкъ, въ присутствіи геніаль-
наго невѣжды, какъ-то невольно дѣлается
осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться.
Вотъ что значитъ *личность*, *натура*,—и та-
лантъ тогда только бываетъ плодотворенъ
и живутъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ
личностію, съ натурою человѣка. И вотъ
почему иногда бываютъ люди съ талантомъ,
не имѣя ни ума, ни сердца: это таланты
обыкновенные, которые могутъ существовать
безъ связи съ личностію и натурою чело-
вѣка.

Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто
внѣшняя сила производить на основаніи увле-
ченія самобытными образцами, но выраже-
ніе внутренней сущности человѣка, его лич-

ности, его натуры, — тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, но онъ уже сила творческая, зиждательная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра гениальности, — и если по его объему его нельзя назвать „гениемъ“, то можно и должно назвать „гениальнымъ талантомъ“.

Къ числу *такихъ* талантовъ принадлежатъ и талантъ Кольцова.

Пока сочиненія Кольцова были разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, подобное заключеніе о его талантѣ не безъ основанія могло бы показаться нѣсколько преувеличеннымъ; но теперь, когда все написанное имъ собрано въ одной книгѣ, и наше мнѣніе можетъ быть повѣреннымъ, мы смѣло выговариваемъ его не какъ просто мнѣніе, но какъ глубокое и обдуманное убѣжденіе.

Кромѣ пѣсенъ, созданныхъ самимъ народомъ и потому называющихся „народными“, до Кольцова у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсенъ, хотя многіе русскіе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ, а Мерзляковъ и Дельвигъ даже приобрѣли себѣ большую извѣстность своими русскими пѣснями, за которыми публика охотно утвердила титулъ „народныхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Мерзлякова попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно *подражаетъ* народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но несмотря на то, въ цѣломъ его русскія пѣсни не что иное, какъ *романсы*, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ виденъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русскихъ пѣсенъ Дельвига, — это уже рѣшительно романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. — Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина играетъ даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій, или, еще ближе къ дѣлу; итальянскій баринъ. Мерзляковъ, по крайней мѣрѣ, перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское гореваніе, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго. Впрочемъ, наше мнѣніе о пѣсняхъ Мерзлякова клонится не къ униженію его таланта, весьма замѣчательнаго; но мы хотимъ только сказать, что русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ Пушкинъ не былъ и не могъ быть русскимъ человѣкомъ, по причинѣ рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго, между образованными классами русскаго общества и массою народа. Въ пьесахъ Пушкина, содержаніе которыхъ взято изъ народной жизни и вы-

ражено въ народной формѣ, видна душа глубоко-русская, но, въ то же время, видна и та художественная объективность, которая дѣлала для Пушкина возможнымъ быть какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ жизни, даже самыхъ противоположныхъ другъ другу, и благодаря которой онъ въ *Каменномъ Гостѣ* изобразилъ природу и нравы Испаніи съ такою же поразительною вѣрностію, какъ въ *Русалкѣ* изобразилъ природу и нравы Руси временъ удѣловъ. Сверхъ того, въ этой *Русалкѣ*, если внимательнѣе прислушаться къ ея звукамъ, приглядѣться къ ея колориту, — нельзя не открыть въ ней примѣси поэтическихъ элементовъ, болѣе *обрусенныхъ* по-этомъ, если можно такъ выразиться, нежели чисто русскихъ. Сейчасъ видно, что эта пьеса писана поэтомъ, который образованъ европейски и который безъ этого обстоятельства не могъ бы написать ее такъ. Не таковъ міръ русскихъ пѣсенъ Кольцова: въ нихъ и содержаніе и форма чисто русскія, — и несмотря на всю объективность своего гения, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣснею онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничествовать, — но не по недостатку таланта, а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для гения, этотъ міръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ и малъ, и потому могъ входить только, какъ элементъ, въ огромный и необъятный міръ пушкинской поэзіи.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова. Быть, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше него. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для красиваго слова, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу, и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, — зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ и по своей натурѣ и по своему положенію былъ вполне русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности — страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселю, и, вмѣсто

того, чтобы падать подъ бременемъ самага отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размахистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ онъ жалуется, что у него нѣтъ воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовію крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ: прочтите его *Письмо Пахаря* и *Урожай*. Сколько сочувствія къ крестьянскому быту въ его *Крестьянской Песенкѣ* и въ пѣснѣ „*Что ты спишь, мужичокъ!*“

Что ты спишь, мужичокъ
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошить,
Подъ саями хрустять.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ пѣтикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностію содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклооченныя бороды, и старыя онучи,—и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ

слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсенъ составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ-за копейки, то прожитое счастье, то жалоба на судьбу-мачиху. Въ одной пѣснѣ крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одному; въ другой выражено раздумье крестьянина, на что ему рѣшиться—жить ли въ чужихъ людяхъ, или дома браниться съ старикомъ-отцомъ, рассказывать ребятишкамъ сказки, *богатѣть*, старѣться. Такъ, говоритъ онъ, хоть оно и не тово, но ужъ такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? „Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?“ И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронію:

Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ—лѣса, сады, дома;
На днѣ моря—груда золота;
Облака идутъ—нарядъ несутъ!

Но если гдѣ идетъ дѣло о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка, тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучить душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа проснется.

И какая же вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

И послѣ этой пѣсни (*Изъ Писемъ Суженой*) прочтите пѣсню: „*Ахъ, зачѣмъ меня!*“: какая разница! Тамъ буря отчаянія сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь грустное воркованіе горлицы, глубокая, раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвыходное страданіе...

Когда форма есть выраженіе содержанія, она связана съ нимъ такъ тѣсно, что отдѣлить ее отъ содержанія, значитъ уничтожить самое содержаніе; и наоборотъ: отдѣлить содержаніе отъ формы, значитъ уничтожить форму. Эта живая связь, или, лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи съ формою и формы съ идеею бываетъ достояніемъ только одной гениальности. Простой талантъ всегда опирается или преимущественно на содержаніе, и тогда его произведенія не долговѣчны со стороны формы, или преимущественно блистаетъ формою, и тогда его произведенія эфемерны со стороны содержанія; но главное, и въ томъ и другомъ случаѣ, богатая мыслию, или щеголяющая внѣшнюю красоту, они лишены оригинальности формы, свидѣтельствующей о са-

мобытности мысли. Здѣсь-то всего яснѣе и открывается, что обыкновенный талантъ основанъ на способности подражанія, на способности увлеченія образцами,—и въ этомъ заключается причина недолговѣчности, а чаще всего и эфемерности таланта. И потому, оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство гениальности, есть черта, которая отдѣляетъ гениальность отъ простой талантливости или даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателей въ языкѣ поэта, не должна быть искусственною или изысканною: тогда она увлекаетъ только на минуту и потомъ тѣмъ болѣе дѣлается предметомъ осмѣянія и презрѣнія, чѣмъ больше сперва имѣла успѣха. Поэтъ долженъ быть оригиналенъ, самъ не зная какъ, и если долженъ о чемъ-нибудь заботиться, такъ это не объ оригинальности, а объ истинѣ выраженія: оригинальность придетъ сама собою, если въ талантѣ его есть гениальность. Истинная оригинальность въ изобрѣтеніи, а слѣдовательно, и въ формѣ, возможна только при вѣрности дѣйствительности и истинѣ.

Такою оригинальностью Кольцовъ обладалъ въ высшей степени. Съ этой стороны его пѣсни смѣло можно равнять съ баснями Крылова. Даже русскія пѣсни, созданныя народомъ, не могутъ равняться съ пѣснями Кольцова въ богатствѣ языка и образовъ чисто русскихъ. Это естественно: въ народныхъ пѣсняхъ заключаются только элементы народнаго духа и поэзіи, но въ нихъ нѣтъ художественности, подъ которою должно разумѣть цѣлость, единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы. Многія русскія пѣсни имѣютъ значеніе только въ пѣніи, а въ чтеніи почти или и вовсе лишены смысла; другія, при богатствѣ наивныхъ поэтическихъ образовъ, не чужды произанческихъ выраженій и слабыхъ мѣстъ, и только очень немногія, и то не вполне, удовлетворяютъ болѣе или менѣе богатствомъ содержанія при силѣ выраженія. Изъ поэтовъ только Мерзляковъ, и то въ одной только пѣснѣ, и то не вполне, умѣлъ приблизиться къ языку народному безъ изысканности, народному не вышнимъ только образомъ, но и внутренно; умѣлъ сохранить силу чувства и избѣжать будуарной сентиментальности романса,—въ пѣснѣ „Чернобровый, черноглазый“. По крайней мѣрѣ, слѣдующіе стихи изъ этой пѣсни нельзя не признать удивительными:

Воетъ сырѣ-боръ за горою,
Метелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога...

Кольцовъ, напротивъ, никогда не проговаривается противъ народности, ни въ чув-

ствѣ, ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени русской поэзіи. Съ этой стороны языкъ его столь же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими, напримѣръ, усыпаны, такъ сказать, двѣ пѣсни *Лихача-Кудрявича*? У кого, кромѣ Кольцова, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая—
Песку со дна не выкинетъ.
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

—
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати.
Изъ вѣстей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдамъ развелъ.

—
Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

—
Не держи-жь, пусти, дай волюшку,
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ таланта—гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится.

—
Отчего-жь на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Мы не выбирали этихъ отрывковъ, но брали, что прежде попадалось на глаза. Выписывать все хорошее, значило бы большую часть пьесъ Кольцова въ одной и той же книгѣ напечатать вдвойнѣ. И потому, мы не войдемъ въ подробный разборъ отдѣльных пьесъ. Скажемъ просто: если бы Кольцовъ написалъ только такія пьесы, какъ *Совѣтъ Старца*, *Крестыанская Пирюшка*, *Размысленіе Поселянина*, *Два Прощанія*, *Размолвка*, *Кольцо*, *Пѣсня Старика*, „*Не шуми ты, рожь*“, *Удалецъ*, „*Ты не пой, Соловей*“, *Пѣсня Пахаря*, „*Не на радость, не на счастье*“, *Всякому свой талантъ*, *Пѣсню о Грозномъ*, „*Я любила его*“, „*Что онъ ходитъ за мной*“, „*Нынче ночью къ себѣ*“,—и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что

же сказать о такихъ пьесахъ, какъ *Урожай*, *Молодая Жница*, *Косарь*, *Раздумье Селянина*, *Горькая Доля*, *Пора Любви*, *Последній Поцѣлуй*, „*Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ*“, *Пѣсня Разбойника*, *Тоска по Волѣ*, „*Говорилъ мнѣ другъ прощающійся*“, „*Безъ ума, безъ разума*“, *Разлука*, *Разсчетъ съ Жизнію*, *Перепутье*, „*Дуютъ вѣтры*“, *Грусть Дѣвушки*, *Доля Бѣдняка*, „*Ты прости-прощай*“, „*Разступитесь, лѣса темныя*“, „*Какъ здоровъ да молодъ?*“—Такия пьесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы не увидалъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить: съ слѣпыми о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Что же касается до пьесъ: *Лѣсъ* (посвященный памяти Пушкина), *Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича*, „*Ахъ, зачѣмъ меня*“, *Измѣна Суженой*, *Деревенская Бѣда*, *Бѣгство*, *Путь*, *Что ты слышишь, мужичокъ* „*Въ непогоду вѣтеръ*“, *Дума Сокола*, „*Свѣтитъ Солнышко*“, „*Такъ и рвется душа*“, „*Много есть у меня*“, „*Не весна тогда*“, *Хуторокъ*, и „*Ночь*“,—эти пьесы принадлежатъ не только къ лучшимъ пьесамъ. Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи ¹⁾. Мы не говоримъ уже о неподражаемомъ превосходствѣ собственно лирическихъ пѣсенъ—талантъ Кольцова былъ по преимуществу лирической; но не можемъ не указать на повѣствовательный характеръ пьесъ—*Измѣна Суженой*, *Деревенская Бѣда*, *Бѣгство*, *Обѣ пѣсни Лихача-Кудрявича* и на страстно-драматическій характеръ пьесъ—*Хуторокъ* и *Ночь*...

Почти всѣ пѣсни Кольцова писаны правильнымъ размѣромъ; но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриема, вмѣсто риемы, а часто и совершенное отсутствіе риемы, какъ созвучія слова, но, взаимнѣ, всегда риема смысла или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы,—все это приближаетъ размѣръ пѣсенъ Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсенъ. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія о версификаціи, и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому, безъ всякаго старанія и даже совершенно безсознательно умѣлъ онъ искусно замаскировать правильный размѣръ своихъ пѣсенъ, такъ что его и не подозрѣваешь въ нихъ. Притомъ, онъ придалъ своему стиху такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣ-

латься подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла его тайна.

Нѣкоторыя пѣсни Кольцова положены на музыку многими нашими композиторами. Жаль, что это большею частію не лучшія его пѣсни, что произошло, вѣроятно, оттого, что пѣсни Кольцова были доселѣ разсѣяны во множествѣ періодическихъ изданій. Теперь выходомъ въ свѣтъ этой книги музыкальному таланту предоставляется прекрасное поприще для состязанія съ поэтическимъ талантомъ. Русскіе звуки поэзіи Кольцова должны породить много новыхъ мотивовъ національной русской музыки. И придетъ время, когда пѣсни Кольцова пойдутъ въ народъ и будутъ пѣться на всемъ пространствѣ безпредѣльной Руси,—какъ нѣкогда пройдутъ въ народъ и будутъ заучены имъ наизусть басни Крылова...

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ *думы*—особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: *вопросъ* и *рѣшеніе*. Въ первомъ отношеніи нѣкоторыя думы прекрасны, какъ, напримѣръ: *Великая Тайна*, *Неразгаданная Истина*, *Молитва*, *Вопросъ*. Такъ, напримѣръ, что можетъ быть прекраснѣе этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслию, выраженною поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнить?
Погухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Но во второмъ отношеніи эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но неразвитый умъ, томясь великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразою о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкою противъ слабости ума человеческого, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ: *Неразгаданная истина*, которая оканчивается такъ:

Подсѣку-жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,

¹⁾ См. нашу вступительную замѣтку и одно изъ предыдущихъ примѣчаній.

Прокляну усилія
 Къ тайнамъ провидѣнія.
 Умъ нашъ не шагаетъ
 Мира за границу,
 Наобумъ мѣшаетъ
 Съ былью небылицу.

Это случалось и случается и съ великими мыслителями, когда они брались или берутся за вопросы выше ихъ времени или выше ихъ самихъ. Кольцовъ, съ его вопросами, не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ вѣкомъ: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшать ихъ. Но самый вопросъ излагается у него часто съ необыкновенною поэзіею, доходящею до высокаго (sublime): чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть его *Великую Тайну*. Несмотря на мистическую темноту выраженія, которая иногда доходитъ до рѣшительной бессмыслицы, какъ, напримѣръ, въ трехъ первыхъ стихахъ думы *Божій Миръ*¹⁾, и естественная причина которой была та, что поэтъ больше ощущалъ и чувствовалъ, или, лучше сказать, больше предощувалъ и предчувствовалъ сердцемъ, нежели сознавалъ умомъ то, что хотѣлъ выразить словомъ,—несмотря на эту мистическую темноту, почти во всѣхъ его думахъ есть поэзія, и мысли, и выраженія. Многіе осуждали Кольцова за этотъ родъ стихотвореній, видя въ нихъ претензіи полуграмотнаго прасола на философское умничанье. Да если вспомнить, мало ли за что не осуждали Кольцова эти „многіе“—даже за то, что въ бесѣдахъ онъ сидѣлъ не все молча, но иногда осмѣливался высказывать свое мнѣніе о предметѣ общаго разговора. Этою строгостію къ Кольцову особенно отличались умные и образованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики. И подѣломъ ему: какъ было смѣть ему, безграмотному мѣщанину, удвоенному, за его талантъ чести быть принятымъ въ общество умныхъ людей,—какъ было ему при нихъ „смѣть свое сужденіе имѣть!“... Люди съ книжнымъ, вычитаннымъ умомъ, съ готовыми сужденіями о чемъ угодно, никогда не поймутъ, чтобы человѣкъ съ вышею натурою, но обдѣленный образованіемъ, могъ, на своемъ странномъ языкѣ, вслухъ выговаривать то, что глубоко запало въ его душу и сильно заняло его умъ; никогда не растолкуете вы имъ, что такой человѣкъ и ошибается—то лучше, нежели какъ они говорятъ дѣло, потому что ошибается *по-своему*, а они говорятъ чужое...

¹⁾ Вотъ начало этой „Думы“:

Отецъ свѣта—вѣчность;
 Сынъ вѣчности—сила;
 Духъ силы—есть жизнь;
 Миръ жизнью кипитъ.

Особенное достоинство думъ Кольцова заключается въ ихъ чисто-русскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ не по кокетству таланта, а по необходимости прибѣгалъ къ этому складу. Въ своихъ думахъ Кольцовъ—русскій простолюдинъ, ставшій выше своего сословія настолько, чтобы только увидѣть другую, высшую сферу жизни, но не настолько, чтобы овладѣть ею, и самому совершенно отрѣшиться отъ своей прежней сферы. И потому онъ по необходимости говорить ея понятіями и ея языкомъ объ увидѣнной имъ вдали сферѣ другихъ, высшихъ понятій; но потому же онъ въ своихъ думахъ искрененъ и истиненъ до наивности,—что и составляетъ главное ихъ достоинство. Хотя пѣсни Кольцова были бы понятны и доступны для нашего простого народа, но все же онѣ были бы для него гораздо вышею школою поэзіи, а слѣдовательно, чувствъ и понятій, нежели поэзія народныхъ пѣсенъ,—и потому были бы очень полезны для нравственнаго и эстетическаго его образованія. Такимъ же точно образомъ думы Кольцова, изложенныя образами и складомъ чисто русскими, и представляющія собою первую высшую ступень простого русскаго человѣка въ стремленіи къ нравственно-идеальному развитію,—были бы очень полезны для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ.

Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжиться, если-бъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служить его превосходная дума *„Не время-ль намъ оставить“*, написанная имъ менѣе, нежели за годъ до смерти. Въ ней виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка.

Теперь намъ остается сказать слова два о редакціонной части изданія сочиненій Кольцова. Мы расположили его сочиненія по годамъ и раздѣлили ихъ на два отдѣла. Въ первомъ помѣстили мы одно лучшее, избранное, не нарушая однакоже хронологической послѣдовательности,—и потому, въ этомъ отдѣлѣ сперва идутъ пьесы перваго періода поэтическихъ опытовъ Кольцова, которыя, естественно, слабѣе послѣдующихъ, которыя занимаютъ собой середину и большую часть отдѣла; а въ концѣ его, по той же причинѣ, рѣшились мы помѣстить и четыре послѣднія стихотворенія, довольно слабыя и написанныя Кольцовымъ уже не задолго до смерти, во время тяжелой болѣзни, въ мучительныхъ обстоятель-

ствахъ. Изъ нихъ стихотвореніе „На новый 1842-й годъ“ имѣетъ свой интересъ, какъ скорбное предчувствіе поэта,—увы!—слишкомъ вѣрно сбывшееся... Остальные три—какъ послѣдніе, уже замирающіе звуки еще недавно громкаго, мощнаго и гармоническаго голоса... *Думы* помѣстили мы отдѣльно, непосредственно послѣ пѣсенъ и не отдѣлили лучшихъ изъ нихъ отъ слабыхъ, потому что эти пѣсы слишкомъ тѣсно слиты съ личностью Кольцова и интересны болѣе, какъ факты его внутренней жизни, нежели какъ поэтическія произведенія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ прекрасны и съ этой точки зрѣнія, какъ, напримѣръ: *Великая Тайна*, *Мощь*, „*Не время-ль намъ оставить*“. Такимъ образомъ, изъ 125 пѣсень въ первомъ отдѣлѣ помѣщено 79 пѣсень. Остальные 46 стихотвореній мы напечатали въ особомъ отдѣлѣ, подъ особенной нумераціей, въ видѣ приложенія. Между ними есть много слабыхъ, даже очень слабыхъ; но нѣтъ ни одного, которое не имѣло бы хотя относительнаго интереса или замѣчательною степенью одушевленія, даже страсти, или оригинальною мыслию, или счастливыми оборотами выраженій, или, наконецъ, болѣе или менѣе любопытнымъ отношеніемъ къ жизни и личности автора. Нѣкоторыя изъ стихо-

твореній этого отдѣла были бы даже очень недурны, если бы отзывались болѣею зрѣlostію и выдержанностію. Таковы, напри-мѣръ, пѣсы: „*Если встрѣчусь съ тобой*“, *Теремъ*, „*По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ*“, „*Домикъ Лѣсника*, *Размышленіе Поселянина*, *Глаза*, *Два Прощанья*, *Видный Призракъ*, *Товарищу*, „*Не скажу никому*“, „*Гдѣ вы, дни мои*“.

Такъ же, въ видѣ приложенія, рѣшились мы, при собраніи стихотвореній Кольцова, напечатать *Мысли о музыкѣ*, статью друга его Серебрянскаго. Это единственный оставшійся послѣ Серебрянскаго литературный памятникъ, погребенный въ одномъ малоизвѣстномъ и притомъ старомъ уже журналѣ. Мы увѣрены, что отношенія Серебрянскаго къ Кольцову, равно какъ и достоинства статьи, которая сама такъ похожа на музыкальное произведеніе, вполне оправдываютъ ея помѣщеніе въ книгѣ сочиненій Кольцова.

О портретѣ Кольцова, въ отношеніи къ рисунку и литографіи, читатели могутъ судить сами; мы ручаемся только за поразительное сходство этого портрета (снятаго въ 1838 году) съ оригиналомъ.

1846 г.

61. Николай Алексѣевичъ Полевой.

Въ началѣ 1846 года Бѣлинскій пересталъ быть сотрудникомъ „Отеч. Записокъ“; одной изъ послѣднихъ его замѣтокъ въ этомъ журналѣ былъ некрологъ Н. Полевого, умершаго 22 февраля 1846 года. „Полевой еще ждетъ и, быть можетъ, не скоро дождется истинной оцѣнки“,—писалъ въ этой замѣткѣ Бѣлинскій; но въ ожиданіи такой „истинной оцѣнки“ Бѣлинскому хотѣлось высказать свое мнѣніе о значеніи и мѣстѣ Полевого въ исторіи русской литературы. Онъ и сдѣлалъ это въ настоящей статьѣ, которую онъ, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи страницъ журнала, выпустилъ въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной брошюры. Брошюра эта—*«Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго. Спб. 1846»*—является въ настоящее время библиографической рѣдкостью; по брошюрѣ этой нами свѣренъ текстъ настоящей статьи, которая была „послѣднимъ словомъ“ Бѣлинскаго о Полевомъ, столько лѣтъ безпощадно преслѣдовавшемся имъ въ „Отеч. Запискахъ“.

Десятью годами ранѣе, еще въ „теле-

скопскомъ“ періодѣ своей литературной дѣятельности, Бѣлинскій склоненъ былъ видѣть въ Полевомъ чуть ли не истиннаго „художника“; въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ Бѣлинскій отзывался почти что восторженно о повѣстяхъ и романахъ Полевого (см. т. I, стр. 135—137). Вскорѣ Бѣлинскій довольно близко познакомился съ Полевымъ и даже собирался въ концѣ 1837 и началѣ 1838 года ѣхать въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ перешедшемъ къ Полевому журналѣ „Сынъ Отечества“; для этого журнала Бѣлинскимъ была написана статья о Гамлетѣ (см. № 10). Однако дѣло это разстроилось¹⁾; и Полевой напалъ даже въ своемъ журналѣ на эту статью Бѣлинскаго, напечатанную уже въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (см. т. I, стр. 356). Бѣлинскій отвѣтилъ довольно сдержанной полемической статьей, но уже

¹⁾ Подробное изложеніе этого дѣла, интереснаго для выясненія отношеній Бѣлинскаго и Полевого, мы находимъ въ письмахъ Кольцова къ Бѣлинскому за февраль-мартъ 1838 г.

независимо отъ этой полемики онъ сталъ ясно видѣть, что ни журналъ Полевого, ни самъ Полевой не отвѣчаютъ болѣе текущей литературной потребности. „Литература наша—писалъ Бѣлинскій какъ-разъ въ это время Панаеву (26 апр. 1838 г.)—теперь хромаетъ, какъ никогда не хромала; самъ Полевой, этотъ богатырь журналистики, самъ онъ только портитъ дѣло и добросовѣстно вредитъ ему хуже Сенковского“... А черезъ три мѣсяца, въ письмѣ къ тому же Панаеву (отъ 10 авг. 1838 года), Бѣлинскій выражается еще рѣзче: „жаль Полевого, но вольно-жъ ему на старости изъ ума выжить! Что тамъ за гадость такую онъ издаетъ“... Но въ это же время Бѣлинскій помѣщаетъ въ своемъ журналѣ хвалебную рецензію на переводъ Полевымъ „Гамлета“ („Моск. Набл.“, 1838 г., т. XVII); въ рецензіи этой есть, однако, одно мѣсто, выпущенное Бѣлинскимъ въ журнальномъ текстѣ и впервые восстановленное только черезъ шестьдесятъ лѣтъ въ книгѣ П. Ефремова и В. Якушкина: „Семь статей В. Г. Бѣлинскаго“ (М. 1898 г.). Мѣсто это является почти буквальнымъ предвосхищеніемъ того, что Бѣлинскій сказалъ о Полевомъ въ настоящей статьѣ 1846 года; въ этой рецензіи 1838 г. Бѣлинскій безпристрастно и вѣрно намѣчаетъ въ общихъ чертахъ значеніе Полевого для русской литературы: онъ относитъ его къ такого рода дѣятелямъ, которые „имѣютъ безконечное вліяніе на свое время и не производятъ ничего, что бы пережило даже ихъ самихъ“... Далѣе Бѣлинскій указываетъ на „многостороннюю и разнообразную дѣятельность“ этихъ людей вообще и Полевого въ частности, на то, что люди эти берутся за всѣ роды дѣятельности—и во всѣхъ успѣваютъ. Такъ и Полевой—критикъ, драматургъ, беллетристъ—въ свое время пользовался громадной славой, и по заслугамъ. „Его имя—говоритъ Бѣлинскій—впишется въ исторію литературы и общественнаго образованія, получить въ ней *свое* мѣсто;... но его произведенія, эти чада его фантазіи, недолго будутъ наслаждаться здоровьемъ и жизнію по смерти своего родителя“... Часто случается даже,—продолжаетъ Бѣлинскій, говоря о Полевомъ, но не называя его имени,—что такой писатель переживаетъ свои литературныя произведенія и кончаетъ свое поприще „оглушаемый ропотомъ и нападками молодыхъ поколѣній“... Но если даже и такъ, то все же ему остается „отрадная мысль, что придетъ время, когда ему воздастся должное, когда оцѣнятся его труды, его заслуги“...

Въ пылу журнальной полемики нельзя было однако ограничиваться признаніемъ *прошлыхъ* заслугъ Полевого, когда *настоящая*

его дѣятельность вызывала рѣзкій протестъ. Союзъ Полевого съ Булгаринымъ и Гречемъ былъ тѣмъ фактомъ, котораго Бѣлинскій не могъ простить Полевому—намъ уже случалось на это указывать (см. т. I, стр. 664); къ тому же Бѣлинскій все болѣе и болѣе становился ярымъ послѣдователемъ гегеліанства, которое высмѣивалъ Полевой, нападая на „Московский Наблюдатель“ Бѣлинскаго и насмѣшливо желая, чтобы *«интеллектуальный конкретизмъ вывелъ индивидуальное Я „Наблюдателя“ въ реальное Я=не Я изъ безусловнаго абсолютизма, въ какомъ находился онъ въ прошедшемъ году. Даруй, Гегель, успѣха!»* („Сынъ Отечества“, 1838 г.). Но всего этого мало: не только союзомъ съ Булгаринымъ и Гречемъ запятналъ себя Полевой, не только не былъ онъ въ состояніи оцѣнить значенія нѣмецкой философіи, но и въ своихъ чисто литературныхъ сужденіяхъ онъ показалъ свою отсталость, не понимая Гоголя, считая его только авторомъ „пятиактнаго фарса и водевиля“ („Ревизоръ“) и забавныхъ повѣстухъ въ жанрѣ „малороссійскаго жарта“... Всего этого было больше, чѣмъ достаточно, чтобы привести въ величайшее негодованіе Бѣлинскаго; и вотъ, начиная съ 1839 года Бѣлинскій жестоко обрушивается на Полевого—сперва въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, а затѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

„Если я буду *крѣпко* участвовать въ „Отеч. Зап.“,—писалъ Бѣлинскій 22 февр. 1839 года Панаеву,—то уговоръ лучше денегъ: Полевой—да не прикоснется къ нему никто, кромѣ меня! Это моя собственность, собственность по праву. Я, и никто другой, долженъ спихнуть его съ синтеза и анализа и со всего этого хламу пошлыхъ, устарѣлыхъ мнѣній и чувствованій, на которыхъ онъ думаетъ выѣзжать и которыми думаетъ запугать новое поколѣніе... Люблю и уважаю Полевого, высоко цѣню заслуги его, почитаю его лицомъ историческимъ, но тѣмъ не менѣе постараюсь сказать и доказать, что онъ отсталъ отъ вѣка, не понимаетъ современности... Ужасное несчастіе пережить самого себя“... И вскорѣ Бѣлинскій пишетъ статью объ „Очеркахъ“ Полевого; къ статьѣ этой и нашей вступительной замѣткѣ къ ней отсылаемъ читателей (т. I, ст. № 19).

Къ этому времени относится переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, гдѣ онъ могъ больше слышать и узнать о Полевомъ въ литературныхъ кругахъ. То, что онъ услышалъ—еще болѣе привело его въ негодованіе: „повѣришь ли, Боткинъ, что Полевой сдѣлался гнуснѣе Булгарина!“—воскличалъ Бѣлинскій въ письмѣ къ своему другу (отъ 18 февр. 1840 г.) и послѣ этого повелъ еще болѣе яростную атаку на Полевого, поль-

зуюсь для этого всякимъ удобнымъ случаемъ. Умѣренный и сдержанный Василій Боткинъ указывалъ въ письмѣ къ своему „неистовому“ другу на чрезмѣрность этихъ нападеній; Бѣлинскій горячо оспаривалъ это, отстаивая свою точку зрѣнія. „Пѣтъ, — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Боткину (отъ 30 дек. 1840 г.), — нѣтъ, никогда не раскаюсь я въ моихъ нападкахъ на Полевого, никогда не признаю ихъ ни несправедливыми, ни даже преувеличенными! Если бы я могъ раздавить моею ногою Полевого, какъ гадину, — я не сдѣлалъ бы этого только потому, что не захотѣлось бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавецъ, подлецъ первой степени: онъ другъ Булгарина, protégé Греча (слышишь ли, не покровитель, а protégé Греча!), пріятель Кукольника; безсовѣстный плутъ, завистникъ, низкопоклонникъ, дюжинный писака, покровитель посредственности, врагъ всего живого, талантливаго. Знаю, что когда-то онъ имѣлъ значеніе, уважаю его за прежнее, но теперь — что онъ дѣлаетъ теперь? — пишетъ наизусть по-телеграфски, проповѣдуетъ ту расейскую дѣйствительность, которую такъ энергически нѣкогда преслѣдовалъ, которой нанесъ первые сильные удары. Я могу простить ему отсутствіе эстетическаго чувства (которое не всѣмъ же дается), могу простить искаженіе Гамлета, *видѣсь Ромео-то и Юлія изъ слабыхъ произведеній Шекспира*, грубое непониманіе Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Марлинскаго (идола петербургскихъ чиновниковъ и образованныхъ лакеевъ), глупое благоговѣніе къ риторической музѣ Державина и пр., и пр.; но для меня уже смѣшно, жалко, позорно видѣть его фарисейско-патріотическія, предательскія драмы народныя (Иголкина и т. п.), его пошлыя комедіи и прочую сценическую дрянь, цѣну, которую онъ даетъ вниманію и вызову ерыжной публики Александръ-и-инскаго театра, составленной изъ офицеровъ и чиновниковъ. Положимъ, что и это можно извинить отсталостью, старостью, слабостью преклонныхъ лѣтъ и пр.; но его дружба съ подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, отъ которыхъ гибнетъ наша литература, страждутъ истинные таланты и лишено силы все благородное и честное — пѣтъ, братъ, если я встрѣчусь съ Полевымъ на томъ свѣтѣ — и тамъ отворочусь отъ него, если только не наплюю ему въ рожу. Личныхъ враговъ прощу, съ Булгаринымъ скорѣе обнимусь, чѣмъ подамъ ему руку отъ души“...

Мы намѣренно привели эту крайне рѣзкую выходку Бѣлинскаго, чтобы показать, до какихъ предѣловъ дошла ненависть „неистоваго Виссаріона“ къ Полевному, какъ дѣятелю журналистики сороковыхъ годовъ. Но, безпощадно бичуя новаго Полевого —

друга Булгарина, врага Гоголя и автора „фарисейско-патріотическихъ“ драмъ, Бѣлинскій въ это же время продолжалъ воздавать должное старому Полевому — руководителю „Московского Телеграфа“ и передовому бойцу двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ. Въ отвѣтъ на новое письмо Боткина, Бѣлинскій снова пишетъ ему (1 марта 1841 г.): „что до Полевого — согласенъ съ тобою; но откуда же были у него во время оно энергія характера, сила воли? Въ прошедшемъ я высоко цѣню этого человѣка. Онъ сдѣлалъ великое дѣло — онъ лицо историческое“... И нѣсколько мѣсяцевъ спустя Бѣлинскій, быть можетъ не безъ вліянія Боткина, подчеркнулъ эту мысль въ своей рецензіи на четвертую часть „Русской исторіи для первоначальнаго чтенія“ Полевого („Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XVIII). Бѣлинскій заявляетъ въ этой рецензіи, что „жалкое драматическое поприще“ Полевого заслуживаетъ самыхъ рѣзкихъ отзывовъ, но что „Отеч. Записки“ — „чужды низкой вражды къ лицу, мимо его произведеній“; а потому Бѣлинскій „поставляетъ себѣ за особенное удовольствіе и за честь признавать въ г. Полевомъ человѣка необыкновенно умнаго и даровитаго, литератора дѣятельнаго, оказавшаго, въ качествѣ журналиста, важныя услуги русской литературѣ и русскому образованію“... Однако, прибавляетъ тотчасъ же Бѣлинскій — „отдавать должное не значитъ приписывать излишнее, и заслуга не защищаетъ отъ порицаній въ ошибкахъ“... И онъ продолжалъ бороться съ Полевымъ до самой его смерти, признавая его большое значеніе въ прошломъ, но считая еще болѣе вредъ въ настоящемъ, изъ-за его союза съ Булгаринымъ. Когда союзъ этотъ прерывался временными размолвками, то никто злѣе и ядовитѣе не комментировалъ всѣ эти исторіи изъ-за „капустныхъ кочерыжекъ“, чѣмъ Бѣлинскій (см. т. II, ст. № 42 и др.). Но съ другой стороны, никто постояннѣе Бѣлинскаго не подчеркивалъ положительное значеніе Полевого; въ одной изъ рецензій 1845-го года (на первую часть книги Полевого „Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 г.“) Бѣлинскій, снова развивая свое излюбленное противопоставленіе „художника“ и „беллетриста“, признаетъ большое значеніе даже за повѣстями и драмами Полевого, какъ произведеніями типично-„беллетристическими“ въ смыслѣ Бѣлинскаго.

Въ началѣ 1846 года Полевой умеръ, физически измученный непосильной десятилѣтней борьбой изъ-за куска хлѣба, нравственно-измученный своей вынужденной „дружбой“ съ Булгаринымъ и его присными. Смерть — великая примирительница; и Бѣлинскій тотчасъ же забылъ свою былую

неистовую ненависть къ Полевому, помня только былия заслуги этого крупнаго писателя и человѣка двадцатыхъ годовъ. Въмѣсто рецензій на вторую часть книги Полевого „Столѣтіе Россіи“, Бѣлинскому пришлось писать краткій некрологъ, о которомъ мы упоминали въ началѣ настоящей замѣтки. Въ немногихъ строкахъ онъ воздалъ Полевому должное. „Каковъ бы ни былъ характеръ его литературной дѣятельности за послѣднія десять лѣтъ,—писалъ Бѣлинскій,—въ немъ многое объясняется стѣсненными обстоятельствами... Во всякомъ случаѣ, забывая о недавнемъ, мы тѣмъ живѣе вспоминаемъ о первомъ блестящемъ періодѣ литературной дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка, который... можно сказать, создалъ журналъ въ Россіи. Этимъ онъ сдѣлалъ гораздо больше, нежели какъ теперь думаютъ,—и вообще Полевой еще ждетъ и, можетъ быть, не скоро дождется истинной оцѣнки; но онъ дождется ея и имя его навсегда останется и въ исторіи русской литературы и въ признательной памяти общества“. Мы уже сказали, что начало такой оцѣнки положилъ самъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ; въ ней онъ выяснилъ свои постоянныя утвержденія, что Полевой—„лицо историческое“. Въ чемъ это историческое значеніе Полевого, какова его роль въ русской литературѣ—эти вопросы Бѣлинскій ставитъ и рѣшаетъ въ настоящей статьѣ.

Рѣшеніе это ставитъ Полевого на очень высокое мѣсто въ исторіи русской литературы. Ломоносовъ, Карамзинъ, Полевой—вотъ формула, которою Бѣлинскій характеризуетъ вѣковое развитіе русской литературы и три послѣдовательныя эпохи ея. Ломоносовъ—родоначальникъ новѣйшей русской литературы; Карамзинъ—реформаторъ

и создатель новаго, многочисленнаго класса читателей; наконецъ, Полевой—журналистъ и главный борецъ за „романтизмъ“: вотъ эти три эпохи и вотъ значеніе Полевого. Бѣлинскій показалъ, что Полевой былъ по времени первымъ нашимъ „журналистомъ“ въ современномъ значеніи этого слова; Бѣлинскій оцѣнилъ „журнальную дѣятельность Полевого и ея огромное вліяніе на русскую литературу“—въ этомъ заключается все содержаніе настоящей статьи.

И въ этомъ, дѣйствительно—почти все значеніе Полевого въ русской литературѣ. Бѣлинскій правъ, что даже въ своихъ драмахъ и романахъ Полевой оставался все тѣмъ же „необыкновенно умнымъ“ журналистомъ; даже въ своей неоконченной исторіи Полевой—все тотъ же публицистъ, полемистъ, журналистъ, что не мѣшало этой его „Исторіи русскаго народа“ быть „первой попыткойъ приложить новый философско-историческій взглядъ къ объясненію явленій русской исторіи“ (П. Милуковъ, „Главныя теченія русской исторической мысли“, стр. 342—357). Въ настоящее время историки русской литературы склонны недооцѣнивать выдающагося значенія Полевого въ русской литературѣ и общественности; литература о Полевомъ крайне скудна—мы можемъ указать только на книгу Н. Козмина: „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи“ (Спб., 1903; въ этой же книгѣ—библіографія вопроса). Тѣмъ болѣе цѣнной является настоящая статья Бѣлинскаго, воздаващаго должное своему выдающемуся предшественнику, котораго онъ такъ ожесточенно преслѣдовалъ при жизни, и съ которымъ его, наконецъ, примирила смерть.

Н.-Р.

...На жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ,—
Другія имъ вослѣдъ идуть...

Пушкинъ.

Всякая сфера дѣятельности безконечно разнообразна и требуетъ различныхъ дѣятелей. Съ перваго взгляда кажется, что наука можетъ поднять и двинуть впередъ только ученый, поэзію—поэтъ, литературу—литераторъ. Безъ всякаго сомнѣнія, безъ ученыхъ наука не могла бы не только подниматься и двигаться, но даже и существовать, такъ же какъ и поэзія—безъ поэтовъ, литература—безъ литераторовъ; однакожь, тѣмъ не менѣе справедливо и то, что наукѣ, искусству и

литературѣ оказывали иногда величайшія услуги люди, которые ничего не писали и не были ни учеными, ни поэтами, ни литераторами. Нужно ли говорить, какое великое вліяніе на успѣхи литературы можетъ иногда имѣть книгопродавецъ-издатель? Вспомнимъ Новикова. Этотъ человѣкъ,—столь мало у насъ извѣстный и оцѣненный (по причинѣ почти совершеннаго отсутствія публичности),—имѣлъ сильное вліяніе на движеніе русской литературы и, слѣдовательно, русской образованности. Самъ онъ ничего или почти ничего не писалъ¹⁾, но онъ обладалъ удивитель-

¹⁾ Это не вѣрно: Новиковъ довольно много писалъ, особенно въ „Трутиѣ“ и другихъ своихъ сатирическихъ журналахъ.

ною способностію заставлялъ писать другихъ. Владѣя значительными средствами, онъ издавалъ множество книгъ въ такое время, когда у насъ почти вовсе не было книгъ. Но и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ не какъ книгопродавецъ, хотя въ то время и роль дѣльнаго книгопродавца была бы еще благодѣтельнаѣ, нежели какъ могла бы она быть теперь. Нѣтъ! Новиковъ не былъ книгопродавцемъ: нажитья продажей книгъ нисколько не было его цѣлью. Благородная натура этого человѣка постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстію—разливать свѣтъ образованія въ своемъ отечествѣ. И онъ увидѣлъ могущественное средство для достиженія этой цѣли въ распространеніи въ обществѣ страсти къ чтенію. Для чтенія нужны книги и журналы, а ихъ-то и не было тогда. И вотъ Новиковъ издаетъ книги и журналы, всюду ищетъ молодыхъ людей, способныхъ или охотливыхъ къ книжному дѣлу. Знающимъ иностранные языки онъ заказываетъ переводы, у стихотворцевъ печатаетъ стихи, у прозаиковъ—прозу; всѣхъ одобряетъ и понуждаетъ, бѣднымъ даетъ средства къ образованію. Кому не извѣстно, что самъ Карамзинъ многимъ былъ обязанъ Новикову? Если бы это и несправедливо было приписано Новикову, все же это важный фактъ въ его пользу. Когда явился Пушкинъ, всякое ходячее по рукамъ стихотвореніе, дѣйствительно хорошее или только казавшееся хорошимъ, приписывалось Пушкину, хотя бы и вовсе не принадлежало ему. Такъ и Новикову приписывалось изданіе всякой книги и одобреніе всякаго таланта: это выразительно указываетъ на его роль на сценѣ русской литературы...

Но эта роль, какъ ни важна и ни велика она, имѣла опредѣленный и ограниченный характеръ. Новикову нужно было, во что бы ни стало, заохотить общество къ чтенію, давши ему средства удовлетворять этой охотѣ—книги и журналы. О направленіи этой охоты онъ не думалъ да и думать тогда объ этомъ было рано. Онъ печаталъ почти все, что ни писалось, и считалъ за писателя всякаго, кто только имѣлъ охоту писать для печати. Новиковъ не былъ архитекторомъ: онъ приготовлялъ только строительные матеріалы и строительныхъ мастеровъ. Давать литературѣ направленіе, дѣйствовать на нее лично, это—роль людей другого рода. Но и для этой роли—повторяемъ—нужны не одни ученые и поэты.

Три человѣка, нисколько не бывшіе поэтами, имѣли сильное вліяніе на русскую поэзію и вообще русскую изящную литературу въ три различныхъ эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были—Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой...

Каждый изъ нихъ оказалъ свое вліяніе на литературу своимъ особеннымъ образомъ, сообразно съ обстоятельствами и требованіями своего времени.

Ломоносовъ, Карамзинъ и—Полевой!.. Какъ многихъ оскорбитъ такое сближеніе именъ! Имена еще до сихъ поръ играютъ въ нашей литературѣ чрезвычайно важную роль, потому что для многихъ еще замѣняютъ они идеи... Имена въ нашей литературѣ—тоже, что чины въ нашей общественной жизни, т.-е. легкое *внѣшнее* средство оцѣнить человѣка... Не всякому дана способность судить вѣрно о качествахъ человѣка и узнавать безошибочно, хорошъ онъ или нѣтъ. Такъ точно не всякому дана способность судить вѣрно объ истинномъ значеніи и достоинствѣ писателя; но нѣтъ глупца и невѣжды, который бы, услышавъ громкое или извѣстное имя, не догадался бы тотчасъ же, что это—большой сочинитель. Чѣмъ старѣе имя писателя, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется оно (особенно со стороны людей, никогда не читавшихъ этого писателя)—и поставить съ нимъ рядомъ имя хоть бы и весьма извѣстнаго, но еще живого, или только недавно умершаго писателя,—значитъ разсердить насмерть множество людей, которымъ литература, по разнымъ отношеніямъ, близка къ сердцу, а еще болѣе людей, которымъ до литературы вовсе нѣтъ никакого дѣла... Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ большой рискъ въ этомъ отношеніи. Старики, которые и теперь считаютъ Ломоносова, вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Херасковымъ, образцовыми писателями, увидятъ страшную профанацію въ сближеніи имени Полевого съ именемъ Ломоносова. Но этихъ уже немного, и они будутъ жаловаться про себя и между собой; ихъ дрожащіе голоса не возвысятся среди общества, которое такъ молодо въ отношеніи къ нимъ, что уже не помнитъ пудренныхъ косъ съ кошельками... Но что скажутъ тѣ, которые съ личностію и эпохою Карамзина сливаютъ воспоминаніе о лучшемъ времени своей жизни; которые, наконецъ, помнятъ въ Полевомъ человѣка, писавшаго противъ Карамзина, хотя и послѣ его смерти?.. Что скажутъ бывшіе журналисты, современники Полевого, и многіе писатели и писаки, которыхъ нѣкогда уничтожалъ онъ своимъ журналомъ, и у которыхъ еще цѣлы шрамы отъ глубокихъ ранъ, нанесенныхъ его перомъ ихъ самолюбію?.. Что скажутъ всѣ они?—Пусть говорятъ, что хотятъ: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!.. Истина выше людей и не должна бояться ихъ, особенно истина объ умершемъ человѣкѣ, могила котораго требуетъ суда, а не осужденія, должной спра-

ведливости, а не восторженныхъ похвалъ ложныхъ друзей, или пристрастнаго ропота раненныхъ самолюбій...

За Ломоносовымъ потомство не безъ основанія утвердило имя основателя и отца русской поэзіи и литературы. Что онъ былъ первый, *по времени*, русскій поэтъ: это такъ же очевидно, какъ и то, что Державинъ былъ первый, *по таланту*, русскій поэтъ! Но Ломоносовъ, натура поэтическая, какъ всякая гениальная натура, тѣмъ не менѣе не былъ поэтомъ. Онъ поэтически чувствовалъ и мыслилъ, но не владѣлъ поэтическимъ даромъ творчества. Лучшая одѣлка, въ этомъ отношеніи, была сдѣлана ему Пушкинымъ:

„Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливала его свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость полу-славянская, полу-латинская, сдѣлалась-было необходимостью; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

„Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тоглашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею, и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говорилъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, *объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ ремеслѣ, не думаетъ...* Зато съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи“.

Въ этихъ словахъ виденъ взглядъ удивительно вѣрный, но тѣмъ не менѣе односторонній. „Вліяніе Ломоносова на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается“: это такъ и не такъ въ одно и то же время. Подъ статью Пушкина не выставлено года, когда она написана, и потому

намъ слѣдуетъ ограничиться увѣренностью, что она была написана не раньше 1836 года,—десять или около того лѣтъ назадъ тому ¹⁾. Въ Россіи все идетъ скоро, и десять лѣтъ для насъ—много времени. Въ новой школѣ, которую сами враги ея почтили именемъ „натуральной“, нѣтъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ ломоносовскаго вліянія, слѣдовательно, оно уже прошло. Даже въ старой школѣ видно устарѣлое вліяніе Карамзина, но уже не Ломоносова. Если вліяніе послѣдняго и было вредно, все же оно не было зломъ неизлѣчимымъ. Съ другой стороны, если и нельзя не согласиться, что вліяніе Ломоносова на русскую литературу было вредное, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы оно не было необходимо. А что необходимо, то уже полезно, хотя бы съ другой стороны и было вредно. Во время Ломоносова намъ не нужно было народной поэзіи: тогда великій вопросъ—*быть или не быть*, заключался для насъ не въ народности, а въ европеизмѣ. Далеко ли ушелъ бы Ломоносовъ въ наукѣ, если бы, оставивъ безъ вниманія ея успѣхи въ Европѣ, сталъ хлопотать о наукѣ русской, рѣшился бы сдѣлаться не нововводителемъ въ этой области, а продолжателемъ трудовъ російскихъ книжниковъ и мудрецовъ, до него бывшихъ?... Первымъ благодѣтельнымъ слѣдствіемъ возникавшей тогда литературы долженствовало быть отрѣшеніе общества не отъ національности, а отъ непосредственнаго, или безсознательнаго характера этой національности. Мы должны были на время перестать быть Русскими, чтобы потомъ сознательно сдѣлаться Русскими. Что вліяніе Ломоносова на литературу было надолго вредно,—это правда; но развѣ не правда и то, что и результаты реформы Петра Великаго были, во многихъ отношеніяхъ, временно вредны? Однакожъ изъ этого вѣдь не слѣдуетъ, чтобы реформа Петра Великаго не была въ высочайшей степени полезна и благодѣтельна для Россіи?—Ломоносовъ былъ Петромъ Великимъ нашей литературы. Отъ его сочиненій (кромѣ ученыхъ) ничего не осталось теперь для нашего наслажденія; но многое ли осталось теперь и отъ учрежденій Петра Великаго, и похожи ли сколько-нибудь Россія нашего времени на Россію Петра Великаго? А между тѣмъ, Россія нашего времени все-таки твореніе Петра Великаго...

Сужденіе Пушкина о Ломоносовѣ очень вѣрно, какъ отвѣтъ на безсознательно восторженные возгласы слѣпыхъ почитателей Ломоносова, которые и теперь, вопреки всякой очевидности, упорно хотятъ видѣть въ

¹⁾ Статья Пушкина „Ломоносовъ“ написана въ 1833 году.

немъ не только поэта, но еще и великаго поэта. тогда какъ въ сущности онъ не былъ ни то, ни другое; но какъ окончательный приговоръ надъ Ломоносовымъ, сужденіе о немъ Пушкина—повторяемъ—односторонне. Имя основателя и отца русской литературы и поэзіи по праву принадлежитъ этому великому человѣку. Натура по преимуществу практическая, онъ былъ рожденъ реформаторомъ и основателемъ. Не приписывая непринадлежащаго ему титула поэта, нельзя не видѣть, что онъ былъ превосходный стихотворецъ (версификаторъ). Если прибавить къ этому его глубокое знаніе русскаго языка (хотя по духу и потребностямъ своего времени онъ и старался придавать ему полу-славянскую и полу-латинскую величавость),—то нельзя не согласиться, что въ отношеніи къ стиху можно подуматъ, что Державинъ жилъ и писалъ прежде Ломоносова. Этого мало: въ нѣкоторыхъ стихахъ Ломоносова, несмотря на ихъ декламаторскій и напыщенный тонъ, промелькиваетъ иногда поэтическое чувство—отблескъ его поэтической души. Въ словахъ нашихъ нѣтъ противорѣчія: живая натура—всегда поэтическая натура, хотя изъ этого и нисколько не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ съ живою натурою былъ непременно поэтъ: иначе и изъ Наполеона легко было бы сдѣлать поэта, и имя его внести въ исторію французской поэзіи... Метрика, усвоенная Ломоносовымъ нашей поэзіи, есть большая заслуга съ его стороны. Нѣкоторые думаютъ, что ямбы, хорей, дактили, амфибрахи и анапесты несвойственны просодической натурѣ русскаго языка. Говорятъ, будто самъ Пушкинъ въ послѣдствіи ставилъ себѣ въ вину, что своими дивными стихами окончательно и безвозвратно утвердилъ эти размѣры за русскою поэзіею, и будто онъ хотѣлъ воротиться къ размѣрамъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, для чего и написалъ свою *Сказку о Рыбакѣ и Рыбкѣ*. Если это правда,—это была ошибка со стороны великаго поэта. Метръ народныхъ пѣсенъ былъ хорошъ для выраженія бѣднаго круга понятій, выражаемыхъ ими; но и въ этомъ кругѣ онъ далеко не исчерпывалъ просодическаго богатства русскаго языка; для выраженія же новой безконечно-разнообразной и широкой сферы понятій онъ былъ бы совершенно недостаточенъ и крайне однообразенъ. Версификація Ломоносова не даромъ удержалась: она сродна духу русскаго языка и сама въ себѣ носила свою силу; отъ этого всѣ попытки замѣнить ее были и будутъ безплодны.

Что касается до славяно-латино-нѣмецкихъ періодовъ Ломоносова, напыщенности его рѣчи,—намъ теперь до всего этого такъ же мало дѣла, какъ и до странныхъ костюмовъ эпохи Петра Великаго: то и другое за-

мѣнено теперь лучшимъ. По словамъ Пушкина, Карамзинъ къ счастью освободилъ нашъ языкъ отъ чуждаго ига. Слово: къ счастью указываетъ какъ бы на случайность, тогда какъ тутъ была необходимость, и Карамзинъ,—или кто бы ни былъ, лишь бы съ такими же способностями,—не могъ бы, послѣ Ломоносова сдѣлать ничего другого, кромѣ этого освобожденія языка отъ чуждаго ига. Карамзинъ, разрушивъ дѣло Ломоносова, тѣмъ самымъ только продолжалъ его. Великій реформаторъ приходитъ не съ тѣмъ, чтобы разрушить, а съ тѣмъ, чтобы создать, разрушая...

Но точно ли Карамзинъ возвратилъ свободу нашему языку и обратилъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова? Извѣстно, что его прозаическій слогъ дѣлится на двѣ эпохи—до-историческую и историческую, т.-е. что слогъ его *Исторіи Государства Россійскаго* рѣзко отличается отъ слога всѣхъ его сочиненій, предшествовавшихъ ей. До-историческій слогъ Карамзина былъ великимъ шагомъ впередъ со стороны и языка литературы русской: въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но не менѣе несомнѣнно и то, что этотъ слогъ далеко еще не русскій, хотя и несравненно болѣе свойственный духу русскаго языка, нежели слогъ Ломоносова. Скажемъ болѣе: не безъ причины восхищавшій современниковъ, до-историческій слогъ Карамзина теперь блѣденъ и безцвѣтенъ. Онъ относится къ настоящему русскому слогу, какъ языкъ новѣйшихъ латинистовъ къ языку Горація и Тацита. Въ немъ и для иностранца, учащагося по-русски, будетъ все просто и легко, потому что иностранецъ не встрѣтитъ въ немъ того, что называется идиотизмами, т.-е. чисто русскихъ оборотовъ, или руссизмовъ. Историческій же слогъ Карамзина слишкомъ отзывается искусственною поддѣлкою подъ языкъ лѣтописей, и слишкомъ не лишенъ риторическаго оттѣнка. Впрочемъ, все это мы говоримъ не для униженія великаго подвига Карамзина, а какъ бы въ отвѣтъ на слова Пушкина, чтобы показать, что и Карамзинъ не сдѣлалъ всего, какъ не сдѣлалъ всего Ломоносовъ, и что, относительно, потомство въ правѣ обвинять и Карамзина въ тѣхъ же недостаткахъ, въ какихъ обвиняетъ Пушкинъ Ломоносова; но что тотъ и другой—и Ломоносовъ и Карамзинъ—оба сдѣлали именно то, что нужно было сдѣлать въ ихъ время, и, слѣдовательно, обоимъ имъ равно принадлежитъ вѣчная честь великаго подвига...

Карамзинъ явился въ то самое время, когда направленіе, данное Ломоносовымъ литературѣ, такъ сказать, истощило само себя и обратилось въ застой. Въ духѣ этого направленія уже ничего нельзя было дѣ-

латъ. Въ самой литературѣ обнаружилась ему реакція: языкъ и самый характеръ сочиненій Фонвизина уже отошли отъ ломоносовскаго типа. Позднѣе Макаровъ, независимо отъ Карамзина, началъ переводить и писать языкомъ совершенно карамзинскимъ. Нуженъ былъ только человѣкъ, который по своимъ интеллектуальнымъ средствамъ былъ бы способенъ завладѣть общественнымъ мнѣніемъ и стать во главѣ литературнаго движенія. Такимъ человѣкомъ явился Карамзинъ. Онъ былъ для своей эпохи всѣмъ: и реформаторомъ, и теоретикомъ, и практикомъ, и стихотворцемъ, и прозаикомъ, и поэтомъ, и журналистомъ, лирикомъ, сказочникомъ, нувеллистомъ, археологомъ. Его стихи учились наизусть, его повѣсти, особенно *Бѣдная Лиза* и *Марья Посадница*, сводили съ ума всю публику. И хотя Карамзинъ нисколько не былъ поэтомъ, тѣмъ не менѣе этотъ успѣхъ былъ вполне заслуженный. Его *Письма Русскаго Путешественника* познакомили тогдашнее общество съ Европою, которая только для высшаго слоя его не была terra incognita, — и въ этомъ отношеніи Карамзинъ былъ истиннымъ Колумбомъ. Письма Фонвизина изъ Франціи были несравненно дѣльнѣе *Писемъ Русскаго Путешественника*, но они не могли произвести на общество такого вліянія, потому что были понятны только для людей, знакомыхъ съ состояніемъ дѣлъ въ Европѣ того времени, а всѣмъ другимъ могли сообщить о ней самое превратное понятіе. Письма Фонвизина такъ дѣльны, что только теперь настало время для ихъ настоящей оцѣнки. Но во времена переходныя, въ эпохи преобразованій, часто бываютъ нужнѣе и полезнѣе тѣ легкія произведенія, которыя, могущественно увлекавъ толпу, тотчасъ умираютъ, какъ скоро сдѣлаютъ свое дѣло. И вотъ гдѣ самая слабая, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая важная сторона литературной дѣятельности Карамзина. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, творенія которыхъ всегда свѣжи и юны, не знаютъ ни старости, ни смерти. Нѣтъ, къ чему лицемѣрить! *Бѣдная Лиза*, *Наталья Боярская Дочь*, *Счастливый Карло*, *Марья Посадница*, *Островъ Борнгольмъ*, — всѣ эти и другія повѣсти Карамзина для однихъ теперь дороги только какъ воспоминаніе о свѣтлыхъ дняхъ юности, какъ память о сказочкѣ нянюшки, подъ рассказъ которой когда-то сладко было засыпать; для другихъ онѣ интересны какъ стародавніе костюмы, какъ факты образованія и развитія общества во времена давнопрошедшія; но читать ихъ для эстетическаго наслажденія, читать ихъ какъ поэтическія произведенія теперь никто не будетъ... Еще въ то время, когда авторитетъ Карамзина только стремился къ своей апогеѣ,

равно какъ и въ то время, когда онъ достигъ ея, появились Крыловъ, Жуковскій и Батюшковъ — поэты по натурѣ, люди, призванные давать неувядаемые образцы настоящей поэзіи, а не преходящей беллетристики только. Имя Пушкина уже прогремѣло по всей Россіи, когда умеръ Карамзинъ...

Но все это служить не къ уменьшенію заслугъ Карамзина, а къ опредѣленію рода и характера его литературной дѣятельности. Если его творенія, какъ говорится, отжили свое время, тѣмъ не менѣе имя его всегда будетъ знаменито и почтенно, если хотите — безсмертно: его навсегда сохранить не только исторія литературы, но и благодарная память образованной части народа русскаго.

Новиковъ старался распространить въ русскомъ обществѣ охоту къ чтенію множествомъ книгъ; Карамзинъ дѣлалъ то же самое, но уже *заманчивостью* сочиненій. Удивительно ли, что онъ болѣе Новикова успѣлъ въ своемъ дѣлѣ? Онъ создалъ въ Россіи многочисленный, въ сравненіи съ прежнимъ, классъ читателей, создалъ, можно сказать, нѣчто въ родѣ публики, потому что образованный имъ классъ читателей получилъ уже извѣстное направленіе, извѣстный вкусъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе отличался характеромъ единства. До Карамзина этого не было на Руси. Его читатели относились къ прежнимъ, какъ относятся люди съ гастрономическими замашками къ людямъ, которые безъ разбору ѣдятъ все, что ни поставятъ передъ ними, ни чѣмъ особенно не услаждаясь, ни чѣмъ не оскорбляясь. Это былъ безмѣрный шагъ впередъ. Повѣсти Карамзина, извлекая столько слезъ изъ очей его пѣжныхъ читательницъ и столько вздоховъ изъ груди его чувствительныхъ читателей, нисколько не были произведеніями поэзіи, какъ искусства, какъ творчества; но тѣмъ не менѣе онѣ были для своего времени прекрасными беллетристическими произведеніями человѣка съ большимъ дарованіемъ. Самая сантиментальность направленія вообще всего написаннаго Карамзинымъ, имѣетъ свое великое достоинство: она была необходима, какъ для своего времени была необходима схоластическая напыщенность Ломоносова. Это было новою ступенью, новымъ шагомъ впередъ начавшей развиваться литературы. До Карамзина у насъ были періодическія изданія, но не было ни одного журнала: онъ первый далъ намъ его. Его *Московский Журналъ* и *Вѣстникъ Европы* были для своего времени явленіемъ удивительнымъ и огромнымъ, особенно если сравнить ихъ не только съ бывшими до нихъ, но и съ бывшими послѣ нихъ на Руси журналами, до самаго *Московского Телеграфа*... Какое разнообразіе, какая свѣжесть, какой тактъ въ выборѣ статей, какое умное, живое

передаваніе политическихъ новостей, столь интересныхъ въ то время! Какая, по тому времени, умная и ловкая критика!

Къ чему ни обратитесь въ нашей литературѣ,—всему начало положено Карамзинымъ: журналистикѣ, критикѣ, повѣсти-роману, повѣсти исторической, публицизму, изученію исторіи. Мы не говоримъ уже о его стихотворствѣ, имѣвшемъ большую цѣну для своего времени; ни о его *Исторіи Государства Россійскаго*, положившей начало дѣльному, ученому изученію русской исторіи и давшей для этого возможность. Въ *Исторіи Государства Россійскаго* — весь Карамзинъ, со всею огромностію оказанныхъ имъ Россіи услугъ и со всею несостоятельностью на безусловное достоинство въ будущемъ своихъ твореній. Причина этого—повторяемъ—заключается въ родѣ и характерѣ его литературной дѣятельности. Если онъ былъ великъ, то не какъ художникъ-поэтъ, не какъ мыслитель-писатель, а какъ практическій дѣятель, призванный проложить дорогу среди непроходимыхъ дебрей, расчистить арену для будущихъ дѣятелей, приготовить матеріалы, чтобы гениальные писатели въ разныхъ родахъ не были остановлены на ходу своимъ необходимою предварительныхъ работъ. Державинъ былъ гениальный поэтъ по своей натурѣ, но если онъ не явился такимъ же по своимъ твореніямъ,—это потому именно, что прежде него былъ только Ломоносовъ, а не Карамзинъ,—тогда какъ для Пушкина было большимъ счастьемъ явиться уже на закатѣ дней Карамзина... Это вполне опредѣляетъ нашу мысль о сущности дѣятельности и заслугъ Карамзина. Онъ, сказали мы, создалъ на Руси если еще не публику, то возможность публики, нѣчто въ родѣ публики: подвигъ великій, но для котораго требовался не геній, обыкновенно устремляющій всѣ силы свои въ одну сторону, на одинъ предметъ, а энциклопедическій, разнообразный талантъ.

Сильно было движеніе, сообщенное нашей литературѣ Карамзинымъ. И оно принесло свои плоды. При полномъ владычествѣ и очарованіи имени Карамзина, тихо и незамѣтно возникало то новое, которое должно было смѣнить собою Карамзинскую эпоху. Но новый духъ не сознавалъ своихъ правъ и охотно подчинялся вліянію Карамзина. Крыловъ считался не больше, какъ замѣчательнымъ *послѣ Дмитріева* баснописцемъ, и дѣйствительно, самобытность его таланта проявлялась только изрѣдка; но большею частію онъ или подражалъ въ своихъ басняхъ Лафонтену, или морализировалъ въ нихъ въ пользу и назиданіе дѣтей. Жуковского, пересадившаго романтизмъ на почву русской литературы, всѣ похваляли, но немногіе подо-

зрѣвали его истинное значеніе. Батюшковъ, основатель пластически-художественнаго элемента въ русской поэзіи, восхищалъ своихъ современниковъ совсѣмъ не тѣмъ, что составляло величайшее достоинство его музы, родственной музѣ эллинской. Всѣ эти люди смотрѣли на Карамзина, какъ на своего учителя и хорега; всѣ они находились подъ вліяніемъ его идей. Очевидно, что это была школа или, лучше сказать, это были школы новыя, но переходныя, и потому нерѣшительныя, изъ которыхъ ни одна не была въ силахъ стоять во главѣ движенія и руководить имъ. Все какъ будто колебалось между прошедшимъ и будущимъ, и только ждало человѣка, который сдѣлалъ бы рѣшительный шагъ. И этотъ человѣкъ не замедлилъ явиться: то былъ Пушкинъ... Съ нимъ явилась новая школа поэзіи, не совсѣмъ удачно провозглашенная „романтической“...

Съ Пушкинымъ почти исчезли изъ русской поэзіи всѣ слѣды карамзинскаго направленія. Новое время и новое положеніе вещей дали поэту той эпохи другое направленіе. Но онъ былъ силенъ не столько силою времени, сколько своею глубоко-художественною натурою: вотъ что съ перваго же шагу эманципировало его отъ вліянія Карамзина. Первоначальному направленію своему онъ измѣнилъ впоследствии, именно потому, что источникъ его скрывался въ современности, а не въ натурѣ его. Какъ человѣкъ, Пушкинъ отразилъ на себѣ всю неопредѣленность и шаткость направленій и убѣжденій своего времени, и въ умѣ его какъ-то странно уживались вмѣстѣ тенденціи поэта и помѣщика, человѣка и дворянина, мѣщанина и аристократа. Какъ поэтъ, Пушкинъ противорѣчилъ себѣ какъ человѣку, по крайней мѣрѣ, вездѣ, гдѣ былъ онъ вѣренъ своей артистической натурѣ, гдѣ онъ былъ преимущественно художникомъ. Повторяемъ: сила его всегда была въ его художественной натурѣ. Становясь человѣкомъ (лицомъ частнымъ—*particulier*), онъ суетѣрно благоговѣлъ передъ карамзинскими идеями; становясь поэтомъ, онъ опережалъ ихъ на цѣлые вѣка...

Пушкинъ былъ главою поэтического движенія. Но времена перемѣнились: если уже беллетристъ-публицистъ не могъ быть главою литературной эпохи, то и одинъ поэтъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, уже не могъ удовлетворить собою всѣмъ требованіямъ эпохи. До какой степени эта эпоха рѣзко отдѣлилась отъ предшествовавшей, можно видѣть изъ обстоятельствъ появленія Пушкина на литературное поприще. Прежде всѣ поэты принимались безусловно, и каждому, кому только ни захотѣлось бы въ поэтическіе боги, готово было почетное мѣсто въ капищѣ поэзіи. Когда явился Карамзинъ, ограни-

ченый кругъ тогдашнихъ читателей почти съ равнымъ восторгомъ произносилъ имена Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина. Самъ Карамзинъ высоко поставилъ Богдановича. Первые опыты Карамзина приняты были всѣми съ восхищеніемъ. Появленіе Жуковского и Батюшкова не возбудило никакого ропота. И только нѣкоторыя сомнѣнія въ безусловномъ достоинствѣ Сумарокова и Хераскова, обнаруженные Мерзляковымъ (1815 года), да юношески-рьяная нападка на Хераскова со стороны студента Строева ¹⁾ нѣсколько нарушили аркадскую безмятежность, съ которою весь пишущій людъ пользовался заслуженною и незаслуженною славою. Явившись на поприще литературной дѣятельности, Карамзинъ принялъ всѣ авторитеты; по крайней мѣрѣ, не считалъ нужнымъ возставать противъ тѣхъ, которыхъ не признавалъ тайнѣ. Самъ онъ былъ вполне главою литературной эпохи, и изъ новыхъ писателей только Дмитріеву уступалъ пальму первенства въ стихотворствѣ. Во всемъ прочемъ онъ безусловно первенствовалъ въ литературѣ и былъ въ ней не только первымъ литераторомъ, но и первымъ поэтомъ, какъ нувеллистъ-романистъ. И это первенство было безусловно признано всѣми. Нападки на Карамзина славянофиловъ того времени, подъ предводительствомъ Шишкова, касались одного языка и были при томъ слишкомъ ничтожны сами по себѣ, потому что на сторонѣ пуристовъ были только книжники, а на сторонѣ Карамзина вся публика. Не такъ былъ принятъ Пушкинъ. Онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы тотчасъ же быть понятымъ и оцѣненнымъ всѣми. И потому его встрѣтили съ одной стороны восторженные клики молодого поколѣнія, а съ другой—ожесточенная брань теоретиковъ и людей привычки, для которыхъ хорошо все старое и дурно все новое. При томъ же, хотя поэзія Пушкина, въ смыслѣ историческаго развитія, и была, такъ сказать, результатомъ поэтическихъ усилій всѣхъ прежде него бывшихъ поэтовъ, отъ Ломоносова до Жуковского и Батюшкова,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, она была и ихъ отрицаніемъ. По крайней мѣрѣ, такъ могло казаться съ перваго взгляда. Тогда естественно многимъ могла придти въ голову такая дилемма: „Если сочиненія Пушкина, писанныя вопреки всѣмъ правиламъ, извлеченнымъ изъ твореній великихъ гениевъ и утвержденныхъ вѣками, если они—истинныя поэтическія произведенія,—

то произведенія нашихъ великихъ поэтовъ (Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина, Богдановича), писанныя по вѣковымъ правиламъ, уже не истинныя поэтическія творенія“. Это ихъ по инстинкту рѣшило не признавать въ Пушкинѣ поэта, или по крайней мѣрѣ видѣть въ немъ не болѣе, какъ обыкновенный талантъ, способный писать только безъ правилъ. Съ своей стороны, восторженные почитатели Пушкина естественнымъ образомъ доходили до такой же несправедливости въ отношеніи къ его предшественникамъ на поэтическомъ поприщѣ. Такъ всегда раздѣляетъ людей на двѣ крайнія стороны всякая рѣзкая реформа. Тогда литература стала вопросомъ, съ которымъ незамѣтно слились многіе вопросы о жизни. Вопросъ долженъ былъ родить живые споры, упорныя битвы за мнѣнія, ареною которыхъ должна была сдѣлаться журналистика.

Теперь понятна роль Полевого въ нашей литературѣ. Она условливалась обстоятельствами. По роду своихъ способностей Полевой имѣлъ большое сходство съ Карамзинымъ: его доставало на все—на повѣсть, на романъ, на драму, на стихи, на исторію. Но играть первую роль въ литературѣ для него было уже невозможно, потому что тогда былъ Пушкинъ, а при истинномъ великомъ поэтѣ нельзя играть роль поэта человѣку, не рожденному поэтомъ. Сверхъ того, Полевой въ вопросѣ о поэзіи находился подъ вліяніемъ Пушкина, какъ живой практики всѣхъ теорій о поэзіи; но Пушкинъ въ этомъ отношеніи ни съ какой стороны не могъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ, потому что самъ могъ черпать идеи изъ того же источника, который служилъ всякому журналисту: т.-е. изъ личнаго знакомства съ иностранными литературами. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своей эпохи, и ужъ, конечно, не изъ русскихъ журналистовъ могъ учиться и слѣдить за ходомъ европейскаго развитія.

Но несмотря на это, Полевому предстояла роль дѣятельная и блестящая, вполне сообразная съ его натурою и способностями. Онъ былъ рожденъ на то, чтобы быть журналистомъ, и былъ имъ по призванію, а не по случаю. Чтобы оцѣнить его журнальную дѣятельность и ея огромное вліяніе на русскую литературу, необходимо взглянуть на состояніе, въ которомъ находилась тогда литература и особенно журналистика. Первые опыты Пушкина огласились по всей Россіи, проникли во всѣ ея захолустья, въ которыя дотолѣ проникали только буквари и сонники. Масса читателей увеличилась, чрезъ это, по крайней мѣрѣ вдесятеро, и стала походить на публику. Вездѣ чувствовалась потребность въ опредѣленномъ вкусѣ, слѣдовательно, и

¹⁾ Теперь почтеннаго археолога. Въ 1815 году онъ издавалъ журналъ: *Современный наблюдатель россійской словесности*, въ которомъ отъ него порядкомъ и дѣльно досталось *Россіадѣ* и *Владиміру* къ величайшему соблазну литературныхъ старовѣровъ.

Прим. Бѣлинскаго.

въ теоріи. А этого-то тогда и не было. Всѣ авторитеты стояли на неприступной высотѣ; Сумарокова считали великимъ писателемъ, между Ломоносовымъ и Державинымъ не видѣли никакой разницы; басни Крылова считались ниже басенъ Дмитріева. Великихъ писателей было безъ счету, и о нихъ позволялось говорить однѣ только похвальные фразы, которыя давно уже обратились въ общія мѣста. Литературные нравы вполне соответствовали такимъ литературнымъ понятіямъ. Молодой человѣкъ, желавшій попасть въ писатели, долженъ былъ прежде всего найти себѣ мецената или между знаменитыми писателями, или между знаменитыми покровителями литературы, затѣмъ долженъ былъ добиться лестной чести попасть на литературные вечера своего мецената. Тамъ предстоялъ ему долгій искусь: прежде всего онъ обязанъ былъ „не смѣть свое сужденіе имѣть“; его дѣло было слушать умныя рѣчи опытныхъ людей молча или словесно во всемъ соглашаться съ ними. Только современемъ, уже пріобрѣтя лестную репутацію грибоѣдовскаго Молчалина, могъ онъ дерзнуть просить позволенія прочесть свое первое произведеніе. Прочтя его, онъ выслушивалъ критику и совѣты, обязанъ былъ перемѣнять, переправлять и передѣлывать каждую строку, каждое слово, которое не одобрялось кѣмъ-либо изъ опытныхъ и почетныхъ знатоковъ словесности. Сто разъ передѣланное и переправленное его дѣтище поступало наконецъ въ печать. Еще лѣтъ десятокъ—и литература русская обогащалась, въ лицѣ этого новіціанта, или писателемъ съ талантомъ, но уже безъ всякой самостоятельности, или дюжиннымъ писакою. Во всякомъ случаѣ, онъ поступалъ тогда, съ благословенія своихъ меценатовъ, въ число опытныхъ и знаменитыхъ писателей,—и всѣ вѣрили, что онъ—большой писатель, потому что за него ручались не его сочиненія, а такіе знаменитые авторитеты. Затѣмъ онъ самъ попадалъ въ авторитеты и меценаты, и въ отношеніи къ другимъ игралъ такую же курьезную роль, какую играли въ отношеніи къ нему знаменитости, которыя „вывели его въ люди“. Теперь это невѣроятно, а тогда было такъ!

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Всякое независимое, самобытное мнѣніе, всякій свѣжій голосъ, все, что не отзывалось рутиною, преданіемъ, авторитетомъ, общимъ мѣстомъ, ходячею фразою,—все это считалось ересью, дерзостью, чуть не буйствомъ...

А журналы тогдашніе?.. *Вѣстникъ Европы*, вышедши изъ-подъ редакціи Карамзина, только подъ кратковременнымъ завѣ-

дваніемъ Жуковскаго напоминалъ о своемъ прежнемъ достоинствѣ. Затѣмъ, онъ становился все суше, скучнѣе и пустѣе, наконецъ, сдѣлался просто сборникомъ статей, безъ направленія, безъ мысли, и потерялъ совершенно свой журнальный характеръ. Конечно, всегда, даже въ самые худшіе годы свои, былъ онъ лучше всѣхъ журналовъ, существовавшихъ въ Россіи до *Московскаго Журнала*, издававшагося Карамзинымъ въ 1791 и 1792 годахъ. И не диво: благодаря Карамзину, ему и не было возможно быть хуже ихъ; но онъ долженъ былъ бы считать своею обязанностію быть лучше даже карамзинскаго *Вѣстника Европы*, потому что съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ оставилъ его (съ 1804 года), много прошло времени, и отъ издателя уже не требовалось таланта Карамзина, чтобы возвысить и улучшить начатый имъ журналъ. Но вышло не такъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ *Вѣстникъ Европы* былъ идеаломъ мертвенности, сухости, скуки и какой-то старческой заплѣсневѣлости. О другихъ журналахъ не стоитъ и говорить: иные изъ нихъ были, сравнительно, лучше *Вѣстника Европы*, но не какъ журналы съ мнѣніемъ и направленіемъ, а только какъ сборники разныхъ статей. *Сынъ Отечества* даже принималъ на свои, до крайности сѣрые и жесткіе, листки стихотворенія Пушкина, Баратынскаго и другихъ поэтовъ новой тогда школы, даже открыто взялъ на себя обязанность защищать эту школу; но тѣмъ не менѣе самъ онъ представлялъ собою смѣсь стараго съ новымъ и отсутствіе всякихъ началъ, всего, что похоже на неопредѣленное и ни въ чемъ не противорѣчащее себѣ мнѣніе. Какъ судилъ и рядилъ *Сынъ Отечества* объ искусствѣ даже въ послѣдствіи, можно видѣть изъ его опредѣленія *романтизма*, который, по его мнѣнію, начался съ Байрона и отличается отъ классицизма тѣмъ, что начинается съ половины или даже съ конца дѣла.¹⁾

Вообще должно замѣтить, что война за такъ называемый романтизмъ противъ такъ называемаго классицизма была начата не Полевымъ. Романтическое броженіе было общимъ между молодежью того времени. Острыя и бойкія полемическія статейки Марлинскаго противъ литературныхъ старовѣровъ, печатавшіяся въ *Сынъ Отечества*, и его же такъ называемые обзоры русской словесности, печатавшіеся въ извѣстномъ тогда альманахѣ²⁾: трехмѣсячный сборникъ *Мнемозина*,—все это выразило собою совершенно новое направленіе литературы, котораго органомъ былъ *Телеграфъ*, и все это нѣсколькими

¹⁾ Знаменитое опредѣленіе романтизма Булгаринымъ.

²⁾ „Полярная Звѣзда“.

годами упредило появленіе *Телеграфа*. Слѣдовательно, Полевой не былъ ни первымъ, ни единственнымъ представителемъ новаго направленія русской литературы, какъ Карамзинъ былъ въ свое время первымъ и почти единственнымъ представителемъ новаго направленія, почти имъ же однимъ и произведеннаго, потому что подлѣ его имени въ этомъ дѣлѣ можно вспомнить только два другихъ имени—Макарова и Дмитріева. Но это нисколько не уменьшаетъ заслуги Полевого: мы увидимъ, что онъ сѣумѣлъ на своемъ пути стать выше всѣхъ соперничествъ и даже восторжествовать въ борьбѣ противъ всѣхъ враждебныхъ соревнованій...

Романтизмъ—вотъ слово, которое было написано на знамени этого смѣлаго, неутомимаго и даровитаго бойца,—слово, которое отстаивалъ онъ даже и тогда, когда потеряло оно свое прежнее значеніе и когда уже не было противъ кого отстаивать его!.. Что же такое этотъ „романтизмъ“, который наполнялъ собою цѣлую литературную эпоху, за который было столько чернильныхъ войнъ, столько полемическихъ битвъ на жизнь и на смерть? Когда мы впервые услышали это слово, въ европейскихъ литературахъ уже давно кипѣли страшныя войны за него. Но не вездѣ онъ имѣлъ одинаковое значеніе. Первое движеніе въ его пользу обнаружилось въ Германіи, какъ реакція вліянію французской литературы, какъ протестъ въ пользу нѣмецкой національности въ литературѣ. Въ своей настоящей, современной дѣйствительности Германія не видѣла, по извѣстнымъ причинамъ, никакихъ національныхъ элементовъ и обратилась къ своему прошедшему, къ своимъ среднимъ вѣкамъ, къ рыцарскимъ замкамъ, съ ихъ башнями и подъемными мостами, съ ихъ поэтическимъ варварствомъ и романтическою дикостію ихъ нравовъ. Гёте и Шиллеръ не были вполнѣ представителями этого романтическаго движенія, но заплатили ему не малую дань, особенно послѣдній. Потомъ нѣмецкій романтизмъ началъ принимать новое направленіе, какъ реакція сухой и обнаженной простоты протестантизма, какъ усиліе въ пользу мистицизма среднихъ вѣковъ и противъ философскаго рационализма. Жаркими поборниками этого направленія явились братья Шлегели. Думая найти всякую опору своимъ теоріямъ въ посредственномъ, но зато ультра-романтическомъ поэтѣ Тикѣ, они провозгласили его великимъ поэтомъ, имѣли жалкую смѣлость противопоставлять его Гёте. Теперь эта затѣя не больше, какъ воспоминаніе: романтизмъ, на время искусно воскрешенный, давно уже вновь опочилъ сномъ непробуднымъ, Шлегелей нѣтъ, а Тикю удивляется только рѣдѣющая толпа стариковъ, скудно вознаграждая его

этимъ удивленіемъ за насмѣшки и презрѣніе молодыхъ поколѣній... Въ Англіи романтизмъ былъ освобожденіемъ отъ вліянія французскаго классицизма, принятаго школой Поппе, Аддисона и Драйдена. Байронъ и не думалъ быть романтикомъ въ смыслѣ поборника среднихъ вѣковъ: онъ смотрѣлъ не назадъ, а впередъ. Романтизмъ во Франціи сперва былъ реакціею революціонному рационализму, и явился въ ней съ Шатобріаномъ, этимъ рыцаремъ реставраціи. Потомъ французскій романтизмъ превратился въ простой, чисто литературный вопросъ о свободѣ поэтическихъ формъ, до уродливости сжатыхъ и искаженныхъ прежнимъ классицизмомъ. Въ сущности, дѣло тутъ шло о томъ, которая школа натуральнѣе—Расина или Шекспира, и можно ли въ трагедіи вводить лица низшихъ сословій и патетическое мѣшать съ комическимъ. Представителемъ этого романтическаго движенія во Франціи былъ Викторъ Гюго, поэтъ даровитый, но отнюдь не геніальный, болѣе богатый воображеніемъ, нежели тактомъ истины. По чувству противорѣчія, онъ дошелъ до величайшихъ нелѣпостей: вмѣсто того, чтобы отрипнуть въ прежней псевдо-классической школѣ одиѣ ея крайности, онъ почелъ за нужное идти ей наперекоръ даже и въ томъ, что составляло ея истинное и высокое достоинство, что дѣлало ее глубоко національною: чувство мѣры и постоянное присутствіе того, что французы называютъ *le bon sens*. Онъ дошелъ до того, что гордо объявилъ чудовищное прекраснымъ: *le laid, c'est le beau*... Подчиняясь нѣмецкому вліянію, онъ ринулся въ средніе вѣка, но вынесъ оттуда только одни нелѣпыя преувеличенія. Гюго имѣлъ свою минуту торжества, но давно уже во Франціи и онъ и романтизмъ не больше, какъ преданіе... Свобода формы выиграна и утверждена, и теперь никто не держится тамъ условныхъ и стѣснительныхъ формъ псевдо-классицизма, но за это никого уже не называютъ тамъ „романтикомъ“.

Само собою разумѣется, что у насъ романтизмъ не могъ имѣть никакого соотношенія ни съ католицизмомъ, ни съ средними вѣками. Онъ могъ бы еще быть стремленіемъ къ лирической, субъективной настроенности въ поэзіи, усиліемъ сдѣлать поэзію выраженіемъ преимущественно внутреннихъ тайнъ сердца, мистики человѣческой личности, потому что такое направленіе поэзіи есть дѣйствительно романтическое. Но Жуковский уже ввелъ въ нашу поэзію этотъ романтизмъ гораздо прежде, нежели слово „романтизмъ“ сдѣлалось извѣстнымъ въ нашей литературѣ. И однакожъ Жуковскаго ни тогда, ни послѣ никто не называлъ романтикомъ: это названіе было утверждено общимъ голосомъ за

Пушкинымъ, который и по своей натурѣ, и по характеру своей поэзіи несравненно меньше Жуковского былъ романтикомъ. За что же прослылъ онъ такимъ ультра-романтикомъ?— За то, что откинулъ, въ своихъ произведеніяхъ, всѣ старыя формы и началъ писать элегіи и поэмы. Изъ этого ясно видно, что нашъ романтизмъ никогда не былъ ничѣмъ другимъ, какъ реакціею стѣснительнымъ и условнымъ формамъ, занятымъ нашею литературою у французской литературы. Новѣйшій классицизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ усиленіемъ поддѣлываться подъ формы древнихъ литературъ, греческой и латинской, произведенія которой были признаны *классическими*, т.-е. образцовыми, такими, которые могли читаться въ училищахъ, въ *класскахъ*, какъ непогрѣшительные образцы, достойные подражанія. Потомъ дошли до убѣжденія, что писать хорошо можно не иначе, какъ рабски подражая древнимъ. Разумѣется, подражать древнимъ можно было только въ формѣ, а не въ духѣ, но и это не могло не вредить добровольнымъ подражателямъ, потому что это значило новый духъ заковычивать въ старыя и чуждыя ему формы. Такъ и было во Франціи. Но французскіе писатели, подражая древнимъ, на зло самимъ себѣ и безъ собственнаго вѣдома, оставались вѣрными своему національному духу, тогда какъ ихъ подражатели, думая быть Греками и Римлянами, были ровно ничѣмъ. Объ уравниженіи природы и духа, выражавшемся въ пластически-прекрасной формѣ, никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, а всѣ твердили только о знаменитомъ тріединствѣ, плохо понятомъ изъ Аристотеля. Толковали, правда, и тогда, что въ классическомъ искусствѣ форма преобладаетъ надъ идеею, а въ романтическомъ, наоборотъ — идея надъ формою. Но это, во-первыхъ, не совсѣмъ было вѣрно въ отношеніи къ древнему искусству, потому что въ немъ видно было примиреніе духа съ природою, уравниженіе идеи съ формою, а не перевѣсъ формы надъ идеею. Равнымъ образомъ, не совсѣмъ вѣрно судили и о романтизмѣ, считая его представителями не только Шекспира, но и Байрона,—тогда какъ истинные представители романтизма были трубадуры и менестрели, а изъ извѣстныхъ поэтовъ развѣ только Петрарка и Дантъ, первый въ своихъ сонетахъ, исполненныхъ мечтательною идеальной любви, а второй въ своей чудовищной и тѣмъ не менѣе великой поэмѣ, исполненной католическихъ тенденцій и богословскихъ аллегорій, и такъ полно отразившей въ себѣ всю уродливо-величавую жизнь среднихъ вѣковъ. Новѣйшее искусство скорѣе должно стремиться подойти къ древнему, нежели къ романтическому, оставаясь въ

сущности ровно ни тѣмъ, ни другимъ. Все это теперь ясно, какъ день. Но тогда вопросъ былъ многосложенъ, и спорящія стороны не понимали ни себя, ни другъ друга. Какъ ни бросались въ философію, что ни твердили о внѣшнемъ и внутреннемъ, о формѣ и идеѣ, но главнымъ вопросомъ все-таки оставалось освобожденіе отъ условныхъ правилъ, безъ нужды стѣснявшихъ вдохновеніе и отдалявшихъ искусство отъ естественности, самобытности и народности ¹⁾.

Вопросъ стоить споровъ, дѣло стоило битвы. Теперь на этомъ полѣ все тихо и мертво, забыты и побѣжденные и побѣдители; но плоды побѣды остались, и литература навсегда освободилась отъ условныхъ и стѣснительныхъ правилъ, связывавшихъ вдохновеніе и стоявшихъ непреодолимою плотиною для самобытности и народности. И первымъ поборникомъ и пламеннымъ бойцомъ является въ этой битвѣ Полевой, какъ журналистъ, публицистъ, критикъ, литераторъ, беллетристъ.

Московский Телеграфъ былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, нигдѣ не учившійся, купецъ званіемъ, беретъ за изданіе журнала,—и его журналъ съ первой же книжки изумляетъ всѣхъ живостию, свѣжестію, новостію, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностію въ каждой строкѣ однажды принятому и рѣзко выразившемуся направленію. Такой журналъ не могъ бы не быть замѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ, но среди мертвой, вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки своей издавался онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ, съ тою постоянною заботливостію, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ могутъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіею и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственного движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостію, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиною. И

¹⁾ Ср. все это съ началомъ статьи № 18 (т. I. стр. 593—603).

это совершилъ Полевой! Боже мой! какъ взѣлись на него за эту мысль ученые невѣжды, безталанные литераторы, плохіе журналисты, закоснѣвшіе въ предразсудкахъ старики! И какъ усилилась эта буря негодованія и злобы умною, оригинальною, чуждою предразсудковъ критикою *Московского Телеграфа*, высказывавшаго свои мнѣнія прямо, не смотрѣвшаго ни на какіе авторитеты! И было изъ чего сердиться на этотъ журналъ: нѣтъ возможности пересчитать всѣ авторитеты, уничтоженные имъ! И сколько было тогда великихъ писателей, которые ничего путнаго не написали! Одинъ дубовыми стишищами переложилъ расиновскую трагедію; другой написалъ мадригалъ Лилетъ и тріолетъ Хлоѣ; третій—дюжину плаксивыхъ стишонковъ; четвертый—сентиментальную повѣсть; извѣстность пятого была основана на статьѣ, выкраденной изъ иностранной книги, а шестой просто выдалъ за свое сочиненіе забытый трудъ какого-нибудь стараго русскаго писателя. *Московский Телеграфъ* на все навелъ справки, все вспомнилъ, все вывелъ наружу... Многимъ сказалъ онъ, что ихъ сочиненія, въ свое время, могли имѣть свою относительную цѣнность, но что время ихъ прошло, и что теперь мальчики пишутъ лучше ихъ, заслуженныхъ и знаменитыхъ авторовъ. На все на это нужно было тогда много смѣлости; въ это время самое легкое замѣчаніе не въ пользу автора или сочиненія принималось за брань и ругательство и служило поводомъ ко множеству критикъ, антикритикъ, рекритикъ, отвѣтовъ, возраженій и проч. Считавшіе себя обиженными не забывали этого: а кому пріятно имѣть безчисленное множество враговъ, иногда просто изъ ничего? Да, для этого нужно было больше, чѣмъ смѣлость—нужно было самоотверженіе. Особенную ненависть навлекъ на себя Полевой со стороны ученаго люда, учившагося по старымъ книгамъ и не подозревавшаго, что могутъ быть новыя и лучшія. Тогда-то раздались ожесточенные вопли; да что онъ, да кто онъ, гдѣ онъ учился, гдѣ его аттестаты, какія его ученые званія? онъ купецъ, торгашъ, самоучка, всезнайка и т. п. Повѣрять ли, что многіе „ученые“ въ своихъ выходкахъ противъ Полевого не стыдились дѣлать намеки на его водочный заводъ—понятно, какъ сказалъ Пушкинъ, ужасное, какъ извѣстно, всему нашему дворянству!.. Вотъ что, напримѣръ было сказано, между прочимъ о Полевомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (1828 года, № 23, стр. 199): „Онъ прикидывается къ нимъ (къ поэтамъ) волчкомъ критики съ размаху, и опредѣляетъ мигомъ, сколько въ нихъ поэтическаго угара“...

Загляните въ современные *Московскому*

Телеграфу журналы,—и вы подумаете, что Полевой не умѣлъ иначе говорить, какъ страшными ругательствами, что журналъ его былъ складочнымъ мѣстомъ полемики дурного тона, брани, дерзостей, лжей. Но пересмотрите *Московский Телеграфъ* хоть за все время его существованія,—и вы увидите, что всегда въ жару самой запальчивой полемики онъ умѣлъ сохранять свое достоинство, уважать приличіе и хорошій тонъ, и что въ самыхъ любезностяхъ его противниковъ было больше грубости и плоскости, нежели въ его брани. Мы пишемъ не панегирикъ, не эклогу, а характеристику замѣчательнаго дѣятеля на поприщѣ русскаго литературы, и потому мы не скажемъ не только того, чтобы Полевой никогда не ошибался, но и того, чтобы онъ всегда былъ безпристрастенъ въ отношеніи къ своимъ противникамъ, всегда умѣлъ отдавать имъ должную справедливость. Нѣтъ, онъ былъ человѣкъ, и притомъ постоянно раздражаемый самыми возмутительными въ отношеніи къ нему несправедливостями, ошибался и бывалъ не правъ; но въ исторіи человѣческихъ дѣлъ вопросъ не въ томъ, кто былъ безупреченъ и непогрѣшителенъ, а въ томъ, кто болѣе другихъ, относительно, по возможности, былъ справедливъ, или у кого сумма добраго стремленія и добрыхъ дѣлъ если не перевѣшиваетъ недостатковъ и слабостей, то искупляетъ ихъ... И въ этомъ отношеніи издатель *Московского Телеграфа* смѣло могъ бы рассказать всему свѣту исторію своихъ отношеній къ противникамъ, не скрывая своихъ промаховъ и ошибокъ, смѣло могъ бы одинъ противостать цѣлой ихъ фалангѣ... Наведя справки, не трудно убѣдиться, что полемики въ *Московскомъ Телеграфѣ* было немного, по крайней мѣрѣ меньше, нежели въ каждомъ изъ современныхъ ему журналовъ, не говоря уже о томъ, что его полемическія статьи всегда были умны, дѣльны, остроумны, ловки и приличны. И потому причину общаго ожесточенія противъ этого журнала должно искать не столько въ полемическихъ статьяхъ, сколько въ его критикѣ и библіографіи, гдѣ правда высказывалась столько же прямо, сколько и прилично, отчего и кусалась больнѣе. До *Телеграфа* въ нашей журналистикѣ уклончивый тонъ принимали за одно съ вѣжливымъ; старались какъ можно меньше говорить о писателяхъ и сочиненіяхъ, а если говорили, то съ тѣмъ, чтобы хвалить общими избитыми фразами. Полевой показалъ первый, что литература—не игра въ фанты, не дѣтская забава, что исканіе истины есть ея главный предметъ, и что истина—не такая бездѣлица, которою можно было бы жертвовать условнымъ приличіямъ и пріязненнымъ отноше-

ніямъ. Изъявить публично такой образъ мыслей въ то время значило сдѣлать страшную дерзость и высказать себя человѣкомъ „безпокойнымъ“, т.-е. хуже, чѣмъ безнравственнымъ. Многіе раздѣляютъ людей въ нравственномъ отношеніи на благонамѣренныхъ и безпокойныхъ: первые не мѣшаютъ другимъ обдѣлывать свои дѣлишки, каковы бы они ни были, лишь бы только и имъ никто не мѣшалъ втихомолочку заниматься тѣмъ же самымъ; вторые никакъ не могутъ вытерпѣть, чтобы не заговорить громко, узнавши, что ихъ сосѣдъ, посредствомъ справокъ и отношеній, пустилъ по міру цѣлое семейство, или,

Когда весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой—

А смотришь помаленьку,
То домикъ выстроить, то купить деревеньку.

И въ литературномъ мірѣ даже и теперь „благонамѣренныхъ“ несравненно больше, нежели „безпокойныхъ“, а въ то время, то есть до *Телеграфа*, послѣднихъ почти вовсе не было. И потому очень естественно, что этотъ журналъ многимъ казался чудовищнымъ явленіемъ именно потому, что здравый смыслъ, образованный вкусъ и истину ставилъ выше людей и ради нихъ не щадилъ авторскихъ самолюбій. Теперь съ трудомъ можно повѣрить, чтобы когда-нибудь могло быть такимъ образомъ и до такой степени: и это опять заслуга Полевого, и заслуга великая!

Это обстоятельство опять указываетъ на рѣзкое различіе роли Полевого отъ роли Карамзина на одномъ и томъ же, впрочемъ, поприщѣ. Карамзинъ не былъ связанъ прошедшимъ, и ему не съ чѣмъ было бороться, почему онъ и не оскорбилъ ничьего самолюбія, не возбудилъ ничьей вражды къ себѣ, кромѣ завистниковъ, блѣдный рой которыхъ скоро долженъ былъ исчезнуть при быстрыхъ успѣхахъ его славы и при общей любви къ нему большинства образованнаго общества. Обстоятельства, положеніе литературы дали Полевому роль бойца. Онъ не столько утверждалъ, сколько отрицалъ, не столько доказывалъ, сколько оспаривалъ. Кромѣ того, во время Карамзина было не до идей и вопросовъ, первыхъ никто не спрашивалъ, вторыхъ не было, общество было для нихъ еще слишкомъ молодо, неразвито и безсознательно. Спорили о фразахъ, хлопотали о правильности и чистотѣ языка, и всѣ вопросы заключались въ стилистикѣ. Во всемъ остальномъ дѣло шло о томъ, чтобы педантическую школьную литературу сдѣлать свѣтскою, общественною и общительною, равно привлекательною и для кабинетнаго труженика, и для дѣловаго человѣка, и для свѣт-

скаго щеголя и свѣтской дамы. И Карамзинъ это сдѣлалъ не теоріями, не спорами, а образчиками сочиненій, которыхъ требовалъ духъ времени. Онъ былъ знакомъ хорошо и съ французскою, и съ нѣмецкою, и съ англійскою литературами, но ихъ вліяніе на него было больше внѣшнее, нежели внутреннее. Идеи XVIII вѣка не волновали его, по крайней мѣрѣ, этого незамѣтно въ его сочиненіяхъ. Фонвизинъ, предшественникъ Карамзина, гораздо больше его былъ сыномъ своего вѣка. Карамзинъ занялъ у XVIII вѣка только сантиментальное направленіе и обожаніе природы, которую называлъ онъ *Натурою*, тоже сантиментальное, но не пантеистическое; о любви и всѣхъ сердечныхъ склонностяхъ говорилъ онъ какъ будто съ голоса Руссо, но въ сущности смотрѣлъ на нихъ не больше, какъ на извинительныя слабости человѣческаго естества. Вотъ все, чѣмъ ограничилось вліяніе на него вѣка. Но чрезъ двадцать пять лѣтъ явились уже другія потребности, явилось стремленіе къ сознанію, къ изслѣдованію, къ анализу. Захотѣли узнать, что такое Шекспиръ и Байронъ, Данте и Сервантесъ, Гёте и Шиллеръ, что такое Востокъ и классическая древность, что такое философія, политическая экономія и т. д., и все это свели на вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ, или, по крайней мѣрѣ, кстати и некстати все это привязали къ нему.

Всѣ новыя идеи, возникшія въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка, смутно доходили до русской любознательности и смутно отражались въ ней. Это было время, когда хотѣли ломать и строить, но на половинѣ ломки останавливались, чтобы сдѣлать новую надстройку, а на половинѣ стройки останавливались, чтобы кончить по старому. Это была эпоха чисто переходная. И *Телеграфъ*, вѣрный своему названію, былъ полнымъ представителемъ этой эпохи. Въ немъ было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности, онъ неуспѣшно слѣдилъ за всѣми движеніями умственного развитія въ Европѣ и тотчасъ же передавалъ ихъ такъ, какъ они отражались въ его понятіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ все въ немъ было неопредѣленно, часто смутно, а иногда и противорѣчиво. Это давало полную возможность придираться къ нему людямъ, стоявшимъ внѣ умственного движенія своей эпохи. И они не шутя считали себя неизмѣримо выше Полевого, и съ важностію ловили и высчитывали его обмолвки, промахи, ошибки, не понимая, что ихъ преимущество надъ нимъ состояло только въ томъ, что они спали, а онъ жилъ и дѣйствовалъ: кто спитъ, тотъ, разумеется, не грѣшитъ, особенно если спитъ такъ крѣпко, что и во снѣ ничего не ви-

доть... Они гордо величали его то самоучкою, то недоучкою, и на основаніи его ошибокъ (а часто и того, что только имъ казалось ошибками, то-есть чего они не въ состояніи были понять) доказывали, что онъ невѣжда и шарлатанъ. Правда, онъ учился самоучкой, и то, что другимъ давалось безъ труда, досталось ему страшными усиліями; но если этотъ путь къ знанію не могъ не повредить Полевому, болѣе или менѣе разладивши его съ систематичностію и методою, зато и принесъ ему большую пользу: спасъ его отъ школьныхъ предразсудковъ, отъ педантизма и образовалъ изъ него публициста, которому нужно имѣть дѣло не съ аудиторіею, а съ обществомъ. Его все интересовало, ко всему влекло, и онъ учился съ жаромъ, съ упорствомъ, съ настойчивостію; но этотъ энциклопедизмъ, эта жажда всезнанія, при житейскихъ заботахъ, при изданіи журнала, естественно, не допускала его углубиться въ какой-нибудь исключительный предметъ, сдѣлаться ученымъ. Неопредѣленность идей (свойство той эпохи) и поверхностность многосторонняго знанія (результатъ энциклопедическаго направленія и самообразования) отзывались во многомъ, что писалъ онъ, особенно въ его философскихъ воззрѣніяхъ; но онъ равно былъ чуждъ и невѣжества и шарлатанства, въ которыхъ его обвиняли противники. Натура живая и воспріимчивая, онъ страстно увлекался всѣми современными идеями, и его можно было обвинять только въ томъ, что онъ часто понималъ ихъ по-своему, но не въ томъ, чтобы онъ говорилъ о нихъ, не понимая ихъ. Журналистъ и беллетристъ по призванію, человекъ практической по своей природѣ, онъ всегда былъ ясенъ и опредѣленъ, когда не бросался въ теорію, но говорилъ просто, какъ человекъ со вкусомъ, съ здравымъ смысломъ и съ образованіемъ. Нѣмецкая философія сильно занимала его умъ, но онъ знакомился съ ея идеями не изъ прямого источника, недоступнаго для дилетантовъ и любителей философіи, а изъ популярныя лекцій Кузена,—и его главная ошибка тутъ состояла въ томъ, что этого беллетриста философіи онъ принялъ за главу философическаго движенія, будто бы, скончавшагося въ Германіи съ Шеллингомъ. Даже и въ этомъ отношеніи, можетъ быть, составляющемъ самую слабую сторону образованія Полевого, нельзя не удивляться его тревожной любознательности, за все хватавшейся, ко всему стремившейся, ничего не оставившей безъ вниманія. вмѣстѣ съ нимъ много вышло на литературную арену людей, основательно учившихся и потомъ называвшихъ себя „учеными“; всѣ они были противъ него одного; но что же сдѣлали они, или что они дѣ-

лаютъ теперь?... Гдѣ свершеніе тѣхъ надеждъ, которыя они подавали?... Черезъ два года послѣ *Московскаго Телеграфа* явился *Московский Вѣстникъ*, за нимъ *Атеней* и *Галатея*, даже дряхлый *Вѣстникъ Европы* оживился, ударился въ ожесточенную полемику, схватился за „теорію“ и даже философію, потомъ всѣ они соединились въ *Телескопъ*, чтобы сильнѣе ударить на своего общаго врага; но они могли только поднять его своими нападками, ничего не сдѣлавши ни для себя, ни для публики...

Сначала въ *Телеграфѣ* принимали участіе, хотя и небольшое, даже Жуковский и Пушкинъ, и весьма значительное участіе принималъ въ немъ князь Вяземскій. Но вскорѣ участь этого журнала стала зависѣть только отъ дѣятельности и таланта его издателя постоянно вспомооществуемаго только своимъ братомъ К. А. Полевымъ; но журналъ отъ этого не упалъ, а годъ отъ году становился лучше. Этого мало: его не уронили даже двѣ важныя ошибки его издателя. Первая изъ нихъ была—примиреніе съ однимъ петербургскимъ журналомъ и одною петербургскою газетою ¹⁾ послѣ продолжительной и постоянной войны съ ними. Такъ какъ эта война дѣлала особенную честь *Телеграфу* то примиреніе не могло не окомпрометтировать его. Эта важная ошибка была слѣдствіемъ другой, еще важнѣйшей. Въ 1829 году Полевой напечаталъ въ своемъ журналѣ критическую статью объ *Исторіи Государства Россійскаго*. Статья была превосходно написана, мѣра заслугъ Карамзина оцѣнена въ ней была вѣрно, безпристрастно, съ полнымъ уваженіемъ къ имени знаменитаго писателя. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ *Телеграфѣ* объявленіе о скоромъ выходѣ *Исторіи Русскаго Народа*. Тогда поднялась противъ Полевого страшная буря: его статья объ исторіи Карамзина объяснялась его противниками, какъ предисловіе къ объявленію о подпискѣ на собственную исторію. Но всѣ эти вопли Полевому легко было сдѣлать ничтожными и обратить къ собственной чести и къ предосужденію своихъ противниковъ; ему стоило только всегда сохранять тонъ должнаго уваженія къ Карамзину, даже доказывая его ошибки; но онъ не вытерпѣлъ—и досаду на своихъ противниковъ сталъ вымещать на „исторіи“ Карамзина. *Исторія Русскаго Народа* явилась съ двойнымъ текстомъ: въ одномъ была исторія, а въ другомъ довольно нехладнокровныя нападки на Карамзина, и каждому изъ этихъ текстовъ было отведено ровно по полустраницѣ... Пожалѣемъ о слабости за-

¹⁾ Съ „Сынномъ Отечества“ и „Сѣверной Пчелой“ Греча и Булгарина.

мѣчательнаго человѣка, оказавшаго литературѣ и общественному образованію великія заслуги; но не будемъ оправдывать его слабости или пазывать ее добродѣтелию...

Къ этой же эпохѣ *Телеграфа* относится и принятіе имъ въ свои сотрудники одного писателя, съ его статьями, многоглаголивыми, широкофигурными, плоскими и пошлыми, въ которыхъ подъ фирмою ратованія за новое, скрывались отсталость и страшная ограниченность въ понятіяхъ...¹⁾ Но *Телеграфъ* вынесъ и этотъ сильный ударъ, имъ же самымъ нанесенный себѣ: несмотря на все это, онъ не падалъ, а улучшался. Причина этого заключалась въ личности его издателя. Онъ былъ литераторомъ, журналистомъ и публицистомъ не по случаю, не изъ расчета, не отъ нечего дѣлать, не по самолюбію, а по страсти, по призванію. Онъ никогда не negliжировалъ изданіемъ своего журнала, каждую книжку его издавалъ съ тщаніемъ, обдуманно, не жалѣя ни труда, ни издержекъ. И при этомъ, онъ владѣлъ тайною журнальнаго дѣла, былъ одаренъ для него страшною способностію. Онъ постигъ вполне значеніе журнала, какъ зеркала современности, и „современное“ и „кстати“—были въ рукахъ его поистинѣ два волшебные жезла, производившіе чудеса. Пронесется ли слухъ о приѣздѣ Гумбольдта въ Россію,—онъ помѣщаетъ статью о сочиненіяхъ Гумбольдта; умираетъ ли какая-нибудь европейская знаменитость,—въ *Телеграфѣ* тотчасъ является ея біографія, а если это ученый, или поэтъ, то критическая оцѣнка его произведеній. Ни одна новость никогда не ускользала отъ дѣятельности этого журнала. И потому, каждая книжка его была животрепещущею новостію, и каждая статья въ ней была на своемъ мѣстѣ, была кстати. Поэтому, *Телеграфъ* совершенно былъ чуждъ недостатка, столь общаго даже хорошимъ журналамъ: въ немъ никогда не было балласту, т.-е. такихъ статей, которыхъ помѣщеніе не оправдывалось бы необходимостію... И потому, безъ всякаго преувеличенія, можно сказать положительно, что *Московский Телеграфъ* былъ рѣшительно лучшимъ журналомъ въ Россіи, отъ начала журналистики.

¹⁾ Съ № 9-го „Московского Телеграфа“ за 1829 годъ начинается помѣщать въ этомъ журналѣ свои статьи В. Ушаковъ, завѣдуя отдѣломъ Русскаго Театра, но въ то же время печатая тамъ и свой романъ, и рецензій, и критическія статьи. Бѣлинскій еще въ 1835 году называлъ Ушакова авторомъ „предлинныхъ и прескучныхъ“ статей въ „Моск. Телеграфѣ“, а также и неутомимымъ рыцаремъ противъ классицизма“ (см. т. I, стр. 219 и 227). Теперь, десять лѣтъ спустя, онъ только повторяетъ это свое мнѣніе.—Объ Ушаковѣ и его отношеніи къ Бѣлинскому см. т. I, ст. № 6.

Въ 1832, 1833 и 1834 годахъ *Телеграфъ*, нисколько не ослабѣвая ни въ энергіи, ни въ разнообразіи, ни въ достоинствѣ, тѣмъ не менѣе былъ уже въ своей апогеѣ, даже на поворотѣ съ нея. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, и попрежнему хлопоча о движеніи впередъ, безъ собственнаго вѣдома и желанія, наперекоръ самому себѣ, началъ принимать характеръ косища. Въ эти три года были напечатаны въ немъ большіе критическіе разборы Полевого сочиненій Державина, Жуковскаго, Пушкина и повѣсти: *Блаженство Безумія*, *Живописецъ*, *Эмма*. Въ тѣхъ и другихъ Полевой высказался вполне, въ тѣхъ и другихъ вполне выказались уголъ его зрѣнія, сгибъ его ума, характеръ его образованія, равно какъ вполне отразилась его эпоха, съ ея живою дѣятельностію, безпокойнымъ, тревожнымъ движеніемъ, заносчивостію, юношескимъ жаромъ, простодушнымъ убѣжденіемъ, съ полуфранцузскими тенденціями и полунѣмецкими идеями, съ поверхностію и неопредѣленностію въ понятіяхъ, съ чувствами вмѣсто мыслей, предощущеніями вмѣсто отчетливаго сознанія, часто съ громкими словами и туманными фразами вмѣсто теоріи, съ смѣлостію, отвагою, одушевленіемъ. Въ этихъ статьяхъ и повѣстяхъ Полевой какъ бы поспѣшилъ представить результатъ своей журнальной дѣятельности, разомъ, цѣлостно и обдуманно высказавъ въ нихъ все, о чемъ говорилъ нѣсколько лѣтъ отрывочно и случайно. Онъ какъ будто чувствовалъ, не сознавая этого ясно, что возникаетъ въ нашей литературѣ новое движеніе, ему невѣдомое и непонятное,—и торопился высказаться вполне и опредѣленно. А новое между тѣмъ дѣйствительно возникало,—и Полевой отступилъ отъ Пушкина, какъ отъ отсталаго поэта, въ ту самую минуту, когда тотъ изъ поэта, подававшаго великія надежды, началъ становиться дѣйствительно великимъ поэтомъ; съ перваго же разу не появлъ онъ Гоголя и, по искреннему убѣжденію, навсегда остался при этомъ непониманіи...

Съ прекращеніемъ *Телеграфа* поприще Полевого, какъ журналиста, было кончено, и ему слѣдовало ограничиться такъ называемыми солидными трудами—доканчивать свою исторію, писать и издавать книги... Но что прикажете дѣлать съ неугомонною журнальною натурою? Быть столько времени и съ такимъ успѣхомъ первымъ голосомъ въ журналистикѣ—и слышать новые, дотошъ безвѣстные голоса, которые поютъ уже совсѣмъ другую пѣсню—на это у него не стало силы резиньироваться. Изъ журналиста онъ пошелъ въ сотрудники, расходился и вновь сходилъ съ журналами, въ которыхъ участвовалъ, принимался-было за редакцію

новыхъ—и только доказывалъ этимъ, что время его прошло невозвратно... При этомъ, естественно, не могъ онъ не увлекаться спорами, полемикою, выгоды которыхъ уже не могли быть на его сторонѣ... Но довольно объ этомъ: заслуги Полевого такъ велики, что при мысли о нихъ нѣтъ ни охоты, ни силы распространяться о его ошибкахъ...

О его драмахъ мы ничего не скажемъ, кромѣ того, что онѣ доказываютъ его удивительную способность быть всѣмъ въ области беллетристики, и во всемъ дѣйствовать съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Возьмись онъ за нихъ въ началѣ, а не въ концѣ своего поприща,—и онѣ, можетъ быть, умножили бы его права на общую признательность... Повѣсти его потому именно имѣютъ свое относительное достоинство, что явились въ-время. Не долго нравились онѣ, но нравились сильно, читались съ жадностію. Въ нихъ онъ былъ вѣренъ себѣ, и для него онѣ были только особенною отъ журнальных статей формою для развитія тѣхъ же тенденцій, которыя развивалъ онъ и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ. То же должно сказать и о его романахъ, изъ которыхъ *Клятва при Гробѣ Господнемъ* отличается мѣстами замѣчательнымъ умѣньемъ пользоваться историческими источниками для романическихъ сценъ и картинъ.

Вѣренъ былъ онъ себѣ и въ своей *Исторіи Русскаго Народа*: какъ во всемъ, что ни писалъ онъ, и въ ней былъ онъ журналистомъ, а не историкомъ. Въ этомъ ея слабая сторона, но въ этомъ и ея относительныя достоинства. Онъ взялся за нее не по призванію, однакожъ и не изъ расчета, какъ утверждали это его противники, а по страстному влеченію своей журнальной натуры все представлять въ новомъ видѣ, ко всему прилагать новыя идеи. Ему казалось, что смутный хаосъ, образовавшійся въ его головѣ изъ идей Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри, очень удобоприложимъ къ русской исторіи. Это значило вовсе не понять русской исторіи, и не нужно говорить, что изъ этого вышло. Истина взяла, наконецъ, свое, и послѣдніе томы *Исторіи Русскаго Народа* уже очень похожи на *Исторію Государства Россійскаго*... Конечно, нельзя сказать, чтобы въ первой не было ничего дѣльнымъ образомъ новаго, но въ сущности исторія Полевого только возвысила исторію Карамзина... Это опять была ошибка, и очень важная, но ошибка, вышедшая изъ хорошаго источника, ошибка человека умнаго и даровитаго, думавшаго быть дальше своей эпохи, но на дѣлѣ бывшаго только однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ ея выраженій... Впослѣдствіи Полевой написалъ русскую исторію

для дѣтей: это былъ трудъ простой, безъ претензій, и потому очень дѣльный и полезный, отличавшійся даже ясностію и картинностію историческаго изложенія.

Полевой родился въ купеческомъ семействѣ и готовился быть купцомъ. Ему было около двадцати лѣтъ отроду, когда рѣшился онъ учиться и образоваться. Отецъ его, человекъ стараго времени, неблагоклонно смотрѣлъ на его любовь къ книгамъ, и Полевой занимался ими тайкомъ. Кончивъ днемъ дѣла свои по торговлѣ, ночью, вмѣсто того, чтобы спать, принимался онъ за ученіе. Не всегда могъ доставать онъ для этого огарокъ свѣчи, потому что отецъ его запретилъ ему сидѣть по ночамъ. Не было свѣчи—онъ пользовался луннымъ свѣтомъ; доставалъ свѣчу—и затыкалъ щелки своей комнаты, чтобы предательскій свѣтъ огня не бросился въ глаза отцу. Въ такихъ страшныхъ, разрушительныхъ для здоровья трудахъ провелъ онъ три года. Въ это время написалъ онъ статью о проѣздѣ императора Александра черезъ Курскъ и послалъ ее въ *Московскія Вѣдомости*. Статья обратила на себя вниманіе курскаго губернатора, который захотѣлъ познакомиться съ молодымъ авторомъ. Это живо затронуло самолюбіе старика-отца, и онъ позволилъ своему сыну заниматься книгами. У пьянаго дьячка началъ Полевой учиться латинскому и французскому языку и, пользуясь своею необыкновенною памятью, для начала выучилъ наизусть цѣлый французскій лексиконъ... Эта неудержимая страсть къ ученію, эта страшная сила воли въ достиженіи цѣли и преодоленіи препятствій достаточно доказываютъ, что Полевой не былъ человекомъ обыкновеннымъ. Почти двадцати двухъ лѣтъ началъ онъ самоучкою учиться русской грамматикѣ: это было около 1818 года, а въ 1825 году, т.-е. черезъ семь лѣтъ, Полевой былъ издателемъ лучшаго журнала въ Россіи... Такие люди не часто являются, и гораздо легче попасть въ доктора всѣхъ возможныхъ наукъ, нежели сравниться съ ними...

Закключаемъ. Предлагаемая статья не есть ни памфлетъ, ни панегирикъ; мы старались безъ преувеличенія одѣнить заслуги одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской литературы, не скрывая слабыхъ сторонъ его литературной дѣятельности, но смотря на нихъ *sine ira et studio*. Пусть судятъ читатели, до какой степени успѣли мы въ этомъ. Явится много толковъ о Полевомъ: одни будутъ безъ мѣры превозносить, другіе безъ мѣры унижать его, тѣ провозгласятъ его великимъ ученымъ, другіе—великимъ романистомъ и нувеллистомъ, третьи,—чего добраго!—великимъ драматургомъ; но едва

ли кто-нибудь признаетъ его тѣмъ, чѣмъ случаѣ, смѣемъ думать, что голосъ нашъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ замѣчательнѣе... упредивши другія сужденія, не будетъ безъ Такъ думаемъ мы, хорошо зная современную полезность для тѣхъ, которые возьмутся литературу и ея дѣятелей... Дай Богъ, судить о Полевомъ... чтобы мы ошиблись въ этомъ; но во всякомъ

1846 г.

62. Взглядъ на русскую литературу 1846 года.

Съ 1-го апрѣля 1846 года Бѣлинскій пересталъ быть сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“, хотя нѣкоторыя его статьи продолжали появляться въ этомъ журналѣ и послѣ его ухода. Самъ же онъ задумалъ цѣлый рядъ работъ, которыя должны были дать ему возможность существованія: въ началѣ мая онъ напечаталъ свою брошюру о Полевомъ (см. № 61); къ этому же времени собирался закончить I-ую часть своей „Истории русской литературы“,—проектъ, такъ и оставшійся невыполненнымъ (см. письмо къ Герцену отъ 2 янв. 1846 г.); наконецъ, къ этому же самому времени Бѣлинскій собирался выпустить колоссальный сборникъ „Левіаѳанъ“,—название, данное повидимому Герценомъ (см. письмо къ Герцену отъ 19 февр. 1846 г.). Для этого предполагавшагося сборника Бѣлинскій усиленно собиралъ матеріалы и получилъ такія вещи, какъ „Сороку-Воровку“ Герцена, „Обыкновенную исторію“ Гончарова, „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ Кавелина и т. п. Замѣтимъ кстати, что еще въ 1839 году Бѣлинскій собирался выпустить „Альманахъ“ изъ произведеній своихъ, Кольцова, Панаева, К. Аксакова, Каткова, Струговщикова, Ключникова, Красова и др. Однако и тогда и теперь планы эти такъ и остались неосуществленными. Весною 1846 г. Бѣлинскій не успѣлъ издать свой сборникъ, а осенью, вернувшись со своей поѣздки по Россіи, онъ узналъ о намѣреніи его друзей—Некрасова, Панаева и др.—издавать журналъ „Современникъ“; все это подробно рассказано въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой-Панаевой. Однимъ изъ главныхъ руководителей этого журнала (хотя и очень ограниченнымъ въ правахъ—см. ст. № 65) сталъ Бѣлинскій и передалъ въ этотъ журналъ все собранное имъ для „Левіаѳана“; говоря въ одномъ изъ примѣчаній къ настоящей статьѣ объ этомъ предполагавшемся сборникѣ, Бѣлинскій заявляетъ, что „по случаю *Современника* литераторъ, предпринимавшій изданіе этого сборника, счелъ за лучшее оставить свое предпріятіе и передать *Современнику* собранныя имъ статьи“.

Примѣчаніе это не появилось въ журналѣ, а вошло впервые въ собраніе сочиненій Бѣлинскаго 1859 года, редакціи Кетчера; очевидно такимъ образомъ, что Кетчеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи подлинную рукопись настоящей статьи Бѣлинскаго. Свѣривъ журнальный текстъ настоящей статьи съ текстомъ редакціи Кетчера, мы установили въ послѣднемъ текстѣ цѣлый рядъ измѣненій и дополненій; всѣ такія мѣста заключены нами въ квадратныя скобки, а въ примѣчаніяхъ къ нимъ приводятся въ кавычкахъ замѣняющія ихъ въ журналѣ фразы. Причина такихъ журнальных сокращеній и измѣненій—двойкая: кое-что вычеркивала цензура, кое-что измѣнилъ самъ Бѣлинскій; очень поучительно слѣдить за всѣми этими разночтеніями. Цензура вычеркиваетъ фразы въ родѣ того, что въ XVIII-омъ вѣкѣ въ Россіи „не было общества, а былъ только дворъ“, запрещаетъ говорить о „физическомъ процессѣ нравственнаго развитія“, о „варварскихъ“ обычаяхъ и нравахъ старины и т. п.; что же касается до измѣненій, сдѣланныхъ для печати самимъ Бѣлинскимъ, то они особенно интересны, такъ какъ большая часть ихъ относится къ Достоевскому и его произведеніямъ. Во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 58 мы говорили объ охлажденіи Бѣлинскаго къ таланту Достоевскаго въ 1846—1848 гг.; быстрый процессъ этого охлаждения мы можемъ наблюдать въ характерныхъ измѣненіяхъ Бѣлинскаго въ настоящей статьѣ. Написавъ сперва о „силѣ, глубинѣ и оригинальности таланта г. Достоевскаго“, Бѣлинскій вычеркиваетъ для печати „силу и глубину“; сказавъ сперва, что въ „Бѣдныхъ Людяхъ“ Достоевскій обнаружилъ „огромную“ силу творчества и „художественнаго мастерства“, Бѣлинскій затѣмъ совершенно зачеркиваетъ послѣднее выраженіе, а вмѣсто „огромный“ ставитъ „замѣчательный“; говоря сначала о возможной „безукоризненной художественности“ романа Достоевскаго, Бѣлинскій замѣняетъ это выраженіе словами „болѣе художественный“; вмѣсто „богатый силами талантъ“ Бѣлинскій просто ставитъ—„авторъ“; и такъ далѣе, и такъ далѣе—цѣ-

лый рядъ подобныхъ измѣненій читатели сами найдутъ въ нижеслѣдующемъ текстѣ. Измѣненія эти, повторяемъ, очень интересны, наглядно иллюстрируя процессъ перемѣны мнѣнія Бѣлинскаго о Достоевскомъ.—Чтобы не повторять нѣсколько разъ одного и того же указанія, отмѣтимъ здѣсь, что и въ слѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго изъ „Современника“ (№№ 65, 66) мы встрѣтимся съ такими же—еще болѣе значительными—измѣненіями и сокращеніями (цензурой) подлиннаго текста, восстановленнаго только Кетчеромъ, въ рукахъ котораго несомнѣнно были эти рукописи Бѣлинскаго. По этимъ примѣрамъ (см. еще статью о Кольцовѣ, № 60) мы имѣемъ возможность судить о томъ, какъ вообще искажались цензурой статьи Бѣлинскаго въ „Телескопѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“.

Съ „Современника“ начинается послѣдній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго; предисловіемъ къ этому періоду являются помѣщенные въ настоящемъ томѣ статьи Бѣлинскаго за 1846 годъ. Конечно, Бѣлинскій не измѣнился, перейдя въ новый журналъ—онъ остался все тѣмъ же Бѣлинскимъ, какимъ онъ былъ уже съ начала сороковыхъ годовъ, какимъ онъ намъ извѣстенъ изъ статей второго тома настоящаго изданія; однако при болѣе внимательномъ изученіи статей и писемъ Бѣлинскаго 1846—1848 гг. не трудно замѣтить и нѣкоторыя новыя струи въ его взглядахъ и мнѣніяхъ, являющіяся или усиленіемъ, или ослабленіемъ старыхъ. *Выра въ социализмъ* становится, напримѣръ, значительно менѣе сильной и почти сходится на нѣтъ къ послѣднему году жизни Бѣлинскаго: и хотя Бѣлинскій попрежнему видитъ оправданіе жизни и цѣль бытія въ *человѣчествѣ*, однако онъ теперь, воскрешая свою вѣру 1840—1 г., не мало вниманія удѣляетъ и *личности*. Обо всемъ этомъ мы говоримъ во вступительномъ очеркѣ (т. I), но все это читатель увидитъ и въ настоящей статьѣ. Другая черта: въ этомъ періодѣ 1846—1848 г. Бѣлинскій, начиная со статьи о „Бѣдныхъ людяхъ“ (№ 58), особенно усиливаетъ свою защиту такъ называемой „натуральной школы“, реализма; особенно подробно говоритъ онъ объ этомъ въ своемъ громадномъ послѣднемъ годовомъ обзорѣ (№ 66). Наконецъ, нельзя не отмѣтить въ настоящей статьѣ попытки объективной оцѣнки славянофильства, такъ непохожей на недавнюю ожесточенную войну Бѣлинскаго противъ славянофиловъ на страницахъ „Отеч. Записокъ“; мы уже имѣли случай подчеркнуть (во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 59), что Бѣлинскій въ рядѣ вопросовъ пожелалъ разорвать съ традиціей журнала Краевского и что къ числу такихъ вопросовъ принадле-

жалъ и вопросъ о славянофильствѣ. Въ настоящей статьѣ—первой статьѣ Бѣлинскаго въ „Современникѣ“—затронуты всѣ эти проблемы, отмѣченныя нами выше; на вопросъ о славянофильствѣ Бѣлинскій останавливается особенно тщательно и подробно.

Бѣлинскій въ настоящей статьѣ попрежнему возстаетъ противъ славянофильскихъ принциповъ „любви“ и „смиренія“, какъ основныхъ свойствъ славянскихъ народовъ вообще и русскаго въ особенности; попрежнему Бѣлинскій ополчается противъ отрицательнаго отношенія славянофиловъ къ Петру и его реформѣ—и вообще сохраняетъ въ существennomъ свою старую позицію; однако во многомъ есть и перемѣны, не говоря уже о томъ, что *тонъ* отношенія Бѣлинскаго въ настоящей статьѣ къ славянофильству уже совсѣмъ иной. Еще въ серединѣ 1846 года, въ письмѣ къ Герцену изъ Одессы (отъ 4 іюля), Бѣлинскій сообщалъ, что намѣренъ писать подъ формою своихъ путевыхъ впечатлѣній „журнально-фельетонную болтовню о всякой всячинѣ, одобренную полемическимъ задоромъ“ и что часть статьи онъ уже пишетъ или будетъ писать: „въ Харьковѣ я прочелъ *Московский Сборникъ*: луплю и наяриваю объ немъ“. Далѣе Бѣлинскій восхищается статьей Ю. Самарина о „Тарантасѣ“ (см. № 50): „статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, несмотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія, и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ *Отеч. Записокъ*. Какъ умно и зло казнить онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ¹⁾. Зато Хомяковъ—я-жъ его, ракалию! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои крючки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный ерникъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь“...—Статьи этой („путевыхъ впечатлѣній“ вообще и о „Московскомъ Сборникѣ“ въ частности) Бѣлинскій не написалъ; но для насъ несомнѣнно, что матеріалъ изъ этой предполагавшейся статьи вошелъ въ настоящую статью Бѣлинскаго: въ ней мы находимъ и сочувственный отзывъ о статьѣ Ю. Самарина („особенно замѣчательна умнымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ статья о *Тарантасѣ*, подписанная буквами М. З. К.“) и полемику со славянофилами о „неблагопристойномъ“ принципѣ

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ далѣе есть слѣдующая полу-шутливая фраза: „въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!“

кротости и смиренія. Но форма статьи—совершенно измѣнилась: вмѣсто предполагавшейся рѣзкой полемики съ Хомяковымъ („узнаетъ онъ мои крючки!“) мы находимъ въ настоящей статьѣ только спокойное оспариваніе принципа кротости и смиренія, причемъ Хомяковъ даже и не названъ, а обозначенъ общей фразой — „кто-то изъ“... и т. д. БѢлинскій, повторяемъ это еще разъ, хотѣлъ порвать съ традиціями „Отечественныхъ Записокъ“, въ которыхъ онъ же самъ такъ рѣзко полемизировалъ со славянофилами; въ своемъ новомъ журналѣ онъ хотѣлъ держаться спокойнаго тона, хотя бы это и не правилось читающей публикѣ, любящей журнальныя сшибки и схватки. А потому, явно имѣя въ виду „Отеч. Записки“, БѢлинскій заявлялъ въ настоящей статьѣ, что „имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и вмѣстѣ съ тѣмъ противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію; но мы хотѣли бы защищать наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ — противоборствовать съ твердостью и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ неправъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами, и вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній заводить бесполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій“...

Однако не въ одной разницѣ тона было тутъ дѣло; сущность вопроса лежитъ глубже. Попытавшись безпристрастно подойти къ славянофильству, БѢлинскій не только принципиально опредѣлилъ его мистическую подпочву, которой самъ онъ былъ такъ чуждъ по своей натурѣ (обо всемъ этомъ мы будемъ еще говорить во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 65), но ясно увидѣлъ также и тѣ стороны славянофильства, которыя ему были очень близки. БѢлинскій увидѣлъ, что, напримѣръ, въ вопросѣ о *національности* и ея значеніи онъ во многомъ сходится со славянофилами—во всякомъ случаѣ сходится съ ними ближе, чѣмъ съ тѣми „гуманическими космополитами“, о которыхъ БѢлинскій съ явнымъ раздраженіемъ говорить и въ этой и въ слѣдующихъ своихъ статьяхъ. И прежде чѣмъ говорить о сущности взгляда БѢлинскаго на *національность*, мы должны уяснить себѣ причины этого раздраженія. Кого имѣетъ въ виду БѢлинскій, когда довольно сердито осуждаетъ тѣхъ, которые бросились „въ фантастическій космополи-

тизмъ во имя человечества“? Кого упрекаетъ онъ за „абстрактный и книжный дуализмъ“ въ построеніи понятія „народности“?

Все это относится къ молодому критику Валеріану Майкову, замѣнившему собою съ 1846 года БѢлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“. Мы уже указывали, что критикъ этотъ затронулъ БѢлинскаго въ своей статьѣ о Кольцовѣ (см. нашу вступительную замѣтку къ ст. № 60); и въ другихъ своихъ статьяхъ Вал. Майковъ не одинъ разъ задѣвалъ БѢлинскаго, иронически замѣчая, что БѢлинскій умѣетъ только восторгаться тѣми или иными произведеніями, а объяснить и доказать своего восторга не умѣетъ. Всѣ эти нападенія почему-то особенно раздражали БѢлинскаго—быть можетъ потому, что они исходили отъ симпатичнаго ему по направленію писателя; самъ онъ годомъ позднѣе и уже послѣ смерти даровитаго юноши (В. Майковъ утонулъ лѣтомъ 1847 года), писалъ 4 ноября 1847 года В. Боткину: „вспомни или, лучше сказать, пойми, что прошлою зимою я былъ на волосъ отъ смерти... Вотъ отчего на меня такъ болѣзненно подѣйствовала выходка покойнаго Майкова, а теперь я совершенно съ тобою согласенъ, что не на что было сердиться“... Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что БѢлинскій въ настоящей статьѣ довольно сердито полемизируетъ съ В. Майковымъ по поводу его взгляда на „народность“. В. Майковъ раздѣлялъ народъ на большинство, зависящее отъ условій среды и мѣста, и на меньшинство, являющееся отрицаніемъ основныхъ свойствъ большинства; говоря современными терминами, онъ грубо подраздѣлялъ всю массу народонаселенія на „интеллигенцію“ и „народъ“,—неизбѣжный дуализмъ, особенно имъ подчеркивавшійся. БѢлинскій рѣшительно возсталъ противъ такого дуализма, противъ попытки расколоть надвое „недѣлимую личность народа“; этой попыткѣ онъ противопоставилъ утвержденіе, что „народность“, „національность“ есть первичный факторъ, что *народности суть личности человечества*.

Теперь понятно, что приблизило БѢлинскаго этой эпохи къ славянофильству: это была идея *національности*. Давно, еще въ самомъ началѣ своей критической дѣятельности, БѢлинскій исповѣдывалъ и проповѣдывалъ основное положеніе русскаго шеллингiana, что народности суть индивидуальности человечества—мы слѣдили за развитіемъ этой идеи въ самыхъ первыхъ статьяхъ БѢлинскаго (см. т. I, ст. №№ 1, 3, 6, 7, 16, 30 и др.; см. особенно т. II, стр. 200). Мы отмѣтили тогда же, что БѢлинскій въ то время былъ очень близокъ по духу славянофильству и можетъ даже считаться однимъ изъ родоначальниковъ его (см. т. I, стр. 497). Но въ

то же время Бѣлинскій стоялъ на точкѣ зрѣнія, за которую онъ теперь такъ попалъ на Вал. Майкова: вѣдь черезъ всѣ „Литературныя Мечтанія“, черезъ всѣ „телескопскія“ статьи Бѣлинскаго красной нитью проходитъ мысль, что реформа Петра вогнала клинъ между „обществомъ“ и „народомъ“, расщепила ихъ на двѣ чуждыя другъ другу и взаимно противоположныя части—а оттого „у насъ нѣтъ литературы!“ (см. т. I, стр. 7). Теперь, черезъ двѣнадцать лѣтъ, Бѣлинскій не повторяетъ болѣе этого парадокса—и особенно подчеркиваетъ этотъ свой новый взглядъ въ настоящей статьѣ. Мы знаемъ, что уже не разъ Бѣлинскій снова поднималъ этотъ вопросъ, все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ чисто-историческомъ рѣшеніи его (см. ст. №№ 26, 29, 47 и др.); въ настоящей статьѣ онъ повторяетъ это рѣшеніе, придавая своимъ доказательствамъ нѣсколько „славянофильскую“ окраску: у насъ есть своеобразная исторія литературы потому, что у насъ есть исторія русскаго общества, совершенно не похожая на исторію европейскихъ обществъ. Реформа Петра поставила наше „общество“ выше „народа“ въ культурномъ отношеніи, но это вовсе не значитъ, чтобы это „общество“ можно было считать космополитичнымъ,—нѣтъ, общество не можетъ существовать безъ „внутренней, непосредственной, органической связи—національности“.

Вотъ къ чему пришелъ теперь Бѣлинскій въ своей полемикѣ съ „дуализмомъ“ и „космополитизмомъ“ Вал. Майкова. Онъ призналъ теперь „общество“ выраженіемъ „народа“: „меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ“—заявляетъ теперь Бѣлинскій и прибавляетъ, что если это меньшинство противопоставляетъ себя большинству, то въ такомъ случаѣ оно, меньшинство, чаще всего выражаетъ собою дурныя стороны національности; примѣры, очень характерные для демократа Бѣлинскаго, — „развратное дворянство“ эпохи Людовика XV-го и французская буржуазія современной Бѣлинскому эпохи. Но несмотря на эти уродливыя явленія соціальной жизни, „личность народа“—недѣлима, и личность эта носитъ названіе *національности*: вотъ пунктъ, въ которомъ Бѣлинскій теперь готовъ былъ согласиться со славянофильствомъ. „Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣчества,—заявляетъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій;—другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу я

скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ... Но, къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому“...

Итакъ, мы видимъ, что въ настоящей статьѣ Бѣлинскій измѣнилъ не только *тонъ* своего отношенія къ славянофильству; нѣтъ, онъ высказался по одному изъ существенныхъ пунктовъ разногласія крайняго западничества со славянофильствомъ—и оказался во всякомъ случаѣ ближе къ славянофильству, чѣмъ къ „гуманическому космополитизму“¹⁾; обо всемъ этомъ мы еще будемъ говорить во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 65. Теперь же замѣтимъ только, что отрицая такой „космополитизмъ“ съ точки зрѣнія *національной*, Бѣлинскій тутъ же подчеркивалъ первенство „обще-человѣческаго“ съ точки зрѣнія *соціальной*—и въ этомъ не было никакого противорѣчія. Здѣсь мы переходимъ къ вопросу о социализмѣ Бѣлинскаго, поскольку, конечно, этотъ „социализмъ“ могъ проявляться въ печати при николаевскомъ режимѣ. Мы уже отмѣтили, что и въ этомъ вопросѣ Бѣлинскій въ 1846—1848 гг. кое на что сталъ смотрѣть иначе, чѣмъ въ предыдущее пятилѣтіе, въ эпоху своей пламенной „вѣры въ социализмъ“. И теперь Бѣлинскій жадно стремится къ осуществленію *обще-человѣческихъ* идеаловъ, стоящихъ гораздо выше формъ современной ему европейской жизни: въ европейскомъ—замѣчаетъ Бѣлинскій—мы должны любить только человѣческое „и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго“. Если раскрыть скобки въ этихъ словахъ, то въ нихъ мы увидимъ не только осужденіе крайняго русскаго западничества (представителя котораго Бѣлинскій хотѣлъ видѣть въ В. Майковѣ), но и осужденіе тѣхъ буржуазныхъ формъ европейской жизни, о которыхъ Бѣлинскій говоритъ и въ другомъ мѣстѣ настоящей статьи. Однако тутъ же начинаютъ звучать первыя ноты разочарованія Бѣлинскаго въ его вѣрѣ въ социализмъ, скептическаго отношенія къ практической осуществимости этого ученія. „Теперь Европу занимаютъ — пишетъ онъ — новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣче-

1) Замѣтимъ между прочимъ, что говоря о „гуманическихъ космополитахъ“, Бѣлинскій имѣетъ въ виду не одного В. Майкова, а намекаетъ также на эпиграфъ къ сборнику стихотвореній А. Плещеева (Nemo sum et nihil humani a me alienum puto); см. объ этомъ въ текстѣ В. Майковъ написалъ сочувственную рецензію на этотъ сборникъ, подчеркнувъ въ ней смыслъ избраннаго Плещеевымъ эпиграфа.

ское не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія"... Въ этихъ словахъ уже сквозитъ то охлажденіе къ утопическому социализму, которое годомъ позднѣе ясно выразилось въ предсмертномъ письмѣ БѢлинскаго къ Анненкову; объ этомъ мы говорили подробно во вступительномъ очеркѣ, къ которому и отсылаемъ читателей.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить одно интересное обстоятельство, касающееся социально-философскихъ взглядовъ БѢлинскаго. Мы знаемъ, что, переживъ полосу увлеченія гегеліанскимъ „Общимъ“, БѢлинскій одновременно (1840—1841 г.) сталъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ правъ и значенія личности; прошелъ еще годъ-другой — БѢлинскій нашелъ опору этой проповѣди въ своей „вѣрѣ въ социализмъ“. Однако при этой вѣрѣ центръ вниманія БѢлинскаго вскорѣ былъ перенесенъ съ личности на *человѣчество*; въ этой идеѣ видѣлъ БѢлинскій опору всей своей вѣры, оправданіе и смыслъ всякой жизни. И хотя самый социализмъ БѢлинскаго былъ стремленіемъ къ благу „личности“, однако и здѣсь идея „человѣчества“ стояла на первомъ мѣстѣ; это наглядно выясняется между прочимъ и изъ того факта, что, постоянно говоря въ своихъ статьяхъ 1842—1845 гг. о „человѣчествѣ“, БѢлинскій очень рѣдко вспоминаетъ о „личности“. Но вотъ что интересно: лишь только вѣра БѢлинскаго въ социализмъ ослабѣла, какъ мы это видимъ и изъ настоящей статьи, какъ немедленно онъ поднимаетъ вопросъ о личности и ея значеніи. Въ прежнее время онъ ставилъ вопросъ о личности на почву метафизическую; теперь онъ исходитъ изъ физиологическихъ аналогій, ибо по его мнѣнію „психологія, не опирающаяся на физиологію, такъ же несостоятельна, какъ и физиологія, не знающая о существованіи анатоміи“. Эта фраза и цѣлый рядъ сосѣднихъ, которыя читатель найдетъ въ текстѣ, являются отголоскомъ ученія не Фейербаха, какъ это полагаютъ нѣкоторые, а Огюста Конта. Хотя къ этому философу БѢлинскій и не благоволилъ, проницательно подчеркивая всѣ его недостатки (въ замѣчательномъ письмѣ къ Боткину отъ 17 февраля 1847 года), хотя онъ и считалъ его только предшественникомъ будущаго *призваннаго* гения, хотя и въ указанномъ письмѣ есть черты знакомства съ лѣвой гегеліанской школой, однако несомнѣнно, что въ цитированномъ мѣстѣ статьи БѢлинскій

только повторялъ мысли Конта, или, вѣрнѣе, его ученика Литтре, статья котораго „Важность и успѣхи физиологіи“ была напечатана въ томъ же томѣ „Современника“ рядомъ съ настоящей статьей БѢлинскаго. „Статья о физиологіи Литтре—прелесть!—писалъ БѢлинскій 6-го февр. 1847 г. Боткину:—вотъ человѣкъ!.. Отъ него морщится *Revue des Deux Mondes*, хотя и печатаетъ его статьи; а социальные и добродѣтельные ослы (—такъ сталъ выражаться теперь БѢлинскій о французскихъ утопическихъ социалистахъ! — И.-Р.) не въ состояніи и понять его. Я безъ ума отъ Литтре; именно потому, что онъ равно не принадлежитъ ни... ворами-умникамъ *Journal des Debats* и *Revue des Deux Mondes*, ни социалистамъ“... И тутъ же БѢлинскій прибавляетъ, что социалисты выродились изъ фантазій Руссо... Все это можетъ служить лучшимъ комментариемъ къ разочарованію БѢлинскаго въ социализмъ, о чемъ у насъ была рѣчь выше.

Возвращаемся однако къ вопросу о личности. Въ настоящей статьѣ БѢлинскій во многомъ повторилъ тѣ мысли о личности и обществѣ, которыя были высказаны имъ еще въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія (№ 16): и тамъ и здѣсь онъ выдвигаетъ основное положеніе, что *общество есть не ограниченіе, а восполненіе и расширеніе человеческой индивидуальности* (см. т. I, стр. 501—502). Но разница въ томъ, что семью годами раньше „личность“ была для БѢлинскаго „сама по себѣ—очень неважная вещь“: теперь же она для него есть великая „тайна“, но въ то же время и великая цѣнность, какой она была для него уже съ 1840—1 г. Цѣнность эта становилась для него теперь тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе разочаровывался онъ въ своей вѣрѣ въ *человѣчество*, въ объективную цѣлесообразность жизни его. Въ статьяхъ и письмахъ 1846—1848 гг. БѢлинскій неоднократно возвращается къ вопросу о личности, снова воскрешая этимъ свои бывшие запросы, сомнѣнія, убѣжденія и надежды начала сороковыхъ годовъ.

Такъ началъ БѢлинскій свою дѣятельность въ новомъ журналѣ, дѣятельность, которой суждено было такъ скоро прекратиться: только полтора года, даже менѣе того, работалъ БѢлинскій въ новомъ „Современникѣ“. Но уже по первой его статьѣ мы можемъ вывести заключеніе о тѣхъ новыхъ струяхъ міровоззрѣнія БѢлинскаго, которыя не проявлялись имъ въ „Отеч. Запискахъ“ и которыя образовались или проявились въ душѣ БѢлинскаго только въ періодъ его полугодового журнальнаго молчанія въ 1846 году. Именно въ это время въ душѣ БѢлинскаго происходилъ какой-то новый переломъ, новая переоцѣнка цѣнностей; въ

чемъ она заключалась—мы старались выяснить въ настоящей замѣткѣ. Перемена тона по отношенію къ славянофиламъ, даже идейное сближеніе съ ними—все это сравнительно мелочи, явленія производныя; по крайней мѣрѣ даже за раздраженнымъ оспариваніемъ идей „гуманическихъ космополитовъ“ мы видимъ не столько сближеніе со славянофильствомъ, не столько полемику съ В. Майковымъ, сколько выпадъ противъ „гуманическаго“ и „космополитическаго“ со-

ціализма, противъ „соціальныхъ и добродѣтельныхъ ословъ“ — какъ рѣзко обозвалъ Бѣлинскій утопическихъ соціалистовъ. Въ основѣ всего этого лежитъ потеря Бѣлинскимъ *вѣры въ социализмъ*, а потому и переоцѣнка цѣлаго ряда старыхъ вѣрованій и мнѣній. Только этотъ фактъ позволяетъ намъ понять общія воззрѣнія Бѣлинскаго послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни, отразившіяся и въ его статьяхъ.

И.Р.

Настоящее есть результатъ прошедшаго и указаніе на будущее. Поэтому, говорить о русской литературѣ 1846 года, значитъ говорить о современномъ состояніи русской литературы вообще, чего нельзя сдѣлать, не коснувшись того, чѣмъ она была, чѣмъ должна быть. Но мы не владимся ни въ какія историческія подробности, которыя завлекли бы насъ далеко. Главная цѣль нашей статьи—познакомить заранѣе читателей *Современника* съ его взглядомъ на русскую литературу, слѣдовательно, съ его духомъ и направленіемъ, какъ журнала. Программы и объявленія, въ этомъ отношеніи, ничего не говорятъ: онѣ только обѣщаютъ. И потому, программа „Современника“, по возможности краткая и немногословная, ограничилась только обѣщаніями чисто внѣшними. Предлагаемая статья, вмѣстѣ со статьею самого редактора, напечатанною во второмъ отдѣленіи этого же нумера, будетъ второю, *внутреннею*, такъ сказать, программю „Современника“, въ которой читатели могутъ сами, до известной степени, повѣрять обѣщанія исполненіемъ.

Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью, съ дѣйствительностію, въ большей и большей близости къ зрѣлости и возмужалости. Само собою разумѣется, что подобная характеристика можетъ относиться только къ литературѣ недавней, молодой и, притомъ, возникшей не самобытно, а вслѣдствіе подражательности. Самобытная литература зрѣетъ вѣками, и эпоха ея зрѣлости есть въ то же время и эпоха числительнаго богатства ея замѣчательныхъ произведеній (*chefs d'œuvre*). Этого нельзя сказать о русской литературѣ. Ея исторія, какъ и исторія самой Россіи не похожа на исторію никакой другой литературы. И потому, она представляетъ собою зрѣлище единственное, исключительное, которое тотчасъ дѣлается страннымъ, непонятнымъ, почти бессмысленнымъ, какъ скоро на нее будутъ смотрѣть, какъ на всякую другую европейскую литературу. Какъ

и все, что ни есть въ современной Россіи живого, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго. Правда, онъ не заботился о литературѣ и ничего не сдѣлалъ для ея возникновенія, но онъ заботился о просвѣщеніи, бросивъ въ плодovitую землю русскаго духа сѣмена науки и образованія,—и литература, безъ его вѣдома, явилась впослѣдствіи сама собою, какъ необходимый результатъ его же дѣятельности. Въ томъ-то, скажемъ мимоходомъ, и состояла органическая жизненность преобразованія Петра Великаго, что оно породило много и такого, о чемъ онъ, можетъ быть, и не думалъ, чего онъ даже и не предчувствовалъ. Даровитый и умный Кантемиръ, вполнину подражатель, вполнину перелателемъ на русскіе нравы сатиръ римскихъ поэтовъ (преимущественно Горация) и ихъ подражателя и перелатателя на французскіе нравы—Буало, Кантемиръ, съ его силлабическимъ размѣромъ, съ его языкомъ, полукнижнымъ, полународнымъ, который, по самой этой смѣси, былъ языкомъ образованнаго общества того времени, Кантемиръ и, вслѣдъ за нимъ, Тредьяковскій, съ его безплодною ученостію, съ его бездарнымъ трудолюбіемъ, съ его схоластическимъ педантизмомъ, съ его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тоническіе размѣры и древніе гекзаметры, съ его варварскими виршами и варварскимъ двоекратнымъ переложеніемъ Роллена, — Кантемиръ и Тредьяковскій были, такъ сказать, прологомъ, предисловіемъ къ русской литературѣ. Отъ смерти перваго прошло съ небольшимъ *сто два* года (онъ умеръ 31 марта 1744 года); отъ смерти втораго прошло только съ небольшимъ 77 лѣтъ (онъ умеръ 6 августа 1769 года). Тредьяковскій былъ еще въ цвѣтѣ своей славы и еще только шесть лѣтъ величалъ себя „профессоромъ элоквенціи и хитростей піитическихъ“; еще молодой, но больной, слабый и уже близкій къ смерти, Кантемиръ былъ живъ ¹⁾, когда, въ 1739 году,

¹⁾ Кантемиру тогда было 31 годъ, а Тредьяковскому—36 лѣтъ. Прим. Бѣлинскаго.

двадцативосьмилѣтній Ломоносовъ — Петръ Великій русской литературы, прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую *Оду на взятіе Хотина*, съ которой, по всей справедливости, должно считать начало русской литературы. Все, что сдѣлано было Кантемиромъ, осталось безъ слѣда и вліянія въ книжномъ мірѣ, все, что было сдѣлано Тредьяковскимъ, оказалось неудачнымъ, — даже его попытки ввести въ русское стихотворство правильные тоническіе метры... Поэтому, ода Ломоносова показалаcя всѣмъ первымъ стихотворнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, которое было написано правильнымъ размѣромъ. Вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, какъ вліяніе Петра Великаго на Россію вообще: долго литература шла по указанному имъ ей пути, но наконецъ, совершенно освободясь отъ его вліянія, пошла по дорогѣ, которой самъ Ломоносовъ не могъ ни предвидѣть, ни предчувствовать. Онъ далъ ей направленіе книжное, подражательное, и оттого, повидимому, бесплодное и безжизненное, слѣдовательно, вредное и губительное. Это совершенная правда, которая, однакожъ, нисколько не умаляетъ великой заслуги Ломоносова, нисколько не отнимаетъ у него права на имя отца русской литературы. Не то же ли самое говорятъ о Петрѣ Великомъ наши литературные старообрядцы? И надо сказать, что ихъ ошибка состоитъ не въ томъ, что они говорятъ о Петрѣ Великомъ и созданной имъ Россіи, а въ томъ, какое они выводятъ изъ этого слѣдствіе. По ихъ мнѣнію, реформа Петра убила въ Россіи народность, а слѣдовательно, и всякій духъ жизни, такъ что Россіи для своего спасенія не остается ничего другого, какъ снова обратиться къ благодатнымъ полупатріархальнымъ нравамъ эпохи Котошихина. Повторяемъ: ошибаясь въ выводѣ, они правы въ положеніи, и поддѣльный, искусственный европеизмъ Россіи, созданный реформою Петра Великаго, дѣйствительно можетъ казаться не болѣе, какъ внѣшней формою безъ внутренняго содержанія. Но развѣ нельзя того же самаго сказать о всѣхъ поэтическихъ и ораторскихъ опытахъ Ломоносова? За что же, по какому же странному противорѣчію съ собственнымъ своимъ взглядомъ эти самые люди благоговѣютъ передъ именемъ Ломоносова и съ странною раздражительностію принимаютъ за преступленіе всякое свободное мнѣніе объ этомъ риторѣ и въ поэзіи и въ краснорѣчіи? Не было ли бы съ ихъ стороны гораздо послѣдовательнѣе и сообразнѣе съ логикою и здравымъ смысломъ и на Ломоносова смотрѣть такъ же точно, какъ смотрятъ они на Петра Великаго? ¹⁾).

Чужое, извнѣ взятое содержаніе никогда не можетъ замѣнить, ни въ литературѣ, ни въ жизни, отсутствія своего собственнаго, національнаго содержанія; но оно можетъ переродиться въ него современнымъ, какъ пища, извнѣ принимаемая человекомъ, перерождается въ его кровь и плоть, и поддерживаетъ въ немъ силу, здоровье и жизнь. Не будемъ распространяться, какимъ образомъ это сдѣлалось съ Россіею, созданною Петромъ, и русскою литературою, созданною Ломоносовымъ; но что это дѣйствительно сдѣлалось и дѣлается съ ними — это историческій фактъ, истина фактически очевидная. Сравните басни Крылова, комедію Грибоѣдова, произведенія Пушкина, Лермонтова и въ особенности Гоголя, — сравните ихъ съ произведеніями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ими ничего общаго, никакой связи, вы думаете, что въ русской литературѣ все случайно — и талантъ и геній; а можетъ ли имѣть какую-нибудь важность случайное: не есть ли это призракъ, мечта? И дѣйствительно, было время, когда вопросъ — есть ли у насъ литература? — не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. И такое рѣшеніе естественно и неизбежно, если русскую литературу судить на основаніяхъ, по которымъ должно судить исторію европейскихъ литературъ. Но одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не имѣющихъ съ ней общаго, европейскихъ народовъ. То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы. Между писателями, которыхъ мы поименовали выше, и между Ломоносовымъ и его школою дѣйствительно нѣтъ ничего общаго, никакой связи, если сравнивать ихъ какъ двѣ крайности; но между ними сейчасъ же явится передъ вами живая кровная связь, какъ скоро вы будете изучать въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ русскихъ писателей, отъ Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движеніе русской литературы заключалось въ стремленіи, хотя и безсознательномъ, освободиться отъ вліянія Ломоносова и сблизиться съ жизнью, съ дѣйствительностію, слѣдовательно сдѣлаться самобытною, національною, русскою. Если въ произведеніяхъ Хераскова и Петрова, такъ незаслуженно превознесенныхъ современниками, нельзя уви-

диссертациі о Ломоносовѣ, которая вышла изъ печати въ концѣ 1846 года.

¹⁾ Все это относится къ К. Аксакову и къ его

дѣтъ ни малѣйшаго прогресса въ этомъ отношеніи,—зато прогрессъ есть уже въ Сумароковѣ, писателѣ безъ гевія, безъ вкуса, почти безъ таланта, но на котораго современники смотрѣли, какъ на соперника Ломоносова. Пошутки Сумарокова, хотя и неудачныя, на комедію изъ русскихъ нравовъ, его сатиры, а главное его простодушно-жолчныя выходки противъ *красиваго сѣмени*, равно какъ и нѣкоторыя прозаическія статьи, болѣе или менѣе касавшіяся вопросовъ современной ему дѣйствительности,—все это показываетъ какое-то стремленіе на сближеніе литературы съ жизнью. И въ этомъ отношеніи сочиненія Сумарокова, лишенная всякаго художественнаго или литературнаго интереса, заслуживаютъ изученія, такъ же какъ имя его, сперва не по достоинству превозносимое, а потомъ столько же несправедливо унижаемое, заслуживаетъ уваженія въ потомствѣ. Нельзя смотрѣть, какъ на бесполезныя явленія, даже и на Хераскова съ Петровымъ: современники видѣли въ нихъ геніевъ, превозносили ихъ до седьмого неба, стало быть, читали ихъ, а если читали, стало быть, эти писатели сильно способствовали распространенію въ Россіи вкуса къ занятію и наслажденію литературою. Безобразныя притчи Сумарокова явились изящными, по тому времени, переводами французскихъ басенъ въ басняхъ Хемницера и Дмитріева, а въ басняхъ Крылова онѣ явились въ послѣдствіи превосходными народными произведеніями. Подражатель Ломоносова, смиренно благоговѣвшій даже передъ Херасковымъ и Петровымъ, Державинъ, если не былъ самобытнымъ русскимъ поэтомъ, то уже не былъ и только риторомъ. Одаренный отъ природы великимъ поэтическимъ геніемъ, онъ потому только не могъ создать самобытной русской поэзіи, что для этого не пришло еще время, а не по недостатку естественныхъ силъ и средствъ. Русскій языкъ былъ тогда еще не выработанъ, духъ книжничества и риторики царилъ въ литературѣ; но главное—тогда была только государственная жизнь, но не было жизни общественной, [потому что тогда не было общества, а былъ только дворъ на который всѣ смотрѣли, но который знали только принадлежавшіе къ нему. Не было общества, не было и общественной жизни, общественныхъ интересовъ]¹⁾; поэзіи и литературѣ не откуда было брать содержаніе, и потому онѣ существовали и поддерживались не сами собою, а покровительствомъ сильныхъ и знатныхъ, и носили характеръ офиціальныя. Такъ должно смотрѣть на эту эпоху, сра-

впывая ее съ нашею; но не такъ должно смотрѣть на нее, сравнивая ее съ эпохою Ломоносова: тутъ былъ, сравнительно, большой прогрессъ. Если въ это время еще не было общества, зато именно въ это время оно зарождалось, потому что блескъ и образованность двора начинали тогда отражаться и на среднемъ дворянствѣ, и тогда же начали устанавливаться въ немъ тѣ нравы, которые мы видимъ теперь. И потому, кромѣ огромной разницы въ поэтическомъ геніи Державинъ уже имѣлъ передъ Ломоносовымъ большое преимущество и со стороны содержанія для своей поэзіи, хотя онъ былъ человѣкомъ безъ образованія, не только безъ учепости. Поэтомъ, поэзія Державина далеко разнообразнѣе, живѣе, человѣчнѣе со стороны содержанія, нежели поэзія Ломоносова. Причина этого не въ томъ только, что Ломоносовъ былъ больше превосходный стихотворецъ, нежели поэтъ, тогда какъ Державинъ отъ природы получилъ поэтическій геній, но и въ сравнительномъ усиѣхѣ общества временъ Екатерины Великой передъ обществомъ временъ императрицы Анны и Елизаветы.

По этой же причинѣ литература екатерининскаго времени рѣшительно заслужаетъ собою предшествовавшую ей литературу. Кромѣ Державина, въ то время былъ Фонвизинъ—первый даровитый комикъ въ русской литературѣ, писатель, котораго теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе. Въ его лицѣ русская литература, какъ будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностью: его сочиненія—живая лѣтопись той эпохи. Въ это же время литература наша отъ древнихъ литературъ, изучавшихся въ семинаріяхъ и на семинарской ладъ, начала исключительно наклоняться къ французской литературѣ. Вслѣдствіе, этого начали хлопотать о такъ называемой *легкой литературѣ*, въ которой блисталъ Богдановичъ. Къ концу царствованія Екатерины явился Карамзинъ, давшій русской литературѣ новое направленіе. Мы не будемъ говорить о его великихъ заслугахъ, его великомъ вліяніи на нашу литературу и, черезъ нее, на образованіе нашего общества. Мы не будемъ также входить въ подробности о слѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ. Скажемъ коротко, что въ каждомъ изъ нихъ видно постепенное освобожденіе отъ книжнаго, риторическаго направленія, даннаго Ломоносовымъ нашей литературѣ, и постепенное сближеніе литературы съ обществомъ, съ жизнью, съ дѣйствительностію. Загляните въ *лицейскія* стихотворенія Пушкина, даже во многія изъ пьесъ въ первой части его сочиненій, имъ самимъ

¹⁾ Въмѣсто поставленнаго въ квадратныя скобки въ журналѣ стоитъ: „а слѣдовательно и общественныхъ интересовъ“.

изданныхъ,—и вы увидите въ нихъ вліяніе почти всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, отъ Ломоносова до Жуковского и Батюшкова включительно. Баснописецъ Крыловъ, предшествоваемый Хемницеромъ и Дмитріевымъ, такъ сказать, приготовилъ языкъ и стихъ для безсмертной комедіи Грибоѣдова. Стало быть, въ нашей литературѣ всюду живая историческая связь, новое выходитъ изъ стараго, послѣдующее объясняется предыдущимъ, и ничто не является случайно ¹⁾).

„Но,—спросятъ насъ, можетъ быть,—въ чемъ же заключалась важная заслуга Ломоносова, если вся заслуга послѣдующихъ писателей состояла въ постепенной эмансипаціи русской литературы изъ-подъ его вліянія, слѣдовательно въ томъ, что они старались писать не такъ, какъ онъ писалъ? И не странное ли это противорѣчіе—говорить съ уваженіемъ о заслугахъ и геніи писателя, котораго вы же сами называете *риторомъ*?“

Во-первыхъ, Ломоносовъ нисколько не былъ ритормъ по его натурѣ: для этого онъ былъ слишкомъ великъ; но его сдѣлали ритормъ не отъ него зависѣвшія обстоятельства. Его сочиненія раздѣляются на ученныя и литературныя: къ послѣднимъ мы относимъ оды, „Петриаду“, трагедіи, словомъ, всѣ стихотворныя его опыты и похвальные слова. Въ его ученыхъ сочиненіяхъ по части астрономіи, физики, химіи, металлургіи, навигаціи — нѣтъ риторики, хотя они и писаны длинными періодами по латино-нѣмецкой конструкціи, съ глаголами въ концѣ; но его стихотворныя произведенія и похвальные рѣчи преисполнены риторики. Отчего же это? Оттого, что для ученыхъ своихъ сочиненій у него было готовое содержаніе, которое добылъ онъ себѣ наукою и трудомъ въ нѣмецкой землѣ, и котораго ему не нужно было дожидаться или допрашиваться у своего отечества. Пріобрѣтенное ученіемъ и трудомъ, онъ развилъ и увеличилъ собственнымъ геніемъ. Стало быть, онъ зналъ, чтѣ писалъ, и не нуждался въ риторицѣ. Содержанія же для своей поэзіи онъ не могъ найти въ общественной жизни своего отечества, потому что тутъ не было не только сознанія, но и стремленія къ нему, стало быть, не было никакихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ взять для своей поэзіи совершенно чуждое, но зато готовое содержаніе, выражая въ своихъ стихахъ чувства, понятія и идеи, выработанныя не нами, не нашею жизнію и не на нашей почвѣ. Это значило сдѣлаться ритормъ поневолѣ, по-

тому что понятія чуждой жизни, выдаваемые за понятія своей жизни, всегда—риторика. Еще болѣе риторикой были въ то время европейскіе кафтаны, камзолы, башмаки, парики, робронды, мушки, ассамблеи, менуэты и т. д. Но кто же, кромѣ теоретиковъ и фантазеровъ, скажетъ, чтобы теперь европейская одежда и нравы не сдѣлались національными для лучшей, т.-е. образованнѣйшей части русскаго общества, нисколько не мѣшая ему быть *русскимъ* на самомъ дѣлѣ, а не по названію только? Скажемъ болѣе: въ отношеніи не только къ образованнѣйшей части русскаго общества, но и всего народа русскаго теперь сдѣлались чистой риторикой всѣ понятія, опредѣленія и слова до-петровскаго русскаго быта,—и если бы военныя и гражданскіе чины наши были переименованы въ стратиговъ, бояръ, стольниковъ и т. п.,—простой народъ тутъ ровно ничего бы не понялъ. То же самое, благодаря Ломоносову, совершилось и въ литературномъ мірѣ: всѣ поддѣлки подъ народность теперь пахнутъ простонародностью, т.-е. пошлостью, и всѣ попытки въ этомъ родѣ самыхъ даровитыхъ писателей отзываются риторикой.

„Но какимъ же чудомъ,—спросятъ насъ,—внѣшнее, абстрактное заимствованіе чужого и искусственное перенесеніе его на родную почву,—какимъ чудомъ могло породить оно живой, органическій плодъ?“—Въ отвѣтъ на это скажемъ то же, чтѣ уже говорили: рѣшеніе этого вопроса, безъ сомнѣнія, интересно; но намъ нѣтъ дѣла до него: для насъ довольно сказать, что такъ, именно такъ было, что это историческій фактъ, достовѣрности котораго не можетъ и подуматъ опровергать тотъ, у кого есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать. Писатели, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе черезъ освобожденіе литературы русской отъ ломоносовскаго вліянія, нисколько не думали объ этомъ; это дѣлалось у нихъ безсознательно; за нихъ работалъ духъ времени, котораго они были органами. Они высоко уважали Ломоносова, какъ поэта, благоговѣли передъ его геніемъ, старались подражать ему, и все-таки больше и больше отходили отъ него. Разительный примѣръ этого—Державинъ. Но въ томъ-то и состоитъ жизненность европейскаго начала, привитаго къ нашей народности Петромъ Великимъ, что оно не коснѣетъ въ мертвой стоячести, но движется, идетъ впередъ, развивается. Если бы Ломоносовъ не вздумалъ писать одъ по образцу современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ и французскаго лирика Жанъ-Батиста Руссо, не вздумалъ писать своей *Петриады* по образцу виргиліевой „Энеиды“, гдѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, героемъ

¹⁾ О развитіи этой мысли у Бѣлинскаго см. выше стр. 5—6.

своей поэмы, сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ и Нептуна, засадивъ его съ тритонами и наядами на дно прохладнаго Бѣлаго моря; если бы, говоримъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ книжныхъ, школярныхъ несообразностей онъ обратился къ источникамъ нашей народной поэзіи—къ *Слову о Полку Игоревомъ*, къ русскимъ сказкамъ (извѣстнымъ теперь по сборнику Кирши Данилова), къ народнымъ пѣснямъ, и, вдохновленный, проникнутый ими, на ихъ чисто народномъ основаніи, рѣшился бы построить зданіе новой русской литературы: что бы тогда вышло?—Вопросъ, повидимому, важный, но въ сущности пререпутой, похожій на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что было бы, если бы Петръ Великій родился во Франціи, а Наполеонъ—въ Россіи, или: что было бы, если бы зимой слѣдовала не весна, а прямо лѣто? и т. п. Мы можемъ знать, что было и что есть, но какъ намъ знать, чего не было или чего нѣтъ? Разумѣется, и въ сферѣ исторіи все мелкое, ничтожное, случайное могло бы быть и не такъ, какъ было; но ея великія событія, имѣющія вліяніе на будущность народовъ, не могутъ быть иначе, какъ именно такъ, какъ они бываютъ, разумѣется, въ отношеніи къ главному ихъ смыслу, а не къ подробностямъ проявленія. Петръ Великій могъ построить Петербургъ, пожалуй, тамъ, гдѣ теперь Шлиссельбургъ, или, по крайвей мѣрѣ, хоть немного выше, т. е. дальше отъ моря, чѣмъ теперь; могъ сдѣлать новою столицею Ревель или Ригу; во всемъ этомъ играла большую роль случайность, разныя обстоятельства; но сущность дѣла была не въ томъ, а въ необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы намъ средство легко и удобно сноситься съ Европою. Въ этой мысли уже не было ничего случайнаго, ничего такого, что могло бы равно и быть и не быть, или быть иначе, нежели какъ было. Но для тѣхъ, для кого не существуетъ разумной необходимости великихъ историческихъ событій, мы, пожалуй, готовы признать важность вопроса: что было бы, если-бъ Ломоносовъ основалъ новую русскую литературу на народномъ началѣ?—и отвѣтимъ имъ, что изъ этого ровно ничего не вышло бы. Однообразныя формы нашей бѣдной народной поэзіи ¹⁾ были достаточны для выраженія ограниченнаго содержанія племенной, естественной, непосредственной, полу-патріархальной жизни старой Руси; но новое содержаніе не шло къ нимъ, не улегалось въ нихъ; для него необходимы были и новыя формы. Тогда спасеніе наше зависѣло не отъ народности,

а отъ европеизма; ради нашего спасенія, тогда необходимо было не задушить, не истребить (дѣло или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, такъ сказать, задержать на время (*suspendre*) ея ходъ и развитіе, чтобы привить къ ея почвѣ новыя элементы. Пока эти элементы относились къ нашимъ роднымъ, какъ масло къ водѣ,—у насъ, естественно, все было риторикою—и нравы, и ихъ выраженіе—литература. Но тутъ было живое начало органическаго сращенія, черезъ процессъ усваиванія (*assimilation*), и потому литература отъ абстрактнаго начала мертвой подражательности двигалась все къ живому началу самобытности. И мы дождались, наконецъ, до того, что переводъ нѣсколькихъ повѣстей Гоголя на французскій языкъ обратилъ на русскую литературу удивленное вниманіе всей Европы,—говоримъ *удивленное*, потому что переводы русскихъ романовъ и повѣстей на иностранныя языки дѣлались и прежде, но вмѣсто вниманія порождали въ иностранцахъ совсѣмъ не лестное для насъ невниманіе къ нашей литературѣ, по той причинѣ, что эти русскіе повѣсти и романы, переведенные на ихъ языки, они считали, напротивъ, переводами съ ихъ языковъ: такъ чужды они были всего русскаго, всякой самобытности и оригинальности.

Карамзинъ окончательно освободилъ русскую литературу отъ ломоносовскаго вліянія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ освободилъ ее отъ риторики и сдѣлалъ національною: онъ много *для этого* сдѣлалъ, но *этого* не сдѣлалъ, потому что до *этого* было еще далеко. Первымъ національнымъ поэтомъ русскимъ былъ Пушкинъ ¹⁾; съ него начался новый періодъ нашей литературы, еще больше противоположный карамзинскому, нежели этотъ послѣдній ломоносовскому. Вліяніе Карамзина до сихъ поръ ощутительно въ нашей литературѣ, и полное освобожденіе отъ него будетъ великимъ шагомъ впередъ со стороны русской литературы. Но это не только ни на волосъ не уменьшаетъ заслугъ Карамзина, но, напро-

¹⁾ Намъ могутъ замѣтить, ссылаясь на собственные наши слова, что не Пушкинъ, а Крыловъ; но, вѣдь, Крыловъ былъ только баснописецъ-поэтъ, тогда какъ трудно было бы такимъ же образомъ однимъ словомъ опредѣлить, какой поэтъ былъ Пушкинъ. Поэзія Крылова—поэзія здраваго смысла, житейской мудрости, и для нея скорѣе, чѣмъ для всякой другой поэзіи, можно было найти готовое содержаніе въ русской жизни. Притомъ же, самыя лучшія, слѣдовательно, самыя народныя басни свои Крыловъ написалъ уже въ эпоху дѣятельности Пушкина, и слѣдовательно, новаго движенія, которое послѣдній далъ русской поэзіи.

¹⁾ Объ отношеніи Бѣлинскаго къ народной поэзіи см. т. II, ст. № 30.

тивъ, обнаруживаетъ всю ихъ великость: вредное во вліяніи писателя есть запоздалое, отсталое, а чтобы оно владычествовало не въ свое время, необходимо, чтобы въ свое время оно было новымъ, живымъ, прекраснымъ и великимъ.

Въ отношеніи къ литературѣ, какъ къ искусству, поэзіи, творчеству вліяніе Карамзина теперь совершенно исчезло, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи литература наша всего ближе къ той зрѣлости и возмужалости, рѣчью о которыхъ мы начали эту статью. Такъ называемую *натуральную школу* нельзя упрекнуть въ риторикѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ вольное или невольное искаженіе дѣйствительности, фальшивое идеализированіе жизни. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, чтобы всѣ новые писатели, которыхъ (въ похвалу имъ или въ осужденіе) причисляютъ къ *натуральной школѣ*, были все гении или необыкновенные таланты; мы далеки отъ подобнаго дѣтскаго обольщенія. За исключеніемъ Гоголя, который создалъ въ Россіи новое искусство, новую литературу, и котораго гениальность давно уже признана не нами одними и даже не въ одной Россіи только,—мы видимъ въ *натуральной школѣ* довольно талантовъ, отъ весьма замѣчательныхъ до весьма обыкновенныхъ. Но не въ талантахъ, не въ ихъ числѣ видимъ мы собственно прогрессъ литературы, а въ ихъ направленіи, ихъ манерѣ писать. Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализировали дѣйствительность*, т.-е. изображали несуществующее, рассказывали о небываломъ; а теперь они воспроизводятъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ. Отъ этого литература получила важное значеніе въ глазахъ общества. Русская повѣсть въ журналѣ предпочитается переводной, и мало того, чтобы повѣсть была написана русскимъ авторомъ, необходимо, чтобы она изображала русскую жизнь. Безъ русскихъ повѣстей теперь не можетъ имѣть успѣха ни одинъ журналъ. И это не прихоть, не мода, но разумная потребность, имѣющая глубокий смыслъ, глубокое основаніе: въ ней выражается стремленіе русскаго общества къ самосознанію, слѣдовательно, пробужденіе въ немъ нравственныхъ интересовъ, умственной жизни. Уже безвозвратно прошло то время, когда даже всякая посредственность иностранная казалась выше всякаго таланта русскаго. Умѣя отдавать справедливость чужому, русское общество уже умѣетъ цѣнить и свое, равно чуждаясь какъ хвастливости, такъ и уничиженія. Но если оно болѣе интересуется *хорошою* русскою повѣстью, нежели *превосходнымъ* иностраннымъ романомъ,—въ этомъ виденъ огромный шагъ впередъ съ его сто-

роны. Въ одно и то же время умѣть видѣть превосходство чужого надъ своимъ и все-таки ближе принимать къ сердцу свое,—тутъ нѣтъ ложнаго патріотизма, нѣтъ ограниченаго пристрастія: тутъ только благородное и законное стремленіе сознать себя...

Натуральную школу обвиняютъ въ стремленіи все изображать съ дурной стороны. Какъ водится, у однихъ это обвиненіе—умышленная клевета; у другихъ—искренняя жалоба. Во всякомъ случаѣ, возможность подобнаго обвиненія показываетъ только то, что натуральная школа, несмотря на ея огромные успѣхи, существуетъ еще недавно, что къ ней не успѣли еще привыкнуть, и что у насъ еще много людей карамзинскаго образованія, которыхъ риторика имѣетъ свойство утѣшать, а истина—огорчать. Разумѣется, нельзя, чтобы всѣ обвиненія противъ натуральной школы были положительно ложны, а она во всемъ была непогрѣшительно права. Но если бы ея преобладающее отрицательное направленіе и было одностороннею крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дать возможность тѣмъ же людямъ, или ихъ послѣдователямъ, когда придетъ время, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая, словомъ, не идеализируя ихъ риторически.

Но внѣ міра собственно беллетристическаго вліяніе Карамзина до сихъ поръ еще очень ощутительно. Это всего лучше доказываетъ такъ называемая партія *славянофильская*. Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится—это другое дѣло. Но прежде всего славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны. Славянофиловъ у насъ много, и число ихъ все увеличивается; фактъ, который тоже говоритъ въ пользу славянофильства. Можно сказать, что вся наша литература, а

съ нею и часть публики, если не вся публика, раздѣлилась на двѣ стороны—славянофиловъ и не-славянофиловъ. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но, разсмотрѣвши его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя. Поэтому нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гниющаго будто бы Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ); но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя наполовину, какъ на примѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по-русски; и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но зато они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чемъ бы они ни были—о нашей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ, равно безплодно и вредно, ибо сонъ есть не жизнь, а только грѣзы о жизни; и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьезнаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее

чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и намекнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и будущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ *Быть или не быть?* Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли варяги—съ Запада или съ Юга, изъ-за Балтійскаго или изъ-за Чернаго моря; а о томъ, проходить ли черезъ нашу исторію какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходить, какая именно ¹⁾, какія наши отношенія къ нашему прошедшему, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны. И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдованій начинаетъ оказываться, что, во-первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Когда русскій бываетъ за границею, его слушаютъ, имъ интересуются не тогда, какъ онъ истинно-европейски рассуждаетъ о европейскихъ вопросахъ, но когда онъ судить о нихъ, какъ русскій, хотя бы по этой причинѣ сужденія его были ложны, пристрастны, ограничены, односторонни. И потому онъ чувствуетъ тамъ необходимость придать себѣ характеръ своей національности, и, за неимѣніемъ лучшаго, становится славянофиломъ, хотя на время и притомъ неискренно, чтобы только чѣмъ-нибудь казаться въ глазахъ иностранцевъ. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія, мы не можемъ не видѣть какъ во многихъ отношеніяхъ смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ на счетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, забѣливъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи побѣдки за границу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ русскихъ отправляются туда рѣшительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная къ чему, и потому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться русскими. Что же все это означаетъ?—Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и правамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собой)?...

Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а

¹⁾ Этой темѣ какъ-разъ посвящена статья Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, напечатанная въ той же книжкѣ „Современника“, въ какой появилась и настоящая статья Бѣлинскаго; см. ниже ст. № 65.

именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ: неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и переимѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весной слѣдовать зиму, а за осенью—лѣто. Это значило бы еще признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть, до самаго 1812 года—эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Въмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ и смѣшать всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути вышешю насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться* и начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшности принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ челоѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ челоѣческаго. Европейскихъ элементовъ такъ много вошло въ русскую жизнь, въ русскіе нравы, что намъ вовсе не нужно безпрестанно обращаться къ Европѣ, чтобъ сознавать наши потребности: и на основаніи того, что уже усвоено нами отъ Европы, мы достаточно можемъ судить о томъ, что намъ нужно.

Повторяемъ, славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ: но тѣмъ не менѣе ихъ роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотя видѣть плодъ прежде цвѣта, и находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другого рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая Петровская Россія такъ же молода, какъ Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя, по окончаніи процесса, должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что въ послѣдствіи должно явиться результатомъ процесса. Въ этомъ отношеніи Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, чьихъ исторія шла діаметрально противоположно нашей, и давно уже дала и цвѣтъ, и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, русскому легче усвоить себѣ взглядъ француза, англичанина или нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, по-русски, потому что то готовый взглядъ, съ которымъ равно легко знакомить его и наука и современная дѣятельность; тогда какъ онъ въ отношеніи къ самому себѣ еще загадка, потому что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все зародыши, зачатки и ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть нѣчто грустное, но зато какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ! Дубъ растетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желать скораго свершенія своихъ желаній, но скороспѣлость ненадежна: намъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что французы, англичане, нѣмцы такъ національны каждый по-своему, что не въ состояніи понимать другъ друга,—тогда какъ русскому равно доступны и социальность француза, и практическая дѣятельность англичанина, и туманная философія нѣмца. Одни видятъ въ этомъ наше превосходство передъ всѣми другими народами; другіе выводятъ изъ этого весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: ибо, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко поддѣлываться подъ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко понимать чужіе; но поддѣлываться подъ чужую жизнь—не значитъ жить, понять

чужіе интересы—не значить усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но не совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажемъ, что рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности, слѣдовательно, живущихъ чисто внѣшнею жизнію. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; но кому же неизвѣстно, что его крѣпость и сила—до поры до времени?.. Намъ, русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство, и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честью не одно суровое испытаніе судьбы, не разъ были на краю гибели, и всегда успѣвали спастись отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь, мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль,—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванія, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими... Такъ какъ русская литература есть главный предметъ нашей статьи, то въ настоящемъ случаѣ будетъ очень естественно сослаться на ея свѣдѣтельство. Она существуетъ всего какихъ-нибудь *сто семь лѣтъ*, а между тѣмъ въ ней уже есть нѣсколько произведеній, которыя потому только и интересны для иностранцевъ, что кажутся имъ непохожими на произведенія ихъ литературъ, слѣдовательно, оригинальными, самобытными, т.-е. національно-русскими. Но въ чемъ состоитъ эта русская національность,—этого пока еще нельзя опредѣлить; для насъ пока довольно того, что элементы ея уже начинаютъ пробиваться и обнаруживаться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго...

Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности,—въ этомъ заключается равно и его слабая и его сильная сторона. Слабая потому, что этой многосторонности дѣйствительно много помогаетъ его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національных интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностію, что эта независимость только *помогаетъ* этой многосторонности, а едва ли

можно сказать съ какою-нибудь достовѣрностію, чтобы она *производила* ее. По крайней мѣрѣ намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло приписывать положенію то, что всего болѣе должно приписывать природной даровитости. Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего боясь произвольныхъ [имѣющихъ только субъективное значеніе]¹⁾ выводовъ, мы не утверждаемъ за непреклонное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія...

Простимъ извиненія у гг. славянофиловъ, если мы приписали имъ что-нибудь такое, чего они не думали или не говорили: если бы они могли упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь подобномъ, пусть примутъ это за простую и неумышленную ошибку съ нашей стороны. Каковы бы ни были ихъ понятія, или, по-нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ сочувствовать всякому искреннему, независимому и благородному, въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію. На чьей сторонѣ истина—разсудить время, великій и непогрѣшительный судья всѣхъ умственныхъ и теоретическихъ тяжбъ. Журналъ, который теперь одинъ остался органомъ славянофильскаго направленія²⁾, объявилъ нѣкогда „непримиримую вражду“ всякому противоположному направленію. Что касается до насъ, имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы тоже готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и вмѣстѣ съ тѣмъ противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію; но мы хотѣли бы защищать наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ противоборствовать съ твердostí и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ не правъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами, и вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній

1) „личныхъ“.

2) „Москвитянинъ“.

заводить безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій...

На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятъ въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго къ частному, словомъ, въ міръ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными на счетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. О такихъ людяхъ русская поговорка выражается, что у нихъ *умъ за разумъ зашелъ*,—выраженіе, столько же глубокомысленное, сколько и справедливое, потому что оно не отнимаетъ у людей этого разбора ни ума, ни разсудка, но только указываетъ на ихъ неправильныя, превратныя дѣйствія, словно на два испортившіяся колеса въ машинѣ, которыя дѣйствуютъ одно за другое, вопреки своему назначенію, и этимъ дѣлаютъ всю машину негодною къ употребленію. Итакъ, все на свѣтѣ только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. „Какъ,—скажутъ намъ,—и истина и добродѣтель — понятія относительныя?“ — Нѣтъ, какъ *понятіе*, какъ *мысль*, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ*, онѣ относительны. Идея истины и добра признавалась всѣми народами, во всѣ вѣка; но что непреложная истина, что добро для одного народа или вѣка, то часто бываетъ ложью и зломъ для другого народа, въ другой вѣкъ. Поэтому безусловный или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ, или отвлеченнымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но ничего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы?—о народности, о дѣйствительности. На что больше всего нападаютъ они?—на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. Понятіе „дѣйствительности“ совершенно новое; на „романтизмъ“ прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одномъ искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о „народности“

имѣло прежде исключительно литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы; но разница въ томъ, что литература-то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судятъ теперь объ этихъ предметахъ,—вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ особенности вопросъ о „народности“ сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародьи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдкѣ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое, и неясно, намеками указываютъ намъ на *смирненіе*, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смирненіе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны, для француза, какъ и для русскаго, для англичанина, какъ и для турка, но что она едва ли можетъ одна составить то, что называется „народностью“. Притомъ же, этотъ взглядъ, можетъ быть, превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ нашъ отличается скорѣе гордыней и драчливостью, нежели смирненіемъ. Татарамъ поддались мы совсѣмъ не отъ смирненія (что было бы для насъ не честью, а безчестіемъ, какъ и для всякаго другого народа), а по безсилію, вслѣдствіе раздѣленія нашихъ силъ родовымъ, кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніе правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ; Симеонъ даже прозванъ былъ „гордымъ“; а эти князья были первоначальниками силы Московскаго царства. Димитрій Донской мечомъ, а не смирненіемъ предсказалъ татарамъ конецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоанны III и IV, оба прозванные „грозными“, не отличались смирненіемъ. Только слабый Θεодоръ составляетъ исключеніе изъ правила. И, вообще, какъ-то странно видѣть въ смирненіи причину, по которой ничтожное Московское княжество сдѣлалось впослѣдствіи сперва Московскимъ царствомъ, а потомъ Россійской имперіей, пріосѣнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣлоруссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Финляндію, Кавказъ... Конечно,

въ русской исторіи можно найти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найти ихъ, и чѣмъ какой-нибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Θεодору Іоанновичу?.. Толкуютъ еще *о любви*, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ галльскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную мономанію, такъ что кто-то изъ этихъ „нѣкоторыхъ“¹⁾ рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью, отдѣлались мы не только отъ татаръ, но и отъ нашествія Наполеона... Не правда ли, что въ этихъ словахъ высокій образецъ ума, зашедшаго за разумъ, вслѣдствіе увлеченія системою, теорією, несообразною съ дѣйствительностію?.. Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще и такъ же не можетъ быть исключительною принадлежностію одного народа и племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово... Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ чисто-юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнетеніе приняло видъ не произвола, а закона. У славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ кроткихъ и любовныхъ патріархальныхъ отношеній. Но долго ли продолжался этотъ патріархальный бытъ и что мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? Еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе нелюбовныя—хитраго воителя Олега, суроваго воителя Святослава, потомъ Святополка (убійцу Бориса и Глѣба), дѣтей Владиміра, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, скажутъ, занесли къ намъ варяги, и—прибавимъ мы отъ себя—положили этимъ начало искаженію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ и хлопотать? Удѣльный періодъ такъ же мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви и настоящаго смиренія. [Уголовные законы], пытки, казни періода Московскаго царства и послѣдующихъ временъ, до самаго царствованія Екатерины Великой, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена славянъ. Гдѣ же тутъ любовь, какъ націо-

нальное начало? Національнымъ началомъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его не-историческимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальныя нравы, а съ ними исчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужъ не возвратиться ли намъ къ этимъ временамъ? Почему-жъ бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношей, а юношѣ—младенцемъ?..

Естественно, что подобныя крайности вызываютъ такіе же противоположныя имъ крайности. Одни бросились въ фантастическую народность; другіе—въ фантастическій космополитизмъ, во имя человѣчества. По мнѣнію послѣднихъ, національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, что есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противопологается всему человѣческому. Чувствуя же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, противоположнаго, по ихъ мнѣнію, національному, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то *дуализмъ*, который они видятъ всюду, даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма. Великіе люди, по ихъ гонятію, стоятъ внѣ своей національности, и вся заслуга, все величіе ихъ въ томъ и заключается, что они идутъ прямо противъ своей національности, борятся съ нею и побѣждаютъ ее. Вотъ истинно русское и, въ этомъ отношеніи, рѣзко-національное мнѣніе, которое не могло бы придти въ голову европейцу! Это мнѣніе вытекло прямо изъ ложнаго взгляда на реформу Петра Великаго, который, по общему въ Россіи мнѣнію, будто бы уничтожилъ русскую народность. Это мнѣніе тѣхъ, которые народность видятъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ, не понимая, что въ нихъ дѣйствительно отражается народность, но что они одни отнюдь еще не составляютъ народности. Раздѣлить народное и человѣческое на два совершенно чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ¹⁾.

Что составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность?—Конечно, то, что мы называемъ его

¹⁾ Хомяковъ; см. вступительную замѣтку.

¹⁾ Все это относится къ Вал. Майкову, критику „Отеч. Записокъ“; см. вступительную замѣтку.

духовностью, т.-е. чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ?—Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы съиздѣтства привыкли презирать, можетъ быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней чисто-нравственныхъ они лечатъ иногда средствами чисто-матеріальными, и наоборотъ. Изъ этого видно, что врачи, уважая тѣло, не презираютъ души: они только не презираютъ тѣла, уважая душу. Въ этомъ отношеніи, они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произрастила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли.—Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство?—Прекрасно!—такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души.—Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?—Прекрасно!—такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этой массой мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственные отправленія, откуда по всему организму распространяются черезъ позвоночный хребетъ нити нервъ, которыя суть органы ощущеній и чувствъ, и которыя исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріальнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе, вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или—что еще хуже—сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на фізіологію, такъ же несостоятельна, какъ и фізіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбриономъ (зародышемъ) прослѣдить [физическій процессъ нравственнаго развитія] ¹⁾. Но это внутренній міръ фізіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружи въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, что такое лицо, глаза, го-

лосъ, манеры? Вѣдь это все—тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому что вѣдь все это—не чувство, не умъ, не воля?—такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы видимъ и слышимъ и чувство, и умъ, и волю. [Всего случайнѣе въ человѣкѣ его манеры, потому что онѣ больше всего зависятъ отъ воспитанія, образа жизни, отъ общества, въ которомъ живетъ человѣкъ; но почему же иногда и въ грубыхъ манерахъ мужика чувство ваше угадываетъ добраго человѣка, которому вы смѣло можете довѣриться, и въ то же время изящныя манеры свѣтскаго человѣка заставляютъ васъ иногда невольно остерегаться его?]

—Сколько на свѣтѣ людей съ душою, съ чувствомъ, но у каждаго изъ нихъ его чувство имѣетъ свой характеръ, свою особенность. Сколько на свѣтѣ умныхъ людей, и между тѣмъ у каждаго изъ нихъ свой умъ. Это не значитъ, чтобы умы у людей были разные: въ такомъ случаѣ люди не могли бы понимать другъ друга; но это значитъ, что у самаго ума есть своя индивидуальность. Въ этомъ его ограниченность, и поэтому умъ величайшаго генія всегда неизмѣримо ниже ума всего человѣчества; но въ этомъ же и его дѣйствительность, его реальность. Умъ безъ плоти, безъ фізіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ—это человѣкъ въ тѣлѣ или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, *личность*. Оттого-то на свѣтѣ столько умовъ, сколько людей, и только у человѣчества одинъ умъ. Посмотрите: сколько нравственныхъ оттѣнковъ въ человѣческой натурѣ: у одного умъ едва замѣтенъ изъ-за сердца, у другого сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ на дѣло, да ничего сдѣлать не можетъ, потому что нѣтъ у него воли; а у того страшная воля, да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходитъ или вздоръ, или зло. Перечестъ этихъ оттѣнковъ такъ же невозможно, какъ перечестъ различія фізіономій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ найти еще менѣе возможно; нежели найти два древесные листка, совершенно схожіе между собою... Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда вамъ укажутъ на другую, которой нравственные качества выше, вы обязаны будете перевлюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любить человѣка, любятъ его всего, не какъ

¹⁾ „таинственный процессъ организма“.

идею, а какъ живую личность; любятъ въ немъ особенно то, чего не умѣютъ ни опредѣлить, ни назвать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы опреѣлили и назвали вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его фizioноміи, его голоса, словомъ, все то, что составляетъ его особность, что дѣлаетъ его не похожимъ на другихъ, и за что именно вы больше всего и любите его? Иначе, зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа?—Вѣдь съ нимъ не умерло то, что было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ,—а умерло только грубо-матеріальное, случайное?.. Но объ этомъ-то случайномъ и рыдаете вы горько, потому что воспоминанье о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣнитъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспоминанье о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но зато оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и не утѣшитъ людей близкихъ поэту; но что передаетъ поэтъ потомству въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ кто-нибудь, личность по преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собою совершенно особенный, оригинальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гёте и Жоржъ Зандомъ общаго только то, что всѣ они — великіе поэты...

Но что же эта личность, которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и генію, и безъ которой, все — или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность? Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели; но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея нѣдрахъ, и никто не скажетъ вамъ, что она такое. Такъ точно ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальанизмъ, магнетизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, все-таки не умѣютъ сказать, что они такое. Страннѣе всего, что все, что мы можемъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она

ничтожна передъ чувствомъ, разумомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями; но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія...

Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣчества. Другими словами: народности суть личность человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живые существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики... Но, къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому...

Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ — человѣкъ; но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во-первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ его вмѣстить въ себя, а во-вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и по тому самому есть ограниченіе человѣческой сущности: ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его геніальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой-нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т.-е. сдѣлать ихъ существованіе не нужнымъ), но даже и ни одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи; но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ; но чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ; не народъ, а племя. Въ томъ

и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него же самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не больше, какъ риторическая фигура, но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается черезъ заимствованіе у другого, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы перерабатывать ихъ, самодѣятельностью собственной національности, въ собственную же сущность, — тогда онъ гибнетъ политически. На свѣтѣ много людей, извѣстныхъ подъ именемъ „пустыхъ“: они умны чужимъ умомъ, ни о чемъ не имѣютъ своего мнѣнія, а между тѣмъ и учатся и слѣдятъ за всѣмъ на свѣтѣ. Пустота ихъ въ томъ и состоитъ, что они заимствуютъ цѣликомъ, и ихъ мозгъ не перевариваетъ чужой мысли, а передаетъ ее, черезъ языкъ, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ принялъ ее. Это люди безличныя, потому что чѣмъ човѣкъ личнѣе, тѣмъ способнѣе обращать чужое въ свое, т-е. налагать на него отпечатокъ своей личности. Что човѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности. Это доказывается тѣмъ, что всѣ націи, игравшія и играющія первыя роли въ исторіи човѣчества, отличались и отличаются наиболѣе рѣзкою національністю. Вспомните евреевъ, грековъ и римлянъ; посмотрите на французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. Въ наше время народныя вражды и антипатіи погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ англичанину только за то, что онъ — англичанинъ, и наоборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе обнаруживается въ наше время сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть по преимуществу время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть французомъ, и требуетъ отъ нѣмца, чтобы тотъ былъ нѣмцемъ, и только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А между тѣмъ они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исто-

рія говорить, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-бессильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра. Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основного пеласгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, и все-таки остались римлянами, и если пали, то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а оттого, что были послѣдними представителями исчерпавшаго всю жизнь свою древняго міра, долженствовавшаго обновиться черезъ христіанство и тевтонскихъ варваровъ. Французская литература долгое время рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила ихъ заимствованіями, — и все-таки оставалась національно французскою. Все отрицательное движеніе французской литературы XVIII вѣка вышло изъ Англіи; но французы до того умѣли усвоить его себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у ихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.

Раздѣленіе народа на противоположныя, враждебныя будто бы другъ другу большинство и меньшинство, можетъ быть, и справедливо со стороны логики, но рѣшительно ложно со стороны здраваго смысла. Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ. Еще страннѣе приписать большинству народа только дурныя качества, а меньшинству одни хорошія. Хороша была бы французская нація, если бы о ней стали судить по развратному дворянству временъ Людовика XV-го. Этотъ примѣръ указываетъ, что меньшинство скорѣе можетъ выражать собою болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа, потому что оно живетъ искусственною жизнью, когда противопоставляетъ себя большинству, какъ что-то отдѣльное отъ него и чуждое ему. Это видимъ мы и въ современной намъ Франціи въ лицѣ *bourgeoisie* — господствующаго теперь въ ней сословія. Что же касается до великихъ людей, — они по преимуществу дѣти своей страны. Великій човѣкъ всегда націоналенъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ собою свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба човѣческаго съ національнымъ, а просто-напросто новаго со старымъ, идеи съ эмпиризмомъ, разума съ предрасудками. Масса всегда живетъ привычкою, и разумнымъ, истиннымъ и полезнымъ считаетъ только то, къ чему привыкла. Она защи-

шаетъ съ остервенѣніемъ то *старое*, противъ котораго, вѣкомъ или менѣе назадъ, съ остервенѣніемъ же боролась она, какъ противъ *новаго*. Противодѣйствіе массы гению необходимо: это съ ея стороны экзаменъ гению: если онъ возьметъ свое, ни на что не смотря, значитъ, онъ точно гений, т.-е. въ самомъ себѣ носить свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонеръ, всякій мечтатель, всякій философъ, всякій маленький великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій то въ ту, то въ другую сторону...

Нѣтъ никакой необходимости раздѣляться народу на самого себя, чтобы доставить себѣ источникъ новыхъ идей. Источникъ всего новаго есть старое; по крайней мѣрѣ, старымъ готовится новое. Въ гениа не столько поражаетъ находчивость новаго, сколько смѣлость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть. Необходимость нововведеній въ Россіи чувствовали еще предшественники Петра; она указывалась настоящимъ положеніемъ государства; но произвести реформу могъ только Петръ. Для этого ему вовсе не нужно было предполагать себя во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему народу; но, напротивъ, нужно было знать и любить его, сознавать свое кровное единство съ нимъ. Что въ народѣ безсознательно живетъ какъ возможность, то въ гениа является, какъ осуществленіе, какъ дѣйствительность. Народъ относится къ своимъ великимъ людямъ, какъ почва къ растеніямъ, которыя производитъ она. Тутъ единство, а не раздѣленіе, не двойственность. И вопреки *силлогистамъ* (новое слово!), для великаго поэта нѣтъ большей чести, какъ быть въ высшей степени національнымъ, потому что иначе онъ и не можетъ быть великимъ. То, что называютъ резонеры *человѣческимъ*, противопоставляя его *національному*, есть въ сущности *новое*, непосредственно и логически слѣдующее изъ *старого*, хотя бы оно и было чистымъ его отрицаніемъ. Когда крайность какого-нибудь принципа доводится до глупости, изъ нея одинъ естественный путь—переходъ въ противоположную крайность. Это въ натурѣ и человѣка и народовъ. Слѣдовательно, источникъ всякаго прогресса, всякаго движенія впередъ заключается не въ двойственности народовъ, а въ человѣческой натурѣ, такъ же, какъ въ ней заключается и источникъ уклоненій отъ истины, коснѣнія и неподвижности.

Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что для насъ, русскихъ, еще

важные вопросы, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ всѣ согласны. И—что всего лучше—эти вопросы рѣшены тамъ самою жизнью, или, если теорія и имѣла участіе въ ихъ рѣшеніи, то при помощи дѣйствительности.—Но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому что пока не рѣшимъ мы ихъ сами собой и для самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія.—Теперь Европу занимаютъ новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль донъ-Кихотовъ, горячася изъ-за него. Этимъ мы заслужили бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если и не будетъ блестяще. И начатки этого направленія видимъ мы въ современной русской литературѣ, и въ нихъ—близость ея зрѣлости и возмужалости. Въ этомъ отношеніи литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодovitѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней,—а это *великій успѣхъ* съ ея стороны.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ признаковъ зрѣлости современной русской литературы,—это роль, которую играетъ въ ней стихотворная поэзія ¹⁾. Бывало, стихи и стихи составляли отраду и утѣшеніе нашей публики. Ихъ читали, перечитывали, учили наизусть, покупали, не жалѣя денегъ, или переписывали въ тетради. Но-

¹⁾ Ср. все послѣдующее со статьями №№ 43, 47, 49: въ нихъ высказаны подобныя же мысли о „стихахъ“ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ.

вая поэма въ стихахъ, отрывокъ изъ поэмы, новое стихотвореніе, появившееся въ журналѣ или альманахѣ,—все это пользовалось привилегіею производить шумъ, толки, восторги, споры и т. п. Стихотворцы являлись безъ счету, росли, какъ грибы послѣ дождя. Теперь не то. Стихи играютъ второстепенную въ сравненіи съ прозою роль. Ихъ читаютъ будто нехотя, едва замѣчаютъ, хладнокровно похваляютъ хорошее и ничего не говорятъ о посредственномъ. Стихотворцевъ, противъ прежняго, стало теперь несравненно меньше. Изъ этого многіе заключили, будто въѣкъ поэзіи миновался для русской литературы, что поэзія скрылась отъ насъ чуть ли не навсегда. Мы такъ, напротивъ, видимъ въ этомъ скорѣе торжество, нежели упадокъ русской поэзіи. Чтò поколебало, а потомъ и вовсе изгнало манію стихописанія и стихотеченія?—Прежде всего появленіе Гоголя, потомъ появленіе въ печати посмертныхъ сочиненій Пушкина и, наконецъ, явленіе Лермонтова. Поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на два періода: въ первомъ она является прекрасною, но еще не глубокою, не установившейся, еще доступною для копированія и подражанія; во второмъ мы видимъ ее на неприступной высотѣ художественной зрѣлости, глубины, могущества; тутъ уже нельзя копировать ее, нельзя подражать ей. Талантъ Лермонтова съ перваго же своего дебюта обратилъ на себя всеобщее вниманіе, отбилъ у всѣхъ и у всякаго охоту подражать ему. Послѣ этого доступъ къ поэтической славѣ сдѣлался очень труденъ, такъ что талантъ, который прежде могъ бы играть блестящую роль, теперь долженъ ограничиться болѣе скромнымъ положеніемъ. Это значитъ, что вкусъ публики сдѣлался разборчивѣе, требованія строже; а это, конечно, успѣхъ, а не упадокъ вкуса. Теперь нуженъ новый Пушкинъ, новый Лермонтовъ, чтобы книжка стихотвореній привела въ восторгъ всю публику, въ движеніе—всю литературу. Но уже теперь сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ для господъ поэтовъ обращать на себя вниманіе или пріобрѣтать славу или извѣстность хоть на волосъ выше той мѣры, въ какой они дѣйствительно заслуживаютъ, по своему таланту, вниманія, славы или извѣстности. Талантъ теперь всегда будетъ оцѣненъ, и его успѣхъ уже не зависитъ ни отъ покровительства, ни отъ преслѣдованія журналовъ (если еще чѣмъ могутъ они повредить ему, такъ развѣ молчаніемъ, но уже не похвалами и не бранью); онъ будетъ замѣченъ и оцѣненъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ его истиннаго достоинства—ни больше, ни меньше.

Въ прошломъ 1846 году вышли стихо-

творенія гг. Григорьева, Полонскаго, Лизандера, Плещеева, г-жи Жадовской, Троянъ и Ангелина г. Вельмана—что-то въ родѣ дѣтской сказки не то въ стихахъ, не то въ мѣрной прозѣ; *Слово о Полку Игоря*, передѣланное г. Минаевымъ на поэму во вкусѣ не древности, не старины, а того недавняго времени, когда была мода на поэмы. Это въ сущности не больше, какъ распространеніе, или разжиженіе, довольно бойкими стихами, довольно короткаго и сжатаго *Слова о Полку Игоревомъ*. Мы рады будемъ, если попытка г. Минаева понравится публикѣ; но, что до насъ собственно касается, намъ такъ нравится *Слово о Полку Игоревомъ* въ его настоящемъ видѣ, что мы не можемъ безъ непріятнаго чувства смотрѣть на его передѣлки. Намъ кажется, что его вовсе не нужно ни измѣнять, ни переводить, ни перелagать; но довольно замѣнить въ немъ слишкомъ обветшалыя и непонятныя слова болѣе новыми и понятными, хотя и взятыми же изъ народнаго языка. Мы назвали стихи г. Минаева бойкими; прибавимъ къ этому, что они еще столько же фразисты, сколько и восторженны, и что въ нихъ больше риторики, нежели поэзіи¹⁾. Г. Минаевъ—энтузіастическій поклонникъ *Слова о Полку Игоревомъ*; въ его глазахъ оно чуть ли не выше всей русской поэзіи отъ Ломоносова до Лермонтова вѣлucительно. Это изъясняетъ онъ въ послѣсловіи къ стихотворному труду своему, которое носитъ слѣдующее наивно семинарское названіе: „Для любознательныхъ отроковицъ и юношей“.

Стихотворенія г-жи Юліи Жадовской были превознесены почти всѣми нашими журналами. Дѣйствительно, въ нихъ нельзя отрицать чего-то въ родѣ поэтическаго таланта. Жаль только, что источникъ вдохновенія этого таланта не жизнь, а мечта, и что, поэтому, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею. Это, впрочемъ, выходитъ изъ отношеній г-жи Жадовской къ обществу, какъ женщины. Вотъ стихотвореніе, которое вполне объясняетъ это положеніе:

Меня гнететъ тоски недугъ;
Мнѣ скучно въ этомъ мѣрѣ, другъ;
Мнѣ надоѣли сплетни, вадоръ—
Мужчинъ ничтожный разговоръ,
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ выписные бархаты, шелкъ,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.
Мірскаго суетъ я не терплю,
Но Божій міръ душой люблю,
Но вѣчно будутъ милы мнѣ—
И звѣздъ мерцанье въ вышинѣ,
И шумъ развѣсистыхъ деревьевъ,

¹⁾ Проницательная характеристика Д. Минаева, довольно извѣстнаго впоследствии версификатора.

И зелень бархатныхъ луговъ,
И водъ прозрачный струя,
И въ рошѣхъ пѣсни соловья.

Нужно слишкомъ много смѣлости и героизма, чтобы женщина, такимъ образомъ отстраненная или отстранившаяся отъ общества, не заключилась въ ограниченный кругъ мечтаній, но ринулась бы въ жизнь для борьбы съ нею, если не для наслажденія, котораго возможности не видитъ въ ней. Г-жа Жадовская предпочла этому трудному шагу безмятежное смотрѣніе на небо и звѣзды. Почти въ каждомъ своемъ стихотвореніи не спускаетъ она глазъ съ неба и звѣздъ; но новаго ничего тамъ не замѣтила. Это не то, что Лавре, который открылъ тамъ планету *Нептунъ*, до него никѣмъ не знаемую ¹⁾. Лавре больше поэтъ, чѣмъ г-жа Жадовская, хотъ онъ и не пишетъ стиховъ. Охотно согласимся съ тѣми, кто найдетъ наше сближеніе неумѣстнымъ или натянутымъ; но все-таки скажемъ, что смотрѣть на небо и не видѣть въ немъ ничего, кромѣ общихъ фразъ, съ римами или безъ рима—плохая поэзія! Да и что путнаго можетъ увидѣть въ небѣ поэтъ нашего времени, если онъ совершенно чуждъ самыхъ общихъ физическихъ и астрономическихъ понятій, и не знаетъ, что этотъ голубой куполъ, плѣняющій его глаза, не существуетъ въ дѣйствительности, но есть произведеніе его же собственнаго зрѣнія, ставшаго центромъ видимой имъ сферической окружности; что тамъ, на высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто, и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія, что отъ звѣзды до звѣзды и въ тысячу лѣтъ не долетишь на лучшемъ аэростатѣ... То ли дѣло земля!—на ней намъ и свѣтло, и тепло, на ней все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія... Зато, кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной высотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы...

Изъ поименованныхъ нами стихотворныхъ книжекъ, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательнѣе другихъ—*Стихотворенія Аполлона Григорьева*. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, есть хотъ блески дѣльной поэзіи, т.-е. такой поэзіи, которою не стыдно заниматься, какъ дѣломъ. Жаль, что этихъ блесковъ немного; ими обязанъ былъ г. Григорьевъ вліянію на него Лермонтова; но это вліяніе исчезаетъ въ немъ все больше и больше и переходитъ въ самобытность, которая вся заключается въ туманно-мистическихъ фразахъ, при чтеніи которыхъ неволь-

но приходитъ на память эта старая эпитафия:

Ужъ подлинно Вибрусь боговъ языкомъ пѣль:
Изъ смертныхъ бо его никто не разумѣль.

Вотъ самобытность, которая не стоитъ даже подражательности!

Но истиннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы вообще было вышедшее въ прошломъ году изданіе стихотвореній Кольцова. Несмотря на то, что эти стихотворенія всѣ были уже напечатаны и прочтены въ альманахахъ и журналахъ,—они производятъ впечатлѣніе новости, потому именно, что собраны вмѣстѣ и даютъ читателю понятіе о всей поэтической дѣятельности Кольцова, представляя собою нѣчто цѣлое. Эта книжка—капитальное, классическое приобрѣтеніе русской литературы, не имѣющее ничего общаго съ тѣми эфемерными явленіями, которыя, даже и не будучи лишены относительныхъ достоинствъ, перелистываются, какъ новость, для того, чтобы быть потомъ забытыми. Въ наше время стихотворный талантъ ни почему—вещь очень обыкновенная; чтобы онъ чего-нибудь стоилъ, ему нужно быть не просто талантомъ, но еще большимъ талантомъ, вооруженнымъ самобытною мыслию, горячимъ сочувствіемъ къ жизни, способностію глубоко понимать ее. Благодаря толкамъ журналовъ, нѣкоторые маленькіе таланты кое-какъ поняли это по-своему, и стали на заглавныхъ листкахъ своихъ книжекъ ставить эпитафии, во свидѣтельство, что ихъ поэзія отличается *современнымъ направленіемъ*, да еще латинскіе, въ родѣ слѣдующаго: *Homo sum, et nihil humani a me alienum puto* ¹⁾. Но ни ученость, ни латинскіе эпитафии, ни даже дѣйствительное знаніе латинскаго языка не дадутъ человѣку того, чего не дала ему природа, и такъ называемое „современное направленіе“ поэтовъ извѣстнаго разряда всегда будетъ только „плѣнной мысли раздраженіемъ“. Вотъ отчего полуграмотный прасоль Кольцовъ безъ науки и образованія нашелъ средство сдѣлаться необыкновеннымъ и самобытнымъ поэтомъ. Онъ сдѣлался поэтомъ, самъ не зная какъ, и умеръ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что если ему и удалось написать двѣ-три порядочныя пьески, все-таки онъ былъ поэтъ посредственный и жалкій... Восторги и похвалы друзей немного дѣйствовали на его самолюбіе... Будь онъ живъ теперь, онъ въ первый разъ вкусилъ бы наслажденіе увѣрившагося въ самомъ себѣ достоинства; но судьба отказала ему въ этомъ законномъ вознагражденіи за столько мукъ и сомнѣній...

¹⁾ Открытіе Нептуна было въ то время „событіемъ дня“: планета была найдена 23 сентября 1846 года.

¹⁾ Этотъ эпитафій стоялъ на книжкѣ стихотвореній Плещеева—см. вступительную замѣтку.

Такъ какъ мы не можемъ сказать о поэзии Кольцова ничего, кромѣ того, что уже высказано объ этомъ предметѣ въ статьѣ: *О жизни и о сочиненіяхъ Кольцова*¹⁾, вошедшей въ составъ изданія его сочиненій, то и отсылаемъ къ ней тѣхъ, которые не читали ея, но хотѣли бы знать наше мнѣніе о талантѣ Кольцова и его значеніи въ русской литературѣ.

Изъ стихотворныхъ произведеній, появившихся не отдѣльно, а въ разныхъ изданіяхъ прошлаго года, замѣчательны: *Помѣщикъ*, рассказъ (въ *Петербургскомъ Сборникѣ*), и *Андрей*, поэма (въ *Отечественныхъ Запискахъ*) г. Тургенева; *Машенька*, поэма г. Майкова (въ *Петербургскомъ Сборникѣ*); *Макбетъ* Шекспира, переводъ г. Кронеберга, стихами и прозою. Замѣчательныхъ мелкихъ стихотвореній въ прошломъ году, какъ и вообще въ послѣднее время, было очень мало. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ гг. Майкову, Тургеневу и Некрасову.

О стихотвореніяхъ послѣдняго мы могли бы сказать болѣе, если бы этому рѣшительно не препятствовали его отношенія къ *Современнику*...

Кстати о стихотворныхъ переводахъ классическихъ произведеній. Г. А. Григорьевъ перевелъ софоклову *Антигону* (*Библиотека для Чтенія*, № 8). За многими изъ нашихъ литераторовъ водится замашка говорить съ таинственною важностію о вещахъ давнымъ давно извѣстныхъ и приниматься съ самоувѣренностью за совершенно чуждую имъ работу. Г. Григорьевъ объявляетъ въ небольшомъ предисловіи къ своему переводу, что онъ современемъ „изложитъ свой взглядъ на греческую трагедію“, взглядъ, „особенное начало котораго есть, впрочемъ, непосредственная связь ея съ ученіемъ древнихъ мистерій“. Да это знаютъ дѣти въ низшихъ классахъ гимназій! Вотъ, наприкладъ, идея, что въ одной „Антигонѣ“ является борьба двухъ началъ человѣческой жизни—личнаго права и долга противъ общаго права и долга“, и что, слѣдовательно, въ „Антигонѣ“ изъ-за древнихъ формъ вѣетъ предчувствіемъ иной жизни—эта идея принадлежитъ исключительно г. Григорьеву, и мы охотно готовы оставить ее за нимъ. Что касается до самой *Антигоны*, то едва ли Софоклъ — антическая пчела — узналъ бы себя въ этомъ торопливомъ, исполненномъ претензій и крайне невѣрномъ переводѣ г. Григорьева. Величавый древній сенаръ (шестистопный ямбъ) превратился въ какую-то рубленую, неправильную прозу, напоминающую новѣйшія „драматическія представленія“ нашихъ доморощенныхъ драматурговъ;

мелодическіе хоры являются пустозвоннымъ наборомъ словъ, часто лишеннымъ всякаго смысла; о древнемъ колоритѣ, характеристикѣ кажлаго отдѣльнаго лица нѣтъ и помина¹⁾. Спрашивается, для чего и для кого трудился г. Григорьевъ? Развѣ для того, чтобы отбить у насъ и безъ того не слишкомъ сильную охоту къ классической старинѣ, съ которою онъ такъ необдуманно обошелся?...

По части беллетристической прозы отдѣльными изданіями вышли въ прошломъ году только два сочиненія: *Брянскій Лѣсъ*, эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго, романъ г. Загоскина, и вторая часть *Петербургскихъ Вершинъ*, г. Буткова.

Новый романъ г. Загоскина отличается всѣми, какъ дурными, такъ и хорошими сторонами его прежнихъ романовъ. Отчасти это новое, не помнимъ уже которое счетомъ, подражаніе г. Загоскина своему первому роману—*Юрію Милославскому*. Но герой послѣдняго романа еще безцвѣтнѣе и безличнѣе, нежели герой перваго. О героинѣ нечего и говорить: это вовсе не женщина, а тѣмъ менѣе русская женщина конца XVII столѣтія. По своей завязкѣ *Брянскій Лѣсъ* напоминаетъ сантиментальные романы и повѣсти прошлаго вѣка. Стрѣлецкій сотникъ Лѣвшинъ романически влюбляется въ какую-то неземную дѣву, съ которой сводить его судьба на постояломъ дворѣ. Изъ первой же части романа узнаете вы, что у боярина Буйносова пропала малолѣтняя дочь въ Брянскомъ лѣсу, гдѣ онъ остановился проѣздомъ отдохнуть съ своею холопскою свитою, состоявшею человѣкъ изъ пятидесяти. Узнавши это, вы сейчасъ догадываетесь, что идеальная дѣва, плѣнившая Лѣвшина, есть дочь Буйносова, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаете, что будетъ далѣе въ романѣ и чѣмъ онъ кончится. Любовь двухъ голубковъ высказывается избитыми фразами романовъ прошлаго вѣка, — фразами, которыя никоимъ образомъ не могли бы войти въ голову русскаго человѣка послѣдней половины XVII столѣтія, когда еще не появлялась и знаменитая книжица, рекомая: *Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, то есть писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительные и сожалѣтельные, и иные; такожде между сродниковъ и пріятелей*. Къ слабымъ сторонамъ романа принадлежитъ и его направление, происходящее отъ охоты автора приходить въ восторгъ отъ всякихъ старинныхъ обычаевъ и нравовъ, даже самыхъ нелѣпыхъ, невѣжественныхъ [и варварскихъ] и

¹⁾ Нечего говорить о безчисленныхъ промахахъ; по мнѣнію г. Григорьева, Аресь (Марсъ) должно въговаривать Аресь, и пр. Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ См. выше ст. № 60.

ими, кстати и некстати, колоть глаза современнымъ обычаямъ и правамъ. Впрочемъ, это недостатокъ не важный: гдѣ авторъ рисуетъ старину неправдоподобно, невѣрно, слабо, тамъ онъ, разумѣется, не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, кромѣ скуки; тамъ же, гдѣ онъ изображаетъ *доброе старое время* въ его истинномъ видѣ, какъ писатель съ талантомъ,—тамъ онъ всегда достигаетъ результата, совершенно противоположнаго тому, котораго добивается, т.-е. разубѣждаетъ читателя именно въ томъ, въ чемъ хочетъ его убѣдить, и наоборотъ. И это лучшія страницы романа, написанныя съ замѣчательнымъ талантомъ и отличающіяся большимъ интересомъ, какъ, напр., картина Земскаго приказа и достойнаго подъяка, Ануфрія Трифоныча; рассказъ приказчика Буйносова о пропажѣ его дочери въ глазахъ семи нянекъ и полусотни челядинцевъ, а главное — картина суда на татарскій маверъ,—суда, гдѣ, въ лицѣ боярина Куродавлева и пришедшихъ къ нему судиться двухъ мужиковъ, выказывается вся прелесть нѣкоторыхъ изъ старинныхъ нравовъ. Къ числу хорошихъ сторонъ новаго романа г. Загоскина должно отнести еще вообще не дурно, а мѣстами и прекрасно очерченные характеры раскольниковъ: Андрея Поморянина, старца Пафнутія, отца Филиппа и Волосатаго старца, и боярина Куродавлева, добровольнаго мученика мѣстнической спеси. Но всѣхъ ихъ лучше обрисованъ Андрей Поморянинъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Загоскинъ занимаетъ въ своемъ романѣ вниманіе читателя больше безцвѣтною и скучною любовью своего героя, нежели картинами нравовъ и историческихъ событій этой интересной эпохи. Языкъ новаго романа г. Загоскина, какъ и всѣхъ прежнихъ его романовъ, вездѣ ясенъ, простъ, плавенъ, мѣстами одушевленъ и живъ.

Вторая книга *Петербургскихъ Вершинъ* Буткова показала намъ гораздо лучше первой, хотя и первую мы не нашли дурной. По нашему мнѣнію, у г. Буткова нѣтъ таланта для романа и повѣсти, и онъ очень хорошо дѣлаетъ, оставаясь всегда въ предѣлахъ свойственнаго ему одному рода дагерротипическихъ рассказовъ и очерковъ. Это не творчество, не поэзія, но это стѣдитъ творчества, поэзіи. Рассказы и очерки г. Буткова относятся къ роману, и повѣсти, какъ статистика къ исторіи, какъ дѣйствительность къ поэзіи. Въ нихъ мало фантазіи, зато много ума и сердца; мало юмору, зато много ироніи и остроумія, источникъ которыхъ симпатичная душа. Можетъ быть, талантъ г. Буткова одностороненъ и не отличается особеннымъ объемомъ; но дѣло въ томъ, что можно имѣть талантъ и многостороннѣе и

больше таланта г. Буткова—и напоминать имъ о существованіи то того, то другого, еще бѣльшаго таланта; тогда какъ талантъ г. Буткова никого не напоминаетъ,—онъ совершенно самъ по себѣ. Вотъ почему особенно любимъ мы имъ и уважаемъ его. Рассказы, очерки, анекдоты—называйте ихъ какъ хотите—г. Буткова представляютъ собой какой-то особенный родъ литературы, доселѣ небывалый.

Съ большимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что въ этой второй книжкѣ г. Бутковъ рѣже впадаетъ въ карикатуру, меньше употребляетъ странныхъ словъ, что языкъ его сталъ точнѣе, опредѣленнѣе и содержаніе еще болѣе прониклось мыслью и истиною, чѣмъ было все это въ первой книжкѣ. Это значитъ идти впередъ. Отъ души желаемъ, чтобы третья книжка *Петербургскихъ Вершинъ* поскорѣ вышла.

Обращаясь къ замѣчательнымъ произведеніямъ беллетристической прозы, явившимся въ сборникахъ и журналахъ прошлаго года,—взглядъ нашъ прежде всего встрѣчаетъ *Бѣдныхъ Людей*, романъ, вдругъ доставившій большую извѣстность до того времени совершенно неизвѣстному въ литературѣ имени. Впрочемъ, объ этомъ произведеніи было такъ много говорено во всѣхъ журналахъ, что новые подробные толки о немъ уже не могутъ быть интересны для публики. И потому мы не будемъ слишкомъ распространяться объ этомъ предметѣ. [Сила, глубина и] оригинальность таланта г. Достоевскаго была признана тотчасъ же всѣми, и—что еще важнѣе—публика тотчасъ же обнаружила ту неумѣренную требовательность въ отношеніи къ таланту г. Достоевскаго и ту неумѣренную нетерпимость къ его недостаткамъ, которая имѣетъ свойство возбуждать только сильный талантъ. Почти всѣ единогласно нашли въ *Бѣдныхъ Людяхъ* г. Достоевскаго способность утомлять читателя даже восхищая его, и приписали это свойство, одни—растянутости, другіе—неумѣренной плодovitости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что если бы *Бѣдные Люди* явились хотя десятою долею въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить ихъ отъ излишнихъ повтореній однѣхъ и тѣхъ же фразъ и словъ,—это произведеніе явилось бы [безукоризненно-художественнымъ]¹⁾. Во второй книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* г. Достоевскій вышелъ на судъ заинтересованной имъ публики со вторымъ своимъ романомъ: *Двойникъ. Приключеніе господина Голядкина*. Хотя первый дебютъ молодого писателя уже достаточно уладилъ ему дорогу къ успѣху,

¹⁾ „болѣе художественнымъ“.

однако должно сознаться, что *Двойникъ* не имѣлъ никакого успѣха въ публикѣ. Если еще нельзя на этомъ основаніи осудить второе произведеніе г. Достоевскаго, какъ неудачное, и еще менѣе, какъ не имѣющее никакихъ достоинствъ,—то нельзя также и признать судъ публики неосновательнымъ. Въ *Двойникѣ* авторъ обнаружилъ [огромную]¹⁾ силу творчества, характеръ героя концепированъ [глубоко и] смѣло, [ума и] истины въ этомъ произведеніи много; [художественнаго мастерства тоже]; но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣніе владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ *Бѣдныхъ Людяхъ* было извинительными для перваго опыта недостатками, въ *Двойникѣ* явилось чудовищными недостатками, и это все заключается въ одномъ: въ неумѣніи [богатаго силами таланта]²⁾ опредѣлять разумную мѣру и границы художественному развитію задуманной ими идеи. Попробуемъ объяснить нашу мысль примѣромъ. Гоголь такъ глубоко и живо концепировалъ идею характера Хлестакова, что легко бы могъ сдѣлать его героемъ еще цѣлаго десятка комедій, въ которыхъ Иванъ Александровичъ являлся бы вѣрнымъ самому себѣ, хотя и совершенно въ новыхъ положеніяхъ: какъ женихъ, мужъ, отецъ семейства, помѣщикъ, старикъ и т. д. Эти комедіи, нѣтъ сомнѣнія, были бы такъ же превосходны, какъ и *Ревизоръ*, но уже такого, какъ онъ, успѣха имѣть не могли бы, а скорѣе бы наскучали, нежели нравились, потому что все уха да уха, хотя бы и *Демьянова*, приѣдается. Какъ скоро поэтъ выразилъ своимъ произведеніемъ идею, его дѣло сдѣлано, и онъ долженъ оставить въ покоѣ эту идею, подъ опасеніемъ наскучить ея. Другой примѣръ на тотъ же предметъ: что можетъ быть лучше двухъ сценъ, выключенныхъ Гоголемъ изъ его комедіи, какъ замедлявшихъ ея теченіе? Сравнительно, онѣ не уступаютъ въ достоинствѣ ни одной изъ остальныхъ сценъ комедіи; почему же онъ выключилъ ихъ?—Потому, что онъ въ высшей степени обладаетъ тактомъ художественной мѣры и не только знаетъ, съ чего начать и гдѣ остановиться, но и умѣетъ развить предметъ ни больше, ни меньше того, сколько нужно. Мы убѣждены, что если-бъ г. Достоевскій укоротилъ своего *Двойника* по крайней мѣрѣ цѣлой третью, повѣсть его могла бы имѣть успѣхъ. Но въ ней есть еще и другой существенный недостатокъ: это ея фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ до-

махъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ и находится въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, *Двойникъ* [оцѣнили только не многіе диллетанты]¹⁾ искусства, для которыхъ литературныя произведенія составляютъ предметъ не одного наслажденія, но и изученія. Публика же состоитъ не изъ диллетантовъ, а изъ обыкновенныхъ читателей, которые читаютъ только то, что имъ непосредственно нравится, не разсуждая, почему имъ это нравится, и тотчасъ закрываютъ книгу, какъ скоро начинаетъ она ихъ утомлять, тоже не давая себѣ отчета, почему она имъ не по вкусу. Произведеніе, которое нравится знатокамъ и не нравится большинству, можетъ имѣть свои достоинства; но истинно хорошее произведеніе есть то, которое нравится обѣимъ сторонамъ, или, по крайней мѣрѣ, нравясь первой, читается и второй; Гоголь [не всѣмъ нравился, да прочли-то его всѣ...]²⁾.

Въ десятой книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* появилось третье произведеніе г. Достоевскаго, повѣсть *Господинъ Прохарчинъ*, которая [всѣхъ]³⁾ почитателей таланта г. Достоевскаго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю... Не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то въ родѣ... какъ бы это сказать?—не то умничанья, не то претензіи... иначе она не была бы такой вычурною, манерною, непонятною, болѣе похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе. Въ искусствѣ не должно быть ничего темнаго и непонятнаго; его произведеніе тѣмъ и выше такъ называемыхъ „истинныхъ происшествій“, что поэтъ освѣщаетъ пламенникомъ своей фантазіи всѣ сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя причины ихъ дѣйствій, снимаетъ съ рассказываемаго имъ событія все случайное, представляя нашимъ глазамъ одно необходимое, какъ неизбѣжный результатъ достаточной причины. Мы не говоримъ уже о замашкѣ автора часто повторять какое-нибудь особенно удавшееся ему выраженіе (какъ, на примѣръ, *Прохарчинъ мудрецъ!*) и тѣмъ ослаблять силу его впечатлѣнія; [это недостатокъ второстепенный и, главное, поправимый. Замѣтимъ мимоходомъ, что у Гоголя нѣтъ такихъ повтореній. Конечно, мы не въ правѣ требовать отъ произведеній Достоевскаго совершенства произведеній Гоголя; но

¹⁾ „замѣчательную“

²⁾ „автора“

¹⁾ „могъ заинтересовать только немногихъ диллетантовъ“

²⁾ „многимъ не нравился, по его прочли рѣшительно всѣ“.

³⁾ „даже и“

тѣмъ не менѣе думаемъ, что большому таланту весьма полезно пользоваться примѣромъ еще большаго] ¹⁾).

Къ замѣчательнымъ произведеніямъ легкой литературы прошлаго года принадлежать помѣщенные въ *Отечественныхъ Запискахъ* повѣсти: *Небывалое въ быломъ, или бывшее въ небываломъ* Луганскаго, и *Деревня* г. Григоровича. Оба эти произведенія имѣютъ между собою то общее свойство, что они интересны не какъ повѣсти, а какъ мастерскіе фзіологическіе очерки бытовой стороны жизни. Мы не скажемъ, чтобы собственно повѣсть Луганскаго не имѣла интереса; мы хотимъ только сказать, что она гораздо интереснѣе своими отступленіями и аксессуарами, нежели своей романическою завязкою. Такъ, напри- мѣръ, превосходная картина избы съ рѣзными окнами, въ сравненіи съ малороссійскою хатою, лучше всей повѣсти, хотя входитъ въ нее только эпизодомъ и ничѣмъ внутренне не связана съ сущностью ея содержанія. Вообще, въ повѣстяхъ Луганскаго всего интереснѣе подробности, и *Небывалое въ быломъ или бывшее въ небываломъ* въ особенности богато интересными частностями, помимо общаго интереса повѣсти, которая служить тутъ только рамкою, а не картиною, средствомъ, а не цѣлью. Объ этомъ можно было бы сказать больше, но какъ мы скоро будемъ имѣть случай высказать наше мнѣніе о всей литературной дѣятельности этого писателя, то пока и ограничимся этими немногими строками ²⁾).

О г. Григоровичѣ мы теперь же скажемъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе *фзіологическихъ*. Но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей *Деревни* повѣсть, и отсюда вышли всѣ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко бы могъ миновать, если бы ограничился безсвязными внѣшнимъ образомъ, но дышущими одною мыслью картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутренній міръ героини его повѣсти, и вообще изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное, именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадле-

жать также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла, и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его *Деревня*—одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года.

Статья Луганскаго: „*Русскій Мужикъ*“, явившаяся въ третьей части *Новоселья*, исполнена глубокаго значенія, отличается необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія и вообще принадлежитъ къ лучшимъ фзіологическимъ очеркамъ этого писателя, котораго необыкновенный талантъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ этомъ родѣ литературы.

Съ шестой книжки *Библіотеки для Чтенія* тянется романъ г. Вельтмана: *Приключенія, начерпнутыя изъ моря житейскаго*, который еще не кончился послѣднею книжкою этого журнала за прошлый годъ. Г. Вельтманъ обнаружилъ въ новомъ своемъ романѣ едва ли еще не больше таланта, нежели въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ же самый недостатокъ умѣнія распорядиться своимъ талантомъ. Въ его *Приключеніяхъ* толпится страшное множество лицъ, изъ которыхъ многія очеркнуты съ необыкновеннымъ мастерствомъ; много поразительно вѣрныхъ картинъ современнаго русскаго быта; но вмѣстѣ съ тѣмъ есть лица неестественныя, положенія натянутыя, и слишкомъ запутанные узлы событій часто разрѣшаются посредствомъ *deus ex machina*. Все, что есть прекраснаго въ этомъ романѣ, принадлежитъ таланту г. Вельтмана, который, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ нашего времени; а все, что составляетъ слабыя стороны *Приключеній*, вышло изъ намѣреннаго желанія г. Вельтмана доказать превосходство старинныхъ нравовъ передъ нынѣшними. Странное направленіе! Мы нисколько не принадлежимъ къ безусловнымъ почитателямъ современныхъ нравовъ русскаго общества, не менѣе всякаго другого видимъ ихъ странности и недостатки, и желаемъ ихъ исправленія. Какъ и у славянофиловъ, у насъ есть свой идеаль нравовъ, во имя котораго мы желали бы ихъ исправленія; но нашъ идеаль не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, на основаніи настоящаго. Впередъ идти можно, назадъ нельзя, и что бы ни привлекало насъ въ прошедшемъ, оно прошло безвозвратно. Мы готовы согласиться, что молодые купчики, которые кутятъ на новый ладъ и лучше умѣютъ проматывать нажитое отцами, нежели пріобрѣтать сами,—мы согласны, что они страннѣе

¹⁾ „не говоримъ также о безпрестанно встрѣчающихся и совершенно натянутыхъ фразахъ, въ родѣ: *воздыревый ты человекъ, тузовый ты человекъ*, и т. п.; это уже недостатки второстепенные и, главное, исправимые“.

²⁾ Это обѣщаніе Бѣлинскій выполнилъ въ слѣдующемъ же номерѣ „Современника“, въ рецензій на только-что вышедшія четыре части повѣстей, сказокъ и разсказовъ „казака Луганскаго“ (В. Даля).—См. о Далѣ въ ст. № 66.

и нелѣпые своихъ отцовъ, которые упорно держатся старины. Но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы ихъ отцы не были тоже странны и нелѣпы. Молодые поколѣнія даже купчиковъ выражаютъ собою переходное состояніе своего сословія, переходное отъ худшаго къ лучшему, но это лучшее окажется хорошимъ только какъ результатъ перехода, а какъ процессъ перехода, оно, разумѣется, скорѣе хуже, нежели лучше стараго. Дѣйствуйте на исправленіе нравовъ сатирою, или—что лучше всякой сатиры—вѣрнымъ ихъ изображеніемъ; но дѣйствуйте не во имя отжившихъ нравовъ, а во имя разума и здраваго смысла, не во имя мечтательнаго и невозможнаго обращенія къ прошедшему, а во имя возможнаго развитія будущаго изъ настоящаго. Пристрастіе, къ чему бы оно ни прилѣпилось—къ старинѣ или новизнѣ, всегда мѣшаетъ достиженію цѣли, потому что невольно вводитъ въ ложь человѣка самаго страстнаго къ истинѣ и дѣйствующаго по самому благородному убѣжденію. Это и случилось съ г. Вельтманомъ въ его новомъ романѣ. Онъ придалъ безнравственнымъ лицамъ своего романа такой колоритъ, какъ будто они безнравственны по милости новыхъ нравовъ, а живи-де они въ Кошихинскія времена, то были бы отличнѣйшими людьми. По крайней мѣрѣ, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать подобное заключеніе изъ того, что авторъ нигдѣ и не думаетъ маскировать своей симпатіи къ старинѣ, своей антипатіи къ новизнѣ. Такъ, напримѣръ, повинувшись истинѣ, онъ безпристрастно показалъ естественныя причины страшнаго богатства купчины Захолустьева; но въ то же время счелъ за необходимое противопоставить ему Селифонта Михѣича, который тоже страшно разбогатѣлъ, но честностью и порядкомъ, а главное потому, что „жилъ по старому русскому обычаю“. Желали бы мы знать, что бы наши купцы сказали объ этой утопіи честнаго благопріобрѣтенія огромнаго имѣнія... По мнѣнію г. Вельмана, русскій человѣкъ, имѣющій несчастіе знать французскій языкъ, есть человѣкъ погибшій... Какихъ, подумаешь, не бываетъ предрасудковъ у людей съ умомъ и талантомъ!..

Герой романа *Дмитрицкій*—нѣчто въ родѣ Ваньки Каина новыхъ временъ, или того, что французы называютъ *chevalier d'industrie*, лицо очень возможное и вообще мастерски очерченное авторомъ. Зато героиня, Соломея Петровна, которой выпала невыгодная роль представительницы и жертвы новѣйшихъ нравовъ и знанія французскаго языка,—лицо совершенно сказочное. Сначала она является жеманницею, холодною лицемѣркою, до пошлости неискусной актрисой, а потомъ самую

страстною женщиною, какую только можно вообразить. Дѣйствіе романа презапутанное; въ немъ столько эпизодовъ, сколько лицъ, а лицамъ, какъ мы сказали, счету нѣтъ. Какъ только является новое лицо, авторъ безъ церемоніи бросаетъ героя и героиню и начинаетъ разсказывать читателю исторію этого новаго лица, со дня его рожденія, а иногда и со дня рожденія его родителей, по день его появленія въ романѣ. Большая часть изъ этихъ вводныхъ лицъ изображены или очеркнуты съ большимъ искусствомъ. Ходъ романа очень интересенъ, въ событіяхъ много истины; но въ то же время и много невѣроятностей. Когда автору нѣтъ средства естественно развязать узелъ завязки, или завязать новый, у него сейчасъ является *deus ex machina*. Таково, напр., похищеніе Соломеи холопами Филиппа Савича, помѣщика Кіевской губерніи—самая невѣроятная романическая натяжка, на какую только когда-либо рѣшался писатель съ талантомъ. Такихъ сказочныхъ невѣроятностей особенно много въ событіяхъ жизни Дмитрицкаго; ему все удастся, онъ всегда выходитъ съ выгодой для себя изъ самаго затруднительнаго, самаго невыгоднаго положенія. Приѣзжаетъ въ Москву безъ багажа, съ однимъ червонцемъ, останавливается въ гостинницѣ, пьетъ, ѣстъ на широкую ногу,—и вдругъ судьба посылаетъ ему литературщика, который принялъ его за литератора, занимавшаго еще вчера этотъ же самый номеръ гостинницы, везетъ его къ себѣ, предлагаетъ у себя квартиру, даетъ денегъ. Все это дѣлается по *шучьему велѣнію*, а по моему *прошенію* и доказываетъ, что у г. Вельмана больше таланта для частностей и подробностей, нежели для созданія чего-нибудь цѣлаго, больше склонности къ сказкѣ, нежели къ роману, и что системы и теоріи много дѣлаютъ вреда его замѣчательному таланту.

Упомянувши еще о *Венгерцахъ*, физиологическомъ очеркѣ, въ *Финскомъ Вѣстникѣ*, мы окончимъ нашъ перечень всего особенно замѣчательнаго, что явилось въ прошломъ году по части изящной словесности. Перечень этотъ вышелъ не великъ ¹⁾; но обо многомъ мы не хотимъ упоминать вовсе, не потому, чтобы во всемъ, о чемъ умалчиваемъ, видѣли мы одно дурное и ничего хорошаго, но потому, что считали нужнымъ говорить только объ особенно замѣчательномъ.

¹⁾ [Это произошло частью оттого, что множество замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній, особенно повѣстей, должно бы было появиться въ прошломъ году въ одномъ огромномъ сборникѣ, предполагавшемся къ изданію. Но по случаю *Современника* литераторъ, предпринимавшій изданіе этого сборника, счелъ за лучшее оставить свое предпріятіе и передать *Современнику* собранныя имъ статьи.

[*Воспоминанія Оаддея Бумарина (Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни)*], не принадлежа собственно ни къ ученой, ни къ поэтической, но къ такъ называемой легкой литературѣ, есть книга во многихъ отношеніяхъ интересная и замѣчательная. По поводу недавно вышедшей третьей части этого сочиненія мы выскажемъ ниже наше о немъ мнѣніе, а пока ограничимся однимъ упоминовеніемъ.

Къ числу такого же рода произведеній отнесли бы мы и *Записки Доктора*, сочиненіе Малиновскаго, если бы эти записки больше были вѣрны своей прекрасной цѣли и больше походили на записки, нежели на мелодраму въ формѣ неудавшагося романа, написаннаго безъ таланта, безъ умѣнія и такту] ¹⁾.

Отъ чисто-литературныхъ произведеній переходя къ сочиненіямъ ученаго или серьезнаго содержанія, начнемъ съ того, что сдѣлано было въ прошломъ году по части русской исторіи. Скажемъ здѣсь кстати, что въ „*Современникѣ*“ будетъ обращено особенное вниманіе на этотъ предметъ. Кромѣ статей по части русской исторіи, журналъ нашъ, не обѣщая своимъ читателямъ полной библіографіи по другимъ частямъ, будетъ представлять отзывы обо всемъ, что будетъ являться сколько-нибудь замѣчательнаго по части русской исторіи ²⁾...

Исторія русской словесности, преимущественно древней—XXXIII публичныя лекціи г. Шевырева (доселѣ вышло двѣ части), принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ ученой русской литературы прошлаго года. Въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ короткое знакомство съ источниками, обширную начитанность, словомъ, эрудицію, которая сдѣлала бы честь самому кропотливому нѣмецкому гелертеру. При этомъ оно отличается глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, самою наивною добросовѣстностію, которыя, однакожъ, не помѣшали трудолюбивому и почтенному профессору представлять факты въ самомъ неистинномъ ви-

дѣ. Это странное явленіе будетъ очень понятно, если взять въ соображеніе, какую ужасную силу имѣетъ надъ здравомысліемъ челоѣка духъ системы, обаяніе готовой идеи, еще прежде изученія фактовъ принятой за непреложно-истинную. Вотъ причина, почему г. Шевыревъ въ духовныхъ сочиненіяхъ древней и старой Руси непременно хочетъ видѣть произведенія народной русской словесности, а въ русскомъ сказочномъ витезѣ Ильѣ Муромцѣ находитъ что-то общее съ Сидомъ, рыцарственнымъ героемъ національныхъ испанскихъ романсовъ ¹⁾... Вѣдь ученый и трудолюбивый Венелинъ находилъ же Атиллу славяниномъ, а въ Меровингахъ франкскихъ видѣлъ славянскихъ „мировыхъ“ или „міровыхъ“—не помнимъ, право... Это доказываетъ, что господа ученые, платя дань челоѣческой слабости, бываютъ подвержены такимъ же странностямъ, какъ и самые простые, вовсе безграмотные люди... Можетъ быть, это происходитъ оттого, что они, какъ говоритъ простой народъ, *зачитываются*, и у нихъ умъ за разумъ заходитъ; можетъ быть, это происходитъ и отъ другихъ причинъ—не знаемъ; но знаемъ только то, что духъ системы и доктрины имѣетъ удивительное свойство омрачать и фанатизировать даже самые свѣтлые умы... Впрочемъ, книга г. Шевырева, внѣ своего [славянофильскаго] направленія, имѣетъ много достоинствъ, какъ памятникъ примѣрнаго трудолюбія и добросовѣстной, хотя и односторонней, учености. Болѣе всего важны примѣчанія, которыми снабжена она и куда отнесены авторомъ самые интересные факты, которые съ особеннымъ упорствомъ отказались свидѣтельствовать въ пользу любимыхъ идей его. Замѣчательна еще книга г. Шевырева и тѣмъ, что подала поводъ къ четыремъ прекраснымъ критическимъ статьямъ (въ *Отечественныхъ Запискахъ* №№ 5 и 12, въ *Библіотекѣ для Чтенія* и *Финскомъ Вѣстникѣ*).

Къ числу блистательнѣйшихъ пріобрѣтеній по части учебной русской литературы вообще, а не одного прошлаго года, принадлежитъ вышедшее въ прошломъ году второе отдѣленіе второй части *Руководства къ Всеобщей Исторіи*—сочиненіе профессора Лоренца. Этою книжкою заключается средняя исторія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія и окончанія этого превосходнаго труда.

Исторія консулства и Имперіи Тьера появилась въ двухъ переводахъ. Вышла шестая часть *Всемирной Исторіи* Беккера.

¹⁾ Это сравненіе Ильи Муромца съ Сидомъ было только однимъ изъ проявленій нарождавшагося тогда плодотворнаго *сравнительнаго метода* при изученіи народной словесности.

¹⁾ По примѣру *Петербургскаго Сборника*, въ Москвѣ изданъ былъ *Московский, литературный и ученый, Сборникъ*, который, несмотря на свое славянофильское направленіе, заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна умнымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ статья о *Тарантасѣ*, подписанная буквами М. З. К.“.

²⁾ Слѣдующія за этимъ десять страницъ журнальнаго текста („*Современникъ*“, 1847 г., т. I, отд. III, стр. 41—52) являются разборомъ книгъ историческаго содержанія, вышедшихъ въ 1846 году; страницы эти написаны по просьбѣ Бѣлинскаго Кавелинымъ и вошли въ собраніе сочиненій послѣдняго, т. I, стр. 745—760 (изданія Н. Глаголева); поэтому мы не помѣщаемъ ихъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскаго.

Нравы, обычаи и памятники всѣхъ народовъ земного шара, изданіе гг. Семена и Стопковича, превосходными иллюстрированными картинами и полиптиками и вообще типографскимъ изяществомъ затмилъ собою всѣ когда-либо являющіяся въ Россіи такъ называемыя великолѣпныя и роскошныя изданія. Содержаніе книги соотвѣтствуетъ ей въшнему достоинству и — что даетъ ей особенную важность — есть не переводъ, а [почти] оригинальный трудъ двухъ русскихъ литераторовъ, которые, пользуясь иностранными источниками, умѣли придать ему достоинство одушевленнаго одною идеею сочиненія. Въ вышедшей книгѣ содержится описаніе Индустана, сдѣланное г. Тютчевымъ, и Заганскаго полуострова, сдѣланное г. Стойковичемъ. Во второй книгѣ издатели обѣщаютъ описаніе Китая и Японіи.

Въ журналахъ прошлаго года было очень много интересныхъ статей ученаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Изъ первыхъ въ особенности можно указать: на сельское и восьмое *Письма объ изученіи природы*, Искандера; *Кочующіе и оседло-живущіе въ Астраханской губерніи инородцы*, барона О. А. Бюлера; *Европейскія желѣзныя дороги въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*). *Нога и рука человека*, С. С. Куторги (въ *Библиотекѣ для чтенія*); *Жизнь и нравы змѣй*; *Жизнь и нравы пауковъ*, г. Ушакова (въ *Финскомъ Вѣстникѣ*). Изъ переводныхъ статей особенно замѣчательна — *Оливеръ Кромвель* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*). Знаменитое ученое твореніе Гумбольдта было переведено въ *Отечественныхъ Запискахъ* подъ именемъ *Космоса*, а въ *Библиотекѣ для Чтенія* подъ именемъ *Козмоса*. Нельзя не отдать справедливости обоимъ журналамъ за ихъ поспѣшность познакомить русскую публику съ произведеніемъ великаго ученаго, столь важнымъ по предмету и написаннымъ популярно; но едва ли оба журнала достигли своей цѣли. Популярность изложенія Гумбольдта чисто нѣмецкая, слѣдовательно, вполне доступная только людямъ, специально занимающимся естественными науками и астрономіей. Въ этомъ отношеніи, гораздо полезнѣе перевода обоихъ журналовъ была статья въ *Сѣверной Пчелѣ* (№№ 175—180): *Александръ Гумбольдтъ и его Вселенная (Kosmos)*. Не знаемъ, откуда переведена или кѣмъ написана она, но не посвященныхъ въ таинства науки она знакомитъ съ книгой Гумбольдта больше и лучше, нежели переводы этой книги въ обоихъ журналахъ.

Въ *Финскомъ Вѣстникѣ* переводится знаменитое твореніе Тъери: *Завоеваніи Англіи*

норманнами. Это сочиненіе, конечно, не ново вездѣ, кромѣ Россіи, и оттого мысль *Финскаго Вѣстника* перевести его заслуживаетъ похвалы и благодарности.

Въ послѣднее время много стало появляться книгъ, брошюръ и статей по специальнымъ предметамъ. Конечно, истинно хорошихъ между ними еще мало, но всѣ онѣ важны, какъ свидѣтельство дѣльнаго направленія литературы. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году вышли весьма замѣчательныя книги, которыя мы только поименуемъ, такъ какъ о нихъ уже было много говорено въ журналахъ: первая книга *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*; [третья часть „Исторіи Смутаго времени“ Бутурлина] ¹⁾; *Объ источникахъ и употребленіи статистическихъ свѣдѣній*, г. Журавскаго; *Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ*, г. Мельникова, и пр. Особенно пріятно видѣть, что появляется довольно много книгъ, брошюръ и статей, касающихся не только сельскаго хозяйства въ его техническомъ значеніи, но и быта того многочисленнаго класса людей, который играетъ такую великую роль въ отношеніи къ сельскому хозяйству, какъ живая и разумная производящая сила. Особенно заслуживаетъ вниманія въ 103 № *Московскихъ Вѣдомостей* превосходная статья С. А. Маслова — *Жаръ и Жатва Хлѣба. (Лѣтнія замѣтки въ Московской губерніи)*. Эта замѣчательная статья, за которую почтеннаго автора благословить всякій другъ человечества, была перепечатана почти во всѣхъ журналахъ, издающихся отъ правительственныхъ вѣдомствъ ²⁾.

¹⁾ Фраза эта была вычеркнута самимъ Бѣлинскимъ потому, что отзывъ о книгѣ Бутурлина былъ данъ уже въ предыдущей части статьи, написанной Кавелинымъ (см. выше).

²⁾ Статья Маслова дѣйствительно была крупнымъ событіемъ для своего времени. Авторъ описываетъ горькую участь женщинъ-жницъ, которыя въ палачій зной должны жать рожь не разгибая спины, чуть имѣя время покормить изсохшей грудью дѣтей; онъ рассказываетъ о беременныя женщины, которыя тутъ же, на сжатой ими полосѣ, разрѣшаются отъ бремени — мертвымъ ребенкомъ. „Боже Великій! — восклицаетъ авторъ: — ты положили клятву, чтобы человекъ въ потѣ лица своего съѣлъ хлѣбъ свой; но чтобы этотъ хлѣбъ обливался кровью матерей, рождающихъ въ мукахъ, съ выпавшимъ изъ рукъ серпомъ и съ смертію новорожденнаго — нѣтъ, Господи, это не твоя воля любви и милосердія, это жестокость человѣческаго сердца, къ которой люди привыкли, — и преждевременныхъ родовъ, вытѣсняющихъ мертвого младенца тяжкою работою на палачемъ солнцѣ, уже не называютъ *человѣкоубійствомъ*“ („Моск. Вѣд.“ 1846 г., 27 авг., стр. 718). — Въ качествѣ облегчающей мѣры авторъ предлагаетъ *кошеніе ржи*, хотя бы этотъ способъ былъ и менѣе выгоденъ для хозяевъ-помѣщиковъ. Такимъ образомъ подъ формою сельско-хозяйственной замѣтки былъ затронутъ и социальный вопросъ о тяжеломъ трудѣ крѣпостныхъ.

Мы не упомянули о нѣсколькихъ замѣчательныхъ книгахъ, показавшихся въ концѣ прошлаго года, для того, чтобы начать съ нихъ отдѣлъ Критики и Библіографіи *Современника*. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Почти во всѣхъ другихъ журналахъ критика составляетъ особый отъ библіографіи отдѣлъ. Пишущій эти строки семилѣтнимъ тяжкимъ опытомъ ¹⁾ дозналъ невыгоду такого раздѣленія. Подъ критикой разумѣется статья извѣстнаго объема и даже особеннаго отъ рецензіи тона. Замѣчательныхъ книгъ, подлежащихъ вѣдомству серьезной критики, у насъ выходитъ такъ мало, что обязанность писать по критикѣ каждый мѣсяцъ поневолѣ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ тяжелой поставки, ибо много замѣчательнаго печатается въ журналахъ. Поэтому, представляя отчеты наши публикѣ о всѣхъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ явленіяхъ русской литературы, мы не будемъ нисколько заботиться, что выйдетъ изъ нашего разбора—критика или рецензія. Пусть сами читатели наши рѣшаютъ это, каждый по своему вкусу и разумѣнію. Этимъ мы надѣемся доставить имъ услугу, избавивъ журналъ нашъ отъ балласта многословія и надутости, неизбѣжнаго иногда при двойномъ раздѣленіи критики: на большую, или собственно критику, и малую, или рецензію. Критика наша, какъ мы сказали выше, будетъ обращать вниманіе на всѣ сколько-нибудь замѣчательныя сочиненія по части русской исторіи; затѣмъ болѣе всего обратитъ

¹⁾ Семь лѣтъ сотрудничества въ „Отеч. Запискахъ“ (1839—1846).

она свое вниманіе на произведенія чисто литературныя; но въ отношеніи и къ нимъ мы не общаемъ полной библіографіи, ибо о книгахъ ничтожныхъ даже отрицательно. по нашему мнѣнію, не стоитъ труда ни писать, ни читать. Мы даже будемъ считать нашею обязанностію, изъ уваженія къ публикѣ и самимъ себѣ, проходить молчаніемъ дюжинныя произведенія дюжинныхъ писакъ, которые успѣли уже пріобрѣсти себѣ позорную извѣстность, [которые, думая вѣрно изображать жизнь, какъ она есть, вмѣсто этого изображаютъ вѣрно только себя, такъ, какъ они есть, т.-е. во всемъ величіи ихъ претензій, ограниченности, бездарности, пошлости и слабоумія] ¹⁾. Съ другой стороны, чуждые всякихъ притязаній на энциклопедическую многосторонность познаній, мы не будемъ ничего говорить о спеціальныхъ сочиненіяхъ, какъ бы ни были они замѣчательны, если они выходятъ изъ круга нашихъ занятій. О книгахъ легкихъ и незначительныхъ будетъ у насъ говориться въ фельетонѣ *Современника*, въ отдѣлѣ смѣси, и отъ времени до времени прилагаться къ его книжкамъ полныя библіографическіе списки всѣхъ, безъ исключенія, выходящихъ въ Россіи книгъ на русскомъ языкѣ, съ обозначеніемъ типографіи, формата, числа страницъ и даже, по возможности, цѣны.

1847 г.

¹⁾ „печатно доказавъ бездарность свою“.

Въ этихъ непропущенныхъ цензурою строкахъ Бѣлинскій говоритъ между прочимъ о нѣкомъ Л. Брантѣ, авторѣ романа „Жизнь, какъ она есть“; о романѣ этомъ—см. т. I, стр. 198; а о самомъ Л. Брантѣ—см. одно изъ нашихъ примѣчаній къ ст. № 59.

63. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Николая Гоголя.

Книга Гоголя, по поводу которой написана настоящая статья, не была неожиданностью для Бѣлинскаго; еще пятью годами ранѣе онъ видѣлъ, что Гоголь все болѣе и болѣе склоняется на сторону принципа смиренія, на сторону преклоненія предъ авторитетомъ—и тогда уже Бѣлинскій говорилъ по этому поводу о чувствѣ своего „возмущенія“, о чувствѣ своего „болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю“ (письмо къ Боткину отъ 31 марта 1842 года). Продолжая видѣть и цѣнить въ немъ геніальнаго художника, Бѣлинскій сталъ относиться все отрицательнѣе къ Гоголю-человѣку; въ на-

стоящее время извѣстно, что Бѣлинскій былъ въ очень многомъ правъ и что даже близкіе друзья Гоголя относились къ нему приблизительно такъ же. „Для меня не существуетъ личность Гоголя, ... я благоговѣйно, съ любовію смотрю на тотъ драгоценный сосудъ, въ которомъ заключенъ великій даръ творчества, хотя форма этого сосуда мнѣ совсѣмъ не нравится“, — говаривалъ такой близкій другъ Гоголя, какъ С. Т. Аксаковъ.

А между тѣмъ Гоголь переживалъ тяжелую душевную драму (о которой у насъ еще будетъ рѣчь въ слѣдующей вступительной замѣткѣ); плодомъ тяжелыхъ и мучи-

тельныхъ исканій за цѣлое пятилѣтіе явилась его книга „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, вышедшая въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1847-го года. Намъ не для чего останавливаться на содержаніи этой книги: во-первыхъ, оно слишкомъ извѣстно, а во-вторыхъ, Бѣлинскій достаточно подробно говоритъ о немъ въ настоящей статьѣ; надо замѣтить только одно,—что какова бы ни была теорія Гоголя, но она была несомнѣнно искренней, мучительно выработанной. Большой художникъ, громадный синтетическій, но слабый аналитическій умъ, Гоголь пытался дать свое рѣшеніе тѣмъ „проклятымъ вопросамъ“ русской общественности, которые мучали не его одного; свое рѣшеніе (въ чемъ оно заключалось мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ) онъ и изложилъ въ настоящей книгѣ. Рѣшеніе это, оказавшееся въ социальномъ и политическомъ отношеніи совершенно „реакціоннымъ“, болѣе всего возмутило Бѣлинскаго, заподозрѣвшаго въ книгѣ Гоголя тайную цѣль—каждене правительству, стремленіе сохранить за собою „великія и богатая милости“ Николая I, неоднократно оказывавшаго Гоголю денежную помощь. Это было несправедливо; несправедливо было и то, что книга Гоголя была „реакціонной“ по намѣренію: она просто отрицала социально-политическія рѣшенія общественныхъ проблемъ, давая рѣшенія нравственно-религіозныя, подобно тому, какъ полѣвка спусти это сталъ дѣлать Л. Толстой въ своемъ ученіи. Но эта нравственно-религіозная проповѣдь Гоголя отличалась такимъ тономъ, что даже многіе друзья Гоголя были возмущены ею; они забыли, что проповѣдь только и можетъ быть рѣзкой, властной, что проповѣдникъ долженъ быть всезнающимъ, рѣшительнымъ, ибо онъ вѣритъ, что устами его говоритъ Истина.

Но истина Гоголя была ложью для Бѣлинскаго — и онъ рѣзко возсталъ противъ этой вредной, по его мнѣнію, лжи. Въ настоящей статьѣ онъ могъ сдѣлать это только съ большими ограниченіями, такъ какъ цензура стояла на стражѣ „священныхъ основъ“, защищаемыхъ Гоголемъ. „Критика Бѣлинскаго самая пустая,—писала Гоголю про настоящую статью Бѣлинскаго извѣстная фрейлина-губернаторша Россети-Смирнова, — и легко понятно почему. Ему хотѣлось васъ бранить за направленіе, а направленіе онъ не осмѣлился обругать, да и цензура не пропустила бы тогда его статьи“... И безъ того уже дѣйствительно цензура выбросила изъ настоящей статьи Бѣлинскаго цѣлую третью часть, какъ это сообщаетъ самъ Бѣлинскій. Однако и напечатанное въ журналѣ достаточно характеризуетъ мысль Бѣ-

линскаго и дѣлаетъ настоящую его статью вполне определенной по направленію и ядовитой по сдержанному ѣдкому тону. Эта вызванная необходимостью сдержанность показалась московскому другу Бѣлинскаго, Боткину, сухостью; да и вообще Боткинъ нашелъ настоящую статью неудачной, написанной сплеча, безъ обдуманности, недостаточно иронической. Бѣлинскій отвѣтилъ на это письмомъ, изъ котораго мы приведемъ замѣчательное мѣсто, отчасти уже приводившееся нами раньше (см. №№ 36 и 50), характеризующее самого Бѣлинскаго и уясняющее въ то же время его отношеніе къ Гоголю.

„Ты рѣшительно не понимаешь меня, хотя и знаешь меня довольно,—пишетъ Бѣлинскій 28 февр. 1847 г.—Я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ большимъ или меньшимъ умѣніемъ выдержана,—это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностію другую крайность—спокойствіе. Когда я писалъ „тишъ“ на Шевырева и статью о „Тарантасѣ“¹⁾—я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было слѣдовъ. Я могу писать порядочно только на основаніи моей натуры, моихъ естественныхъ средствъ. Выходя изъ нихъ по разсчету или по необходимости, я дѣлаюсь ни то, ни сѣ, ни ракъ, ни рыба. Теперь слушай: кромѣ того, что я боленъ и что мнѣ опротивѣла и литература и критика, такъ что не только писать, читать ничего не хотѣлось бы,—я еще принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, внѣ моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лиси. Ты говоришь, что статья написана „безъ довольной обдуманности и нѣсколько сплеча, тогда какъ за дѣло надо было взяться съ тонкостью“. Другъ ты мой, потому-то, напротивъ, моя статья и не могла никакъ своею замѣчательностію соотвѣтствовать важности (хотя и отрицательной) книги, на которую писана, что я ее обдумалъ. Какъ ты меня мало знаешь! Всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это импровизаціи; садясь за нихъ, я не зналъ, что я буду писать. Если первая строка хватить издалека—статья болтлива, о дѣлѣ мало сказано; если первая строка ближе къ дѣлу—статья хороша. И чѣмъ больше я ее запущу, чѣмъ меньше мнѣ времени писать ее, тѣмъ она энергич-

¹⁾ Въ наст. изд. статьи №№ 36 и 50.

нѣе и горячѣе. Вотъ какъ я пишу!.. Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выдти замѣчательно хорошою, если бы я въ ней могъ, замуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству... Но мою статью я обдумалъ и потому впередъ зналъ, что отличною она не будетъ, и бился изъ того только, чтобы она была дѣльна и показала гнусность подлеца. И она такую и вышла у меня, а не такую, какую ты прочелъ ее. Вы живете въ деревнѣ¹⁾ и ничего не знаете. Эффектъ этой книги былъ таковъ, что Никитенко, ее пропустившій, вычеркнулъ у меня часть выписокъ изъ книги, да еще дрожалъ и за то, что оставилъ въ моей статьѣ²⁾. Моего онъ и цензора вычеркнули цѣлую треть, а въ статьѣ обдуманной пометка слова—важное дѣло.—Ты упрекаешь меня, что я разсердился и не совладѣлъ съ моимъ гнѣвомъ? Да этого и не хотѣлъ! Терпимость къ заблужденію я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимость къ подлости я не терплю. Ты рѣшительно не понялъ этой книги, если видишь въ ней *только* заблужденіе, а вмѣстѣ съ нимъ не видишь арти-

¹⁾ Такъ теперь Бѣлинскій проиически называетъ Москву.

²⁾ Цензоръ и профессоръ Никитенко былъ официальнымъ редакторомъ „Современника“.

Это едва ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русскомъ языкѣ! Безпристрастный читатель съ одной стороны найдеть въ ней жестокий ударъ человѣческой гордости, а съ другой стороны обогатится любопытными психологическими фактами касательно бѣдной человѣческой природы... Впрочемъ, нисколько не правъ будетъ тотъ, кѣмъ при чтеніи этой книги попеременно стали бы овладѣвать то жестокая грусть, то злая радость,—грусть о томъ, что и человѣкъ съ огромнымъ талантомъ можетъ падать такъ же, какъ и самый дюжинный человѣкъ, радость оттого, что все ложное, натянутое, неестественное никогда не можетъ замаскироваться, но всегда беспощадно казнится собственною же пошлостію... Смыслъ этой книги не до такой степени печаленъ. Тутъ дѣло идетъ только объ искусствѣ, и самое худшее въ немъ—потеря человѣка для искусства...

Сколько книгъ является съ эпиграфами, которые нисколько къ нимъ не идутъ и ничего въ нихъ не поясняютъ, и сколько эпиграфовъ такъ и просятся въ эту книгу, которая явилась *безъ* всякаго эпиграфа! На-

стически-разсчитанной подлости. Гоголь—совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это—Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану... Повторяю тебѣ: умѣю вчужѣ понимать и цѣнить терпимость, но останусь гордо и убѣжденно нетерпимымъ. И если сдѣлаюсь терпимымъ—знай, что съ той минуты.. во мнѣ умерло то прекрасное человѣческое, за которое столько хорошихъ людей (а въ числѣ ихъ и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоилъ того“...

Уже по этому письму можно судить о той, буквально, *ненависти*, которую сталъ чувствовать къ Гоголю Бѣлинскій за его книгу. Полгода спустя Бѣлинскій получилъ возможность высказать непосредственно самому Гоголю свои чувства, объяснить ему причины этой ненависти: онъ сдѣлалъ это въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю отъ 15 іюля 1847 года изъ Зальцбрунна. Только познакомившись съ этимъ письмомъ и съ отвѣтами Гоголя, можно выяснитъ сущность того столкновенія идей, которое происходитъ передъ нами въ этомъ спорѣ. Во вступительной замѣткѣ къ этому письму-статьѣ (см. ниже № 64) мы закончимъ разсмотрѣніе этого спора идей, имѣющаго такое громадное значеніе въ исторіи русской общественности.

И.-Р.

примѣръ, какъ бы шелъ къ ней этотъ эпиграфъ: *Суета суетъ и всяческая суета!* или этотъ: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas!*.. Но не будемъ говорить о томъ, чего въ ней нѣтъ, а обратимся къ тому, что въ ней есть... Изъ предисловія узнаемъ мы, что авторъ былъ боленъ при смерти и написалъ было завѣщаніе. Все это очень обыкновенно и со всякимъ случиться можетъ. Но вотъ что вовсе необыкновенно и чего доселѣ еще ни съ кѣмъ изъ частныхъ лицъ не случилось. Завѣщаніе Н. В. Гоголя, напечатанное въ книгѣ вполнѣ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ семейныхъ подробностей, которыя, разумѣется, и не шли бы въ печать, но все состоитъ изъ интимной бесѣды автора съ Россією... То-есть: авторъ говоритъ и наказываетъ, а Россія его слушаетъ и обѣщаетъ выполнить... Тутъ, между прочимъ, говорится, какъ о вѣнцѣ творенія Гоголя, о какой-то *Прощальной повѣсти*, написанной имъ въ назиданіе, поученіе и утѣшеніе высокихъ душъ... Потомъ объявляется, что авторъ сжегъ свои сочиненія, бывшія у него въ рукописяхъ, какъ бесполезныя... Вмѣсто этого проситъ онъ друзей своихъ издать его письма съ 1844 года для пользы тоже вы-

сокихъ душъ... Но вотъ конецъ завѣщанія
въ подлинныхъ словахъ:

„VII. Завещаю... по я вспоминаю, что уже не могу этимъ располагать. Несмотря на такимъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликовать мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому право на его публичное изданіе, и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ пристававшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, если бы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мнѣ была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: *портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вокругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его.* Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего, труда убійственнаго, пожирающаго годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какиятъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ гравировъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаграждать его за все; мой портретъ ему помогъ бы. Теперь планъ мой разрушенъ: развѣ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіемъ гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что послѣ моей смерти письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хоть бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что не пользуется извѣстностью, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, въ которомъ будетъ выставлено: гравировалъ Иордановъ. Симвъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣе, если тѣ, которые имѣютъ недостатокъ, ставятъ вмѣсто портрета моего покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ, и тѣмъ бы не вачесъ упрека на свою душу“.

Изданную теперь книгу *Выбранных* мѣстъ изъ переписки съ друзьями г. Гоголь проситъ своихъ соотечественниковъ прочесть нѣсколько разъ, а достаточныхъ изъ нихъ проситъ онъ покупать ее по нѣскольку экземпляровъ для раздачи тѣмъ, которые сами купить ее не въ состоявіи (стр. 3).

Собираясь въ Сирію на поклоненіе святымъ мѣстамъ, просить онъ прощенія у всѣхъ, передъ которыми виноватъ, равно какъ и тѣхъ, передъ которыми не виноватъ... Въ особенности сознаетъ онъ, что въ его обхожденіи съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. „Отчасти это происходило (говоритъ онъ) оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ мнѣ произносить не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ мелочнаго самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя въ правѣ спесиво глядѣть на другихъ“ (стр. 4—5).

За предисловіемъ и завѣщаніемъ слѣдуютъ письма. Въ этихъ письмахъ авторъ изображаетъ себя какъ бы прозрѣвшимъ вслѣдствіе своей болѣзни, исполнившимъ духа любви, кротости и, въ особенности, смиренія... Содержаніе ихъ совершенно соответствуетъ такому духу: это не письма, это скорѣе строгія и иногда грозныя увѣщанія учителя ученикамъ... Онъ поучаетъ, наставляетъ, совѣтуетъ, уличаетъ, упрекаетъ, прощаетъ, и т. д. Къ нему всѣ обращаются съ вопросами, и онъ никого не оставляетъ безъ отвѣта. Онъ самъ говоритъ: „Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта“. Тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ: „Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде. А между прочимъ (?) я ничуть не умиѣю никого“ (стр. 121—122). Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что эта мудрость произошла отъ болѣзни. Въ другомъ письмѣ, давая пріятелю совѣтъ по части хозяйства, авторъ говоритъ: „только раскуси его хорошенько, и не будешь въ накладѣ; два человека уже благодарятъ меня, одинъ изъ нихъ тебѣ знакомый К***“ (стр. 159). Видите ли: онъ самъ сознаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ *curé du village* или даже и папы своего маленькаго католическаго міра... Послушаемъ же его совѣтовъ и подивимся имъ...

Говоря въ письмѣ къ одной дамѣ о значеніи женщины въ свѣтѣ, авторъ открываетъ намъ главную причину лихоимства въ Россіи. Найти причину — это значитъ то же, что найти противъ него лекарство. И авторъ „Переписки“ нашелъ его. Случайте: главная причина взяточничества — чиновниковъ

происходить „отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ, большомъ и маломъ, и требуютъ на то денегъ отъ мужей“ (стр. 17)... Признаемся: мы были сильно поражены этимъ страннымъ открытіемъ... Мы, однакожъ, не остановились на этомъ, но пошли дальше: думая да думая, мы надумались, что оно, конечно, хорошо, если чиновницы перестанутъ щеголять и блистать въ свѣтѣ, но что еще будетъ лучше, если онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, навсегда оставятъ дурную привычку—поутру и вечеромъ пить чай или кофе, а въ полдень обѣдать, равно какъ и другую не менѣе дурную привычку прикрывать наготу свою чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ рогожи или самой дешевой парусины... Тогда бы имъ вовсе не для чего было просить у мужей денегъ, а мужьямъ вовсе не для чего было бы брать даже жалованье, не только взятки... Исправленіе нравовъ было бы всесовершенное... Съ этимъ не могутъ не согласиться только такъ называемые практическіе люди, которые все понимаютъ не вдохновеніемъ, а здравымъ смысломъ да опытностью... Они могутъ сказать, что до Петра Великаго у насъ не было модъ, и женщины сидѣли взаперти, а взяточничество было, да еще въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь... Пожалуй, они могутъ еще сказать, что, хорошо зная человѣческую натуру и ея слабости, они считаютъ рѣшительно невозможнымъ, чтобы у однихъ уничтожить желаніе блистать, когда другіе, по своимъ средствамъ, согласятся скорѣе умереть, нежели перестать блистать; и что если равенство въ средствахъ есть неосуществимая мечта, то никакія „переписки“ въ мірѣ не убѣдятъ никакого Кира не желать быть Крезомъ, или не завидовать ему, ибо это вѣкъ природы человѣческой, а немногія и рѣдкія исключенія тутъ равно ничего не значатъ. Но мало ли чего могутъ наговорить практическіе люди, да что ихъ слушать! Вѣдь они черпаютъ свои мысли въ разумъ, разсудкъ, опытъ и знаніи—источникахъ мірскихъ, свѣтскихъ и грѣховныхъ!.. Эти люди, пожалуй, скажутъ вамъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа, что только не страждущій никакимъ разстройствомъ мозгу можетъ правильно мыслить... Заткните уши отъ такихъ вольнодумныхъ мыслей и *плюньте* (любимое выраженіе автора „Переписки“) на проповѣдниковъ такой ереси; вотъ что говоритъ объ этомъ нашъ авторъ: „О, какъ нужны намъ недуги! Изъ множества польвъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: не будь этихъ недуговъ, я бы задумалъ, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть. Не говорю уже

о томъ, что самое здоровье, которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими, заставило бы меня надѣлать уже тысячу глупостей. Притомъ, нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя дасть мнѣ милость небесная, и среди самыхъ страданій иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, и я вижу самъ, что теперь все, что ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительно прежняго“ (стр. 26). Теперь неоспоримо, какъ дважды два—четыре, что нездоровье лучше здоровья: въ здоровьѣ человѣкъ, особенно русскій, любитъ рисоваться и запоситься, а въ болѣзни онъ ясно видитъ, что прежде онъ дѣлалъ однѣ глупости, а вотъ теперь-то за умъ схватился и сталъ молодецъ хоть куда! Онъ ужъ тутъ самъ видитъ, что онъ и пишетъ лучше прежняго, и если весь свѣтъ видитъ это дѣло совершенно наоборотъ, можно *плюнуть* на весь свѣтъ, брешешь, молъ, ты, дуракъ!.. Вы думаете, что съ свѣтомъ, даже съ большимъ, нельзя такъ говорить? По крайней мѣрѣ, въ *Выбранныхъ мѣстахъ изъ дружеской переписки* свѣтскіе люди иначе не называются, какъ „глупыми умниками“ (стр. 149). Вообще замѣтимъ кстати, обращеніе нашего смиренномудраго совѣтодателя, какъ съ своими адептами, такъ и съ людьми, никогда его не знавшими, отличается немножко черезчуръ восточною откровенностію. „Критика (у него) устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась въ сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, *понесла дичь*“ (стр. 51). Вотъ, чтобы помочь этому горю и направить критику на истинный путь, онъ и написалъ свою превосходную критическую статью *Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ*—статью, въ которой, разумѣется, дичи не было нисколько... Но вотъ черта еще лучше: „Какъ *глупы* нѣмецкіе умники, выдумавшіе будто Гомеръ миѡъ, а всѣ творенія его—народныя пѣсни и рапсодіи“ (стр. 50). Сколько мы помнимъ, главнымъ поборникомъ этого мнѣнія былъ профессоръ Вольфъ,—человѣкъ, конечно, не геніальный, но весьма ученый и совѣтъ не дуракъ... Но вотъ бѣда: это мнѣніе раздѣлялъ и Гёте, который хотя былъ и нѣмецъ, но дуракомъ ни въ чьихъ глазахъ никогда еще не былъ... Что скажутъ о насъ нѣмцы, если узнаютъ, что ихъ Гёте былъ не болѣе, какъ—дуракъ!.. А между тѣмъ, воля ваша, а вѣдь оно должно быть такъ, потому что нашъ авторъ не знаетъ ни греческаго языка, столь знакомаго Вольфу и Гёте, да едва ли знаетъ и по-нѣмецки-то, сверхъ того, онъ судить не по разуму, не

по знанію, а по вдохновенію: изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ правъ и что Гете—дѣйствительно дуракъ... Нѣтъ, это дѣло рѣшенное—Гете дуракъ! Да и что тутъ чиниться съ какими-нибудь нѣмцами!.. Но вотъ особенно интересное сужденіе автора о славянофилахъ, отличающееся всѣмъ достоинствомъ его патриархальной откровенности:

„Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробиваются уже въ гостиницы, показываютъ только то, что мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполне проснулись, а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти славянисты и европисты—или же старовѣры и нововѣры, или же восточники и западники, а что они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому что покажутся они мнѣ кажутся только карикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть. Всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что ничуть не спорятъ и не поперечать другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ, что видитъ одну часть его: другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ, что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они все-таки видятъ весь фасадъ, и, стало быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ европистовъ и западниковъ тоже есть правда, потому что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣпѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами; вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, вѣнчающаго эту стѣну, не видится имъ верхушка всего строенія, то-есть, глава, куполь и все, что ни есть въ вышнѣ. Можно бы посоветовать обоимъ—одному попробовать, хоть на время, подойти ближе, а другому отступить немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому что духъ гордости обуялъ обоихъ. Всякій изъ нихъ увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что другой окончательно и положительно лжетъ. Кичливости больше на сторонѣ славянистовъ; они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу. Разумѣется, что такимъ строптивымъ хвастовствомъ вооружаютъ они еще болѣе противъ себя европистовъ, которые давно бы готовы были отъ многого отступить, потому что и сами начинаютъ слышать многое, прежде не слышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырившемуся человѣку“.

А въ другомъ мѣстѣ вотъ что говоритъ авторъ о томъ же предметѣ:

„Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: „смотрите, нѣмцы: мы лучше васъ!“ Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешься! А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются! Хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ, уже лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели самонадѣянность въ себѣ“.

Но мы начали рѣчь о совѣтахъ, которыми авторъ надѣляетъ своихъ адептовъ;

надо ~~дочитать~~ эту интересную матерію. Одинъ изъ пріятелей автора посягнулъ на дѣло неслыханной дерзости: онъ рѣшился сказать автору письменно, что, по его мнѣнію, теперь-де самое время для выпуска второй части *Мертвыхъ Душъ*... Подобная дерзость не могла не подействовать нѣсколько мутно на смиреніе нашего автора,—и онъ разразился слѣдующимъ громовымъ отвѣтомъ неосторожному смѣльчаку:

„Вотъ, если бы ты, вмѣсто того, чтобы предлагать мнѣ пустые запросы (которыми напичкалъ половину письма своего и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго любопытства), собралъ всѣ дѣльные замѣчанія на мою книгу, какъ свои, такъ и другихъ умныхъ людей, завятыхъ, подобно тебѣ, жизнію опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околоткѣ нашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе или въ опроверженіе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибавить на всякую страницу; тогда бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова, и какъ бы усиѣнились мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ; моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности, не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопытство знать впередъ, и эта пустая ни къ чему неведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исходитъ одно изъ другого. Одни мы Богъ вѣсть изъ чего мечемся. Все торопится, все въ какой-то горячкѣ. Ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои: „второй томъ нуженъ теперь необходимо“? Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ, такъ же глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ? Да развѣ ужъ я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно; въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ? Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? Почувствовать существо второго тома? По-твоему онъ нуженъ теперь, а по-моему—не раньше какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто-жъ изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ уже сидитъ въ головѣ, или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другого торопить, точно, какъ будто непременно другой долженъ изъ всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбраниваютъ, если сдѣлаетъ глупо, скажутъ: зачѣмъ поторопился? Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ, и даже сказалъ тебѣ то, чего доселѣ не говорилъ еще никому. Не думай однакоже послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руки, какъ мои герои;

я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними, и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, и это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ *глупой свѣтской башкѣ* могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостью, которая всѣмъ видна. И когда повѣрю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освободиться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ, но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году. Святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣляясь, взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если пристальнѣе взглядишься. Тебѣ объяснится также и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ, и не набралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумашь. Пока не станешь самъ хотя сколько-нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что не напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошмаровъ—я также не выдумывалъ; кошмары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло“.

Любопытны очень, во многихъ отношеніяхъ, слѣдующіе отрывки:

„Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтить—

сказалъ такъ: „Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла“. Пушкинъ правъ. Поэтъ на попріщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ попріщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что бралъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство—словомъ, мало ли на что можно сослаться? У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству вѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или неплѣность, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку, близорукой ли пріятель, подстрекавшій его на одновременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгудѣ своего журвала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почув-

ствовалъ самъ честность званія своего, вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ выгоднѣйшимъ должностямъ, и сдѣлалъ это не вълѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе: вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что нужно для мужа? Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдаться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ, по крайней мѣрѣ, цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно какъ бы онъ силился здѣсь намазывать карикатуру на самого себя: все, что въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего, здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которые имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ, и которые тутъ просто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произносятъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ; сколько усомнилось въ искренности его чувствъ, потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно; какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ. И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню. Пріятель нашъ П...¹⁾ имѣетъ обыкновеніе, отрывши какія вы попали строки извѣстнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не вѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестию его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ. „Надѣмся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоценныхъ строкъ: въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства“, и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ; но потомство плюнетъ на эти драгоценныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что уже извѣстно, и если не дышитъ отъ нихъ святѣйшаго того, что должно быть свято. Чѣмъ истинны выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними; иначе онъ вдругъ обратится въ общія мѣста, а общими мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные, или даже просто неприготовленные проповѣдыватели Бога, державшіе произносить имя его неосвященными устами. Обращаться со словомъ нужно честно. Оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Вѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады, или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было—словомъ, въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ. И тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло. Тотъ же нашъ пріятель П... тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все, чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной го-

¹⁾ Погодинъ.

ловъ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ—словомъ, выказывать передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествомъ. И что-жъ? Замѣтили ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? Приняли ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ; они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которая прежде всего замѣчаетъ человѣкъ, и ничего отъ него не привяли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ какъ муравей этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что ни находилъ въ пользу просвѣщенія и образованія русскаго. И ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо; ни одного призвательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, или прекраснымъ стремленіемъ къ добру, которое бы внушило его слово. Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самыхъ намѣреній и за искренность словъ его передъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было трудно даже убѣдить кого-либо, потому что онъ сумѣлъ такъ замаскировать себя передъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. Опасно шутить писателю со словомъ. Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!

„Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, написанное Погодинымъ. Это лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи къ благопристойности, какъ внутренней, такъ и внешней: въ немъ нѣтъ его обычныхъ грубо-неуклюжихъ замашекъ и топорнаго неряшества слога, такъ много ему вредящаго. Все здѣсь, напротивъ того, стройно, обдуманно и расположено въ большомъ порядкѣ. Всѣ мѣста изъ Карамзина прибраны такъ умно, что Карамзинъ какъ бы весь очерчивается самымъ собою и, своими же словами взвѣсивъ и оцѣнивъ самого себя, становится какъ живой передъ глазами читателя“.

Но истинный перлъ по совѣтодательной части составляютъ три письма автора. Въ одномъ онъ учитъ мужа и жену жить по-супружески. Жалѣемъ, что длиннота этого письма лишаетъ насъ возможности пересказать его содержаніе: это чудо, прелесть, еще ничего не являлось подобнаго на русскомъ языкѣ, и передъ этимъ даже путевыя записки за границей г. Погодина—просто пасъ!.. Въ другихъ двухъ письмахъ содержатся преудивительные совѣты помѣщику, какъ управлять своими крестьянами. Въ одномъ изъ нихъ замѣчательнѣе всего совѣтъ касательно сельскаго суда и расправы. Такъ какъ, по мнѣнію автора, въ спорахъ, жалобахъ, неудовольствіяхъ и тяжбахъ всегда бываютъ неправы обѣ стороны, то онъ и рѣшаетъ, что дѣло судьи—наказывать обѣ... „Эта мысль (говоритъ онъ), какъ непреложное вѣрованіе, разнеслась повсюду въ нашемъ народѣ. Вооруженный ею, даже простой и не умный человѣкъ получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. Мы только, люди высшіе, не слышимъ ея, потому что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только спо-

римъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю: т.-е. оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша въ повѣсти Пушкина *Капитанская Дочка*, которая, пославши поручика разсудить городского солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдила его такою инструкціею: „Разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи“ (стр. 188).

Въ другомъ письмѣ авторъ совѣтуетъ помѣщику прежде всего, не шутя, искренно показать своимъ крестьянамъ, что ему, помѣщику, деньги—нуль. „Негодяямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу или даже самому тебѣ. Чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, *летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ*, и все бы ему давало дорогу, а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе, или не послушается умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: „Ахъ, ты, *невывытое рыло!* Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ, что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! *Поклонись же ему въ ноги* и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ,—собакой пропадешь“ (стр. 158—159).

Хорошъ и этотъ совѣтъ: „Мужика не бей: *снѣздитъ его въ рожу* еще не большое искусство: это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ, и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ“ (стр. 160). Затѣмъ авторъ учитъ помѣщика ругаться съ мужиками... Что это такое? гдѣ мы? ужъ не перенеслись ли мы въ давно-прошедшія времена?..

Но это еще не все. Вотъ лучшее: „Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учитъ мужика грамотѣ за тѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову—и пришедши домой онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ“ (стр. 162). Либо пойдетъ въ кабакъ, что онъ и дѣлаетъ нерѣдко... Но не понимаемъ, съ чего взялъ авторъ, будто народъ бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги? Бумагъ юридическихъ не любить ни одинъ нашъ народъ, особенно если грамотѣ не знаетъ; но грамоты нашъ народъ не боится, напротивъ, любить ее и

бѣжить къ ней, а не отъ нея. Пусть попроситъ авторъ своихъ друзей, чтобы они переслали ему отчетъ за 1846 годъ г. министра государственныхъ имуществъ, напечатанный во всѣхъ официальныхъ русскихъ газетахъ: изъ него увидитъ онъ, какъ быстро распространяется въ Россіи грамотность между простымъ народомъ... А если бы захотѣлъ онъ пожить въ той Россіи, которую такъ расхваливаетъ, живя въ разныхъ нѣмецкихъ земляхъ, и поприглядѣться къ нашему простому народу, о которомъ онъ судитъ такъ рѣшительно, не зная его,—онъ убѣдился бы, что эти быстрые успѣхи въ дѣлѣ распространенія грамотности въ простомъ народѣ основаны именно на глубокой потребности, какую чувствуетъ народъ въ грамотности, и на сильномъ стремленіи, какое онъ оказываетъ къ ученію... Авторъ увидѣлъ бы, какъ часто бородатые русскіе мужички ничего не жалѣютъ для обученія дѣтей своихъ грамотѣ и достигаютъ иногда этой цѣли при всевозможной бѣдности въ средствахъ... Да, эта любовь къ свѣту, развившаяся въ пословицѣ: *ученье—свѣтъ, неученье—тьма*, составляетъ одно изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ свойствъ русскаго народа,—и это-то свойство до сихъ поръ не признано въ немъ его близорукими восхвалителями и льстецами, которые, взаимѣ того, навывдумывали для него множество похвальныхъ качествъ, или небывалыхъ въ немъ, или составляющихъ еще его темную сторону...

Замѣчательна слѣдующая черта: въ началѣ письма авторъ совѣтуетъ помѣщику показывать крестьянамъ, искренно, безъ шутокъ, что деньги ему ни почемъ, т.е. вовсе не нужны; а въ концѣ письма говорить: „Разбогатѣешь ты, какъ Крезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщика идутъ врознь съ выгодами мужиковъ“... (стр. 162).

Особеннымъ оттѣнкомъ отличаются письма автора къ Жуковскому. Вотъ нѣсколько образчиковъ писемъ этого рода:

„Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которою произнесенъ смертный приговоръ, т.е. о статьѣ подъ названіемъ: *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ*. Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о, мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ *Современникъ*, мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предать уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько *глупостей* успѣлъ бы я уже надѣлать, если бы только послушался другихъ моихъ пріятелей. Итакъ, вотъ тебѣ моя благодарственная пѣснь—а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда подумаю, какъ до сихъ поръ еще

я глупъ, и какъ не умѣю заговорить ни о чемъ, что поумнѣе. Всего меньше выходятъ мысли и толки о литературѣ! Тутъ какъ-то особенно становишься все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе“.

Знаменитая статья: *Объ „Одиссее“, переводимой Жуковскимъ*, вновь является въ этой книгѣ, въ видѣ письма къ Н. М. Я...ву. Вотъ основныя мысли этой удивительной статьи:

I. Для перевода *Одиссеи* необходимо приготовленіе цѣлою жизнію, необходимы въ жизни переводчика разныя внутреннія и внѣшнія событія, поселяющія въ душѣ миръ, гармонію и другія похвальные качества. Жуковский вполне соответствуетъ этимъ „необходимымъ“ требованіямъ.

II. Переводчикъ долженъ быть христіаниномъ по преимуществу, ибо язычника Гомера можно проникать и постигать только христіанскимъ чувствомъ. И съ этой стороны Жуковский больше, нежели удовлетвори-теленъ¹⁾.

III. Зато переводъ „Одиссеи“ вышелъ несравненно лучше подлинника.

IV. Переводъ этотъ необходимъ для нашего времени, по причинѣ общаго охлажденія и недоразумѣнія.

V. „Одиссея“ произведетъ у насъ вліяніе, какъ вообще на всѣхъ, такъ и отдѣльно на каждого.

VI. Ее будутъ у насъ читать: дворяне, мѣщане, купцы, грамотеи и неграмотеи, рядовые солдаты лакеи, дѣти обоюго пола.

VII. Греческій политеизмъ, сирѣчь многобожіе, не введетъ въ искушеніе нашихъ мужичковъ: они *почешутъ у себя въ затылкѣ* и сейчасъ смекнутъ, въ чемъ дѣло и въ чемъ вздоръ.

VIII. „Одиссея“ произведетъ благотворное вліяніе на нашу литературу: писатели и критики наши перестанутъ нести дичь. Но главное—

IX. „Одиссея“ исправитъ всю нашу цивилизацію, испорченную вліяніемъ Европы, и возвратитъ насъ къ незапамятнымъ былымъ временамъ, помолодитъ насъ десятками тремя вѣковъ... Вѣдь это-то и значитъ идти впередъ!..

„Словомъ (говоритъ авторъ), на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства — „Одиссея“ подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-пре-

¹⁾ Нужно ли знать переводчику по-гречески, и знаетъ ли Жуковский этотъ языкъ,—объ этомъ, какъ дѣлѣ мірскомъ и, слѣдовательно, ничтожномъ, авторъ умалчиваетъ.

краснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себѣ человечество, какъ свое законное наслѣдство. Многие надъ многимъ призадумаются. А между тѣмъ, многое изъ временъ патриархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. *Благоухающими* устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакой властью" (стр. 56). Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому авторъ говоритъ: "Твоя „Одиссея“ принесетъ много общаго добра: *это тебя предрекаю. Она возвратитъ къ свѣжести современнаго человека*, усталого отъ безпорядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, что брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ" (стр. 125).

Подобный великій благодѣтельный переворотъ, произведенный литературнымъ трудомъ, тѣмъ необходимѣе, что, по словамъ автора, „все теперь расплылось и расшнуровалось; *дрянь и тряпка стали всякъ* человекъ; обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего (?) и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ" (стр. 185).

Все это прекрасно. Но вотъ два смиренныя вопроса съ нашей стороны. Какъ будетъ простой народъ читать „Одиссею"? Положимъ, *Одиссея* не принадлежитъ къ числу книжонокъ, издаваемыхъ для народа европейскими человеколюбцами; но какъ будетъ читать ее нашъ народъ, которому авторъ такъ положительно и строго запрещаетъ знать грамотѣ?.. Или учиться грамотѣ, чтобъ умѣть читать, нужно только „глупымъ" нѣмцамъ, а словенину стоитъ только почесать у себя въ затылкѣ, чтобы прочесть всякую книгу, не умѣя читать?.. Потомъ, что если, сверхъ чаянія, мистическія предреченія г. Гоголя о вліяніи *Одиссеи* на судьбу русскаго народа вовсе не сбудутся, и переводъ этотъ, подобно переводу Гнѣдича *Илиады*, будетъ существовать только слишкомъ для немногихъ?.. Вѣдь тогда кто-жъ не скажетъ:

Надѣлала снаница славы,
А моря не зажгла!..

Но самую любопытнѣйшую часть этой книги составляютъ „четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу *Мертвыхъ Душъ*". Эти четыре письма обрадовали, привели въ восторгъ, сдѣлали истинно счастливыми нѣкоторыхъ литераторовъ, особенно занятыхъ литературною славой Гоголя ¹⁾. Это не

тайна, ибо они успѣшили печатно выразить свое торжество, забывъ мудрую русскую пословицу: *постышится—людей насмѣшитъ*, и не менѣе мудрую французскую пословицу: *bien riga qui riga le dernier...* Изъ слѣдующихъ выписокъ легко будетъ всякому увидѣть, что именно въ этихъ фразахъ такъ востихило враговъ таланта Гоголя.

„Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на „Мертвыхъ Душъ". Это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противъ себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красками, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянь и выставитъ ее такъ ярко наружу, что поневолѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупину ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковского и Полевого есть много сираваго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и поддержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неоправданномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ. Самые эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, несмотря на то, что съ перваго разу пришлись очень не по сердцу. О! какъ намъ нужны безпрестанные щелчки, и этотъ оскорбительный тонъ, и эти фдкія, проникающія насъ до костей! Надѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колотъ, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

„Я бы желалъ однакожь побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ „Мертвыхъ Душъ" произвели много шума, много ронога; за дѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и праздою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами—хоть исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ, мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, авось кто-нибудь выберетъ меня хорошенько и въ брани выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы явно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защититъ и оправдать сираваго мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося лучше доказывается дѣло, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованіями. Могъ бы то же сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ,—всякій грамотей, сидитъ ли онъ сидѣмъ на мѣстѣ, или рыскаетъ вдоль и поперекъ по всему лицу Русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человекъ, съ того мѣста, или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность, званіе или образованіе, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой кромѣ его никто другой не можетъ видѣть. По поводу „Мертвыхъ Душъ" могла бы написаться всею

¹⁾ Намекъ на Булгарина и Сенковского; о первомъ изъ нихъ и его отношеніи къ „Перепискѣ" Гоголя см. нашей вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 59.

толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая „Мертвыхъ Душъ“, которая могла бы научить не только меня, но и самихъ читателей, потому что—нечего таить грѣха—всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

„И хотѣ бы одна душа заговорила во всеуслышаніе! Точно какъ бы вымерло все, какъ бы въ самомъ дѣлѣ обитають въ Россіи не живыя, а какія-то „мертвыя души“. И меня же упрекають въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непременно силою Святого Духа долженъ узнать я все, что ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея,—безъ наученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдаль отъ Россіи? какими путями могу я научиться? Меня же не научать эти литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели сами отказались поучить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе. И говорю это не даромъ. Видитъ Богъ, говорю не даромъ!

„Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Они такъ неясны, такъ мало вяжутся съ предметами, проходящими передъ глазами читателя, такъ невольно складу и замашкѣ сочиненія, что ввели въ заблужденіе какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ вы загнулись я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ; я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою пользу. И по дѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать и сочиненія, которое хотя выкросно было недурно, но сшито кое-какъ, бѣлыми нитками, подобно платью, припоспому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка всматриваться въ постройку сочиненія. слѣдовало показать, какія части чудовищно-длины въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главные и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренний духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и доскутность его. Словомъ,—можно было много сдѣлать нападеній несравненно дѣльнѣйшихъ, избравъ меня гораздо больше, нежели теперь бранять, и избравъ за дѣло.

„Охота же тебѣ, будучи такимъ зватокомъ и вѣдателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые запросы, которые умѣють задать и другіе. Половина ихъ относится къ тому, что еще впереди. Ну, что толку въ подобномъ любопытствѣ? „Одинъ только запросъ умѣнь и достоинъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, сумѣлъ ли бы на него отвѣчать умно. Именно запросъ: отчего герои моихъ послѣднихъ произведеній, и въ особенности „Мертвыхъ Душъ“, будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему, близки душѣ, точно, какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать

на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу все герои мои потому близки душѣ, что они изъ души всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣляю тебѣ себя самого какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно впоследствии углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. По этому я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

„Это свойство выступило съ большою силою въ „Мертвыхъ Душахъ“. „Мертвыя Души“ не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь раны общества, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи; прибавъ я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ, но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка, испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство, но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединились мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

„Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній; вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ имъ же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—душа и прочное дѣло жизни. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ незачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе. Игу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему“.

Вотъ почти все главное, изъ котораго мы однакоже вкратцѣ извлечемъ самое существенное:

I. Гоголь самъ сознается, что онъ недо-
воленъ всѣмъ, что было имъ написано до
сихъ поръ, а потому сжегъ рукопись второй
части *Мертвыхъ Душъ* и другихъ своихъ
сочиненій. Ergo: враги таланта Гоголя правы
въ томъ, что столько лѣтъ выставляли его
писателемъ безъ дарованія, безъ вкуса, масте-
ромъ на однѣ сальныя и грязныя картины
въ родѣ Поль де-Кока.

II. Гоголь самъ соглашается, что особен-
ность его таланта состоитъ въ умѣнн
„очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго
человѣка, чтобы вся та мелочь, которая
ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно
въ глаза всѣмъ“. Ergo: это явно талантъ
мелкій и ничтожный...

III. Гоголь объявляетъ торжественно,
что согласенъ съ тѣми, которые бранили
его сочиненія, и не согласенъ съ тѣми,
которые хвалили ихъ. Ergo: хвалители Го-
голя суть литературная партія, уцѣпившаяся
за него для униженія истинныхъ, но нена-
вистныхъ ей талантовъ.

IV. Гоголь самъ говоритъ, что „рожденъ
онъ вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести
эпоху въ области литературной, а за тѣмъ,
чтобы спасти свою душу“. Ergo: лгали тѣ,
которые провозгласили его главой новой ли-
тературной школы.

V. Гоголь признается самъ, что „въ кри-
тикахъ Булгарина, Сенковского и Полевого
есть много справедливаго, начиная даже съ
даннаго ему совѣта поучиться прежде рус-
ской грамотѣ, а потомъ уже писать“, и что
„если бы онъ не торопился печатаніемъ
рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ,
то увидѣлъ бы потомъ и самъ, что въ та-
комъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя
было являться въ свѣтъ“ и пр. Ergo: кромѣ
Вечеровъ на Хуторѣ, все, написанное Го-
големъ, есть чистый вздоръ и не заслужи-
ваетъ никакого вниманія...

Подобные выводы могутъ показаться пра-
вильными и дѣльными только тѣмъ, кото-
рымъ они полезны. Сильно ошибаются тѣ,
которые думаютъ, что публику нашего вре-
мени во всемъ можно увѣрить журнальной
статьей, что она вѣритъ только печатному,
а сама ничего не видитъ, ничего не пони-
маетъ. Такимъ образомъ хотятъ увѣрить,
что слава Гоголя основана на крикливыхъ
возгласахъ какой-то литературной партіи,
которой нужно было поднять его изъ сво-
ихъ собственныхъ расчетовъ. А добрая
русская публика и повѣрила этой партіи, и
начала раскупать сочиненія Гоголя и напол-
нять театры, когда въ нихъ давался *Ревизоръ*... Мало этого, помянутая литературная
партія успѣла убѣдить въ геніальности Го-
голя даже французскую, а за ней и всю
европейскую публику... И все это обманъ,

пуфъ, подлогъ—потому что самъ Гоголь
отрицается отъ своихъ сочиненій и своей
славы... Только-то?.. А намъ какое до этого
дѣло?—Когда нѣкоторые хвалили сочиненія
Гоголя, они не ходили къ нему справляться,
какъ онъ думаетъ о своихъ сочиненіяхъ,
а судили о нихъ сообразно съ тѣми впечат-
лѣніями, которыя они производили... Такъ
точно и теперь, мы не пойдемъ къ нему
спрашивать его, какъ теперь прикажетъ онъ
намъ думать о его прежнихъ сочиненіяхъ
и о его *Выбранныхъ мѣстахъ изъ Переписки
съ Друзьями* ¹⁾... Какая намъ нужда, что онъ
не признаетъ достоинства своихъ сочиненій,
если ихъ признало общество? Это факты,
которыя дѣйствительности не въ состоя-
ніи же опровергнуть онъ самъ... Нѣтъ,
господа противники таланта Гоголя, раненько
вы вздумали торжествовать побѣду, которой
не одержали и которой не одержать вамъ!
Именно теперь-то еще болѣе, чѣмъ прежде,
будутъ расходиться и читаться прежнія со-
чиненія Гоголя, теперь-то еще выше, чѣмъ
прежде, будетъ цѣниться онъ, потому что
теперь онъ самъ существуетъ для публики
больше въ прошедшемъ...

Но оставимъ и хулителей въ сторонѣ, об-
ратимся опять къ нашему автору. Конечно,
въ его смиренномудромъ признаніи собствен-
ныхъ ошибокъ и правды въ нападкахъ вра-
говъ много высокаго, дѣлающаго ему особен-
ную честь; но, смотря на дѣло проще, т.-е.
не со стороны самолюбія, а со стороны са-
маго дѣла, можно замѣтить, что авторъ го-
раздо бы лучше поступилъ, если бы, вмѣсто
всякихъ признаній, воспользовался дѣльными
замѣчаніями и второе изданіе *Мертвыхъ
Душъ* выпустилъ бы въ опрятномъ видѣ...
То же отчасти можно сказать и о *Выбран-
ныхъ*, но отнюдь не *избранныхъ* мѣстахъ изъ
„Переписки съ Друзьями“: они могли явиться
въ печати и грамотнѣе, и приличнѣе, и
опрятнѣе, вообще такъ сказать... Но, видно,
на словахъ блистать смиреніемъ легче, не-
жели трудиться на дѣлѣ...

Не можемъ не выставить на видъ еще од-

¹⁾ Къ этому мѣсту статьи относятся слѣдующія
слова Бѣлинскаго въ письмѣ къ Боткину отъ 6 февр.
1847 г.: „Никитенко такъ поправилъ одно мѣсто въ
моей статьѣ о Гоголѣ, что я до сихъ поръ хожу, какъ
человѣкъ, получившій въ обществѣ оплеуху... Вотъ
въ чемъ дѣло: я говорю въ статьѣ, что-де мы, хвали
Гоголя, не ходили къ нему справляться, какъ онъ
думаетъ о своихъ сочиненіяхъ, то и теперь мы не
считаемъ нужнымъ дѣлать это; а онъ—добрая душа!—
въ первомъ случаѣ мы замѣнили словомъ *нѣкоторые*—
и вышла, во-первыхъ, галиматья, а во-вторыхъ, что-то
въ родѣ подлаго отпирательства отъ прежнихъ по-
хвалъ Гоголю и сваленія вины на другихъ. А тамъ
еще цензора подрадли“...

Никитенко (о которомъ см. ст. №№ 40 и 51) былъ
съ 1847 года офиціальнымъ редакторомъ „Современ-
ника“; цензорами были Куторга и Ивановскій.

ной черты. Вотъ что говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги: „Вотъ уже почти полтора ста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилицемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла,—и до сихъ поръ остаются такъ же пустыни, грустны и безлюдны наши пространныя, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родной нашей крышей, но гдѣ-то оставились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ приемомъ братьевъ, но какой-то холодною, занесенною вьюгою, почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „нѣтъ лошадей“ (стр. 136). Въ этомъ винить авторъ насъ же, и, разумѣется, винить основательно. Но вотъ что онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги: „И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ европейцы на своихъ *великихъ людей, которыхъ умнѣе бываютъ у насъ и не великіе люди*; но тѣ *хоть* какое-нибудь оставили послѣ себя дѣло *прочное*, а мы производимъ кучи дѣлъ,—и всѣ какъ пыль сметаются они съ земли вмѣстѣ съ нами“ (стр. 192). Потомъ читаемъ мы вотъ что: „Если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонвизина, написано было все царствованіе Екатерины, которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ,—то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа“ (стр. 237—238). Какъ вамъ кажутся, читатель, эти три выписки изъ различныхъ мѣстъ одной и той же книги?..

Вотъ еще оригинальный образчикъ логики автора: онъ говоритъ, что никто не можетъ

признать русскихъ людей ни въ Простаковой, ни въ Тарасѣ Скотининѣ, ни въ Простаковѣ, ни въ Митрофанѣ Фонвизина,—и въ то же время всякій чувствуетъ, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи, не могли образоваться такіа существа (стр. 247—249)... Вотъ тутъ и понимай, какъ знаешь!..

Теперь вопросъ: зачѣмъ написана вся эта книга?

Это такъ же трудно рѣшить, какъ и то, зачѣмъ написаны авторомъ эти строки: „О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ оплеуха!“ (стр. 192).

Какое слѣдствіе можно извлечь изъ этой книги?

Разумѣется, въ этомъ случаѣ всякій поступитъ по-своему, и слѣдствій будетъ выведено почти столько же, сколько людей возьмется за это дѣло. Что касается до насъ, мы вывели изъ этой книги такое слѣдствіе, что горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если, недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу... При этомъ мы почему-то вспомнили эти стихи Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любить,
Тотъ всегда другихъ упрямѣй и вздорѣй:
Онъ лучше дѣло все погубить,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить или выслушать разумаго совѣта.

Приходили намъ въ голову и другіе выводы изъ книги *Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями*; но... статья наша и такъ вышла черезчуръ длинна...

1847 г.

64. Письмо къ Гоголю.

Почти всеобщій взрывъ негодованія, послѣдовавшій въ отвѣтъ на появленіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, крайне тяжело подѣйствовалъ на Гоголя; и, быть можетъ, тяжелѣе всего ему было отъ статьи Бѣлинскаго,—по крайней мѣрѣ только на одну эту статью изъ вражескаго лагеря Гоголь рѣшилъ возразить, хотя и не статью, а письмомъ. Не пони-

мая истиннаго положенія дѣла, онъ былъ увѣренъ, что Бѣлинскій былъ раздраженъ не сущностью его книги, а тѣми „щелчками“ по адресу поклонниковъ и хвалителей Гоголя, какіе были разсыпаны въ его книгѣ. „Вѣроятно,—писалъ Гоголь 20 іюня 1847 года Прокоповичу про Бѣлинскаго,—онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналисту вообще. Мнѣ было

очень прискорбно это раздраженіе не по причинѣ жестокости словъ..., но потому что, какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ; человѣкъ этотъ, несмотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо однакожь на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ нимъ"... Одновременно съ этимъ Гоголь написалъ письмо Бѣлинскому съ „искреннимъ изложеніемъ своихъ чувствъ“ и съ полнымъ недоумѣніемъ объ истинной причинѣ „раздраженія“ Бѣлинскаго. „Я прочиталъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ во второмъ номерѣ *Современника*,—писалъ Гоголь:—не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотите меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ ней слышится голосъ человѣка, на меня разсердившагося... Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчать васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ это вышло, что на меня разсердились всѣ до единого въ Россіи, этого покуда я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные—всѣ огорчились.... Вы взглянули на мою книгу глазами разсерженного человѣка и потому почти все приняли въ дурномъ видѣ"... Далѣе Гоголь заявляетъ, въ обычномъ для него полу-тайнственномъ тонѣ, что цѣлый рядъ мѣстъ въ его книгѣ „покажутся еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ“, что надо пропускать ихъ, обращая вниманіе только на тѣ мѣста, „которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку“; что въ его книгѣ „замѣшалась собственная душевная исторія человѣка, непохожая на другихъ“; что ему, Гоголю, „не легко было рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, вскрывши часть той внутренней своей клѣти, настоящій смыслъ которой не скоро почувствуется“; что онъ, Гоголь, не имѣлъ намѣренія оскорбить въ своей книгѣ доброжелательныхъ ему критиковъ, а напротивъ, собирался современемъ воздать имъ должное. Все это письмо Гоголь заканчиваетъ слѣдующими словами: „пишите критики самыя жестокія, прибирайте всѣ слова, какія знаете, на то, чтобы унижить человѣка, способствуйте осмѣянію меня въ глазахъ читателей, не пожалѣйте самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть, нѣжнѣйшаго сердца—все это вынесетъ моя душа, хотя и не безъ боли, и не безъ скорбныхъ потрясеній. Но мнѣ тяжело, очень тяжело (говорю вамъ это истинно), когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ, не только добрый, а васъ я считаю за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее изложеніе чувствъ моихъ“...

Личное озлобленіе—вотъ къ чему сводилась, по мнѣнію Гоголя, вся суть статьи Бѣлинскаго. Это письмо Гоголя Бѣлинскій получилъ во время своей лѣтней поѣздки 1847 года по Германіи и Франціи; онъ находился въ это время въ силезскомъ курортѣ Зальцбруннѣ, гдѣ „вовсе раскисъ и изнемогъ душевно,—пишетъ онъ:—вспомнилось и то, и другое—насилу отчитался *Мертвыми Душами*“ (письмо къ женѣ отъ 5 іюня нов. ст. 1847 г.). Этому глухому силезскому мѣстечку суждено было стать знаменитымъ въ исторіи русской литературы: отсюда послалъ Гоголю Бѣлинскій свой „громовый отвѣтъ“ на его письмо. Слишкомъ извѣстно, какое громадное значеніе имѣло и до сихъ поръ сохраняетъ это письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; еще Герценъ называлъ это письмо „завѣщаніемъ Бѣлинскаго, и даже враги Бѣлинскаго видѣли и видятъ въ этомъ письмѣ „манифестъ“ западничества, „историческій актъ“; этихъ причинъ достаточно для того, чтобы мы за формою письма видѣли одну изъ замѣчательнѣйшихъ статей Бѣлинскаго, въ которой онъ смѣло и свободно высказался на всю Россію, стряхнувъ съ себя оковы цензуры. Мы сочли необходимымъ, поэтому, помѣстить въ настоящемъ изданіи это письмо-статью—несомнѣнно самую сильную изъ всѣхъ, когда-либо написанныхъ Бѣлинскимъ.

Теперь, когда передъ читателемъ находятся и обширныя выписки изъ книги Гоголя, и статья о ней Бѣлинскаго, и письмо Гоголя по поводу этой статьи, и отвѣтъ Бѣлинскаго—мы можемъ подойти къ вопросу о самой *сущности* спора и коренного разногласія между Бѣлинскимъ и Гоголемъ. Пишущему эти строки уже приходилось указывать, что великій расколъ русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ—западничество и славянофильство—возникъ прежде всего на почвѣ діаметральной противоположности психологическихъ типовъ познанія ихъ представителей. Славянофильство было въ своей основѣ *религіознымъ романтизмомъ*, западничество—*философскимъ реализмомъ*; мистицизмъ славянофильства настолько же очевиденъ, какъ и раціонализмъ западничества. „Этический индивидуализмъ на почвѣ религіознаго романтизма—вотъ основной пунктъ воззрѣнія славянофиловъ; социологическій индивидуализмъ на почвѣ реализма—вотъ основной пунктъ міровоззрѣнія западниковъ“ (См. нашу „Ист. русск. общ. мысли“, черезъ которую съ начала и до конца проходитъ эта мысль о двухъ типахъ міропознанія; ср. наст. изд. т. II стр. 383). Такимъ образомъ романтическая и реалистическая, мистическая и раціоналистическая точка зрѣнія—вотъ основное, коренное расхожденіе западничества и славянофильства, а значитъ Бѣ-

линскаго и Гоголя, поскольку они были близки къ этимъ двумъ теченіямъ русской мысли. Бѣлинскій дѣйствительно былъ самымъ яркимъ представителемъ западничества и реализма; что же касается до славянофильства и мистицизма Гоголя, то ихъ можно принять только условно—объ этомъ у насъ еще будетъ рѣчь ниже. Несомнѣнно пока одно: Гоголь во многомъ былъ близокъ къ славянофильству и страстно *хотѣлъ* быть мистикомъ; во всякомъ случаѣ вся книга его явно построена на религіозномъ базисѣ. Въ качествѣ панацеи отъ всѣхъ общественныхъ золъ Гоголь рекомендуетъ самоусовершенствованіе на религіозной почвѣ,—этимъ опредѣляется характеръ всей его книги ¹⁾.

Бороться съ общественными социальными-политическими несовершенствами нужно путемъ личнаго религіознаго совершенствованія—вотъ основная мысль всей книги Гоголя, какъ мы на это указывали въ другомъ мѣстѣ („Ист. русск. общ. мысли“, т. I, стр. 197 и 201, изд. 2-ое). Эта проповѣдь личнаго совершенствованія, какъ пути рѣшенія общественныхъ вопросовъ, была не только совсѣмъ чужда, но даже враждебна взглядамъ Бѣлинскаго, настолько враждебна, что спорить съ нею онъ не могъ: для возможности спора необходима хоть пядь общей почвы, а здѣсь ея не было ни пяди. Споръ невозможенъ, если одинъ изъ спорящихъ всецѣло отвергаетъ основные взгляды второго—эта истина была сформулирована еще въ схоластической логикѣ: *contra negantem principia disputari non potest*. Эту истину зналъ и Бѣлинскій, а потому и сосредоточилъ свои удары не на общемъ принципѣ, а на частныхъ его примѣненіяхъ, говоря о которыхъ онъ выяснялъ Гоголю свой взглядъ на эти вопросы. „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ“,—говоритъ Бѣлинскій, и сразу переводитъ вопросъ на социальную почву. Гоголь училъ въ своей книгѣ хозяина-помѣщика патриар-

хальному обращенію съ крѣпостными, давалъ совѣты какъ сдѣлаться милліонеромъ, будучи въ то же время добродѣтельнымъ и продолжая свое личное усовершенствованіе (типъ Костанжогло и Муразова во второй части „Мертвыхъ душъ“); это, по мнѣнію Гоголя, было путемъ рѣшенія социального вопроса. Бѣлинскій съ негодованіемъ возсталъ противъ такой елейно-наивной мысли—рѣшить социальный вопросъ, обходя его. „Нѣтъ!—обращается онъ къ Гоголю:—если бы вы дѣйствительно преисполнились истинною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы вы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику, что такъ какъ его крестьяне его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ“...

Здѣсь Бѣлинскій подошелъ, на частномъ примѣрѣ, къ самой сердцевинѣ вопроса. Или правъ Гоголь—и социальный вопросъ въ отношеніи помѣщика къ крѣпостнымъ рѣшается путемъ нравственного самосовершенствованія помѣщика и крестьянина; либо правъ Бѣлинскій—и вопросъ этотъ рѣшается путемъ социальной реформы: „самые живые, современные, національные вопросы въ Россіи теперь—уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть“,—заявляютъ тутъ же Бѣлинскій. Кто изъ нихъ правъ—не въ этомъ дѣло, да къ тому же отвѣтъ на этотъ вопросъ для насъ слишкомъ очевиденъ; интереснѣе отмѣтить другое, а именно, что Бѣлинскій видѣлъ религіозно-нравственную почву разсужденій Гоголя и ясно опредѣлилъ свое положеніе на почвѣ социально-политической: въ этомъ все содержаніе его отвѣта Гоголю. Это не значитъ, чтобы Бѣлинскому не было дорого личное совершенствованіе, развитіе личности—мы только-что указывали, какъ высоко ставилъ „личность“ Бѣлинскій (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 62); но это значитъ, что Бѣлинскій хорошо понималъ всю невозможность рѣшенія общественныхъ вопросовъ путемъ личнаго совершенствованія. Для него это былъ *nonsens* (какимъ онъ является по существу и для насъ); и Бѣлинскій обратилъ главное вниманіе на цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, въ которыхъ взгляды и мнѣнія Гоголя слишкомъ ужъ возмущали „неистоваго“ Бѣлинскаго. Совѣты помѣщику—какъ разбогатѣть и какъ обращаться съ крестьянами; благоговѣйное отношеніе къ носите-

¹⁾ Мысль о рационализмѣ западничества и мистицизмѣ славянофильства талантливо развилъ въ послѣднее время М. Гершензонъ въ своей книгѣ „Историческія записки о русскомъ обществѣ“ (1910 г.); съ этой же точки зрѣнія онъ разбираетъ тамъ книгу Гоголя и отвѣтъ Бѣлинскаго, доказывая, что по существу Гоголь былъ вполне правъ, что его основная точка зрѣнія—внутреннее устроеніе личности, какъ панацея отъ всѣхъ золъ—является абсолютной истиной; что взглядъ западниковъ и Бѣлинскаго на рѣшеніе социального вопроса путемъ усовершенствованія общественныхъ формъ—абсолютно ложенъ по существу; что Бѣлинскій совершенно не понималъ смысла рѣшенія Гоголя и что до сихъ поръ историки его не понимаютъ. Мы увидимъ ниже, что Бѣлинскій хорошо понималъ сущность и основу взглядовъ Гоголя; вообще же объ идеяхъ, проповѣдуемыхъ М. Гершензономъ и его единомышленниками—см. вторую часть нашей книги „Объ интеллигенціи“ (1910 г.).

лямъ высшей власти; надменный и самоуверенный пророческій тонъ—все это одинаково возмущало Бѣлинскаго, и свое возмущеніе онъ съ громадной силой высказалъ въ своемъ письмѣ.

Письмо это окончательно, что называется, добило Гоголя. Попытавшись сперва отвѣтить на него по существу, Гоголь самъ убѣдился въ слабости своего отвѣта и не послалъ его Бѣлинскому; уже послѣ смерти Гоголя оно было найдено въ разорванномъ видѣ и восстановлено редакторомъ собранія сочиненій Гоголя, П. Кулишемъ. Въ этомъ непосланномъ письмѣ Гоголь защищаетъ принципъ самосовершенствованія, осуждаетъ мысль, будто „преобразованиями и реформами можно поправить міръ“, защищается отъ нападеній Бѣлинскаго. Но письмо это проникнуто до того растеряннымъ тономъ, что становится понятною его участь въ рукахъ Гоголя. Бѣлинскому онъ послалъ другое короткое письмо (отъ 10 авг. 1847 г.). „Я не могъ—писалъ Гоголь—отвѣчать скоро на письмо ваше. Душа моя изнемогла; все во мнѣ потрясено.... Что мнѣ отвѣчать! Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды“... Что же такое случилось? Неужели письмо Бѣлинскаго убѣдило Гоголя? Конечно, письмо это потрясло Гоголя; оно, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ негодующихъ статей и писемъ, если и не убѣдило автора „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, то по крайней мѣрѣ пошатнуло вѣру Гоголя въ свое пророческое предназначеніе. Гоголь не былъ „пророкомъ“ по своему психическому складу, такимъ „пророкомъ“, какимъ былъ, напри- мѣръ, въ свое время пророкъ Аввакумъ или вообще люди его типа. Пророкъ погибаетъ и все-таки вѣрить въ себя, лже-пророкъ побѣждаетъ и все же не вѣритъ въ себя; пророкъ побѣждаетъ, хотя бы и погибъ, лже-пророкъ гибнетъ, хотя бы и побѣдилъ. Гоголь и не побѣдилъ и погибъ. Онъ увидѣлъ, что онъ былъ только „лже-пророкомъ“; въ глубинѣ своей души онъ сознавалъ, что нѣтъ у него той власти, которую онъ попытался взять на себя въ своей перепискѣ съ друзьями. И отъ этого сознанія, отъ этого удара Гоголь уже никогда не оправился. Къ тому же онъ вскорѣ подпалъ подъ власть настоящаго „пророка“, какимъ былъ невѣжественный фанатикъ, сельскій попъ Матвѣй; борьба съ вліяніемъ этого прямолинейнаго и тупого изувѣра была не подъ силу Гоголю.

Трагическая судьба Гоголя выходитъ за предѣлы нашей темы; нельзя однако не указать, въ чемъ былъ узелъ этой трагедіи: Гоголь былъ по существу своему рационалистомъ, страстно желавшимъ быть мисти-

комъ (см. нашу „Ист. русск. общ. мысли“, т. I, стр. 202). Вотъ почему онъ стоитъ въ сторонѣ отъ славянофильства, этого подлиннаго мистическаго теченія; вотъ почему онъ такъ скоро палъ духомъ подъ ударами своихъ враговъ: неосознанная двойственность есть худшій внутренній врагъ человѣка. И здѣсь же—причина силы Бѣлинскаго: реалистъ и рационалистъ онъ твердо вѣрилъ въ истину своего воззрѣнія; стоитъ только перечестъ его настоящее письмо къ Гоголю, которое съ тѣхъ поръ и до настоящаго дня остается вдохновеннымъ манифестомъ цѣльнаго и опредѣленнаго міровоззрѣнія. Мы говоримъ: „до настоящаго дня“,—потому что хотя и исполнились нѣкоторыя пожеланія Бѣлинскаго: пало крѣпостное право, отмѣнено тѣлесное наказаніе; но зато мало ли новыхъ позорныхъ и кошмарныхъ „бытовыхъ явленій“ возникло на Руси? И развѣ очень устарѣли слова Бѣлинскаго, что въ Россіи „нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей“? Съ горечью нужно признаться, что письмо Бѣлинскаго къ Гоголю еще не скоро утратитъ интересъ современности...

Въ началѣ 1849 года письмо Бѣлинскаго, распространившееся во множествѣ списковъ, стало извѣстно, изъ дѣла петрашевцевъ, николаевскимъ жандармамъ. Къ счастью для Бѣлинскаго—его въ ту пору уже не было въ живыхъ, такъ что извѣстный намъ Дубельтъ (см. ст. № 59) могъ только „яростно сожалѣть“ о смерти Бѣлинскаго, котораго иначе онъ хотѣлъ „сгноить заживо“ въ казематѣ. Но нѣкоторые изъ петрашевцевъ, и въ числѣ ихъ Достоевскій, были тогда же приговорены къ *смертной казни* (замѣненной каторгой) за прочтеніе въ обществѣ этого письма Бѣлинскаго. Разумѣется, это не могло остановить распространенія этого письма въ массѣ списковъ по всей Россіи; по свидѣтельству И. Аксакова (въ письмѣ къ отцу отъ 9 окт. 1856 года) „имя Бѣлинскаго (въ то время строго запретное,—И.-Р.) извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ... Нѣтъ ни одного учителя гимназій въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю“... Въ рукописныхъ спискахъ письмо это продолжало ходить до начала семидесятыхъ годовъ, когда было напечатано впервые въ Россіи,—разумѣется, съ громадными сокращеніями. Въ началѣ девяностыхъ годовъ его напечатали съ небольшими сокращеніями Н. Барсуковъ въ своей многотомной и недоконченной работѣ „Жизнь и Труды М. П. Погодина“ (т. VIII, стр.

596—607; въ этомъ же томѣ см. вообще о бурѣ, вызванной книгой Гоголя,—стр. 519—619). Въ 1905 году полный текстъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю издалъ въ отдѣльной брошюрѣ С. Венгеровъ; полный текстъ появился также и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго. Но въ 1911 году мы, къ сожалѣнію, лишены этой возможности и

вынуждены въ нижеслѣдующемъ текстѣ обозначить точками около двѣнадцати строкъ. Хотѣлось бы надѣяться, что не въ особенно далекомъ будущемъ это безсмертное письмо опять появится въ нашей печати въ полномъ видѣ—и на этотъ разъ уже окончательно.

И.-Р.

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе не правы, приписавши это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства: нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитой кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный со своею страной, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хотѣть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большого числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но чересчуръ неце-

ремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли,—въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего *прекраснаго далека*; а вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому что въ этомъ *прекрасномъ далекомъ* вы живете совершенно чуждымъ ему въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ, — права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стѣшками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ ни только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія

хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и бесплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ, и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута треххвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатическомъ снѣ! И въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самоё себя, какъ будто въ зеркалѣ—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учить варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учить ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе...? Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику, что такъ какъ его крестьяне его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: „*Ахъ, ты неумытое рыло!*“ Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго вы нашли въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да, это и такъ у насъ дѣлается вчастую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтленія! Не можетъ быть! Или вы больны — и вамъ надо спѣшить лѣчиться, или... не смѣю досказать моей мысли!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, пане-

гиристъ татарскихъ правоеъ—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги,—вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на православную церковь, это я еще понимаю: . . . ; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь, . . . церковью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь же явилась іерархіей, стало быть поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми,—чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши . . . !

Неужели вы этого не знаете! Вѣдь это теперь не новость для всякаго гимназиста... А потому неужели вы, авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, неужели вы искренно отъ души пропѣли гимнъ . . . русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство . . .

. . . И будто всего этого вы не знаете? Странно! По вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть цѣтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. . .

. . .

Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе,

отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоять за какого-то Бога. Русский народъ не таковъ: мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльных, исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною аскетическою созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантизмомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею численно.

Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да—и выгодно), только продолжайте благо-разумно созерцать его изъ вашего *прекраснаго далека*: вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно... Замѣчу только одно: когда европейцемъ, особенно католикомъ овладѣваетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ *religiosa mania*, онъ тотчасъ же земному богу подкурить болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ окомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русскій человѣкъ!..

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да простить васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только передавши ее бумагѣ, вы не знали что говорили... Но, можетъ быть,

вы скажете: „Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложны, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?“ Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новостъ. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачкомъ¹⁾ съ братією. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ, но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ болѣею энергією и съ болѣею послѣдовательностію, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, желая поставить по свѣчкѣ тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напимѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея гибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились-было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственного разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ царь. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя, и еще болѣе какъ человѣка?

Вы, сколько я вижу, не совсемъ хорошо понимаете русскую публику. Ея харак-

¹⁾ Издатель журнала „Маякъ“, о кот-
рой статья № 46.

опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но сдавленные тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрнопопданническихъ стихотворенія и надѣтъ камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей? И старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго „самодержавія, православія и народности“, и потому всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему злой книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутія, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадайтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья приуныли; но я тогда же

сказалъ имъ, что несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятиѣ теперь всѣми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубоко, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль — довести о немъ до свѣдѣнія публики—была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжело зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей, — тотъ носитъ Христа въ груди своей и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смирненіе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не ново, а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, страшною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости, или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ — это уже гадко; потому что если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиною христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы?—„Дрянъ и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ“, неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій*—значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ—произведеніе автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“.

Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда,

что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ нехорошъ. Я понимаю необходимость щелкнуть иногда глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то почеловѣчески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслью вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть, на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ¹⁾. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риноплетя, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его „вялый, влачащійся по землѣ стихъ“. Все это нехорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да признаться и не хотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а

¹⁾ Статья кн. Вяземскаго о книгѣ Гоголя въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 года. — Сотрудничая въ „Отеч. Запискахъ“, Бѣлинскій вынужденъ былъ, подчиняясь политикѣ Краевскаго, сочувственно отзываться о кн. Вяземскомъ; быть можетъ, кое-что хвалебное вставлялъ отъ себя и самъ Краевскій въ статьи Бѣлинскаго. По крайней мѣрѣ, до сотрудничества въ „Отеч. Запискахъ“ и послѣ него Бѣлинскій одинаково враждебно и отрицательно относился къ этому писателю.

не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе „Шекины“ распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбруннъ, откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ на Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить вполнину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не расскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.

И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ.
15 іюля 1847 года.

65. ОТВѢТЪ „МОСКВИТЯНИНУ“.

Вернувшись въ Петербургъ (24 сентября 1847 г.) изъ своей заграничной поѣздки, Бѣлинскій тотчасъ же ознакомился съ вышедшей къ тому времени книжкой „Москвитянина“, въ которой была между прочимъ напечатана статья—„О мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ“. Авторомъ этой статьи былъ Ю. Самаринъ,

скрывшійся за подписью „М... З... К...“; въ статьѣ своей онъ умно и корректно указалъ на нѣкоторые дѣйствительные и мнимые промахи и самопротиворѣчія „Современника“, на слишкомъ упрощенное трактованіе славянофильства Бѣлинскимъ и его идейными друзьями. Кое-что въ этихъ указаніяхъ заслуживало вниманія, кое-что было совер-

шенно несправедливо, какъ мы это увидимъ ниже; но во всякомъ случаѣ это была серьезная статья, заслуживавшая серьезнаго отвѣта. Такимъ отвѣтомъ и явился со стороны БѢлинскаго настоящій „Отвѣтъ Москвитянину“.

Однако БѢлинскій не могъ и не хотѣлъ выдержать свою статью въ холодномъ „академическомъ“ стилѣ; онъ былъ раздраженъ статьей Самарина и намѣренно отвѣчалъ ему въ полемическомъ тонѣ, сильно обезцвѣченномъ однако цензурою. И дѣйствительно, БѢлинскій имѣлъ основаніе считать себя задѣтымъ статьей Самарина: не говоря уже о томъ, что въ статьѣ этой дана вообще несправедливо пристрастная отрицательная характеристика БѢлинскаго, еще болѣе могло быть непріятнымъ БѢлинскому отношеніе Самарина къ его статьѣ „Взглядъ на русскую литературу въ 1846 году“ (см. № 62). Мы указывали, что въ этой первой статьѣ „Современника“ БѢлинскій разорвалъ съ традиціями „Отеч. Записокъ“ и, сохранивъ до извѣстной степени свою прежнюю позицію по отношенію къ славянофиламъ, совершенно измѣнилъ тонъ полемики съ ними; онъ призналъ славянофильство замѣчательнымъ фактомъ русской жизни, съ которымъ надо считаться и мимо котораго во всякомъ случаѣ нельзя пройти съ пренебреженіемъ. Это мнѣніе славянофилы вообще и Самаринъ въ частности сочли полной сдачей БѢлинскаго на капитуляцію и, не принявъ протянутой руки, продолжали свои нападенія. „Какъ люди, не привыкшіе къ благосклоннымъ о себѣ отзывамъ со стороны не принадлежащихъ къ нимъ литературныхъ партій,—отмѣчаетъ БѢлинскій въ настоящей статьѣ,—они до того обрадовались отзыву г. БѢлинскаго, что начали смотрѣть на всѣхъ своихъ противниковъ, какъ на разбитое въ прахъ войско, а на себя, какъ на великихъ побѣдителей. Вотъ что называется—не давши сраженія, торжествовать побѣду!“ Вѣроятно по этой причинѣ БѢлинскій вернулся въ настоящей статьѣ къ прежнему своему полемическому тону. Была и еще одна причина—чисто внѣшняя: БѢлинскій вернулся изъ своей заграничной поѣздки попрежнему измученный смертельною болѣзнью, нервный, раздражительный; немедленно на его голову свалилась куча непріятностей—московскіе друзья его, Боткинъ, Кавелинъ и др., поддерживали Краевского, „Современникъ“ давалъ дефицитъ и т. п. И БѢлинскій поневолѣ слишкомъ раздраженно отнесся къ статьѣ Самарина. „Самаринъ—писалъ БѢлинскій 20 ноября 1847 г. Анненкову—тиснулъ въ Москвитянинъ статью, весьма пошлую и подлую, о Современникѣ; мнѣ надо было отвѣтить ему. Взялся-было за работу;

не могу: лихорадочный жаръ, изнеможеніе...“ Только черезъ нѣсколько дней БѢлинскій нѣсколько оправился, „принялся за работу и въ шесть дней намахалъ три съ половиною листа“... Онъ не старался щадить Самарина и въ послѣдствіи даже упрекалъ Кавелина (въ свою очередь отвѣчавшаго Самарину) за слишкомъ мягкій тонъ отвѣта: „катать ихъ (славянофиловъ), мерзавцевъ!.. И Богъ вамъ судья, что отпустили живымъ одного изъ нихъ, имѣя его подъ пятою своею!“ (письмо къ Кавелину отъ 7 дек. 1847 г.). Замѣтимъ здѣсь, что отвѣтъ самого БѢлинскаго Самарину произвелъ большое впечатлѣніе, былъ признанъ очень удачнымъ; тотъ же Кавелинъ написалъ БѢлинскому восторженное письмо по поводу его „Отвѣта Москвитянину“ (см. письмо БѢлинскаго къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 года).

Въ настоящее время такое мнѣніе можетъ быть принято только съ оговорками. Конечно, нечего и говорить, что собственно полемическая сторона статьи БѢлинскаго могла быть только блестящей: мы уже не разъ видѣли, съ какой силой проявлялся этотъ талантъ БѢлинскаго, какіе тяжелые удары умѣлъ онъ наносить (см., напр., №№ 36, 50, 59 и др.). Такъ и теперь, въ своемъ отвѣтѣ Самарину БѢлинскій нанесъ противнику не одинъ тяжелый ударъ; „баричъ, который изучалъ народъ черезъ своего камердинера и который между служебными и свѣтскими обязанностями изъ году въ годъ высиживаетъ по статейкѣ, имѣя вдоволь времени показаться въ ней умнымъ, ученымъ и, пожалуй, талантливымъ“: въ этой ядовитой характеристикѣ кое-что бьетъ прямо въ цѣль. Но, разумѣется, не только этой полемической стороной сильна и цѣнна настоящая статья БѢлинскаго; въ ней мы находимъ рядъ интересныхъ и важныхъ экскурсовъ въ область вопросовъ объ искусствѣ, о „натуральной школѣ“, о Гоголѣ—обо всемъ этомъ мы будемъ говорить во вступительной замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ. Все это такъ; однако, что касается самаго главнаго пункта статьи, возраженія на славянофильскія положенія, то тутъ БѢлинскій во многихъ случаяхъ слишкомъ поверхностно понималъ славянофильство и смѣшалъ его съ явленіями, не имѣющими со славянофильствомъ почти ничего общаго.

Въ этомъ не было вины БѢлинскаго. Только въ послѣдствіи, когда и славянофильство и западничество стали уже пройденнымъ этапомъ русской мысли, возможно было отграничить славянофильство отъ совершенно чуждыхъ ему наслоеній. Надо помнить, что БѢлинскій считалъ типичными славянофилами (и имѣлъ основаніе на это) такихъ людей, какъ Погодинъ и Шевыревъ; только

впослѣдствіи стало ясно, что консервативный націонализм „Москвитянина“ имѣетъ мало общаго съ подлиннымъ „славянофильствомъ“ Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова. Сами славянофилы не всегда умѣли проводить границы между собою и консервативно-націоналистическими теченіями; и хотя Хомяковъ въ частныхъ разговорахъ отзывался о Погодинѣ—„не нашъ“, однако органомъ славянофильства, даже въ глазахъ Хомякова и его друзей, продолжалъ оставаться „Москвитянинъ“; попытка чисто „славянофильскаго“ изданія, „Московского Сборника“, потерпѣла неудачу въ эпоху цензурнаго террора 1848—1855 гг. Бѣлинскій подъ „славянофильствомъ“ имѣлъ основаніе понимать и подлинное славянофильство и присосавшійся къ нему консервативный націонализмъ; мало того, Бѣлинскій, какъ „человѣкъ экстремъ“, шелъ дальше въ этомъ направленіи: онъ приписалъ къ славянофильству и откровенно-реакціонный „Маякъ“ (о которомъ см. въ статьѣ № 46; т. II, стр. 757 и сл.). „Маякъ“ былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣдовательнымъ органомъ славянофильства“,—говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ; въ эту добросовѣстную ошибку онъ впалъ именно потому, что преувеличилъ консервативные элементы славянофильства и въ то же время недооцѣнилъ его демократичности, не обратилъ достаточнаго вниманія на внутреннюю сущность славянофильства.

Было время, когда Бѣлинскій менѣе всего могъ назваться демократомъ (см. т. II, стр. 142); теперь наоборотъ, онъ возмущается тѣмъ, что славянофилы „объявляютъ въ пользу своего литературнаго прихода монополію на симпатію къ простому народу. Откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ?“ Въ „народности“ славянофильства Бѣлинскій видитъ теперь простое повтореніе положеній французскаго социализма. Въ письмѣ къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 г. Бѣлинскій между прочимъ говоритъ: „вамъ, милый мой юноша, понравилось то, что Самаринъ говоритъ о народѣ. Перечтите-ка да переведите эти фразы на простыя понятія, такъ и увидите, что это цѣликомъ взятыя у французскихъ социалистовъ и плохо понятыя понятія о народѣ, абстрактно примѣненныя къ нашему народу. Если-бъ объ этомъ можно было писать, не рискуя впасть въ тонъ доноса, я бы потѣшился надъ нимъ за эту страницу“... Надо вспомнить, какъ относился теперь Бѣлинскій къ французскимъ социалистамъ, этимъ „соціальнымъ и добродѣтельнымъ осламъ“ (см. ст. № 62),

чтобы понять все презрѣніе, вложенное въ эту фразу. Характерно между прочимъ, что Бѣлинскій одновременно указывалъ на родство славянофиловъ и съ реакціоннымъ „Маякомъ“ и съ утопическимъ социализмомъ: очевидно, по его мнѣнію, одно другого стоило... Это даетъ лишній штрихъ къ той потерѣ Бѣлинскимъ „вѣры въ социализмъ“, о которой у насъ была рѣчь во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 62. Конечно, въ такомъ отношеніи къ славянофильству Бѣлинскій былъ вполнѣ неправъ: вовсе не конкретныя понятія французскихъ социалистовъ абстрактно примѣняли славянофилы къ русскому народу, а какъ разъ наоборотъ—абстрактныя построенія утопическаго социализма были конкретно примѣнены ими къ вопросу о русской общинѣ. Тутъ вѣрно было только одно: что славянофилы многое взяли и переработали изъ западно-европейской мысли, что „они высосали эти понятія (о народѣ) изъ социалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жюль Занда и Луи Блана“,—какъ писалъ Бѣлинскій Анненкову 15 февр. 1848 г. Но именно потому понятія и мнѣнія эти были неприемлемы для Бѣлинскаго, особенно послѣ его потери „вѣры въ социализмъ“; Бѣлинскій теперь, отказавшись отъ „абстрактныхъ построеній“, весь былъ поглощенъ вопросами реальной политики—главнымъ образомъ объ освобожденіи крестьянъ, о чемъ мы говоримъ во вступительной статьѣ (I томъ). Поэтому его одинаково отталкивали обѣ стороны, которыя онъ находилъ въ славянофильствѣ—и патріархальная и социалистическая; обѣ эти стороны онъ преувеличивалъ, а потому и былъ лишенъ возможности заглянуть въ славянофильство такъ глубоко, какъ десятью годами позднѣе это сдѣлалъ Герценъ.

Все это, однако, частные вопросы славянофильства, въ пониманіи которыхъ Бѣлинскій могъ во многомъ ошибаться; гораздо интереснѣе узнать, видѣлъ ли Бѣлинскій, въ чемъ заключена внутренняя сущность славянофильства. Несомнѣнно видѣлъ; но эта первооснова славянофильства показалась ему до того чуждой, имъ уже отброшенной и не стоящей опроверженія, что онъ только мимоходомъ и презрительно говорилъ о ней въ своихъ статьяхъ. Эта внутренняя сущность славянофильства—то, что можно назвать мистическимъ воспріятіемъ міра, „романтическимъ міропониманіемъ“; реализмъ западниковъ и „романтизмъ“ славянофиловъ—это были два полюса, между которыми не могло быть примиренія, это два противоположныхъ психологическихъ типа міропознанія, которые навсегда останутся враждебными другъ другу (см. т. II, стр. 383; выше см. статьи №№ 63—64; подробно объ

этомъ см. въ нашей „Исторіи русской общественной мысли“). Бѣлинскій прекрасно видѣлъ эту внутреннюю сущность славянофильства: и въ настоящей статьѣ и въ предъидущихъ (см. особенно ст. № 55 и нашу вступительную замѣтку къ ней) онъ не одинъ разъ ставитъ на видъ славянофильскія „мистическія предчувствія“, „мистическія фразы“, „мистическое воззрѣніе“, „мистическую теорію“; но при этомъ самъ Бѣлинскій былъ до того глубокимъ реалистомъ по натурѣ, что ему и въ голову не могло прійти отнестись серьезно къ этимъ хотя бы чуждымъ и враждебнымъ воззрѣніямъ. Мистицизмъ былъ для него только пережиткомъ дѣтства и юности; Бѣлинскій и не предполагалъ, что реализмъ и романтизмъ, раціонализмъ и мистицизмъ—два *равноправныхъ* психологическихъ типа міропониманія. Мы не удивимся этому, если вспомнимъ, что для многихъ и до сихъ поръ истина эта является совершенно недоступной. Бѣлинскій, повторяемъ, былъ глубокий реалистъ по своему психологическому типу; недаромъ онъ любилъ примѣнять къ себѣ слова: „я весь земной!“ Въ интуитивное познаваніе онъ не вѣрилъ; „въ небесахъ“ ему было „и пусто и холодно“... „То ли дѣло земля! — восклицаетъ Бѣлинскій (см. № 62):—на ней намъ и свѣтло и тепло, на ней все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія“... Прекрасно видя сущность мистическаго міропониманія, Бѣлинскій относился къ нему съ явно подчеркнутымъ презрѣніемъ; въ этомъ случаѣ онъ и славянофилы говорили на различныхъ языкахъ.

И однако друзья Бѣлинскаго „обвиняли“ его, послѣ появленія настоящей статьи, въ славянофильствѣ—въ чемъ и были отчасти правы; самъ Бѣлинскій признавалъ это: „вы обвиняете меня въ славянофильствѣ; это не совсѣмъ неосновательно“, — писалъ Бѣлинскій Кавелину въ письмѣ отъ 22 ноября 1847 года. Мы уже видѣли, что въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ Бѣлинскій обрушился на „гуманическихъ космополитовъ“ и въ этомъ отношеніи приблизился къ славянофильству; мы видѣли, что именно въ вопросѣ о народности и національности Бѣлинскій былъ гораздо ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ „гуманическимъ космополитамъ“, хотя желалъ отграничиться и отъ тѣхъ и отъ другихъ. „Терпѣть не могу я, — говоритъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ къ Кавелину, — восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да на кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ тысячу разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною формою любви; но, признаюсь, жалки и непріятны мнѣ спокойные скептики, аб-

страктные человѣки, безпачпортные бродяги въ человѣчествѣ“... Эти гуманическіе космополиты не видятъ, что каждый народъ имѣетъ свою „основную субстанціальную стихію“, что „все народы потому только и образуютъ своею жизнію одинъ общій аккордъ всемірно-исторической жизни человѣчества, что каждый изъ нихъ представляетъ собою особенный звукъ въ этомъ аккордѣ“ (см. выше стр. 228). Такъ говорилъ Бѣлинскій въ 1844 году; мы знаемъ, что эту же типично шеллингянскую мысль высказывалъ Бѣлинскій и десятью годами ранѣе, въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. т. I, стр. 7). Теперь, въ самомъ концѣ своей литературной дѣятельности. Бѣлинскій, давно уже отказавшійся и отъ шеллингянства и отъ гегелианства, снова возвращается къ этой мысли въ своихъ статьяхъ въ „Современникѣ“. И это сближаетъ его со славянофильствомъ: воюя съ кваснымъ патріотизмомъ, Бѣлинскій далекъ отъ ненавистнаго ему космополитизма и отъ высокомернаго презрѣнія къ русскому народу; Бѣлинскій вѣритъ, что у народа этого есть своя „основная субстанціальная стихія“ (выше, стр. 225), что въ общую всемірно-историческую гармонию народъ русскій внесетъ собою свою особую ноту. И вотъ что интересно: эту дорогую для него вѣру—быть можетъ замѣнившую теперь потерянную „вѣру въ социализмъ“ — Бѣлинскій не хотѣлъ высказывать полностью въ своихъ статьяхъ; онъ зналъ, какъ легко могутъ ополить эту вѣру разные восторженные патріоты выѣзжающіе на квасу да на кашѣ... Вотъ почему только въ письмахъ Бѣлинскаго двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни мы найдемъ эту вѣру, ярко и съ убѣжденіемъ выраженную; письма эти—особенно къ Боткину отъ 8 марта 1847 г. и къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 г.—прямое дополненіе настоящей статьи. „Я, — пишетъ Бѣлинскій въ первомъ изъ этихъ писемъ, — я натура русская. Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ. Русская личность пока—эмбрионъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбриона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость!... Не думай, чтобы я въ этомъ вопросѣ былъ энтузіастомъ. Нѣтъ, я дошелъ до его рѣшенія (для себя) тяжкимъ путемъ сомнѣнія и отрицанія. Не думай, чтобы я со всѣми объ этомъ говорилъ такъ: нѣтъ, въ глазахъ нашихъ квасныхъ патріотовъ, славянофиловъ, витазей прошедшаго и обожателей настоящаго, я всегда останусь тѣмъ, чѣмъ они до сихъ поръ считали меня“...

Но тутъ же надо указать, что и въ этой точкѣ кажущагося соприкосновенія со славянофилами Бѣлинскій по существу стоялъ

на совершенно иной почвѣ, совсѣмъ на другое возлагалъ свои надежды: это достаточно ясно видно и изъ приведенныхъ выше словъ. Славянофилы вѣрили въ „субстанціальную стихію“ народной жизни, Бѣлинскій все возлагалъ на *личность*. „Вы пустили въ ходъ идею развитія личнаго начала, какъ содержаніе исторіи русскаго народа“,— писалъ Бѣлинскій Кавелину въ указанномъ выше письмѣ, говоря о знаменитой статьѣ Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“; со всѣми положеніями этой, столь враждебно принятой славянофилами статьи Бѣлинскій былъ всецѣло согласенъ. Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе Бѣлинскій еще рѣзче отнесся къ славянофильскому взгляду на народъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) Бѣлинскій между прочимъ говоритъ: „наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности... Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удастся выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непременно нужно сойтись съ мистиками, піетистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,— тутъ я и назадъ“... И какъ бы подчеркивая свою діаметральную противоположность со славянофилами, Бѣлинскій высказываетъ мысль, что „для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій“... Замѣтимъ кстати, что въ этомъ пунктѣ Бѣлинскій всегда рѣзко расходился со славянофилами. Не говоря уже о восхваленіи Петра въ письмѣ Бѣлинскаго къ Д. Иванову (отъ 7 августа 1837 г.), достаточно указать на нѣсколько страницъ изъ статьи 1842 года о „Рѣчи“ Никитенко (т. II, стр. 482—485) и на цѣлый рядъ восторженныхъ мѣстъ изъ статей слѣдующихъ годовъ (см. т. II, стр. 542, 704 и 774—775; т. III, стр. 269—270; см. также первыя страницы статьи № 62 и многія другія). И теперь, въ письмѣ къ Кавелину Бѣлинскій восклицаетъ: „для меня Петръ—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи“... Если вспомнить, что въ это самое время К. Аксаковъ написалъ свое сердитое обращеніе „Петру“ (1845 г.), то уже одно это можетъ иллюстрировать всю глубину пропасти между Бѣлинскимъ и славянофилами.

Итакъ, и въ частныхъ вопросахъ и въ общемъ воззрѣніи Бѣлинскій рѣзко расходился со славянофильствомъ; если онъ кое въ чемъ подходилъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ неумѣреннымъ западникамъ, „гуманическимъ космополитамъ“, то сбли-

женіе это было очень условнымъ. Бѣлинскій любилъ русскій народъ, вѣрилъ въ его силы и въ его грядущую свободу—вотъ въ сущности то крайне неопредѣленное общее, на чемъ могли сойтись и славянофилы и Бѣлинскій; на этомъ свободно могли сойтись рѣшительно всѣ, кромѣ горсти „спокойныхъ скептиковъ“, „гуманическихъ космополитовъ“. Но даже и здѣсь Бѣлинскій разошелся со славянофилами, чѣмъ дальше, тѣмъ больше возлагая свои надежды не на народъ, а на *личность*. Мы уже указывали (см. № 62), что съ потерей былой „вѣры въ социализмъ“ Бѣлинскій вновь вернулся къ вопросу о личности; приведенныя выше выдержки изъ его писемъ лишній разъ подтверждаютъ это. И въ этомъ былъ опять-таки пунктъ расхожденія Бѣлинскаго со славянофильствомъ.

Вотъ тѣ необходимые дополненія и комментаріи, которые слѣдуетъ предпослать настоящей статьѣ Бѣлинскаго, его отвѣту славянофиламъ. Много вѣрнаго въ этомъ отвѣтѣ, но есть и ошибки, отмѣченныя нами выше: нельзя было, напримѣръ, отождествлять славянофильство съ консервативнымъ націонализмомъ „Москвитянина“ или съ патріархальной реакціонностью „Маяка“. Впрочемъ эта ошибка была въ то время исторически почти-что неизбежна, какъ мы это уже замѣтили выше; гораздо важнѣе была другая ошибка Бѣлинскаго—его презрѣніе къ основной духовной сущности славянофильства, но мы знаемъ, что и эта ошибка была психологически неизбежна для Бѣлинскаго, глубокаго и послѣдовательнаго реалиста. Вотъ почему въ настоящую его статью должны быть внесены и историческія и психологическія поправки; но и безъ нихъ статья эта остается крайне важной для характеристики того, какъ вожди западничества понимали славянофильство.

Но и обратно: изъ этой же статьи можно убѣдиться, насколько лучшіе изъ славянофиловъ плохо понимали западничество; Бѣлинскій приводитъ не одинъ примѣръ этого въ настоящей статьѣ. Выясняется также, какъ мало знали они Бѣлинскаго, какъ ошибочно смотрѣли на главнаго изъ своихъ противниковъ; достаточно прочесть въ настоящей статьѣ хотя бы то, что пишетъ о Бѣлинскомъ такой добросовѣстный противникъ, какимъ былъ Самаринъ. „Бѣлинскій почти никогда не является самимъ собою и рѣдко пишетъ по свободному внушенію... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспримчивость, способность понимать легко и поверхностно, отrekаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей“...—и т. п., и т. п.: вотъ характеристика Бѣлинскаго Самари-

нымъ; она поистинѣ можетъ считаться классической въ смыслѣ полной противоположности съ дѣйствительностью. Мы знаемъ, какъ глубоко самостоятеленъ былъ всегда БѢлинскій, какъ строго критически относился онъ всегда къ „чужой мысли“, какъ всегда и всюду былъ онъ самымъ собою, съ какой болью и трудомъ порывалъ онъ со „вчерашиимъ образомъ мыслей“; поэтому вся характеристика Самарина становится только забавной, какъ попадающая, что называется, пальцемъ въ небо. Но БѢлинскаго она своей несправедливостью задѣла за живое, и онъ далъ на нее великолѣпный отвѣтъ, какъ бы подводя имъ итоги всей своей литературной дѣятельности; отвѣтъ этотъ читатели найдутъ на нижеслѣдующихъ страницахъ.

Намъ осталось еще сказать нѣсколько словъ о текстѣ настоящей статьи БѢлинскаго. Мы уже указывали, что рукопись этой статьи несомнѣнно была въ рукахъ Кетчера и что въ журналѣ статья эта обезображена многочисленными цензурными сокращеніями, которыя будутъ ясны читателю изъ примѣчаній къ квадратнымъ скобкамъ текста (см. вступительную замѣтку къ статьѣ № 62). „Мою статью—писалъ БѢлинскій Боткину—страшно ошельмовали. Горше всего то, что совершенно произвольно. Выкинуто о Мицкевичѣ, о шапкѣ-мурмолкѣ, а мелкихъ фразъ, строкъ—безъ числа. Но объ этомъ я не буду писать къ тебѣ, потому что это довело меня до отчаянія и я выдержалъ нѣсколько тяжелыхъ дней“ (письмо отъ 4—5 ноября 1847 г.). Теперь читатели могутъ сами убѣдиться, что БѢлинскій, говоря такъ, не преувеличивалъ. То же самое повторялъ онъ и въ письмѣ къ Кавелину: „статья искажена цензурою варварски.... Ну, да чортъ съ ней! Мнѣ объ этомъ и вспоминать—ножъ вострый!“—Цензурныя сокращенія читатели увидятъ отмѣченными въ текстѣ; однако, внимательно разсматривая эти мѣста, не-

вольно задаешься вопросомъ: дѣйствительно ли все это только одни *цензурныя* сокращенія? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ неизбеженъ: слишкомъ ясно, что среди этихъ сокращеній есть нѣсколько мѣстъ совершенно безразличныхъ даже для самой варварской и произвольной цензуры. Повидимому это редакторъ „Современника“, Никитенко, счелъ необходимымъ приложить и свою руку къ статьѣ великаго критика; по крайней мѣрѣ ничѣмъ другимъ мы не можемъ объяснить громаднаго выпуска въ двѣ страницы въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о постоянной мысли БѢлинскаго, что у насъ нѣтъ великихъ талантовъ, но зато есть литература: повидимому Никитенко было непріятно, что приоритетъ этого высказываемаго и имъ положенія БѢлинскій (совершенно основательно) приписываетъ себѣ... Такихъ мѣстъ найдется еще нѣсколько; не указываемъ на нихъ, такъ какъ читателямъ они сами бросятся въ глаза во время чтенія. А что предположеніе наше имѣетъ основаніе—это какъ нельзя лучше подтверждаетъ уже извѣстный намъ случай, когда Никитенко такъ поправилъ одно мѣсто въ статьѣ БѢлинскаго, что послѣдній чувствовалъ себя „какъ человѣкъ, получившій въ обществѣ оплеуху“ (см. ст. № 63). Сообщая Боткину объ этомъ и о цензорскихъ сокращеніяхъ, БѢлинскій горько восклицаетъ: „вотъ они—поощренія къ труду!“ (письмо къ Боткину отъ 6 февр. 1847 г.). Все это проливаетъ свѣтъ на положеніе БѢлинскаго въ „Современникѣ“: считаясь и будучи главнымъ идейнымъ руководителемъ этого журнала, БѢлинскій въ то же время зависѣлъ отъ такой посредственности, какъ Никитенко. Какъ видимъ теперь, этотъ официальный редакторъ „Современника“ и ординарнѣйшій профессоръ университета смѣло маралъ и „поправлялъ“ статьи БѢлинскаго...

И.-Р.

Появленіе Современника въ преобразованномъ видѣ, подѣ новой редакціею, возбудило, какъ и слѣдовало ожидать, много толковъ и шуму въ разныхъ литературныхъ кругахъ и кружкахъ, великолѣпно величающихъ себя „партіями“. Особенное вниманіе обращено было ими на многія статьи по отдѣлу словесности, какъ, напримѣръ: *Кто виноватъ?*, *Обыкновенная Исторія*, *Записки Охотника*. Но до сихъ поръ эти сужденія о *Современникѣ* ограничивались короткими и отрывочными отзывами, иногда похвальными, чаще порицательными, мелкими нападками вразсыпную. А вотъ теперь, во второй части Москвитянина, вышедшей въ

сентябрѣ нынѣшняго года, является большая статья, подѣ названіемъ „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

Если бы тутъ дѣло шло только о *Современникѣ*, мы не видѣли бы никакой необходимости отвѣчать на эту статью. Однимъ журналъ нашъ можетъ нравиться, другимъ не нравиться; это дѣло личнаго вкуса, въ которое намъ всего менѣе слѣдуетъ вмѣшиваться. Но статья Москвитянина о *Современникѣ* касается основныхъ началъ (принциповъ) не одного Современника, но всей русской литературы настоящаго времени. Такимъ образомъ споръ или полемика те-

рять тутъ свое личное значеніе и переходить въ борьбу за идеи. Въ такомъ случаѣ молчаніе съ нашей стороны не безъ основанія могло бы быть принято всѣми за тайное и невольное согласіе съ нашими противниками. Вотъ почему мы считаемъ себя обязанными возразить на статью Москвитянина.

Въ ней разсмотрѣны три статьи, помѣщенные въ первой книжкѣ Современника за нынѣшній годъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ г. Кавелина, „О современномъ направленіи русской литературы“ г. Никитенко и „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ г. Бѣлинскаго. Статью г. Кавелина критикъ Москвитянина силится уничтожить, выказывая ея, будто бы, противорѣчія и опровергая ея основныя положенія своими собственными; но самого г. Кавелина онъ оставляетъ безъ всякой оцѣнки или критики. Приступая же къ разбору статей гг. Никитенко и Бѣлинскаго, онъ счелъ за нужное представить, въ легкихъ, но рѣзкихъ очеркахъ литературную характеристику ихъ авторовъ. И достается же имъ отъ него! Впрочемъ, строго судя г. Никитенко, критикъ Москвитянина еще помнитъ русскую пословицу: „гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость“; но къ г. Бѣлинскому онъ безпощадно строгъ; онъ вышелъ противъ него съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уничтожить его до тла, съ знаменемъ, на которомъ огненными буквами написано: *pas de grace!* Въ своемъ мѣстѣ мы остановимся на этомъ посполитомъ рушеніи чужой литературной извѣстности и обнаружимъ ея тайныя причины и побужденія; а теперь начнемъ разборъ статьи нашего грознаго аристарха съ самаго ея начала. Грозенъ онъ—нечего сказать; но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, а мы не изъ робкаго десятка... Критика была бы, конечно, ужаснымъ оружіемъ для всякаго, если бы, къ счастью, она сама не подлежала—критикѣ же...

Такъ какъ г. Кавелинъ, статья котораго отдѣльно и съ особенной подробностью разбрана критикомъ Москвитянина, рѣшился самъ отвѣчать ему, то отвѣтъ Современника Москвитянину будетъ состоять изъ двухъ статей. Что же касается до г. Никитенко, онъ и на этотъ разъ остается вѣрнымъ своему „независимому положенію въ нашей литературѣ“, какъ выразился о немъ критикъ Москвитянина, и предоставляетъ намъ отвѣтить за него, въ той мѣрѣ, въ какой нужно это для защиты Современника.

Въ началѣ статьи Москвитянина, въ видѣ интродукціи, говорится довольно темно, какими-то намеками, о какомъ-то „литературномъ спорѣ между Москвою и Петербур-

гомъ и о необходимости этого спора“; о томъ, что „петербургскіе журналы встрѣтили московское направленіе съ насмѣшками и самодовольнымъ пренебреженіемъ, придумали для *последователей его* (т.-е. московскаго направленія) названіе старовѣровъ и *славянофиловъ*, показавшееся имъ почему-то очень забавнымъ, подтрунивали надъ „мурмолками“, и что „принявши разъ этотъ тонъ, имъ было трудно переменить его и сознаться въ легкомысліи“. Въ доказательство указывается на Отечественныя Записки, которыя въ особенности погрѣшили тѣмъ, что „такъ называемымъ славянофиламъ приписывали то, чего они никогда не говорили и не думали“. Въ свидѣтели всего этого призываются „московскіе ученые, не раздѣляющіе образа мыслей *московскаго направленія*“. Потомъ отдается должная справедливость Отечественнымъ Запискамъ въ томъ, что „къ концу прошлаго года и въ нынѣшнемъ онѣ значительно переменяли тонъ и стали добросовѣстнѣе всматриваться въ тотъ образъ мыслей, котораго прежде не удостоивали серьезнаго взгляда“. Вслѣдъ за тѣмъ читаемъ слѣдующія строки, которыя выписываемъ вполнѣ: „Въ это самое время отъ нихъ (Отечественныхъ Записокъ) отошли нѣкоторые изъ постоянныхъ ихъ сотрудниковъ и основали новый журналъ. Отъ нихъ, разумѣется, нельзя было ожидать направленія по существу своему новаго; но можно и должно было ожидать лучшаго, достойнѣйшаго выраженія того же направленія; всего отраднѣе было то, что редакцію принялъ на себя человекъ ¹⁾, умѣвшій сохранить независимое положеніе въ нашей литературѣ, и не написавшій ни одной строки подъ вліяніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія; наконецъ, въ новомъ журналѣ должны были участвовать лица, издавна живущія въ Москвѣ, хорошо знакомыя съ образомъ мыслей другой литературной партіи и съ ея послѣдователями, проводшія съ ними нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и узнавшія ихъ безъ посредства журнальныхъ статейъ и сплетенъ, развозимыхъ заѣзжими посѣтителями“.

Но—увы!—ожиданія Москвитянина, или его критика, г. М.... З.... К..., не сбылись! „Скажемъ откровенно (говоритъ онъ): первый номеръ Современника не оправдалъ нашего ожиданія. *Можетъ быть, мы и ошибаемся*; но, *по нашему мнѣнію*, новый журналъ подлежитъ тремъ важнымъ обвиненіямъ: во-первыхъ, въ отсутствіи единства направленія и согласія съ самимъ собою; во-вторыхъ, въ односторонности и тѣснотѣ

¹⁾ Никитенко.

своего образа мыслей; въ-третьихъ, въ искаженіи образа мыслей противниковъ“.

Остановимся на этомъ. Увертюра разыграна мастерски и вполне подготовила къ впечатлѣнію самой оперы; остается только слушать, восхищаться и аплодировать. Явно, что изъ трехъ важныхъ обвиненій, взводимыхъ критикомъ Москвитянина на Современникъ, въ его глазахъ истинно важно только то, которое онъ не безъ умысла поставилъ послѣднимъ, какъ менѣе другихъ важное. Съ первыхъ же строкъ статьи видно, что тутъ дѣло собственно не о Современникѣ;

Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ.

Что такое „московское направленіе“, загадочною рѣчью о которомъ начинается статья? Разумѣется, такъ называемое *славянофильство*. Очевидно, что авторъ статьи—*славянофилъ*. Но онъ не хочетъ этого названія; онъ говоритъ, что его партію окрестили имъ петербургскіе журналы. Изъ этого видно, что онъ самъ чувствуетъ все смѣшное, заключающееся въ этомъ словѣ, но онъ не чувствуетъ, что слово можетъ быть смѣшно не само собою, а заключеннымъ въ немъ понятіемъ, и что перемѣнить названіе вещи не значитъ измѣнить самую вещь. Петербургскіе журналы не сговаривались давать названіе славянофиловъ литераторамъ извѣстнаго образа мыслей; вѣроятно они или подслушали его у самихъ этихъ литераторовъ, или извлекли изъ сущности ихъ ученія, альфа и омега котораго суть славяне, враждебно и торжественно противопоставляемые гніющему Западу. На свѣтѣ много охотниковъ называть своихъ противниковъ смѣшными или не смѣшными именами. Это же и не мудрено; но мудрено дать кому-либо такое названіе, которое бы принято было всѣми. Такія удачныя названія рѣдко выдумываются кѣмъ-нибудь, но принадлежатъ всѣмъ, и никому въ особенности. Таково и названіе славянофиловъ. Но пусть славянофилы не будутъ больше славянофилами; намъ это все равно: мы не видимъ важнаго вопроса не только въ названіи славянофиловъ, но даже и въ сущности ихъ ученія. Итакъ, пусть они изъ славянофиловъ переименуются во что имъ угодно, но только не въ „московское направленіе“: этого не можетъ допустить здравый смыслъ. Во-первыхъ, выраженіе „московское направленіе“ неловко и неудобно для обозначенія литературной партіи: какъ называть людей „направленіемъ“? А во-вторыхъ—и это главное—почему славянофильство именно *московское* направленіе? Мы понимаемъ, что господамъ славянофиламъ, живущимъ въ

Москвѣ, очень лестно прикрыться именемъ такого важнаго въ Россіи города, какъ Москва, и завербовать въ свои ряды всѣхъ москвичей поголовно; но лестно ли это будетъ для Москвы и москвичей—вотъ вопросъ! И что на это скажутъ, съ одной стороны, тѣ московскіе ученые, которые, по словамъ самого критика Москвитянина, не раздѣляютъ образа мыслей „московскаго направленія“, но хорошо съ нимъ знакомы; а съ другой стороны, лица, которыя раздѣляютъ этотъ образъ мыслей, но живутъ и пишутъ въ Петербургѣ?.. Намъ кажется, что славянофильству чуть ли не болѣе слѣдуетъ названіе *петербургскаго* направленія, чѣмъ московскаго. По крайней мѣрѣ, сколько мы знаемъ славянофильство, оно совсѣмъ не такъ ново на Руси, какъ, можетъ быть, думаютъ сами послѣдователи этого ученія. Кому не извѣстно, что успѣхи Карамзина въ преобразованіи русскаго литературнаго языка вызвали, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, партію, которая, вооружаясь противъ его нововведеній, думала отстаивать отъ иноземнаго вліянія родной языкъ и добрые праотческіе нравы! Какъ вы думаете, не сродни ли эта партія нынѣшнимъ славянофиламъ? Вотъ нѣсколько стиховъ на поддержку изъ посланія Василія Пушкина къ Жуковскому, пьесы, по которой можно до извѣстной степени судить о живости и характерѣ борьбы двухъ партій нашей литературы того времени:

Въ чѣмъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синописѣ того, въ Степенной Книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю;
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю,—
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не

писалъ,
Какимъ Баянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ со-

гласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напри-

сень.
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ *славянъ*,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному поправъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно:
„О, братія мон, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него—и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
И еще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о, людие, злодѣя истребить“.

Итакъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;

Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой,
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхва-

ляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ

знаетъ;
Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь
видна,

Не есть загарповъ курсъ, а пагуба одна.
 Въ славянскомъ языкѣ я самъ я пользу вижу,
 Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
 Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
 Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
 Слово много затвердить не есть еще ученье:
 Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣ-
 щенье.

Видите ли: и здѣсь уже люди, объявившіе себя противъ европейскаго образованія, названы *славянами*, а далеко ли отъ *славянъ* до *славянофиловъ*? Правда, съ обѣихъ сторонъ здѣсь споръ чисто литературный... [потому что другого тогда и не могло быть; и, разумѣется, славянофильская партія нашего времени двинулась дальше своей прародительницы] ¹⁾. А гдѣ было гнѣздо этой старой славянской партіи?—въ Петербургѣ. Посланіе, изъ котораго мы выписали нѣсколько стиховъ, написано было въ Москвѣ—центрѣ литературной реформы того времени. Въ послѣднее время славянофильство, какъ новое направленіе, рѣзко и рѣшительно провозгласило себя въ московскомъ журналѣ *Москвитянина*; но и тутъ оно упреждено было въ Петербургѣ: изданіе *Маяка* началось годомъ ранѣе *Москвитянина*. Многіе славянофилы не любятъ вспоминать о *Маякѣ*, какъ будто чуждаются его, никогда не высказываютъ своего мнѣнія ни за, ни противъ него; подумаешь, что они и не знаютъ ничего о существованіи подобнаго журнала. А это оттого, что *Маякъ* былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣдовательнымъ органомъ славянофильства. Вѣрный своему принципу, исходному пункту своего ученія, онъ никогда не противорѣчилъ ему и логически дошелъ до крайнихъ, до послѣднихъ своихъ результатовъ. Онъ не признавалъ ни тѣни истины во всемъ, что хоть сколько-нибудь противорѣчило его основному убѣжденію; и если знаменитѣйшихъ представителей русской литературы, отъ Ломоносова и Державина до Пушкина, онъ объявилъ зараженными западною ересью, вредными и опасными для нравственной чистоты русскаго общества,—онъ сдѣлалъ это не по чему другому, какъ по строгой послѣдовательности, строгой вѣрности началу своего ученія. Въ немъ все было едино и цѣло, все сообразно съ его направленіемъ и цѣлью: и языкъ, и манера выражаться, и литературное, и художественное достоинство его стиховъ и прозы. Онъ больше славянофилъ чѣмъ *Москвитянинъ*, и потому имѣлъ полное право смотрѣть на него, какъ на противорѣчивый, непослѣдовательный органъ того ученія, которое во всей чистотѣ своей

являлось только въ немъ, пресловутомъ *Маякѣ*. Но этимъ самымъ, разумѣется, онъ оказалъ очень дурную услугу славянофильству, потому что выставилъ его на позорище свѣта въ его истинномъ, настоящемъ видѣ: а извѣстно, что есть предметы, которые стоитъ только выказать въ ихъ дѣйствительномъ значеніи и образѣ, чтобы уронить ихъ, хотя это дѣлается иногда и съ цѣлью, напротивъ, поднять и повысить ихъ въ глазахъ общества...

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго нами неоспоримо слѣдуетъ, что называть славянофильство „московскимъ направленіемъ“ отнюдь не слѣдуетъ, потому что Петербургу славянофильство принадлежитъ не только не меньше, но чуть ли еще не больше, чѣмъ Москвѣ. Отстранивши отъ Москвы такъ невпопадъ навязываемое ей московскими славянофилами исключительное право на славянофильство, мы дѣйствуемъ въ ея пользу, а не противъ нея. Но точно такъ же мы не согласились бы назвать славянофильство и „петербургскимъ направленіемъ“. Только тогда можно означить какое-нибудь направленіе именемъ города, когда оно дѣйствительно есть главное, исключительное направленіе этого города, а всѣ другія, существующія въ немъ направленія, являются на второмъ и третьемъ планѣ, слабы, незначительны, ничтожны. Но по поводу славянофильства этого нельзя сказать ни о Петербургѣ, ни о Москвѣ. Въ томъ и другомъ городѣ жили и дѣйствовали знаменитѣйшіе представители нашей литературы, имѣвшіе рѣшительное и важное вліяніе на литературу, и на образованіе общества,—и они-то, между тѣмъ, нисколько не принадлежатъ къ славянофиламъ. Мы знаемъ, что гг. московскіе славянофилы могутъ указать намъ съ торжествомъ по крайней мѣрѣ на два знаменитыя въ литературѣ имени, какъ такія, которыя, если бы и не принадлежали имъ вполнѣ, то болѣе или менѣе симпатизируютъ съ ними, особенно на имя Гоголя, послѣ изданія его „Переписки съ Друзьями“ ¹⁾. Но это ровно ничего не доказывало бы въ ихъ пользу, потому что великое значеніе Гоголя въ русской литературѣ основывается вовсе не на этой „Перепискѣ“, а на его прежнихъ твореніяхъ, положительно и рѣзко антиславянофильскихъ. И потому гг. московскіе славянофилы были бы вполнѣ вѣрны своей точкѣ зрѣнія, если бы восхищались только „Перепискою“, а на всѣ другія произведенія Гоголя смотрѣли бы косо. Но они и ихъ приняли подѣ

¹⁾ Все поставленное въ квадратныя скобки было вычеркнуто цензурой изъ статьи Бѣлинскаго (см. выше ст. № 62); кое-что вычеркнуто, быть можетъ, Никитенко (см. вступительную замѣтку).

¹⁾ Второе „знаменитое имя“—конечно, Грибоѣдовъ, славянофильскія тенденціи котораго были и тогда извѣстны.

свое высокое покровительство, вѣроятно, ради будущихъ новыхъ его произведеній, которыхъ характеръ заранѣе опредѣляется въ ихъ глазахъ „Перепискою“. Маякъ никогда не обнаружилъ бы такой непослѣдовательности: если-бъ онъ здравствовалъ доселѣ, вѣроятно, онъ расхвалилъ бы „Переписку“ и простилъ бы за нее Гоголю его прежнія произведенія, но только простилъ бы, не отрицая настоящей необходимости для нихъ очистительнаго ауто-да-фе.

Что касается до массы русскихъ литераторовъ, прежнихъ и теперешнихъ, старыхъ и молодыхъ, они избираютъ мѣстомъ своего жительства Петербургъ или Москву по разнымъ обстоятельствамъ ихъ жизни, не всегда зависящимъ отъ ихъ воли, и ужъ, конечно, всего менѣе по уваженію къ тому образу мыслей, который раздѣляютъ. И потому отвести для славянофиловъ городъ Москву, а для литераторовъ противоположнаго направленія—городъ Петербургъ, можетъ войти въ голову только квартирмейстерамъ особаго, исключительнаго рода. [Какъ въ Петербургѣ много славянофиловъ, такъ точно въ Москвѣ много не-славянофиловъ, и наоборотъ]. Критикъ Москвитянина указываетъ на Петербургъ, какъ на мѣстопробываніе противоположной „московскому направленію“ партіи, и самъ же говоритъ, что въ Москвѣ есть ученые, не раздѣляющіе этого направленія, и отзывается о нихъ съ уваженіемъ. Странное дѣло: почему же направленіе славянофиловъ, живущихъ въ Москвѣ, „московское“, а направленіе этихъ ученыхъ, тоже живущихъ въ Москвѣ, да еще издавна, по словамъ критика Москвитянина, не-московское?.. Въ этомъ видно притязаніе на первенство значенія, высокое уваженіе къ своему славянофильскому значенію, въ ущербъ всякому другому значенію. Мы такъ думаемъ, что право на первенство, въ этомъ случаѣ, можетъ дать только преимущество таланта, а не отношеніе къ той или другой партіи... Что же ввело въ заблужденіе критика Москвитянина и заставило его выдумать „московское направленіе“? [Неужели то обстоятельство, совершенно внѣшнее и случайное, что въ Петербургѣ мало журналовъ, но все же есть ихъ нѣсколько, и нѣкоторые изъ нихъ направленія славянофильскаго, другіе—не имѣютъ ничего общаго съ славянофильствомъ; а въ Москвѣ всего на все одинъ журналъ, и онъ славянофильскій? И что поэтому московскіе ученые и литераторы, не принадлежащіе къ славянофильской партіи, помѣщаютъ свои труды въ петербургскихъ журналахъ? Нѣтъ, это не то! Тутъ скрываются болѣе важныя причины. Господамъ славянофиламъ нужно, необходимо, волей или неволей, навязать Москвѣ славяно-

фильство. По ихъ мнѣнію, это ученіе одно истинно-русское, національное, а Москва—представительница и хранительница русской народности. Итакъ, очевидно — что-нибудь одно изъ двухъ: или славянофильство—направленіе ложное, или оно московское... Москва, вишь, виновата! И потому, говоря такъ много о выраженіи „московское направленіе“, мы не привязались къ мелочи, а обратили особенное вниманіе на одинъ изъ важнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ славянофильства...]¹⁾ Читатели уже видятъ, какъ крѣпокъ и проченъ этотъ спорный пунктъ; но мы покажемъ это еще больше, обратившись къ другимъ такимъ же точкамъ опоры направленія, претендующаго на званіе „московскаго“...

Такимъ же точно образомъ, какъ не признаемъ мы этого названія, не признаемъ мы существованія спора между Москвою и Петербургомъ. Правда, бывали прежде и бываютъ теперь споры между московскими и петербургскими литераторами, но такъ же точно, какъ и споры московскихъ съ московскими же и петербургскихъ съ петербургскими же литераторами; но ни Москва съ Петербургомъ, ни Петербургъ съ Москвою никогда и не думали спорить. Да изъ чего же бы имъ и спорить? Было время, когда Москва спорила съ Тверью и Рязанью, но на то были свои историческія причины, которыхъ теперь не существуетъ, и время это давно прошло. Петербургъ и Москва—оба принадлежать Россіи и равно дороги, важны и необходимы какъ ей, такъ и другъ другу. Петербургъ можетъ похвалиться передъ Москвою такими хорошими сторонами, какихъ въ ней нѣтъ, и отсутствіемъ такихъ недостатковъ, которые въ ней есть; Москва въ свою очередь можетъ, на достаточномъ основаніи, сдѣлать то же самое въ отношеніи къ Петербургу. Но именно то, что, кромѣ общихъ имъ выгодныхъ сторонъ, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свои собственныя,—это то самое и дѣлаетъ ихъ необходимыми и полезными другъ другу, и должно соединять ихъ, вмѣсто того, чтобъ раздѣлять. Подобное отношеніе должно быть источникомъ не споровъ, а взаимнаго другъ на друга полезнаго вліянія. Петербургъ — резиденція правительства и въ административномъ смыслѣ центральный городъ Россіи, хотя и стоитъ на одной изъ ея оконечностей; Петербургъ — окно въ Европу, посредникъ между Европою и Россією. Такой роли не могъ бы играть городъ съ иностраннымъ народонаселеніемъ, какъ, напр., Ревель или Рига, хотя бы это былъ и столько же огром-

¹⁾ Въ журналѣ вмѣсто поставленнаго здѣсь въ квадратныя скобки стоятъ двѣ строки точекъ.

ный, какъ Петербургъ, городъ. Москва—центральный городъ Россіи по географическому положенію. Вся сѣверовосточная, восточная и южная Россія и съ самимъ Петербургомъ сносятся черезъ Москву. Сверхъ того, Москва городъ по преимуществу промышленный, торговый и, по своему университету, старѣйшему изъ русскихъ университетовъ, городъ науки. При этомъ не должно упускать изъ виду, что Москва есть городъ древній, историческій, городъ преданія, представительница народнаго духа. Петербургъ, напротивъ, городъ новый, построенный на завоеванной землѣ... [торговая колонія, разросшаяся въ столицу; его почва чужда преданій]. Онъ кипитъ народонаселеніемъ [преимущественно наноснымъ], наплывающимъ къ нему изъ всѣхъ концовъ Россіи, большею частью чисто русскимъ, меньшей частью обрусѣлымъ иностраннымъ. Это послѣднее никогда не можетъ дать ему иностраннаго характера, уже по одному тому, что оно состоитъ изъ людей разныхъ націй и вѣроисповѣданій, и потому не представляетъ собою сплошной массы, которая бы могла [контро] балансировать съ массою русскаго народонаселенія Петербурга. Находясь подъ вліяніемъ русскихъ законовъ и тѣмъ болѣе чувствуя нравственный перевѣсъ надъ собою массы русскаго народонаселенія, эти иностранцы скоро дѣлаются почти русскими, дѣти же ихъ—совершенно русскіе; а между тѣмъ въ торговлѣ, въ ремеслахъ, въ формахъ жизни они приносятъ съ собою новые, необходимые намъ элементы. Благодаря морю и пароходству, Петербургъ отдѣленъ отъ Европы только тремя сутками пути; а благодаря желѣзнымъ дорогамъ, безъ перерыва идущимъ теперь отъ Штетина до Гавра, онъ ближе всѣхъ другихъ русскихъ городовъ и къ Парижу, и къ Лондону. Черезъ Петербургъ передаются Россіи всѣ новѣйшія изобрѣтенія, сдѣланныя въ Европѣ, по части наукъ, искусствъ, мануфактуръ, ремеслъ. Такимъ образомъ, безъ Петербурга Москва представляла бы только крайность народнаго начала, не оживляемаго и не умѣряемаго элементами европейской жизни; а Петербургъ безъ Москвы имѣлъ бы на провинцію болѣе административное, нежели живое нравственное и социальное вліяніе; потому что если Петербургъ есть посредникъ между Европою и Россією, то Москва есть посредникъ между Петербургомъ и Россією. Называя Петербургъ посредникомъ между Европою и Россією, мы не думаемъ этимъ сказать, что, только живя въ немъ, можно слѣдить за успѣхами наукъ и искусствъ въ Европѣ. Напротивъ, это можно дѣлать, живя не только въ Москвѣ, но и въ Тамбовѣ, и въ Саратовѣ. Но подобное наблюденіе успѣ-

ховъ ума человѣческаго въ Европѣ, въ Петербургѣ, возможно только для отдѣльных лицъ, а не для массъ... [Можно, на примѣръ, и живя въ Москвѣ, знать лучший способъ кладки камня и кирпичей при строеніи зданій; но, говорятъ, при постройкѣ кремлевскаго дворца и храма Спасителя въ Москву было привезено изъ Петербурга нѣсколько работниковъ для наученія московскихъ мастеровъ надлежащему способу класть кирпичъ при выводѣ стѣнъ. Безъ сомнѣнія, московскіе архитекторы знали какъ кладется въ Европѣ камень и кирпичъ; а въ Петербургѣ мастеровые, не заботясь объ Европѣ, умѣли класть кирпичъ, какъ кладутъ его тамъ.

Этотъ простой и ничтожный, повидимому, фактъ показываетъ, какое вліяніе имѣетъ Петербургъ по своей близости къ Европѣ не на одни избранныя личности, но на самую жизнь Россіи. Его роль чисто практическая; его вліянія надо искать не въ однѣхъ книгахъ, но въ нравахъ, въ образѣ жизни. Его замѣчательнѣйшія учебныя заведенія—спеціальныя, преимущественно техническія].

Естественно, что между Петербургомъ и Москвою должны быть существенныя различія, которыя должны отразиться и въ литературѣ разностью точекъ воззрѣнія на одни и тѣ же предметы ¹⁾. Изъ этого могъ бы возникнуть даже споръ, о которомъ говорить критикъ Москвитянина. Но этого спора доселѣ не было, хотя и бывали споры между петербургскими и московскими литераторами. Можетъ быть, это происходитъ отъ сильнаго и быстраго вліянія другъ на друга обоихъ городовъ. На примѣръ, было время, когда московскіе литераторы (разумѣется, нѣкоторые ²⁾) упрекали петербургскихъ за то, что тѣ берутъ деньги за свои труды, а не пишутъ изъ одной любви къ литературѣ и еще за то, что ихъ журналистика отличается не направленіемъ, не идеями, а только аккуратнымъ, своевременнымъ выходомъ книжекъ. Если хотите, въ этомъ фактѣ выразилось, болѣе или менѣе, различіе обоихъ городовъ; но надолго ли? Еще не успѣлъ прекратиться этотъ споръ на перьяхъ, какъ причины его уже и не существовало; въ Петербургѣ явились журналы и съ направленіемъ, и съ идеями, да вдобавокъ и съ аккуратнымъ, своевременнымъ выходомъ книжекъ; а въ Москвѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, стали брать деньги за литературныя труды, и безденежныя литературныя предпріятія сдѣлались невозможны; но отъ этого въ Москвѣ не перевелись люди съ убѣжденіями и идеями. Въ сущности же

¹⁾ Ср. все предыдущее со статьями №№ 53 и 54.

²⁾ Шевыревъ; см. т. I, стр. 258—259.

весь этотъ споръ вышелъ больше изъ того, что однихъ литераторовъ приписали къ Петербургу, другихъ къ Москвѣ, и по нимъ судили о томъ и другомъ городѣ. Такъ, на-примѣръ, московскіе журналисты въ своей полемической войнѣ съ Петербургомъ имѣли въ виду преимущественно гг. Греча, Булгарина и Воейкова, и какъ будто забывали, что, кромѣ нихъ, въ Петербургѣ жили Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковский, Пушкинъ, потомъ Гоголь,—писатели, которыхъ, конечно, нельзя было обвинять въ отсутствіи направленія. Пушкинъ съ самаго появленія на литературное поприще продавалъ книгопродавцамъ свои сочиненія за неслыханныя до него цѣны, а между тѣмъ онъ не былъ тогда журналистомъ; въ его поэзіи не выражалось ни петербургскаго, ни московскаго направленія: живя въ Петербургѣ, онъ, какъ поэтъ, по своему таланту, по духу, содержанію и формѣ своихъ произведеній, принадлежалъ не Петербургу, не Москвѣ только, а цѣлой Россіи. Въ послѣднее время возникла полемика по поводу славянофильства, но это отнюдь не было споромъ между Петербургомъ и Москвою. Ссылаемся на тѣ самыя Отечественныя Записки, о которыхъ говорить въ началѣ статьи своей критикъ Москвитянина: онъ найдетъ тамъ возраженія и отповѣди не одному Москвитянину или Московскому Сборнику, но и Маяку. Сверхъ того статьи противъ Москвитянина и Московскаго Сборника писаны тамъ не одними петербургскими литераторами, но и московскими; такъ, на-примѣръ, въ нынѣшнемъ году напечатана тамъ была статья московскаго профессора г. Грановскаго, въ опроверженіе статьи г. Хомякова, помѣщенной въ Московскомъ Сборникѣ на 1847 годъ; въ возникшемъ затѣмъ спорѣ возраженія г. Хомякова печатались въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ*, а возраженія г. Грановскаго—въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*¹⁾. Гдѣ-жъ тутъ споръ Петербурга съ Москвою? Тутъ столько же споръ Петербурга съ Петербургомъ и Москвы съ Москвою, сколько и Петербурга съ Москвою. Нѣтъ, какъ ни хлопочите, а никакъ не удастся вамъ обыкновенные литературные споры превратить въ какую-то борьбу двухъ городовъ, и еще меньше успѣете вы смѣшать съ Москвою какой-нибудь литературный кружокъ... [Москва велика, и какъ ни надувайтесь, а все съ нее не будете ростомъ, только повредите вашему здоровью и будете смѣшны...]

Бывали когда-то въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ насмѣшки надъ Москвою, а въ московскихъ что-то въ родѣ не совсѣмъ

пріязненныхъ выходокъ противъ Петербурга. Но подобный споръ могъ быть только плодомъ юношескаго, незрѣлаго состоянія нашей литературы и нашей общественной образованности. Теперь, слава Богу, по крайней мѣрѣ въ петербургскихъ журналахъ во все вышли изъ употребленія наѣзднические возгласы противъ Москвы, и въ патетическомъ, и въ ироническомъ духѣ. Со стороны московскихъ литераторовъ (по крайней мѣрѣ, можно смѣло поручиться за тѣхъ, которые не раздѣляютъ такъ называемаго „московскаго направленія“) тоже не видно никакихъ предубѣжденій противъ Петербурга. Всѣ [совершеннолѣтніе]¹⁾ давно уже предоставили подобные споры о превосходствѣ одной столицы передъ другою дѣтямъ, юношамъ и энтузіастамъ. И хорошо сдѣлали, потому что въ такихъ спорахъ играли главную роль не Москва и Петербургъ, а маленькое самолюбіе спорщиковъ: каждый хотѣлъ возвысить украшенный его присутствіемъ городъ насчетъ другого... Тамъ же, гдѣ къ самолюбію примѣшивался фанатизмъ теорій, никогда не видно было ни малѣйшаго знанія ни того города, который превозносился, ни того, который приносился ему въ жертву... [Короче, это былъ споръ дѣтскій, ребяческій. Петербургскіе журналы дѣйствительно подтрунивали надъ мурмолками, а московскіе журналы точно не подтрунивали надъ ними; но это не потому, чтобъ мурмолки были смѣшны только въ Петербургѣ, а въ Москвѣ же были бы не смѣшны, а опять-таки потому только, что въ Москвѣ всего-на-всего одинъ журналъ, да и тотъ родственникъ мурмолкамъ. А что надъ ними смѣялись петербургскіе журналы,—въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго для петербургскихъ журналовъ...]

Смѣяться, право, не грѣшно

Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно.

Смѣхъ часто бываетъ великимъ посредникомъ въ дѣлѣ отличенія истины отъ лжи. Иная мысль или иной поступокъ совершенно оправдывается логикою; вы не соглашаетесь съ ихъ истинностью, но и не находите ничего возразить на доказательства ихъ неоспоримой истинности. Но тутъ дѣло рѣшаетъ смѣхъ! Такъ, на-примѣръ, можно видѣть и понимать, что вотъ этотъ господинъ надѣлъ мурмолку по глубокому убѣжденію, которымъ онъ не шутитъ, которому онъ благородно приносить въ жертву всю жизнь свою, что онъ правъ съ своей точки зрѣнія и защищаетъ мурмолку съ жаромъ, красно-рѣчиво, логически и умно; все это можно видѣть и понимать—и все-таки смѣяться...

¹⁾ Это былъ „споръ о Бургундахъ“, въ которомъ Грановскій совершенно разбилъ Хомякова.

¹⁾ Въмѣсто „совершеннолѣтніе“ въ журналѣ стоитъ „умные литераторы“.

Можно любить человѣка, даже уважать его — и вмѣстѣ съ этимъ смѣяться надъ нимъ... Тебя зову въ свидѣтели, о, знаменитый витязь лапанчскій, вѣчно-памятный обожатель несравненной Дульцинеи тобозской! Ты былъ рыцарь безъ пятна и страха, краса и честь кавалеровъ, гроза и трепеть злодѣевъ, надежда и отрада угнетенныхъ и страждущихъ; благородный и великодушный, ты часто являлся мудрецомъ въ рѣчахъ своихъ, дышавшихъ возвышенностью мыслей и чувствъ, ясностью взгляда, здравымъ смысломъ и краснорѣчіемъ; храбрый воинъ, ты былъ еще и справедливымъ, искуснымъ судьей! Вижу и признаю всѣ твои достоинства, удивляюсь имъ, — и все-таки, читая дивную эпопею твоей жизни, отъ всего сердца смѣюсь надъ тобою... [до той самой минуты, когда, готовый изъ этого міра, населеннаго трактирщиками, волшебниками, злодѣями, вассалами, рабами и рыцарями, перейти въ другой, лучший міръ, гдѣ вовсе нѣтъ всей этой дряни, ты вдругъ какъ бы прозрѣлъ, и плачущему оруженосцу своему и будущему губернатору завоеваннаго тобою острова, Санхо-Пансѣ, сказалъ, что ты не рыцарь, а помѣщикъ... тогда мой смѣхъ, то веселый, то грустный, смѣняется уже одной безпримѣсной и глубокой грустью...]

Приступая къ разбору статьи г. Никитенко, критикъ Москвитянина говоритъ, что „здѣсь должно быть обозначено направленіе журнала, то, къ чему онъ клонитъ общественное мнѣніе, мѣрило всѣхъ его литературныхъ сужденій и оправданіе его сочувствій“. То же видитъ онъ въ статьѣ г. Бѣлинскаго, вслѣдствіе чего основательно требуетъ, чтобы обѣ эти статьи выражали одно воззрѣніе, были проникнуты однимъ направленіемъ; а между тѣмъ находитъ въ нихъ страшныя противорѣчія. И поэтому мы скажемъ нѣсколько словъ о его взглядѣ на статью г. Никитенко только въ отношеніи къ этимъ противорѣчіямъ.

[Критикъ Москвитянина соглашается съ г. Никитенко, что наша общественная образованность вообще отличается отсутствіемъ мощныхъ, широко раскрывающихся личностей, зато она разстилается въ ширину и глубину, течетъ спокойнѣе, тише, какъ дома, и работаетъ безъ шума, но работаетъ около самыхъ основаній. Но никакъ не хочетъ согласиться съ нимъ насчетъ той же мысли, только высказанной въ приложеніи къ современной русской литературѣ. Вотъ слова г. Никитенко:

„Взамѣнъ сильныхъ талантовъ, недостающихъ нашей современной литературѣ, въ ней, такъ сказать, отстоялись и углубились жизненные начала дальнѣйшаго развитія и дѣятельности... Въ ней есть сознаніе своей самостоятельности и своего

назначенія. Она уже сила организованная правильно, дѣятельная, живыми отпрысками перелетающая съ разными общественными нуждами и интересами, не метеоръ, случайно залетѣвшій изъ чужой намъ сферы на удивленіе толпы, не вспышка единичной гениальной мысли, печально проскользнувшая въ умахъ и потрясшая ихъ на минуту новымъ и невѣдомымъ ощущеніемъ. Въ области литературы нашей теперь нѣтъ мѣсть особенно замѣчательныхъ, но есть вся литература“.

На это критикъ Москвитянина возражаетъ, что г. Никитенко, „кажется, слишкомъ снисходителенъ къ изящной литературѣ“. При этомъ кстати онъ вспомнилъ, что мысль эту читалъ когда-то въ Отечественныхъ Запискахъ; но тамъ, по его мнѣнію, она была кстати, а у г. Никитенки не-кстати, потому-де, что г. Никитенко любитъ искусство ради самаго искусства и глубоко понимаетъ его требованія, а въ этомъ случаѣ удовлетворяется количествомъ и легкимъ сбытомъ произведеній взамѣнъ качества и внутренняго достоинства. Остановимся на этомъ. Г. Бѣлинскій неоднократно высказывалъ въ Отечественныхъ Запискахъ ту мысль, что за исключеніемъ Гоголя, пишущаго въ послѣднее время мало и рѣдко, въ русской литературѣ теперь нѣтъ великихъ талантовъ, но зато есть теперь у насъ литература. Г. Никитенко, независимо отъ г. Бѣлинскаго, въ статьѣ своей, помѣщенной въ первой книжкѣ Современника, по своему высказалъ, и можетъ быть тоже не въ первый разъ, ту же мысль. Чтô можно заключить изъ этого факта, касательно единства направленія Современника? Ничего болѣе, кромѣ того, что редакторъ Современника сходится со своими сотрудниками въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ направленія его журнала. Но благонамѣренному критику Москвитянина непремѣнно нужно было, во что бы то ни стало, найти тутъ противорѣчія; но какъ, несмотря на всю свою готовность къ этому, онъ все-таки не могъ найти въ словахъ Никитенко противорѣчія со взглядомъ Бѣлинскаго, то счелъ за нужное найти у Никитенко противорѣчія съ самимъ собою... И дѣйствительно, въ словахъ редактора Современника есть противорѣчіе, но только не съ самимъ собою, а съ критикомъ Москвитянина; г. Никитенко видитъ въ новой русской литературѣ нѣчто достойное вниманія и уваженія, а г. М... З... К... видитъ въ ней безобразную массу бездарныхъ и нелѣпыхъ произведеній. Чтô сказать на это? Ничего болѣе, какъ посоветовать г. Никитенко, когда онъ будетъ что-нибудь писать, посылать программу каждой своей статьи на утвержденіе рѣшительнаго и непогрѣшительнаго въ своихъ приговорахъ критика Москвитянина: чтô онъ у него одобрить, такъ тому и быть, чтô за-

бракуетъ, то вонъ изъ статьи. Это, кажется, единственный способъ для г. Никитенко избѣгать мыслей и воззрѣній неосновательныхъ и ложныхъ... въ глазахъ критика Москвитянина. — Многіе могутъ найти не совсѣмъ согласно съ здравымъ смысломъ подобную опеку какого-то замаскировавшагося таинственными буквами неизвѣстнаго литературнаго наѣздника надъ извѣстнымъ профессоромъ и литераторомъ, обладающимъ, по признанію самого его противника, самобытнымъ взглядомъ на предметы мысли. Намъ самимъ это кажется такъ, но г. М.... З.... К.... думаетъ объ этомъ иначе: все, что не согласно съ его образомъ мыслей, онъ считаетъ рѣшительнымъ вздоромъ. Въ этомъ отношеніи онъ не менѣе всѣхъ восточныхъ людей вѣритъ въ „несомнѣнную книгу“, только въ отличіе отъ нихъ видитъ эту „несомнѣнную книгу“—въ себѣ] ¹⁾).

Было бы слишкомъ утомительно и скучно слѣдить за критикомъ Москвитянина шагъ за шагомъ. Онъ выписываетъ изъ разбираемыхъ имъ статей цѣлыя страницы; разбирая его такъ же подробно, мы должны были бы выписывать и эти выписки, и его собственные страницы; и потому постараемся какъ можно короче изложить сущность дѣла. Въ статьѣ своей г. Никитенко нападаетъ мѣстами на недостатки такъ называемой натуральной школы, состоящіе въ преувеличеніи и однообразіи предметовъ. Это его мнѣніе, и онъ выражаетъ его безъ рѣзкости, безъ преувеличенія, безъ всякой враждебности къ натуральной школѣ; напротивъ, въ самыхъ его нападкахъ видно, что онъ уважаетъ и любитъ ее, и на этомъ-то основаніи желаетъ указать ей ея настоящую дорогу. Словомъ, онъ признаетъ и талантъ и достоинство въ произведеніяхъ натуральной школы, но признаетъ ихъ не безусловно, хвалитъ основаніе, но порицаетъ крайности. Во всемъ этомъ критикъ Москвитянина увидѣлъ страшныя противорѣчія съ статьею г. Бѣлинскаго, лишаящія Современникъ всякаго единства мысли и направленія. „Одно изъ двухъ (говоритъ онъ): или журналъ не долженъ имѣть своего образа мыслей, и тогда онъ не журналъ—а неизвѣстно что такое; или онъ долженъ имѣть его, и тогда не мѣшаетъ участвующимъ въ немъ согласиться предварительно между собою“. Здѣсь мы прежде всего считаемъ долгомъ поблагодарить грознаго критика за его уваженіе къ нашему журналу, невольно высказавшееся у него самую чрезмѣрностію требованій отъ Со-

временника. Прибавимъ къ этому, что его идеалъ журнала очень вѣренъ; но, къ несчастью, его осуществленіе рѣшительно невозможно при настоящемъ состояніи литературы и общественнаго образованія. Въ Европѣ не только каждое извѣстное мнѣніе можетъ сейчасъ же найти свой органъ въ журналѣ, но и каждый изъ оттѣнковъ этого мнѣнія: для этого тамъ всегда найдется достаточное число людей, способныхъ работать по опредѣленному направленію. Но и тамъ едва ли найдется хотя одинъ хорошій журналъ или одно хорошее обзорѣніе, въ которомъ все до послѣдней строки было бы пропикнуто однимъ направленіемъ. Это [возможно вполнѣ только въ отношеніи къ политическимъ или критическимъ статьямъ, но не всегда] ¹⁾ возможно въ отношеніи даже къ ученымъ статьямъ, и рѣшительно невозможно въ отношеніи къ произведеніямъ изящной словесности. Ни одинъ журналъ не откажется отъ превосходной статьи потому только, что она, по духу своему, не совсѣмъ ладитъ съ направленіемъ журнала. Въ такомъ случаѣ обыкновенно статья печатается съ оговоркою отъ редакціи, а иногда въ томъ же журналѣ помѣщается и возраженіе на несогласныя съ направленіемъ журнала мѣста въ статьѣ. Что же касается до произведеній изящной словесности, на нихъ тамъ вовсе не простираются условія, налагаемыя направленіемъ журнала на статьи теоретическія. Жоржъ Зандъ, на примѣръ, по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, участвующими въ *Journal des Débats* или *Revue des deux Mondes*; а между тѣмъ вздумай она тамъ помѣстить свою повѣсть,—возьмутъ, да еще съ какой радостью, не обращая никакого вниманія на духъ и направленіе повѣсти. И это очень естественно: кто дѣйствительно понимаетъ законы искусства, тотъ знаетъ, что повѣстей писать по заказу нельзя, и что тутъ направленіе и духъ должны зависѣть только отъ личности автора. Хорошихъ же поэтовъ вездѣ немного; стало быть, тутъ выборъ можетъ касаться только достоинства романа или повѣсти, но не направленія ихъ.

[Что касается до нашихъ журналовъ,—необходимость имѣть извѣстное направленіе, извѣстный образъ мыслей и никогда не противорѣчить ему начала обнаруживаться только въ послѣднее время]. Журналовъ у насъ немного, но все-таки больше, нежели сколько есть у насъ людей, способныхъ своими трудами поддерживать журналы. У насъ

¹⁾ Этотъ большой выпускъ сдѣланъ, повидимому, не цензурой, а самимъ Никитенко; см. нашу вступительную замѣтку.

¹⁾ „въ особенности не всегда“ (Здѣсь и ниже приводимъ въ примѣчаніяхъ журнальный текстъ, замѣнявшій собою фразы въ квадратныхъ скобкахъ; см. статьи №№ 60 и 62).

большое счастье для журнала, если онъ успѣетъ соединить труды нѣсколькихъ людей и съ талантомъ, и съ образомъ мыслей, если не совершенно тождественнымъ, то по крайней мѣрѣ не расходящимся въ главныхъ и общихъ положеніяхъ. Поэтому требовать отъ журнала, чтобы всѣ его сотрудники были совершенно согласны даже въ оттѣнкахъ главнаго направленія, значитъ требовать невозможнаго. Тутъ не помогутъ мудрые совѣты въ родѣ слѣдующаго: сперва соберитесь да согласитесь между собою. Искусственнымъ образомъ нельзя соглашать людей въ дѣлѣ убѣжденія, и ни одинъ порядочный человѣкъ ничего не уступитъ изъ своего мнѣнія ради причины, лежащей внѣ его мнѣнія. Лишь бы журналъ имѣлъ общій характеръ, такъ что съ его представленіемъ въ умѣ всякаго соединялось бы извѣстное направленіе; этого для него пока совершенно достаточно, чтобы быть ему хорошимъ журналомъ. Разность въ оттѣнкахъ мыслей еще ничего; плохо, какъ „изъ одного города, да не однѣ вѣсти“¹⁾. Вотъ, на примѣръ, какъ г. М... З... К... отзывается о первой теперь поэтической знаменитости не только во Франціи, но и во всей Европѣ: „Жоржъ Зандъ, котораго, конечно, не назовутъ писателемъ отсталымъ отъ вѣка, истощивъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ всѣ виды страсти, всѣ образы личности, протестующей противъ общества, въ *Консуэло*, *Жаннъ*, въ *Companion du tour de France* изображаетъ красоту и спокойное могущество самопожертвованія и самообладанія; а въ *Чертовой Лужѣ* онъ плѣняется мирною простотою семейнаго быта“. Оставляя въ сторонѣ приложеніе, которое критикъ Москвитянина хочетъ сдѣлать изъ своего сужденія о Жоржъ Зандѣ, мы замѣтимъ только, что въ этомъ сужденіи видно высокое уваженіе къ таланту знаменитаго французскаго писателя, въ чемъ мы совершенно съ нимъ согласны. Но вотъ что о томъ же писателѣ сказалъ г. Хомяковъ, принадлежащій къ тому же „московскому направленію“, къ которому принадлежитъ и г. М... З... К..., и печатающій свои статьи въ тѣхъ же изданіяхъ, т.-е. въ Москвитянинѣ и Московскомъ Сборникѣ: „Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ искусство народное дѣлается менѣе возможнымъ, такъ оскудѣваетъ и искусство вообще, и Франція по необходимости была страной анти-художественною, т.-е. не только неспособною производить, но неспособною понимать прекрасное въ какой бы то ни было области

искусства. Такъ, на примѣръ, въ наше время Франція и офранцузившаяся (?) публика встрѣчала съ слѣпымъ благоговѣніемъ произведенія Жоржъ Занда, которыя совершенно ничтожны въ смыслъ художественномъ (какое бы они ни имѣли значеніе въ отношеніи движенія общественной мысли), и не нашла ни похвалъ, ни удивленія, когда та же Жоржъ Зандъ почерпнула изъ скуднаго, но уцѣлѣвшаго источника простого человѣческаго быта прелестный и почти художественный разсказъ Чертовой Лужи, подъ которымъ Диккенсъ и едва ли не самъ Гоголь могли бы подписать свои имена“. („Московский Сборникъ 1847, стр. 350—351). Вотъ это такъ противорѣчіе! [Тутъ поневолѣ вспомнишь стихъ Крылова:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

Чѣмъ другимъ давать совѣтъ „предварительно согласиться между собою“, не лучше-ль было бы прежде самимъ испытать на дѣлѣ возможность осуществленія такого совѣта, чтобы не подать повода говорить о себѣ:

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова!]

Обратимся къ противорѣчіямъ Современника. Послѣ многихъ выписокъ изъ статьи г. Никитенко критикъ Москвитянина задаетъ намъ слѣдующіе вопросы: „Но если таковъ образъ мыслей редактора, почему помѣщена въ той же книжкѣ повѣсть подъ заглавіемъ: *Родственники*? Развѣ для того, чтобы читатели тутъ же могли повѣрить на дѣлѣ справедливость впечатлѣній г. Никитенко, какъ будто произведенныхъ именно этою повѣстью? Вообще, почему отдѣлъ словесности отданъ почти исключительно въ распоряженіе тому направленію, которое такъ справедливо осуждается самимъ редакторомъ въ отдѣлѣ наукъ? На всѣ эти вопросы мы отвѣтимъ критику Москвитянина однимъ вопросомъ: а на какомъ основаніи вы увѣрены такъ положительно, что г. Никитенко раздѣляетъ вашъ образъ мыслей касательно какъ повѣсти: *Родственники*, такъ и всѣхъ другихъ повѣстей въ отдѣлѣ словесности нашего журнала? Кромѣ того, что г. Никитенко и не думалъ, подобно вамъ, уничтожать натуральной школы, а только хотѣлъ, показавши ея достоинства (на что вы ему возразили на стр. 177), показать и ея недостатки, состоящіе, по его мнѣнію, въ преувеличеніи и однообразіи. Для примѣненія онъ могъ имѣть въ виду произведенія, дѣйствительно отличающіяся грубою естественностью или впадающія въ карикатуру, какихъ нимаго появляется въ нашей литературѣ. Какъ бы то ни было, но какъ онъ не указалъ ни на одно произве-

¹⁾ Въ журналѣ: „Не разность въ оттѣнкахъ мыслей важна, а, какъ говорятъ пословица, плохо какъ“... и т. д.

деніе, то вы не имѣли никакого основанія навязывать ему этихъ указаній... [кромѣ вашего самолюбія, которое убѣряетъ васъ, что судить безошибочно значитъ судить по-вашему]. И неужели вы не шутя думаете, что стоитъ только назвать, безъ всякихъ доказательствъ, ту или другую повѣсть дурною, чтобы всѣхъ убѣдить, что она точно дурна? Но нѣтъ, этого вамъ мало: вы, кажется, убѣждены, что вамъ ничего не нужно, и говорите, что съ вами безусловно должны быть согласны всѣ, даже не зная, какъ вы думаете о томъ или другомъ предметѣ: хоть г. Никитенко до появленія вашей статьи и не могъ знать вашего мнѣнія о повѣсти *Родственники*, однако тѣмъ не менѣе, думаете вы, не могъ не раздѣлять его... Странная увѣренность!

Далѣе [скромный] критикъ Москвитинина, въ видѣ уступки, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Можетъ быть, другого рода повѣстей достать нельзя; можетъ быть, даже такіа повѣсти нужны для успѣха журнала, чего мы, впрочемъ, не думаемъ“. Странно видѣть человека, который, по собственному сознанію, рѣшительно не знаетъ журнальнаго дѣла, а между тѣмъ взялся разсуждать о немъ! Онъ не знаетъ, какія повѣсти можно доставать, и какія повѣсти нравятся публикѣ и, слѣдовательно, могутъ поддержать журналъ. То говорить: „можетъ быть“, то: „чего мы впрочемъ не думаемъ“. Какъ объяснить ему это? Онъ назвалъ только одну повѣсть: *Родственники*. О ней можно судить съ двухъ сторонъ: со стороны направленія и со стороны выполненія. Въ первомъ отношеніи мы на „можетъ быть“ нашего критика отвѣчаемъ утвердительно; во второмъ отношеніи эта повѣсть не безъ достоинствъ, мѣстами замѣчательныхъ, но вообще не можетъ идти въ образецъ повѣстей той школы, на которую съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ нашъ критикъ. Въ этомъ случаѣ намъ трудно отвѣчать ему, сколько потому, что онъ по одной первой книжкѣ журнала хочетъ произнести судъ о всѣхъ будущихъ книжкахъ этого журнала, хотя бы ему суждено было продолжаться десять лѣтъ при постоянномъ участіи однихъ и тѣхъ же лицъ, сколько и потому, что онъ, говоря о повѣстяхъ, назвалъ только повѣсть: *Родственники* и неопредѣленно указалъ на отдѣлъ словесности, не сказавши ни слова о повѣсти: *Кто виноватъ?* Искандера, вышедшей какъ приложение къ первой книжкѣ, ни о *Хорѣ и Калинычѣ*, разсказѣ г. Тургенева, помѣщенномъ въ Смѣси. Вѣроятно онъ имѣлъ свои причины не высказывать своего мнѣнія объ этихъ двухъ произведеніяхъ, и въ такомъ случаѣ, надо отдать ему справедливость, онъ поступилъ очень ловко. Если

бы мы сказали, что онъ и ихъ считаетъ тѣмъ же, чѣмъ считаетъ всѣ произведенія натуральной школы, онъ могъ бы отвѣтить, что о нихъ ничего не говорилъ, что онъ указалъ только на то, что было помѣщено въ отдѣлѣ словесности. Но если бы, сдѣлавши вопросъ: „можетъ быть, даже такіа повѣсти нужны для успѣха журнала“, онъ указалъ на *Кто виноватъ?* и *Хоръ и Калинычъ*,—тогда бы мы положительно и утвердительно отвѣчали ему: да! Но онъ хочетъ быть съ нами великодушнымъ; онъ отрицаетъ мысль, чтобы мы въ выборѣ повѣстей руководствовались расчетомъ на успѣхъ журнала, а не внутреннимъ достоинствомъ повѣстей. Благодаримъ за доброе мнѣніе, но никакъ не думаемъ, чтобы потребности нашего читающаго общества были въ такомъ разладѣ съ истиннымъ вкусомъ, что удовлетворять имъ непременно значило бы—руководствоваться корыстнымъ расчетомъ, а не слѣдовать искренно своему вкусу и убѣжденію. Въ *Современникѣ* не было и не будетъ помѣщено ни одной повѣсти, которая бы, по искреннему убѣжденію редакціи, не заключала въ себѣ какихъ-нибудь хорошихъ сторонъ, дѣлающихъ ее стоющею печати, и уже было напечатано нѣсколько весьма замѣчательныхъ произведеній въ этомъ родѣ. Они были замѣчены и отличены публикою, и мы очень рады, что нашъ вкусъ, наше личное мнѣніе совпали, въ отношеніи къ нимъ, со вкусомъ и мнѣніемъ большинства публики. Эти произведенія: *Кто виноватъ?*, *Обыкновенная Исторія*, *Разказы Охотника* и *Изъ сочиненій доктора Крупова о душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности...*

Замѣчательна также мысль критика, сдѣланная въ видѣ уступки, что „редакторъ *Современника* не властенъ пересоздать изящной литературы по своимъ желаніямъ“. Вотъ что правда, то правда! Только съ чего вы взяли, что онъ желаетъ ее пересоздать? Желать видѣть ее въ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, и желать пересоздать—не одно и то же.

Теперь слѣдуютъ критическія противорѣчія статьи г. Никитенко съ статьею г. Бѣлинскаго. Въ послѣдней сказано, между прочимъ, что „если бы преобладающее отрицательное направленіе и было въ натуральной школѣ одностороннею крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ или ихъ послѣдователямъ, когда придетъ время, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая, словомъ, не идеализируя ихъ риторически“. Конечно, тутъ нѣтъ бу-

квалнаго, внѣшняго согласія съ статьею г. Никитенко; но нѣтъ и рѣзкаго противорѣчія. Съ одной стороны, тутъ уступка, согласіе въ томъ, что отрицаніе составляетъ дѣйствительно преобладающее направленіе новой школы; съ другой—показана польза и *этого* направленія. Но критикъ Москвитянина восклицаетъ патетически: „мы не спрашиваемъ, справедливо ли это или нѣтъ, но согласно ли съ убѣжденіями редактора и съ наставленіями, предложенными имъ въ его статьѣ? Думаетъ ли онъ, что, смотря по времени, литература можетъ изображать и темныя и свѣтлыя стороны дѣйствительности, т.-е. быть правдивою; можетъ также изображать однѣ отрицательныя стороны, то-есть *клеветать*? Полагаетъ ли онъ, что привычка отыскивать одни пороки и поносить людей способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости?..“ [Въ этихъ словахъ отозвалось рѣшительное отсутствіе живого практическаго пониманія искусства]. Критикъ Москвитянина, мы увѣрены въ этомъ, человекъ умный и начитанный, который знаетъ всѣ возможныя теоріи и системы искусства, особенно нѣмецкія. Это, безспорно, очень хорошо; но одного этого еще очень мало для дѣйствительнаго пониманія искусства; для этого прежде всего и больше всего нужно то врожденное эстетическое чувство, тотъ инстинктъ, тотъ тактъ изящнаго, которые обнаруживаются не въ теоріи, а въ ея критическомъ приложеніи къ произведеніямъ искусства. Мы еще обратимся къ этому вопросу и покажемъ, въ какомъ отношеніи находится къ нему критикъ Москвитянина; а теперь покажемъ, какъ мало истины въ его словахъ. Ему кажется рѣшительною нелѣпостію, чтобы литература, смотря по времени, отличалась то тѣмъ, то другимъ исключительнымъ направленіемъ. А между тѣмъ, это всегда такъ было и будетъ; доказательства можно найти въ исторіи каждой литературы. Изображать однѣ отрицательныя стороны жизни—вовсе не значитъ клеветать, а значитъ только находиться въ односторонности; клеветать же значитъ взводить на дѣйствительность такія обвиненія, находить въ ней такія пятна, какихъ въ ней вовсе нѣтъ. [Давать клеветѣ другое значеніе—тоже значитъ клеветать... не на клевету, разумѣется, а на людей не нашего прихода...]. Находить въ людяхъ тѣ пороки, которые въ нихъ дѣйствительно есть, не значитъ поносить ихъ: поношеніе въ самихъ порокахъ, и кто пороченъ, тотъ поносить самъ себя... Привычка отыскивать дѣйствительно существующее очень близка къ привычкѣ отыскивать истину, а это, разумѣется, способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости...

[Противорѣчій между статьею г. Никитенко и статьею г. Бѣлинскаго критикъ Москвитянина находитъ такую бездну, что даже отказывается на всѣ указывать, а избираетъ самыя разительныя. „Редакторъ (говоритъ онъ) напалъ сильно на карикатурныя изображенія помѣщиковъ и деревенскаго быта; критикъ въ числѣ замѣчательныхъ стихотворныхъ произведеній прошлаго года упоминаетъ о рассказѣ подъ заглавіемъ „Помѣщикъ“ (въ Отечественныхъ Запискахъ)“. Дался же гг. славянофиламъ этотъ „Помѣщикъ“! Вотъ уже скоро два года, какъ было напечатано (въ Петербургскомъ Сборникѣ г. Некрасова, а не въ Отечественныхъ Запискахъ) это стихотвореніе г. Тургенева, а они до сихъ поръ не могутъ отъ него придти въ себя ¹⁾. Съ того времени и до сей минуты все толкуютъ о немъ. Увѣряютъ, что это произведеніе ничтожное, карикатура, что оно бездарно, плохо; кажется, стоило ли бы обращать на него вниманіе? А между тѣмъ они все продолжаютъ изъ-за него волноваться и выходить изъ себя... Обращаясь къ противорѣчію, спросимъ критика Москвитянина: на какомъ основаніи вообразилъ онъ, что г. Никитенко, говоря о карикатурныхъ изображеніяхъ помѣщиковъ, мѣтилъ именно на пьесу г. Тургенева? Ужъ не на основаніи ли ея заглавія, такъ положительно указывающаго на помѣщика, что и ошибиться нельзя? Въ такомъ случаѣ намъ остается только дивиться тонкой провидательности критика Москвитянина... „Редакторъ (продолжаетъ онъ) строго осуждалъ направленіе тѣхъ писателей, которые созидаютъ такъ называемые народные характеры изъ грязи, лохмотьевъ, квасу, щей и кулаковъ русскаго человека, а критикъ восхваляетъ повѣсть подъ заглавіемъ „Деревня“ (въ Отечественныхъ Запискахъ), которая создана именно по этому рецепту“. Опять то же! Критику Москвитянина кажется, что повѣсть „Деревня“ создана по этому рецепту, и этого ему достаточно для убѣжденія, что и Никитенкѣ кажется то же...].

Но здѣсь мы остановимся и отъ частныхъ перейдемъ къ общему вопросу—къ вопросу о натуральной школѣ, которая съ такимъ живымъ участіемъ и вниманіемъ принята публикою и съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуется двумя литературными партіями—неестественною или риторическою, состоящею изъ отставныхъ беллетристовъ, и [славянофильскою] ²⁾. Намъ очень непріятно, что мы должны повторять то, что уже не

¹⁾ См. отрывки изъ этого стихотворенія въ статьѣ № 58—выше, стр. 561—564.

²⁾ „тою, къ которой принадлежитъ нашъ критикъ“.

разъ было говорено нами: но что-жъ намъ дѣлать, если противники натуральной школы, безпрестанно нападая на нее, твердятъ все одно и то же, не умѣя выдумать ничего новаго?

Обѣ эти партіи бѣльшею частію согласны въ ихъ нападкахъ на натуральную школу, хотя и по разнымъ побужденіямъ; ихъ доводы, доказательства, даже тонъ — почти одинаковы; но только въ одномъ онѣ существенно разнятся. Первая партія, не любя натуральной школы, еще больше не любитъ Гоголя, какъ ея главу и основателя. Въ этомъ есть смыслъ и логика. Идя отъ начала ложнаго, эти люди, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ себѣ до явной бессмыслицы: нападая на плодъ, не восхищаются корнемъ; осуждая результатъ, не хвалятъ причины. Ошибаясь въ отношеніи къ истинѣ, они совершенно правы въ отношеніи къ самимъ себѣ. Что касается до причинъ ихъ нерасположенія къ произведеніямъ Гоголя, — онѣ давно извѣстны: Гоголь далъ такое направление литературѣ, которое изгнало изъ нея риторику, и для успѣха въ которомъ необходимъ талантъ. Вслѣдствіе этого, старая манера выводить въ романахъ и повѣстяхъ риторическія олицетворенія отвлеченныхъ добродѣтелей и пороковъ, вмѣсто живыхъ типическихъ лицъ, пала. Всѣ попытки писателей этой школы на поддержаніе къ нимъ вниманія публики обращаются для нихъ въ рѣшительныя паденія. Даже тѣ ихъ произведенія, которыя въ свое время имѣли успѣхъ, даже значительный, давно уже забыты. Новыя изданія ихъ остаются въ книжныхъ лавкахъ. Согласитесь, что это непріятно, и есть изъ чего выйти изъ себя и увидѣть въ новой школѣ своего личнаго врага. Къ этому присоединяются и другія обстоятельства. Эти люди вышли на литературное поприще во время господства совершенно иныхъ понятій объ искусствѣ и литературѣ. Тогда искусство не имѣло ничего общаго съ жизнью, дѣйствительностію. Написать романъ или повѣсть тогда значило — наплести разныхъ неправдоподобныхъ событій, вмѣсто характеровъ заставить говорить и дѣйствовать аллегорическія фигуры разныхъ дурныхъ и хорошихъ качествъ, все это напичкать моральными сентенціями, и изъ всего этого вывести какое-нибудь нравственное правило, въ родѣ того, напримѣръ, что добродѣтель награждается, а порокъ наказывается. При этомъ допускалась легкая и умѣренная сатира, т.-е. беззубыя насмѣшки надъ общими человѣческими слабостями, не воплощенными въ лицо и характеръ, и потому существующими равно вездѣ, какъ и нигдѣ. О колоритѣ мѣстности и времени не было вопроса, и потому нельзя было понять,

какой землѣ и какому вѣку принадлежать дѣйствующія лица романа или повѣсти; зато можно было имѣть удовольствіе по произволу переносить ихъ въ какую угодно землю, въ какой угодно вѣкъ. Но взаимнъ этого строго требовалось, чтобы подлѣ cadaго злодѣя рисовался добродѣтельный человѣкъ, подлѣ глупца — умница, подлѣ лжеца — правдолюбъ. Именъ эти герои не имѣли, но имъ давались клички по ихъ качествамъ: *Добросердовъ*, *Честоновъ*, *Пріятновъ*, *Ножовъ*, *Вороватинъ* и т. п.¹⁾ Такъ писать было легко; для этого не нужно было таланта, наблюдательности, живого чувства, дѣйствительности; а нужны были только нѣкоторая образованность и начитанность, а главное — охота и навыкъ писать. И подъ вліяніемъ этихъ-то понятій выросли и развились писатели той школы, о которой мы говоримъ. Удивительно ли, что до сихъ поръ они все такъ же понимаютъ искусство? Оно для нихъ невинное и полезное занятіе, которое должно тѣшить читателя, представляя ему только пріятныя картины жизни, рисуя только образованныхъ людей, и ни подъ какимъ видомъ — неотесанныхъ мужиковъ въ зипунахъ и лаптяхъ. Правда, еще эти писатели были не стары, когда такъ называемый романтизмъ вторгся вдругъ и въ нашу литературу, когда романы Вальтеръ-Скотта смѣнили *Малекъ Аделя* г-жи Котэнъ, и знакомство съ драмами Шекспира показало, что всякій человѣкъ, на какой бы низкой ступени общества и даже человѣческаго достоинства ни стоялъ онъ, имѣетъ полное право на вниманіе искусства потому только, что онъ человѣкъ. И многіе изъ писателей неестественной риторической школы горячо стали за романтизмъ; но это произвело въ нихъ только какую-то странную смѣсь старыхъ установившихся понятій съ новыми неустановившимися. Они не могли въ нихъ примириться, по существенной противоположности другъ другу. И потому наши романисты и нувеллисты этой школы остались при старыхъ понятіяхъ, сдѣлавши нѣсколько нелогическихъ уступокъ въ пользу новыхъ. Это отразилось въ ихъ сочиненіяхъ тѣмъ, что они стали заботиться о мѣстномъ

¹⁾ Все предыдущее — главнымъ образомъ о Булгаринѣ, дѣйствующія лица романовъ котораго носятъ именно такія клички. Самъ Булгаринъ считалъ такую „полярность“ дѣйствующихъ лицъ большимъ достоинствомъ своего романа. „Въ моемъ *Иванъ Выжигинъ*, — писалъ онъ, — выставя пороки и злоупотребленія, я помѣщалъ ихъ всегда рядомъ съ добродѣтелью и честностію. Въ *Иванъ Выжигинъ* вы встрѣчаете хорошаго помѣщика рядомъ съ дурнымъ, честнаго чиновника въ противоположность злоупотребителю, благороднаго судью возлѣ взяточника“ („Сѣверн. Пчела“, 1845 г., № 261). Эти слова Булгарина Бѣлинскій почти дословно повторилъ выше.

колеритѣ и позволяли себѣ рисовать и людей низшихъ сословій. Это называлось у нихъ *народностью*. Но въ чемъ состояла эта народность? Въ томъ, что своимъ сколкамъ съ чужеземныхъ образцовъ они давали русскія имена, да еще иногда и историческія, отчего ихъ лица нисколько не дѣлались русскими, потому что прежде всего не были созданіями искусства, а были только блѣдными копіями. Вообще ихъ романы походили на нынѣшніе русскіе водевили, передѣлаваемые изъ французскихъ, посредствомъ переложенія чуждыхъ намъ французскихъ нравовъ на чуждые имъ русскіе нравы. Риторика всегда оставалась риторикою, даже и подрумяненная плохо понятнымъ романтизмомъ. Для яснаго уразумѣнія новыхъ образцовъ искусства и новыхъ о немъ понятій нужно было время, а для обращенія русской литературы на дорогу самобытности нужны новые образцы въ самой русской литературѣ. И такіе образцы даны были Пушкинымъ и потомъ Гоголемъ. Но слѣдовать за ними можно было только людямъ съ талантомъ. Вотъ отчего писатели риторической школы такъ косо смотрѣли на Пушкина и почему такъ невыносимо имъ одно имя Гоголя! Въ чемъ состоятъ ихъ нападки на него? Вѣчно въ одномъ и томъ же: онъ рисуетъ грязь, представляетъ неумытую натуру и оскорбляетъ русское общество, находя въ немъ характеры низкіе и не противопоставляя имъ высокихъ... Все это совершенно согласно со старинными піитиками и риториками...

За то же самое, тѣми же самыми выраженіями нападаютъ славянофилы на натуральную школу, но за то же самое превозносятъ они Гоголя. Что за странное противорѣчіе? Какая его причина? Если бы критикъ Москвитянина не находилъ никакой связи между Гоголемъ и натуральною школою, онъ былъ бы правъ съ своей точки зрѣнія, какъ бы ни была она фальшива. Но вотъ что говоритъ онъ самъ объ этомъ: „Петербургскіе журналы подняли знамя и провозгласили явленіе новой литературной школы, по ихъ мнѣнію, совершенно самостоятельной. Они выводятъ ее изъ всего прошедшаго развитія нашей литературы и видятъ въ ней отвѣтъ на современныя потребности нашего общества. Происхожденіе натурализма, кажется, объясняется гораздо проще; нѣтъ нужды придумывать для него родословной, когда на немъ лежатъ явные признаки тѣхъ вліяній, которымъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Матеріалъ данъ Гоголемъ или, лучше, взять у него: это пошлая сторона нашей дѣйствительности“. Основная мысль этихъ словъ справедлива: натуральная школа дѣйствительно произошла отъ Гоголя, и безъ него

ея не было бы; но фактъ этотъ толкуется критикомъ Москвитянина фальшиво. Если натуральная школа вышла изъ Гоголя, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы она не была результатомъ всего прошедшаго развитія нашей литературы и отвѣтомъ на современныя потребности нашего общества, потому что самъ Гоголь, ея основатель, былъ результатомъ всего прошедшаго развитія нашей литературы и отвѣтомъ на современныя потребности нашего общества. Что онъ несравненно выше и важнѣе всей своей школы, противъ этого мы и не думали спорить; это другое дѣло. Во взглядѣ критика Москвитянина на Гоголя видно рѣшительное непониманіе ни искусства, ни Гоголя ¹⁾. Ясно, что онъ держится тѣхъ же піитикъ и риторикъ, которыми руководствуются писатели неестественной школы, и что, за неимѣніемъ собственнаго прочнаго воззрѣнія на предметъ, онъ слишкомъ увлекся мнѣніемъ Пушкина о Гоголѣ, съ которымъ самъ Гоголь безусловно согласился. Вотъ его собственные слова на этотъ счетъ: „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей“ (*Выбр. Мѣста изъ Переписки съ Друзьями* стр. 141—142). Въ этихъ словахъ много правды; но ихъ нельзя принимать за полное и окончательное сужденіе о Гоголѣ. Теньеръ былъ по преимуществу живописецъ пошлости жизни голландскаго простонародья (что—скажемъ мимоходомъ—не помѣшало Европѣ признать его великимъ талантомъ); эта пошлость есть истинный герой его живописныхъ поэмъ, тутъ она на первомъ планѣ и прежде всего бросается въ глаза зрителю. Однакожъ было бы нелѣпо искать чего-нибудь общаго между талантомъ Теньера и Гоголя. Гогартъ—по преимуществу живописецъ пороковъ, разврата и пошлости, и больше ничего; но и съ нимъ у Гоголя такъ же мало сходства, какъ и съ Теньеромъ. Гоголь создалъ типы—*Ивана Федоровича Шпоньки, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Хлестакова, Городничаго, Бобчинскаго и Добчинскаго, Земляники, Шпекина, Тяпкина-Ляпкина, Чичикова, Манилова, Коробочки, Плюшкина, Со-*

¹⁾ Въ журналѣ: „видна превратное пониманіе искусства и Гоголя“.

бакевича, Поздрева и многіе другіе. Въ нихъ онъ является великимъ живописцемъ пошлости жизни, который видитъ насквозь свой предметъ во всей его глубинѣ и широтѣ и схватываетъ его во всей полнотѣ и цѣлости его дѣйствительности. Но зачѣмъ же забываютъ, что тотъ же Гоголь написалъ *Тараса Бульбу*, поэму, герой и второстепенныя дѣйствующія лица которой характеры высоко-трагическіе? И между тѣмъ видно, что поэма эта писана той же рукой, которой писаны *Ревизоръ* и *Мертвыя Души*. Въ ней является та особенность, которая принадлежитъ только таланту Гоголя. Въ драмахъ Шекспира встрѣчаются съ великими личностями и пошлыя, но комизмъ у него всегда на сторонѣ только послѣднихъ; его Фальстафъ смѣшонъ, а принцъ Генрихъ и потомъ король Генрихъ V вовсе не смѣшонъ. У Гоголя Тарасъ Бульба такъ же исполненъ комизма, какъ и трагическаго величія; оба эти противоположные элемента слились въ немъ неразрывно и цѣлостно въ единую, замкнутую въ себя, личность; вы и удивляетесь ему, и ужасаетесь его, и смѣетесь надъ нимъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ произведеній европейскихъ литературъ примѣръ подобнаго, и то не вполне, сліянія серьезнаго и смѣшнаго, трагическаго и комическаго, ничтожности и пошлости жизни со всѣмъ, чтò есть въ ней великаго и прекраснаго, представляетъ только *Донъ Кихотъ* Сервантеса. Если въ *Тарасѣ Бульбѣ* Гоголь умѣлъ въ трагическомъ открыть комическое, то въ *Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ* и *Шинели* онъ умѣлъ уже не въ комизмѣ, а въ положительной пошлости жизни найти трагическое. Вотъ гдѣ, намъ кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя. Это—не одинъ даръ выставлать ярко пошлость жизни, а еще болѣе—даръ выставлать явленія жизни во всей полнотѣ ихъ реальности и ихъ истинности. Въ „Перепискѣ“ Гоголя есть одно мѣсто, которое бросаетъ яркій свѣтъ на значеніе и особенность его таланта, и которое было или должно понято, или оставлено безъ вниманія: „Эти ничтожные люди (въ Мертвыхъ Душахъ) однакожъ ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты; тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты моихъ пріятелей“ (стр. 145—146). Дѣйствительно, каждый изъ насъ, какой бы онъ ни былъ хорошій человѣкъ, если вникнетъ въ себя съ тѣмъ безпристрастіемъ, съ какимъ вникаетъ въ другихъ,—то непременно найдетъ въ себѣ въ болѣе или меньшей степени многіе изъ элементовъ многихъ героевъ Гоголя. И кому не случа-

лось встрѣчать людей, которые немножко скупеньки, какъ говорится, прижимисты, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—прекраснѣйшіе люди, одаренные замѣчательнымъ умомъ, горячимъ сердцемъ? Они готовы на все доброе, они не оставляютъ человѣка въ нуждѣ, помогутъ ему, но только подумавши, поразсчитавши, съ нѣкоторымъ усиленіемъ надъ собой? Такой человѣкъ, разумѣется, не Плюшкинъ, но съ возможностью сдѣлаться имъ, если поддастся влиянію этого элемента, и если, при этомъ, стеченіе враждебныхъ обстоятельствъ разовьетъ его и дастъ ему перевѣсъ надъ всѣми другими склонностями, инстинктами и влеченіями. Бываютъ люди съ умомъ, душою, образованіемъ, познаніями, блестящими дарованіями — и, при всемъ этомъ, съ тѣмъ качествомъ, которое теперь извѣстно на Руси подъ именемъ „хлестаковства“. Скажемъ больше: многіе ли изъ насъ, положа руку на сердце, могутъ сказать, что имъ не случилось быть Хлестаковыми, кому цѣлые года своей жизни (особенно молодости), кому хоть одинъ день, одинъ вечеръ, одну минуту? Порядочный человѣкъ не тѣмъ отличается отъ пошлаго, чтобы онъ былъ вовсе чуждъ всякой пошлости, а тѣмъ, что видитъ и знаетъ, чтò въ немъ есть пошлаго, тогда какъ пошлый человѣкъ и не подозреваетъ этого въ отношеніи къ себѣ; напротивъ, ему-то и кажется больше всѣхъ, что онъ истинное совершенство. Здѣсь мы опять видимъ подтвержденіе вышесказанной нами мысли объ особенности таланта Гоголя, которая состоитъ не въ исключительномъ только дарѣ живописать ярко пошлость жизни, а проникать въ полноту и реальность явленій жизни. Онъ, по натурѣ своей, не склоненъ къ идеализаціи, онъ не вѣритъ ей; она кажется ему отвлеченіемъ, а не дѣйствительностію; въ дѣйствительности, для него добро и зло, достоинство и пошлость не раздѣльны, а только перемѣшаны не въ равныхъ доляхъ. Ему дался не пошлый человѣкъ, а человѣкъ вообще, какъ онъ есть, не украшенный и не идеализированный. Писатели риторической школы утверждаютъ, будто всѣ лица, созданныя Гоголемъ, отвратительны, какъ люди. Справедливо ли это?—Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Возьмемъ на выдержку нѣсколько лицъ. Маниловъ пошелъ до крайности, сладокъ до приторности, пусть и ограниченъ; но онъ не злой человѣкъ; его обманываютъ его люди, пользуясь его добродушіемъ; онъ скорѣе ихъ жертва, нежели они его жертвы. Достоинство отрицательное—не споримъ; но если бы авторъ придалъ къ прочимъ чертамъ Манилова еще жестокость обращенія съ людьми, тогда всѣ бы закричали: чтò за гнусное лицо, ни

одной человѣческой черты! Такъ уважимъ же въ Маниловѣ и это отрицательное достоинство. Собакевичъ — антиподъ Манилова; онъ грубъ, неотесанъ, обжора, плутъ и кулакъ; но избы его мужиковъ построены хоть неуклюже, а прочно, изъ хорошаго лѣса, и, кажется, его мужикамъ хорошо въ нихъ жить. Положимъ, причина этого не гуманность, а расчетъ, но расчетъ, предполагающій здравый смыслъ, расчетъ, котораго, къ несчастью, не бываетъ иногда у людей съ европейскимъ образованіемъ, которые пускаютъ по міру своихъ мужиковъ на основаніи рациональнаго хозяйства. Достоинство опять отрицательное, но вѣдь если бы его не было въ Собакевичѣ, Собакевичъ былъ бы еще хуже: стало быть, онъ лучше при этомъ отрицательномъ достоинствѣ. Коробочка пошла и глупа, скупа и прижимиста, ея дѣвчонка ходитъ въ грязи, босикомъ, но зато не съ распухшими отъ пощечинъ щеками, не сидитъ голодна, не утираетъ слезъ кулакомъ, не считаетъ себя несчастною, но довольна своею участью. Скажутъ: все это доказываетъ только то, что лица, созданныя Гоголемъ, могли бы быть еще хуже, а не то, чтобъ они были хороши. Да мы и не говоримъ, что они хороши, а говоримъ только, что они не такъ дурны, какъ говорятъ о нихъ.

Писатели риторической школы ставятъ въ особенную вину Гоголю, что, вмѣстѣ съ пошлыми людьми, онъ для утѣшенія читателей не выводитъ на сцену лицъ порядочныхъ и добродѣтельныхъ. Въ этомъ съ ними согласны и [почитатели Гоголя изъ славянофильской партіи]¹⁾. Это доказываетъ, что тѣ и другіе почерпнули свои понятія объ искусствѣ изъ однѣхъ и тѣхъ же піитикъ и риторикъ. Они говорятъ: развѣ въ жизни одни только пошлецы и негодии? Что сказать имъ на это? Живописецъ изобразилъ на картинѣ мать, которая любитъ своимъ ребенкомъ и которой все лицо—одно выраженіе материнской любви. Чтò бы вы сказали критику, который осудилъ бы эту картину на томъ основаніи, что женщинамъ доступно не одно материнское чувство, что художникъ оклеветалъ изображенную имъ женщину, отнявъ у нея всѣ другія чувства? Я думаю, вы ничего не сказали бы ему, даже согласились бы съ нимъ—и хорошо бы сдѣлали. Но тутъ, скажутъ, уже потому нѣтъ клеветы, что на лицѣ женщины изображено чувство похвальное. Стало быть, по-вашему, живописецъ оклеветалъ бы женщину вообще, если бы представилъ на картинѣ Медею, убивающую, изъ чувства ревности, собственныхъ дѣтей? Стало быть, вы будете осуж-

дать его за то, что онъ не помѣстилъ на своей картинѣ фигуры добродѣтельной женщины, которая бы, всѣмъ выраженіемъ своего лица и взора, всей своей позой протестовала противъ ужаснаго дѣйствія Медеи? Да художникъ хотѣлъ изобразить крайнюю степень ревности; это было задушевною идеею, которую хотѣлъ онъ выразить; стало быть, все чуждое этой идеѣ только раздвоило и ослабило бы интересъ его картины, нарушило бы единство ея впечатлѣнія. Стало быть, подобныя требованія съ вашей стороны противорѣчатъ основнымъ законамъ искусства. „Перебирая послѣдніе романы, (говоритъ критикъ Москвитянина), изданные во Франціи, съ притязаніемъ на социальное значеніе, мы не находимъ ни одного, въ которомъ бы выставлены были одни пороки и темныя стороны общества. Напротивъ, вездѣ, въ противоположность извергамъ, негодьямъ, плутамъ и ханжамъ, изображаются лица, принадлежащія къ однимъ сословіямъ и занимающія въ обществѣ одинаковое положеніе съ первыми, но честныя, благородныя, щедрыя и набожныя. Говорятъ, что типы честныхъ людей удаются хуже, чѣмъ типы негодяевъ; *это отчасти справедливо*; но еще справедливѣе то, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ художественнаго достоинства, пишутся не съ художественною цѣлью, а потому должно судить о нихъ не по выполненію, а по намѣренію“. Мы замѣтимъ на это, что если произведеніе, претендующее принадлежать къ области искусства, не заслуживаетъ никакого вниманія по выполненію, то оно не стоитъ никакого вниманія и по намѣренію, какъ бы ни было оно похвально, потому что такое произведеніе уже нисколько не будетъ принадлежать къ области искусства. Истиннымъ художникамъ равно удаются типы и негодяевъ, и порядочныхъ людей; когда же мы находимъ въ романѣ удачными только типы негодяевъ и неудачными типы порядочныхъ людей, это явный знакъ, что или авторъ взялся не за свое дѣло, вышелъ изъ своихъ средствъ, изъ предѣловъ своего таланта и слѣдовательно погрѣшилъ противъ основныхъ законовъ искусства, т.-е. выдумывалъ, писалъ и натягивалъ риторически тамъ, гдѣ надо было творить; или что онъ безъ всякой нужды, вопреки внутреннему смыслу своего произведенія, только по внѣшнему требованію морали ввелъ въ свой романъ эти лица, и слѣдовательно опять погрѣшилъ противъ основныхъ законовъ искусства. Вотъ то-то и есть: хлопотуть о чистомъ искусствѣ, и первые не понимаютъ его; нападаютъ на искусство, служащее постороннимъ цѣлямъ, и первые требуютъ, чтобы оно служило постороннимъ цѣлямъ, т.-е. оправдывало бы теоріи и си-

¹⁾ „Тѣ, къ которымъ принадлежитъ нашъ критикъ“.

стемы нравственныя и соціальныя. Творчество, по своей сущности, требует безусловной свободы въ выборѣ предметовъ не только отъ критиковъ, но и отъ самого художника. Ни ему никто не въ правѣ задавать сюжетовъ, ни онъ самъ не въ правѣ направлять себя въ этомъ отношеніи. Онъ можетъ имѣть определенное направленіе, но оно у него только тогда можетъ быть истинно, когда, безъ усилія, свободно сходится съ его талантомъ, его натурою, инстинктами и стремленіемъ. Онъ изобразилъ вамъ порокъ, развратъ, пошлость: судите, вѣрно ли, хорошо ли онъ сдѣлалъ *это*; а не толкуйте, зачѣмъ онъ сдѣлалъ *это*, а не *другое*, или вмѣстѣ съ *этимъ* не сдѣлалъ и *другого*. Говорятъ: что это за направленіе—изображать одно низкое и пошлое? А почему бы не такъ? Одинъ живописецъ прославился изображеніемъ вообще животныхъ; другой только коровъ или лошадей, третій—кухонныхъ припасовъ, и каждый изъ нихъ только этимъ и занимался всю жизнь, и никого изъ нихъ не обвиняли за это, а въ области поэзіи отнимаютъ у художника это право. То, скажутъ, живопись, а то поэзія. Но вѣдь то и другое, несмотря на все ихъ различіе, равно искусство, а основные законы искусства—одни и тѣ же во всѣхъ искусствахъ. Не вѣрю я эстетическому чувству и вкусу тѣхъ людей, которые съ удивленіемъ останавливаются передъ Мадонною Рафаэля и съ презрѣніемъ отворачиваются отъ картинъ Тенъера, говоря: „это проза жизни, пошлость, грязь“; но такъ же точно не вѣрю я и эстетическому смыслу тѣхъ, которые съ нѣкоторою ироническою улыбкою посматриваютъ на Мадонну Рафаэля, говоря: это идеалы, то, чего нѣтъ въ натурѣ! и съ умиленіемъ смотрятъ на картины Тенъера, говоря: вотъ натура, вотъ истина, вотъ дѣйствительность! Для этихъ людей не существуетъ искусства; новая форма—и они не узнаютъ его, какъ маленькія дѣти не узнаютъ знакомаго имъ человѣка, потому только, что онъ на сюртукъ надѣлъ шинель, въ которой они никогда его не видали. Имъ не растолкуешь, что Мадонну и сцены мужиковъ, какъ ни различны эти явленія, произвелъ одинъ и тотъ же духъ искусства, что Рафаэль и Теньеръ—оба художника и оба нашли содержаніе своихъ произведеній въ той же дѣйствительности, безконечно разнообразной и всегда единой, какъ разнообразна и едина природа, какъ разнообразно и едино существо человѣка! А сколько такихъ людей на бѣломъ свѣтѣ! По крайней мѣрѣ мнѣ не разъ случалось встрѣчать такихъ тонкихъ знатоковъ и цѣнителей искусства. Одни изъ нихъ отрицаютъ всякій талантъ въ Гоголѣ, и когда такому господину намекнешь, что это отъ

отсутствія эстетическаго чувства, онъ сейчасъ съ торжествомъ возразитъ: отчего же я понимаю Пушкина и восхищаюсь имъ? Другіе не признаютъ особеннаго таланта въ Пушкинѣ, на томъ основаніи, что имъ очень нравится Гоголь. Это значитъ только, что ни тѣ, ни другіе не понимаютъ ни Пушкина, ни Гоголя, и восхищаются въ нихъ вовсе не тѣмъ, что составляетъ сущность и красоту ихъ твореній. Одинъ писатель риторической школы ¹⁾ печатно объявилъ, что если бы ему нужно было выѣхать изъ Россіи и взять съ собою только лучшее изъ русской литературы, онъ взялъ бы только басни Крылова и *Горе отъ Ума* Грибоѣдова. Какъ выраженіе личнаго, частнаго вкуса, это было бы справедливо и основательно; но какъ взглядъ на искусство вообще, это ложь, это все равно какъ если бы кто, любя березу больше всѣхъ другихъ деревьевъ, сталъ доказывать, что дубъ—дерево некрасивое и дрянное.

Самое сильное и тяжелое обвиненіе, которыми писатели риторической школы думаютъ окончательно уничтожить Гоголя, состоитъ въ томъ, что лица, которыя онъ обыкновенно выводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, оскорбляютъ общество. Въ этомъ съ ними совершенно согласились и [славянофилы] ²⁾, только больше въ отношеніи къ натуральной школѣ, нежели къ Гоголю; первую они нещадно бранятъ за это, а насчетъ Гоголя только изъявляютъ сожалѣніе, что онъ не рисуетъ искупительныхъ лицъ. Подобное обвиненіе больше всего показываетъ незрѣлость нашего общественнаго образованія. Въ странахъ, упредившихъ насъ развитіемъ цѣлыхъ вѣковъ, и понятія не имѣютъ о возможности подобнаго обвиненія. Никто не скажетъ, чтобы англичане не были ревнивы къ своей національной чести; напротивъ, едва ли есть другой народъ, въ которомъ національный эгоизмъ доходилъ бы до такихъ крайностей, какъ у англичанъ. И между тѣмъ, они любятъ своего Гогарта, который изображалъ *только* пороки, развратъ, злоупотребленія и пошлость англійскаго общества его времени. И ни одинъ англичанинъ не скажетъ, что Гогартъ оклеветалъ Англію, что онъ не видѣлъ и не признавалъ въ ней ничего человѣческаго, благороднаго, возвышеннаго и прекраснаго. Англичане понимаютъ, что талантъ имѣетъ полное и святое право быть одностороннимъ, и что онъ можетъ быть великимъ въ самой односторонности. Съ другой стороны, они такъ глубоко чувствуютъ и сознаютъ свое національное величіе, что нисколько не боятся, чтобы ему могло повредить обноро-

¹⁾ Булгаринъ.

²⁾ „наши московскіе противники“

дованіе недостатковъ и темныхъ сторонъ англійскаго общества. Но и мы можемъ жаловаться только на незрѣлость общественнаго образованія, а не на отсутствіе въ нашемъ обществѣ чувства своего національнаго достоинства: это доказывается тѣмъ фактомъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что, несмотря на ребяческіе возгласы невопадъ усердныхъ патріотовъ, произведенія Гоголя въ короткое время получили на Руси народность¹⁾. Ихъ не читаютъ только тѣ, которые ничего не читаютъ; а *Ревизора* знаютъ многіе и изъ тѣхъ, которые вовсе не знаютъ грамоты. Успѣхъ натуральной школы есть тоже фактъ, подтверждающій ту же истину. И оно такъ должно быть: чѣмъ сильнѣе человѣкъ, чѣмъ выше онъ нравственно, тѣмъ смѣлѣе онъ смотритъ на свои слабыя стороны и недостатки. Еще болѣе можно сказать это о народахъ, которые живутъ не человѣческій вѣкъ, а цѣлые вѣка. Народъ слабый, ничтожный или состарѣвшійся, изжившій всю жизнь свою до невозможности идти впередъ, любить только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: онъ знаетъ, что онѣ смертельны, что его дѣйствительность не представляетъ ему ничего отраднаго, и что только въ обманѣ самого себя можетъ онъ находить тѣ ложныя утѣшенія, до которыхъ такъ падки слабые и дряхлые. Таковы, на примѣръ, китайцы или персіяне: послушать ихъ, такъ лучше ихъ нѣтъ народа въ мірѣ и всѣ другіе народы передъ ними—ослы и негодяи. Не таковъ долженъ быть народъ великій, полный силъ и жизни; сознаніе своихъ недостатковъ вмѣсто того, чтобы приводить его въ отчаяніе и повергать въ сомнѣнія о своихъ силахъ, даетъ ему новыя силы, окрыляетъ его въ новую дѣятельность. Вотъ почему первый нашъ свѣтскій писатель былъ сатирикъ, и съ легкой руки его сатира постоянно шла объ руку съ другими родами литературы. Лирикъ Державинъ, воспѣвавшій величіе Россіи, былъ въ то же время и сатирикомъ, и его оды къ *Фелицѣ*, его *Вельможа* принадлежатъ къ лучшимъ и оригинальнѣйшимъ его произведеніямъ. Здѣсь мы не можемъ не упомянуть о просвѣщенномъ и благотѣльномъ покровительствѣ, которымъ наше правительство всегда ободряло сатиру: оно допустило къ представленію и *Недоросля*, и *Ябеду*, и *Горе отъ ума*, и *Ревизора*²⁾. И наше общество было достойно своего правительства; за исключеніемъ второй изъ этихъ комедій, слабой по выполненію, всѣ другія

въ короткое время сдѣлались народными драматическими пьесами...

На чемъ основаны доказательства противниковъ и почитателей Гоголя, что его произведенія оскорбительны для русскаго имени? На томъ только—и больше ни на чемъ—что, читая ихъ, каждый убѣдится, что въ Россіи нѣтъ порядочныхъ людей. Мы вполнѣ согласны, что точно найдется не мало людей, способныхъ вывести изъ сочиненій Гоголя такое оригинальное слѣдствіе; но гдѣ же нѣтъ такихъ простодушныхъ читателей, которые далѣе буквального смысла книги ничего въ ней не видятъ, и неужели по нимъ должно судить о всей русской публикѣ, и только соображаясь съ ихъ ограниченностью должна дѣйствовать литература? Напротивъ, намъ кажется, о вихъ она всего менѣе должна заботиться. Есть люди, для которыхъ литература и наука, просвѣщеніе и образованіе дѣйствительно только вредны, а не полезны, потому что сбиваютъ ихъ съ послѣдняго остатка здраваго смысла, скупо удѣленнаго имъ природою; неужели же для вихъ уничтожить литературу и науку, просвѣщеніе и образованіе? Подобное предположеніе нелѣпо уже по одному тому, что такіе люди находятся въ рѣшительномъ меньшинствѣ, и что литература и наука оказываютъ благотѣльное вліяніе не на однѣ избранныя натуры, но на всю массу общества. Намъ скажутъ, что не одни ограниченные люди видятъ въ сочиненіяхъ Гоголя оскорбленіе русскому обществу. Положимъ такъ: но мнѣніе-то это, кому бы ни принадлежало оно, всегда будетъ ограниченнымъ. Писатель выведетъ въ повѣсти пьяницу, а читатель скажетъ: можно ли такъ позорить Россію? будто въ ней все одни пьяницы? Положимъ, этотъ читатель умный, даже очень умный человѣкъ; да слѣдствіе-то, которое онъ вывелъ изъ повѣсти, нелѣпо. Намъ скажутъ, что искусство обобщаетъ частныя явленія, и что оно уже не искусство, если представляетъ явленія случайныя. Правда; но вѣдь общество, и особливо народъ, заключаетъ въ себѣ множество сторонъ, которыя не только повѣсть, цѣлая литература никогда не исчерпаетъ. Критикъ Москвитянина особенно обидѣлся повѣстью *Деревня*. „Въ ней (говоритъ онъ) собрано и ярко выставлено все, что можно было найти въ нравахъ крестьянъ грубаго, оскорбительнаго и жестокаго. Но поражаютъ не частности, а глубокая безчувственность и совершенное отсутствіе нравственнаго смысла въ цѣломъ быту. Ни состраданія, ни раская-

¹⁾ См. т. I, стр. 4.

²⁾ Повтореніе мысли кн. Вяземскаго, который еще десятью годами ранѣе писалъ (въ „Современникѣ“ 1836 г.), что правительство, „силою закона

поражая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки: въ 1783 году оно допустило представленіе *Недоросля*, въ 1799 году *Ябеды*, а въ 1836 году *Ревизора*“.

нія, ни стыда, ни страха, ни даже животной привязанности между единокровными, авторъ ничего не нашелъ въ русской деревнѣ. Можетъ быть, вы подумаете, что она представляется ему въ томъ состояніи первобытной дикости, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предшествуетъ пробужденію нравственнаго сознанія и, слѣдовательно, допускаетъ развитіе; но вы ошибетесь; въ сквернословіи крестьянъ авторъ подслушалъ какую-то иронію надъ попорченнымъ чувствомъ, признакъ не дикости, а растлѣнія; имена отца, матери, слова молитвы произносятся безпрестанно, но безотзывно; ими играютъ безъ содроганія; они какъ будто выдуманы для другихъ людей, а не для жалкаго племени, утратившаго всякое подобіе съ человѣкомъ. У! какъ сильно! Только справедливо ли? Содержаніе повѣсти *Деревня* состоитъ въ томъ, что бѣдную, загнанную сиротку, по проискамъ плута-старосты, господу выдали замужъ за негодяя, въ дурную семью. Что же критикъ Москвитянина думаетъ, что въ деревняхъ нѣтъ негодяевъ, нѣтъ дурныхъ семействъ? Или онъ думаетъ, что изобразить негодяя или дурное семейство значить доказать, что въ русскихъ деревняхъ все негодяи и дурныя семейства? Надо согласиться, что нашъ критикъ очень щедръ въ раздачѣ другимъ разныхъ дурныхъ цѣлей и намѣреній, но, къ счастью, вовсе невпопадъ. Въ повѣсти *Деревня* г. Григоровичъ изобразилъ деревню именно въ томъ видѣ, какъ это говоритъ критикъ Москвитянина, хотя и не съ тою цѣлію, не съ тою мыслию, которая онъ такъ великодушно ему приписываетъ. Въ нравахъ этой *Деревни* дѣйствительно только грубое и жестокое, и нѣтъ даже „животной привязанности между единокровными“. Но вотъ тотъ же самый г. Григоровичъ, который написалъ *Деревню*, предлагаетъ читателямъ въ этой книжкѣ Современника новую свою повѣсть¹⁾, въ которой на сценѣ опять деревня и которой герой—русскій крестьянинъ, но уже вовсе не въ родѣ мужа Акулины, а человѣкъ добрый, который по-своему, нѣжно, человѣчески любитъ своего племянника, свою жену и обращается съ ними по-человѣчески. Слѣдуетъ ли же изъ этого, что г. Григоровичъ видитъ въ русской деревнѣ только дикость и звѣрство въ семейныхъ отношеніяхъ? Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ совсѣмъ другое, а именно то, что въ одной повѣсти онъ взялъ одну сторону деревни, а въ другой—другую. Вы сами сказали, что въ первой повѣсти онъ выставилъ все грубое, оскорбительное и жестокое, что можно было найти въ нравахъ крестьянъ. Если это можно было

найти, значитъ, это не выдуманно, а взято съ дѣйствительности, значитъ, это истина, а не клевета. Последней тутъ нельзя искать, послѣ вашихъ собственныхъ словъ; [ее скорѣе можно искать и найти въ вашемъ усиліи обвинить Григоровича въ дурныхъ цѣляхъ и намѣреніяхъ]¹⁾. Какое вы имѣете право требовать отъ автора, чтобы онъ замѣчалъ и изображалъ не ту сторону дѣйствительности, которая сама мечется ему въ глаза, которую онъ узналъ, изучилъ, а ту, которая васъ занимаетъ? Вы въ правѣ только требовать, чтобы онъ не выдумывалъ, былъ вѣренъ изображаемой имъ дѣйствительности; а все, что есть и бываетъ, принадлежитъ ему, равно какъ и выборъ изъ всего этого. Въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* есть слѣдующее статистическое извѣстіе касательно смертности въ Россіи: „Кромѣ разницы въ численности (погибшихъ въ дракахъ), есть еще то различіе между мужчинами, женщинами и дѣтьми, что первые почти всѣ погибли въ обоюдныхъ ссорахъ и побоищахъ, часто вслѣдствіе собственной же задорливости при слабосиліи; изъ послѣднихъ женщины преимущественно были жертвами супружескихъ неудовольствій и исправительныхъ или наставительныхъ мѣръ супруговъ, кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ и онѣ пали, ратоборствуя даже иногда съ подобными же себѣ женщинами; а дѣти лишались жизни болѣе всего отъ неумѣреннаго наказанія, что называется чѣмъ попало, за шалость или проступки. Всѣ эти случаи не составляютъ убійствъ преднамѣренныхъ, и не могутъ быть не причтены къ смертности отъ неосторожности. Въ Тверской губерніи, на примѣръ, одинъ крестьянинъ, желая наказать жену за что-то, убилъ ударомъ руки бывшаго у ней на груди ребенка: что это, какъ не неосторожность? Весьма похожая на эту смерть постигла одного шестнадцатимѣсячнаго ребенка въ Полтавской губерніи, а въ Курской случилось точь-въ-точь подобное происшествіе“. Такого рода официальное извѣстіе можетъ быть до нѣкоторой степени указателемъ нравовъ простого народа. Что случается часто или нерѣдко, то не есть явленіе случайное, исключительное и можетъ служить матеріаломъ для художественнаго произведенія, но отнюдь не можетъ быть принято за всеобщее явленіе, исключющее всѣ противоположныя, и служить позоромъ обществу или народу. Такъ на примѣръ, всѣмъ извѣстно, что, кромѣ Россіи, нигдѣ нѣтъ обыкновенія париться въ жаркой банѣ, слѣдовательно нигдѣ же, кромѣ Россіи, не можетъ быть и примѣровъ

¹⁾ „Антонъ Горемыка“

¹⁾ „а въ вашемъ усиліи навязать г. Григоровичу дурныя цѣли и намѣренія мы искать ее не станемъ“...

смерти отъ запариванія. Но слѣдуетъ ли скрывать такіе факты изъ боязни какого-то нареканія на народъ? Это случается въ народѣ, но кто же скажетъ, что весь русскій народъ какъ дорвется до полка, такъ и запарится сейчасъ же? Крайняя степень всякаго зла тѣмъ еще и выносима, что обрушивается ¹⁾ всегда на меньшинствѣ, слѣдовательно, если и можетъ принадлежать тому или другому обществу, то никогда не можетъ послужить обвиненіемъ всему обществу.

Но обратимся исключительно къ критику Москвитянина и разберемъ его мнѣніе о Гоголѣ и натуральной школѣ. „Гоголь (говоритъ онъ) первый дерзнулъ ввести изображеніе пошлаго въ область искусства“. Неправда. Литература наша началась не съ Гоголя, а между тѣмъ именно началась попыткой ввести изображеніе пошлаго въ область искусства. Вспомните Кантемира. Съ тѣхъ поръ, какъ мы замѣтили это выше, литература наша не оставляла вовсе этого направленія. Въ немъ блистательно отличился Фонвизинъ: оно отразилось во многихъ лучшихъ созданіяхъ Державина. Пушкинъ началъ писать своего (неоконченнаго, впрочемъ) *Арана Петра Великаго*, когда еще имени Гоголя не появлялось въ печати. При этомъ не мѣшаетъ вспомнить не только *Графа Нулина*, всего посвященнаго изображенію пошлости, но *Евгенія Онегина*, въ которомъ изображеніе пошлости играетъ не послѣднюю роль. Гоголь только пошелъ далѣе всѣхъ въ томъ, что критикъ Москвитянина разумѣетъ подъ выраженіемъ: изображеніе пошлости, и что, по нашему мнѣнію, справедливѣе называть изображеніемъ дѣйствительности, какъ она есть, во всей ея полнотѣ и истинѣ. Въ этомъ отношеніи Гоголь дѣйствительно сталъ такъ выше всѣхъ другихъ писателей русскихъ, обнаружилъ въ своей манерѣ столько самобытности и оригинальности, что сталъ основателемъ новой литературной школы, хотѣлъ ли онъ этого или нѣтъ—все равно. Но пойдемъ далѣе за нашимъ критикомъ. „На то нуженъ былъ его геній. Въ этотъ глухой, безцвѣтный міръ, безъ грома и безъ потрясеній, неподвижный и ровный, какъ бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее въ себя все живое и свѣжее, въ этотъ міръ высоко поэтический самымъ отсутствіемъ всего идеальнаго (?), онъ первый опустился какъ рудокопъ, почуявшій подъ землею еще нетронутую силу. Съ его стороны это было не одно счастливое внушеніе художественнаго инстинкта, но сознательный подвигъ цѣлой жизни, выраженіе личной потребности внутренняго очищенія. Подъ изображеніемъ

дѣйствительности, поразительно истиннымъ, скрывалась душевная скорбная исповѣдь. Отъ этого произошла *односторонность* его послѣднихъ произведеній, *которыхъ однако нельзя назвать односторонними* (!) именно потому, что вмѣстѣ съ содержаніемъ художникъ передаетъ свою мысль, свое побужденіе (?!...). Оно такъ необходимо для полноты впечатлѣнія, такъ нераздѣльно съ художественнымъ достоинствомъ его произведеній, что литературный подвигъ Гоголя только въ этомъ смыслѣ и могъ совершиться (???...). Ни страсть къ наблюденіямъ, ни благородное негодованіе на пороки и вообще никакое побужденіе, какъ бы съ виду оно ни было безкорыстно, но допускающее въ душѣ художника чувство личнаго превосходства, не дало бы на него ни права, ни силъ (?). Нужно было породниться душою съ той жизнію и съ тѣми людьми, отъ которыхъ отворачиваются съ презрѣніемъ, нужно было почувствовать въ себѣ самомъ ихъ слабости, пороки и пошлость, чтобы въ нихъ же почувствовать присутствіе человѣческаго. Кто съ этимъ не согласенъ, или кто иначе понимаетъ внутренній смыслъ произведеній Гоголя, съ тѣмъ мы не можемъ спорить—это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые рѣшаются безъ апелляціи въ глубинѣ сознанія“.

Мы и не споримъ, потому что спорить можно только противъ того, съ чѣмъ бываешь не согласенъ, но что, въ то же время, хорошо понимаешь; а въ этой выпискѣ, признаемся, мы почти ничего не поняли. Почему міръ, изображенный Гоголемъ, высоко поэтиченъ самымъ отсутствіемъ всего идеальнаго? Почему послѣднія произведенія Гоголя односторонни, однакожъ ихъ не позволяется называть односторонними на томъ основаніи, что вмѣстѣ съ содержаніемъ художникъ передаетъ свою мысль, свое побужденіе? Воля ваша—темно что-то, мистицизмомъ отзывается! Ничего не понимаемъ! Что значитъ „вмѣстѣ съ содержаніемъ передавать свою мысль“? Да въ искусствѣ иначе мысль и не передается, какъ черезъ содержаніе и форму; это дѣлали всѣ художники и до Гоголя, и будутъ дѣлать послѣ него, потому что въ этомъ сущность искусства. Почему Гоголь открылъ міръ пошлости не вслѣдствіе своей художнической природы, своего художническаго призванія, а вслѣдствіе „личной потребности внутренняго очищенія“? Да это пахнетъ умилительною средне-вѣковскою легендою, чѣмъ-то въ родѣ баллады *Двадцать спящихъ дней*! Еще разъ—ничего не понимаемъ! И потому, оставивъ въ покоѣ этотъ великолѣпный наборъ громкихъ словъ и таинственныхъ фразъ, перейдемъ къ натуральной школѣ, которая

¹⁾ Быть можетъ, опечатка: „обнаруживается“.

въ глазахъ нашего критика безъ вины виновата передъ Гоголемъ тѣмъ, что пошла по пути, который онъ ей самъ указалъ.

Первая ея вина та, что она переняла у Гоголя только его односторонность, т.-е. взяла у него одно содержаніе, изъ чего неоспоримо слѣдуетъ, что односторонность есть содержаніе, а содержаніе есть односторонность. Но пусть будетъ такъ. Вторая вина ея та, что она подражаетъ Гоголю во всемъ, даже въ опредѣленіи людей по бородавкѣ на носу, по цвѣту жилета и т. п. Но направленіе натуральная школа заимствовала не у Гоголя, а у новѣйшей французской литературы, и это направленіе есть — „кариатура и клевета на дѣйствительность, понятая какъ исправительное средство“. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика новѣйшей французской литературы и ея сравненіе съ ловкимъ приказчикомъ, который „поддѣлываясь подъ вкусъ публики и соблазняя ее яркими красками, заманиваетъ къ себѣ въ лавку толпу покупателей, отбиваетъ ихъ отъ сосѣдняго продавца и помогаетъ своему господину (т.-е. хозяину) сбывать товаръ, иными словами: вербовать послѣдователей“. Сравненіе очень вѣрно: всякое изящное произведеніе съ социальнымъ направленіемъ есть, во-первыхъ, непременно французское, хотя бы написано было, напримѣръ, Диккенсомъ; во-вторыхъ, вербовать послѣдователей значитъ торговать, а торговать значитъ — набирать послѣдователей. Противъ этого нечего сказать, кромѣ развѣ того, что писатели риторической школы дадутъ большого маха, если, собственными словами нашего критика, не докажутъ, что Гоголь заимствовалъ свое направленіе у новѣйшей французской литературы. Это имъ будетъ тѣмъ легче сдѣлать, что они, подобно намъ, вѣроятно, не вѣрятъ мистическому увѣренію, будто Гоголь открылъ міръ пошлости вслѣдствіе личной потребности внутренняго очищенія, чѣмъ и отличился рѣзко и отъ новѣйшей французской литературы и отъ русской натуральной школы, подражающей ему. Но далѣе: новѣйшая французская литература приняла въ себя, какъ основное двигательное начало — одушевленіе страсти, какъ цѣль — возбужденіе страсти; а страсть, по мнѣнію нашего критика, оскверняетъ все то, во что ее вмѣшиваютъ. Мы думали доселѣ, что, напротивъ, страсть есть источникъ всякой живой, плодотворной дѣятельности, что ею сдѣлано все великое и прекрасное, и что зло не въ страсти вообще, а въ дурныхъ страстяхъ; но что безъ страстей вообще житейское море такъ же бы чуждо было всякаго движенія, какъ водяное море безъ вѣтровъ. Иные люди нападаютъ на страсти оттого именно, что сами слиш-

комъ страстны, что устали и измучились волненіемъ страстей. Другіе же потому, что вовсе ихъ не знаютъ и сами не вѣдаютъ, за что на нихъ сердятся. Всякіе бываютъ люди и всякія страсти. У иного, напримѣръ, всю страсть, весь пафосъ его природы составляетъ холодная злость, и онъ только тогда и бываетъ уменъ, талантливъ и даже здоровъ, когда кусается.

Итакъ, это дѣло рѣшенное, не подлежащее никакому сомнѣнію, что сущность новѣйшей французской литературы — „клевета на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенная для поощренія къ совершенствованію“. „Стремленіе (прибавляетъ нашъ критикъ) въ основѣ своей благородное, похвальное, но сознание ложно и потому бесплодное“. Однакожь, не думайте, чтобы натуральная школа ужъ ничѣмъ не отличалась отъ французской литературы: у нея содержаніе свое національное, разработанное Гоголемъ. Что за путаница! Какъ истина-то, противъ воли нашего критика, сама пробивается наружу сквозь непроходимую чащу умышленно [наплетенныхъ клеветъ, съ благородной цѣлью если не исправить своихъ литературныхъ противниковъ, то хоть насолить имъ!]¹⁾. Какъ ни припутывается онъ къ натуральной школѣ французскую словесность, а все-таки только одинъ Гоголь является въ прямомъ отношеніи къ ней. Какъ ни бились мы, чтобы понять, чѣмъ, по мнѣнію нашего критика, разнится натуральная школа отъ Гоголя, а поняли въ его словахъ только то, что давно хорошо понимали и безъ него, т.-е. что Гоголь далеко выше всѣхъ своихъ послѣдователей. Значитъ: преступленіе натуральной школы состоитъ только въ томъ, что таланты ея представителей ниже таланта Гоголя. Да, это вина! Мы пропускаемъ юмористическую характеристику натуральной школы, сдѣланную критикомъ Москвитянина съ цѣлю показать всю ничтожность, пустоту и пошлость натуральной школы. Въ этой характеристикѣ онъ обнаружилъ бездну того остроумія, которое такъ и блещетъ въ его сравненіи французской социальной литературы съ лавкою приказчика. Онъ говоритъ, что произведенія натуральной школы — пародіи на созданные Гоголемъ типы, карикатуры и клевета на дѣйствительность, что ея приемы всегда одни и тѣ же, характеры блѣдны и безцвѣтны, интрига завязывается слабымъ узломъ, такъ что всякій рассказъ можно на любомъ мѣстѣ прервать и также тянуть до безконечности, и что всѣмъ этимъ достигается побочная цѣль, а именно: наводится нестерпимая скука

¹⁾ „натянутыхъ ложныхъ обвиненій“...

на читателя. Далѣе онъ говоритъ положительно, что вліяніе натуральной школы безвредно, потому что ничтожно. Эта мысль даже повторена; въ другомъ мѣстѣ критикъ говоритъ, что писатели нелюбимой имъ школы впали въ односторонность „именно потому, что у насъ односторонность невинна и безопасна, что самое направленіе есть плодъ подражанія, а не дѣйствительныхъ потребностей общества, и потому забавляетъ его или наводитъ на него скуку, не задѣвая за живое“. Наконецъ, что натуральная школа не поддержана ни однимъ сильнымъ талантомъ, что ей не поддался ни одинъ даже второклассный талантъ, и что она должна исчезнуть такъ же скоро и случайно, какъ она возникла.

Положимъ, все это справедливо; но въ такомъ случаѣ, изъ чего же вы горячитесь, зачѣмъ безпрестанно пишете о натуральной школѣ, ни на минуту не сводите съ нея вашего тревожнаго вниманія, посвящаете ей цѣлыя длинныя статьи, похожія на горькія жалобы [если еще не на что-то худшее?..]. Воля ваша, а тутъ есть странное противорѣчіе, которое можно объяснить только развѣ тѣмъ, что къ этому вопросу примѣшалась та страсть, которой вліяніе критикъ находитъ столь дурнымъ. Стоитъ ли толковать о пустякахъ, о вздорѣ,—словомъ, о литературныхъ произведеніяхъ, которыя клеветаютъ на общество, даже не по злонамѣренности, напротивъ, съ добрымъ и благороднымъ намѣреніемъ (стр. 204—205), а потому, что они не самобытны, а наполовину подражаютъ Гоголю, перенимая его односторонность и недостатокъ, наполовину новѣйшей французской литературѣ, перенимая у ней преувеличенія и недобросовѣстное искаженіе дѣйствительности, о литературныхъ произведеніяхъ, чуждыхъ всякаго достоинства, не ознаменованныхъ талантомъ, способныхъ наводить только скуку, и по тому самому безвредныхъ и ничтожныхъ, несмотря на ложное ихъ направленіе? Но если уже нашъ критикъ позволилъ себѣ сдѣлать такую несообразность, впасть въ такое противорѣчіе съ самимъ собою, несмотря на всю нелюбовь его къ подобнымъ противорѣчіямъ по крайней мѣрѣ въ другихъ, онъ все же бы долженъ былъ представить хоть какія-нибудь доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія, вмѣсто того, чтобы ограничиться только изложеніемъ своего мнѣнія. Нѣтъ ничего легче, какъ доказывать общими положеніями безъ примѣненій ихъ къ подробностямъ обсуживаемаго предмета. Этакъ легко доказать, что не только натуральная школа, но и любая литература нигде не годится; но подобная манера доказывать убѣдительна только для доказываю-

щаго, больше ни для кого. Правда, критикъ сослался на три произведенія натуральной школы: *Деревию*, *Родственники* и *Помѣщикъ*; но, во-первыхъ, натуральная школа состоитъ не изъ трехъ же только этихъ произведеній, а во-вторыхъ, онъ только называлъ ихъ дурными, не приведя никакихъ доказательствъ, вѣроятно, думая, что ему стоитъ только сказать то или другое, чтобы ему все повѣрили безусловно. Правда, онъ распространился о *Деревиѣ*, но изъ его диктаторскихъ возгласовъ противъ этой повѣсти видно только то, что ему не нравится ея направленіе, а не то, чтобы оно дѣйствительно было дурно. Нѣтъ, если онъ хотѣлъ, почему бы то ни было, уничтожить натуральную школу, ему бы слѣдовало, оставивъ въ сторонѣ ея направленіе, ея, какъ онъ вѣжливо выражается, клеветы на общество, разобрать главныя ея произведенія на основаніи эстетической критики, чтобы показать, какъ мало или какъ вовсе не соответствуютъ они основнымъ требованіямъ искусства. Тогда уже и ихъ направленіе само собою уничтожилось бы, потому что когда произведеніе, претендующее принадлежать къ области искусства, не выполняетъ его требованій, тогда оно ложно, мертво, скучно, и не спасетъ его никакое направленіе. Искусство можетъ быть органомъ извѣстныхъ идей и направленій, но только тогда, когда оно—прежде всего искусство. Иначе его произведенія будутъ мертвыми аллегоріями, холодными диссертациями, а не живымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Тѣмъ болѣе обязанъ былъ сдѣлать это нашъ критикъ, что онъ особенно заботится о чистомъ искусствѣ, объ искусствѣ, какъ искусство. Но онъ предпочелъ упомянуть, и то вскользь, о трехъ только произведеніяхъ натуральной школы, а обо всѣхъ другихъ умалчиваетъ и, кромѣ г. Григоровича, не называлъ по имени ни одного изъ ея представителей.

На все на это были у него свои причины. Онъ, вѣроятно, чувствовалъ, что, пустившись въ настоящую критику произведеній натуральной школы, онъ принужденъ былъ бы найти въ ней что-нибудь и хорошее, что было вовсе несообразно съ его намѣреніемъ; потомъ онъ не могъ бы избѣжать выписокъ, а онѣ могли бы доказывать совершенно противное его доказательствамъ. Называя по именамъ писателей натуральной школы, онъ этимъ показывалъ бы, что не шутитъ своимъ дѣломъ и не смотритъ на отношенія, въ которыя могла бы его поставить его откровенность ко столькимъ лицамъ. Гораздо спокойнѣе было ему назвать только одного, да намекнуть еще на двухъ: остальные не въ правѣ считать себя въ числѣ подпавшихъ его нападкамъ: при случаѣ

можно сказать имъ, что онъ не относитъ ихъ къ натуральной школѣ. Но подобныя недоговорки и уклончивость никогда не разъясняютъ дѣла, а только усиливаютъ и усложняютъ недоразумѣнія, и потому мы просимъ нашего критика отвѣтить намъ прямо и откровенно: неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ не видитъ никакого таланта, не признаетъ никакой заслуги въ такихъ писателяхъ, каковы наиримѣръ: Луганскій (Даль), авторъ *Тарантаса*, авторъ повѣсти *Кто виноватъ?*, авторъ *Бѣдныхъ Людей*, авторъ *Обыкновенной исторіи*, авторъ *Записокъ Охотника*, авторъ *Последняго Визита*¹⁾, о которыхъ онъ не почелъ за нужное упомянуть? Потомъ: неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ ни во что ставитъ успѣхъ произведеній натуральной школы или думаетъ увѣрить насъ, что онъ его не видитъ и не признаетъ? Какіе журналы пользуются наибольшимъ успѣхомъ, если не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы, и которыхъ направленіе совпадаетъ съ направленіемъ этой школы? Скажемъ больше: безъ этихъ произведеній натуральной школы теперь невозможенъ успѣхъ никакого журнала. Или критикъ нашъ не шутя считаетъ русскую публику до сихъ поръ несовершеннѣе, какимъ-то недорослемъ, который шагу не можетъ сдѣлать безъ критическихъ нянекъ, и потому поневолѣ допускаетъ ихъ сбивать его съ толку, направляя то въ ту, то въ другую сторону? Это дѣйствительно было въ эпоху безусловной вѣры въ имена и авторитеты; но этого давно уже нѣтъ. Критика, слава Богу, давно уже изъ журналовъ перешла въ публику, сдѣлалась общественнымъ мнѣніемъ. Судьба книги или какого-нибудь литературнаго произведенія уже давно не зависитъ отъ произвола всякаго, кто только вздумаетъ ее поднять или уронить. Монополіи критическихъ теперь нѣтъ, потому что у всякаго журнала свое мнѣніе, и что хвалитъ одинъ, то бранитъ другой. Но обратимся къ фактамъ. Пушкинъ былъ встрѣченъ и восторженными похвалами и ожесточенной бранью: неужели же наша публика признала его великимъ національнымъ поэтомъ только потому, что его хвалители перекричали его порицателей? Нужно ли говорить, что съ перваго появленія Гоголя на литературное поприще до сей минуты его постоянно преслѣдуетъ одна литературная партія, что самыя рѣшительныя нападки на него раздавались изъ журнала, имѣвшаго обширный кругъ читателей [и доселѣ раздаются изъ газеты тоже пользу-

щейся большимъ расходомъ?]¹⁾ Неужели же опять необыкновенный и быстрый успѣхъ сочиненій Гоголя произошелъ оттого, что, какъ увѣряетъ одна газета, его хвалители кричали громче всѣхъ? Лермонтовъ дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ какихъ-нибудь четыре года, и умеръ прежде, неужели талантъ его успѣлъ вполнѣ развиться, а между тѣмъ, во мнѣніи публики онъ еще при жизни своей сталъ въ ряду первоклассныхъ знаменитостей русской литературы: неужели и это опять дѣло литературной партіи? А публика тутъ что же? Какая, подумаешь, сговорчивая публика! Но почему же наши противники съ обѣихъ сторонъ не могли увѣрить ее ни въ ничтожности прославляемыхъ нами литературныхъ именъ, ни въ великости талантовъ и заслугъ писателей своихъ партій? Вѣдь если дѣло пойдетъ на громкость голоса, рѣзкость выраженій и рѣшительность приговоровъ, наши противники едва ли уступятъ намъ въ этомъ, но, вѣроятно, еще и далеко превзойдутъ насъ... Но риторическая школа, нападая на натуральную, по крайней мѣрѣ, противопоставляетъ, хотя и безъ успѣха, ея писателямъ и произведеніямъ своихъ писателей и свои произведенія, [но господа славянофилы]²⁾ не могутъ сдѣлать и этого. А между тѣмъ, самымъ простымъ, законнымъ, справедливымъ и дѣйствительнымъ средствомъ уничтожить натуральную школу и дать настоящее направленіе вкусу публики было бы для нихъ—противопоставить ея писателямъ своихъ писателей, ея произведеніямъ—свои произведенія... Что же мѣшаетъ имъ сдѣлать это? Они впрочемъ это и дѣлаютъ время отъ времени, понемножку и помаленьку: то напечатаютъ повѣсть, которой никто, кромѣ ихъ, читать не можетъ и не хочетъ, то стихотвореніе въ родѣ „свѣтикалуны“, въ народномъ тонѣ котораго виденъ баринъ, неловко костюмировавшійся крестьяниномъ... Бѣдные!..

Но мы еще не упомянули о самой главной, самой тяжелой винѣ, которая, по мнѣнію критика Москвитянина, лежитъ на натуральной школѣ. Дѣло—видите ли—въ томъ, что „она не обнаружила никакого сочувствія къ народу и такъ же легкомысленно клеветаетъ на него, какъ и на общество“!.. Вотъ ужъ этого-то обвиненія мы, признаться, не ожидали отъ [славянофиловъ]³⁾, хотя и многого другого ожидали отъ нихъ! Но защищать противъ него натуральную школу мы не намѣрены, по крайней мѣрѣ серьезно,

¹⁾ Т.-е. гр. Соллогубъ, Герценъ, Достоевскій, Гончаровъ, Тургеневъ и Кудрявцевъ („А. Неустроевъ“).

¹⁾ Намекъ на „Библіотеку для Чтенія“ и „Сѣверную Пчелу“; характеренъ здѣсь цензурный выпускъ.

²⁾ „поборники же Москвитянина“

³⁾ „нашихъ критиковъ“

потому что видимъ въ немъ [даже не клевету, а просто нелѣпость] ¹⁾. Это все равно, какъ если бы славянофиловъ обвинять въ исключительной любви къ Западу и ненависти ко всему, что носитъ въ себѣ славянскій характеръ. Въ этомъ случаѣ мы искренно жалѣемъ о критикѣ Москвитянина, что онъ не позаботился подкрѣпить ссылками на сочиненія натуральной школы и даже выписками изъ нихъ такое важное, уже не въ литературномъ, а въ нравственномъ отношеніи, обвиненіе, выставяющее въ дурномъ свѣтѣ не талантъ, а сердце его противниковъ, оскорбляющее уже не самолюбіе, а ихъ достоинство... [Да, такой со стороны его необдуманнѣйшій поступокъ возбуждаетъ въ насъ искреннее къ нему сожалѣніе...].

Положеніе натуральной школы между двумя непріязненными ей партіями поистинѣ странно: отъ одной она должна защищать Гоголя, и отъ обѣихъ—самоё себя; одна нападаетъ на нее за симпатію къ простому народу, другая нападаетъ на нее за отсутствіе къ нему всякаго сочувствія... Оставимъ въ сторонѣ разглагольствованія критика Москвитянина о народѣ, который, по его мнѣнію, „сохранилъ въ себѣ какое-то здоровое сознаніе равновѣсія между субъективными требованіями и правами дѣйствительности, сознаніе, заглушенное въ насъ одностороннимъ развитіемъ личности“, и предоставимъ ему самому разгадать таинственный смыслъ его собственныхъ словъ; а сами замѣтимъ только, что враги натуральной школы отличаются, между прочимъ, удивительною скромностію въ отношеніи къ самимъ себѣ и удивительною готовностію отдавать должную справедливость даже своимъ противникамъ. Недавно одинъ изъ нихъ, г. Хомяковъ, съ рѣдкою въ нашъ хитрый и осторожный вѣкъ наивностію, объявилъ печатно, что въ немъ чувство любви къ отечеству „невольное и прирожденное“, а у его противниковъ—„пріобрѣтенное волею и разсудкомъ, такъ сказать, наживное“ (*Моск. Сборникъ*, 1847 г., стр. 356). А вотъ теперь г. М... З... К... объявляетъ, въ пользу себя и своего литературнаго прихода, монополію на симпатію къ простому народу! Откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ? Все, что дѣлалось литераторами для споспѣшествованія развитію первоначальной образованности между народомъ, дѣлалось не ими. Укажемъ на *Сельское Чте-*

ніе, издаваемое княземъ Одоевскимъ и г. Заблоцкимъ: тамъ есть труды г. Даля, князя Одоевскаго, графа Соллогуба и другихъ литераторовъ, но ни одного изъ [славянофиловъ] ¹⁾. Знаемъ, что [гг. славянофилы] ²⁾ смотрятъ на это изданіе почему-то очень не ласково, и не высоко цѣнятъ его; но не будемъ здѣсь спорить [съ ними] о томъ, хороша или дурна эта книжка: пусть она и дурна, да дѣло въ томъ, что литературная партія, на которую они такъ нападаютъ, сдѣлала что могла для народа и тѣмъ показала свое желаніе быть ему полезною; а они, [славянофилы], ничего не сдѣлали для него. И почему думаетъ критикъ Москвитянина, что писатели натуральной школы не знаютъ народа? Сошлемся въ особенности на того же г. Даля, о которомъ мы уже упоминали: изъ его сочиненій видно, что онъ на Руси человѣкъ бывалый; воспоминанія и рассказы его относятся и къ западу и къ востоку, и къ сѣверу и къ югу, и къ границамъ и къ центру Россіи; изъ всѣхъ нашихъ писателей, не исключая и Гоголя, онъ особенное вниманіе обращаетъ на простой народъ, и видно, что онъ долго и съ участіемъ изучалъ его, знаетъ его быть до малѣйшихъ подробностей, знаетъ, чѣмъ владимірскій крестьянинъ отличается отъ тверскаго и въ отношеніи къ отѣнкамъ нравовъ, и въ отношеніи къ способамъ жизни и промысламъ. Читая его ловкіе, рѣзкіе, теплые типическіе очерки русскаго простонародья, многому отъ души смѣешься, о многомъ отъ души жалѣешь, но всегда любишь въ нихъ простой нашъ народъ, потому что всегда получаешь о немъ самое выгодное для него понятіе. И публика послѣ этого повѣритъ какому-нибудь [М... З... К..., въ продолженіе двухъ почти лѣтъ прогарцовавшему въ литературѣ двумя статейками] ³⁾, что такой писатель, какъ г. Даль, меньше его знаетъ и любитъ русскій народъ, или что онъ выставяетъ его въ карикатурѣ?.. Не думаемъ! Нападая на г. Григоровича за злостное, будто бы, представленіе крестьянскихъ нравовъ въ его повѣсти *Деревня*, критикъ Москвитянина не забылъ замѣтить, что лицо Акулины очерчено риторически и лишено естественности; а что въ самой неудавшейся попыткѣ автора повѣсти показать глубокую натуру въ загнанномъ лицѣ его героини видна его симпатія и любовь къ простому народу,—объ этомъ онъ забылъ упомянуть... [вѣроятно, по избытку безпристрастія и справедливости...].

Приступая къ статьѣ г. Бѣлинскаго, кри-

¹⁾ „ихъ круга“.

²⁾ „порицатели наши“

³⁾ „подобному критику“

¹⁾ „совершенную несправедливость“.

тикъ Москвитянина почелъ нужнымъ отрекомендовать его публикѣ не только со стороны его литературной дѣятельности, но и со стороны характера. „Г. Бѣлинскій (говорить онъ) составляетъ противоположность г. Никитенко. Онъ почти никогда не является самимъ собою и рѣдко пишетъ по свободному внушенію. Вовсе не чуждый эстетическаго чувства (чему доказательствомъ служатъ особенно прежнія статьи его), онъ какъ будто пренебрегаетъ имъ и, обладая собственнымъ капиталомъ, постоянно живетъ въ долгъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспримчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая обратилась, наконецъ, въ нормальное состояніе и помѣшала развитію его способностей“. Не знаемъ, изъ какого источника почерпнулъ критикъ Москвитянина эти любопытныя свѣдѣнія о г. Бѣлинскомъ, но только не изъ его сочиненій; всего вѣроятнѣе, что изъ сплетенъ, развозимыхъ заѣзжими посѣтителемъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ началѣ своей статьи. Оттого и сужденіе его о г. Бѣлинскомъ не имѣетъ ничего общаго съ литературнымъ отзывомъ. Если бы онъ обратился къ настоящему источнику, т.-е. къ статьямъ г. Бѣлинскаго, то едва ли бы нашелъ тамъ подтвержденіе тому, что говоритъ онъ о немъ. Повѣрить ему, такъ во всей литературной дѣятельности г. Бѣлинскаго нѣтъ никакого единства, что сегодня онъ говоритъ одно, завтра другое! Это едва ли справедливо. По крайней мѣрѣ г. Бѣлинскому не разъ случалось читать на себя нападки своихъ противниковъ за излишнее постоянство въ главныхъ пунктахъ его убѣжденій касательно многихъ предметовъ. [Вотъ ужъ сколько, напримѣръ, времени, какъ онъ говоритъ о славянофилахъ одно и то же, и можетъ положительно ручаться за себя, что никогда не измѣнится въ этомъ отношеніи. Онъ глубоко убѣжденъ, что критикъ Москвитянина—человѣкъ въполнѣ самостоятельный и родился уже готовымъ славянофиломъ, а не сдѣлался имъ вслѣдствіе несчастной воспримчивости и такой же способности понимать легко и поверхностно, и что ничто не помѣшало развитію его способностей, съ такимъ блескомъ обнаруженныхъ имъ при защитѣ славянофильства. Да,] г. Бѣлинскій охотно уступаетъ [ему] ¹⁾ и самобытность и глубину пониманія, особенно предметовъ, недоступныхъ

разумѣнію другихъ, напр., того, что Гоголь сдѣлался живописцемъ пошлости вслѣдствіе личной потребности внутренняго очищенія; словомъ, г. Бѣлинскій охотно уступаетъ своему противнику все, что онъ у него отнялъ; но, къ величайшему своему прискорбію, взаимнѣ этого никакъ не можетъ признать въ немъ того, что онъ такъ великодушно, хотя и вовсе непослѣдовательно, призвалъ въ немъ, т.-е. эстетическаго чувства. Г. Бѣлинскій признаетъ въполнѣ оригинальность, глубину и силу мистическаго воззрѣнія въ сужденіи критика Москвитянина о Гоголѣ, но никакъ не можетъ сказать того же о его эстетическомъ воззрѣніи на Гоголя и на натуральную школу. Г. Бѣлинскому странно только, что его противникъ могъ найти въ немъ эстетическое чувство, когда вслѣдъ затѣмъ же онъ говоритъ, что онъ, г. Бѣлинскій, былъ всегда подъ чужою мыслию съ тѣхъ поръ, какъ явился на поприщѣ критики. Да зачѣмъ же эстетическое чувство тому, кто опредѣляетъ достоинство изящныхъ произведеній съ чужого голоса, кто чужой мысли не умѣетъ провести черезъ себя самого и претворить ее въ свою собственную? И какъ въ критикахъ такого человѣка замѣтитъ эстетическое чувство? Далѣе критикъ Москвитянина обвиняетъ г. Бѣлинскаго въ отсутствіи терпимости, справедливо приписывая это его привычкѣ мыслить чужимъ образомъ мыслей. Г. Бѣлинскій, съ своей стороны, видитъ несомнѣнное доказательство мыслительной самобытности г. М... З... К... въ его терпимости, которую такъ умилительно обнаружилъ онъ при сужденіи о натуральной школѣ и о своихъ противникахъ, гг. Кавелинѣ и Бѣлинскомъ. Что же касается до того, что г. М... З... К... осудилъ г. Бѣлинскаго на вѣчную неразвитость способностей,—г. Бѣлинскій нисколько не удивляется благородной умѣренности и изящной вѣжливости такого о немъ отзыва: ему же не въ первый разъ встрѣчать подобныя противъ себя выходки въ Москвитянинѣ. Чего тамъ ни писали о немъ? И что онъ ничему не учился, ни о чемъ не имѣетъ понятія, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, и т. п. Въ началѣ прошлаго года г. Бѣлинскій собирался издать огромный литературный сборникъ; объ этомъ намѣреніи слегка было намекнуто въ числѣ другихъ литературныхъ слуховъ въ Отечественныхъ Запискахъ. И что же?—въ Москвитянинѣ вслѣдъ затѣмъ было напечатано, что въ Петербургѣ издается огромный альманахъ, съ картинками, съ цыганскими хорами и плясками и т. п... ¹⁾.

¹⁾ „своему критику“

¹⁾ Въ „Москвитянинѣ“ 1846 г., № 5, Погодинъ писалъ между прочимъ: „въ петербургскихъ хлѣбѣхъ“

[Тутъ, впрочемъ, нечему удивляться: въ подобныя выходка славянофилы не болѣе, какъ вѣрны началу своего ученія, т.-е. слѣдуютъ тѣмъ неиспорченнымъ вліяніемъ лукаваго Запада правамъ, которымъ они такъ удивляются, и которые къ ихъ сожалѣнію давно уже исчезли на Руси, но которые при ихъ помощи, будемъ надѣяться, еще воротятся къ намъ...] Но пока г. Бѣлинскій не видитъ никакой нужды горячо спорить за себя съ такими противниками или прибѣгать въ спорѣ къ ихъ средствамъ. Да и къ чему? Публика и сама съумѣетъ [увидѣть разницу между человѣкомъ] ¹⁾, у котораго литературная дѣятельность была призваніемъ, страстью, который никогда не отдѣлялъ своего убѣжденія отъ своихъ интересовъ, который, руководствуясь врожденнымъ инстинктомъ истины, имѣлъ больше вліянія на общественное мнѣніе, чѣмъ многіе изъ его [дѣйствительно ученыхъ] противниковъ ²⁾...—[и между какимъ-нибудь бариномъ, который изучалъ народъ черезъ своего камердинера и думаетъ, что любитъ его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію, который между служебными и свѣтскими обязанностями занимается также и литературой, въ качествѣ диллетанта, и изъ году въ годъ высиживаетъ по статейкѣ, имѣя вдоволь времени показаться въ ней умнымъ, ученымъ и, пожалуй, талантливымъ...] Въ наше время талантъ самъ по себѣ не рѣдкость; но онъ всегда былъ и будетъ рѣдкостью въ соединеніи съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ страстною дѣятельностію, потому что только тогда можетъ онъ быть дѣйствительно полезенъ обществу. Что

грозится вылезти какой-то *Левіаанъ*, Сборникъ-Чудовище, ...изъ тысячи страницъ въ двадцать дюймовъ длиною и шестнадцать шириною, съ рисунками на мѣди, деревѣ и стали, съ нотами для фортепіано и репентами для кухни, съ изображеніемъ чуть-ли не Аничковскихъ коней въ натуральную почти величину, съ цыганскими плясками, разнохарактернымъ дивертиссементомъ и портретами, совершенно схожими, поэтовъ, критиковъ, нувелистовъ и публицистовъ натуральной школы, гравированными въ Лондонѣ на каменномъ углѣ или даже на какомъ-то новооткрытомъ металлѣ. Вотъ ужъ будетъ Сборникъ, такъ Сборникъ!—О *Левіаанъ*, предполагавшемся сборникъ Бѣлинскаго, см. выше въ статьѣ № 62.

¹⁾ „опредѣлить значеніе человѣка“

²⁾ По поводу вычеркнутыхъ цензурою двухъ словъ—„дѣйствительно ученыхъ“—Бѣлинскій говоритъ слѣдующее въ письмѣ къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 г.: „статья искажена цензурою варварски и—что всего обиднѣе—совершенно произвольно. Вотъ вамъ два примѣра. Я говорю о себѣ, что, опираясь на истиннѣе истины, имѣлъ на общественное мнѣніе больше вліянія, чѣмъ многіе изъ моихъ *дѣйствительно ученыхъ* противниковъ: подчеркнутыя слова не пропущены, а для нихъ-то и вся фраза составлена. Я мѣтилъ на ученыхъ ословъ—Надеждина и Шевырева“...—О второмъ примѣрѣ—см. примѣчаніе ниже.

касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ, откровенно признаваясь, что онъ, какъ и другіе, можетъ ошибаться и заблуждаться. Для того же, чтобъ вѣрно судить, легко ли отдѣлялся такой человѣкъ отъ убѣжденій, которыя уже не удовлетворяли его, и переходилъ къ новымъ, или это всегда бывало для него болѣзненнымъ процессомъ, стоило ему горькихъ разочарованій, тяжелыхъ сомнѣній, мучительной тоски,—для того, чтобы судить объ этомъ, прежде всего надо быть увѣреннымъ въ своемъ безпристрастіи и добросовѣстности...

Говоря выше о Гоголѣ и натуральной школѣ, мы отвѣтили на большую часть возраженій критики Москвитянина на статью г. Бѣлинскаго, особенно виноватаго въ его глазахъ за хорошее мнѣніе о натуральной школѣ. Это-то критикъ нашъ и называетъ „односторонностію и тѣсною тою образа мыслей“, составляющихъ второй пунктъ его обвинительнаго противъ Современника акта. Въ сущности эта односторонность и тѣснота образа мыслей есть самобытный, [независимый отъ славянофильства] взглядъ на литературу. Третье и послѣднее обвиненіе противъ насъ, въ статьѣ Москвитянина, состоитъ въ искаженіи нами образа мыслей гг. славянофиловъ ¹⁾. Можетъ быть, мы и дѣйствительно не совсѣмъ вѣрно излагали ихъ образъ мыслей и приписывали имъ иногда такіа мнѣнія, которыя имъ не принадлежатъ, и умалчивали о такихъ, которыя составляютъ основу ихъ ученія. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не мы, а сами гг. славянофилы. До сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не потрудился изложить основныхъ началъ славянофильскаго ученія, показать, чѣмъ оно разнится отъ извѣстныхъ воззрѣній. Въмѣсто этого, у нихъ одни

Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.

Доселѣ ихъ образъ мыслей проглядываетъ только въ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или другимъ литературнымъ произведеніямъ и лицамъ. Кромѣ того они безпрестанно противорѣчатъ самимъ себѣ, такъ что можно подумать, что у нихъ столько же мнѣній, сколько и лицъ. Можно указать на выходы, разбросанныя тамъ и сямъ, противъ европеизма, [цивилизациі, необходимости образованія и грамотности для простаго народа, противъ

¹⁾ До этого мѣста цензоръ упорно вычеркивалъ слово „славянофилы“, а начиная отсюда онъ почему-то свободно пропускаетъ его до конца статьи.

реформы Петра Великаго], современныхъ нравовъ, какіе-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назадъ и снова начать свое самобытное развитіе съ той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться съ народомъ, который, будто бы, сохранилъ въ чистотѣ древніе славянскіе нравы и нисколько не измѣнился въ продолженіе вѣковъ. Все это, можетъ быть, и заслуживаетъ по крайней мѣрѣ быть выслушаннымъ; но для этого сперва должно быть высказаннымъ. Г. БѢлинскій въ статьѣ своей, въ первой книжкѣ Современника, сказалъ, что явленіе славянофильства есть фактъ, замѣчательный до извѣстной степени, какъ протестъ противъ безусловной подражательности и какъ свидѣтельство потребности русскаго общества въ самостоятельномъ развитіи. Въ подобномъ отзывѣ не могло быть ничего оскорбительнаго для гг. славянофиловъ. Напротивъ, онъ давалъ имъ удобный случай объясниться съ своими противниками, изложивъ имъ свое ученіе и показавъ имъ, въ чемъ и гдѣ именно они понимаютъ его невѣрно. Но гг. славянофилы поступили иначе. Какъ люди, не привыкшіе къ благосклоннымъ о себѣ отзывамъ со стороны не принадлежащихъ къ нимъ литературныхъ партій, они до того обрадовались отзыву г. БѢлинскаго, что начали смотрѣть на всѣхъ своихъ противниковъ, какъ на разбитое въ прахъ войско, а на себя, какъ на великихъ побѣдителей. Вотъ что называется—не давши сраженія, торжествовать побѣду! Въмѣсто того, чтобы объяснить свой образъ мыслей, они съ ожесточеніемъ начали нападать на чужія мнѣнія. Скажите, легко ли послѣ этого судить вѣрно о такомъ образѣ мыслей?

[Давно уже замѣчена за славянофилами замашка—основывать важность своего ученія на такихъ фактахъ, которые или вовсе не существуютъ, или доказываютъ совсѣмъ противное. Мы сейчасъ представимъ доказательство этого изъ статьи г. М.... З.... К..., гдѣ между прочимъ выдается за несомнѣнную истину, будто бы „на краснорѣчивый голосъ Мицкевича взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ Занда, обратились къ славянскому міру, который понять ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ“. Эта оригинальная выходка снабжена выноской, въ которой говорится объ извѣстномъ сочиненіи Жоржъ Занда—„Жижка“ или „Зишка“. Все это, по мнѣнію критика Москвитянина, значитъ ни больше, ни меньше, какъ то, что Европа ужасно какъ занята такъ называемымъ славянскимъ вопросомъ; а по нашему мнѣнію, все это ровно ничего не значитъ. Если Зандъ из-

брала предметомъ своего сочиненія гусситскую войну, это могло произойти безъ всякаго отношенія къ важности или неважности славянскаго вопроса, а напротивъ, именно оттого, что гусситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое; славянскаго тутъ только національное происхожденіе дѣйствователей, да безплодный для нихъ исходъ героической впрочемъ борьбы. Когда дѣло реформы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ. Что касается до Мицкевича, его дѣйствительно краснорѣчивый, хотя и сумасбродный голосъ точно обратилъ къ себѣ на нѣкоторое время вниманіе парижанъ, жадныхъ до новостей; но къ славянскому вопросу все-таки не возбудилъ никакого участія. Извѣстно, что французское правительство принуждено было запретить Мицкевичу публичныя чтенія, но не за ихъ направленіе, нисколько не опасное для него, а чтобы прекратить сцены, несогласныя съ общественнымъ приличіемъ. Надо сказать, что въ Парижѣ есть нѣкто Товьянскій, выдающій себя за пророка и чудотворца, который призванъ, когда настанетъ время, устроить къ лучшему дѣла сего міра. Мицкевичъ увѣровалъ въ этого шарлатана,—что доказываетъ, что у него натура страстная и увлекающаяся, воображеніе пылкое и наклонное къ мистицизму, но голова слабая. Отсюда ученіе его носитъ названіе мессіанизма или товьянизма, и ему слѣдуютъ нѣсколько десятковъ человекъ изъ поляковъ. Когда разъ на лекціи Мицкевичъ въ фанатическомъ вдохновеніи спрашивалъ своихъ слушателей, вѣрятъ ли они новому мессіи, какая-то восторженная женщина бросилась къ его ногамъ, рыдая и восклицая: „вѣрю, учитель!“ Вотъ случай, по которому прекращены лекціи Мицкевича, и о нихъ теперь вовсе забыли въ Парижѣ. Вообще въ Европѣ мало заботятся о чужихъ вопросахъ и чужихъ дѣлахъ, потому что у всѣхъ много своихъ и всѣ заняты ими. Это особенно относится къ французамъ; для нихъ всѣ другія страны существуютъ только по отношенію къ Франціи. Можетъ быть, поэтому въ ихъ журналахъ можно находить болѣе или менѣе вѣрныя извѣстія только объ Англіи, Испаніи и Италіи: онѣ въ нимъ ближе и больше связаны съ ними политически. Говорятъ въ Парижѣ и о Россіи, но отнюдь не потому, что это славянская земля, а потому, что это великое и могущественное государство съ огромнымъ вліяніемъ въ сферѣ европейской политики.

И вотъ на какихъ фактахъ славянофилы основываютъ важность своего ученія!]. Но вотъ еще примѣръ, какъ трудно, какъ мудрено, какъ невозможно понимать нашего

критика. Г. Кавелинъ сказалъ, что на новгородскомъ вѣчѣ „дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то неопредѣленно, сообща“. Эти слова объясняются цѣлымъ взглядомъ г. Кавелина на новгородскую общину, какъ чуждую всякаго прочнаго основанія и потому неспособную развиться ни въ какую государственную форму. Г. М... З... К... возражаетъ на это, что въ Новгородѣ было *двоевластіе*, и что идеаль новгородскаго быта можно опредѣлить, какъ согласіе князя съ вѣчемъ. Этимъ онъ хочетъ указать на особенности славянскаго общиннаго начала, составляющаго краеугольный камень славянофильства. Но изъ его словъ видно, что особеннаго и оригинальнаго въ этомъ бытѣ ничего не было, [что онъ отзывается карикатурой на нынѣшнія конституціонныя монархіи, основа которыхъ—двоевластіе, а идеаль—согласіе короля съ палатой]¹⁾. Критикъ Москвитянина прибавляетъ, что рѣдкія минуты этого согласія князя съ вѣчемъ представляютъ апогей новгородскаго быта, но признается, что оно осуществлялось только иногда, и то не надолго. Чтѣ же тутъ было особенно любовнаго, согласнаго, общиннаго [по любимому выраженію славянофиловъ]? Въ возраженіе на слова г. Кавелина критикъ Москвитянина замѣчаетъ, что „способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его (общиннаго начала), нужно именно для того, чтобы примирить противоположности, цѣль его — вывести и спасти единство; отъ этого вѣче обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: *и снисдошася вси въ любовь*“. Скажите, Бога ради, есть ли, можетъ ли быть въ какомъ бы то ни было совѣщательномъ правленіи другой способъ рѣшенія вопросовъ, кромѣ какъ по большинству голосовъ? Утверждать это, значитъ—смѣяться надъ здравымъ смысломъ. Что на новгородскомъ вѣчѣ случалось бывать единодушному рѣшенію вопросовъ, безъ всякаго противорѣчащаго меньшинства,—это не диво; это случается, даже нерѣдко, и въ представи-

тельныхъ камерахъ конституціонныхъ государствъ нашего времени; тѣмъ чаще это могло случаться въ массѣ народа, вездѣ наклоннаго къ мгновенному единодушному увлеченію и порыву, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Также часто могло случаться, что меньшинство являлось слишкомъ ничтожнымъ, чтобы спорить съ большинствомъ, и часто соглашалось съ нимъ не по убѣжденію, а изъ опасенія хлебнуть волховской водицы. Извѣстно, что въ случаѣ раздѣленія мѣстъ на половины равныя или почти равныя, бывали драки и побоища, доставлявшія Волхову обильную добычу; которая сторона побѣждала, та и рѣшала вопросъ. И потому его рѣшеніе все-таки всегда зависѣло отъ большинства или по крайней мѣрѣ отъ перевѣса физической силы. Но г. Кавелинъ былъ правъ, сказавши, что дѣла рѣшались на вѣчѣ не по большинству голосовъ: онъ хотѣлъ этимъ указать на отсутствіе баллотировки или другой какой-нибудь постоянной, неизмѣнной, кореннымъ закономъ опредѣленной формы для обнаруженія большинства, а потому и прибавилъ: „а какъ-то совершенно неопредѣленно, сообща“, т.-е. безтолково и нелѣпо, [какъ прилично общинѣ чисто патріархальной, совершенно чуждой юридическаго элемента]. И такія общины были совсѣмъ не у однихъ славянскихъ племенъ, какъ уверяютъ гг. славянофилы, а были и у всѣхъ племенъ и народовъ въ патріархальномъ состояніи, даже и у дикарей; да только нигдѣ онѣ не развивались, во многихъ мѣстахъ не удержались. [Иудейскихъ племенъ были эти общины, ибо онѣ управлялись собраніями народа и совѣтами старцевъ, жрецовъ, и т. д.; но] только германскіе народы развили общинное начало, потому что внесли въ него юридическое начало, какъ главное и преобладающее.

А между тѣмъ общинный бытъ славянскихъ племенъ—краеугольный камень славянофильства; по крайней мѣрѣ, онъ не сходить у нихъ съ языка, и ему назначили они свидѣтельствовать въ пользу любви, какъ общественной стихіи, отличающей славянскія племена отъ всѣхъ другихъ. Но не значитъ ли это—основывать свое ученіе именно на тѣхъ фактахъ, которые особенно противорѣчатъ ему? Какъ же вы хотите, чтобы такое ученіе понимали, и чтобы говоря о немъ, не впадали въ противорѣчія? И потому, г. Бѣлинскій охотно признаетъ, что онъ изложилъ основанія славянофильства невѣрно и противорѣчиво, и не будетъ защищаться отъ возраженій своего противника по этому вопросу. тѣмъ болѣе, что эти возраженія не подвинули его, г. Бѣлинскаго, ни на шагъ впередъ по

¹⁾ Продолженіе письма Бѣлинскаго къ Кавелину (см. выше примѣчаніе): „Самаринъ говоритъ, что согласіе князя съ вѣчемъ было идеаломъ новгородскаго правленія. Я возразилъ ему на это, что и теперь, въ конституціонныхъ государствахъ, согласіе короля съ палатой есть осуществленіе идеала ихъ государственнаго устройства: гдѣ же особенность новгородскаго правленія? Это вычеркнуто. Цѣлое мѣсто о Мицкевичѣ и о томъ, что Европа и не думаетъ о славянофилахъ, тоже вычеркнуто. Отъ этихъ помянутыхъ статья лишилась своей ровноты и внутренней діалектической полноты. Ну да чортъ съ ней! Мнѣ объ этомъ и вспоминать—ножъ вострый!“.

части пониманія славянофильства, а, напротивъ, повергли его еще въ большее прежняго недоразумѣніе насчетъ этого таинственнаго ученія. [Онъ не станетъ спорить съ славянофилами даже и въ такомъ случаѣ, если они скажутъ ему, что онъ ошибся и впалъ въ противорѣчіе, назвавши славянофильство заслуживающимъ вниманія и имѣющимъ какой-нибудь смыслъ явленіемъ, но охотно согласится съ ними въ этомъ, по личной потребности внутренняго очищенія...] Да и какъ было бы спорить съ славянофилами о чемъ бы то ни было, возражать имъ противъ чего бы то ни было, или защищаться противъ нихъ въ чемъ бы то ни было, когда они, какъ кажется, окончательно порѣшили, что ихъ ученіе несомнѣннѣе самой несомнѣнной книги восточныхъ народовъ, что все несогласное съ нимъ есть оскорбленіе истины и нравственнаго чувства? Просимъ нашихъ читателей вспомнить, что наговорилъ критикъ Москвитянина на натуральную школу; нашелъ ли онъ въ ней хоть что-нибудь хорошее, что находить въ ней иногда, хотя и не искренно, а ради приличія, даже риторическіе враги ея? Еще разъ: какъ спорить съ людьми, которымъ, во что бы ни стало, нужно оправдать свою систему, и которые, поэтому, не уважаютъ даже фактовъ? Г. БѢлинскій, на примѣръ, сказалъ: „извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой: вотъ источникъ славянофильства“. Говоря такъ, онъ имѣлъ въ виду не одну исторію Карамзина, но и рукописный его обзоръ древней и новой исторіи Россіи, извѣстный многимъ. Критикъ Москвитянина, выписывая изъ IV тома исторіи Карамзина параллель между Іоанномъ III и Петромъ Великимъ, самъ соглашается, что здѣсь дѣйствительно проглядываетъ предпочтеніе въ пользу Іоанна: а потомъ какъ-то выводитъ, что г. БѢлинскій взвелъ на Карамзина небылицу.

Мы отвѣтили критику Москвитянина на всѣ три его обвинительные противъ Современника пункта. Читатели видѣли, какъ важны и дѣйствительны противорѣчія между статьей г. Никитенко и статьей г. БѢлинскаго, равно какъ и помѣщаемыми въ нашемъ журналѣ произведеніями натуральной школы. Что касается до второго пункта, т.-е. до односторонности и тѣсноты образа мыслей Современника,—ясно, какъ день, что онѣ заключаются въ нашемъ несогласіи съ основаніями славянофильства въ томъ, что мы никакъ не можемъ принять за аксіому предположенія, будто европейскій бытъ ложенъ своимъ основаніемъ отрицанія крайностей,—что мы не можемъ отдѣлить Гоголя отъ натуральной школы иначе, какъ только на

основаніи неоспоримаго превосходства его таланта, а отнюдь не на томъ темномъ и не понятномъ для насъ основаніи, будто онъ сдѣлался живописцемъ пошлости по личному требованію внутренняго очищенія,—что мы не можемъ ненавидѣть и преслѣдовать натуральную школу, взводя на нее разныя небылицы, и обращая противъ нея то, что составляетъ ея существенное достоинство, т.-е. симпатію къ человѣку во всякомъ состояніи и званіи, за то только, что она не поняла личной потребности внутренняго очищенія... Но фанатизмъ послѣдователей какого-нибудь ученія доказываетъ не его истинность, а только его односторонность, исключительность и часто совершенную ложность. А какъ судятъ гг. славянофилы объ изящныхъ произведеніяхъ на примѣръ? Для нихъ тутъ все дѣло въ направленіи: согласно оно съ ихъ направленіемъ, такъ въ произведеніи есть талантъ; не согласно—одна чистѣйшая бездарность. Вотъ изъ тысячи примѣровъ одинъ. Г. Тургеневъ у Москвитянина и у Московскаго Сборника постоянно находился въ разрядѣ бездарныхъ писаекъ, особенно за его стихотворный фізіологическій очеркъ: Помѣщикъ. Но вотъ Московскому Сборнику показалось почему-то, что въ своемъ разсказѣ охотника *Хоръ и Камынь*, г. Тургеневъ совпалъ съ славянофилами въ понятіи о простомъ народѣ,—и за это г. Тургеневъ тотчасъ же и торжественно произведенъ Московскимъ Сборникомъ изъ бездарностей въ талантъ, а разсказъ его названъ—шутка ли!—превосходнымъ. Да неужели же талантъ писателя прежде всего не въ его натурѣ, не въ его головѣ, а всегда только въ его направленіи? Неужели сочиненіе не можетъ въ одно и то же время отличаться и талантомъ, и ложнымъ направленіемъ? Мы не думаемъ, чтобы гг. славянофилы не знали этого; но они съ умысломъ закрываютъ глаза на эту истину, съ умысломъ держатся этой (говоря словами г. М... З... К...) „клеветы на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенной для поощренія къ совершенствованію“, т.-е. къ переходу въ славянофильство; но (скажемъ опять словами того же г. М... З... К...) „никто не въ правѣ заподозрѣвать намѣренія; мы вѣримъ, что оно чисто и благородно, но средство не годится, и путь слишкомъ хитеръ“, т.-е. слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Но по крайней мѣрѣ Московскій Сборникъ обнаружилъ похвальную готовность похвалить хорошее въ писателѣ противной стороны, хотя и по-своему объяснилъ это внезапное и неожиданное имъ явленіе хорошаго у писателя, который, по его мнѣнію, до тѣхъ поръ писалъ только дурное. Вотъ его собственныя слова по этому пред-

мету: „Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: вмѣгъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хороши его рассказы! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ (а!), скрывавшійся во все время, пока онъ силлся увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ вмѣгъ обнаружился, и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Все отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ, мы сдѣлимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!“ Почему же г. М... З... К... не замѣтилъ этого: вѣдь рассказъ *Хоръ и Каминичъ* напечатанъ въ первой же книжкѣ *Современника*, въ которой напечатаны и разбираемые имъ статьи? Ясно, что или онъ боялся это сдѣлать, чтобы его нападки на натуральную школу, въ его собственныхъ глазахъ, не обратились въ совершенную [ложь]¹⁾, или что два славянофила не мо-

гутъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ не противорѣча другъ другу.

Какъ же, послѣ этого, требовать отъ другихъ, чтобы они вѣрно судили о такомъ ученіи, въ которомъ еще не успѣли согласиться сами его послѣдователи? Вотъ, когда они сами высклуптъ хорошо и основательно въ то, что выдаютъ за начало всякой премудрости, да ясно и опредѣленно изложить свое ученіе, — тогда ихъ будутъ слушать, не станутъ приписывать имъ того, чего они не говорили, и, можетъ быть, не соглашаясь съ ними вполне, охотно отдадутъ справедливость тому, что есть хорошаго и справедливаго въ ихъ образѣ мыслей. Но для этого имъ нужно больше говорить о себѣ, чѣмъ о другихъ, больше доказывать свои положенія, чѣмъ опровергать чужія, потомъ выражаться насчетъ своихъ противниковъ повѣжливѣе, съ большимъ достоинствомъ, и вообще не ограничиваться одними общими отвлеченными разсужденіями о любви и смиреніи, но проявлять ихъ въ дѣйствіи. Любовь и смиреніе, бесспорно, прекрасныя добродѣтели на дѣлѣ; но на словахъ они стоятъ не больше всякой другой болтовни.

¹⁾ „Неправду“.

1847 г.

66. Взглядъ на русскую литературу 1847 года.

Послѣдней большою статьей Бѣлинскаго былъ его „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“. Статья эта состоитъ изъ двухъ частей: первая была написана въ декабрѣ 1847 г. и появилась въ первой книжкѣ „Современника“ за 1848 годъ; вторая должна была появиться въ слѣдующей книжкѣ „Современника“. Но Бѣлинскій уже не могъ работать, — болѣзнь истощала его, смерть надвигалась. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.). Бѣлинскій между прочимъ писалъ: „истощеніе силъ страшное, еле двигаюсь по комнатѣ; второй нумеръ *Современника* вышелъ безъ моей статьи, теперь диктую ее черезъ силу для третьяго“... И вотъ въ этой послѣдней своей статьѣ, во всей настоящей статьѣ, статьѣ „черезъ силу“ диктованной. Бѣлинскій проявилъ такую зоркость, такую тонкость анализа, такую упорную работу мысли, „вѣчную подвижность“, что вся статья эта является одной изъ замѣчательнѣйшихъ его статей послѣднихъ годовъ дѣятельности. Въ ней какъ бы подведенъ итогъ всему, о чемъ Бѣлинскій говорилъ и на

страницахъ „Современника“, и въ статьяхъ „Отеч. Записокъ“: тутъ и послѣднее рѣшеніе вопроса объ искусствѣ; тутъ и разборъ значенія Гоголя; оцѣнка „натуральной школы“ и ея представителей; общій взглядъ на русскую литературу — и такъ далѣе, и такъ далѣе. На всѣхъ этихъ вопросахъ мы подробно остановимся и закончимъ этимъ наше слѣдованіе за Бѣлинскимъ, который самъ настоящей своей статьей закончилъ свое и литературное и земное странствіе...

Мы знаемъ уже, что въ „Современникѣ“ Бѣлинскій въ цѣломъ рядѣ частныхъ и общихъ вопросовъ занялъ новую позицію, чѣмъ въ былое время въ „Отеч. Запискахъ“ (см. № 62); къ числу такихъ вопросовъ мы можемъ прибавить теперь и вопросъ объ искусствѣ, рѣшенію котораго Бѣлинскій посвящаетъ не мало страницъ въ настоящей статьѣ. Рѣшеніе это является по существу синтезомъ двухъ бывшихъ противоположныхъ взглядовъ Бѣлинскаго, синтезомъ былого объективизма и субъективизма въ пониманіи искусства (см. т. I, стр. 544). Намъ не для чего останавли-

ваться подробно на этихъ прежнихъ взглядахъ Бѣлинскаго: въ статьяхъ о „Менцелѣ“ и „Горѣ отъ ума“ мы тщательно прослѣдили за воззрѣніями Бѣлинскаго на самодовлѣющее значеніе искусства, точно такъ же какъ въ статьяхъ о „Рѣчи“ Никитенко и послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“ мы внимательно отмѣчали противоположные взгляды Бѣлинскаго на служебную роль искусства въ обществѣ. Последніе взгляды стали высказываться Бѣлинскимъ все рѣзче и рѣзче къ концу его сотрудничества въ „Отеч. Запискахъ“; и если въ статьѣ 1842 года о „Рѣчи“ Никитенко и въ статьѣ 1843 года о Державинѣ Бѣлинскій теоретически еще признавалъ большое значеніе чисто „художественной“ стороны искусства, то практически онъ уже далеко отошелъ отъ такого воззрѣнія, какъ это мы уже имѣли случай подчеркнуть въ своемъ мѣстѣ (см. т. II, стр. 664—666). А въ статьѣ 1845 года о „Тарантасѣ“ Бѣлинскій дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ отрицанія самодовлѣющаго значенія искусства и признанія его служебной, подчиненной роли: „нашъ вѣкъ враждебенъ чистому искусству, — говорилъ тогда Бѣлинскій, — и чистое искусство невозможно въ немъ... Теперь искусство — не господинъ, а рабъ: оно служить постороннимъ для него цѣлямъ“ (т. II, стр. 963 и 960). Это было крайнимъ проявленіемъ „соціального“ отношенія и соціальныхъ требованій Бѣлинскаго къ искусству; перейдя въ „Современникъ“, Бѣлинскій отказался отъ этой своей ланидарной формулы („искусство — не господинъ, а рабъ“) и попытался еще разъ синтезировать два эти противоположныя сужденія. Сдѣлалъ онъ это мимоходомъ — въ своемъ „Отвѣтѣ Москвитяину“, и болѣе подробно — въ первой части настоящей статьи.

Цѣлый рядъ страницъ посвящаетъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ вопросу объ искусствѣ и значеніи его. Указывая на мысль о самодовлѣющемъ значеніи искусства, „которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей“, Бѣлинскій соглашается, что „въ этой мысли есть основаніе“. „Безъ всякаго сомнѣнія, — говоритъ Бѣлинскій, — искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху...“ И далѣе: „какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе (нѣсколькими строками ниже Бѣлинскій повторяетъ то же самое и о повѣсти, и о романѣ), какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но, если въ немъ нѣтъ поэзіи — въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что

можно замѣтить въ немъ, это — развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное...“ Обращаемъ вниманіе на это *теоретическое* положеніе; мы скоро увидимъ, какъ далеко расходился съ нимъ Бѣлинскій на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ онъ готовъ былъ „выполни́ть“ „признать“, что „искусство прежде всего должно быть искусствомъ“; но отсюда далеко до признанія самодовлѣющаго значенія искусства, до признанія „абсолютнаго искусства“: такого искусства, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — „никогда и нигдѣ не бывало“... Такое искусство, намѣренно отрѣзанное отъ всечеловѣческой жизни, отъ всечеловѣческой мысли, было бы только „предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнливцевъ“ (обращаемъ вниманіе читателей и на эти слова, съ видоизмѣненіемъ которыхъ мы тоже скоро встрѣтимся). Въ дѣйствительности же, продолжаетъ Бѣлинскій, искусство и литература неизбѣжно являются выраженіемъ общественныхъ вопросовъ и философской мысли своей эпохи, ибо поэтъ — „прежде всего человѣкъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени“; и именно потому „поэтъ долженъ выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ“...

Таковъ былъ теперь синтезъ Бѣлинскаго, такова его новая попытка примирить объективное значеніе творчества съ субъективной свободой художника. Если мы вспомнимъ статью Бѣлинскаго о „Менцелѣ“, то увидимъ, что и тогда Бѣлинскій предъявлялъ къ поэту то же самое требованіе — быть выраженіемъ не частнаго и случайнаго, но общаго и необходимаго (см. т. I, стр. 541—542). Но какая громадная разница въ томъ смыслѣ, который вкладывался въ это требованіе Бѣлинскимъ 1839 — 1840-го и Бѣлинскимъ 1847 — 1848-го года! Тогда „частнымъ и случайнымъ“ были для Бѣлинскаго общественныя воззрѣнія и настроенія, а „общимъ и необходимымъ“ — законы творческаго духа художника; теперь же для Бѣлинскаго художественное творчество само по себѣ есть нѣчто „частное и случайное“, приобретающее значеніе „общаго и необходимаго“ только отъ соприкосновенія общественнаго элемента. Какъ видимъ — это два діаметрально-противоположныхъ воззрѣнія; общимъ является только стремленіе Бѣлинскаго синтезировать эстетическую и соціологическую точку зрѣнія на искусство. Отказавшись отъ своего былого порабощенія искусства обществу, Бѣлинскій настаиваетъ однако на неизбѣжной тѣсной связи искусства съ общественной жизнью: „цѣль искусства — въ искусствѣ, но цѣль художника —

въ самой жизни“ — вотъ та формула, которой мы уже выражали выше синтетическую точку зрѣнія Бѣлинскаго (т. I, стр. 543). Таково было послѣднее слово Бѣлинскаго въ этомъ вопросѣ, которому, конечно, никогда не придется имѣть общеобязательнаго рѣшенія. Рѣшеніе Бѣлинскаго было широкимъ и синтетическимъ, примиряющимъ социальныя и эстетическія воззрѣнія на искусство; остается только посмотреть, насколько самъ Бѣлинскій слѣдовалъ на дѣлѣ этимъ своимъ теоретическимъ построеніямъ и разсужденіямъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить изъ слѣдующаго интереснаго сопоставленія. Въ концѣ октября 1847 года Бѣлинскій написалъ извѣстную уже намъ статью „Отвѣтъ Москвитянину“; въ статьѣ этой онъ категорически заявляетъ: „если произведение, претендующее принадлежать къ области искусства, не заслуживаетъ никакого вниманія по выполненію, то оно не стоитъ никакого вниманія и по намѣренію, какъ бы ни было оно похвально, потому что такое произведение уже нисколько не будетъ принадлежать къ области искусства“. Это, какъ видимъ, достаточно опредѣленно сказано. Мы отмѣтили также аналогичныя мнѣнія, твердо высказанныя Бѣлинскимъ въ первой части настоящей статьи, написанной въ декабрѣ того же 1847 года; мы знаемъ, какъ категорически заявляетъ въ этой статьѣ Бѣлинскій, что „прекрасное намѣреніе, дурно выполненное“, не придаетъ цѣны произведенію искусства, и что какими бы прекрасными мыслями и современными вопросами ни было оно наполнено, но, „если въ немъ нѣтъ поэзіи — въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ“; такое произведение, чуждое художественности, можетъ удовлетворить только лишенныхъ художественнаго чутія людей, точно такъ же, какъ произведение „чистаго искусства“, чуждое жизни, можетъ служить только „предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнливцевъ“ (см. выше). Все это, повторяемъ, достаточно опредѣленно сказано. А теперь прочтемъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, написаннаго въ томъ же декабрѣ того же 1847 года: „будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное, хоть сколько-нибудь *дѣльна* — я не читаю, а пожираю... Ты — сибаритъ, сластѣна... — тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась диссертациею... Главное, чтобы она вы-

зывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества — она для меня *тѣмъ не менѣе* интересна... Я съ удовольствіемъ прочелъ, на примѣръ, повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ и разсужденіе не разсужденіе — *Записки человека* Галахова (въ 12 № „Отеч. Записокъ“), да еще съ какимъ удовольствіемъ! Разумѣется, если повѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣніе на общество, при высокой художественности — тѣмъ она для меня лучше; но главное у меня все-таки въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ. Будь повѣсть хоть расхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла, то“... — далѣе слѣдуетъ слишкомъ „энергическое выраженіе“, показывающее все презрѣніе и равнодушіе Бѣлинскаго къ такой повѣсти (Пыпинъ, стр. 553). „Я знаю, — заканчиваетъ свое признаніе Бѣлинскій, — что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея, и жалѣю, и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней“...

Это поразительное на первый взглядъ противорѣчіе между тѣмъ, что Бѣлинскій писалъ въ своей статьѣ, и тѣмъ, что онъ писалъ въ своемъ письмѣ того же мѣсяца того же года — нельзя обойти молчаніемъ. Передъ нами два положенія, два утвержденія, высказанныхъ въ одно и то же время Бѣлинскимъ. Первое: „если произведение, претендующее принадлежать къ области искусства, не заслуживаетъ никакого вниманія по выполненію, то оно не стоитъ никакого вниманія и по намѣренію, какъ бы ни было оно похвально, потому что такое произведение уже нисколько не будетъ принадлежать къ области искусства“. Второе: если произведение „дѣльно“ и заслуживаетъ вниманія по намѣренію, то не стоитъ и говорить про выполненіе, про художественную сторону произведенія; есть въ немъ художественность — тѣмъ лучше, нѣтъ — и безъ нея сойдетъ, ибо „главное въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ“... Казалось бы, трудно найти большее противорѣчіе; и однако мы надѣемся, что внимательному читателю вполне ясно, что по существу здѣсь ни малѣйшаго противорѣчія нѣтъ.

Дѣйствительно, это становится совершенно яснымъ, если въ приведенномъ выше первомъ положеніи Бѣлинскаго обратить вниманіе не на подчеркнутыя нами фразы, а на стоящія рядомъ и обыкновенно мало замѣчаемыя. О какихъ произведеніяхъ говоритъ въ этомъ положеніи Бѣлинскій? О произведеніяхъ „*претендующихъ принадлежать къ области искусства*“ и въ то же время не художественныхъ, слабыхъ по выполненію; такія произведенія, говоритъ Бѣ-

линскій, „уже несколько не будучи принадлежать къ области искусства“. Во второмъ же своемъ положеніи Вѣлинскій говоритъ о другихъ произведеніяхъ, которыя именно и не претендуютъ принадлежать къ области искусства, а которыя просто „дѣльны“, стремятся „вызвать вопросы“, „произвести на общество нравственное впечатлѣніе“. Въ этомъ подраздѣленіи мы безъ труда узнаемъ постоянное и излюбленное *противопоставленіе искусства и беллетристики*, за которыми мы слѣдили почти съ самаго начала критической дѣятельности Вѣлинскаго.

Итакъ, вотъ въ чемъ здѣсь дѣло, вотъ въ чемъ разрѣшеніе своего рода „эстетической антиноміи“, высказанной Вѣлинскимъ. Вполнѣ признавая теоретически великое значеніе „искусства“, практически Вѣлинскій все болѣе и болѣе тяготѣлъ къ „беллетристикѣ“; въ статьѣ № 51, къ которой мы и отсылаемъ читателя, Вѣлинскій уже достаточно ясно выразилъ это свое настроеніе (см. т. II, стр. 1008—1009). Стоя на почвѣ „соціальности“, Вѣлинскій не могъ, конечно, не цѣнить несомнѣннаго общественнаго, развивающаго, такъ сказать, „педагогическаго“ значенія того, что онъ называлъ *беллетристикой*; но онъ прекрасно видѣлъ всю громадную разницу между этой прикладной беллетристикой и произведеніями подлиннаго искусства. И все же, сознавая это, Вѣлинскій не колеблясь отдавалъ предпочтеніе произведеніямъ перваго рода — по причинамъ, указаннымъ выше; онъ самъ признавалъ, какъ мы видѣли, „односторонность“ такого взгляда, и въ то же время „жалѣлъ и болѣлъ о тѣхъ“, кто не сидитъ въ этой односторонности... Разумѣется, весь „синтезъ“, о которомъ мы говорили выше, оказывался при этомъ чисто теоретическимъ: признавая въ теоріи великое значеніе художественнаго творчества, на дѣлѣ Вѣлинскій — мы это видѣли — считалъ такое художественное творчество только „щегольствомъ“, безъ котораго можно прекрасно обойтись... Взгляды эти теперь не нуждаются въ опроверженіи; но это не мѣшаетъ признавать въ общемъ правильнымъ основное теоретическое рѣшеніе Вѣлинскимъ проблемы объ искусствѣ. Этого мало: не меньшаго вниманія заслуживаетъ и практическое рѣшеніе Вѣлинскимъ этого вопроса: Вѣлинскій вполнѣ сознательно („я знаю, что сижу въ односторонности“) отдалъ свои симпатіи произведеніямъ, „не претендующимъ принадлежать къ области искусства“, если эти произведенія „дѣльны“. Этимъ самымъ дано оправданіе и открыта широкая дорога произведеніямъ такъ называемой „тенденціозной беллетристики“: ихъ соціальная роль иногда бываетъ очень велика, но тѣмъ не

менѣе они не имѣютъ никакого отношенія къ художественному творчеству, эстетическій критерій къ нимъ непримѣнимъ; это — произведенія полезные, ремесленные, почтенныя, приносящія иной разъ большую общественную пользу...

И вотъ на сторонѣ такихъ-то произведеній всѣ симпатіи Вѣлинскаго: и хотя мы еще увидимъ ниже, что въ этомъ случаѣ у Вѣлинскаго былъ умъ съ сердцемъ не въ ладу, однако нельзя не видѣть въ этой симпатіи предвѣстія грядущаго утилитаризма шестидесятыхъ годовъ. Но и разница между эстетическимъ утилитаризмомъ шестидесятыхъ годовъ и воззрѣніями Вѣлинскаго — очень велика, и всецѣло въ пользу Вѣлинскаго, который, отстаивая соціальное значеніе „беллетристики“, ясно понималъ, что „искусство“ — нѣчто совсѣмъ другое, эстетически неизмѣримо высшее; характерно, что въ настоящей статьѣ онъ вскрываетъ только свое пониманіе искусства, а свою „апологию беллетристики“ запрятываетъ въ частное письмо къ Боткину... Но такъ или иначе, въ этомъ послѣднемъ воззрѣніи Вѣлинскаго мы имѣемъ окончательное рѣшеніе имъ вопроса о „беллетристикѣ“ и „искусствѣ“. Мы слѣдили за этимъ вопросомъ, начиная со статьи № 12; мы видѣли, что подраздѣленіе это проходитъ буквально черезъ всю критическую дѣятельность Вѣлинскаго; мы видѣли, какъ отъ былого презрѣнія къ „беллетристикѣ“ Вѣлинскій мало-по-малу переходилъ къ признанію ея практическаго значенія. Теперь, въ послѣдней статьѣ Вѣлинскаго, мысль эта формулируется съ наибольшей яркостью и полнотой.

Но, разумѣется, ошибочно было бы понимать эту мысль въ томъ смыслѣ, будто Вѣлинскій теперь окончательно отрекся отъ искусства, чтобы предаться тенденціозной беллетристикѣ — и доказательство этого мы еще найдемъ ниже... Достаточно вспомнить пока восторженное отношеніе Вѣлинскаго къ Гоголю, особенно ярко проявляющееся въ этой и предыдущей статьѣ, чтобы увидѣть, какъ дорого было Вѣлинскому подлинное искусство. Но и въ этомъ подлинномъ искусствѣ особенно дорого было Вѣлинскому реальное воспроизведеніе окружающей жизни со всѣми ея сторонами; само искусство Вѣлинскій дважды опредѣляетъ въ настоящей статьѣ, какъ „воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ“... Цѣлый рядъ страницъ въ настоящей и предыдущей статьѣ посвящены обоснованію этого художественнаго реализма или, какъ тогда говорили, натурализма. Терминъ „натуральная школа“ былъ пущенъ въ оборотъ Булгаринымъ¹⁾,

¹⁾ Этотъ терминъ въ двадцатыхъ-тридцатыхъ го-

какъ на это указываетъ Бѣлинскій (см. выше, стр. 617); литературные враги Гоголя и молодого русского реализма поспѣшили ухватиться за это якобы порочащее названіе... Но Бѣлинскій поднималъ перчатку, поблагодаривъ Булгарина за удачно найденный эпигетъ (ibid.); въ настоящей статьѣ онъ подробно, чѣмъ когда-либо, говоритъ о натуральной школѣ и ея значеніи. Истоки реализма Бѣлинскій находитъ въ самомъ началѣ русской литературы: „она началась натурализмомъ, — заявляетъ онъ: — первый свѣтскій писатель былъ сатирикъ Кантемиръ“... И начиная съ этого времени въ русской литературѣ, говоритъ Бѣлинскій, постоянно шли двумя параллельными руслами реализмъ и идеализмъ; съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій смотритъ теперь на всю русскую литературу: „стремленіе къ идеалу“ онъ видитъ въ Ломоносовѣ, Озеровѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ (крайне пестрое сочетаніе именъ!), а стремленіе къ реализму — въ Хемницерѣ, Фонвизинѣ, Крыловѣ. Оба эти направленія иногда сливались въ одномъ поэтѣ — напримѣръ, въ Державинѣ; а въ поэзіи Пушкина „слились въ одинъ широкій потокъ оба, до того текшіе раздѣльно, ручья русской поэзіи“... Наконецъ явился Гоголь и окончательно опредѣлилъ своимъ вліяніемъ направленіе русской литературы: стремленіе къ идеалу, выраженное въ формахъ яркаго реализма. Въ этомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, вся сущность „натуральной школы“; стремленіе къ натурализму, говоритъ Бѣлинскій, „составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы“... (Послѣдняя фраза была почему-то пропущена въ журналѣ). Все это мысли, съ которыми мы уже не разъ встрѣчались у Бѣлинскаго, хотя и въ нѣсколько иной формѣ; достаточно вспомнить, что въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей, и именно въ статьѣ о томъ же Гоголѣ (№ 3), Бѣлинскій съ совершенно иной точки зрѣнія высказывалъ по существу тѣ же мысли (см. т. I, стр. 109 — 110). Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій говоритъ о Гоголѣ только какъ о признанномъ родоначальникѣ натуральной школы; главное вниманіе онъ обращаетъ на различныхъ представителей этой послѣдней.

Герценъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Даль, Григоровичъ, Достоевскій — все это для Бѣлинскаго писатели школы Гоголя, представители „натуральной школы“. Уже одно это сопоставленіе именъ показываетъ, какимъ неопредѣленнымъ, расплывчатымъ понятіемъ являлся „натурализмъ“, какъ былъ

смутенъ критерій принадлежности къ „натуральной школѣ“. Поэтому-то и терминъ этотъ въ послѣдствіи не удержался, не говоря уже о томъ, что изъ перечисленныхъ выше писателей далеко не всѣхъ можно причислить къ писателямъ школы Гоголя. Мы остановимся послѣдовательно на каждомъ изъ нихъ, чтобы выяснитъ отношеніе къ каждому изъ нихъ Бѣлинскаго.

Отношеніе Бѣлинскаго къ Герцену — автору знаменитаго романа „Кто виноватъ?“ и другихъ болѣе мелкихъ повѣстей и разсказовъ — какъ нельзя болѣе характерно; оно можетъ служить лучшей иллюстраціей къ прослѣженному нами выше разграниченію Бѣлинскимъ „искусства“ и „беллетристики“. Еще въ статьѣ „Русская литература въ 1845 году“ (№ 55) Бѣлинскій съ большою похвалою отозвался о первой части романа „Кто виноватъ?“, указывая, что эта вещь „не принадлежитъ къ числу произведеній, запечатлѣнныхъ высокою художественностію“, но что въ ней умъ доведенъ до поэзіи, мысль обращена въ живыя лица. „Если это не случайный опытъ, — заканчиваетъ Бѣлинскій, — не неожиданная удача въ чуждомъ автору родѣ литературы, а залогъ цѣлаго ряда такихъ произведеній въ будущемъ, то мы смѣло можемъ поздравить публику съ пріобрѣтеніемъ необыкновеннаго таланта въ совершенно новомъ родѣ“... Мѣсяца четыре спустя, получивъ отъ Герцена продолженіе романа, Бѣлинскій писалъ ему: „ну, братецъ ты мой, спасибо тебѣ за интересъ къ „Кто виноватъ?“ Я изъ него окончательно убѣдился, что ты — большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не дилетантъ, не партизанъ, не наѣздникъ отъ нечего дѣлать. Ты не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но вѣдь и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ *Генриадѣ*, но и въ *Кандидѣ*, однако его *Кандидъ* потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданіями, а многія невеликія уже пережилъ и еще больше переживетъ ихъ... И такіе таланты необходимы и полезны не менѣе художественныхъ“... Именно эту знакомую намъ мысль Бѣлинскій развиваетъ подробно въ настоящей статьѣ, говоря о Герценѣ и разбирая его романъ. „Видѣть въ авторѣ „Кто виноватъ?“ необыкновеннаго художника, — говоритъ Бѣлинскій, — значить вовсе не понимать его таланта... Главная сила его не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознательной и развитой“... „Какая же это мысль? Это — страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще болѣе безъ умысла; это — то, что нѣмцы называютъ *гуманностью*,

дахъ примѣняли во Франціи къ молодой романтической школѣ; — ср. „Гюго съ товарищи, друзья натуры“ (Пушкинъ).

Humanität“... Но, какъ ни дорога, какъ ни близка сердцу Бѣлинскаго эта мысль, она все же не можетъ закрыть ему глаза на отсутствіе художественности въ романѣ Герцена — и это опять-таки очень характерно. „Мысль была прекрасная, исполненная глубокаго трагическаго значенія, — говорятъ Бѣлинскій: — она-то и увлекла большинство читателей и помѣшала имъ замѣтить, что вся исторія... рассказана умно, очень умно, даже ловко, но зато ужъ нисколько не художественно. Тутъ мастерскій рассказъ, но нѣтъ и слѣда живой поэтической картины... — и зритель не вдругъ догадывается, что онъ былъ только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ“... Это мѣсто крайне цѣнно для пониманія взглядовъ и настроеній Бѣлинскаго. Только что мы видѣли, какъ въ письмѣ къ Боткину онъ изрекъ хулу на художественное творчество („щегольство“!), какъ онъ принялъ подъ свою защиту „дѣльные“ беллетристическія произведенія; и тутъ же, въ критической статьѣ, съ похвалою разбирая умное и дѣльное беллетристическое произведеніе, Бѣлинскій заявляетъ, что онъ имъ „только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ“ — именно въ виду отсутствія въ немъ художественности! И въ этомъ случаѣ, какъ видимъ, теорія расходилась у Бѣлинскаго съ практикой, умъ съ сердцемъ былъ не въ ладу: признавая умомъ всю пользу дѣльной беллетристики, Бѣлинскій не могъ удовлетвориться ею — для этого онъ былъ и оставался слишкомъ тонкою художественно-воспримчивою натурою. Онъ былъ въ восторгѣ отъ романа Герцена, какъ отъ прекраснаго беллетристическаго произведенія, онъ понималъ, что публика нашла въ этомъ романѣ много „ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ей истинъ“, — и въ то же время онъ чувствовалъ всю художественную слабость этого произведенія. Теорія говорила, что это — пустякъ, „щегольство“; а на дѣлѣ Бѣлинскій не могъ закрыть на это глаза ¹⁾. Такъ боролась въ немъ теорія соціальной пользы съ теоріей эстетической значимости, сознание общественнаго блага съ чувствомъ художественнаго воспріятія; въ декабрьскомъ письмѣ 1847 года къ Боткину побѣдили первыя, въ одновременной письму настоящей статьѣ — вторыя. И именно потому Бѣлинскій сумѣлъ дать вѣрную оцѣнку беллетристическому таланту Герцена. Оказался онъ правъ и въ своемъ знаменитомъ про-

рочествѣ, которое мы находимъ въ цитированномъ нами выше письмѣ его (отъ 6 апр. 1846 г.) къ Герцену: „если ты лѣтъ въ десять напишешь три-четыре томика поплотнѣе и порядочнаго размѣра, ты — большое имя въ нашей литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина“... И Герценъ дѣйствительно попалъ въ „исторію Карамзина“, — но только благодаря своей политической дѣятельности, благодаря своимъ публицистическимъ и философскимъ произведеніямъ, а не своей „беллетристикѣ“, о которой такъ вѣрно и съ такимъ тонкимъ пониманіемъ отзывался Бѣлинскій въ настоящей статьѣ.

Другое дѣло Гончаровъ. Въ его „Обыкновенной исторіи“ Бѣлинскій увидѣлъ соединеніе яркой художественности съ живописующей, современной темой — и восторгъ Бѣлинскаго не имѣетъ границъ. „Читаешь — словно ѣшь холодный, полу-пудовый, сахаристый арбузъ въ знойный день“, — такъ опредѣлялъ Бѣлинскій свое художественное удовлетвореніе отъ этой повѣсти; и въ то же время онъ восклицалъ: „а какую пользу принесетъ она обществу! Какой она страшный ударъ романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинціализму“... Совершенно справедливо указывая, что талантъ Гончарова — „не первостепенный, но сильный, замѣчательный“, Бѣлинскій тутъ же подчеркиваетъ характерную сторону творчества Гончарова — объективизмъ его художественнаго творчества. „Онъ поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона“... И снова проводя параллель между Герценомъ и Гончаровымъ, Бѣлинскій заключаетъ: „въ талантѣ Искандера (Герцена) поэзія — агентъ второстепенный, а главный — мысль; въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ первый, главный и единственный“... И, быть можетъ, именно потому, вопреки всѣмъ доводамъ разсудка, Бѣлинскій отдалъ явное предпочтеніе роману Гончарова. Интересно привести нѣсколько строкъ изъ воспоминаній самого Гончарова о Бѣлинскомъ: „на меня онъ иногда какъ будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздраженія, субъективности. «Вамъ все равно, попадается мерзавецъ, дуракъ, уродъ или порядочная, добрая натура — всѣхъ одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни къ кому!» И это скажетъ (и не разъ говорилъ) съ какою-то доброю злостью, а однажды положилъ ла-

¹⁾ Напомнимъ кстати про отношеніе Бѣлинскаго (въ 1846 году) къ „Каменному Гостю“: мы въ своемъ мѣстѣ отмѣтили, что для Бѣлинскаго всегда существовало, говоря его словами, — „искусство въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности“ (см. выше, стр. 26—28).

сково послѣ этого миѣ руки на плечи и прибавилъ почти шопотомъ: «а это хорошо, это и нужно, это—признакъ художника!»—какъ будто боялся, что его услышатъ и обвинять за сочувствіе къ безтенденціозному писателю... (Гончаровъ, „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“). Къ этому надо только прибавить, что если Бѣлинскій и боялся „обвиненій за сочувствіе къ безтенденціозному писателю“, то „обвинителемъ“ могъ быть только самъ же онъ, Бѣлинскій, колебавшійся между двумя истинами, двумя критеріями, двумя мѣрилами. Къ „Обыкновенной исторіи“ можно было приложить оба эти критеріи — и общественной пользы, и художественной цѣнности, — и этимъ объясняется тотъ восторгъ, съ какимъ Бѣлинскій отнесся къ роману Гончарова.

Но если Гончарова Бѣлинскій „обвинялъ“ за отсутствіе „злости, раздраженія“ и вообще оцѣнки дѣйствующихъ лицъ романа, то въ настоящей статьѣ самъ онъ далъ примѣръ какъ-разъ обратнаго отношенія: онъ напалъ на молодого Адуева, какъ на своего личнаго врага, въ немъ онъ видѣлъ „страшный ударъ романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму“... Во вступительной замѣткѣ къ предыдущей статьѣ мы говорили о *реализмѣ* Бѣлинскаго, какъ о психологическомъ типѣ его міроощущенія; мы знаемъ, какъ сурово относился теперь Бѣлинскій ко всякому „романтизму“, въ чемъ бы онъ ни выражался — и особенно къ тому поверхностному, напускному романтизму, который былъ своего рода модой молодыхъ поколѣній русскаго общества двадцатыхъ-сороковыхъ годовъ. Самъ Бѣлинскій въ свое время заплатилъ дань этому увлеченію, въ которомъ видѣлъ теперь только первую ступень къ „славянофильству“; онъ уже давно раздѣлался со всяческой *кружковщиной* (о которой см. нашу вступительную статью къ I тому) и въ настоящей, послѣдней своей статьѣ свелъ только послѣдніе счеты съ самимъ собой давно минувшихъ лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ онъ цѣнилъ и во многихъ изъ славянофиловъ — въ К. Аксакова, въ И. Кирѣевскаго, — видя въ молодомъ мечтателѣ и „романтикѣ“ Адуевѣ какъ бы типичное предисловіе къ славянофильству; но главное — это была расплата со своимъ собственнымъ „романтизмомъ“ эпохи кружковщины. Этого мало: можно предполагать, что Бѣлинскій сводилъ здѣсь послѣдніе счеты и со своей недавней *второй въ социализмъ*, въ которой были налицо всѣ элементы „романтизма“, „кружковщины“, мечтательности, фантазіи. Такъ или иначе, но Бѣлинскій, уже давно начавшій борьбу съ „романтизмомъ“ (см. т. I, стр. 586, 635 и др.), за-

канчиваетъ ее въ настоящей статьѣ, рѣзко обрушиваясь на молодого Адуева, точно на своего личнаго врага. И одна эта рѣзкость явно показываетъ намъ, что Бѣлинскій въ этомъ случаѣ многое говорилъ *pro domo sua*: Бѣлинскій пожелалъ окончательно разорвать со всякими своими былыми „фантазіями“, будь то философскія или социальныя „романтическія“ теоріи. И этимъ самымъ онъ наносилъ косвенный ударъ славянофиламъ, въ которыхъ онъ видѣлъ дальнѣйшее развитіе типа молодого Адуева. Правильно указывая, что Гончаровъ въ концѣ романа испортилъ цѣльность этого типа, Бѣлинскій ядовито прибавляетъ, что всего лучше и естественнѣе было бы автору сдѣлать въ концѣ концовъ молодого Адуева славянофиломъ: „тогда бы герой былъ вполне современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ“...

Ненависть къ такому „современному романтику“ заставила Бѣлинскаго отнестись сочувственно къ противоположному типу, къ дѣловому, положительному и размѣренному дядѣ-Адуеву: „это—въ полномъ смыслѣ порядочный человекъ, какихъ дай Богъ, чтобъ было больше“... Правда, сочувствіе это далеко не безусловное, но все же въ немъ ясно видно стремленіе противопоставить нѣчто положительное, „индустриальное“, всѣмъ мечтаніямъ славянофильства, а быть можетъ, и утопическаго социализма. Объ этомъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ ниже; но и здѣсь не можемъ не замѣтить, что сочувствіе Бѣлинскаго къ Адуеву-старшему могло быть только условнымъ и относительнымъ: слишкомъ далека была отъ этого типа неистовый Виссаріонъ, вѣчно кипящій и волнуемый, вѣчно „человекъ экстремы“. И неужели же только *адювщину* могъ противопоставить Бѣлинскій своему былому „романтизму“, своей изжитой „вѣрѣ въ социализмъ“? Насколько далека была отъ Адуева-старшаго, можно судить хотя бы по слѣдующимъ его словамъ изъ письма къ Боткину отъ 8 марта 1847 года: „уважаю практическія натуры въ *hommes d'action*, но, если вкушеніе сладости ихъ роли непременно должно быть основано на условіи безвыходной ограниченности, душевной узкости—слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающею натурою, человекомъ просто, но лишь бы все чувствовать и понимать ширѣе, привольно и глубоко“... Развитіе *личности* Бѣлинскій противопоставилъ своей былой „вѣрѣ въ социализмъ“, на что мы уже имѣли случай указывать выше.

Возвращаемся однако къ настоящей статьѣ Бѣлинскаго, который отъ Гончарова переходитъ къ Тургеневу. Было время, когда

БѢлинскій былъ въ восторгѣ отъ Тургенева и даже отъ слабыхъ сторонъ его таланта (см. ст. № 45); познакомившись въ 1843 году съ Тургеневымъ, БѢлинскій цѣнилъ въ немъ именно вражду къ „романтизму“. „Во всѣхъ его сужденіяхъ — писалъ БѢлинскій Боткину 31-го марта 1843 года — виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера, неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно надокъ"... Вскорѣ БѢлинскій разочаровался въ поэтическомъ дарованіи Тургенева, да и самъ Тургеневъ призналъ справедливость такого о себѣ мнѣнія и перешелъ къ „смиренной прозѣ“. Послѣ ряда рассказовъ, мало замѣченныхъ читающей публикой, хотя и дружелюбно привѣтствованныхъ БѢлинскимъ (см. №№ 49, 55, 62), Тургеневъ задумалъ рядъ „рассказовъ охотника“. Первый изъ этихъ рассказовъ, „Хоръ и Калинычъ“, былъ признанъ БѢлинскимъ „рѣзко замѣчательнымъ“ (письмо къ Боткину отъ 22 апр. 1847 г.); даже славянофилы, недолюбливавшие Тургенева, назвали этотъ рассказъ „превосходнымъ“ (см. предыдущую статью). Поощренный успѣхомъ Тургеневъ сталъ писать цѣлый рядъ такихъ „рассказовъ охотника“ — за одинъ 1847 годъ онъ напечаталъ въ „Современникѣ“ семь такихъ рассказовъ; БѢлинскому показалось, что Тургеневъ нашелъ, наконецъ, свою настоящую дорогу, что сфера его таланта — мелкіе *физиологическіе очерки*. Вотъ почему БѢлинскій въ настоящей статьѣ приравниваетъ Тургенева — Далю („Казаку Луганскому“); это несправедливое сопоставленіе нельзя обойти молчаніемъ. Одно время БѢлинскій преувеличенно высоко цѣнилъ Дала, совершенно третьестепеннаго беллетриста, считая его „послѣ Гоголя первымъ талантомъ въ русской литературѣ“ (см. т. II, стр. 954—955). Правда, годомъ позднѣе, въ рецензіи на четыре тома „Повѣстей, сказокъ и рассказовъ“ Далы („Современникъ“ 1847 г., т. I), БѢлинскій уже не повторяетъ этого курьезнаго мнѣнія ¹⁾, признавая все же за Далемъ „богатый и сильный талантъ“, но въ то же время совѣтуетъ ему обратиться преимущественно къ мелкимъ *физиологическимъ* очеркамъ, „не теряя болѣе времени на сказки, повѣсти и рассказы“... Еще болѣе правъ былъ БѢлинскій въ своей первой рецензіи (въ „Молвѣ“ 1835 года) о произведеніяхъ Далы: „это — просто балагуръ, иногда довольно забавный, иногда слишкомъ скучный, нерѣдко уморительно веселый и часто

приторно натянутый“... И вотъ рядомъ съ такимъ-то писателемъ БѢлинскій захотѣлъ поставить Тургенева; неудивительно поэтому, что его отзывъ о Тургеневѣ является совершенно несправедливымъ. Вообще надо замѣтить, что въ 1847—1848 г. БѢлинскій сильно охладѣлъ къ Тургеневу — не какъ къ человеку, а какъ къ писателю; въ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) БѢлинскій, сурово отзываясь о рядѣ новыхъ рассказовъ Тургенева („Лебедянь“, „Малиновая вода“, „Уѣздный лекарь“), тутъ же рядомъ восторгается новой повѣстью Дружинина; о Тургеневѣ онъ добродушно отзывался, какъ о „миломъ младенцѣ“, и замѣчаетъ, что его рассказы могутъ нравиться дамамъ, ибо „вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичъ — бабье порядочное!“ Все это освѣщаетъ ту ошибку, въ которую впалъ БѢлинскій и въ настоящей статьѣ, категорически заявляя, „что у Тургенева нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы или повѣсти“... Не говоримъ уже о двухъ-трехъ менѣе общихъ сужденіяхъ БѢлинскаго о Тургеневѣ, сужденіяхъ настолько же ошибочныхъ; читатели сами замѣтятъ ихъ въ текстѣ. Мы слишкомъ часто отмѣчали выше почти геніальныя критическія прозрѣнія БѢлинскаго, чтобы замалчивать на этотъ разъ очевидную его ошибку; намъ остается только указать, что въ своей первой статьѣ 1843-го года о Тургеневѣ БѢлинскій гораздо вѣрнѣе и провицательнѣе охарактеризовалъ сущность таланта этого писателя (см. т. II, стр. 737—738).

То, что БѢлинскій говоритъ въ настоящей статьѣ о Тургеневѣ, съ гораздо болѣе шимъ основаніемъ можно было бы примѣнить къ Григоровичу, о которомъ тутъ же идетъ рѣчь. Еще въ своей статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ БѢлинскій говорилъ о Григоровичѣ, прошумѣвшемъ тогда повѣстью „Деревня“, какъ о писателѣ, у котораго „нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе *физиологическихъ*“... И этотъ отзывъ какъ нельзя болѣе справедливъ. Въ 1847 году Григоровичъ еще болѣе надѣлалъ шума своей повѣстью „Антонъ-Горемыка“; въ ней онъ какъ нельзя болѣе удачно попалъ въ тонъ смутно бродившихъ въ обществѣ и уже назрѣвшихъ социальныхъ и этическихъ вопросовъ о крѣпостномъ правѣ. „Вѣроятно, ты уже получилъ одиннадцатый номеръ Современника, — писалъ БѢлинскій Боткину 5 ноябля 1847 г.: — тамъ повѣсть

¹⁾ Однако еще и въ настоящей статьѣ БѢлинскій говоритъ о нѣкоторыхъ лицахъ изъ повѣсти Далы, какъ о „созданіяхъ геніальныхъ“!...

Григоровича, которая измучила меня; читая ее, я все думалъ, что присутствую на экзекуціяхъ... страшно! Вотъ поди ты: дуракъ пошлый ¹⁾, а талант! Цензура чуть ее не прихлопнула"... И мѣсяцемъ позднѣе Бѣлинскій писалъ тому же Боткину: „ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удручающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонаимѣреннѣйшій помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину — законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ"... Высказаться подробно объ этой повѣсти — нечего было и думать: цензура не пропустила бы ни слова по существу; Бѣлинскій принужденъ былъ ограничиться намекающей фразой, что по прочтеніи этой повѣсти „въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя"... Интересно при этомъ то обстоятельство, что Бѣлинскій ясно видѣлъ отсутствіе художественности въ этой повѣсти и справедливо причислялъ ее къ произведеніямъ „беллетристики“. Когда Кавелинъ въ полномъ восторгѣ, называлъ эту повѣсть „божественной“, Бѣлинскій отвѣтилъ ему: „повѣсть прекрасна, хотя и не божественна, какъ вы говорите; читать ее — пытка: точно присутствуешь при экзекуціи“ (письмо отъ 22 ноября 1847 года). Въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ Боткину отъ начала декабря 1847 года Бѣлинскій, заступаясь за „беллетристику“, приводитъ въ примѣръ не-художественной, но „дѣльной“ повѣсти именно „Антонъ-Горемыку“: „вотъ почему — говоритъ Бѣлинскій — въ *Антонъ* я не замѣтилъ длиннотъ или, лучше сказать, упивался длиннотами"... Бѣлинскій былъ правъ: повѣсть Григоровича — произведеніе типично „беллетристическое“, въ смыслѣ Бѣлинскаго; Григоровичъ вообще былъ типичнымъ „беллетристомъ“, очень похожимъ на Даля и по размѣру и по направленію таланта. Только однажды удалось Григоровичу попасть въ струю напряженной общественной мысли эпохи своимъ „Антонъ-Горемыкой“; эта повѣсть доставила ему мѣсто въ первыхъ рядахъ русской литературы — мѣсто, на которомъ онъ былъ не въ силахъ удержаться. Вотъ почему Григоровичъ является въ исторіи русской литературы совершенно второстепеннымъ „беллетристомъ“, одно изъ произведеній котораго имѣетъ, однако, первостепенное историко-литературное значеніе.

¹⁾ Бѣлинскій былъ невысокаго мнѣнія о глубинѣ ума и натуры Григоровича; въ письмѣ къ Кавелину отъ 7 декабря 1847 г. Бѣлинскій пишетъ: „примѣръ поразительный замѣчательнаго таланта, какъ талантъ Григоровича; если бы вы увидѣли этого добраго, но пустѣйшаго малаго, вашему удивленію не было бы конца“...

Не будемъ болѣе останавливаться на писателяхъ „натуральной школы“, о которыхъ еще говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ: сбромъ и скучномъ Дружининѣ, съ его повѣстью „Полянка Саксъ“; Достоевскомъ, объ отношеніи къ которому Бѣлинскаго мы уже говорили въ замѣткахъ №№ 58 и 62; Далѣ, о которомъ мы уже сказали выше. Вернемся теперь къ началу — къ общему сужденію Бѣлинскаго о Гоголѣ и всей „натуральной школѣ“, которая понимаетъ искусство, какъ „воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ"... Въ настоящей и предыдущей своей статьѣ Бѣлинскій слишкомъ настойчиво подчеркивалъ тождество Гоголя и „натуральной школы“ по существу и направленію; необходимо указать, что такое утвержденіе далеко отъ истины, и что гораздо ближе къ послѣдней стоялъ Ю. Самаринъ, отмѣчавшій не сходство, а различіе между Гоголемъ и „натуральной школой“. Въ предыдущей статьѣ Бѣлинскій издѣвался надъ мыслью Самарина, будто Гоголь спустился въ міръ пошлости не только благодаря счастливому внушенію художественнаго инстинкта, но и вслѣдствіе „личной потребности внутренняго очищенія“; между тѣмъ несомнѣнно истина была въ этомъ случаѣ на сторонѣ Самарина. Несомнѣнно, съ другой стороны, что „натуральная школа“ вся вышла изъ Гоголя — объ этомъ еще Достоевскій заявилъ во всеуслышаніе; и Бѣлинскому необходимо было особенно подчеркнуть эту истину, тѣмъ болѣе, что славянофилы, принимая Гоголя, желали совершенно отвергнуть „натуральную школу“. Въ своемъ „Отвѣтѣ Москвитянину“ Бѣлинскій вполне сознательно и намѣренно перегнулъ палку въ другую сторону: онъ заявилъ, что между „натуральной школой“ и Гоголемъ нѣтъ разницы, что ихъ можно объединить формулой — „Гоголь и его литературная школа“; эти же мысли Бѣлинскій высказываетъ и въ настоящей статьѣ. Но все это со стороны Бѣлинскаго было только, повторяемъ еще разъ, вполне намѣреннымъ перегибаніемъ палки въ другую сторону; о причинахъ этого мы узнаемъ изъ письма Бѣлинскаго отъ 22 ноября 1847 года къ Кавелину, который не былъ согласенъ съ указанной мыслью Бѣлинскаго. „Насчетъ вашего несогласія со мною касательно Гоголя и натуральной школы, — пишетъ Бѣлинскій. — я вполне съ вами согласенъ, да и прежде думалъ такимъ же образомъ. Вы, юный другъ мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дѣло въ томъ, что писана она не для насъ, а для враговъ Гоголя и натуральной школы, въ защиту отъ фискальскихъ обвиненій. Поэтому я счелъ

за нужное сдѣлать уступки, на которыя внутренно и не думалъ соглашаться, и кое-что изложилъ въ такомъ видѣ, какой мало имѣетъ общаго съ моими убѣжденіями касательно этого предмета. Напримѣръ, все, что вы говорите о различіи натуральной школы отъ Гоголя, по-моему, совершенно справедливо; но сказать это печатно я не рѣшусь: это значило бы наводить волковъ на овчарню, вмѣсто того, чтобы отводить ихъ отъ нея. А они и такъ напали на слѣдъ и только ждутъ, чтобы мы проговорились. Вы, юный другъ мой—хорошій ученый, но плохой политикъ, какъ слѣдуетъ быть истому москвичу. Повѣрьте, что въ моихъ глазахъ г. Самаринъ не лучше г. Булгарина по его отношенію къ натуральной школѣ, а съ этими господами надобно быть осторожному“... Можно быть разнаго мнѣнія объ этой „политикѣ“ БѢлинскаго, но во всякомъ случаѣ ясно, что самъ БѢлинскій хорошо видѣлъ разницу между Гоголемъ и „натуральной школой“. Вопросъ этотъ имѣетъ теперь цѣлую литературу (см. вообще о Гоголѣ статью П. Заболотскаго „Н. В. Гоголь въ русской литературѣ“ — въ „Гоголевскомъ Сборникѣ“, Кіевъ, 1902 г.) и въ общемъ рѣшается согласно со словами Самарина и съ мыслью БѢлинскаго.

Но БѢлинскому важнѣе было подчеркнуть не разницу, а преемственную связь въ русской литературѣ; съ этого онъ и начинаетъ настоящую статью. Подробно останавливаясь на опредѣленіи понятія „прогрессъ“, подъ которымъ БѢлинскій въ сущности понимаетъ „эволюцію“ (о разницѣ между этими двумя понятіями впоследствии много писалъ Михайловскій), БѢлинскій всѣ эти теоретическія разсужденія строить только для того, чтобы приложить ихъ къ исторіи русской литературы. „Всякое органическое развитіе — говоритъ онъ — совершается черезъ прогрессъ, развивается же органически только то, что имѣетъ свою исторію, а имѣетъ свою исторію только то, въ чемъ каждое явленіе есть необходимый результатъ предыдущаго и имъ объясняется“... А что натуральная школа была „необходимымъ результатомъ“ творчества Гоголя — въ этомъ, разумѣется, не могло быть сомнѣнія. Но тутъ дѣло было не въ одной натуральной школѣ, не въ одномъ Гоголѣ, а во всей русской литературѣ: связано ли въ ней послѣдующее съ предыдущимъ, подвержена ли она закону „прогресса“, органическаго развитія? „Если можно представить себѣ литературу, въ которой являются отъ времени до времени сочиненія замѣчательныя, но чуждыя всякой внутренней связи и зависимости... — у такой литературы не можетъ быть исторіи. Ея исторія — ката-

логъ книгъ“... Но вѣдь это какъ-разъ то, что говорилъ БѢлинскій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“! „У насъ нѣтъ литературы“ — съ доказательства этого положенія началъ БѢлинскій свою критическую дѣятельность, доказывая, что у насъ есть нѣсколько гениальныхъ писателей, но нѣтъ внутренней литературной преемственности — а значитъ нѣтъ и литературы. Мы внимательно слѣдили за развитіемъ и измѣненіемъ этой мысли въ статьяхъ БѢлинскаго (см. особенно №№ 26, 29, 47, 57, 62 и др.); мы видѣли, что въ концѣ концовъ БѢлинскій призналъ свою ошибку, сталъ на историческую точку зрѣнія и увидѣлъ въ русской литературѣ преемственность органическаго развитія. И теперь, въ послѣдней своей статьѣ, БѢлинскій возвращается все къ тому же вопросу первой своей статьи, только рѣшая его въ противоположномъ смыслѣ указаніемъ на постоянный „прогрессъ“ въ русской литературѣ, на ея историческое развитіе. Такъ самъ БѢлинскій связалъ начало своей дѣятельности съ ея концомъ.

Но вѣдь литература является только проявленіемъ жизни народа, и „органическое развитіе“ литературы можетъ имѣть мѣсто только на почвѣ социальнаго прогресса народа, — таково было убѣжденіе БѢлинскаго. Говоря о литературномъ прогрессѣ, онъ не могъ не имѣть въ виду прогресса социальнаго, но гдѣ и въ чемъ видѣлъ онъ этотъ „прогрессъ“ теперь, послѣ потери былой вѣры въ социализмъ? Мы останавливаемся на этомъ вопросѣ во вступительной статьѣ къ первому тому; но и здѣсь не лишнее сформулировать еще разъ, чѣмъ замѣняетъ свою былую „вѣру въ социализмъ“ БѢлинскій въ настоящей статьѣ. Мы уже указывали, что у БѢлинскаго теперь снова появилась вѣра въ *личность*; къ этому можно прибавить, что былой утопическій социализмъ его замѣнился къ 1848-му году неопредѣленнымъ либерализмомъ и радикализмомъ. Прежде БѢлинскій ненавидѣлъ „буржуазію“ — и высказывалъ это еще въ 1846 — 7 г. (ст. № 62); теперь же, въ настоящей статьѣ, онъ отрицательно относится къ нападкамъ на „буржуазію“ Герцена въ его „Письмахъ изъ Avenue Marigny“. А въ письмѣ къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г. БѢлинскій писалъ: „Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ — я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной“. Все это какъ нельзя лучше объясняетъ то сочувственное отношеніе БѢлинскаго къ Адуеву-старшему, которое мы находимъ въ настоящей статьѣ: въ этомъ героѣ Гончарова БѢлинскій справедливо уви-

дѣлъ представителя нарождающейся русской буржуазіи. „Внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи—читаемъ мы въ томъ же письмѣ Бѣлинскаго—начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“... Но если Бѣлинскій и жаждалъ теперь развитія русской буржуазіи, то только какъ средства для гражданскаго развитія Россіи—т.-е. раскрѣпощенія „мужика“, о которомъ Бѣлинскій горячо говоритъ въ рядѣ страницъ настоящей статьи (ср. т. II, стр. 142). Но Бѣлинскій самъ сознавалъ, что развитіе русской буржуазіи—дѣло далекое: а потому надежды свои онъ возлагаетъ пока на „реформы свѣше“; съ симпатіей также относится Бѣлинскій и къ общественной благотворительности, вопросъ о которой дебатировался въ журналахъ 1847 года, и противъ которой возставали славянофилы (см. ниже въ примѣчаніи). Вообще надо сказать, что отъ былого воинствующаго социализма Бѣлинскій несомнѣнно перешелъ въ 1847—1848 гг. къ нѣкоторому оппортунизму, что можно замѣтить и въ настоящей статьѣ. Разочарованіе въ социализмѣ, какъ мы это уже замѣчали, окрасило собою послѣдніе два года жизни и дѣятельности Бѣлинскаго.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ какъ бы итогъ всей этой дѣятельности Бѣлинскаго эпохи „Современника“; мало того, въ ней мы находимъ итогъ и многимъ изъ вопросовъ, разрабатывавшихся Бѣлинскимъ съ самаго начала его литературной дѣятельности. Вопросъ объ искусствѣ и вопросъ о народѣ—съ этого началъ Бѣлинскій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, и этимъ онъ кончилъ во

„Взглядѣ на русскую литературу 1847 года“. Когда оглядываешься на этотъ тринадцатилѣтній путь, то невольно преклоняешься передъ величіемъ этихъ страстныхъ, мучительныхъ поисковъ истины; пройдя шагъ за шагомъ вслѣдъ за Бѣлинскимъ этотъ путь, отдаешь себѣ отчетъ во всемъ значеніи Бѣлинскаго для русской мысли, для русской жизни. „Великій критикъ земли русской“; первый и гениальный историкъ русской литературы; борецъ за великіе общественные идеалы; „гениальная философская организація“; непримиримый искатель Бога, искатель правды жизни и правды міра,—все это соимѣщалось въ личности Бѣлинскаго, все это является вѣчной цѣнностью въ исторіи русской жизни и литературы. Пусть многое изъ этого является теперь только исторической цѣнностью, пусть отвергнуты нѣкоторыя критическія и историко-литературныя сужденія Бѣлинскаго, пусть превзойдены его социальныя и философскія воззрѣнія; но духовныя исканія Бѣлинскаго, его душевныя муки, его нравственныя, философскія и религіозныя скитанія въ поискахъ смысла бытія—все это не только цѣнно до настоящаго времени, но и останется такимъ навсегда. „Бѣлинскій умеръ—живъ Бѣлинскій!“—со злобою восклицалъ когда-то кн. П. Вяземскій, воюя съ движеніемъ шестидесятихъ годовъ; онъ и не подозрѣвалъ, какая истина имъ сказана! И мы, кончая свое слѣдованіе за Бѣлинскимъ, можемъ только заключить нашъ путь этими же словами: Бѣлинскій умеръ—живъ Бѣлинскій—и будетъ жить вѣчно!

И.-Р.

Статья первая.

Время и прогрессъ.—Фельетонисты—враги прогресса.—Употребленіе иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ.—Годишныя обзорѣнія русской литературы въ альманахахъ 20-хъ годовъ.—Обзорѣніе русской литературы 1814 года, г. Греча.—Обзорѣнія нашего времени.—Натуральная школа.—Ея происхожденіе.—Гоголь.—Нападки на натуральную школу.—Разсмотрѣніе этихъ нападокъ.

Когда долго не бываетъ тѣхъ замѣчательныхъ событій, которыя рѣзко измѣняютъ въ чемъ-нибудь обычное теченіе дѣлъ и круто поворачиваютъ его въ другую сторону, всѣ года кажутся похожими одинъ на другой. Новый годъ празднуется какъ условный календарный праздникъ, и людямъ кажется, что вся перемѣна, все новое, принесенное истекшимъ годомъ, состоитъ только въ томъ, что каждый изъ нихъ и еще однимъ годомъ сталъ старше,—

„И хоромъ бабушки твердятъ:
Какъ ваши годы-то летятъ!“

А между тѣмъ, какъ оглянется человѣкъ назадъ и пробѣжитъ въ своей памяти нѣсколько такихъ годовъ, то и видитъ, что все стало съ тѣхъ поръ какъ-то не такъ, какъ было прежде. Разумѣется, тутъ у всякаго свой календарь, свои люстры, олимпиады, десятилѣтія, години, эпохи, періоды, опредѣляемые и назначаемые событіями его собственной жизни. И потому одинъ говоритъ: „какъ все перемѣнилось въ послѣднія двадцать лѣтъ!“ Для другого перемѣна произошла въ десять, для третьяго—въ пять лѣтъ. Въ чемъ заключается она, эта перемѣна, не всякій можетъ опредѣлить, но всякій чувствуетъ, что вотъ съ такого-то времени точно произошла какая-то перемѣна, что и онъ какъ будто не тотъ, да и другіе не тѣ, да не совсѣмъ тотъ порядокъ и ходъ самыхъ обыкновенныхъ дѣлъ на свѣтѣ. И вотъ одни жалуются, что все стало хуже; другіе въ восторгѣ, что все становится лучше.

Разумѣется, тутъ зло и добро опредѣляется болѣею частію личнымъ положеніемъ каждаго, и каждый свою собственную особу ставитъ центромъ событій и все на свѣтѣ относитъ къ ней: ему стало хуже, и онъ думаетъ, что все и для всѣхъ стало хуже, и наоборотъ. Но такъ понимаетъ дѣло большинство, масса; люди, наблюдающіе и мыслящіе, въ измѣненіи обычнаго хода житейскихъ дѣлъ видятъ, напротивъ, не одно улучшение или пониженіе ихъ собственного положенія, но измѣненіе понятій и нравовъ общества, слѣдовательно развитіе общественной жизни. Развитіе для нихъ есть ходъ впередъ, слѣдовательно улучшение, усиленіе, *прогрессъ*.

Фельетонисты, которыхъ у насъ теперь развелось такое множество, и которые, по обязанности своей еженедѣльно разсуждаютъ въ газетахъ о томъ, что въ Петербургѣ погода постоянно дурна, считаютъ себя глубокими мыслителями и глашатаями великихъ истинъ,—фельетонисты наши очень не взлюбили слово „прогрессъ“ и преслѣдуютъ его съ тѣмъ остроуміемъ, котораго неоспоримую и блестящую славу они дѣлятъ только съ нашими же водевилями. За что же слово „прогрессъ“ навлекло на себя особенное гоненіе этихъ остроумныхъ господъ? Причинъ много разныхъ. Одному слово это не любо потому, что о немъ не слышно было въ то время, когда онъ былъ молодъ и еще какъ-нибудь и смогъ бы понять его. Другому потому, что это слово введено въ употребленіе не имъ, а другими,—людьми, которые не пишутъ ни фельетоновъ, ни водевилей, а между тѣмъ имѣютъ въ литературѣ такое вліяніе, что могутъ вводить въ употребленіе новыя слова. Третьему это слово противно потому, что оно вошло въ употребленіе безъ его вѣдома, спросу и совѣта, тогда какъ онъ убѣжденъ, что безъ его участія ничего важнаго не должно дѣлаться въ литературѣ. Между этими господами много большихъ охотниковъ выдумать что-нибудь новое, да только это никогда имъ не удается. Они и выдумываютъ, да все невпопадъ, и всѣ ихъ нововведенія отзываются *чаромутіемъ*¹⁾ и возбуждаютъ смѣхъ. Зато, чуть только кто-нибудь скажетъ новую мысль или употребитъ новое слово, имъ все кажется, что вотъ эту-то мысль или это-то слово они и выдумали бы непременно, если бы ихъ не упредили и такимъ образомъ не перебили у нихъ случая отличиться нововведеніемъ. Есть между этими господами и такіе, которые еще не пережили эпохи, когда человѣкъ способенъ еще учиться, и, по лѣтамъ своимъ, могли бы понять слово „прогрессъ“, и такъ не могутъ

достичь этого по другимъ „не зависящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ“. При всемъ нашемъ уваженіи къ господамъ фельетонистамъ и водевилистамъ и къ ихъ доказанному блестящему остроумію, мы не войдемъ съ ними въ споръ, боясь, что бой былъ бы слишкомъ неравенъ, разумѣется—для насъ... Есть еще особенный родъ враговъ „прогресса“; это—люди, которые тѣмъ сильнѣйшую чувствуютъ къ этому слову ненависть, чѣмъ лучше понимаютъ его смыслъ и значеніе. Тутъ уже ненависть собственно не къ слову, а къ идеѣ, которую оно выражаетъ, и на невинномъ словѣ вымещается досада на его значеніе. Имъ, этимъ людямъ, хотѣлось бы увѣрить и себя, и другихъ, что застой лучше движенія, старое всегда лучше новаго, и жизнь заднимъ числомъ есть настоящая, истинная жизнь, исполненная счастья и нравственности. Они соглашаются хотя и съ болью въ сердцѣ, что міръ всегда измѣнялся и никогда не стоялъ долго на точкѣ нравственнаго замерзанія; но въ этомъ-то они и видятъ причину всѣхъ золъ на свѣтѣ. Въмѣсто всякаго спора съ этими господами, вмѣсто всякихъ доказательствъ и доводовъ противъ нихъ, мы скажемъ, что это—*китайцы*... Такое названіе рѣшаетъ вопросъ лучше всякихъ изслѣдованій и разсужденій...

Слово „прогрессъ“ естественно должно было встрѣтить особенную неприязнь къ нему со стороны пуристовъ русскаго языка, которые возмущаются всякимъ иностраннымъ словомъ, какъ ересью или расколомъ въ ортодоксію родного языка. Подобный пуризмъ имѣетъ свое законное и дѣльное основаніе: но тѣмъ не менѣе онъ—односторонность, доведенная до послѣдней крайности. Нѣкоторые изъ старыхъ писателей, не любя современной русской литературы (потому что она далеко ихъ обошла, а они отъ нея далеко отстали, и такимъ образомъ лишились всякой возможности играть въ ней сколько-нибудь значительную роль), прикрываются пуризмомъ и твердятъ безпрестанно, что въ наше время прекрасный русскій языкъ всячески искажается и уродуется, особенно введеніемъ въ него иностранныхъ словъ. Но кто же не знаетъ, что пуристы говорили то же самое объ эпохѣ Карамзина? Стало быть, *наше время* терпитъ тутъ совершенную напраслину, и если оно виновато въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, то отнюдь не болѣе всякаго другого времени, предшествовавшего ему. Если бы употребленіе въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ и было зломъ, оно зло необходимое, корень котораго глубоко лежитъ въ реформѣ Петра Великаго, познакомившей насъ со множествомъ до того совершенно чуждыхъ намъ понятій, для выраженія которыхъ у насъ не было словъ.

¹⁾ Неологизмъ Шишкова, такъ же, какъ и нѣкоторые нижеслѣдующіе.

Поэтому необходимо было чужія понятія и выражать чужими готовыми словами. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ такъ и остались непереведенными и незамѣненными, и потому получили право гражданства въ русскомъ словарѣ. Всѣ къ нимъ привыкли, всѣ ихъ понимаютъ: за что же гнать ихъ? Конечно, простолюдинъ не пойметъ словъ: *инстинктъ*, *поизмъ*, но не потому, что они иностранныя, а потому, что его уму чужды выражаемые ими понятія, и слова: *побудка*, *ячество* не будутъ для него нисколько яснѣе *инстинкта* и *поизма*. Простолюдины не понимаютъ чисто русскихъ словъ, которыхъ смыслъ въ тѣснаго круга ихъ обычныхъ житейскихъ понятій, напримѣръ: *событіе*, *современность*, *возникновеніе* и т. п., и хорошо понимаютъ иностранныя слова, выражающія относящіяся къ ихъ быту или не чуждыя его понятія, напримѣръ: *начпортъ*, *билетъ*, *ассинація*, *квитанція* и т. п. Что же касается до людей образованныхъ, то *инстинктъ* для нихъ—воля ваша—яснѣе и понятнѣе *побудки*, *поизмъ*—*ячества*, *факты*—*бытей*. Но если одни иностранныя слова удержались и получили въ русскомъ языкѣ право гражданства, зато другія, съ теченіемъ времени, были удачно замѣнены русскими, большею частію вновь составленными. Такъ Тредьяковский, говорятъ, ввелъ слово „предметъ“, а Карамзинъ — „промышленность“. Такихъ русскихъ словъ, удачно замѣнившихъ собою иностранныхъ, множество. И мы первые скажемъ, что употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, значитъ оскорблять и здравый смыслъ и здравый вкусъ. Такъ, напримѣръ, ничего не можетъ быть нелѣпѣе и диче, какъ употребленіе слова „утрировать“ вмѣсто „преувеличивать“. Каждая эпоха русской литературы ознаменовывалась наплывомъ иностранныхъ словъ; наша, разумѣется, не избѣгла его. И это еще не скоро кончится: знакомство съ новыми идеями, выработавшимися на чужой намъ почвѣ, всегда будетъ приводить къ намъ и новыя слова. Но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе это будетъ замѣтно, потому что до сихъ поръ мы вдругъ познакомились съ цѣлымъ кругомъ дотошъ чуждыхъ намъ понятій. По мѣрѣ нашихъ успѣховъ въ сближеніи съ Европою запасы чуждыхъ намъ понятій будутъ все болѣе и болѣе истощаться, и новымъ для насъ будетъ только то, что ново и для самой Европы. Тогда естественно и заимствованія пойдутъ ровнѣе, тише, потому что мы будемъ уже не догонять Европу, а идти съ нею рядомъ, не говоря уже о томъ, что и языкъ русскій съ теченіемъ времени будетъ все болѣе и болѣе вырабатываться, развиваться, становиться гибче и опредѣленнѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что охота пестрить русскую рѣчь иностранными словами безъ нужды, безъ достаточнаго основанія противна здравому смыслу и здравому вкусу; но она вредитъ не русскому языку и не русской литературѣ, а только тѣмъ, кто одержимъ ею. Но противоположная крайность, т.-е. неумѣренный пуризмъ, производитъ тѣ же слѣдствія, потому что крайности сходятся. Судьба языка не можетъ зависѣть отъ произвола того или другого лица. У языка есть хранитель надежный и вѣрный; это—его же собственный духъ, гений. Вотъ почему изъ множества вводимыхъ иностранныхъ словъ удерживаются только немногія, а остальные сами собой исчезаютъ. Тому же самому закону подлежатъ и новосоставляемыя русскія слова: одни изъ нихъ удерживаются, другія исчезаютъ. Неудачно придуманное русское слово для выраженія чуждаго понятія не только не лучше, но рѣшительно хуже иностраннаго слова. Говорятъ, для слова „прогрессъ“ не нужно и выдумывать новаго слова, потому что оно удовлетворительно выражается словами: *успѣхъ*, *поступательное движеніе*, и т. д. Съ этимъ нельзя согласиться. Прогрессъ относится только къ тому, что развивается само изъ себя. Прогрессомъ можетъ быть и то, въ чемъ вовсе нѣтъ успѣха, приобрѣтенія, даже шагу впередъ; и, напротивъ, прогрессомъ можетъ быть иногда неуспѣхъ, упадокъ, движеніе назадъ. Это именно относится къ историческому развитію. Бываютъ въ жизни народовъ и человѣчества эпохи несчастныя, въ которыя цѣлыя поколѣнія какъ бы приносятся въ жертву слѣдующимъ поколѣніямъ. Проходитъ тяжелая година—и изъ зла рождается добро. Слово „прогрессъ“ отличается всею опредѣленностію и точностію научнаго термина, а въ послѣднее время оно сдѣлалось ходячимъ словомъ, его употребляютъ всѣ—даже тѣ, которые нападаютъ на его употребленіе. И потому, пока не явится русскаго слова, которое бы вполне замѣнило его собою, мы будемъ употреблять слово „прогрессъ“.

Всякое органическое развитіе совершается черезъ прогрессъ, развивается же органически только то, что имѣетъ свою исторію, а имѣетъ свою исторію только то, въ чемъ каждое явленіе есть необходимый результатъ предыдущаго и имъ объясняется. Если можно представить себѣ литературу, въ которой являются отъ времени до времени сочиненія замѣчательныя, но чуждыя всякой внутренней связи и зависимости, обязанныя своимъ появленіемъ внѣшнимъ вліяніямъ, подражательности,—у такой литературы не можетъ быть исторіи. Ея исторія—каталогъ книгъ. Къ такой литературѣ слово „прогрессъ“ неприменимо, и появленіе новаго,

почему-нибудь замѣчательнаго произведенія въ ней не есть прогрессъ, потому что это произведеніе не имѣетъ корня въ прошедшемъ и не дастъ плода въ будущемъ. Тутъ время и годы ничего не значатъ: они могутъ идти себѣ, ничего не измѣняя. Не такъ бываетъ въ литературѣ, развивающейся исторически: тутъ каждый годъ что-нибудь да приноситъ за собою, и это что-нибудь есть прогрессъ. Но не каждый годъ можно ясно увидѣть и опредѣлить этотъ прогрессъ; часто онъ оказывается только въ послѣдствіи. Но, во всякомъ случаѣ, очень полезно въ опредѣленные сроки, напримѣръ, по окончаніи каждаго года, обозрѣвать въ цѣломъ ходъ литературы, ея приобрѣтенія, ея богатство или ея бѣдность. Такія обозрѣнія не бесполезны для настоящаго времени и могутъ служить важнымъ пособіемъ для будущаго историка литературы.

Отчеты о литературной дѣятельности за каждый истекшій годъ начали входить у насъ въ обыкновеніе съ 1823 года. Примѣръ былъ поданъ Марлинскимъ, въ знаменитомъ того времени альманахѣ ¹⁾. И съ тѣхъ поръ годовыя обозрѣнія литературы почти не прерывались въ альманахахъ въ продолженіе десяти лѣтъ. Въ журналахъ же они появлялись рѣдко, но въ послѣднее время постоянно печатаются въ одномъ извѣстномъ журналѣ уже лѣтъ семь сряду ²⁾. Отдѣленіе критики въ Современникѣ прошлаго года началось обзоромъ русской литературы 1846 года, и каждая первая книжка его на новый годъ всегда будетъ заключать въ себѣ такое обозрѣніе литературной дѣятельности за истекшій годъ.

Подобныя обозрѣнія съ теченіемъ времени дѣлаются истинными лѣтописями литературы, важнымъ пособіемъ для ея историка. Альманачныя обозрѣнія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, имѣютъ теперь для насъ весь интересъ старины, несмотря на то, что начались всего 24 года назадъ тому! Такъ быстро идетъ впередъ наша литература! Но какой отдаленною, какой глубокою стариною отзывается „Обозрѣніе русской литературы 1814 года“, написанное г. Гречемъ и помѣщенное въ Сынѣ Отечества 1815 года! На нѣсколькихъ жиденькихъ страничкахъ исчислены всѣ ученыя и литературныя приобрѣтенія и сокровища 1814 года. Годъ этотъ дѣйствительно ознаменованъ былъ появленіемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ серьезныхъ книгъ, какъ, напримѣръ: *Собраніе государственныхъ російскихъ грамотъ и договоровъ*, обязанное своимъ изданіемъ графу Н. П.

Румянцеву; *Исторія медицины въ Россіи*, Рихтера и переводъ Дестуниса *Шутартовскихъ Жизнеописаній*. Но что за страшная бѣдность по части собственно такъ называемой изящной словесности! Переводъ Делилевой поэмы *Сиды* г. Палицина, описательная поэма князя Шихматова *Сельскій Житель*, стихотвореніе Державина *Христосъ*, *Ночь на размышленіе* князя Шихматова и *Размышленіе о судьбѣ* князя Долгорукова. Все это—поэмы въ дидактическомъ родѣ, который тогда былъ особенно въ ходу, а теперь давно уже признанъ антипоэтическимъ и забытъ совершенно. Потомъ въ обзорѣ г. Греча упоминается объ изданіи басенъ и сказокъ Александра Измайлова и о басняхъ какого-то г. Агафи, и въ заключеніе замѣчено, что басни Крылова были помѣщаемы въ журналахъ. Вотъ и все! Авторъ обзорѣнія замѣчаетъ, что въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ XIX столѣтія вышло болѣе сочиненій, нежели прежде того въ теченіе десяти лѣтъ; но что, по причинѣ политическихъ обстоятельствъ того времени, съ 1806 до 1814 года, литературное движеніе въ Россіи почти совсѣмъ остановилось. Въ продолженіе второй половины 1812 и первой 1813 годовъ не только не вышло въ свѣтъ, но и не было написано ни одной страницы, которая бы не имѣла предметомъ тогдашнихъ происшествій. „Наконецъ, въ 1814 году,—говоритъ авторъ обзорѣнія,—увѣнчавшемъ всѣ напряженія и труды истекшихъ лѣтъ, русская литература, посвящая поэзію и краснорѣчіе въ честь и славу великаго монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уроченный и огражденный навсегда. Въ теченіе этого года вышли многіе сочиненія и переводы, которые останутся незабвенными въ лѣтописяхъ нашей литературы“. Это отчасти справедливо, только не въ отношеніи къ произведеніямъ поэзіи... Замѣчательно, что, признавая бѣдность нѣкоторыхъ разрядовъ своего обзорѣнія, авторъ, какъ успѣху русской литературы, радуется тому, что въ теченіе 1814 года вышло въ Петербургѣ и Москвѣ только по одному роману (оба переведены съ нѣмецкаго), да двѣ историческія повѣсти! Не думалъ онъ тогда, что романъ и повѣсть скоро станутъ во главѣ всѣхъ родовъ поэзіи, и что самъ онъ напишетъ нѣкогда *Попѣлку въ Германію* и *Черную женщину!* ¹⁾. Но вотъ еще характеристическая черта нашей литературы или, лучше сказать, нашей публики,—черта, о которой къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы теперь она отзывалась стариною: извѣстнаго путешествія Крузенштерна вокругъ свѣта, изданнаго въ 1809—1813 годахъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и путешествія вокругъ

¹⁾ „Полярной Звѣздѣ“.

²⁾ Вѣлипскій говоритъ здѣсь о своихъ годовыхъ обзорѣніяхъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1840—1845 гг.

¹⁾ См. т. I, ст. № 12.

свѣта Лисянскаго, издавнаго въ 1812 году, на русскомъ и англійскомъ языкахъ, въ Россіи разошлось, — говоритъ авторъ обзорѣнія, — едва ли по двѣсти экземпляровъ каждаго, между тѣмъ какъ въ Германіи вышло три изданія путешествія Крузенштерна, а въ Лондонѣ продана въ двѣ недѣли половина экземпляровъ книги Лисянскаго.

Годичныя обзорѣнія появились въ альманахахъ вслѣдствіе начинавшаго возникать критическаго духа. Приступая къ обзорѣнію литературы извѣстнаго года, критикъ начиналъ иногда очеркомъ всей исторіи русской литературы. Писать эти обзорѣнія тогда было очень легко и очень трудно. Легко потому, что все ограничивалось легкими сужденіями, выражавшими личный вкусъ обзорѣвателя; трудно или, лучше сказать, скучно потому, что это была работа дробная, мелкая: надо было перечислить рѣшительно все, что появилось въ теченіе обзорѣваемаго года отдѣльно изданнымъ, въ журналахъ и альманахахъ, оригинальное и переводное. А что печаталось тогда по части изящной словесности въ журналахъ и альманахахъ? — большею частію крошечные отрывки изъ маленькихъ поэмъ, изъ романовъ, повѣстей, драмъ и т. п. Большею частію цѣлыхъ сочиненій и не существовало: отрывокъ писался безъ всякаго намѣренія написать цѣлое. О каждой такой бездѣлицѣ надо было упомянуть и сказать свое мнѣніе, потому что тогда, при началѣ такъ называемаго романтизма, все было ново, все интересовало собою, все считалось важнымъ событіемъ — и отрывокъ изъ несуществующей поэмы въ двадцать стиховъ сче- томъ, и элегія, и сотовое подражаніе какой-нибудь пьесѣ Ламартина, переводъ романа Вальтера Скотта и переводъ романа какого-нибудь Фанъ-деръ-Фельде.

Въ этомъ отношеніи теперь гораздо лучше писать обзорѣнія. Теперь уже не считается принадлежащимъ къ литературѣ все, что ни выходитъ изъ-подъ типографскихъ станковъ. Теперь многое испытано, ко многому приглядѣлись и привыкли. Конечно, переводъ такого романа, какъ *Домби и сынъ*, и теперь замѣчательное явленіе въ литературѣ, и обзорѣватель не въ правѣ пропустить его безъ вниманія; но зато переводы романовъ Сю, Дюма и другихъ французскихъ беллетристовъ, появляющіеся теперь дюжинами, уже нельзя считать всегда литературными явленіями. Они пишутся силеча, ихъ цѣль — выгодный сбытъ, доставляемое ими наслажденіе извѣстному разряду любителей такой литературы, относится, конечно, ко вкусу, но не къ эстетическому, а тому, который у однихъ удовлетворяется сигарами, у другихъ — щелканьемъ орѣшковъ... Публика

нашего времени уже не та, что была прежде. Произволъ критики уже не можетъ убить хорошей книги и дать ходъ дурной. Французскіе романы наполняютъ собою наши журналы и издаются особо; въ томъ и другомъ случаѣ, они находятъ себѣ множество читателей. Но поэтому отнюдь не слѣдуетъ дѣлать рѣзкихъ заключеній о вкусѣ публики. Многіе берутся за романъ Дюма, какъ за сказку, впередъ зная, что это такое, читаютъ его съ тѣмъ, чтобы развлечь себя на время чтенія небывалыми приключеніями, а потомъ и забыть ихъ навсегда. Въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего дурного. Одинъ любить качаться на качеляхъ, другой ѣздить верхомъ, третій плавать, четвертый курить, и многіе, вмѣстѣ съ этимъ, любятъ читать вздорныя сказки, хорошо рассказываемыя. Поэтому переводные романы и повѣсти уже не заслоняютъ собою оригинальныхъ; напротивъ, общій вкусъ публики отдаетъ послѣднимъ рѣшительное предпочтеніе, такъ что помѣщать въ журналахъ преимущественно переводные романы и повѣсти заставляетъ журналистовъ только одна крайность, т. е. недостатокъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ этого рода. И такое направленіе вкуса публики становится замѣтнѣе и опредѣленнѣе годъ отъ году. Въ отношеніи же къ оригинальнымъ произведеніямъ очарованіе именъ совершенно исчезло; громкое имя, конечно, и теперь заставитъ каждаго взяться за новое сочиненіе, но уже никто не придетъ отъ него въ восторгъ, если въ немъ хорошаго одно только имя автора. Сочиненія посредственныя, слабыя проходятъ незамѣтными, умираютъ своею смертію, а не отъ ударовъ критики. Такому положенію литературы, столь различному отъ того, въ какомъ она находилась лѣтъ двадцать назадъ тому, должна соотвѣтствовать и критика. Отдавая отчетъ въ годичномъ движеніи литературной дѣятельности, теперь нечего обращать вниманіе на количество произведеній или хлопотать объ оцѣнкѣ каждаго явленія, изъ опасенія, что безъ указаній критики публика не будетъ знать, что считать ей хорошимъ и что — дурнымъ. Нѣтъ даже пужды останавливаться на каждомъ порядочномъ произведеніи и вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ его красотъ и недостатковъ. Подобное вниманіе принадлежитъ теперь по праву только особенно замѣчательнымъ, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, произведеніямъ. Главная же задача тутъ — показать преобладающее направленіе, общій характеръ литературы въ данное время, прослѣдить въ ея явленіяхъ оживляющую и движущую ее мысль. Только такимъ образомъ можно если не опредѣлить, то хоть намекнуть, насколько

истекшій годъ подвинулъ впередъ литературу, какой прогрессъ совершила она въ немъ.

Собственно новымъ 1847 годъ ничѣмъ не ознаменовалъ себя въ литературѣ. Явились въ преобразованномъ видѣ нѣкоторые изъ старыхъ періодическихъ изданій, явился даже одинъ новый листокъ; замѣчательными произведеніями по части изящной словесности прошлый годъ былъ особенно богатъ въ сравненіи съ предшествовавшими годами; явилось нѣсколько новыхъ именъ, новыхъ талантовъ и дѣйствителей по разнымъ частямъ литературы. Но не явилось ни одного изъ тѣхъ ярко-замѣчательныхъ произведеній, которые своимъ появленіемъ дѣлаютъ эпоху въ исторіи литературы, даютъ ей новое направленіе. Вотъ почему мы говоримъ, что собственно новымъ литература прошлаго года ничѣмъ не ознаменовала себя. Она шла по прежнему пути, котораго нельзя назвать ни новымъ, потому что онъ успѣлъ уже обозначиться, ни старымъ, потому что слишкомъ недавно открылся для литературы, — именно немного раньше того времени, когда въ первый разъ было кѣмъ-то ¹⁾ выговорено слово: „натуральная школа“. Съ тѣхъ поръ прогрессъ русской литературы въ каждомъ новомъ году состоялъ въ болѣе твердомъ ея шагѣ въ этомъ направленіи. Прошлый 1847 годъ былъ особенно замѣчательенъ въ этомъ отношеніи, въ сравненіи съ предшествовавшими годами, какъ по числу и замѣчательности вѣрныхъ этому направленію произведеній, такъ и болѣею опредѣленностію, сознательностію и силою самаго направленія и большимъ его кредитомъ у публики.

Натуральная школа стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы. Съ одной стороны, нисколько не преувеличивая дѣла, по какимъ-нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т.-е. большинство читателей за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ журналахъ, а какіе журналы пользуются болѣею извѣстностію, имѣютъ болѣе обширный кругъ читателей и большее вліяніе на мнѣніе публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которые принадлежатъ натуральной школѣ, или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повѣсти, не принадлежащіе къ натуральной школѣ? Какая критика пользуется болѣе вліяніемъ на мнѣніе публики, или, лучше сказать, какая критика

болѣе сообразна съ мнѣніемъ и вкусомъ публики, какъ не та, которая стоитъ за натуральную школу противъ риторической? Съ другой стороны, о комъ безпрестанно говорятъ, спорятъ, на кого безпрестанно нападаютъ съ ожесточеніемъ, какъ не на натуральную школу? Партія, ничего не имѣющая между собою общаго, въ нападкахъ на натуральную школу дѣйствуютъ согласнo, единодушно, приписываютъ ей мнѣнія, которыхъ она чуждается, намѣренія, которыхъ у пей никогда не было, ложно перетолковываютъ каждое ея слово, каждый ея шагъ, то бранятъ ее съ запальчивостію, забывая иногда приличіе, то жалуются на нее чуть не со слезами. Чтo общаго между заклятыми врагами Гоголя, представителями побѣжденнаго риторическаго направленія, и между такъ называемыми славянофилами? — Ничего! — и однакожъ послѣдніе, признавая Гоголя основателемъ натуральной школы, согласнo съ первыми нападаютъ, въ томъ же тонѣ, тѣми же словами, съ такими же доказательствами, на натуральную школу, и почли занужное отличиться отъ своихъ новыхъ союзниковъ только логическою послѣдовательностію, вслѣдствіе которой они поставили Гоголю въ заслугу то самое, за чтo преслѣдуютъ его школу, на томъ основаніи, что онъ писалъ по какой-то „потребности внутренняго очищенія“ ¹⁾. Къ этому должно прибавить, что школы, неприязненныя натуральной, не въ состояніи представить ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія, которое доказало бы дѣломъ, что можно писать хорошо, руководствуясь правилами, противоположными тѣмъ, которыхъ держится натуральная школа. Всѣ попытки ихъ въ этомъ родѣ послужили къ торжеству натурализма и паденію риторизма. Видя это, нѣкоторые изъ противниковъ натуральной школы пытались противопоставлять ей ея же писателей. Такъ, одна газета думала г. Бутковымъ уничтожить авторитетъ самого Гоголя... ²⁾.

Все это нисколько не ново въ нашей литературѣ, но было не разъ и всегда будетъ. Карамзинъ первый произвелъ раздѣленіе въ едва возникавшей тогда русской литературѣ. До него всѣ были согласны во всѣхъ литературныхъ вопросахъ, и, если бывали разногласія и споры, они выходили не изъ мнѣній и убѣжденій, а изъ мелкихъ и безпокойныхъ самолюбіи Тредьяковскаго и Сумарокова. Но это согласіе доказывало только безжизненность тогдашней такъ называемой

¹⁾ См. выше, статью № 65.

²⁾ См. о Бутковѣ ст. № 62; Буткова противопоставлялъ Гоголю Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1846 г., № 42).

¹⁾ Булгаринымъ; см. ст. № 59.

литературы. Карамзинъ первый оживилъ ее, потому что перевелъ ее изъ книги въ жизнь, изъ школы въ общество. Тогда, естественно, явились и партіи, началась война на перьяхъ, раздались вопли, что Карамзинъ и его школа губятъ русскій языкъ и вредятъ добрымъ русскимъ правамъ. Въ лицѣ его противниковъ, казалось, вновь возсталъ русская упорная старина, которая съ такимъ судорожнымъ, и тѣмъ болѣе безплоднымъ, напряженіемъ отстаивала себя отъ реформы Петра Великаго. Но большинство было на сторонѣ права, т.-е. таланта и современныхъ нравственныхъ потребностей, вопли противниковъ заглушались хвалебными гимнами поклонниковъ Карамзина. Все группировалось около него, и отъ него все получало свое значеніе и свою значительность, все — даже его противники. Онъ былъ героемъ, Ахилломъ литературы того времени. Но что вся эта тревога въ сравненіи съ бурей, которая поднялась съ появленіемъ Пушкина на литературномъ поприщѣ? Она такъ памятна всѣмъ, что нѣтъ нужды распространяться о ней. Скажемъ только, что противники Пушкина видѣли въ его сочиненіяхъ искаженіе русскаго языка, русско-поэзіи, несомнѣнный вредъ не только для эстетическаго вкуса публики, но и — повѣрить ли теперь этому? — для общественной нравственности!... Не желая шевелить старыя дразги, мы удерживаемся отъ всякихъ указаній, но, если у насъ ихъ требуютъ, мы всегда готовы представить печатныя доказательства. Въ одной критикѣ на *Графа Нулина* Пушкинъ обвинялся въ неприличіи, доходящемъ до цинизма! Перечитывая эту критику теперь, невольно забываешь, когда и на что она писана; такъ и кажется, что это сейчасъ написанная статья противъ какого-нибудь произведенія теперешней натуральной школы: тотъ же языкъ, тѣ же доводы, та же манера браться за дѣло, какіе и теперь употребляются въ нападкахъ на натуральную школу¹⁾.

Что же за причина, что противники всякаго движенія впередъ во всѣ эпохи нашей литературы говорили одно и то же и почти одними и тѣми же словами?

Причина этого скрывается тамъ же, гдѣ надо искать и происхожденіе натуральной школы — въ исторіи нашей литературы. Она началась натурализмомъ: первый свѣтскій писатель былъ сатирикъ Кантемиръ. Несмотря на подражаніе латинскимъ сатирикамъ и Буало, онъ умѣлъ остаться оригинальнымъ, потому что былъ вѣренъ натурѣ

и писалъ съ нею. Къ несчастію, однообразіе избраннаго имъ рода, грубость и необработанность языка, не свойственный нашей поэзіи силлабическій метръ не допустили Кантемира быть образцомъ и законодателемъ русской поэзіи. Роль эта была предоставлена Ломоносову. Но какъ Кантемиръ все-таки остается человекомъ съ необыкновеннымъ талантомъ, то его и нельзя исключить изъ исторіи русской литературы, какъ перваго, по времени, ея поэта. Поэтому мы въ правѣ сказать, не искажая фактовъ и не дѣлая натяжекъ, что русская поэзія при самомъ началѣ своемъ потекла, если можно такъ выразиться, двумя параллельными другъ другу руслами, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще сливались въ одинъ потокъ, разбѣгаясь послѣ опять на два, до тѣхъ поръ, пока въ наше время не составили одного цѣлаго. Въ лицѣ Кантемира русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ. Въ лицѣ Ломоносова она обнаружила стремленіе къ идеалу, поняла себя, какъ оракула жизни высшей, выпренней, какъ глашатая всего высокаго и великаго. Оба эти направленія были законны и оба вышли не изъ жизни, а изъ теоріи, изъ книги, изъ школы. Но манера, съ какою Кантемиръ взялся за дѣло, утверждаетъ за первымъ направленіемъ преимущество истины и реальности. Въ Державинѣ, какъ талантѣ высшемъ, оба эти направленія часто сливались, и его оды къ *Фелицу*, *Вельможѣ*, *На Счастье*, едва ли не лучшія его произведенія, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія въ нихъ больше оригинальнаго, русскаго, нежели въ его торжественныхъ одахъ. Въ басняхъ Хемницера и въ комедіяхъ Фонвизина отозвалось направленіе, представителемъ котораго, по времени, былъ Кантемиръ. Сатира у нихъ уже рѣже переходитъ въ преувеличеніе и карикатуру, становится болѣе натуральною, по мѣрѣ того, какъ становится болѣе поэтической. Въ басняхъ Крылова сатира дѣлается вполне художественною; натурализмъ становится отличительною характеристическою чертою его поэзіи. Это былъ первый великій натуралистъ въ нашей поэзіи. Зато онъ первый и подвергся упрекамъ за изображенія „низкой природы“, особенно за басню „Свинья“. Посмотрите, какъ натуральны его животныя: это — настоящіе люди, съ рѣзко очерченными характерами, и притомъ люди русскіе, а не другіе какіе-нибудь. А его басни, въ которыхъ дѣйствующія лица — русскіе мужички? Не есть ли это верхъ натуральности? И однакожъ теперь уже не упрекаютъ Крылова за свинью, которая, „не жалѣя рыла,

¹⁾ Бѣлинскій несомнѣнно имѣетъ въ виду статью Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1829 г., № 3 (см. наст. изд., т. I, стр. 198—199).

весь задній дворъ изрыла“, ни за то, что въ своихъ басняхъ онъ выводилъ мужиковъ, да еще заставлялъ ихъ говорить самымъ мужицкимъ складомъ. Скажутъ: то басня, то такой ужъ родъ поэзіи. А развѣ законы изящнаго не одинаковы для всѣхъ его родовъ? Дмитріевъ писалъ тоже басни, и въ нихъ изрѣдка вводилъ, эпизодически, крестьянъ; но его басни, имѣющія свои неотъемлемыя достоинства, нисколько не отличаются натуральностію, и его крестьяне говорятъ въ нихъ какимъ-то общимъ, не принадлежащимъ исключительно ни одному словіу языкомъ. Причина этой разницы лежитъ въ томъ, что поэзія Дмитріева и въ басняхъ его, такъ же, какъ и въ одахъ, шла отъ Ломоносова, а не отъ Кантемира, держалась идеала, а не дѣйствительности. Теорія Ломоносова опиралась на древнихъ, какъ понимали ихъ тогда въ Европѣ. Карамзинъ и Дмитріевъ, особенно послѣдній, смотрѣли на искусство глазами французъ XVIII вѣка. А извѣстно, что французы того времени понимали искусство, какъ выраженіе жизни не народа, а общества¹⁾, и притомъ только высшаго, дворянскаго, и *приличіе* считали главнымъ и первымъ условіемъ поэзіи. Оттого у нихъ греческіе и римскіе герои ходили въ парикахъ и говорили героинямъ: *madame!* Эта теорія глубоко проникла въ русскую литературу, и, какъ увидимъ далѣе, слѣды ея вліянія не изгладились совсѣмъ и до сихъ поръ...

Озеровъ, Жуковский и Батюшковъ продолжали собою направленіе, данное нашей поэзіи Ломоносовымъ. Они были вѣрны идеалу, но этотъ идеалъ у нихъ становился все менѣе и менѣе отвлеченнымъ и риторическимъ, все больше и больше сближающимся съ дѣйствительностію или, по крайней мѣрѣ, стремившимся къ этому сближенію. Въ произведеніяхъ этихъ писателей, особенно двухъ послѣднихъ, языкомъ поэзіи заговорили уже не одни официальные восторги, но и такія страсти, чувства и стремленія, источникомъ которыхъ были не отвлеченные идеалы, но человѣческое сердце, человѣческая душа. Наконецъ явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Въ ней слились въ одинъ широкій потокъ оба до того текшіе раздѣльно ручья русской поэзіи. Русское ухо услышало въ ея сложномъ аккордѣ и чисто русскіе звуки. Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы

жизни дѣйствительной, что доказывается смѣлостію, въ то время удивившею всѣхъ, ввести въ поэму не классическихъ итальянскихъ или испанскихъ, а русскихъ разбойниковъ, не съ кинжалами и пистолетами, а широкими ножами и тяжелыми кистенями, и заставить одного изъ нихъ говорить въ бреду про кнутъ и грозныхъ палачей. Цыганскій таборъ, съ оборванными шатрами между колесами телѣгъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтьми въ перекидныхъ корзинкахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотолѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ *Евгеніи Онегинѣ* идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тѣмъ и другимъ, что поэма эта должна по справедливости считаться произведеніемъ, положившимъ начало поэзіи нашего времени. Тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣми ея житейскими дразгами; около двухъ или трехъ лицъ, опозитизированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посмѣшище, какъ уроды, какъ исключенія изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами!

Что же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ?

Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностію, къ натуральности. Вспомните романы и повѣсти Нарѣжнаго, Булгарина, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полевого, Погодина. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, кто изъ нихъ больше сдѣлалъ, чей талантъ былъ выше; мы говоримъ объ общемъ имъ всѣмъ стремленіи — сблизить романъ съ дѣйствительностію, сдѣлать его вѣрнымъ ея зеркаломъ. Между этими попытками были очень замѣчательныя, но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ отзывались переходною эпохою, стремились къ новому, не оставляя старой колеи. Весь успѣхъ заключался въ томъ, что, несмотря на вопли старовѣровъ, въ романѣ стали появляться лица всѣхъ сословій, и авторы старались поддѣлываться подъ языкъ cadaго. Это называлось тогда *народностію*. Но эта народность слишкомъ отзывалась маскарадностію: русскія лица низшихъ сословій походили на переряженныхъ баръ, а бары только именами отличались отъ иностранцевъ. Нуженъ былъ геніальный талантъ, чтобы навсегда освободить русскую поэзію, изображающую русскіе нравы, русскій бытъ, изъ-подъ чуждыхъ ей вліяній. Пушкинъ много сдѣлалъ для этого; но докончить, до-

¹⁾ Мысль эта была подробно развита БѢЛИНСКИМъ еще въ его „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ — см. т. I, стр. 18—20.

вершить дѣло предоставлено было другому таланту. Въ *Съверныхъ цвѣтахъ* на 1829 годъ явился отрывокъ изъ романа Пушкина: *Арапъ Петра Великаго*, подъ заглавіемъ „IV глава изъ историческаго романа“. Этотъ маленький отрывокъ былъ — верхъ натуральности! Въ такой тѣсной рамкѣ такая широкая картина нравовъ эпохи Петра Великаго! Но, къ сожалѣнію, этого романа было написано всего только шесть главъ и начало седьмой (вслѣдствіе онѣ были напечатаны уже по смерти Пушкина).

Съ появленія *Миргородъ* и *Арабесокъ* (въ 1835 году) и *Ревизора* (въ 1836) начинается полная извѣстность Гоголя и его сильное вліяніе на русскую литературу. Изъ всѣхъ сужденій объ этомъ писателѣ, высказанныхъ почитателями его таланта, самое замѣчательное и близкое къ истинѣ едва ли не принадлежитъ человѣку, который вовсе не принадлежитъ къ числу его почитателей, и который, какъ будто въ какомъ-то внезапномъ вдохновеніи, самъ не зная какъ, вышелъ на минуту изъ своей обычной колен, которой былъ вѣренъ всю жизнь, проговоривши о Гоголѣ слѣдующій диамрамбъ: „Всѣ произведенія Гоголя обнаруживаютъ въ немъ самоувѣренность, стремленіе къ самодѣятельности, какое-то умышленное, насмѣшливое пренебреженіе къ прежнимъ знаніямъ, опытамъ и образцамъ, онъ читаетъ только книгу природы, изучаетъ только міръ дѣйствительный, потому-то его идеалы слишкомъ естественны и просты до наготы; они, по выраженію Ивана Никифоровича, одного изъ его созданій, являются передъ читателемъ въ натурѣ. Красоты его созданій всегда новы, свѣжи, поразительны; ошибки чуть не отвратительны (!); онъ, какъ будто забывъ исторію, подобно древнимъ, начинаетъ новый міръ искусствъ, вызывая его изъ небытія въ простонравное (?), хаотическое (!!) состояніе; потому-то его искусство какъ будто не знаетъ, не понимаетъ стыдливости; онъ — великій художникъ, не знающій исторіи и не выдавшій образцовъ искусства“¹⁾.

Въ этомъ исполненномъ лирическаго безпорядка диамрамбѣ, безъ воли и сознанія автора, высказана самая характеристическая черта таланта Гоголя — оригинальность и самобытность, отличающія его отъ всѣхъ русскихъ писателей. Что это сдѣлано нечаянно, по вдохновенію, доказывается и параллелью, которую проводитъ авторъ между Гоголемъ и... кѣмъ бы вы думали? — Кукольниковъ!! — и странными, противорѣчащими словами и выраженіями въ самомъ диамрамбѣ,

доказывающими, что не въ волѣ человѣка даже на минуту, и притомъ въ порывѣ вдохновенія, совершенно оторваться отъ обычной колен своей жизни. Надо сказать, что авторъ — теоретикъ и всю жизнь провелъ въ составленіи и преподаваніи разныхъ риторикъ и пѣтикъ, которыя, какъ и всѣ книги этого рода, никогда и никого не научили сочинять хорошо, но съ толку сбили многихъ. Вотъ почему его особенно поразила въ сочиненіяхъ Гоголя ихъ полная отрѣшенность и независимость отъ всякихъ школьных правилъ и преданій, — и если онъ не могъ, съ одной стороны, не вмѣнить ему этого въ заслугу, то, съ другой, не могъ того же самаго не поставить ему въ заслуженный упрекъ. Отсюда и увидалъ онъ въ сочиненіяхъ Гоголя „ошибки, чуть не отвратительныя“, и „простонравное, хаотическое состояніе искусства“. Спросите его, какія это ошибки, — и мы увѣрены, что онъ прежде всего укажетъ на будочника, который казнить звѣря на ногтѣ (въ Мертвыхъ Душахъ), и этимъ фактомъ подтвердитъ окончательно, что Гоголь „не знаетъ исторіи и не видалъ образцовъ искусства“. А между тѣмъ Гоголю, вѣроятно, извѣстнѣе, нежели его критику, что одна изъ извѣстнѣйшихъ галлерей въ Европѣ хранить, какъ безцѣнное сокровище, картину великаго Мурильо, представляющую мальчика, который съ усердіемъ и обстоятельно занимается тѣмъ, что будочникъ сдѣлалъ съ просонья и мимоходомъ.

Какъ бы то ни было, но дѣйствительно вліяніе теорій и школъ было одною изъ главныхъ причинъ, почему многіе сначала спокойно, безъ всякой враждебности, искренно и добросовѣстно видѣли въ Гоголѣ не болѣе, какъ писателя забавнаго, но тривіальнаго и незначительнаго, и вышли изъ себя уже вслѣдствіе восторженныхъ похвалъ, расточавшихся ему другою стороною, и важнаго значенія, которое онъ быстро пріобрѣталъ въ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни ново было, въ свое время, направление Карамзина, — оно оправдывалось образцами французской литературы. Какъ ни странно поразили всѣхъ баллады Жуковскаго, съ ихъ мрачнымъ колоритомъ, съ ихъ кладбищами и мертвецами, — но за нихъ были имена корнеевъ нѣмедкой литературы. Самъ Пушкинъ, съ одной стороны, былъ подготовленъ предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себѣ легкіе слѣды ихъ вліянія, а съ другой стороны его нововведенія оправдывались общимъ движеніемъ во всѣхъ литературахъ Европы и вліяніемъ Байрона — авторитета огромнаго. Но Гоголю не было образца, не было предшественниковъ ни въ русской, ни въ иностранныхъ литературахъ. Всѣ теоріи,

¹⁾ Цитата эта взята изъ книги *Василія Пяксина: „Руководство къ изученію исторіи русской литературы“, Спб. 1846 г.; изд. 2-ое, стр. 420.*

всѣ преданія литературныя были противъ него, потому что онъ былъ противъ нихъ. Чтобы понять его, надо было вовсе выкинуть ихъ изъ головы, забыть о ихъ существованіи, — а это для многихъ значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть. Чтобы яснѣе сдѣлать нашу мысль, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся Гоголь къ другимъ русскимъ поэтамъ. Конечно, и въ тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя представляютъ чуждыя русскому міру картины, безъ всякаго сомнѣнія, есть элементы русскіе, но кто укажетъ ихъ? Какъ доказать, что, напримѣръ, поэмы: *Моцартъ и Сальери*, *Каменный Гость*, *Скупой рыцарь*, *Григоръ*, могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? То же можно сказать и о Лермонтовѣ. Всѣ сочиненія Гоголя посвящены исключительно изображенію міра русской жизни, и у него нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ, вслѣдствіе любви къ идеаламъ, или какихъ-нибудь заранѣе принятыхъ идей, или привычныхъ пристрастій, какъ, напримѣръ, Пушкинъ въ *Онигинѣ* идеализировалъ помещицкій бытъ. Конечно, преобладающій характеръ его сочиненій — отрицаніе; всякое отрицаніе, чтобъ быть живымъ и поэтическимъ, должно дѣлаться во имя идеала, — и этотъ идеалъ у Гоголя такъ же не свой, т.-е. не туземный, какъ и у всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературѣ этотъ идеалъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что по поводу сочиненій Гоголя уже никакъ невозможно предложить вопроса: какъ доказать, что они могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? Изображать русскую дѣйствительность, и съ такою поразительною вѣрностію и истиною, разумѣется, можетъ только русскій поэтъ. И вотъ пока въ этомъ-то болѣе всего и состоитъ народность нашей литературы.

Литература наша была плодомъ сознательной мысли, явилась какъ нововведеніе, началась подражательностію. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ риторической стремилась сдѣлаться естественною, *натуральною*. [Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы]. И мы не обинуясь скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства

къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныхъ только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это—великая заслуга со стороны Гоголя, но это-то люди стараго образованія и вмѣняютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкой, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзи, какъ „украшенной природы“: но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства — какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ *типалъ*, а *идеалъ* тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя становить другъ къ другу авторъ созданные имъ типы, сообразно съ мыслию, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ.

Искусство въ наше время обогнало теорію. Старыя теоріи потеряли весь свой кредитъ; даже люди, воспитанные на нихъ, слѣдуютъ не имъ, а какой-то странной смѣси старыхъ понятій съ новыми. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ, отвергая старую французскую теорію во имя романтизма, первые подали соблазнительный примѣръ выводить въ романѣ лицъ низшихъ сословій, даже негодяевъ, къ которымъ шли имена *Вороватиныхъ* и *Ножовыхъ*, но они же потомъ оправдывались въ этомъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ безнравственными лицами, выводили и правдивныя подъ именемъ *Правдолюбыхъ*, *Благоворовыхъ* и т. п.¹⁾ Въ первомъ случаѣ видно было вліяніе новыхъ идей, во-второмъ — старыхъ, потому что по рецепту старой піитики необходимо было на нѣсколькихъ глупцовъ отпустить хоть одного умника, а на нѣсколькихъ негодяевъ хоть одного добродѣтельнаго человека²⁾. Но въ обихъ случаяхъ эти междоумки совершенно упустили изъ виду главное, т.-е. искусство, потому что и не догадывались, что ихъ и добродѣтельныхъ и порошныхъ лица были не люди, не характеры, а риторическія олицетворенія отвлеченныхъ добродѣтелей и пороковъ. Это лучше всего и объясняетъ, почему для нихъ теорія, пра-

¹⁾ Это относится къ Булгарину; см. одно изъ нашихъ примѣчаній къ предыдущей статьѣ.

²⁾ Тогда слово *резонёръ* для комедіи было такимъ же техническимъ словомъ, какъ и *jeune premier*, первый любовникъ, или *примадонна* для оперы.

вило важнѣе дѣла, сущности: послѣднее недоступно ихъ разумѣнію. Впрочемъ, отъ вліянія теоріи не всегда избѣгаютъ и таланты, даже гениальные. Гоголь принадлежитъ къ числу немногихъ, совершенно избѣгнувшихъ всякаго вліянія какой бы то ни было теоріи. Умѣя понимать искусство и удивляться ему въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, онъ тѣмъ не менѣе пошелъ своею дорогою, слѣдуя глубокому и вѣрному художническому инстинкту, какимъ щедро одарила его природа, и не соблазняясь чужими успѣхами на подражаніе. Это, разумѣется, не дало ему оригинальности, но дало ему возможность сохранить и выказать въполнѣ ту оригинальность, которая была принадлежностью, свойствомъ его личности, и, слѣдовательно, подобно таланту, даромъ природы. Отъ этого онъ и показался для многихъ какъ бы извнѣ вошедшимъ въ русскую литературу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ ея необходимымъ явленіемъ, требовавшимся всѣмъ предшествовавшимъ ея развитіемъ.

Вліяніе Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только всѣ молодые таланты бросились на указанный имъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежній. Отсюда появленіе школы, которую противники ея думали унижить названіемъ натуральной. Послѣ *Мертвыхъ Душъ* Гоголь ничего не написалъ. На сценѣ литературы теперь только его школа. Всѣ упреки и обвиненія, которые прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную школу, и если еще дѣлаются выходки противъ него, то по поводу этой школы. Въ чемъ же обвиняютъ ее? Обвиненій немного, и они всегда одни и тѣ же. Сперва нападали на нее за ея, будто бы, постоянныя нападки на чиновниковъ. Въ ея изображеніяхъ быта этого сословія одни искренно, другіе умышленно видѣли злонамѣренныя карикатуры. Съ нѣкотораго времени эти обвиненія замолкли. Теперь обвиняютъ писателей натуральной школы за то, что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, дворниковъ, извозчиковъ, описываютъ *улы*, убожища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей, обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные, и приводятъ въ примѣръ забытаго теперь изыщества чувствительную пѣсенку: „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ“. Мы же напомнимъ имъ, что пер-

вая замѣчательная русская повѣсть была написана Карамзинимъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка — *бѣдная Лиза*... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной *барышнѣ*. Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая пѣтика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне, языкомъ литературнымъ, украшеннымъ *сими, оными, коими, таковыми* и т. п. Да чего же лучше: пастушки и пастушки французскихъ писателей XVIII вѣка представляютъ готовый и прекрасный образецъ для изображенія русскихъ крестьянъ и крестьянокъ; берите цѣликомъ, вотъ вамъ и соломенные шляпы съ голубыми и розовыми лентами, пудра, мушки, фижмы, корсеты, юбки съ ретрусманами, башмаки на высокихъ красныхъ каблукахъ. Только въ языкѣ держитесь домашнихъ литературныхъ привычекъ, потому что французы никогда не любили щеголять обветшалыми, неупотребляемыми въ разговорѣ словами. Это — замашка чисто русская; у насъ даже первоклассные таланты любятъ *брега, младость, перси, очи, выю, стопы, чело, главу, плась* и тому подобныя принадлежности такъ называемаго „высшаго слога“. Короче: старая пѣтика позволяетъ изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ, при этомъ, изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, чтѣ вы хотѣли изобразить. Слѣдуя строго ея урокамъ, поэтъ можетъ пойти дальше прославленнаго Дмитріевымъ маляра Ефрема, который Архипа писалъ Сидоромъ, а Луку — Кузьмою; онъ можетъ снять съ Архипа такой портретъ, который не будетъ походить не только на Сидора, но и ни на что на свѣтѣ, даже на комокъ земли. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противному правилу: возможно близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, но есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Требованіе тяжелое, выполнимое только для таланта! Какъ же, послѣ этого, не любить и не чтить старой пѣтики тѣмъ писателямъ, которые когда-то умѣли и безъ таланта подвизаться на поприщѣ поэзіи? Какъ не считать имъ натуральной школы самымъ ужаснымъ врагомъ своимъ, когда она ввела такую манеру писать, которая имъ недоступна? Это, ко-

нечно, относится только къ людямъ, у которыхъ въ этотъ вопросъ вмѣшалось самолюбіе; но найдется много и такихъ, которые по искреннему убѣжденію не любятъ естественности въ искусствѣ, вслѣдствіе вліянія на нихъ старой пѣтики. Эти люди съ особенною горечью жалуются еще на то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначеніе. „Бывало — говорятъ они — поэзія поучала, забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный молодой человекъ, — и во имя милаго или милой сердца водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ была бѣдность и нищета¹⁾, и благодарныя слезы орошали благодѣтельную руку — и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что онъ стансвится добрѣе и чувствительнѣе... А теперь! посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и сермягахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухой, баба — родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; *улы* — убѣжища нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой-нибудь пьянюшка-подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы, — все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что, если прочтешь, жди ночью тяжелыхъ сновъ...“ Такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой пѣтики. Въ сущности, ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, зачѣмъ отказалась она быть гремушкой, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать... Станные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями, — и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ! Да читайте свои старыя сказки — никто вамъ не мѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь — намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего... Но этому полюбовному раздѣлу мѣшаетъ другая причина — эгоизмъ, который считаетъ себя добро-

дѣтелю. Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ человека обезпеченнаго, можетъ быть, богатаго, онъ сейчасъ пообедалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), утѣлся въ спокойныхъ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ, — и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея лсты, — и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! Книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ живутъ такъ хорошо, какъ онъ, что есть *улы*, гдѣ подъ лохмотьями дрожитъ отъ холоду цѣлое семейство, можетъ быть, недавно еще знавшее довольство, — что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копейка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія. И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта... А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку... Прочь ее! „Книга должна пріятно развлекать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и, если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!“ — восклицаетъ онъ. — Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодь, стоны страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ... Представьте теперь въ такомъ же положеніи другого любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедорычъ¹⁾, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять та же исторія. Проклятая книга рассказываетъ ему подвиги его Никиты Ѳедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то, незнакомому ни съ какимъ человѣческимъ чувствомъ, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!... Представьте теперь еще въ такомъ комфортномъ состояніи человека, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинахъ,

¹⁾ Въ журналѣ вмѣсто „нищета“ очевидная опечатка: „надежда“.

¹⁾ Такъ зовутъ управляющаго въ повѣсти Григоровича „Антонъ Горемыка“.

имѣть „малую толику“. Всѣ читаютъ—надо и ему читать; но что находитъ онъ въ книгѣ?—свою біографію, да еще какъ вѣрно рассказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя походы его жизни—тайна для всѣхъ, и ни одному *сочинителю* неоткуда было узнать ихъ... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшенъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: „Вотъ какъ пишутъ нинѣ, вотъ до чего дошло вольнодумство! Такъ ли писали прежде? Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или возвышенныхъ, читать сладко и обидѣться нечѣмъ!“

Есть особенный родъ читателей, который, по чувству аристократизма, не любитъ встрѣчаться даже въ книгахъ съ людьми низшихъ классовъ, обыкновенно не знающими приличія и хорошаго тона, не любитъ грязи и нищеты, по ихъ противоположности съ роскошными салонами, будуарами и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школѣ не иначе, какъ съ высокомернымъ презрѣніемъ, ироническою улыбкою... Кто они такіе, эти феодальные бароны, гнушающіеся „подлою чернью“, которая въ ихъ глазахъ ниже хорошей лошади? Не снѣсите спрашивать о нихъ въ герольдическихъ книгахъ или при дворахъ европейскихъ: вы не найдете ихъ гербовъ, они не ѣздятъ ко двору, и если видали большой свѣтъ, то не иначе, какъ съ улицы, сквозь ярко освѣщенные окна, насколько позволяли сторы и запахи... Предками они не могутъ похвалиться; они обыкновенно — или чиновники, или изъ новаго дворянства, богатаго только библейскими преданіями о дѣдушкѣ управляющемъ, о дядюшкѣ откупщикѣ, а иногда и о бабушкѣ просвирнѣ и тетюшкѣ торговкѣ. Авторъ этой статьи считаетъ при этомъ обязанностію довести до свѣдѣнія своихъ читателей, что упрекать ближняго незнательностію происхожденія вовсе не въ его привычкахъ и положительно противно всѣмъ его убѣжденіямъ, и что онъ самъ отнюдь не можетъ похвалиться знатностію происхожденія и отнюдь не стыдится признаться въ этомъ. Но онъ думаетъ — и вѣроятно читатели его согласятся съ нимъ — что ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ оборвать съ вороны павлиньи перья и доказать ей, что она принадлежитъ къ той породѣ, которую вздумала презирать. Человѣкъ простого званія еще не ворона потому, что онъ простого званія; вороною дѣлается не званіе, а природа, и вороны такъ же бываютъ во всѣхъ званіяхъ, какъ во всѣхъ же званіяхъ бываютъ и орлы; но, конечно, только воронѣ свойственно рядиться въ павлиньи перья и величаться ими. Такъ почему же не сказать воронѣ, что она — ворона? Презрѣніе къ низ-

шимъ сословіямъ въ наше время отнюдь не есть порокъ высшихъ сословій; напротивъ, это — болѣзнь выскочекъ, порожденіе невѣжества, грубости чувствъ и понятій. Умный и образованный человѣкъ, если-бъ онъ былъ одержимъ этою болѣзнію, никогда не обнаружитъ ея, потому что она не въ духѣ времени, потому что показать ее — значитъ каркнуть о себѣ во все воронье горло. Намъ кажется, что какъ ни гадко лицемеріе, но въ этомъ случаѣ оно даже лучше вороньей откровенности, потому что свидѣтельствуетъ объ умѣ. Павлинь, горделиво распускающій пышный хвостъ свой передъ другими птицами, слыветъ животнымъ красивымъ, но не умнымъ. Что же сказать о воронѣ, спесиво выказывающей заимствованный нарядъ? Подобная снѣсь всегда чужда ума и есть порокъ по преимуществу плебейскій. Гдѣ больше ломанья и притязаній, какъ не въ тѣхъ слояхъ общества, которые начинаются тотчасъ послѣ самыхъ низшихъ? А это потому, что тутъ всего больше невѣжества. Посмотрите, какъ глубоко презираетъ лакей мужика, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше, благороднѣе, человѣчнѣе его! Откуда эта гордость въ лакеѣ? — Онъ перенялъ пороки своего барина и оттого считаетъ себя далеко образованнѣе мужика. Внѣшній лоскъ грубыми натурами всегда принимается за образованность.

„Что за охота наводнять литературу мужиками?“ восклицаютъ аристократы извѣстнаго разряда. Въ ихъ глазахъ писатель — ремесленникъ, которому какъ что закажутъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Имъ въ голову не входитъ, что въ отношеніи къ выбору предметовъ сочиненія писатель не можетъ руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственнымъ произволомъ; ибо искусство имѣетъ свои законы, безъ уваженія которыхъ нельзя хорошо писать. Оно прежде всего требуетъ, чтобы писатель былъ вѣренъ собственной натурѣ, своему таланту, своей фантазіи. А чѣмъ объяснить, что одинъ любитъ изображать предметы веселые, другой — мрачные, если не натурою, характеромъ и талантомъ поэта? Кто что любитъ, чѣмъ интересуется, то и знаетъ лучше, а что лучше знаетъ, то лучше изображаетъ. Вотъ самое законное оправданіе поэта, котораго упрекаютъ за выборъ предметовъ: оно неудовлетворительно только для людей, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ и грубо смѣшиваютъ его съ ремесломъ. Природа — вѣчный образецъ искусства, а величайшій и благороднѣйшій предметъ въ природѣ — человѣкъ. А развѣ мужикъ — не человѣкъ? — Но что же можетъ быть интереснаго въ грубомъ, необразованномъ человѣкѣ? — Какъ что? — его душа, умъ, сердце, страсти, склонности — сло-

вомъ, все то же, что и въ образованномъ человѣкѣ. Положимъ, послѣдній выше перваго; но развѣ ботанистъ интересуется только садовыми, улучшенными искусствомъ растеніями, презирая ихъ полевые, дико растущіе первообразы? Развѣ для анатомика и физиолога организмъ дикаго австралійца не такъ же интересенъ, какъ и организмъ просвѣщеннаго европейца? На какомъ же основаніи искусство въ этомъ отношеніи должно такъ разниться отъ науки? А потомъ — вы говорите, что образованный человѣкъ выше необразованнаго. Съ этимъ нельзя не согласиться съ вами, но не безусловно. Конечно, самый пустой свѣтскій человѣкъ несравненно выше мужика, но въ какомъ отношеніи? Только въ свѣтскомъ образованіи, а это насколько не помѣшаетъ иному мужику быть выше его, напримѣръ, со стороны ума, чувства, характера. Образование только развиваетъ нравственныя силы человѣка, но не даетъ ихъ: даетъ ихъ человѣку природа. И въ этой раздачѣ драгоцѣннѣйшихъ даровъ своихъ она дѣйствуетъ слѣпо, не разбирая сословія... Если изъ образованныхъ классовъ общества выходитъ больше замѣчательныхъ людей, это — потому, что тутъ больше средствъ къ развитію, а совсѣмъ не потому, чтобы природа была для людей низшихъ классовъ скупѣе въ раздачѣ даровъ своихъ. „Чему можно научиться изъ книги, въ которой описывается какой-нибудь спившійся съ кругу горемыка?“ говорятъ еще эти аристократы средней руки. — Какъ чему? Разумѣется, не свѣтскому обращенію и не хорошему тону, а знанію человѣка въ извѣстномъ положеніи. Одинъ спивается отъ лѣности, отъ дурного воспитанія, отъ слабости характера, другой отъ несчастныхъ обстоятельствъ жизни, въ которыхъ онъ, можетъ быть, нисколько не виноватъ. Въ обоихъ случаяхъ, это — примѣры поучительные и любопытные для наблюденія. Конечно, отвернуться съ презрѣніемъ отъ человѣка падшаго гораздо легче, нежели протянуть ему руку на утѣшеніе и помощь, такъ же какъ осудить его строго, во имя нравственности, гораздо легче, нежели съ участіемъ и любовью войти въ его положеніе, изслѣдовать до глубины причину его паденія и пожалѣть о немъ, какъ о человѣкѣ, даже и тогда, когда онъ самъ окажется много виноватымъ въ своемъ паденіи. Искушитель рода человеческого приходилъ въ міръ для всѣхъ людей: не мудрыхъ и образованныхъ, а простыхъ умомъ и сердцемъ рыбаковъ призвалъ Онъ быть „ловцами человѣковъ“, не богатыхъ и счастливыхъ, а бѣдныхъ, страждущихъ, падшихъ искалъ Онъ, чтобы однихъ утѣшить, другихъ ободрить и возстановить. Гнойныя язвы на едва прикрытомъ нечи-

стыми лохмотьями тѣлѣ не оскорбляли его исполненнаго любви и милосердія взгляда. Онъ — сынъ Бога, человѣчески любилъ людей и сострадалъ имъ въ ихъ нищетѣ, грязи, [позорѣ, развратѣ, порокахъ, злодѣйствахъ; Онъ разрѣшилъ бросить камень въ блудницу тѣмъ, которые ничѣмъ не могли упрекнуть себя въ совѣсти, и устыдилъ жестокосердыхъ еудей, и сказалъ падшей женщинѣ слово утѣшенія; — и разбойникъ, испуская духъ на орудіи заслуженной имъ казни, за одну минуту раскаянія услышалъ отъ него слово прощенія и мира... А мы — сыны человѣческіе — мы хотимъ любить изъ нашихъ братій только равныхъ намъ, отворачиваемся отъ низшихъ, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ прокаженныхъ... Какія добродѣтели и заслуги дали намъ на это право? Не отсутствіе ли именно всякихъ добродѣтелей и заслугъ!... Но] божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностію только призванныхъ [на служеніе алтарю] лицъ или добродѣтелию немногихъ избранныхъ натуръ, — это самое дѣлается теперь обязанностію обществъ, служить признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ въ нашъ вѣкъ вездѣ заняты всѣ участію низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатая вѣрными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія — безнравственности и разврата. Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной патріархальности. Они говорятъ, что тутъ дѣйствуютъ мода, увлеченіе, тщеславіе, а не челоуѣколюбіе. Пусть такъ, да когда же и гдѣ же въ лучшихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ не участвовали подобныя мелкія побужденія? Но какъ же сказать, что только такія побужденія могутъ быть причиною такихъ явленій? Какъ думать, что главные виновники такихъ явленій, увлекающіе своимъ примѣромъ толпу, не одушевлены болѣе благородными и высокими побужденіями? Разумѣется, нечего удивляться добродѣтели людей, которые бросаются въ благотворительность не по чувству любви къ ближнему, а изъ моды, изъ подражательности, изъ тщеславія; но это — добродѣтель въ отношеніи къ обществу, которое исполнено такого духа, что и дѣятельность суетныхъ людей умѣетъ направлять къ добру! ¹⁾ Это ли не отрадное въ высшей

¹⁾ Считаю долгомъ напомнить нашимъ читате-

степені явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности?

Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе, — въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества! Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе упредила его, нежели только не отстала отъ него. Нечего говорить, достойна ли и благодарна ли такая роль; но за нее-то и нападаетъ на литературу безгербовая аристократія. Мы думаемъ, что довольно показали, изъ какихъ источниковъ выходятъ эти нападки и чего онѣ стоятъ...

Остается упомянуть еще о нападкахъ на современную литературу и на натурализмъ вообще съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей. Въ этой мысли есть основаніе, но ея преувеличенность замѣтна съ перваго взгляда. Мысль эта чисто-нѣмецкаго происхожденія; она могла родиться только у народа созерцательнаго, мыслящаго и мечтающаго, и никакъ не могла бы явиться у народа практическаго, общественность котораго для всѣхъ и cadaго представляетъ широкое поле для живой дѣятельности. Чтò такое чистое искусство, этого хорошо не знаютъ сами поборники его, и оттого оно является у нихъ какимъ-то идеаломъ, а не существуетъ фактически. Оно въ сущности есть дурная крайность другой дурной крайности, т.-е. искусства дидактическаго, поучительнаго, холоднаго, сухого, мертваго, котораго произведенія не иное чтò, какъ риторическія упражненія на заданныя темы. Безъ всякаго сомнѣнія, искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе, какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но, если въ немъ нѣтъ поэзіи, — въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, чтò можно замѣтить въ немъ, это — развѣ прекрасное на-

лизмъ небольшую статью (въ отдѣлѣ смѣси въ V-ой книжкѣ Современника прошлаго года) подъ названіемъ: „Споръ о Благотворительности“, въ которой превосходно рѣшенъ вопросъ о превосходствѣ общественной благотворительности надъ частною.

Прим. Бѣлинскаго

Въ началѣ 1847 года разгорѣлась въ журналахъ полемика о частной и общественной благотворительности: противъ послѣдней — противъ формъ ея — особенно возсталъ К. Аксаковъ въ статьѣ „Общественная благотворительность нашихъ дней“ („Московскія Вѣдомости“ 1847 г. № 20); несомнѣнно К. Аксакова имѣеть въ виду Бѣлинскій, говоря выше о „поклонникахъ тупой и косной патріархальности“.

мѣреніе, дурно выполненное. Когда въ романѣ или повѣсти нѣтъ образовъ и лицъ, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ничего *типическаго*, — какъ бы вѣрно и тщательно ни было списано съ натуры все, что въ немъ разсказывается, читатель не найдетъ тутъ никакой натуральности, не замѣтитъ ничего вѣрно подмѣченнаго, ловко схваченнаго. Лица будутъ перемѣшиваться между собою въ его глазахъ; въ разсказѣ онъ увидитъ путаницу непонятныхъ происшествій. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства. Чтобы списывать вѣрно съ натуры, мало умѣть писать, т.-е. владѣть искусствомъ писца или писаря; надобно умѣть явленія дѣйствительности провести черезъ свою фантазію, дать имъ новую жизнь. Хорошо и вѣрно изложенное слѣдственное дѣло, имѣющее романическій интересъ, не есть романъ, и можетъ служить развѣ только матеріаломъ для романа, т.-е. подать поэту поводъ написать романъ. Но для этого онъ долженъ проникнуть мыслию во внутреннюю сущность дѣла, отгадать тайныя душевныя побужденія, заставившія эти лица дѣйствовать такъ, схватить ту точку этого дѣла, которая составляетъ центръ круга этихъ событій, даетъ имъ смыслъ чего-то единаго, полнаго, цѣлаго, замкнутаго въ самомъ себѣ. А это можетъ сдѣлать только поэтъ. Кажется, чего бы легче было вѣрно списать портретъ человека. И иной цѣлый вѣкъ упражняется въ этомъ родѣ живописи, а все не можетъ списать знакомаго ему лица такъ, чтобы и другіе узнали, чей это портретъ. Умѣть списать вѣрно портретъ есть уже своего рода талантъ, но этимъ не оканчивается все. Обыкновенный живописецъ сдѣлалъ очень сходно портретъ вашего знакомаго: сходство не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ смыслѣ, что вы не можете не узнать сразу, чей это портретъ, а все какъ-то недовольны имъ, вамъ кажется, будто онъ и похожъ на свой оригиналъ и не похожъ на него. Но пусть съ него же сниметъ портретъ Тырановъ ¹⁾ или Брюлловъ — и вамъ покажется, что зеркало далеко не такъ вѣрно повторяетъ образъ вашего знакомаго, какъ этотъ портретъ, потому что это будетъ уже не только портретъ, но и художественное произведеніе, въ которомъ схвачено не одно внѣшнее сходство, но вся душа оригинала. Итакъ, вѣрно списывать съ дѣйствительности можетъ только талантъ, и какъ бы ни ничтожно было произведеніе въ другихъ отношеніяхъ, но чѣмъ болѣе оно поражаетъ вѣрностію натурѣ, тѣмъ несомнѣннѣе талантъ его автора. Что не все

¹⁾ А. В. Тырановъ — портретистъ школы К. Брюллова.

должно оканчиваться вѣрностію натурѣ, особенно въ поэзіи, — это другой вопросъ. Въ живописи, по свойству и сущности этого искусства, одно умѣнье вѣрно писать съ натуры можетъ служить часто признакомъ не обыкновеннаго таланта. Въ поэзіи это не совѣмъ такъ: не умѣя вѣрно писать съ натуры, нельзя быть поэтомъ, но и одного этого умѣнія тоже мало, чтобъ быть поэтомъ, по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ. Обыкновенно говорятъ, что вѣрное списываніе съ натуры предметовъ ужасныхъ (наприм., убійства, казни и т. п.), безъ мысли и художественности, возбуждаетъ отвращеніе, а не наслажденіе. Это больше чѣмъ несправедливо, это ложно. Зрѣлище убійства или казни есть такой предметъ, который самъ по себѣ не можетъ доставлять наслажденія, и въ произведеніи великаго поэта читатель наслаждается не убійствомъ, не казнью, а мастерствомъ, съ какимъ то или другое изображено поэтомъ, слѣдовательно, это — наслажденіе эстетическое, а не психологическое, смѣшанное съ невольнымъ ужасомъ и отвращеніемъ, тогда какъ картина высокаго подвига или счастья любви доставляетъ наслажденіе болѣе сложное, и потому полное, столько же эстетическое, какъ и психологическое. Но человекъ безъ таланта никогда вѣрно не изобразить убійства или казни, хотя бы онъ тысячу разъ имѣлъ случай изучить этотъ предметъ въ дѣйствительности; все, что можетъ онъ сдѣлать, — это болѣе или менѣе вѣрное его описаніе, но никогда не представить онъ вѣрной его картины. Описаніе его можетъ возбуждать сильное любопытство, но не наслажденіе. Если же, не имѣя таланта, онъ пустится писать картину такого событія, она всегда произведетъ только одно отвращеніе, но не потому, что вѣрно списана съ натуры, а по причинѣ противоположной, потому что мелодрама не есть драматическая картина, театральнѣй эффектъ не есть выраженіе чувства.

Но, вполне признавая, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о какомъ-то чистомъ, отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигдѣ не бывало. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь раздѣляется и подраздѣляется на множество сторонъ, имѣющихъ свою самостоятельность; но эти стороны сливаются одна съ другой живымъ образомъ, и нѣтъ между ними рѣзкой раздѣляющей ихъ черты. Какъ ни дробите жизнь, она всегда едина и цѣльна. Говорятъ: для науки нуженъ умъ и разсудокъ, для творчества — фантазія, и думаютъ,

что этимъ порѣшили дѣло начисто, такъ что хоть сдавай его въ архивъ. А для искусства не нужно ума и разсудка? А ученый можетъ обойтись безъ фантазіи? Неправда! Истина въ томъ, что въ искусствѣ фантазія играетъ самую дѣятельную и первенствующую роль; а въ наукѣ — умъ и разсудокъ. Бываютъ, конечно, произведенія поэзіи, въ которыхъ ничего не видно, кромѣ сильной блестящей фантазіи; но это вовсе не общее правило для художественныхъ произведеній. Въ твореніяхъ Шекспира не знаешь, чему больше дивиться — богатству ли творческой фантазіи, или богатству всеобъемлющаго ума. Есть роды учености, которые не только не требуютъ фантазіи, въ которыхъ эта способность могла бы только вредить: но никакъ этого нельзя сказать объ учености вообще. Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ бы вновь созданный міръ; можетъ ли же оно быть какою-то одинокою, изолированою отъ всѣхъ чуждыхъ ему вліяній дѣятельностію? Можетъ ли поэтъ не отразиться въ своемъ произведеніи, какъ человекъ, какъ характеръ, какъ натура — словомъ, какъ личность? Разумѣется, нѣтъ, потому что и самая способность изображать явленія дѣйствительности безъ всякаго отношенія къ самому себѣ — есть опять-таки выраженіе натуры поэта. Но и эта способность имѣетъ свои границы. Личность Шекспира просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ такъ же равнодушенъ къ изображаемому имъ міру, какъ и судьба, спасающая или губящая его героевъ. Въ романахъ Вальтера Скотта невозможно не увидѣть въ авторѣ человека болѣе замѣчательнаго талантомъ, нежели сознательно-широкимъ пониманіемъ жизни, тори, консерватора и аристократа по убѣжденію и привычкамъ. Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особо стоящее, внѣ всякихъ вліяній извнѣ. Поэтъ прежде всего — человекъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ. Шекспиръ былъ поэтомъ *старой веселой* Англіи, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движеніе имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти. Изъ этого видно, что, родись онъ десятилѣтіями двумя позже, — геній его остался бы тотъ же, но характеръ его произведеній былъ бы другой. Поэзія Мильтона явно произведеніе его эпохи: самъ того не подозревая, онъ въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны написалъ апофеозу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совершенно другое. Такъ сильно

дѣйствуетъ на поэзію историческое движеніе обществъ. Вотъ отчего теперь исключительно-эстетическая критика, которая хочетъ имѣть дѣло съ поэтомъ и его произведеніемъ, не обращая вниманія на мѣсто и время, гдѣ и когда писалъ поэтъ, на обстоятельства, подготовившія его къ поэтическому поприщу и имѣвшія влияние на его поэтическую дѣятельность, потеряла теперь всякій кредитъ, сдѣлалась невозможною. Говорятъ: духъ партій, сектантизмъ вредятъ таланту, портятъ его произведенія. Правда! И потому-то онъ долженъ быть органомъ не той или другой партіи или секты, осужденной, можетъ быть, на эфемерное существованіе, обреченной исчезнуть безъ слѣда, но — сокровенной думы всего общества, его, можетъ быть, еще не яснаго самому ему стремленія. Другими словами: поэтъ долженъ выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ. Какъ же разсмотрѣть онъ въ этомъ хаосѣ противорѣчащихъ мнѣній, стремленій, которое изъ нихъ дѣйствительно выражаетъ духъ его эпохи? Въ этомъ случаѣ единственнымъ вѣрнымъ указателемъ больше всего можетъ быть его инстинктъ, темное, безсознательное чувство, часто составляющее всю силу геніальной натуры: кажется, идетъ наудачу, вопреки общему мнѣнію, наперекоръ всѣмъ принятымъ понятіямъ и здравому смыслу, а между тѣмъ идетъ прямо туда, куда надо идти, — и вскорѣ даже тѣ, которые громче другихъ кричали противъ него, волею или неволею, а идутъ за нимъ и уже не понимаютъ, какъ же можно было бы идти не по этой дорогѣ. Вотъ почему иной поэтъ только до тѣхъ поръ и дѣйствуетъ могущественно, даетъ новое направленіе цѣлой литературѣ, пока просто, инстинктивно, безсознательно слѣдуетъ внушенію своего таланта; а лишь только начнетъ разсуждать и пустится въ философію, — глядь, и споткнулся, да еще какъ!... И обезсиливаетъ вдругъ богатырь, точно Самсонъ, лишенный волосъ, и — онъ, который шелъ впереди всѣхъ, тащится теперь въ заднихъ отсталыхъ рядахъ, въ толпѣ своихъ прежнихъ противниковъ, а теперь новыхъ союзниковъ, и вмѣстѣ съ ними вооружается на собственное дѣло, да ужъ поздно: не его волею сдѣлано оно, не его волею и пасть ему, оно выше его самого и чуждѣ обществу, нежели онъ самъ теперь... И больно, и жалко, и смѣшно смотрѣть на даровитаго поэта, захотѣвшаго сдѣлаться плохимъ резонеромъ!... ¹⁾

Въ наше время искусство и литература больше, чѣмъ когда-либо прежде, сдѣлались

выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общіе, доступны всѣмъ, ясны, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему. Такъ, самые геніальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соответствуетъ ихъ таланту или по крайней мѣрѣ обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянато, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржъ Занда: *Le Meunier d'Angibault*, *Le Pêché de Monsieur Antoine*, *Isidore*. Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а отъ того, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣлъ замѣнить утопіею, и вслѣдствіе этого заставилъ искусство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ характерами возможными, съ лицами, всѣмъ знакомыми, онъ вывелъ характеры фантастическіе, лица небывалыя, и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное заслонилось неестественнымъ, поэзія смѣшалась съ риторикою. Но изъ этого еще нѣтъ причины вопить о паденіи искусства: тотъ же Жоржъ Зандъ послѣ *Le Meunier d'Angibault* написалъ *Te-verino*, а послѣ *Изидоры* и *Le Pêché de Monsieur Antoine* — *Туркрецію Флоріанн*. Порча искусства вслѣдствіе вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ могла бы скорѣе обнаружиться на талантахъ низшей степени, но и тутъ она обнаруживается только въ неумѣннн отличать существующее отъ небывалаго, возможное отъ невозможнаго, и еще болѣе — въ страсти къ мелодрамѣ, къ натянутымъ эффектамъ. Чтò особенно хорошо въ романахъ Евгенія Сю? — вѣрныя картины современнаго общества, въ которыхъ больше всего видно вліяніе современныхъ вопросовъ. А чтò составляетъ ихъ слабую сторону, портитъ ихъ до того, что отбиваетъ всякую охоту читать ихъ? — Преувеличенія, мелодрама, эффекты, небывалые характеры въ родѣ принца Родольфа ¹⁾, — словомъ, все ложное, неестественное, ненатуральное. — а все это выходитъ отнюдь не изъ вліянія современныхъ вопросовъ, а изъ недостатка таланта, котораго хватаетъ только на частности, и никогда на цѣлое произведеніе. Съ другой стороны, мы можемъ указать на романы Диккенса, которые такъ глубоко проникнуты задушевными симпатіями нашего времени, и которыми это нисколько не мѣшаетъ быть

¹⁾ Все это очевидно относится къ Гоголю и его „Чертаскѣ“ (см. №№ 63 — 64).

¹⁾ Главный герой романа „Парижскія тайны“.

превосходными художественными произведениями.

Мы сказали, что чистаго, отрѣшеннаго, безусловнаго, или, какъ говорятъ философы, *абсолютнаго* искусства никогда и нигдѣ не бывало. Если иѣчто подобное можно допустить, такъ это развѣ художественныя произведения тѣхъ эпохъ, въ которыя искусство было главнымъ интересомъ, исключительно занимавшимъ образованнѣйшую часть общества. Таковы, напримѣръ, произведения живописи итальянскихъ школъ въ XVI столѣтіи. Ихъ содержаніе, повидимому, преимущественно религіозное; но это большею частію міражъ, а на самомъ дѣлѣ предметъ этой живописи — красота какъ красота, больше въ пластическомъ или классическомъ, нежели въ романтическомъ смыслѣ этого слова. Возьмемъ, напримѣръ, мадонну Рафаэля, этотъ *chef d'oeuvre* итальянской живописи XVI вѣка. Кто не помнитъ статьи Жуковскаго объ этомъ дивномъ произведеніи, кто съ молодыхъ лѣтъ не составилъ себѣ о немъ понятія по этой статьѣ? Кто, стало быть, не былъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ, что это — произведение по превосходству романтическое, что лицо мадонны — высочайшій идеалъ той неземной красоты, которой таинство открывается только внутреннему созерцанію, и то въ рѣдкія мгновенія чистаго восторженнаго вдохновенія?... Авторъ предлагаемой статьи недавно видѣлъ эту картину ¹⁾. Не будучи знатокомъ живописи, онъ не позволилъ бы себѣ говорить объ этой удивительной картинѣ съ цѣлью опредѣлить ея значеніе и степень ея достоинства; но какъ дѣло идетъ только о его личномъ впечатлѣніи и о романтическомъ или неромантическомъ характерѣ картины, — то онъ думаетъ, что можетъ позволить себѣ на этотъ счетъ нѣсколько словъ. Статьи Жуковскаго онъ не читалъ уже давно, можетъ быть больше десяти лѣтъ, но какъ до того времени онъ читалъ и перечитывалъ ее со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, со всею вѣрою молодости, и зналъ ее почти наизусть, — то и подошелъ къ знаменитой картинѣ съ ожиданіемъ уже извѣстнаго впечатлѣнія. Долго смотрѣлъ онъ на нее, оставлялъ, обращался къ другимъ картинамъ и снова подходилъ къ ней. Какъ ни мало знаетъ онъ толку въ живописи, но первое впечатлѣніе его было рѣшительно и опредѣленно въ одномъ отношеніи: онъ тотчасъ же почувствовалъ, что послѣ этой картины трудно понять достоинства другихъ и заинтересоваться ими. Два раза былъ онъ въ дрезден-

ской галлерей, и въ оба раза видѣлъ только эту картину, даже когда смотрѣлъ на другія и когда ни на что не смотрѣлъ. И теперь, когда ни вспомнить онъ о ней, она словно стоитъ передъ его глазами, и память почти замѣняетъ дѣйствительность. Но чѣмъ дольше и пристальнѣе всматривался онъ въ эту картину, чѣмъ больше думалъ тогда и послѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что мадонна Рафаэля и мадонна, описанная Жуковскимъ подъ именемъ рафаэлевой, — двѣ совершенно различныя картины, не имѣющія между собою ничего общаго, ничего сходнаго. Мадонна Рафаэля — фигура строго классическая и нисколько не романтическая. Лицо ея выражаетъ ту красоту, которая существуетъ самостоятельно, не заимствуя своего очарованія отъ какого нибудь нравственнаго выраженія въ лицѣ. На этомъ лицѣ, напротивъ, ничего нельзя прочесть. Лицо мадонны, равно и вся ея фигура исполнены невыразимаго благородства и достоинства. Это дочь царя, проникнутая сознаніемъ и своего высокаго сана и своего личнаго достоинства. Въ ея взорѣ есть что-то строгое, сдержанное, нѣтъ благодати и милости, но нѣтъ и гордости, презрѣнія, а вмѣсто всего этого какое-то незабывающее своего величія снисхожденіе. Это — какъ бы сказать — *idéal sublime du comme il faut*. Но ни тѣни неуловимаго, таинственнаго, туманнаго, мерцающаго, — словомъ, романческаго; напротивъ, во всемъ такая отчетливая, ясная опредѣленность, оконченность, такая строгая правильность и вѣрность очертаній, и вмѣстѣ съ этимъ такое благородство, изящество кисти! Религіозное созерцаніе выразилось въ этой картинѣ только въ лицѣ божественнаго младенца, но созерцаніе, исключительно собственное только католицизму того времени. Въ положеніи младенца, въ протянутыхъ къ предстоящимъ (разумѣю зрителей картины) рукахъ, въ расширенныхъ зрачкахъ глазъ его видны гнѣвъ и угроза, а въ приподнятой нижней губѣ горделивое презрѣніе. Это не Богъ прощенія и милости, не искупительный агнецъ за грѣхи міра, — это Богъ судящій и карающій... ¹⁾. Изъ этого видно, что и въ фигурѣ младенца нѣтъ ничего романческаго; напротивъ, его выраженіе такъ просто и опредѣленно, такъ уловимо, что сразу понимаешь отчетливо, что видишь. Развѣ только въ лицахъ ангеловъ, отличающихся необыкновеннымъ выраженіемъ разумности и задумчиво созерцающихъ явленіе Божества, можно найти что-нибудь романтическое.

¹⁾ Во время своей заграничной поѣздки 1847 года Бѣлинскій бѣлъ въ Дрезденѣ дважды — съ 15 по 21 мая и съ 6-го по 10 іюля (старого стиля).

¹⁾ Все это описаніе Сикстинской Мадонны является почти дословно заимствованнымъ Бѣлинскимъ изъ его письма (къ Боткину изъ Дрездена, отъ 7 іюля 1847 г.).

Всего естественнѣе искать такъ называемаго искусства — у Грековъ. Дѣйствительно, красота, составляющая существенный элементъ искусства, была едва ли не преобладающимъ элементомъ жизни этого народа. Оттого искусство его ближе всякаго другого къ идеалу такъ называемаго чистаго искусства. Но тѣмъ не менѣе красота въ немъ была больше существенною формою всякаго содержанія, нежели самимъ содержаніемъ. Содержаніе же ему давали и религія и гражданская жизнь, но только всегда подъ очевиднымъ преобладаніемъ красоты. Стало быть, и самое греческое искусство только ближе другихъ къ идеалу абсолютнаго искусства, но нельзя назвать его абсолютнымъ, т.-е. независимымъ отъ другихъ сторонъ національной жизни. Обыкновенно ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, какъ на представителей свободнаго чистаго искусства; но это — одно изъ самыхъ неудачныхъ указаний. Что Шекспиръ — величайшій творческій гений, поэтъ по преимуществу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ богатаго содержанія, неисощимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, историка, государственнаго человѣка и т. д. Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое имъ далеко отъ того, чтобы принадлежать одной поэзіи. Вообще характеръ новаго искусства — перевѣсъ важности содержанія надъ важностью формы, тогда какъ характеръ древняго искусства — равновѣсіе содержанія и формы. Ссылка на Гёте еще неудачнѣе, нежели ссылка на Шекспира. Мы докажемъ это двумя примѣрами. Въ Современникѣ пропалаго года напечатанъ былъ переводъ гётевскаго романа *Wahlverwandschaften*, о которомъ и на Руси было иногда толковано печатно: въ Германіи же онъ пользуется страшнымъ почетомъ, о немъ написаны тамъ горы статей и цѣлыя книги. Не знаемъ, до какой степени понравился онъ русской публикѣ, и даже понравился ли онъ ей: наше дѣло было познакомить ее съ замѣчательнымъ произведеніемъ великаго поэта. Мы даже думаемъ, что романъ этотъ больше удивилъ нашу публику, нежели понравился ей. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ многому можно удивиться! Дѣвушка переписываетъ отчеты по управленію имѣніемъ; герой романа замѣчаетъ, что въ ея кошіи чѣмъ дальше, тѣмъ больше почеркъ ея становится похожъ на его почеркъ. „Ты любишь меня!“ восклицаетъ онъ, бросаясь ей на шею. Повторяемъ, такая черта не одной нашей, но и всякой другой публикѣ не можетъ не показаться странною. Но для вѣмцевъ она нисколько не странна, потому что это — черта нѣмецкой жизни, вѣрно схваченная. Такихъ чертъ въ

этомъ романѣ найдется довольно; многіе сочтутъ, пожалуй, и весь романъ не за что иное, какъ за такую черту... Не значить ли это, что романъ Гёте написанъ до того подъ вліяніемъ нѣмецкой общественности, что въ Германіи онъ кажется чѣмъ-то странно необыкновеннымъ? ¹⁾ Но *Фаустъ* Гёте, конечно, вездѣ — великое созданіе. На него въ особенности любятъ указывать какъ на образецъ чистаго искусства, неподчиняющагося ничему, кромѣ собственныхъ, одному ему свойственныхъ законовъ. И однакожъ — не въ осудъ будь сказано почтеннымъ рыцарямъ чистаго искусства — *Фаустъ* есть полное отраженіе всей жизни современнаго ему нѣмецкаго общества. Въ немъ выразилось все философское движеніе Германіи въ концѣ прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Недаромъ послѣдователи школы Гегеля цитовали безпрестанно въ своихъ лекціяхъ и философскихъ трактатахъ стихи изъ *Фауста*. Недаромъ также во второй части *Фауста* Гёте безпрестанно впадалъ въ аллегорію, часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Гдѣ же тутъ чистое искусство?

Мы видѣли, что и греческое искусство только ближе всякаго другого къ идеалу такъ называемаго чистаго искусства, но не осуществляетъ его вполне; что же касается до новѣйшаго искусства, оно всегда было далеко отъ этого идеала, а въ настоящее время еще больше отдалилось отъ него; но это-то и составляетъ его силу. Собственно художественный интересъ не могъ не уступить мѣста другимъ важнѣйшимъ для человѣчества интересамъ, и искусство благородно взялось служить имъ, въ качествѣ ихъ органа. Но отъ этого оно нисколько не перестало быть искусствомъ, а только получило новый характеръ. Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ — значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ — лишать его самой живой силы, т.-е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное,

¹⁾ Въ письмѣ къ Воткину отъ начала декабря 1847 года Вѣлинскій выразился объ этомъ романѣ Гёте гораздо рѣзче и опредѣленнѣе: „недавно я одержалъ блистательную побѣду по части теріи — прочелъ *Оттилію* (*Wahlverwandschaften*). Святители! Думалъ ли я, что великій Гёте, этотъ олимпіецъ нѣмецкій, могъ явиться такою нѣмцурою въ этомъ прославленномъ его романѣ. Мысль основная умна и вѣрна, но художественное развитіе этой мысли — Аллахъ, Аллахъ, зачѣмъ ты сотворилъ нѣмцевъ?... Умолкаю...“

это искусство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно уже охладились, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живого сочувствія.

Платонъ считалъ униженіемъ, профанациею науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна; но въ наше время она не имѣетъ даже оригинальности милой пелѣности. Говорятъ, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безщадномъ драньи розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Чтѣ-жъ тутъ дурного, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ! Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? Здѣсь явное недоразумѣніе: видятъ, что искусство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обрабатывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ — образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружась статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружась живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ*, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ *доказываетъ*, другой *показываетъ*, и оба *убѣждаютъ*, только одинъ логическими доводами, другой — картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого — всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждого изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію — сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства, ни искусство науки.

Дурное, ошибочное пониманіе истины не уничтожаетъ самой истины. Если мы видимъ иногда людей, даже умныхъ и благонамѣренныхъ, которые берутся за изложеніе общественныхъ вопросовъ въ поэтической формѣ, не имѣя отъ природы ни искры поэтическаго

дарованія, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такіе вопросы чужды искусству и губятъ его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, ихъ паденіе было бы еще разительнѣе. Плохъ, напримѣръ, былъ забытый теперь романъ *Панъ Подстолицъ*, вышедшій назадъ тому болѣе десяти лѣтъ и написанный съ похвальною цѣлю — представить картину состоянія бѣлорусскихъ крестьянъ, но все же онъ не былъ совсѣмъ бесполезенъ, и хоть съ страшною скукою, но прочли же его иные. Конечно, авторъ лучше достигъ бы своей благородной цѣли, если бы содержаніе своего романа изложилъ въ формѣ записокъ или замѣтокъ наблюдателя, не пускаясь въ поэзію; но, если бы онъ взялся написать романъ чисто поэтическій, онъ еще меньше достигъ бы своей цѣли. Теперь многихъ увлекаетъ волшебное слово: „направленіе“; думаютъ, что все дѣло въ немъ, и не понимаютъ, что въ сферѣ искусства, во-первыхъ, никакое направленіе гроша не стоитъ безъ таланта, а во-вторыхъ, самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови пишущаго, прежде всего должно быть чувствомъ, инстинктомъ, а потомъ уже, пожалуй, и сознательною мыслию, что для него, этого направленія, такъ же надо родиться, какъ и для самаго искусства. Идея вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, какъ должно, но не проведенная черезъ собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капиталъ не только для поэтической, но и всякой литературной дѣятельности. Какъ ни списывайте съ натуры, какъ ни сдѣлывайте вашихъ списковъ готовыми идеями и благонамѣренными „тенденціями“, но если у васъ нѣтъ поэтическаго таланта, — списки ваши никому не напомнятъ своихъ оригиналовъ, а идеи и направленія останутся общими риторическими мѣстами.

Теперь что-нибудь одно изъ двухъ: или картины нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго быта, представляемыя писателями натуральной школы, проникнуты истиною и вѣрностію дѣйствительности, и въ такомъ случаѣ онѣ порождены талантомъ, носятъ на себѣ отпечатокъ созданія; или, если это наоборотъ, онѣ не могутъ никого увлекать и убѣждать, и въ нихъ никто не видитъ ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительностію. Такъ и говорятъ о нихъ противники этой школы; но тогда слѣдуетъ вопросъ: отчего же, съ одной стороны, эти произведенія пользуются такимъ успѣхомъ у большинства читающей публики, а съ другой, имѣютъ способность такъ сильно раздражать противниковъ натуральной школы? Вѣдь только золотая посредственность пользуется завидною

привилегією — никого не раздражать и не имѣть враговъ и противниковъ?

Одни говорили, что натуральная школа клеветаетъ на общество и унижаетъ его умышленно; другіе теперь прибавляютъ къ этому, что она особенно виновата въ этомъ отношеніи передъ простымъ народомъ. Последнее обвиненіе выходитъ какъ-то противорѣчиво у хулителей натуральной школы: одни изъ нихъ упрекаютъ ее, съ мѣщански-аристократической точки зрѣнія, достойной прославленнаго Мольеромъ г. Журдена ¹⁾, за излишнюю симпатію къ людямъ простого званія, другіе за скрытую враждебность къ нимъ. Мы уже имѣли случай обстоятельно и подробно возразить на это обвиненіе и доказать всю его неосновательность и неблаговидность ²⁾, такъ что новаго объ этомъ сказать ничего не имѣемъ, пока наши доброжелатели не выдумаютъ чего-нибудь новаго въ подкрѣпленіе этого, дѣлающаго имъ особенную честь обвиненія. И потому скажемъ нѣсколько словъ о другомъ обвиненіи. Одни говорятъ (и очень справедливо на этотъ разъ), что натуральная школа основана Гоголемъ; другіе, отчасти соглашаясь съ этимъ, прибавляютъ еще, что французская неистовая словесность (лѣтъ десять тому назадъ какъ уже скончавшаяся вмалѣ) еще больше Гоголя имѣла участія въ порожденіи натуральной школы. Подобное обвиненіе изъ рукъ воиъ нелѣпо: всѣ факты рѣшительно противъ него. Обращаясь къ его родословной, можно сказать, что оно порождено или тѣми неблаговидными причинами, о которыхъ говорить запрещаетъ приличіе, или рѣшительнымъ непониманіемъ литературнаго дѣла. Последнее еще вѣроятнѣе. Хотя эти господа и ратуютъ за искусство, однако, это не мѣшаетъ имъ не имѣть о немъ ни малѣйшаго понятія. Какія произведенія французской литературы причислены были у насъ, почему-то, къ неистовой школѣ? Первые романы Гюго (и въ особенности его знаменитая *Notre Dame de Paris*), Сю, Дюма, *Мертвый оселъ* и *малютированная женщина* Жюль Жанена. Не такъ ли? Кто-жъ теперь ихъ помнитъ, когда сами авторы ихъ давно уже приняли новое направленіе? И что составляло главный характеръ этихъ произведеній, не лишенныхъ, впрочемъ, своего рода достоинствъ?—преувеличеніе, мелодрама, трескучіе эффекты. Представителемъ такого направленія у насъ былъ только Марлинскій, и вліяніе Гоголя положило рѣшительный конецъ этому направленію. Что же у него общаго съ натуральною школою? Те-

перь даже и рѣдкихъ попытокъ нѣтъ на произведенія съ такимъ направленіемъ, за исключеніемъ развѣ драмъ съ испанскими страстями, восхищающихъ обычныхъ почитателей Александринаскаго театра. А если посредственность и бездарность пытаются иногда, и то очень рѣдко, приобрести успѣхъ подражаніемъ французскимъ романамъ, то новѣйшимъ, болѣе нелѣпымъ и вздорнымъ, нежели неистовымъ. Къ такимъ попыткамъ принадлежатъ недавно напечатанный въ одномъ журналѣ романъ *Спекуляторы*, наполненный небывалыми злодѣями, или, вѣрнѣе сказать, негодаями, и невозможными похождениями, изъ которыхъ однакожъ выводится въ концѣ чистѣйшая нравственность. Но натуральной школѣ что за дѣло до подобныхъ произведеній? Они къ ней не относятся ни съ которой стороны.

Гораздо вѣрнѣе всѣхъ этихъ обвиненій тотъ фактъ, что въ лицѣ писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась къ самобытнымъ источникамъ вдохновенія и идеаловъ, и чрезъ это сдѣлалась и современною и русскою. Съ этого пути она, кажется, уже не сойдетъ, потому что это прямой путь къ самобытности, къ освобожденію отъ всякихъ чуждыхъ и постороннихъ вліяній. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что она всегда останется въ томъ состояніи, какъ теперь; нѣтъ, она будетъ идти впередъ, измѣняться, но только никогда уже не оставитъ быть вѣрною дѣйствительности и натурѣ. Мы нисколько не обольщены ея успѣхами и вовсе не хотимъ преувеличивать ихъ. Мы очень хорошо видимъ, что наша литература и теперь еще на пути стремленія, а не достиженія, что она только устанавливается, но еще не установилась. Весь успѣхъ ея заключается пока въ томъ, что она нашла уже свою настоящую дорогу и больше не ищетъ ея, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе твердымъ шагомъ продолжаетъ идти по ней. Теперь у ней нѣтъ главы, ея дѣятели—таланты не первой степени, а между тѣмъ она имѣетъ свой характеръ и уже безъ помочей идетъ по настоящей дорогѣ, которую ясно видѣть сама. Здѣсь невольно приходятъ намъ на память слова, сказанныя редакторомъ Современника въ первой книжкѣ этого журнала за прошлый годъ: „Взамѣнъ сильныхъ талантовъ, не достающихъ нашей современной литературѣ, въ ней, такъ сказать, отстоялись и улеглись жизненные начала дальнѣйшаго развитія и дѣятельности. Она уже, какъ мы замѣтили выше, явленіе опредѣленнаго рода; въ ней есть сознаніе своей самостоятельности и своего значенія. Она уже сила организованная правильно,

¹⁾ Герой комедіи Мольера: *Le Bourgeois Gentilhomme*, — Мѣщанинъ во дворянствѣ.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Современникъ 1847 г., книжка XI, статья „Отвѣтъ Москвитянину“.

Прим. Бѣлинскаго.

дѣятельная, живыми отпрысками переплетающаяся съ разными общественными нуждами и интересами, не метеоръ, случайно залетѣвшій изъ чуждой намъ сферы на удивленіе толпы, не вспышка уединенной гениальной мысли, печально проскользнувшей въ умахъ и потрясшей ихъ на минуту новымъ и невѣдомымъ ощущеніемъ. Въ области литературы нашей теперь нѣтъ мѣсть особенно замѣчательныхъ, но есть вся литература. Недавно она еще была похожа на пестрое пространство нашихъ полей, только что освободившихся отъ ледяной земной коры: тутъ на холмахъ кое-гдѣ пробивается травка, въ оврагахъ лежатъ еще почернѣвшій снѣгъ, перемѣшанный съ грязью. Теперь ее можно сравнить съ тѣми же полями въ весеннемъ убранствѣ, хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ, мѣстами она очень блѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду: прекрасное время года наступаетъ“.

Мы думаемъ, что въ этомъ есть прогрессъ...

Справедливость выписанныхъ нами словъ сдѣлается еще очевиднѣе, если обратитъ вниманіе и на другія стороны русской литературы нашего времени. Тамъ увидимъ мы явленіе, соотвѣтствующее тому, которое въ поэзіи называютъ натурализмомъ, т. е. то же стремленіе къ дѣйствительности, реальности, истинѣ, то же отвращеніе отъ фантазіи и призраковъ. Въ наукѣ отвлеченныя теоріи, апріорныя построенія, довѣріе къ системамъ со дня на день теряютъ свой кредитъ и уступаютъ мѣсто направленію практическому, основанному на знаніи фактовъ. Конечно, наука еще не пустила у пасть глубокихъ корней, но и въ ней уже замѣтенъ поворотъ къ самобытности, именно въ той сферѣ, въ которой самобытность прежде всего должна начаться для русской науки — въ сферѣ изученія русской исторіи. Въ ея событіяхъ, до сихъ поръ объяснявшихся подъ вліяніемъ изученія западной исторіи, уже приводятся начала жизни, только ей свойственныя, и русская исторія объясняется по-русски. То же обращеніе къ вопросамъ, имѣющимъ болѣе близкое отношеніе собственно къ нашей, русской, жизни, то же усиліе разрѣшить ихъ по-своему замѣтно и въ изученіи современнаго быта Россіи. Чтобы доказать это, мы разберемъ все, что въ прошломъ году явилось замѣчательнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи. Но этотъ разборъ составитъ предметъ особой болѣе статьи въ слѣдующей книжкѣ Современника.

Статья вторая и послѣдняя.

Значеніе романа и повѣсти въ настоящее время. — Замѣчательные романы и повѣсти прошлаго года и характеристика современныхъ русскихъ беллетристовъ: Пескандеръ, Гончаровъ, Тургеневъ, Даль, Григорьевичъ, Дружининъ. — Новое сочиненіе г. Достоевскаго „Хозяина“. — „Путевыя замѣтки“ г-жи Т. Ч. — Испанскія письма, г. Боткина. — Замѣчательныя ученыя статьи прошлаго года. — Замѣчательныя критическія статьи. Г. Шевыревъ. — Полное собраніе русскихъ авторовъ, А. Смирдяна.

Романъ и повѣсть стали теперь во главѣ всѣхъ другихъ родовъ поэзіи. Въ нихъ заключилась вся изящная литература, такъ что всякое другое произведеніе кажется при нихъ чѣмъ-то исключительнымъ и случайнымъ. Причины этого — въ самой сущности романа и повѣсти, какъ рода поэзіи. Въ нихъ лучше, удобнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ родѣ поэзіи, вымыслъ сливается съ дѣйствительностію, художественное изобрѣтеніе смѣшивается съ простымъ, лишь бы вѣрнымъ, списываніемъ съ натуры. Романъ и повѣсть, даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейскаго быта, могутъ быть представителями крайнихъ предѣловъ искусства, высшаго творчества; съ другой стороны, отражая въ себѣ только избранныя, высокія мгновенія жизни, они могутъ быть лишены всякой поэзіи, всякаго искусства... Это самый широкій, всеобъемлющій родъ поэзіи; въ немъ талантъ чувствуетъ себя безгранично свободнымъ. Въ немъ соединяются всѣ другіе роды поэзіи — и лирика, какъ изліяніе чувствъ автора по поводу описываемаго имъ событія, и драматизмъ, какъ болѣе яркій и рельефный способъ заставлять высказываться данные характеры. Отступленія, разсужденія, дидактика, нетерпимыя въ другихъ родахъ поэзіи, въ романѣ и повѣсти могутъ имѣть законное мѣсто. Романъ и повѣсть даютъ полный просторъ писателю въ отношеніи преобладающаго свойства его таланта, характера, вкуса, направленія и т. д. Вотъ почему въ послѣднее время такъ много романистовъ и повѣствователей. И потому же теперь самые предѣлы романа и повѣсти раздвинулись: кромѣ „разказа“, давно уже существовавшаго въ литературѣ, какъ низшій и болѣе легкій видъ повѣсти, недавно получили въ литературѣ право гражданства такъ называемыя фізіологіи, характеристическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта. Наконецъ самые мемуары, совершенно чуждые всякаго вымысла, цѣнимые только по мѣрѣ вѣрной и точной передачи ими дѣйствительныхъ событій, — самые мемуары, если они мастерски написаны, составляютъ какъ бы послѣднюю грань въ области романа, замыкая ее собою. Что же общаго между

вымыслами фантазіи и строго историческимъ изображеніемъ того, что было на самомъ дѣлѣ? Какъ что?—художественность изложенья! Недаромъ же историковъ называютъ художниками. Кажется, что бы дѣлать искусству (въ смыслѣ искусства) тамъ, гдѣ писатель связанъ источниками, фактами, и долженъ только о томъ стараться, чтобы воспроизвести эти факты какъ можно вѣрно? Но въ томъ-то и дѣло, что вѣрное воспроизведеніе фактовъ невозможно при помощи одной эрудиціи, а нужна еще фантазія. Историческіе факты, содержащіеся въ источникахъ, не болѣе, какъ камни и кирпичи: только художникъ можетъ воздвигнуть изъ этого матеріала изящное зданіе. Въ первой статьѣ нашей мы уже говорили о томъ, что вѣрно списывать съ натуры такъ же нельзя безъ творческаго таланта, какъ и создавать вымыслы, похожіе на натуру. Сближеніе искусства съ жизнью, вымысла—съ дѣйствительностію, въ нашъ вѣкъ особенно выразилось въ историческомъ романѣ. Отсюда былъ только шагъ до истиннаго возрѣнія на мемуары, въ которыхъ такую важную роль играютъ очерки характеровъ и лицъ. Если очерки живы, увлекательны, значить—они не копіи, не списки, всегда блѣдные, ничего не выражающіе, а художественное воспроизведеніе лицъ и событій. Такъ дорожатъ портретами Фанъ-Дейковъ, Тиціановъ и Веляскесовъ, вовсе не интересуясь знать, съ кого были писаны эти портреты: ими дорожатъ, какъ картинами, какъ художественными произведеніями. Такова сила искусства: лицо, ничѣмъ не замѣчательное само по себѣ, получаетъ чрезъ искусство общее значеніе, для всѣхъ равно интересное и на человѣка, который при жизни не обращалъ на себя ничьего вниманія, смотря въѣка, по милости художника, давшего ему своею кистію новую жизнь! То же самое и въ мемуарахъ, и въ разсказахъ, и во всякаго рода снимкахъ съ натуры. Тутъ степень достоинства произведенія зависитъ отъ степени таланта писателя. И вы можете въ книгѣ любоваться человѣкомъ, съ которымъ не захотѣли бы нигдѣ встрѣтиться, котораго, можетъ быть, всегда знали бы, какъ самое пустое и скучное созданіе. Запоздалые эстетики утверждаютъ, что „поэзія не должна быть живописью, потому что въ живописи все дѣло въ вѣрномъ изображеніи предмета, схваченнаго въ одномъ извѣстномъ моментѣ“. Но если поэзія берется изображать лица, характеры, событія, — словомъ, картины жизни, само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ она беретъ на себя ту же самую обязанность, что живопись, т.-е. быть вѣрною дѣйствительности, которую взялась

воспроизводить. И эта вѣрность есть первое требованіе, первая задача поэзіи. О поэтическомъ талантѣ автора тутъ должно судить прежде всего основываясь на томъ, до какой степени удовлетворяетъ онъ этому требованію, рѣшаетъ эту задачу. Если онъ не живописецъ: явный знакъ, что онъ и не поэтъ. что у него вовсе нѣтъ таланта. Но что поэзія не должна быть *только* живописью, это опять другое дѣло, и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ картинахъ поэта должна быть мысль, производимое ими впечатлѣніе должно дѣйствовать на умъ читателя, должно давать то или другое направленіе его взгляду на извѣстныя стороны жизни. Для этого романъ и повѣсть, съ однородными имъ произведеніями, самый удобный родъ поэзіи. На его долю преимущественно досталось изображеніе картинъ общественной, поэтической анализъ общественной жизни.

Прошлый 1847 годъ былъ особенно богатъ замѣчательными романами, повѣстями и разсказами. По огромному успѣху въ публикѣ первое мѣсто между ними принадлежить, безъ всякаго сомнѣнія, двумъ романамъ: *Кто виноватъ?* и *Обыкновенная Исторія*; почему мы и начнемъ съ нихъ наше обозрѣніе изящной литературы за прошлый годъ.

Г. Искандеръ ¹⁾ давно уже извѣстенъ публикѣ, какъ авторъ разныхъ статей, отличающихся замѣчательнымъ умомъ, талантомъ, остроуміемъ, оригинальнію взгляда на предметы и оригинальнію выраженія. Но какъ романистъ, онъ талантъ новый, обратившій на себя особенное вниманіе русской публики только съ прошлаго года. Правда, въ *Отечественныхъ Запискахъ* были напечатаны два его опыта въ искусствѣ разсказывать: „Записки одного молодого человѣка“ (1840) и „Еще изъ записокъ одного молодого человѣка“ (1841), въ которыхъ можно было предугадывать въ авторѣ будущаго даровитаго романиста, судя по вѣрности и живости этихъ легкихъ очерковъ. Г. Гончаровъ, авторъ *Обыкновенной Исторіи*,—лицо совершенно новое въ нашей литературѣ, но уже занявшее въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Потому ли, что оба эти романа—*Кто виноватъ?* и *Обыкновенная Исторія*, появились почти въ одно время и раздѣлили между собою славу необыкновеннаго успѣха,—о нихъ не только говорятъ вмѣстѣ, но еще и сравниваютъ ихъ между собою, будто явленія однородныя. Одинъ журналъ ²⁾, объявивъ недавно романъ г. Искандера въ высшей степени ху-

¹⁾ А. И. Герценъ.

²⁾ „Отеч. Записки“.

дожественнымъ произведеніемъ, изъявилъ свое недовольство романомъ г. Гончарова на томъ основаніи, что въ послѣднемъ не нашелъ достоинствъ перваго. Мы тоже намѣрены, въ разборѣ этихъ романовъ, ставить ихъ вмѣстѣ, но не для того, чтобы показать ихъ сходство, котораго между ними, какъ произведеніями совершенно различными по ихъ сущности, нѣтъ и тѣни, а для того, чтобы самую ихъ взаимною противоположностію вѣрнѣе очертить особенность каждаго изъ нихъ и показать ихъ достоинства и недостатки.

Видѣть въ авторѣ *Кто виноватъ?* необыкновеннаго художника, значить вовсе не понимать его таланта. Правда, онъ обладаетъ замѣчательною способностію вѣрно передавать явленія дѣйствительности, очерки его опредѣленны и рѣзки, картины его ярки и сразу бросаются въ глаза. Но даже и эти самыя качества доказываютъ, что главная сила его не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанный и развитой. Могущество этой мысли—главная сила его таланта; художественная манера схватывать вѣрно явленія дѣйствительности—второстепенная, вспомогательная сила его таланта. Отнимите у него первую, вторая окажется слишкомъ несостоятельной для самобытной дѣятельности. Подобный талантъ не есть что-нибудь особенное, исключительное, случайное. Нѣтъ, такіе таланты такъ же естественны, какъ и таланты чисто художественные. Ихъ дѣятельность образуетъ особенную сферу искусства, въ которой фантазія является на второмъ мѣстѣ, а умъ—на первомъ. На это различіе мало обращаютъ вниманія, и оттого въ теоріи искусства выходятъ страшная путаница. Хотятъ видѣть въ искусствѣ своего рода умственный Китай, рѣзко отдѣленный точными границами отъ всего, что не искусство въ строгомъ смыслѣ слова. А между тѣмъ эти пограничныя линіи существуютъ больше предположительно, нежели дѣйствительно; по крайней мѣрѣ ихъ не укажешь пальцемъ, какъ на картѣ границы государствъ. Искусство, по мѣрѣ приближенія къ той или другой своей границѣ, постепенно теряетъ нѣчто отъ своей сущности и принимаетъ въ себя отъ сущности того, съ чѣмъ граничитъ, такъ что вмѣсто разграничивающей черты является область, примиряющая обѣ стороны.

Поэтъ-художникъ—болѣе живописецъ, нежели думаютъ. Чувство формы—въ этомъ вся натура его. Вѣчно соперничать съ природою въ способности творить—его высочайшее наслажденіе. Схватить данный предметъ во всей его истинѣ, заставить его, такъ сказать, дышать жизнію: вотъ въ чемъ его сила,

торжество, удовлетвореніе, гордость. Но поэзія выше живописи, предѣлы ея обширнѣе, нежели предѣлы всякаго другого искусства. И потому, поэтъ, разумѣется, не можетъ ограничиться одною живописью,—о чемъ мы впрочемъ уже говорили. Но какія бы ни были другія превосходныя, возбуждающія восторгъ и удивленіе качества его творенія,—все-таки главная сила его въ поэтической живописи. Онъ обладаетъ способностію быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всякій характеръ, во всякую личность,—и для этого ему нужны не опытъ, не изученіе, а достаточно иногда одного намека или одного быстрого взгляда. Два-три факта,—и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, съ свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье наукою дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ геній, развитый и вспомоществуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, свой поэтический инстинктъ.

Другой разрядъ поэтовъ, о которомъ мы начали говорить и въ которому принадлежатъ авторъ романа *Кто виноватъ?*, можетъ изображать вѣрно только тѣ стороны жизни, которыя особенно почему бы то ни было поразили ихъ мысль и особенно знакомы имъ. Они не понимаютъ наслажденія представить вѣрно явленіе дѣйствительности для того только, чтобы вѣрно представить его. У нихъ недостаетъ ни охоты, ни терпѣнія на такой, по ихъ мнѣнію, безполезный трудъ. Для нихъ важенъ не предметъ, а смыслъ предмета,—и ихъ вдохновеніе возникаетъ только для того, чтобы, черезъ вѣрное представленіе предмета, сдѣлать въ глазахъ всѣхъ очевиднымъ и осязательнымъ смыслъ его. У нихъ стало быть, опредѣленная и ясно сознанныя цѣль впереди всего, а поэзія—только средство къ достиженію этой цѣли. Поэтому, доступный ихъ таланту міръ жизни опредѣляется ихъ душевною мыслию, ихъ взглядомъ на жизнь; это магическій кругъ, изъ котораго они не могутъ выйти безнаказанно, т.-е. не теряя вдругъ способности изображать дѣйствительность поэтически вѣрно. Отнимите у нихъ эту одушевляющую ихъ мысль, заставьте отказаться стъ ихъ взгляда на предметы,—и у нихъ нѣтъ больше и таланта; тогда какъ талантъ поэта-художника всегда съ нимъ, пока вокругъ него движется жизнь, *какая бы она не была.*

Что составляетъ душевную мысль Искандера, которая служитъ ему источникомъ его вдохновенія, возвышаетъ его иногда въ

вѣрномъ изображеніи явленій общественной жизни почти до художественности? — Мысль о достоинствѣ человѣческомъ, которое унижается предразсудками, невѣжествомъ, и унижается то несправедливостью человѣка къ своему ближнему, то собственнымъ добровольнымъ искаженіемъ самого себя. Герой всѣхъ романовъ и повѣстей Искандера, сколько бы ни написалъ онъ ихъ, всегда былъ и будетъ одинъ и тотъ же: это — человѣкъ, понятіе общее, родовое, во всей обширности этого слова, во всей святости его значенія. Искандеръ — по преимуществу поэтъ *чуждости*. Поэтому, въ его романѣ бездна лицъ, большей частью мастерски очерченныхъ, но нѣтъ героя, нѣтъ героини. Въ первой части, заинтересовавъ насъ четою Негровыхъ, онъ выводитъ намъ героями романа Круциферскаго и Любоньку. Въ эпизодѣ, написанномъ для связи обѣихъ частей, героемъ является Бельтовъ; но мать Бельтова и его гувернеръ-женевецъ едва ли не больше, нежели онъ самъ, интересуютъ собою читателя. Во второй части героями являются Бельтовъ и Круциферская, и въ ней только раскрывается вполне основанная мысль романа, являющаяся сначала такъ загадочною въ его названіи *Кто виноватъ?* Но мы должны признаться, что эта-то мысль всего менѣе и интересуетъ насъ въ романѣ, такъ же, какъ Бельтовъ, герой романа, кажется намъ самымъ неудачнымъ лицомъ во всемъ романѣ. Когда Круциферскій сдѣлался женихомъ Любоньки, докторъ Круповъ сказалъ ему: „не пара тебѣ эта невѣста, ужъ что хочешь, — эти глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепетъ, который иногда пробѣгаетъ по ея лицу — она *тигренокъ*, который еще не знаетъ своей силы; а ты, да что ты? ты, невѣста; ты, братецъ, нѣмка; ты будешь жена — ну, годно ли это?“ Въ этихъ словахъ лежитъ завязка романа, который, по намѣренію автора, долженъ былъ только начаться свадьбою вмѣсто того, чтобы кончиться ею. Авторъ, познакоивши насъ съ Бельтовымъ, ведетъ насъ въ мирное убѣжище молодой четы, уже четыре года наслаждающейся тихимъ семейнымъ счастьемъ; — но, помня мрачное предсказаніе оракула въ лицѣ скептическаго доктора, читатель невольно ждетъ, что въ самой картинѣ семейнаго счастья Круциферскихъ авторъ покажетъ ему зародышъ и начало будущихъ бѣдъ. Круциферскій дѣйствительно не женился, а вышелъ замужъ. Его жена была слишкомъ выше него, слѣдовательно, слишкомъ не по немъ. Естественно, что онъ былъ вполне счастливъ ею; но неестественно, чтобъ она была спокойно счастлива, не видѣла тревожныхъ сновъ, не задумывалась наяву. Она могла уважать и даже любить своего мужа, какъ существо

младенчески чистое и благородное, которое, сверхъ того, вырвало ее изъ ада родительскаго дома; но такая ли любовь могла удовлетворить такую женщину, наполнить тѣ потребности, тѣ стремленія ея натуры, которыя тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе и безсознательнѣе? Знакомство съ Бельтовымъ, скоро превратившееся въ любовь, должно было только открыть ей глаза на ея положеніе, пробудить въ ней сознаніе того, что она не могла быть счастлива съ такимъ человѣкомъ, какъ Круциферскій. Но этого авторъ не сдѣлалъ.

Мысль была прекрасная, исполненная глубокаго трагическаго значенія. Она-то и увлекла большинство читателей и помѣшала имъ замѣтить, что вся исторія трагической любви Бельтова и Круциферской рассказана умно, очень умно, дажо ловко, но зато ужъ насколько не художественно. Тутъ мастерской рассказъ, но нѣтъ и слѣда живой поэтической картины. Мысль спасла и вынесла автора: умомъ онъ вѣрно понялъ положеніе своихъ героевъ, но передалъ его только какъ умный человѣкъ, хорошо понявшій дѣло, но не какъ поэтъ. Такъ иногда даровитый актеръ, взявшійся за роль, которая вовсе не въ его средствахъ и талантѣ, все-таки не портитъ ее, но умно и ловко выполняетъ ее, вмѣсто того, чтобы сыграть. Мысль роли не потеряна, а трагическій смыслъ пьесы дополняетъ недостатокъ въ выполненіи главной роли, — и зритель не вдругъ догадывается, что онъ былъ только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ.

Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что во второй части романа характеръ Бельтова произвольно измѣненъ авторомъ. Сперва это былъ человѣкъ, жаждавшій полезной дѣятельности и ни въ чемъ не находившій ея, по причинѣ ложнаго воспитанія, которое далъ ему благородный женеваекій мечтатель. Бельтовъ зналъ многое и обо всемъ имѣлъ общія понятія, но совершенно не зналъ той общественной среды, въ которой одной могъ бы дѣйствовать съ пользою. Все это не только сказано, но и показано авторомъ мастерски. Мы думаемъ, что при этомъ авторъ могъ бы еще указать слегка и на натуру своего героя, нисколько не практическую, и, кромѣ воспитанія, порядочно испорченную еще и богатствомъ. Тому, кто родился богатымъ, надо получать отъ природы особенное призваніе къ какой бы то ни было дѣятельности, чтобы не праздно жить на свѣтѣ и не скучать отъ бездѣйствія. Этого-то призванія и незамѣтно вовсе въ натурѣ Бельтова. Натура его была чрезвычайно богата и многосторонняя, но въ этомъ богатствѣ и многосторонности ничто не имѣло прочнаго

корни. У него много ума, но ума созерцательнаго, теоретическаго, который не столько углублялся въ предметы, сколько скользилъ по нимъ. Онъ способенъ былъ понимать многое, почти все, но эта-то многосторонность сочувствія и пониманія и мѣшаетъ такимъ людямъ сосредоточить всѣ свои силы на одномъ предметѣ, устремить на него всю свою волю. Такіе люди вѣчно порываются къ дѣятельности, пытались найти свою дорогу, и разумѣется не находятъ ея.

Такимъ образомъ Бельтовъ осужденъ былъ томиться никогда неудовлетворяемою каждою дѣятельности и тоскою бездѣйствія. Авторъ мастерски передалъ намъ его неудачныя попытки служить, потомъ сдѣлаться врачомъ, артистомъ. Если нельзя сказать, что онъ вполне очертилъ и разъяснилъ этотъ характеръ, — все же это у него лицо, хорошо очерченное, понятное и естественное. Но въ послѣдней части романа Бельтовъ вдругъ является передъ нами какою-то высшею, геніальною натурою, для дѣятельности которой дѣйствительность не представляетъ достойнаго поприща... Это уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ, съ которымъ мы такъ хорошо познакомились прежде; это уже не Бельтовъ, а что-то въ родѣ Печорина. Разумѣется, прежній Бельтовъ былъ гораздо лучше, какъ всякій человѣкъ, играющій свою собственную роль. Сходство съ Печоринымъ для него крайне невыгодно. Не понимаемъ, зачѣмъ автору нужно было съ своей дороги сойти на чужую!.. Неужели этимъ онъ хотѣлъ поднять Бельтова до Круциферской? Напрасно! для нея онъ былъ бы также интересенъ и въ прежнемъ своемъ видѣ; и тогда онъ сталъ бы подлѣ бѣднаго Круциферскаго настоящимъ колоссомъ подлѣ карлика. Онъ былъ человѣкъ взрослый, совершеннолѣтній, мужчина, по крайней мѣрѣ по уму и взгляду на жизнь; а Круциферскій, съ его благородными мечтами, вмѣсто настоящаго пониманія людей и жизни, и подлѣ прежняго Бельтова все казался бы ребенкомъ, котораго развитіе задержано какою-нибудь болѣзнію.

Круциферская, въ свою очередь, является гораздо интереснѣе въ первой части романа, нежели въ послѣдней. Нельзя сказать, чтобы и тамъ ея характеръ былъ рѣзко очерченъ; но зато рѣзко было очерчено ея положеніе въ домѣ Негрова. Тамъ она хороша молча, безъ словъ, безъ дѣйствій. Читатель угадываетъ ее, хотя не слышитъ отъ нея почти ни слова. Авторъ въ обрисовкѣ ея положенія обнаружилъ необыкновенное мастерство. Только въ отрывкахъ изъ ея дневника она у него высказывается сама. Но мы не совсѣмъ довольны этою исповѣдью. Кромѣ того, что манера знакомить читателей съ

героинями романовъ черезъ ихъ записки — манера старая, избитая и фальшивая, — записки Любоньки немножко отзываются поддѣлкою: по крайней мѣрѣ не всякій повѣритъ, что ихъ писала женщина... Очевидно, что и тутъ авторъ вышелъ изъ сферы своего таланта. То же скажемъ мы и объ отрывкахъ Круциферской въ концѣ романа. Въ томъ и другомъ случаѣ авторъ ловко отдѣлался отъ задачи, которая была ему не по силамъ, но не больше. Вообще, сдѣлавшись Круциферской, Любонька перестала быть характеромъ, лицомъ, и превратилась въ мастерски, умно развитую мысль. Она и Бельтовъ — два единственные лица, съ которыми авторъ не совладалъ какъ слѣдуетъ. Но и въ нихъ нельзя не удивляться его ловкости и искусству поддерживать интересъ до конца и поразить, растрогать большинство читателей тамъ, гдѣ съ его талантомъ, но безъ его ума и вѣрнаго взгляда на предметы всякій другой только насмѣшилъ бы.

Итакъ, не въ картинѣ трагической любви Бельтова и Круциферской надо искать достоинства романа Искандера. Мы видѣли, что все это вовсе не картина, а мастерски изложенное слѣдственное дѣло. Вообще, *Кто виноватъ?* — собственно не романъ, а рядъ біографій, мастерски написанныхъ и ловко связанныхъ внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое именно тою мыслию, которой автору не удалось развить поэтически. Но въ этихъ біографіяхъ есть внутренняя связь, хотя и безъ всякаго отношенія къ трагической любви Бельтова и Круциферской. Это — мысль, которая глубоко легла въ ихъ основаніе, дала жизнь и душу каждой чертѣ, каждому слову разсказа, сообщила ему эту убѣдительность и увлекательность, которыя равно неотразимо дѣйствуютъ на читателей симпатизирующихъ и несимпатизирующихъ съ авторомъ, образованныхъ и необразованныхъ. Мысль эта является у автора какъ чувство, какъ страсть; словомъ, изъ его романа видно, что она столько же составляетъ паѳосъ его жизни, какъ и его романа. О чемъ бы онъ ни говорилъ, чѣмъ бы онъ ни увлекался въ отступленіе, онъ никогда не забываетъ ея, безпрестанно возвращается къ ней, она какъ будто невольно сама высказывается у него. Эта мысль срослась съ его талантомъ; въ ней его сила; если-бъ онъ могъ охладѣть къ ней, отречься отъ нея, — онъ бы вдругъ лишился своего таланта. Какая же это мысль? Это — страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ, и еще больше безъ умысла: это то, что нѣмцы называютъ *гуманностью* (Humanität). Тѣ, кому покажется непонятною мысль, заклю-

чающаяся въ этомъ словѣ, въ сочиненіяхъ Искандера найдутъ самое лучшее ея объясненіе. О самомъ же словѣ скажемъ, что нѣмцы сдѣлали его изъ латинскаго слова *humanus*, что значитъ человѣческій. Здѣсь оно берется въ противоположность слову животный. Когда человѣкъ поступаетъ съ людьми, какъ слѣдуетъ человѣку поступать съ своими ближними, братьями по естеству, онъ поступаетъ гуманно; въ противномъ случаѣ онъ поступаетъ, какъ прилично животному. Гуманность есть человѣколюбіе, но развитое сознаниемъ и образованіемъ. Человѣкъ, воспитывающій бѣднаго сироту, не по расчету, не изъ хвастовства, а по желанію сдѣлать добро,—воспитывающій его какъ родного сына, но вмѣстѣ съ этимъ дающій ему чувствовать, что онъ его благодѣтель, что онъ на него тратится, и пр. и пр., такой человѣкъ, конечно, заслуживаетъ названіе добраго, нравственнаго и человѣколюбиваго, но отнюдь не гуманнаго. У него много чувства, любви, но они не развиты въ немъ сознаниемъ, покрыты грубою корою. Его грубый умъ и не подозреваетъ, что въ натурѣ человѣческой есть струны тонкія и нѣжныя, съ которыми надобно обращаться бережно, чтобы не сдѣлать человѣка несчастнымъ при всѣхъ внѣшнихъ условіяхъ счастья, или чтобы не огрубить, не ополить человѣка, который при болѣе гуманномъ съ нимъ обращеніи могъ бы сдѣлаться порядочнымъ. А между тѣмъ, сколько на свѣтѣ такихъ благодѣтелей, которые мучатъ, а иногда и губятъ тѣхъ, на кого изливаются ихъ благодѣянія, безъ всякаго дурного умысла. Иногда горячо любя ихъ, искренно желая имъ всякаго добра,—и потомъ добродушно удивляются тому, что вмѣсто привязанности и уваженія имъ заплачено холодною, равнодушіемъ, неблагодарностію, даже ненавистію и враждою, или что изъ ихъ воспитанниковъ вышли негодяи, тогда какъ они имъ дали самое нравственное воспитаніе. Сколько есть отцовъ и матерей, которые дѣйствительно по-своему любятъ своихъ дѣтей, но считаютъ священною обязанностію безпрестанно твердить имъ, что они обязаны своимъ родителямъ и жизни, и одеждой, и воспитаніемъ! Эти несчастные и не догадываются, что они сами лишаютъ себя дѣтей, замѣняя ихъ какими-то приемышами, сиротами, которыхъ они взяли изъ чувства благодѣтельности. Они спокойно дремлютъ на моральномъ правилѣ, что дѣти должны любить своихъ родителей, и потомъ, въ старости, со вздохомъ повторяютъ избитую сентенцію, что отъ дѣтей-де нечего ожидать, кромѣ неблагодарности. Даже этотъ страшный опытъ не снимаетъ толстой ледяной коры съ ихъ оцѣпенѣлыхъ умовъ и

не заставляетъ ихъ наконецъ, понять, что сердце человѣческое дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ и никакихъ другихъ признавать не хочетъ и не можетъ, что любовь по долгу и по обязанности есть чувство противное человѣческой природѣ, сверхъестественное, фантастическое, невозможное и небывалое, что любовь дается только любви, что любви нельзя требовать, какъ чего-то слѣдующаго намъ по праву, но всякую любовь надо приобрѣсти, заслужить отъ кого бы то ни было, все равно—отъ высшаго или отъ низшаго насъ, сыну ли отъ отца, или отцу отъ сына. Посмотрите на дѣтей: часто случается, что дитя очень равнодушно смотритъ на свою мать, хотя она и кормитъ его своею грудью, и подымаетъ страшный ревъ, если, проснувшись, не увидитъ тотчасъ же своей няни, которую оно привыкло видѣть при себѣ безотлучно. Видите ли, ребенокъ—это полное и совершенное выраженіе природы—даритъ своей любовью того, кто доказываетъ ему любовь свою на самомъ дѣлѣ, кто отказался для него отъ всѣхъ удовольствій, словно желѣзною цѣпью приковалъ себя къ его жалкому и слабому существованію.

Гуманность нисколько не находится въ противорѣчій съ уваженіемъ къ высокимъ общественнымъ положеніямъ и рангамъ; но она находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ презрѣніемъ къ кому бы то ни было, кромѣ негодяевъ и подлецовъ. Она охотно признаетъ общественное первенство людей; но только смотритъ на него не съ одной внѣшней, но болѣе съ внутренней стороны. Гуманность не только не обязываетъ человѣка низшаго сословія съ грубыми манерами, привычками осыпать непривычными ему вѣжливостями, но даже запрещаетъ это, потому что такое обращеніе, поставило бы его въ неловкое положеніе, заставило бы подозревать въ немъ насмѣшку или дурной умыселъ. Гуманный человѣкъ обойдется съ низшимъ себя и грубо развитымъ человѣкомъ съ тою вѣжливостію, которая тому не можетъ показаться странною или дикою, но онъ не допуститъ его унижать передъ нимъ свое человѣческое достоинство,—не позволитъ ему кланяться себѣ въ ноги, не станетъ называть его Ванькой или Ванюхою и тому подобными именами, похожими на собачьи клички, не будетъ легонько трясти его за бороду, въ знакъ своего милостиваго къ нему расположенія, чтобы тотъ, подло ухмыляясь, говорилъ ему съ подбострастіемъ: „за чѣмъ изволите жаловать?...“ Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважаютъ въ другихъ человѣческаго достоинства, и еще болѣе оскорбляется и страдаетъ, когда человѣкъ самъ въ себѣ не уважаетъ собственного достоинства.

Вотъ это-то чувство гуманности и составляетъ, такъ сказать, душу твореній Искандера. Онъ ея проповѣдникъ, адвокатъ. Выводимыя имъ на сцену лица—люди не злые, даже большею частію добрые, которые мучать и преслѣдуютъ самихъ себя и другихъ чаще съ хорошими, нежели съ дурными намѣреніями, больше по невѣжеству, нежели по злости. Даже тѣ въ его лицѣ, которыя отталкиваютъ отъ себя низостию чувствъ и гадостию поступковъ, представляются авторомъ больше какъ жертвы ихъ собственнаго невѣжества и той среды, въ которой они живутъ, нежели ихъ злой натуры. Онъ изображаетъ преступленія, неподлежащія вѣдомству законовъ и понимаемыя большинствомъ какъ дѣйствія разумныя и нравственныя. Злодѣевъ у него мало: въ трехъ повѣстяхъ, доселѣ напечатанныхъ, только въ одной „Сорокъ-Воровъ“ выведенъ злодѣй, да и то такой, котораго и теперь многіе готовы счесть за самаго добродѣтельнаго и нравственнаго человѣка. Главное орудіе Искандера, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ,—иронія, нерѣдко возвышающаяся до сарказма, но чаще обнаруживающаяся легкою, граціозною и необыкновенно добродушною шуткою: вспомните добраго почтмейстера, который два раза чуть не убилъ Бельтова, сначала горемъ, потомъ радостью, и такъ добродушно потиралъ себѣ руки, такъ вкушалъ успѣхъ сюрприза, что „нѣтъ въ мірѣ жестокаго сердца, которое нашло бы въ себѣ силу упрекнуть его за эту штуку, и которое бы не предложило ему закусить“. А между тѣмъ, и въ этой чертѣ, нисколько не возмутительной, а только забавной, авторъ остается вѣрнымъ своей завѣтной идеѣ. Все, что касается этой идеи въ романѣ „Кто виноватъ?“, — все это отличается вѣрностію дѣйствительности, мастерствомъ изложенія, которыя выше всякихъ похвалъ. Здѣсь, а не въ любви Бельтова и Круциферской, блестящая сторона романа и торжество таланта автора. Мы сказали выше, что романъ этотъ — рядъ біографій, связанныхъ между собою одною мыслию, но безконечно разнообразныхъ, глубоко правдивыхъ и богатыхъ философскимъ значеніемъ. Здѣсь авторъ вполнѣ въ своей сферѣ. Что лучшаго въ той самой части романа, которая вся посвящена трагической любви Бельтова и Круциферской, какъ не біографія почтеннѣйшаго Карпа Кондратьича, бойкой супруги его Марьи Степановны и бѣдной дочери ихъ Варвары Карповны, по домашнему Вавы, — біографія, вошедшая сюда эпизодомъ? Когда интересны въ романѣ Круциферскій и Любонька? тогда, какъ они живутъ въ домѣ Негровыхъ и страдаютъ отъ всего ихъ

окружающаго. Такія положенія сподручны автору, и онъ необыкновенный мастеръ рисовать ихъ. Когда интересенъ самъ Бельтовъ? когда мы читаемъ исторію его превратнаго и ложнаго воспитанія, и потомъ исторію неудачныхъ попытокъ найти свою дорогу въ жизни. Это также входитъ въ сферу таланта автора. Онъ — философъ по преимуществу, а между тѣмъ немножко и поэтъ, и воспользовался этимъ, чтобы изложить свои понятія о жизни притчами. Это всего лучше доказывается его превосходнымъ рассказомъ: *Изъ сочиненія доктора Крупова „О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности“*. Въ немъ авторъ ни одною чертою, ни однимъ словомъ не вышелъ изъ сферы своего таланта, и оттого здѣсь его талантъ въ большей опредѣленности, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ. Мысль его та же, но она приняла здѣсь исключительно тонъ ироніи, для однихъ очень веселой и забавной, для другихъ грустной и мучительной, и только въ изображеніи косого Лѣвки — фигуры, которая бы сдѣлала честь любому художнику — авторъ говоритъ серьезно. По мысли и по выполненію это рѣшительно лучшее произведеніе прошлаго года, хотя оно и не произвело на публику особеннаго впечатлѣнія. Но публика права въ этомъ случаѣ: въ романѣ „Кто виноватъ?“ и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ другихъ писателей она нашла больше ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ей истинъ, а между тѣмъ, въ послѣднемъ произведеніи тотъ же духъ, то же содержаніе, что и въ первомъ. Вообще, упрекнуть автора въ односторонности, значило бы все не понять его. Онъ можетъ изображать вѣрно только міръ, подлежащій вѣдомству его задушевной мысли; его мастерскіе очерки основаны на врожденной наблюдательности и на изученіи извѣстной стороны дѣйствительности. Натура воспріимчивая и впечатлительная, авторъ сохранилъ въ памяти своей многіе образы, поразившіе его еще въ дѣтствѣ. Легко понять, что выводимыя имъ лица не суть чистыя созданія фантазіи, это скорѣе мастерски отдѣланные, а иногда и вовсе передѣланные матеріалы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности. Вѣдь мы сказали, что авторъ больше философъ и только немножко поэтъ...

Совершенную противоположность составляетъ съ нимъ въ этомъ отношеніи авторъ „Обыкновенной Исторіи“. Онъ поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто ду-

масть: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ ушибаютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта: онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что общаго между грубой и злой, но по-своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами? И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведение. Мать молодого Адуева и мать Наденьки — обѣ старухи, обѣ очень добры, онѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціальная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства, словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. Въ изображенія такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше выказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Что общаго между этою живою, вѣтренною, своенравною и немножко лукавою Наденькою и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутреннимъ огнемъ Лизой? Тетка героя романа — лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа! Мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры: о женскихъ мы не могли не замѣтить, потому что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей женщина — или приторно сентиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами. Женщины г. Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія. Это новость въ нашей литературѣ.

Обратимся къ двумъ главнымъ мужскимъ лицамъ романа — молодому Адуеву и его дядѣ,

Петру Ивановичу: о послѣднемъ нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ, говоря о первомъ, потому что онъ противоположностію своею еще болѣе отгнѣяетъ героя романа. Говорятъ, типъ молодого Адуева — устарѣлый: говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси — Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гётевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая... Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какою радостію обниметъ своего обожаемаго дядю и въ какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя. Онъ останавливается въ трактирѣ — и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему. Холодный пріемъ дяди разсѣиваетъ его провинціальныя мечты. До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше провинціаломъ, нежели романтикомъ. Онъ даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя называлъ дуракомъ Заѣзжалова и дукою деревенскую тетку съ ея желтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціалы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка, мелка, всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непременно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ; среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастья въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересуются, провозжаютъ его, желаютъ ему всякаго счастья, просятъ не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно позабылъ и имена, и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнить только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились же. По ихъ письмамъ онъ видитъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать ¹⁾.

¹⁾ Ср. все это съ письмомъ Гёлинскаго къ его брату Константину (отъ 9 апр. 1840 г.).

Мысль о прїѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города, во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, прїязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою тамъ считается священнѣйшей обязанностію. Если кому-нибудь перестанутъ надѣлать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціалу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькой домикъ въ боченокъ, набитый сельдями, онъ, по наружности, не знаетъ какъ и радоваться, съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужъ патриархальная логика провинціи! И съ такой-то логикой прїѣзжаетъ иногда провинціалъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ есть у него родственникъ, который лѣтъ уже двадцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ давно позабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Нашъ провинціалъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ малыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведеніямъ, и обожаемою супругою, которая прїѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ. Раздаются ахи, охи, крикъ, пискъ, визгъ. „А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!“ Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ что дѣлать, что сказать, онъ похожъ на жителя города, взятаго непріателемъ, къ которому въ домъ ворвалась толпа предавшихъ грабежу непріятельскихъ солдатъ. А между тѣмъ ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ, и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непременно поможетъ опредѣлить Костиньку, Петиньку, Оединьку, Митиньку по корпусамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Таничку въ институтъ. Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты зависитъ его гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холодною вѣжливостію объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ никакъ не можетъ при-

нять ихъ къ себѣ въ домъ, что его квартира тѣсновата и для его собственного семейства, что въ корпуса и институты дѣти принимаются по экзамену и по узаконенному порядку, что тутъ не поможетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или если дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ, или не выдержатъ экзамена, а тѣмъ болѣе протекція такого незначительнаго человѣка, какъ онъ, который сверхъ того служить совсѣмъ по другому вѣдомству и незнакомъ ни съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Разочарованные провинціалы удаляются въ бѣшенствѣ, вопіютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія и говорятъ о своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ. А между тѣмъ это можетъ быть очень порядочный человѣкъ; вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей квартиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ собственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы въ тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, или близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и такимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишеніямъ для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми бы онъ не захотѣлъ вести и обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ и эти провинціалы по-своему люди добрые и даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найти въ ней, за исключеніемъ огромности, великолѣпія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми же правами, обычаями и понятіями. Они по-своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкусу, при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и гостиную; о кабинетѣ не имѣютъ понятія и не знаютъ, зачѣмъ онъ; спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты; имъ ничего не стоитъ потѣсниться и пожалѣться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее по пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилимъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Ивановича, хоть ночью ужинъ сострапаютъ. По замѣчанію его племянника эта черта составляетъ добродѣтель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Ивановичъ рѣшительно несогласенъ. „Какая тутъ добродѣтель — говоритъ онъ. — Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай, сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ... Препротивная добродѣтель!“ Петръ Ивановичъ выразился немножко жестоко, но не совсѣмъ не-

справедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціальное больше всего основываются на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужъ непремѣнно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажете имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить,—и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались, подняли носъ, презираете провинціаловъ. А у нихъ первая добродѣтель—ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣхъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ добродѣтельной готовностію съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно-аркадскою наивностію. „Э, братецъ (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной, или плохо кормлю; кажется, у меня для тебя всегда есть плетка за столомъ, шутъ ты гороховый!“ Бѣднякъ слегка конфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ. „Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь зайдемъ-ка хлѣбасоли откушать, обѣдъ готовъ“. И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принять и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціаламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о боль-

шинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціаловъ бываютъ не чужды провинціальнымъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу. Тутъ все дико имъ, все не такъ, какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, нараспашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду; въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу—нѣтъ никого, въ гостиную—тоже никого, онъ въ спальню—и вдругъ тамъ раздается визгливое *алъ*; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-сь, медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъясняетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ, все назаперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажете доложить? а потомъ то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить—заняты, а когда примутъ, то конечно вѣжливо, но зато какъ равнодушно холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ...

Но обратимся къ герою Обыкновенной Исторіи. Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Если-бъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ пораздумался бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его вѣхаться въ трактирѣ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого приема, кромѣ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но къ несчастію онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился къ дядѣ провинціаломъ съ ногъ до головы. Исполненная ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое, грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ—по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобы сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые на-ходятъ, что онъ своими вещественными зна-ками невещественныхъ отношеній и другими

черезчуръ ребяческими выходками не совѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденияхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей похожихъ на него, какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтический звѣрекъ.

Это порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ первическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (*susceptibilité*). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это—наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная; иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ не способенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже выработать посредственное содержаніе. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей въ такихъ людяхъ сильно развивается воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить вышею жизнію, недоступною для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ, но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ намъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ „пошлomu здравому смыслу—этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго“; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи,

скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ,—естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возымѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбіе гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни, удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозреваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ, это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достоинствѣ презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблются, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому,—что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манить ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть небольшую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манить ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніальные скачки для такихъ геніальныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хвата-

ются они иногда и за науку, но не надолго: сухая, скучная матерія, подобно много учиться, много работать, и имѣть никакой нищѣ сердцу и фантазій. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому гению не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго. Остается поэзія — и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху и, еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нужны только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самаго таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этой несчастною мыслию, такъ что разочароваться въ ней значить для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говорить въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ-людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество. Или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоятъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовію къ человѣчеству, по крайней мѣрѣ гораздо легче, нежели провести безъ сна хоть одну ночь у постели трудно-больного. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не все и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій

въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. [Иной управляющій, изъ имцевъ, со слезами восторга на глазахъ читаетъ своей Минхенъ какое-либо восторженное посланіе Шиллера къ Лаурѣ и, кончивши послѣдній стихъ, съ меньшимъ удовольствіемъ идетъ пороть мужиковъ за то, что они осмѣлились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсѣмъ довольны отеческими попеченіями управляющаго о ихъ благосостояніи, отъ которыхъ только одинъ онъ жирѣетъ, а они все худѣютъ]. — Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки; хотя въ нихъ и довольно риторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли), — словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность. Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время *чѣмъ-то*, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ *ничего*; сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а наконецъ и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностію: его не допустили до этого времени, въ которое онъ вышелъ со своими стихами, и умный откровенный дядя. Его несчастіе состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому что увлекаетъ челоѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи...

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобы быть истиннымъ, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сродства, а иногда отъ противоположности натуръ, но во всякомъ случаѣ, она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать: друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другого во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга что могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ

смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранить воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутого, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какиі самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: „вотъ каковъ я въ дружбѣ!“ или: „вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!“ Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранее составленной, гдѣ съ точностію опредѣлены сущность, права и обязанности дружбы; они только не заключаютъ контрактовъ со своими друзьями. Имъ дружба нужна, чтобы удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность симпатіи, столь сильной въ молодыхъ лѣтахъ, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрепятственно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для изліянія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лохань, худа они выливаютъ помой своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому что друзья ихъ скоро оказываются неблагодарными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ...

Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Обыкновенно любовь раздѣляютъ на многіе роды и виды; всѣ эти раздѣленія большею частію нелѣпы, потому что надѣланы людьми, которые способны мечтать и разсуждать о любви, нежели любить. Прежде всего раздѣляютъ любовь на матеріальную, или чувственную, и платоническую, или идеальную, презираютъ первую и восторгаются второю.. [Дѣйствительно, есть люди столь грубые, что могутъ предаваться только животнымъ наслажденіямъ любви, не хлопоча даже о красотѣ и моло-

дости; но даже и эта любовь, какъ ни груба она, все же лучше платонической, потому что естественнѣе ея: послѣдняя хороша только для хранителей восточныхъ гаремовъ...] Человѣкъ не звѣрь и не ангелъ; онъ долженъ любить не животнымъ и не платонически, а человѣчески. Какъ бы ни идеализировали любовь, но какъ же не видѣть, что природа одарила людей этимъ прекраснымъ чувствомъ сколько для ихъ счастья, столько и для размноженія и поддержанія рода человѣческаго. Родовъ любви такъ же много, какъ много на землѣ людей, потому что каждый любитъ сообразно съ своимъ темпераментомъ, характеромъ, понятіями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы только она была въ сердцѣ, а не въ головѣ. Но романтики особенно падки къ головной любви. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь; имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлается голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастья, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей программы. Главная ихъ забота являться въ любви великими, и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми. И однакожъ въ любви молодого Адуева къ Наденькѣ было столько истиннаго и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ могъ бы быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Наденька была умнѣе его, а главное попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на гениальность, она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону, и потому любила какъ будто шутя: — шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ „горестно и трудно“, весь задыхающийся, весь въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Наденька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но къ этому Адуевъ былъ

человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредялъ на яву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви ему былъ опасенъ всякій соперникъ,—пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Наденьки прелесть новости, а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и бесполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Наденькой и потомъ въ разговорѣ съ дядей! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди, и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей, ему, который за тѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстію, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Наденька, которая была еще недавно въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, если-бъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать „своею нарядною печалью“. Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Наденьку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: „я потребовалъ бы отъ нея первенства въ ея сердцѣ: любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимыми; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами,

свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть, — вотъ любовь!“

Какъ эта галиматья похожа на слова восточнаго деспота, который говоритъ своему главному евнуху: „если одна изъ моихъ одалисокъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ, — сейчасъ же въ мѣшокъ и въ море!“ Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тѣмъ тутъ разлились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такую же любовь; чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту: но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ, чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т.-е. чѣмъ прозаичнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь, это — цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да уже не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, май жизни цвѣтетъ только разъ. Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозомъ; оставъ же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т.-е. такую же какъ онъ испорченную, съ вывороченнымъ наиз-

нанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у ней каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство? Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодую женщиною, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не [краснѣлъ, не блѣднѣлъ, не замиралъ отъ томительныхъ желаній] ¹⁾, ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!.. Это впрочемъ понятно: сильная склонность къ идеализму и романтизму почти всегда свидѣтельствуешь объ отсутствіи [темперамента; это люди безполые, то же, что въ царствѣ растений тайнобрачные, грибы, напимѣръ] ²⁾. Мы понимаемъ это трепетное, робкое обожаніе женщины, въ которое не входитъ ни одно дерзкое желаніе, но это не платонизмъ: это первый моментъ первой свѣжей, дѣвственной любви,—это не отсутствіе страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себѣ. [Съ этого начинается первая любовь, но остановиться на этомъ такъ же смѣшно и глупо, какъ захотѣть остаться на всю жизнь ребенкомъ и ѣздить верхомъ на палочкѣ]. Любовь имѣетъ свои законы развитія, свои возрасты, какъ цвѣты, какъ жизнь человѣческая. У ней есть своя роскошная весна, свое жаркое лѣто, наконецъ осень, которая для однихъ бываетъ теплою, свѣтлою и плодородною, для другихъ холодною, гнилою и безплодною. Но нашъ герой не хотѣлъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, онъ сочинилъ для нихъ свои собственные, онъ гордо признавалъ существующій міръ призракомъ, а созданный его фантазіею призракъ — дѣйствительно существующимъ міромъ. На зло возможности, онъ упорно хотѣлъ оставаться въ первомъ моментѣ любви на всю жизнь свою. Однакожъ сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній. Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ за то, что уже не любила ея. Еще прежде этого онъ ужъ начиналъ понимать, что свобода въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть въ правѣ пройти по Невскому, когда хочется, отоѣдать съ знако-

мыми и друзьями, провести съ ними вечеръ, — что, наконецъ, при любви можно не бросать и службы. Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше нея,—онъ рѣшился наконецъ сказать себѣ, что онъ ее не любитъ, и что ему пора покончить съ ней. Такимъ образомъ его глупый идеалъ любви былъ въ дребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовію, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслугъ, и неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе словно громомъ прошибло его, но не заставило его искать примиренія съ жизнію, пойти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Последняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки, и не могъ бы въ этомъ покушеніи оправдаться даже бѣшенствомъ чувственныхъ желаній, хотя и это плохое оправданіе, особенно, когда есть для этого путь болѣе прямой и честный. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но струсилъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Здѣсь онъ обвинялъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Дядя по-своему дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самымъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ что бьютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина: *Художникъ - варваръ кистью сонной...* Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ — такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ тру-

¹⁾ „чувствовалъ никакихъ влеченій“...

²⁾ „истинной страсти“.

помъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ наконецъ понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что если-бъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волосы, она поняла бы это такъ же, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста—свидѣтели его дѣтства—расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастье въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтический талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добрѣ, любящъ и не глумъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: онѣ отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея...

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла, — это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Ивановичъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше отгѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій отгѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать

себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Ивановичъ—не абстрактная идея, а живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистію смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеаль, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Ивановичъ по-своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ, существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риториковъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добрѣ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемеръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не общается чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, и что общается, то непременно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно вѣрными. Дѣйствительно, мантия его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантии прорѣху—правда, одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастьи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи, — и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ. Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастье, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастли-

вымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Ивановичъ хитро и тонко рассчитъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Ивановичъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ; это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, если-бъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя загдохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его, на примѣръ, славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизації, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполне современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ...

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Ивановичъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи же къ герою романа эпилогъ хоть не читать... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли — и пересталъ быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ Обыкновенной Исторіи впасть въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностію сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Картины Искандера отличаются не столько вѣрностію рисунка и тонкостію кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности; онѣ отличаются больше фактической, нежели поэтической истиною, увлекательны слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія, — всегда поражающими оригинальнію и новостію. Главная сила таланта г. Гончарова — всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, на примѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева. Въ талантѣ Искандера поэзія — агентъ второстепенный, а главный — мысль; въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ первый, главный и единственный...

Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ между прочимъ языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ г. Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣ-

которые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, неидущаго къ дѣлу; это — не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести г. Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самоё по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера ¹⁾.

Теперь у насъ на очереди *Разсказы Охотника* г. Тургенева. Талантъ г. Тургенева имѣетъ много аналогіи съ талантомъ Луганскаго (г. Дала). Настоящій родъ того и другого — фізіологическіе очерки разныхъ сторонъ русскаго быта и русскаго люда. Г. Тургеневъ началъ свое литературное поприще лирическою поэзіею. Между его мелкими стихотвореніями есть пьесы три-четыре очень недурныхъ, какъ, напримѣръ, *Старый помѣщикъ*, *Баллада*, *Одея*, *Человѣкъ*, *какихъ много*; но эти пьесы удались ему потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ лиризма, или что въ нихъ главное не лиризмъ, а намеки на русскую жизнь. Собственно же лирическія стихотворенія г. Тургенева показываютъ рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта. Онъ написалъ нѣсколько поэмъ. Первая изъ нихъ — *Нараша*, была замѣчена публикою при ея появленіи, но бойкому стиху, веселой ироніи, вѣрнымъ картинамъ русской природы, а главное — по удачнымъ фізіологическимъ очеркамъ помѣщичьяго быта въ подробностяхъ. Но прочному успѣху поэмы помѣшало то, что авторъ, пиша ее, вовсе не думалъ о фізіологическомъ очеркѣ, а хлопоталъ о поэмѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ у него нѣтъ самостоятельнаго таланта къ этому роду поэзіи. Оттого все лучшее въ ней проблеснуло какъ-то случайно, невзначай. Потомъ онъ написалъ поэму — *Разговоръ*; стихи въ ней звучные и сильные, много чувства, ума, мысли; но какъ эта мысль чужая, заимствованная, то на первый разъ поэма могла даже понравиться, но прочесть ее вторично уже не захочется. Въ третьей поэмѣ г. Тургенева — *Андрей*, много хоро-

шаго, потому что много вѣрныхъ очерковъ русскаго быта; но въ цѣломъ поэма опять не удалась, потому что это повѣсть любви, изображать которую не въ талантѣ автора. Письмо героини къ герою поэмы длинно и растянуто, въ немъ больше чувствительности, нежели пафоса. Вообще въ этихъ опытахъ г. Тургенева былъ замѣтенъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный. Онъ пробовалъ себя и въ повѣсти; написалъ *Андрея Колосова*, въ которомъ много прекрасныхъ очерковъ характеровъ и русской жизни, но какъ повѣсть, въ цѣломъ это произведеніе до того странно, не доказано, неуклюже, что очень немногіе замѣтили, что въ ней было хорошаго. Замѣтно было, что г. Тургеневъ искалъ своей дороги и все еще не находилъ ея, потому что это не всегда и не всѣмъ легко и скоро удастся. Наконецъ, г. Тургеневъ написалъ стихотворный разсказъ — *Помѣщикъ*, не поэму, а фізіологическій очеркъ помѣщичьяго быта, шутку, если хотите, но эта шутка какъ-то вышла далеко лучше всѣхъ поэмъ автора. Бойкій эпиграмматическій стихъ, веселая иронія, вѣрность картинъ, вмѣстѣ съ этимъ выдержанность цѣлаго произведенія, отъ начала до конца, — все показывало, что г. Тургеневъ напалъ на истинный родъ своего таланта, взялся за свое, и что нѣтъ никакихъ причинъ оставлять ему вовсе стихи. Въ то же время былъ напечатанъ его разсказъ въ прозѣ — *Три Портрета*, изъ котораго видно было, что г. Тургеневъ и въ прозѣ нашелъ свою настоящую дорогу. Наконецъ, въ первой книжкѣ Современника за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ *Хоръ и Калмычъ*. Успѣхъ въ публикѣ этого небольшого разсказа, помѣщеннаго въ смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы охотника. Здѣсь талантъ его обозначился вполне. Очевидно, что у него нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы или повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность видѣнную и изученную имъ, если угодно — творить, но изъ готоваго, даннаго дѣйствительностью матеріала. Это не простое списываніе съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ перерабатываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать эту картину; и для этого необходимъ въ извѣстной мѣрѣ поэтическій талантъ. Правда,

¹⁾ Романъ г. Гончарова на дняхъ вышелъ отдѣльно въ двухъ очень красивыхъ томахъ. Продается въ конторѣ Современника; цѣна 1 р. 60 к. сер., съ перес. 2 р. сер.

иногда все умѣніе его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое ему лицо или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому что въ дѣйствительности бывають иногда явленія, которыя стоятъ только вѣрно передоложить на бумагу, чтобы они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ, и таланты такого рода имѣють свои степени. Въ обоихъ этихъ случаяхъ г. Тургеневъ обладаетъ весьма замѣчательнымъ талантомъ. Главная характеристическая черта его заключается въ томъ, что ему едва бы удалось создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣчалъ въ дѣйствительности. Онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности. Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатые средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и такимъ образомъ догадкою и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній, когда разпросы мало объясняютъ.

Не удивительно, что маленькая пьеска — *Хоръ и Калинычъ*, имѣла такой успѣхъ: въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто еще не заходилъ. Хоръ, съ его практическимъ смысломъ и практическою натурою, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ „бабамъ“, и сильною нелюбовію къ чистотѣ и опрятности — типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе при обстоятельствахъ весьма неблагоприятныхъ. Но Калинычъ — еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ намъ своихъ героевъ, какъ умѣетъ онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души! Всѣхъ рассказовъ охотника было напечатано прошлаго года въ *Современникѣ* семь. Въ нихъ авторъ знакомитъ своихъ читателей съ разными сторонами провинціального быта, съ людьми разныхъ состояній и званій. Не всѣ его рассказы одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. *Хоръ и Калинычъ* до сихъ поръ остается лучшимъ изъ всѣхъ рассказовъ охотника; за нимъ — *Бурмистръ*, а послѣ него *Однодворецъ Овсянниковъ* и *Контра*. Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ рассказовъ.

Хотя рассказъ г. Тургенева — *Петръ Петровичъ Каратаевъ*, напечатанный во вто-

рой книжкѣ *Современника* за прошлый годъ, и не принадлежитъ къ ряду рассказовъ охотника, но это такой же мастерской фیزیологическій очеркъ характера чисто русскаго и притомъ съ московскимъ оттѣнкомъ. Въ немъ талантъ автора выказался съ такою же полнотою, какъ и въ лучшихъ изъ рассказовъ охотника.

Не можемъ не упомянуть о необыкновенномъ мастерствѣ г. Тургенева изображать картины русской природы. Онъ любитъ природу не какъ диллетантъ, а какъ артистъ, и потому никогда не старается изображать ее только въ поэтическихъ ея видахъ, но беретъ ее, какъ она ему представляется. Его картины всегда вѣрны, вы всегда узнаете въ нихъ нашу родную русскую природу...

Г. Григоровичъ посвятилъ свой талантъ исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа. Въ его талантѣ тоже много аналогіи съ талантомъ г. Даля. Онъ также постоянно держится на почвѣ хорошо извѣстной и изученной имъ дѣйствительности; но его два послѣдніе опыта *Деревня* (Отч. Зап. 1846 г.) и въ особенности *Антонъ-Горемыка* (Совр. 1847 г.) идутъ гораздо дальше фیزیологическихъ очерковъ. *Антонъ-Горемыка* — больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходитъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа все вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ — мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многого... И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для вѣрнаго опредѣленія объема таланта; чѣмъ бѣольшая ихъ стая бѣжитъ вслѣдъ успѣха, тѣмъ, значитъ, успѣхъ огромный...

Въ послѣдней книжкѣ *Современника* за прошлый годъ была напечатана *Полинька Саксъ*, повѣсть г. Дружинина, лица совершенно новаго въ русской литературѣ. Много въ этой повѣсти отзывается незрѣлостію мысли, преувеличеніемъ, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, въ повѣсти такъ много истины, такъ много душевной теплоты и вѣрнаго, сознательнаго пониманія дѣйствительности, такъ много самобытности, что повѣсть тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе. Особенно хорошо въ ней выдержанъ

характеръ героини повѣсти; видно, что авторъ хорошо знаетъ русскую женщину. Вторая повѣсть г. Дружинина, появившаяся въ нынѣшнемъ году, подтверждаетъ поданное первой повѣстью мнѣніе о самостоятельности таланта автора, позволяетъ многого ожидать отъ него въ будущемъ.

Къ замѣчательнѣйшимъ повѣстямъ прошлаго года принадлежатъ *Павель Алексѣевичъ Игривый*, повѣсть г. Даля (Отечественныя Записки). Карлъ Ивановичъ Гонобобель и ротмистръ Шилохвостовъ, какъ характеры, какъ типы принадлежатъ къ самымъ мастерскимъ очеркамъ пера автора. Впрочемъ всѣ лица въ этой повѣсти очерчены прекрасно, особенно дражайшіе родители Любоньки, но молодой Гонобобель и другъ его Шилохвостовъ—созданія гениальныя. Это типы довольно знакомые многимъ по дѣйствительности, но искусство еще въ первый разъ воспользовалось ими и передало ихъ на пріятное знакомство всему міру. Повѣсть эта нравится не однѣми подробностями и частностями, какъ всѣ большія повѣсти г. Даля; она почти выдержана въ цѣломъ, какъ повѣсть. Говоримъ почти, потому что трагическое для героя повѣсти событіе производитъ на читателя впечатлѣніе чего-то неожиданнаго и непонятнаго. Человѣкъ такъ любилъ женщину, столько дѣлалъ для нея; она, повидимому, такъ любила его; безпутный мужъ ея умеръ; другъ спѣшитъ за границу на свиданіе къ ней, окрыленный надеждами любви, и видитъ ее замужемъ за другимъ. Дѣло въ томъ, что авторъ не хотѣлъ окрасить своего разсказа тѣмъ колоритомъ, по которому читатель видѣлъ бы естественность такой развязки. Игривый—человѣкъ комически робкій и стыдливый, почему и дозволилъ двумъ негодяямъ изъ рукъ вырвать у него невѣсту. Во время страданія ея супружеской жизни онъ велъ себя въ отношеніи къ ней какъ деликатнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но насколько какъ любовникъ; оттого ея оробѣвшее запуганное чувство къ нему скоро обратилось въ благодарность, уваженіе, удивленіе, наконецъ въ благоговѣніе; она видѣла въ немъ друга, брата, отца, воплощенную добродѣтель, и уже по тому самому не видѣла въ немъ любовника. Послѣ этого развязка понятна, равно какъ и то, что Игривый на всю остальную жизнь свою сдѣлался какимъ-то помѣшаннымъ шуткомъ.

Въ Библіотекѣ для Чтенія прошлаго года тянулись *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго*, г. Вельтмана, кончившіяся во второй книжкѣ этого журнала на нынѣшній годъ. Такъ какъ этотъ романъ начался, кажется, въ 1846 г., то мы о немъ

уже имѣли случай говорить¹⁾. И потому снова повторимъ, что въ этомъ произведеніи романъ смѣшанъ съ сказкою, невѣроятное съ возможнымъ, невозможное съ возможнымъ. Такъ, напримѣръ, Дмитрицкій, герой романа, воспользовавшись бумагами и платьемъ простофили молодого купчика, который, какъ нарочно, былъ очень похожъ на него лицомъ, является къ его отцу въ качествѣ его сына. Онъ такъ ловко играетъ свою роль, что ни отецъ, ни мать и никто изъ домашнихъ ни на одну минуту не возмѣлъ подозрѣнія въ тождествѣ самозванца съ настоящимъ сыномъ. Самозванецъ женится на богатой невѣстѣ, и, узнавши въ ночь брака, что настоящій сынъ появился, тотчасъ же выбирается изъ чужого гнѣзда съ огромнымъ пукомъ ассигнацій, полученныхъ въ приданое за женою, и съ другого же дня начинаетъ играть въ московскомъ большомъ свѣтѣ роль богатаго венгерскаго магната. Мудрено что-то! Но, поставивши свои лица въ невѣроятныя положенія, авторъ тѣмъ не менѣе увлекательно описываетъ ихъ похождения. Но тамъ, гдѣ въ романѣ нѣтъ натяжекъ, талантъ автора является въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, похождения настоящаго сына, который все собирается и никакъ не можетъ рѣшиться броситься въ ноги къ своему „тятенькѣ“, боясь, что дражайшій родитель сразу пришибетъ его на смерть, исполнены истины, глубокаго знанія дѣйствительности, увлекающаго интереса. Такихъ прекрасныхъ эпизодовъ въ романѣ г. Вельтмана много. Лучше всего даются ему изображенія купеческихъ, мѣщанскихъ и простонародныхъ нравовъ. Слабѣ всего у него картины большого свѣта. Такъ, напримѣръ, у него важную роль играетъ великосвѣтскій молодой человѣкъ Чаровъ, котораго вся свѣтскость состоитъ въ томъ, что онъ всѣмъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ говоритъ: ска-атина, уу-родъ!.. Несмотря на всѣ странности и, можно сказать, нелѣпости романа г. Вельтмана, это все-таки очень замѣчательное произведеніе.

Теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ менѣе замѣчательныхъ. Въ Отеч. Зап. была напечатана повѣсть г. Нестроева²⁾—*Сбоевъ*. Въ ней съ большимъ искусствомъ обрисованъ внутренній семейный бытъ одного московскаго чиновника. Особенно оригинально и тонко обрисованъ характеръ бѣдной жены Ивана Кирилловича. Анны Ивановны. Нечаянно разбитое большое зеркало наводитъ на читателя невольный ужасъ: такъ мастерски авторъ умѣлъ намекнуть, чего должно было ожидать себѣ

¹⁾ См. выше ст. № 62.

²⁾ Псевдонимъ П. Кудрявцева.

бѣдное семейство отъ своего почтеннаго главы... Но это только задній планъ повѣсти; ея главное основано на любви Сбоева къ Ольгѣ, дочери титулярнаго совѣтника, и вообще на оригинальномъ характерѣ этихъ двухъ лицъ. Но эта-то главная сторона повѣсти и вышла неудачно. Личности героя и героини какъ-то неестественны, не то, чтобы такіе люди не могли существовать въ природѣ, они только не удались автору повѣсти. И не мудрено: въ началѣ ея авторъ самъ говоритъ, что его повѣсть была вызвана чужою повѣстью: заимствованныя мысли рѣдко удаются. Въ концѣ обѣщана новая повѣсть, которая должна служить окончаніемъ первой: такіа обѣщанія тоже рѣдко удаются... Въ Современникѣ была напечатана повѣсть того же автора—*Безъ разсвѣта*. Мысль повѣсти прекрасна и могла бы обѣщать повѣсти болѣе успѣхъ, нежели какой она имѣла: причиною этого было, кажется намъ, то обстоятельство, что второстепенныя лица въ повѣсти всѣ обрисованы болѣе или менѣе удачно (характеръ мужа героини даже мастерски), тогда какъ героини вышелъ у него крайне безцвѣтенъ. Это существо вялое, отрицательное, безъ всякаго сопротивленія къ гнетущимъ ея обстоятельствамъ; могло ли оно возбудить къ себѣ какое-либо сочувствіе въ читателяхъ. То ли дѣло Полянка Саксъ! Воспитаніе сдѣлало ее ребенкомъ, но опытъ жизни пробудилъ въ ней сознаніе и сдѣлалъ ее женщиной. Умирая она писала къ своей пріятельницѣ: „Напрасно братъ твой спитъ у моихъ ногъ и по глазамъ моимъ угадываетъ мои желанія. Я не могу любить его, я не могу понимать его, онъ не мужчина, онъ дитя: я стара для его любви. Это онъ человѣкъ, онъ мужчина во всемъ смыслѣ слова: душа его и велика и спокойна... Я люблю его, не перестану любить его“.

Намъ остается упомянуть еще о *Запискахъ человека*, Ста Одного ¹⁾ (Отеч. Зап.), о *Кирюшѣ*, рассказѣ неизвѣстнаго автора ²⁾, и о *Жидѣ* г. Тургенева, чтобы докончить нашъ критическій перечень всего сколько-нибудь замѣчательнаго, что явилось въ прошломъ году по части романовъ, повѣстей и рассказовъ. Но мы должны сказать еще нѣсколько словъ о *Хозяйкѣ*, повѣсти г. Достоевскаго, весьма замѣчательной, но только совѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ. Будъ подъ нею подписано какое-нибудь неизвѣстное имя, мы бы не сказали о ней ни слова. Герой повѣсти—нѣкто Ордынцовъ; онъ весь

погрузился въ занятія науками; какими—объ этомъ авторъ не сказалъ своимъ читателямъ, хотя на этотъ разъ ихъ любопытство было очень законно. Наука кладетъ свою печать не только на мнѣнія, но и на дѣйствія человѣка: вспомните доктора Крупова. Изъ словъ и дѣйствій Ордынова нисколько не видно, чтобы онъ занимался какою-либо наукою; но можно догадываться изъ нихъ, что онъ сильно занимался кабалистикой, чернокнижіемъ,—словомъ, *шароматіемъ*. Но вѣдь это не наука, а сущій вздоръ; но тѣмъ не менѣе и она наложила на Ордынова свою печать, т.-е. сдѣлала его похожимъ на поврежденнаго и помѣшаннаго. Ордынцовъ встрѣчаетъ гдѣ-то красавицу-купчиху; не помнимъ, сказалъ ли авторъ что-нибудь о цвѣтѣ ея зубовъ, но должно быть, что зубы у ней были бѣлые, въ видѣ исключенія, ради болѣе поэзіи повѣсти. Она шла объ руку съ пожилымъ купцомъ, одѣтымъ по-купечески и съ бородою. Въ глазахъ у него столько электричества, гальванизма и магнетизма, что иной фیزیологъ предложилъ бы ему хорошую цѣну за то, чтобы онъ снабжалъ его по временамъ если не глазами, то хоть молніеносными, искрящимися взглядами для ученыхъ наблюдений и опытовъ. Герой нашъ тотчасъ же влюбился въ купчиху; несмотря на магнетическіе взгляды и ядовитую усмѣшку фантастическаго купца, онъ не только узналъ, гдѣ они живутъ, но и какими-то судьбами навязался къ нимъ въ жильцы и занялъ особую комнату. Тутъ пошли любопытныя сцены: купчиха несла какую-то дичь, въ которой мы не поняли ни единого слова, а Ордынцовъ, слушая ее, безпрестанно падалъ въ обморокъ. Часто тутъ вмѣшивался купецъ, съ его огненными взглядами и сардоническою улыбкою. Что они говорили другъ другу, изъ чего такъ махали руками, кричали, ломались, замирали, обмирали, приходили въ чувство,—мы рѣшительно не знаемъ, потому что изо всѣхъ этихъ длинныхъ патетическихъ монологовъ не поняли ни единого слова. Не только мысль, даже смыслъ этой, должно быть, очень интересной повѣсти остается и останется тайной для нашего разумѣнія, пока авторъ не издастъ необходимыхъ поясненій и толкованій на эту дивную загадку его причудливой фантазіи. Что это такое—злоупотребленіе или бѣдность таланта, который хочетъ подняться не по силамъ, и потому боится идти обыкновеннымъ путемъ, и ищетъ себѣ какой-то необычайной дороги? Не знаемъ; намъ только показалось, что авторъ хотѣлъ попытаться помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши сюда немного юмору въ новѣйшемъ родѣ и сильно натеревши все это ла-

¹⁾ Псевдонимъ А. Галахова — см. вступительную замѣтку.

²⁾ П. Анненкова.

комъ русской народности ¹⁾. Удивительно ли, что вышло что-то чудовищное, напоминающее теперь фантастическіе рассказы Тита Космокротова, забавлявшаго ими публику въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Во всей этой повѣсти нѣтъ ни одного простого и живого слова или выраженія: все изысканно, натянуто, на ходуляхъ, поддѣльно и фальшиво. Что за фразы: Ордынцовъ *бичуется* какимъ-то невѣдомо сладостнымъ и упорнымъ чувствомъ; проходятъ мимо *остроумной* мастерской гробовщика; называетъ свою возлюбленную голубицею и спрашиваетъ изъ какого неба она залетѣла въ его небеса; но довольно, боимся увлечься выписками диковинныхъ фразъ этой повѣсти—конца имъ не было бы. Что это такое? Странная вещь! непонятная вещь!...

Изъ отдѣльно вышедшихъ въ прошломъ году книгъ по части изящной словесности замѣчательны только *Путевыя Замѣтки* Т. Ч. ²⁾ Это маленькая, красиво напечатанная книжка, вышедшая въ Одессѣ; авторъ—женщина; это видно по всему, особенно по взгляду на предметы. Много сердечной теплоты, много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишкомъ по-женски, но никогда не набѣленная, не нарумяненная, не преувеличенная, не искаженная, увлекательный рассказъ, прекрасный языкъ: вотъ достоинство двухъ разказовъ г-жи Т. Ч. Особенно интересенъ первый разказъ—*Три варіаціи на старую тему*. Взрослая дѣвушка влюбилась въ мальчика. Потомъ она потеряла его изъ виду и вышла замужъ за человека добраго и порядочнаго, но къ которому она не чувствовала ничего особеннаго. Вдругъ она встрѣчается съ Лелеемъ, который теперь уже сталъ Алексисомъ. У нихъ завязалось нѣчто въ родѣ особенныхъ отношеній, которыя разрѣшились страстнымъ поцѣлуемъ съ обѣихъ сторонъ, полнымъ объясненіемъ и отъѣздомъ Алексиса, по настоящему требованію героини, въ которой любовь не побѣдила чувства долга. Потомъ она уѣхала съ больнымъ мужемъ на воды за границу. Тамъ она получила письмо отъ одной изъ своихъ пріятельницъ, изъ котораго она узнала, что Алексисъ ее любитъ страстно. Письмо это сильно взволновало ее. Разъ перечитывая его и мечтая объ Алексисѣ, она вдругъ услышала въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ былъ мужъ ея, какой-то странный шумъ. Вбѣгаетъ—и видитъ своего мужа почти въ обморокѣ; съ нимъ случился жестокий чахоточный припадокъ. Оправившись нѣсколько, онъ началъ говорить ей о своей скорой

смерти, благодарилъ ее за вниманіе и попеченіе о немъ, радовался, что оставляетъ ее не безъ состоянія, и совѣтовалъ ей выйти замужъ, такъ какъ она молода, хороша и дѣтей у нихъ не было. По обыкновенію всѣхъ восторженныхъ женщинъ, она съ ужасомъ отвергла послѣднее предложеніе. Затѣмъ ее начали мучить угрызенія совѣсти. И какъ же иначе: мужъ ея умиралъ и благодарилъ ее за любовь и вниманіе къ нему, а она въ это время думала о другомъ, любила другого. Бѣдная женщина чуть было не рассказала свою тайну умирающему мужу: къ счастью, случившійся съ ней обморокъ помѣшалъ этому ненужному и нелѣпому признанію, которое могло только отравить послѣднія минуты добраго и благороднаго человека. Такова логика восторженной женщины!.. Мужъ героини умеръ, ей было 35 лѣтъ, когда она увидѣла Алексѣя Петровича; онъ былъ женатъ и жилъ честолюбіемъ. Героиня наша едва могла подавить свое волненіе при видѣ его; но онъ обошелся съ ней съ холодною вѣжливостію. Тутъ она совершенно разочаровалась въ извергахъ-мужчинахъ, и горько плакала. Какъ! онъ все забылъ! Да что же ему помнитъ-то? Поцѣлуй? исторію любви, которая ничѣмъ не кончилась и прервалась въ самомъ началѣ, одну изъ тѣхъ исторій, которыя со многими мужчинами случаются не одинъ разъ въ жизни? У мужчины много интересовъ въ жизни, и потому память его удерживаетъ только исторію, которая посерьезнѣе одного поцѣлуя. Женщина—другое дѣло; она вся живетъ исключительно въ любви, и тѣмъ болѣе своими внутренними ощущеніями, чѣмъ болѣе обязана скрывать ихъ. Женщины особенно падки до любовныхъ исторій, которыя не оканчиваются ничѣмъ серьезнымъ, въ которыхъ не нужно ничѣмъ рисковать, ничѣмъ жертвовать, можно измѣнить мужу въ сердцѣ—и остаться формально вѣрною своимъ обѣтамъ, удовлетворить потребности любить, и свято выполнить налагаемая обществомъ обязанности. Героиня второй повѣсти—*гувернантка*, одна изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ фантазія преобладаетъ надъ сердцемъ, которыхъ надо атаковать съ головы, т.-е. прежде всего надо чѣмъ-нибудь удивить, поразить, возбудить любопытство, не красотой, такъ безобразіемъ, не умомъ, такъ глупостію, не достоинствомъ, такъ странностію, не добродѣтелью, такъ порокомъ. За нею волочится безобразный собой, нисколько не любившій ее человекъ; и ее же любить страстно благородный, красивый собою мужчина. Она знаетъ цѣну обоимъ имъ—и, какъ бабочка на огонь, рвется къ первому. Повѣсть рассказана хорошо; но, видно, героиня не возбудила къ себѣ особеннаго участія, и поэтому первая

¹⁾ Ср. съ письмомъ Вѣлинскаго къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 года—приведено нами выше на стр. 532-ой.

²⁾ Псевдонимъ г-жи А. Я. Марченко.

повѣсть болѣе понравилась всѣмъ, нежели вторая. Въ обѣихъ виденъ талантъ, отъ котораго можно надѣяться хорошихъ результатовъ, если онъ будетъ развиваться.

Изъ иностранныхъ замѣчательныхъ романовъ въ Современникѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ была переведена *Лукреція Флоріани* (о ней было уже говорено въ нашемъ журналѣ) и продолжается переводомъ: *Торговый домъ подъ фирмою Домби и Сынъ*, когда этотъ превосходный романъ, далеко оставившій за собою всѣ прежнія произведенія Диккенса, появится въ русскомъ переводѣ, мы поговоримъ о немъ.

Къ разряду словесности принадлежатъ записки или воспоминанія былого. Въ Современникѣ были помѣщены двѣ интересныя статьи такого рода: *Изъ записокъ Артиста*,—на, и *Иванъ Филипповичъ Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій писатель*, г. А. Тутъ же упомянемъ мы о прекрасной, интересной по содержанію и изложенію статьѣ г. Небольсина: *Разказы о Сибирскихъ золотыхъ приискахъ*, которая такъ долго тянулась въ смѣси Отеч. Зап. *Письма объ Испаніи* (въ Современникѣ) г. Боткина были неожиданно пріятною новостію въ русской литературѣ. Испанія для насъ—terra incognita. Политическія извѣстія только сбиваютъ съ толку всякаго, кто бы захотѣлъ получить понятіе о положеніи этой земли. Главная заслуга автора писемъ объ Испаніи состоитъ въ томъ, что онъ на все смотрѣлъ собственными глазами, не увлекаясь готовыми сужденіями объ Испаніи, разсѣянными въ книгахъ, журналахъ и газетахъ; вы чувствуете изъ его писемъ, что онъ сперва посмотрѣлся, наслышался, разспросилъ и изучилъ, и потомъ уже составилъ свое понятіе о странѣ. Оттого взглядъ его на нее новъ, оригиналенъ, и все завѣряетъ читателя въ его вѣрности, въ томъ, что онъ знакомится не съ какою-нибудь фантастическою, а съ дѣйствительно существующею страной. Увлекательное изложеніе еще болѣе возвышаетъ достоинство писемъ г. Боткина. Письма изъ *Avenue Marigny* были встрѣчены нѣкоторыми читателями почти съ неудовольствіемъ, хотя въ большинствѣ нашли только одобреніе. Дѣйствительно, авторъ невольно впалъ въ ошибочность при сужденіи о состояніи современной Франціи, тѣмъ, что слишкомъ тѣсно понималъ значеніе слова: *bourgeoisie*. Онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ только богатыхъ капиталистовъ, и исключилъ изъ нея самую многочисленную, и потому самую важную массу этого сословія... Несмотря на это, въ письмахъ изъ *Avenue Marigny* такъ много живого, увлекательнаго, интереснаго, умнаго и вѣрнаго, что нельзя не читать ихъ съ удовольствіемъ,

даже во многомъ не соглашаясь съ авторомъ. Въ этотъ же разрядъ статей смѣшаннаго содержанія, но по формѣ принадлежащихъ болѣе къ отдѣлу словесности, отнесемъ мы: *Новыя варіанціи на старыя темы*, Искандера (въ Соврем.); *Разказы г. Ферри* (тамъ же); *Странствованіе португальца Фернанда-Мендеса Пинто, описанныя имъ самимъ и изданныя въ 1614 году*, переводъ съ стриннаго португальскаго языка, г. Бутакова; и *Антоніо Пересъ и Филиппъ II*, соч. Минье (въ Отеч. Зап.).

Въ прошломъ году журналы наши были особенно богаты замѣчательными учеными статьями. Назовемъ здѣсь главнѣйшія: Въ Отечественныхъ Запискахъ: *Пролетаріи и Пауперизмъ въ Англіи и во Франціи* (три статьи).—*Физико-астрономическое обозрѣніе солнечной системы*, Д. М. Перевощикова.—*Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты* (три статьи).—*Открытіе Генхе и Леверье*, Д. М. Перевощикова.—*Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ*, А. П. Заблоцкаго. Въ Современникѣ: *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, К. Д. Кавелина.—*Изслѣдованіе объ элевсинскихъ таинствахъ*, Графа С. С. Уварова.—*Даніилъ Романовичъ король Галицкій*, С. М. Соловьева.—*Важность и успѣхи физіологів*, К. Липре.—*Опытъ общепользнаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета Нептунъ*, А. Савича.—*Константинополь въ IV вѣкѣ*.—*О возможности опредѣлительныхъ мѣръ довѣрія къ результатамъ наукъ наблюдательныхъ, и въ особенности статистикѣ*, Академика Буняковскаго.—*Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ* (два статьи), А. Афонасьева.—*Мальтусъ и его противники*, В. Милютина.—*Александръ фонъ Гумбольдтъ и его космосъ* (два статьи), Н. Г. Флорова.—*Ирландія*, Н. Сатина. Въ Библіотекѣ для Чтенія тянулась слишкомъ полгода очень любопытная статья подъ названіемъ: *Путешествія и открытія Лейтенанта Загоскина въ Русской Америкѣ*, вышедшая теперь отдѣльной книгой подъ другимъ заглавіемъ.

Статья г-на Кавелина: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ и статья г-на Заблоцкаго: „О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ нашей ученой литературы прошлаго года ¹⁾. Чрезвычайно замѣчательны также

¹⁾ Статья Заблоцкаго-Десятовскаго была, дѣйствительно, замѣчательной статьёй для своего времени; въ ней доказывалось, что причиною паденія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи была „обязательная рента“—т.-е. крѣпостной трудъ. О статьѣ Кавелина Вѣлинскій еще въ письмѣ къ Герцену отъ 20 марта 1846 г. говорилъ, что статья эта—„эпоха въ исторіи русской исторіи; съ нея начнется философское изученіе нашей исторіи“...

въ своемъ родѣ статьи г-на Порошина, печатавшіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

Мы не пересчитываемъ здѣсь сочиненій разнаго рода, вышедшихъ въ прошломъ году отдѣльными книгами, потому что большая часть ихъ разобрана въ критикѣ и библиографіи Современника, а остальные поименованы въ „Библиографическихъ извѣстіяхъ“, приложенныхъ къ VII и XII-ой книжкамъ Современника прошлаго года...

Изъ критическихъ статей прошлаго года замѣчательны слѣдующія книги: *Историко-критическіе отрывки. г. Погодина: Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, М. Погодина о русской исторіи; Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей российскія при Московскомъ Университетѣ; Еврейскія религіозныя секты въ Россіи, г. Григорьева, сочиненія Фонвизина, изд. Смирдинымъ (въ Отеч. Зап.).* Двѣ послѣднія статьи, кромѣ своего внутренняго и внѣшняго достоинства особенно интересны еще тѣмъ, что принадлежатъ автору, до сихъ поръ нигдѣ не писавшему. Въ статьяхъ г. Дудышкина видно знаніе дѣла; онъ хорошо пользуется историческимъ изученіемъ развитія, чтобы объяснять имъ литературныя произведенія данной эпохи. Обыкновенно главный недостатокъ первыхъ статей состоитъ въ длиннотѣ и многословіи; иногда въ такой статьѣ почти ничего не говорится о книгѣ, на которую она написана, но на сказано много иногда и хорошаго, но всегда некстати о предметахъ, вовсе чуждыхъ разбираемой книгѣ. Г. Дудышкинъ умѣлъ избѣжать этихъ недостатковъ; видно, что онъ взялся за дѣло съ готовымъ уже содержаніемъ въ головѣ, вполне владѣетъ своею мыслию, не даетъ ей разбѣгаться или увлекать его то въ ту, то въ другую сторону; но постоянно держитъ ее на данномъ предметѣ, и оттого начинается съ начала и оканчивается въ концѣ, говорить въ мѣру, и потому вполне знакомитъ читателя съ предметомъ, о которомъ пишетъ. Мы не можемъ говорить обо всѣхъ критическихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Современникѣ прошлаго года: близость къ этому журналу нѣкоторыхъ лицъ, которымъ принадлежатъ статьи, не позволяетъ намъ этого. И потому мы должны только ограничиться указаніемъ на статьи: *Послѣдніе романы Жоржа Санда, г. Кронеберга; Историческая литература во Франціи и Германіи въ 1847 году, г. Грановскаго; Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи, соч. г. Бутовскаго (три статьи г. Милютина); статья г. Кавелина объ Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома, соч. С. Соловьева.* Замѣтимъ къ этому, что Современникъ представлялъ

постоянно полные отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ по части русской исторіи. Но вмѣстѣ съ этимъ Современникъ долженъ сказать, что, по причинамъ, вовсе не зависящимъ отъ редакціи ¹⁾, онъ въ другихъ отношеніяхъ не совсѣмъ соответствовалъ ожиданію публики по части критики. Но въ нынѣшнемъ году онъ надѣется дать этому отдѣлу гораздо больше полноты и развитія.

Русская критика стоитъ теперь на болѣе прочномъ основаніи; она уже не въ однихъ журналахъ, но и въ публикѣ, вслѣдствіе все болѣе развивающагося вкуса и образованности. Это чрезвычайно должно благоприятствовать развитію самой критики: она уже дѣло, подлежащее суду общественнаго мнѣнія, а не книжное, неимѣющее связи съ жизнію занятіе. Теперь уже не всякому можно быть критикомъ, кому только вздумается, не всякое мнѣніе примется потому только, что оно печатное. Пристрастіе партій не можетъ уже убить хорошей книги и дать ходъ дурной. Въ критикѣ нынѣшней часто слышится убѣжденіе, и люди вовсе его не имѣющіе стараются по крайней мѣрѣ прикрываться имъ. Борьба мнѣній, выражающаяся въ критикѣ, свидѣлствуетъ, что русская литература только быстро подвигается къ совершенствованію, но еще не достигла его. Конечно, вездѣ есть люди, которые какъ-будто самую природою назначены всѣхъ затрогивать, ко всѣмъ прицѣпляться, всѣхъ хулить, безпрестанно заводить ссоры, шумъ, брань. Кромѣ природной наклонности, ничѣмъ непобѣдимой, ихъ побуждаетъ къ этому и раздраженное самолюбіе и мелкіе личные интересы, нисколько не относящіеся къ литературѣ. Такіе люди — всюду зло неизбежное, имѣющее даже свою полезную сторону: эти люди добровольно берутъ на себя ту роль передъ обществомъ, которую спартанцы заставляли играть илоты передъ своими дѣтьми... Но странно и прискорбно, что въ тонѣ этихъ людей безпрестанно впадаютъ люди, повидимому не имѣющіе ничего съ ними общаго, дѣйствующіе какъ будто на основаніи какихъ-то дорогихъ имъ убѣжденій, наконецъ люди, своимъ общественнымъ положеніемъ, лѣтами, извѣстностью обязанные подавать въ литературѣ примѣръ хорошаго тона и уваженія къ приличію. Вотъ нѣсколько самыхъ свѣжихъ примѣровъ. Въ 1 № Сына Отечества за прошлый годъ былъ напечатанъ разборъ лекцій г. Шевырева. Въ этой статьѣ было сказано и доказано, что трудъ г. Шевырева — „прекрасный замокъ, построенный изъ облаковъ: очаровательная утопія, обращенная назадъ“. Это относится болѣе къ теоре-

¹⁾ Болѣзнь Бѣлинскаго и его заграничная поѣздка.

тической части лекцій: въ фактической же „рецензія видитъ только компиляцію“. Рецензентъ Сына Отечества скрылъ свое имя ¹⁾, но не скрылъ своей учености, своего знакомства съ византійскими и болгарскими источниками. Поэтому статья его такъ сильно подѣйствовала на г. Шевырева, что онъ не прежде, какъ черезъ годъ, нашелся въ состояніи отвѣчать на нее.

Чѣмъ сильнѣе было нападеніе на г. Шевырева, тѣмъ больше достоинства должно было ожидать отъ его защищенія. Такъ ли поступилъ г. Шевыревъ? Прежде всего онъ изъявилъ свое неудовольствіе, что критикъ Сына Отечества скрылъ свое имя, какъ будто бы тутъ дѣло идетъ объ именахъ, а не о наукѣ, не объ идеяхъ, не объ убѣжденіяхъ. Вѣроятно подѣ влияніемъ своего неудовольствія на эту досадную ему безыменность, г. Шевыревъ ни съ того, ни съ сего напалъ на г. Надеждина. Онъ называетъ его иронически „сей ученый мужъ“, „высокоученымъ филологомъ“, глумится надъ его мнѣніями о славянскихъ нарѣчіяхъ, ни мало не подозрѣвая, что его аттическая соль сильно сбивается на славянскій бузунъ. Можно и должно опровергать чужія мнѣнія, если они вамъ кажутся несправедливыми: но это слѣдуетъ дѣлать, во-первыхъ, кстати, во-вторыхъ — съ уваженіемъ къ приличію. Г. Шевыреву не худо было бы не забывать, что онъ ученый, что онъ въ русской литературѣ пользуется по крайней мѣрѣ двадцатилѣтнею извѣстностью, и что все это обязываетъ его быть для молодыхъ литераторовъ примѣромъ положительнымъ, а не отрицательнымъ. Не мѣшало бы также г. Шевыреву вспомнить, что г. Надеждинъ нѣкогда былъ его товарищемъ по университету, такимъ же, какъ онъ, профессоромъ. Но г. Шевыревъ вовсе лишенъ того литературнаго спокойствія, которое составляетъ силу людей, развившихся наукою и опытомъ жизни; онъ, напротивъ, въ литературѣ безпокоенъ и тревоженъ, и оттого безпрестанно вдается въ крайности и промахи, свойственные молодымъ людямъ, только-что бросившимся въ литературную дѣятельность со школьной скамьи. Вотъ еще примѣръ: говоря объ извѣстномъ бывшемъ сотрудникѣ Отеч. Зап., работающемъ теперь въ Современникѣ ²⁾, г. Шевыревъ позволилъ сказать себѣ о немъ, что онъ „измѣнилъ знаменамъ Отеч. Зап.“. Не есть ли эта фраза слѣдствіе тревожнаго и раздражительнаго состоянія, о которомъ мы говорили? Неужели г. Шевыревъ самъ вѣрить своимъ словамъ? Нѣтъ, ему хотѣлось кольнуть противника,

и онъ забылъ, что колютъ правдой, а не вымысломъ. Человѣкъ, о которомъ онъ говоритъ, сдѣлалъ дѣло очень естественное: онъ счелъ за удобнѣйшее и лучшее для себя помѣщать свои статьи въ другомъ журналѣ, и на это имѣлъ полное право, потому что не считаетъ себя прикрѣпленнымъ ни къ какому журналу. Къ числу такихъ же его выходокъ принадлежитъ и безпрестанно повторяемая многими мысль, будто бы Гоголь отреченіемъ отъ своихъ прежнихъ сочиненій поставилъ насъ въ затруднительное положеніе, такъ что мы не знаемъ что и дѣлать. Больше году прошло послѣ появленія этой книги, мы уже нѣсколько разъ говорили о сочиненіяхъ Гоголя въ томъ же духѣ, въ какомъ говорили о нихъ до появленія его книги. Вообще мы всегда хвалили сочиненія Гоголя, а не самого Гоголя; хвалили ихъ ради ихъ самихъ, а не ради ихъ автора. Его прежнія сочиненія и теперь для насъ то же, чѣмъ были и прежде; намъ нѣтъ нужды до того, что теперь думаетъ Гоголь о своихъ прежнихъ сочиненіяхъ. Но самая болѣзненная выходка г. Шевырева касается Искандера: крайне неспокойное отношеніе духа г. Шевырева къ этому автору заставило его взять на себя тонъ вовсе не литературный: онъ выписалъ изъ романа: *Кто виноватъ?* всѣ фразы и слова, въ которыхъ ему захотѣлось увидѣть искаженіе русскаго языка. Нѣкоторыя изъ этихъ фразъ и словъ дѣйствительно могутъ быть подвергнуты осужденію; но большая часть доказываетъ только нелюбовь г. Шевырева къ Искандеру. Не понимаемъ, когда находить г. Шевыревъ время заниматься такими мелочами, достойными трудолюбія только извѣстнаго блаженной памяти профессора элоквенціи и хитростей пинтическихъ! А что если кому-нибудь придетъ въ голову мысль выписывать изъ статьи г. Шевырева цѣлые періоды, въ родѣ слѣдующаго: „А что теперь иной русской душѣ, не понимающей настоящаго смысла древней русской жизни, кажется исключительно византійскимъ и какимъ-то мистическимъ и теоретическимъ мудрованіемъ, и „даже мелочнымъ умозрѣніемъ“. *то, что въ себѣ содержитъ самыя простыя и высочайшія истины, такъ это ничего другого не значитъ какъ только то, что та русская душа расторгла союзъ съ коренными основами жизни русскаго народа и уединилась въ свою отвлеченную личность, изъ тѣсныхъ рамокъ которой видитъ собственно свои призраки, а не дѣло*“. Впрочемъ въ такомъ періодѣ мы не можемъ видѣть искаженіе русскаго языка, а видимъ только искаженіе языка г. Шевырева, и конечно въ этомъ отношеніи къ Искандеру надо быть строже, какъ къ писателю съ влияніемъ;

¹⁾ Это былъ Н. И. Надеждинъ.

²⁾ Т.-е. о Бѣлинскомъ.

но все-таки придирается къ такимъ мелочамъ, значить обнаруживать больше не-любви къ противнику, нежели любви къ русскому языку и литературѣ, и грозитъ издадека своему противнику шпилькой или булавкой, когда нѣтъ возможности достать его кошемъ.

Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято *Перепискою Гоголя съ друзьями*. Можно сказать, что память объ этой книгѣ и теперь поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголю онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобъ показать его невѣрность собственнымъ своимъ началамъ. Тонкость мысли, ловкость діалектики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлаютъ письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло окончится тремя письмами!

Извѣстный книгопродавецъ нашъ, г. Смирдинъ своими изданіями русскихъ авторовъ приготовилъ и намѣренъ еще больше приготовить труда и хлопотъ русской критикѣ. Онъ уже издалъ Ломоносова, Державина, Фонвизина, Озерова, Кантемира, Хемницера,

Муравьева, Княжнина и Лермонтова. Въ одной газетѣ было говорено о скоромъ выходѣ въ свѣтъ сочиненій Богдановича, Давыдова, Карамзина и Измайлова. Тамъ же увѣряли, что вслѣдъ за ними поступятъ въ печать: Исторія Государства Россійскаго Карамзина, Сочиненія Императрицы Екатерины II, сочиненія Сумарокова, Хераскова, Тредьяковского, Кострова, князя Долгорукова, Капниста, Нахимова, Нарѣжнаго, — и что сверхъ того приступлено къ приобрѣтенію права на изданіе сочиненій Жуковского, Батюшкова, Дмитріева, Гнѣдича, Хмѣльницкаго, Шаховскаго и Баратынскаго. Довольно работы критикѣ! Пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе, не безпокаясь о томъ, что другіе думаютъ не такъ, какъ онъ. Надо имѣть терпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Нельзя заставить всѣхъ думать одно. Опровергайте чужія мнѣнія, несогласныя съ вашими, но не преслѣдуйте ихъ съ ожесточеніемъ потому только, что они противны вамъ; не старайтесь выставять ихъ въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ не въ литературномъ отношеніи. Это плохой расчетъ: желая выиграть больше простору вашимъ мнѣніямъ, вы, можете быть, этимъ самымъ лишите ихъ всякой почвы.

1848 г.

Именной алфавитный указатель

(къ статьямъ В. Г. Бѣлинскаго).

- Аблесимовъ I, 46, 92, 448; II, 756; III, 521.
 Агафи III, 924.
 Аддисонъ, I, 599; II, 487, 898; III, 610, 718.
 Айбулатъ II, 659.
 Аксаковъ К. I, 1034; II, 429—437, 439—445, 449, 450, 452—454.
 Аладьянъ II, 629.
 Александровъ (Дурова) I, 701, 1038.
 Аллиановъ III, 646.
 Альфредъ де-Виньи I, 286, 287, 289, 290, 295, 296, 560; II, 40.
 Альфьери I, 599; II, 60.
 Анакреонъ I, 43, 899; II, 129, 131, 222, 677, 694—696, 703, 736; III, 47, 170, 247, 249, 405.
 Андросовъ II, 1014.
 Анненковъ III, 830.
 Ансильонъ I, 1039.
 Аполлосъ, архимандритъ I, 69, 72; II, 385.
 Апулей II, 656.
 Аристотель I, 62; II, 212; III, 719.
 Аристофанъ I, 12; II, 34, 562, 843.
 Аріостъ I, 62, 121, 732; II, 36, 124, 699; III, 37, 160, 171, 283, 285, 287.
 Арндтъ I, 564.
 Арну Огюсть II, 655.
 Арцыбышевъ I, 48, 49.
 Асанасьевъ, А. III, 1009.
 Базилевичъ II, 846.
 Байронъ I, 9, 11, 12, 22, 23, 41, 56, 60, 64, 67, 70, 74, 75, 82, 86, 99, 125, 127, 147, 227, 261, 272, 281, 283, 287, 290—293, 338, 445, 446, 590, 593, 599, 603, 604, 676—678, 706, 725, 741, 937, 949, 951, 959, 1014, 1023, 1024; II, 11, 30, 43, 53, 115, 127, 131, 145, 151, 174, 194—196, 276, 283—285, 287, 296, 302, 316, 370, 420, 421, 433, 434, 440, 443, 445, 448, 471, 488, 555, 631, 632, 701, 777, 799, 818, 828, 829, 860, 898, 901, 911, 968, 979, 1015, 1101, 1102, 1117, 1119, 1121; III, 37, 104, 142, 143, 166, 171, 185, 190, 196, 225, 226, 231—233, 240, 242, 261, 275, 308, 324, 333, 361, 362, 370, 409, 458, 508, 509, 533, 535, 536, 567, 568, 719—724, 765, 934.
 Байскій II, 628.
 Бакунинъ, М. I, 1034.
 Балакиревъ И. II, 846.
 Бальзакъ I, 12, 79—81, 94, 99, 142, 231, 232, 240, 292, 293, 467, 1010; II, 472, 634, 1129; III, 527.
 Баратаевъ кн. II, 1135.
 Барантъ, II, 264, 791, 906.
 Баратынскій I, 11, 12, 65, 69, 70, 177, 700, 907, 964, 1019, 1033; II, 193, 285, 548, 549, 551, 555, 558—560, 563, 566—570, 645, 655, 659, 799, 828, 862, 910, 912—914, 951; III, 198, 443, 716, 1010.
 Барбье I, 99; II, 53, 872; III, 310.
 Барковъ II, 1011.
 Баронъ Брамбеусъ (см. Сенковскій) I, 9, 11—13, 31, 51, 59, 96, 98, 206, 213, 216, 240, 242, 269, 273, 275, 277, 299, 305, 309, 636, 640, 1127, 1128; II, 313, 590, 591, 594, 656, 658, 763, 804, 833, 849.
 Баршевъ С. I, 1039; II, 314, 315.
 Батте I, 61, 62, 170, 306, 337, 592, 671, 708; II, 464, 688, 898; III, 187, 195, 224.
 Батюшковъ, К. Н. I, 12, 14, 54, 56, 57, 61, 66, 106—108, 115, 202, 357, 678, 700, 702, 799, 986, 1006, 1013, 1019, 1022, 1040; II, 49, 52, 133, 150, 151, 196, 201—203, 213, 221—224, 227, 228, 268, 269, 274, 275, 277—279, 295, 296, 485, 488—491, 730, 758, 776, 808, 815, 826, 828, 853, 897, 918, 1012, 1013, 1045, 1100; III, 57, 58, 63, 66, 76, 79, 86, 150, 153—158, 160—180, 183, 185, 189—191, 194, 197—199, 201, 204—206, 210, 216—218, 239, 240, 247, 248, 281, 286, 289, 353, 500, 505, 511, 514, 617, 710, 712, 713, 747, 931, 1010.
 Баумейстеръ, I, 562; II, 385.
 Бахманъ I, 562, 591, 1039; II, 389.
 Безбородко I, 39.
 Безгласный—(см. Одоевскій).
 Беккеръ II, 1135; III, 786.
 Бенедиктовъ I, 176, 178, 180, 183—186, 250, 282, 284, 285, 286, 800, 883; II, 296, 322, 337, 339, 574, 575, 638, 646, 755, 765, 771, 772, 808, 812, 813, 902, 930, 937, 1013, 1014, 1079, 1098; III, 398, 541.
 Бенитскій III, 65.
 Беранже I, 142, 275, 295, 603, 920, 1011; II, 420, 435, 555, 700, 1137; III, 255, 527.
 Беркенъ I, 740, 741, 766.
 Бернаръ фонъ-Бесковъ II, 657.
 Бернаръ Шарль II, 472, 851, 949.
 Бернетъ I, 801, 802, 963; II, 765, 815, 1131.
 Берте Эли II, 655.
 Бестужевъ, А. А. (см. Марлинскій).
 Блеръ I, 64; III, 224.
 Бобровъ I, 45, 105; II, 279; III, 50.
 Богдановичъ, I, 12, 44, 105, 202, 461, 701—703, 799; II, 129, 203, 249, 497, 776, 895, 897, 1011; III, 37, 50, 55—57, 65, 106, 171, 187, 208, 223, 265, 280, 283, 286, 288, 367, 518, 519, 653, 713, 714, 746, 1010.
 Бодянский I, 301.
 Боккачю, II, 104, 124.
 Больверъ, I, 292, 1035; III, 506.
 Больмеръ II, 853.
 Бомарше III, 475.
 Боричевскій I, 1039.
 Борнъ II, 53, 191.
 Боссюэтъ II, 463.
 Боткинъ III, 1003.
 Бочаровъ II, 581.
 Бошанъ III, 600.
 Брантъ, Л. III, 613, 790.
 Бремеръ Фредерика II, 851.
 Брумъ II, 1136, 1137.
 Буало I, 61, 62, 170, 337, 559, 671, 708; II, 66, 144, 149, 464, 493, 498, 898, 1057; III, 60, 186, 187, 195, 281, 518, 742, 924.
 Булгаринъ О. В. I, 11—13, 15, 59, 78, 79, 81, 91, 92, 96—98, 117, 131, 156, 173, 213, 235, 237, 238, 240, 313, 432, 667, 683, 707, 708, 964, 966, 1022, 1036; II, 576, 603, 607, 614, 615, 616, 642, 753, 754, 765, 766, 776, 790, 791, 802—804, 1128; III, 514, 520, 541, 581—591, 593, 601, 604, 607—626, 638, 785, 800, 851, 932.
 Бульверъ—см. Больверъ.
 Бульи I, 740, 741, 766, 944.
 Бунина I, 105; II, 279.
 Буняковский III, 1004.
 Буринскій II, 279.
 Буслаевъ II, 1011.
 Бутаковъ II, 852, 854, 950; III, 1004.

- Бутковъ I, 1039; II, 1123; III, 539, 776—778, 928.
 Бутовской II, 846; III, 1005.
 Бутурлицъ II, 314; III, 788.
 Бѣгичевъ III, 610.
 Бѣлинскій III, 841, 854, 855, 862, 886—891, 894, 895.
 Бюлеръ О. баронъ II, 849; III, 787.
 Бургеръ III, 106.
 Бюффонъ I, 37, 321.
- Вальтеръ Скоттъ I, 9, 12, 64, 75, 82, 86, 87, 90, 99, 123, 272, 290, 291, 293, 445, 446, 467, 480, 507, 548, 574, 599, 603, 706, 730, 731, 741, 810, 811, 861, 910, 911, 1023, 1034; II, 11, 12, 17, 23, 40, 43, 53, 57, 127, 145, 151, 207, 289, 314, 418—420, 433, 434, 436, 440, 443, 471, 488, 555, 762, 766, 781, 790, 798, 804, 805, 817, 818, 841, 851, 860, 898, 1125; III, 103, 105, 117, 196, 275, 506, 509, 511, 616, 761, 925, 948.
 Валуевъ II, 1135.
 Ваненко Иванъ (см. Жукова).
 Варренъ II, 1135, 1137.
 Васильевъ II, 315.
 Вашингтонъ-Принсъ II, 43, 898.
 Велланскій I, 13.
 Вельтманъ I, 93, 98, 480, 701, 706, 966, 1038; II, 153, 656, 807, 845, 849, 850, 1080, 1128; III, 610, 772, 782, 783, 932, 998.
 Веневитиновъ I, 73, 74, 178, 284, 914, 964, 1019; II, 31, 287, 288, 378, 799, 800, 910, 911; III, 198.
 Венелинъ I, 1034, 1039.
 Вердеревскій I, 964.
 Верне Орасъ II, 307.
 Вернеръ I, 76, 687, 1035; II, 635.
 Вессельгефтъ II, 1132.
 Виландъ III, 37.
 Вильменъ II, 791.
 Вильсонъ III, 471.
 Винкельманъ I, 555.
 Виргилій, I, 12, 17, 45, 62, 121, 281, 480, 789, 964, 1005; II, 32, 35, 44, 66, 131, 144, 232, 697, 698; III, 65, 281, 329, 405, 561.
 Висковатовъ I, 105, 687; II, 654.
 Виардо III, 615, 616.
 Владиславлевъ II, 652; III, 677.
 Воейковъ А. Ф. I, 49, 58, 59, 92, 97, 98, 105; II, 195, 203, 279; III, 65, 171, 295, 589, 851.
 Волконскій кн. II, 1135.
 Вольскій Семенъ I, 1035.
 Вольтеръ I, 13, 36, 37, 62, 99, 108, 170, 171, 337, 463, 559, 578, 592, 599, 601, 700, 701, 708, 790, 1009; II, 62, 149, 211, 247, 251, 441, 463, 493, 494, 495, 499, 500, 504, 505, 542, 631, 652, 700, 701, 706, 790, 806, 818, 898, 963, 977, 1136; III, 45, 60, 69, 172, 285, 405, 519.
 Вольфъ III, 798.
 Вордсвортъ I, 99; II, 11.
 Воскресенскій II, 246, 315, 942.
 Востоковъ II, 951; III, 171.
 Врангель, фонъ I, 1035; II, 314.
 Вронченко I, 365, 700, 964; II, 938; III, 568.
 Второвъ II, 1125.
 Вяземскій, кн. П. А. I, 59, 700, 964, 1033; II, 518, 546, 577, 659, 856, 899, 1012; III, 76, 190, 660, 669, 726, 829.
- Галактионовъ I, 110.
 Галаховъ А. Д. II, 655, 766, 767, 774, 852, 854; III, 999.
 Галичъ III, 677.
 Галлеръ I, 461.
 Ганъ, г-жа (Зенеида Р — ва) II, 258, 301, 311, 651, 845, 853, 946.
 Гарди I, 45; II, 248.
 Гарнье I, 45; II, 248.
 Гафисъ I, 285; II, 207.
 Гебель I, 761; II, 46, 221; III, 105.
 Гегель I, 226, 302, 436, 552, 553, 558, 562, 566, 604, 699, 752, 940; II, 316, 317, 389, 449, 882, 908, 1136; III, 954.
 Геденъ II, 1011.
 Гезиодъ I, 899, 914, 935; II, 34, 49, 108, 143, 163, 222; III, 90.
 Гейне I, 663, 1033; II, 444.
 Георгиевскій II, 763, 764.
 Гердеръ I, 99, 168, 342, 414; II, 754, 884; III, 729.
 Геродотъ II, 108, 113, 212, 696.
 Герсегоновъ II, 655.
 Герценъ, А. И. (см. Искандеръ).
 Гессъ I, 1039.
 Гёте I, 12, 13, 22, 54, 58, 62, 76, 82, 87, 91, 99, 100, 122, 125, 127, 227, 272, 287, 290, 291, 293, 338, 360, 361, 388, 407, 414, 445, 446, 547, 550, 552, 553, 558, 561, 562—568, 579, 580, 581, 583, 593, 599, 600, 603, 604, 625, 648, 667, 668, 676, 677, 686, 687, 690, 700, 741, 790, 803, 864, 878, 880, 907, 937, 951, 952, 959, 984, 1019, 1020, 1024, 1033, 1037; II, 31, 40, 41, 46, 53, 60, 61, 65, 92, 115, 145, 151, 167, 168, 174, 175, 177, 180, 181, 201, 202, 212, 218, 220, 221, 223, 232—236, 276, 283, 296, 314, 316, 388, 407, 420, 422, 443, 444, 445, 448, 471, 487, 555, 562—564, 630, 631, 653, 655, 703, 767, 773, 777, 790, 795, 799, 818, 860, 898, 938, 950, 1124; III, 103, 105, 141, 145, 195, 227, 230, 232, 233, 242, 255, 268, 273, 275, 330, 470, 506, 567, 717, 724, 765, 798, 799, 953, 954, 974.
 Гиббонъ II, 127.
 Гизо I, 363, 480; II, 264, 471, 630, 791, 906; III, 729.
 Глаголевъ II, 629.
 Глинка, А. П. I, 414.
 Глинка, С. Н. I, 13, 105, 1036; II, 247, 279, 300; III, 518.
 Глинка, О. Н. I, 71, 284, 414, 529, 530—532, 534, 700, 964, 967, 1033; II, 285, 798; III, 219, 519.
 Глѣбовъ II, 655, 1138.
 Гнѣдичъ I, 23, 58, 424, 700, 964; II, 43, 46, 187, 191, 201, 227, 277, 278, 295, 301; III, 76, 180—185, 247, 649, 807, 851, 1010.
 Говорилинъ (см. Кульчипскій) II, 1130.
 Гогневъ I, 215; II, 339.
 Гоголь I, 12, 85, 95, 141, 142, 147—151, 154, 155, 157, 158, 160—162, 165—167, 221, 222, 235, 240, 268—271, 408, 420, 476, 603, 622, 626, 628, 653, 669, 671, 679, 686, 687, 690, 713, 799, 800, 966, 1015, 1020, 1023, 1028, 1029; II, 21, 42, 64, 132, 135, 153, 157, 277, 281, 290—295, 299, 302, 384, 406—408, 411—413, 416—427, 429, 431—452, 484, 520, 546, 547, 576—579, 581—590, 593, 595, 597, 599, 602, 603, 610—617, 640, 641, 642, 649, 650, 655, 659, 674, 751—755, 760—793, 801, 810, 814, 816, 819—821, 830—834, 843, 844, 853, 854, 901, 908, 910, 942, 948, 952, 961, 972, 1086, 1095, 1096, 1100, 1131; III, 35, 42, 222, 239, 256, 278, 281, 282, 363, 364, 398, 454, 476, 500—502, 505, 507, 509—511, 514, 522, 530, 534, 535, 536, 539, 542—547, 561, 589, 610, 611, 614—617, 728, 744, 750, 751, 771, 780, 794, 795, 807, 808, 811, 812, 846, 847, 851, 854, 858, 863, 865—869, 872—874, 877—881, 883—886, 888, 890, 895, 928, 933—937, 957, 1008, 1009.
 Гозланъ II, 1129.
 Голиковъ I, 1039.
 Головачевъ II, 853, 951.
 Голощаповъ II, 846.
 Гомбергъ Тинетта II, 258.
 Гомеръ I, 12, 17, 38, 45, 62, 100, 122, 157, 301, 338, 462, 545, 555, 556, 563, 565, 566, 699, 700, 781, 789, 899, 1005; II, 14, 32—35, 37—42, 61, 108, 131, 134, 143, 163, 213, 214, 218, 232, 258, 300, 301, 316, 418—429, 431, 434—445, 451, 452, 542, 613, 615, 634, 697, 699, 704, 754, 755, 765, 828, 1086; III, 52, 180—182, 226, 241, 281, 288, 327, 330, 405, 464, 519, 587, 611, 765.
 Гончаровъ III, 962, 963, 973, 992, 993.
 Гораций I, 43, 79, 204; II, 129, 131, 143, 144, 145, 249, 695, 697, 703, 733, 736, 1057; III, 47, 169, 170, 172, 195, 211, 281, 290, 328, 405, 418, 518, 708, 742.
 Горбачева II, 941.
 Горскій II, 853.
 Горчаковъ II, 279.
 Гофманъ I, 147, 288, 300, 741, 772, 773, 780, 782, 784, 1034, 1037; II, 40, 43, 165, 174, 175, 631, 879, 898, 949; III, 112, 134, 1000.
 Грановскій II, 1135; III, 851, 1005.
 Графчиковъ II, 846.
 Гребенка I, 1034; II, 313, 652, 655, 849, 850, 996, 947, 1132, 1140.
 Грей II, 52, 487; III, 105.
 Гречъ Н. И. I, 11, 12, 13, 46, 58—60, 95—98, 156, 213, 235—237, 421—427, 429—434, 436, 440, 1022, 1036; II, 249, 304, 404, 578, 579, 583, 584, 642, 764, 778, 787, 788, 797, 803, 804, 853, 1015, 1016; III, 52, 514, 586, 589, 598—600, 614, 616, 636, 851, 924.
 Грибоѣдовъ А. С. I, 9, 14, 74, 77, 78, 99, 116, 155, 210, 268, 271, 284, 562, 589, 602, 622, 647—649, 662—664, 686, 687, 700, 742, 792, 963, 965, 997, 1034, 1040; II, 64, 135, 151, 175, 288, 289, 377, 407, 484, 518, 628, 685, 754, 767, 768, 776, 808, 814, 816, 862, 1013.

- 1095, 1102; III, 197, 282, 286, 362, 363, 370, 500, 522, 589, 617, 744, 747, 872.
 Григоровичъ III, 781, 782, 875, 876, 882, 906.
 Григорьевъ Аполлонъ, II, 1126, 1127; III, 772, 775, 776.
 Григорьевъ В. I, 301; III, 1005.
 Гримальеръ I, 687; II, 545, 635.
 Гротъ I, 1033; II, 183, 314.
 Грумъ II, 1135.
 Губеръ I, 414, 906, 1033, 1124; III, 677.
 Гумбольдъ II, 1137; III, 727, 787, 1004.
 Гурьяновъ I, 239, 256.
 Гуттенбергъ I, 94.
 Гюго Викторъ I, 12, 64, 99, 136, 286, 287, 314, 467, 559, 581, 593, 678, 690, 706, 727, 740, 1010; II, 40, 62, 472, 633, 635, 806, 898, 907; III, 104, 512, 527, 718, 957.
 Давыдовъ Вл. I, 1039.
 Давыдовъ Д. В. I, 70, 71, 231, 248, 700, 963, 967—971, 973—976, 978—990, 1035, 1039; II, 187, 285, 799, 910, 911; III, 198, 203, 309, 317, 1010.
 Даль В. Н. (Казакъ Луганскій) I, 415, 700; II, 301, 313, 652, 655, 808, 849, 850, 945, 946, 947, 1125, 1132, 1133; III, 781, 782, 883, 886, 993, 996, 997.
 Даниель Дефо II, 653.
 Данте I, 290; II, 104, 124, 420, 432, 437, 443, 613, 765, 847, 963, 1013; III, 43, 44, 131, 212, 274, 329, 330, 719, 724.
 Дарленкуръ, II, 798.
 де-Виньи II, 472.
 Дезульеръ II, 144, 289; III, 63.
 Декартъ III, 768.
 Делавинъ Казимиръ I, 99; II, 375, 910.
 Делиль I, 59, 708; II, 66, 872, 898; III, 65.
 Дельвигъ I, 58, 71, 190, 700, 964; II, 187, 285, 627, 752, 774, 799, 817, 910, 911, 914, 918; III, 187, 212, 443, 589, 602, 653, 679, 685.
 Демосоевъ I, 17, 556; II, 113.
 Державинъ I, 12, 14, 25, 39—45, 47, 50, 61, 64, 66, 75, 91, 99, 109, 114, 116, 202—205, 357, 669—672, 675, 676, 678, 700—702, 705, 706, 708, 799, 963, 1005, 1012, 1013, 1019, 1022, 1026, 1040; II, 50, 52, 129, 132, 134, 187, 201, 203, 225—227, 250—259, 263, 266, 270, 271, 273, 280, 295, 485—489, 491, 497, 504, 542—544, 546, 579, 619, 626, 637, 667, 674, 676, 677, 679, 680, 683, 685, 687—691, 693—696, 703, 706—711, 714—718, 720—723, 726—736, 756, 764, 765, 772, 783, 784, 808, 823, 826, 828, 846, 853, 862, 895, 897, 950, 963, 1012, 1013, 1042, 1051, 1060, 1095, 1124, 1125, 1138; III, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 52, 54, 57, 59, 76, 104, 127, 153—155, 169, 170, 190, 193, 197, 198, 200—202, 214, 216, 224, 265, 280—283, 295, 353, 362, 367, 500—502, 511, 513—515, 518, 519, 653, 705, 707, 713, 715, 728, 746, 748, 765, 845, 873, 877, 924, 930, 1009.
 Дерикеръ В. II, 657.
 Дестунисъ III, 924.
 Джемсонъ II, 258.
 Диккенсъ I, 1023; II, 40, 314, 655, 764, 838, 851, 852, 908, 910, 949, 1132; III, 838, 950, 955, 1003.
 Димитрій Ростовскій II, 1041.
 Дмитриевъ Н. II, I, 12, 44, 47, 54, 202, 700, 789, 799; II, 132, 133, 187, 201, 203, 224, 260, 265, 273, 278, 295, 487, 488, 491, 543, 545, 690, 730, 773, 776, 777, 779, 780, 815, 862, 896—898, 1011, 1095; III, 50, 55, 58—61, 63—66, 75, 77, 171, 187, 201, 223, 224, 240, 281, 282, 286, 290, 348, 361, 363, 368, 454, 500, 505, 519, 617, 652, 711, 713, 715, 717, 745, 747, 931, 937, 1010.
 Дмитриевъ М. I, 184; II, 285, 575, 943.
 Долгоруковъ кн. II, 203, 279; III, 65, 171, 1010.
 Достоевскій О. М. III, 533, 541—544, 558, 559, 560, 617, 778—780, 998.
 Драйдень II, 145, 487, 898; III, 147, 289, 291, 718.
 Дроздовъ I, 341, 348.
 Дружининъ III, 996, 997.
 Дудышкинъ III, 1005.
 Дурова (см. Александровъ).
 Дюде Артуръ II, 655.
 Дюдеванъ (см. Жоржъ-Зандъ) I, 560; II, 777.
 Дюкре-де-Мениль I, 98, 730, 731; II, 40, 65, 629, 817, 908; III, 69, 651.
 Дюма А. I, 99, 292, 293, 559, 1010, II, 472, 633, 635, 782, 1129; III, 316, 520, 925, 926, 957.
 Дюпенъ I, 468.
 Дюсенъ (Дюси) I, 23, 592, 599, 708; II, 149, 898.
 Дэ-Минъ II, 858.
 Ежовскій III, 584.
 Екатерина Вторая III, 1010.
 Екельнъ II, 849.
 Ершовъ I, 11, 87, 98, 215, 217.
 Ефимовъ I, 46.
 Жадовская Юлія III, 771, 772.
 Якобъ Библиофилъ I, 99; II, 634.
 Жандръ II, 518.
 Жаненъ Жюль I, 99, 236, 238, 274, 275, 276, 277, 293, 1000; II, 472, 580, 634, 945, 1129; III, 957.
 Жанъ-Батистъ-Руссо III, 748.
 Жанъ-Поль Рихтеръ I, 125, 658, 878; II, 8, 10, 11, 66, 68, 868, 873, 898; III, 225.
 Жанлисъ (Жанли) I, 311, 730, 766, 944; II, 290; III, 69.
 Жомини II, 951.
 Жоржъ-Зандъ I, 229, 560, 1010; II, 258, 420, 442, 473, 655, 700, 777, 781, 782, 850, 852, 946, 949, 968, 1131, 1132; III, 355, 506, 520, 765, 856—858, 891, 950, 1005.
 Жуи III, 610.
 Жукова (Иванъ Ваненко) I, 1038; II, 1123, 1131.
 Жуковскій В. А. I, 12, 14, 37, 54, 56, 57, 61, 66, 70, 73, 88, 107, 115, 129, 172, 177, 182, 202, 210, 216, 217, 284, 285, 356, 408, 414, 450, 496, 669—671, 673, 675—680, 702, 705, 708, 770, 799, 800, 883, 962, 964, 1013, 1019, 1022, 1040; II, 46, 52, 53, 133, 150, 211, 223, 244, 256, 257, 268—280, 295, 296, 333, 407, 486—491, 518, 544—546, 553, 574, 575, 619, 638, 690, 691, 730, 744, 766—768, 772, 776, 784—787, 791, 798, 808, 810, 826, 828, 848, 853, 896, 897, 909, 938, 950, 988, 1012—1014, 1060, 1095, 1106, 1117, 1138; III, 37, 57, 64, 66, 72, 76—81, 94, 105—109, 113, 115—118, 120—135, 139—147, 150—154, 157, 168, 171, 175, 178, 179, 181, 185, 189—191, 193, 194, 197, 198—200, 204—207, 216, 238—240, 251, 253, 281, 286, 289, 291, 292, 295, 353, 355, 473, 500, 505, 511, 514, 515, 519, 589, 617, 647, 653, 660, 663, 710, 711, 713, 716, 718, 719, 726, 728, 747, 798, 805—807, 844, 851, 931, 951, 952, 1010.
 Заблоцкій - Десятовскій II, 846, 1136; III, 886, 1004.
 Загоскинъ М. Н. I, 14, 90, 92, 216—218, 240, 299, 300, 479, 700, 708, 761, 966, 1020; II, 153, 159, 576, 647, 803—807, 811, 816, 841, 942, 952; III, 489, 596, 610, 776, 777, 932.
 Закревская II, 313.
 Зацѣпинъ I, 1035.
 Зеленый II, 1135.
 Зиловъ I, 12; II, 815.
 Зольгеръ I, 265.
 Зотовъ Р. I, 1022; II, 296, 315, 781—783, 817, 849, 850.
 Зражевская II, 659, 943.
 Зябловскій II, 797.
 Ивановъ II, 279, 497.
 Иванчинъ-Писаревъ I, 48, 49, 53, 115; II, 943.
 Извѣткова Марія I, 311.
 Измайловъ А. Е. I, 66, 105, 219, 427, 789; II, 153, 802; III, 609, 924, 1010.
 Измайловъ Владиміръ I, 66, 105, 129, 789; II, 279, 798; III, 65, 75, 190, 519.
 Илличевскій II, 629.
 Ильинъ II, 279, 497.
 Ириней Дѣдушка—см. Одоевскій, кн. В. О.
 Искандеръ (Герценъ, А. И.) II, 313, 852; III, 787, 962, 965, 968, 969, 971, 992, 1004, 1008.
 Ишимова III, 677.
 Иакинъ II, 302.
 Кавелинъ II, 951; III, 841, 893, 1004, 1005.
 Кайдановъ I, 12, 718; II, 797.
 Калайдовичъ II, 642.
 Калачилинъ II, 846.
 Калашниковъ I, 11, 13, 95, 97, 98, 216, 217.
 Каллимахъ II, 49.

- Кальдеронъ I, 687; II, 62, 115.
 Каменскій II, 650, 850.
 Кантемиръ I, 33, 59, 324, 424, 461, 1003, 1004; II, 244, 490, 493, 497, 519, 893, 1011, 1012, 1041—1000; III, 54, 77, 172, 280, 501, 505, 518, 713, 742, 743, 877, 929, 931, 1009.
 Кантъ I, 562, 604, 696; II, 251, 882, 883; III, 225.
 Кашистъ I, 58, 66, 77, 105, 202, 447, 448, 461, 647, 700, 799; II, 48, 203, 249, 273, 545, 688, 816; III, 55, 57, 65, 75, 171, 200, 203, 501, 519; 522, 1010.
 Карамзинъ Н. М. I, 12, 13, 44, 47, 55, 57, 60, 61, 64, 66, 82, 86, 87, 93, 95, 105, 108, 115, 129, 202, 262, 263, 424, 434, 437, 650, 679, 682, 697, 698, 700, 706, 709, 782, 783, 799, 923, 973, 1006, 1012, 1040; II, 132, 133, 134, 152, 187, 188, 203, 260—265, 268, 270, 273, 278, 285, 289, 295, 487, 488, 491, 513, 518—520, 543—545, 618, 627, 631, 642, 643, 690, 730, 766, 767, 775—777, 779, 780, 784, 785, 790, 791, 823, 847, 884, 896, 898—900, 906, 963, 964, 1011, 1095, 1105, 1116, 1138; III, 50, 57, 78, 104—106, 150, 171, 173, 175, 187, 190, 198, 199, 201, 203, 223, 240, 282, 368, 425—427, 431, 442—444, 454, 489, 491, 500, 502, 505, 513—515, 519, 586, 617, 633, 703, 704, 706, 708—717, 723, 724, 726, 729, 746, 750—752, 895, 920, 921, 928, 929, 934, 937, 938, 1010.
 Карлъгофъ II, 629.
 Карповъ I, 1039.
 Катенинъ I, 105; II, 279, 443, 518, 914.
 Катковъ I, 1034, 1038; II, 93, 314.
 Катрфажъ II, 1137.
 Катулъ II, 203; III, 249.
 Каченовскій I, 13, 48, 85; II, 518, 898, 1106.
 Квитко см. Основьяненко.
 Кёрнеръ I, 564.
 Кетчеръ I, 1038; II, 313, 653, 846.
 Кипренскій I, 110.
 Кирша Даниловъ I, 700, 761, 933; II, 186, 354, 355; III, 749.
 Кирѣевскій II, 627.
 Классенъ II, 846.
 Клаурень I, 562; III, 506.
 Климовскій II, 1011.
 Клоштокъ I, 99; II, 388; III, 330.
 Книжнинъ I, 45, 701, 703; II, 132, 134, 248, 249, 265, 491, 497, 546, 815, 816; III, 57, 65, 76, 224, 500, 518, 520, 521, 1010.
 Ковалевскій II, 854.
 Козловъ Н. I, 10, 11, 70, 172, 218, 284, 700, 964, 1019; II, 8, 188—196, 224, 285, 308, 799, 815, 910; 911; III, 198, 519.
 Кокошкинъ II, 279; III, 65.
 Колотенко II, 846.
 Кольриджъ I, 99; II, 53.
 Больцовъ А. В. I, 189—194, 250, 700, 800, 802, 803, 1033; II, 54, 306, 307, 646, 765, 772—774, 928; III, 187, 645—680, 685—696, 774, 775.
 Комаровъ, Матвѣй I, 78.
 Конн О. I, 239, 1035; III, 590.
 Корнель I, 12, 36, 45, 62, 99, 170, 559, 592, 593, 599, 629, 687, 700, 708, 761, 1009, 1013; II, 62, 104, 145, 149, 211, 247, 248, 464, 504, 521, 542, 635, 700, 806, 898, 907, 913, 963; III, 45, 195, 281, 405, 443, 446, 519, 523.
 Коровкинъ II, 296, 596.
 Корсаковъ II, 653, 849.
 Корфъ баронъ II, 659.
 Косичкинъ Теофилакть—см. А. С. Пушкинъ.
 Костровъ Ермилъ I, 45; II, 497, 656; III, 47, 51, 57, 247, 1010.
 Котошихинъ II, 264, 769; III, 743.
 Коттэнъ I, 308, 309, 311, 730; III, 69.
 Коцебу I, 562, 624, 764; II, 817.
 Кошанскій II, 48, 797.
 Краевскій III, 589, 667.
 Крамеръ I, 461; II, 40; III, 69.
 Крашенинниковъ II, 1011.
 Кребильтонъ I, 592, 599, 708; II, 62, 149, 898.
 Красовъ I, 801, 1033; II, 765.
 Крешевъ II, 949; III, 156.
 Кроликъ Теофилъ архим. II, 1058.
 Кронбергъ А. I, 515, 1038; II, 313, 938, 951; III, 567, 568, 775, 1065.
 Кропоткинъ II, 339.
 Кругъ I, 562.
 Крузенштернъ III, 924, 925.
 Крутенева I, 242.
 Крыловъ Н. А. I, 12, 14, 54, 55, 60, 88, 99, 115, 154, 202, 221, 238, 552, 700, 761, 790—794, 799, 964, 1013, 1019, 1039, 1040; II, 46, 132, 150, 265, 267, 278, 295, 296, 407, 435, 484, 485, 545, 588, 589, 598, 730, 754, 766, 767, 777, 808, 815, 816, 862, 897, 898, 938, 979, 1012, 1013, 1042, 1095; III, 57, 58, 63, 65, 66, 75—77, 122, 124, 171, 185, 198, 224, 353, 355, 362, 363, 368, 456, 513, 528, 589, 692, 710, 715, 744, 745, 747, 750, 814, 851, 872, 924, 930.
 Крюковской I, 13, 105, 424; II, 279, 816; III, 66, 75.
 Крюковъ II, 302.
 Ксенофонтъ Колофонскій III, 248.
 Кудрявцевъ П. Н. («А. Неустроевъ») I, 310; II, 947, 1131; III, 998.
 Кузень I, 449; II, 791, 908.
 Кузичевъ О. II, 846.
 Кукольникъ Н. В. I, 11, 13, 15, 37, 38, 98, 99, 237, 262, 801, 963, 1019, 1033, 1036; II, 63, 276, 300, 304, 308, 312, 313, 594, 596, 648, 816, 652, 654, 655, 762, 765, 808, 651, 817, 818, 845, 849, 850, 902, 946, 1128; III, 520, 596, 933.
 Кузьманъ Елизавета II, 308.
 Кульчицкій—см. его псевдонимъ: Говорилинъ.
 Кулябко Силивестръ II, 1011.
 Куперъ I, 13, 272, 467, 507, 599, 603, 706, 730, 731, 804, 811, 910, 1020, 1023, 1034, 1037; II, 11, 12, 23, 25, 27, 40, 42, 43, 53, 314, 419, 420, 433, 440, 441, 443, 471, 555, 1132.
 Кургановъ I, 309; II, 706.
 Куражковскій II, 846.
 Курье Поль III, 527.
 Кутурба М. С. II, 853, 1135; III, 787.
 Кутузовъ Н. II, 1137.
 Кювье I, 13; II, 206; III, 964.
 Лагаръ I, 61, 62, 67, 170, 306, 337; II, 144, 464, 898; III, 63, 186, 187, 195, 224.
 Лажечниковъ, Н. Н. I, 12, 14, 31, 93, 94, 235, 250, 260, 467, 468, 470, 476, 479, 481—484, 701, 708, 966, 1004, 1022, 1024, 1034; II, 143, 290, 576, 762, 805—807, 849, 884; III, 489, 610, 932.
 Ламартинъ I, 11, 58, 74, 277, 463, 560, 603, 1010; II, 48, 374, 375, 634, 791, 907; III, 104, 163, 527, 925.
 Ламбинъ II, 303, 603, 653.
 Лантье III, 65.
 Ласепедъ III, 180.
 Лафонтенъ Августъ I, 12, 98, 99, 170, 219, 467, 562, 701, 730, 792, 793; II, 40, 46, 65, 129, 131, 464, 542, 589, 629, 631, 817; III, 46, 60, 63, 66, 171, 224, 353, 405, 506, 519, 651, 711.
 Левисъ II, 40.
 Левшинъ II, 847.
 Леонтьевъ II, 951.
 Лермонтовъ М. Ю. I, 802, 803, 804, 810, 876—886, 921—924, 933, 934, 937—939, 941, 946, 947, 950—952, 956, 960, 995, 1020; 1023, 1033—1035, 1038; II, 31, 43, 50, 52, 54, 135, 281, 289, 302, 306, 349, 406, 407, 409, 422, 434, 484, 490, 547, 565, 574, 575, 594, 596, 616, 617, 639, 640, 646, 647, 652, 739, 740, 750, 765—772, 776, 785, 796, 798, 701, 809, 810, 813—815, 826, 828, 829, 848, 862, 872, 908, 932, 937, 938, 942, 949, 952, 963, 964, 1014, 1095, 1096, 1120, 1124, 1125, 1127; III, 35, 40, 42, 74, 143, 175, 185, 196, 198, 222, 267, 281, 296, 354, 363, 370, 500, 501, 506—508, 539, 543, 589, 617, 744, 771—773, 884, 935, 1010.
 Лесахъ II, 40.
 Лессингъ I, 99, 562, 1034; II, 145, 212, 482.
 Летурнеръ II, 630.
 Лизандръ III, 772.
 Липпертъ II, 655.
 Лисяскій III, 925.
 Литре III, 1004.
 Листъ Фридрихъ II, 655.
 Лихонинъ II, 943.
 Лобановъ I, 105, 238; II, 279.
 Ломоносовъ М. В. I, 12, 14, 15, 33, 37, 43, 44, 50, 59, 86, 95, 96, 99, 114, 190, 202, 205, 320—321, 323, 326, 330—332, 447, 671, 672, 700, 701, 787, 903, 963, 1004, 1005, 1012, 1013, 1026, 1040; II, 48, 49, 129, 130, 132—134, 201, 203, 224, 244—247, 261, 266, 295, 493, 497, 503, 507—512, 519, 542, 546, 618, 619, 626, 677, 685—691, 727, 728, 755, 774, 813, 815, 823, 829, 893, 895, 897, 1011, 1015, 1041, 1042, 1047, 1056, 1060, 1074, 1095, 1138; III, 42, 44—47, 51—53, 54, 74, 76, 151, 171, 172, 174, 194, 198, 224, 265, 280—282, 285, 351,

- 459, 491, 499, 500, 502, 505, 512—515, 518, 653, 703—708, 710, 711, 713—715, 743—749, 772, 845, 930, 931, 1009.
- Допе-де-Вега П., 62, 115, 852.
- Доренсъ П., 315; III, 786.
- Дуганскій В.—см. Даль.
- Дукіанъ П., 562.
- Дукьяновичъ П., 951.
- Дундбладъ П., 853.
- Дунинъ П., 302, 650.
- Дьвовъ Н. А. II, 688; III, 247.
- Дютеръ I, 64; II, 463, 479.
- Дюше Огюстъ I, 295.
- Маздорфъ I, 790.
- Майковъ Аполлонъ П., 307, 308, 321—342, 596, 643, 646, 655, 739, 814, 861, 949, 1124; III, 156, 564, 565, 775.
- Майковъ Валеріанъ П., 1139; III, 736—738, 762.
- Майковъ Вас. П. I, 45, 105; II, 1011; III, 52.
- Макаровъ I, 129; II, 261, 497, 518, 1011; III, 64, 65, 187, 223, 519, 709, 717.
- Максимовичъ I, 1003, 1034, 1039; II, 627, 1009.
- Малербъ П., 104, 542.
- Мальтусъ III, 1004.
- Манцони I, 64.
- Маркевичъ I, 964; II, 847, 853.
- Марковъ I, 87, 218, 240.
- Марлинскій (А. А. Бестужевъ) I, 12, 14, 78—82, 129, 130, 131, 141, 240, 679, 703—711, 714, 718, 719, 724, 725, 727, 728, 731, 732, 964, 965, 1022, 1029, 1034; II, 152, 187, 289, 290, 296, 322, 406, 410, 549, 617, 626, 627, 629, 638, 801, 806, 808, 817, 824, 832, 833, 908, 922, 937, 952, 1012, 1100, 1101, 1117; III, 398, 419, 517, 536, 540, 611, 716, 932, 957, 1000.
- Мармонтель I, 61, 337; III, 69.
- Марриетъ I, 1023; II, 40; III, 506.
- Мартыновъ I, 67, 424.
- Мартыновъ II, 757—759.
- Масальскій I, 12, 95, 97, 98, 216, 217, 240; II, 790.
- Масловъ III, 788.
- Матвѣевъ Артамонъ Сергѣевичъ I, 1011.
- Матиссонъ III, 105.
- Матюрень П., 40.
- Мацевскій I, 1039.
- Межевичъ III, 590.
- Мейеръ II, 854.
- Мельниковъ II, 852; III, 788.
- Мельгуновъ I, 299.
- Мельтъ П., 614.
- Менцель I, 545, 546, 551—568, 579, 580, 581.
- Меншиковъ I, 1035.
- Мерзляковъ I, 48, 57, 58, 66, 202, 203, 648, 700, 702, 732, 964; II, 48, 49, 187, 203, 227, 245, 289, 383, 493, 518, 546, 689, 776, 896, 903, 1012, 1016; III, 63, 76, 170, 171, 185—188, 223, 224, 243, 247, 291, 679, 685, 689.
- Мериме II, 929.
- Миллеръ О. I, 168; II, 754, 847, 950.
- Мидфордъ I, 98.
- Милоновъ I, 58; III, 65, 75.
- Милледа III, 281.
- Миллѣвъ П., 813, 846, 943.
- Миллтонъ I, 62, 121, 290, 413, 446; II, 487; III, 281, 491, 948.
- Миллѣтинъ В. III, 1004, 1005.
- Минаевъ III, 772.
- Минье III, 1004.
- Михайловскій-Данилевскій П., 314, 847, 951.
- Мицкевичъ I, 64, 125, 179, 565, 603; II, 127, 191, 194, 929; III, 276, 891, 892.
- Могила Петръ II, 1041.
- Мольеръ I, 12, 99, 170, 172, 290, 559, 592, 599, 629, 646, 700, 701, 907; II, 149, 464, 589, 700, 817, 818, 963; III, 60, 65, 523, 524, 957.
- Монтанъ I, 83; II, 104.
- Монтескье П., 1006.
- Мордвиновъ П., 655, 854.
- Муръ—см. Томасъ Муръ.
- Муравьевъ М. Н. I, 108; II, 203, 497, 1012; III, 171, 172, 173, 1000.
- Мюллеръ I, 552.
- Мюльнеръ I, 687.
- Мятлевъ II, 659.
- Надеждинъ (см. Надоумко) I, 550; II, 951; III, 1007.
- Надоумко (псевдонимъ Надеждина) I, 18, 82—83.
- Нарѣжный I, 163, 238, 679, 700; II, 290, 546, 754, 803, 816, 818; III, 608, 932, 1010.
- Нахимовъ I, 448; III, 1010.
- Небольсинъ III, 1003.
- Неволинъ II, 314, 315.
- Невѣдомскій II, 659.
- Нейтральный Сергѣй (см. Одоевскій кн. В. О.).
- Некрасовъ Н. А. II, 849, 1125; III, 566, 775, 830, 862.
- Нелединскій-Мелецкій I, 46; II, 203, 273, 896; III, 50, 64, 65, 203.
- Несторъ II, 1011.
- Нестроевъ А.—см. Кудрявцевъ.
- Низаръ I, 314, 463.
- Никитенко II, 465, 475, 522, 655, 774, 775, 1010, 1017, 1025, 1031, 1032, 1038, 1136; III, 572, 841, 853—855, 858—862, 887, 895.
- Николевъ I, 702; II, 279.
- Николаи II, 388.
- Никольскій I, 424; II, 279.
- Никонъ II, 1011.
- Новалисъ III, 103.
- Новиковъ I, 46, 325; II, 496, 504, 518, 1043; III, 46, 50, 51, 367, 702, 703, 710.
- Нодье Карлъ I, 59; II, 790; III, 527.
- Норовъ А. I, 1039.
- Ободовскій II, 596, 654, 817.
- Овидій II, 203, 490; III, 84, 171, 281, 324.
- Огаревъ I, 1034; II, 773, 949.
- Одоевскій кн. В. (псевдонимы—см. Дѣдушка Ириней, Безгласный, Сергѣй Нейтральный, Плакунъ-Горюновъ и др.) I, 12, 14, 94, 95, 131, 132, 133, 141, 159, 240, 416, 437, 701, 965, 966, 1019, 1026, 1034; II, 68, 313, 655, 809, 846, 849, 859, 863, 868, 870—888, 938, 947, 1136; III, 370, 560, 660, 886.
- Олеровъ I, 14, 55, 66, 115, 202, 357, 447, 593, 700, 701, 799, 903, 1006, 1013, 1022; II, 132, 247, 265, 296, 273, 278, 295, 497, 545, 730, 767, 768, 816, 896, 963, 1012; III, 57, 63, 65, 66, 75, 190, 204, 240, 281, 353, 368, 500, 505, 520, 931, 1009.
- Ознобишинъ I, 11, 964, 1033.
- Окуновъ П., 314.
- Олинъ II, 629, 818.
- Ольдекопъ I, 1040.
- Ольхинъ II, 777, 778, 789; III, 582, 619.
- Орловъ А. А. I, 15, 78, 79, 92, 156, 309, 430, 448; III, 514.
- Оссіанъ II, 487.
- Остолоповъ I, 67, 69; II, 279.
- Основляненко Г. О. (Квитко) I, 415, 701, 1033, 1038; II, 159, 659, 849, 1128.
- Паальцофъ II, 1129.
- Павлова К. II, 302, 617.
- Павловъ Н. Ф. I, 13, 137, 138, 140, 141, 240, 249, 262, 265, 266, 268, 701; II, 1013; III, 1009.
- Павскій II, 654, 951.
- Палицынъ III, 924.
- Панаевъ П. II, I, 216, 217, 1034; II, 310, 650, 651, 773, 774, 809, 849, 941, 947, 1105, 1130.
- Панаевъ Влад. III, 183.
- Парни II, 275; III, 64, 161, 281, 283.
- Паскаль III, 512.
- Пеллико Сильвіо I, 312, 313.
- Пельтъ П., 614.
- Перевѣскій II, 655.
- Перевощиковъ I, 1034; II, 655; III, 1004.
- Петерсонъ II, 659.
- Петрарка II, 104, 124, 351, 1012, 1013; III, 43, 160, 161, 171, 719.
- Петровъ I, 12, 45, 50, 105, 202, 702, 703, 1022, 1026; II, 48, 129, 134, 249, 497, 543, 688, 895, 897, 1016; III, 47, 50, 51, 54, 57, 59, 76, 224, 280, 281, 351, 518, 519, 713, 714, 744, 745.
- Пинго-Лебрёнъ III, 69.
- Пиндаръ I, 43, 899; II, 49, 108, 129, 131, 134, 143, 222, 244, 245, 266, 542, 677, 688, 695, 696, 703, 727, 736; III, 169, 170, 281, 405, 519.
- Писаревъ А. II, 249, 629, 816.
- Пифагоръ III, 245.
- Плавильщиковъ I, 46; II, 497.
- Плаксинъ I, 60; II, 764; III, 1015.
- Плакунъ-Горюновъ—см. Одоевскій, кн. В. О.
- Платонъ I, 555, 556, 565, 566, 699, 918, 919; II, 109, 204, 205, 212, 654; III, 85, 95, 225.
- Плетневъ III, 635.
- Плещеевъ III, 772, 774.
- Плутархъ II, 206, 696; III, 230.
- Пнинъ II, 279.
- Побѣдоносцевъ С. II, 656, 1131.
- Погодинъ I, 92, 133, 135, 141, 965, 1037; II, 153, 158, 159, 549, 629, 659, 660, 801, 808, 941, 943, 952, 1014; III, 803, 932, 1005.
- Погорѣльскій II, 629.
- Подолинскій I, 11, 66, 71, 184, 284, 964, 1019; II, 285, 799, 815, 910, 911, 912.
- Подшиваловъ II, 279; III, 65, 519.

- лсовой Кс. I, 324, 326, 333.
 ловой Н. I, 135, 136, 141, 240,
 79, 665—690, 705, 706, 709, 710,
 65, 1036; II, 296, 303, 304, 322,
 49, 596, 603, 608, 609, 618, 629,
 36, 642, 653, 654, 661, 755, 756,
 63, 782, 783, 801, 808, 817, 818,
 47, 850, 925, 952, 1012, 1013,
 128; III, 80, 81, 398, 520, 590,
 94, 595, 596, 616, 632, 636, 677,
 03, 704, 713, 716, 717, 720—723,
 25, 726, 728—730, 732, 811, 932.
 лежаевъ А. П. I, 74, 700, 964, 1019,
 033; II, 187, 288, 345, 346, 347,
 54—378, 655, 799, 862, 910, 911,
 II, 198.
 лонскій П, 937, 949; III, 772.
 лошкій Симеонъ I, 35, 59, 424;
 I, 1011, 1041.
 ль-де-Кокъ I, 98, 235, 548, 740;
 I, 40, 584, 590, 593, 594, 764, 832,
 100; III, 506, 517, 811.
 ловскій I, 45, 105, II, 497, 1011;
 II, 47, 285.
 ловъ II, 1011.
 ль I, 64, 599; II, 145, 487, 898;
 II, 47.
 лошинъ III, 1005.
 локоповичъ Теофанъ II, 1011,
 057.
 лшкинъ А. С. I, 10, 11, 12, 14,
 5, 31, 54, 57, 60, 61, 64—75, 78,
 9, 82—86, 88, 91, 95, 99, 107,
 09, 116, 125, 142, 150, 156, 161,
 66, 169, 172, 177, 181, 182, 183,
 90, 194, 203, 205, 206, 207, 210,
 16, 217, 221, 260, 261, 271, 281,
 83, 284, 285, 311, 324, 356, 357,
 05—414, 419, 437, 520, 528, 549,
 50, 561, 562, 565, 599, 602, 603,
 17, 622, 626, 648, 668, 669, 676,
 78—682, 686, 687, 690, 700, 705,
 08, 711, 712, 741, 761, 789, 790,
 92, 794, 799, 800, 804, 805, 864,
 76, 877, 878, 881—884, 899, 900,
 18, 920, 921, 922, 936, 941, 945,
 46, 951, 957, 959, 961, 963—967,
 86, 995, 996, 1001, 1002, 1013,
 015, 1016, 1019, 1020, 1022, 1023,
 024, 1026, 1028, 1029, 1030, 1040;
 I, 9, 13, 21, 23, 29, 30, 31, 42,
 3, 46—54, 62, 130, 132, 133, 135,
 36, 151, 153, 157, 163, 164, 174,
 75, 187, 188, 195, 201, 207, 224,
 25, 227—233, 243, 245, 253, 255,
 56, 257, 268, 269, 271, 274, 275,
 79—290, 294, 295, 296, 301, 304,
 06, 313, 325, 327, 328, 347, 378,
 06, 407, 409, 420, 422, 429, 434,
 38, 448, 484, 485, 488—492, 520,
 44—549, 551, 562, 563, 574, 575,
 76, 594, 602, 618, 619, 620, 625,
 28, 635, 636, 638, 640, 642, 643,
 60, 678, 685, 686, 687, 691, 707,
 15, 728, 733, 736, 739, 740, 750,
 51, 752, 753, 754, 757, 758, 759,
 62, 765, 766, 767, 768, 772, 776,
 77, 780, 784, 785, 798, 799, 800,
 801, 808, 809, 813—816, 822, 826—
 332, 853, 860, 861, 862, 872, 884,
 85, 896—904, 908—918, 922, 925,
 26, 928, 929, 932, 933, 950, 964,
 98, 1013—1016, 1074, 1095, 1096,
 117, 1120, 1138; III, 33—492
 статьи о Пушкинѣ), 500, 501,
 005, 506, 507, 508, 511, 514, 518,
 519, 521, 533—539, 543, 589, 595,
 598, 599, 614, 617, 646, 647, 653,
 660, 677, 686, 691, 703, 705—708,
 710—714, 716, 719, 726, 728, 744,
 746, 750, 771, 804, 826, 827, 845,
 851, 865, 866, 872, 877, 883, 929,
 931—935, 988.
 Пушкинъ В. Л. I, 66, 105, 799;
 II, 203, 279, 280, 491, 545; III, 65,
 75, 171, 200, 203, 844.
 Рабле II, 104; III, 512.
 Ранчъ I, 732, 964; II, 285, 629.
 Расинъ I, 12, 45, 62, 99, 108, 170,
 187, 269, 290, 559, 592, 593, 599,
 629, 700, 701, 708, 761, 1009, 1013;
 II, 62, 131, 149, 211, 247, 464, 504,
 505, 521, 542, 635, 700, 806, 898,
 907, 910, 927, 963, 977; III, 45, 46,
 60, 63, 66, 172, 195, 281, 405, 446,
 518, 718.
 Растопчина, гр. I, 1033; II, 301,
 308, 652, 659.
 Ратклифъ I, 730, 731; II, 40, 65,
 629, 803; III, 69.
 Раупахъ II, 545.
 Ребо Шарль II, 851.
 Рекке Элиза фонъ-деръ I, 424.
 Ренье II, 104.
 Ретшеръ I, 453, 456, 457, 459, 460,
 461, 620, 1034; II, 93.
 Рикордъ адмир. III, 635.
 Рихтеръ III, 924.
 Ричардсонъ II, 40, 117, 487.
 Робертсонъ II, 1136.
 Рождественскій II, 579.
 Розенъ баронъ II, 659.
 Ролленъ I, 50; III, 742.
 Романовичъ II, 339.
 Ронсаръ I, 45; II, 104, 145.
 Ротчевъ I, 964; II, 629.
 Рубанъ I, 46.
 Руссо I, 98, 790, 1009; II, 251, 441,
 700, 701, 706, 1136; III, 69, 171,
 174, 289, 291, 724.
 Руссовъ I, 301.
 Рѣдкинъ II, 302, 315, 654.
 Рюкертъ I, 1033.
 Саади I, 285.
 Сабуровъ II, 796.
 Савичъ А. III, 1004.
 Сапожниковъ I, 794.
 Сатинъ I, 1038; III, 1004.
 Сафо II, 203, 222; III, 84.
 Сахаровъ II, 308.
 Свифтъ II, 441; III, 69.
 Свѣчинъ I, 14; II, 248, 715.
 Сенковский (псевдонимы—см. Ба-
 ронъ Брамбеусъ, Тютюнджи-
 Оглу) I, 13, 96, 432, 433, 434,
 436, 440; III, 811.
 Сень-Жюсть I, 563.
 Сень-Симонъ I, 229.
 Сервантесъ I, 122, 599, 1000; II, 41,
 420, 433, 440, 441, 443, 449, 898,
 963, 967; III, 95, 724, 765, 867.
 Серебрянскій III, 655, 662, 696.
 Симонидъ I, 203.
 Скворода I, 163.
 Скосыревъ II, 846.
 Скрибъ III, 524.
 Слюдери II, 145.
 Славинъ II, 315.
 Слѣпушкинъ I, 190; III, 646.
 Смарагдовъ I, 1039; II, 314.
 Смирдинъ I, 59, 69, 95, 96, 98, 108—
 110, 432, 636, 640; II, 244, 410;
 III, 1009.
 Снегиревъ I, 87; II, 1134, 1135.
 Соколовъ II, 596.
 Сократъ II, 108, 204, 462, 475, 531,
 562, 658, 765, 766; III, 616.
 Соллогубъ В. А. гр. I, 1034; II,
 308, 309, 313, 649, 650, 652, 655,
 809, 844, 938, 961, 964, 966, 989,
 1008, 1122, 1123, 1125; III, 370,
 510, 886.
 Соловьевъ С. М. II, 1135; III, 1004,
 1005.
 Сомовъ Орестъ I, 53, 424; II, 627,
 629, 798.
 Софокль I, 149, 462, 687, 706, 899;
 II, 27, 38, 61, 108, 144, 163, 211,
 331, 674, 696; III, 90, 186.
 Срезневскій I, 249.
 Сталь I, 63.
 Станевичъ Евстафій I, 702; III, 49.
 Станкевичъ Н. III, 658.
 Старчевскій II, 1135, 1139.
 Степановъ I, 218, 239, 240; II, 762.
 Стернь II, 441, 487; III, 69.
 Строевъ, В. II, 654.
 Строевъ П. II, 951; III, 170, 188,
 189, 713.
 Струговщиковъ I, 87, 215, 1033,
 1035, 1037; II, 201, 233, 236, 314,
 773, 1124.
 Струйскій Д.—см. Тридунный.
 Студитскій II, 943.
 Сулье II, 472, 655, 1129.
 Сумароковъ А. Н. I, 12, 37, 45, 46, 50,
 58, 61, 66, 105, 114, 202, 324, 330,
 447, 448, 461, 592, 593, 648, 668,
 687, 701, 702, 703, 787, 963, 1005,
 1022; II, 63, 132, 134, 203, 224,
 246, 247, 248, 249, 265, 385, 493—
 517, 542, 546, 689, 756, 779, 783,
 815, 816, 895, 896, 897, 903, 1011,
 1012, 1016, 1042; III, 44, 45, 46,
 52, 55, 59, 60, 65, 76, 170, 171,
 188, 204, 224, 265, 280, 281, 405,
 443, 445, 500, 501, 518, 519, 520,
 609, 610, 704, 705, 713—715, 745,
 928, 1010.
 Сутей (Сути) I, 99, 1023; II, 33,
 488; III, 115.
 Сухановъ III, 646.
 Сухтеленъ I, 424.
 Сушковъ I, 702.
 Съченковъ Дмитрій III, 1011.
 Сю Евгений (Эженъ) I, 24, 99, 467,
 559, 1010; II, 472, 634, 777, 838,
 851, 854, 946, 947, 1099; III, 520,
 925, 950, 957.
 Тартье Эдуардъ II, 659.
 Тассъ I, 38, 58, 62, 121, 278, 290,
 311; II, 34, 35, 36, 124, 223, 289,
 383, 699, 1012, 1013; III, 43, 160,
 161, 171, 186, 243, 281, 329.
 Татищевъ II, 1011.
 Тацитъ II, 113, 123, 144, 184, 696,
 1010; III, 709.
 Тегнеръ, I, 64, 603; II, 127, 314.
 Теокритъ II, 43, 44, 143, 227.
 Теплова I, 964.
 Тепляковъ I, 98, 183, 964.
 Тибуллъ II, 203; III, 158, 160, 171.
 Тикъ II, 314, 898; III, 103, 717.
 Тимковский II, 852.
 Тимофеевъ I, 11, 216, 217, 229,
 240, 312, 963; II, 296, 594, 762.

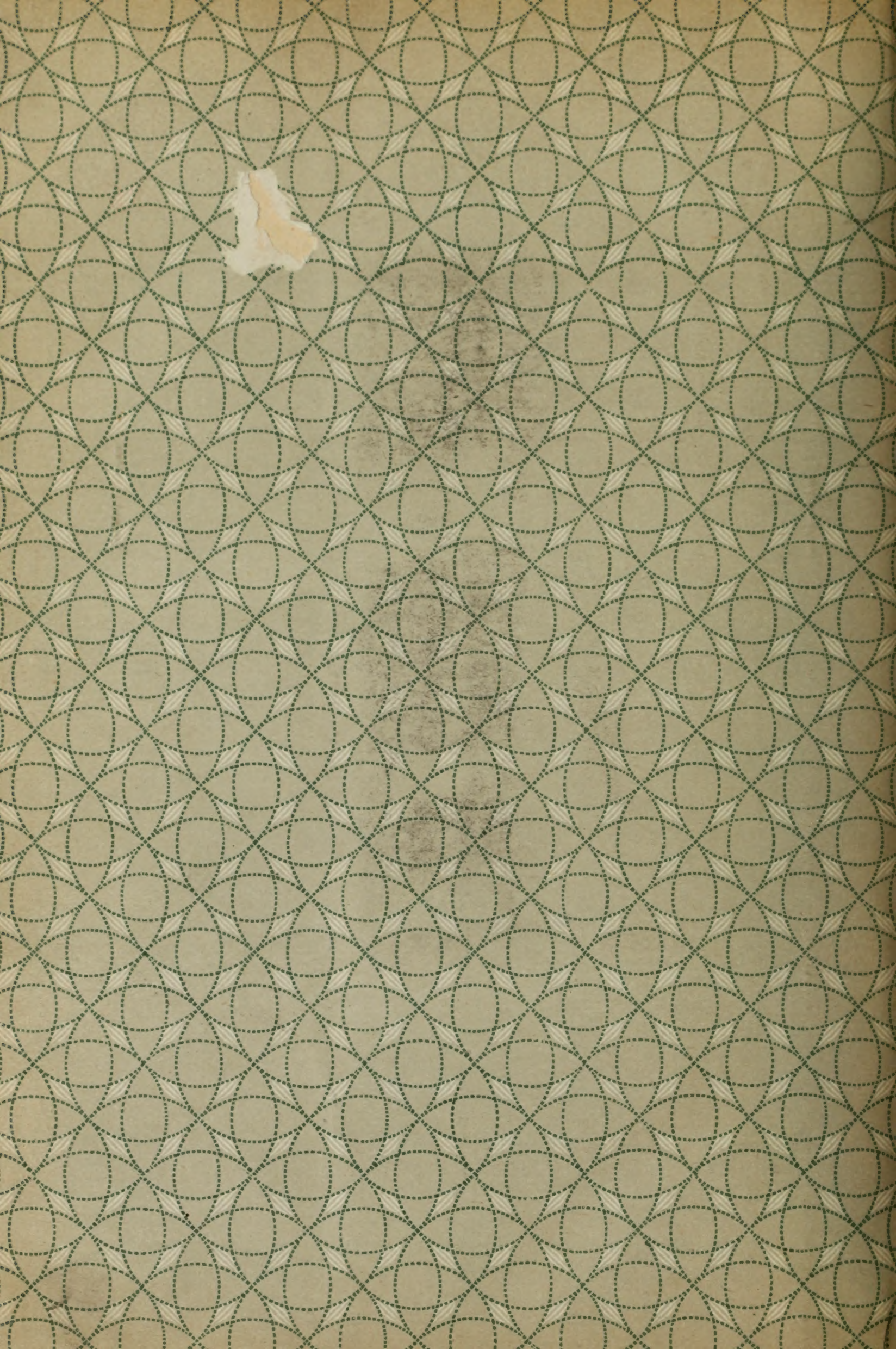
- Титъ Ливій II, 696, 697, 1019; III, 47.
 Толмачевъ II, 385, 763, 764, 797.
 Толстай Сарра гр. I, 1035, 1038; II, 258.
 Томасть Муръ I, 82, 99, 125, 603, 1023; II, 11, 53, 488; III, 105, 143.
 Томсонъ II, 487, III, 147.
 Тредьяковский В. К. I, 15, 33, 37, 59, 105, 279, 324, 424, 550, 701, 1004; II, 248, 386, 497, 501, 502, 511, 687, 689, 717, 756, 815, 897, 903, 935, 1011, 1041; III, 42, 46, 59, 181, 204, 443, 473, 742, 743, 928, 1010.
 Трилунный (псевдонимъ Д. Струйскаго) I, 184; II, 285.
 Тромонинъ I, 1039; II, 1135.
 Туманскій I, 11, 177, 964; II, 910, 912; III, 519.
 Тунталъ Дмитрій II, 1011.
 Тургеневъ, Н. С. (псевдонимъ — Т. Л.) II, 737—752, 846, 848, 947, 949, 950, 1124; III, 560, 561, 567, 775, 859, 862, 896, 897, 993—996, 998.
 Тьеръ II, 264, 906; III, 729, 787.
 Тьеръ II, 1137; III, 786.
 Тютчевъ I, 964; III, 787.
 Тютюнджи-Оглу (см. Сенковский) I, 13, 213, 235, 236, 273, 275.
 Уваровъ С. С. гр. III, 1004.
 Уландъ III, 105.
 Уордсвортъ I, 603, 1023; II, 53.
 Урлихъ Гуттенъ II, 562.
 Удъ I, 461.
 Ушаковъ I, 92, 149, 216—227, 240; III, 589, 604, 610, 727, 787, 932.
 Фанъ-Димъ О. II, 847, 849.
 Фанъ-деръ-Фельде I, 562; III, 925.
 Федоровъ Б. I, 424; II, 278, 628.
 Федръ II, 131; III, 46.
 Фенелонъ I, 559; III, 48.
 Ферри III, 1004.
 Фетъ II, 647, 848, 949, 950; III, 156.
 Филаретъ митр. II, 1136.
 Филдингъ II, 10, 117, 487.
 Фихте I, 226, 562, 604; II, 882, 883.
 Фроловъ III, 1004.
 Флоріанъ II, 144, 898, III, 48.
 Фонвизинъ I, 40, 43—47, 53, 202, 447, 461, 647, 650, 662, 700, 799, 1040, 1095; II, 65, 132, 258, 259, 295, 497, 518, 523, 589, 754, 757, 816, 862, 897, 950, 1013, 1042, 1060; III, 54—57, 70, 76, 198, 224, 298, 362, 367, 501, 513, 518, 522, 709, 724, 813, 814, 877, 930, 1005, 1009.
 Фонтенель I, 107; II, 172.
 Фоссъ I, 56.
 Фуке Ламотъ III, 134.
 Фуллертонъ II, 1129.
 Ханьковъ II, 847.
 Хвостовъ Д. Н. гр. I, 790; II, 279, III, 464.
 Хемницера I, 14, 44, 45, 202, 700, 787—789, 799; II, 132, 203, 249, 265, 688, 815, 897; III, 55, 66, 75, 76, 363, 745, 747, 1009.
 Херасковъ М. М. I, 12, 44, 48, 50, 61, 66, 105, 114, 202, 203, 447, 461, 701, 672, 703, 963, 1005, 1022, 1026; II, 129, 134, 191, 249, 261, 289, 385, 491, 497, 542, 543, 688, 783, 815, 816, 895, 897, 903, 1012, 1016, 1060; III, 44—50, 54, 57, 59, 68, 76, 151, 170, 173, 188, 224, 280, 281, 351, 500, 518, 519, 651, 704, 713, 714, 744, 745, 1010.
 Хилковъ князь II, 1011.
 Хмѣльницкій II, 816; III, 65, 1010.
 Хомяковъ А. С. I, 98, 284, 298, 700, 964; II, 152, 286, 287, 322, 655, 771, 772, 774, 813, 816, 818, 884, 910, 913, 925—937, 1013; III, 851, 857, 885.
 Хрусталева I, 312.
 Цицеронъ I, 17; II, 113, 1047; III, 173.
 Цшокке I, 725; III, 898.
 Чаруковский I, 1034; II, 1135.
 Чихачевъ II, 1051, 1137.
 Шаликовъ кн. I, 13, 49, 52, 105; II, 279, 782; III, 519.
 Шаль Филаретъ II, 174.
 Шамиссо II, 848.
 Шампань Ф. де II, 654, 655.
 Шамполонъ I, 13.
 Шатобрианъ I, 63, 268, 277; II, 791, 907; III, 491, 718.
 Шатровъ II, 279.
 Шахова II, 943.
 Шаховской кн. I, 46, 682, 683; II, 279, 816; III, 1010.
 Шевыревъ I, 73, 151, 163, 181, 184, 231, 256—314, 914, 916, 918, 919, 935, 964, 1037; II, 35, 302, 322, 574, 575, 627, 766—775, 854, 943, 1010, 1012, 1013, 1014; III, 612, 785, 786, 1006—1008.
 Шекспиръ I, 9, 11, 12, 23, 24, 33, 38, 41, 42, 55, 61, 62, 63, 75, 76, 78, 119, 122, 123, 127, 140, 142, 144, 146, 147, 149, 155, 156, 159, 166, 170, 171, 187, 190, 272, 281, 287, 295, 298, 310, 338, 357—365, 373, 384—393, 396, 401, 414, 445, 458, 462, 480, 514, 563, 565, 574, 579, 593, 599, 600, 601, 604, 605, 606, 620, 622, 625, 229, 648, 671, 672, 676, 677, 678, 685—690, 699, 706, 711, 740, 752, 789, 899, 910, 920, 964, 984, 1011, 1020, 1024, 1034, 1035, 1036, 1038; II, 11, 12, 18, 19, 20, 23, 24, 27, 29, 30, 53, 61, 65, 115, 127, 145, 149, 150, 155, 158, 174, 175, 258, 291, 292, 296, 297, 313, 316, 410, 420—422, 429, 435, 442—452, 487, 521, 545, 613, 615, 630, 634, 635, 641, 653, 674, 687, 702, 706, 765, 817, 818, 828, 829, 852, 860, 898, 910, 963, 1015, 1101; III, 74, 180, 181, 195, 233, 237, 241, 274, 310, 316, 335, 370, 430, 448, 452, 475, 478, 506, 508, 523, 567, 568, 595, 649, 718, 719, 724, 765, 775, 864, 867, 948, 953, 986.
 Шеллингъ I, 226, 436, 552, 604, 684, 685, 689, 699; II, 882, 883, 908, 967; III, 225, 725, 729.
 Шенкъ II, 545.
 Шенле I, 67, 68; II, 53, 194, 422; III, 171, 248, 275.
 Шидловскій I, 229.
 Шиллеръ I, 9, 12, 23, 24, 41, 55, 56, 58, 62, 73, 75, 76, 82, 99, 122, 125, 126, 127, 147, 181, 191, 226, 265, 272, 292, 296, 310, 338, 445, 446, 460, 461, 470, 562, 564, 580, 593, 599, 603, 604, 625, 648, 658, 676, 677, 688, 690, 740, 741, 790, 803, 878, 937, 940, 964, 1014, 1020, 1024; II, 30, 49, 53, 60, 61, 115, 131, 145, 151, 175, 211, 212, 223, 273, 276, 284, 290, 292, 296, 316, 329, 333, 347, 348, 388, 407, 420, 422, 443, 444, 445, 448, 449, 471, 487, 553, 564, 602, 630, 657, 701, 732, 756, 767, 777, 799, 816, 817, 818, 860, 873, 898, 950, 1124; III, 102, 103, 104, 110, 113, 119, 126, 135—142, 147, 154, 171, 195, 225, 232, 233, 242, 255, 275, 281, 306, 370, 506, 509, 523, 595, 608, 717, 724, 982.
 Шихматовъ III, 924.
 Шишковъ адмир. II, 604; III, 713.
 Шишковъ 2-й I, 964.
 Шлегель Авг. I, 56, 61, 62, 265, 696; II, 145, 150, 212, 388, 898, 907, 1137, 1140; III, 103, 190, 195, 600, 717.
 Шленеръ I, 13, 85, 168; II, 264, 754.
 Шписъ II, 40; III, 109.
 Шубертъ I, 424.
 Щеткинъ II, 339.
 Щукинъ II, 951.
 Щуровскій II, 314.
 Эверсманъ I, 1039.
 Эверсъ I, 13.
 Эврипидъ II, 61, 144, 163, 211, 696, III, 90, 95, 186, 192.
 Эджевортъ I, 309, 310, 311.
 Эзопъ III, 66.
 Эйри I, 1039.
 Эйхвальдъ I, 1039; II, 951, 1136.
 Эленшлегеръ I, 64, 603; II, 127.
 Эльснеръ II, 603.
 Эминъ I, 13, 15; II, 706, 1011.
 Эсхиль I, 310, 462, 556, 706, 899; II, 61, 180, 696; III, 95, 186.
 Эшенбургъ III, 224.
 Ювеналъ II, 123, 872, 1057.
 Юмъ II, 1136.
 Юнгъ II, 487.
 Язвинскій I, 1044.
 Языковъ Н. М. I, 11, 70, 71, 177, 185, 284, 700, 920, 964, 1019; II, 285, 286, 322, 549, 659, 771, 772, 774, 799, 812, 813, 901, 910, 913—926, 936, 937, 1013, 1124, 1125, 1135, 1137.
 Якоби I, 1039.
 Яковлевъ II, 629.
 Якубовичъ I, 883.
 Ястребцовъ I, 249.
 Яхонтовъ II, 950.
 Θεокритъ II, 203; III, 182, 183.
 Θομα Κομνηνскій II, 1136.
 Θουκιδитъ II, 108, 113.

Оглавление III тома.

	стр.
56. Сочиненія Александра Пушкина	1
57. Мысли и замѣтки о русской литературѣ.	493
58. Петербургскій сборникъ	527
59. Воспоминанія Ѳаддея Булгарина.	573
60. О жизни и сочиненіяхъ Кольцова.	637
61. Николай Алексѣевичъ Полевой	695
✓ 62. Взглядъ на русскую литературу 1846 года.	731
63. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Николая Гоголя	789 *
64. Письмо къ Гоголю	813 *
65. Отвѣтъ «Москвитянину»,	829
✓ 66. Взглядъ на русскую литературу 1847 года.	897

Именной алфавитный указатель	1011

LR
B9936I

462772

Byelinsky, Vissarion Grigor'evich
Собрание сочинений, под ред. Иванова-
Разумника. 2., изд.

[Title translit: Sobrańie sochineny ...]

DATE.

NAME OF BORROWER.

Mar 16/48
Nov. 10/52

Cathy R. (parent)
C. V. Rosemary Grad

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

